Сергей Кургинян

КАЧЕЛИ

Конфликт элит — или развал России?

Содержание

К читателям

Новая книга Сергея Кургиняна посвящена очень сложной и очень важной теме элит.

Признаюсь, что мне, как и многим другим людям, воспитывавшимся в советскую эпоху с ее категорическим отрицанием самого понятия «элиты» и какой-либо «элитной» проблематики, многие развороты этой темы очень непривычны и в чем-то даже чужды. Но, и как ученый, и как общественный деятель, я сознаю, что честный и глубокий разговор на эту тему в нашей России давно назрел и совершенно необходим.

Такой разговор необходим потому, что слишком многие наши «элитарии» явно упрощенно понимают и собственную роль в новой России, и собственную ответственность за то, чтобы исполнять эту роль достойно.

Такой разговор необходим потому, что ощущение «новизны» нынешней России у многих создает иллюзии «действий с чистого листа». И, значит, иллюзии возможности не заниматься вдумчивым анализом ошибок прежних советских и российских элит. Тех ошибок, которые привели сначала к государственным и человеческим трагедиям эпохи распада СССР, а затем к тяжелейшему кризису России в постсоветскую эпоху.

Разговор на эту тему необходим еще и потому, что Россия, открывшись миру в результате политических и экономических реформ, оказалась в еще непривычной для нее очень сложной ситуации многообразных и разнонаправленных внешних воздействий. Которые сегодня, в отличие от эпохи «железного занавеса», никак нельзя не исследовать, не понимать и не учитывать. А усложнение этих воздействий непрерывно повышает и цену ошибок в разработке и реализации государственной стратегии, и элитную ответственность за эти ошибки и за страну.

Сергей Кургинян давно подступался к теме элит в своих статьях, которые я читал с большим вниманием. Некоторые ее важные ракурсы он содержательно и подробно описал в своей предыдущей книге «Слабость силы». Но в книге «Качели» он впервые разбирает проблему элит, элитных игр, элитных конфликтов и элитной ответственности одновременно и с ее фундаментальной теоретической и методологической проработкой, и с обстоятельным применением разработанной методологии к анализу жизненно важных процессов нашей — признаем, далеко не безоблачной — российской реальности.

«Качели» — не легкое чтение «на диване перед сном». Книга не только сообщает много нового и неожиданного, но и учит понимать в нашей действительности то, что обычно полностью ускользает от поверхностных взглядов. Тем, кто хочет этому учиться, прочесть полезно и необходимо.

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации

В.Д. Зорькин

Пролегомены — или Двадцать лет спустя

Предлагаемое читателю предисловие — нестандартно. Или, точнее, не отвечает сегодняшним облегченным стандартам. Другие стандарты тоже существуют. Развернутое концептуальное предисловие (аналитический пролог, концептуальный путеводитель и так далее) называется

«пролегомены» (греческое prolegomena — говорить наперед). Мое «двадцать лет спустя» — это такие пролегомены. Их задача — не растолковать, что к чему, а помочь нащупать ПОЛИТИЧЕСКИЙ НЕРВ данного сочинения.

Я мог бы вместо слова «нерв» использовать более нейтральные выражения, сославшись на то, что пролегомены являются предваряющими замечаниями, оконтуривающими суть предмета и метода. Но я настойчиво апеллирую к слову «нерв». Именно НЕРВ и именно ПОЛИТИЧЕСКИЙ!

В аналитике элит такой нерв и есть основное.

Что значит «основное»? Вы рассказываете об устройстве человеческого организма и сообщаете, что нервы (а то и отдельный нерв) — это основное. А вас недоуменно спросят: «А кости, мышцы?» Да и вообще, зачем нужны столь брутальные метафоры? Занялись наукой — почему не сказать «квинтэссенция»? Или «системная ось»? Или «ядро системы»?

Потому что аналитика элиты вообще (и российской в особенности), конечно же, остужает моральную страсть. И если чем-то эту «аналитическую стужу» не скомпенсировать, то холод станет абсолютным. И абсолютно разрушительным.

Хорошо Канту, который свое сверхдлинное введение к «Критике чистого разума» (а на самом деле — отдельное сочинение) называет «Пролегоменами ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в качестве науки». Увы, аналитика элиты — не метафизика. В метафизике холод (вселенский, инобытийный) совместим с постижением сути. (Вопрос, конечно, тоже спорный, но лично я так считаю.) А вот остудите до абсолютного нуля знаменитые рассказы Конана Дойла о приключениях Шерлока Холмса — и что получится?

Однако чем же компенсировать холод элитологии? Внепредметными моральными сентенциями? Мне кажется, что это и безвкусно, и контрпродуктивно. Конечно, можно что угодно смонтировать с чем угодно. Например, «Игру в бисер» Гессе и гетевские «Страдания юного Вертера». Но это называется «китч». А где китч, там всегда глумление.

Глумиться же по поводу нынешних российских (да и международных) элитных сюжетов «есть тьма охотников». Вот пусть они и продолжают глумиться. Для меня же описываемое — это не фарс, а трагедия. Речь идет об огромной беде, наползающей на страну и мир. Какое глумление?! Какой китч?!

Тут-то и появляется слово «нерв». Нерв адресует к боли. Единственный компенсатор элитного холода — эта самая боль. Нет ее — элитная аналитика превращается в апологетику цинизма.

Но и сводить все описание к боли тоже нельзя. Нельзя даже вплетать эту самую боль в ткань основного исследования. Как нельзя и потерять болевые пульсации. Поэтому очень важно поговорить о нерве исследования до его начала. Что я и делаю.

Беря быка за рога, я заявляю, что нерв моего исследования — сугубо политический. Это не значит, что исследование политическое. Но нерв именно таков. Я обеспокоен современной российской ситуацией больше, чем когда-либо. И еще больше я обеспокоен тем, что на моих глазах сооружается (кем-то по недомыслию, а кем-то специально) АБСОЛЮТНО ГУБИТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ ПОНИМАНИЯ этой трагической ситуации.

Идет понятийная война. Или, точнее (поскольку аппарат не всегда строго рационален и понятиен), война за право давать явлениям ИМЕНА. Как только война за имена будет выиграна теми, кто абсолютно не заинтересован в российской государственности (а дело идет к этому), развернется серия других войн. Информационных, идеологических, политических и так далее. Эти войны будут идти «внахлест» одна за другой. По некоторому сетевому графику. Специалисты по управлению кризисами знают, что это такое.

Но главное — война за имена. Когда она проиграна — остальное становится делом техники. А значит, ее надо выиграть. Но как? Основное правило ведения подобной войны — НЕ ЛГАТЬ. Говорить только правду. Самую жесткую — и при этом по возможности глубокую. Только так и можно отражать атаки агрессивной пошлости, которая всегда будет рекламировать себя как бескомпромиссная правдивость в описании реальности.

К моему глубокому сожалению, происходит нечто другое. Атакующая сторона (а это, как и двадцатью годами ранее, отнюдь не друзья России) позволяет себе сказать определенную правду о ситуации, вмонтировав в нее «понятийные мины». Обороняющаяся сторона, по сути, называет эту правду о ситуации «тенью, наводимой на плетень», и этим обезоруживает себя. Да и можно ли в подобных ситуациях только обороняться?

КОРРУПЦИЯ — это первое из направлений в войне за имена.

Обороняющейся стороне кажется очень разумным уравнять российскую коррупцию с коррупцией в любой другой стране. И не только в стране так называемого «третьего мира», но и в развитой стране.

«А что, там нет коррупции? — говорят обороняющиеся. — Там ее, что называется, через край! У них — операция «Чистые руки». У нас — война с «оборотнями». Все как у людей. Да, не сумели еще справиться… Но ведь боремся! Да, есть криминализация… А где ее нет? Если даже у нас она больше, чем где-то, так ведь мы же боремся! Давайте активнее бороться, законы принимать, к международным конвенциям по борьбе с коррупцией всерьез присоединяться!»

Над всем этим реет дух прагматизма. Он-то и мешает понять суть. «Давайте сделаем это, это, это! Изучим опыт! Применим! Учтем специфику! А главное — что болтать? Делать, делать надо!»

В анекдоте советского времени фигурировал некий партийный работник, который соревновался с высокоорганизованными приматами в решении задачи по снятию банана с шеста. При том, что рядом лежал другой шест. Приматы (вновь подчеркну, что речь идет об анекдоте) после нескольких попыток стряхнуть банан внимали рекомендации наблюдавших за их поведением ученых: «Думать надо!» И брали лежащий рядом второй шест и сбивали банан. А вот дискредитируемый в анекдоте (между прочим, вполне «военно-политический» жанр!) партийный работник неуклонно пытался стряхнуть банан с шеста. На восклицания же ученых: «Думать надо!» — этот герой анекдота гордо отвечал: «Что думать-то? ТРЯСТИ НАДО!»

Обороняющиеся хотят «трясти». В этом и есть пафос философии прагматизма. (Справедливости ради должен сказать, что я встречал подобных обороняющихся не только в России, но и в других странах мира. Причем в таких странах, которые кто-то считает «интеллектуально эталонными». Там тоже хотят «трясти». Правда, против них не ведется такая война, как против России. Пока что, во всяком случае.)

Но прагматизм не должен превращаться в невроз. В это самое «трясти надо». Нельзя заклинать универсальным словом «коррупция» российские процессы. Нельзя на этой основе вести войну за имена.

Потому что оборонительным именам «коррупция» и «криминализация» будет противопоставлено наступательное имя «криминальное государство».

Вы будете говорить, что у вас коррупция и криминализация? А вам скажут, что у вас криминальное государство. Да что там скажут, уже говорят! Орут во все горло. Обороняющиеся не слышат. Так же они не слышали и двадцатью годами ранее…

Какую правду (а тут нужна только правда) можно противопоставить убийственному для страны имени «криминальное государство»? И ощущается ли степень убийственности этого имени? С точки зрения международного права, вмешательство во внутренние дела страны не может быть оправдано «экспортом демократии». Никто ведь не экспортирует демократию в Саудовскую Аравию. Ну, монархия и монархия. И в Китай никто экспортировать демократию не будет. Мне ответят, что и туда, и туда ее экспортировать не будут по другим причинам, а много куда — уже экспортировали. И это так. Но это никоим образом не избавляет от необходимости воевать за имена.

Прогрессивное человечество (иначе — цивилизованное сообщество) не имеет права вести боевые действия против какой-либо страны только потому, что там нет канонического демократического устройства. Может, оно, это прогрессивное человечество, и собирается ввести такую норму, но пока этого не произошло.

А вот вести боевые действия против криминального государства (криминального, а не криминализованного! — почувствуйте разницу!) прогрессивное человечество имеет право. И моральное, и юридическое. И, когда имя «криминальное государство» оформляется окончательно, возникает некий легитимный соблазн. Возможно, имя для того и оформляют, чтобы он возник.

Мне возразят, что от таких соблазнов Россию хранит ядерный щит, а не война за имена.

Ядерный щит — очень нужная вещь. Он сохранил СССР? Что?! Не слышу!!!

Но дело ведь не только в «войне за имена». Что ПО СУТИ представляет собой нынешний процесс? Коррупция — это фактор, осложняющий норму. Это деформация нормы. Как сказали бы физики, «шумы». Что является нормой? Или «сигналом на фоне шумов», если продолжить заимствованные из физики аналогии? И можем ли мы отделить шумы от сигнала? А если не можем, то имеем ли право говорить о коррупции? И о чем должны говорить?

Больной имеет право знать настоящий диагноз. Диагностика и средства лечения связаны между собой. Кроме имен, есть еще и реальность. Она всегда имеет самодовлеющее значение. Но она еще и банк прецедентов, разрушающих неверные имена.

Скажете: «коррупция» — вам предъявят такие элементы реальности, которые с этим именем несовместимы. Скажете: «национальное возрождение» — сделают то же самое. Так же поступали двадцатилетием раньше.

И все-таки в чем диагноз?

Для меня сложное словосочетание «воронка взрывного неорганичного первоначального накопления» — не сконструированное имя, призванное бороться с другими именами. Это правда о реальности. Правда размещена между этой самой коррупцией и криминальным государством. Она не совпадает ни с тем, ни с другим. Она мрачна, эта правда. Ну, так я же не воспеваю ее. Вот уж чего не делаю, так это не воспеваю. Двадцать лет назад я опубликовал книгу «Постперестройка» и предсказал все негативные черты нынешней реальности. Я сделал все, что было в моих силах, чтобы не допустить сползания страны в эту реальность. Но страна сползла туда. Элита помогла этому, а народ… как минимум, не воспротивился.

Теперь мы находимся в воронке взрывного неорганичного первоначального накопления. То есть беспрецедентного первоначального накопления, которое не может быть сопоставлено ни с английским, ни с французским, ни с немецким, ни с каким-либо еще. Китай не захотел этого взрыва первоначального накопления. Он противопоставил взрыву (то есть спонтанному одномоментному выплеску) быстротекущую управляемую реакцию.

Мы же осуществили взрыв посильнее чернобыльского. Где взрыв, там и зона. После взрыва в Чернобыле образовалась особая зона. И она сложным образом развивается. Экзотические мутировавшие растения, животные…

Зона, образовавшаяся после взрыва первоначального накопления (он же «шоковые либеральные реформы» — еще одно неверное имя), не менее специфична. Изменить эту специфику извне нельзя. Ее можно и должно изменить изнутри.

Но что значит изнутри? Это значит — в соответствии с логикой развития данной беспрецедентной специфичности. При этом абсолютно необходимо оговорить, что внешние силы, предупрежденные о том, что сформируется зона (книга «Постперестройка» была напечатана до событий августа 1991 года, и уж тем более до «шоковых реформ»), сделали, тем не менее, все возможное, чтобы соорудить огромный социальный «Чернобыль» на постсоветском пространстве. И теперь пытаются уйти от ответственности, возмущаясь по поводу специфики бытия в ими же инициированной зоне.

Из первоначального накопления выходят по-разному. Кто-то и не выходит вообще. Тогда возникает своего рода социально-политико-экономическая «черная дыра». Если мы не хотим, чтобы она возникла в России, надо выходить из воронки первоначального накопления, учитывая ее особый характер (взрывной процесс, отсутствие органичных предпосылок и прочее).

Но нельзя выходить из процесса, не понимая, в чем он состоит. Нельзя выходить из процесса, не давая верных имен. Нельзя выходить из процесса, не опираясь на его, процесса, слагаемые.

Соответственно, стоит поговорить о другом имени — ОЛИГАРХИЯ.

Началось все с комического использования этого имени. Олигархами стали называть Гусинского, Березовского и других сходных персонажей. Назовем их (сейчас станет ясно, зачем) «олигархами-1». Всем, кто что-то понимал в реальном процессе, было ясно, что «олигархи-1» — это явно «прилагательное», а не «существительное». «Существительным» же являлись некие собственно властные силы, с чьей помощью ничего не знавшие и не умевшие вчера бизнесмены стали «олигархами-1».

Даже когда говорили «Семья», то речь шла уже о чем-то более крупном, потому что всем было понятно: «Семьи» нет без «отца». И «отцом» данной «Семьи» является президент Ельцин. Совершенно необязательно, кстати, для этого было приводить порочащие аналогии (мол, «семья»… «крестный отец»… «мафия»…). Слово «фонди», то есть «семьи», давно используется аналитиками элиты. И означает оно действительную олигархию Запада. С корнями в добуржуазной (а кто-то считает, что и еще более почтенной по возрасту) западной элите.

Но и Ельцина было мало при разговоре об «олигархии-1». По крайней мере, это было слишком общо. Было ясно, что у Гусинского, например, один спецслужбистский бэкграунд (и он этого не скрывает), а у Березовского — другой (и он это тоже не скрывает). И что конфликт

Березовского с Гусинским, предшествовавший их примирению в 1996 году, — это конфликт спецслужбистских бэкграундов. Самое яркое проявление конфликта — знаменитая операция «Лицом в снег» 1994 года.

В любом случае, награждая кого-то из постсоветских бизнесменов кличкой «олигарх», наша аналитика категорически отказывалась обсуждать элитный бэкграунд. Но каждый компетентный и внимательный читатель российских газет (только газет!) понимал, что бэкграунд есть. И было очень смешно.

Все, что происходит сейчас в России, серьезнее. И не сейчас, а много лет назад (вскоре после того, как был избран президентом Владимир Путин), я предсказал коллизию злата и булата, описанную великим русским поэтом Пушкиным.

«Все моё», — сказало злато;
«Все моё», — сказал булат.
«Все куплю», — сказало злато;
«Все возьму», — сказал булат.

Я уже начал описывать эту коллизию в книге «Слабость силы», по отношению к которой книга «Качели» в каком-то смысле является продолжением. А в каком-то — развитием и теоретическим обобщением. Еще тогда я подчеркнул (и сейчас подчеркиваю опять), что эта коллизия не носит уникального характера и не относится только к России. Спецслужбистские конгломераты во всем мире все более явно становятся отдельными элитными игроками, конкурирующими с крупнейшими финансовыми, сырьевыми и промышленными империями.

Но в условиях первоначального накопления этот процесс полемики злата и булата всегда протекает особо остро. А если первоначальное накопление превращается в воронку… Если оно носит неорганичный взрывной характер… то тем более.

И вот мы имеем — как минимум, в плане обсуждения экспертным и журналистским сообществом, но и не только — некую «олигархию-2». Она ближе к понятию олигархизма как такового, то есть соединения власти и собственности. Она уже не «прилагательное», а «существительное». И можно сказать, что это ужасное «существительное». И призвать с ним бороться.

А можно поступить иначе.

Сначала зафиксировать, что это «существительное» есть отнюдь не только в России.

А затем задать вопрос себе и другим: «Ситуация, в которой оказалась Россия, ужасна. Это самое «существительное» возникло в качестве производной от ситуации. От этой самой «воронки взрывного неорганичного первоначального накопления капитала». То, что из ситуации надо выбираться, понятно. То, что не выбраться из нее значит погибнуть, тоже понятно.

Но эти самые «олигархи-2» — что они такое? Средство затягивания в воронку и усугубления ситуации? Тогда с ними действительно надо бороться во имя спасения России. Или же это весьма специфическое, но все же средство выхода из ситуации, перехода от первоначального накопления к чему-то другому? Тогда это средство надо использовать. Конечно, с оглядкой на его специфические качества, но во имя преодоления того, что несовместимо с жизнью России вообще».

Короче, можно ли в этих условиях огульно демонизировать понятие «олигархия»? Или, точнее, «олигархия-2»?

В принципе, никакая олигархия никогда не может и не должна быть воспета. Но что делать нам, находясь в ЭТОЙ реальности и действуя по ЕЕ законам? Если реальность такова, то все, на что мы можем опереться для преодоления ее негативов, или слабо, или повреждено. Можно и должно пытаться усилить слабое и проводить аналитику повреждений, а также их частичное исправление. Но в итоге нам все равно придется опираться на то, что адекватно реальности. Повторяю, я сделал все, чтобы мои сограждане избежали подобной участи. Но я не хочу превращать аналитику действия в беспомощные восклицания. И я понимаю, что аналитика действия обязательно должна укореняться в реальности. СВОЕЙ РЕАЛЬНОСТИ! СВОЕЙ!

Что это за реальность? Можно ли ее просто очищать?

Я считаю, что простое очищение ЭТОЙ реальности еще более малопродуктивно сегодня, нежели андроповские или раннегорбачевские очищения, ассоциированные, например, с такими забытыми ныне людьми, как русские «комиссары Каттани» XX века Гдлян и Иванов.

Гдлян и Иванов, кстати, и тогда сыграли весьма печальную и двусмысленную роль. Потому что их узкопрофильная борьба с колоссальной коррупцией на юге СССР оказалась и одним из источников отпадения южных республик от СССР, и в чем-то отрицанием самой идеи антикриминальной борьбы (точнее, укреплением наиболее ортодоксальных элементов криминального мира за счет подавления элементов менее ортодоксальных).

Можно ли считать мои заявления апологетикой воровства? Апологетикой воровства были заявления трубадуров перестройки, призывавших опереться на антисистемный элемент ради низвержения и преобразования Системы. Эти трубадуры проклинали меня как замшелого консерватора, «таинственного советника кремлевских вождей». Теперь они же (и это очень показательно) живописуют созданную с их помощью реальность как неисправимо криминальную. Я же искал методы исправления той реальности и ищу методы исправления этой реальности. Ничего не воспевал тогда и не воспеваю сейчас. Я только знаю, что благими пожеланиями вымощена дорога в ад. И не хочу мостить дорогу в этом направлении. Вот и все.

ТУТ СТРАШНО ВАЖНА ТОЧКА ОТСЧЕТА. ОНА ВСЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ.

Скажи мне, где находимся, и я скажу, что делать.

Если мы находимся в воронке взрывного неорганичного первоначального накопления, то рассуждения об отвратительности воров вообще и воров в погонах в особенности — мягко говоря, крайне неконструктивны («поздно пить боржом, когда отвалились почки»… «вспомнила бабка, как девкой была»… и так далее). Это не значит, что я воспеваю воровство. Воровство отвратительно. Люди в погонах должны быть честны. А теперь давайте оглянемся вокруг и спросим себя: «Что делать?»

Не что орать на «оранжевых» митингах, а что делать?

На Украине после «оранжевых» митингов стало меньше воровства?

В Киргизии «очистительная революция тюльпанов» была свободна от наркомафии?

Еще раз спрашиваю: что делать? И не только спрашиваю, а отвечаю.

Мой ответ отнюдь не прост и не однозначен. Но я других не знаю. Мой же звучит так: надо попытаться управлять элитогенезом.

Перед кем я ставлю эту задачу?

Прежде всего, давайте договоримся, что ставлю ее не я. Я описываю ситуацию и обнаруживаю внутри нее именно эту задачу. Решить такую задачу может только элита. А отчасти и власть. Но для того, чтобы власть начала ее решать (а точнее, идти навстречу элите в ее решении), нужно осознать, что альтернатив решению этой задачи нет. Что все остальное бессмысленно.

Бессмысленно применять любые другие технологии. Как нормативные (борьба с коррупцией etc.), так и политические (балансы, сдержки и противовесы). Кто не понимает значения сдержек и противовесов? Все читали соответствующую политологическую литературу. Все знают как об общемировом, так и о конкретном цивилизационном — в том числе византийском — опыте. А почему только византийском? Divide et impera («разделяй и властвуй») — это заповедь величайшего древнего государства мира, еще единого Рима. Эта заповедь усвоена всей западной цивилизацией, да и не только западной.

Но у сдержек и противовесов (они же византийская форма управления) есть один очень серьезный изъян. Так можно управлять только достаточно благополучной реальностью. Да и то лишь все время понижая потенциал этого благополучия. Управлять так в условиях неблагополучия невозможно. А в условиях крайнего неблагополучия — тем более.

В этих условиях нужен только один тип управления — управление элитогенезом. Содействовать осознанию безальтернативности такого подхода — моя задача. Управлять же элитогенезом — задача класса и власти.

Управление элитогенезом в условиях специфического первоначального накопления не имеет ничего общего с очищением. Или, по крайней мере, никак не может к нему сводиться.

Если наше общество всего лишь сильно деформировано (коррумпировано, криминализовано), то его можно пытаться очистить. Но если мы втягиваемся во взрывное неорганичное первоначальное накопление, то можно только пытаться управлять ЭТИМ элитогенезом Потому что другого нет. Не

потакать ему, а управлять им, вырываясь из воронки. Управлять… Рискованное и сомнительное занятие, но других просто нет.

В соответствии с моим диагнозом я строю и критерии оценки.

Если некто стал главой крупной нефтяной компании, равной по весу чуть ли не компании Рокфеллера, то для меня сегодня вопрос не в том, КАК он стал подобным главой. Вопрос в другом: ПОЧЕМУ он не стал Рокфеллером?

Пресловутый пример с корсаром Морганом — весьма избит. Но и им нельзя пренебрегать в нынешней ситуации. ГЛАВНЫЙ ВОПРОС: КТО В ЭЛИТЕ ПОДНИМЕТСЯ ДО ПОЛНОМАСШТАБНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НОРМАЛЬНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА?

Вот отправной пункт любых исправлений.

Прежде всего, оговорю, что речь идет об ЭЛИТНОЙ ответственности. Ане об ответственности ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСТЕБЛИШМЕНТА. Элита и истеблишмент — вещи разные.

Далее надо оговорить, что речь идет о социальной ответственности. А не об ответственности административной.

Истеблишмент — это администраторы. Я не хочу обсуждать качество нынешнего администрирования. Это не моя тема. Я знаю, что в странах, переживающих нечто сходное с тем, что происходит у нас, нужен дееспособный властный класс. Что любой администратор, в том числе и высший, здесь является ставленником класса. Что, конечно, президент как высший администратор должен как-то согласовывать интересы класса и интересы народа (причем обязательно в пользу народа).

Но главное даже не в этом.

Сначала класс должен хотя бы заявить, что это его государство. Во-первых, ЕГО и, во-вторых, его ГОСУДАРСТВО. Не его корова, которую он доит или забивает на мясо, а его ГОСУДАРСТВО. Государство должно функционировать нормально. Сказав «это мое государство», класс должен обеспечить нормальное функционирование своего государства.

Это твое государство? Обеспечь нормальную армию. То есть здоровых солдат, причем достаточно образованных для владения современной военной техникой. Обеспечь эту технику, то есть военно-промышленный комплекс. Обеспечь промышленность как таковую, без которой не может быть военной промышленности. То есть обеспечь новую индустриализацию. Обеспечь инженерный корпус, а не плати инженерам на предприятиях ВПК зарплату, эквивалентную 500 долларам США, гарантируя тем самым их социальное недовоспроизводство и маргинализацию. Обеспечь соответствующий квалифицированный рабочий класс. Обеспечь кадры, которые будут готовить инженеров, то есть учителей вузов и средней школы. Эти люди должны лечиться? Обеспечь медицину.

Мы взяли только один аспект — армию. И вот сколько сразу всего это за собой потянуло. Армии нужна идеология. Идеологии нужна культура. Нет армии без связи элиты и общества. Нет связи без открытой социальной перспективы.

А ведь речь идет не только об армии. Государство — сверхсложная система. Нельзя создать полноценное государство, не управляя социальной энергией, общественными процессами. Если в обществе углубляется социальная дистрофия, оно не способно удержать на своих плечах крест государственности.

Я называю только простейшие вопросы. Есть гораздо более сложные.

Какой представитель класса и какой класс готов говорить: «Это мое государство»? И отвечать за сказанное? Как только эта ответственность станет полноценной и коллективной (классовой), ситуация изменится.

Возникнет то, что я и мои коллеги называем СУБЪЕКТ. В данном случае — СУБЪЕКТ ВЫХОДА ИЗ ВОРОНКИ ВЗРЫВНОГО НЕОРГАНИЧНОГО ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА.

Этот субъект может обладать массой несимпатичных качеств. Он может плохо обращаться с народом. И это ужасно. Но такой СУБЪЕКТ для народа все равно менее страшен, чем БЕССУБЪЕКТНОСТЬ. Сейчас с народом расправляется именно эта бессубъектность. Она расправляется безжалостно. Самый свирепый ПОЛНОЦЕННО ГОСУДАРСТВЕННЫЙ класс будет расправляться менее безжалостно. И положение народа улучшится. Это первоначальное улучшение будет сопровождаться появлением новых перспектив…

Кое-кто радостно воскликнет: «Ну, вот он и подставился! Ему только бы был субъект. А если субъектом будет Гитлер?»

Что ответить? Простейший вариант ответа таков: «Предположим, что занятия боксом или каким-то еще боевым видом спорта активизируют в юношах программу агрессии (хотя многие считают, что это не так). Предположим, что один из этих «разбуженных» юношей резко переберет в агрессии и превратится в серийного убийцу. Значит ли это, что надо запретить занятия боксом и усадить всех юношей за вышивание? Не проще ли констатировать, что серийный убийца (он же — Гитлер) отвратителен и неприемлем? И в соответствии с этим действовать. Почему при этом нельзя одновременно утверждать, что занятия боксом (они же — переход от бессубъектности к субъектности) абсолютно необходимы?»

Можно было бы этим и ограничиться. Но я все-таки разовью данный ответ.

Гитлер (и это сейчас уже можно считать доказанным) не считал ценностью и тем более сверхценностью ни немцев, ни Германию. Лозунг «Германия превыше всего» был абсолютно спекулятивным. Что именно Гитлер считал сверхценностью — это отдельный вопрос… Некий вариант мирового господства… Какой-то ультрагностический проект… Но только не Германию. Политик, который действительно будет считать свое государство сверхценностью, ничего подобного тому, что делал Гитлер, делать не будет.

Гитлер — политик, а не политический класс. В условиях диктатуры и политик может быть отчасти субъектом. Но все же важнее класс. В Германии были вполне субъектные классы. Как крупная буржуазия (Крупп и другие), так и латифундисты (прусская военная аристократия). Они побоялись брать власть. Побоялись проявить несостоятельность, оказаться один на один с взбудораженными низами. И передали власть маргиналу и его банде. Передали под некие обязательства (угомонить массы, «зачистить» коммунистов). Результатом отказа от субъектности стали гитлеризм, нацизм и все остальное. Если класс по-настоящему субъектен, он никогда ничего такого не сделает. Подлинно субъектный класс — защита от сценария гитлеризма, а не провоцирование оного.

И, наконец, главное. Гитлер возник потому, что народ озверел от бессубъектности в сочетании с послевоенным деградационным процессом. Народ чувствовал, что его затягивает в воронку этой бессубъектности, а вытягивать его оттуда никто не хочет. Вот что знаменовала собой Веймарская республика. И вот что, по сути, породило Гитлера. Всякую бессубъектную паузу в условиях затягивания в воронку можно называть «веймаризацией». Чем дольше длится веймаризация, тем вероятнее сценарий гитлеризма.

Но вернемся к позитивным перспективам, которые возникнут в случае выхода России из бессубъектности.

Обсуждать эти перспективы нельзя до тех пор, пока нынешнее состояние общества не будет названо. Так давайте признаем, что это нынешнее состояние — системный регресс (деиндустриализация, декультурация и так далее). Давайте назовем это имя — РЕГРЕСС. И тогда многое станет ясным.

Но кому нужно, чтобы возникла ясность? Нужно ли это тем, кто атакует нынешнюю условно властную группу примерно с теми же целями, с которыми двадцатью годами ранее атаковали коммунистическую номенклатуру? Нет, им это абсолютно не нужно. Потому что если слово «регресс» будет названо, то окажется, что атакующие отвечают за возникновение этого самого регресса. Что они не прогрессоры (патетический образ из романов Стругацких, который атакующие с удовольствием используют), а регрессоры. Кроме того, атакующие не для того создавали регресс, чтобы он был назван, а значит преодолен.

Итак, атакующим это совсем не нужно. А обороняющимся? Свойство бессубъектных ситуаций в том и состоит, что прорыв к субъектности блокируется успокоительными словами. Не зря ведь двадцать лет назад так настойчиво говорилось: «Не надо драматизировать!»

НУЖНО говорить о регрессе. УДОБНО — говорить о национальном возрождении. Прорваться к субъектности можно только вырвав необходимое из цепких объятий оптимистически-бессмысленных слов.

Итак, РЕГРЕСС. Назвали имя. Что дальше?

Дальше надо понять, что, пока какой-то класс (или иной элитный макросубъект) не возьмет на себя полноценной элитной ответственности за государство, регресс будет продолжаться. И что в

условиях регресса народ абсолютно беспомощен. Может быть, именно поэтому кому-то так надо углублять регресс.

Ведь регресс НЕ СОЗДАЕТ укладов, формаций, классов. Более того, он ПРЕПЯТСТВУЕТ их созданию. Создает же (и взращивает) он только агрессивно-паразитарную элитную субстанцию, которая поедает реальность. Всю целиком. Материальную, а также нематериальную. Это можно назвать «фагократией». Фагократия затягивает в воронку взрывного неорганичного первоначального накопления. Взрывное неорганичное первоначальное накопление усиливает фагократию. Действует положительная РЕГРЕССИВНАЯ обратная связь.

Как только сформируется «антифагократический» класс (а он не может не стать таковым, коль скоро речь идет о взятии на себя ответственности за ГОСУДАРСТВО), регресс будет — мучительно! — преодолеваться. Как только он будет преодолен, появятся уклады. Как только появятся уклады, появятся классы. Возникнет массовая борьба за социальные права. Эта борьба будет улучшать положение народа. Возникнет настоящий средний класс — а точнее, гражданское общество.

Дееспособное гражданское общество — страшно сложная вещь. Оно требует гражданина, гражданского самосознания, гражданской же солидарности. Что если я с цифрами в руках докажу, что сегодня у нас ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО СИСТЕМНО ЗАМЕЩЕНО КРИМИНАЛИТЕТОМ?

Это может происходить только в пределах регресса. Как только регресс прекратится, начнется новый процесс. А регресс прекратится только тогда, когда возникнет полноценный субъект этого прекращения.

Любой такой субъект, повторяю, лучше бессубъектности.

Хотелось бы, чтобы субъектом стал безупречный или хотя бы нормальный класс. Но, прежде всего, им может стать только класс СТРАТЕГИЧЕСКИ СОСТОЯТЕЛЬНЫЙ. То есть осознавший, что огромное государство — это гораздо большая ценность, чем яхты, дворцы и миллиарды долларов на счетах. Это гораздо большая ценность, чем любые нефтяные или газовые месторождения. Это невероятная, неисчислимая ценность.

Осознав, класс должен захотеть эту ценность, ВОЗЖЕЛАТЬ ЕЕ. Даже для такого вожделения он должен приподняться над своим нынешним состоянием. Потому что сейчас он этого не способен даже вожделеть. И в этом трагедия момента. Завтра, если мы преодолеем эту трагедию, возникнет другая. И надо будет ее преодолевать. Но если мы не преодолеем эту трагедию, то просто не будет «завтра».

Исторические прецеденты учат нас тому, как именно незрелый класс приподымается хотя бы до полноценного вожделения. Как он начинает хотеть этой великой ценности — своего государства.

В самом общем виде можно утверждать, что для этого необходимо адекватное классовое самосознание. Это самосознание отчасти привносит национальная интеллигенция. А отчасти оно вызревает внутри самого класса. Класса — а не административной группы! Класса! Класс — это лучший вариант. Хуже, когда речь идет о макроэлитных группах параклассового характера (так называемых корпорациях и т. д.). Но, в любом случае, речь идет о САМОСОЗНАНИИ. И это встречный процесс. Интеллигенция, понимая, что судьба страны зависит от состояния класса, идет навстречу классу. Или — другой (сходной с классом по возможностям и структуре) макросоциальной группе, способной стать политическим субъектом, преодолевающим негативные тенденции и формирующим тенденции позитивные.

Крайне важно при этом, чтобы сам этот субъект шел навстречу интеллигенции. Если он занимает глухую оборону, не участвует в идеологической полемике и отказывается от стратегического позиционирования в рамках политического процесса — интеллигенция сама по себе не может сформировать самосознание чужого для нее класса. А отчаявшись, рано или поздно встанет на другой (абсолютно губительный для страны и уже опробованный интеллигенцией) путь.

Отношения интеллигенции и власти — самая больная тема нашей истории. К сожалению, рассмотрение этой (отнюдь не потерявшей актуальность) неблагодарной темы немедленно оказывается «в клещах» оценочного подхода. Для кого-то власть права, а интеллигенция заражена вирусом губительного негативизма. Для кого-то власть отвратительна, а интеллигенция благородна и спасительна в своей антивластной заданности. Мне бы очень хотелось перевести обсуждение данной темы (а уйти от обсуждения невозможно) в другой регистр.

Предположим, что власть является средоточием всех мыслимых и немыслимых моральных и экзистенциальных позитивов. Что она чиста, честна, стремится к общенародному благу… Если она

при этом разорвала отношения со своей интеллигенцией (или даже ее существенной частью) — она не власть. И ее индивидуальные достоинства не стоят ломаного гроша.

Власть всегда за все ответственна. В 1917 году — за 1917 год. В 1991 году — за 1991 год. И так далее. Власть — это не Николай II и не Горбачев. Очень соблазнительно переложить ответственность на конкретные лица. Власть — это класс. Отвечает — класс. Интеллигенция конца XIX века или конца XX века оказалась таковой не в силу своих личных качеств, а в силу определенного развития макросоциальных процессов. А кто отвечает за процессы? Власть! Политика — это управление общественными процессами. Не можешь управлять процессами должным образом — заваливаешься в расстрельный ров вместе с миллионами ни в чем неповинных людей.

Неспособность управлять общественными процессами таким образом, чтобы у тебя не отняли макросоциальную энергию твоего общества и не повернули эту энергию против тебя… Неспособность вести информационную и идеологическую войну… Неспособность даже осмыслить себя как целое и специфику своей ситуации… Все это несовместимо с субъектностью. Но еще более несовместимо другое…

Чаще всего, конечно, интеллигенция задана в своей антивластности так называемыми «собственными процессами». В позитивном случае ее антивластность связана с тем, что она просто чувствует, что власть смердит и ведет себя, как «социофаг». В негативном случае она ведет себя так потому, что общественные процессы сформировали ее деструктивным образом. За процессы отвечает власть. Но поскольку человек — существо разумное (да еще, прошу прощения, и моральное), то он сам отвечает за свое состояние. И снимать с интеллигенции ответственность за деструкцию нельзя (конечно же, оговорив иерархию ответственности, что я и делаю).

Но кроме собственных процессов, бывают и процессы вынужденные. Их всегда тяжелее всего обсуждать, потому что… словом, слишком близко все это находится к губительной и абсолютно ложной теории заговора. Но и не обсуждать их нельзя… Значительная часть интеллигентской деструктивности имеет внутренний элитный генезис. Раскол элит порождает очень удобную ситуацию, при которой легко получить заказ на информационную и идеологическую атаку против одной из элитных групп. Кто-то берет заказ на эту группу… Кто-то на другую… И все «при деле».

Но кто заказчик-то? Кто заказывал в 1915–1916 годах тему «шашней Распутина и царицы»? Немецкие агенты?.. А охранка почему их не вылавливала? Да и не проходит эта версия при нынешнем объеме вполне доказательных данных! Сама же имперская российская элита и заказывала эту тему «шашней Распутина и царицы». Этот гной тек из российских элитных салонов в интеллигентские круги и оформлялся в виде соответствующих продуктов. Продукты оплачивались. Их изготовители воодушевлялись. А иногда и просто получали приказ. А уже затем все обрушивалось на народные массы. В том числе — солдатские, гнившие в окопах империалистической (им все более непонятной) войны.

Класс, если он субъект, прежде всего, отвечает за элитогенез. Класс, далее, отвечает за управление макросоциальными процессами (в которые этот самый элитогенез, между прочим, вписан). Класс также отвечает за элитную рамку. Глупо призывать: «Давайте жить дружно!» Конфликты будут всегда. Но конфликты конфликтам рознь. Нет рамки — элита гибнет. И страна тоже. И, наконец, класс отвечает по особым игровым обязательствам.

Но об этом ниже. Здесь же я просто обязан оговорить специфику своего подхода при рассмотрении всей элитологической проблематики.

Элита — это, конечно же, не «лучшие граждане». Но это и не граждане, которые успели лучше других устроиться в социальном и, прежде всего, материальном плане. Элита — это игроки. И потому элита отвечает не только за Историю, но и за Игру.

Что такое Игра как особая форма войны элит? Почему к хитросплетениям Игры надо относиться с особым вниманием? Тем, кого не убедил Бжезинский (смотри, например, его книгу «План игры»), мои попутные (я ведь не только об этом пишу) размышления могут тоже показаться неубедительными. Когда-нибудь я сконцентрируюсь только на игровой проблематике в ее самодостаточности (Кант называл это «в себе и для себя»). Здесь же ограничусь отсылкой к чужим работам. Их очень много. Но неужели одного Бжезинского не достаточно?

Гибель СССР — это результат Игры.

И нельзя допустить, чтобы следующим результатом стала гибель России.

Моя книга — не об Игре как таковой, а об играх. О том, как их не проигрывать. Для этого, прежде всего, нужно обладать адекватной игровой рефлексией. То есть понимать, во что играют, какие ходы делают и зачем.

Это понимание — тяжелый труд. Нужна информация, школа, организация сознания и психики. Те, кто не понимает, в чем состоит игра, — не игроки. У них могут быть миллиарды долларов, неограниченные возможности перемещения по игровой доске. И все равно они всего лишь фигуры. Может быть, очень важные, но фигуры. И они обречены в качестве таковых двигаться в соответствии с пассами игроков.

Понимание игры необходимо, но недостаточно. Нужны возможности участия в игре. Если нет возможности участия в игре, то тот, кто все о ней знает, — это наблюдатель, а не игрок.

В конце 80-х годов прошлого века политический класс СССР, именовавшийся «номенклатура», страшно обрадовался возможности активного участия в Большой Игре. И не понял, что можно поучаствовать весьма сокрушительным образом. А кто-то понял и заманил в игру. Мы не имеем права не понять в полной мере этот страшный опыт, обернувшийся геополитической и историософской катастрофой. И потому я анализирую происходящее как игру.

Есть такое понятие — «видеошок». Люди, увидевшие себя в первый раз на экране, хватаются за голову, восклицая: «Это же не мы! Не наши лица, не наши фигуры!» Когда-то, наверное, сходный шок был у тех, кто впервые сталкивался со своим отражением в зеркале. Шок игры — это шок, который испытывает каждый, кто видит свое изображение в игровом зеркале. Первая реакция всегда одна и та же: «Это не я!»

Талейран когда-то сказал: «Бойтесь первых побуждений, ибо они самые искренние». Цинизм этой фразы оправдан тем, что великий дипломат адресовал свою рекомендацию не всему человечеству и даже не современным ему «ромео» и «джульеттам», а дипломатам. Тем же, кому он же говорил: «Язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли». Он ведь не Пушкина учил такому способу использования языка, и не политического публициста.

Пусть те, кто отвечает за участие в игре по своей элитной роли, боятся не описания игры, а своих первых реакций отторжения на это описание. Потому что эти реакции не совместимы с их ролевыми функциями. Пусть они преодолеют эти реакции. И тогда, быть может, мы не столкнемся с ухмылками по поводу действий власти в нашей стране, подобными тем, которыми изобилуют упомянутая выше книга Бжезинского «План игры» или его же «Великая шахматная доска».

Моя книга — не детектив, не триллер. Это исследование современной российской истории. Исследование обсуждаемых обществом (и вызывающих у него достаточно глубокое непонимание) конфликтов в нашей элите. Осуществляя такое исследование, я не могу не называть имена. И многие рванутся поначалу выяснять, кто из называемых для меня плох, а кто хорош. Кто демон, а кто ангел.

Увы, в аналитике элиты (и уже тем более в аналитике игры) нет места подобным дефинициям. И тот, кто будет их искать, пусть даже не берется читать. Я не хвалю, не ругаю. Человек, читающий текст, должен увидеть не героев и негодяев, ангелов и демонов, а очищенных от оценочности АКТОРОВ, участвующих в Большой Игре и трансформируемых этой Игрой по принципу: «Что вам человек! Для вас все люди — числа».

Для Игры все люди — числа. Она превращает людей в эти числа, особые числа, создающие вокруг себя тонкие структуры, игровые поля. Структуры и поля влияют на числа. Числа же, вбирая в себя эту тонкую энергетику, становятся не арифметическими и даже не алгебраическими величинами, а трансфинитными игровыми Алефами.

Игра создает акторов. Акторы влияют на Игру. Человек, увидев в зеркале Игры себя как игрового актора, может не узнать ничего: ни мотивов, ни сюжетов, ни ситуаций. Да, «игровой шок» тяжел для тех, кто первый раз сталкивается с рефлексией на игру. Но если он преодолевается, открываются новые горизонты. Мне кажется, что сегодня открыть эти горизонты важнее, чем когда бы то ни было.

Аналитика игры использует герменевтику. Герменевтику высказываний. Но и не только высказываний… Фактов… Событий… Сюжетов. Герменевтика — это дешифровка, интерпретация. Она не имеет ничего общего со смакованием сплетен. Но она же, чураясь подобного смакования, отрицает пренебрежительный подход к любым публичным высказываниям (мол, «собака лает — ветер носит»). Мне представляется, что ни то, ни другое недопустимо вообще. И вдвойне недопустимо в случае, если речь идет об элитных конфликтах, в рамках которых публичные высказывания — это игровые ходы, элементы информационной и интеллектуальной войны.

Что это такое с практической точки зрения? Если какая-то газета напишет, что высокое должностное лицо съело на завтрак зажаренного грудного младенца, то не надо ни негодовать, ни отмахиваться, ни обнаруживать каннибалистские черты в облике дискредитируемого политика, ни пренебрежительно сплевывать: «Тьфу, глупая болтовня!»

Нужно расшифровывать высказывания, определять их игровой смысл и бэкграунд, соединять текст данного высказывания с самого разного рода контекстами, подтекстами, обстоятельствами. Сопрягать этот текст с другими текстами и сюжетами. И обнаруживать в итоге как скрытый смысл (подтекст, надтекст и так далее), так и неявных субъектов высказываний. Это не теория заговора — это герменевтика, наука, которой тысячи лет. И которая сегодня развивается особенно бурно.

Вопли по поводу российских высоких должностных лиц: «Крышуют! Воруют!» — нельзя ни отбрасывать, ни принимать за чистую монету… Кто вопит? Как? Когда? В сопряжении с чем? А главное — зачем? Это просто вопль? Это игровой шаг? Это игровой контур, в котором конкретный шаг подчинен игровой логике и включен в те или иные «многоходовки»?

Аналитик Игры, рассматривая подобное, не солидаризируется с анализируемой информацией и не вытирает об нее ноги.

ОН ВСМАТРИВАЕТСЯ В ТО, ЧТО ОНА СОБОЙ ЗНАМЕНУЕТ.

Я анализирую не событийную буквальность, а то, во что эту буквальность превращает Игра. Я анализирую такие (подобные химическим) реакции, которые определенные высказывания вызывают в мирах, далеких от тех, в коих пребывают высказывающиеся.

Но на событийную буквальность влияет не только Игра. Влияет еще и История (если суше и конкретнее — макросоциальные процессы). Я анализирую и это влияние. Макросоциальные процессы набирают обороты. Ими надо управлять. Иначе они приобретут сокрушительный характер. Но, чтобы возникла возможность управлять процессами, надо их, эти процессы, понять. Вот я и пытаюсь понять, выводя за скобки все, что лакомо для обычной политической журналистики.

Процесс, который волнует меня больше всего, — элитогенез. Какая элита формируется у нас на глазах? Как помочь формированию нужной России элиты?

Общая проблема элитогенеза приобретает в современной России конкретный жгучий характер. Такой характер она приобретает в связи с судорожным (но, как мне кажется, недостаточно полным) обсуждением такого феномена, как «чекизм».

«ЧЕКИЗМ»… Еще одно имя, требующее не оценочного, а аналитического подхода. Что такое «чекизм»? Это жупел? Узкопрофессиональный бренд? Надутый кем-то пузырь, который вот-вот лопнет? Или же это глубокое порождение всей нынешней российской действительности? Этого самого регресса… Воронки взрывного неорганичного первоначального накопления…

А есть ли «чекизм»? Может быть, его и нет вовсе? Или же он есть? Но тогда чем он является? Потенциальным борцом с регрессом? Классом, готовым к полномасштабной ответственности за государство? Или же он лишь очередной катализатор того же регресса?

В любом случае, он никем и ничем не станет без самоосознания, ответственной и овнутренной рефлексии, направленной на свое актуальное и потенциальное «я».

Осмысление должно быть адекватно реальности.

Оно не должно брать критериальность взаймы у другой реальности. Тогда оно не осмысление — пропаганда.

Нас уже звали на бой с «олигархией-1». Теперь зовут на бой с «олигархией-2». Разные участники нынешних элитных процессов, процессов безумно многоуровневых и невероятно сложных, осуждают частные проявления этих процессов как «олигархизм». А им в ответ другие участники бросают обвинения: «Да сами вы олигархи!».

При чем тут олигархия (-1, -2, -3 и так далее)? Боже правый, о чем вы? Разве в этом сейчас дело? Разве таковы сегодня ставки в игре? Разве так безоблачно мы живем, что самое плохое в рамках наличествующего — олигархия? Увы, это совсем не так.

Если бы корсар Морган реинкарнировался в тело русского олигарха, вобрав в себя карму еще более ужасных пиратов («пятнадцать человек на сундук мертвеца… йо-хо-хо!.. и бутылка рома!»), если бы сам обладатель сундука передал реинкарнируемому всю свою карму, но это реинкарнируемое ответственно заявило бы: «Это мое государство!» — то ситуация стала бы в тысячу раз менее мрачной, чем нынешняя.

Но нет этой реинкарнации. Зло элитной бессубъектности замещает злую субъектность. И это зло элитной (классовой или иной) бессубъектности оказывается несопоставимо более ужасным.

Что же все-таки происходит с теми, на кого уже науськивают общество? Вопрос ведь не в тех, кто науськивает, и не в тех, кто «науськивается». Вопрос в поведении самой жертвы. А также в том, что делает ее, а через это и всех нас, именно жертвой. Ведь не науськивания же! Давайте я начну науськивать мышь на кота!

Жертву делает жертвой ее мышление. Внутри мышления опаснее всего так называемый «трезво дифференциальный» подход. Ты выступаешь на своем клубе, говоришь о некоей ответственности за процессы, происходящие в России… К тебе подходят в перерыве и говорят на голубом глазу: «А почему «чекизм» должен за это отвечать? У нас, чекистов, есть свои профессиональные рамки…»

Профессиональные?..

«Есть такая профессия — Родину защищать». Елки-палки, у тебя такая профессия!.. ГДЕ РОДИНА?

По факту СССР погиб? Погиб. СССР — государство? Государство. Смерть — это крайняя форма опасности? Профессия — государственная безопасность? Государство оказалось не защищено от крайней формы опасности — смерти охраняемого объекта. А ответственности нет. Вины нет…

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ?!!

В нехудшем американском фильме «Телохранитель» герой-охранник переживает, что его не было рядом с Рейганом во время покушения. Его не было, потому что он хоронил свою мать. Он какую ответственность переживает? Административной ведь нет… Ему подписали соответствующие бумаги. Моральной тоже нет. Он выполнял самый святой человеческий долг. Почему он страдает, чуть ли не сходит с ума?

Значит уже с профессиональной ответственностью все не так просто. Если, конечно, не путать профессиональную ответственность с административной, а административную — с чиновно-бюрократической. Но можно ли говорить только о профессиональной ответственности, разбирая классовую (или даже протоклассовую) коллизию?

А с политической ответственностью все еще намного серьезнее.

Профессионально за результаты военных действий в Первую мировую войну отвечали царь и его военные (ну, Великий князь Николай Николаевич, Сухомлинов, пока был военным министром, и так далее). А социально, классово ответила моя бабушка — молодая девушка, не занимавшаяся ни управлением войсками, ни какими-либо политическими вопросами, но имевшая несчастье принадлежать к привилегированному классу российского общества.

Ответила она по факту принадлежности. Той принадлежности, которая во многом поломала ей жизнь.

С моральной точки зрения это абсолютно несправедливо. А исторически — неотменяемо. Бабушка-то еще пострадала по минимуму. А сотни тысяч других бабушек и дедушек — ох, как ответили… И в социальном смысле — обоснованно. Назвался классом — ответствуй. И не индивидуально, а коллективно.

Можно, конечно, считать военные неурядицы 1914–1917 годов причиной краха империи и имперской элиты. Но сами-то неурядицы чем были порождены? Происками смутьянов? Спрашиваю еще раз: что делала охранка? Экономической и социальной отсталостью России? Вам с цифрами на руках покажут, что это не так. Тогда чем же? Я УВЕРЕН, ЧТО РЕАЛЬНЫМ ИСТОЧНИКОМ И ЭТОЙ РОССИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ, РАВНО КАК И ТРАГЕДИИ 1991 ГОДА, БЫЛ ВНЕРАМОЧНЫЙ КОНФЛИКТ ЭЛИТ. ОН ЖЕ — **КАЧЕЛИ**.

Где качели — там и новые возможности для Большой Игры. Казалось бы, возможности и возможности… Они ведь не только у других, но и у тебя. Пользуйся!

И вот тут оказывается, что другие играют лучше. Не воюют, не хозяйствуют, не управляют лучше… ИГРАЮТ.

Игра — кровавая и беспощадная штука. В этом смысле она — зло. Но и война тоже зло. Игра — страшное и отвратительное занятие. Но неизбежное для элиты. Страшнее и отвратительнее Игры как таковой только одно — ПРОИГРАТЬ ИГРУ.

Игрок всегда интегрален. Винт в административной машине всегда дифференциален. Генезис этого отличия, пожалуй, стоит разобрать немного подробнее.

Серьезный марксизм проводит четкое разграничение между отчуждением и эксплуатацией. Источник эксплуатации — классовая структура общества. Источник отчуждения — разделение труда. Есть разница? Даже при преодолении классовой структуры отчуждение остается. Можно ли

его в принципе преодолеть — это открытый вопрос. Но на каком-то этаже социальной иерархии оно в каких-то формах всегда преодолевается. Нельзя создать систему, в которой все на свете только дифференцируется. Где-то дифференцируемое должно интегрироваться. От того, где и как оно будет интегрироваться, зависит судьба человечества в XXI веке. Узкая специализация должна преодолеваться. Иначе иронические пассажи Козьмы Пруткова («специалист подобен флюсу») превратятся в катастрофу потери управления самоусложняющейся реальностью.

Есть управленцы. И есть то, чем они управляют. Предположим, что они управляют Россией. Россия как объект, которым они управляют, делится на миллионы частностей. И каждый отдельный управленец осуществляет управление одной из этих частностей. Но кто управляет целым? И можно ли собрать целое из этих частностей? Мне скажут, что целым управляет президент России, который отвечает за все. Но президент России не суперкомьютер и не Солярис. Он человек. Так кто же отвечает за целое?

Чтобы ответить на подобный вопрос, надо мучительным для многих образом расчленить неправомочно сросшиеся понятия «управление» и «власть». Управление начинается там, где происходит дифференциация. Власть начинается там, где происходит интеграция.

Итак, управленец (чиновник, бюрократ, технократ) отвечает административно, то есть ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО. Власть же в целом («класс»), а также представители класса, отвечают политически, то есть ИНТЕГРАЛЬНО. Хотелось бы, чтобы осталось место и для высшей ответственности — метафизической, экзистенциальной, исторической, моральной, социальной. Но политическая ответственность для класса неотменяема ни в каком случае.

Видите ли, «за культуру отвечает министр культуры, а за информацию — министр информации. Конкретный же работник, занятый безопасностью, отвечает только за порученный ему сектор работы»…

Знаете, как классики это называли? «Формально правильно, а по существу издевательство».

«В ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОМ плане все правильно, — скажем мы в ответ на такие, по сути своей глубоко чиновные, рассуждения об ответственности. — А в ИНТЕГРАЛЬНОМ (то есть политическом) плане это абсолютная чушь».

Между тем, для того, чтобы «чекизм» существовал как политическое явление (кого он интересует в любом другом смысле?), он должен выйти за ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ РАМКИ. За рамки отчуждения как такового. Выйти в совсем другое пространство, туда, где находятся по-настоящему серьезные целостности: История… Класс… Судьба… Страна… Элита… Народ… Наконец, ИГРА… Так дозрел ли «чекизм» до того преодоления отчуждения, без которого властный субъект невозможен? И как получить ответ на такой вопрос?

Пока адресат подобного вопрошания мучается («чи дозревать, чи ни»), стремительно нарастает не только историческая ответственность. Нарастает еще и вызов Игры.

«Ты звал меня на ужин? — спрашивает Командор в «Каменном госте». — Я пришел».

«Вы хотели открыться, войти в наш мир? — говорят представителям нашей элиты изощренные международные субъекты, ведущие Большую Игру. — Входите, милости просим! Вы в наш мир… если сможете… МЫ ЖЕ — В ВАШ "НАИВНЯК"».

Как я отношусь к поиску конкретных связей между конкретным работником, участвующем в конкретном конфликте (мелком, «мебельном», или даже более крупном), и игровыми сущностями (всякими там «триадами», «якудзами», «драконами», «медельинами», «кали» или еще более крупными сущностями)? Как к полной и стопроцентной конспирологической галиматье. Я могу эту галиматью анализировать в качестве информационных мифов. Но я никоим образом не солидаризируюсь с подобной конспирологической дурью.

Конкретный работник может быть абсолютно честен. И абсолютно детерминирован в плане своих мотиваций какой-нибудь позитивной задачей или просто выполнением должностных обязанностей.

Но это не значит, что рядом с ним не вьется Игра. Нельзя бросаться из крайности в крайность. И противопоставлять конспирологическим мифам — описания, взятые взаймы из фильмов эпохи развитого социализма.

Ты можешь быть абсолютно чужд Игре и совершенно не заниматься ею. НО ЭТО НЕ ЗНАЧИТ, ЧТО ИГРА НЕ БУДЕТ ЗАНИМАТЬСЯ ТОБОЙ… БУДЕТ, БУДЕТ! ОНА БУДЕТ ВРЫВАТЬСЯ ВНУТРЬ ТВОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И МОТИВАЦИИ, ТРАНСФОРМИРОВАТЬ ВСЕ НА СВЕТЕ — СМЫСЛЫ, ЛОГИКУ, СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ.

Большая Игра использует любой элитный конфликт, в том числе те, которые я подробно анализирую. ИСПОЛЬЗУЕТ! Кто только об этом не писал! Гессе и Борхес, Бжезинский и Киплинг (Great Game в романе «Ким» и других романах), теоретики Франкфуртской школы и постмодернисты, специалисты по оргоружию и управляемому хаосу…

Это неотменяемый фатум Игры.

Мы открылись и уже не закроемся. Игра приобретает все более масштабный и зловещий характер. Не играть нельзя. Можно только проигрывать Игру или выигрывать.

Таков масштаб вызова. Ощущает ли это сегодняшний властный класс (он же — элитный субъект)?

Прежде всего, мы должны понять — класс ли это? Субъект ли это, пусть даже и находящийся в становлении? Наличествует ли хотя бы мощное «социальное тело» как предпосылка субъектности? Или же все это рассыпается подобно всем другим социальным общностям?

Нужно не осуждать и не прославлять пресловутый «чекизм», а тестировать. Нужны тесты на властную (макросоциальную и политическую) состоятельность. Если класс созрел (или созревает), то он хотя бы воспротивится саморазрастающейся войне в собственных рядах (в которой борются уже и не ведомства даже, а начальники управлений со своими замами).

Понять социальную природу явления, называемого «чекизм», — наш интеллектуальный и гражданский долг. А может, и нет никакого макроявления, а есть только диффузный шлейф, порожденный кометой под названием «Путин»?

Но даже если это только диффузный шлейф (а я-то так не считаю), почему вокруг него кипят такие страсти? В чем Игра? И чья это Игра? Кто-то конструирует врага для того, чтобы… чтобы что? Чтобы не дать стране выкарабкаться, отсекая ее от неких, может, и не симпатичных, но мобилизационных альтернатив? Ведь уже отсекали так страну от определенных альтернатив в 1986–1987 годах, дискредитируя номенклатуру и проклиная «сталинщину». «Чекизм» — это «сталинщина-2»? А все мы герои романа «Двадцать лет спустя»?

В предыдущей части романа главными героями были не отдельные лица, а социальные и психологические качества. НАИВНОСТЬ… СОН НА БЕГУ…

Во сне элита проиграла империю. По наивности общество подыграло тем, кто страстно жаждал этого проигрыша.

Повторения не должно быть! Вот в чем нерв этого моего сочинения.

Здесь у нас туманы и дожди,
Здесь у нас холодные рассветы.

Здесь на неизведанном пути

Ждут замысловатые сюжеты…

Сюжеты, которые я буду дальше описывать, сами по себе, может, и не очень замысловатые. Но Игра их заколдовывает, присваивает им иное — очень замысловатое — качество.

И нам надо научиться это качество понимать. Если мы хотим, чтобы рассветы и дожди были не только «здесь», но и «у нас»… Чтобы эта самая «надежда — мой компас земной» не оказалась лишь наивной прелестной затравкой к знаменитому «оставь надежду, всяк сюда входящий».

Кому-то эти многомерные игры по саморазвивающимся нелинейным стохастическим правилам интересны сами по себе. А кому-то просто жаль всех этих «туманов», «дождей» и «рассветов». А также всего остального. И неужели же у нормальных мужиков, живших не за тридевять земель, а здесь, на нашей земле, певших про эти туманы, дожди и рассветы, шедших по трудному (и в целом все-таки воинскому) пути — НЕТ ДАЖЕ ЭТОГО ЭЛЕМЕНТАРНОГО ЧУВСТВА ЖАЛОСТИ? А также того, что может переплавить это чувство в волю к победе? Ведь побеждали же…

Хищники оживляются, почувствовав запах крови. Самые разные хищники. Как обыкновенные (например, акулы), так и метафизические (зачем иначе приносятся кровавые жертвы?). А есть еще и хищники социальные. Не зря ведь говорили — «акулы империализма».

Запах элитного конфликта как запах крови. На солнечной полянке в очаровательном лесу — две березки. К ним привязаны веревки. На веревках дощечка… КАЧЕЛИ. Но вот подул ветер. Качели закачались, и все изменилось. Зловеще изменился сам лес. Березки превратились в ядовитые тропические деревья. Все оказалось заполнено какими-то хищниками. Все завыло. А на вой откликнулся ветер. Качели закачались сильнее. И все еще больше преобразилось. Стало еще более зловещим и незнакомым. Вот что такое КАЧЕЛИ. И вот что такое Игра, спешащая на их зов.

И забыть по-прежнему нельзя,
Все, что мы когда-то…

Так можно или нельзя забыть-то? Можно или нельзя позволить состояться этому самому «двадцать лет спустя»?

Часть 1
ПРЕДМЕТ И МЕТОД

Глава 1. Телеология — или о том, зачем нужна теория элит

Советская элита… Ее функциональная специфика, структура, системные свойства, принципы функционирования в социуме… Ее генезис, самовоспроизводство… Степень ее вписанности в мировые элиты…

Мог ли кто-то обсуждать в СССР такую тему, например, в 70-е годы XX века?

Любой, кто жил в советском обществе, а также тот, кто хоть как-то ознакомился с феноменом советского общества по серьезной литературе, должен будет признать, что эту тему в указанный период официально обсуждать было нельзя. Потому что официальная идеология предъявляла образ советского общества, в котором элиты нет и не может быть. А есть, напротив, нечто несовместимое с феноменом элиты. Что же именно?

В крайнем случае речь шла об антиэлитарности. То есть о руководящей роли социальных низов (рабочего класса и вступившего с ним в союз трудового крестьянства). Тот крайний случай был к концу 70-х годов аккуратно превращен в нечто более умеренное и еще менее вразумительное. В какое-то «общенародное государство». Но подобная трансформация лишь заменила антиэлитарность («не элита, а низы — соль земли!») внеэлитарностью («есть социально однородное общество и нечего говорить об элитах!»).

Итак, ни раннесоветская (категорическая и потому в чем-то все-таки внятная), ни позднесоветская (уклончивая и абсолютно невнятная) доктринальность не предполагали наличия элиты в советском обществе.

Но как вы можете обсуждать любой феномен (в том числе и феномен элиты) в условиях, когда официальная доктрина отрицает наличие подобного феномена? Только подрывая официальную доктрину! И это при том, что подрыв доктрины в обществе советского типа фактически равносилен подрыву власти. Назовите советское общество закрытым или идеоцентрическим… В любом случае, это общество, в котором правит одна партия. И правит она в силу наличия у нее определенной идеологии. Идеология отрицает наличие элиты. Вы начинаете обсуждать элиту… Подкоп под власть налицо.

Это не специальный советский маразм, как кажется многим. Это неизымаемое функциональное свойство определенных систем. Церковная доктрина санкционировала любые обсуждения системы Птолемея. Но она не позволяла подкапываться под эту систему какому-то Галилею. Потому что такой подкоп под частную (астрономическую) систему грозил всей идеологической доктрине. А значит, и порожденному доктриной регламенту. А поскольку на регламенте держится власть, то и власти.

Если кто-то считает, что этот казус преодолен открытыми демократическими обществами, то он глубоко заблуждается. Там есть свои табу, свои системные запреты, свои принципы превращения иномышления в инакомыслие, а инакомыслия в ересь.

Итак, начав в СССР в 70-е годы говорить о советской элите, вы становились инакомыслящим. То есть опасным еретиком. То есть врагом. А как только вы становились врагом, с вами надо было бороться.

А как можно с вами бороться? Загнав вас в глубокое внутреннее подполье и лишив возможности излагать свою позицию публично. Предположим, что вы с этим не соглашаетесь. И пробуете обсудить такую позицию публично. Вы создаете кружок… Что он обсуждает? Тексты — а что еще? В противном случае, он толчет воду в ступе. Что и так делают все на партсобраниях. Вы написали текст и ознакомили с ним членов кружка. Потом члены кружка, возражая вам, написали ответный текст. Еще один шаг — даже не шаг, а шажок — и вы становитесь диссидентом. Например, вы напечатали тексты на машинке и собрали их вместе. Получился журнал. Вы начали знакомить с ним друзей. Всё! Вами сразу же начинают интересоваться «компетентные органы». И тут все зависит от того, как эти органы себя поведут.

Есть несколько возможных сценариев их поведения.

Сценарий № 1. Они начнут вас мягко опекать. Посадят в какой-нибудь закрытый институт (или закрытый отдел какого-нибудь открытого института), где вы худо-бедно будете что-то писать на интересующую вас тему, но для органов. Это очень удачный случай! Прямо скажем, невероятно удачный.

Сценарий № 2. Органы начнут вас опекать иным способом. Попросту они вас завербуют. И тогда все, что вы пишете и говорите, это не суть вашей деятельности, а предлог для выявления политически неблагонадежных лиц, решивших присоединиться к вашему начинанию. Что? Вы честный человек? Вам это претит и вы отказываетесь? Тогда реализуется еще более жесткий сценарий.

Сценарий № 3. Вас сажают в тюрьму или психушку.

Есть еще сценарии? Есть.

Сценарий № 4. Вас вынуждают уехать за границу. С обязательствами перед органами (наиболее частый случай) или без оных.

Других сценариев не было.

Перефразируя общеизвестное, «пятого не дано».

Что из этого вытекает?

Оказавшись под мягким контролем органов (сценарий № 1), вы будете изучать элиту постольку, поскольку это надо органам. Например, вы будете для них писать какие-то закрытые записки в пределах, строго заданных их регламентом.

Оказавшись под жестким контролем органов (сценарий № 2), вы не исследовательской деятельностью будете заниматься, а суррогатом оной. Вы рухнете не только морально, но и интеллектуально.

Сев в тюрьму (сценарий № 3), вы перестанете заниматься исследованиями и займетесь либо тяжелым физическим трудом, либо (если вам повезет, а за везение в тюрьме всегда надо платить) будете санитаром… или библиотекарем. Но не исследователем элит.

А вот если вы уезжаете за рубеж (сценарий № 4) — тогда другое дело. Тогда (если у вас есть запал, способности и вам повезло) вы становитесь советологом. И начинаете работать в западных научных центрах, изучающих советское общество. Изучение советского общества в подобных центрах вообще тесно сопряжено с деятельностью западных спецслужб. Поскольку для Запада СССР — это не член Совета Безопасности ООН и не партнер по глобальной безопасности, а враг № 1. Этот статус врага № 1 зафиксирован в официальных документах. А в крайнем случае (тоже, между прочим, официально) к этому статусу добавлены еще и «джихадистские» директивы.

Что такое «СССР как империя зла»? Разве это не призыв к тем или иным формам джихада? Пусть «холодного», но джихада? Вопрос в том, может ли джихад быть холодным? Но в любом случае ясно, что партнерским образом строить отношения с «империей зла» нельзя. Ведь ни президент Рейган, заявивший об СССР как об «империи зла», ни те, кто предложил ему этот специфический образ (как известно, заимствованный у Толкиена), отнюдь не чурались религиозного пафоса. И не просто пафоса, а идеи «крестового похода» (по сути — того же джихада). А как иначе? Где «империя зла» — там и «император зла». То есть дьявол. А где дьявол — там не договариваются.

Итак, вы начинаете заниматься на Западе какой-то (пусть даже самой невинной) советологией. Чуть раньше или чуть позже к вам подходят и говорят: «СССР — дьявол. Мы боремся с дьяволом. Вы что-то знаете о дьяволе. Помогите нам в этой борьбе».

Если вы отказываетесь, то попадаете в очень сложное положение. А если при этом вы советский эмигрант, то положение будет не просто сложным, а катастрофически сложным. Вас могут назвать агентом КГБ, могут… Мало ли что еще в таких случаях могут.

А если вы соглашаетесь, то так или иначе интегрируетесь в мир западных спецслужб. Тут весь вопрос — как именно. Интегрироваться можно прямо или косвенно. Главное — что не интегрироваться нельзя. Если вы не хотите интегрироваться, то не занимаетесь советологией. Вы занимаетесь музыкой, Средними веками, Античностью, классической филологией, египтологией и так далее.

Косвенная интегрированность осуществляется через научные центры, сохраняющие номинальную академичность. Этим центрам делаются соответствующие запросы. Стать автором ответа на такой запрос — престижно. Для этого совершенно не обязательно, образно говоря, надевать погоны, или оказываться в иных обязательных отношениях со спецслужбами. Если к вам обращаются часто, то вы должны гарантировать конфиденциальность ваших ответов. Это тоже не слишком обременительно.

Но такие формы интегрированности возможны только если вы занимаетесь общей (желательно совсем общей) советологией. Например, советской литературой. Или живописью. Вас все равно будут чуть-чуть «отдаивать». Спрашивать, как подкопаться под Шолохова, например. Но именно чуть-чуть. Если вы занимаетесь советской экономикой или советским обществом, то «отдаивать» будут больше. Если вы занимаетесь советской армией — то еще больше.

Но даже в этом случае вам может повезти, и осуществляемая по отношению к вам опека будет носить косвенный характер.

А вот если вы советолог, занимающийся советской элитой, то между вами и спецслужбами возникнет совершенно другой формат отношений. Качественно другой! Опека перестает быть косвенной и становится прямой. В сущности, это уже не опека. Это служба. И вы сами виноваты.

Ибо по своей воле занялись не экономикой, не культурой, не историей, даже не общей социологией. Вы занялись специальной социологией — социологией элиты. Это ваш ответственный выбор. Осуществив его, вы берете на себя все следующие из этого издержки.

Прежде всего, вы оказываетесь на особом (мягко говоря, отнюдь не лучшем) счету в академическом комьюнити. Связано ли само это комьюнити со спецслужбами или нет — другой вопрос. Оно связано косвенно. И потому респектабельно. И оно понимает, что раз вы этим занялись (и, не дай бог, преуспели), то вы связаны со спецслужбами не косвенно, а иначе. Но пожалуй, даже не это главное.

Для западной социологии теория элит — это не вполне респектабельная теория. Конечно, таких ученых, как Питирим Сорокин, с порога отбрасывать не удается. Превратить их в ополоумевших конспирологов, занятых теорией заговора, достаточно трудно. Но западный ученый панически боится оказаться не только на абсолютно зачумленной территории «теории заговора», но и на смежных с нею территориях. Питирим Сорокин очень уважаем… «но, знаете ли, что-то тут отдаленно напоминает что-то, отдаленно напоминающее нечто нехорошее». Это первая причина, по которой теория элит не в почете.

Вторая причина почти столь же «фобична». Хотя речь идет чуть-чуть о другом. Ряд теоретиков элиты (Моска, Парето) в какой-то степени выразили симпатию к фашизму. А дальше та же самая пугливая псевдологика: «Они соприкасались с фашизмом. Мы соприкоснемся с ними. Нас соприкоснут с фашизмом». Западное академическое сообщество состоит отнюдь не из Джордано Бруно. А нынешняя «инквизиция хорошего тона» по сути своей ничуть не менее беспощадна, чем та, которая сожгла этого бескомпромиссного искателя истины.

Конечно, заниматься на Западе советской элитой можно с большим успехом, нежели элитой западной. Потому что это чужая элита. И элита «бредовой страны», где все может быть. Как медведи на улицах, так и элита.

Заниматься же своей элитой почти нельзя. Потому что — можете себе представить? — на Западе ее тоже нет. Точнее, на Западе есть доктрина, согласно которой ее быть не должно.

Была она, элита эта, в нехорошие времена так называемого закрытого (то есть нехорошего) общества. А потом ее «съело» открытое (хорошее) общество (смотри Поппера). И она, элита эта, приказала долго жить. А те, кто это отрицает, так или иначе причастны теории заговора.

Характерно, что западная наука не поощряет изучение элиты не только в своем обществе (в конце концов, оно хорошее и открытое), но и в чужих обществах (в том числе явно закрытых). Не слишком это респектабельное занятие — изучать какие-то там кланы, ордена (исламские или другие). И даже мафии. Почему это нельзя изучать — совсем уж необъяснимо. Но каждый, кто взаимодействовал с западными интеллектуалами, согласится с правотой моих утверждений. А согласившись, должен будет спросить себя, почему это все так. И ответ тут будет один: ЭЛИТА ВООБЩЕ НЕ ЛЮБИТ, КОГДА ЕЕ ИЗУЧАЮТ И это главный принцип, с которым должны ознакомиться все, кто хочет заниматься таким неблагодарным делом, как фундаментальная (и уж тем более прикладная) теория элит.

ЭЛИТЫ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ НЕ ЛЮБЯТ ЭЛИТОЛОГОВ.

Не любят их вообще, чем бы они ни занимались — своими или чужими элитами. Потому что сегодня они занимаются чужими, а завтра займутся своими. Ведь одно перетекает в другое.

Зачем элитному закрытому игроку (если он есть) нужно, чтобы его изучали? Это как-то очень обидно и совсем не с руки. И потому гораздо легче пригвоздить любого исследователя, занятого этим вопросом, к позорному столбу конспирологии (теории заговора). И иногда кажется, что столб этот для того и создан, чтобы вкупе с неадекватными конспирологами (если их нет, откуда возьмется позорный столб?) подвергать поруганию и совершенно адекватных, но неудобных исследователей, занятых неудобными вопросами.

Итак, даже на Западе вы, как советолог, отнюдь не обязательно должны получить необходимые вам ресурсы (финансирование, иного рода социальные санкции) на исследование советской элиты. Но если уж вы их получили, то с одной целью: разрабатывать аналитический аппарат и другие «средства познания» для политической разведки в отношении врага. Причем не абы какого врага, а врага № 1. Получив санкцию на исследование элиты врага № 1, вы тем или иным образом оказались интегрированы не просто в разведсообщество, а в его «святая святых».

Ибо политическая разведка (а зачем еще заниматься элитами врага № 1?) — это всегда «святая святых». Как советолог, занятый элитой, вы на Западе можете быть нужны только ей. Войти в нее крайне трудно. Но если уж вы вошли в нее, то только тем способом, который описан знаменитой советской спецслужбистской присказкой (на самом деле носящей абсолютно интернациональный характер): «Закон у нас один: вход — рубль, выход — сто».

Можно назвать ряд имен диссидентов, уехавших на Запад и сумевших стать подобными исследователями советской элиты. Наиболее известное имя — Авторханов (теория советской номенклатуры), чуть менее известное — Каценеленбоген (теневая экономика СССР). Есть и другие имена. Они сделали свой выбор. Он был мотивирован их ценностями.

Мои мотивы и ценности имели кардинально иной характер. Но побудили меня к сходным занятиям. Причем на территории СССР, совсем мало приспособленной для такого рода специализации.

Да, заниматься советской элитой в СССР было почти невозможно. Но я сделал все для того, чтобы воспользоваться этим «почти». Не люблю мемуаров и потому не буду рассказывать о деталях, позволивших осуществить такое «почти». Пройти нужно было буквально по лезвию бритвы. Ну, так я и прошел. Оглядываясь назад, — искренне недоумеваю, как это могло получиться. Но — получилось. Это «получилось» складывалось из тысячи частных человеческих выборов. Ошибись я хоть при одном из этих выборов… Сдвинься на миллиметр в сторону диссидентства или номенклатурного советского карьеризма… Поступи в другой вуз… Столкнись с другими представителями старшего поколения… Займись публицистикой, а не театром…

Занятия театром, к примеру, оградили меня от лобовой политизации осуществляемых элитных исследований. Я копался все же в основном не в смертельно опасных нюансах чьих-то биографий (хотя и в этом тоже), а в иного типа нюансировках. Они касались тонких культурных различий внутри советской элиты (специфики тех или иных субкультур, функционирования контркультуры, логики смысловых конфликтов, соотношения интеллекта и власти). Решив создать особого рода театр, влияющий на сознание советской постиндустриальной элиты, я всецело отдался этому занятию. И мог всего лишь дополнительно к нему вести философский кружок при театре. Это «всего лишь», видимо, и стало тем балансиром, который позволил мне не потерять некое равновесие в условиях, когда его было почти невозможно не потерять.

Я хотел создать театр особого типа и не хотел ничего другого. Я не хотел печатать самиздатовские журналы, не хотел прислоняться к нашим органам или иностранным посольствам, не хотел… В общем я много чего не хотел из того, что полагалось делать тогда. Может быть, потому и не потерял равновесия, идя по лезвию этой самой (отнюдь не только оккамовской) бритвы.

К середине 80-х годов я и мои сподвижники создали тогда еще неформальный, но вполне респектабельный (неконфронтационный и одновременно независимый) клуб, в котором темой «Элита в советском обществе» занимались помногу, для души, научно — и отстраненно. Об отстранении скажу чуть ниже.

В начале оговорю, что самое трудное было найти тех, кто захочет заниматься таким делом научно. То есть строго, сухо, без «тараканов». И при этом будет понимать, что никаких шансов на официализацию этих занятий (а значит, на социализацию себя и своего начинания) нет и не может быть, поскольку царствует советская доктринальность. Так этих шансов и не было, пока она царствовала. А потом она начала рушиться. Отнюдь не с нашей помощью. Мы-то, напротив, стали ее защищать. А она — отпихиваться. А мы — напрашиваться: «Ребята, вы же не одни завалитесь, вы страну завалите! Жалко ведь! Глобальная катастрофа».

«Ребята» были разные. Кто-то и впрямь остро переживал возможность потерять страну. Кто-то рассчитывал, что с нашей помощью можно удержаться у власти. Кто-то уже вообще ни на что не рассчитывал, а просто открывал закрытые ранее социальные двери, поскольку их стало положено открывать (как-никак перестройка, обновление, новые отношения с интеллигенцией, рекомендуемое начальниками преодоление идеологических шор и так далее).

Как бы там ни было, наши занятия советской элитой постепенно приобрели официальный характер. По поводу нашей — ранее неформальной — организации был выпущен ряд высоких правительственных постановлений. Нам были предоставлены возможности исследования, вытекающие из этого статуса (поездки в «горячие точки» с научными и политическими полномочиями и так далее). Мы стали больше понимать, точнее прогнозировать, развивать метод, вырабатывать возможные антикризисные решения. Но, пока мы их вырабатывали, изучаемая нами элита своими судорогами развалила страну. И не просто развалила. Развал породил регресс в каждой части распавшегося СССР. В том числе и в той части, которая превратилась в «демократическую Россию, освободившуюся от власти жуткого коммунизма».

Эта самая «освободившаяся от самой себя» территория стала зоной культурного провала, перерождения, регресса и… и чудовищной элитарности. Вместо доктринального табу на «элитную» (очень непростую!) тему возникло диаметрально противоположное. Все стали называть себя элитой. Всё стало кричать об элитарности. Особый парадокс ситуации состоял в том, что кричавшие об элитарности называли себя одновременно демократами (ни в одном другом обществе подобного произойти не могло). Потом словечко «элитное» расползлось и превратилось во всепроникающую пленку грязи, налипшую на новое бытие (элитные коттеджи, элитные магазины, элитные журналы, элитные клубы, элитные проститутки…).

В этой новой реальности надо было самоопределяться. И это было непросто. Мне удалось убедить какое-то количество единомышленников в том, что наши исследования по элитам могут иметь значение для будущего России. Не «демократической» и «избавившейся от коммунистической порчи», а России как таковой. Что нужно продолжать заниматься этими самыми элитами вопреки всему, и в чем-то даже наступая на горло собственной песне.

Зачем? Ответить на вопрос можно только исходя из предыстории. А именно — из причин, побудивших меня обратиться к этой (неблагодарной и небезопасной) теме еще в советский период.

Человек обычно занимается тем, что для него притягательно. Положа руку на сердце, могу сказать, что это не мой случай. Я не хотел входить в элиту. Я не люблю элитарность. Я крайне болезненно воспринимаю нынешнюю российскую маниакальную псевдоэлитность, доходящую до скверного анекдота. Сначала элитные машины и квартиры… Потом элитный паркет… Потом элитные унитазы… Хуже всего, что с этим скверным анекдотом надо как-то сочетаться. На нынешнем языке это называется «соответствовать». А как же? «Элитное консультирование»… Не имел и не имею ничего против той идеи, которая бросила вызов всей и всяческой элитарности. Более того, затертое в советский период содержание этой идеи начинает иначе проступать сквозь пакости постсоветского скверного элитного анекдота.

Еду я недавно в этой самой «элитной» машине… И мой водитель походя с ехидством бросает: «Ну, как же, как же! Разрушим до основанья…» Я с любопытством спрашиваю: «А вы помните, что там обещали разрушить?» Установив, что человек не помнит (почему бы ему помнить-то, когда так

все из памяти выбивают?), я говорю: «Мир насилья! Там обещали разрушить мир насилья. Предположим, что это невыполнимое обещанье. Но разве это не благородно — мечтать о том, чтобы мир насилья рухнул? А вы что, хотите мир насилья для своих детей и внуков? И что плохого в том, что только великая армия труда будет владеть землей, а паразиты — никогда? А вы хотите, чтобы паразиты землей владели?»

Да, по дороге к разрушению мира насилья было совершенно невероятно много насилия. Но какая великая идея свободна от этого? Где этого насилия не было? Во Французской революции? В Английской? В войне между конфедератами и федератами в США? Не в насилии дефект идеи… Дефект в другом… В том, что неясно, где у этого мира насилья основание, которое надо разрушить. Никто еще не попробовал как следует в этом разобраться. И удары наносятся не по основанию. Ну, никак не по основанию. И нельзя нанести эти удары по основанию, не разобравшись, что такое человек. Может, он и является основанием? Хочется верить, что это не так. Но кто знает?

Пока что все удары по миру насилья приводят к обратному результату. Это не значит, что надо любить мир насилья. Нужно быть не более покладистыми, а более умными. И искать, искать это самое основание.

Удар же по тому, что кажется, но не является основанием, — порождает воспроизводство этим самым задетым, но неуничтоженным основанием еще более уродливых зданий. Те, кто пел цитируемую мною великую песню, думали, что избавят мир хотя бы от элитарности. А породили советскую номенклатурную элитарность, которая, по моему убеждению, являлась особо бесперспективной. Эта бесперспективность не имеет ничего общего с приписываемыми советской элите демоническими качествами. Напротив, благопристойность и умеренность большей части этой элиты сейчас абсолютно очевидны. Особенно на фоне нынешнего гиперэлитарного беспредела.

Советские элитарии жили достаточно скромно. А многие — так почти аскетично. Конечно, была коррупция. Где ее нет? Но разве тогдашнюю коррупцию можно сравнить с нынешней? Нет, не в оргиастическом потреблении была вина советской элиты, полностью ответственной за гибель СССР. Не тяга к роскоши привела к ее загниванию, превратившемуся в общесоветскую гангрену. Но что тогда?

Отсутствие профессионализма? Пожалуй, нет. По крайней мере, не это имело решающее значение. Но что же?

Духовная и социальная ложь. Идеология декларировала отсутствие элиты. А элита формировалась. И нужно было каким-то образом прятать факт этого формирования от общества. Именно эта игра в прятки придавала формирующейся элите всю совокупность качеств, предопределивших крах СССР. Коммунистическая идеология вообще не нашла ответа на проблему элитогенеза. Неизвестно, может ли быть такой ответ в рамках данной идеологии. Особенно же в условиях пресловутой «победы социализма в отдельно взятой стране». Но если ответ и существует, то в той идеологической сфере, которая была изъята из доктрины уже в 20-е годы.

Наверное, возможен, условно говоря, монашеский или орденский принцип формирования элиты, адекватной коммунистической идеологии. Но нет монашеской аскетической социальности вне порождающей монашество метафизики. Даже если Сталин и говорил о партии как об ордене меченосцев, то он лукавил. Ордена не было. И не могло быть, поскольку метафизический потенциал идеологии был сведен к нулю тем же Сталиным.

Замени он идеологию и принцип элитогенеза — страна была бы спасена.

Дострой он идеологию и введи в соответствие с достроенным все тот же принцип элитогенеза — страна, опять-таки, была бы спасена.

Но все оказалось брошенным в узкую и абсолютно бесперспективную щель… С одной стороны, невозможность никакого последовательного квазимонашеского аскетизма. С другой стороны, невозможность полноценного элитогенеза, основанного на открытом предъявлении принципа привилегий.

В результате сформировалась мещанская псевдоэлита. В меру пристойная, в меру алчная, в меру гедонистическая. Элита может быть очень разной — даже субкриминальной — и при этом эффективной. Но она не может быть мещанской. Мещанские добродетели заслуживают всяческого уважения. Но до тех пор, пока они обитают в своей, мещанской же, социальной нише. А вот за ее пределами они страшным образом трансформируются. И все произошедшее с СССР является следствием такой трансформации.

Мир насилья разрушили не до основания. Ибо неизвестно, где у него основание (у Данте по этому поводу одно мнение, у Лютера — другое). Не разрушив этот мир до основания (а еще надо доказать, что что-то можно было построить после абсолютного разрушения), соорудили на месте поврежденного некий паллиатив. Благопристойный и в чем-то очень симпатичный, но слабый.

Паллиатив всегда слаб. Однако внутри каждой слабости есть особо слабая точка. У этого паллиатива особо слабой точкой была паллиативная мещанская псевдоэлитарность.

Так, значит, мир обречен на элитарность? Не знаю. Я не берусь обсуждать эту проблему в общем виде. И почему-то верю, что когда-нибудь общество все же освободится от элитарности. Что глобализм с глобальной отчужденной элитой, неизбежно представляющей собой ту или иную разновидность пресловутой «железной пяты», не есть роковая предопределенность.

Можно обсуждать условия, при которых такое освобождение осуществимо. А также тенденции, делающие освобождение невозможным. Но это предмет другого исследования.

Здесь же я только хочу указать на очевидное для меня обстоятельство. На то, что советский эксперимент провалился именно в силу бесперспективности встроенных в него механизмов элитогенеза. Жизнь и смерть СССР зависели от того, можно ли было исправить имеющиеся механизмы. Но их исправление требовало и понимания сути реальных процессов формирования элиты в реальном же обществе, и возможности влиять на эти процессы.

Я хотел и понимать, и влиять. Потому что знал, что без такого понимания и влияния потеряю страну. Существовавший элитогенез работал на разрушение. Формируемый им тип элиты был несовместим с жизнью гигантской сверхдержавы, предъявляющей альтернативный глобальный проект.

Я давно уже назвал этот тип элиты «антиэлитой» или «превращенной элитой». Средой, в которой произошел подобный элитогенез, была доктринальная анти- или внеэлитарность. Вчерашние представители рабочих и крестьян, попадая наверх, стремительно перерождались. Возникал особый социальный гибрид. Происходила «негативная конвергенция» худших принципов поведения представителей социального «верха» и социального «низа».

Такое перерождение предсказывалось многими теоретиками. Возможность перерождения обсуждалась на ранних партийных дискуссиях. И продолжала обсуждаться вплоть до конца 20-х годов. Вот один из фрагментов такого обсуждения: «Оторванная от широких масс партия может в лучшем случае погибнуть в неравном бою. А в худшем… Скажете — сдаться в плен? В политических битвах в плен не берут. В худшем она предаст интересы породившего ее класса». Ну, так и предала!

Но о каком отрыве от широких масс идет речь? Увы, диссиденты, которые иронически пародировали революционную песню: «Вышли мы все из народа. Как нам вернуться назад?», — били в самое больное место советской системы. Вышедший из народа номенклатурщик уже никогда не мог вернуться назад. Система инструкций, узаконившая само понятие «номенклатура» («номенклатура ЦК КПСС» и так далее), предопределяла пожизненное вращение номенклатурщика в высшей страте советского общества. Тем самым система превращала высокого управленца из «слуги народа» (декларируемая норма) в члена особого политического класса (социальная реальность).

Управленец подобного типа постоянно должен был оперировать декларируемой нормой, то есть лгать. Ложь истачивает душу, как ржавчина. Управленец начинал ненавидеть ложь. Может быть, вначале — именно как ложь. Но вскоре он начинал ненавидеть норму как таковую. То есть всю свою политическую систему. Он превращался в своеобразного подпольщика, в двуличное и двубытийное существо. Это существо не могло освоить позитивное элитное содержание (чувство исторической ответственности, чести и миссии), но оно впитывало, как губка, негативное элитное содержание (не мы для народа, а народ для нас).

Груз социальных обязательств (отсутствие наследуемой собственности, необходимость обеспечивать народу определенный набор социальных возможностей, идеологические табу и так далее) тяготил все больше и больше. И чем больше он тяготил, тем выше был уровень зависти к иным возможностям другой — западной — элиты.

При этом возможности понимались узко материально. Все духовное из этих возможностей исключалось. И, увы, это почти автоматическое выбрасывание всего духовного (в том числе, аскетического, жертвенного) из вожделенных возможностей происходило (не будем лукавить) еще и в силу того, что номенклатурный выдвиженец был плотью от плоти тех омещаненных «низов», которые он сам же и омещанивал. «Народ и партия едины».

Враждебные СССР силы прекрасно понимали данный феномен. Советологи, занимавшиеся советской элитой (иначе «кремленологи»), указывали генералам «холодной войны» на эти слабые точки советской «политической армии». Сам же номенклатурный класс стремительно загнивал, оказавшись в ловушке той заданности, которую я описал выше.

Что такое загнивание? Это неспособность элиты решать общественные проблемы при ее способности (и готовности) любой ценой защищать свой социальный статус и властные возможности. А что значит — любой ценой? Если элита, попавшая в такую ловушку, не может выживать за счет обеспечения прогресса, она станет выживать за счет регресса. То есть у нее появляется общий интерес с врагами своей страны, которые тоже мечтают о ее регрессе. Мечты врага — законны («ослабление основного геополитического противника»). А рептильные телодвижения своей элиты — преступны.

Так распался СССР. И если я занялся советской элитой в момент, когда запах ее гниения уже бил в ноздри, то только с одной целью. Найти какие-то выходы из тупика и предотвратить распад страны.

Не в первый раз я спрашиваю читателя, кем бы он ни был: из-за чего распался Советский Союз? В науке контрпример имеет доказательную силу. Северная Корея выстояла? Куба выстояла (ей обещали крах в 1992 году)? Китай не просто выстоял, а скоро станет державой № 1? Для того, чтобы опровергнуть тезис о фатальности строя как такового, достаточно одного контрпримера. А их, как мы видим, немало. Нет, не строй виноват в распаде. Тогда кто?

Кто-то скажет — народ. Кто-то, но не я. Я говорю — элита.

Она погубила СССР. И вполне может «разобраться» таким же образом с нынешней Российской Федерацией. Для того, чтобы этого не произошло, нужно исследовать элитную динамику, элитогенез, элитные конфликты, элитные субкультуры и многое другое.

Самоценны ли такие исследования? Никоим образом. Вопрос не в том, чтобы исследовать. Надо понять, как можно хоть в какой-то степени управлять элитогенезом. Как сдерживать хотя бы самые разрушительные элитные конфликты.

«Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»… Так-то оно так. Но как его изменять, не понимая внутреннего устройства? Провозгласить еще раз, вослед за Ю. Андроповым, что мы не знаем до конца общества, в котором живем?

А кто мешает его узнавать?

На самом деле мешает очень и очень многое. Прежде всего, свойства изучаемых систем. Ибо такие системы, по определению, не могут не противодействовать их изучению.

О каком противодействии я говорю? Есть простейшие формы противодействия. Для понимания этих простейших форм следует рассмотреть хотя бы «коллизию биографа». Предположим, что вы хотите написать всего лишь обычную биографию какого-нибудь влиятельного лица. Ну, скажем, американского мультимиллионера Арманда Хаммера.

Станет ли Арманд Хаммер аплодировать каждому, кто решит стать его биографом? Нет! Потому что у Арманда Хаммера есть понятная всем репутационная проблема. А также возможность повлиять на ситуацию с ее решением. В соответствии с этим он наймет комплиментарных биографов. А всех других назовет клеветниками. Подаст в суд. Выиграет суд. Предполагая это, издатели не будут печатать «некомплиментарную» биографию. А если и будут, то только получив некие гарантии от влиятельных врагов Арманда Хаммера. Но враги тоже захотят не истины, а репутационной игры. И где тут место для истины? Она окажется между Сциллой и Харибдой. Между мифом о Хаммере-ангеле и мифом о Хаммере-демоне. Истина же никому не нужна. Хаммеру — по одним причинам, его противникам — по другим.

Что такое элита? Это десятки тысяч таких Хаммеров. Каждый из них прячет правду о себе. Ибо эта правда содержит секретный материал, не имеющий срока давности. А также — разного рода неприятные сведения. Которые с точки зрения членов семьи (а также элитного сообщества в целом) могут не только подорвать индивидуальные репутации, но и спровоцировать гораздо более нежелательные процессы.

Предположим, вы обнаружили всю эту правду. И сумели доказать, что это правда, а не ваш вымысел. При этом вы должны учитывать, что если элита как совокупность закрытых социальных систем существует, то она обязательно будет защищаться от ваших вторжений. Но предположим, что вы преодолели все ее защиты (с чего бы это?). Что дальше?

Дальше десять тысяч закрытых семейных историй начинают переплетаться друг с другом. Образуется неимоверно сложный лабиринт. Это именно лабиринт, а не матрица. Полнота ваших сведений об архитектурных элементах этого лабиринта должна дополниться полнотой сведений о связях между различными слагаемыми данной суперсложной конструкции. Полнота и достоверность описаний начинают входить в противоречие.

Это противоречие знакомо всем, кто помнит (даже из школьного курса), что выводить закономерности поведения большого ансамбля частиц (например, газа) из свойств отдельных частиц (например, молекул этого газа) в принципе невозможно. Было бы это возможно — не было бы очень многих отраслей знания. Термодинамики, например.

Но дело не только в необъятности темы. Дело и в ее неопределенности.

Что такое наука об элите? Это социология или это история?

Предположим, что это история. Тогда элементом исследования является обычная биография. Биография тем и хороша, что в ней есть персоналистичность. Более того, биография тем лучше, чем больше в ней этой персоналистичности. Между тем я убежден, что для науки об элите персоналистичность в каком-то смысле является не необходимым условием, обеспечивающим адекватное понимание, а «шумом», который надо отсечь, изъять, подавить.

Человек как личность, осуществляющая действие, — это одно. Человек как элемент элитного ансамбля, интегрированный в элитную же игру, — это другое. На элитной сцене действует не человек в его обычной жизненной полноте, а некая «человекофункция». Шахматная фигура, стоящая на огромной многомерной доске с бесконечным количеством игровых клеток.

Для того, чтобы получить первичный материал, позволяющий осуществлять анализ элиты, вам надо проделать специальную процедуру превращения личности в эту самую шахматную фигуру.

Личность еще может по-человечески снизойти до понимания мотивов какого-нибудь пиарщика, который клевещет («ну, заказали парню — он и клевещет!»). Она будет благодарна за восхваление («вот ведь — понял мое величие!»). Иногда она даже стерпит правду («надо же — сумел раскопать!»). Но она с особой болезненностью будет воспринимать превращение «себя, любимого» в какую-то там «фигуру на шахматной доске».

Пока у тебя нет фигур, доски и понимания игровых правил — нет метода, нет науки об элитах. А когда все это есть, то имеющееся оказывается не сводимым ни к истории, ни даже к социологии. Что уж там говорить о восхвалении и клевете.

Только в одном случае личность может с этим смириться. Если она обладает аутентичной саморефлексией. В этом случае она в каком-то смысле превращается уже из фигуры в игрока. Но, чтобы возродиться и стать игроком, она должна умереть, превратившись в фигуру. Я называю это «элитной трансформацией». А эта самая личность яростно противится такому умиранию. Примитивные формы, с помощью которых предмет сопротивляется исследованию, — репутационные игры. Более сложные формы — противодействие «элитной трансформации».

Любому человеку (а представитель элиты — это чаще всего человек с сильным «эго») весьма неприятно ощущать, что, помимо того смысла деятельности, который он сам знает в силу осуществления деятельности, у нее есть еще какой-то другой смысл.

Рефлексия всегда болезненна. Я уже говорил, что многие люди не любят смотреть на себя в зеркало, потому что у них есть образ самих себя, отличающийся от того, который дарит им зеркало, и что есть явление видеошока, когда вполне импозантный человек, увидев себя на экране, начинает стонать и кричать: «Неужели я такой урод?» Дело не в том, что он урод, а в том, что видеокамера осуществляет сшибку его внутреннего образа с образом внешним, то есть рефлексивным. Все эти шоки, связанные с зеркалами, возвращающими вам ваш образ в виде чего-то, противоречащего вашему представлению о себе, — ничто по сравнению с травмирующим шоком элитной саморефлексии («думал, что все знаю о себе и природе собственных действий, а тут какие-то шахматы и фигуры»).

Представитель элиты претендует на обладание смыслом собственных действий. А элитная рефлексия бросает ему в лицо другой смысл того же самого действия. Далеко не каждый может справиться с таким вызовом. И только тот, кто с ним справляется, превращается из фигуры в игрока. Но это… Это, повторю, как умирание и воскресение. Первичное представление о своей роли и деятельности умирает в акте рефлексии. И возвращается в качестве познанной необходимости («так вот, оказывается, почему все было именно так»).

Шок рефлексии, о котором я говорю, в принципе неизбежен. И, как мне кажется, абсолютно необходим. Но для того, чтобы он стал возможен, нужна эта самая «элитная трансформация». Она является тончайшей и трудно формализуемой процедурой. Но, если не осуществлять такую процедуру, не будет ни предмета, ни метода. Будут некие — более или менее ценные — сплетни. И ничего более.

К сказанному необходимо добавить, что процедура «элитной трансформации» травмирует не только исследуемую личность, но и самого исследователя. Исследователя-то она, наверное, травмирует больше всего. И не каждый исследователь выдерживает подобную травму.

Данная процедура требует, прежде всего, демифологизации. Но это только первый этап. Демифологизация призвана уничтожить два основных мифа, на которых строятся все репутационные игры. Миф об элитном персонаже как о демоне. И миф о персонаже как об ангеле.

Занимаясь элитами (отдельными лицами или группами), категорически нельзя поддаться соблазну демонизации или ангелизации. Нельзя становиться на чью-то сторону. Нельзя видеть в одних слагаемых элитного социума воров, коррупционеров, укрывателей негодяев, а в других слагаемых — борцов со всем этим злом.

Это не просто призыв к объективности. Легче всего ограничиться подобным призывом. Я же хочу сказать, что нет и не может быть универсальной объективности. Объективность объективности рознь. Есть объективность идеолога. Я занимался и буду заниматься идеологией. Но именно потому, что занимаюсь и буду заниматься, — знаю, чем идеологическая объективность отличается от объективности аналитика элиты. Идеолог объективен постольку, поскольку соотносит разные элитные группы с некой высшей идеей. Например, идеей развития. Оказывается, что одна группа или класс выражают эту идею, а другая группа или класс ей противостоят.

Однако идеолог никогда не занимается разбором добродетелей и пороков отдельных представителей того или другого класса. Становясь пропагандистом (а это очень важная функция), он может начать идеализировать класс и представлять его вождей в виде средоточия добродетелей. А его противников — как средоточие пороков. Но это уже пропагандистские мифы! Существенная, но специфическая часть политики.

Уголовно наказуемыми пороками отдельных личностей или специфических групп может заниматься практикующий юрист. Но его объективность и объективность идеолога… Согласитесь, это разные объективности.

А есть еще объективность историка. Говорят, что историк должен быть беспристрастным. Может быть, и должен. Но я не знаю крупных, и тем более великих, историков, проявлявших абсолютную объективность. Историческая объективность весьма условна, поскольку историка интересует личность с точностью до ее исторической роли. Историк не морализатор. Он вживается в образ того или иного деятеля, творящего эту самую историю. И чем больше вживается, тем больше оправдывает его. Нет вживания без определенного оправдания. И нет исторического понимания без вживания. Значит ли это, что историк необъективен? Нет. Но у него своя объективность. И ее ограничения заданы подобным необходимым вживанием.

Пока академик Тарле занимался, например, биографией Наполеона и вживался в эту фигуру, он противопоставлял детальному описанию изучаемого им героя некую схематизацию в виде антагониста героя — Талейрана. Но когда он начал заниматься Талейраном, то вжился в этот исторический персонаж, обогатил его деталями. В каком-то смысле Наполеон при этом потускнел. Оказалось, что Талейран хоть и беспринципный человек, но гений и провидец, а Наполеон все же более примитивная и прямолинейная фигура.

Такова объективность Тарле — крупнейшего историка, занятого историческими личностями. Она связана не с пороками его индивидуального метода, а со специфическими особенностями собственно исторической объективности.

Тарле был объективен как историк, занимающийся личностями и их вкладом в историю. Но он не занимался элитами.

В Одессе говорят: «Почувствуйте разницу». Те, кто не чувствует различия, не должны заниматься элитами.

Начав заниматься элитами, ты должен противопоставить историческому и историко-политическому описанию нечто принципиально другое. Все идеологическое должно быть изъято. Я бы сказал — убито. Вступая на эту стезю, ты как бы должен убить в себе другие модусы собственной интеллектуально-духовной личности. Ты должен убить в себе не только идеолога и даже историка.

Это было бы еще полбеды. Но ты должен убить в себе еще и морального критика. А также критика, дающего правовую оценку всему тому, что делает исследуемая тобою фигура, передвигаясь по элитной доске.

Люди, занятые другими профессиями, негодуют: «Мы де, мол, применяем по отношению к объекту общепринятые средства интеллектуальной атаки — моральные, идеологические, гуманистические, правовые. Тут появляется Кургинян со своей теорией элит и начинает обсуждать тот же объект с помощью метода, который элиминирует подобного рода средства. Все погружается в имморализацию, деидеологизацию, дегуманизацию и выводится за правовые рамки. В результате нам труднее атаковать объект. А значит…» Здесь оппонент делает многозначительную паузу и потом говорит: «А значит, Кургиняну это заказали те, кого мы атакуем!»

Я лишь вкратце остановлюсь на двух (как мне кажется, не ключевых, но существенных) ошибках, которые постоянно делают мои оппоненты.

Первая — логическая. Она в самом этом «а значит»… Ничто в таких случаях ничего не «значит». Даже если мой метод убивает чьи-то построения, то это не «значит», что я использую метод потому, что хочу эти построения убить. Я использую этот метод только для получения определенных знаний, и ни для чего больше.

Вторая из этих (повторяю, существенных, но не ключевых) ошибок связана уже не с логикой, а с психологией: «Поскольку мы уже установили, что он убивает наш благородный труд, то в чем его мотив? Мотив поиска истины исключен. Тогда ради чего он так надрывается? Убийство нашего благородного труда предполагает наличие у него низменного и злого мотива. Ясно ведь, каковы такие мотивы. Это корысть или исполнение директив злых сил, с которыми мы благородно боремся».

Вы никогда не читали работ, в которых доказывается, что «Тихий Дон» — это соцзаказ Сталина, а «Капитал» Маркса — это заказ высоких чинов британской разведки? Если вам такие работы нравятся, не надо мучиться над чтением утомительных выкладок, производимых мною — признаюсь с прискорбием — всего лишь в поисках истины. Если же вам такие идиотские измышления все же не нравятся, то задайтесь вопросом: почему авторы всех этих шизоинсинуаций считают себя свободными от принципа бумеранга? Если миром управляет заказ и все исследователи не ищут истину, а корыстно тот или иной заказ выполняют, то где гарантия, что они, критики этих исследований, не являются столь же корыстными исполнителями заказа, но соседних сил? Чуете, каков будет градус шизофрении при тотальном применении данного метода?

Если бы в результате каких-то обвинений в мой адрес страдала только моя репутация, то я вряд ли стал бы стрелять из пушек по воробьям. Взялся за описание элит — жди множественных инсинуаций. Но шизофренизация сознания (она же — гиперконспирология) — это вам не частные обвинения в адрес какого-то исследователя. Это препятствие на пути исследования вообще. И бороться с этим препятствием мой долг интеллектуала и гражданина. Я для того и занимаюсь элитами, чтобы конспирологи не сводили людей с ума, не превращали нацию, ее думающую и обеспокоенную часть, в сообщество параноиков.

И потому я попытаюсь показать, как интерпретаторы моих изысканий в сфере прикладной теории элит, применяя свой порочный метод, постепенно формируют в своем сознании (и, что хуже, в сознании своего читателя) некий синдром, граничащий с потерей всяческой адекватности.

Предположим, что я, как исследователь элиты, решил заняться анализом нашумевшей статьи «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев», которую написал директор ФСКН В. Черкесов. Предположим далее, что кто-то атакует В. Черкесова и хочет представить его как демона. Тут вылезаю я со своей «элитной трансформацией» и заявляю: «Ребята, чтобы что-то понять, надо избавиться от демонизации и рассмотреть Черкесова как фигуру на элитной доске».

Что тогда говорится? Что я защищаю Черкесова от справедливых обвинений.

Но тут же находятся люди, для которых Черкесов — заведомый ангел. А что? Борец с силами абсолютного зла — это ангел! Опять я вылезаю с этой самой «элитной трансформацией» и ору: «Не ангел, слышите? Не демон, но и не ангел, а элитная величина!»

Тогда обижаются сторонники Черкесова. Им нужно превратить его в ангела, а я мешаю.

Да еще я начинаю исследовать отставку Генерального прокурора РФ В. Устинова. Ну, неймется мне, и все тут. И опять мне нужна та же «элитная трансформация». Я ведь когда начал исследовать? Сразу по горячим следам, когда Устинова демонизировали так, что дальше некуда. Я что тогда сказал? Я сказал: «Устинов — не демон! Не демон он, понимаете? А элитная величина!» Противники Устинова возмущены: «Как это так — не демон, когда мы точно знаем, что демон!» Я

отвечаю: «Нет демонов в элитных композициях! Забудьте о них! Есть только элитные величины». Тогда начинаются разговоры о том, что мне Устинов «отмывку» заказал.

Но потом Устинов удерживает элитные позиции. Появляются охотники его хвалить. Да и элитная война требует этого. Очередные страстные воспеватели провозглашают, что Устинов — ангел. И тут опять я с этой самой «элитной трансформацией». Талдычу: «Не демон, но и не ангел». Те слышат, что «не ангел» — и обижаются. Тогда оказывается, что мне это заказали противники Устинова.

Но на этом все не завершается! Я же и дальше что-то пишу. В книге «Слабость силы» возникает, например, А. Суриков. Скажете — не Генеральный прокурор и не глава Госнаркоконтроля. Не спорю. Но все-таки какая-то элитная величина. Элитные игры — это шахматы. Там важен не только формат фигуры, но и позиции, и многое другое.

Короче, стал я рассматривать Сурикова. Что значит — рассматривать? Это значит осуществлять все ту же «элитную трансформацию». То есть в очередной раз освобождать, так сказать, персонажа от всех (да, именно всех) качеств, к которым так пристрастно относятся и враги, и апологеты. Ибо мне для работы (аналитики элитной игры) нужен не демон и не ангел, не герой и не негодяй. И даже вообще не личность. А некое «число»… индикатор… лакмусовая бумажка… меченый атом, наконец… Я предлагаю читателю присмотреться к тому, что маркирует собой появление данного персонажа в тех или иных средствах массовой информации в том или ином качестве. То есть я демифологизирую (и даже деперсонализирую) Сурикова, поскольку в этом суть метода.

А кто-то уже выбрал Сурикова на роль демона. Сразу же вопль: «Ах, ты говоришь, что не демон! Значит, ты отмываешь такого-то и такого-то негодяя — ясное дело, за такие-то и такие-то деньги!»

Но кто-то уже выбрал Сурикова на роль ангела (есть целый «клуб любителей Сурикова»). И он обижается тоже.

Теперь представьте, что я осуществил «элитную трансформацию» (демифологизацию, деперсонализацию) по отношению к десяти-двенадцати элитным персонажам, фигурирующим в моей аналитике элитной игры. А чье-то сознание, обуреваемое желанием приписать всему этому заказные мотивации, осуществляет «сборку». Тогда оно, сознание это несчастное, попадает — причем тютелька в тютельку — в точку под названием «шизофрения». Потому что получается, что все скопом заказали мне друг на друга сразу все типы взаимоисключающих деяний. Я по их заказу сразу на всех клевещу. И одновременно всех отмываю. Сначала отмываю, потом клевещу. Потом снова отмываю, потом снова клевещу. А они мне платят и платят… О, этот золотой сон постсоветского гиперконспирологического разума! Какое чудовище ты рождаешь!

Мультипликация обвинений в мой адрес превращается сначала в маниакальный синдром. Потом синдром распухает. Потом он перекидывается на мир. Потому что я и иностранные фигуры так же описываю. Распухая, он превращается в гиперманию «кургинизации» человечества. Уже нет ни мира, ни героев. Есть один глобальный художник, который рисует все сразу. Прямо какая-то София в мужском обличий. Или демиург? Так маниакальный пузырь (фирменное творение целого ряда конспирологов, включая тех, которые почему-то называют себя моими «интеллектуальными внуками») наконец лопается.

И что тогда обнаруживается?

Обнаруживается, что наша страна абсолютно разоружена по отношению к элитным играм, которые однажды уже привели ее к поражению, а теперь призваны добить ее окончательно. В стране нет субъекта, осуществляющего игровую рефлексию. Нет отработанного инструментария, с помощью которого можно улавливать угрозы подобного типа. Нет общественного мнения, способного с холодной страстностью реагировать на элитные игры, не попадая при этом в ловушку мифологизаций и всего прочего.

А если возвращаться к тому, с чего я начал, то обнаруживается отсутствие основополагающих предпосылок субъектности. Тех предпосылок, вне которых не может быть, например, политической разведки. Что-то там вытворяет твой враг или конкурент… Но что? Видите ли, играет… Как играет, во что, зачем?

Но враг этот или конкурент не только на своей политической территории играет. Он и на твою залезает. Для того, чтобы с этим бороться, тебе нужна не политическая разведка, а политическая контрразведка. Но и она невозможна. Потому что против тебя не воюют, а играют. А ты, не освоив

эту культуру, не улавливаешь нюансов игры, ведущейся и на чужой, и на твоей территории. И, соответственно, беззащитен. Уже «холодная война» — это не война, а игра. Советский Союз не победили, а обыграли. Бжезинский все время говорил об игре, и не он один.

Для того, чтобы воевать (на обычном или невидимом фронте), нужно иметь обычную разведку (и контрразведку). А для того, чтобы играть, нужны именно политические по сути своей (как их только ни называли — «стратегические», «концептуальные», «высшие») разведка и контрразведка. А также тот особый интеллектуализм, без которого они невозможны.

Не будет всего этого без теории элит. Без применения операций «элитной трансформации» для превращения обычной информации в информацию об элитах. Без соответствующих баз данных, алгоритмов, моделей.

И что же? Я должен отказаться от построения всего этого инструментария потому, что его построение кого-то обижает, кого-то возбуждает, а кого-то и беспокоит? Я бы, может, и отказался. Но — скажу честно и без патетики — ненавижу чужую умную и холодную беспощадность, которая приближается к нашему «Холстомеру», а он смотрит на это и думает: «Лечить, верно, хотят».

Растерянность народа, интеллигенции, всей страны… Такая простодушная растерянность, наивно-романтическая в своей придурковатой озлобленности. Жалко… Потому и пишу, наверное, что жалко.

Ну, вот… Начал с того, что надо избыть человеческое ради понимания сути элитных игр… А закончил, как и подобает жителю Отечества нашего, смыслом жизни.

Признаю противоречие. Но не каюсь. Потому что смысл не в том только, чтобы победить, но и в том, чтобы, победив, не превратиться в то, с чем боролся. Правда ведь?

Глава 2. Гносеология — или о том, как добывается искомое знание

Что такое «элитная трансформация»? Это, прежде всего, трансформация. А что такое трансформация? Это преобразование. Где преобразование, там и преобразователь. То есть система, принимающая некую совокупность сведений («сигнал на входе системы») и обрабатывающая эту совокупность сведений с помощью каких-то алгоритмов («операций»). Преобразующее устройство называется «оператор». После осуществления обработки оператор выдает пользователю преобразованный массив сведений («сигнал на выходе») — рис. 1.

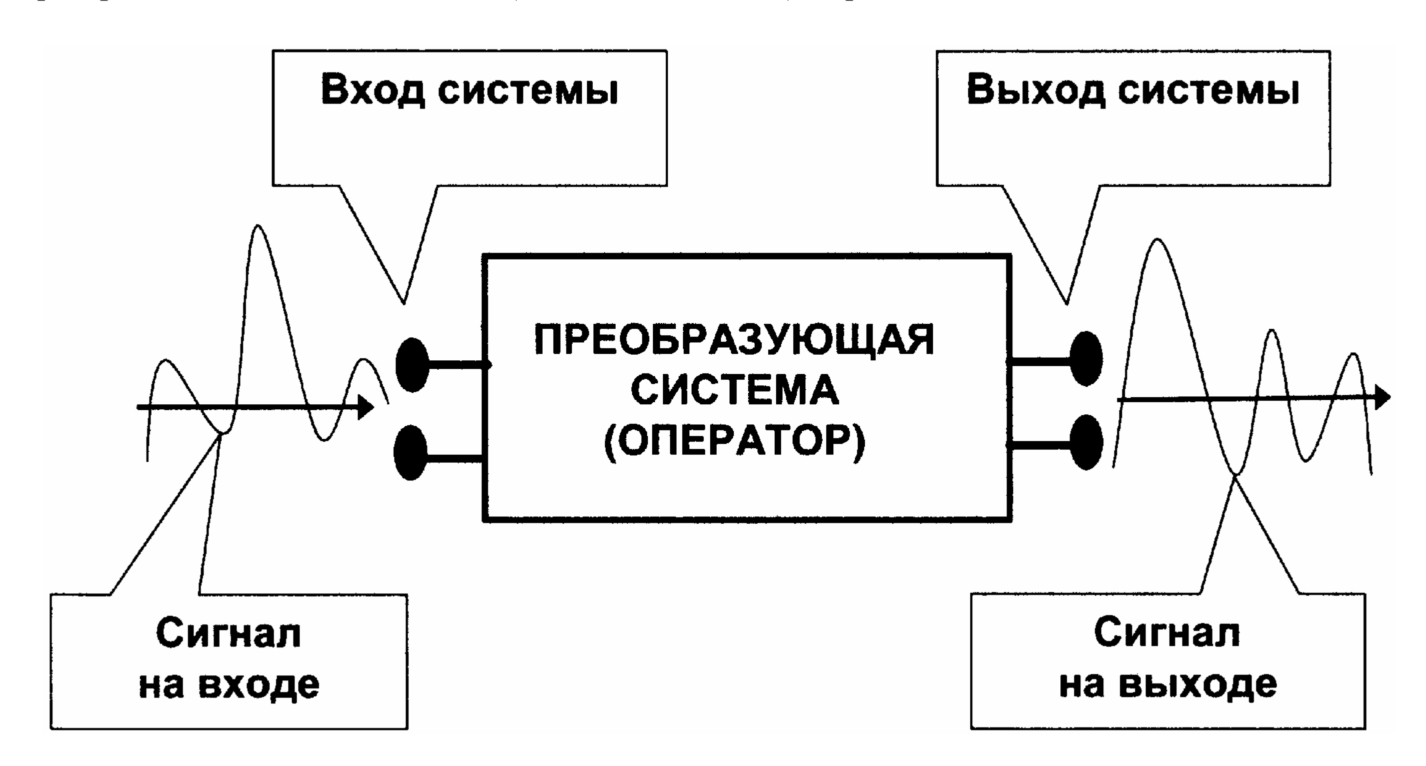

Рис. 1

Итак, рассматриваемое мною преобразование, которое я называю «элитной трансформацией» (в дальнейшем буду использовать сокращение ЭТ), может быть представлено в виде вышеуказанного оператора, принимающего нечто на входе и выдающего нечто на выходе.

Но такое описание трансформации ничего не говорит о ее характере. Любая трансформация может быть представлена таким образом. Приведенная мной схема (рис. 1) тем и хороша, что на вопрос о том, ЧТО и ЗАЧЕМ трансформируется, будет дан ответ: «Что угодно и зачем угодно». Это «что угодно и зачем угодно» породило ряд наук (кибернетику, теорию операций и так далее).

Но нас подобная «чтоугодность» не устраивает. Нам нужно знать, ЧТО и ЗАЧЕМ преобразует оператор ЭТ. И, прежде всего, нам нужно знать ЗАЧЕМ.

Но разве все трансформации не делаются с одной и той же целью — исследовать то, что является предметом исследования?

На самом деле, это не совсем так или, точнее, совсем не так.

Исследователь имеет дело с двумя качественно разными типами осуществляемых им трансформаций или исследовательских процедур.

Трансформации или исследовательские процедуры могут использоваться как для того, чтобы ИССЛЕДОВАТЬ некий предмет, так и для того, чтобы этот предмет СОЗДАТЬ.

Кому-то может показаться, что такое разграничение является избыточным. Готов доказать, что это не так. Начну свое доказательство ссылкой на авторитет, понимая, что такая ссылка сама по себе не может ничего доказать. И все-таки…

Есть такой великий философ Эдмунд Гуссерль. Он автор феноменологического метода. В рамках метода Гуссерль подробно описал законы (точнее, наверное, сказать «правила»), согласно которым феномены ведут себя определенным образом. Но для того, чтобы применить метод, Гуссерлю нужны были эти самые феномены. И он их сначала создал в качестве предмета своих будущих исследований, а потом уже начал исследовать.

То есть он (как и любой другой ученый) применил на самом деле в своей работе преобразующие операторы двух принципиально разных типов.

Операторы первого типа он использовал для создания предмета. Из чего? Из субстанции непосредственно данного. Если рыцарю нужен меч, а у него есть только металл, то он сначала скует меч, а потом начнет сражаться. Так и ученый. Предмет — это меч, с помощью которого он сражается. Его исследовательские процедуры — это приемы использования меча. Но перед тем, как начать сражаться с помощью меча, используя те или иные приемы, он должен получить меч.

Получение меча — это и есть операторы первого типа.

Приемы использования меча — это операторы второго типа.

Создание предмета из реальности может производиться как за счет относительно простой переработки реальности в предмет, так и за счет очень глубоких переработок.

Операторы первого типа могут так глубоко преобразовать реальность, что полученный предмет будет иметь очень отдаленное отношение к этой самой реальности. Так-то оно так. Но может оказаться, что только за счет такой глубокой переработки возникнут знания, которые в конечном счете раскроют нечто в реальности.

Для того, чтобы «получить» предмет (феноменальное как таковое), Гуссерлю понадобилось применить очень мощный оператор первого типа (феноменологическую редукцию). «Получив» феномены, Гуссерль стал осуществлять определенные операции с этими феноменами. То есть применять к полученным феноменам операторы второго типа. Применив операторы второго типа (то есть собственно исследовательские процедуры), он вывел закономерности поведения феноменов. А дальше, соотнося феномены с реальностью, поведал нам нечто новое по поводу оной.

Иногда операторы (и операции) первого типа составляют тысячные доли от совокупного «операционизма», осуществляемого учеными. И тогда кажется, что их просто нет. А иногда операторы (и операции) первого типа составляют до 90 процентов этого самого совокупного «операционизма». Гуссерль — это пример на тему о 90 процентах.

Апеллируя к этому примеру, я отстаиваю свое право исследователя заниматься операторами (и операциями) первого типа достаточно подробно и тщательно.

Я также оговариваю, что оператор ЭТ — это именно оператор первого типа.

Подобная оговорка не может делаться походя. Поскольку она имеет огромное значение. Причем не только научное, но и политическое.

Вы занимаетесь каким-то элитным актором. Но он же не только актор! Он еще и человек. У него есть имя, биография, мотивы, интересы. Все это слагает его непосредственную реальность.

Что вы исследуете? Эту реальность? Тогда нет места операторам первого типа вообще и моему оператору ЭТ в частности. И нет места аналитике элит как науке!

Хуже вы или лучше исследуете все эти биографические подробности, мотивы, интересы, связи, конфликты и прочее… Используете вы для их исследования адекватные или неадекватные средства… В любом случае, это не аналитика элиты. И не теория элиты. Почему?

Потому что действующие лица и ситуации в их непосредственности — это, в лучшем случае, предмет новейшей истории. Ну, хорошо — политологии (хотя и это уже не так). Но это не предмет «элитологии». А для того, чтобы сделать действующие лица и ситуации предметом «элитологии» (теории элит), надо применить мощный оператор первого типа под названием ЭТ и с его помощью преобразовать реальность этих самых «лиц и ситуаций» в предметность «элитологии».

Для прояснения использую филологический пример.

Представьте себе, что вы анализируете, например, Евгения Онегина, главного героя одноименной поэмы Пушкина. Вы можете рассматривать Евгения Онегина как персонаж. Употребляя это слово, обращаю внимание читателя на то, что персонаж — это персона. То есть личность. Даже если некая маска («парсуна»), то все равно личность. Слово «личина» (опять же, маска) адресует тоже к личности. Как филолога, меня должен интересовать персонаж, то есть личность Евгения Онегина. Конечно, это собирательная личность, в которой художник творчески сконцентрировал определенные свойства. В зависимости от жанра такая сконцентрированность может в большей или меньшей степени отражать ту или иную реальность. Как реальность окружающего мира (внешнюю реальность), так и реальность души художника (внутреннюю реальность).

Филолога интересует образ Евгения Онегина как единство этих двух реальностей. Единство объективного и субъективного. Одновременно с этим его интересует специфика отражения этой реальности художником (жанр, стиль, композиция, емкость метафор и так далее). И потому Евгений Онегин является для филолога персонажем — личностью, через которую творец хочет нечто выразить. Филолог анализирует эту личность именно как личность.

Если художник не Пушкин, а, например, Блок, то филолог, может быть, и откажется от анализа персонажей как конкретных личностей в их буквальности. Евгений Онегин может ходить среди своих современников и быть узнанным ими. А Коломбина или Пьеро… Тут речь идет о другом соотношении субъективного и объективного. Блок через эти символические фигуры (маски) выражает свое понимание эпохи, фундаментальных человеческих коллизий… А также свое видение времени. То есть дает нам некоторые сведения об Александре Блоке — человеке определенной эпохи с определенным мировоззрением. Он рассказывает нам еще и о том, как эта эпоха видит фундаментальные человеческие коллизии, относится к року и долженствованию. И чем это отношение отличается от отношения эпохи… ну, например, того же Эсхила. Или Петрарки.

Сравнивая отличия, мы можем увидеть общее. Оценить историческую динамику, сделать какие-то выводы по поводу истории идей и так далее.

Таким образом, даже филологи разных школ, анализирующие произведения разных жанров, уже не только раскрывают, но и препарируют персонаж. Но все же они относятся к персонажу трепетно, поскольку он является предметом их исследования.

А теперь представьте себе, что Евгением Онегиным как пушкинским героем занялся социолог быта. Ему наплевать на свойства личности. Он хочет сопоставить описанный Пушкиным набор пищевых продуктов, стоящий на столе у Евгения Онегина, и тот же набор пищевых продуктов, который значится в оставшемся и имеющем историческую ценность меню какого-то ресторана. А если не осталось меню, а у социолога быта темой является «пищевой рацион в Древней Греции»? Тогда для него Гомер, например, — это бесценный источник. Но его не интересуют ни внутренний мир слепого творца великого эпоса, ни сомнения, обуревающие душу Ахилла и выражающие собой некую реальность той эпохи, которую отражает Гомер. Его интересует, как разделывали быка. А его собрата, тоже занятого бытом Древней Греции, — что именно изображено на щите Ахилла.

В этом смысле социолог быта превращает Евгения Онегина из персонажа в микросоциальный феномен (носителя определенной бытовой традиции). Для Евгения Онегина как личности очень важно, например, отношение к Татьяне Лариной. А для социолога быта это неважно. Ему важно, что Онегин, выезжая на прогулку, надевает широкий боливар. И он будет анализировать, в какой степени данная мода сопряжена с Онегиным как микросоциальным феноменом. Все ли носили широкий боливар, почему он был широким. От всего остального социолог быта… что? Правильно — абстрагируется.

Является ли тогда анализируемый им Евгений Онегин персонажем? Или это уже микросоциальный феномен? Ответ, по-моему, очевиден.

Еще не так давно в советских учебниках, а уж тем более в научной литературе соответствующего профиля, Евгений Онегин рассматривался как «выразитель определенных классовых интересов». Понимал ли Евгений Онегин как личность, что он является выразителем интересов городского дворянства и в этом противостоит сельскому дворянству, интересы которого выражает Татьяна Ларина?

Если бы Евгений Онегин был не собирательной, а живой личностью, то, прочитав о том, что он действует как представитель класса (макросоциальной группы), он бы очень обиделся. И внятно объяснил пишущему, что действовал он как автономная личность, исходя совершенно из других, отнюдь не классовых мотивов. Например, он плохо выспался, выпил лишнего, обиделся, заскучал. Может быть, он даже раскрыл бы какие-то неявные мотивы своих действий… Например, накопившееся подспудное желание разорвать с ситуацией, которая его все больше затягивает и может привести к ненужной женитьбе. Но что он точно бы отверг, так это наличие у него классовой мотивации.

Мне скажут, что он был бы прав. А исследователь, редуцирующий все до классовых мотивов, — это вульгаризатор и жертва идиотизмов определенной эпохи. Но как быть с тем, что Онегин с Ленским дрались на дуэли? Могла ли другая личность в другую эпоху делать то же самое? Буду ли я, например, обидевшись на то, что мой приятель за кем-то ухаживает (хоть бы и за моей женой), предлагать ему стреляться? Как на это посмотрят мои друзья, которые должны присутствовать и соучаствовать в выяснении отношений подобными методами? Откуда я возьму оружие, причем определенного типа (дуэльные пистолеты)? Как посмотрит на мои действия и действия моих друзей милиция? И вообще, придет ли мне это в голову? Может быть, я грубо выскажу приятелю, что я об этом думаю, а может быть, даже заеду ему в физиономию или разорву отношения. Но ведь не более!

Если же я являюсь представителем другой субкультуры, которыми изобилует наше время, то я могу приятеля «заказать». И такие случаи описаны в современной литературе разного профиля. Отнюдь не только художественной. А Ленский «заказать» Евгения Онегина не может. Во-первых, потому что это не придет ему в голову. Во-вторых, потому что нет рынка киллеров. В-третьих, потому что он… Да что там он! Кто-нибудь поверил бы в сюжет, в котором такие «заказы» осуществлялись бы 25 лет назад? Сюжет сочли бы неадекватной выдумкой. И в целом были бы правы. А теперь это «почти норма» в пределах определенной субкультуры.

Как представитель этой нормы смотрит на сюжеты из «Евгения Онегина»? Или на сюжеты из «Песни о Роланде»? Что такое знаменитое школьное сочинение: «Раскольников убил старуху — и правильно сделал. Жалко только, что плохо спрятал», которое цитировал Высоцкий в конце спектакля «Преступление и наказание»? Это элегантная шутка? Или пророчество по поводу нового времени?

Все, что я здесь рассматриваю, адресует к различиям между персонажами и феноменами. Подход с позиций быта и моды редуцирует персонаж до микросоциального феномена. Классовый подход редуцирует тот же персонаж до макросоциального феномена. Рефлексия на феномен дуэли редуцирует персонаж до цивилизационного феномена (Бродель часто делает это в своей теории укладов). Фрейд будет редуцировать персонаж до психоаналитического феномена. Юнг — до архетипического феномена (почему не сделать это, например, со сном Татьяны Лариной?). А конспиролог скажет вам, что приснившийся Татьяне Лариной медведь — это символ определенной политической партии и одновременно короля Артура. И что использование Пушкиным такого символа означает его принадлежность к такой-то тайной масонской ложе. То есть он осуществит конспирологическую редукцию и будет подменять персонаж конспирологическим же феноменом.

Первое, что необходимо установить при содержательном обсуждении «элитных трансформаций», — это то, что обсуждаемые с позиции ЭТ персонажи и ситуации носят редукционистский характер. Мы обсуждаем не персонажи и ситуации в их буквальности. Мы обсуждаем элитные феномены, которые получаем с помощью ЭТ — операторов первого типа, позволяющих превратить персонаж — в феномен, ситуацию — в элемент игры (игровой ход) — рис. 2.

Итак, «элитные трансформации» не исследуют, а создают предмет. Трансформации, осуществляемые для создания предмета, а не для его исследования, можно называть редукциями (рис. 3).

«Элитная трансформация» — это редукция, которая превращает героя из персонажа (в качестве какового он интересует, например, историка) в феномен (рис. 4).

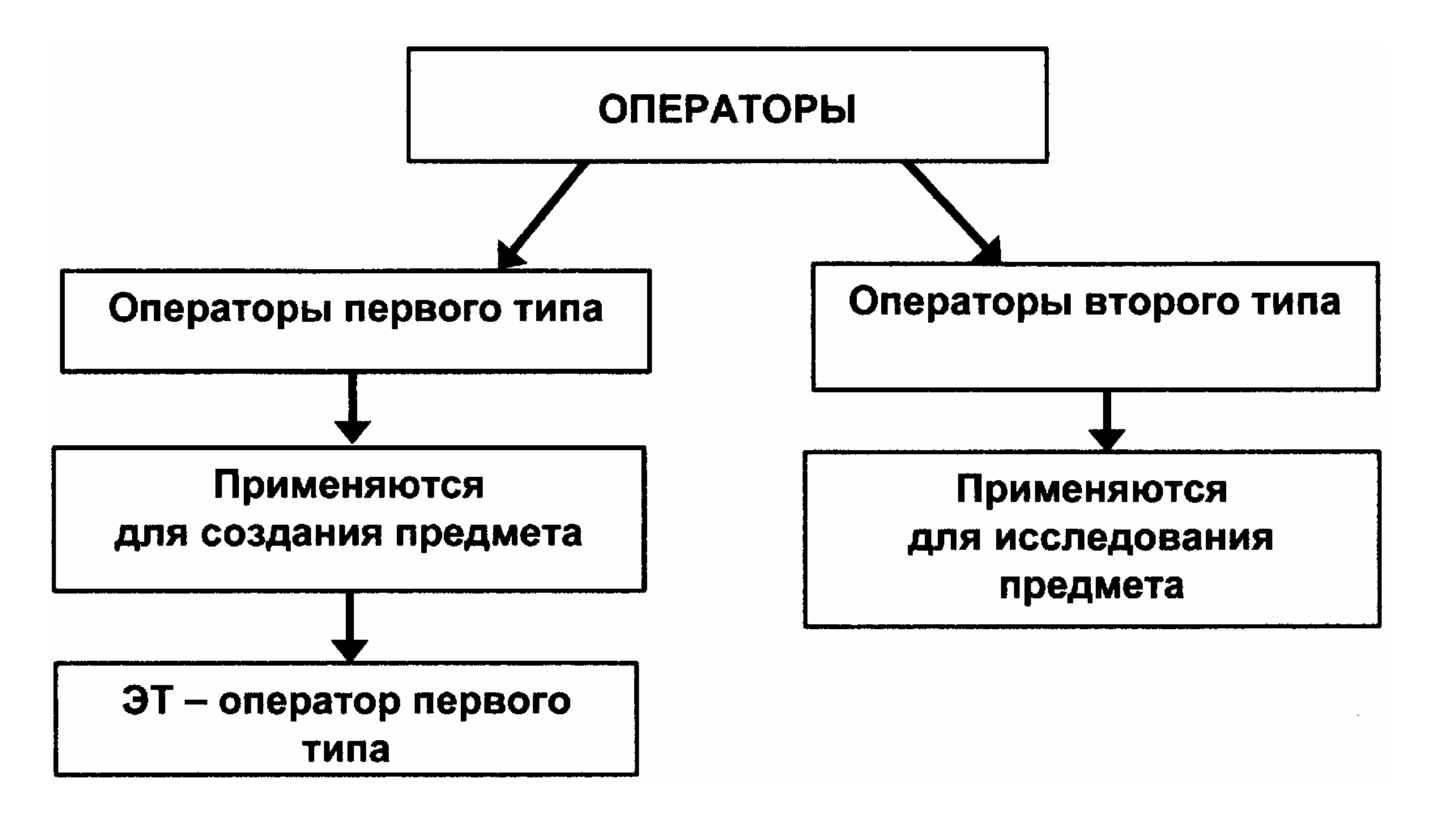

ОПЕРАТОРЫ
Операторы первого типа
Операторы второго типа
Применяются
для создания предмета
Применяются
для исследования
предмета
ЭТ – оператор первого
типа

Рис. 2

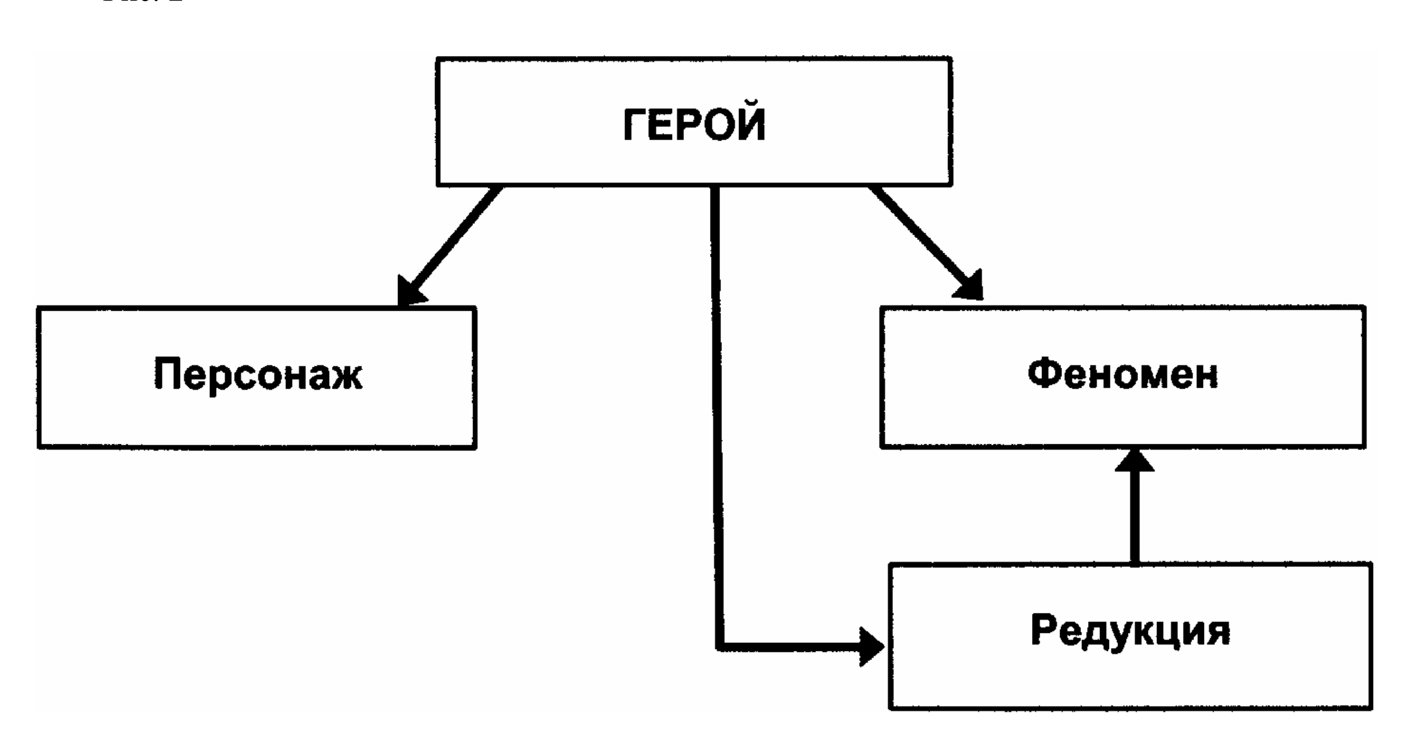

ГЕРОЙ
Персонаж
Феномен
Редукция

Рис. 3

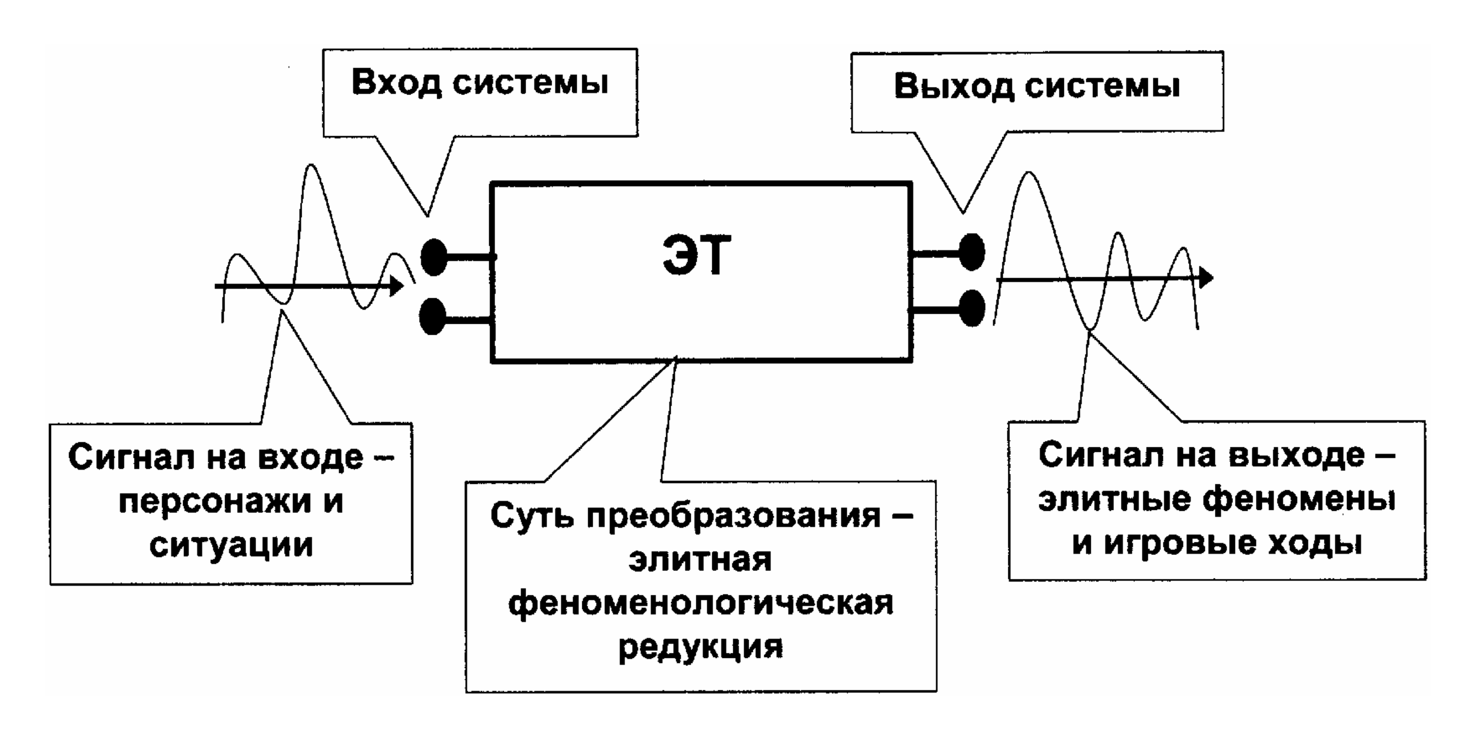

Рис. 4

Предположим, что я являюсь историком и в качестве такового исследую биографию… ну, например, президента какой-нибудь из стран Запада. Отдельный вопрос, что такое историк без социальной теории. Но это сейчас модно… Модно превращать историю в песню акына (что вижу — о том и пою). Модно не придавать происходящему никаких смысловых индексов… Мое отношение к этой моде понятно. Но я не собираюсь кому-то это отношение навязывать.

Итак, предположим, что я историк-буквалист (биограф). И в этом качестве занимаюсь исторической биографией президента какой-нибудь европейской страны. Откуда я получаю данные — от самого президента, из официальных источников, от политических конкурентов? От внешних или внутренних сил, намеренных осуществить переворот (он же — восстановление конституционной законности)?

Если я получаю данные только из официальных источников, то я плохой биограф. Если я договариваюсь с президентом и он дает мне доступ к какой-то личной информации, которая недоступна другим, то я хороший биограф. Если мне «сливают» данные политические конкуренты, то все зависит от качества данных. Если это объективные данные, то не все ли мне равно откуда они? Но тогда у меня должны быть доказательства их объективности. И я должен понимать, что я включаюсь в игру на чьей-то стороне и беру на себя соответствующие политические обязательства.

Например, Боб Вудворд, известнейший американский журналист и фигура знаковая, участвуя в государственном перевороте (или восстановлении конституционной законности), выступил в качестве буквалиста, описавшего некую ситуацию в рамках действий президента США Ричарда Никсона. Описание этой ситуации, наложившись на противоречивую игру интересов, привело к импичменту (то есть государственному перевороту, использующему процедуры конституционного типа).

Речь, конечно же, все равно шла о государственном перевороте, потому что теперь-то всем ясно, что действия, подобные тем, которые осуществлял Никсон, осуществляли очень многие президенты США. (Так, по крайней мере, утверждают очень крупные чины ФБР). Но Никсон осуществлял эти действия более небрежно, он насолил могущественным противникам больше, чем другие. Он допустил какие-то ошибки, и его антиконституционные действия получили иную огласку и иную оценку, нежели такие же действия его предшественников. Запустил процедуру расследователь («буквалист») Вудворд, опираясь на данные из тщательно законспирированного источника, который потом в течение десятилетий называли «глубокая глотка». Недавно стало известно, что этот источник — высокое лицо тогдашнего ФБР. А мотив — идеологический.

В любом случае, Боб Вудворд раскрыл нам некий эпизод из биографии президента США Ричарда Никсона. И в этом смысле он может считаться и биографом особого рода. Одновременно Вудворд инициировал своим расследованием некое политическое действие. Это действие можно квалифицировать по-разному. Как восстановление законности в США… Как обеспечение чьих-то политических интересов… Как сумму из двух вышеназванных слагаемых. Неважно. Главное, что

Вудворд — это буквалист, раскрывший неожиданную фактуру и оказавшийся участником определенной политической борьбы.

Некто занимается биографией политика (например, того же президента Никсона). Что ему нужно для таких занятий? Ему нужно быть либо конфидентом данного политика, либо его политическим противником. А еще он может быть унылым коллекционером сведений, сообщаемых теми, кто обладает ценной фактурой. Обладают же конфиденты или противники. А еще он может собирать недостоверные сплетни.

Но это если он буквалист и в качестве такового занимается тем же Никсоном как персонажем. А если он занимается тем же Никсоном как выразителем консервативных тенденций в американской политике? Значит ли это, что он подкапывается под Никсона? Ничуть нет, ведь сам Никсон говорит о себе как о консерваторе. Специалист по консерватизму (или американскому консерватизму XX века) возьмет хорошо известные данные о Никсоне и соединит их с закономерностями консервативного политического поведения. И вдруг эти данные «заиграют» совсем иначе.

Специалист по американскому консерватизму XX века — не конфидент и не противник Никсона. Он ничего особенного о Никсоне не узнает и не хочет узнать. Но он много знает о консерватизме как таковом. И через это может помочь иначе понять Никсона. Это понимание могут использовать противники, друзья — кто угодно (рис. 5).

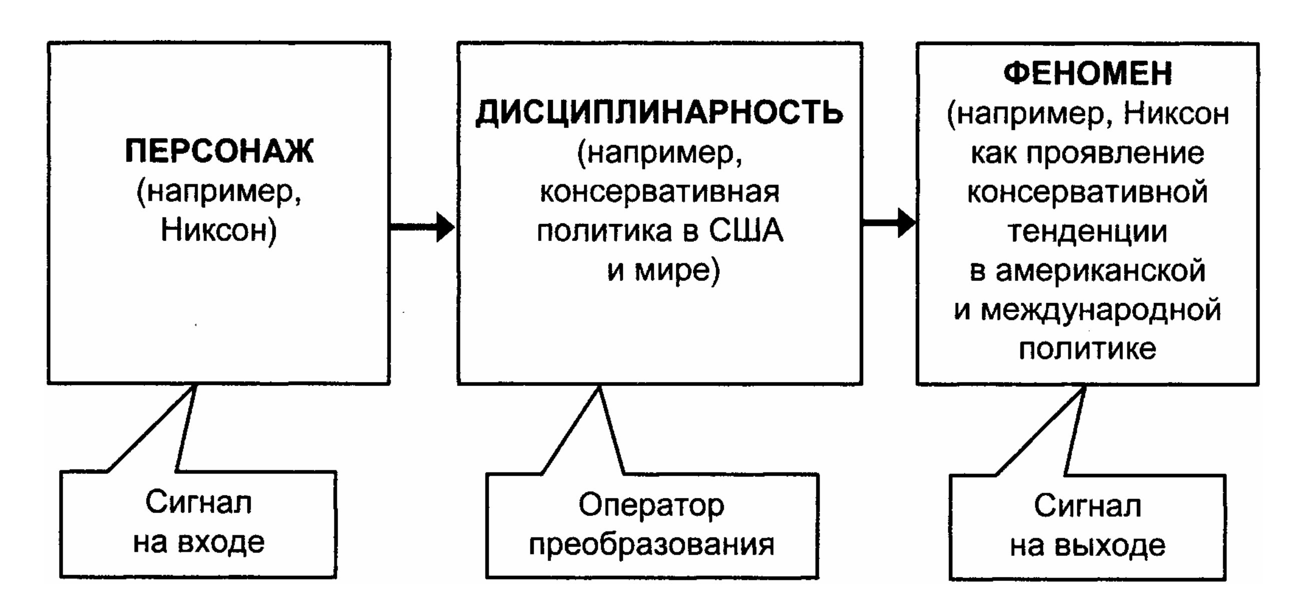

Рис. 5

Специалист по консервативной политике рассматривает персонаж, например, Никсона и говорит: «Я ничего не хочу особенно нового о нем знать. Меня не интересуют его похождения. А также сплетни по поводу этих похождений, а также измышления и прочее. Меня не интересуют и потаенные факты. Я не вступаю в отношения с «глубокой глоткой», не петляю по улицам, «отсекая хвосты», не прячу в тайниках сведения.

Я беру открытую банальную биографию. Даже не составляю, а просто беру. И принимаю за первичную доказательную базу те сведения, которые в ней содержатся. Совокупность этих сведений и есть информационный пакет под названием «персонаж». Я подаю этот информационный пакет на вход системы под названием «дисциплинарность» (например, история консервативных политических течений в США и мире). На выходе я получаю феномен — Никсон как проявление этих самых консервативных тенденций. Я могу получить банальные результаты, а могу получить сенсационные результаты. Люди могут зевнуть, а могут ахнуть: «Батюшки, так вот это что такое!» Что я таким образом осуществляю? Редукцию. Я преобразую персонаж как некую совокупность безусловных фактов и официальных сведений в феномен, согласно той или иной операциональности».

Операциональностью может быть содержательность той или иной науки (политологии, социологии, психологии). Операциональное может носить и более сложный характер, и тогда надо говорить о системном методе (рис. 6).

В рамках данного метода персонаж (или ситуация, или сумма факторов, или какое-либо еще явление) подаются на вход многоканального оператора ЭТ.

При этом каналами являются дисциплины (политология, социология, психология, культурология и так далее). Каждый из каналов преобразует явление (персонаж, ситуацию и так

далее) в феномен в соответствии с той операциональностью, которая присуща именно этому каналу. В результате явление преобразовывается в сумму феноменов (феномен-1, -2, -3 и так далее).

ПЕРСОНАЖ
ДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ-1
ДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ-2
ДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ-3
ДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ-n
ФЕНОМЕН-1
ФЕНОМЕН-2
ФЕНОМЕН-3
ФЕНОМЕН-n
Трансдисциплинарная сборка
Сигнал на входе
Многоканальный оператор ЭТ
Компоненты сигнала на выходе

Рис. 6

А дальше надо осуществлять сборку. Надо преобразовывать сумму частных феноменов в некую феноменальную целостность. Для этого всегда используется та или иная трансдисциплинарная культура. Например, теория систем. Или (применительно к рассматриваемой нами сфере) теория игр. Или какая-то разновидность философии, обладающая прикладным интегративным потенциалом. Или же какая-то иная совокупность интегративных методов.

Допустим, что на входе в такую систему находится некий интересующий нас персонаж. Живой и понятный самому себе Ричард Никсон. Тот Дик Никсон, который известен обладателю имени и биографии «от и до». Мотивы, подоплека тех или иных действий которого являются эксклюзивным знанием, претендующим у каждой личности на главное — НА ПОЛНОТУ.

Мы превратили персонаж в сумму феноменов, наделили сеткой межфеноменальных связей и трансфеноменальным интегратором (ТФИ). И получили элитную фигуру с тем же именем Ричард Никсон (рис. 7).

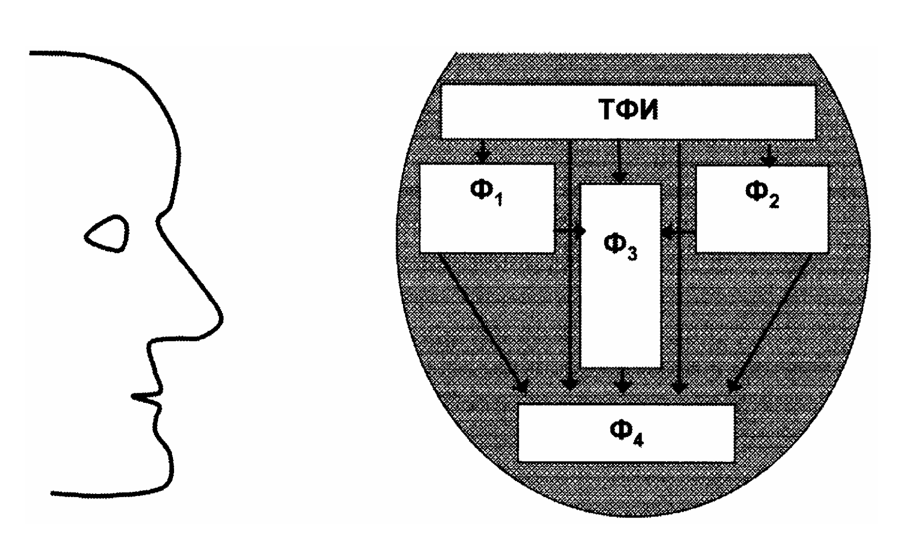

Рис. 7

И вот она смотрит на нас… эта маска, непохожая на живое лицо. Эта мозаика… хорошо, если из четырех… а если из тысячи элементов-феноменов? Эта элитная фигура, готовая к позиционированию на игровой доске… Она смотрит на нас — и нам нехорошо. Как бы стоек ни был исследователь, он поначалу испытывает шок, глядя на эту человекоподобную комбинацию феноменов, на эту сетку связей, подобную глубоким морщинам на лице, на эту «корону интегративности».

«Что вам человек! Для вас все люди — числа!», — говорит королю Филиппу Великий Инквизитор из шиллеровской бессмертной трагедии. Но как же быть с человеком, если даже нам самим отчасти жутко, когда мы это делаем? Что это напоминает? «Портрет Дориана Грея»? Фоторобот? Или ту операцию, которую должен совершить судья на Страшном суде? Но мы-то люди! Не бесы, заключившие договор с художником, не роботы, не высшие судьи. Что и зачем мы делаем?

И если даже нам не по себе, то как быть с тем персонажем, который должен выйти на рандеву с собою как элитной фигурой, реконструированной по мозаике частичных феноменов?

И вот они встречаются друг с другом. Эта несомненность, которой является персонаж сам для себя, — и эта проблематичность. Что такое видеошок перед подобной встречей? И что может ее оправдать? Добро бы позитивный или отрицательный миф… Или добытые правдивые данные… Они не дышат на тебя неземным холодом. А встреча со своим ЭЛИТНЫМ ДВОЙНИКОМ дышит именно этим. Узнать в нем самого себя — страшно трудно. А главное — зачем?

Попытаемся ответить на этот вопрос. Часто говорится, что человек обладает полнотой знаний о себе. Но тогда зачем он ходит к психологу? И тем более к психоаналитику? Значит, он чувствует какое-то отчуждение. Понимает или ощущает, что какая-то часть его самого от него оторвана. Что доступ к этой части мог бы что-то изменить в его жизни. Что, получив этот доступ к себе-другому, он не усугубит травму, а освободится. В любом случае, обретет новую эффективность. В конце концов, есть издержки любой профессии. Нормальному человеку в принципе неприятно (а иногда и недопустимо издержечно) жить в климате публичных поклепов, инсинуаций, издевок и поношений.

А публичный политик в этом мире живет. И не просто живет, а иногда и сам создает скандалы, чтобы их использовать. И он терпит издержки, ибо это его профессия. Человек, вошедший в элиту, должен играть. И он будет играть — по своей воле или помимо своей воли, интуитивно или осознанно, точно или неточно. Войдя в элиту, он стал элитной фигурой, он приобрел своего элитного трансфеноменального двойника, свою маску.

С непревзойденной силой это описал Сергей Эйзенштейн в фильме «Иван Грозный». И мне кажется, что до сих пор никто не осознал смысл длинного и декоративного танца с личиной, в котором Грозный смотрит на скоморошье представление, затеянное опричниками. «Как во городе было во Казани, Грозный царь пировал да веселился». Грозный видит в скоморошьей личине свою игровую трансфеноменальную маску. Молодой царь входит в элитную игру. «Мамка, это грозный царь языческий?» спрашивает наивный статист этого зрелища. И вскоре царь соглашается: «Да, это я». Он надевает на себя трансфеноменальную маску. При этом он отказывается от борьбы в пользу элитной игры. Он не хватает меч и не кричит «стража!». Он переодевает своего ближайшего родственника и позволяет его матери убить сына, приняв сына за ненавидимого царя. То есть начинает вести элитную игру. И он будет вести ее до конца жизни.

Эйзенштейн показал в этой сцене некую элитную правду другому элитному игроку — Иосифу Сталину. А Сталин хотел всего лишь мифа — доброй сказки о сильном царе и хороших опричниках. Он увидел в фильме другое. Долго держал автора в муках неизвестности относительно своего решения, но в итоге фильм не запретил. Потому что ему была столь же желанна, сколь и тягостна правда о своем элитном двойнике — своей трансфеноменальной игровой сущности.

Без этой правды крупный политик мертв. Хуже, чем мертв. Он именно фигура в полном смысле этого слова. Не отрефлексировав ситуацию (рефлексия… рефлектор… отражение… зеркало… двойник), человек становится рабом Игры. Войдя в элиту, он не может отказаться от Игры, и тогда не он играет — играют им самим. Хорошо, если он лишь только собой оплатит победу и поражение. А если за его поражение заплатит народ? Имеет ли он в этом случае право отказаться от элитной рефлексии? То есть от встречи со своей трансфеноменальной элитной маской?

Можно победить и при этом проиграть. Сталин победил в величайшей из мировых войн. Но он не сумел выиграть Игру. Горбачев радостно уселся за стол мировой Игры — и проиграл ее

вдребезги. Платим все мы. Ельцин просто залез под этот стол. Путин… Медведев… Что могут сделать они в условиях, когда напряженность Игры наращивается стремительно как никогда? И имеют ли право интеллектуалы, посвятившие жизнь пониманию Игры и ее законов, не высветить все темные закоулки игрового лабиринта? Кто они тогда такие и зачем занимались Игрой? Ведь не ради удовольствия! Не в бисер же играют, а в судьбы народов, целых цивилизаций и культур.

Элита… Странные люди, получившие неслыханные, да в общем-то и ненужные им возможности… Люди, не обладающие аппаратом для адекватного освоения этих возможностей, хвастают, что научились пить вино за 30 тысяч евро бутылка. Если бы они видели чужие улыбки и могли читать чужую мимику (а главное, содержание чужих мыслей), они бы тут же умерли от разрыва сердца. Но нет! Они резвятся. А оплачивать будем мы? Да что мы! Какие-нибудь воронежские девчонки, радостно готовящиеся к вхождению в мировую цивилизацию!

Элита… Страшная, между прочим, штука. Идешь по английским замкам, смотришь на портреты, развешенные по стенам, и понимаешь, что британская элита, по сути, приватизировала историю. Что британскому народу кажется, будто он обладает историей. А элита считает совсем иначе. Плохо это? Конечно, плохо. Но есть кое-что и похуже.

В 1997 году я смотрел спектакль в одном из московских театров. По окончании спектакля оказался на довольно узком застолье. В числе участников застолья были некие руководители российского бизнеса и члены их семей.

Я испытал глубокий двойственный шок. С одной стороны, позитивный. Потому что я увидел нормальных советских людей из очень знакомого мне слоя хозяйственников, близких к природе, работающих иногда в не вполне благоприятных условиях. Это были люди дела, управленцы, отнюдь не трутни и не элитарии. Напротив, глубоко неэлитарные люди. Что было невероятно приятно.

С другой стороны, шок был негативный. Потому что это были люди, которых судьба бросила в элитный мир, дав им в этом мире ролевые позиции, чуть ли не равные Рокфеллеру. И уж, по крайней мере, гораздо большие, чем у Сороса. А они были к этому фантастически не готовы. Эту неготовность предстояло оплатить всей стране.

Элита… В 1988 году, когда советские хозяйственники впервые вкусили от раскованных отношений с Западом, не было внятности в вопросе об эквивалентном обмене и хозяйственник мог по наивности обменять свою подпись, дававшую его западному партнеру многомиллионные, а то и миллиардные прибыли, на элементарную бытовую услугу. Впрочем, и тогда так поступали только «непродвинутые» хозяйственники. Но в 1994 году уже было ясно, что если у тебя есть нефть и газ и ты их правильно продашь (не продешевишь), то «видаки», гарнитуры и машины купишь на прибыль. И тем не менее именно в 1994-м иностранцы глумливо описывали, какой фантастический контракт можно получить в России в обмен на меблировку квартир этих самых «Рокфеллеров».

Прошло еще несколько лет, пока продвинутые элитарные обитатели нашего «края непуганых идиотов» наконец сопоставили цены услуг таких «меблировщиков» и цены своих ответных услуг. И дошли до глубочайшего понимания сокровенной истины, смысл которой в том, что если есть «бабки», то, в конце концов, мебель можно купить самостоятельно. А на разницу между тем, что от тебя просят, и этой мебелью, — еще виллу и яхту VIP-класса.

Наконец, и этот барьер был взят. Были освоены все прочие сокровенности. И некоторые из наших квазирокфеллеров — люди, в чем-то подобные описанным мной выше персонажам, — оказались сидящими (не фигурально, а вполне буквально, на приемах) за некими международными элитными столами. И были очень счастливы по этому поводу, сравнивая свое размещение за этими столами с менее статусным размещением неких элитных американцев. Когда позже эти наши квазирокфеллеры оказались не за элитными международными столами, а за решеткой, то даже не уловили связи между своим новым местонахождением и своим тогдашним местом у международного элитного стола. Вот что такое неотрефлексированность, отказ от рандеву со своим элитным двойником, со своей трансфеноменальной игровой сущностью.

Так что делать-то? Этот вопрос с огромной и ранящей меня прямо в сердце исконно русской наивностью задают мне многие мои друзья и враги, когда я их припираю к стенке и показываю, какова ситуация.

Герой одного из фильмов Рязанова отвечал: «Что делать? Сухари сушить!» Я так не могу. Мне всегда казалось и до сих пор кажется, что надо сделать все возможное для того, чтобы наша новоявленная элита освоила законы элитного поведения, и не в виде бутылок вина за 30 тысяч евро, а в виде чудовищного труда по встрече со своей элитной инобытийностыо. Возможно ли это? Не

исключено, что невозможно. Ну и что? Я все равно буду это делать. Потому что вижу в этом свой долг.

Наивные мои сограждане, получившие неограниченные финансовые потенциалы, почему-то решили, что термин «новый русский» носит комплиментарный характер. Быть может, они спутали это с «новым человеком как целью коммунистического строительства». На самом деле, речь шла о русских нуворишах. Новые русские, новые французы — это все нувориши. Nouveau riche — буквально «новые богачи». То есть быстро разбогатевшие люди, которые пытаются пробиться в высшие слои общества лишь на основе своего богатства. Еще Мольер обсуждал данный социальный слой, но апофеозом этого обсуждения является пьеса Дюма-сына «Денежный вопрос», поставленная в Париже в 1857 году и сразу ставшая легендарной. Ее главный персонаж — господин Жиро — очень быстро стал нарицательным.

Нувориш… Несмотря на распространенное заблуждение, происхождение данного слова не имеет никакого отношения к ворам и воровству. Речь идет о специфической издевке аристократов над элитными претензиями победившей буржуазии, желающей имитировать элитные образцы и неспособной освоить элитную суть.

Зарождающийся русский буржуазный класс, заявивший о своих претензиях в 1996 году, уже успел уйти в небытие. Я имею в виду сладкое небытие трусливого безвластного гедонизма. Ресторан… За столом гости… По двору бегают довольные розовые поросята… Повар спрашивает: «Которого на шашлычок?» Гости советуются: «Может быть, этого? Вон как хвостиком дергает!» — «Нет, вон того, он пожирнее!»

Но кто же гости, охочие до поросят?.. На шашлычок или на холодец с хреном… В принципе, никакого отторжения их позиция не вызывает. Если поросята, то почему бы не на шашлычок? Однако все чаще возникает впечатление, что сами гости сидят на первом этаже ресторана, а со второго этажа их разглядывают любители других блюд. И обсуждают, кого из сидящих на первом этаже съесть первым. Я заблуждаюсь? Буду рад…

Но я твердо знаю, когда это будет не так. Это будет не так в тот момент, когда в России появится дееспособный господствующий класс, который сможет осуществлять подлинное господство хотя бы в грубых, но эффективных формах. Этот класс должен, как минимум, осознать, что его высшей капитализацией является не совокупность нефтяных или газовых скважин, а страна. Что только она делает его элитно дееспособным. А без этой дееспособности он обязательно превратится в пожираемое, а не в пожирающее. Или же в то, что, будучи пожирающим у себя в Отечестве, станет пожираемым на более широких транснациональных просторах.

Классовое господство — неприятная вещь. И я абсолютно не предопределяю свое отношение к нему в момент, когда оно состоится. Но я сделаю все возможное для того, чтобы оно состоялось. И вот почему.

Совсем вульгарная (я бы сказал, вульгарная до идиотизма) псевдомарксистская теория государства представляет это государство как очищенный от любых других (общенациональных, историко-культурных) свойств аппарат насилия. Это насилие, согласно такой идиотской (и очень распространенной не только в России) схеме, осуществляет господствующий класс. И он осуществляет его во все большей степени, вплоть до полного уничтожения своего народа, его низведения до уровня рабов. Сдерживающий процесс, согласно этой схеме, — это борьба эксплуатируемых против эксплуататоров.

Если бы все было так, то чего ради добиваться исторической состоятельности этого самого господствующего класса? Однако это просто не может быть так. Потому что господствующий класс должен положить на стол международной игры потенциал той нации и того государства, которые создают для него позицию господства, позволяющую находиться в игре. Чем ниже этот потенциал, тем ниже игровые возможности. Господствующему классу США нужны сильные Соединенные Штаты.

В том-то и дело, к сожалению, что в России нет господствующего класса. А есть класс элитарных паразитариев. Как только в России возникнет господствующий класс, ему понадобится сильная Россия. При этом он, возможно, будет грубо эксплуатировать ее население. Но даже в эту грубость уже будут встроены какие-то ограничения. Как бы груб ни был этот класс, он, освободившись от паразитарности (а без такого освобождения он не будет господствующим), обязан думать о народе. О сильной армии, сильном ВПК, сильной промышленности вообще, об инженерном корпусе для этой промышленности, о науке для этой промышленности, о здоровье населения (иначе какая армия), а значит о медицине.

Нет и не может быть науки и инженерии без высшей и средней школы. Без инфраструктуры. Нет армии без идеологии. А значит, нужна духовность, нужна культура, и о них тоже придется думать. Нет государственной устойчивости без связи элиты с обществом. А значит, как минимум, элите придется посылать своих детей в армию. А как максимум… Как максимум, учиться понимать, что государство не только средство Игры. Это способ, которым народ развивает и сохраняет свое историческое предназначение. А значит, элита является элитой постольку, поскольку у нее есть все нематериальные активы, связанные с этим предназначением, этой миссией, этой идентичностью.

Относясь к своему народу как к эксплуатируемому скоту, правящий класс потеряет народ, а значит, и господство. Как уже не раз теряли его другие. Его накажут если не внутренние, то внешние конкуренты. Начав с господства, класс обязательно сдвинется (и очень быстро) к чему-то гораздо более конструктивному.

Но пока класс НЕ МОЖЕТ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ГОСПОДСТВА.

И тогда его функционирование представляет собой «паразитарную эстафету». Совокупный паразитариум выделяет из себя лидирующую группу. Она что-то обещает. Но на деле все сводится к продлению бытия этого самого паразитариума. А поскольку такое продление довольно быстро обнуляет обещания и надежды, связанные с этими обещаниями, то через несколько лет надо менять лидирующую группу. И формировать новые обещания ради продления все того же паразитариума.

Отдельные представители предыдущей лидирующей группы могут и пострадать. Но группа в целом конвертирует власть в собственность и пополняет мировой гедонистический бомонд.

Подобный механизм называется «паразитарной ротацией». Он широко известен в мировой практике. Какой-нибудь африканский паразитарий грабит свой народ в течение большего или меньшего количества лет. Потом он «зарывается», или народ все-таки взбрыкивает. Тогда данного паразитария убирают с политической сцены. Редко — кроваво. Чаще — элегантно и без особых издержек для убираемого. Отработанный паразитарий заменяется новым. Новый делает все то же самое. А прежний плавает на яхте, живет в Лондоне или Париже, играет в гольф или в покер. А иногда даже предается оппозиционной деятельности, осуждая нового паразитария и рекламируя свои прошлые «деяния», столь контрастно отличающиеся от нынешних «злодеяний».

Паразитариум страшнее любого господства. Ибо в его основе дисфункция, неготовность и неспособность осуществлять действия, задаваемые социальной ролью. Роль желанна и охраняема. Действий — нет.

Можно и должно тестировать класс, проводя разграничения между «кластером господства» и «кластером паразитариума».

Можно и должно при этом указывать, что выбор следует делать в пользу «кластера господства».

Можно и должно оговаривать, что победа «кластера господства» должна сопровождаться борьбой масс за свои права. Но пока нет «кластера господства», нет даже масс. Есть полудохлый скот, у которого сосут кровь и который не способен не только на борьбу за свои права, но и на какое-либо другое внятное социальное поведение.

«Господство» — грубое и скверное слово. «Господствующий класс» — и впрямь отнюдь не сахар, чтобы не сказать больше. И я, конечно, предпочитаю слову «господство» (господствующий класс и так далее) слово «субъектность». Господство — это самая негативная форма субъектности. Но даже эта форма субъектности лучше бессубъектности.

Отсутствие претендента на любую субъектность, включая господство (а суть нынешней российской ситуации именно в этом) означает историческое исчерпание народа, его переход к безгосударственному бытию. Которое, в нашем случае, сразу же становится бытием оккупационным и ликвидационным. Русский народ и все народы России, лишившись своего государственного бытия, получат бытие оккупационное. Ни о какой полноценной жизни на данной территории для всех народов России, и прежде всего для русского народа, связанного с территорией нерасторжимыми идеальными обязательствами, речи не будет. А значит, надо сделать все, чтобы преодолеть коллизию бесхозности, без- и анти-элитности. Коллизию перманентной паразитарности.

Сейчас основной враг России — бессубъектность. Нет класса или элиты, осуществляющих по отношению к России полноценное субъектное поведение любого типа… Хотя бы и господство, повторяю, но полноценное, ответственное, исторически состоятельное, адекватное огромным вызовам XXI века. Нельзя оторвать вопрос о таком полноценном субъектном поведении от вопроса об элитной (в том числе и игровой) адекватности и от вопроса об элитном (классовом) самосознании.

Нельзя решать эти вопросы, не обсуждая (как в общем, так и в конкретном плане) острые моменты нашей здешней бытийственности.

Многие из этих моментов связаны с элитными конфликтами. А значит, надо обсуждать их. То есть заниматься элитной феноменальной и трансфеноменальной редукцией.

Но одной редукции мало. Редукция лишь реконструирует из персонажей фигуры. И превращает ситуации в ходы и комбинации на элитной шахматной доске. То есть нужна доска. Игровое пространство, содержащее определенные правила.

Но прежде, чем переходить к игровому пространству, нужно хотя бы перечислить те реальные дисциплины, с помощью которых должна осуществляться «элитная трансформация». Другими словами — сколько же каналов у нашего оператора и каковы они?

Канал № 1 — это социология элиты. А также социальная теория, позволяющая сопрягать элитные сюжеты с макросоциальным процессом. Любой персонаж принадлежит тому или иному классу. Или страте. Или клану. Или другой социальной общности. Он не существует сам по себе. На языке теории элит это называется «элитный бэкграунд». Этот бэкграунд может быть жестким или рыхлым (социально аморфным). Он может быть быстро меняющимся или устойчивым. Но он должен быть. Элитные фигуры не функционируют в безвоздушной среде. Они апеллируют к своим или чужим элитным общностям, расположенным в широком диапазоне — от классов до так называемых «фонди» (узких элитных групп).

Канал № 2 — культурология элиты. Элита нуждается в идентичности. И формирует ее своими способами. Если мы не можем разобраться, как сопряжены элитные сюжеты с разными регистрами этой идентичности (от самых примитивных до изощренно-эзотерических), то мы вряд ли в чем-то разберемся. Конкретные персонажи сами могут быть абсолютно чужды подобным идентификационным заботам. Но это не значит, что идентичность не имплантируется разными способами в эти же персонажи через их элитных двойников. Герой Мольера господин Журден не знал, что он говорит прозой. Но он ею говорил. Тот или иной мой персонаж может не знать о своей связи с какой-то там идентичностью. Но элитная игра знает «за него». Знает и включает в себя. Причем по очень жестким законам. «Незнание не освобождает от роли». А значит, и от ответственности.

Канал № 3 — герменевтика. Очень разная герменевтика. Прежде всего, герменевтика информационной войны. Герменевтика вообще — это расшифровка. Любая расшифровка. Есть буквальность, а есть ее смысл. Восстановите смысл по буквальности. В принципе, на этом основана вся теория решения обратных задач, которой автор этой книги занимался еще в далекие годы научной работы в геофизике.

Ты имеешь в своем распоряжении следы от формирующего нечто источника. А должен по следам реконструировать сам источник. Источник может быть источником чего угодно. Например, это может быть железорудное месторождение как источник магнитного поля. Или следы преступления, создаваемые преступником как источником деятельности. Математическая теория, которой я когда-то небезуспешно занимался, утверждает, что любая обратная задача относится к классу так называемых некорректно поставленных задач. Ну, и что? Некорректно поставленные задачи можно решать, используя те или иные регуляризаторы. Не вдаваясь в математические детали, обращу внимание на то, что уже чтение Библии или Гомера давным-давно (в эпоху эллинизма и в Средние века, например) стало герменевтическим.

Какое это имеет значение для нашей темы? Во многом решающее. Если данные о персонаже (или о ситуации, или о чем-то еще) носят строго нормативный характер, то восстановить по ним элитную игру достаточно сложно. Между тем все остальные данные делятся на какие-то эксклюзивные (а значит, недоказуемые) сведения и мифы. Эксклюзивные сведения на то и эксклюзивны, чтобы ими не пользоваться. Читая лекции по аналитике, я постоянно в связи с этим цитирую строчку из советского поэта-диссидента Галича: «А мне говорят: — Ты чего, — говорят, — орешь, как пастух на выпасе?!» Нельзя заниматься прикладной теорией элит и «орать, как пастух на выпасе».

Кроме того, даже если у какого-то странного исследователя возникло желание так орать — в чем доказательность? Эксклюзивные сведения становятся доказательными лишь при ссылке на источник. И тогда исследователь — вовсе не исследователь, а провокатор. Кроме того, источник, на который сошлются, никогда не подтвердит эти сведения. А если он подтвердит — то и он провокатор. Тогда сведения — это не сведения, уж тем более, не элитарные. Круг замыкается. И называется такой круг, между прочим, герменевтическим. А как выйти из круга? И можно ли из него

выйти? Само существование такого круга говорит о том, что аналитика элит, по определению, не является исторической дисциплиной, потому что нет истории без источников. А аналитика элит не может апеллировать к источникам по сути своего метода (рис. 8).

Рис. 8

Герменевтика информационной войны имеет решающее значение. Противники, обмениваясь информационными ударами, допускают утечки. Иногда (и надо понимать, когда именно) они по определенным причинам используют средства массовой информации для разговора между собой на особом эзоповом языке. Эти случаи надо научиться вычислять и использовать. Причем с предельной корректностью. Даже в пределах дезинформационных (иногда говорят «активных») мероприятий противники должны задействовать какую-то дозу достоверной информации. Иначе «активки» не работают. Герменевтика информационной войны предполагает умение отделять зерна от плевел, а дозу достоверной информации, размещенную в «активке», от шлакового дезинформационного наполнителя.

Кто-то путает сплетню с достоверной информацией. Этот «кто-то» должен заняться чем-то другим, а не исследованием элиты. Кто-то с негодованием отбрасывает сплетни. И этот «кто-то» также потерян для нашей неблагодарной профессии. Оставаться в рамках профессии может только тот, кто занимается герменевтикой мифов. Кто способен построить классификацию этих мифов. И в рамках каждого классификационного элемента использовать те процедуры, которые позволяют выделить в мифе ценные (пусть даже и неоднозначные) зерна истины. Потом надо с помощью сложных процедур снимать неоднозначность полученной информации.

Такой труд крайне неблагодарен. Но только он позволяет добавить к так называемой официальной информации весьма нужные (а порой бесценные) информационные зерна. Здесь, кстати, следует расшифровать понятие «так называемая официальная информация». Речь идет не об апологетических высказываниях и сведениях, неизбежно сопутствующих действующим персонажам высокого статуса. Речь — о той скудной несомненности, которая в значительной части официализируема. О более или менее безусловных фактах жизненного пути (это редко мистифицируется, хотя в советский период приходилось сталкиваться и с мистификациями). О

фактах, сообщенных официальными источниками и не вызывающих разночтений (тогда-то сняли, тогда-то назначили). И о других — сухих и трудно оспариваемых — сведениях, содержащихся в различных (чаще всего официальных — отсюда и название) источниках.

Канал № 4 — политология элиты. Элиты борются за власть. Точнее, за позиции на игровой доске. Эта борьба за власть иногда осознается участниками, а иногда ведется ими автоматически. Но она всегда ведется. И именно превращение персонажа (в том числе не осведомленного об этой борьбе) в фактор борьбы — в значительной степени содействует осуществлению искомой «элитной трансформации».

Канал № 5 — экономика элиты. Нет элит вне борьбы за ресурсы. В том числе и ресурсы материальные. Это могут быть очень разные ресурсы. Иногда скрываются не только типы осуществляемых действий, но и заинтересованность в ресурсах как таковых. Но рано или поздно нечто в этом смысле проявляется. Элитная экономика очень часто носит теневой характер. Но без ее учета реконструкция элитного феномена и игровой фигуры никогда не будет полной.

Канал № 6 — специальный. Нет элит вне задействования элитного спецслужбистского фактора. В какой степени и как элиты задействуют этот фактор? Мера достоверности ответа на этот вопрос может быть разной. Но в реконструкции это должно быть учтено обязательно.

Канал № 7 — идеологический. Элита обязательно будет участвовать в войне за смыслы. Такое участие может носить прямой и косвенный характер. Но там, где идеология, там открытость. А значит, и большая достоверность. Поэтому идеологической специфике всегда надо уделять самое существенное внимание.

Канал № 8 — конфликтологический. Там где элиты — там конфликты. Там где конфликты — там и конфликтология. Опять же, специфическая конфликтология. Конфликтология, описывающая именно элитные конфликты, а не конфликты вообще. Жизнь элиты не сводится к конфликтам, но она существенно определяется ими. Конфликты могут быть антагонистическими и зондажно-компромиссными. Короткими и долгоживущими. Сущностными и тактическими. Они часто скрываются от общественности. Отсюда и сам термин «драка под ковром». У них есть ритмы, циклы, фазовые переходы. Все это надо учитывать при трансформации, которая здесь обсуждается.

Канал № 9 — психологический. Психология элиты — это отдельная дисциплина. Между прочим, отнюдь не сводимая к обычной психологии. В рамках элитной психологии вводится, например, понятие ролевых матриц и ролевой преемственности. Иногда место в ролевой элитной матрице и ролевой преемственности определяет сущность того или иного персонажа гораздо больше, нежели его желания или даже его реальные действия. Специалисты говорят об элитном «ролевом роке». Без его участия мы не осуществим трансформацию. С другой стороны, сколь бы элитарен ни был игрок, он не может до конца изжить в себе человеческое. Он как-то себя выявляет — семантически, семиотически, интонационно, поведенчески. Все это позволяет реконструировать определенные характеристики персонажа и спроецировать их на плоскость элитных игр.

Канал № 10 — силовой. Элиты редко вступают в прямую силовую конкуренцию. Но они очень часто используют конкуренцию косвенную. Датчиком, позволяющим измерить градус конфликта (а значит, и его содержание), является то, насколько открыто и интенсивно они используют силовой параметр. Когда глава Службы безопасности Президента Б. Ельцина А. Коржаков в 1994 году клал «лицом в снег» охрану бизнесмена В.Гусинского (при том, что охрана данного персонажа с элитной точки зрения значила больше, чем сам Гусинский), можно было замерить интенсивность конфликта элитных групп и спроецировать замер на плоскость крупной элитной игры. А значит, и предсказать дальнейшее развитие ситуации, включая начало первой войны в Чечне.

Я мог бы продолжить рассмотрение каналов, по которым осуществляется «элитная трансформация». Метод был бы описан с еще большей подробностью и… и оторван от той реальности, ради понимания которой он создается. И как при таком отрыве (превращающем политически актуальное исследование в изысканную схоластику) определить хотя бы релевантность этой самой схоластики?

Нет уж, лучше я подведу черту под методологическими детализациями, оговорив при этом, что многоканальная сборка в простейшем случае осуществляется в рамках теории систем. Что могут применяться и более сложные методы сборки, оперирующие квазисистемными образованиями (ризомами, диффузными структурами, сетями)… Что эта сборка активно использует все трансдисциплинарные инструменты — от структурализма и постструктурализма до теории хаоса…

Выделив особую роль теории субъекта и теории проектирования во всем, что касается интегральных методов, оговорив, что все эти методы в любом случае апеллируют к теории рефлексивных нелинейных игр, я закончу краткий описательный теоретический экскурс. И перейду к еще одному слагаемому метода, без которого метод этот просто нельзя использовать. Я имею в виду этику.

Есть медицинская этика. А есть этика нашей профессии. Медик без этики — чудовище. Аналитик элиты — тоже. Поэтому я просто обязан оговорить некий кодекс, без которого метод превращается в свою противоположность.

Глава 3. Этика — или о том, как вы обязаны относиться к предмету

Я только что эскизно описал, какими способами можно «создавать» предмет под названием «элита» и этот предмет исследовать. Конституирование предмета и описание метода называется гносеологией. Цель гносеологии — истина о предмете. Собираются первичные данные. Они классифицируются. Преобразуются. Потом выдвигаются гипотезы. Потом гипотезы проверяются на прочность с помощью определенных процедур (процедуры верификации). Прошедшие проверку гипотезы получают статус моделей или теорий.

Для гносеологии все подлежит опредмечиванию. Любой человек, становясь исследователем, хочет докопаться до все более глубоких уровней понимания того, что он исследует. И в этом смысле он абсолютно аморален. Отсюда классическое разделение на истину (гносеология), красоту (эстетика) и справедливость (этика). А также отрицание каких-либо пересечений между тремя этими сферами критериальности и вытекающей из критериальности деятельности. Ученый — это ученый. Судья — это судья. Художник — это художник. Прекрасное не обязано быть истинным и справедливым. И так далее.

В этом смысле профессиональная этика крайне проблематична. Ученый считает, что у него есть одна-единственная задача: добыть истину о предмете. И что методы, которыми он добывает истину, делятся только на эффективные и неэффективные. Любое же другое деление означает вторжение в его гносеологическую сферу неких посторонних соображений. Сегодня, говорит ученый, вы станете навязывать мне этические соображения. Завтра — идеологические. В итоге вы займетесь новой разновидностью инквизиции.

Что говорил по этому поводу доктор Менгеле, экспериментировавший в фашистских концлагерях над узниками? Он говорил, что он ученый. Что он добывал некое знание о человеке, используя экспериментальные методы. Что его экспериментальный материал все равно был бросовым (люди, находящиеся в лагерях смерти, подлежали уничтожению). Что тем самым он придал какой-то смысл мучительному существованию этих людей. Они все равно бы умерли. Без всякого блага для человечества. А так они умерли, принеся человечеству новые знания, а значит, и новые возможности.

«Этот человек был обречен, — говорил доктор Менгеле. — И он погиб бы все равно. Мера зла была бы та же самая, и она определялась не мною… Но я клал на другую чашу весов некое добро. Данный человек погибал, а полученные знания могли бы спасти потом тысячи больных. Как вы смеете осуждать меня за это?» Но ведь его осуждали. А он и ему подобные не склоняли головы, а требовали объяснений. «Почему, — спрашивали они, — вы не осуждаете тех, кто делал ядерное оружие? Или химическое оружие? Ведь определенные газы могут использоваться только для уничтожения людей. Другого смысла их исследования не имеют».

Разделение всего на истинное, справедливое и прекрасное — эффективно и одновременно чудовищно. Оно лежит в основе тысячелетий человеческого прогресса. И оно же может погубить человечество. Человечество постепенно это осознает. Оно осознает, что не может беспредельно раскрепощать обособленное от всего остального познающее начало. Что это начало должно быть поставлено в какие-то рамки. Даже тогда, когда речь идет об отношениях между исследователем и природным объектом. Как минимум, этот исследователь своими исследованиями не должен истребить всю природу ради понимания ее сути. А он вас спросит: «Почему это, собственно, я не должен ее истребить?»

Вы ответите, что он сам и его собратья являются природными существами. И что истребление природы ради познания убьет человечество, которому это познание призвано служить. А он вам

ответит, что познание служит не человечеству, а истине. И, строго говоря, будет прав. Он будет прав по отношению к самой фундаментальной процедуре, разделившей все на эти слагаемые. И он вам скажет, что, наверное, надо делить иначе. Но поскольку никто не знает, как, а этот метод разделения освящен веками и тысячелетиями, то вы должны отойти в сторону и не вмешиваться. А когда-нибудь сформируется новая структуризация этого самого «всего». И он, ученый, будет тогда иначе себя вести.

Вопрос этот настолько масштабен и актуален, что попытка обсуждать его в исследовании, имеющем вполне отчетливые прикладные рамки, вряд ли уместна. Такой вопрос можно только зафиксировать. И использовать для прояснения существа нашей конкретной исследовательской ситуации. Существо же это состоит в следующем (рис. 9).

Итак, есть исследователь (элемент А) и исследуемое (элемент Б). Есть два типа отношений между А и Б. В рамках первого типа отношений исследователь связан одним обязательством — раскрыть истину об исследуемом. В рамках второго типа отношений у исследователя есть другие обязательства перед исследуемым. А также перед самим собой. И так далее. Что это за обязательства? И как они могут быть классифицированы?

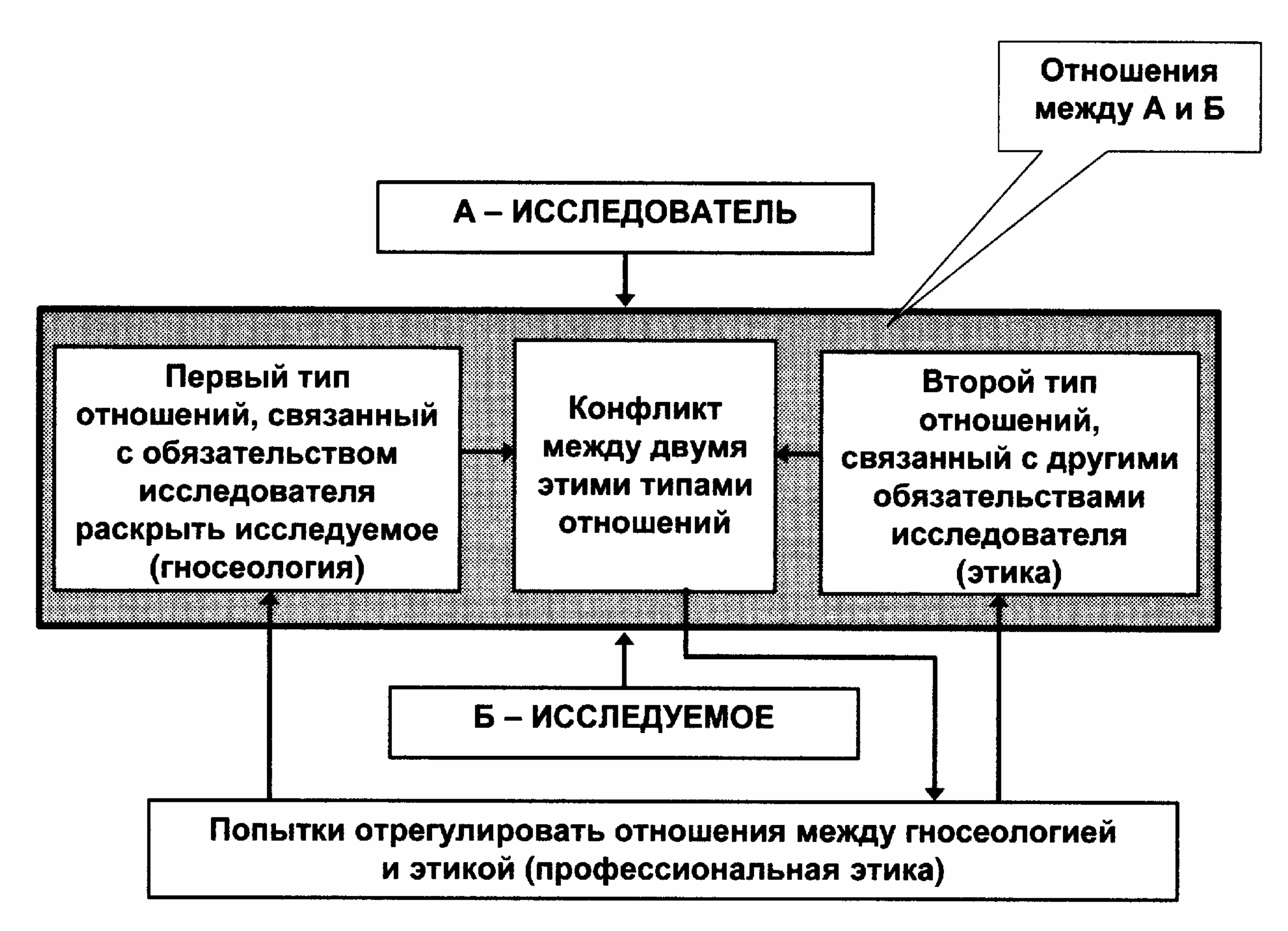

Рис. 9

Тут все зависит от предмета. Одно дело, если предметом являются газовые испарения или минералы. Но если предметом становятся не камни, не крысы, а люди? Там, где предмет — люди, уже «совсем нельзя» ограничиваться лишь обязательствами первого типа, хотя они носят неснимаемый характер.

Если предмет исследования — люди, появляются другие обязательства. Да и вообще коллизия предмета перестает иметь абсолютный характер. Хорошо, если исследователь вы, а объект исследования про это не знает. Или не может с вами каким-то образом поступать, оказывая обратное воздействие на ваше исследование. Только тогда он объект! А если он может это сделать?

Тогда возникает другая сущностная (если хотите, гносеологическая) коллизия. У вас уже есть не отношения между субъектом и объектом, а отношения между двумя субъектами. Это отношения совершенно другого типа. Вся процедура исследования перестает быть наукой. Она превращается в аналитику игры. В нашем случае — аналитику элитной игры (рис. 10).

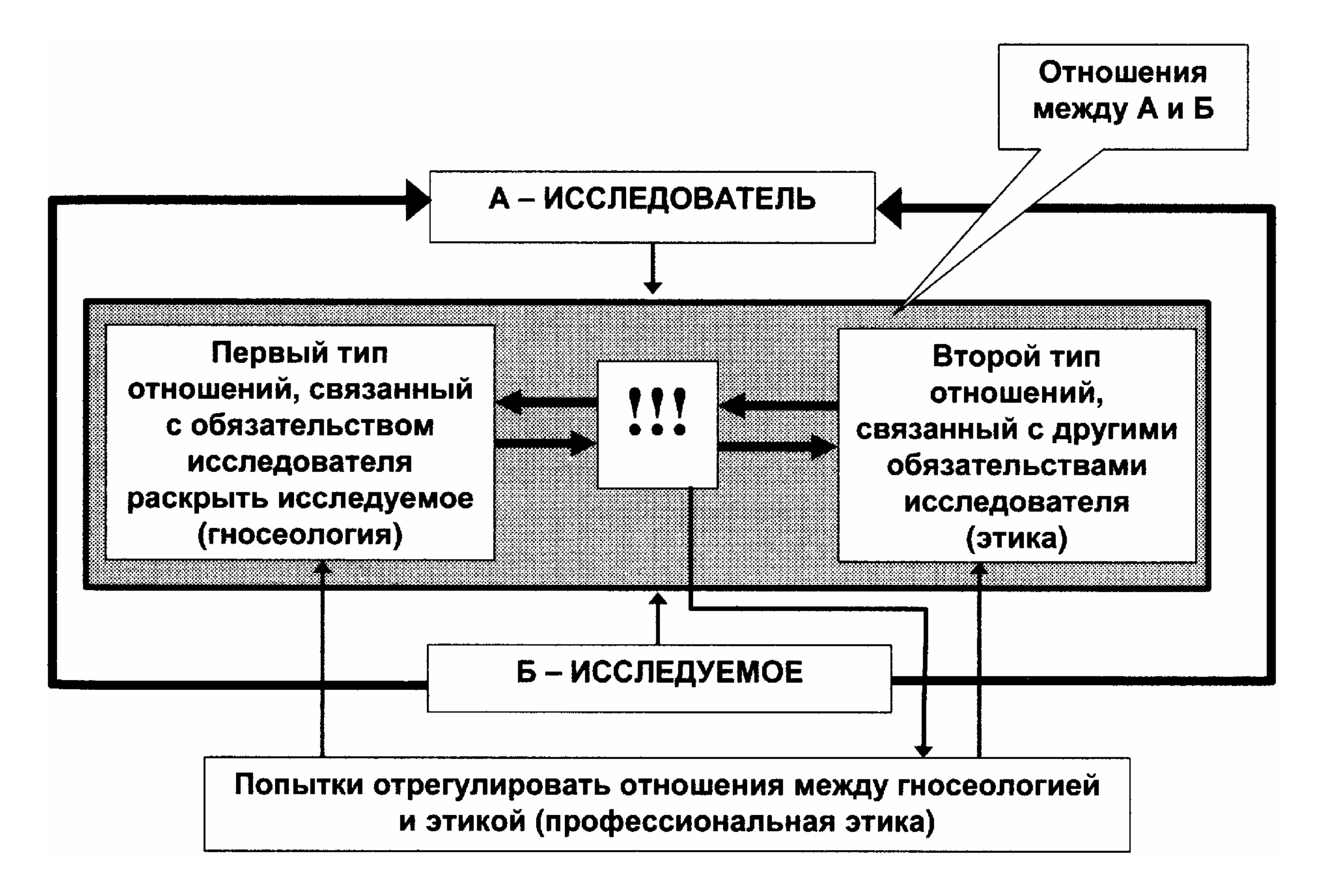

Рис. 10

Итак, мы видим, что наш метод предполагает не только обычные конфликтные отношения между этикой и гносеологией, но й более сложные отношения. При которых исследуемое оказывает огромное давление на исследователя, ибо ведет встречную рефлексивную процедуру. Это обстоятельство трансформирует связи между этикой и гносеологией. Гносеология становится частью этики. А этика — частью гносеологии.

Насколько важны все эти утверждения для достижения прикладных результатов? Мне кажется, что они носят принципиальный характер.

Прежде всего, они делят саму этику на две части.

Одна из них — это, так сказать, нормальная этика. В рамках этой этики исследователь должен быть регламентирован с точки зрения правил вопрошания исследуемого.

Но есть и обратная процедура. Когда исследуемое (если оно носит столь высокосубъектный характер) имеет право задавать вопросы исследующему. Это право на вопросы абсолютно абстрактно. И в этом своем абстрактном качестве оно равносильно обязательности вопроса, который исследователь задает самому себе: «Кто ты такой, чтобы это исследовать?»

«Кто ты такой?» — это вопрос о роли, о позиционировании, о месте и о многом другом.

В пределе этот вопрос сразу же выводит за рамки изначального расчленения на гносеологию, этику и эстетику. Исследуемое настолько субъектно, что имеет в каком-то смысле право на статус таинственного. И в этом смысле оно сразу становится Сфинксом. А исследующий — Эдипом. В коллизию возвращается тот самый миф, который старательно изгонялся. Ведь именно ради такого изгнания мифа осуществлялось само расчленение на гносеологию, этику и эстетику. И вот теперь исследуемое задает вопрос: «Кто ты такой? Каково твое имя?»

Вопрос об имени превращает этику в метафизику. В принципе этика не требует ни религии, ни тем более метафизики. Человек может быть нравственным и не верить ни в бога, ни в высшие («эгрегориальные») силы. Но как только встает вопрос об имени, светская этика оказывается бессильна дать ответ на этот вопрос и тем самым она, желая дать ответ, должна адресоваться к метафизике и в каком-то смысле становиться ею. А поскольку мы не хотим подобного превращения, ибо оно полностью затмит собою искомые прикладные результаты, то мы будем говорить о

метафизической этике, экзистенциальной этике и так далее. И это первый тип этики, сопрягающий исследующего и исследуемое.

Второй тип этики (профессиональная этика в узком смысле слова) уже регламентирует более привычные вещи. Собственно обязательства исследующего по отношению к исследуемому. Впрочем, как мы увидим, и эти обязательства носят глубоко ненормативный характер. Но мне сначала хотелось бы обсудить все-таки первый (и наиболее сложный) тип этики. Я называю ее этикой самоопределения (рис. 11).

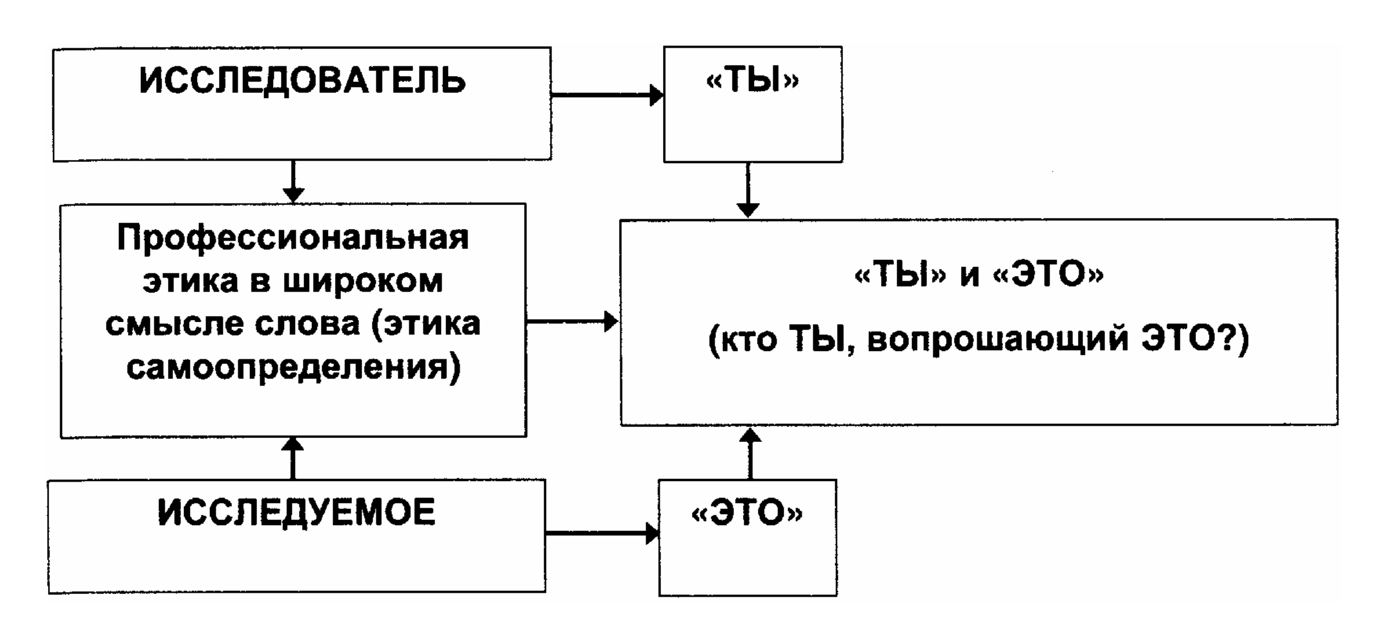

Рис. 11

Профессиональная этика в широком смысле слова — это этика самоопределения. Не долженствований по отношению к предмету, а долженствований по отношению к самому себе. Если хотите — эти долженствования по отношению к самому себе можно называть миссией. В конце концов, сейчас даже в крупных корпорациях все говорят о «mission».

Что там они говорят, это отдельный вопрос. Я лишь хочу указать на то, что это перестало быть сферой сугубого пафоса. А если даже она и является таковой — что делать?

Итак, этика самоопределения — это, в каком-то смысле, метафизическая, экзистенциальная этика. Этика собственного «имени». Она превращает предмет в личностный контекст. И, осуществляя контекстуальное давление на твое «я», вопрошает о смысле деятельности.

Поскольку сама сфера самоопределения — это сфера пафоса, то вопрошания должны быть очень грубыми. Иначе все станет нестерпимо сладким и пошлым.

Детская уличная поговорка гласила: «Двое дерутся — третий не лезь!» И это совершенно справедливо. А зачем лезть-то? Идет элитный конфликт. Ты-то в нем кто такой? Ты хочешь встроиться в притягательную для тебя элиту, обсуждая внутриэлитный конфликт, ты хочешь встать на чью-то сторону? Ты хочешь «развести», подливая масла в огонь? Зачем вообще ты этим занимаешься? Есть люди, занимающиеся подобными вещами очень абстрактно и осторожно, но все равно вздрагивающие при каждом телефонном звонке. Однако эти люди хотя бы делают академическую карьеру. Они становятся докторами наук, например. Ездят на конференции. Делают доклады.

Ты отказался от академической карьеры тридцать лет назад. Хотел бы ты этой карьеры — давно бы стал академиком и необязательно для этого лезть во все тяжкие. У тебя есть способность к абстрактному мышлению, ну и рассуждай абстрактно. Тебе хочется опасности? Займись воспитанием тигров или крокодилов. Это тоже опасно. Или карабкайся по вертикальным скалам. Мало ли занятий, при которых адреналин выделяется, но уж не столь роковым способом? А главное — зачем ты во все это лезешь? Другие, например, считают, что они разоблачат наркобаронов, в этом их пафос. На самом деле они заказным образом «наезжают» на тех, кого им «заказали». Но опять же — это деньги… и социальная роль… и ощущение миссии: дескать, «вор должен сидеть в тюрьме». Но ты и от этого отказываешься. Может, ты хочешь участия в наркотрафике? Нет, ты не хочешь. А чего ты хочешь? Чего?

Отвечаю. Предположим, что удержание власти требует консолидации элиты. А ее нет. Что будет тогда? Да что угодно. Кровавая бойня, крах государства. Я — гражданин этого государства. Может ли меня это не волновать? Имеют ли право субъекты конфликта восклицать: «Это сугубо наше дело, есть ли у нас раскол!»?

Если бы две элитные группы находились на необитаемом острове, то раскол элиты и конфликт элитных групп могли бы волновать только сами эти группы. Или же какого-нибудь Даниэля Дефо, желающего описывать элитную «робинзонаду». Но войны Алой и Белой Розы унесли с собой значительную часть населения тогдашней Англии. То же самое — о других элитных конфликтах самых разных времен. Разве элитный конфликт, в котором разыгрывалась «карта» под названием «Распутин», не обернулся исторической катастрофой? Скажут: «Дела давно минувших дней». А 1996 год? 1998-й? Скажут: «Это было до Путина».

Отвечаю. Историческая заслуга Путина в том, что он хоть отчасти сдержал регресс. СДЕРЖАЛ, а не ПЕРЕЛОМИЛ. Если бы Путин не сдержал регресс хоть отчасти (например, в той же Чечне), России бы уже не было. И никто не хочет умалять его заслуги. Но есть то, что есть: регресс НЕ ПЕРЕЛОМЛЕН. И что такое в этой ситуации конфликт элит? Ведь не я его выдумал! Я лишь пытаюсь осмыслить этот конфликт с позиций Большой Игры.

Война элитных спецслужбистских кланов — что это? Что это за кланы? Чем обусловлен конфликт между ними? Интересами? Ценностями? Транснациональным контекстом? Как, не понимая устройства ЭТОГО, можно повлиять на происходящее? Это, скажем так, вопрос-максимум.

А вопрос-минимум — как, не понимая устройства ЭТОГО, заниматься политологией, общественными науками? Если ЭТО доминирует надо всем остальным?

По сути, речь идет о тех же вопросах, которые побудили меня заниматься элитой много лет назад. Сумма этих вопросов и представляет собой этику самоопределения. То есть ответ на вопрос о соотношении между ЭТИМ и ТОБОЙ. ТЫ можешь не хотеть быть внутри ЭТОГО. В узком смысле слова, ЭТО может быть ТЕБЕ вовсе не интересно. И даже противно. Но если ЭТО является источником беды, угрожающей тому, что ТЕБЕ предельно дорого, то ТЫ станешь заниматься ЭТИМ. А что делать-то? Самоустраняться на том основании, что ТЫ не внутри ЭТОГО? Относиться к ЭТОМУ по принципу «чума на оба ваших дома»? Петь по поводу ЭТОГО с упоением или тоскою: «Небоскребы, небоскребы… А я маленький такой!»?

Спросят: «Зачем ЭТО исследовать, если на ЭТО нельзя повлиять?»

Отвечаю: «Так не бывает. Если ты можешь ЭТО исследовать адекватно его сути, если ты можешь выявить внутреннюю структуру и динамику ЭТОГО, то ты можешь и повлиять. А можешь и не повлиять. У тебя будет шанс, а как ты им воспользуешься — зависит от очень многого. Но шанс вмешаться обязательно будет. И будет он только тогда, когда ты как следует разберешься. Если отсутствие вмешательства гарантированно порождает беду, а у тебя есть шанс на вмешательство, то, как бы мал ни был этот шанс, ты должен его использовать до конца».

Так я понимаю долженствование. А кто-то может понимать его иначе? Интересно, как?

Ну, ладно… Долженствование… Что дальше?

Дальше сдержанность и скромность, скромность и сдержанность. Иначе все превращается в шутовство самого худшего типа. И, увы, я вижу, как это шутовство начинает заполнять те социальные ниши, которые в любом кризисном обществе (а наше общество именно такое) предназначаются для другого.

Экзистенциальная этика (а именно о ней идет речь) не существует в отрыве от экзистенциальной же философии.

Эта философия основана на понятиях «серьезность» и «ответственность». Это, между прочим, очень непросто. Серьезность предполагает отсутствие мальчишества. И точное понимание своего места в процессе (рис. 12).

Ты — рядовой гражданин, частное лицо. Над тобой — законно избранный национальный лидер. Рядом с ним — его команда (ареопаг). Если ты теряешь дистанцию и, тем более, пытаешься бегать рядом с этим «ареопагом», то ты — этот самый шут. Мальчишка с гонором. Муха, которая хочет сказать: «И мы пахали!»

Ты хочешь противостоять чему-то губительному? Будь серьезен и скромен. Но — коль уж ты полез в такую профессию — БУДЬ серьезен и скромен. БУДЬ!!!

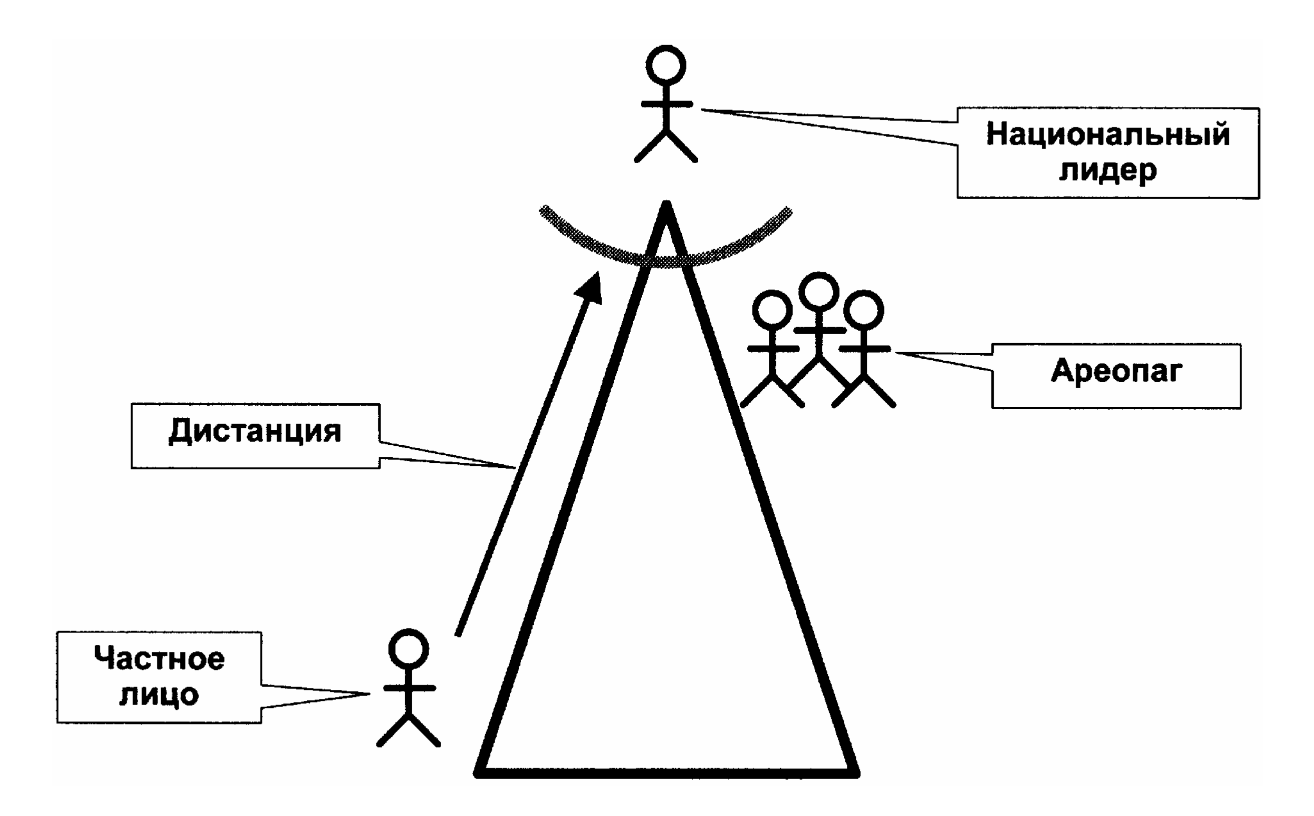

Рис. 12

А что значит быть? При такой-то расстановке, которую ты сам только что описал?

Источник бытийности — в изображенной мною картине. Точна ли она? Если да, то источника нет. Но ведь в целом-то она такова!

Значит, есть какая-то деталь, не учтенная этой картиной. И ее надо учесть, ибо в ней источник бытийности. Что же это за деталь? Политический «Олимп»… Да, он реален и несомненен… Но есть ли что-то над ним? Над этим самым «Олимпом», на который вознесены соответствующие лица…

Как дать ответ? Это ведь совсем непросто и с научной, и с политической точки зрения.

Опыт общения с «олимпийцами» самого разного рода, полученный мною в 80-е и 90-е годы, говорит, что люди этого типа (как в России, так и в мире) крайне болезненно воспринимают любые картины, в которых что-то есть НАД их «Олимпом». Неважно, как называется это «что-то». Хуже всего, если речь идет о какой-то волевой сущности.

Но даже если это не волевая сущность, а что-то другое — все равно неприятно. Потому что ты на «Олимпе», а тут — причем над тобой — еще какие-то непонятные «облака».

«Облака плывут… Облака…»

Куда плывут? Зачем плывут? Почему плывут?

У Галича так вообще как-то все неполиткорректно…

«В милый край плывут, в Колыму…»

«Облака плывут в Абакан…»

А в общем-то, куда бы они ни плыли, все равно неприятно.

Первый и решающий вопрос касается, конечно, «волящей надсущности». Есть ли она в нынешнем мире, такая действительная над-воля? (рис. 13).

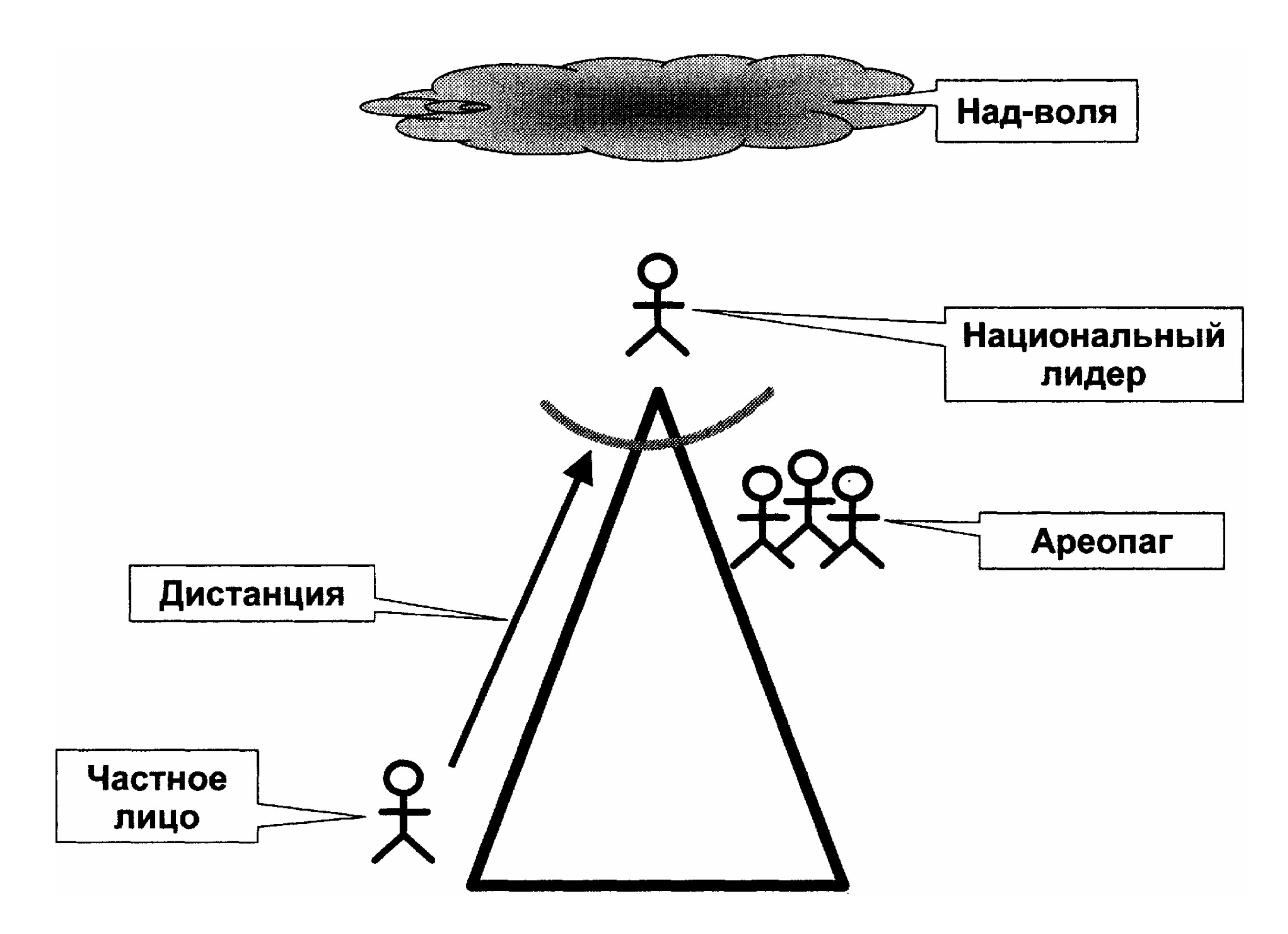

Рис. 13

Любой мальчишка, научившийся бойко писать аналитические статьи полуграфоманского уровня, вам распишет эту волю «от и до». Расскажет, как устроена мировая закулиса и что она вытворяет. А любой национальный лидер вам скажет: «Да пошла она подальше, ваша закулиса! Я пашу-пашу — и нет ее вовсе. Всё разруливают очень земные, несовершенные люди».

Поверьте мне, это не наша отечественная проблема. Джордж Буш, Ангела Меркель, Гордон Браун или Николя Саркози так же болезненно воспринимают любые картины, в которых хотя бы косвенно фигурирует какая-то над-воля. Не зря это все называется «конспирология». В этом и впрямь есть и мальчишество, и оскорбительность. И, главное, несерьезность.

Но если сейчас, по прошествии 22 лет, в течение которых я активно соприкасался с политикой, меня спросят: «Существует ли реальное облако над-воли над Олимпом?» — то я скорее отвечу «да». Я буду сомневаться, я буду отвергать линейные схемы — всяких там масонов и прочее. Но я считаю, что проектная воля есть. И что она в какой-то степени управляет миром. Я не берусь указать, в какой степени. И уж точно знаю, что не на 100 процентов. Но что-то такое есть. И без учета этого «что-то» можно долго не ошибаться, а потом один раз ошибиться. И это будет иметь катастрофические последствия.

Но даже если этого нет, то есть еще другое «облако».

Вы можете отрицать проектную волю как фактор формирования реальности. Об этом идут бесконечные споры. Я участвую в них, повторяю, более 20 лет. Я много раз спрашивал, как может не быть этой воли хотя бы в виде воли могущественных транснациональных экономических субъектов? А мне отвечают: «Видели мы, видели, как эти могущества гнутся перед главами государств!»

Ну, что сказать? Что «оба правы»? Что есть другая воля? Что никуда не делись проектные субъекты, которые хотят реализовать ту или иную форму мироустройства? Что они не «скурвились», не разменялись на гедонизм? А мне ответят: «А если разменялись? А если скурвились?»

Короче, это долгое обсуждение. В каком-то смысле оно стало делом моей жизни, и потому я понимаю, насколько оно долгое. И понимаю тех, кто это отрицает.

Но процессы-то отрицать вроде бы совсем невозможно!

И если вы взялись заниматься процессами, заниматься ими как скромный гражданин и исследователь, то вы обязаны быть и на земле (понимая место и дистанцию и не впадая в мальчишество), и в этом процессуальном облаке (рис. 14).

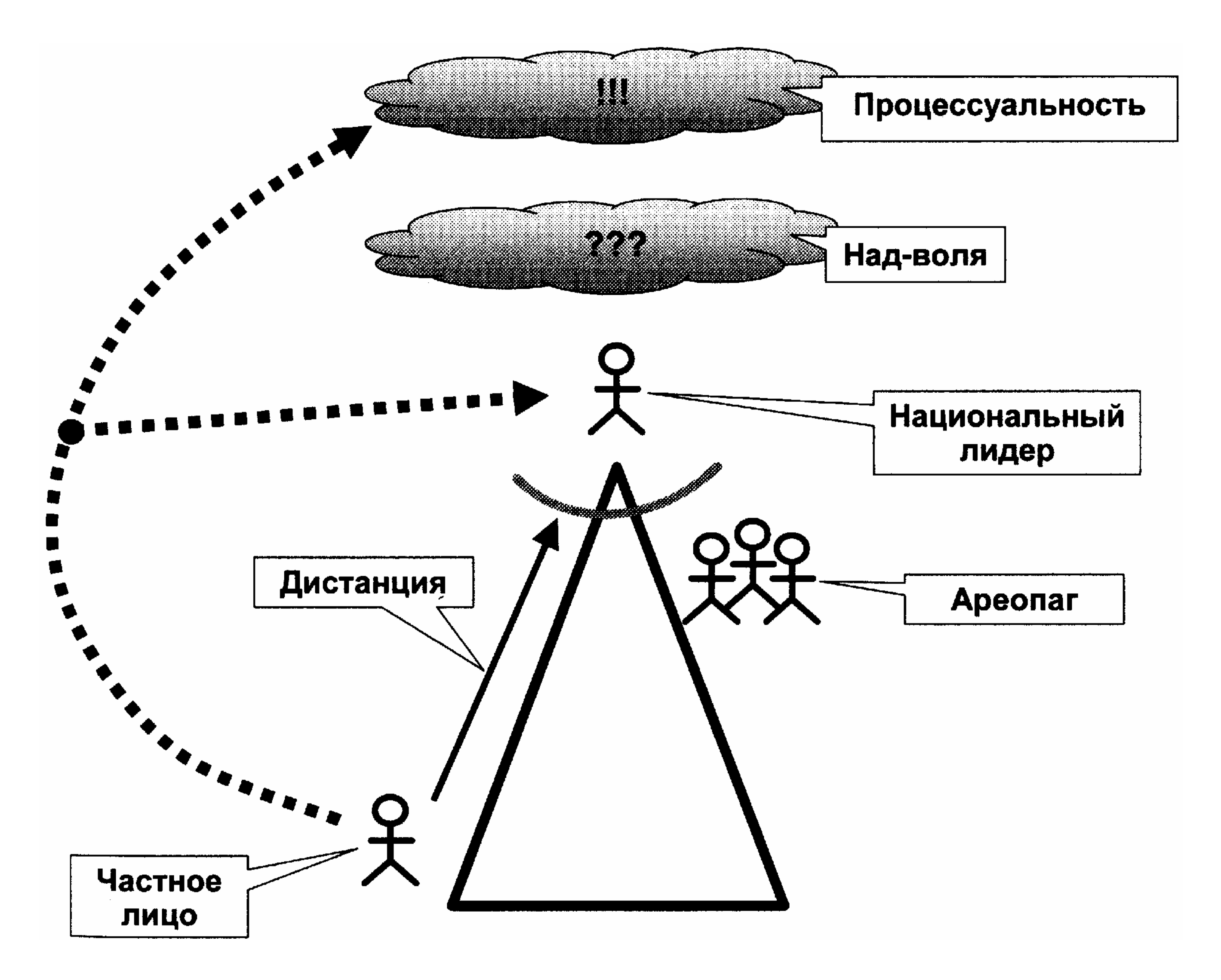

Рис. 14

Тут сразу возникает вопрос: «Вы что, занимаетесь ревизией дистанции?» Ответ очевиден: облако ею занимается, а не человек.

Метеоролог, изучающий облака, — не Господь Саваоф. Но если он не будет изучать облака, они, как минимум, станут источником метеорологической угрозы. А как максимум… Другие ведь не перестанут облака изучать и заниматься метеорологией разного рода. Политической в том числе. И мы, наконец, знаем, что есть и такое понятие — «метеорологическое оружие».

Пушкин не раз высказывался по сходному поводу в своих стихах. И в тех, которые касаются творчества и не связаны напрямую с политикой. Но косвенно — связаны («Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон»). И в тех, которые аллегорически повествуют о подобной коллизии («Волхвы не боятся могучих владык»). И в тех, где все сказано напрямую, без экивоков, хотя крайне деликатно и уважительно («И истину царям с улыбкой говорить»).

Процессы идут, и раскрывать их содержание надо. И с позиций определенного социального знания. И с позиций определенного опыта. Никакого надувания щек тут нет. Есть желание с предельной скромностью, предельным тактом и предельной отстраненностью указать на реальные риски, которые могут превратиться в беду. А беда эта — буду повторять еще и еще раз — коснется не только политического Олимпа, но и большинства наших граждан.

Обсуждая это, я не хочу назидать. Я предлагаю к рассмотрению модели. В данном случае — модели конфликтов. Это моя профессия — конфликтология. И в каком-то смысле это неизымаемая компонента моего жизненного пути.

Состояние элиты — это существенный фактор в устойчивости системы. Система — Россия. Одно состояние элиты — одна системная устойчивость, другое состояние — другая системная устойчивость. И как же этим не заниматься? Мне возразят: «Этика не может быть абсолютно абстрактной. То, что вы заявили, это идеология. А этика — это там, где конкретные люди». Что ж, готов согласиться с подобной позицией, поскольку люди в этике, о которой я говорю, тоже есть.

Интересы человека — сложная штука. Есть интересы человека как такового, а есть интересы этого же человека как члена узкой или широкой группы, члена определенного класса, наконец, гражданина своей страны. Человек защищает свои интересы. Какие интересы он защищает и как?

Человек может быть зашорен, зациклен на очень узком круге собственных интересов. В Верховном Совете РСФСР в 1993 году два влиятельных аппаратчика, приближенных к Хасбулатову, руководившему этим самым Верховным Советом, вели непримиримую аппаратную борьбу. Они тщательно просчитывали свои позиции: кто из них сколько времени провел в кабинете, кого когда попросили подежурить в приемной. Скажете — нормально, война элит. И впрямь нормально, но с одной оговоркой. Это происходило 29 сентября 1993 года, здание Верховного Совета был оцеплено колючей проволокой. В нем уже были отключены вода и электричество.

Другой высокий чин в том же Верховном Совете кричал: «Меня назначил аж Съезд народных депутатов! И теперь меня никто не может снять! Потому что Съезд снова не соберут». Через четыре дня этот человек был в тюремной камере.

Лица, участвующие в игре (а элитный конфликт является частным случаем игры), могут находиться с этой игрой в очень разных отношениях. Участие участию рознь. Лица могут создавать ситуации или реагировать на них. Они могут действовать стратегически или ситуационно. В их поле зрения может находиться вся картина или ее часть. Любому лицу всегда кажется, что оно участвует в игре именно как лицо. А оно может участвовать иначе. Игра может продиктовать лицу свои законы. Навязать лицу игровую роль или маску.

Если бы не это обстоятельство, зачем книги писать? Рефлексиями этими самыми заниматься? В конфликте участвуют серьезные люди. Они все знают до тонкостей. И не за счет рефлексий (участь стороннего наблюдателя), а непосредственно, на собственном опыте (что Гуссерль и называл перцепцией, подчеркивая разницу между нею и рефлексией).

Все так… Однако люди знают себя таковыми, каковы они есть. Игра делает их другими. Они сами могут не узнать себя в игровом зеркале. Но игра идет. И если не царит надо всем, то, по крайней мере, очень сильно трансформирует содержание происходящего. Одно дело, если люди просто дерутся. Другое — если дерущиеся находятся на платформе, которая куда-то медленно едет и на самом деле едет прямиком в пропасть. А дерущиеся так увлечены, что не ощущают этого движения.

Да и вообще, ощутить медленное движение платформы легче со стороны. Является ли указание на факт движения платформы в пропасть нарушением этики или ролевых функций? А если платформа устроена так, что накал конфликта активизирует механизм сползания платформы в пропасть? Вообразите себе дрезину, на которой один дерущийся стоит на одном плече качалки, а другой — на другом. Чем чаще и активнее они толкают друг друга, тем активнее едет дрезина.

А если к дрезине подцеплено нечто под названием страна? Что в этом случае этично, а что нет?

Приведенные соображения не отменяют профессиональную этику. Ограничения на жанр описания элитных конфликтов остаются. Но не надо говорить, что описание неэтично вообще.

Что же касается ограничений, то я давно уже выработал для себя некий моральный кодекс аналитика элиты. Что же это за кодекс?

ПЕРВЫЙ ПРИНЦИП МОРАЛЬНОГО КОДЕКСА, О КОТОРОМ Я ГОВОРЮ, КАСАЕТСЯ КАЛИБРОВКИ ДАННЫХ.

Профессионал всегда калибрует данные во имя успеха исследования. Но профессионал, имеющий дело с людьми, калибрует эти данные еще и потому, что в каком-то смысле калибровка позволяет ему защитить людей, которых он, видите ли, исследует.

Тут — либо-либо. Либо ты аналитик элиты, либо пиарщик. Пиарщик с ходу заявит: «Как известно, такой-то элитарий сожительствует с инопланетянином и ворует для него в ресторанах серебряные ложки». Он при этом не скажет, откуда ему это известно. Он даже не сошлется на какой-нибудь «Компромат. ру», куда перед этим запихнет соответствующую анонимку. Он на то и пиарщик, чтобы продавать идиотам свой тухлый товар как истину в последней инстанции. Потому он избегает классификации данных. Все его данные, даже самые липовые, должны получать статус абсолютной истины без верификации. Иначе как продашь-то?

Кодекс аналитика элиты не просто не позволяет аналитику стать пиарщиком (по крайней мере, на время исследования, а желательно и вообще). Такой кодекс требует от аналитика специальной морально-профессиональной гигиены против пиара. Аналитик элиты не только не

имеет права становиться пиарщиком. Он, должен быть антипиарщиком в каждой фразе, каждом фрагменте своего текста.

А что значит быть антипиарщиком? Как не только научно или не только этически, а именно комплексно, на уровне профессиональной этики, осуществлять «антипиарную гигиену»?

В первую очередь, постоянно оговаривать все на свете. Прежде всего, тип получаемой тобой информации.

Какова возможная классификация?

Есть три класса данных, которые аналитик элиты использует и по отношению к которым он профессионально и этически обязан осуществлять калибровку, то есть указание на принадлежность данных к тому или другому классу.

Первый класс данных — это факты («класс Ф»). Что такое факты? Такого-то числа такого-то года такое-то лицо назначено на такой-то пост. Это подтверждено официальной государственной информацией… Такого-то числа такого-то года подписан такой-то указ или такая-то официальная бумага с реквизитами. О наличии этой бумаги сообщили официальные источники.

Вы сообщаете некоторые факты? Оговорите, что это факты. Вплоть до формализации, которая может показаться избыточной. Вот этот факт — Ф-1, этот — Ф-2. И так далее. И все это именно данные из одного и того же класса. А вот это уже другой класс данных. Какой же?

Второй класс данных — это сведения («класс С»). Сведения — это почти что факты. Но это не совсем факты. Одновременно сведения — это совсем не домыслы. Это не слухи, не сплетни, не инсинуации, не реклама.

Такого-то числа такого-то года такое-то лицо… Родилось, поступило в институт, проходило службу в армии, построило семью… То есть человек родился там-то и там-то. Имеет такой-то социальный генезис. Почему надо проводить границу между фактами и сведениями? Потому что сведения могут быть проблематизированы, а факты нет. Указ о назначении или снятии — это неоспоримый факт. А социальный генезис — это официальные сведения. Или сведения из других источников.

Что если на самом деле человек проходил службу не в стройбате, как это где-то записано, а в элитных частях? Что если он не «тянул лямку», а проходил спецобучение? А записано в его анкете нечто иное.

Или, к примеру, так называемое социальное происхождение («из крестьян», «из служащих»). В раннесоветскую эпоху по служебной лестнице могли двигаться только люди, имеющие «правильное» социальное происхождение. А были даже и «пораженцы» (имелось в виду поражение в социальных правах). Что если имярек скрыл свое подлинное социальное происхождение по этим, исторически обусловленным, обстоятельствам?

В более позднюю эпоху имел значение так называемый «пятый пункт». Что если человек маневрировал в этом вопросе из тех же соображений, связанных с вертикальной мобильностью?

Итак, сведения, в отличие от фактов, подлежат проблематизации. Но такими проблематизациями не следует злоупотреблять. Есть увлеченные проблематизаторы, любители указывать на то, что у того или иного лица могли быть мотивы для искажения сведений. Кто-то говорит о мотивах Ю. Андропова, связанных с советской регламентацией в вопросе об этническом генезисе. Кто-то говорит о мотивах В. Молотова, связанных с советской регламентацией в вопросе о социальном генезисе. Кто-то проблематизирует другие типы сведений. Например, задается вопрос: «Где данное лицо находилось во время Великой Отечественной войны? Что за пробел? Понятно, где находились Брежнев или Андропов. Но где находился, например, Черненко?» Могут быть и более сложные вопросы. Например, вопрос об участии и неучастии тех или иных советских военачальников в гражданской войне (Буденный участвовал в ней и его возвышение понятно, а каков канал вертикальной мобильности, например, Малиновского?).

Сведения могут быть социально логичными и странными, противоречащими логике эпохи. Они могут быть пустыми и любопытными. Но это уже касается обработки сведений. В любом случае, сведения — это сведения.

Биографические данные, санкционированные самим обладателем данной биографии, его официальными биографами, официальными источниками, знакомящими общество с этими биографическими сведениями, обладают достаточно высокой достоверностью и могут быть выделены в отдельный класс. Внутри класса есть элементы (С-1, С-2 и так далее).

Можно рассматривать подклассы внутри класса «Сведения». Говорить об официальных сведениях. О достоверности неофициальных сведений, имеющих определенный источник. А также просто о достоверности сведений. В последнем случае аналитик элиты ничего не комментирует. Он просто говорит: «Я этим сведениям полностью доверяю». И точка. Аналитика элиты — такая вещь, в которой читатель многое вынужден принять на веру. Но для этого он, прежде всего, должен доверять личности самого аналитика. Иначе чтение работ по данной тематике — это пустая трата времени.

Третий класс данных — это мифы («класс М»). Все, что не является фактами или сведениями, является мифами. Вам хочется считать нечто сведениями, но вы не всегда имеете на это право. Имейте мужество признать, что это все же миф. И сообщите об этом — дайте индекс конкретному элементу используемого вами информационного конгломерата. Вот этот элемент — Ф-4. Этот — С-5. А этот… он не из класса Ф, не из класса С. Он из класса М (М-1, М-2 и так далее).

Признав это, вы не отбрасываете информацию. Не превращаете ее в мусор. Вы начинаете препарировать мифы. То есть выделяете в них значимое и незначимое. Но вы делаете это по законам, которые действуют в классе М, а не вообще в любом информационном массиве.

Вы отбрасываете явную «туфту». А дальше подразделяете оставшееся на «мифы-активки» (информацию, требующую учета дезинформационной игры), «мифы-шифровки» (обмен информацией внутри «элитного междусобойчика» с использованием языка посвященных), «гипермифы» (то есть абсолютно зашифрованные послания, адресующие к каким-то источникам, причем трактуемым строго определенным образом).

Мифы многолики и многомерны. Но они — мифы. Мифы, повторяю, — это не информационный мусор, который надо выкидывать на свалку. Но это и не то, что можно брать на веру. Это первичное сырье для особой («мифологической») герменевтики. У мифа есть цель, источник, адрес. Он организован в соответствии с определенными законами. Он несет на себе отпечаток авторского стиля. Мифы в чем-то как люди. Они могут быть колкими, сухими, поджарыми. И наоборот — жирными, расплывчатыми. Они аранжируются какими-то красотами или избегают их.

Мир мифов — это отдельный и очень важный мир. Но прежде, чем начать с ним работать, надо отказаться от соблазна, связанного с переносом какого-нибудь яркого М-45 из класса М в класс Ф или класс С. Такой соблазн нарушает профессиональную этику. Заповедь врача — «не навреди». Заповедь исследователя — «не солги». Неточно проведя калибровку данных или вообще не калибруя их, вы и солжете, и навредите.

ВТОРОЙ ПРИНЦИП МОРАЛЬНОГО КОДЕКСА КАСАЕТСЯ не калибровки данных, а КАЛИБРОВКИ ВАШИХ СООБРАЖЕНИЙ. К какому классу относятся эти соображения? Вы нечто утверждаете? Вы делаете пометки на полях? Вы учитываете чужие домыслы? Вы высказываете странные и необязательные предположения (математики и физики-теоретики называют это «в порядке бреда»)? Но ведь они оговаривают: «В порядке бреда». При том, что их бред не может никак сказаться на судьбе кварка или молекулы. А вы сделали заметку на полях, приняли к сведению чьи-то домыслы, не оговорили статуса ваших соображений и… и проявили недопустимую небрежность по отношению не к кваркам и молекулам, а к людям.

Два этих принципа морального кодекса очень понятны и благородны. Поэтому их можно было бы и не оговаривать, если бы эфир, полосы газет и журналов не были заполнены материалами, которые категорически нарушают эти очевидные принципы и при этом претендуют на аналитический статус.

И все же я не стал бы так подробно обсуждать профессиональную этику, если бы она сводилась к двум вышеуказанным принципам.

ТРЕТИЙ ПРИНЦИП ВСЕ ТОГО ЖЕ МОРАЛЬНОГО КОДЕКСА ЭЛИТНОГО АНАЛИТИКА ОТНОСИТСЯ К СФЕРЕ ПРИМЕНИМОСТИ ВАШИХ УТВЕРЖДЕНИЙ. Он прямо вытекает из характера утверждений. Калибруя данные и утверждения, вы тем самым калибруете их использование. Я называю этот важнейший принцип аналитики элит ПРИНЦИПОМ «НЕСЧИТАБЕЛЬНОСТИ». Что это такое?

Журналист, проводящий расследование вообще, а особенно реализующий чьи-то конкретные «сливы», завершая публикацию, нередко пишет: «Прошу считать эту статью основанием для…» — ну, например, для начала официального прокурорского расследования.

Журналист гордится этим. Он восклицает: «По нашим статьям (или передачам) возбуждено столько-то уголовных дел, осуществлено столько-то кадровых решений…». Это все — право

журналиста. Конечно, он хочет, чтобы власть считалась с его материалами. Он измеряет свой рейтинг тем, насколько власть считается с его материалами. Это я и называю «считабельностью». Боб Вудворд очень хочет быть не просто «читабельным» (то есть влияющим на массы), но и «считабельным» (то есть влияющим на власть).

Журналисты называют себя «четвертой властью». Не будем обсуждать, насколько это так. Но каждый, кто занимается элитной аналитикой, должен в начале и конце своего исследования писать: «Прошу НЕ СЧИТАТЬ мое исследование основанием для любых действий, осуществляемых в том мире, где есть следователи и судьи, репутации, администрации, суждения, решения и… и почти все остальное, слагающее обычную реальность. Ту самую, которая большинству человечества кажется единственной, всеобъемлющей».

Аналитика элиты адресована только тем, кто столкнулся с невсеобъемлющим характером этой самой обычной реальности. Кто ощутил наличие за ее пределами некоего — более чем влиятельного и дееспособного — Зазеркалья. Кто понял, что в Зазеркалье действуют правила, весьма далекие от правил обычного мира. Но что игры, ведущиеся по этим правилам, могут решающим образом влиять на наш «обычный мир».

Предлагаемое нами понимание Зазеркалья и его игр носит размытый (как кто-то скажет, «фундаментально проблематизационный») характер. В качестве единицы такого понимания выступает не утверждение, а проблематизация. Мы в принципе, по сути своего метода, не имеем права что-либо утверждать. Мы лишь указываем на парадоксы, несоответствия, странности. На какие-то дырки и щели, через которые втекает в обычный мир некая «зазеркальность».

Мы можем ошибаться — и нередко ошибаемся — в частностях. Но тот, кому наш метод нужен, может с помощью него перейти черту, отделяющую обычный мир от элитного Зазеркалья. Что он будет делать, перейдя эту черту? То, что сочтет нужным. Мы не тащим его туда на аркане по проложенному нами маршруту. Мы учим технике вхождения в иной мир. И только. Обучая, мы предъявляем проблематизации. То есть некие схемы, которые ломают стереотипы привычного, обычного мира.

Мы не называем эти схемы истинными. На основе нашего метода могут быть построены и более точные схемы. Но и они будут содержать в себе какую-то вопросительность. Оскар Уайльд сказал: «Всякое искусство совершенно бесполезно». Искусство игры никак нельзя назвать бесполезным. Потому что ошибка в игре может повлечь за собой что угодно, включая мировые войны.

Могут ли наши публичные проблематизации превратиться в нечто другое — сходное, но более серьезное? Да, могут. Это сходное, но более серьезное называется стратегической разведкой. И используется для сопровождения Большой Игры. Стратегическая разведка в принципе непублична.

Как сравнить ее с нашими публичными элитно-игровыми рефлексиями?

Есть фехтование в спортивном зале. И есть дуэль.

Фехтование в спортивном зале — это наша публичная аналитика элит.

Стратегическая разведка отличается от публичной аналитики элит ровно в той степени, в какой дуэль отличается от фехтования в спортивном зале.

Кто-нибудь становился дуэлянтом, не фехтуя в спортивном зале?

Наши проблематизации обладают ценностью, но мы должны не просто оговорить, а вбить в голову читающего (и обучающегося тем самым), что есть два фундаментальных различия. Почти что противопоставления (рис. 15).

Первое различие, как мы видим, — между игрой и войной. На войне есть свой и чужой, друг и враг, фронт и тыл. Игра основана на другом. Игра — это система шахматных ходов, производимых в другом пространстве с другой степенью терпеливости. У войны есть начало и конец. Победа и поражение. В игре все иначе. В ней иначе течет время, иначе строится взаимодействие. Свой может быть чужим, а чужой своим. События вековой давности — важными, а нынешняя острая ситуация — бросовой.

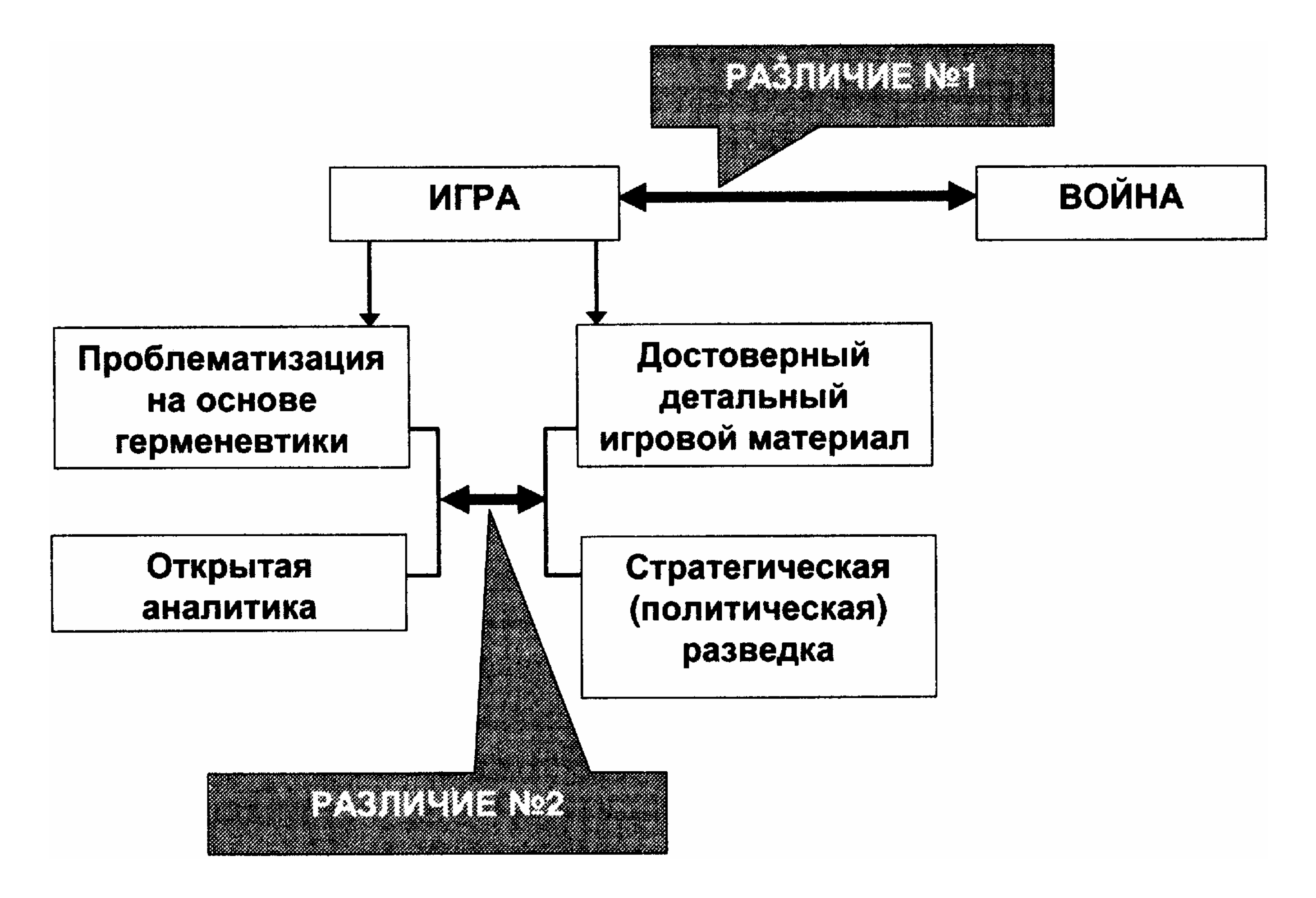

Рис. 15

Итак, есть пространство войны и пространство игры. Они сложно сопрягаются друг с другом. Игра может стать (или не стать) основанием для начала войны. Но она не есть война.

Второе различие находится уже внутри самого игрового пространства. Его так же важно проводить, как и первое. Это различие между «игровыми прикидками» и окончательным планом игры. Для прикидок нужна открытая аналитика. В рамках ее феноменов и схематизмов прорабатываются общие закономерности. Но нельзя вести игру только на этой основе. После прикидок нужны детализации. Кроме общих закономерностей — беспощадно точные краевые и начальные условия.

Чтобы их получить, нужны не прикидки, не герменевтика (точнее, не только они), а достоверный детальный игровой материал. Одна деталь может поменять план игры и расстановку фигур. Одна деталь! И нужно постоянно помнить об этом. Разница между нашими аналитическими эскизами и конкретной игровой диспозицией — огромна. Поскольку одна деталь может все решить, все изменить, все перевернуть с ног на голову и обратно.

Мы здесь всего лишь разминаем судьбоносные вопросы. Никогда бы я не стал расписывать конкретные игровые диспозиции в книге, издаваемой для массового читателя. Даже если бы знал их — молчал бы, как немой. Но в том-то и дело, что игровые диспозиции не могут появиться до тех пор, пока не возникнет общая среда, пока не выявится сам принцип элитной феноменальности. А этот принцип не выявится без особых открытых рефлексий, без дискуссий, без этих самых «эскизов». Закрыть полностью метод так же глупо, как и полностью его открыть.

А значит, необходимо дозированное открытие. То есть «эскизы». Причем — конкретные. Они не могут не быть конкретными!

Среда элитной рефлексии не сложится, если я вместо конкретных имен буду называть X, Y, Z и расчерчивать абстрактные игровые схемы. А конкретные имена — это конкретные судьбы. Для меня — рефлексия, а для кого-то — жизнь. Как говорил когда-то мой знакомый, «это для тебя непроходимая тайга, а для кого-то звероводческий совхоз имени Ленина». И из моральных соображений, и из соображений метода (чтобы никто не путал «эскизы» с окончательной игровой фактурой) я должен постоянно повторять: ПРОШУ КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕ СЧИТАТЬ МОИ МАТЕРИАЛЫ ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ ЧЕГО БЫ ТО НИ БЫЛО, КРОМЕ ОБЩЕГО ПОНИМАНИЯ

ИГРЫ. Это и есть позиция «несчитательства». Если у религиозных подвижников было «нестяжательство», то почему у меня не может быть «несчитательство»? Ну, так оно и есть.

Попросят меня задиристые люди: «Конкретизируйте еще больше!» — в ответ я повышу градус абстрактности в десять раз. А про всю свою конкретику скажу, что она мне приснилась. Что у меня творческая фантазия разыгралась. В конце концов, все говорят, что я театральный режиссер. Так я не отказываюсь. Кстати, поскольку я не только театральный режиссер, но и математик, работавший с обратными задачами, с некорректно поставленными задачами, то я вдвойне должен так сказать. Потому что я-то знаю, что такое некорректно поставленная задача, обратная задача. Там, где есть обратная задача, всегда есть неоднозначность. И, ради бога, не надо аналитической безапелляционности. Почаще говорите «возможно», если хотите что-то понять.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРИНЦИП ТОГО ЖЕ КОДЕКСА — «НИДАНЕТСТВЕННОСТЬ». Вас будут спрашивать: «Да или нет?» Не говорите ни «да», ни «нет». Тогда от вас потребуют: «Скажите, что вы не знаете!» Не соглашайтесь и на это. Квантовая механика научила науку подобной «ниданетственности». Еще раньше ее этому научила диалектика. Она сказала, что каждый раз, когда вы говорите о чем-нибудь, что оно есть или его нет, вы совершаете ошибку. Потому что то, о чем вы говорите, может быть и не быть одновременно.

Диалектика ввела такую парадоксальную возможность в связи с принципом становления. Когда нечто не ограничивается своим сегодняшним состоянием. Оно содержит в себе еще и состояние завтрашнее. Да и сегодня… Если сегодня оно не находится в каком-то состоянии (раз и навсегда заданном), а переходит из одного состояния в другое, то чем оно является по отношению к этим двум состояниям? Объект А переходит из состояния X в состояние Y. Вас спрашивают, находится ли объект А в состоянии X? Потом вас спрашивают, находится ли объект А в состоянии Y? Если вы затрудняетесь ответить на оба вопроса, то, значит, вы не знаете, в каком состоянии находится объект А? Но это же не так! Просто вопрос поставлен неверно.

Является ли Евгений Онегин ярким представителем российского петербургского дворянства первой четверти XIX столетия? Социолог скажет вам, что является. А если бы вы могли задать подобный вопрос Евгению Онегину? Или Одиссею? В их распоряжении не было классового метода, и они не знали, что принадлежат к каким-то там классам, социальным группам и так далее. Но это не значит, что они не принадлежали. Так принадлежали они или нет? Предположим, вы начнете разговаривать с этими героями. И объяснять им, что их поведение вытекает из их классовой позиции. А Онегин вам ответит: «Я лучше знаю, почему я убил Ленского. И все классовые интерпретации, которые вы мне навязываете, глубоко ложны. По крайней мере, я уж точно ими не руководствовался». Так руководствовался он или не руководствовался? И прав ли он, когда говорит, что ему лучше знать, чем он руководствовался?

Откуда вам знать, кто чем руководствуется? И можете ли вы в принципе по любому поводу высказать суждение, согласно которому некто или руководствуется, или не руководствуется? Даже теоретически вы не всегда можете это сделать.

Есть вполне практическая область, в которой действует эта самая «ниданетственность». То есть принципиальная невозможность сказать «да» или «нет». Прежде всего, конечно, она вытекает из неполноты наших знаний. Эта неполнота связана с самой природой знаний. Гуссерль, о чем я уже говорил выше, подразделял процедуры узнавания чего-либо на рефлексию и перцепцию.

Рефлексия — это знание, добытое путем самых точных и корректных умозаключений. Ум при этом находится во внешней позиции по отношению к тому, что он изучает. Наблюдатель наблюдает ПРОЯВЛЕНИЯ наблюдаемого. Но не само наблюдаемое. Непосредственного доступа к наблюдаемому он не имеет. Рефлексия — это всегда обратная задача. И это делает рефлексивное знание принципиально неполным.

Дополняется такое знание перцепцией. Когда вы не наблюдаете со стороны, а соприкасаетесь. Тем или иным способом оказываетесь внутри ситуации. Перцепция дополняет рефлексию. Но значит ли это, что рефлексия принципиально слабее перцепции и может заменять ее только тогда, когда перцепция невозможна?

Это не вполне так. Конечно, близкий человек понимает логику поступков лица, к которому он близок, иначе, чем посторонний наблюдатель. Но нет человека, который был бы предельно близок к интересующему нас типу лиц сразу на всех уровнях, из которых складываются эти самые «лица». Если, например, лицо — высокий чин КГБ, то его жена или дети могут в каком-то смысле знать больше о логике поступков лица. Но только в каком-то смысле!

Может быть, иной полнотой знания о мотивах и поступках такого лица обладает супердоверенный помощник, работающий с этим лицом несколько десятков лет? И это не всегда так.

И наконец, абсолютной полнотой перцепции обладает само лицо. Оно все знает о причинах, побудивших его к тем или иным поступкам? И это тоже не всегда так. Вообразите себе диалог Наполеона с Тарле. Наполеон говорит Тарле: «Кто ты такой, чтобы говорить мне, почему я так поступил? Ведь так поступил Я! Это МОЙ поступок! И только Я знаю все о причинах, которые его породили!» А Тарле отвечает: «Ты не можешь обладать полнотой знания по поводу причин, которые находятся вне тебя и оказали косвенное давление на твои поступки. Эти причины раскрылись через столетие после твоей смерти. У тебя своя полнота знания, у меня — своя».

Обучая начинающих аналитиков элиты разнице между перцепцией и рефлексией, я предлагал им рефлексивно ответить на вопрос: «Who is Mr. Kurginyan?». То есть, использовать для ответа биографические данные и предложенные мною же теоретические методы (социология элиты, культурология, теория игры и так далее).

У меня есть родственники по материнской линии. Если всех их собрать воедино и представить меня как лицо, наследующее эту родовую сущность и заданное в своем поведении фактом этого наследования, то получится полная ахинея. Я-то знаю, что ни в каком буквальном смысле слова ничего не наследую. Такое наследование, может быть, было бы возможно, живи я пять столетий назад и являйся членом тогдашнего традиционного общества. Но я родился в 1949 году, вырос в советское время, не проявлял никакой склонности к самоидентификации через эту родовую сущность.

Это я знаю. А посторонний мне аналитик не знает. Но я тоже кое-что могу и не знать. Я могу не знать, в какой степени данная родовая сущность оказала влияние на воспитывающих меня мать и бабушку, а значит, косвенно и на меня. Мало ли чего еще я могу не знать? Юнг скажет, что я не знаю своего родового архетипа, который автоматически действует — при полном моем отрицании этой самой сущности. И так далее.

Теперь об отце. Что по этому поводу изобретет посторонний аналитик и что знаю я сам? Аналитик элиты и здесь обязан восстанавливать некий надперсональный (родовой, семейный, групповой, клановый) «индекс». Как без этого? Что получится?

Мой отец родом из города Ахалцихе. И родители академика Джермена Гвишиани из города Ахалцихе. И у нас было много общих знакомых. Значит ли это, что мы «ахалцихский клан»? Для того, чтобы понимать, что это не так, нужно с абсолютной достоверностью знать структуру личности и особенности поведения моего отца. Он гордился своим происхождением, национальностью. Пока были живы родители, всегда ездил к себе на родину. Но он органически не любил кланов. И столь же органически чурался не соплеменников и родственников, а связей и отношений, порождающих какую-нибудь обязательность и даже приоритетность. Отцу — завкафедрой в вузе — все время казалось, что ему попросту «впарят» какого-нибудь балбеса в качестве студента. А он ненавидел «блат». И он благоговел перед преподавательской деятельностью.

Я не хочу сказать, что мой отец хорош, поскольку он не интегрировался в некие лобби, а чей-то отец плох потому, что он интегрировался. Я всего лишь утверждаю, что степень подобной интеграции может быть определена только изнутри, на основе этой самой перцепции. И что она может колебаться от нуля до ста процентов — в зависимости от тонких и почти неверифицируемых нюансов семейно-психологического характера.

Данное утверждение не снимает необходимости рассматривать надперсональные идентификационные возможности. Понимая при этом, чем ПОТЕНЦИАЛЬНОСТЬ определенной идентификации отличается от АКТУАЛЬНОСТИ этой идентификации.

Потенциально я мог быть представителем «ахалцихского клана». А представителем «зангезурского клана» я быть не мог по определению: ни я, ни мои родственники не родились и не жили в этом регионе Армении. В еще большей степени я не мог бы быть представителем «пекинского клана». Если бы я занимался, например, школой Шаолинь, то я мог бы быть спортсменом, связанным с этой школой. Но я не мог бы быть ни китайцем, ни пекинцем. А представителем «ахалцихского клана» я мог бы быть, но… я им не являюсь.

Соответственно, аналитик должен ввести клановую возможность в рассмотрение моей личности. Но — с соблюдением принципа «ниданетственности». То есть, не говоря по поводу моей клановости ни «да», ни «нет», и при этом оконтуривая то поле, в рамках которого возможна моя клановая привязка. Сохраняя одни возможности, он должен откинуть другие. Но именно в качестве возможностей! Воз-мож-но-стей! Какое он имеет право (как исследователь и как человек)

представлять возможность (то есть потенциальность) как факт (то есть актуальность)! Это и есть путь к конспирологическому безумию.

Делая определенные догадки, высказывая определенные предположения, я всегда буду исходить из принципа «ниданетственности». Назовите это еще осторожностью… Или невозможностью окончательных утверждений. В квантовой механике, например, вообще невозможны окончательные утверждения определенного рода. Электрон — это частица или волна? И то, и другое.

Меня спросят о гносеологической ценности этой самой «ниданетственности». Мол, если утверждение о моей клановой причастности сделано неосторожным исследователем, исходя из недостаточной информации, то это еще не значит, что в принципе нельзя сделать правильного утверждения. У кого-то появится достаточное количество информации, и он обоснованно заявит, что я не являюсь представителем такого-то клана, не интегрирован в такие-то этнические общности и так далее.

Являюсь… Не являюсь… Интегрирован… Не интегрирован… В каком смысле? Моя перцепция что-то уточняет. Иногда самым существенным образом. Но она не может претендовать на полноту знания так же, как и рефлексия. То, что я не обладаю интериоризированной (самоосознанной) причастностью к определенным коллективным сущностям, еще не означает отсутствия экстериоризированной (исходящей из неких существенных групповых представлений) причастности.

Я с аналитической миссией ездил на полевые исследования в Армению и Азербайджан в 1989 году в разгар армяно-азербайджанского конфликта. Я точно знал, что не являюсь представителем одной из сторон. Но это еще надо было доказать сторонам, участвующим в конфликте. И это было почти недоказуемо. Потому что доказывать это, опровергая гипотезу о моей причастности одной из сторон, — это значит становиться на другую сторону. В любом случае, мне меняли фамилию в документах на нейтральную. У меня были проблемы с выполнением каких-то моих исследовательских пожеланий. Например, я долго добивался возможности жить не в Степанакерте, а в Шуше (опекавшие меня лица просто боялись, что в Шуше меня убьют).

Я привожу крайний случай, в котором моя интериоризированная необусловленность определенной клановой, национальной или иной характеристикой — вовсе не означает, что я не обусловлен ею экстериоризированно. Чужие групповые представления ложны? Групповые представления в каком-то смысле не бывают ложными. «Идея, овладевшая массами, становится материальной силой». В качестве таковой ложная идея может трансформировать реальность. А факт трансформации реальности — это уже не нечто ложное. Это факт. Реальность ДЕЙСТВИТЕЛЬНО трансформирована.

Заблуждения заблуждениям рознь. Есть заблуждения, которые столь влиятельны, что являются — по своим последствиям — уже частью реальности. У заблуждений есть источник. Этот источник тоже коренится в реальности. Мне может быть приписана некая роль. Действуя, я не могу ИГНОРИРОВАТЬ то, что она мне приписана. Я могу только ПРОТИВОСТОЯТЬ данной инсинуации. Но тогда мое окончательное поведение окажется суммой того, что мне приписано, и того, как я действую, опровергая то, что мне приписано. В результате окажется, что инсинуация повлияла на ход событий. То есть стала частью реальности.

Рефлексия, перцепция… Интериоризированное, экстериоризированное… Мало ли какие причудливые переплетения формируют в итоге реальность — в том смысле, в каком она важна для аналитика элиты?

Я, например, ну, никак не могу игнорировать внешнюю оценку в вопросе о своей этнической или иной социальной интегрированности. Поскольку эта внешняя оценка является игровым фактором. Она тем самым и не факт, и не выдумка! Вот вам и «ниданетственность» в чистом виде. Между фактом и выдумкой находится общественный предрассудок, он же игровой фактор.

Если я играю — как я могу не учитывать игровой фактор?

Вмешиваясь в пресловутый «Армянгейт» (скандал с продажей оружия в Армению, описанный мною в книге «Слабость силы»), я субъективно был задан только моим отвращением к «сдаче» исполнителей, выполняющих обязательный для них приказ. Тем же отвращением, которое привело меня в определенный лагерь в рамках полемики по поводу войны в Афганистане. «Сволочи, — говорил я. — Вы сказали солдатам, что они выполняют интернациональный долг. А потом вы же сказали им, что они палачи афганского народа! При этом вы не пострадали. Не повисли в петле, не сели на скамейку Нюрнбергского трибунала. А ваши солдаты и офицеры, став инвалидами, должны

страдать социально, психологически. Да еще и метафизически — неявным образом оказавшись греховными. Как вы потом еще раз кого-то в бой пошлете?»

То же самое я говорил о сдаче союзников СССР (Хонеккере, Наджибулле) и о многом другом.

Но, начав говорить ровно то же самое об участниках «Армянгейта», я, как минимум, должен был ввести в игру фактор, связанный с окончанием в моей фамилии. Сам-то я знал, что мои мотивы не имели никакого отношения к этому окончанию. Что я, напротив, очень долго не хотел ввязываться во все, что касалось данного «гейта», потому что он «Армянгейт».

Но при чем тут мое знание о моих мотивах? Да, у меня есть мой внутренний «мотивационный текст» («делаю то-то и потому-то»). Но я, входя в игру, не имею права этот текст абсолютизировать. Я должен осознавать, что игра начнет вторгаться в мой текст, переписывать его, писать что-то на его полях, придавать ему другой смысл. И что, участвуя в игре, я не имею права восклицать: «Вот правда (мой внутренний «мотивационный текст»), а вот ложь (коррективы, внесенные в этот текст игрой)». Я обязан отдавать себе отчет в том, что для кого-то и в каком-то смысле коррективы окажутся важнее текста.

В самом деле, Е. Киселев и его бэкграунд играли в «Армянгейте» на определенной (азербайджанской) стороне. Я, отстаивая правду (и государственный интерес) в этом вопросе, оказался для них серьезной помехой. Устраняя эту помеху, они задействовали как «компрометирующее обстоятельство» то самое пресловутое окончание в моей фамилии. Но это не все. Они обратились к именитым армянам, побуждая их дать негативную оценку моей личности. Именитые армяне этого не сделали, а, напротив, сделали прямо противоположное.

В этом водовороте мое личное знание о собственных мотивах и степени собственной интегрированности в некие клановые сообщества уже ничего не стоило. Процессу было на это наплевать. Ровно в той же степени, в какой какому-нибудь другому процессу будет наплевать на чью-то личную честность, причастность или непричастность к политико-экономическим распрям и так далее.

Так кто чем обусловлен?

В чем истина?

Как соотносятся перцепция и рефлексия?

Имеет ли выявленная мною неопределенность (она же «ниданетственность») ситуационный или фундаментальный характер?

Очень часто «ниданетственность» принимает именно фундаментальный характер.

Она, во-первых, основана на неполноте знаний. На их рефлексивности.

Она, во-вторых, вытекает из того, что перцепция, конечно, предпочтительна, но неокончательна. Персонаж может отрицать свою причастность к чему-то. И он по-своему прав. Но он может быть иначе причастен. Он может считать, что он действует, руководствуясь одними соображениями, а действовать, руководствуясь другими соображениями. В том числе и неосознанно-классовыми, и так далее. Он может действовать, исходя из одних мотивов, но испытывать давление как бы объективных интерпретаций, приписывающих ему другие мотивы. И он не может не учитывать этих интерпретаций. Даже если они являются в каком-то смысле заблуждениями, они влиятельны как заблуждения (мифы). Мифы, овладевшие сознанием элиты, это материальная сила. И потом, являясь заблуждениями в одном смысле, они не являются заблуждениями в другом.

Помня все это, будьте «неокончательными» в своих суждениях! Делайте их — но осторожно. Не «шейте» торопливо лишнего тем, о ком вы эти суждения высказываете. Выполняйте обет «ниданетственности», если хотите заниматься элитой.

Сформулированные мною четыре этических принципа сдерживают того, кто занимается элитой. Но не травмируют, а скорее очищают. Увы, не все этические принципы таковы. Есть принцип, к которому я сейчас перехожу. Он обязателен. Но не может не оказывать травмирующего воздействия на того, кто его соблюдает.

Этот пятый по счету принцип легче всего назвать имморализмом (трансморализмом, аморализмом), а назвав, сослаться на Макиавелли. Но легче — не значит лучше. Раз уж я стал, оговаривая принципы профессиональной этики, использовать русский новояз («ниданетственность», «несчитабельность»), то я продолжу такое занятие и введу в название принципа что-то от метода. Потому что мало назвать принцип — надо еще указать, как этот принцип реализовать в рамках профессионального действия. То есть процедуры исследования.

ПЯТЫЙ ПРИНЦИП я назову «НУИЧТОЙСТВО».

На массу утверждений вы должны отвечать не только с позиций «несчитательства» («мои суждения не предполагают вердикта») или «ниданетственности» («мои суждения принципиально неполны и не могут быть полными»), но и с позиций этого самого «нуичтойства». А это-то в миллион раз сложнее.

Вы рассматриваете модель, в которой ваш актор (он же, между прочим, человек) обвиняется в серьезных грехах. В воровстве, убийстве… А то и в чем-то более серьезном. Если вы занимаетесь любым другим делом, то вы, рассматривая модель, включите в рассмотрение характер деяний. Так или иначе, но вы это включите. А вот если вы занимаетесь аналитикой элит, то вы должны это из рассмотрения изъять. И не только из рассмотрения — из своего внутреннего мира. По крайней мере, до тех пор, пока вы являетесь не человеком только, а исследователем, вошедшим в столь особую сферу.

Как это сделать и почему надо это делать?

Сначала о том, как это делается. Это делается с помощью того самого «нуичтойства».

В вашу модель включен фактор (пусть сколь угодно гипотетический, но ведь фактор!) убийства. А вы должны спросить: «Ну, и что?». Вам придется включать в модели другие грязные факторы (иногда такие грязные, что дальше некуда). А вы должны спрашивать: «Ну, и что?».

А почему вы должны так поступать? Потому что таков весь ваш предмет по определению. А если он таков весь по определению, то он уже не таков. Вы скажете, что я играю в парадоксализм? Увы, это не совсем так.

Элитная игра трансформирует семантику, а значит, в чем-то и все остальное. Ничего уникального в такой трансформации нет. Когда вы начинаете рассматривать явление под тем или иным внеморальным ракурсом, мораль претерпевает определенный урон. И что делать? Не использовать теорию систем? В самом деле…

Льется кровь, страдают люди, а ты говоришь «автоколебания», «контуры», «вынуждающие воздействия». Но если не использовать коварно-внеморальные ракурсы при описании явления, то может ускользнуть суть. А значит, и возможность вмешательства.

Вы пытаетесь раскрыть суть межэтнического конфликта. Объяснить, что этот конфликт носит, так сказать, рукотворный характер. Что он не сам загорелся, а его разожгли. Вам отвечают: «Да какие там происки?! Вы народы унижаете! Делаете их марионетками! Посмотрите, какие страсти кипят!» Что вы должны ответить? Если вы не скажете: «Любое воздействие использует собственные частоты системы», — вы окажетесь нечестны и непрофессиональны. А если скажете, то вам в ответ возопят: «Люди страдают, а он про какие-то частоты какой-то системы!»

Вот так и с элитными играми. Вы рассматриваете явление под элитно-игровым ракурсом. Рассматривая его подобным образом, вы должны задействовать адекватную — внеморальную — семантику. Вместо того, чтобы сказать «украл», вы говорите «канализировал ресурс». Вместо того, чтобы сказать «убил», вы говорите «изъял элемент из игрового контура».

И когда к вам при таком описании лезут с морализациями, вы должны сказать: «Ну, и что?» Это не значит, что при другом описании вы скажете то же самое. Но если вы занялись элитной аналитикой, то «нуичтойство» — это ваш профессиональный, а через это в чем-то и моральный долг.

Если он слишком тяжел для вас, смените профессию.

По отношению к очень многому вы должны говорить: «Ну, и что?», если хотите заниматься элитой. Для вас наркотрафик — это жуть кромешная и особо тяжкое преступление. А для того, кого вы исследуете, это позиция в игре и не более.

Увы, есть масса вещей, которые аналитик элит должен понимать и одновременно не имеет права утверждать.

Он должен понимать, что наркотрафиками балуются все спецслужбы мира при негласной санкции своих государств. Но поскольку санкция негласная, то какое он имеет право это утверждать? «Поскольку известно, что все…» Стоп! «А откуда это вам, батенька, известно? Не смейте нас марать! Вы приписываете нам бог знает что, а мы любого наркобандита в клочья порвем, мы это избирателям обещали и вот-вот начнем делать!» Или скажут: «Докажите!» А что значит это доказать?

Так как же описывать эту игровую реальность? Как возможность! Только как возможность. Мне она приснилась в этом виде, еще десятку международных исследователей. Кое-кто из высокопоставленных спецслужбистов что-то об этом сказал. Это наш коллективный сон. Вас интересуют наши сны? Милости просим в мир этих снов! Вы считаете, что они точно коррелируют с

реальностью? Ну, так это вы считаете! Это ваше дело! Пока вы читаете и думаете, считайте ради бога. Я очень рад.

Но, когда вы начнете делать выводы, я скажу, что нельзя на основе моих снов делать выводы. И буду клятвенно утверждать, что это сон, и не более. А что еще прикажете делать? Рассекречивать внутреннюю регламентационную базу всех основных государств мира? И рассказывать, что правительства кое-каких стран санкционируют наркотизацию пяти процентов своего населения во избежание социальных сценариев, которые им кажутся более высокоиздержечными? Так это мой сон. Слышите? Сон.

Научитесь сначала жить в этом сне. Привыкните к нему. Поймите его правила. А потом тихонечко прощупывайте связи между ним и действительностью. А иначе, между прочим, может оказаться, что вся действительность, в которой вы живете, — это сон, а сон и есть явь.

Как там сказал поэт? «Заключите меня в скорлупу ореха, и я буду чувствовать себя повелителем бесконечности. Если бы только не мои дурные сны!»

Если бы я не считал, что мои дурные сны чему-то помогут, я бы их не рассказывал. И постарался бы их не видеть. Но я считаю, что они помогут. Чему? Созданию некой культуры понимания, которая может стать фундаментом для реального обеспечения безопасности моего государства, — вот чему.

А теперь скажите мне, пожалуйста (хорошенько при этом подумайте, но ответьте): существование так называемых «частных армий» (они же частные военные корпорации и т. д.) — это мой сон? Описание этих частных армий в сотнях мемуаров — это мой сон? Респектабельные исследования по этому поводу ведущих университетов мира — это мой сон?

Работа Хуана Зарате «Появление нового пса войны: частные международные охранные компании. Международное право и новый международный беспорядок» (Zarate Juan Carlos. The mergence of a new dog of war: private International security companies, international law and the new world disorder // Stanford journal of International law. Stanford, 1998. Winter. Vol.34. № 1. P. 75–163.)… Она мне приснилась, эта работа? А заодно она приснилась издателям из Стэнфорда?

Книга Тима Спайсера, организатора одной из самых крупных «частных армий», вышедшая в 2000 году, — это мой сон? И то, что эта армия называется «Сендлайн Интернешнл» и продолжает преуспевать, — это тоже мой сон?

Так вот она, эта книга! Называется «Неортодоксальный солдат». Лежит у меня на столе. Я жмурюсь, трясу головой, умываюсь холодной водой… Нет, это не мой кошмар. Вот они, реквизиты: Tim Spicer. An Unorthodox Soldier. Mainstream Pub. Co. Ltd, 2000. ISBN 1840183497. Хотите — почитайте.

Заодно почитайте, если хотите, специальный доклад Экономического и Социального Совета ООН по охранным компаниям и проблеме международных норм, регулирующих наемничество. Опубликован 20 февраля 1997 года. Это тоже мой сон?

В том-то и дело, что возникла новая среда… Новая элитная среда, будь она трижды неладна! Но она возникла! Возникла ведь! Она реальна, не так ли? Она ничем не регламентирована! Не существует, вдумайтесь, международной нормативной базы, регулирующей деятельность этих спецэлитных структур.

Они регистрируются в определенной стране и получают, в соответствии с законами этой страны, лицензию на определенные виды деятельности. И при этом чаще всего работают в других странах. Причем специфика их «работы», как правило, не предполагает какого-либо жесткого контроля за тем, когда и насколько они выходят за рамки своей лицензии. И в том числе за рамки конвенциональных методов проведения военных операций.

А кто их использует-то? И почему нет ни регламентов, ни прочих регулятивных вещей, а армии эти есть и процветают, приумножаются, захватывают новые позиции?

С духовной точки зрения, это объясняется глубочайшим кризисом мироустройства. С политической и социальной — выходом на арену новых элит. Да, качественно новых, повторяющих при этом какие-то черты древности. Так это и есть вторичная архаика. С культурной точки зрения, в ней-то и дело.

А с прагматической точки зрения, все объясняется целесообразностью. Ею и только ею. Государства (в том числе государства, зарегистрировавшие частную военную корпорацию), как правило, нанимают ее в тех случаях, когда по каким-либо причинам считается политически невыгодным или нецелесообразным прямое государственное участие в «урегулировании» проблем в

той или иной стране или регионе. В этом случае сама охранная компания, а не государство-наниматель, несет формальную ответственность за нарушения конвенций и законов. Разумеется, лишь в том случае, если найдется, кому ее «поймать за руку». Так ведь кому захочется ловить подобное за руку? И что изменится, если поймают?

С геополитической точки зрения, анализируемые мною реальные феномены (прошу прощения, сны!) объясняются двумя причинами. Распадом колониальной системы и распадом блоковой системы мироустройства. Можно (и, видимо, стоит, не правда ли?) написать целую книгу, анализируя сны (видимо, коллективные, не так ли?), в которых эти самые частные военные корпорации начинают зарождаться в трещинах определенного мироустройства, расширять эти трещины, расти как грибы после дождя, сговариваться друг с другом, образовывать сетевые структуры…

Ах, это мои дурные сны? О, эти сны!

Сны о связях отставных военных с действующими… О переплетении военно-разведывательных инфраструктур, о негласном использовании госресурсов…

Я что, негодую? Я зову на баррикады? Я гадости в газетах рассказываю? Рассказывают Спайсер и Зарате. Я только читаю и вижу сны. Сны о том, как в эпоху деколонизации интересующий меня процесс запустили вовсе не в ужасном Советском Союзе (где его по определению быть не могло), а в благородных США. А также в Великобритании (наиболее к этому предрасположенной по ряду причин) и в ЮАР (где к этому были особые основания).

Сны о том, как распад СССР придал процессу совершенно другую динамику. Может, для этого и нужен был этот самый распад СССР?

Сны о том, как к началу XXI века, помимо множества южноафриканских, британских и американских частных военных корпораций, на мировом рынке частных милитарных услуг стали активно действовать такие же корпорации из Израиля («Левдак»), Франции («КОФРАС»), а также ряд аналогичных корпораций, созданных в Германии и Голландии. Я разглашаю закрытую информацию? Полно вам! Выйдите в Интернет и свяжитесь с указанными структурами. Они рекламируют свою деятельность, ищут заказчиков. У нас сейчас через Интернет и суперзакрытые преступные группы перестукиваются. Одна «Голубая роза» чего стоит! Она мне тоже приснилась? Так то — «Голубая роза» (50 тысяч долларов за убийство ребенка онлайн)! А это — респектабельнейшие структуры!

Я иронизирую? Отнюдь! Я анализирую новую реальность. Слышите вы? Я АНАЛИЗИРУЮ НОВУЮ РЕАЛЬНОСТЬ, А НЕ КАКИЕ-ТО ТАМ ФАНТОМЫ СОБСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ. Впрочем, нет, я забылся… Я вижу сны.

Я вижу сны с тиражируемыми по всему миру, рекламируемыми, маркетируемыми реквизитами сотен таких частных армий. Например, десятка южноафриканских частных военных компаний, из которых наиболее известна Executive Outcomes (ЕО), созданная отставными военными в ЮАР еще в период власти де Клерка.

Первоначально она имела численность всего лишь около 500 человек боевого состава (пять рот спецназа?). Впоследствии она резко расширилась и позже (в 1989 году) была зарегистрирована также в Великобритании.

ЕО отличилась активным участием в конфликтах во многих «горячих точках» Африки, прежде всего в Анголе и Сьерра-Леоне. К началу XXI века она уже могла оперативно мобилизовать для выполнения контракта до 2 тысяч человек, служивших в элитных частях армии и полиции ЮАР, имеющих боевой опыт и военное образование. Это уже не роты и даже не батальоны. Это укомплектованный полк. В послевоенные годы легендарный Отто Скорцени клялся, что он сможет в десять дней мобилизовать четыре-пять дивизий такого спецназа. Это тоже сон? Может быть, это чьи-то амбиции, но не сон. А что, полка спецназа в одной из частных структур недостаточно? А если их сто, то речь идет об армиях, не так ли? В буквальном смысле слова об армиях.

Что касается этой самой ЕО, то она постепенно объединила в рамках своего рода холдинга Strategic Resources Group около 80 дочерних компаний, занятых не только в сфере частных милитарных услуг, но и в других областях (добыча алмазов, нефти и золота, строительство аэродромов, мостов, дорог, линий связи, доставка конвоев с гуманитарными грузами и пр.) и действующих во многих странах Африки, в том числе в Малави, Замбии, Гане, Уганде. Так это уже особые империи? Так надо понимать? Это вам не Билл Гейтс. Это похлеще. А если одно с другим

соединится? Я не ужастики рисую. Я открываю глаза на новую реальность XXI века. То есть… вижу дурные сны.

Но так ли много этих самых узелков? Хватает ли их для сети? Официально сообщается, что в Великобритании в настоящее время имеется несколько десятков таких крупных «узелков». Наиболее известные из них созданы бывшими офицерами элитных подразделений Специальных воздушных сил (SAS). Это, например, Control Risks и Sandline International (SI). Последняя была зарегистрирована как дочерняя компания Executive Outcomes. В частности, SI была создана в 1995 году упомянутым выше отставным офицером SAS Тимоти Спайсером при участии его покровителей из высшего эшелона SAS.

Компания, как сообщается, участвовала в специальных операциях в Анголе, Намибии и Уганде, в попытке военного переворота в Папуа-Новой Гвинее в 1996 году, в военном перевороте в Сьерра-Леоне, вернувшем к власти свергнутого президента Ахмада Каббу, а также в неудачной попытке военного переворота в Экваториальной Гвинее. Это все тоже дурные сны?

Наверное, я вижу их вместе с официальными лицами! Например, вместе с тогдашним главой МИДа Великобритании Робином Куком, активно и открыто поддерживавшим SI вместе с другими представителями британского истеблишмента. Почему открыто? Потому что деятельность SI постоянно вызывала международные скандалы! И Куку приходилось объясняться.

Ну, так он и объяснялся, заявляя, что данная замечательная компания занимается исключительно «восстановлением демократии». В частности, по поводу переворота в Сьерра-Леоне Кук публично заявил, что SI вернула к власти «избранного всенародным голосованием президента». Но после всех перечисленных скандалов Спайсер переименовал SI с ее уж слишком подмоченной репутацией — в Aegis. Впрочем, это тоже мои сны, и не более.

Но я вижу их вместе с Рамсфелдом и Вулфовицем. Это они дали высочайшую оценку вкладу Aegis в дело глобальной «восстановительной демократии». И оценку эту они дали публично. Между прочим, оценкой дело не ограничилось. В 2004 году Пентагон заключил с Aegis вполне официальный и открытый контракт на 293 млн. долларов на «обеспечение безопасности, сбор аналитической информации в области антитеррора, осуществление услуг по эскорту грузов и сопровождению официальных лиц» в Ираке.

Я вижу этот нескончаемый сон. В нем ко мне приходит в гости одна британская компания за другой… Defence system ltd, Gurka Security Guards… Хочу проснуться. Просыпаюсь… Тут же засыпаю снова. И оказываюсь в США.

Там частных военных компаний еще больше, чем в Великобритании. Среди старых таких компаний стоит упомянуть Winall Corp, которая во время войны во Вьетнаме строила военные базы и обеспечивала прикрытие отступающих частей американской армии, а с 1975 года занимается подготовкой национальной гвардии и армейских частей Саудовской Аравии и спецоперациями в пользу США в Центральной Америке и на Ближнем Востоке.

В 1987 году высшие отставные американские генералы создали компанию Military Professional Resources Inc. (MPRI), которая специализируется на научно-аналитических военных исследованиях, а также на конкретных военных и разведывательных операциях и имеет в своем составе более 2 тысяч бывших офицеров американской армии. В 1994 году MPRI, с санкции правительства США, подписала с хорватским правительством контракт «на реорганизацию структуры армии и министерства обороны» Хорватии. Однако MPRI, кроме указанных задач, заодно нелегально поставляла в Хорватию оружие в обход эмбарго ООН, обучала офицерский состав, вела разведку и планировала военные операции. И в итоге, как затем признавали хорватские генералы, «сыграла решающую роль в возрождении хорватской армии и возвращении захваченных сербами хорватских территорий».

В дальнейшем MPRI стала одной из трех американских частных военных компаний, которые по поручению правительства США готовили, обучали и оснащали современным оружием войска Боснийско-Хорватской федерации в Боснии и Герцеговине.

Короткое пробуждение… Снова сон… И вот я уже в Либерии. И одновременно в Ираке. А еще и в Судане. Как это я могу быть там одновременно? Но ведь это сон, и все может быть! Во сне мне является еще одна крупная и широко рекламируемая американская частная военная компания — DynCorp International. Это она несколько лет назад вела обучение и вооружение правительственных солдат в Либерии. Это она после свержения Саддама Хусейна получила контракт на подготовку полицейского контингента в Ираке. Это она забавлялась в Судане. Летом 2006 года было официально

объявлено, что эта компания с начала 2007 года займется подготовкой повстанцев в Южном Судане и Дарфуре и что Госдепартамент США выделил ей на эти цели 40 млн. долларов.

А сон по поводу «Черной воды»? Его сейчас весь мир видит. Весь мир лихорадит скандал вокруг американской частной военной компании Blackwater Security Consulting («Блэкуотер секьюрити консалтинг»), основанной в 1997 году бывшим офицером военно-морского спецназа США Эриком Принсом. Сотрудники «Блэкуотер» обвиняются в немотивированном убийстве в середине сентября 2007 года по крайней мере 19 мирных граждан Ирака на улицах Багдада. И про что нам этот сон повествует?

Во-первых, про беспредел. По показаниям свидетелей, полученным в ходе расследования, сотрудники компании, нанятые для охраны американского персонала в Ираке, неоднократно открывали огонь на поражение в случаях, когда лишь подозревали наличие угрозы охраняемым лицам.

Во-вторых, про безнаказанность беспредела. Правительство США отказалось подчинить виновников этого убийства иракской юрисдикции, заявляя об их неприкосновенности.

С одной стороны, все это скверно, а с другой… Накажешь хоть одного наемника — все сделают ручкой. И окажутся в каких-нибудь других местах. И все же, ввиду международного резонанса скандала, 22 сентября 2007 года судебные власти США начали в отношении «Блэкуотер» собственное расследование. Компанию заподозрили в контрабанде в Ирак оружия, которое затем попадало к курдским боевикам. А 1 октября 2007 года был обнародован доклад демократического большинства в Конгрессе США, согласно которому контрактники из «Блэкуотер» с 2005 года участвовали в 195 вооруженных инцидентах, причем в 84 процентах случаев открывали огонь первыми.

Сон мой все длится и длится… Длится и разбухает… Британская The Independent 20 сентября 2007 года сообщила, со ссылкой на представителей спецслужб, что только в Ираке сейчас работает более 48 тысяч сотрудников частных военных компаний и что объем мирового рынка милитарных услуг, предоставляемых такими компаниями, превысил 120 млрд. долларов в год. Для сравнения стоит указать, что эта сумма составляет почти 8 процентов ВВП такой страны, как Италия. Вам мало 120 миллиардов? Скоро будет 500 миллиардов. Потом пара триллионов. Впрочем, это только мой сон.

Одновременно со мной его видят высокие военные чины, наделенные официальными полномочиями. Видят и подчеркивают, что только такие частные армии могут быть эффективны в «горячих точках». О, мой сон! Куда ты меня завел?

«А что делать?», — говорят мне во сне натовские многозвездные генералы. Частные компании «нанимают» на контрактной основе боевой состав высокой квалификации и действуют фактически вне международных конвенциональных правил ведения войны. И потому, выходя (иногда очень далеко) за рамки этих правил, оказываются «гораздо более эффективны» в боевых операциях, чем военные подразделения регулярных армий.

Как хотелось бы проснуться… Просыпаюсь… Спецдоклад Экономического и Социального Совета ООН по охранным компаниям лежит у меня на столе. Может быть, это тоже сон? И то, что непосредственное участие таких компаний в решении ключевых проблем молодых государств может привести к установлению их контроля над безопасностью, экономикой, финансами и торговлей этих государств… И то, что в обмен на военные услуги компании данного профиля получают концессии и иные преференции… И то, что эти преференции позволяют таким компаниям занять доминирующие позиции в национальных экономиках стран, которым они оказывали по контракту эти самые «военные услуги»… И то, что потом позиции сохраняются и по истечении срока контракта… И то, что это сохранение обеспечивает «неформальный контроль» страны, в которой зарегистрирована частная военная компания, над национальным хозяйством страны контракта… Это все только мой сон. Почему-то совпадающий со спецдокладом ООН.

И все же я буду это считать сном. Я буду считать сном и все то, что мне привидится по ходу этой книги. Потому что в этом моя моральная обязанность аналитика элиты. Я должен раскрыть реальность, раскрыть ее хотя бы в том регистре, в каком она сама себя раскрывает. И осмыслить, слышите, осмыслить, а не осудить. Потом, может быть, я захочу ее еще и осудить, но это потом. Если я с ходу начну ее осуждать, я ее не пойму, не высвечу.

А если я хочу ее понять и не прийти в ужас, понять и не стать Савонаролой, деревенским сумасшедшим или записным моралистом, то я должен постоянно спрашивать себя: «Ну, и что?» А что еще прикажете делать? Бежать в Интерпол? Так там все знают и без меня. Подымать мировую

революцию, которую, наверное, возглавят все эти частные структуры, превращающиеся на глазах в сетевую суперструктуру?

Чувствуете зловещий юмор эпохи? Но это же ваша эпоха! Ваша — и моя тоже.

Районный правоохранительный чин приезжает к своему высокому правоохранительному боссу на машине марки «Бентли» и паркует ее у входа в правоохранительную организацию. Это мне приснилось? Я должен бежать в налоговую инспекцию? Но тогда я ничего не пойму в происходящем. А если я хочу понять, то я должен представить это как сон. Спросить себя во сне: «Ну, и что?»

И может быть, тогда сон мне что-то расскажет. Не о «негодяе на «Бентли», которого надо осудить», а о реальности. О страшной российской реальности. О первоначальном накоплении капитала… О черной дыре регресса… Может, этот-то, на «Бентли», такой же заложник данной реальности, как и я, и нам надо вместе из нее выбираться? В любом случае, это наша реальность. И я должен ее понять. Понять — не значит оправдать.

Луддиты рушили машины, а Маркс понимал реальность. Но, чтобы ее понять, он должен был увидеть машины, не зарыдать с ходу, а спросить себя: «Ну, и что? Что это все такое?»

Морально и интеллектуально аналитик элиты должен принять обет «нуичтойства». Так же, как и другие обеты.

Этот обет намного мучительнее других. Но он абсолютно необходим. Иначе все описание будет глубочайшим образом извращено. И тогда лучше ничего не описывать. Поэт опишет ужас ядерного взрыва над Хиросимой. Физик — совокупность газодинамических процессов с определенными параметрами. Может быть, этот физик еще сильнее переживает боль Хиросимы. Ну, и что? Либо он физик, либо… Либо пусть идет в монастырь. Может, уже пора?

Сноподобная реальность расширяется. Я вижу теракты, похожие на спецоперации. Ну, и что? Наверное, мне приснилось, что закрытые уставы определенных спецслужб позволяют в определенных ситуациях проводить теракты-провокации против населения стран-союзников для оправдания своих последующих «операций вторжения». Но если мне это приснилось, то одновременно с одним из самых профессиональных спецслужбистов мира американцем Реем Кляйном. Это он после лондонских взрывов признал подлинность так называемого полевого устава «ПУ 30-31В», дающего такое право. Ему никто не заткнул рот. О, мой сон! Ты длишься и длишься!

Ну, и что? Ну, и что? Заполошные конспирологи в заказных работах описывают разного рода негодяйства. Ну, и что? Во-первых, это не те негодяйства, которые они описывают. Это научно другое, слышите?

Описывать происходящее в рамках моделей, где противопоставляются нормативная реальность и патология, — значит научно лгать. А что может быть аморальнее лжи? На самом деле ситуация намного страшнее. Да, она страшнее, но она другая (рис. 16).

Что значит описывать другую реальность на языке патологии? Это значит лгать, вести по ложному следу. Между тем, как только мы перестанем «нуичтойствовать», мы автоматически — на уровне языка, парадигмы и дискурса, семантики, логики и образности, — начнем возвращаться в мир, где нет другой реальности, а есть норма и патология. То есть мы скатимся в ложь, если не станем говорить «ну, и что?»

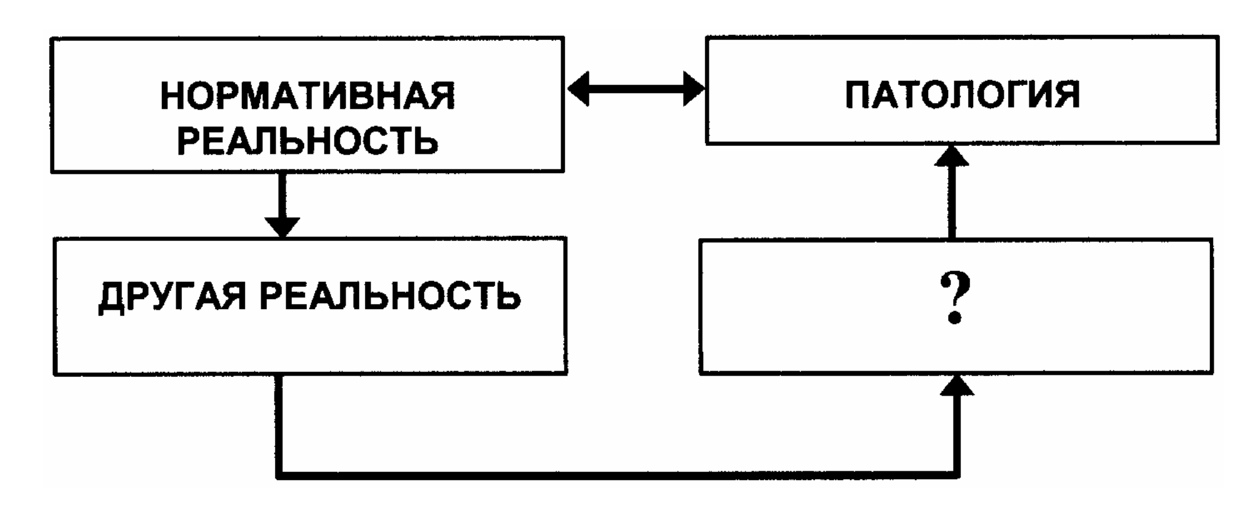

Рис. 16

Таков будет научный результат. А моральный? Сочетаемо ли сознательное искажение истины с восстановлением моральной нормы? Что это тогда за мораль? Во имя восстановления морали вы игнорируете наличие другой реальности. Но вы же не воюете с этой другой реальностью! Вы игнорируете ее наличие и тем самым ей всячески потворствуете. Так ведь? Кроме того, игнорируя эту другую реальность, вы предаете ее обитателей. Потому что они-то населяют эту другую реальность. А если оказывается, что ее нет, то они никуда не исчезают. Их просто приходится разместить на другой территории. На территории социальной нормы они прописаны быть не могут. Значит, их придется прописать на территории патологии.

Но это не бесплатное удовольствие. Оно в любом случае не бесплатное, поскольку нахождение на территории патологии, так сказать, «карается по закону». Люди не совершили того преступления, которое им вменяется по факту размещения на территории патологии. Может быть, они совершили что-то другое, но не это. Но вы им вменяете это. Вы лжете. И порождаете своей ложью конкретную несправедливость по отношению к конкретным людям. Но это еще не все.

Вы выводите из сферы ответственности тех, кто отдал этим людям соответствующие приказы. Если люди размещены на территории патологии, а не на территории другой реальности, то приказов как бы и не было. И одни вместо исполнителей небезупречного воинского приказа становятся отвязанными бандитами. А другие (отдавшие приказ) просто выводятся из рассмотрения, а значит, ни за что не отвечают. Прятать так концы в воду — это моральный подход?

Мне скажут, что и в рамках другой реальности есть своя мораль. Выходящий за ее рамки именуется «военный преступник». Соглашусь, но спрошу: так кто преступник-то? В Нюрнберге судили «шишек», а не солдат. Да, и солдат может быть военным преступником. Но вместе с «шишками», а не вместо них. Кроме того, между однозначным военным преступлением и записной военной доблестью — слишком широкая зона. В нее попадает почти вся война. Недаром говорят: «На войне — как на войне».

Где современная война — там и ее псы. Почему обязательно их надо или обвинять, или оправдывать? Почему попытка понять явление означает его оправдание?

«Она, жизня, Наташка, виноватит», — говорил Григорий Мелехов Наталье. И добавлял: «Неправильный у жизни ход, и, может, и я в том виноватый».

Я не великий душою шолоховский герой — малограмотный казак с Тихого Дона. Я интеллектуал. И я твердо знаю, что мой моральный долг — понять. Что с этого начинается все. И осуждение, и преодоление. И что без этого ничего не бывает.

Все эти «псы войны», вся эта «псократия» и «псореальность» должны быть, прежде всего, адекватно описаны. Далее должно быть сказано, что если есть виноватые, то это уж никак не стрелочники. Есть ли виноватые — это отдельный вопрос. Может оказаться, что «другая реальность виноватит». Но если мы посмотрим этой другой реальности в глаза (а это нельзя сделать, не разобравшись в ее специфике и самом факте ее наличия), то окажемся на рандеву с Историей и Игрой. И должны будем менять «неправильный ход жизни», должны будем признать, что и мы «в том виноватые», что он такой.

Это все не моральный подход?

Понять другую реальность. Ее структуру, генезис.

Увидеть, куда она тянет мир.

Воздействовать на нее, нащупав какие-то ее слабые места.

Выдвинуть альтернативные мироустроительные проекты, в которых ей не будет места.

Найти для нее новое место, если не удается просто ее избыть.

Все это морально в моем понимании. Лгать же, что ее нет, и лживо обвинять стрелочников, делая их демиургами, — это бессовестное псевдоморализаторство.

Повторяю — если вы не можете сказать «ну, и что?», не занимайтесь элитами. Займитесь чем-то другим. Если же вы все-таки занялись элитами, вы ответственны за то, чтобы понять эту другую реальность. И вы не имеете права выдавать ее жертв за ее творцов.

А потому давайте заглянем в эту самую другую реальность, как ее ни называй (Зазеркалье или Зесля из моей книги «Слабость силы»). Такое заглядывание в жанре публичной аналитики я называю «снами». Давайте вместе увидим сны. И, видя их, научимся понимать. А не огульно осуждать, извращая суть дела и лишая себя любой возможности на что-то воздействовать.

Часть 2
ОТ МЕТОДА И ПРЕДМЕТА — К СМЫСЛУ И СИТУАЦИИ

Глава 1. Требует ли «внепредметное» отдельного обсуждения?

До сих пор я предлагал читателю некий метод, с помощью которого он сможет разобраться в чем-то… В чем именно?

Конечно, можно сказать, что метод должен раскрывать предмет, и поставить на этом точку. Но как метод раскрывает предмет? Он делит его на части. А как он делит его на части? И кто решает, какую из частей предмета надо раскрывать с помощью метода прежде всего? Кто будет собирать мозаику из раскрытых с помощью метода частей предмета? И, наконец, можно ли в нашем случае рассматривать соотношение предмета и метода, полностью перенося принципы подобного соотношения из той же физики, например? Или биологии?

В любом случае, вопрос о том, на какую часть нашего предмета мы будем направлять «лазерный луч» своего метода, весьма и весьма актуален. Поскольку ясно, что сразу на весь предмет такой луч направить нельзя. И надо принимать решение. То есть вырабатывать критерии, исходя из которых будет выбран тот или иной локальный сегмент внутри интересующего нас предмета.

Есть у меня электронный микроскоп («метод»).

И есть у меня бесконечный набор микросред, которые можно рассматривать под микроскопом. А какую среду я буду рассматривать? Мое право исследователя — выбрать, что именно рассматривать. Или мне — молодому аспиранту — научный руководитель даст задание. Или мои предшественники уже обломали зубы, разбираясь с каким-то особо таинственным сектором внутри предмета, а я хочу всем доказать, что мне по плечу то, что никому пока не удавалось. И так далее…

Если уйти от волюнтаризма, который я только что описал, или признать, что волюнтаризм сам по себе все-таки недостаточен, то возникает потребность в каком-то картографировании предмета. В описании предмета как внятной структуры.

Глядя на «карту предмета», я, как исследователь, могу наметить маршрут для своей «исследовательской экспедиции». А уж как я его намечу… Волюнтаристски или получив задание… Исходя из опыта предшественников или из своей внутренней мотивации… Опираясь на некую целесообразность или «методом тыка»… Это уже вторично. Главное — иметь карту предмета. То есть «расковырять» этот самый предмет, выявить его внутреннюю структуру. Не выявишь — как будешь соединять предмет с методом?

Ну, хорошо, ты создал карту. Карту чего? Карту некоторой территории. Как ты можешь ее создать? Известно как… Только проведя границу и заявив, что то, что находится внутри границы, картографируется. А остальное — нет.

А теперь представим себе, что есть страна. У страны есть государственная граница. Ты решил картографировать то, что находится внутри границы. Сделал карту. Увидел на карте крупную реку. И решил, что прежде всего ее надо исследовать. И тут выясняется, что река берет истоки за пределами страны, впадает в океан тоже за ее пределами и имеет несколько притоков, без которых ее бессмысленно изучать, но каждый из которых тоже существенно расположен за пределами страны. Что ты дальше должен делать? Переделывать карту? Но что-нибудь существенное всегда окажется за границей, как ее ни проводи. То есть за так называемыми предметными рамками.

Значит, есть предмет, рамка, метод… И нечто существенное, оказавшееся за предметными рамками. Назовем это существенное «контекст». Слово взято из филологии. Есть текст, но есть и то, что находится за пределами текста, но без чего текст понять просто невозможно.

Сейчас такое — находящееся за пределами предмета, но неотчуждаемое от него — содержание все чаще называют контекстом даже тогда, когда речь идет не о филологическом содержании, а о любом другом.

Итак, наш предмет — элита. Но можем ли мы рассматривать элиту, не соотнося ее с обществом? С другой стороны, элита — это часть общества. Но специфическая часть. Если мы проигнорируем специфичность и просто начнем рассматривать вместо элиты все общество, подменяя

один метод другим (социологию элит — общей социологией), то мы ничего существенного не узнаем.

А если мы проигнорируем общество, не введем его в рассмотрение хотя бы как контекст, то во что превратится наша социология элит? В выхолощенный манускрипт, посвященный паноптикуму. В лучшем случае — в нечто наподобие «Жизни животных» Брэма. А то, глядишь, мы скатимся и до рубрики из журнала «Крокодил» эпохи Леонида Ильича Брежнева. Тогда это, кажется, называлось «Их нравы».

То есть учет «зарамочного» содержания должен быть особым — контекстуальным. Ты не имеешь права безответственно расширять предметные рамки. Но ты в той же степени не имеешь права оставаться только в этих рамках. Потому что в этом случае из предмета испарится живая суть. А ты окажешься нео-Паганелем, ковыряющимся в элитном гербарии.

Безответственный выход за рамки изымает из исследования серьезность и превращает его в политическую публицистику с претензией на интеллектуализм. А то и в конспирологию. Игнорирование контекста изымает из предмета… ну, не знаю, как сказать… актуальность… жизненность… драматизм… В любом случае, серьезность превращается в «серьезничанье». А предмет как-то странно скукоживается, попав в объятия абсолютно несовместимого с ним псевдоакадемизма.

Описываемые мною альтернативы отнюдь не высосаны из пальца. Я читал массу работ, в которых все губил или один, или другой из вышеуказанных недостатков. Что до меня, то по мне уж лучше публицистика, чем академизм. Потому что академизм в сочетании с таким предметом, как элита, уже не просто ущербен… Он страшно комичен в своих потугах на непроницаемую стерилизованную серьезность.

Итак, предмет и метод… Структуризация предмета… Очерчивание рамок… Учет «зарамочной» сферы (контекста)… Специальная технология работы с этим самым контекстом… Только в этом случае есть надежда на серьезный и одновременно невыморочный результат. Слабая надежда, не более…

Предмет должен тем самым приобрести свое «субпредметное» и «суперпредметное» содержание.

Субпредметное содержание связано с тонкой структурой предмета.

Суперпредметное содержание связано с давлением на предмет инопредметного, но важного материала. Очень часто суперпредметное содержание помогает раскрыть субпредметное и наоборот.

Я пока что сознательно излагал лишь то, что в принципе разделяется если не всеми, то очень и очень многими. И лишь теперь могу что-то сказать о своем видении подобной суб- и суперпредметности.

Мне кажется, что для сопряжения суб- и супер- нужно что-то третье. Какой-то фокус, эйдос, точка, где суб- это супер-, а супер— это суб-. Я не хочу доказывать этого. В конце концов, я вправе просто ткнуть пальцем в любую точку на карте предмета и сказать, что пойду туда. Но я хочу сказать нечто большее, хотя и абсолютно необязательное.

При долгом занятии определенным предметом у тебя всегда появятся какие-то ключевые слова. Какие-то особые раздражители. Ты на что-то начнешь злиться, причем не обычной злобой, а злобой особой — лишенной того мусора, который всегда размещен в сколь угодно правомочной обыкновенной злобе. Наверное, это и называется «ничего личного». Не знаю… Рассматриваемое мною чувство раздражения всегда носит глубоко личный характер. Но не в смысле той или иной задетости.

Все мы живые люди. И нас всегда что-нибудь или кто-нибудь задевает. Но иногда наступает момент, когда тебе абсолютно уже безразлично все, что размещено на уровне такой задетости. Какие-то идиотские высказывания, омерзительные суждения по поводу небезразличных тебе вещей. Остается только какое-то почти прозрачное недоумение: как же так можно? В этом недоумении нет никакого полемического задора. И, напротив, есть нечто, граничащее с безразличием. Но это и не безразличие. Это…

Но стоит ли так долго описывать? Назову это фундаментальным недоумением. То есть недоумением, в котором есть это самое «ну, как же так можно?» и нет ничего другого. Вот если недоумение остается, а все другое (скажем так, суетное) из него испаряется, то значит, ты нашел предметный фокус. Или этот фокус нашел тебя.

Для меня таким фокусом стала навязчивая фраза «Who is Mr. Putin?» в сочетании с навязчивой же темой нетранспарентности российских политических процессов. Когда я говорю о навязчивости, я имею в виду и нашу, и международную публицистику. А также аналитику. А также современную историческую науку. А также социологию и все прочее.

Когда я вдруг понял, что все это патетически вопрошает «who is?», «who is?» и так восемь лет подряд, я развел руками, или, точнее, у меня руки сами развелись, и что-то во мне недоуменно выговорило: «Ну, как же так можно?»

Когда в аккомпанемент к этому лет этак пять подряд в тысячах работ «обсасывается» нетранспарентность российской политической жизни и дальше «ни тпру ни ну», то руки еще больше разводятся, а недоуменное высказывание еще сильнее укореняется во всем твоем существе.

И никому тебе не надо при этом утереть нос… Никого ты не хочешь загнать в угол… Тебе надо просто защитить собственную честь как представителя какого-то сообщества. Черт его знает, какого — научного, экспертного, интеллектуального, аналитического… Ты почему-то вдруг понимаешь, что так дальше продолжаться не должно. И начинаешь писать книгу. То есть соединять субпредметное с суперпредметным, сопрягать контекст и инфраструктуру предмета, применять метод тем или иным образом.

Ох, уж мне эта нетранспарентность… Она мне иногда по ночам снится. И не как тайна, которую я должен раскрыть, а как постыдная мантра, от которой надо отмежеваться с тем, чтобы сохранить какое-то чувство внутреннего достоинства.

Нетранспарентность — это непрозрачность. Ты утыкаешься в непрозрачные ситуации и сюжеты. Констатируешь эту самую непрозрачность. Делай следующий шаг! Превращай непрозрачное в прозрачное! Для этого включай вместо обычного света, неспособного это высветить, другие, так сказать, инфракрасные прожектора. Направляй в нетранспарентные зоны лазер своего метода. В любом случае, как только ты констатировал непрозрачность и сделал заявку на ее преодоление, тебе вроде бы — просто по факту непрозрачности — нужен метод. Тот или иной, но метод!

Создай свой метод или используй имеющийся — и веди разговор по существу на неочевидную тему.

Увы, место подобного разговора занимает специфическая болтовня, которую я называю «словоохотливой немотой». Это не только немота нашего политического класса, изредка прерываемая высказываниями собственно политического (а не преобладающего суконно-бюрократического) характера. Это еще и немота тех, кто должен по роду профессии и месту в обществе вести эти самые разговоры по существу на неочевидные темы. Тех, для кого нетранспарентность — это прямой профессиональный вызов, который они должны преодолевать по роду своей профессии. Что они делают вместо этого? Они многословно и вальяжно констатируют нетранспарентность и барственно уходят от необходимости ее раскрывать.

Между тем способ раскрытия нетранспарентности хорошо известен. Сначала наблюдается то, что явлено. Потом раскрывается сама противоречивость этого явленного. И по следам раскрытых противоречий ты идешь от явленного к сокрытому. От видимости — к сущности.

Говорят, ссылаясь на принцип Оккама, что для раскрытия ситуации нужны самые простые средства. Средства чего? Ведь не средства же вообще, а средства раскрытия! Вы берете самые простые средства из всех имеющихся. Применяете их. И видите, что они очевидным образом не раскрывают ситуации. Тогда вы что делаете? Вы берете более сложные средства. Оккам ведь просил не умножать сущности без необходимости. А если необходимость есть? Не было бы ее — вся математика свелась бы к арифметике. Но ведь она к ней не сводится.

Итак, исчерпав совсем простые средства и не раскрыв ситуацию, вы начинаете применять чуть-чуть более сложные средства ее раскрытия. Вы делаете это не потому, что вам хочется испробовать более сложные средства. А потому, что самые простые исчерпаны, а следом за простыми всегда идут чуть более сложные. Если вы не пасуете — вы их используете. Они тоже не срабатывают? Вы берете новые средства. А они еще более сложные. Ведь, упорядочивая множество средств по принципу «от простого к сложному» и отдавая приоритет простому, вы с каждой новой попыткой не можете не переходить от простого к сложному. Если, конечно, хотите взять барьер понимания, ответить на вызов, который содержится в ситуации.

И, наконец, скрипя зубами, вы начинаете читать и то, что я написал. Просто от безысходности, а не от любви к зауми. Вам надо как-то раскрыть ситуацию. И неважно, как. Не получается иначе — хотя бы так.

Казалось бы, я описываю нечто аксиоматическое — отражающее фундаментальные свойства разума. На самом же деле для того, чтобы так поступить, вы должны обладать определенной, причем достаточно сложно организованной, структурой «познающего я».

«Что еще за структура? — возразят мне. — Вы описываете процессуальное любого, самого элементарного понимания».

А многие ли вообще хотят понимания? Ясно, что не все. Отбрасываем тех, кто вообще не хочет понимания. Внутри оставшихся, ищущих понимания, многие ли могут отделить понимание от непонимания? Осуществить проблематизацию — понять, что ты не понимаешь? Уловить момент, когда ты в самом деле начинаешь понимать? Отделить подлинное понимание от «туфты»? От той же конспирологии, например. А также от болтовни (переливания из пустого в порожнее). Отбросили и этих. А кто остался? Это ведь только говорится, что раз ты homo sapiens, человек разумный, то у тебя есть некое неизымаемое и от тебя как бы и не зависящее sapiens. На самом же деле, чтобы homo был sapiens, нужен огромный труд тех, кто видит свою миссию в отстаивании права этого самого homo на sapiens.

Ибо сам homo — если его не волокут к sapiens — сразу же готов от sapiens отказаться. Иначе откуда взялись все эти homo faber (человек делающий), homo ludens (человек играющий)? Потому-то они и появились, что проблемность с sapiens стремительно нарастает. Сложность ситуаций требует предельного напряжения потенциала sapiens. А sapiens напрягаться не хочет.

А зачем ему напрягаться? Напрягаться надо для того, чтобы освоить ситуацию. То есть перепрыгнуть через некий барьер, задаваемый ее стремительно нарастающей сложностью. А sapiens вместо того, чтобы прыгать, отлынивает. А что если этот барьер непреодолим? И что произойдет по взятии барьера? Вроде бы ясно, что — освоение другой, открывшейся по взятии барьера, реальности. А что значит осваивать? Что конкретно с ней делать? А ну как окажется, что тебе в ней места нет, а изменить ее невозможно? Зачем тогда перепрыгивать, брать барьер этой самой сложности?

Очевидно, что большинство тех, кто будет брать данный барьер, напряжется для того, чтобы завоевать позиции в открывающейся после взятия барьера реальности. А вовсе не для того, чтобы ее изменять.

Да, большинство. Но не все. Взявшее барьер меньшинство разделится на большинство внутри меньшинства, которое разместится в реальности, и меньшинство внутри меньшинства, которое захочет ее менять.

Но разве каждый этап исторического процесса не сталкивался с подобным же разделением? Индустриальная революция, например, резко приподняла планку сложности. И под этой планкой оказалось большинство буквально воющего от непонимания (к чему такая новая боль?), раздавленного новизной человечества.

Разве Маркс (прав он был или неправ — это не так важно с методологической точки зрения) не предложил тогда человечеству взять барьер этой самой индустриальной сложности? И когда этот барьер был взят — разве не нашлось в числе взявших барьер некоего активного меньшинства, решившего использовать свое преодоление не для размещения в наличествующем, а для изменения оного?

Какой результат они получили… Правильные ли алгоритмы использовали… Ну, согласитесь, что с методологической точки зрения не это имеет решающее значение. А важно то, что так (и только так!) восходит человечество, принимая вызов Истории.

Если не будет Истории (и этого вызова), будет ли человечество Восходить? И что произойдет с ним, если оно прекратит это Восхождение? Оно, удовольствовавшись достигнутым, остановится на определенной ступени? Ни в коем случае! Оно покатится вниз самым чудовищным — непредсказуемо катастрофическим — способом.

Так можем ли мы отказаться (а) от вызова Истории, (б) тем самым от Истории как таковой, (в) от Восхождения, (г) от алгоритма, с помощью которого Восхождение осуществляется? То есть от преодоления барьера сложности хотя бы неким меньшинством? И от исторически (а как иначе?) обусловленной надежды на то, что, преодолев барьер, часть этого меньшинства начнет не «кайфовать», а преодолевать открывшуюся ему реальность, перетаскивая через тот же барьер других?

Глава 2. Влияние внепредметного на предмет

Итак, «who is» и словоблудие на тему нетранспарентности.

Злость на это может быть исходным побуждением к исследованию. Но дальше-то надо исследовать. То есть противопоставлять тому, что вызывает негодующее недоумение, — нечто альтернативное. Потому и можно данное чувство назвать фокусировкой, что следом за возникновением оного рождается альтернатива раздражающему своей беспомощностью бесперспективному тезису.

Что же может быть такой альтернативой?

Представьте себе, что вы поменяете «who» на «what» и спросите: «What is Mr. Putin?». Вот вам и альтернатива. Почему бы так не спросить? Но ведь не спрашивают! Никто не спрашивает. Никто!

Получив в качестве вызова феномен Путина, общественная мысль (как наша, так и зарубежная) уже 8 лет топчется у барьера сложности. Да-да, сложности, как вам ни покажется это странным. И упорно не желает брать этот барьер.

В первой части книги я указал, что мой метод основан на последовательной демифологизации персонажей с их превращением в ходе данной процедуры из персонажей в феномены. Поэтому я в принципе не могу и не хочу вводить в рассмотрение такие параметры, как «плохой» и «хороший». Не знаю я, «хороший» Путин или «плохой». Не позволяет мой метод что-то проявить в данном вопросе.

Но предположим, что у кого-то другого есть другой метод, позволяющий преодолеть планку и одновременно установить моральное качество исследуемого… персонажа, феномена…

Предположим, что создатель этого метода считает Путина «Гитлером XXI века». И что? Этот «кто-то» должен тогда разъяснить, что такое «Гитлер XXI века». То есть ответить на вопрос — что такое Гитлер вообще?

А как ответить на этот вопрос? Разве можно на него ответить, не переходя от «who is» к «what is»? «What is Hitler?»

А то сказали вы, что Путин — это Гитлер, и что?

Кто такой для вас Гитлер? Это ненавидимая фигура? Политический негодяй? Ну, так скажите просто, что вы ненавидите Путина за то, что он негодяй. И, сказав подобное, распишитесь в том, что для вас нет никакого «what is», что вы можете еще десять лет толочь воду в ступе «who is», что вы боитесь — да-да, боитесь! — раскрыть феноменальную суть того индивидуума, по отношению к которому взлелеяна ваша ненависть.

Признав это (а куда денешься?), вам придется далее рассказать о критериях вашей — в сущности, почти бытовой — ненависти. Так расскажите, за что вы ненавидите Путина больше, чем других, сопоставимых с ним персонажей! Ельцин из танков посреди Москвы расстрелял законно избранную демократическую власть. Сделал ли Путин что-то подобное? Ельцин держал в тюрьме довольно долго своих политических противников. Конечно, Путин обидел бедного Каспарова. Но он не посадил его в тюрьму на годы. Он посадил Ходорковского. Как кого? Неужели никто не понимает, что это главный вопрос? И что от ответа на него зависит все остальное?

Симпатизанты власти скажут: «Как вора и преступника».

Симпатизанты Ходорковского скажут: «Как политического противника».

Я же настаивал и настаиваю на том, что Ходорковский — жертва непрозрачной элитной игры. Как только вы заносите Ходорковского в эту рубрику («разборка в элите»), то критериальность, согласно которой вы оцениваете случившееся, не может не измениться.

Для начала оказывается, что если это является очередной разборкой в элите, то Ельцин разбирался и покруче. «Мартиролог» весьма обширен. Он включает и отправление в тюрьмы при абсолютной невнятности обвинений, и более суровые наказания. Кто наказанные? «Справедливо пострадавшие воры»? «Жертвы политических репрессий»? Квантришвили — справедливо пострадавший вор? В чем справедливость? Он жертва политических репрессий? Он не политик! Квантришвили — и не вор, и не политик. Он элитный игрок. И жертва непрозрачной элитной игры.

Ходорковский (конечно, не хочу буквальных сравнений с Квантришвили!) — в том же типологическом ряду. И каждый, кто не видит этого, смотрит на мир «широко закрытыми глазами».

А далее выясняется, что нет никакой возможности вменить хоть что-то Путину сколь-нибудь правильным образом, не вменяя то же самое Ельцину. А поскольку пытаются сделать именно это, то

вменяемое конструируется на основе крайне эластичных критериев. И что критерии эти делятся на «микро» и «макро».

Насчет «микро» все понятно: «Тот, кто обидел меня и мою референтную группу, — негодяй. Тот, кто с помощью тех же средств обидел враждебную мне группу, — спаситель». Понятно-то понятно, но неинтересно. То есть членам группы ЮКОСа очень интересно. Их конкретным врагам — тоже. А остальным — нет.

А переход к любому «макро» опять выводит на нетранспарентность. Путин плох тем, что обидел некое «макро». Какое? Кто обиженные? Олигархи как таковые? Более широкая макрогруппа (на пример, крупная буржуазия или буржуазия вообще)? Более узкая группа, способная тем не менее быть отрекомендована именно как элитная группа (например, «Семья»)? Ни то, ни другое не проходит. Потому что Ходорковского (или, для вящей парадоксальности, Березовского) Путин обидел, а его коллегу Абрамовича — обласкал. И как тогда раскрывать нетранспарентность хотя бы для выявления обиженных «групп по интересам»?

Что? Задеты не интересы, а ценности? Какие? Какие ценности задел Путин?

Просто сказать, что Путин возвращает в СССР, нельзя.

Во-первых, для кого-то СССР антиценность, а для других — нет. Для меня, например.

Во-вторых, в чем это он возвращает? Я — так в упор не вижу! И не я один!

Сказать, что он задел ценности демократии, тоже нельзя. Потому что Ельцин «отоспался» на этих ценностях — и ни гу-гу. Говорится, что он эти ценности защитил (например, расстреляв демократически избранный российский парламент). А Путин эти же ценности ущемил. Странно эластичные ценности…

Оставаясь в рамках «who is», нельзя ответить ни на один политический вопрос. А значит, пора бы от «who is» переходить к «what is». И ведь известно, как переходить! Для этого и существует наука. А также, между прочим, культура.

Человечество веками (если не тысячелетиями) вырабатывало общие нормы такого ответа! Не конкретные методы, как ваш покорный слуга, а общие нормы!

Ученые спорили о том, с какими коллективными сущностями связаны политики и как эти связи превращают индивидуума (персонаж) в феномен. Постепенно выяснялось, что персонаж в зависимости от эпохи может быть связан и с классом, и с менее масштабными коллективными сущностями (родовыми, общинными и иными). Теория элит дополняла классовую теорию одним образом, теория укладов — другим. Теоретики культуры вносили в ответ на вопрос «what is» свою лепту. Социопсихологи — свою.

Используйте существующий арсенал методов. Создавайте новые. Но не жуйте мякину бессмысленного «who is». Стыдно, бесперспективно.

В начале своей работы я уже предложил читателю некую общую схему, позволяющую превратить персонаж в феномен, используя так называемые многоканальные трансформационные операторы.

Теперь пора зафиксировать, что такое преобразование по существу является одним из возможных методов перехода от «who is» к «what is» (рис. 17).

У кого-то есть другие методы, позволяющие осуществить столь необходимый переход? Пусть предъявит эти методы, опробует их на практике, ознакомит с конкретными результатами. Я буду только искренне аплодировать. И с удовольствием воспользуюсь наработками. Но поскольку всего этого нет, то я могу предложить читателю только имеющееся. То есть свой метод. И с его помощью раскрыть содержание сразу двух взаимосвязанных феноменов, один из которых носит личностный, а другой макросоциальный характер.

Интересующий меня личностный феномен — Путин.

Интересующий меня макросоциальный феномен — «чекизм».

Помимо самих этих двух феноменов, меня интересует связь между ними (Путин и «чекизм», «чекизм» и Путин).

Сперва — о Путине. О том, в чем разница между Путиным как индивидуумом и Путиным как элитным феноменом.

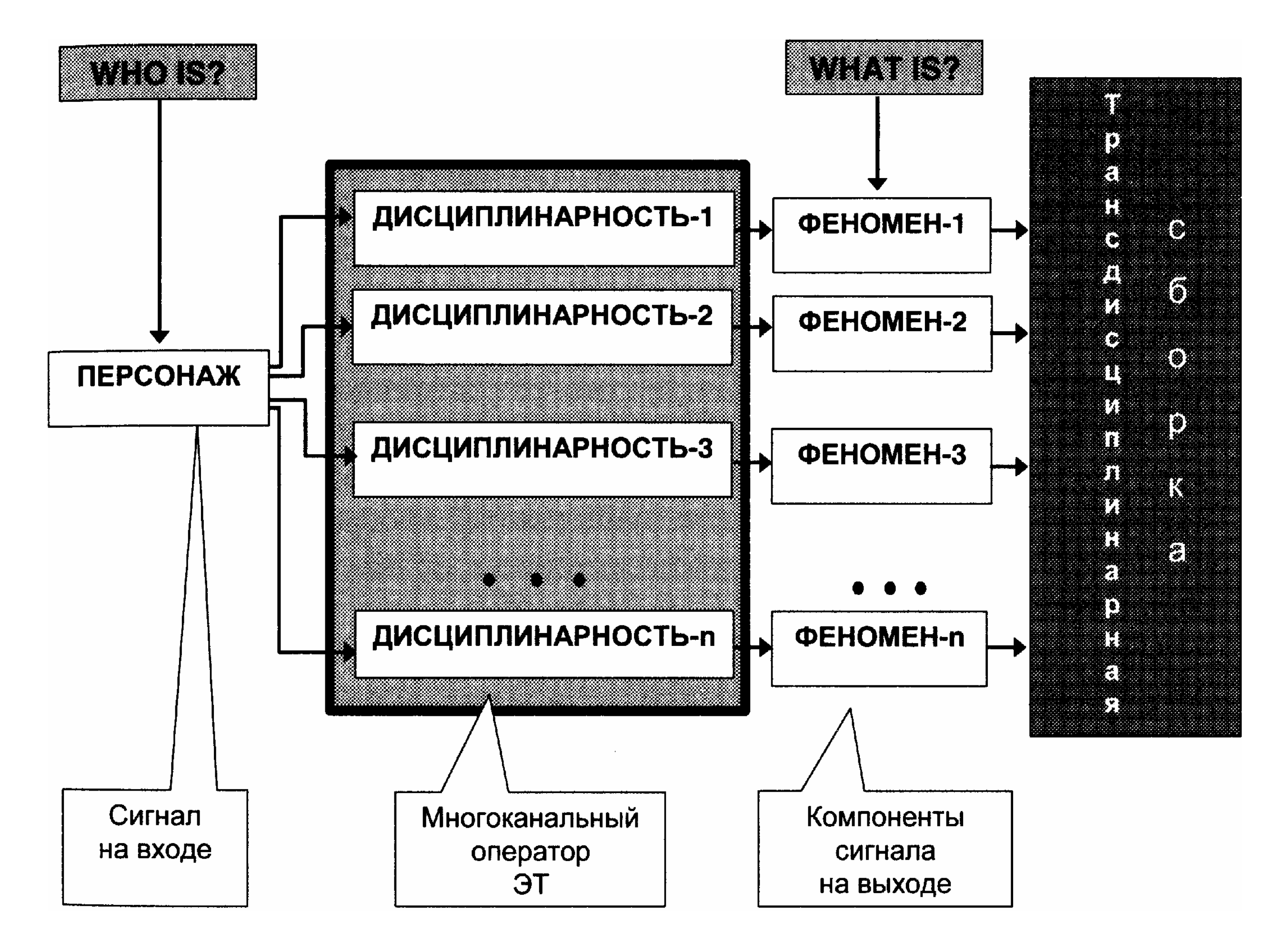

Рис. 17

Глава 3. Что такое «What is»?

«Who is Mr. Putin?», «Who is Mr. Putin?» Ноют, ноют…

«Мистер Путин», между прочим, — политик. Политик каким-то способом берет власть. Берет он ее, используя какие-то средства. Средствами этими являются люди и сообщества (кланы, группы, элиты, классы).

Затем политик эту власть удерживает. И тоже использует какие-то средства. На кого-то опирается, кого-то с помощью кого-то сдерживает. Опять — люди и сообщества. Часто при взятии власти это одни люди и сообщества, а при удержании — другие. Политик не может удержать власть, что-то не осуществляя. Не реализуя какую-то линию, какой-то курс в чьих-то интересах. И опять — люди и сообщества.

Но у людей и сообществ есть уже упоминавшееся мною свойство. Они никогда не являются стопроцентными инструментами. Это не винты, не отвертки, не гаечные ключи. Это сущности со своими целями и интересами.

Из всего этого и складывается «what is». Наличием всего этого — этапов, средств, обратных связей — «what is» отличается от «who is».

Ответ на вопрос «Who is Mr. Putin?» — это рассказ об индивидуальности, на которую свалилась власть. Жил-был такой человек. Потом дунул-плюнул — и оказался средоточием власти на одной седьмой планеты. А как это он оказался? Ну, ладно, оказался…

В российской и мировой политологии ответ на вопрос о том, как Путин взял власть, убог до невообразимости. И сводится к тому, кто именно познакомил Путина с Ельциным, почему Путин понравился Ельцину, и так далее. Мне скажут, что эта убогость ответов отражает убожество самой ельцинской власти. Я же обращу внимание моих оппонентов на то, что даже самая убогая власть — это все же власть.

Ельцин не существовал в безвоздушном пространстве. Он не сумасшедший ребенок, играющий в куклы. Сегодня, дескать, поиграл в Сосковца, завтра в Путина… Он был матерый политик.

Реализуя власть, он на что-то опирался. Прежде всего, он опирался на тот класс, который его выдвинул и которому он обеспечил невероятные возможности.

Что это за класс? Его называют российской буржуазией. Насколько корректно это название?

Класс — это средний уровень в описании политического явления.

Политик опирается на класс, но считаться он должен с обществом.

Что это за общество? Как это общество соотносится с классом?

Возникает система отношений: «Политик — класс — общество».

Тут все важно. И то, как политик соотносится с обществом. И то, как политик соотносится с классом. И то, как класс соотносится с обществом.

Ельцин был политиком, берущим, удерживающим и реализующим власть в условиях колоссальных перемен. Не будем обсуждать качество этих перемен. Сойдемся в том, что масштаб их огромен. Удержался бы он два дня (или один час), не опираясь на класс, не адресуясь к обществу? Разумеется, это было невозможно.

Кроме общества и класса, политик строит отношения еще и с элитой. Ельцин строил очень сложные отношения с элитой. Как прежней, так и новой. Он ненавидел элиту, но отношения с ней строил мастерски. Итак, картина усложняется (рис. 18).

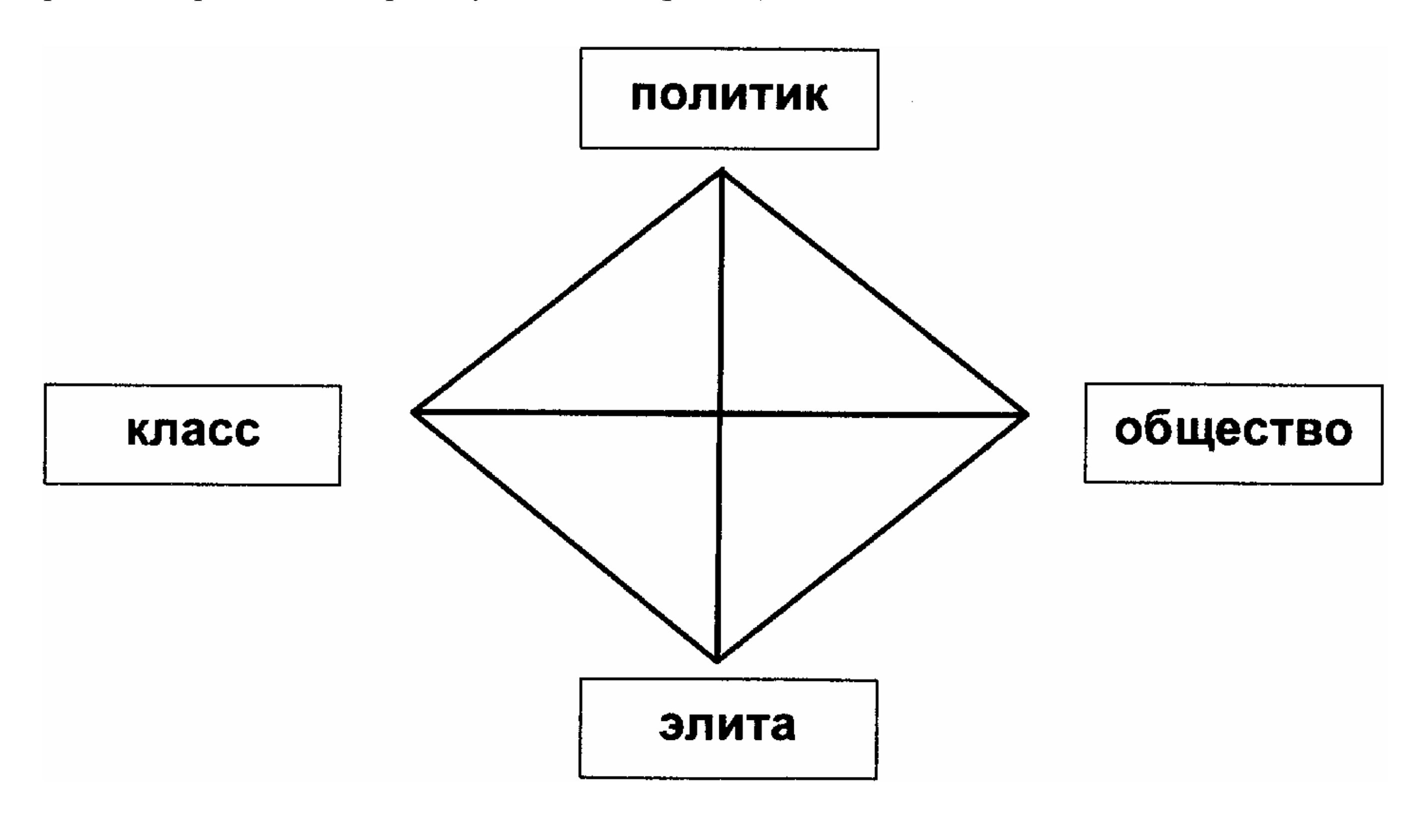

Рис. 18

Что такое ельцинская элита? Как она была реально структурирована?

Российская и мировая политология редуцировала всю эту проблему до некоей «Семьи». То есть узкой верхушечной группы, внутреннего круга кремлевского дворцового сообщества. Но не кажется ли вам, что подобная редукция сродни все тем же описаниям игр сумасшедшего ребенка со своими куклами? Если бы Ельцин зациклился на своих «семейных» общеизвестных «куклах», то не удержался бы и трех дней. Это аксиома политики. Ельцин мог использовать этих доверенных людей. Причем только в случае, если они проявили не только надежность, но и эффективность. Но ведь и не более того.

Была ли хоть как-то осмыслена реальная структура ельцинской элиты и ельцинской власти? Нет, не была! И в этом случае — «who» также съело «what».

«Who» — это человек, а «what» — это политик. То есть создатель некоей социальной системы, позволяющей ему обзавестись властью и, в каком-то смысле, реализатор воли этой системы. Не ее слуга, но субъект, который каждую минуту сверяет свою субъектность с той коллективной субъектностью, в договоре с которой он стал носителем власти.

Обсуждая, сколько Ельцин пьет и кто к нему близок, откуда он произошел и как себя ведет в конкретных ситуациях, российская политология (а вслед за ней и политология мировая) отказалась

обсуждать Ельцина как политика. И стала обсуждать Ельцина как человека, действующего в политике. Но человек, действующий в политике, и политик — это разные явления (рис. 19).

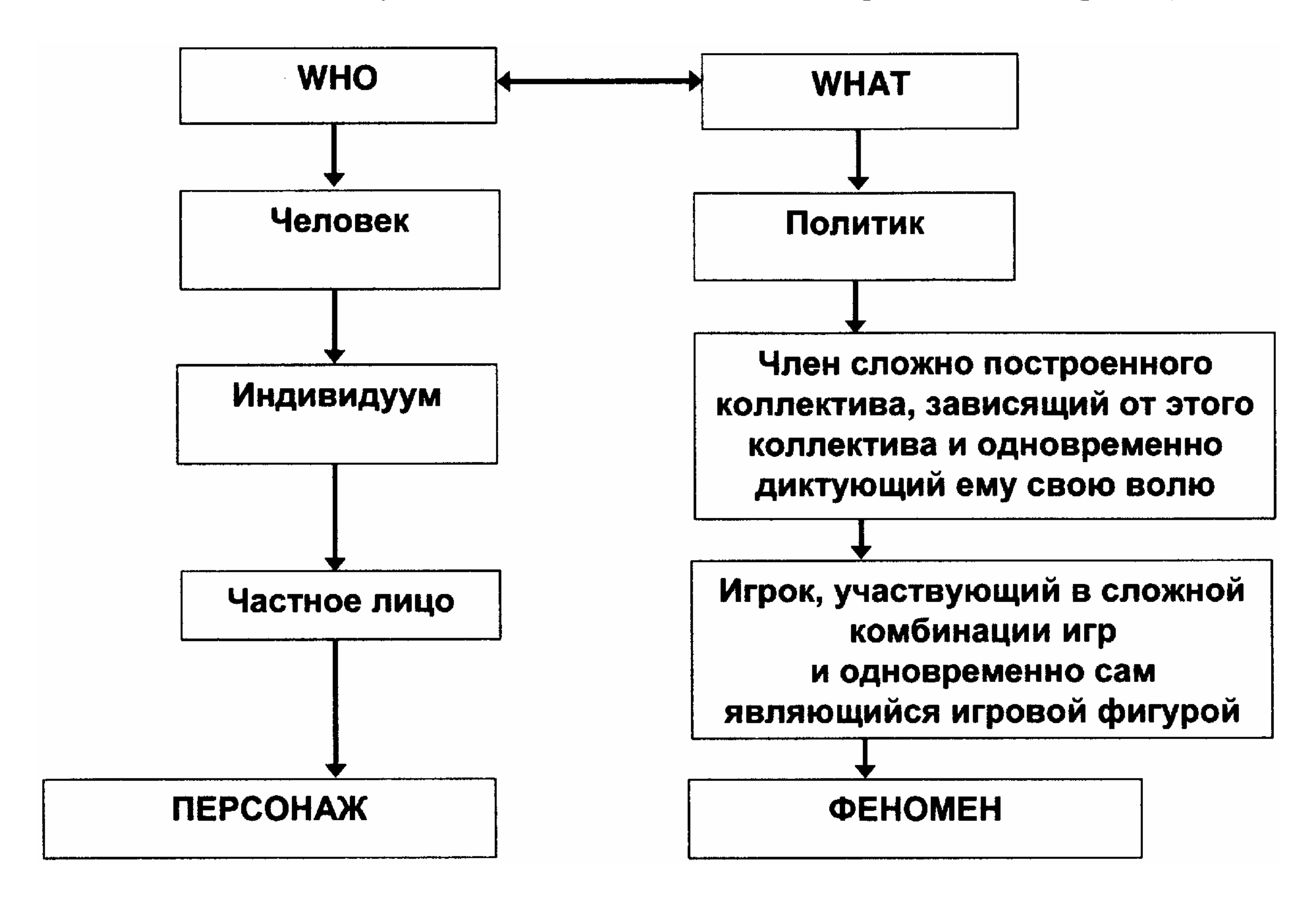

Рис. 19

Итак, одно дело — индивидуум с его свойствами, частное лицо, наделенное земными страстями, недостатками и достоинствами. Все это вместе я называю «персонаж». Или — «who».

Другое дело — политик. Это уже не персонаж, то есть не «who». Это феномен. Или «what».

Используемые для описания различия термины — условны, как и любые термины. И введены мною в связи с той фокусировкой, которая породила это исследование. Но факт отличия, на который я указываю, несомненен. И никому не удастся его обойти, коль скоро речь идет об адекватном описании любого политического процесса. А уж тем более, если речь идет об аналитике элитных игр, к которой я адресуюсь.

Не будет различия между «who» и «what» — обытовление сведет на нет любое политическое исследование. А уж исследование элитной игры тем более.

Если бы речь шла только об обытовлении отдельной фигуры… Точно так же обытовляются и масштабные социальные явления. Предположим, я хочу освободиться от обытовления фигуры Путина и связать его с некоторыми коллективными сущностями. Тут ведь тоже весь вопрос в том, как я это сделаю. Поскольку нечто сходное как бы делалось. Лица, наблюдающие процесс и призванные каким-то образом его описывать, огляделись и всплеснули руками: «Батюшки! Путин-то в КГБ работал! И с собой во власть волочет ребят из этого самого КГБ! Так у нас формируется кэгэбистская власть?»

Ну, чем не выполнение предъявленных мною выше требований! Описан некий коллектив, с которым связан Путин и с помощью которого он осуществляет власть. Коллектив назван «чекистским». Еще более скрупулезный исследователь обратит внимание на то, что, кроме чекистского коллектива, в окружении Путина есть другие опорные группы. Например, либеральная.

Я-то чем недоволен? Это и есть выполнение только что оговоренных требований. Так ведь?

Соглашусь, но в одном случае. Если при описании коллективов будут соблюдены те же условия, раскрытые мною в противопоставлении «who» и «what».

То есть если, сказав А (Путин связан с «чекизмом»), исследователь скажет Б (то есть объяснит, что такое «чекизм»). Если же исследователь, который вначале занимался по отношению к Путину дескрипцией по принципу «who», начнет по этому же принципу осуществлять дескрипцию

«чекизма», то мы получим не переход от «who» к «what», а возведение «who» в квадрат. То есть еще большее обытовление, причем уже на социальном (то есть совсем не допускающем такое обытовление) уровне. Так «what is chekism»? (рис. 20).

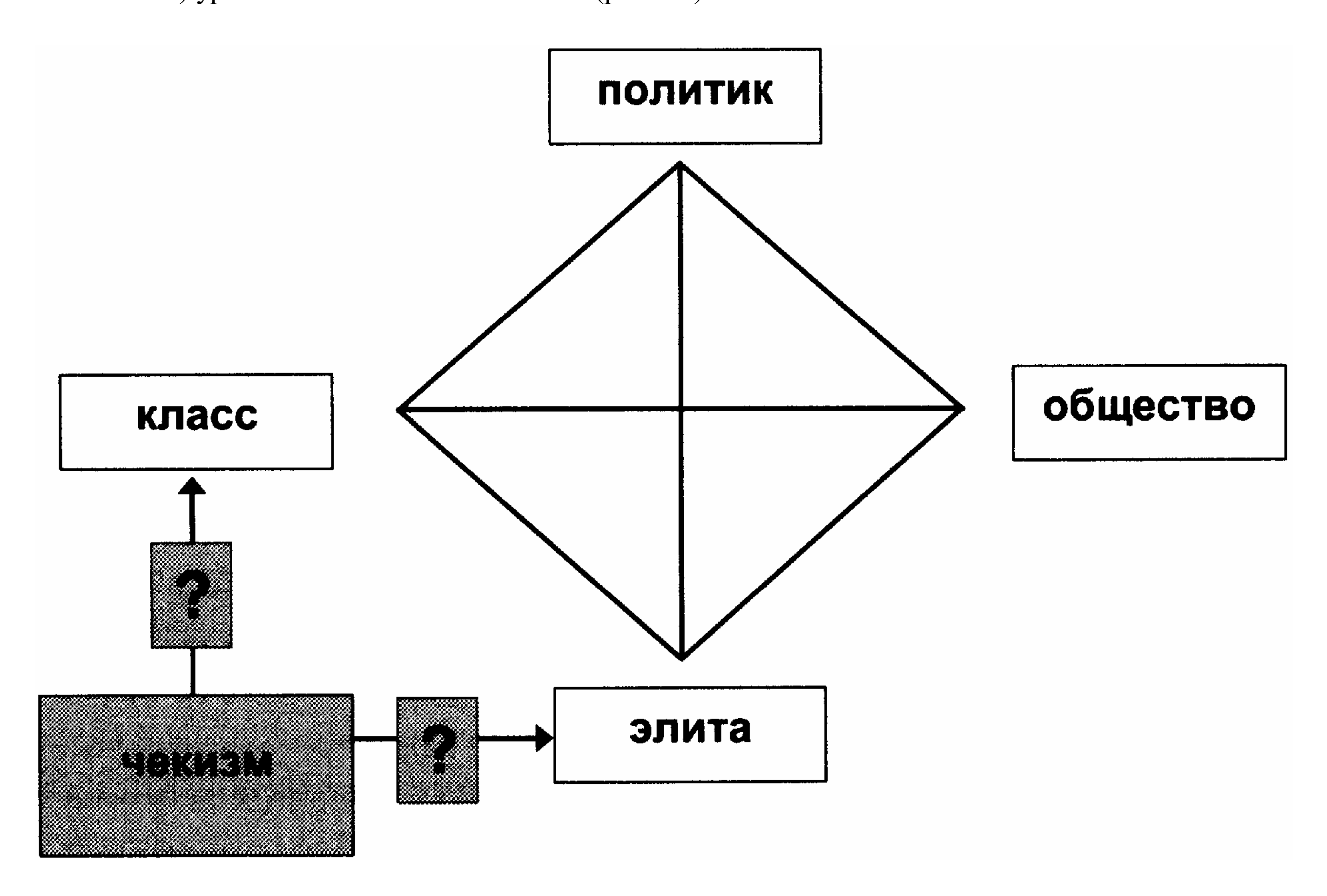

Рис. 20

Если мы хотим «разбытовить» Путина и представить его не как персонаж (то есть «вещь в себе», замкнутую самодостаточную сущность), а как феномен (то есть систему каких-то связей, превращающих замкнутость в открытость, самодостаточность в соотнесенность), то мы можем использовать связь «Путин — чекизм». Но тогда мы должны определять, что такое «чекизм». Это некий класс, каста, корпорация, группа, элита, субэлита… Размытая протосоциальная протоплазма… Каковы свойства этой общности? Какие тенденции она выражает? Каков ее, если хотите, исторический смысл?

What is chekism? Ведь не хотим же мы сказать, уподобляясь госпоже Хиллари Клинтон, что у чекистов (работников КГБ) по определению не может быть души. А у работников ЦРУ она есть? Если у всех спецслужбистов нет души (а госпоже Клинтон важен, конечно же, не Путин, а его собрат по профессии Буш-старший), то это странная и глубоко гностическая концепция. Если же просто ради острого словца что-то обронено походя, то и говорить не о чем. Короче, «what is chekism»?

Ладно еще индивидуум. Тут есть какие-то основания для зацикливания на «who». Всегда кажется, что индивидуум — это такая конкретика, в рамках которой можно и не вводить никаких обобщений или опосредовании.

Но группа-то — это совсем другое. И вроде бы все знают, что она несводима к своим элементам. Нельзя определять класс через свойства отдельных представителей класса. А вот наоборот можно. В том смысле, что у представителя класса будет, наряду с другими типами сознания, еще и сознание классовое.

Мое недоумение по поводу низведения «what is» к «who is» носит не только исследовательский, но и гражданский характер. Когда-то Андропов сетовал, что мы не знаем общества, в котором живем. А вскоре после этой констатации (и, как я считаю, в прямой связи с нею) развалилась страна. Если мы не хотим очередного развала, то мы должны знать общество, в котором живем. А мы его никогда не узнаем, если будем путать «what» и «who». Значит, надо убирать эту путаницу, не так ли? Это не только узкопрофессиональный вопрос. Это и вопрос политический. И,

может быть, самый главный в череде тех вопросов, на которые должен ответить политически ответственный интеллектуализм.

Итак, надо обсудить «чекизм». И не так, как это делают те или другие журналисты. Одни — живописуя жуткую сволочь (демонизирующий миф). Другие — рассказывая нам о спасителях Отечества (воспевающий миф). Ведь миф — это еще один способ уйти от ответа. Можно просто обытовить предмет описания. А можно, будучи неспособным сделать этот предмет научным, подменить науку другими способами обобщения. Теми, в которых главное не раскрытие содержания, а вынесение вердикта.

Уйти от обытовлений можно куда угодно — в правовую сферу, в сферу абстрактного долженствования, религии, той же конспирологии. Но нам-то нужно уйти не абы куда, а туда, куда хотим. В политику. А еще точнее — в эту самую элитную игру, которая однажды уже разрушила страну. И запросто может разрушить ее еще раз.

Уйти из обытовления в сферу элитной игры можно только за счет довольно сложной трансформационной схемы. Я уже представлял ее в общем виде читателю. (См. рис. 17. В этом рисунке вместо слова «персонаж» нужно просто поставить слово «чекизм»).

Данность может быть нам просто явлена. Ну, видим мы дом. И все. Двери, окна… В таком виде данность можно назвать «непросветленной» (не высвеченной светом нашего знания). Та же данность может быть нами познана. Мы можем знать конструкцию дома, его архитектурные и инженерные особенности, объем строительных работ, потребовавшихся для его возведения… Мало ли что еще… Эта совокупность наших знаний делает непросветленное явление — просветленным.

Для того, чтобы «чекизм» перестал быть для нас «непросветленной данностью», его надо начать познавать, соединяя явление как таковое с теорией. Сначала — с самой важной для нас теорией конфликта (рис. 21).

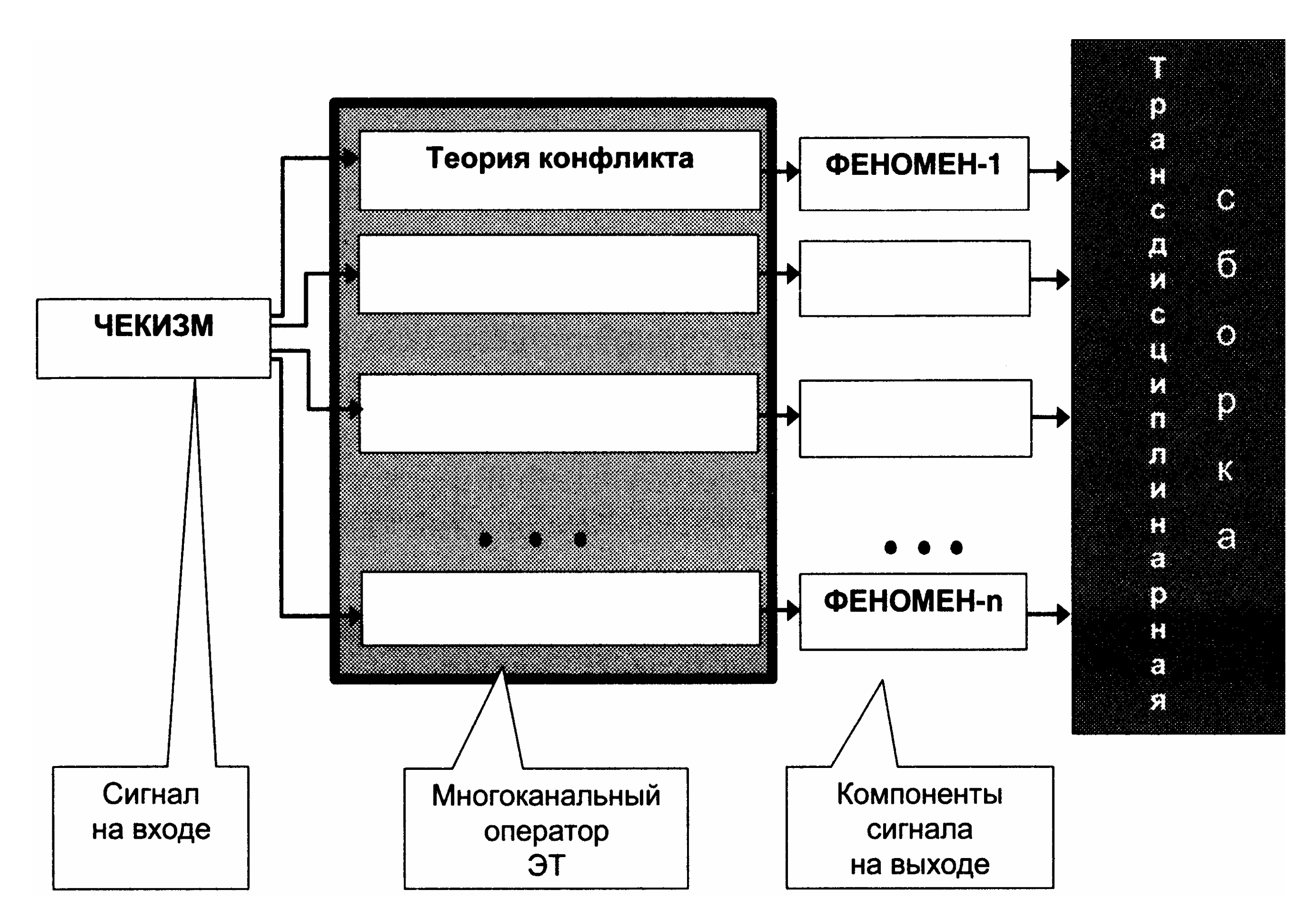

Рис. 21

И что же мы получим, осуществляя подобную трансформацию?

Глава 4. «Чекизм» и теория конфликта

Мы уже установили, что политика кто-то выдвигает и поддерживает. Он что-то выражает, на кого-то и на что-то опирается. Что политик — это сумма используемых им и использующих его социальных систем, структур, неких связей и отношений. А там, где такие связи и отношения, там и конфликты. К их рассмотрению и переходим.

Конфликты ельцинской эпохи оказались столь же «непросветленными», как и политические феномены. Между тем палитра конфликтов была очень, очень богатой. И достаточно хорошо проявленной.

Наиболее активно обсуждался конфликт между прогрессивными реформаторами (Гайдар и другие) и совокупными более косными силами. Но поскольку прогрессивные реформаторы продержались совсем недолго, то вскоре оказалось, что вся палитра конфликтов находится внутри этого самого более косного спектра. От менее косного спектра остался господин Чубайс. Впрочем, и он потом испарился. Почти буквально дематериализовался — с тем, чтобы материализоваться снова в совершенно новом качестве в 1996 году.

Но ни дематериализация Чубайса, ни уход Гайдара не снизили накала конфликтов внутри ельцинской элиты. Что же это были за конфликты?

Если **конфликтами первого ранга** называть конфликты идеологические, между радикалами и консерваторами, входящими в общий ельцинский как бы реформаторский круг, то каковы другие ранги конфликтов?

Тогда **конфликтами второго ранга** (как-то еще обсужденными) следует считать конфликты между хозяйственной номенклатурой (преимущественно сырьевой) и совокупными силовиками с примкнувшим к ним ВПК. Персонификация такого конфликта тоже имела место. Речь шла о конфликте между хозяйственником из ТЭКа премьер-министром России В.Черномырдиным и его силовым «альтер эго», первым вице-премьером О.Сосковцом.

Обсуждался и бэкграунд этих конфликтов. Слишком уж было очевидно, что за О.Сосковцом стоит почти всесильный, начиная с 1993 года, начальник Службы безопасности Президента А.Коржаков. И что Коржаков является как бы общей ставкой всех силовых групп.

Однако быстро выяснилось, что силовые группы отнюдь не консолидированы.

Конфликтом третьего ранга стал конфликт между вышеназванным А.Коржаковым и министром обороны РФ П.Грачевым. Бэкграундом этого конфликта, конечно же, была совокупность определенных закрытых социальных структур. Не вдаваясь в детали, можно с достаточной уверенностью утверждать, что речь шла в целом о конфликте между армией и политической полицией.

Такой конфликт пронизывает всю советскую эпоху и имеет досоветские корни. Он носит достаточно органический профессионально-корпоративный характер. И не является выражением каких-то уникальных российских (или советских) особенностей. Мы имеем подобные &е конфликты во многих странах мира.

Если же от общих характеристик этого конфликта уходить к его специфическим и даже эксклюзивным особенностям, то речь, конечно, шла о недовольстве многих сил и структур, стоявших за спиной Коржакова, избыточной замкнутостью так называемого «десантного» лобби. И очевидным авторитетом в этом лобби П.Грачева.

Силы и структуры, стремившиеся за счет опоры на Коржакова развернуть элитный процесс, были обеспокоены консолидированностью «десантной мафии» и возможностью ее активного участия в политическом процессе в условиях какой-нибудь «силовой судороги». А личная конкуренция за поддержку со стороны Ельцина между Коржаковым и Грачевым подогревала данный конфликт.

Есть основания предполагать (предполагать, и не более того), что злоключения Грачева, которого как-то особенно остервенело стало преследовать так называемое демократическое сообщество, носили не идеологический, а иной характер. В доказательство этой гипотезы можно привести один общеизвестный факт.

На протяжении всей первой чеченской войны либеральная газета «Московский комсомолец» травила Грачева, обвиняя его в воровстве (ввозе каких-то там «Мерседесов») и в убийстве прогрессивного журналиста Д.Холодова (пресловутое дело о десантниках, якобы решивших таким образом избавиться от обличавшего их журналиста). Накал обвинений в адрес Грачева рос и рос. Конфликт между Грачевым и газетой «Московский комсомолец» казался неснимаемым.

Но, когда ближе к 1996 году возникла необходимость как-то договориться, Грачев и Коржаков достигли (весьма относительного) перемирия. И тут же крайне либеральный глава газеты

«Московский комсомолец» П.Гусев (совершенно немотивированно для неосведомленной публики!) подал руку Грачеву в ходе телепередачи, транслировавшейся на всю страну. В шоке была не только редакция газеты «Московский комсомолец», но и широкие круги втянутой в конфликт либеральной элиты.

Конфликт между Грачевым и Коржаковым носил не только личный характер. Тут было важно не «who is» Грачев или Коржаков. Можно даже утверждать, что данные лица не рассматривали себя как глав кланов «Монтекки» и «Капулетти» или вождей Алой и Белой Розы. Но у конфликтов такого типа свои законы. Начавшись, они разрастаются. И в связи с этим крайне важно иметь адекватное описание этой, не имеющей отношения к частным намерениям отдельных персонажей, элитной конфликтной феноменальности.

Представьте себе качели, они же — весы. Весы — это и есть качели, на которых качаются два участника (рис. 22).

Есть такие властно-политические весы. На одну чашу кладется гиря вашего влияния (гиря А). А на другую — гиря влияния вашего противника (гиря Б).

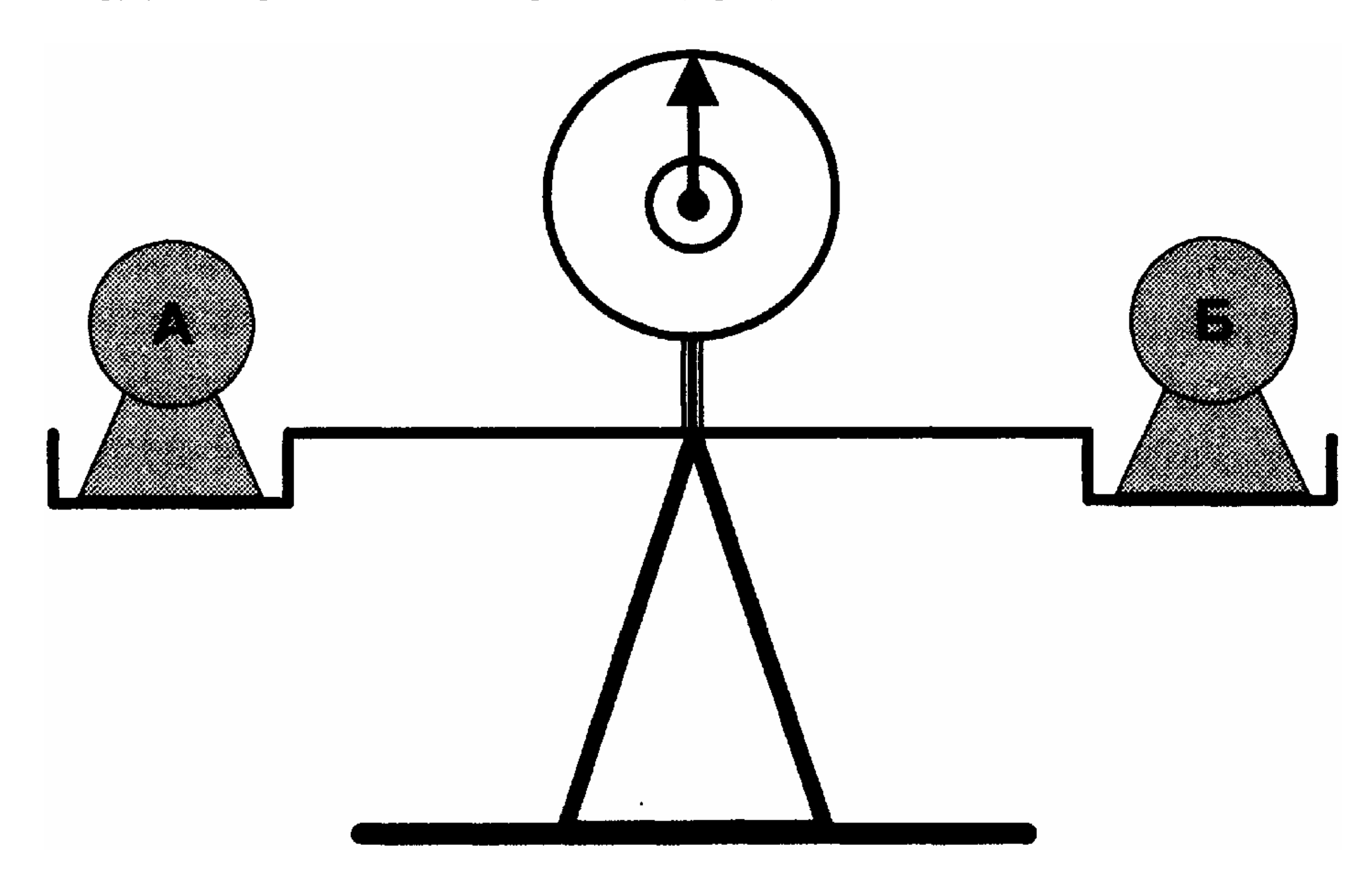

Рис. 22

Пока вы в «ареопаге» и у вас нет конфликтных проблем — вы будете строго держать рамку. Зачем вам союз с «зарамочными» силами? Вы честный человек, у вас есть ценности, нормы. Зачем вам эти чужие (иногда невероятно чужие)? — рис. 23.

И не подумаю это использовать!

Рис. 23

А когда вы оказываетесь в ситуации «качелей», то все иначе (рис. 24).

Рис. 24

В процесс начинают встраиваться самые разные силы. Карьеристы, желающие погреть на этом руки, заполучив какие-то отношения с «сильными мира сего», и предлагающие им свою полуфиктивную помощь. Авантюристы. Непримиримые противники другой стороны.

Международные силы. Спецсилы, обостряющие конфликт. А также все прочие, коим нет числа. И тогда конфликт начинает развиваться. И превращается в воронку, затягивающую в себя участников. В петлю, в ловушку, в политический динамит, в капкан. Во что угодно еще.

Фактическим итогом тогдашних качелей был проигрыш первой чеченской войны. Я уже много раз говорил об этом, причем по горячим следам тех событий. Качели «1994–1996»… Элитный конфликт между Грачевым и Коржаковым… Буденновск как дискредитация Черномырдина, лишающая его возможности стать президентом… Описывать здесь это подробно — значит потерять нить сюжета, которому посвящена книга.

Скажу лишь, что конфликтами третьего ранга все тогда не исчерпывалось. Что были конфликты менее очевидные, но гораздо более серьезные.

Конфликтами четвертого ранга были конфликты внутри самой госбезопасности и внутри элитных военных структур. Самый яркий, хотя и неочевидный, конфликт внутри госбезопасности в эпоху Ельцина назывался «лицом в снег».

Невозможно не отметить параллель между ошибками в описании эпохи Путина и ошибками в описании эпохи Ельцина. Ибо и в том, и в другом случае речь идет о существенном игнорировании подлинной конфликтной подоплеки тех ситуаций, которые взрывали изнутри (или, по крайней мере, раскачивали) правящую элиту. То есть об игнорировании все того же различия между «who» и «what».

Ведь что изрекли авгуры «who», обнаружив в путинском бэкграунде этот самый пресловутый «чекизм»?

Они изрекли («они» — это не только наши, но и зарубежные политологи), что Владимир Путин — это бывший офицер советского КГБ. И что рядом с ним — другие офицеры того же КГБ. Что у всех офицеров КГБ есть сходная психология и сходное представление о подходе к решению проблем. Что эта психология и это представление о решении проблем находятся в антагонизме с демократией и реформами. А значит, к власти пришел «чекизм» — горе либерализму! Горе западничеству!

Одни радостно говорили: «Горе ужасному либерализму и ужасному западничеству!» Другие скорбно: «Горе замечательному либерализму и замечательному западничеству!» Но никому не пришло в голову обсудить вопрос о том, кто был настоящим спонсором прихода этого самого западничества и либерализма в виде пресловутого «ельцинизма».

По роду профессии и занятий я просто знаю конкретно, что если в целом по стране Ельцин все же получил на выборах 1991 года, сделавших его президентом РСФСР, так сказать, умеренно-подавляющий перевес, то в элитных домах, где жили только высокопоставленные работники КГБ, Ельцин получал абсолютно подавляющий перевес. Что источником либерализма, западничества и прочего были именно фрондирующие круги внутри того самого КГБ. Что связи между так называемыми «антикэгэбистскими реформаторами» и элитой КГБ были самыми что ни на есть тесными. Что определенная часть либерального авангарда просто принадлежала к профессиональным работникам КГБ. Что если бы Андропов хотел узнать свое общество и заказал исследование менталитета, например, работников Комитета молодежных организаций (структура, сильно связанная с КГБ и вбиравшая в себя кадры так называемой «золотой молодежи»), то картина получилась бы достаточно пестрая. И абсолютно несовместимая с декларативным описанием советского общества. Например, оказалось бы, что никакой надеждой и опорой для СССР, входящего в системный кризис, эта часть элиты быть не могла.

Почему не могла? По разным причинам… Специфическое западничество: хочется поездок за границу… обеспечивающего эти поездки карьерного роста… привезенных из этих поездок вещей… Хочется уже и большего… Жить, как живут те, с кем встречался за границей… Всего, чего угодно, хочется, только не надрыва на ниве пресловутого «жила бы страна родная, и нету других забот». Да и сама эта «страна родная» уже именуется между собою «совком».

Предположим, что это бы выявилось. Кто должен был бы за это ответить? И что могло бы это преодолеть? Новый 37-й год? По отношению к кому? К своим детям?

Легче отвязанно болтать о «чекизме», чем анализировать подобные тренды. Или, например, бэкграунд ельцинского бизнеса… А также связь этого бэкграунда с элитными работниками того же пресловутого КГБ.

Никто не захотел проследить тренд трансформаций, которые неизбежно меняли психологию стандартного работника КГБ в период между 1991 (и даже 1990) и 2000 годами.

Никто не захотел проанализировать механизмы сепарации (своего рода естественного отбора), которые запустили в отношении «комитетчиков» эти самые рынок и ельцинизм. Никто не пожелал описать, как эти механизмы повлияли на так называемую стандартную комитетскую (или чекистскую) психологию. Почти никто не стал выделять кластеры внутри чекистского сообщества и обсуждать типы социальной и профессиональной психологической заданности внутри каждого кластера. А также различия между этими типами.

Все свелось к изобретению странного словечка «чекизм». И еще более странного обращения «Господа чекисты!», которое само по себе должно бы было привести в шок любого серьезного человека.

Сказали «чекизм» и, так сказать, успокоились. Я имею в виду успокоились в научном смысле. В политическом кто-то стал проклинать, кто-то поносить… Но я-то говорю о другом.

Итак, почему «чекизм»?

ВЧК — это революционная политическая полиция эпохи Ленина и Дзержинского. Социально, культурно и политически чекист — это революционер, ставший защитником безопасности нового государства и охранителем новой власти. Какое отношение сие имеет к пестрому контингенту бывших работников советских спецслужб вообще, и особенно к тому контингенту, который преуспел в постсоветское время?

Слова программируют мышление. Нельзя же просто сказать «чекизм». Речь ведь идет о конфликте. В конфликте всегда есть протагонист и антагонист. Где антагонист? Он же противоположная, «античекистская», как вытекает из семантики, сила?

Вторую силу надо было тоже как-то назвать. Псевдополитология, завороженная семантическим Вием по имени «чекизм», почему-то решила, что раз с одной стороны баррикад находятся чекисты, то с другой стороны должны находиться их идейные противники.

Кто же идейные противники этих «зараженных советским духом державников»? Разумеется, некие либералы, демократы, противники чекистского произвола. А тут еще под колеса новой противоречивой властной машины угодил М. Ходорковский — мягко улыбающийся бизнесмен в очках. Следом за ним — еще ряд бизнесменов, страстно говоривших о наступлении чекистов на демократию.

Все! Конструкция состоялась! Конфликт описан! И описан так, чтобы всех и навсегда обречь на полное непонимание реальности. Лишь немногие аналитики решились все же сдержанно называть конфликт, разворачивающийся у них на глазах, «конфликтом кланов». Каких кланов?

Увы, интеллектуальное усилие давно уже не считается обязательным при описании политического процесса. Поэтому на вооружение взято было то, что лежит на поверхности. Один клан — это «ельцинисты» («Семья»). Другой клан — «путинцы». Но даже это описание (вскоре продемонстрировавшее свою абсолютную непригодность для понимания происходящего) было уделом избранных. Большинство же говорило о конфликте чекистов и либералов.

Этот язык не был даже языком упрощения. С помощью адекватного упрощения можно еще добиться хоть какого-то понимания реальности. Между тем используемый язык абсолютно игнорировал реальность. Он игнорировал уже реальность и ельцинской эпохи.

Тут надо вернуться к типологии конфликтов. Точнее, к ее (покинутому ради проведения важной методологической и политической параллели) четвертому системному уровню.

Как специалисту по элитам, мне было ясно еще в 1994 году (и я тогда же написал об этом), что так называемый конфликт олигархов ельцинской эпохи (конкретно — конфликт Гусинского и Березовского) имел существенно спецслужбистский бэкграунд. Что же это за бэкграунд?

Все признавали, что бэкграундом Гусинского являлся спецслужбистский клан, связанный с Пятым (то есть идеологическим) управлением КГБ СССР и лично с его бывшим руководителем, одним из наиболее уважаемых и профессиональных «китов» советского КГБ, генералом армии Ф.Бобковым.

Все признавали также, что бэкграундом Березовского являлась спецслужбистская группа, сделавшая ставку на вышеупомянутого начальника Службы безопасности Ельцина генерала А.Коржакова.

Но сам Коржаков тоже не мог существовать без бэкграунда. Это отрывание людей от бэкграунда — главная ошибка политологии, влекущая за собой тяжелейшие политические последствия. В то же время можно легко (то есть достоверно и без опоры на какие-то особо секретные материалы) выявить, что внутри коржаковской системы существовали вполне

влиятельные «реликты советского прошлого». Об этом говорят мемуары работников Службы безопасности Президента. И об этом же говорят личные беседы автора данной книги с многими авторитетными экспертами.

«Реликты советского прошлого» своим генезисом были связаны как с военной элитной спецслужбой (ГРУ), так и с теми военными контрразведчиками, которые давно построили прочные отношения с ГРУ. И это при том, что в принципе военные контрразведчики обычно рассматриваются как антагонисты ГРУ («особисты» в терминологии ряда нынешних прогрессивных демократических конспирологов).

Наиболее известным из военных контрразведчиков, строивших подобную систему отношений, был ныне покойный вице-адмирал А. Жардецкий, бывший начальник Третьего Главного управления КГБ СССР.

Таким образом, конфликты четвертого ранга — это конфликты между кланами внутри самой госбезопасности. Именно эти кланы стали конфликтовать сразу после 1993 года, расшатывая изнутри элитный консенсус ельцинской эпохи.

Кто-то возразит, что данные конфликты не расшатывали, а укрепляли ельцинскую систему. Что сам же Ельцин и организовывал эти конфликты, видя в такой «конфликтизации элиты» единственную возможность политически выжить. В чем-то это справедливо, но не до конца. Да, есть такой метод «сдержек и противовесов». Властитель может применять его в условиях невозможности справиться с консолидированной элитой («консолидируешь ее, а она того… меня же, понимаешь, и скинет»). Да, этот метод управления называется «византийским». Да, Ельцин был мастером «византийской» политики.

Но, чтобы показать уязвимость тезиса («это начальник всех так "разводит"»), спрошу: «А своих дочерей Татьяну и Елену в 1998 году сам Ельцин «разводил»? Чтобы выжить?» Татьяну и Елену «развела» элита. И много кого еще она «развела». Ельцин же, допустив вторжение «игрового вируса» в ядро своей системы (обычную семью, а не «Семью»), потерял контроль над ситуацией.

Для того, чтобы «разводить», нужно иметь «полноценный игровой субъект», находящийся в состоянии абсолютной консолидации. Когда раскалывается и этот субъект, власть рушится.

Царь «разводит» элиту… А элита — царя… Его «святая святых». Чтобы ощутить соотношение прямого и обратного процесса, нужно заниматься бэкграундами. Этими самыми «what is».

Итак, в плане элитного бэкграунда ельцинская потеха под названием «лицом в снег» ознаменовала собой конфликт между Пятым управлением КГБ СССР (идеологическая контрразведка) и Третьим Главным управлением КГБ СССР (военная контрразведка).

Если кто-то может вообразить, что содержанием этого конфликта были проблемы, связанные с демократией и иными способами политического устройства, то этот «кто-то» крайне наивен. Личная информация позволяет автору утверждать, что, как минимум, кое-кто из участников конфликта имел к другим участникам и претензии совсем иного рода. В том числе столь важные, как «коварство» в вопросе о разделе агентурных сетей.

Этот вопрос всегда стоит остро. Но в момент, когда страна переходит к открытости и новым экономическим отношениям, острота вопроса такова, что просто зашкаливает. У зарубежной агентуры на счетах находятся деньги. Это те самые деньги, которые должны в момент приватизации стать источником первоначального накопления. Результат первоначального накопления определит место в будущей элите тех или иных персон и кланов. И в такой судьбоносный момент из-под носа уводят ключевого агента!

Да тут не просто «лицом в снег» положат! Тут живьем зажарят на сковородке — и съедят! Так-то вот.

Конфликты четвертого ранга протекали не только в госбезопасности, но и в армии. Одним из таких конфликтов (опять-таки втянувшим в себя и кланы госбезопасности) был, например, конфликт вокруг продажи истребителей «МиГ-29» в Малайзию. Воевали кланы внутри ГРУ. Аналогичным способом сходные кланы воевали в ходе эпизода под названием «Армянгейт», который я подробно разобрал в книге «Слабость силы».

Разумеется, указанные (и в целом все же обсуждавшиеся) элитные индикаторы не являлись достаточными для правильного описания весьма сложных разграничений. Однако спецслужбистская специфика ельцинизма была настолько ясна, что называть ельцинский режим «либеральным», а его

преемника «чекистским», могли только очень странные (предвзятые и абсолютно непрофессиональные) исследователи. Но они-то и преобладали.

На самом деле, теория конфликта позволяет сделать утверждение, согласно которому «чекизм», представьте себе, сформировался еще в недрах ельцинской системы. А по сути представляет собой явление, имеющее особый советский элитный генезис.

Путин как персонаж (индивидуум) мог относиться к Ельцину как к персонажу (индивидууму) любым из возможных способов. Он мог его почитать или ненавидеть. А также трезво разграничивать в нем разного рода плюсы и минусы. Но Путин как феномен (политик) мог отнестись к Ельцину как к феномену (политику) только через опосредование. А опосредующим началом для политика является политический класс.

Путин мог унаследовать ельцинский политический класс или начать его глубокую трансформацию.

Расстановка людей из команды Путина (так называемых «ленинградцев» или конкретных представителей госбезопасности, с которыми Путин был связан личными и корпоративными связями) не являлась трансформацией, она ничего не меняла в качестве самого политического класса. Из класса убиралось несколько человек (Гусинский, Березовский, Ходорковский и так далее). В него встраивалось несколько десятков новых людей. Эти десятки людей тянули за собой… ну, предположим, первые сотни или даже тысячи (цепная социальная реакция по принципу «бабка за дедку, дедка за репку…»).

Однако класс состоял из сотен тысяч индивидуумов. Добавка к нему новых ингредиентов могла сдвинуть акценты, но не более того. Сейчас, при передаче власти от Путина к другим представителям класса, эта микроскопичность новых ингредиентов проявляется все более выпукло. И осознать ее мешает только полная зацикленность на политическом бытописательстве, подменяющем собой реальные политические исследования.

Это бытописательство не позволяет оценить масштаб того явления, которое бытописатели назвали «чекизм» и, уравняв с путинизмом, противопоставили ельцинизму. В основе этих противопоставлений и уравниваний, как мы убедились выше, ложный миф о ельцинской эпохе. Создав этот ложный миф в качестве отправной точки, бытописатели вскоре возвели ложь в бесконечную степень, создав миф о путинской эпохе как об эпохе борьбы либералов и чекистов.

Теперь указание на конфликты иного рода и ранга (внутричекистские, например) стало общим местом. Но что это за конфликты? Кто конфликтует? Любую ли ссору (людям свойственно ссориться) можно назвать конфликтом? Любой ли конфликт заслуживает аналитики с использованием столь сложного метода?

Разумеется, мы говорим только о конфликтах в элите. Или — элитных конфликтах. Но что такое элита? Какой конфликт можно назвать элитным?

Элита — это «востребованное Игрой». Разумеется, Большой Игрой. Игра может востребовать по-разному. Игроки — это полноценные участники Игры. Что значит полноценные? Полноценные участники Игры осознают, что они участвуют, понимают, в чем смысл этого участия, в чем правила, игровые цели… Одновременно с этим в их доступе находятся средства ведения игры. Не может быть игроком тот, кто не может сделать ставку, не находится в казино.

Кроме игроков, есть фигуры. Фигуры тоже востребованы Игрой. Но они не понимают (а иногда и не хотят понимать), что ведется Игра. Они не видят (и не хотят увидеть), что над их обычными мотивами конфликтного поведения уже надстроены игровые мотивы.

Если Игра действительно Большая, то она транснациональна. Игроки по определению должны выйти за автохтонные рамки. Да так ли прочны сейчас эти рамки? Глобализация… Транснационализация крупных и крупнейших компаний… Транснационализация интересов…

2007 год — не 1977-й… Нынешняя Россия — не СССР. Но и тогда настоящие элитные советские игроки в каком-то смысле были транснационализированы. Что такое строительство «АвтоВАЗа»? Это не транснациональная элитная игра? А «Римский клуб»?

Если в том, что я рассматриваю, существует уровень под названием «Большая Игра»… Если этот уровень существенно корректирует «внутренний мотивационный текст» конфликтующих — тогда есть о чем говорить. В противном случае… Ну, ссора и ссора… А если даже конфликт?.. Пусть и конфликт интересов… Все равно нет темы для элитологического исследования.

Россию эпохи Путина сотрясали конфликты самого разного рода. В том числе и элитные. Обеспокоенные ими граждане пытались что-то понять. Но аппарат, предложенный им для

понимания, не позволял высветить в происходящем даже самого существенного. Этот аппарат рассыпался на глазах, но за него держались — так сказать, за неимением иного. Потом аппарат стал превращаться уже не в средство любого — даже ложного — понимания реальности, а в средство шизофренизации этой реальности. И, наконец, он лопнул — в момент, когда Путин подписал отставку Устинова с поста Генерального прокурора.

Все эти годы мы настаивали на том, что нужен другой аппарат. И разрабатывали этот аппарат. Но бойкие упростители любое наше построение бойко облаивали как усложнение, конспирологию. Затем наступил момент, когда они просто замолчали. Точнее, стали писать статьи, в которых сначала приводилась знаменитая цитата («Политическая борьба в России напоминает драку бульдогов под ковром. О результатах можно догадываться по выкидываемым трупам»). Потом признавалось, что процесс стал совсем «подковерным» и уже ничего понять нельзя (в народе это называют «без поллитры не разберешься»). А потом возникали длинные статьи ни о чем… Вроде бы не разбираешься — так хоть не пиши. Но как не писать, если положение обязывает?

Для нас же — уже после десяти лет разработки альтернативного аппарата описания реальности и выхода ряда книг (в том числе книги «Слабость силы») — отставка Устинова и все, что за этим последовало, является и возможностью уточнить метод, и возможностью получить новые результаты. То есть глубже понять происходящее.

Глава 5. «Чекизм» через призму теории управления

Я вновь возвращаюсь к основной схеме. Превратив расхожее словечко «чекизм» с помощью теории конфликта в феномен-1, я теперь сделаю то же самое с помощью теории управления. И добавлю к феномену-1 феномен-2 (рис. 25).

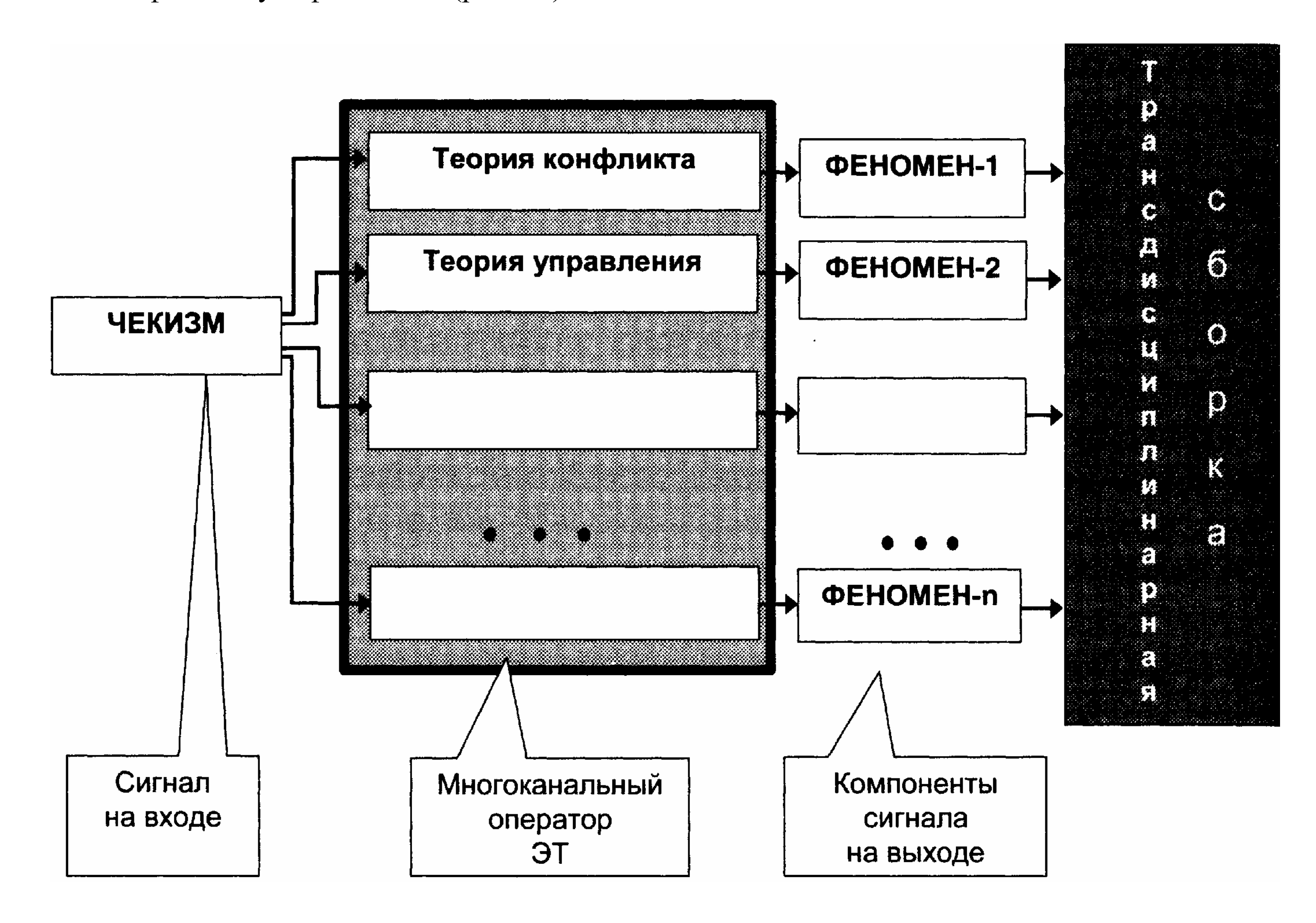

Рис. 25

Предположим, что чекисты — это некая совокупность чем-то объединенных людей. Такая совокупность может быть названа «социальным телом». У социального тела, как и у тела физического, есть масса. В первом приближении социальная масса представляет собой произведение количества вступающих в социальные отношения единиц на социальный вес каждой из этих единиц.

Но, кроме массы, социальное тело должно обладать энергией. Если чекисты — это социальное тело, то что такое «чекизм»?

Чекизм — это энергия, с помощью которой социальное тело оказывает воздействие на ситуацию. Энергия есть только у движущегося социального тела. Чем испуганы враги этого самого чекизма? Тем, что есть какое-то количество чем-то объединенных людей? Отнюдь! Враги чекизма обеспокоены тем, что эти самые чекисты не просто существуют как социальное тело, а движутся по некой траектории из точки А в точку Б.

В точке А были все те же чекисты, соединенные теми же условными узами солидарности. Но их, что называется, было «не видно и не слышно».

В какой-то момент (и в общем-то ясно, в какой) данное социальное тело стало двигаться. Сначала почти незаметно. Потом начались отдельные «ахи» и «охи» («батюшки! да это чекизм!»). Далее возникло опасение, что тело достигнет точки Б, то есть превратится в полноценный властный субъект (господствующий класс или касту). Вне таких опасений — а значит, вне предложенной мною модели движущегося социального тела — нет и не может быть никакого чекизма.

Но что же все-таки такое чекизм? И почему для его исследования нужно применять теорию элиты? Все чекисты — элита? Игроки? Фигуры в Большой Игре?

Представьте себе комету. Она летит по определенной траектории. У нее есть ядро, оболочки, длинный шлейф. Все это вместе — комета.

Представьте себе теперь какой-нибудь класс. Неважно, какой. Капиталистический или феодальный. Класс тоже неоднороден. У него есть ядро, оболочки с разной степенью периферийности, длинный социальный шлейф. Но все это вместе — класс.

Почему надо применять язык теории элит? Почему нельзя ограничиться классической классовой теорией? Именно потому, что класс неоднороден. И для того, чтобы выявить тонкую внутриклассовую структуру, аппарат классовой теории недостаточен. Я никогда не противопоставлял теорию элит классовой теории. Я пытаюсь дополнить одно другим.

Итак, представим себе класс… ну, например, феодалов — как эту самую комету. В ядре — феодалы как таковые, то есть те, кто имеет феоды (огромные поместья, дружины, доходы, слуг, крестьян, работающих на полях). Но есть же и служилые дворяне, которые всего этого не имеют! Они — часть правящего феодального класса. Но не его ядро! Это, так сказать, одна из оболочек кометы. А кто такой разорившийся дворянин? Он может быть в сто раз беднее буржуа. Но, пока держится феодальный уклад, у него есть соответствующая социальная роль. Он как бы в шлейфе этой социальной кометы. Пока герцог Бургундский или герцог Орлеанский — в ядре класса, даже разорившийся дворянин является частью привилегированного сословия. То есть шлейфом кометы.

Я предлагаю рассмотреть элиту. Или потенциальную элиту (двигающуюся из А в Б, как комета). Естественно, меня интересует ядро. Но нельзя оторвать ядро от системы. Когда меня спрашивают: «А кто такой рядовой чекист (работник госбезопасности)?

Или даже генерал, не участвующий ни в какой Большой Игре и честно исполняющий свои обязанности?» — что ответить? Если есть комета и она куда-то движется, то и он движется с нею. То есть субъективно он никуда не движется, а просто работает. А объективно движется. Если, конечно, есть это социальное движение.

Но для того, чтобы понять, есть оно или нет, надо ставить вопрос надлежащим образом, а не убегать от него. Надо переводить разговор в социальную, политическую, социоэлитную плоскости, а не спрашивать: «При чем тут обыкновенные сотрудники?»

Чекизм — это (а) макросоциальное «тело», (б) макросоциальное «тело» в движении, (в) макросоциальное «тело», движущееся по определенной траектории. Такова предлагаемая мною модель.

В основе модели — движение социального тела. Что такое движение?

Движение может быть и движением камня, катящегося по склону горы, и движением популяции (например, муравьев или тараканов), и движением автомобиля, управляемого водителем. Все зависит от того, какая социальная масса движется.

Социальное тело может руководствоваться программными положениями своей партии или своего тайного клуба (вариант какого-нибудь «Опус Деи»). И это один тип движения данного тела. Тот тип, который предполагает, что у тела есть мозг. И даже не просто мозг, а разум. Но у тела может и не быть разума. Разум могут заменить, например, общие социальные инстинкты, являющиеся менее высокоорганизованной системой управления движением социального тела. В качестве таковых

могут выступать достаточно сложные инстинкты. Например, профессиональные привычки. Или еще более высокие автоматизмы, вплоть до квазиценностей (свой-чужой). Но в роли регуляторов движения социального тела могут выступать и инстинкты самого примитивного типа. Включая элементарные хватательные рефлексы.

Теперь необходимо сопоставить тип управления движением социального тела и траекторию, по которой это тело движется. Если бы чекистское социальное тело двигалось по траектории элементарного наращивания каких-то материальных возможностей (от ларьков к заводам и пароходам), то тип регуляторов движения и его траектория не сразу вошли бы в непримиримое противоречие.

Но если социальное тело движется в направлении политической субъектности, то это происходит почти мгновенно (в плане исторического времени, разумеется). Потому что где власть (и даже заявка на власть), там и вызовы. Двигаясь по политической траектории, чекистское социальное тело неизбежно сталкивается с политическими же вызовами.

От ответа на эти вызовы будет зависеть то, окажется ли социальное тело тягачом, вытягивающим из болота застрявший в нем грузовик, или же оно превратится в снаряд, который разнесет в клочья и грузовик, и груз, и пассажиров, и все, что находится по соседству.

Социальное тело, переместившись из точки А в точку Б, может стать дееспособным политическим классом — или ликвидатором, который погубит страну.

А значит, нам крайне важно спросить себя: «Как чекистское сообщество реагирует на реальную ситуацию? Соответствует оно в своих реакциях требованиям этой ситуации и своей заявке на определенную роль или нет?»

Отвечая на этот вопрос, мы точнее поймем, что такое этот самый чекизм. Мы увидим его в зеркале ситуации. Увидеть его в этом зеркале намного важнее, чем увидеть его любым иным путем. И даже непонятно, каков иной путь. Может быть, он и есть. Но он, во-первых, проблематичен, во-вторых, невероятно сложен (что, фокус-группы будем организовывать, глубокие социально-психологические зондирования?) и, в-третьих, малоэффективен. Потому что предмет вне контекста — это не предмет вовсе. А так, фантом.

Контекстом же для социального тела под названием «чекизм» является ситуация. То есть система вызовов, тестирующая гипотетический субъект на предмет его адекватности. Мера адекватности и опишет нам свойства субъекта гораздо более надежно, чем некоторые самодостаточные зондажи субъекта как такового, превращенного этими зондажами и отсутствием контекста из субъекта (или потенциального субъекта) в тривиальный и потому абсолютно неинтересный предмет.

Предмет, теряя контекст (то есть ситуацию), лишается даже потенциальной субъектности. А чекизм нас может интересовать только как предмет плюс субъектная потенция. Зачем он нужен иначе? Он и не может существовать иначе. Потому что само его наличие вызвано к жизни словом «власть». Чекизм — это не жизнь сообщества чекистов, это претензия сообщества на власть. То есть на субъектность.

Самодостаточный предмет не может стать субъектом и не может раскрыть потенцию своей субъектности. А вот феномен может. Поэтому и нужно раскрывать чекизм именно как феномен. То есть как предметность, имеющую неопределенный потенциал субъектности. Причем такую предметность, качество которой полностью зависит от того, каков потенциал. А значит, раскрытие предметности и определение потенциала субъектности совпадают.

Речь идет действительно о другом подходе к вопросу об интересующем нас «what is chekism?». Я, конечно, в принципе мог бы попытаться описать атомы (чекистов, слагающих сообщество), а также меру связности между этими атомами и природу этой связности, определить структурность, окончательное качество социальной системы, ее целевые установки или интенции (непроартикулированные целевые установки). А дальше спросить себя — каковы у этого перспективы, может ли оно быть властью, как оно может ею стать, с какими препятствиями столкнется и так далее. Тут мне никакие контексты не нужны. Мне нужны бесконечные зондажи, оценки недоступных для наблюдения параметров, сложнейшие социальные выкладки. А также оценка достоверности выкладок.

Однако то, что я этим способом опишу, не будет феноменом. Оно будет просто предметом. Внутри предмета не будет субъектности. Мне ее придется в этот предмет привносить. Я должен буду

заставить его ожить и из мертвой куклы стать живым игроком. А дальше я должен моделировать игру.

Я не буду описывать недостатки и преимущества такого подхода. Я только скажу, что не могу и не хочу его осуществлять. Но я могу поступить иначе. Я могу начать сразу играть с живым феноменом, а не с мертвой предметной куклой. Я могу начать спрашивать феномен: «Уважаемый чекизм, давай с тобой поиграем в игру, где я подбрасываю вызовы, а ты на них отвечаешь. Может быть, по твоим гипотетическим ответам я узнаю, кто ты такой».

Но как сыграть в игру? Понятно, как осуществлять замеры. Для этого нужно посылать импульсы и замерять реакции (активный режим) или просто замерять реакции (пассивный режим). Но даже если импульсы и посылаются, то эти импульсы лишь «дергают» предмет, а не побуждают некое существо «отбивать посланный мяч». И потому импульсы носят сухой, конкретный характер. В каком-то смысле они всегда количественны. Ты посылаешь в предмет «числа». Но уж никак не образы и метафоры.

А если ты играешь с феноменом, то все зависит от того, насколько удачно ты выбираешь мяч. И как ты его феномену посылаешь, чтобы он принял подачу и отбил удар. Такой мяч должен быть метафоричен, образен.

Передо мной сейчас стоит сложнейшая задача — выбрать мяч и послать его. И я делаю свой исследовательский выбор.

Впрочем, я сделал его давно. И не вижу никаких оснований для того, чтобы отказаться от этого в очередном — теперь уже обобщающем, а не ситуационном — исследовании.

Еще в 2005 году, пытаясь объяснить, в чем проблемность этого самого чекизма, я вспомнил один анекдот советской эпохи. Кто хочет проверить, так ли это, пусть прочитает мой доклад «ЧиК» и «ЦыК», сделанный 31 марта 2005 года и тогда же выложенный на наш сайт. Эту метафору «ЧиКа» и «ЦыКа» я теперь и собираюсь послать феномену в виде мяча и наблюдать, как он примет мяч, куда направит ответный удар и так далее. Из системы этих наблюдений я и хочу получить какие-то сведения о феномене.

Итак, «ЧиК» и «ЦыК»…

В эпоху застоя бытовал такой анекдот: «ЦК цыкает, а ЧК чикает».

Анекдот всего-то должен был проиллюстрировать соотношение между чекистами как «карающим мечом» и партией как «инквизицией, которая направляет этот карающий меч» против «благородных борцов с советским безумием», а также всех прочих граждан данного «безумного общества».

Но авторы анекдота (а у любого такого анекдота есть авторы) сказали гораздо больше, чем хотели. И это стало ясно постфактум, когда ЦК не стало, а ЧК (или та общность, которую очень условно отражает данное сочетание заглавных букв) решила заменить собою ушедшего в небытие старшего брата.

Вот тогда-то и оказалось, что для того, чтобы «чикать», нужны одни управленческие качества. А также совместимая с ними управленческая системная архитектура. А для того, чтобы «цыкать», нужны другие качества и другая архитектура.

Что такое «цыкать»? Это значит обладать некоей идеальной нормативностью (не будем обсуждать ее качество). Такая нормативность предполагает доктрину. Назовем доктрину «коммунизм», а нормативность — «правилами советского общежития». В конце концов, какое значение имеют эти конкретизации? Они лишь освобождают нас от излишней сухости теоретических построений.

Единство доктрины и нормативности необходимо для того, чтобы «цыкнуть». Но недостаточно. Нужно еще осуществить сканирование всех элементов системы, которой ты управляешь. И не абы какое сканирование, а именно такое сканирование, которое покажет, насколько поведение данного конкретного элемента отклоняется от нормы.

После того, как сканирование выявило отклонения, нужно принять решение о применении тех или иных средств воздействия на более или менее отклоняющееся поведение тех или иных элементов.

Но мало принять решение. Нужно еще иметь средства воздействия. Эти средства могут быть разными. Например, воспитательными. Или социально-рамочными. Наконец, эти средства могут быть и репрессивными. Только здесь и начинается «чик». Причем если отклоняющееся поведение относится к сфере общеправовой, то «чик» осуществляет милиция. Она обуздывает хулигана, вора,

убийцу. И только когда отклонение носит характер доктринально-нормативный, включается собственно та «ЧК», которая должна «чикать».

В зависимости от времени и жесткости «цыка», определяемого временем, эта «ЧК» либо расстреливает «в соответствии с революционной законностью», либо карает иначе, трансформируя революционную законность в более или менее убедительный тип так называемой социалистической законности.

Итак, мы видим довольно сложную иерархию с несколькими управленческими уровнями (рис. 26).

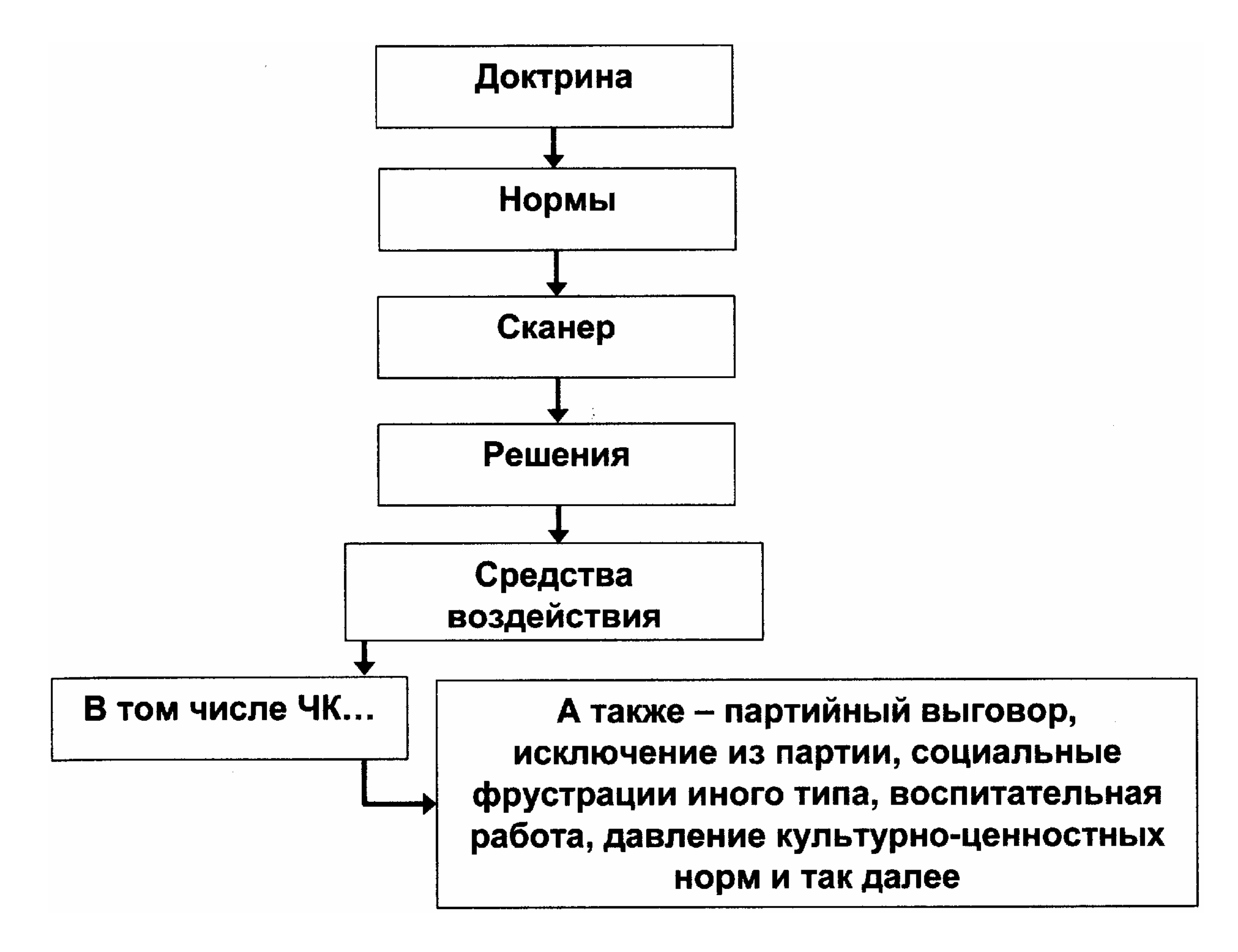

Рис. 26

Теперь давайте представим себе, что нет ничего: доктрины, норм, сканера, системы принятия решения, средств воздействия… А есть только «ЧК» в собственном соку. Когда и как она будет «чикать»? Я слишком часто заявлял о неприемлемости для меня огульного поношения коммунизма и советского прошлого. Но в данном случае я обсуждаю совсем другую тему. И ради выпуклости обсуждения готов принять в принципе неприемлемую для меня версию и сравнить такую машину с машиной, которую Кафка описал в своей «Исправительной колонии».

Но, согласитесь, есть разница между «ужасно идеальной машиной» и той же машиной, но поломанной. В сущности, эта поломка и описана Кафкой. И именно ради выявления разницы между работающей машиной и дергающимся поломанным устройством я и использую в принципе неприемлемую для меня аналогию между той непростой жизнью, в которой жил я сам и мои соотечественники, и абсурдистским рассказом.

Если же уйти от метафор и литературных параллелей, то речь идет о разнице между специфической (очень условно говоря — репрессивной) частью исполнительной власти и властью как таковой.

При этом знаменитое деление власти на исполнительную, представительную и судебную тоже ведь никак не помогает раскрыть содержание коллизии.

Во-первых, для того, чтобы эту власть каким-то образом делить на какие-то ветви, ее надо иметь. Прежде, чем она станет судебной, исполнительной или представительной, она должна быть властью.

Во-вторых, исполнительная власть — это вообще не вполне власть. Президент Путин еще до того, как стать президентом, емко выразил это, сказав об одном олигархе, что поскольку он исполнительный секретарь СНГ, то (цитата) «может быть, он там что-нибудь исполнит?».

В-третьих, существуют страны, где власть есть, а деления на ветви (исполнительную, судебную, представительную) нет.

Так что же такое власть? И где в той советской системе, частью которой был чекизм, находилась власть как таковая? Где вообще эта власть не может НЕ НАХОДИТЬСЯ?

Давайте сначала определим, где она не может НАХОДИТЬСЯ. Она не может находиться в исполнительском контуре. Потому что с точки зрения теории управления власть — это система формирования заданий (команд, сигналов, директив). А исполнение — это выполнение заданий (все тех же команд, сигналов и директив). У меня в мозгу может где-то размещаться власть. А в моем пальце она размещаться не может. В каком-то процессоре компьютера может размещаться нечто, сходное с властью. А на клавиатуре оно размещаться не может. И так далее.

Но бог с ним, с компьютером. Поговорим о людях и обществах, которые эти люди формируют. И которые, в свою очередь, оказывают влияние на людей. Здесь формирование заданий (и это давно установлено!) не может осуществляться вне внятного стратегического целеполагания. Само это целеполагание не существует, если нет идеала. Нет его — нет образа цели. А значит, и самой цели нет.

Соответственно, власть обязательно связана с идеальным. Как она с ним связана — это другой вопрос. В демократических системах она связана с ним одним образом. В авторитарных другим. Но нет идеального — нет власти. Остается голая сила. Которая в отсутствие власти и начинает вести себя всегда в какой-то степени сопоставимо с тем, что изложено у Кафки.

Голая сила просто не может себя вести иначе. Она не может сформулировать систему непротиворечивых указаний. Не может соотнести указания с реальностью. Иногда ей кажется, что это возможно. И что это называется «прагматизм». В таких случаях говорится: «Когда у вас сильно загажена квартира (так загажена, что дышать нечем), вы не будете долго умствовать по поводу целеполагания и критериев, а будете убирать дерьмо. А вот когда вы его уберете, то есть решите самые очевидные и злободневные задачи, то возникнут задачи более сложные. И тут понадобится все, о чем вы говорите. А ПОКА ЭТО НЕ НУЖНО».

Такой подход всегда соблазнителен. И он особенно соблазнителен в посткатастрофических ситуациях, когда стоящие перед сообществом задачи кажутся совсем очевидными. Однако это всегда соблазн, и не более того. Ведь все зависит от ситуации. Начнете вы мыть квартиру — а окажется, что чистота-то, конечно, залог здоровья и комфорта, но в углу загаженной комнаты лежит стерильно чистая мина. Очень симпатичная на вид по сравнению с остальным загаженным интерьером. И у вас осталось пять минут на ее обезвреживание. Что именно произойдет через пять минут, я описывать не буду. Важно, что наступит не чистота как залог здоровья, а нечто прямо противоположное.

И это не единственный пример. Вы, скажем, начнете что-то лихорадочно приводить в порядок, вводя вроде очевидный критерий (ту же чистоту), а вдруг почему-либо окажется, что критерий-то в реальности совсем другой. Он вам кажется очевидным. А на самом деле вы заблуждаетесь.

Итак, вам нужно идеальное. Живете ли вы в демократическом государстве или нет, оно вам все равно нужно. Но оно обладает неприятной спецификой — слишком легко входит в противоречие с реальностью. Значит, вам нужно не только идеальное. Вам нужно идеальное как динамическая система. С поправкой на время, так сказать. Но так, чтобы оно осталось идеальным. Чтобы не превратилась эта самая «поправка на время» в гениальную фразу одного из героев Томаса Манна: «Будем честны до конца и в ладу с современностью и продадим Иосифа».

Опять же, кроме поправки на время, нужна поправка на согласование идеального с реальностью. Что тут надо, до какой степени и куда сдвигать для того, чтобы согласование имело место? В какой мере надо менять реальность? И можно ли ее менять в такой степени, чтобы восстановилась ее связь с идеальным? В какой мере, напротив, надо менять идеальное? И сколь сильно его можно менять? А то начнешь менять, а оно «стухнет»?

Все эти вопросы как раз и решает власть. Не исполнительная, судебная или представительная, а власть как таковая. И тут нужно ввести еще одно понятие (рис. 27).

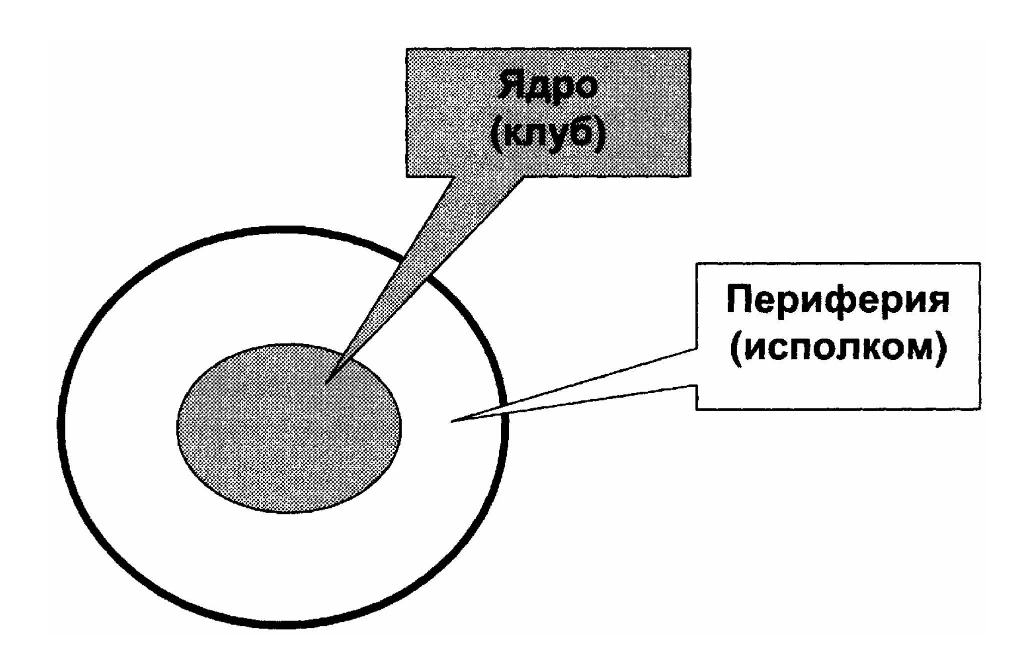

Рис. 27

Любая система — властная в том числе — состоит из ядра и периферии. Диверсификация (она же разделение властей) происходит на периферии. В ядре идет интеграция функций. Именно решение вопросов о соотношении идеального с реальностью и находится в ядре властной системы. В принципе этот властный уровень мы можем назвать «клубом», а периферию — «исполкомом» (то есть исполнительным комитетом).

В раннесоветскую эпоху ядро власти находилось, конечно, в ВКП(б), понимаемой не как исполком, а как Клуб. Власть осуществлялась постольку, поскольку шли дискуссии о социализме («в отдельно взятой стране», «в мировом масштабе»), о типе индустриализации («от группы А», «от группы Б»). Ядро власти — это дискуссионный клуб. Задача дискуссии — определить цели. А также постоянно следить за соотношением целей и реальности (времени, ситуации).

Всегда есть соблазн сказать, что дискуссия — от лукавого. «Цели определены. За работу, товарищи!» И действительно, утопить в дискуссиях можно любое содержание. Но, убив дискуссию, ты обрекаешь систему на смерть ее ядра. А значит, и на отсроченный распад системы как таковой. Она начнет сначала пухнуть, потом расползаться, потом разваливаться.

Место ЧК в этой коллизии, помимо анекдотов, определяется еще и некоей — выражающей суть дела — системой расхожих терминов советской эпохи. Например, ЧК и КГБ назывались «органы». Так ведь «органы» же! Органы, а не субъект. А еще было слово «аппарат»… Да, был не только репрессивный, а еще и партийный аппарат! Но именно он и превратил партию из Клуба в исполком, то есть из власти в орган. Что же касается ЧК или КГБ, то это был спецаппарат (условно репрессивный аппарат). То есть, аппарат в квадрате. То есть, совсем не власть.

На философском уровне мы с вами сейчас обсуждаем разницу между субъектом и его инструментами. А также ситуацию, когда инструмент решил, что он может стать субъектом. У ситуации есть все аналоги, включая метафизические, но пока мы обсуждаем ее на уровне общей теории управления. Или же, если хотите, прикладной философии власти.

В сущности, я не вижу особой разницы между ситуацией, когда инструмент под названием КГБ считает, что он может стать субъектом, и ситуацией, когда такую же задачу может поставить перед собой инструмент под названием ЦРУ, ФБР, РУМО.

Это называется «глобальной секьюритизацией» (не путать с той секьюритизацией, которая в экономике означает меры по предотвращению и сокращению разного рода финансовых рисков). Попытки такой спецслужбистской секьюритизации обязательно будут осуществляться. И тем более настойчиво, чем глубже окажется кризис идеального. Потому что по мере углубления такого кризиса субъект будет умирать, а инструменты, испуганные этой смертью (или воодушевленные ею), во все большей степени будут считать себя способными выполнить субъектные функции. В сущности, об этом я и писал книгу «Слабость силы». И сейчас возвращаюсь к данной теме, поскольку никоим образом не считаю ее исчерпанной.

Сила, лишенная идеального, действительно слаба. Но когда идеальное рушится, то у силы не может не возникнуть желание заменить собой идеальное. «А что еще предложите?» — спросит она.

И вправду, ведь в отсутствие идеального она, сила, становится наиболее несомненной скрепой бытия. Хотя бы по той причине, что других скреп просто нет.

Но, претендуя на несвойственную ему роль, переходя грань между субъектностью и инструментальностью, силовой инструмент не скрепляет рушащуюся реальность, а еще более расшатывает ее.

Н-да… Инструментальность… Все хорошо, когда мы имеем дело с техническими системами. И все коренным образом меняется тогда, когда мы переходим к системам социальным. То есть к системам, в которых инструменты — это люди и их сообщества. А раз это люди, то изъять у них амбицию и рефлексию невозможно. Равно как и волю, а также все остальное. Но раз это все есть, то конфликт между субъектом и инструментами всегда высоковероятен. Особенно же тогда, когда субъекты ослабевают и инструменты автономизируются.

Что такое государство?

Отвечать на этот вопрос, как и на другие сходные, можно исходя из двух политических философий. Философии выживания и философии жизни.

С точки зрения выживания, государство — это способ, с помощью которого популяция отстаивает свою территорию и размещенные на ней жизненно важные ресурсы. Но народ — не только популяция. То есть он и популяция тоже. Не будет популяции — не будет народа. Но, как только мы имеем дело с человеком как явлением, находящимся в сложных отношениях с природой (что такое культура, как не проблематизация абсолютной значимости природы?), мы не можем сводить жизнь к выживанию. Народ — субъект исторического творчества. Носитель какой-то целевой заданности (миссии ли или чего-то другого). В смысле жизни (а не выживания) государство — это средство, с помощью которого народ сохраняет и развивает свое историческое предназначение.

Как только исчезает рефлексия на это предназначение, как только рушится связь между народом и его предназначением, как только (и это главное) исчезает воздух самой Истории (а что такое «конец истории», как не исчезновение такого воздуха?), государство прекращает свое существование в качестве средства сохранения и развития исторического предназначения. Народ превращается в популяцию.

А дальше — куда ни кинь, все клин. Начинает ли народ защищать себя просто как популяцию… Если американскому народу для сохранения себя надо уничтожить человечество, имеет ли он право это сделать? Как народ — не имеет права. Потому что народ гибнет, если нет человечества. А как популяция — имеет право. Другое дело, что это все равно кончится популяционной катастрофой, ибо исчезнет многообразие, необходимое для существования расширяющейся популяции. Но в принципе чистый популяционизм не предполагает наличия тормозов у самой популяции. Тормозами должна обладать Ее Величество Эволюция. А популяция будет решать свои проблемы за счет всего остального.

Популяционизм уже показал себя в первой половине XX века. Не он ли выдвинул расовую теорию и многое другое? А почему выдвинул? Потому что начала стираться грань между популяцией и народом. И все это легко может возобновиться в другом виде, под другими масками. Потому что идеальное ослабевает, ослабевает культура. И ее место занимает природа. Причем не абы какая, а вторичная. Одно дело — какая-нибудь травка-муравка в лесу или на поляне, которую никогда не распахивали. Очень милая вещь. А другое дело — сорняк на заброшенном поле.

Вторичная зоологизация — не зоологизация, а нечто худшее. Атомное оружие никто не изымает. И многое другое тоже. Разум в том числе.

Итак, первый сценарий предполагает, что народ, превратившись в популяцию и выйдя из Истории, начнет свои мрачные шалости, сохраняясь как популяция.

Второй сценарий предполагает, что, рассыпавшись, как народ, общность рассыплется еще и как популяция.

В любом случае с уходом Истории, предназначения, идеального, стратегических целей, — кончается и все то остальное, что является специфически человеческим. В том числе и общности, которые можно называть человеческими. Например, народ… Нация… А что такое тогда государство? Оно может просто исчезнуть. А может смутировать как угодно. Ведь государство — это Форма. Не более, но и не менее. Народ же — Содержание. Форма, лишенная содержания, легко превращается в антагониста прежнего содержания. Инструмент, вознамерившийся стать субъектом, может оказаться чем угодно. В том числе и антисубъектом. И тут все зависит от массы условий. Если

бы от них не зависело и не выводило нас на вполне животрепещущие вопросы, связанные с судьбой и России, и человечества, — вряд ли стоило бы блуждать в подобного рода лабиринтах.

Я не хочу сказать, что у инструмента (поелику он представляет собой общность людей, тех же самых чекистов, например) КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ВЫХОДА В СУБЪЕКТНОСТЬ. Может быть такой выход, но он весьма и весьма нетривиален.

Теорию этой нетривиальности я изложил в ряде своих работ. И здесь мне не хочется перегружать книгу дополнительной проблематикой. В двух словах — речь идет о том, что инструмент должен выйти за рамки инструментальности. Иначе — за пределы своей инструментальной заданности. Любой такой выход — трансцендентация. Просто по определению. Трансцендентальное — это «выходящее за пределы». Выйдя за пределы своей инструментальной заданности, инструмент должен оказаться не в вакууме, а в некоем пространстве, позволяющем ему осуществлять самодостройку. То есть превращение самого себя из инструмента в субъект (рис. 28)

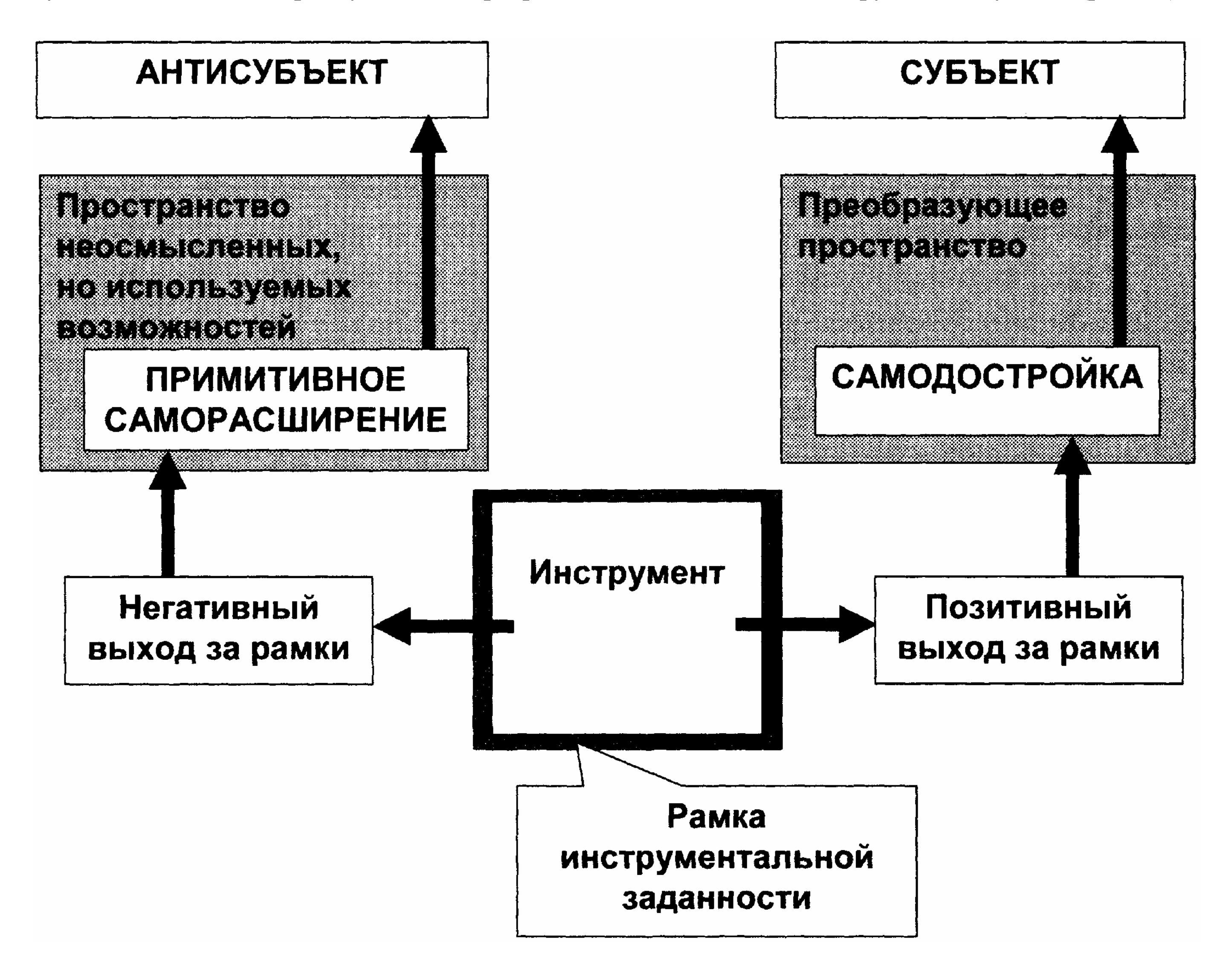

Рис. 28

Инструмент может выйти за рамки инструментальной заданности двумя способами. Разумеется, если этот инструмент — люди, существа, обладающие свободной волей. Поскольку, в отличие от госпожи Клинтон, мы это не проблематизируем, то принципиальная возможность такого, всегда чудовищно трудного, выхода существует.

Труднее всего осуществить единственно позитивный выход за рамки инструментальности — выход в преобразующее пространство. Там инструмент достраивает себя до субъекта и начинает осуществлять субъектные функции. Вероятность такого выхода — ничтожна. Усилие, необходимое для выхода, находится на грани человеческих возможностей. Но в принципе такой выход все равно возможен. Точнее, он не может быть полностью исключен. Полностью исключить его можно только в рамках очень скверной антропологической и метафизической концепции.

Чуть легче, но все равно страшно трудно, осуществить негативный выход за рамки инструментальных возможностей. Это выход в пространство неосмысленных, но активно

используемых возможностей. Иногда в это пространство инструмент выпихивает сама жизнь, в ходе которой все собственно властное, что могло использовать возможности осмысленным образом, оказывается вытесненным (так называемый «негативный отбор»).

Иногда инструмент рвется в это пространство, считая, что «не боги горшки обжигают». Но, оказавшись в этом пространстве, он распухает и наливается злой бессмысленной амбициозностью. Главное — распухает. Это не случайный термин, а отражение сути происходящего. Распухнув, инструмент становится антисубъектом того или другого типа.

Я мог бы более подробно описывать эти метаморфозы и даже собираюсь это сделать, но не в данном исследовании.

Здесь я просто пытаюсь понять чекизм с позиций общей теории управления, превращая его из коллективного персонажа в социальный феномен. А также — соединить общую теорию управления (она же прикладная философия власти) с более прикладными аспектами того же самого.

С позиций общей теории управления я интересующий меня вопрос обсудил. Но обсуждения общего недостаточно. Мы же не абстрактной философией занимаемся. Такое обсуждение необходимо, но оно должно быть дополнено более прикладным обсуждением под тем же углом зрения. Ради этого я по возможности кратко рассмотрю проблему соотношения демократии и диктатуры и место в этой проблеме все того же чекизма.

При этом я должен оговорить, что не являюсь абсолютным сторонником какой-либо из этих двух форм правления. Но считаю свободу высочайшей ценностью. Отдавая одновременно себе отчет в том, что в определенных условиях (война и не только) диктатура может решать те задачи, которые не может решить демократия. Задачи глубокой и последовательной социальной мобилизации.

Я не говорю, что диктатура БУДЕТ решать эти задачи. Она МОЖЕТ их решать. А может и не решать. Тут все зависит от типа диктатуры, ее связи с определенным по своему качеству идеальным, ее инфраструктурной и интеллектуальной вооруженности, волевого потенциала и пр. Но в принципе диктатура может иметь преимущества над демократией по отношению к решению определенного класса проблем. И тогда, когда вне решения этого класса проблем общество обречено, оно имеет право — с оглядкой! — задействовать такое горькое лекарство. Понимая, что грань между лекарством и ядом очень легко перейти, и что результат такого перехода будет летальным.

Есть диктатура развития. Но есть и диктатура смерти, диктатура агонии, диктатура разврата и разложения, диктатура колониального или оккупационного типа. Воспевать диктатуру ВООБЩЕ смешно и отвратительно.

Оговорив такое свое отношение к предмету, я хочу, далее, обсуждать его в максимальной степени безоценочно и «служебно». То есть постольку, поскольку это нужно для раскрытия управленческого содержания феномена «чекизм». Я сознательно буду многое загрублять. Ибо в противном случае только этому вопросу и надо посвящать все исследование. Но я надеюсь, что, загрубляя, смогу все-таки достаточно выпукло описать наиболее существенное.

Демократический политик «боится» электората и общественного мнения. Диктатор «не боится» электората и существенно меньше «боится» общественного мнения. В принципе диктатор вообще независим от выборов, даже если он их и проводит. Потому что точно знает, что все решает, так сказать, его административный ресурс. То есть что выборы при необходимости будут или командными по своей сути в силу зависимости народа от начальства, или сфальсифицированными. И никто не пикнет.

А если пикнет (выйдет на улицы и так далее)?

В принципе диктатора подобные формы народного волеизъявления тоже не беспокоят. А почему не беспокоят? И до каких пор не беспокоят? Это и есть главное.

Не беспокоят они до тех пор, пока у ЦК (субъекта политической диктатуры) есть ЧК (спецаппарат по подавлению подобных эксцессов), и, если этот аппарат работает, можно не слишком бояться разного рода уличных неприятностей. Один мой знакомый когда-то сказал по этому поводу: «Если люди собрались на площади, значит, органы уже недоработали. Эффективные органы возьмут людей, когда они выходят из своих квартир. И на площади будет ровно столько людей, сколько будет нужно органам. Нужно, чтобы никого не было — никого не будет».

Итак, эффективный диктатор (а это чаще всего диктатор коллективный, то есть ЦК) может не бояться ни общественного мнения, выявляемого через выборы, ни других форм выявления общественного мнения. Говоря современным языком, майданных форм этого выявления.

Значит ли это, что диктатор ничего не боится? Отнюдь! Диктатор (ЦК), прежде всего, боится собственных репрессивных органов (ЧК). Все перевороты происходят либо тогда, когда репрессивные органы уже неэффективны (разложены коррупцией, кем-то перекуплены и т. д.), либо тогда, когда… Словом, когда сами же репрессивные органы и осуществляют переворот в собственных интересах или в интересах внешнего заказчика.

Если диктатор боится именно этого, то что он делает, чтобы этого не допустить? (Он ведь диктатор, а не неврастеничная барышня.) Диктатор заводит себе специальный орган контроля за спецслужбами, обладающий собственными оперативными и иными возможностями. Этот орган подчинен уже только диктатору (в случае коллективного диктатора он подчинен партии и является ее «святая святых»).

В СССР таким органом была партийная разведка (точнее, совокупный партийный спецслужбистский аппарат — до сих пор достаточно закрытая тема). При Ельцине аналогичную роль выполняла Служба безопасности Коржакова.

Если этот сверхорган работает эффективно, диктатор может не бояться обычных репрессивных органов (нормативных спецслужб). Но тогда он начинает бояться этого сверхоргана. У Ельцина, как мы понимаем, были серьезные основания для подобных страхов. Да и в Советском Союзе партия очень даже побаивалась собственной «партийной инквизиции» (которую ни в коем случае нельзя путать с ЧК). С этим страхом что делать?

Диктатор не только усложняет пирамиду «органов». Как ни усложняй, страх будет перемещаться на высший уровень этой пирамиды. Диктатор делает нечто, аналогичное тому, что делает султан, назначая евнуха в гарем. Он обзаводится некими гарантиями того, что евнух не воспользуется соблазнами, проистекающими из специфики занимаемой должности. Кстати, султан не всегда использует для этого хирургические методы. Иногда он так доверяет, что обходится без них. Но чаще все же призывает на помощь хирурга.

В случае гарема все понятно. А что происходит в интересующем нас случае «чика» и «цыка»? Как обуздать «чик» настолько, чтобы он не захотел стать «цыком»? В общем, тоже известно, как это делается.

Во-первых, кадры отбираются соответствующим способом. Кадры «чика» должны быть лишены ментальных, эмоциональных и волевых претензий на «цык». Ведь и султан не зовет хирурга прямо перед назначением евнуха. Он подбирает дядю, уже имеющего соответствующую антропофизиологическую специфику. Если он сам эту специфику создаст — дядя будет в претензиях, и это опасно.

Значит, кадровая служба, назначаемая ЦК, должна отбирать работников для ЧК таким образом, чтобы ЦК был гарантирован от наличия в мозгу чекиста неких «собственно цэкистских» интенций.

Во-вторых, ЦК должен специально следить за тем, чтобы внутри пирамиды ЧК не появлялось никаких «странных сгустков», в рамках которых возникнет почва для произрастания «цэкизма». В этом смысле для ЦК особо опасно занятие чекистов разного рода интеллектуалистикой с политической окраской. Даже — политической аналитикой, а уж тем более политическим планированием, идеологией, стратегией. Все это должно быть абсолютной прерогативой именно субъекта политической власти. У него должна быть абсолютная монополия на это начало, на субъектность, на осуществление высших управленческих функций, и на мышление, способное породить такие функции.

В результате должен возникнуть пресловутый феномен «Центр — Юстасу». Юстас ничего не должен хотеть и мочь без Центра. Он должен без него лежать обесточенным, и, только когда Центр «даст ток», Юстас должен начать невероятно энергично и эффективно дергаться.

Высший политический класс (в советском случае ЦК) должен был сотворить свою репрессивную инструментальность именно как инструментальность. То есть как миллион этих самых «юстасов», оживающих и начинающих ревностно «чикать» только по его, Центра, «цыкающему» сигналу.

ЦК должен был предпринимать все возможное для того, чтобы добиться непреодолимой дистанции между ЦК и ЧК, между способностью аж «цыкать» (обладать высшей политической самостью, то есть субъектностью) — и способностью всего лишь «чикать» (инструментально функционировать, блестяще решая ограниченные задачи сугубо спецслужбистского свойства).

Исторический опыт показывает, что никогда ЦК не удавалось построить такое абсолютное разграничение между собою и ЧК. Примеры Берии и Андропова здесь достаточно показательны. Потому что и Берия, и Андропов не только примеривались к функциям высшего политического руководства (Андропов эти функции даже получил на излете), но и замышляли нечто наподобие революции или контрреволюции.

Андропову недостаточно было стать генеральным секретарем и полностью зависеть от не им сформированного ЦК. Он хотел сформировать альтернативный модернизированный ЦК внутри своей ЧК. И не возглавить власть, а трансформировать ее весьма существенным образом.

Берия, возможно, шел еще дальше, мечтая о смене всего формата власти, о демонтаже коммунистической идеологии и о многом другом в этом духе.

Когда я спросил одного исследователя, занимающегося историей спецслужб, исчерпывается ли список чекистов, мечтавших заменить «чик» на «цык», Берией и Андроповым, он сказал мне: «Да нет, Вы, наверное, забыли еще одну фигуру…» Я спросил: «Кого?» Исследователь ответил: «Представьте себе, Феликса Эдмундовича Дзержинского».

Здесь крайне существенно, что успех претензий коллективного «чика» на «цык» полностью зависит от того, сумеет ли данный «чик» преодолеть свое отчуждение от специальных форм интеллектуализма. Зависит от того, как именно этот «народ» соединится с «интеллигенцией», обладающей знаниями по поводу «интеллектуальной алхимии», преобразующей «чик» в «цык», а ЧК в ЦК.

Учили ли чему-то Лаврентия Павловича окружавшие его академики — это открытый вопрос. А вот то, что Феликс Эдмундович очень цепко и осмысленно присматривался ко всему подобному — от Барченко и Бокия до разных восточных религиозно-философских школ, содержащих в себе знания о «цыке», — это, как мне кажется, вполне очевидно.

Но нас здесь, конечно, больше всего интересует современность. А также вплотную прилегающая к ней история. Эта история детерминируется андроповским началом. И андроповским желанием соединить вверенный ему «чик» с чем-то, что пахнет «цыком». Это опасное желание могло хоть отчасти осуществляться только в силу того, что «высшая политическая инстанция», обладавшая прерогативой «цыка», уже не слишком хотела «цыкать» и не держалась за свою прерогативу. Но даже в этом случае блокирующие механизмы работали «сами собой». И «цык» защищал себя от «чиковских» притязаний.

Переломным моментом, когда эти иммунные барьеры (кадровые, организационные и сущностные) были сломаны, следует считать все то, что привело к созданию в Советском Союзе идеологической контрразведки (Пятого управления КГБ СССР).

Если кому-нибудь покажется, что я испытываю какие-то избирательно негативные чувства именно к этому управлению, то этот «кто-то» абсолютно не понимает ни природы той мотивации, которая движет мною как исследователем, ни природы моего отношения к чему бы то ни было. Я считаю, что конкретные люди по определению не могут быть чужды концепции блага. Я не Хиллари Клинтон! Я убежден, что люди, работавшие в данном управлении, ничуть не меньше других были способны соотносить себя с концепцией блага, а не с концепцией зла. А если кто-то и соотносил себя с концепцией зла, то этот «кто-то» делал это не по принадлежности к какому-то управлению, а как тяготеющий к злу индивидуум.

Кроме того, Пятое управление неизбежно резко больше других варилось в котле идеологии. А потому его работники теоретически могли с большим успехом осуществлять этот самый позитивный выход за рамки инструментальной заданности. Нельзя долго работать в сфере идеологии и совсем не соотносить себя с идеальным, которое-то как раз и определяет возможности позитивного выхода. Другое дело, что соотносить себя можно по-разному. Но тут опять все определяется личным выбором, а не цеховой принадлежностью.

Не о людях я говорю. Не о корпоративных структурах. Я говорю о функциональных издержках, порожденных вовсе не Пятым управлением (его создателями, работниками etc.), а умирающей партийной системой, которая готова была отчуждать от себя неотчуждаемое с катастрофическими последствиями и для власти, и для страны. Последствиями, не зависящими от любой конкретной воли, и уж тем более от воли инструментальных систем и звеньев.

Идеология по определению должна была быть высшей прерогативой нашего авторитарного «цыка». Такой «цык» должен был защищать не только свое абсолютное право «цыкать», то есть исторгать из себя идеологический позитив, но и право контролировать все, что было связано с

анализом чужих «цыканий», являющихся подкопом под его «цык». Исполнять функцию идеологической инквизиции.

И не надо окрашивать слово «инквизиция» лишь негативно. В Ватикане инквизиция, пусть и под другим названием, существует до сих пор. И ее глава стал главой Римской католической церкви. Интересно, как госпожа Клинтон решает для себя проблему с наличием или отсутствием души у профессионалов данного рода?

Инквизиция — не ругательство и не отрыжка средневековья. На системно-управленческом уровне это синоним защиты идеократическим субъектом своего «цыка», то есть своей высшей политической, смысловой самости.

То, что эту самость и право на инквизицию «цык» (ЦК) отдал своим обычным репрессивным органам (Пятому управлению КГБ), означало, что ЦК уже тотально политически невменяем. Что он не только не умеет осуществлять власть, но и не понимает, как за нее разумно цепляться. И что значит «цепляться». И что происходит, когда цепляться перестаешь. И с чего начинается это «перестаешь».

А оно начинается именно с того, что ЦК отчуждает от себя собственную функцию инквизиции. Перекладывать ответственность за такое отчуждение на Пятое управление или КГБ в целом просто смешно. Порфирий Петрович по этому поводу выразился очень точно, сказав герою: «Вы и убили-с». Мы можем то же самое сказать ЦК как политическому субъекту.

Создание Пятого управления в рассматриваемой мною логике не могло не быть прологом к какому-то политическому перевороту. Ну, вроде бы, и что в этом плохого? Если правящий политический субъект дошел до ручки и отчуждает от себя свои функции, почему не заменить его на другой, более эффективный?

Может быть, все бы было и не столь катастрофично — кто знает. Но переворот Андропова был абортирован. А перестройка стала гибридом этого недоделанного переворота и чего-то другого. Очень важно понять, чего именно.

Во имя этого понимания я отвергаю любые демонизации. Я готов предположить, что даже развал СССР кто-то мог рассматривать как реализацию российского блага. Я не утверждаю это. И считаю подобный подход (если он имел место) абсолютно губительным. Но я хочу отделять свои точечные и всегда проблематичные оценки от огульных утверждений по поводу чьих-то замыслов по окончательному погублению России. И я делаю это не в первый раз.

Еще до развала СССР выявилась группа, которая относилась к перспективе этого развала в каком-то смысле сдержанно-позитивно. Группа считала, что развал позволит осуществить очередную фазу модернизации России, а потом к этой модернизации приложится все остальное. Но уже на других, более эффективных (не имперских, а, так сказать, национальных) идеологических основаниях.

Какие-то шансы на подобное развитие событий существовали. А поскольку это развитие событий содержало в себе определенные позитивы, то объявлять авторов этой (много раз подчеркивал — не моей!) политической логики носителями деструкции было и безнравственно, и контрпродуктивно. О чем я сразу же и заявил. Шел 1994 год.

Прошло 14 лет. И за эти 14 лет я не раз спрашивал элитный совокупный «чик», вознамерившийся «цыкать»: «Где же модернизация?» Потому что модернизация как раз и требует достройки «чика» до «цыка», инструмента до субъекта, способного к субъектно-проектной деятельности. «Ну, так где же все это?» — спрашивал я с удивлявшей многих настойчивостью.

Невнятные ответы адресовали к помехам со стороны «преступного ельцинизма». В этом было определенное лукавство. Но отделить это лукавство от невероятно сложных предлагаемых обстоятельств не представлялось возможным. И создавалась некая ситуация «вязкой паузы».

Приход к власти президента Владимира Путина прервал данную паузу. В стране возник своего рода momento de la verdad.

С этого момента «чик» получил возможность стать полноценным «цыком». Он стал заполнять собой те пустоты, которые ранее были заполнены «цыком», а потом остались просто дырками, на которые никто не обращал внимания. Но, заполняя эти пустоты, «чик» не превращался в «цык».

То есть по форме он превращался. И это превращение было очевидным для всего народа, заговорившего о чекистах и их новой власти как о данности и надежде. Именно эту данность и эту надежду олицетворяет высочайший рейтинг и все, что к нему, так сказать, приторачивается. Но по

содержанию этого не происходило. Выход «чика» за некие границы носил характер саморасползания, а не самодостраивания.

С момента прихода к власти В.Путина я неоднократно говорил, что вера народа в то, что «чик» станет «цыком», — это не бесплатное удовольствие. Что либо-либо. Либо «чикающие» и впрямь выйдут за рамки инструментальности и сумеют дорасти до субъекта (то есть до «цыка»). Либо и их, и страну ждут очень мрачные перспективы, вытекающие из другого, глубоко негативного, выхода за рамки той же инструментальности.

Сейчас я предлагаю рассмотреть, так сказать, генезис и алгоритм такого негативного выхода. Рассмотреть на том же языке теории управления. Пока — на этом языке. Одного языка для достаточного описания быть не может. Но каждый язык надо задействовать до конца.

Когда системы (в том числе и та, которую не мог удержать гниющий ЦК) разваливаются, то они никогда не разваливаются до конца. Они — абсолютно корректная терминология теории систем — падают на свой ближайший аттрактор, то есть на свою наиболее мощную инструментальную часть. Такой наиболее мощной инструментальной частью системы, развалившейся по вине «цыкающего» субъекта, был «чикающий» инструмент. На него-то и свалилась лавина распада СССР, краха коммунистической системы, разного рода послераспадных шоков и прочего. Исторически это произошло почти одномоментно. Но с точки зрения иного — не исторического, а обычного — времени это лавинное перетекание возможностей от «цыка» к «чику» длилось достаточно долго для того, чтобы сам «чик» претерпел определенные метаморфозы. Иначе он и не мог бы воспользоваться подобным перетеканием.

В чем же были эти метаморфозы?

Чекистский конгломерат, состоявший из весьма разнородных элементов (обычных бюрократов, людей служения, золотой молодежи, потенциальных бандитов), развалился на части. «Золотая молодежь» ушла в банки и за границу. «Бюрократы» — кто куда… В охранные структуры банков, например. Кто-то из «людей служения» остался в Системе, сжал зубы и работает. А кто-то из таких людей ушел в маргинальность или в запой. Но ведь конгломерат не просто распался. Он распался под воздействием новых веяний, нового социального мейнстрима, а значит…

А значит, потенциальная криминальность части наших спецслужб не могла не превратиться в актуальную. Люди делятся на тех, кто трансформируется под воздействием социального мейнстрима (то есть уступает соблазну эпохи), и тех, кто не трансформируется (не уступает соблазну). У каждой эпохи свои соблазны. Если социальный мейнстрим регрессивно-криминален, то и соблазн соответствующий. И всегда больше тех, кто ему уступит. Остальные в меньшинстве.

Но мало уступить соблазну «в сердце своем»… Надо еще суметь то же самое сделать в реальности. Если человек сеял хлеб, то он, конечно, может, уступив криминальному соблазну «в сердце своем», загнать налево солярку или даже трактор. Но на большее у него навыков не хватает. Их надо заново приобретать. А у кого-то навыки есть.

Солдата отличает от убийцы не профессионализм (профессионализм примерно совпадает), а идея служения. Был нормальный (не регрессивный, не криминальный) социальный мейнстрим. И люди плыли по этому течению. Жили нормальной жизнью. Теперь течение стало другим. Те, кто плывут по течению, приноравливаются. Навыки есть. Нормы отменены. И тогда солдат становится бандитом автоматически. Я не даю буквальных юридических оценок. Я говорю о социальном качестве. Отчасти — метафорически. Но лишь отчасти.

Эффективность новых чекистских слагаемых и их способность бороться за власть против так называемых олигархов были куплены ценой определенной селекции, граничащей с социальной мутацией. Эта селекция еще больше отдалила «чик» от «цыка» (любого «цыка» вообще, самой возможности «цыка»). Потому что успешными оказались в основном те, кто отказался от идеала, а значит, и от «цыкоподобного» стратегического целеполагания. А как иначе?

В постселекционный период чекизм стал реальностью. Претерпевший метаморфозы чекистский протокласс (корпорация, социальная группа) получил власть. Но решил пользоваться ею не по принципу самодостройки до «цыка», а по принципу самораспухания, то есть экстраполяции «чика».

Но почему я имею право говорить о самораспухании? Где критерии, по которым можно оценить, куда именно движется некая «социальная сущность», движется ли она куда-то вообще и, главное, есть ли чему двигаться?

Может быть, это и надо обсудить прежде всего? Но как обсудить? Сформулировать критерии, по которым сущность, она же общность, наличествует или отсутствует? Так она всегда в каком-то смысле наличествует, а в каком-то отсутствует. Нельзя обойти эту самую проблему смысла даже на этапе конституирования предмета. Академической науке очень хочется без этого обойтись. Карл Поппер — тот этому посвятил всего себя. И не он один. Наверное, если предмет — это бабочки, то обсуждение смысла предмета сродни словоблудию. Но предмет предмету рознь. Попробуйте-ка в нашем случае обойтись без этого самого смысла.

Скажи мне, чего ты хочешь, и я скажу тебе, есть ли ты.

Задавая себе вопрос, существует ли чекизм, понимаем ли мы сами содержание этого вопроса? Напишем его и обведем в рамочку.

Итак, что значит спросить феномен: «Существуешь ли ты?»

Ты посылаешь ему этот мяч. Спрашиваешь — а он, возвращая мяч, отвечает: «В каком смысле?»

Потому что в каком-то смысле (и отвечающем этому смыслу качестве) он всегда существует.

Предположим, что чекизм существует в качестве чего-то, аналогичного обществу рыболовов. Или какому-нибудь профессиональному комьюнити. Вот существует, например, клуб военных переводчиков. Учились люди вместе. Интересуются определенной профессией. Интересны друг другу. Хотят помогать друг другу. Создают клуб.

Кстати, пример клуба военных переводчиков не только подтверждает, но и дополняет мое рассуждение. Потому что не хочет этот клуб быть только клубом, в котором собираются люди, объединенные по профессиональному признаку или по признаку знакомства друг с другом со времени обучения в одном вузе. У нас клуб военных переводчиков хочет быть не клубом переводчиков, а центром интеллектуальной жизни, интеллектуальной борьбы и всего прочего. То есть он сразу выходит за свои обычные имманентные пределы. И это свойство структур, порождаемых нашим обществом. Они всегда не будут узко нацелены. И никогда не захотят находиться в узких рамках так называемого гражданского общества.

Может быть, это и плохо. Но это так. А точнее, это и не плохо, и не хорошо. Это специфично. И отражает одновременно как специфичность нашей культуры (у любой культуры есть специфичность, но русская специфичность — это чуть-чуть другое), так и специфичность нашей ситуации.

Итак, чекизм — это не клуб ветеранов «Альфы» или бывших работников госбезопасности. Но и не клуб действующих работников госбезопасности (например, бывших выпускников такого-то вуза). Многие коды идентификации так называемого чекистского сообщества (если оно есть) будут строиться на профессиональной специфике и общих знакомствах по роду деятельности и факту совместного обучения. Многие, но не все.

Соответственно, мы можем говорить о существовании чекизма в узком и широком смысле слова (рис. 29).

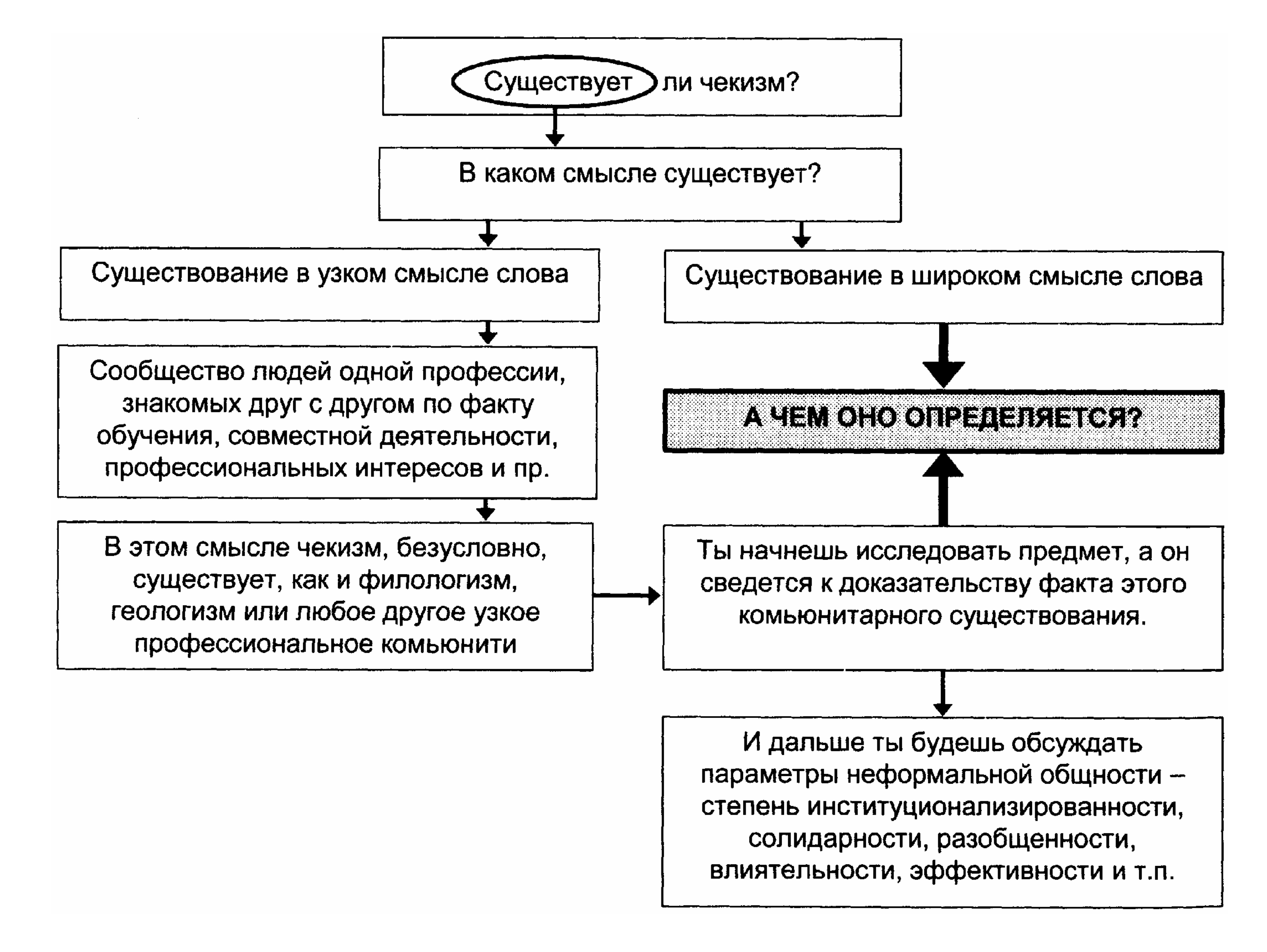

Рис. 29

Существование чекизма в узком смысле слова не вызывает сомнений. Но и интереса у нас тоже не вызывает. Нас интересует существование чекизма в широком смысле этого слова. А оно-то не может быть ни доказано, ни обсуждено вне сопряжения существования как такового со смыслом и ситуацией.

Тот, кто начнет рассматривать чекизм в узком смысле слова, уподобится Паганелю, охотящемуся за бабочками. Он охотится себе и охотится. А к нему, видите ли, пристают и спрашивают: «А в чем смысл бабочек?» В ответ Паганель начнет перечислять морфологические особенности бабочек. А если вы его прервете и скажете: «Да меня смысл интересует, а не морфология!» — он просто обидится и прекратит разговор. А вас сочтет придурком. Неохота вам ловить бабочек, классифицировать крылышки. Вот вы и апеллируете к какому-то смыслу.

Теперь представьте себе, что ваш собеседник не Паганель, а специалист по каким-нибудь экзотическим культам, в которых бабочка является системообразующим символом. Он-то ведь не может развивать исследование без обсуждения смысла бабочки. Но ему не нужна или почти не нужна морфология этих самых бабочек.

А нам-то с вами что нужно?

Если мы разбираем чекизм в качестве одной из разновидностей профессиональных сообществ и интересуемся, как именно люди этой профессии выстраивают внутригрупповые коммуникации, как влияют на их солидарность факты совместного обучения, совместной деятельности, профессиональных интересов и пр., то это одна профессия. И в ней есть свое соотношение между предметом и методом. Мне-то такой предмет абсолютно неинтересен. Но я понимаю, что он возможен. И даже представляю, какими методами «это» можно исследовать.

Есть «чекизм». А есть, к примеру, «геологизм».

Я вот по первой специальности геофизик. Учился в геологоразведочном институте. Моя профессия предполагала, что хотя бы в полевой период существуют очень прочные связи между людьми, оказавшимися в непроходимой тайге в одной палатке. Что эти связи потом сохраняются, иногда на всю жизнь. Что люди доверяют друг другу, потому что проверили себя в экстремальных

условиях. Что, оказавшись тесно связанными, они вместе проводят праздники. Интересуются делами друг друга, помогают друг другу в сложных ситуациях. Следует ли из этого, что если бы президентом РФ стал не бывший работник КГБ, а бывший геолог с серьезным стажем полевых работ, то вся страна и весь мир обсуждали бы «геологизм», а не чекизм? Вряд ли, не так ли?

А еще можно обсуждать филологизм. А уж какое-нибудь актерское или писательское сообщество тем более. Даже творческие союзы есть. И можно так задать смысл существования предмета, что предмет надлежащим образом скукожится. И мы будем обсуждать параметры неформальной общности — степень институциализации, солидарности, разобщенности, влиятельности, эффективности и т. п.

Но ведь не об этом речь? Речь о существовании совсем в другом смысле. В каком же? Это главное. В смысле претензий на власть. А в чем смысл претензий? Не в том же, что мой коллега по специальности, да еще и по совместной учебе и совместной работе в одной экспедиции, проявив те или иные способности, стал президентом России. А мы с этим коллегой тесно дружили и помогали друг другу. А ему нужны надежные люди. А он меня считает таковым. А я еще и театральный вуз кончил. А ему нужен министр культуры. Ну, я и стал министром культуры. Бывают такие вещи? Да сколько угодно!

Ельцин с собой приводил людей из Свердловска. А поскольку он строительством занимался, то и строителей приводил. Знал я одного такого строителя… На редкость был порядочный человек. И политически очень грамотный. Жаль, умер рано.

Ну, так что? Будем рассматривать чекизм как «геологизм» или «строителизм»? Или же на этом наглядном примере убедимся, что эти «ответвления» во властном смысле совсем не равнозначны? И поймем, почему так важен смысл для выбора нужного ответвления.

Давайте сначала хотя бы зафиксируем, что чекизм — это одно, а «строителизм» или «геологизм» — это совсем другое. И что различие носит стратегический характер.

Мы вроде бы еще ничего не сказали по существу. Но это не значит, что мы топчемся на одном месте. Мы очень продвинулись! Потому что очень многие (в том числе вполне серьезные люди) рассматривают чекизм именно как «геологизм» или «строителизм». То есть как рок профессионального генезиса некоего лидера (Путина), как частное обстоятельство, как микролобби и так далее. Но ведь ясно же, что это не так.

Если бы генерал Лебедь стал президентом, то такие люди обсуждали бы десантников, с которыми Лебедь был связан по роду деятельности. Или его же связи в Афганистане. Или связи по Приднестровью. Но это называлось бы «окружение президента». Это не называлось бы «десантизм».

Значит, мы говорим о чем-то другом! О предрасположенности некоей профессиональной общности к определенной метаморфозе, в рамках которой эта общность может стать политическим субъектом (классом, кастой, корпорацией), или же может существенно повлиять на формирование политического субъекта, став его ядром, системообразующей частью. Что такая метаморфоза должна иметь свою логику. И что в этом смысле вопрос не в Путине. Не в случайности его генезиса. И еще неизвестно, где тут курица, а где яйцо. Пришел ли Путин к власти потому, что назрела эта метаморфоза? Или же Путин, придя к власти, инициировал эту метаморфозу? А может быть, соединилось одно и другое?

Итак, мы говорим о чекизме не в смысле сообщества людей одной профессии и не в смысле клана, определенного биографией конкретного президента. Мы говорим о чекизме как о метаморфозе (заметьте, не говорю — мутации) некоего профессионального сообщества. Метаморфоза может быть как позитивной, так и негативной. Она предопределена советским периодом развития и усилена типом постсоветских реформ.

В КАКОМ СМЫСЛЕ мы говорим о чекизме?

В ТОМ И ТОЛЬКО ТОМ СМЫСЛЕ, в котором он или уже сформировался в качестве политического класса, или формируется в подобном качестве. Но он формируется таким образом не где-то, а конкретно в России.

Есть еще и какие-то глобальные обстоятельства, способствующие такой метаморфозе. Но в любом случае, для нас решающее значение имеет не только смысл, но и ситуация. То есть время и место. А также то, что из них вытекает. Все это: время, место и вытекающие из них обстоятельства — и есть ситуация (рис. 30).

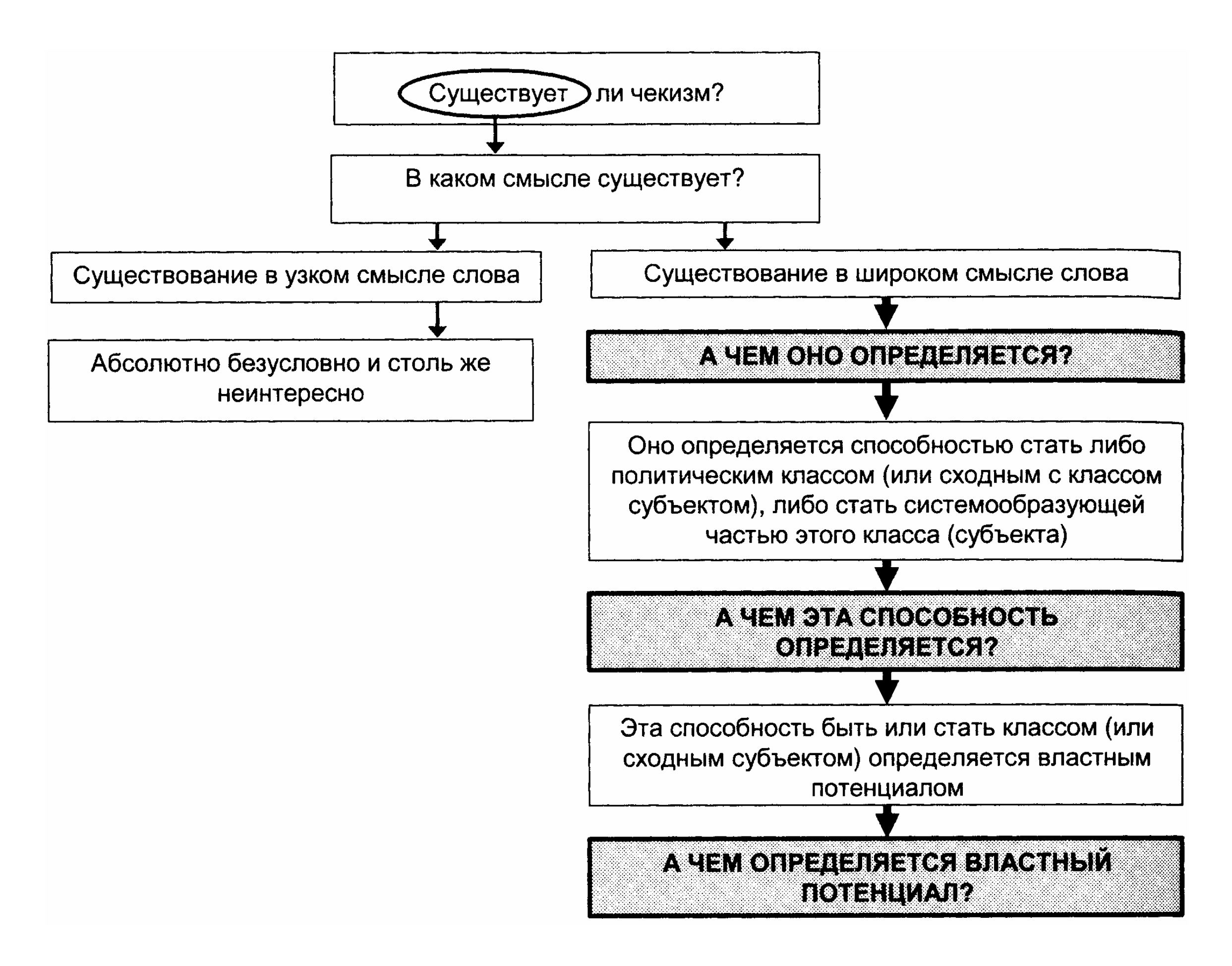

Рис. 30

Вот мы и перекидываемся своим мячом с этим самым феноменом под названием «чекизм». Мы дошли до определения властного потенциала. Это вопрос непростой. Чем он определяется? Многим. Мощностью, сплоченностью, настойчивостью, жестокостью, решительностью, умом… Перечисление можно продолжить.

Но в этом перечислении (и сопровождающем его раскрытии, которое может стать предметом отдельного исследования) нам никак не обойти проблему этого самого «цыка».

Это ВСЕГДА важно. В каком-то смысле властный потенциал ВСЕГДА определяется этой самой трансформационностью. То есть способностью преобразоваться из «чика» в «цык». В конечном счете, в этом нет ничего беспрецедентного. Каким-то образом этот вопрос решали все военные диктатуры — от преторианства до эпохи Наполеона или того же Франко. А также пресловутого Пиночета. Превращаются военные в политиков. А спецслужбисты имеют ничуть не меньшие возможности для подобного превращения, нежели их, как правило, гораздо менее гибко построенные «армейские» собратья.

Другое дело, что когда-то такая задача решается позитивно. И тогда мы имеем Наполеона. А когда-то негативно. И мы имеем загнивание Рима в объятиях преторианства и его ставленников.

Но ВСЕГДА СУЩЕСТВЕННЫЙ потенциал «цыковости» внутри «чика» становится ОСОБО ВАЖНЫМ в нынешней российской исключительной ситуации. Тут смысл и ситуация теснейшим образом переплетаются.

Однако, переплетаясь, они остаются единым как бы внепредметным содержанием, решающим образом влияющим на предмет (рис. 31).

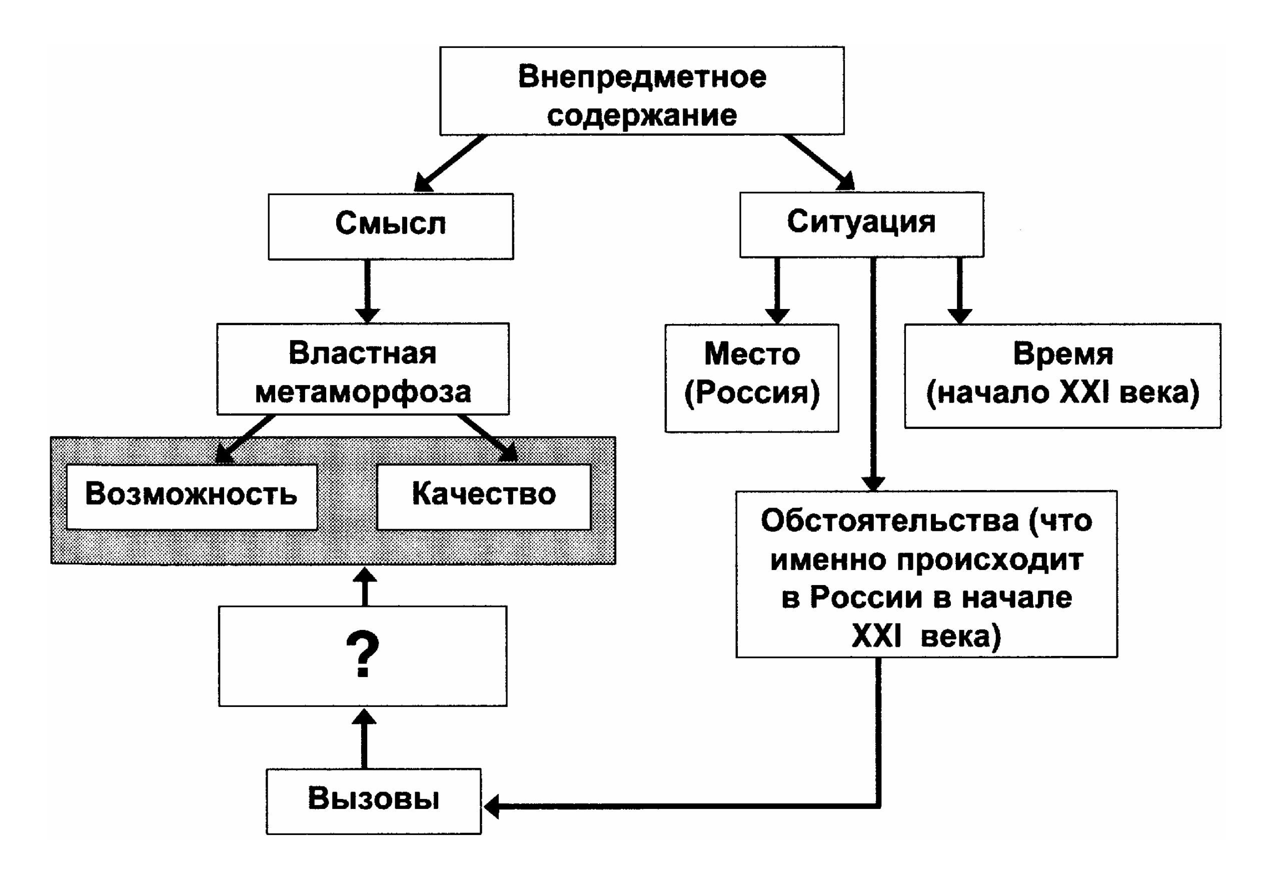

Рис. 31

Итак, у нас есть внепредметное содержание. Оно состоит из смысла и ситуации. Через смысл мы, наконец, конкретизировали предметность. То есть определили, что чекизм интересует нас как состоявшаяся или возможная властная метаморфоза, позволяющая профессиональному сообществу выйти за свои рамки и превратиться в нечто «властнозначимое» (то есть собственно политическое). Что эта метаморфоза может иметь разное качество. Что она происходит не где-то (хотя и во всем мире тоже), а именно в России, и именно в начале XXI века. Что нам надо выявить содержание происходящего в России в интересующий нас исторический момент — то есть описать ситуацию. Что описать ситуацию можно только структурировав ее. Что структурой, описывающей ситуацию, может быть только система вызовов как объективное политическое содержание того, что происходит в России. И что эти вызовы определят возможность и качество интересующей нас метаморфозы.

Ну, так и займемся вызовами. Каковы они? (рис. 32).

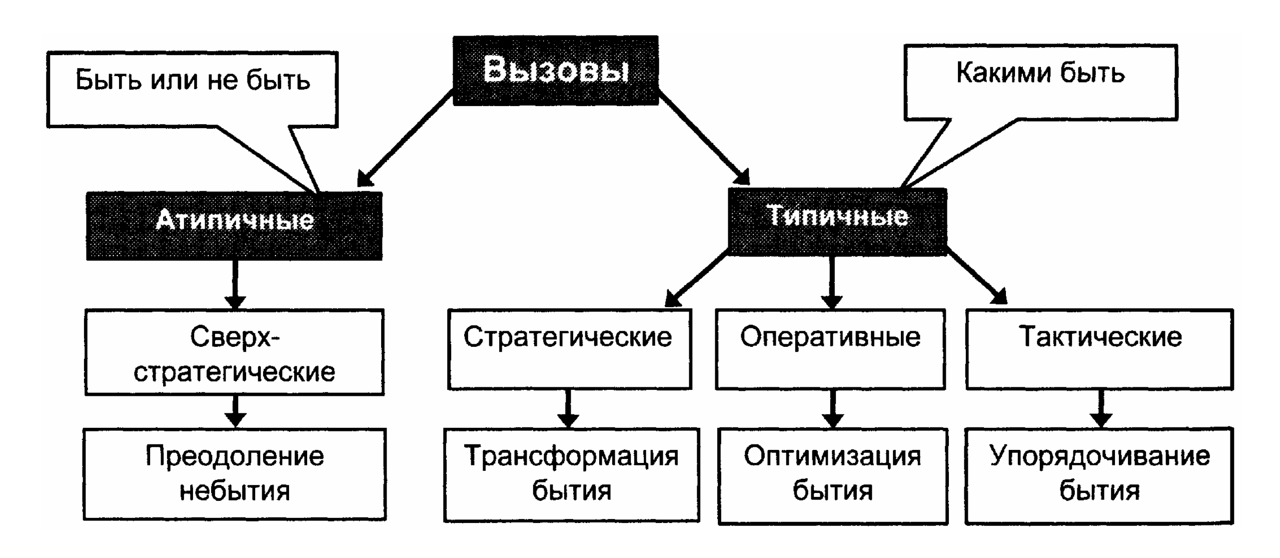

Рис. 32

Итак, вызовы могут быть атипичными и типичными.

Типичными являются вызовы, в рамках которых политический субъект должен отвечать на вопрос, какой должна быть его страна.

Типичные вызовы делятся на стратегические (в рамках которых субъект должен трансформировать бытие своей страны, менять ее целевой вектор); оперативные (в рамках которых субъект должен сосредоточиться на оптимизациях) и тактические (в рамках которых субъект должен добиваться элементарной управляемости, то есть упорядочивать бытие).

Атипичные вызовы связаны с пребыванием страны в ситуации между бытием и небытием. Они являются тем самым даже не стратегическими, а сверхстратегическими и должны предотвратить уход в это самое небытие.

Россия находится в ситуации атипичных вызовов. Это надо признать. И с этим надо работать.

Вместо этого говорится то, что очень приятно слушать, но что совершенно не соответствует реальности. Говорится о постреволюционном развитии. О каком-то переходном периоде (неизвестно, от чего к чему переходят и как может это длиться столь долго). А то и о национальном возрождении.

Но главное, что всем приятно слышать и что глубочайшим образом заводит в тупик, — это НАВЕДЕНИЕ ПОРЯДКА.

Нарушение порядка — свойство самых разных вызовов. Все они нарушают порядок в большей или меньшей степени. И люди чувствуют дискомфорт, конечно, от отсутствия порядка. И требуют его восстановления.

Однако СОБСТВЕННО задача наведения порядка может доминировать только в условиях типичных тактических вызовов. Даже в рамках типичных оперативных вызовов надо не наводить порядок, а заниматься довольно сложной оптимизацией. В рамках типичных стратегических вызовов надо менять целевой вектор (что абсолютно нетождественно ни наведению порядка, ни оптимизации, а во многом и противоречит оным). А уж в рамках атипичных вызовов говорить о наведении порядка просто крайне странно.

Но говорится только об этом. Почему? Потому что даже типичные оперативные вызовы уже требуют трансформации «чика» в «цык». Типичные стратегические вызовы требуют того же в еще большей степени. А атипичные вызовы — прерогатива «цыка», доведенного до стопроцентной концентрации.

Ленин после распада Российской империи, конечно, многим занимался. В том числе и наведением порядка (этим всегда все занимаются). Но вряд ли он был зациклен на этом или хотя бы считал подобное высшим приоритетом. Он в разгар эсеровского мятежа посылал военно-строительные отряды строить электростанцию. Он этот самый порядок если и наводил, то через утопию, а не напрямую. Он обещал новую жизнь, поскольку старую возненавидели и решили умереть. А он сказал: «Правильно, старая так ужасна, что ваше желание умереть мне понятно. Но я-то обещаю новую! НЕСЛЫХАННО НОВУЮ!»

Почему же восемь лет толчется вода в ступе наведения порядка? Потому что «чик» не хочет становиться «цыком». Он не трансформируется, а распухает. А будучи «чиком», он может делать только то, что ему положено. Его и держали в качестве «чика» на голодном пайке этого самого наведения порядка. Над ним и насмехаются: «Этот недоделанный субъект будет бесконечно наводить порядок вплоть до полной смерти страны».

Больше всего его враги боятся, что он станет «цыком». И понятно, почему. Потому что его «чикающее» состояние несовместимо с жизнью страны. И те, кто хочет смерти страны, хотят продлить это состояние любой ценой. Соответственно, у страны есть не только враги, которые просто хотят избавить бедняжку от любого бытия. Есть и враги, которые хотят длить «чикающее» нетрансформационное распухающее бытие и через это обеспечить удобную для них и гарантированную агонию («ликвидком»).

Сказав об атипичности вызовов, я просто обязан их перечислить. А заодно еще раз оговорить то, что я уже оговаривал в своем развернутом предисловии. Да и по тексту я это уже оговаривал несколько раз. И все же…

Либо-либо! Либо чекизм есть, либо его нет.

Если он есть — то он это самое движущееся социальное тело. С оболочками, ядром и всем прочим. В качестве такового он отвечает за происходящее в стране не административно и даже не профессионально, а социально и политически. То есть как класс, как макросоциальная группа.

Если же его нет, то на нет и суда нет. Есть профессионалы, и отвечать они могут только за то, что касается их профессии. Правда, их профессия касается безопасности государства. А вызовы, которые я описываю ниже, угрожают государству. И тем не менее…

Тем не менее профессионал всегда может сказать, что отвечает только за участок работы. А профессионал, тяготеющий к административной конкретике, — сказать, что он отвечает только за узкий участок работы. Но какой смысл спорить с профессионалом, если он по-своему прав? Есть ли чекизм как нечто, выходящее за профессиональные рамки? Или выводимое за эти рамки чем угодно — Игрой, Историей? Если он есть, то ответ на вызовы, которые я сейчас опишу, — его прерогатива. И тест на его, и только его, состоятельность.

Вызовы же таковы.

Вызов № 1 — очевиден и неумолим. Он на сто процентов атипичен. И называется «вызовом странной деиндустриализации».

Фактически речь идет не только о деиндустриализации, то есть о свертывании индустриального содержания российской цивилизации, но и о (как ни замысловато это слово) «депостиндустриализации». Потому что советский (кто спорит, что небезусловный!) градус бытия содержал в себе некое — условно постиндустриальное — начало. Оно было разлито во всем: в отношении к науке и знанию в целом, в социальном статусе интеллектуалоемких профессий, в культурном векторе, содержащем в себе ценность знания, и т. д.

Но оно было не только разлито по всему социуму. Оно содержало в себе и точки особой фокусировки. Хотя бы эти самые академцентры. Но и города типа «Арзамас-16» тоже. Интеллектуалоемкое начало стучалось в дверь политической системы («цыка»). Оно готово было трансформировать и «чик». По крайней мере, на все это уже не было табу. И, напротив, была высокая готовность к повышению концентрации указанного начала. Потом все рухнуло. Заводы остановились. Статус «постиндустриальных» профессий рухнул самым катастрофическим образом.

Если бы речь шла только об индустриальной материальной основе. То есть о самих этих заводах… Даже тогда вызов был бы атипичен и носил бы беспрецедентный характер. Но речь же шла и об инфраструктуре. О содержании жизни, так сказать.

Впрочем, не будем все сваливать в один вызов. И продолжим их перечисление, продвигаясь «от простого к сложному».

Вызов № 2 — декультурация.

Если чекизм существует в оговоренном мною смысле, если он как-то соотносит себя с проблемой власти в современной России (то есть претендует на статус класса), то тестом на это соответствие является его ответ на вызов стратегической декультурации. Этот вызов уникален. В том-то и главное, что он уникален! И что политические классы других стран мира (США, Европы, Китая, даже слаборазвитых стран Азии и Африки) на этот вызов отвечать не должны. А наш с вами феномен — должен.

Для уяснения сути я прошу феномен (а заодно и читателя) ответить на очень простой вопрос: не хочет ли он предоставить рынку (свободной конкуренции, стихии естественного отбора) расставить приоритеты не в Российской Федерации, а на собственном огороде?

Несомненно, читатель (а надеюсь, что и феномен) не согласится обеспечить на своем огороде равноправную конкуренцию между сорняками и огурцами с помидорами. Он пошлет куда подальше тех, кто ему это предложит, и будет сам пропалывать огород, помогая огурцам и помидорам победить сорняки.

А вот если не отдельному моему читателю, а всему действующему политическому классу предложат расставлять приоритеты с помощью рынка на бескрайних просторах Российской Федерации в сложнейших посткатастрофических условиях, — то как этот класс поступит?

Если он дорос до «цыка», то есть до идеального и стратегии, то он сформирует стратегические целевые задания и начнет расставлять приоритеты с их помощью, оглядываясь на рынок только как на средство сопряжения идеального и реального.

Если же он остается в рамках непреодоленной инструментальности или выходит за эти рамки негативным образом, то он создаст некий микс из рынка и квазипрагматических программ. Которые в этом случае могут оказаться не средством преодоления кризисной ситуации, но, напротив, стимулятором ее усугубления. Потому что — и это знает любой системщик — оптимизация отдельных элементов системы вовсе не обязательно улучшает систему, она может вместо этого обеспечить системную катастрофу. Ведь что такое система? Это совокупность элементов, объединенных связями и единой целью.

Как можно улучшать систему вне целевой рефлексии? И как можно проводить системную стратегическую целевую рефлексию без идеального и стратегических целей? Такая задача в принципе не может решаться прагматически. А прагматизм (он же «чикающий утилитаризм») превращается из блага (замены словоблудия действием) в нечто противоположное — в суету взаимоисключающих дел.

Но вернемся к «огурцам и помидорам»… Они же — нормальные советские граждане предперестроечной эпохи (младшие и старшие научные сотрудники, инженеры, техники, рабочие, крестьяне), которым предложили стартовать в единой рыночной эстафете с держателями «общаков», наркоканалов и всего прочего. Как это называется на языке социальной теории? «Неравные стартовые возможности».

Может, этих держателей высоких стартовых возможностей (агентурных сетей, оргпреступных групп, номенклатурных позиций и прочего) кто-нибудь ловил за штаны, когда они «особо резво» побежали в рынок? Какой-нибудь прокурор, комиссар Каттани? Так нет, наоборот! Было сказано, что эти держатели особых возможностей как раз и есть соль земли! Я могу привести сотни высказываний о том, что в «совковой антисистеме» нормальны только мафиози и что именно они должны стать нашей опорой на пути к рынку.

Так они и стали! Сорняку дали на равных состязаться с помидорами и огурцами. И сорняк закономерным образом победил. Кто-то из мэнээсов пробился в олигархи? Без комментариев! Когда огурец или помидор побеждает сорняк, считайте, что он уже обладает всеми свойствами этого сорняка. Кроме того, все эти истории о пробившихся мэнээсах-одиночках очень напоминают рождественские сказки об американских чистильщиках сапог, ставших миллионерами. Реальная история американской элиты имеет мало общего с мифами об успешной чистке сапог. А наша история еще дальше от чего-либо подобного.

Может быть, в этом соревновании был надлежащий моральный, культурный, экзистенциальный, просто человеческий, гуманистический арбитраж? А вы вспомните! Вы перечитайте внимательно статьи той (самое страшное, что и этой) эпохи! Вы сопоставьте! Вы не пренебрегайте анализом статей Н.Шмелева и А.Нуйкина о пользе мафии. Вы вдумайтесь в смысл фразы А.Чубайса: «Наворовали, и ладно (заметьте: не «хватит», а «ладно»). Может быть, внуки станут порядочными людьми». Вы отдайте должное воспоминаниям А.Козырева: «Будет любая идеология — будет тоталитаризм. Надо решить, что должно заменить идеологию? Деньги! Место национальной идеологии должны занять деньги».

Деньги — отличная вещь. И никто не зовет назад, в натуральное хозяйство. Но если деньги становятся национальной идеей, то это даже не город Желтого Дьявола. Это просто криминальное государство. Не криминализованное, а именно криминальное. А может ли криминальное государство быть великой державой? Оно вообще может быть устойчивым?

Я не говорю, что Россия уже стала криминальным государством. Я лишь оговариваю, что ее подталкивают к этому. И она поддается. Она движется в этом опаснейшем направлении. Вот в чем вызов! Воронка первоначального накопления капитала, накопления взрывного, неорганичного, не имеющего никаких предпосылок внутри советского уклада (который, в отличие от добуржуазных укладов в других странах, не предполагал существенных накоплений у непреступных слоев населения), и впрямь напоминает дантовский Ад — спираль, состоящую из нисходящих кругов. В самом низу (круге последнем) — это самое криминальное государство. И оттуда уже не будет выхода.

Материальные предпосылки такого нисхождения, затягивания в воронку (кто-то скажет «контринициации») дополняются предпосылками идеологическими и даже культурными.

Когда и кому говорили то, что было сказано в России? Когда людям в лоб заявляли, что новая элита — это элита воров и это нормально?

Но если элита — элита воров, то почему все остальные не будут воровать?

А если будут, то это — криминальное государство.

А если это криминальное (еще раз — прошу не путать с криминализованным) государство, то кто будет его защищать? «Паханат» сам будет защищать себя с помощью своих летучих отрядов? От Гусинского с Березовским (то есть от других слагаемых того же самого) так можно защититься. На Ходорковского так можно «наехать». Но даже от боевиков из Чечни так уже не защитишься! Потому, что криминализованный солдат и криминализованный офицер будут сговариваться с чеченцами. И

потому, что у традиционных (даже традиционно-набеговых) социальных групп есть фора по отношению к регрессивному криминальному началу. Тейпы — не тейпы, но что-то есть.

А если все это еще поддерживается извне — какие летучие отряды? Что они будут защищать и зачем? «Бабки» они будут защищать свои воровские! И не через «грудью на дот», а совсем иначе. Федя Резаный и Вася Кривой — не Матросов и Маресьев. Бандитский нахрап — не державный героизм. Это все треснет под первым, даже средним, нажимом. Треснет вместе со всей страной. И никто не поднимется на защиту. Потому что нормальным людям, нормальным патриотам предложат патологический выбор: или сдаваться, или защищать «паханат».

А что значит — защищать «паханат»? Людям скажут: «Вы идете с внуком по улице. Выскакивает наглец на «Мерседесе», сбивает внука, а вам орет: «Хиляй, а то и тебя пришью!» Людям скажут: «Выбирайте: или сюда придет европейский чиновник, и тогда наглец на «Мерседесе», который сбил вашего внука, сядет и получит еще лишние пять лет за то, что он на «Мерседесе», — или пахан совсем обнаглеет и начнет сбивать всех подряд».

Предположим, что кто-то (ну, например, автор этой книги) захочет защитить даже криминальное государство. Я не говорю, что я захочу его защищать. Но предположим, что захочу. Зачем?.. Ну, в принципе могут быть какие-то основания… Так люди все-таки живут, а иначе их не «санации» будут подвергать, а изведут на корню. Что, не может быть такого сценария? Да мало ли что может быть! Этот «паханат» еще не беспредельно жесток по отношению к своему населению, а следующий будет беспредельно жесток. Всегда могут быть варианты «еще хуже». И тот, кто защищает плохой, дабы не допустить худшего, может иметь к этому свои резоны.

Но в том-то и дело, что защитить криминальное государство в принципе невозможно. Прежде всего, потому, что оно начнет разваливаться само. Не может быть стабильного криминального государства. Кроме того, все эти апелляции к тому, что «будет хуже», действуют только до определенной черты. За чертой они не действуют. И как только государство, став криминальным по факту, станет таким же еще и по образу (то есть это разъяснят населению), оно умрет.

Значит, нельзя допустить, чтобы оно стало таким по факту и образу. И надо помнить, что когда оно таким станет, то защитить его будет невозможно.

Я прекрасно понимаю масштаб катастрофического процесса. Я понимаю несоразмерность этому процессу многого из того, что у нас имеется. Но до того, как обсуждать, где можно искать источники для преодоления катастрофы, надо все-таки расставить точки над «i».

Прежде всего, надо вспомнить, как масса высокообразованных идиотов (прошу прощения за грубое выражение) бесконечно спорила о том, кем был нарком продовольствия Цюрупа. Наживался ли он на революции или был честным человеком и падал в голодные обмороки?

Правда, конечно, очень важна с точки зрения истории. Но все это до боли напоминает коллизию с огородами. Потому что любому вменяемому человеку было понятно, что главное совсем не в том, вокруг чего люди выстраивали спор — как я убежден, с глубоко провокативными целями. То есть не в том, голодал или нет реальный Цюрупа (я-то считаю, что голодал). Но даже если реальный Цюрупа жрал в три горла, то дело не в этом. А в том, что революционный «цык» предъявлял народу, обществу, усмиряемому хаосу образ голодающего Цюрупы. И в этом была высшая правда.

Большевики предъявляли массам, в виде позитивного идеала, наркома продовольствия, который падал в голодный обморок рядом с продуктами, но не воровал. То есть предъявляли мораль, подымали ее на знамя. И за счет этого преодолевали сползание революционного процесса в анархию, в криминалку.

То же самое делали деятели Великой Французской революции. Кем был Робеспьер в реальности — это один вопрос. Историки спорили и будут спорить. Но обществу, взбаламученной революционной Франции предъявлялся образ Неподкупного. Образ морали, жертвенности, высокого идеала.

То же самое делала Коммуна. То же самое делал Кромвель. Кто делал иначе? Алжирские пираты, создавшие криминальное королевство? Так чем они кончили? Тем, что были вырезаны все, под корень — беспощадно и окончательно.

Случилось то, что случилось. Сегодня наша элита запрограммирована на алжирский сценарий. Как его переламывать? Это не прагматическая задача. Это задача идеальная, стратегическая, метафизическая.

Что отвечает на это «чик»? Не на уровне риторики, а на уровне информационной реальности, которую мы каждый день наблюдаем по телевизору? Он отвечает только одно — что этот вызов им не воспринимается вообще. А надо делать то, что делается. И дополнять это какими-то патриотическими «припарками». От этого получается еще хуже, потому что эти припарки не осуществляют никаких трансформаций. А патриотизм, который мог бы их осуществить, оказывается «съеденным» и скоро станет таким же предметом для анекдотов, как и поздний советизм.

И что дальше? Проклинать чекистов? Воспевать их? Мы же договорились — без демонов и без ангелов. Какова ситуация и что делать? Вот все, что важно. Если ситуация такова, то сделать можно только одно: перейти от «чика» к «цыку». Нужно захотеть и суметь это сделать. Захотеть и суметь стать властью, обладающей идеальным, стратегической целью, вытекающей из идеального, стратегической волей, без которой цель ничто, и инфраструктурой реализации именно стратегических целей.

Во имя этого мы обращаемся к совокупному «чику», если он и вправду хочет стать «цыком», и предлагаем:

«Помониторьте всерьез свое (государственное насквозь) телевидение! Сделайте это хотя бы в течение квартала! Сосредоточьтесь только на центральных каналах. Обратите внимание на семантику, конфликтно-сюжетную логику, логику противопоставлений и оценок. Результат будет чудовищным. И он полностью подтвердит вашу капитуляцию перед вызовом, который несовместим с жизнью России.

Как не допустить этого? Превратиться из «чика» в «цык»! Не удастся — будет очередной системный обвал: ценностной, организационный и т. д. Страна не может жить, если основной предмет обсуждения всего общества состоит в том, кто, как, сколько, когда и от кого поимел. «Чисто конкретно», в миллиардах «зеленых». Страна не может мобилизоваться на защиту чего бы то ни было, непрерывно купаясь в полукриминальной и криминальной грязи.

Может, ей нравится в этом купаться. Слаб человек — и любит грязь. Но тогда страну надо из этой грязи вытягивать. А не конкурировать за то, кто лучше разместит хрюшку в луже и позволит ей сочнее хавать и хрюкать. Потому что если это хрюшка, то ее в итоге все равно забьют. И вас вместе с нею».

Человек не ангел. Зло и грязь — часть жизни. Но они не могут быть стержнем жизни. В центре Москвы висит реклама: «Жизнь как коробка конфет». Такая философия жизни и государственность не могут сосуществовать. Тут — либо-либо. Человек может брать взятки исподтишка и просыпаться по ночам от страха, что его посадят в тюрьму. Но нельзя выдвинуть взятку как норму. Нельзя, чтобы взятки открыто обсуждали в духе: «Раньше мы носили сумки с долларами, а сейчас таскаем чемоданы на колесиках. И в этом — главная разница эпох».

Вызов № 3 — десоциализация.

Это очень связано с декультурацией и деиндустриализацией, но все же существует отдельно. Общество разодрано на взаимно несовместимые среды. Одним из инструментов, обеспечивающих такой разрыв, конечно же, является невиданная социальная дифференциация, подрывающая любой вопрос о единстве нации («сытый голодного не разумеет»).

Но к этому все не сводится. Среды разорваны не только по доходам. По ценностям, по пониманию истории, по отношению к политике. По площадкам коммуникации, наконец. Нет общих мест, в которых представители столь разных социальных групп могут сойтись друг с другом мало-мальски содержательным образом. Нет даже общих кумиров. А уж тем более героев. Нет единых ориентации на внешнее содержание (мировую культуру, мировую мысль и так далее).

В сочетании с декультурацией все это крайне проблематизирует наличие общества, то есть социума. По многим параметрам популяция возвращается в досоциальное (звериное) или раннесоциальное (стайно-человеческое) состояние. Термин «зооциум» — не издевка и не клевета. Это посылаемый в элиту и общество сигнал о наличии некоего крайне атипичного вызова. Ответ нулевой.

Вызов № 4 — регрессивная трансформация профессиональной социальной структуры. Штука тоже беспрецедентная и атипичная.

В какой стране мира социальным аутсайдером может быть профессор? Академик? Крупный медик? Даже учитель? А также офицер, представитель этого самого «чика»? Да в общем-то, и

генерал? Конечно, если последние конвертируют свой силовой ресурс в сверхприбыль, то есть станут на криминальный путь, они могут обогатиться и выйти за маргинальные рамки. Хотя тогда они должны превратиться из представителей нормального общества в представителей антиобщественных групп (совокупной «социальной тени»).

Но нельзя загонять в тень все лидирующие группы своего общества. Нельзя лишать эти группы не только понимания своей значимости, но и способности к социальному воспроизводству. Достаточно сопоставить цены на жилье в Москве и зарплаты перечисленных категорий работников, чтобы понять: перспективы молодежи на заведение полноценной семьи в условиях сохранения верности данным профессиям строго равны нулю. Конечно, если молодежь останется в пределах страны.

В какой-нибудь Индии (или даже в Китае) есть социальные группы, живущие гораздо хуже российских низов. Но к этим группам не относятся учителя, профессора, военные, инженеры. Страшна не только социальная дифференциация сама по себе, но и профессиональная специфика этой дифференциации. Она абсолютно беспрецедентна и не имеет аналогов даже в самых слаборазвитых странах.

Вызов № 5 — потеря исторической идентификации. Или — потеря прошлого.

Этот вызов тоже беспрецедентен. Кто в мире сходным образом упражнялся в деле последовательной дегероизации? Какая страна так прощалась со всеми своими героями, так измывалась над ними? Прошлое превращено в черную дыру. И что тогда такое народ? Как он может видеть в государстве средство сохранения и развития своего исторического предназначения, если нет не только предназначения, но и истории, в рамках которой можно это предназначение рассматривать?

Вызов № 6 — потеря будущего.

С будущим все обстоит ничуть не лучше, чем с прошлым. Да и может ли быть будущее без прошлого? Вероятно, может, если сохранено идеальное содержание человеческой жизни. И это идеальное содержание способно породить накаленную мечту о новой жизни. То есть утопию. Но шла и продолжает вестись война с идеальным как таковым. Деидеализация жизни — часть декультурации, десоциализации, деградации в целом (то есть системного регресса). Откуда возьмется сам накал в вопросе о будущем? Жизненный горизонт сужается до сегодняшнего дня. Пророчески начинают сбываться строки любимых «чиком» песен:

Призрачно все в этом мире бушующем.
Есть только миг, за него и держись.
Есть только миг между прошлым и будущим.
Именно он называется жизнь.

Никто не объяснил, правда, как при таком понимании жизни люди будут обзаводиться детьми, а хозяйствующий субъект планировать стратегические инвестиции. В целом же речь идет, конечно, о разрушении пространственно-временного континуума человеческой жизни — хронотопа. То есть об очень тяжелой форме социальной дезориентации, порождающей вполне практические последствия.

Одним из них, например, является отношение к обязательствам. Оно сугубо негативное.

Другим — отношение к человеческой солидарности. Или к состраданию.

Вообще непонятно, как в этом мире на макросоциальном уровне должна функционировать такая трудноуловимая и все определяющая субстанция, как любовь. Любовь предполагает дар и жертву. Именно этим она отличается от сентиментального сюсюканья. Если каждый, кто отдает и жертвует, это «лох», то кто будет отдавать и жертвовать? Или, точнее, если даже кто-то и будет, то какой социальный статус он получит и откуда возьмется в этих условиях социально значимое воспроизводство его мотивов?

Итак, все сегодня основано на том, чтобы взять, а не дать. Во что тогда превращаются человеческие отношения? Как скоро место экстремальной индивидуализации с ее главным мотивом — взять и не дать — займет абсолютная деструкция, основанная на том, чтобы даже не взять (получить пользу для себя), а разрушить (наслаждаться вредом, который удалось причинить другому).

Серьезные специалисты говорят, что все клонится к этому.

Вызов №7 — геополитическая дезориентация.

В этом принципиальное отличие нынешней ситуации от ситуации начала 90-х годов.

В 90-е годы хотя бы внешний ориентир казался очевидным: мы будем входить в сообщество западных стран (мировую цивилизацию) и занимать там какое-то место.

Теперь очевидно, что такого сообщества нет. Что миросистема разваливается. Что она вообще либо дерегулирована, либо переходит на новые странные формы управления (управление хаосом).

Что впервые не только на западных, но и на восточных границах России появляются соседи с потенциалом намного выше, чем у нашей ослабевшей страны. Идет ли речь о демографическом потенциале, военном, хозяйственном или духовно-мобилизационном… По всем параметрам ситуация, увы, аналогичная.

А главное, вконец дезориентированным обществу и элите вообще непонятно, где враг, где друг. Точнее — каждый считает по-своему. А мировой процесс движется в направлении радикального повышения общемировой конфликтности. Мы не можем ни повлиять на этот процесс, ни вписаться в него.

Вызов № 8 связан с развитием.

Весь мир рвется к новому качеству производительных сил и производственных отношений. Кто-то называет это качество технотронным обществом. Кто-то — постиндустриальным или информационным. Кто-то — обществом знаний. Но, в любом случае, для нас речь идет о необходимости рывка в условиях, когда мы катастрофически отброшены назад. И не просто отброшены, а потеряли все предпосылки для функционирования в парадигме рывка (парадигме войны за будущее).

Вызов № 9 носит глобально смысловой характер.

В мире развернута великая смысловая война. Происходит беспрецедентный передел смысловой территории. Рушится так называемый проект «Модерн», в рамках которого жило сначала все западное человечество, а потом уже и человечество как таковое (радикальный исламизм и экзотическая архаика не могут отменить факта универсальности этого, увы, рушащегося проекта). И никто не знает, чем проект заменить. Так называемый Постмодерн — это способ переждать (а также осмеять и добить предшественника). Но это не способ жить. Вернуться к пре-Модерну, в некое Новое Средневековье, невозможно. Что и кто будет делать? Страсти накалены до предела. «Великая смысловая война» — не плод воспаленного воображения. Это реальная ось мировой истории.

В этих условиях от России просто по привычке ждут какого-то нового смысла. С одной стороны, дураков нет, и все видят, что у нас происходит. Но, с другой стороны, есть это привычное, почти иррациональное, ожидание. Мол, «вдруг да и скажет что-то новое эта странная страна. Ведь уже говорила! Вдруг да опять зажжет у себя новый смысловой огонь. А мы у него погреемся. Отстроим, оппонируя этому, что-то свое. Изменим историческую траекторию. Используем новые шансы».

Россия же не просто молчит. Она мычит. И это куда хуже молчания. Россия тем самым теряет место в историческом разделении труда. А потеряв это место, она и впрямь станет одновременно никому не нужна, всем противна, для всех опасна. Что касается ее природных кладовых, то кладовые — это не страна. Ирака как страны нет, а нефть качают и качать будут. Россия богата природными ископаемыми? Разумеется. Но почему этот факт должен автоматически приводить к признанию права России на продолжение исторического бытия? «Великая сырьевая держава»… Что это? Заклинание, которое должно успокаивать умирающего? Упование на то, что удержим это сырье в своих руках и за счет этого будем жить?

А удержим-то почему? Потому что есть ядерное оружие? Но оно уже сейчас не является абсолютной гарантией так называемого суверенитета. А через десять лет возможность его использования (катастрофического для мира, а значит, как бы сдерживающего посягательства на этот самый суверенитет) будет полностью зависеть от технологических инноваций стратегического характера. Отсутствие этих инноваций у России может привести к тому, что на нашей территории будет отключено все что угодно. Не только ядерные ракеты. А запущенные боеголовки окажутся перехвачены и, возможно, возвращены с помощью сверхновых технологий на нашу же территорию.

В любом случае, вряд ли существование России может покоиться лишь на фундаменте ее способности организовать «в случае чего» ядерный апокалипсис. Это еще надо почему-то захотеть и

суметь его организовать. Причем в условиях глобально-смыслового вызова и всех вышеописанных процессов. Когда и общество, и элиту можно, что называется, «брать голыми руками»…

Вызов № 10 — атипичное накопление стратегических и оперативных вызовов.

Говорить о стратегических и оперативных вызовах подробно я здесь не хочу — их слишком много. Демография и здоровье нации. Разрушение не только высшего (инженерного), но и низшего (рабочего) профессионального образования. Катастрофическая зависимость от импорта продовольствия. Коррупция и разгул криминальности. Катастрофический кризис во всем, что касается отношения к труду. Кризис нормальной мотивации в целом. Новый уровень пьянства и наркомании. Развал семьи и всех социальных форм жизни. Абсолютная дискредитация морали. Полное пренебрежение к правовым нормам.

Это все можно считать чуть более типичным. Хотя все зависит от степени. Так сказать, от градуса. Пили всегда, но не так. По части уважения к праву и авторитета судебных органов всегда были проблемы — но не такие. С болезнями в целом справились — теперь возвращаемся в разряд самых неразвитых африканских стран.

Можно сказать, что это та же проблема, что и у африканских стран. Но, согласитесь, это неверно. Одно дело иметь органическую проблему, проблему первичную (всегда болели, всегда голодали), а другое дело получить искусственную и вторичную проблему. Когда уже не болели и в общем не голодали, а теперь — все по второму кругу. И непонятно, почему. Никому непонятно, почему такое количество беспризорных детей. Почему их не могут даже сосчитать. Что случилось? Война? Разруха, вызванная войной?

Горбачев с Ельциным организовали нечто нехорошее. Но, во-первых, если они организовали нехорошее, то зачем их превозносить? Строить библиотеку имени Ельцина, давать интервью с хвалебными оценками в адрес тех, кто соорудил проклинаемые тобой же 90-е годы…

А во-вторых, это было давно. Вот этого-то и не понимает наш чекизм. Равно как и элита в целом. ЭТО БЫЛО ДАВНО. Ельцин ушел в 2000 году. Горбачев — в 1991 году. Сейчас — 2008-й. И эта совокупность цифр тоже содержит в себе атипичный стратегический вызов. Пройдет еще два года, и что-то надо будет говорить. Что?

Но главное — совсем уж безальтернативной станет необходимость отвечать на усугубившиеся вызовы. Как перечисленные мною, так и новые. Как отвечать, оставаясь «чиком»?

Совокупность рассмотренных мною вызовов может показаться неактуальной абстракцией, поскольку определенный тип власти рассматривает как вызов только то, что позволяет конкурентам отобрать власть. Ну, например, «оранжевую революцию» (термин, введенный в оборот антикучмовскими силами на Украине). Она же — «революция роз» (Грузия), «революция тюльпанов» (Киргизия) и так далее.

Но, во-первых, это абсолютно неправильный подход. Он игнорирует такую фундаментальную категорию, как загнивание. Между тем категория была рассмотрена еще Лениным. Можно не любить Ленина, но это не повод для того, чтобы игнорировать суждения этого превосходного эксперта по вопросу о власти.

Загнивание — это ситуация, в которой у властного субъекта власть никто отобрать не может. А сам субъект не решает общественных проблем. Но и не отдает власть. В этой ситуации общество буквально загнивает. Это очень точная метафора, знакомая, например, по концу советского периода. Нарастает тошнотворный запах, который источает парадоксальный властный субъект и все, что его окружает. Это окружающее получает статус зачумленного. Все вместе становится предметом сосредоточенной ненависти. Даже если в итоге это никто не решается сковырнуть, оно само разваливается. Думается, что и ситуация 1917 года строилась именно на этом.

Вызов революции — это один из возможных вызовов.

Другой вызов — вызов загнивания.

Но есть и еще один вызов, который в своем списке я обозначу как:

Вызов № 11 — вызов десуверенизации

Вызов десуверенизации и развертывания на десуверенизированной территории всех возможных десуверенных технологий (они же — так называемые «оранжевые» технологии) связан со всем только что описанным через немногочисленные опосредующие звенья.

Звенья же эти таковы.

1) Отсутствие политического субъекта создает коллизию загнивания.

2) Загнивание происходит потому, что отсутствующий субъект не может отвечать на вызовы. Или, что то же самое, отказывается (либо не способен) решать общественные проблемы. Но в то же время способен грубыми методами удерживать власть, отделяя ее от концептуально-стратегического управления и исторического целеполагания.

3) В этой ситуации вызовы неизбежно начинают нарастать.

4) При этом речь идет об очевидно атипичных вызовах. Вызовах из категории «де-» (деградация, декультурация, деиндустриализация и так далее).

5) Нельзя допускать наращивания всех вызовов из категории «де-» — и не получить системный вызов десуверенизации.

6) Нельзя получить этот вызов десуверенизации — и не нарваться на «оранжевую революцию».

7) Но, несмотря на все перечисленное, почему-то кажется, что МОЖНО сочетать организационные, административные, спецслужбистские и иные конкретные мероприятия, направленные на недопущение «оранжевой чумы», с наплевательским отношением ко всему, что эту «чуму» с неизбежностью порождает.

Почему же?

Потому что первые шесть пунктов относятся к ведению «цыка».

А седьмой пункт — к ведению «чика».

«Чик» остро реагирует на «свой» пункт. А остальные — не его. Он их не видит, не понимает, не имеет к ним подхода и так далее.

Сопровожу это общее описание детализациями в вопросе о так называемых «оранжевых революциях», поясняющими, что такое разница между «цыком» и «чиком».

«Чик» хочет подавить «оранжевую революцию», поскольку она ему угрожает. Но он не спрашивает о содержании подавляемого. Он не задается вопросом: «Что такое "оранжевая революция"?» Он с раздражением отреагирует на такой вопрос и ответит, что надо не словоблудничать, а действовать.

«Цык» же, прежде всего, обязан выявить содержание. Даже если он очень старый, деградировавший и больной «цык», он все равно по инерции это будет делать. Потому что так положено. Генеральный секретарь ЦК КПСС должен начать доклад съезду КПСС раскрытием содержания новой исторической эпохи? Должен. А почему должен? Он не помнит, но знает, что должен. А «чик» даже и не знает, что должен. Потому что он, «чик», не только не должен, но категорически не имеет права приближаться к той территории, на которой размещено такое долженствование.

Так вот, о содержании термина «оранжевая революция».

Обсуждаю это вовсе не потому, что считаю, что кто-то вскоре соорудит в России очередную бескровную революцию, как на Украине или в Грузии. Дело в другом. В необходимости связывать причину и следствие. Всегда связывать, в том числе и в этом вопросе. И как только начинаешь связывать, сразу обнаруживается, что «оранжевая революция» — это тезис и антитезис. Тезис в том, что это революция. А антитезис в том, что она бескровна («оранжевая», «розовая»…).

Однако бескровных революций не бывает. А если революция бескровна, то, значит, это не революция. Безглюкозный сахар… безбелковое мясо… бескровная революция… Если настоящая революция началась, то она может быть более или менее кровавой. Но не бескровной. Вулкан не может извергнуть из себя холодную лаву, которая ничего не подожжет и не подомнет. В противном случае это не вулкан, а фейерверк.

Так что же такое «бескровная революция»? Это — НЕ революция. Потому что революция предполагает наличие как минимум двух классов — нисходящего и восходящего, двух идеологий, двух автохтонных субъектов, борющихся за власть. Оба субъекта апеллируют к народу, предъявляя свой классовый интерес как общенародный и исторически перспективный. А также метафизически позитивный. В эту борьбу классов могут вмешиваться внешние силы (Австрийская и Британская империи в эпоху Великой Французской революции). Но не они проводят революцию. Ее проводят борющиеся классы в условиях их конкуренции за общенародную поддержку. Проводятся такие революции с целью решить нерешенные общественные проблемы (например, проблему ломки непроницаемых сословных феодальных барьеров, проблему политической свободы и так далее).

Конкурирующие классы, борясь за власть, просто не могут не лить кровь. У них общее пространство под названием «социальный верх», и в другое пространство («социальный низ») хозяин «социального верха» никогда добровольно не уйдет. А восходящему классу нужны освобожденные вакансии. Отсюда революционный террор и все прочее. Гражданская война, в том числе.

Главное условие, при котором возможна революция, — это реальная суверенность той территории, на которой возгорается революционный огонь. Даже интервенция тут ничего не меняет. Ибо интервенция посягает на суверенность, как на нечто имеющееся.

Если нужно добиваться суверенитета, то место революции занимает совершенно другой процесс, именуемый «национально-освободительная борьба». В рамках этого процесса (опять же при поддержке народа) все автохтонные восходящие классы борются за ту часть социального верха, которая занята колонизаторами. Поскольку колонизаторы должны открыть вакансии, то различные по своему качеству «ненизовые» автохтонные социальные силы могут объединиться. Но тогда все зависит от того, насколько бескровно уходит колонизатор, передавая суверенитет в руки автохтонных сил.

И, наконец, есть процессы, которые разворачиваются на территориях, суверенных де-юре и не имеющих суверенитета де-факто. Такая коллизия называется коллизией неявного внешнего управления.

Главный герой — это местный ставленник внешних сил, чаще всего из числа «чикающих» местных силовиков, прикормленных метрополией. Когда этот ставленник «выходит за рамки», перестает «ловить мышей», перебирает в чем-либо, и этим может вызвать настоящую национально-освободительную борьбу, его меняют.

Эта смена может быть абсолютно мягкой. Ему говорят в посольстве метрополии «уходи» — и он уходит.

Однако чаще всего так не происходит. Ставленник начинает проявлять норов или ссылаться на то, что у него есть команда и она не позволяет ему уйти. В качестве подтверждения каждого элемента данного в целом абстрактного описания можно привести массу конкретных исторических примеров. Но читатель и без меня это сделает.

Короче, добровольно такой «герой» не уходит. А организовывать большую заваруху (например, вторжение войск метрополии) почему-либо «не с руки». Либо у метрополии слишком много внутренних политических проблем… Либо нет желания обнажать коллизию внешнего управления… Тогда-то и осуществляются так называемые «бескровные революции», суть которых в том, что спецслужбы метрополии перекупают силовиков. Этот самый «чик», находящийся под зарвавшимся ставленником метрополии, вообразившим, что он настоящий автохтонный диктатор.

Затем те же спецслужбы (или силовики вместе со спецслужбами) выводят на улицы в целом небольшую и управляемую, но достаточно впечатляющую массовку. Если страна маленькая, то это 5—10 тысяч человек. А то и тысяча. Если страна большая, то это 200–300 тысяч человек (вплоть до миллиона). Но не более процента голосующего населения. А то и меньше.

Сама по себе эта массовка ничего не значит и ничего не может. Но ее сила не в том, что кто-то ее боится. А в том, что она дает подкупленным силовикам респектабельный предлог для фактического свержения диктатора. Силовики, получив иностранные деньги или обещания поддержки своих властных амбиций, начинают страшно любить народ и испытывать невероятное отвращение к пролитию его крови, хотя до этого не испытывали ничего подобного. Но иностранные деньги и обещания, а также угроза санкций по отношению к их вкладам и другой собственности, размещенным за границей (в основном, в метрополии), вызывают у этих представителей местного «чика» острый приступ гуманизма и сентиментальности.

И тогда отстраняемый диктатор оказывается тет-а-тет с выведенной на улицы возбужденной массовкой. Даже если массовка и невелика, она все равно больше одного усталого и брошенного человека, окруженного изумленными домочадцами и плохо ориентирующимися лакеями.

Если диктатор «не потерял нюх», он просто бежит. А если он потерял нюх, то начинает сопротивляться, используя свою очень хорошо прикормленную гвардию. По сути — феодальную банду. Эта банда почему-либо может начать стрелять. И ее пальбы совершенно достаточно для того, чтобы разбежалась массовка. Но тогда вмешивается та самая более широкая группа силовиков, которая (а) лучше держит нос по ветру, (б) меньше замарана, (в) больше вписана в элиту метрополии, и так далее.

Эта группа восклицает: «О! Диктатор проливает народную кровь! Чаша нашего терпения переполнена!» Будто бы диктатор раньше не проливал кровь при полном одобрении этой группы! Но раньше внешнего заказа на отстранение диктатора не было. А теперь он есть. Армия и внедворцовая часть спецвойск, получив приказ начальников, прикормленных метрополией, а также мзду от метрополии, спокойно и с удовольствием расстреливает дворцовую гвардию. А заодно и самого диктатора. (Другой сценарий — только диктатора. Третий — только гвардию. Но это частности).

Соответственно, управляемые извне перевороты на десуверенизированных по факту и суверенных юридически территориях — это не революции, а спецреволюции.

Отличие в том, что нет никакой классовой борьбы. Нет вообще автохтонного субъекта. Есть коррупция силовиков, а также наем и возбуждение некоей публики, готовой сыграть роль восставшего народа.

Мы называем подобные спецреволюции еще шоу-революциями.

Они могут быть абсолютно бескровными, если диктатор держит нос по ветру. И чуть-чуть кровавыми, если диктатор артачится и способен подвигнуть на то же самое свою гвардию, как бы она ни называлась.

Если же опора диктатора хоть чуть-чуть шире узкой гвардии, то его непросто сковырнуть. Особенно если за ним стоит какая-то народная поддержка. Когда метрополия упорствует в своем желании сковырнуть реально опертого на что-то политического лидера, то она либо просто терпит фиаско (как в случае с Чавесом), либо льет свою кровь (попытка американского вторжения на Кубу), либо льет большую кровь на территории, которую таким образом все-таки удерживает под своим контролем (пиночетовский переворот в Чили).

Шоу-революции могут быть объединены под широко известным названием «банановые революции». Ибо именно так проводили революции североамериканцы в Латинской Америке. Чаще всего в интересах своих крупных компаний, производящих фрукты («Юнайтед фрут» и так далее). Отсюда и фруктово-банановый привкус…

Потом термин прижился. А потом понадобилось по всему миру проводить такие же шоу-революции, но чуть больше скрывать их природу. И начались издевательские вариации в названиях: «оранжевые», «розовые», «тюльпановые». Но эти вариации были именно издевательскими. Все посвященные понимали, о чем идет речь. А наш «чик»?

Он-то понимает, что, не став «цыком» (Кастро, например, являясь им, создал при себе блистательный по эффективности «чик»), нельзя избежать десуверенизации нынешней России, а значит, и производных от этой десуверенизации? Шоу-революций, спецреволюций, «банановых» революций, каких еще? «Вербных»? «Сиреневых»? «Березовых»?..

Нет — наш «чик» борется с «оранжевой чумой», не становясь «цыком». Ощущая свое несоответствие масштабу и типу идущего процесса, он как бы «распухает» в своей «чикости» и даже подводит под это некую базу. Я уже несколько раз слышал: «Нет революционных ситуаций, есть плохая работа полиции» (имеется в виду политическая полиция).

Это типичный синдром распухания. Потому что революционные ситуации есть. А еще есть регрессивные ситуации. А еще есть игровые ситуации. И бороться со всем этим с помощью политической полиции, видя в ней панацею, невозможно. Никому и никогда это не удавалось. Даже в менее сложных и зловещих обстоятельствах, чем наши.

Кроме того, эта самая политическая полиция, вышедшая за рамки и ставшая предметом упования со стороны тех, кто должен не уповать, а осуществлять власть… Тут тоже все не так просто…

В 1991 году один патриотический писатель мне рассказывал: «Ты не думай, Грачев — наш, он порвет этих демократов, он их ненавидит!» Ему так хотелось верить! Но не зря говорят, что многие знания умножают скорбь. Я не знал тогда и сотой доли того, что знаю сейчас. Однако кое-что я все-таки знал. Я успел поездить по «горячим точкам», набрал какой-никакой аналитический и информационный актив. И я верил не писательской патетике, а данным этого актива. А актив просто, сухо, устало и иронично повествовал о том, когда, кому конкретно, на какой, образно говоря, лавочке, кто именно из вполне уже «обананенных» (и оболваненных) силовых боссов рапортует и присягает.

Но не это главное. Даже проиграв Игру, можно асимметрично ответить с позиций Истории. Кризисная ситуация делает условными все игровые завоевания. Ну, взял кто-то что-то. Ну, присягнул уже кому-то… А тут взрыв народной энергии, подчиненные начинают колебаться. Сам

присягнувший колеблется. И летит эта Игра под откос. Но чтобы она того… туда полетела, нужна История. Нужен настоящий «цык», а не очень условный «чик».

1991 год — это сверхъяркий пример на тему «цыка» и «чика».

Сколько лет прошло, а страсти по этому поводу не утихают. Кто-то обвиняет гэкачепистов в том, что не было приказа применить силу против ельцинистов. Кто-то говорит о том, что в основе краха ГКЧП — отказ силовых подразделений исполнять функции по подавлению демократических сил. Кто-то восклицает, что главная ошибка в том, что вообще родилась идея ГКЧП.

Я-то знаю, что ситуация была еще сложнее. И вряд ли стоит здесь вдаваться в подобные сложности. Намного важнее рассмотреть происходящее под этим самым «цыковско-чиковским» углом зрения.

19 августа 1991 года власть была у ГКЧП.

23 августа 1991 года она перешла к Ельцину.

Кто помешал КПСС начать действовать 20 или 21 августа 1991 года? Действовать самой, не опираясь ни на какой «чик»? КПСС могла бы «цыкнуть», то есть вывести на улицу миллионную армию своих политических сторонников. В принципе, они были. И, честно говоря, с 1988 года было ясно, что рано или поздно надо будет их выводить. Очевидно, что (в детали вникать не хочу) кто-то и готовил их к выходу. Но никто в августе 1991 года не вывел этих людей. Почему?

Хочу ответить на вопрос не с узкопрагматической точки зрения, а собственно политически. Политически их не вывели потому, что партийная элита уже не была «цыком». Она готова была отдаться в руки политической полиции (символом которой для нее была фигура Председателя КГБ СССР В.Крючкова как участника ГКЧП). Но она не готова была брать власть.

Прежде всего, она не знала, как отреагируют ее любимые «органы».

«Цык», не ощущая себя таковым, находился в политической и психологической зависимости от поведения «чика». Мало того, что он хотел подменить «цык» «чиком», а партию органами. Он еще и не доверял органам. Выведешь людей на улицы — а вдруг тут-то органы и выйдут из прострации? Начнут этих людей «мочить», да и тебя заодно?

Но такой оглядкой на органы все не исчерпывалось. Партийная номенклатура уже не могла говорить на митингах. Она не умела и не хотела энергетизировать массы и замыкать на себя энергию толпы. Она понимала, что толпа может начать выдвигать своих лидеров. Может быть, она даже все это не формулировала для себя так, как я сейчас формулирую. Но это и называется «работа бессознательного, приводящая к ступору». В каком-то смысле, «цыкнул», как ни странно, Ельцин. По крайней мере, он полез на танк. И что-то оттуда проревел.

А ГКЧП? Оставим даже в стороне трясущиеся руки Янаева. Стратегический подход важнее подобных частностей, хотя и они существенны. Объявив чрезвычайное положение 19 августа 1991 года, гэкачеписты пустили по телевизору «Лебединое озеро». То есть абсолютно демонстративным образом капитулировали в сфере слова, в сфере идеологии, сфере «цыка».

«Слово к народу»? Чье «слово»? И что за «слово»? Политический манифест? Горбачев был назван изменником Родины? Народ призвали защитить социалистическое Отечество? Политический манифест отличается от документа, который (со сколь угодно благими целями) поддерживает начальство, очень многими вещами. Прежде всего, авторством: «Я, команданте Янаев, беря на себя в трагический момент всю ответственность за судьбу страны, заявляю: изменник Горбачев арестован. Преступники, посягнувшие на социалистический строй и на Советский Союз, понесут заслуженное наказание. Арестованы также (список). С этого часа власть находится в руках (список). Будет осуществлено то-то. Сопротивление антисоциалистических сил бессмысленно». И так далее.

Но это только начало. Дальше — главное. Надо говорить с народом, убеждая его в справедливости принятого решения. ГОВОРИТЬ! А тут… «Лебединое озеро». БАЛЕТ!!! Хотите окончательно ощутить разницу между «цыком» и «чиком»? Спросите самих себя: можно ли представить себе Троцкого или Ленина, которые взяли телецентр и запустили «Лебединое озеро»?

Троцкий и Ленин говорили бы с народом много часов сами, они послали бы на фабрики и в губернии других блестящих ораторов и идеологов. Потому что они знали: главное — выиграть идеологическую и информационную войну. В этом суть революции. А главное оружие революции — пропаганда. Если хотите, психологическая война. В любом случае, война идей, слов, страстей, аргументов.

Отказ от всего этого означал, что нет ЦК как «цыка». А значит, заведомый проигрыш. Еще в 1989 году я предупреждал о неминуемости этого проигрыша.

Ненавидя идею развала Союза и не имея (ни тогда, ни сейчас) никаких предрассудков по поводу недопустимости силовой защиты от деструкции, я постоянно (публично и непублично) выступал против «чикизации» ЦК, неспособного осуществлять власть с помощью адекватного задействования идеального и всего того, что оно должно порождать. Именно этой «чикизацией» ЦК (нелепой и беспомощной, как любая апелляция к чужой силе) был ГКЧП 1991 года.

Даже если бы все эти мои нынешние суждения являлись только результатом тщательного осмысления горького опыта ГКЧП, я все равно имел бы полное право на то, чтобы их высказать. Но я о том же говорил в преддверии ГКЧП. Например, 17 августа 1991 года по центральному телевидению. Обсуждался вопрос о возможности и эффективности чрезвычайного положения в качестве средства спасения СССР. Отвечая на этот вопрос, я сказал, что в танках сидят не роботы, а солдаты, читающие журнал «Огонек» или, как минимум, смотрящие телевизор. Что силовую машину нельзя привести в действие в условиях проигранной информационной войны. Что сначала надо выиграть идеологическую и информационную войну, а также войну за элиту. Хотя бы за силовую.

В 1991 году это был глас вопиющего в пустыне. А вот в 1996-м, когда активно готовился очередной ГКЧП, удалось на что-то повлиять.

Но кто сказал, что это в прошлом? Почему в 1996 году могли повторить ошибки 1991 года? Потому что бал правит «чиковская» ментальность. Она безотказно срабатывает в среде силовиков. Но ей же подчиняются и политики, не сумевшие выиграть на уровне «цыка» и цепляющиеся за магию «чика».

У меня нет никакой уверенности, что нечто сходное не будет воспроизведено в условиях очередного системного кризиса. То есть что кто-то интеллектуально освоил и трагически пережил уроки 1991 года.

Между тем в 1991 году еще не было одного из главных вызовов, с которым теперь придется столкнуться. Я говорю о вызове, вытекающем из ситуации зрелого неоколониализма. В 1991 году этой ситуации не было. Теперь она налицо. Какова ситуация, таков и вызов.

Вызов № 12 — чужекратия. То есть власть элиты чужих.

Это не имеет ничего общего с засильем американских экспертов при Чубайсе и прочими банальностями такого рода. Чужекратия по крови и генезису чаще всего своя. Унизительные разборки по поводу того, в какой степени на ее чуждость влияют этнические корни, абсолютно бесплодны. Человек может быть этнически абсолютно «своим» («русским до восьмого колена»). Но если он уже живет за границей, имеет там собственность, любит там отдыхать, принял те ценности, работает в России вахтовым методом, учит своих детей за рубежом, создал за рубежом развернутую инфраструктуру личного успеха и выживания, то почему он будет при такой чужебытийности защищать суверенитет своей страны, теряя мучительно наработанные позиции? Он ведь не дурак, этот человек! И он, когда создавал эти позиции, тратил деньги и силы, понимал, зачем он это делает. А теперь это все надо потерять! А дети что будут делать? Они не только учатся в Оксфорде, они уже семьями соответствующими обзавелись. И бизнесом. Они тоже должны все терять?

Между тем, если начнется серьезное расхождение между интересами квазиметрополии и очумелой от пиара по поводу суверенитета квазиколонии, то все механизмы давления на ситуацию через чужекратию метрополия задействует обязательно. Она припомнит, что деньги у чужекратов воровские. Что нагрешили они как у себя на родине, так и в своем втором и главном отечестве, — немеряно. Мало ли что еще метрополия вспомнит или выдумает, если будут совсем серьезно задеты ее интересы?

Предположим, что такой чужекрат хочет получить экономические позиции на Украине. И в этом смысле становится разновидностью патриота. Он хочет, чтобы на Украине победили пророссийские силы. Потому что одновременно — это еще и силы, которые дадут ему необходимые позиции. Он начинает платить деньги за соответствующие избирательные кампании. Или кампании другого рода (например, против НАТО или в пользу автономизации Крыма). Его деньги и его «административный внутрироссийский ресурс» делают свое дело. Сторонники России на Украине получают экономическую поддержку, информационную поддержку и даже политическую поддержку. Вся оставшаяся еще пророссийская энергия аккумулируется в «машину действий», сооруженную амбициозным чужекратом, возомнившим себя патриотом.

А потом наступает момент истины. Чужекрата вызывают на собеседование. Ему говорят: «Слушай, нам не нужны русские на Украине. Мы понимаем, что у тебя там какие-то интересы. Но,

если ты хочешь жить у нас, ты должен проявлять лояльность. А если ты не будешь ее проявлять, мы сделаем то-то и то-то». Чужекрат отпрыгивает. Машина, которую он соорудил, разваливается. Бесценная энергия масс уходит в песок.

Это простейший случай. А если нужно будет, чтобы чужекрат не отпрыгнул, а сделал сознательно неверный, то есть провокационный, ход, в том числе и ход на обострение? А если все это произойдет не в Киеве, а в Москве? Пока есть чужекратия, говорить о суверенитете невозможно.

Так что же делать с этим вызовом?

В принципе ответ имеется. Поскольку не первый раз в истории имеет место нечто подобное. И с Индией так работали. И с Латинской Америкой. А национально-освободительных революций не избежали.

А почему не избежали?

Потому что метрополия не может и не хочет интегрировать в себя всю элиту колонии.

Не хочет потому, что количество мест в элите метрополии ограничено. И если метрополия — да еще не очень большая по численности — начнет давать места в элите всем представителям обеспеченных слоев большой колониальной территории (например, Индии), то для своих ничего не останется. Значит, кого-то впишут, а кого-то нет. И тот, кого не впишут, обидится. Но это — на тему о том, почему метрополия не хочет интегрировать весь актив доминиона. А теперь о том, почему не может.

Не может она потому, что не весь актив готов интегрироваться.

Кто-то (национальная буржуазия) пустил корни на территории доминиона. Оказалось, что тащить из Индии сельскохозяйственное сырье в Великобританию, а потом из Великобритании тащить ткань в Индию, невыгодно. Выгоднее производить ткань прямо в Индии. А если ты произвел, зачем тебе Великобритания? Тебе нужен твой национальный внутренний рынок. А тебе его мешают развивать, и ты становишься патриотом.

Часть актива не готова интегрироваться по этой причине.

Часть — просто ненавидит колонизаторов. Называется это «историческая память». Можно большую часть времени проводить в Лондоне — и при этом ненавидеть.

Часть — это национальная интеллигенция. И там уже начинают закипать особые страсти. Национальной интеллигенции нужна национальная аудитория.

Вот что такое предпосылки для выхода из ситуации чужекратии. Выходить из этой ситуации надо в свое национальное бытие. Туда надо захотеть выйти. Но еще надо, чтобы было куда выйти. И тут начинается новый вызов.

Вызов № 13 — безбытийность.

Признаем с горечью, что полноценная национальная буржуазия — это пока недостижимая мечта. Но это не значит, что некие достаточно мощные группы не захотят спрятаться от метрополии в своем — своеобразно суверенном — отечестве.

Что это за группы? Это те, кого не могут или не хотят интегрировать в свою систему хозяева метрополии.

Такие всегда будут. Предположим, что в час «Ч» метрополия слишком сильно надавит на какую-то неинтегрированную часть тех же наших «силовых олигархов». А они в ответ возьми и дернись!

Почему, озверев от обидных (или несовместимых с жизнью) «наездов» западного сообщества, не огрызнуться и не попробовать выдать это свое шкурное огрызание за национально-освободительную борьбу?

Предположим также, что у этих огрызающихся антизападных «силовых олигархов» руки дрожать не будут. И что, огрызаясь, они применят самый широкий арсенал средств.

Как относиться к подобному гипотетическому сценарию? Кто-то (и поверьте, таких немало) отнесется к нему позитивно. Будет сказано, что история умеет использовать зло в благих целях и просветлять низменные мотивы. Что никаких здоровых дееспособных сил в стране нет. Что единственный шанс вырваться из неоколониального гетто состоит в том, чтобы задействовать любые дееспособные силы. Что Камо тоже не был законопослушным гражданином, как и Сталин. Что Красин занимался самыми разными вещами, включая террор. Мало ли что еще будет сказано?

Для того, чтобы проартикулировать разницу между нынешними потенциальными героями и их историческими предтечами (а заодно еще раз доопределить разницу между «чиком» и «цыком»), я

предлагаю читателю посмотреть под «чиковско-цыковским» углом зрения на исторический прецедент.

Жил-был этот самый Леонид Борисович Красин. Очень важный активист РСДРП и прекрасный инженер. Он был одним из основных лидеров революции 1905 года. Потом поссорился с Лениным и ушел в политическое небытие. Уйдя же в небытие, он в силу своей одаренности вскоре оказался одним из главных технологов (и даже менеджеров, а отчасти уже и хозяев) знаменитой немецкой фирмы «Сименс и Шуккарт». В любом случае, он уже катался как сыр в масле, имел фантастические перспективы и занимался любимым делом, что тоже, согласитесь, немаловажно. А потом свершилась революция 1917 года, и Ленин, с которым он находился в контрах, позвал его назад. Против были все — жена, дети. Но Красин поехал к Ленину. Почему? Потому что Ленин соблазнил его главным — историческим творчеством. И Красин встал в строй. Умер за границей уже как большевистский дипломат. Перед этим работал на износ, будучи сильно нездоровым человеком.

Что сделал Ленин? Он сумел «цыкнуть», то есть предъявить человеку, который вписался в чужую жизнь, не только шанс на русскую жизнь (для Красина это было далеко не главное), но и шанс на историческое творчество. Он сумел «цыкнуть», то есть осуществить апелляцию к накаленному идеальному. Он же не убийц к Красину посылал… Не «чикал»… При том, что многие убийцы отказались бы ехать — Камо, например, точно бы отказался…

Но это так, историческая реминисценция. Кто-то и поехал бы — и что? Красин был не из пугливых. А даже если бы его связали и приволокли — он же в другом виде был нужен, не так ли? Он для ГОЭЛРО был нужен, вместе со своим другом Кржижановским. Он Ленину для проекта был нужен. И Ленин предложил Красину место в проекте. Не деньги, не должность, не пистолет к виску, а возможность работать на износ и место в проекте.

Вот это называется «цык». Сравните с широко обсуждаемыми сегодня разного рода «чиканьями» и, как говорится, почувствуйте разницу.

У Ленина была возможность задействовать бытийность как аргумент. И этот аргумент перекрывал многое. С формальной точки зрения, Красин был чужекрат. Он пустил глубокие корни на Западе. Ему были там предоставлены большие возможности. Его семья абсолютно не хотела их терять. Но манкость ленинского предложения (создаем новое бытие, реализуем суперпроект) оказалась решающим аргументом в жизненном выборе.

Но этот же аргумент нужен «активу на территории»!

Такой актив надо мобилизовать. А как мобилизуют? Под проект! Под новое бытие! Под идею! А не под соблазн временно погреться под лучами властного солнышка с перспективой скорой Гааги или чего похуже.

Актив на территории не может быть конформистским. Не может быть «прикормленным». Он должен быть бытийственным. Но, чтобы он стал таковым, нужно это самое бытие. А чтобы оно возникло, нужен не «чик», а «цык».

Почему нет соответствующего актива?

Во-первых, потому что «чикающие» не могут предложить активу бытие (то есть «цыкнуть»).

Во-вторых, потому что привлеченный «цыком» актив «чикающим» не нужен. Они его боятся. Ведь, построившись под «цык», актив станет неподконтролен «чику». А значит, сами «чикающие» в критический момент его возглавить не смогут. И им придется или «лечь» под него, или оказаться снесенными самовозрастанием «проектно-мобилизационного» движения.

Если бы «чик» стал «цыком», то он без страха оказаться жертвой инициированного процесса мог бы возглавить мобилизацию актива.

В противном случае он может только опереться на конформистов. Неважно, каких именно. Мало ли как может выглядеть второе издание поздней КПСС. В любом случае, это будет помпезная декорация, которая развалится при первом серьезном вызове.

«Борис Годунов» Пушкина в качестве «рамочного зачина» имеет народный вопль:

Венец за ним! он царь! он согласился!

Борис наш царь! да здравствует Борис!

А в качестве такого же рамочного завершения — тоже народный вопль, но противоположного содержания:

Вязать! топить! Да здравствует Димитрий!

Да гибнет род Бориса Годунова!

Прочитайте подряд два двустишия. И вы поймете, что Пушкин сознательно придал им строго одинаковый ритмический характер. Вот что такое опора на конформизм. А как «чик» может, не став «цыком», создать что-либо, кроме конформистской декорации?

За деньги убивают. Умирают только за идею. Зачем умирать за деньги? Деньги нужны, чтобы жить. Кушать из этой самой «коробки конфет».

Не может быть суверенной гедонистической власти в условиях нынешней общемировой и внутренней ситуации. Не может, и все тут. А пока не будет «цыка», власть будет именно гедонистической. А как иначе?

Вот говорят — «коррупция»… Да что коррупция! «Оборотни»… Да что «оборотни»! Никого не хочу демонизировать или восхвалять. Просто предлагаю одну чисто логическую — если хотите, даже математическую — задачу из теории управления. В основе ее следующий причинно-следственный ход. Дано: «оборотень». Спрашивается: этот «оборотень» начальству «отстегивает» или нет?

Ответов может быть два: либо «отстегивает», либо нет. А теперь рассмотрим оба варианта.

Если «отстегивает», то имеется хотя бы криминальная вертикаль.

А если «не отстегивает», то вертикаль поломана. И мы имеем внизу этакую самоуправляемую криминальную систему, выходящую на другие аналогичные системы (тут без разделения труда и кооперации не обойдешься), а наверху беспомощного начальника.

Если «отстегивает», то управляемость есть. Пусть это и специфическая управляемость. Гейдар Алиев недаром говорил: «В Азербайджане одна мафия — моя». Но даже он ошибался, как показали 90-е годы.

А если «не отстегивает», то управляемости нет.

Кто-то считает мой пример абсолютно абстрактным? Да вся история с распадом СССР на этом построена! Тот же, к примеру, Алиев. Его меняет Везиров. Идет идиотская борьба с коррупцией. Матерые кадры заменяются людьми, которые то ли не успели научиться правильно воровать, то ли не захотели воровать, то ли испугались, то ли не вписались еще в достаточной степени и слишком мелко воруют. В любом случае, «низ» ворует по-прежнему, а «верх» им управлять вообще не может.

Предположим, что Везиров «не берет»… Ах, как хорошо! Да чего хорошего? Раз Везиров «не берет», то он и не управляет «берущими» милиционерами и гэбэшниками. То есть под Везировым находится структура управления, которая криминально самоорганизуется. А он… Он наверху, но чем он управляет? Самим собой? Своим секретарем? Пресс-службой?

Он же не Петр I и не Ленин, он не принес с собой смысловое поле и цементируемый этим полем кадровый резерв. Он чужд криминальному мотиву, но криминальный мотив остается доминирующим в системе управления, для которой он — шут гороховый.

А потом включается внешнее управление. Оно обходит беспомощную верхушку. Простраивает связи внизу. Местное управление полностью перехвачено. И «оранжевый вариант» оказывается, по сути, безальтернативным. Фигуры расставлены так, что мат шахматисту гарантирован — можно и не играть.

К подобной общеуправленческой ситуации, обусловленной десуверенизацией, можно добавить ситуацию со средствами массовой информации. Вопрос абсолютно не в том, что журналисты хотят зла. Журналисты вообще ни при чем. Вопрос во все тех же «цыке» и «чике». Журналистами можно управлять только через «цык». Не в том смысле, что на них надо «цыкать», как раз «цыкать» на них нельзя. А в том смысле, что нет и не может быть согласованной мобилизационной работы средств массовой информации вообще (а в условиях кризиса в особенности) — без «цыка», то есть без идеального, без идеологии и стратегии.

Нельзя каждую минуту руководить каждым из генералов масс-медиа директивно. Особо же это нельзя делать в момент кризиса. Если нет идеологии и стратегии, рушится вся сфера производства национальных нематериальных активов. «Чик» не может обеспечить идеологию и стратегию. Он либо превратится в «цык», либо состояние этой самой сферы нематериального производства поволочет общество в очередной коллапс после скорого исчерпания суррогатной идеологии декларативного патриотизма.

В сегодняшней России момент подобного исчерпания — не за горами.

Что такое нынешний гибрид патриотизма и «конфетизма»? Что такое нынешний симбиоз из «жизнь за Родину» и «жизнь как коробка конфет»? Приведу лишь один наиболее яркий пример.

В марте 2005 года канал НТВ показал передачу «Профессия — репортер», посвященную «русскому порно». Ну, порно и порно… Уже ко всему привыкли… Но тут все-таки речь идет о чем-то экстраординарном. НТВ рассказало нам об отечественном порно, снятом сознательно на фоне исторических памятников Санкт-Петербурга. В частности, на фоне «Медного Всадника».

Речь идет о продукции конкретного лица — С.Прянишникова, весьма известного порнопродюсера. В передаче «Профессия — репортер» нет апологетики этой продукции. И даже, напротив, приводится высказывание немецкого порномагната о том, что если бы он снял порнофильм, допустим, на фоне рейхстага, его тут же посадили бы в тюрьму: «Снимать порно в общественных местах запрещено. Даже если кто-то возьмет деньги, он потом не сможет спокойно жить, вся Германия его проклянет».

То есть автор передачи фактически говорит следующее: «У них бы за это посадили в тюрьму. У нас — нет». Более того, автор сообщает нам, что пока он снимал фильм о продукции Прянишникова, уголовное дело по факту распространения Прянишниковым порнографии, которое тянулось в течение пяти лет, закрыли. А дальше — кадры: зритель видит Прянишникова, который празднует это событие шампанским на борту крейсера «Аврора».

Место празднования — неслучайно. Некоторые сцены одного из самых скандальных фильмов Пряшникова «В борьбе за это…» снимались на борту крейсера «Аврора». Прянишников сам рассказывал об этом на Первом канале в передаче «Большая стирка».

Сексуальные сцены в других порнофильмах Прянишникова тоже сняты в неслучайных местах: на Дворцовой площади, у Эрмитажа, в Летнем саду, у Смольного собора, на набережной Невы… Многие эксперты считают, что дорогу «творчеству» Прянишникова фактически открыла Комиссия по экспертной оценке продукции эротического характера, созданная распоряжением губернатора Санкт-Петербурга в октябре 2000 года. В комиссию под руководством и.о. вице-губернатора А.Потехина вошли представители Лицензионной палаты, комитетов по культуре, образованию, потребительскому рынку, науке и высшей школе, сотрудники правоохранительных органов, депутаты Законодательного собрания и много кто еще.

В январе 2001 года эта комиссия приняла решение, в соответствии с которым эротическая продукция была подразделена на три вида: порнографию, которую необходимо запретить (педофилия, зоофилия, некрофилия и садомазохизм), «жесткую» эротику и «мягкую» эротику. Порнофильмы Прянишникова попали в категорию «жесткая» эротика. А что не запрещено, то разрешено. Сам Прянишников говорит, что ведет «идеологическую борьбу». То есть, надо так понимать, продвигает «жесткую идеологическую эротику»…

Ведь реальный смысл его деятельности — именно в нанесении идеологических (и даже символических) ударов по сакральным точкам нашей истории!

Я не призываю устраивать митинги: «Прянишникова — в тюрьму!» Я вообще не о Прянишникове — я о гражданах страны. И об ее элите. Ведь Прянишникова кто-то пустил на крейсер «Аврора»! Некоторые интернет-источники утверждали, что попал он туда с разрешения высокого флотского начальства. Бывший командующий Балтийским флотом адмирал Валуев, посчитав, что это обвинения в его адрес, заявил, что никаких съемок на «Авроре» не было, что это компьютерный монтаж.

Я совершенно не намерен здесь заниматься разбирательством, разрешало ли командование Балтфлота подобные съемки, не разрешало… Намного важнее, что в ходе скандала обсуждался факт прибытия на крейсер «Аврора» съемочной группы с офицером штаба Ленинградской военно-морской базы, якобы имеющим разрешение на съемку эпизодов, связанных с событиями Октябрьской революции. Что съемки в салоне командира, в боевой рубке, на верхней палубе, в машинном отделении легли в основу порнофильма «В борьбе за это…» (производство SP CO CPb, 2000 год, продюсер С. Прянишников). Что как минимум часть наших сограждан, следивших за развитием этого скандала (или просто видевших Прянишникова на телевидении), уверена, что съемка на «Авроре» действительно имела место. И они задаются вопросом: что, командир крейсера, офицерский состав, матросы — ослепли и оглохли? Ведь они видели идущие два часа съемки. И не могли не понимать их однозначный смысл. Значит, они либо боятся начальства до полусмерти, либо абсолютно безразличны к тому, что происходит.

НО ЭТО-ТО И ЕСТЬ ОСНОВНОЕ! НЕ НТВ, НЕ ВЫСОКИЕ ЛИЦА — А ИМЕННО ЭТО.

Кому-то, наверное, история про «идеологическую эротику» покажется мелочью. Но для меня она такой экзистенциальный вызов, что дальше некуда.

Я задал вопрос своим израильским знакомым: «Скажите, может ли быть такое еврейское порно, чтобы «групповик» — у Стены Плача? Что будет дальше? Арестуют создателей такого фильма или разорвут раньше, чем успеют арестовать?» Самый уважаемый мною эксперт ответил: «Надеюсь, что разорвут на части раньше, чем арестуют. Если нет, я эмигрирую из страны».

Я не хочу умножать сущности и перебирать все антикультурные прецеденты. Но есть прецеденты, позволяющие раскрыть внутреннюю логику антикультурной оргии. И показать, что это именно оргия. Показать это можно, проведя параллель между процессами в экономике и культуре.

В экономике оргия (она же приватизация, шоковая терапия и пр.) имела своим источником тезис о «совке» как антисистеме. Мол, каждый законопослушный гражданин СССР — это «совок», то есть элемент антисистемы. И потому он не может быть опорой при переходе от антисистемы к нормальной системе. Опорой же должен стать тот, кто сопротивлялся всему «антисистемному» социуму. Сопротивлялся же асоциальный элемент. Иначе говоря, криминалитет. На него-то и надо опереться. Оперлись. Теперь рыдают по поводу криминализации постсоветского общества.

Что происходило в культуре? В какой мере в ней воспроизводилась та же логика, согласно которой все культурное здание — это антисистема, и потому опереться можно только на анти-антисистему? То есть на подполье этой самой культуры. Иначе — контркультуру.

Однако советский контркультурный андеграунд не был калькой советской контрэкономики. Лидеры контркультуры никак не являлись аналогами «воров в законе». И когда это обнаружилось, начался лихорадочный поиск настоящих антисистемных культурных элементов. Вскоре они были найдены. И вознесены именно на пьедестал — причем строго по тому принципу, по которому возникли криминальные (то есть антисистемные) экономические «титаны».

Культурным антисистемным «титаном» новой эпохи стал, например, господин Сорокин. Ну, писатель и писатель… Во-первых, я не культуру исследую… Во-вторых, по мне так пусть расцветают все цветы… Словом, никак я не призываю к сожжению книг Сорокина. Но сделать Большой театр местом пышной постановки сорокинских «Детей Розенталя» — это не частный культурный, а общий философско-политический прецедент.

Сначала говорится о том, что Большому театру как флагману нашей культуры надо выделить на реконструкцию миллиард долларов. Вот как у нас сейчас стали заботиться о культуре! Зачем нужно оперировать такими вот конкретными цифрами — непонятно. Зачем злить страну — ученых, педагогов, обычных деятелей культуры? Зачем нужно, чтобы высчитывали: если целый миллиард долларов, то сколько за квадратный метр? Зачем интегрировать в выгодную культурную тематику все пошлые рассуждения об «откидах», «марже» и тому подобном?

Но главное ведь не в этом. А в том, что делается заявка на то, что в новой системе, являющейся «анти-антисистемой» (антисистема — СССР), культурным мейнстримом (Большой театр символизирует собой культурный мейнстрим) станет тот, кто был настоящим культурным антисистемным элементом предыдущей эпохи. И с него начнут брать пример.

Эта убийственная заявка в культуре делается не столь лобовым образом, как в экономике. Потому что с этим сосуществуют культурные деятели советской эпохи. Одни сосуществуют с этим, олицетворяя собой успех. Другие прозябают, третьи загибаются. Но и тех, и других, и третьих время от времени показывают на экранах телевизоров в качестве культовых фигур, призывающих избирателя сделать правильный выбор. После этого их опять запихивают в пронафталиненный сундук и начинается системная культурная оргия.

Суть этой оргии именно в том, чтобы поменять местами низ и верх. Низ существует всегда. Но у него есть свое место. Когда шпана распевает песни в подворотне под гитару, это нормально. Но никто ведь не хочет сделать этот блатняк культурной нормой? Или хочет? И делает? Но тогда триумфом подобного делания должна стать «Мурка» как гимн Российской Федерации.

Поменять низ и верх можно только с помощью двух операций. Сначала поставить низ наверх. А потом верх запихнуть вниз.

Модель реальности и реальность отличаются друг от друга. Но если я прав в главной своей идее, положенной в основу модели (а идея эта — смена верха и низа), то реальность ждут соответствующие постепенные трансформации.

Может быть, Маркс и огрублял общественные процессы, говоря о базисе и надстройке. Но если в базис (экономику) поместить обычный криминалитет, а в надстройку (культуру) — криминалитет культурного типа, то осуществится взаимоподпитка базиса и надстройки. «Вор в законе» становится хозяином жизни. Ему нужна в культуре «Мурка».

Одно дело, когда ему говорят: «Нет уж милый, раз ты стал хозяином жизни, то соответствуй — уходи от «Мурки», читай Шекспира». Так еще можно выйти из капитализма первоначального накопления. И именно так — за счет предельного обострения отношений между базисом и надстройкой, капиталом и культурой — и организовывался подобный выход. У капитализма эпохи первоначального накопления есть и другое название — Ад. Низ без верха. Поскольку низ без верха не может поддерживать себя на определенном уровне, он через какое-то время начинает понижать уровень. Это единственный способ, которым он может существовать. Шекспир не приедается. Его идеи, образы и метафоры могут обновляться, открывая у общества новое дыхание. Порно приедается. И его надо заменить сначала жестким порно, потом гладиаторскими боями. Великие чувства не притупляются. Острые ощущения притупляются.

Строители великих капиталистических государств могли опираться на свой капитал, в том числе и гангстерский. Но они ему не потакали. Они его не «облизывали». Они ему открывали новые горизонты. Потому что им нужны были государства. И они понимали, что без такого «культурного» выволакивания гангстеров наверх они государств не построят. Ленин мог опираться на Камо. Но ему для государственного строительства нужен был Станиславский. И понятно, почему.

А если Большому театру выделяют на реконструкцию миллиард долларов и при этом ставят в нем сорокинских «Детей Розенталя», — мне тогда уже все равно, на сколько процентов увеличился валовой внутренний продукт (ВВП). Потому что если Сорокин — флагман культурной политики, то общество — бордель. И так ли важно, насколько вырастет ВВП борделя? И какие ракетные установки поставят на его крышу? Потому что никакие ракетные установки бордель не защитят.

А главное — зачем борделю сопротивляться-то? Чтобы всех, кто упрямится, все-таки загнать в этот самый «суверенный» бордель? Невозможно удержать страну, если сначала ради ее единства угробить на Кавказе тысячи молодых парней, а затем предлагать населению все то, что я описал выше в связи с «идеологической эротикой» и т. д. Исламская культура очень сильно стережется постмодернизма, и в этом я полностью на ее стороне.

Как удерживать в отсутствие смысла? А главное — как отстаивать АНТИ-смысл? Потому что Сорокин — это именно АНТИ-смысл.

Не вообще Сорокин! Он ни при чем. Пусть он пишет, издается… Пусть где-то будет порно и все прочее. Человек греховен, люди разные… Вопрос не в Сорокине и не в порно, а в государственной культурной политике. Потому что если Сорокин — флагман культуры, то Пушкин и Шолохов — андеграунд. А то и запрещенные авторы.

Какая бытийственность? Какая мобилизация? Расставляя приоритеты таким образом, можно только показать «граду и миру», что задача не в том, чтобы вытаскивать людей из грязи, а в том, чтобы затаскивать их в нее. Но не абы как, а одновременно с укреплением вертикали власти. Чтобы даже те, кто не хочет в грязь, — «лезь и не рыпайся!».

А как в этих случаях вы будете мобилизовывать на борьбу за целостность России? Это же абсолютно конкретный вопрос!

То, что я сейчас обсуждаю встревоженно и предельно корректно, на сотнях сайтов обсуждается в совсем другой, убийственной для государства, интонации. И что отвечает «чик»? «Чик» ничего не отвечает, потому что этого не видит. Точнее, это для него абсолютно несущественно. На то он и «чик».

Но он не просто не понимает. Он запихивает в это самое масс-медийное пространство свои распри. И фантастическим образом дезорганизует общественное сознание. По телевидению валом идут убийственные сериалы, сделанные по заказу «чика» и компрометирующие его на триста процентов. То ГРУшники возят тоннами наркотики и убивают мужчин и женщин, то ФСБшники… Но и это не все. В один день по двум государственным каналам показывают два фильма. Один и тот же работник российской госбезопасности (ныне живущий и действующий человек) в первом из них представлен как герой, а во втором — как мерзавец и бандит. Одна часть «чика» воюет с другой не темной ночью в чистом поле, а по главным каналам государственного телевидения. На этой основе можно что-то мобилизовать? На этой основе можно хотя бы создать привлекательный и позитивный образ самого «чика»?

А качество этого самого госпродукта, который должен просветлять наши души и мобилизовывать нас через идеальное? Это качество чудовищно. В сериалах играют люди, которые не могут играть даже в самодеятельности. Это не мелочь. Это информационная политика. У любого культурного человека она вызывает единственное желание — выключить «ящик», чтобы это не

видеть и не засорять мозги. То есть реакцию отторжения от… от чего? От государственного телевидения, «святая святых» власти.

Мне говорят, что в основе этого маразма лежат так называемые слабо структурированные процессы. Они же — органические процессы. Ну, например, «вор в законе» хочет видеть свою любовницу по телевизору, он платит деньги, и ее-то берут на роль. А любовница не умеет в кадре стоять, ходить и говорить.

Кто спорит? Конечно, органика превалирует. Но я убежден, что к ней дело не сводится. Что ее используют и усиливают с помощью вполне отчетливых — сильно, а не слабо структурированных — процессов. И что сильно структурированный регрессивный процесс поддерживается слабо структурированным регрессивным процессом. И наоборот. Это и называется «регрессивный резонанс».

Выше я уже приводил пример со «свободной рыночной конкуренцией» помидоров и сорняков на огороде, и ее неизбежным результатом. Здесь же укажу, что когда рынок расставляет приоритеты в пользу того или иного (социального, культурного) «сорняка» — то это слабо структурированная регрессивная органика.

Но когда предоставление рынку возможности расставлять приоритеты закладывается в общенациональную концепцию развития, то это слабо или сильно структурированный регрессивный процесс? По-моему, так сильно, что дальше некуда. Сначала концепция — потом процесс. А потом обратное воздействие процесса на концепцию. Вы указываете на творящийся ужас? Вам говорят: «А что делать? Это доминирующая тенденция».

Вот что такое регрессивный резонанс.

Конечно, вытащить человека из грязи гораздо труднее, чем толкнуть его в нее. Но ведь толкают, не полагаясь на то, что тот и так выберет грязь.

И для таких выводов мне не надо читать конспирологические записки. Достаточно внимательного анализа вышеописанной эпопеи с Прянишниковым, «Авророй» и всем остальным. А ведь эпопей подобного типа немало. И они сплетаются в одну социокультурную сеть. Сеть накинута на страну. Страна бьется в этой сети. Но… когда долго бьешься, возникает и привыкание, и многое другое.

Короче — страна больна и погружается в тяжелейшее состояние, но ее не только не выводят из этого состояния, а все глубже, глубже и глубже в него затягивают. Делают ли это стихийно или сознательно, из предрассудков или по злостности, одни так, другие иначе, но никто никуда это затягивание развернуть не может.

Чтобы такой процесс куда-то развернуть, нужен не «чик», а «цык». Если КАК ЦЕЛОЕ (об отдельных людях не говорим) правит бал тенденция, суть которой в криминальности макросоциального мейнстрима и в гедонистическом консенсусе элиты, набирающей чужекратические обороты, — то какой суверенитет? Какая государственность вообще?

При таком мейнстриме страна скоро окажется в состоянии, когда ею нельзя будет управлять. А значит, нельзя будет и элементарно удерживать власть. Загнивание войдет в финальную фазу.

Между прочим, Петр Первый это хорошо понимал, когда создавал свои потешные полки. Он понимал, что ему нужен собственный вариант «катакомб», что ему нужно, чтобы из его «параллельной системы» вышел его новый актив. И он вполне осознавал, какой ему требуется актив. Есть такие понятия: «новый призыв», «революция сверху»… Петр это понимал, и это сейчас вполне актуально.

Но он-то был «цыком».

И тогда все «чики» были на своих местах.

А если пиарить какие-то «достижения» вместо того, чтобы реально осуществлять мучительную и невероятно трудную трансформацию, и сложнейший вопрос ротации элит использовать как предлог для очередного бессмысленного обогащения, то конец очевиден. Или кто-то думает по-другому? Думает, что «на наш век хватит»? Когда власть предержащие начинают так думать, то век их оказывается весьма и весьма коротким.

Вызов № 14 — превращение.

Безбытийственность — это только пролог к чему-то большему. И я-то считаю, что именно к превращению. Анализировать превращение можно используя все ту же самую метафору «чика» и «цыка».

В каком-то смысле «чик» — это всегда форма. А «цык» (если он настоящий) — это содержание. «Чик» — это структура. А «цык» — дух, создающий структуру. И так далее. Что происходит с формой, когда содержание умирает? Форма умирает? Нет. Она освобождается от содержания. И в каком-то смысле ликует. Содержание ее сковывало. А сейчас — как хорошо, одна форма! То есть форма бунтует против содержания. Но содержания она, естественно, не создает, потому что она форма.

Она сначала переходит в фазу пустоты. И радуется! Как хорошо! Содержания нет! Парткомы не сковывают профессионалов! Потом у нее возникают проблемы. И она пытается построить содержание из себя самой («моя этика — профессионализм»). Потом она пытается получить чужое содержание. Но не может. Потом она начинает поклоняться пустоте как содержанию. Но поскольку в основе бунт формы против содержания, то в итоге форма зовет к себе антисодержание. То есть не умирает в отсутствие содержания, а превращается.

Такой процесс может быть страшнее всего другого. Он в большей степени, чем что угодно еще, бросает вызов всем нам. И «чику», если тот хочет быть властью. Но ведь сам «чик» без «цыка» и является главным разносчиком такого превращения. Чтобы избавиться от превращения, он должен стать «цыком», а распухая, он лишь наращивает превращение. И тогда превращаться начинает все.

Главным бандитом становится профессиональный защитник от бандитов.

Главным шпионом — борец со шпионами.

Главным убийцей — врач.

Главным растлителем — профессионал, отвечающий за дух. В том числе деятель культуры, но и не только.

А главным источником опасности в этой ситуации становится — кто? Правильно! Тот, кто отвечает за безопасность. Этот самый чекизм — но не как здоровое социальное тело, а как тело, превращенное в опухоль. И что делать?

Не допускать превращения!

Ведь кто-то, напротив, хочет этому превращению помочь состояться. И после того, как оно состоится, начать кричать, что опухоль надо вырезать. А то и о том, что вырезать поздно. И можно только дать больной нации мирно скончаться.

Для того, чтобы социальное тело не превратилось в опухоль, надо воспрепятствовать не чекизму как таковому, а этому самому распуханию. Воспрепятствовать распуханию можно только обеспечив достраивание. Потому что если «чик» не будет самодостраиваться, то он будет бессмысленно и злокачественно распухать. Он никогда не останется в собственных рамках. Это закон сброса.

Система упала на этот аттрактор. Дело не в том, что пришел Путин и возник чекизм, а потом придет геолог или юрист — и возникнет что-то другое. Это очень наивное рассуждение. Дело в том, что чекизм оказался единственным социальным телом, обладающим достаточной массой и связностью, чтобы выполнить амортизирующую роль после обрушения предыдущей системы. И никуда вы из этой коллизии не выпрыгнете.

Распухание — лишь первая фаза в этом негативном сценарии. А как происходит само превращение?

Простейший пример — бюрократия. Она должна организовывать управление. Но если она его организует, то жизнь наладится. И в налаженном механизме исчезнет бюрократ как конкретный хозяин вашей судьбы. Вы приходите в бюрократическую инстанцию, подаете бумаги. Если они правильно оформлены (а почему их не оформить, если есть внятные правила?), то этим бумагам дают ход. И где тут бюрократ? Он становится обезличенной функцией и теряет при этом сразу все — и подношения, и ощущение собственной власти.

Поэтому бюрократия (как форма) сначала просто начинает наплевательски относиться к организации управления (содержанию). А потом она мастерски дезорганизует управление. Опять-таки, цель понятна. Чем больше управление дезорганизовано, тем нужнее поддержка бюрократа, становящегося из обезличенного «винта» господином чьих-то судеб.

В итоге место порядка занимает не хаос, а антисистема — сложно организованный произвол. И в этом триумф превращения! Именно в этом. Антисистема может разрастаться, усложняться.

Если создавать новые инстанции с большей скоростью, нежели человек может собрать визы бюрократов на своих бумагах, то всякая деятельность, кроме бюрократической, автоматически

прекращается. А чтобы она не прекращалась, люди вынуждены противопоставить абсурду антисистемы личный сговор с конкретным бюрократом.

Теперь попробуйте применить данную модель к силовой бюрократии.

Форма — контртеррористическое ведомство. Содержание — недопущение террора. Пока форма и содержание совпадают, мы имеем нормальную социальную ситуацию. Потом оказывается, что недопущение террора ущемляет прерогативы ведомства. Нет террора — нет бюджетных ассигнований. Нет «распилов». Нет усиления своих административных позиций. Тогда начинается работа по принципу «ни шатко ни валко». Террористов и давят, и допускают. С ними не то чтобы очень борются, но и не то чтобы вовсе не борются.

Это еще не превращение. Но это уже какое-то распухание. А главное — аннулирование содержания. Однако содержание нельзя просто аннулировать. Форма без содержания жить не может. Нет настоящего содержания — будет востребован другой наполнитель.

Соответственно, превращенное ведомство становится организатором непрерывно усложняющихся форм террористической деятельности. Известный журналист Джульетто Кьеза (между прочим, член Европарламента) в открытой печати с полной определенностью говорит о том, что события 11 сентября 2001 года — это результат подобного превращения. Прав он или нет — отдельный вопрос. Но феномен «стратегии напряженности» описан и без господина Кьеза. И по существу он представляет собой саморазрастание усложняющейся системы террористического произвола, управляемого контртеррористическим ведомством. То есть превращение.

Наша безбытийность стремительно движется в сторону антибытийности. Не могу не привести по этому поводу конкретных примеров — не управленческого, а экзистенциального характера.

В преддверии празднования 60-летия Победы над фашизмом одна из наиболее официальных российских газет — газета «Известия» от 21 марта 2005 года — заявляет следующее:

«Сколько можно обвинять! Простые люди в знак примирения восстанавливают немецкие кладбища. Немцы приезжают помянуть товарищей и вспоминают былое с русскими ветеранами. Латышские солдаты тоже имеют право помянуть погибших друзей. Не с помпой, не как герои, а как участники той далекой трагедии, старые и больные. Все они — жертвы. Как были жертвами политических игр 60 лет назад, так и сейчас их используют — и на том берегу, и на этом… А чтобы наконец закончить ту войну, нужен не только Парад Победы — нужно провести в сентябре Марш Рядовых Второй мировой. В честь ее полного окончания. Вот только не знаю, где его нужно проводить. Может быть, как раз в Риге?»

Семантическим фокусом данного текста является фраза: *«Все они жертвы. Как были жертвами политических игр 60 лет назад, так и сейчас их используют — и на том берегу, и на этом».*

В подобной фразе содержится воинствующее стирание всякой грани между жертвой и палачом. Если все они жертвы, кто палачи? По всей Европе маршируют бывшие эсэсовцы. Их надо разделить по званиям? Рядовых в одну сторону, группенфюреров — в другую и так далее? А они хотят? И у нас надо сделать то же самое? Маршала Варенникова (или Жукова, если бы был жив) в одну сторону, солдата — в другую? А они хотят? Они хотят отказаться от Победы? От Истории? От правды? От смысла жизни?

Они не хотят, а автор цитированной статьи хочет. И осуждает всех, кто пытается провести грань между добром и злом, жертвой и палачом. Мол, «какая замшелость! Какая упертость! Столько лет прошло, и никакого примирения!»

А в чем альтернатива, предлагаемая этим автором от лица ошалелой русской Формы, потерявшей свое Содержание? Альтернатива, по его мнению, в следующем.

Нужно, (а) заменить День Победы — Днем примирения и (б) в этот День примирения заставить всех пройти зачем-то вместе в одном празднично-принудительном строю. Соседними колоннами, если следовать предложению автора, должны пройти солдаты, водрузившие знамя над рейхстагом, и батальоны Waffen SS. И что они должны вместе праздновать? Ах, да, примирение! А зачем? Чтобы не было неприятных конфликтов. Вот мы с Латвией «выясняем отношения», обсуждаем, приедет или не приедет на праздник Победы их президент. Все должны приехать… То ли в Латвию, где дружными рядами ходят бывшие эсэсовцы, то ли на Красную площадь… Приехать, обняться, выпить, закусить и того… этого… ПРИМИРИТЬСЯ.

Повторяю, это написано не абы где, а в газете «Известия» и не абы когда, а в преддверии празднования 60-летия Победы.

Как мне представляется, данное ноу-хау принадлежит не отдельному деформированному сознанию. Оно принадлежит коллективному сознанию, которое, выдвигая подобное ноу-хау, повествует одновременно о своем устройстве.

Устроено же оно по принципу превращения, то есть разрыва между формой и содержанием. Форма — праздник. Содержание — Победа. У Победы есть смысл. Точнее — смыслы. Победа может праздноваться постольку, поскольку она является историческим свершением. Но для того, чтобы она была историческим свершением, нужна История. Более того, нужна метафизика. Для Великой Победы она, безусловно, нужна. Потому что Великая Победа адресует к метафизической коллизии победы Добра над Злом.

Теперь представим себе, что нет ничего. Нет метафизики. Нет Истории. Нет свершений. Нет смыслов. Но есть праздник.

Рассмотрим предельный (и предельно омерзительный) вариант. Нет Христа, нет крестной муки и воскрешения, нет христианского смысла в Истории. Но все мы празднуем — и Рождество, и Пасху… В итоге получается, что если какой-то странный чудик «зачем-то подставился и оказался распят», то единственный позитив его чудачества состоит в том, что он позволил нам выпивать и закусывать несколько раз в год.

Но тогда мы должны выпивать и закусывать в максимально расширенном коллективе. В этом коллективе, безусловно, найдется место не только тем, кому было сказано: «ваше время, и власть тьмы», но и самой этой тьме. Тьма и Свет должны выпить, закусить и пройти бок о бок по некоему постмодернистскому подиуму.

Что в принципе отделяет предложение газеты «Известия» от моего предельного описания? Мне кажется, что никакой принципиальной разницы нет. Но поскольку мое предельное описание является одной из фаз превращения, то абстракция, которую я изложил, подтверждается экспериментальным историческим материалом нашей эпохи. Я мог бы привести еще много таких подтверждений.

Голодная форма хочет насытиться оксюморонами — коктейлем из взаимоотрицающих содержаний. Но каким образом она может залить в себя эти содержания? Только умертвив их. Смысл должен стать мертвым — превратиться в музейный экспонат. Живой орел начнет клевать живую змею, а чучело орла может стоять в музее рядом с чучелом змеи.

Рассмотренные нами конкретные примеры позволяют описать инволюционную траекторию, по которой движется анализируемый процесс превращения. Можно выделить несколько закономерно сменяющих друг друга фаз этого процесса.

Первая фаза превращения — отрыв формы от содержания.

Наша жизнь заполнена бессодержательными формами. Легче всего это уловить по бессодержательности нынешних праздников.

Признаем, что у большинства наших праздников нет содержания. И, зафиксировав это отсутствие в качестве первой фазы, оговорив, что освобождение от содержания требует издевательства над ним (глума), пойдем дальше.

Вторая фаза превращения — эйфория в отсутствие содержания.

Если у праздника нет содержания, то как праздновать? Понятно, как. Побольше хлопушек, визга. Соберем всех подряд, выпьем пива, поколготимся и порадуемся тому, что изгнали содержание. «Ура, ура, его нет! А мы есть!»

Третья фаза превращения — усиленное кривляние.

Просто кричать «ура! ура!» скучно. Вернуть содержание невозможно. Тогда вспоминают, что для разрыва с содержанием использовалось глумление, и возвращают глумление. Но это не возвращение к первой фазе. Тогда глумление соседствовало с содержанием. И потому его можно назвать первичным. Теперь оно становится вторичным. То есть особо оболваненным. Уже непонятно, над чем глумимся, но глумимся. Просто кривляемся.

Четвертая фаза превращения — некрофилия.

Устали кривляться. Вернуться к содержанию нельзя. Оно убито и валяется на помойке. Но можно приволочь его с помойки. И начать заново использовать. Только не говорите мне, что этого нет. Что «пионеры» в красных галстуках под барабаны и горн не подают жратву оборзевшим идеологическим некрофилам.

Пятая фаза — гибридизация.

Поиздевались над убитым смыслом. Убедились, что он обезврежен. А почему не добавить к нему такой же противоположный и обезвреженный? В сущности, приведенная мною статья в «Известиях» предлагает именно это. И не она одна. Это обычный постмодернистский прием? Скоро обычным приемом станет и многое другое.

Шестая фаза — «вой в пустоте».

Соединили все со всем, все окончательно обнулили. Устали. Разойтись тоже не могут. И начинают выть. Просто выть? В каком-то смысле просто… А в каком-то и не вполне просто. Потому что так воют, когда чего-то ждут. И понятно, чего.

Седьмая фаза — торжество антисмысла (антисодержания). То есть окончательная мутация.

Наконец, то, чего ждали, приходит. Можно дожидаться, пока оно придет. И просто размышлять о том, на какой фазе превращения мы находимся, коль скоро уже без всяких внутренних сомнений говорится «господа чекисты».

А можно описать это как вызов. И спросить претендентов на роль политического субъекта, что они собираются делать с этим вызовом? И понимают ли, что их дальнейшее распухание в отсутствие самодостраивания означает ускорение превращения? А превращение это заденет не только их самих, но и все общество. Оно и без них превращается. Но когда идет столь страшный макросо-циальный процесс, то шанс на его преодоление состоит в том, что некая элита, осознав последствия развития процесса, начинает его останавливать.

Способна ли чекистская элита останавливать такой процесс? Для этого она должна понаблюдать за собой. И поразмышлять по поводу соотношения «чика» и «цыка».

Что же касается меня, то я считал и считаю, что «не думать о черном медведе — значит думать о белом».

Не распухать от «чика» — значит самодостраиваться до «цыка». Самодостройка — это инициация. Любое восходящее преодоление заданности — это инициация.

Распухание — это контринициация. Любое нисходящее преодоление заданности — это контринициация.

Не будет инициации — будет контринициация. Не люблю пресловутое «третьего не дано», но в данном случае это именно так. Государство — форма. В чем содержание? Как мы уже говорили, в том, чтобы народ осуществлял свое историческое предназначение. Народ осуществляет его в истории.

Есть исторические моменты, когда он делает это в максимальной степени. Является ли Великая Отечественная война таким концентрированным выражением триумфа исторического предназначения народа, а значит и триумфа формы, реализовавшей это содержание? Безусловно, так. Многие под это подкапываются, но народ пока достаточно твердо на этом стоит.

К 2005 году единственным консенсусным праздником для граждан России оставался День Победы. Что нужно сделать, чтобы и его не было? Что нужно для того, чтобы Форма не просто отказалась от Содержания, а реализовала Антисодержание?

Нужно изменить собственному предназначению и запихнуть в туже форму диаметрально противоположное содержание, то есть фашизм. На пути к этому нужно осуществить «случку» мертвых смыслов. Этот самый зловещий псевдопраздничный парад «всех без исключения». А дальше — путь к Антисодержанию открыт.

Но окончательный результат соединения Формы с Антисодержанием состоит даже не в том, чтобы русские закричали «хайль Гитлер!». Крича «хайль Гитлер!», они одновременно должны выполнять план «Ост» и демонстрировать свою «сущность» в соответствии с отвратительной розенберговской трактовкой («руссиш швайн»). Метафизически это означает превращение в анти- не только исторической жизни, но и жизни вообще. Страну хотят сделать носителем антижизни. Она должна превратиться в «беременную смерть», а не просто умереть. «Беременная смерть» — это ключевой карнавальный образ, блестяще описанный филологом и философом Бахтиным в его фундаментальных исследованиях.

Стоп! Заговорив о карнавале, я исчерпал определенный канал трансформации нашего «коллективного персонажа» в «коллективный феномен». Для того, чтобы двигаться дальше, нужно завершить рассмотрение атипичных вызовов. И использовать еще один канал феноменологической редукции, который позволит нам увидеть тот же феномен чекизма хотя и под сходным, но принципиально иным углом зрения.

Ведь не случайно мы пришли к карнавалу. А там, где карнавал, там культурология. Если точнее — теория социокультурного моделирования, а также ее прикладная ипостась, называемая «теорией смысловых войн».

Глава 6. «Чекизм» как социокультурный феномен

В. Путин руководит страной восемь лет. Все эти восемь лет общество оживленно обсуждает роль спецслужб в жизни государства. На эту тему сняты десятки, а может быть, и сотни фильмов, написаны тысячи статей.

В числе прочих высказываются на данную тему и представители спецслужб, как отставные, так и действующие. Причем достаточно активно. Печатаются мемуары. Обсуждаются животрепещущие вопросы, связанные с данным видом профессиональной деятельности.

Люди этой профессии обсуждали свои проблемы и до президентства Путина. Может быть, чуть менее активно, потому что Ельцин относился к данной теме совсем не так, как Путин. Но нельзя сказать, что это накладывало печать на уста.

В совокупности за восемь лет ельцинского правления и восемь лет президентства Путина «чекисты», наверное, высказались сотни раз. По телевидению и радио. В книгах и журнальных статьях. В газетах и просто выступая перед различными аудиториями. Они высказывались внутри страны и за рубежом. Мемуары Судоплатова, например, как мне кажется, за рубежом обсуждали с большим интересом, чем внутри страны.

Не знаю, есть ли в России и за рубежом специалисты и научные организации, которые специализируются только на этих высказываниях и могут представить их полный обзор. Скажу только, что я и мои коллеги посвятили достаточно много сил и времени чтению подобной литературы. Никоим образом не буду при этом утверждать, что исчерпывающе владею всем объемом оценок и размышлений. Но, как мне представляется, никто из людей данной профессии ни разу не пытался обсудить свою социальную группу под политическим углом зрения. То есть с точки зрения социального, а значит, и политического качества своей профессиональной группы.

Чем является эта группа по отношению к политической системе? Важным служебным элементом? Контрэлитой? Или же она находится на пути к превращению в ось политической системы, в ядро нового политического класса? Согласитесь, это очень острый вопрос. Я бы даже сказал, слишком острый.

Вне профессионального сообщества он обсуждается очень широко, причем не только как заявка, но и как свершившийся факт. К сожалению, это обсуждение носит очень обытовленный и приземленный характер. Кроме того, любое такое обсуждение — ничто вне саморефлексии представителей самого потенциального класса. А почти все представители класса, ядра этого класса, его элиты, высказываясь на множество тем, как раз эту тему игнорируют. Им «шьют» чекизм, «шьют» все более и более многообещающе. Они же делают вид, что не понимают, чем это пахнет. Фактически только глава Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) В.Черкесов в статье «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев» (газета «Коммерсант», 9 октября 2007 года) прямо признал: да, протокласс… да, лежит ответственность… да, ответственность социально-политическая, а не какая-то другая.

Говоря, что только Черкесов сделал это, не встаю ли я на его сторону в элитном конфликте, участником которого он, безусловно, является? А ведь я сказал, что в аналитике элит, которой мы занимаемся, не должно быть места демонам и ангелам, героям и негодяям.

Ни на чью сторону я тут не становлюсь. Никакой заявленной этики не нарушаю. Глава ФСКН В.Черкесов — участник элитного конфликта. И ниже я буду описывать этот конфликт (точнее то, во что конфликт превращает Большая Игра) без каких-либо «pro» или «contra».

Но В.Черкесов не только актор конфликта. Он еще и идеологический актор. Причем не просто идеологический, а классово-идеологический. Если чекисты — это протокласс, то стать классом они могут только в ситуации публичного самоосознания. Или же — развития внутриклассового самосознания. Такое развитие самосознания не может быть привнесено в класс. Оно должно быть им взращено внутри самого себя.

Нет ни одного политического журналиста, который не констатировал того, о чем я сейчас говорю. То есть того, что Черкесов стал актором классового самоосознания, как минимум, с момента выхода вышеупомянутой статьи. А на самом деле — раньше, потому что уже первая статья

Черкесова «Мода на КГБ» («Комсомольская правда», 29 декабря 2004 года) поднимала ту же больную тему («мое сословие как потенциальный политический класс»).

Кто-то из журналистов клеймит Черкесова за то, что он стал таким актором. Кто-то радуется по этому поводу. Кто-то просто констатирует факт. Мне же ясно одно: если задача состоит в том, чтобы класс дорос до политической субъектности, то любая попытка представителя этого класса выступить в идеологической (классово самоосознающей) роли — крайне важна.

Статью В.Черкесова я буду обсуждать в четвертой части своей книги в качестве одного из слагаемых «долгоживущего» спецслужбистского элитного конфликта. Здесь же я использую только один черкесовский образ, явно адресующий к интересующим меня социокультурным прецедентам. Этот образ — «торговцы и воины».

Но в чем ценность образа? Почему его надо использовать в социокультурном анализе? И как он связан с тем аналитическим фокусом, который я предложил разместить в окрестности своей метафоры «чика» и «цыка»? (рис. 33)

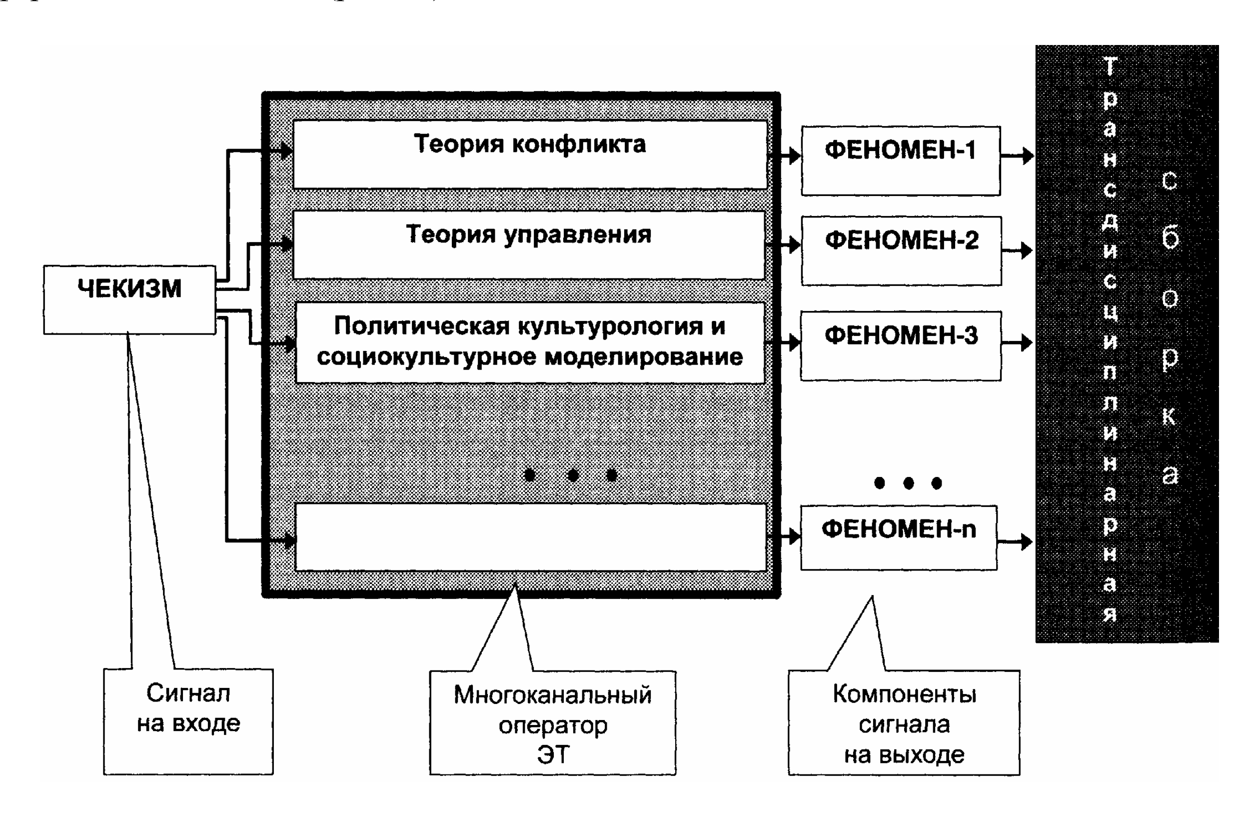

Рис. 33

Социокультурный анализ позволяет подойти к феномену «чекизм» с рационально-духовной точки зрения. Такой подход еще остается научным (как научным остается, например, то же религиоведение). Но он соотносит рассматриваемый феномен с различными потоками духовной жизни. При том, что эти потоки, будучи не до конца рациональными, не всегда поддаются строго сциентическим разбирательствам. Кстати, потоки духовной жизни не обязательно должны быть чисто религиозными. Погружать феномен в сами эти потоки — значит, очертя голову кинуться в иррационализм. Что очень любят делать, например, конспирологи.

Ценность социокультурного метода состоит в том, что он рассматривает разные смысловые системы именно как сложно организованные — иногда недоопределенные и недовыявленные — СИСТЕМЫ. Системы могут быть линейными или нелинейными, распределенными или компактными, классическими или постклассическими, детерминированными или вероятностными. Но если это системы (или даже парасистемы — например, постмодернистские ризомы), то можно рассматривать некоторые закономерности. Даже в той области, где, казалось бы, закономерности уже не работают. Так ведь работают! Очень сложным и не буквальным, так сказать, образом. Но на то и социокультурный метод.

Этот метод позволяет нам развить метафору «чика» и «цыка» и перевести ее в историко-культурную плоскость. А в данной плоскости может быть проведена следующая параллель (рис. 34).

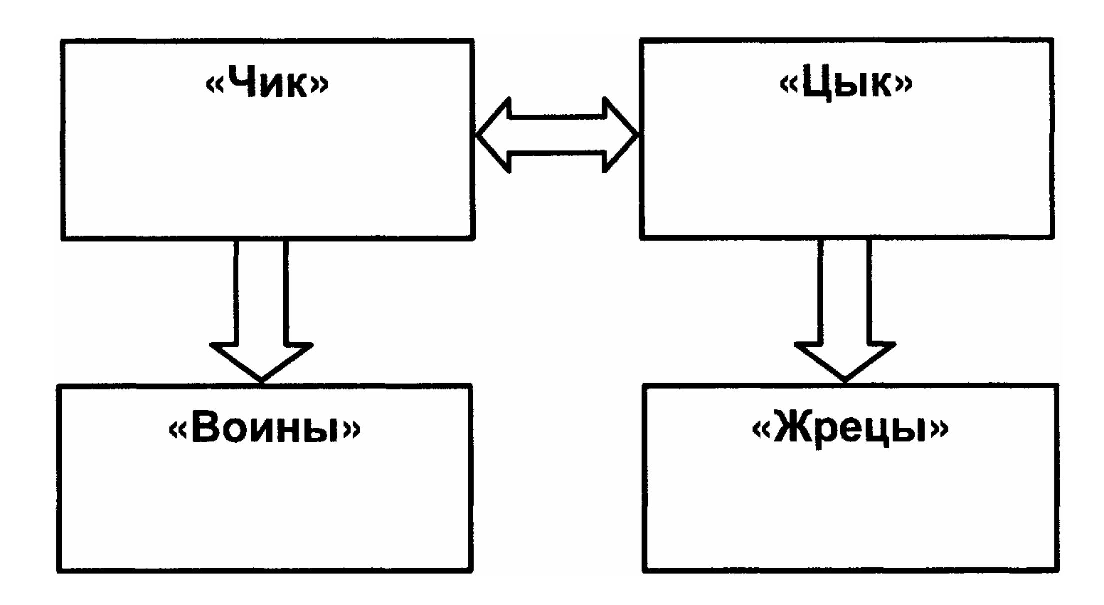

Рис. 34

Разумеется, любая аналогия условна. Но именно социокультурный метод позволяет придать подобным аналогиям наиболее строгий вид. Именно он показывает, что в разных культурах и на разных этапах развития человечества возникают так называемые «инварианты», и очень далекие друг от друга феномены оказываются системно сходными. То есть выполняющими одну и ту же фундаментальную роль.

Черкесова интересует другая соотнесенность: «воины» и «торговцы».

Но на самом деле приведенная мною системная оппозиция (воины — жрецы) и та оппозиция, которую Черкесов вынес в заголовок статьи (торговцы — воины), являются лишь частями в единой иерархии (торговцы — воины — жрецы) — рис. 35.

Мы видим, что оппозиция «воины — жрецы» — это тот социокультурный код, с помощью которого можно, оставаясь в рамках нашей метафоры «чика» и «цыка», освободиться от излишков метафоричности и оперировать историко-культурными прецедентами. Разумеется, оперирование подобными прецедентами нельзя назвать строгим. Но социокультурный метод и не дорожит избыточной строгостью. В противном случае он совсем не мог бы осмысливать потоки духовной жизни и транскультурные, трансцивилизационные инварианты.

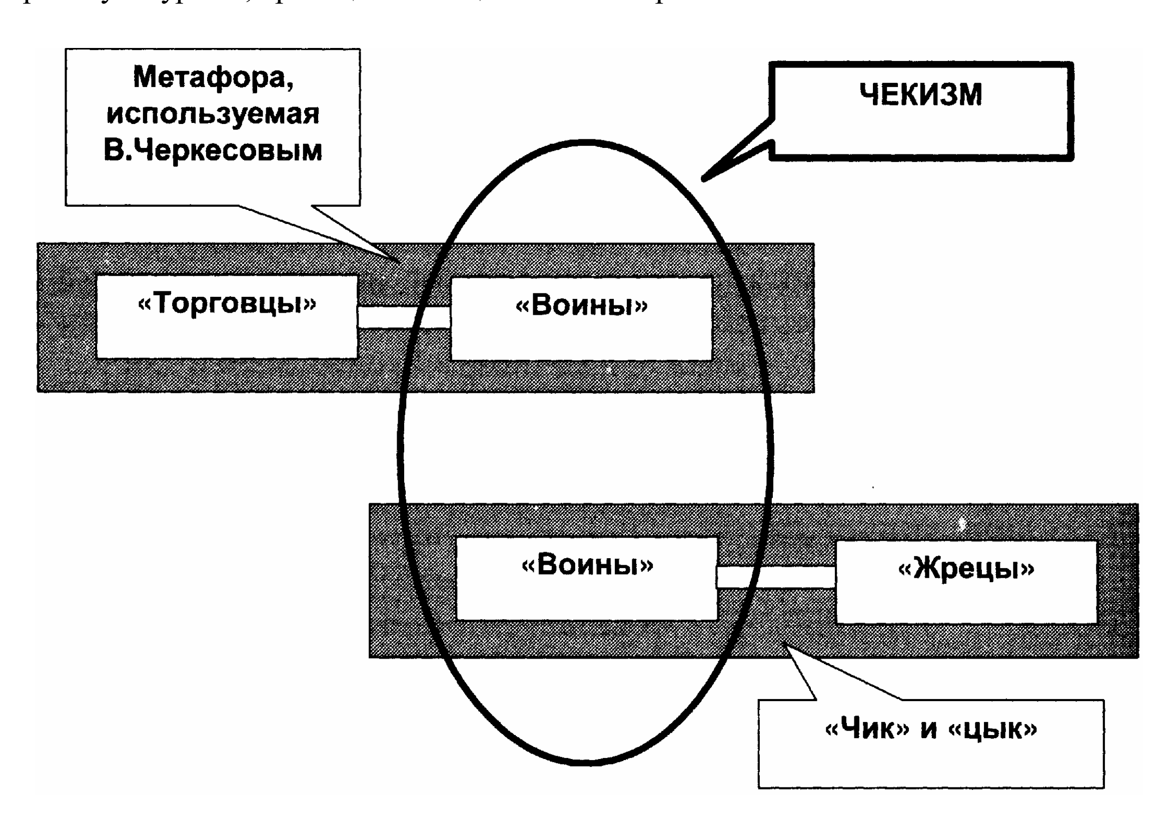

Рис. 35

Совершенно ясно, что черкесовское противопоставление воинов и торговцев отсылает к той же схеме, что и (в неявном виде) мое противопоставление «чика» и «цыка» (воинов и жрецов).

Думаю, это не случайно. Метафорическая аналогия содержательна. Но для того, чтобы раскрыть это содержание, нужно дополнить метафору внимательным (и, поверьте, совсем не бессмысленным) рассмотрением реального исторического прецедента.

В реальной системе — индоарийской цивилизации — есть элита и массы. Система называется варновой.

Высшая элита — касты брахманов (жрецов) и кшатриев (воинов).

Третья каста — вайшьи — разнородна. В нее входят как те торговые группы, которые сегодня можно было бы назвать «финансистами» (то есть элитарные в полном смысле этого слова), так и некие промежуточные слои (ремесленники, земледельцы). Но в целом касту вайшьев все же можно отнести к элите.

Массы — это шудры (низшая каста).

В принципе, эта модель не является исчерпывающей для варнового сознания. Потому что в исчерпывающую модель древние индоарии закладывали высшую сакральную инстанцию и ее земное воплощение — Богоподобного царя. Не царя как помазанника, а царя как часть священной иерархии. Как воплощение невоплощаемого.

Напомним вкратце основные моменты варновой доктрины и прецеденты ее воплощения в политическую практику.

Самое первое и раннее упоминание о варнах содержится в ригведийском гимне «Пурушасукта», в котором повествуется о происхождении варн из частей тела мифического первочеловека Пуруши. Брахманы — из уст, кшатрии — из рук, вайшьи — из бедер, шудры — из ступней.

Варна брахманов занимала верховное положение. Сюда входили представители родов, которые выполняли жреческие обязанности.

Брахманы были освобождены от повинностей. Убийство брахманов было самым большим грехом.

Следующей по схеме сословной иерархии была варна кшатриев, в которую входила военная знать. Эта варна располагала реальной властью в индийском обществе, так как имела в своих руках материальные ресурсы и военную силу. Сословие царей и воинов было призвано устанавливать земные законы в соответствии с метафизическими принципами и поддерживать порядок в интересах всего общества и, прежде всего, касты жрецов.

Третья каста — каста вайшьев — это земледельцы, ремесленники и торговцы. Они реализуют установленный брахманами и кшатриями порядок на уровне материального интереса. Вайшьи также входят в число высших каст («дваждырожденных»). Каждая их этих трех каст имеет свои соответствующие инициатические ритуалы.

Последняя традиционная каста — шудры, которые должны подчиняться трем высшим кастам и осуществлять низшие функции в структуре общества. Они не имеют никакой символической цели и в древности считались максимально близкими к полуживотным существам.

Такова нормативность варновой системы. Гораздо интереснее то, как именно она искажалась, порождая интересующие нас коллизии — конфликты элит.

С самого начального периода утверждения кастовой системы внутри нее возникло сопротивление ее основным установлениям.

Сначала сами брахманы, добиваясь окончательного закрепления исключительности своего положения, начинают искажать в свою пользу идею каст как механизма относительного социально-структурного равновесия.

Против такой деградации восстают кшатрии — цари и воины, уверенные в возможности исправления сложившегося кризиса собственными силами. Эти силы действительно позволяют несколько сдержать историческое сползание за счет установления имперского порядка.

Но порядок кшатриев также оказывается неустойчивым в силу внутренней конфликтности касты кшатриев. Увеличивается количество удельных князей, нарастает конфликтность между ними, что разрушает ранее единую власть в государстве.

Тогда верх одерживает следующая каста — вайшьи.

Все это, будучи, казалось бы, чисто индийской древностью, тем не менее важно. Не само по себе, а поскольку вполне авторитетные историки культуры, такие как, скажем, Рене Генон (а значит,

и все, кто на него опирается, а это уже круг влиятельных современных политиков и экспертов), распространяя данную индуистскую модель на западное общество, соотносит ситуацию вытеснения кшатриев вайшьями с… например, победой буржуазно ориентированного масонства над воинским Орденом тамплиеров.

То есть модель признается релевантной для описания конфликтов иных социокультурных систем в куда более поздние — вплоть до современных — времена. Модель — действительно работающая.

Опираясь на нее, мы в российской новейшей истории можем говорить, например, о таких «низких» сюжетах, как борьба Березовского с Коржаковым. Что дает определенные методологические преимущества перед бытописанием некой частной коллизии. Мы можем зафиксировать, что в борьбе этой Коржаков выступал как кшатрий и потерпел поражение от совокупных вайшьев. Это был очень острый момент.

Но почему в этот момент вайшьи могли на что-то претендовать? Потому что они ненадолго прикинулись брахманами, подписав пресловутое «Письмо 13-ти». Вскоре оказалось, что они пошутили. И что вайшьи — они и есть вайшьи. Как только это выяснилось, кшатрий по фамилии Путин блистательно разгромил вайшьев, отправив кого-то на нары, а кого-то за рубеж. Так что мы никак не можем рассматривать коллизию кшатриев и вайшьев только как дела давно минувших дней. Да в противном случае мы бы и не стали ее рассматривать.

Не менее отчетливой аналогией описанной выше борьбы «чика» и «цыка» являются исторические события в древней Индии, которые называют «восстанием кшатриев против брахманов». Наиболее показательна в этом смысле эпоха Маурьев и действия царей Чандрагупты и его внука Ашоки (IV–III вв. до н. э.). Управлению созданными ими империями все сильнее мешали господствующий брахманизм и жестокость варновой системы. В огромном государстве с развивающейся торговлей роль третьей варны (вайшьев-купцов) значительно возросла, и вайшьи требовали увеличения своих прав. Цари династии Маурьев стали привлекать на службу нужных им людей, не считаясь с их происхождением.

Кроме того, со старой системой брахманизма стали соперничать новые религиозные учения, соответствующие духу времени — джайнизм и буддизм. Если основатель династии Чандрагупта стал в конце жизни приверженцем джайнизма, то его внук Ашока выбрал еще более радикальный в отношении к кастовой системе буддизм, и сделал его государственной религией. Буддизм не интересовался происхождением лиц, вступивших в общину; ни племенная принадлежность, ни варна, в которой состоял человек, не могли препятствовать его обращению в новую веру.

Кшатрии стояли, если можно так выразиться, за спиной и джайнизма, и буддизма. Сами учители, проповедовавшие эти учения, происходили из кшатриев. И вся каста, атакуя брахманов, вполне готова была расстаться с правящей брахманистской религиозной идеологией. То есть, в каком-то смысле, с ядром собственной аутентичной цивилизации.

Вам это ничего не напоминает? Не рождает ярких ассоциаций из современной эпохи?

Фактически мы установили возможность использования такого трансформационного и транскультурного явления, как восстание кшатриев, в качестве инструмента углубления нашего понимания «чика» и его политических претензий. Касается ли это глобального процесса пресловутой «секьюритизации» или нашего отечественного чекизма. И тут пора обсудить интересующий нас вопрос, сопоставляя его с советской историей (рис. 36).

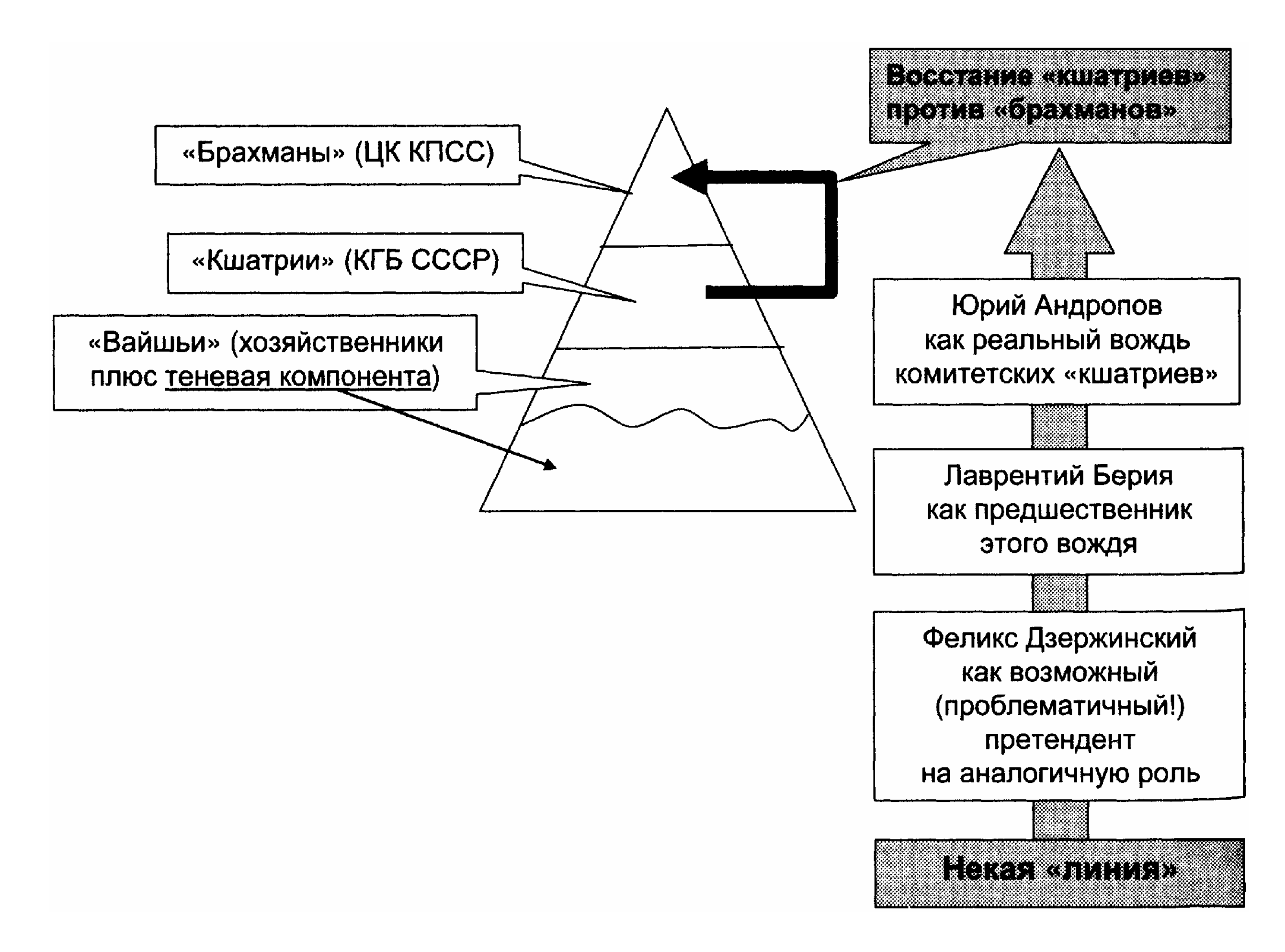

Рис. 36

Что получается из этих (всегда не до конца строгих, но не бесполезных) сопоставлений?

Получается, что «брахманы» на уровне метафоры, отражающей современность, — это ЦК КПСС (например, секретарь по идеологии М.Суслов). А «кшатрии» — это, на аналогичном языке, КГБ СССР. Потому что кшатрии — это не просто воины, исполняющие безропотно чьи-то приказы. Это воины, способные стать конкурирующей кастой по отношению к тем, кто отдает эти приказы. А также осуществляет целеполагание, приводящее к отдаче приказов. Кшатрии — это конкуренты брахманов. И когда мои оппоненты (а их немало), пожимая плечами, говорят, что комитетчики — не кшатрии, а кшатрии — это военные… То я хочу спросить: в каком смысле?

Была такая популярная книга Суворова (Резуна) «Аквариум». В ней подробно расписывался сценарий кшатрийского поведения войск специального назначения (спецназа ГРУ). И все это смаковали («прикажи, маршал, — всю Россию кровью зальем!» и так далее).

Потом начался системный кризис. Длился он лет пять. Закончился распадом СССР. Все эти годы герои романа Суворова вели себя как паиньки. После этого они будут говорить, что являются кшатриями?

Потом началась ельцинская эпоха… И снова те же герои вели себя строго аналогичным образом. Такая констатация, во-первых, опровергает возражения моих оппонентов. А во-вторых… Согласитесь, вызывает много вопросов. Причем не абстрактных, а трагически актуальных.

Для себя я получил какой-то ответ, когда в период первой чеченской войны и на подходе к событиям 1996 года один из высоких действующих военных (человек достаточно умный) делился со мной своим пониманием существа дела: «Да проходили мы все это! Преторианцы, военные императоры. Назначают императором, потом заходят — меч в живот. Потом другого назначают. Снова меч в живот. НЕТ УЖ, ЛУЧШЕ ПУСТЬ НАРОД РЕШАЕТ».

Расстрел Верховного Совета был уже позади. Он показал, что не народ решает, а клика и ее опричнина. И что противостоять опричнине могла бы только армия. Генерал, отмахивавшийся от этого очевидного факта, лукавил. И одновременно — делал фундаментальный кастовый выбор. Он говорил «нет» кшатризации армии, выдвигая ложную альтернативу между преторианством и абсолютной пассивностью.

Что такое преторианство, которое он справедливо осуждал? Это то самое распухание «чика».

А почему армия не может подняться до «цыка» и одновременно боится преторианства? Почему она боится преторианства, понятно. Почему подняться не может? Почему каждый раз, когда надо проявить субъектность, проваливается? Почему Корнилов провалился? Почему Жуков или Тухачевский «не дернулись»? Да и другие… Почему русская армия никогда не поднялась до политического поведения (декабристы — лишь исключение, подтверждающее правило)?

Складывается впечатление, что у рассматриваемой нами армейской элиты некий коллективный орган, связанный с подобным хотением, ампутирован каким-то особо свирепым и безжалостным образом. Может быть, это всегда так? Во всех странах и во все времена? Простите — у турецких военных это не так. И никакими преторианскими маразмами турецкий опыт политизации армии не обернулся. Потому что там «чик» сумел подняться до «цыка». А в других местах не сумел.

В любом случае, если кшатрии советской эпохи — это политически амбициозные силовики, то речь, видимо, следует вести о чекистах, а не об армии. Причем не о чекистах вообще, а о высоких фигурах, руководивших советской госбезопасностью и имевших политические претензии. У одних претензии не были удовлетворены (например, Шелепин). У других были (например, Андропов).

В рассматриваемом мною смысле настоящим и стопроцентным «кшатрием» был именно председатель КГБ СССР, а позднее и генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов.

Команда Андропова — это наиболее очевидный пример в том, что касается борьбы брахманов и кшатриев в советский период. Эта борьба описана во многих работах, и я не буду здесь повторять такие описания. Как не буду и демонизировать или восхвалять Андропова.

Во-первых, мы договорились вообще этого не делать.

А во-вторых… ну, готовил Андропов некое (конечно, мягкое и ползучее) «восстание кшатриев». А разве «брахманы» не давали к этому оснований? Кшатрии и восстают-то тогда, когда брахманы деградируют. Об этом говорит весь исторический опыт человечества.

Андропов имел основания считать, что противостоящие ему «брахманы» — липовые, погрязшие в мракобесии, в никчемности, в несоответствии духу времени. Возможно, он в этом был и прав. Но он был глубочайше неправ в другом. В том, что общество в принципе может обойтись без брахманов. Тем более то общество, которое сложится на руинах системы, обрушенной таким «восстанием кшатриев».

Однако оценка действий Андропова сильно затруднена незавершенностью этих действий. Если даже Андропов и готовил восстание своих чекистских «кшатриев» — осуществить он его не успел. То, что происходило в виде так называемой перестройки, было:

а) реализацией плана Андропова,

б) искажением этого плана и

в) активным наложением на этот искаженный план чужих и чуждых нам планов.

При этом у меня есть основания полагать, что уже в изначальный план Андропова эти чужие и чуждые нам планы тоже были изысканным образом встроены. Понимал ли это Андропов? Скорее да, чем нет. Почему он допускал подобное? Тут либо-либо. Либо он был чужой марионеткой, либо игроком. Если он был игроком, то достаточно авантюрным. Авантюрный игрок позволяет встроить в свой план нечто чужое и чуждое в расчете, что такое встраивание всегда обоюдоостро и можно будет повернуть его против противника. Какие основания были для этого у Андропова? Ответ на этот вопрос он унес в могилу.

Играли мы во что-то сами? В какой степени то, что играло, позволительно назвать «мы»? У меня нет ответа на эти вопросы.

А вот во что играли против нас — очевидно.

Дело в том, что замкнутые системы (каковой являлась советская) разрушает не активность масс, а антагонизм между уровнями в элитной иерархии. Это знает каждый социолог. И нет никаких оснований полагать, что американские социологи не понимали подобных азбучных истин. Или что они не сумели довести это свое понимание до начальства — как политического, так и спецслужбистского.

Единственный шанс на разрушение советской империи был связан с крахом коммунизма как основания империи. Единственный шанс на крах коммунизма и КПСС (а значит, и на разрушение империи) был связан с «восстанием кшатриев».

У «кшатриев» были свои основания для восстания. Эти основания могли фундаментальнейшим образом отличаться от происков ЦРУ и американского империализма. Но ЦРУ

и американский империализм не могли не понимать, что шанс на избавление от советского сверхдержавного конкурента связан только с вышеупомянутым «восстанием кшатриев». Это восстание надо было (а) использовать и (б) извратить. Было сделано и то, и другое.

Андроповский период я изучал как начинающий андеграундный специалист по элите. А вот перестройку я изучал иначе. И могу ответственно утверждать, что все национальные движения в союзных республиках, а также многие другие политические движения (прежде всего, радикальные), обрушившие СССР, находились под абсолютным контролем чекистских «кшатриев», которые были твердо уверены, что надо добить цэкистскую «брахманистскую» гадину. А уже потом строить что-то новое на ее трупе.

Новое оказалось гайдаризмом-ельцинизмом. Ничто другое и не могло быть построено при столь тотальной зачистке как самого «брахманизма», так и всех его оснований. Да, именно всех оснований!

И это самый больной вопрос, к которому сейчас необходимо переходить.

Если бы «кшатрии», восстав, то есть осуществив «чекистский» переворот, расстреляли всю верхушку коммунистической номенклатуры и утвердили какой-нибудь внятный авторитаризм («чекизм») или даже демократию (с «чекистским» бэкграундом), то это было бы полбеды. А возможно, и вообще бедой бы не было. Но они поступили иначе.

Они начали так называемую карнавализацию, построенную в соответствии со следующей схемой.

«Красные брахманы» живы постольку, поскольку жив Красный Смысл.

Красный Смысл жив постольку, поскольку жив Смысл вообще.

Смысл жив постольку, поскольку живо Идеальное.

Если уничтожить само это Идеальное и все его предпосылки, то сработает «большое домино».

Гибель предпосылок Идеального завалит Идеальное.

Идеальное, завалившись, завалит смыслоцентризм.

Смыслоцентризм, завалившись, завалит Смысл как таковой.

Смысл как таковой, завалившись, завалит Красный Смысл. Красный Смысл, завалившись, завалит «красных брахманов», то бишь КПСС.

Так за работу, товарищи!

И эта работа была начата (рис. 37).

1 — Предпосылки Идеального

2 — Идеальное

3 — Предпосылки Смысла (высшая цель, порожденная Идеальным)

4 — Смысл как таковой

5 — Красный Смысл (коммунизм) как одна из разновидностей Смысла

6 — Институт «красных брахманов» (КПСС) как структура, распадающаяся при уничтожении породившего ее Смысла

Власть «кшатриев» на руинах обрушенного Института и Смысла

Рис. 37

Мы видим, что примененная технология восстания «кшатриев» была основана на создании зоны поражения, несоразмерной с той, которая нужна была для прямого изымания власти у полусгнивших «красных брахманов». Графически это можно изобразить так (рис. 38).

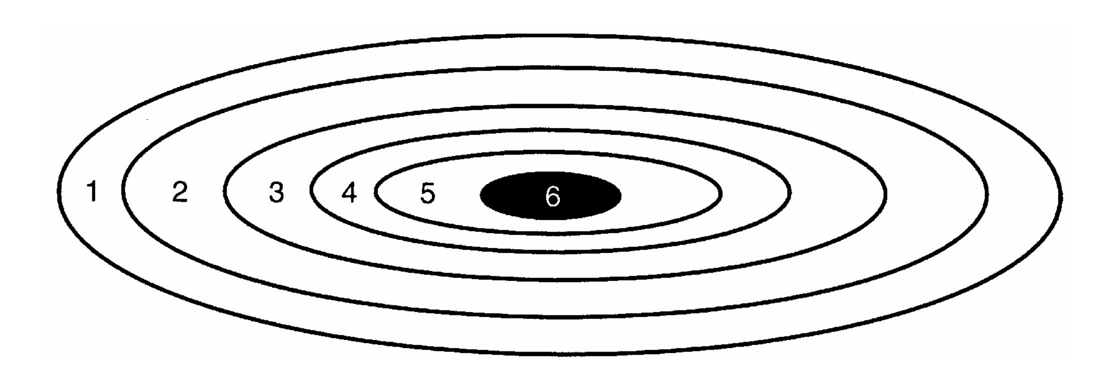

Рис. 38

При самой страшной революции «кшатриев» и самом кровавом уничтожении в рамках этой революции сословия «красных брахманов» — образовалась бы зона повреждения, обозначенная Цифрой «6». Это было бы очень серьезное повреждение. И невероятно болезненное. Но его можно было бы залечить.

Вокруг него надо было бы создать некий жесткий «железобетонный пояс», ограждающий поврежденное от здорового. А на оставшейся почве строить здание с новым фундаментом. При том, что опоры фундамента были бы погружены в здоровый грунт (рис. 39).

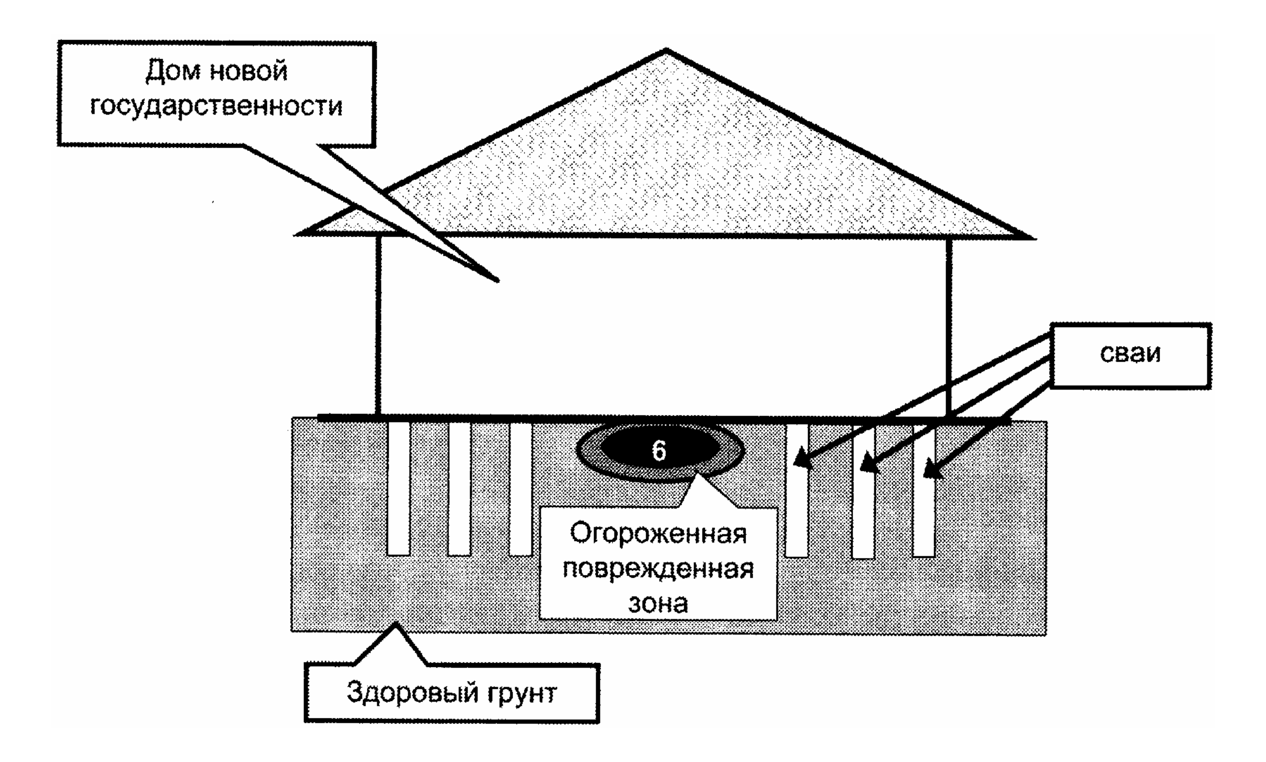

Рис. 39

Так выглядела бы страна после «кшатрийского восстания» по модели какого-нибудь Народно-трудового союза. Сказать, что я воспеваю эту модель, — значит извратить мою мысль самым коренным образом. Мне такого рода затеи глубоко чужды. А смысловая зона, которую означенные «кшатрии» хотели бы выжечь каленым железом, родственна и созвучна по соображениям самого разного характера. Включая и фундаментально-метафизические.

Но я могу представить себе (хотя с огромными оговорками), что нечто подобное, осуществленное этак году в 1987-м, могло бы создать контрастную и альтернативную российскую государственность, какую-то здоровую социальную жизнь и прочее.

Может быть, мне были бы отвратительны эта государственность и эта социальная жизнь. И, скорее всего, лично я при такой трансформации оказался бы похоронен в одном из многочисленных (не надо иллюзий!) расстрельных рвов.

Но я здесь обсуждаю не ценность тех или иных трансформаций в рамках собственного мировоззрения и не личную судьбу — свою и мне подобных. Я обсуждаю некую технологию и порождаемые ею последствия. Такая технология могла породить в качестве последствий мало-мальски внятное государство и мало-мальски внятную общественную систему. Те, кто грезил Пиночетом, говорили именно об этом.

Однако это могло быть хоть как-то реализуемо до того, как сработал весь принцип домино, запущенный, как я убежден, специфическим «восстанием кшатриев». В котором андроповская задумка, оказавшись и выполненной, и трансформированной, наложилась на чужие планы и породила нечто глубоко отличное от того, что я только что описал. Еще раз адресую вас к рис. 37.

Подчеркну, что ровно в той степени, в какой у меня нет перцепции по отношению к тем спецслужбистским битвам, элементом и откликом на которые стала статья главы Госнаркоконтроля, у меня есть перцепция (да и рефлексия тоже) по отношению к вышеописанному домино. Никто не переубедит меня в том, что оно было задумано и сознательно осуществлено.

Простейший пример на эту тему я уже приводил неоднократно. Он касается личного решения Ю.Андропова «вытащить» из ссылки выдающегося советского литературоведа и философа М.Бахтина. Я говорил и буду говорить, что это решение не могло носить филантропического характера. Что Андропов просто не мог его осуществить, не придав ему соответствующего ракурса. То есть не объяснив, зачем ему какой-то литературовед. Единственное возможное объяснение относилось к борьбе с так называемой смеховой культурой (она же — культура подрывных анекдотов, распространяемых в советском обществе).

Бахтин действительно был крупнейшим советским специалистом по смеховой культуре. А также по ее истокам. То есть, по так называемой карнавализации, которая сама коренилась в еще более глубоких вещах. В том числе в поклонении богам, альтернативным Олимпу, прежде всего Сатурну (он же — Кронос). Именно сатурналии породили карнавал как социокультурное явление.

Вся эта смеховая культура имела своей целью разрушение вертикальных смысловых систем, к которым относились и системы церковные. Под этим углом зрения можно говорить о специфической антицерковной версии Ренессанса.

Ставить знак равенства между Эразмом Роттердамским и Франсуа Рабле, говоря, что и то, и другое — это ренессансная борьба с церковью, значит сильно упрощать существо дела.

Эразм Роттердамский оппонировал церкви с позиций разума и морали. Франсуа Рабле подымал Плоть на войну с Духом. То есть и здесь был задействован тот же принцип концентрических кругов. Поскольку церковь — это институт, а у института есть Смысл в виде христианства, а Смысл апеллирует к Духу, а у Духа есть предпосылки, то если эти предпосылки подорвать, если заточить против Духа Плоть, то Дух завалится, а с ним завалится Смысл вообще. Это потянет за собой христианский Смысл. А христианский Смысл, завалившись, завалит и церковь.

Бахтин — отвечаю на сто процентов за этот «концептуальный базар» — строго в таком ключе трактовал и Рабле, о котором подробно писал, и карнавализацию, которой посвятил все свое творчество. Речь шла не о борьбе с той или иной смысловой системой, а о борьбе с вертикальным Смыслом как таковым. Борьбе с Духом. На эту борьбу — этот бунт против Духа — подымалась Плоть. Но не она была окончательным триумфатором. На руины, порожденные этим бунтом, должны были высадиться старые боги. Они жаждали. И их призывали.

Никто не осуществил в итоге системных действий по модели Франсуа Рабле. Ни ренессансные гуманисты, ни просветители, ни табориты, ни якобинцы. Ни у кого не поднялась рука на Смысл как таковой. На всю и всяческую вертикаль. Каждый, кто когда-нибудь скажет, например, что Ленин или большевики в целом планировали что-то подобное, солжет нагло и злокозненно.

Множество работ Ленина посвящено тому, как этого не допустить. Постоянно обсуждается одно и то же: от какого наследства мы отказываемся. От этого отказываемся, от этого — нет. Травму создаем, но не расширяем. Вокруг травмы — оградительный пояс. А дальше — новый дом. И враги, заполнившие расстрельные рвы… И новая индустриализация… И ГОЭЛРО… И новые открытые перспективы — и социальные, и духовные. Можно обсуждать качество этих перспектив, но нельзя отрицать их наличие.

Короче, было сделано именно то, что я уже представил в своей архитектурной аллегории. Только вместо зачистки «красных» нужно в зоне «6» на рис. 39 разместить зачистку «белых».

Никто не повреждал основной грунт. Не рубил сук, на который хотел усесться. Приводя примеры, доказывающие правоту данного утверждения, я уже апеллировал к образу Цюрупы — наркома продовольствия, который падал в голодные обмороки. Миф о голодном наркоме продовольствия — путь к построению нормального социума. Подрыв этого мифа перекрывает подобный путь. А если подрыв содержит в себе почти явное прославление обратного прецедента («изувер он, этот нарком, надо было детей своих накормить»), то ни о каком нормальном социуме дальше говорить не приходится.

Не трогали бы в перестроечной пропаганде «голодных хозяев закромов Родины» — не подорвали бы здание. Но ведь подорвали! За счет того, что создали атмосферу, в которой грех и добродетель поменялись местами. Это и есть мир, вывернутый наизнанку, мир карнавала.

Но карнавал начинался по церковному колоколу и по нему же прекращался. Перестройка же и последовавшая за ней постперестройка оказались «карнавалом нон-стоп».

Никто и никогда не осмеливался сделать ничего подобного. Это сделали наши специфические «кшатрии». И то, что их разыграли другие силы, ничего не меняет по существу. Ну, «обманули дурачка на четыре кулачка»…

Во-первых, не надо быть дурачком.

Во-вторых, сами-то что замысливали? Сами зачем играли в своего Бахтина? Так вот, играли и доигрались. И получили следующую картинку (рис. 40).

Я не хочу огульно обвинять в этом все сословие работников госбезопасности. В том числе тех, о которых далее пойдет речь в моей книге. Наоборот, я заявляю, что они тут абсолютно ни при чем. Как и мои многочисленные друзья и знакомые, принадлежащие к чекистскому сословию.

Но если чекизм — это кшатризм, а он по определению именно таков (выход спецслужбистских профессионалов на политическую сцену), то надо признать, что этот выход осуществлялся в технологии карнавала. Люди могут быть не виноваты. Класс — не может не нести ответственность. Но дело даже не в ответственности. А в раскрытии природы явления.

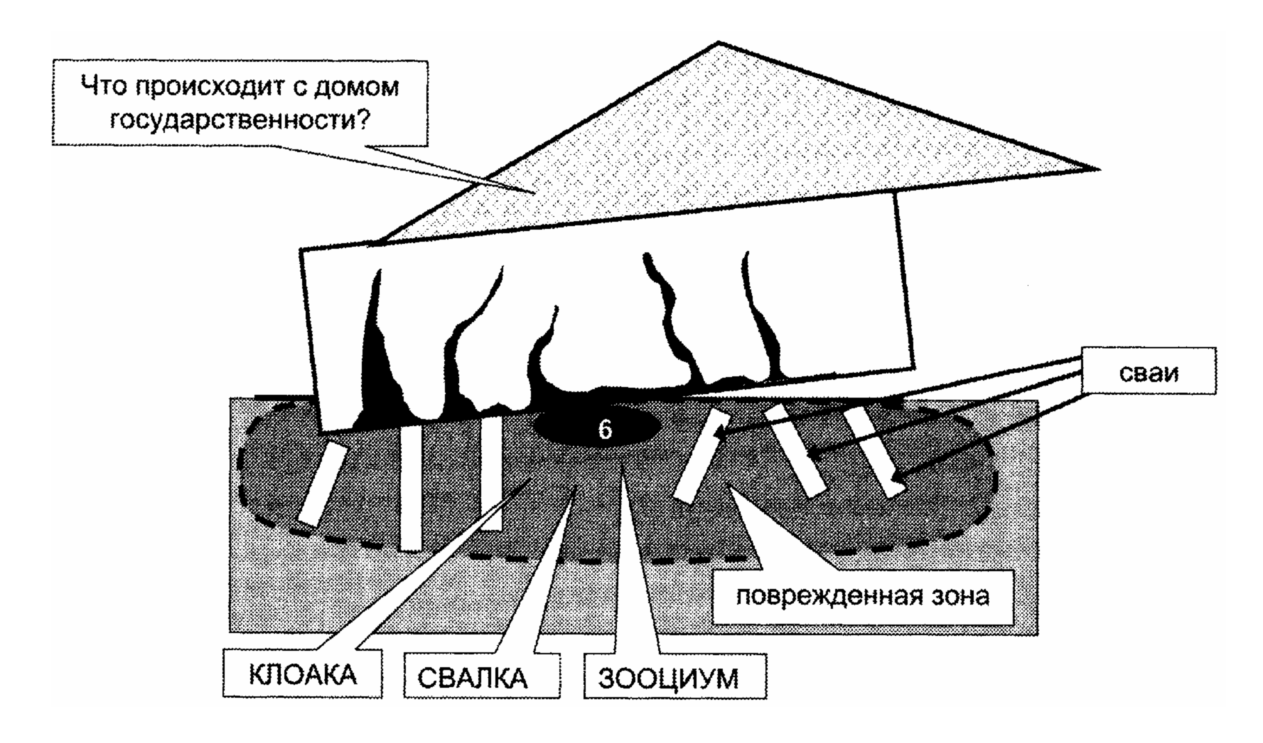

Рис. 40

Одно дело, когда чекизм просто распухает, не самодостраивая себя. А другое дело — карнавал. То есть предъявление неявной и проблематичной идеологии. С чем мы имеем дело? Чем обязаны нынешнему состоянию вещей?

Некоторые теоретики уверяли меня, что чекизм хочет заменить проект «Коммунизм» проектом «Модерн» со всеми его компонентами. В том числе и с просвещенным русским национализмом. Выражая сомнение по поводу эффективности такой замены, я готов был поддержать проект «Модерн», как и любой другой проект, приводящий к нормальной жизни на данной территории. Но какое отношение описанные мною вызовы, порожденные карнавальной технологией, имеют к реалиям модерна? Деиндустриализация — это модерн? Деинтеллектуализация — это модерн? Деструкция права — это модерн? Налицо все признаки регресса и контрмодерна. А также чего-то большего.

Мы не имеем права не обсуждать генезис ситуации. Не потому, что нам приятно сыпать соль кому-то на раны, а потому, что из этой ситуации надо выбираться всем вместе. А нельзя выбираться из ситуации, не осознав ее содержания в целом и генезиса в частности.

Можно и должно призывать здоровый чекизм преодолеть свою заданность «чиком». Можно и должно описывать опасности непреодоления и распухания «чика».

Но если где-то рядом со всем этим есть воля к продолжению карнавала, то, согласитесь, обсуждение существенно осложняется. А исторические прецеденты позволяют говорить о том, что кшатрийские перевороты имеют более сложную структуру, нежели та, в которой тупые воины всего лишь не могут освоить политическое и идеологические искусство. Отчасти они не могут этого делать. Отчасти им в этом мешает кто-то. А отчасти в подобных ситуациях присутствует совсем другое искусство. Так сказать, другой «брахманизм», тот, который я назвал «Зазеркальем».

Не вводя в рассмотрение нечто подобное в виде социокультурной параллели и — пусть и очень проблематичной — гипотезы, мы недопустимо загрубляем аналитику элиты. И лишаем себя путей к пониманию сути, а значит, и путей к выходу из наличествующего.

Социокультурный метод развивает нашу метафору «чика» и «цыка», заставляет нас задуматься над некоторыми сложнейшими проблемами, размещенными внутри вроде бы простого «чика». Но, пока мы над этим думаем, рядом с нами происходит нечто, требующее других форм анализа. Почему других? Потому что вряд ли вы будете использовать социокультурный метод, описывая нюансы агрессивного поведения тигра или крокодила.

Давая такое разъяснение, я вовсе не расчеловечиваю исследуемое мною чекистское сообщество. Я просто пытаюсь оговорить, что в профессиональном поведении есть как высокие, так и иные аспекты. И что противопоставлять одно другому бесперспективно.

Глава 7. «Чекизм» с позиций спецпсиходрамы

Мне в жизни приходилось заниматься не только наукой и искусством, но и много чем еще. Например, так называемым «экстремальным туризмом». Или геофизическими изысканиями в тайге в условиях, тоже близких к экстремальным. Приходилось, например, выходить из тайги, не имея запаса продовольствия. И не зная ни точного местонахождения, ни маршрута, по которому можно куда-то выбраться.

Что самое неприятное в таких ситуациях? Что выбраться-то можно… Но нужно… ну, как сказать? Слишком приблизиться к природе? Те, кто знает, о чем речь, и так понимают. А другим не объяснишь. Короче, вспоминать об этом всегда неприятно. Потому что это приближение к природе, которое я буду корректно называть «нутряным поведением», мягко говоря, весьма специфично.

Нельзя анализировать нутряные аспекты профессионального поведения (спортивного или иного другого) с помощью социокультурного метода. Тут нужен другой метод. Я-то считаю, что вообще нет профессионального поведения, лишенного этого самого нутряного аспекта. Однако в профессиях, где востребована агрессивность (а согласитесь, в спецслужбистской, военной и иных сходных профессиях она востребована), нутряной аспект профессионального поведения требует особого внимания.

Но больше всего меня интересует связь между нутряными и иными (высшими) аспектами поведения. А также то, в какой степени повреждение одних (высших) аспектов порождает повреждение аспектов других — нутряных. И наоборот.

Как только ты начинаешь анализировать аспекты нутряного профессионального поведения (хоть актерского, хоть чекистского, хоть любого другого), неизбежно сталкиваешься со специфической зооантропологической ситуацией (потому я и адресовался только что к тиграм и крокодилам). На самом деле и в этих ситуациях человек остается человеком. Но нутряное поведение все-таки специфично. И в каком-то смысле сродни звериному.

Итак, о нутряном аспекте профессионального поведения. А значит, и о нутре как таковом. Мне кажется, что слово «нутро» тут больше всего подходит. А где нутро — там и спецпсиходрама.

Ведь как само нутро, так и его повреждение обнаруживают себя в очень целостных и театрализованных актах. Такие акты изучает психодрама. В случаях, когда психодраматическое (как и любое другое) касается исследуемой нами профессиональной группы, можно добавить к термину приставку «спец». И говорить о спецпсиходраме так же, как мы говорим о спецкультурологии или специстории.

Итак, новый трансформационный канал я назову спецпсиходрамой. И попробую с помощью его задействования добиться дополнительного понимания содержания интересующего меня феномена (рис. 41).

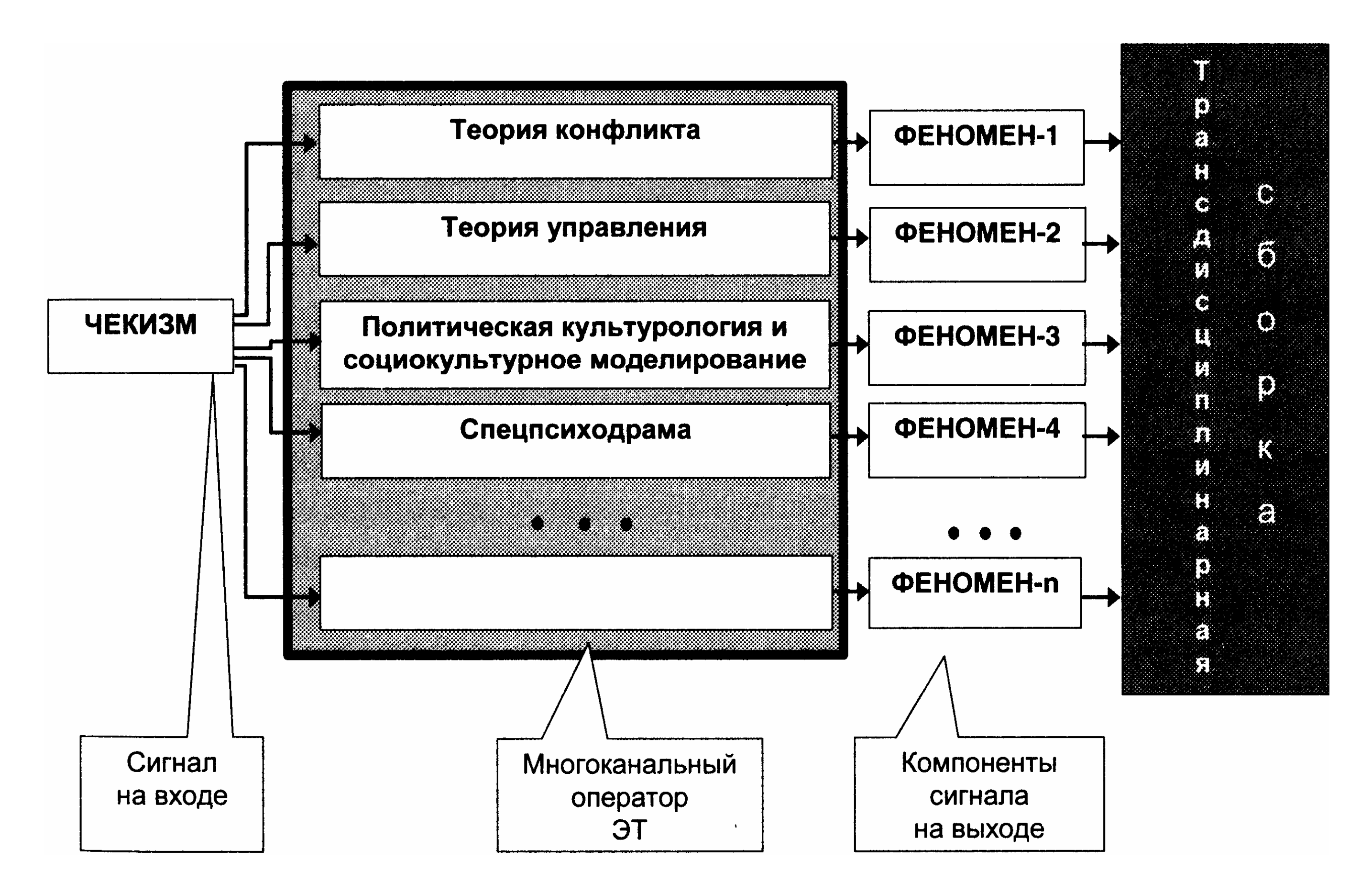

Рис. 41

Меня часто упрекают в том, что я использую для описания полухудожественные термины. Такие, как эти самые «клоака», «свалка», «зооциум» и так далее. А теперь вот «нутро»…

На самом деле я вполне готов придать каждому из терминов строго научный характер. Поверьте, это сделать совсем не трудно. Но абсолютно не нужно. Потому что данные термины применяются мною для феноменологических, а не теоретических описаний.

Теоретическое описание обязательно изымет из происходящего цвет, вкус и запах. И многое другое. Например, волевое, а значит, и политическое, начало. У теории своя территория. У феноменологии — своя. И если мы начнем игнорировать феноменологический метод, мы просто не схватим существа ситуации.

Между тем вот оно, это существо — прямо перед нами. А.Хинштейн в очень содержательной статье «Солнцевский удар» (опубликованной в газете «Московский комсомолец» 25 сентября 2007 года) описывает конкретную ситуацию, в которой некое лицо нанесло тяжелые телесные повреждения офицеру Федеральной службы охраны. А после этого, оказавшись задержанным, вело себя очень специфическим образом.

А.Хинштейн всего лишь приводит абсолютно достоверный фактологический материал. И это очень смелый материал. Что, безусловно, должно быть оценено по достоинству. Хинштейн не может этот материал исказить. Это невозможно уже потому, что находилось бы за рамками правил, которые всегда соблюдает Хинштейн. Это невозможно вдвойне в данном конкретном случае в силу влиятельности затронутых лиц. И это невозможно втройне, поскольку текст достоин пера Шекспира. Такого рода текст никто не может сфальсифицировать. Короче, это аутентичный текст, приведенный смелым журналистом. И это текст эпохи. Одновременно ярчайший психодраматический (а в общем-то и сугубо драматургический) текст. Я не могу его не воспроизвести. Итак, цитирую по Хинштейну.

(Камера показывает крупным планом лицо Аверина. Он сидит, развалившись на стуле, перед следователем и опером. Чуть в стороне находятся его адвокат и несколько милиционеров.)

Аверин (кричит): Я хочу посмотреть, где моя камера! Где моя камера?! И я хочу посмотреть на этого лысого негодяя, который, слышь, мне сейчас глазки строит!

Следователь: Показаний не даете?

Аверин: Я ничего не даю, вообще. Вообще, ничего не даю. Свои два года я отсижу, как человек. А ты, лысый (следователю — А.Х.), б…ь, будешь через два месяца на пенсии, х…плет еб…й. Вместе с ним (оперу — А.Х.).

(Слышен гул возмущения.)

Аверин: Да, да. Вместе с ними. Я никого не зарезал, никого не убил.

Опер: Зато оскорбляете всех.

Аверин: Я никого не оскорбил.

Опер: Следователя оскорбили.

Аверин: Послушай, ты. Если он ведет себя неправильно. Конечно, е… твою мать, них… себе попался бандит, твою мать. Ох…тъ! Ну, попался. Е… твою мать, на ровном месте! Хулиган! Приехал на день рожденья к хулигану! Да вы, х…плеты, вы, суки, соображаете, что вы говорите! Вы — мерзости! Мерзости чистые!

Адвокат (успокаивающе): Саша, Саша!

Аверин: Пошел ты на х…! Вы — чистые мерзости. Откуда в вас столько негатива, я не пойму. Ну откуда у тебя, у молодого, столько негатива, скажи?

Опер: Не у тебя, а у вас.

Аверин: Ты — г…о е…мое. Откуда у тебя столько негатива, скажи?.. Я отдал миллион двести. Послушай, я отдал миллион двести! Дальше давай, давай. Что дальше-то? Что ты мне можешь сделать?

Опер: Только послушаю, как вы ругаетесь и всех оскорбляете. И к судье, на 15 суток.

Аверин: Х… с ними! Я отсижу не хуже людей. Дальше? Я сейчас набью е…ло этому е…ну, который в углу сидит.

Опер: Лучше мне тогда.

Аверин: Ты не стоишь этого. Послушай, как тебя зовут?

Опер: Игорь меня зовут.

Аверин: Игорь, вот смотри сюда. Я приехал в ресторан. Я отмечал там день рожденья своей внучки. Да, получился кипеж, драка. Послушай, что в этом, на х…, сверхъестественного? Б…ь, получилась драка!.. Я набил е…ло фсошнику, дальше что? Я с ним разобрался. Какая тебе от этого выгода?

Опер: Никакой.

Аверин: Е… твою мать, что вые…тесь, скажи? Я договорился. Я отдал им деньги.

Опер: Сколько?

Аверин: При чем здесь сколько, е… твою мать!.. Послушай, ты, демон, я тебе еще раз говорю: я заплатил столько, что тебе и не снилось них… Я заплатил столько! Чего ты вые…ся?

Опер: Вам сказали: вас допросят и отпустят под подписку. А вы всех нас уже оскорбили.

Аверин: Я никого еще х… не покрыл. Я вам сказал: ребята, не блатуйте. Слышь, му…ло, я сам мечтал быть милиционером. А ты — г…о! Ты еще не родился, когда я мечтал быть милиционером! Я был в ЮДМ, е… твою мать. Знаешь, что такое ЮДМ? Не знаешь! Потому что ты — дебил. Скажи, что такое ЮДМ? Ну, кто? Юный друг милиции! Это — я. Аты — х… плет. Ты мне говоришь какую-то х…ню. Ты, ох…евшая рожа, б…ь! Я мечтал быть в милиции. Мечта. Что дальше-то? Чего ты хочешь? Я свои пять лет отсижу, е… твою мать. Я вас всех на х… видел! Я еще в 89-м на х… видел всех вас. Послушай, ты, я дружу со всеми ворами в России, и они у меня друзья. Я на х… видел тебя со всеми твоими мусорами! Ты даже не понимаешь, с кем ты разговариваешь! Ты даже не понимаешь!

Опер: А чего мне понимать?

Аверин: Ты даже не понимаешь!.. Ну что, давайте, ребята, у меня время нет них… на вас. У меня день рождения уважаемого человека.

Именно после этих слов разошедшийся не на шутку Авера схватил стоящий рядом принтер и демонстративно разбил его об пол.

Той же ночью он был отпущен под подписку о невыезде…

А.Хинштейн обсуждает этот феноменальный текст как симптом определенного неблагополучия. Это его право. И я уважаю его позицию. Но я считаю данный текст заслуживающим

другой оценки. Это не симптом неблагополучия, а ярчайшее выражение стиля и смысла эпохи. Ее внутреннего содержания. И это касается не только ненормативной лексики.

По роду первой профессии я был в эту лексику погружен «по самые-самые». С «бичами», копающими канавы и рубящими просеки, на нормативном языке говорить невозможно. И я вовсе не собираюсь тут ханжествовать. Я просто хочу обсудить несколько уровней этой ситуации.

Уровень № 1 состоит в том, что по некоторым критериям, находящимся по ту сторону ханжеской нормативности и даже юридической тщательности, героем данной ситуации является, безусловно, Аверин (Авера), который себя так ведет. Он демонстрирует собою (подчеркну, на данном, первом по счету, уровне) некую настоящую свободу («я отсижу» — и так далее). Внутреннюю раскрепощенность по отношению к Системе. Вообще все то, что называется личностью. Он, Авера, здесь выступает как личность. Криминальная, но яркая личность. А все остальные — это ходячая немочь. Тени, движущиеся вокруг подлинного центра события.

Я убежден, что начиная с момента публикации статьи, Авера стал героем всего криминального сообщества. О нем будут слагать былины и песни соответствующего жанра. Он станет легендой, культовым персонажем.

Так все происходит на первом уровне.

Уровень № 2 также очень важен. Может быть, Авера и является просто таким вот героическим и даже супергероическим персонажем. У каждой среды свои герои. Но правомерна и другая гипотеза. Она выражена во фразе «я дал миллион двести». Тут не говорится — кому. Ясно, что не только пострадавшему лицу. Авера знает что-то такое, что позволяет ему так себя вести. И тогда возникает вопрос, что именно он знает? Как этот феноменологический сюжет накладывается на разного рода элитные ситуации, включая конфликты элитных групп? Ведь элитная группа всегда имеет корни в специфической неэлитной среде.

Нет элитных групп, неспособных оперировать в периферийных мирах. Криминальных в том числе. Там можно выяснять отношения иначе. Там можно развязывать те узлы, которые нельзя развязать, так сказать, нормативно-элитным образом. Даже если нормы подорваны — все равно руки в чем-то связаны. А тут они развязаны полностью.

Другое дело, что в нормальной ситуации господствует элитная группа и она посылает мессиджи вниз (рис. 42).

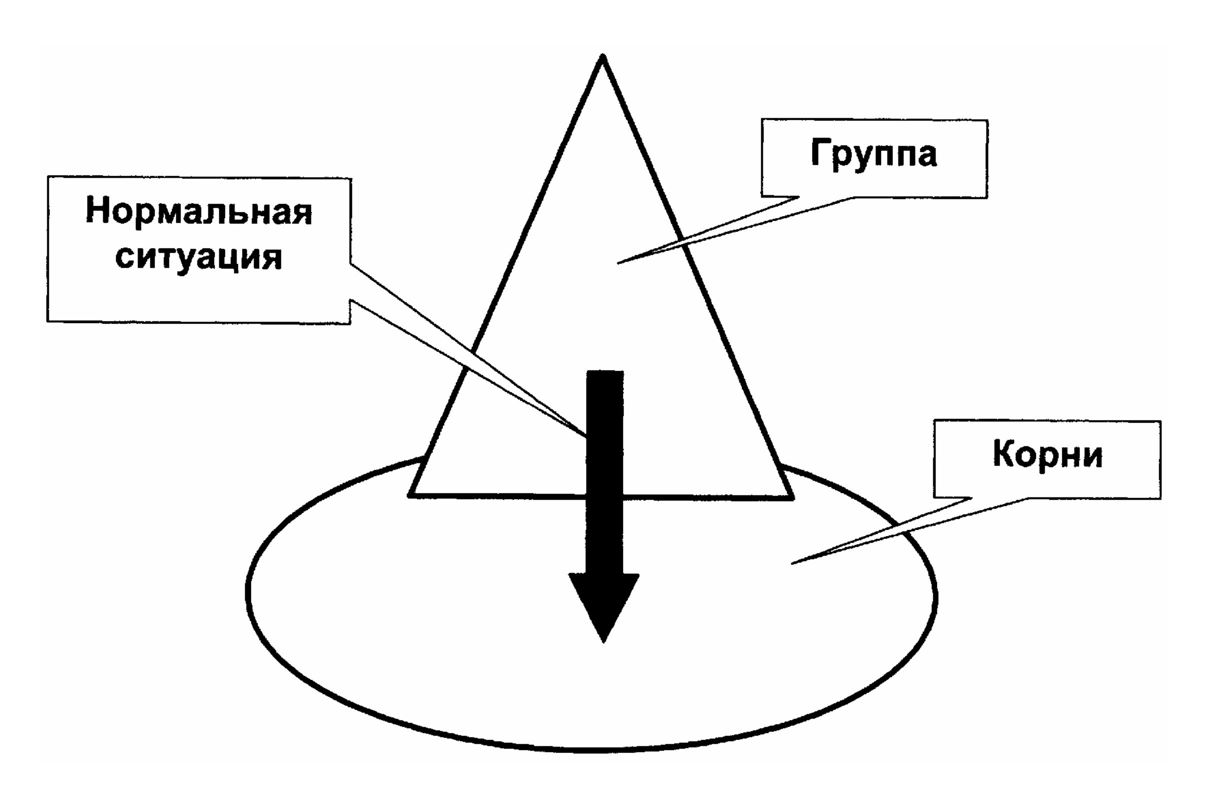

Рис. 42

В ситуации патологической инверсии процесс приобретает обратный характер (рис. 43).

А в специфических ситуациях элитной игры нередко имеет место сочетание нормального и патологического мессиджей (рис. 44).

Мы наблюдаем большую игру. Она ведется сразу на всех «полянах».

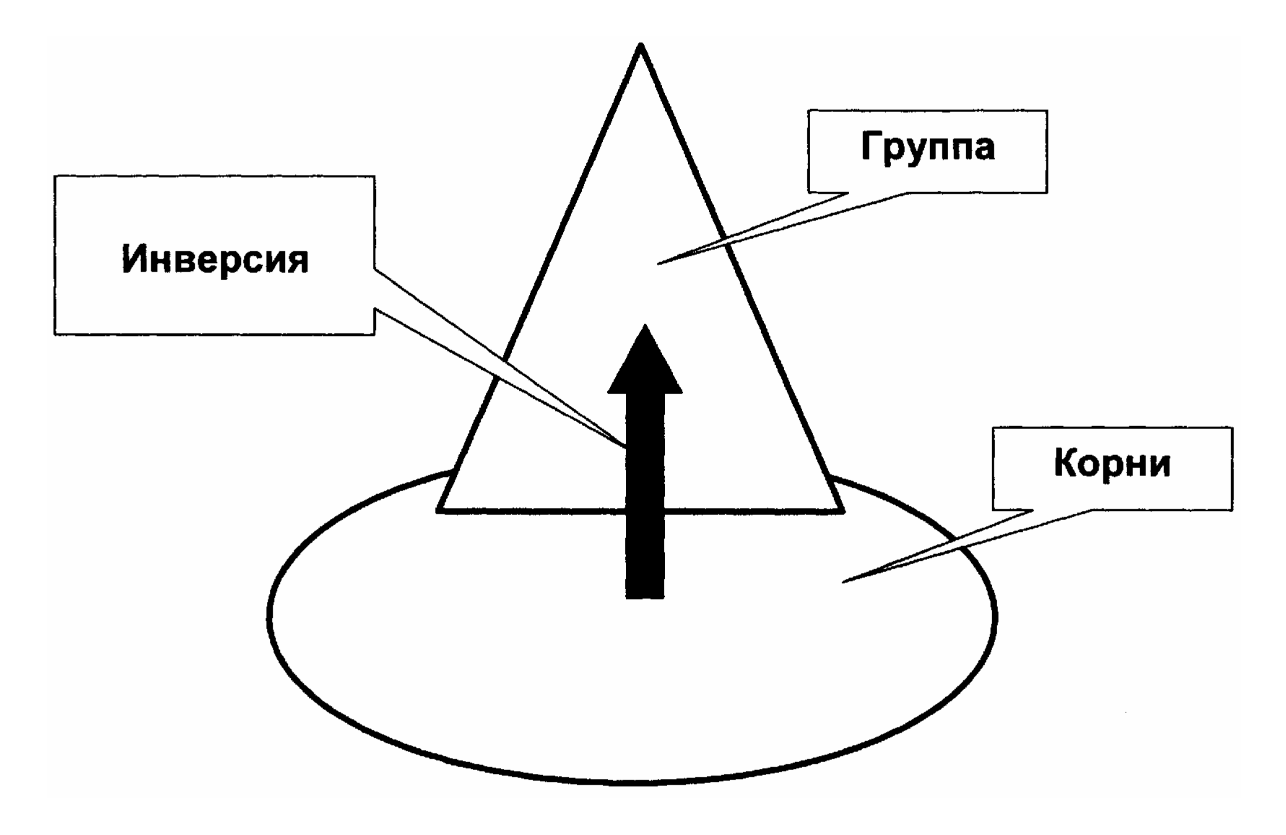

Рис. 43

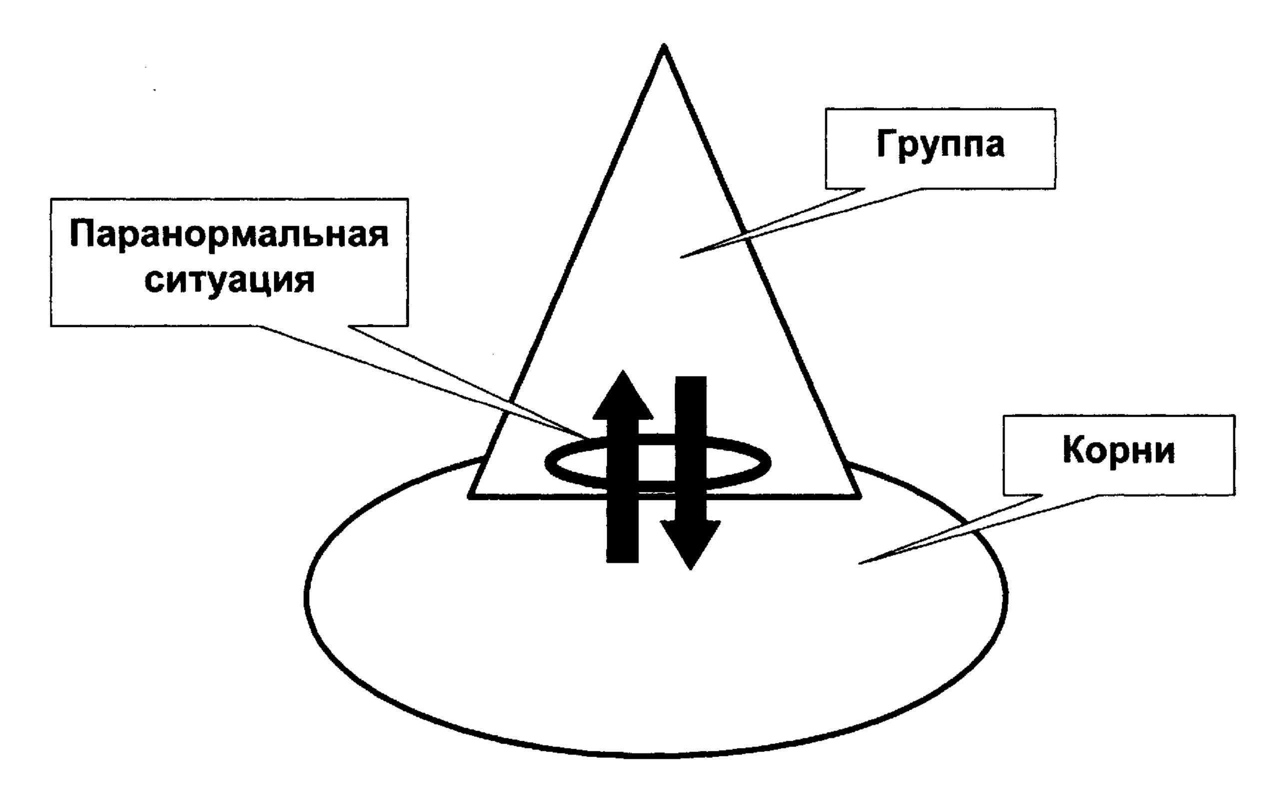

Рис. 44

Когда, например, депутат Госдумы Н.Курьянович отправляет прокурору Москвы Ю.Семину официальный запрос о противоправной деятельности руководителя Службы безопасности Президента Золотова, то это не мелочь. И не страсть к антикриминальному воительству, вдруг поселившаяся в сердцах отдельных бывших членов фракции ЛДПР. Даже идиот или отморозок не начнет воевать с Золотовым иначе, как по высокой отмашке другой стороны. Никакие высокие криминальные интересы тут не могут возобладать над элитной логикой. Но они могут с нею переплестись.

И у меня сразу возникает вопрос к ситуации. Как именно «высказывание», опубликованное Хинштейном в «Московском комсомольце» 25 сентября 2007 года (согласитесь, тут факт

высказывания не менее важен, чем собственно факт), соотносится с арестом Кумарина в Санкт-Петербурге, произошедшем примерно месяцем раньше? Учитывая, что страсть, которая перед этим овладела сердцами антикоррупционных депутатов, требовала именно рассмотрения некой связи между Золотовым и Кумариным.

А вскоре после того, как страсть вспыхнула, Кумарин оказался арестован. А потом мы читаем документ эпохи, в котором Авера «делает всех как лежачих». А через несколько дней после обнародования этого документа происходит арест сотрудников Госнаркоконтроля (прежде всего — генерал-лейтенанта А.Бульбова). А затем появляется статья В.Черкесова, в которой обсуждается весьма серьезное содержание, сопряженное с эксцессом вокруг Госнаркоконтроля.

Согласитесь, что норма все же состоит в том, что даже самый отвязанный представитель криминального мира не станет просто так «наезжать» на тех, кто его задержал. А будет вести себя несколько более сдержанно, пусть и высокомерно. Мол, ребята, вы хорошие, но не туда залезли. И давайте расходиться, как подобает. Точка.

Вместо такого нормативного поведения — суперэксцесс. И описание суперэксцесса в одной из самых многотиражных газет.

Уровень № 3 ничуть не менее важен, чем предыдущие. Он касается профессионализма. Специфического и крайне существенного. Расскажу то, что знаю.

И сразу оговорю, что этим рассказом не хочу никого дискредитировать. Отнюдь не каждый работник ФСО должен быть суперменом. Но даже супермены из реальной жизни — отнюдь не супермены из боевиков, где «махнул в одну сторону — улочка, отмахнулся — переулочек». Прекрасно подготовленный человек может получить неожиданный удар по голове и дальше оказаться беспощадно избитым. На моей памяти один великолепный спортсмен и боевик получил подобный удар от женщины — она ударила его авоськой с консервными банками.

Нет «вообще защиты от дурака». Никакая квалификация не дает стопроцентных гарантий. Группа не слишком квалифицированных, но решительных людей может создать для одного суперподготовленного специалиста очень острую, а то и тупиковую ситуацию. Ну, что еще я должен оговорить для того, чтобы не оказаться романтическим юношей с неверными представлениями о рамках реальных человеческих возможностей? Есть у меня эти представления, есть. Но есть и некий опыт, которым почему-то мне здесь захотелось поделиться. И вовсе не потому, что я кого-то (особенно избитое Авериным лицо из ФСО) хочу в чем-то упрекнуть.

Итак, несколько слов по поводу этого опыта.

Лично я никогда не блистал спортивными достижениями. Но в силу юношеских амбиций получал какие-то умеренные разряды по всем основным боевым искусствам. С учителями мне повезло больше, чем им со мной. Был среди них, например, уже давно покойный и глубоко уважаемый мною Анатолий Аркадьевич Харлампиев. Да и не только он. Итак, спортсменов я уважал. Потому что они были трудягами. И личностями. А интеллектуальное рафинэ никогда не было мне присуще. С годами же отвращение к этому рафинэ даже усилилось. Почему-то спортсмены отвечали мне взаимностью. Уж точно не по причине моих спортивных достижений.

Потом появилось каратэ. В том числе и в достаточно элитном исполнении, не имеющем отношения к массовым секциям Штурмина. Я и в этом как-то участвовал. Постепенно такое участие привело к тому, что у меня появились друзья из тех легендарных структур, которые брали дворец Амина в Кабуле. А также из еще более серьезных подразделений. Помню, как в одной компании очень известный и ныне покойный журналист, с которым мы тогда были близки, спрашивал моего друга: «Покажи, как надо бить кулаком». А друг отвечал: «Бить надо так, чтобы кулак выходил с другой стороны тела». Журналист бледнел. А другу это очень нравилось… Он потом сделал блестящую карьеру. У нас с ним и поныне прекрасные отношения.

Ну, так вот. Постепенно уровень моих знакомств повышался (я имею в виду эту специфическую квалификацию знакомых). Возникали странные персонажи, в том числе и кубинцы, наделенные действительно в чем-то сверхъестественными возможностями. Эти возможности интересовали меня как начинающего театрального режиссера, занимающегося так называемым паратеатром.

Короче — однажды в каком-то пансионате с некими подобными суперпрофи надо было пить водку. Их было четверо. И они пили, как прорвы. Пили и не пьянели. Пили и ужасно скучали. Потом им не хватило, и надо было поехать на «Жигулях» в деревенский магазин. Был вечер. Поселок был

неблагополучный. Вместо продавца их вышли встречать человек двадцать бойких молодых «бычков», вооруженных кто чем. Кто финкой, кто монтировкой, а кто и просто жердиной.

Как только эта толпа появилась на горизонте, моих (достаточно в данном случае шапочных) знакомых как подменили. Они вдруг стали тревожно-счастливыми. Их жизнь обрела смысл. Но они не торопились. Они стали кидать на пальцах, кому повезет. Повезло одному коренастому и слегка лысоватому парню, блондину. Ему нужно было разбираться с вышедшей толпой. Остальные тоскливо отошли в сторону. И забрали, естественно, меня с собой. По лицу оставшегося парня блуждала рассеянная счастливая улыбка. Но он тоже не торопился. Он вытащил «Беломор» и закурил. Он курил и улыбался. Улыбался и курил. В абсолютно бессмысленном существовании, заполняемом диким количеством спиртного, появилась легкая тень какого-то смысла. Она олицетворялась приближавшейся двадцаткой.

Потом он начал работать. Это и был счастливый миг его жизни. Относительно счастливый, потому что ему противостояли те, кого он считал недочеловеками. Но все-таки их было много. Ножи и все прочее…

Он отработал в течение нескольких минут. Он оставил двадцать неподвижных тел, ни одно из которых не изъявляло желания шевелиться. Все лежали тихо. Светила луна.

Отработавший сел в машину. В другом селе водку все же достали и выпили. Так же тоскливо и жадно, как и предыдущие семь бутылок. И так же не пьянели от выпитого.

Я совершенно не хочу жить в стране, где данный корпоративный стиль является законом. Но я не понимаю, что происходит. И я хочу двух вещей.

Во-первых, чтобы главу государства в условиях неблагополучной страны охраняли профессионалы высокого уровня. И чтобы это было абсолютной нормой. С поправкой на любые случайности.

Во-вторых, чтобы в Интернете не смаковали отсутствие этой нормы. Потому что это просто опасно.

Опасно, когда определенная среда «вкушает крови» — поломанных лицевых костей и всего прочего. Но еще опасней, когда появляются деньги.

Уровень № 4 — эти самые деньги. И вновь — никого не хочу осуждать. И ни к чему противоправному не призываю. Но все знают, что произойдет, если кто-нибудь из бойких уличных ребят (пусть даже и с высокой бойцовской квалификацией) переломает кости простому нью-йоркскому полицейскому. Не супермену, а пожилому человеку с брюшком. Начиная с этого момента сообщество полицейских (каста, варна, группа, комьюнити) начнет мстить. Причем непропорционально. Как именно будет оформлена месть — это отдельный вопрос. Но месть будет. Потому что запах полицейской крови пьянит. И не устроишь чего-то показательного в ответ — вся «каста» умоется кровью. И будет поздно.

Готов бесконечно делать поправки на нынешнюю ситуацию. И ничего, кроме глубокого сочувствия и понимания, конкретный пострадавший субъект из ФСО, описанный Хинштейном, у меня не вызывает.

Ну, хорошо — таково время. Ну, хорошо — он пострадал, и ему нужны деньги. Ну, хорошо — он пал духом или попал в соответствующие обстоятельства. Это его право и его дело. Я не о нем. Я об этой самой касте, варне, группе, комьюнити.

Предположим, повторяю, что он пал духом. Может быть, пал, а может быть, нет. Я не знаю и категорически не хочу сказать ничего плохого. Но в порядке мысленного эксперимента предположим, что он пал духом. И что? Или у него специфические обстоятельства. И что? Я не о нем, я о других.

Другие — в том числе его подчиненные — собираются и говорят: «Ё-моё, сегодня осколки лицевых костей кому-то не попали в мозг. А завтра попадут. Еще неизвестно, отвалят нам какие-то деньги за это или не отвалят. Но мы не хотим быть парализованными или трупами. А потому пусть тот, кто взял, идет своим путем, а мы пойдем своим». Каким в таком случае должен быть путь, совершенно ясно.

Коржаков, к чести его и его команды, несколько раз показывал, как выглядит этот путь. В том числе в Сочи, где кто-то как-то попытался «выступить» против коржаковцев, а поплатилось все криминальное сообщество города.

В суперэлитарной структуре, злоключения отдельного представителя которой описывает Хинштейн, еще есть люди из той эпохи. И они этого не могут не помнить. Что произошедшее

значит? И почему мы должны об этом читать в газетах? Причем во многотиражных? Это что, скрытое «предложение к танцу»?

Ах, ох, деньги так много значат… Вы готовы продать за деньги жену, сестру, мать, дочь?.. Если вы готовы, то вы уже даже не зверь, вы — овощ. Если же вы не овощ, то вы проведете грань между товарным и нетоварным. Миром правит эта грань.

Грань подвижна. Она зависит от типа общества, типа личности, конкретной жизненной ситуации. Но она всегда есть. Если ее нет, какая корпорация? Какие нормы?

Но, как специалист по культуре, я хочу, чтобы была осознанная разница между реальностью явления и так называемым симулякром (подделкой). Реальность опричнины состояла в том, что за шишку на голове опричника сжигали всю деревню и истребляли ее население. В смягченном виде это описано Лермонтовым в хрестоматийном произведении о купце Калашникове.

Опричнина ужасна и омерзительна. Ее певцом я отнюдь не являюсь. Но, как культуролог и аналитик, понимаю, что симулякр, в котором В.Сорокин пугает «днем опричника», а М.Юрьев этот день воспевает, в сочетании с публикацией А.Хинштейном подобных стенограмм, намного страшнее. И веет от этого сочетания не абы чем, а ужасом скорой государственной катастрофы.

Деньги — отличная вещь. Но лишь на своем месте. Когда деньги становятся «нашим всем», подменяют право, честь, внутренний кодекс… Когда они становятся суррогатом национальной идеи, то возникает криминально-дистрофичный симулякр вместо государства.

Такой симулякр — это пузырь, который лопается даже не под воздействием извне, а в силу своего собственного раздувания.

Вдумаемся: те люди, которые принадлежат к суперэлите безопасности и один из которых фигурирует в статье Хинштейна, не аналитики, не ученые, не оперативники, не следователи. Не хочу ничего плохого о них сказать (всегда к ним хорошо относился, как и к спортсменам), но в каком-то смысле понимаю, что агрессивное начало там должно доминировать. Оно не может не доминировать. Без этого нет настоящих достижений в боевых видах спорта. А также в сопряженных с ними профессиях.

Назовем это начало «нутром» или «звериной сутью»… Еще раз подчеркиваю: не хочу сказать ничего плохого. Звериная суть есть в любом человеке. А в каких-то профессиях она превалирует. Ну, жизнь так устроена. И профессии нужны. Что поделаешь? Моя мать когда-то говорила, что ее любимый герой в «Поднятой целине» Шолохова — это Макар Нагульнов, но это вовсе не значит, что она хотела бы оказаться с ним, например, в одном купе поезда.

Так что происходит даже с этой «звериной сутью»?

Я ее не воспеваю. Я не призываю к противоправным действиям. Я-то, наоборот, требую, чтобы все было в рамках закона и Конституции. Но с этой сутью что происходит? А вот что (рис. 45).

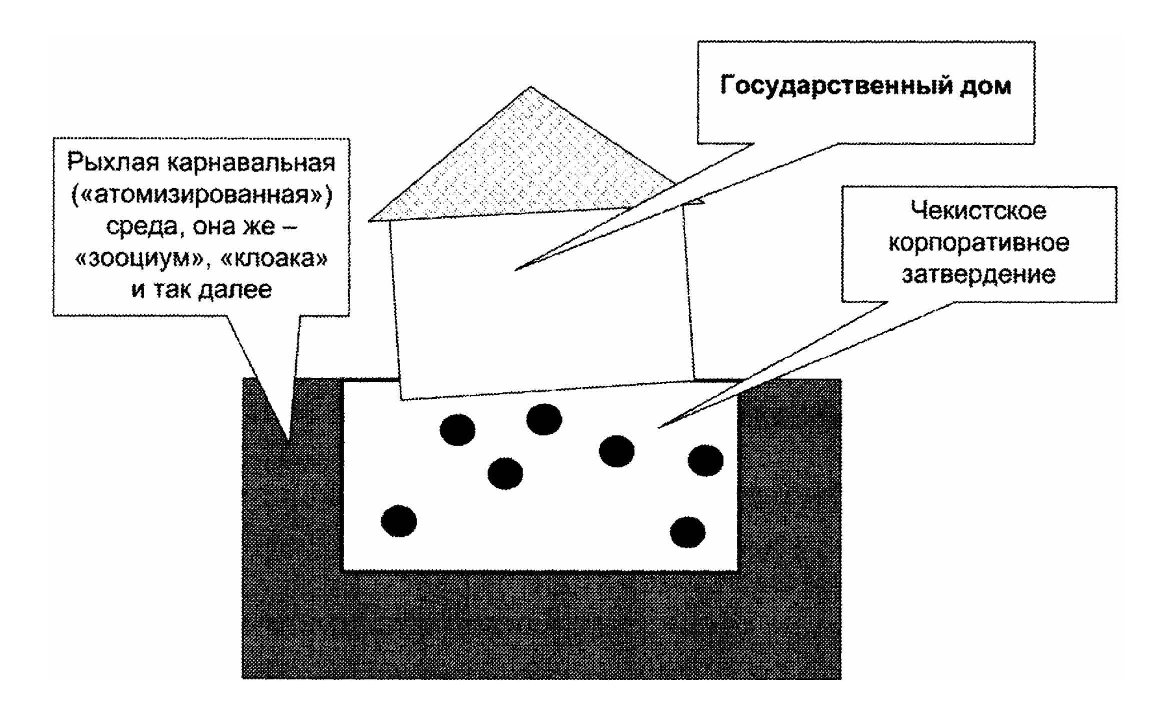

Рис. 45

Я не хочу идеализировать ситуацию и говорить, что чекистское сообщество — это высокоструктуризированная часть общества. Но о какой-то социальной специфичности этого сообщества говорить приходится. Ибо именно эта специфичность (назовем ее «первичной социальной связностью») и сделала сообщество своего рода аттрактором. Назовем сам аттрактор «чекистским корпоративным затвердением». И признаем, что некий рушащийся дом, наткнувшись на это затвердение, в каком-то смысле перестал рушиться. А точнее, просто проваливаться в болото всеобщей социальной аморфности.

Но рыхлая карнавальная («атомизированная») среда — она же «зооциум», «клоака» и так далее — никуда не делась.

Не будем даже говорить о том, что внутри этого «чекистского затвердения» (условной корпоративной солидарности, стайности, как хотите) уже есть средовой геном и вкрапления той же среды. Затвердение-то появилось из «карнавального ила». А ил был частью карнавальных «вод хаоса», окружающих этот кусок социальной структурности.

И эти «воды хаоса» (они же «зооциум», «клоака», «свалка» и пр.) лишь наращивают свою агрессивную аморфность (или аморфную агрессивность) и атакуют структуру.

Структура этому не сопротивляется. Формально взяв контроль над телевидением, радио, прессой, она не хочет и не может контролировать даже смысловые потоки. В отличие от потоков финансовых. Изменить качество среды могут только брахманы. Не пиарщики, не технологи, не идеологические лакеи — а брахманы! Но корпоративная опорная социальная структура в лучшем случае осталась сомнительно кшатрийской, однако не приобрела характера «нового брахманизма». А тогда она окажется «изъедена» средой и в итоге обязательно рухнет под ее напором.

Не будет брахманов (взятых откуда угодно, хоть бы из кшатрийской варны) — среда не изменится. Социальный мейнстрим сохранится. Деградация продолжится. Социальная опорная структура окажется погруженной даже не в воду, а сначала в серную кислоту, а потом в так называемую «царскую водку». А что тогда произойдет, предсказать нетрудно.

Сначала возникнут трещины. Потом — системная эрозия, которая превратит отдельные трещины в сеть (рис. 46).

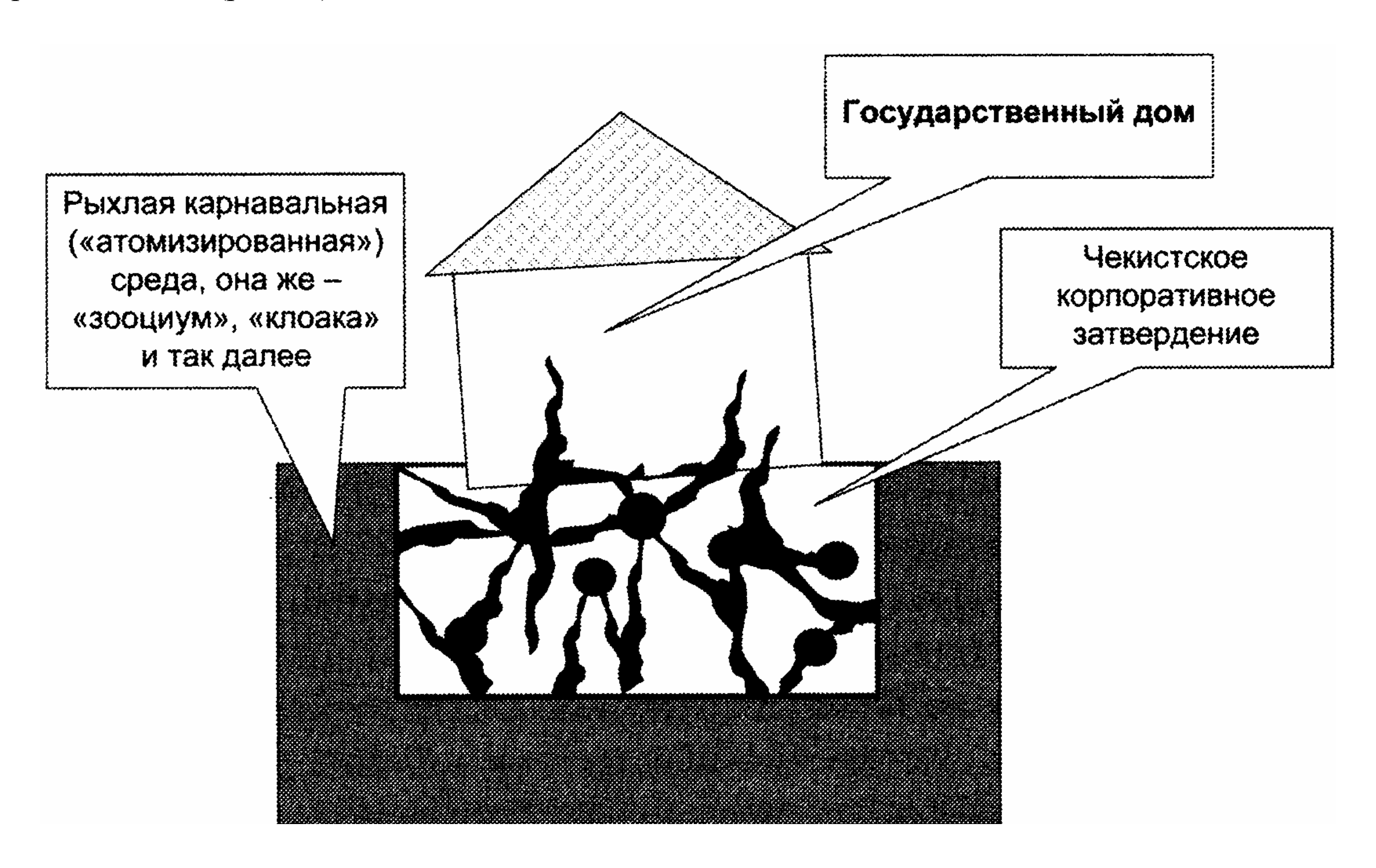

Рис. 46

В итоге дом рухнет. Для того, чтобы он не рухнул, совершенно недостаточно следить за качеством опорной социальной структуры. Этого затвердения, аттрактора и так далее. Следить за этим абсолютно необходимо. Но, как говорят математики, «необходимое не есть достаточное». И здесь я вынужден четко проартикулировать главное.

Кшатризм вообще недостаточен для того, чтобы управлять. Чтобы управлять, нужен брахманизм. Если уж так случилось, что кшатрии взяли власть, они должны стать брахманами. Или рухнуть в бездну. Вопрос не в их моральности, хотя и это важно, и не в их кшатрийских доблестях. Вопрос в их неспособности выйти за кшатрийские рамки.

Решение находится за рамками, а они в рамках (рис. 47).

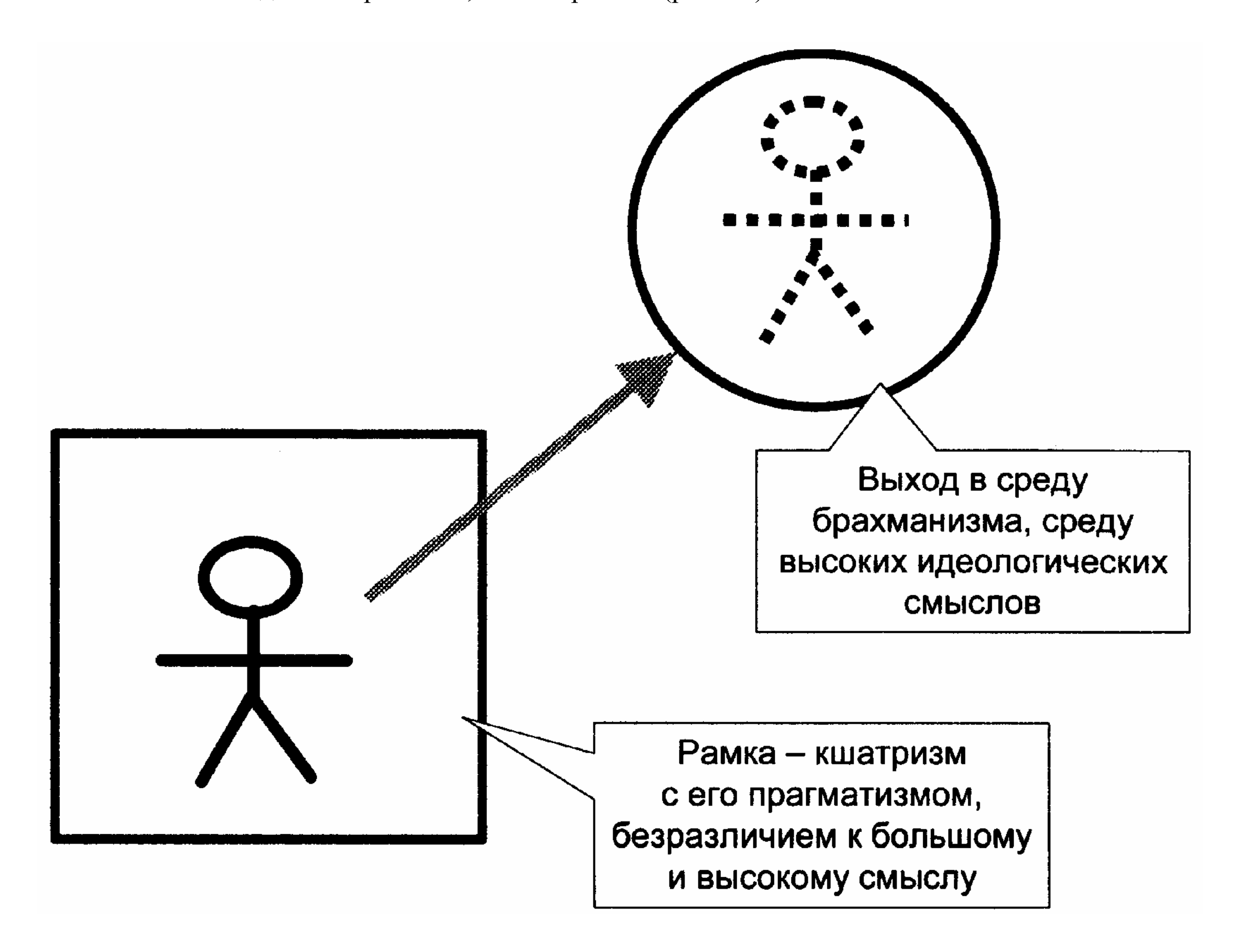

Рис. 47

Если чекистское сообщество не начнет сопротивляться вирусу клоаки во всех его вариантах, то вирус съест сообщество. Сразу во многих смыслах. Что и показывает как сам текст, приведенный А.Хинштейном, так и мой анализ этого текста с позиций спецпсиходрамы. Главный герой данной спецпсиходрамы — вирус, поражающий нутро. Есть любители иронизировать по поводу катастрофичности потери самости в ее высших ипостасях. Мол, какие там брахманы! Если низшая самость есть, то так зарычим, что мало не покажется. И никто не сунется.

Сунутся! Обязательно сунутся!

Никакое нутро, никакая свирепость сами по себе не спасают в отсутствие высшей самости. Прежде всего, нутряной свирепости вообще недостаточно. Ну, недостаточно, и все тут! Уж какая была свирепость у гаитянского диктатора Дювалье… Как культивировали нутро его опричники (тонтон-макуты)… Не помогло.

Кроме того, люди — это люди. Когда начинаются проблемы в том, что касается высшей самости (даже самые свирепые уголовники говорят о «духе»), начинается и эрозия самости низшей. Нутро «сбоит». Это чувствуют — кожей, нервами. А когда чувствуют… То, что происходит тогда, надо описывать с помощью особого метода. Я называю его «спецаналитикой».

Глава 8. «Чекизм» под призмой спецаналитики

Элиты борются между собой разными способами. В числе этих способов есть и силовое подавление, которое одна элитная группа осуществляет по отношению к другой. Иногда речь идет о

том, что элитный спецтеррор проводится внутри одной профессии. Например, Ежов зачищал группу Ягоды, Берия — группу Ежова. В других случаях элитная группа с одной профессиональной спецификой истребляет элитную группу с другой профессиональной спецификой. Подобные «элитные зачистки» радикально отличаются от революций. Но иногда встраиваются в революционный процесс. В чем же разница?

Когда революционный матрос расстреливает реакционного генерала и жандарма, то это революционный террор. А когда генерал, апеллируя к революции, расстреливает жандармов, то это нечто другое. Каков аргумент у этого генерала? Жандарм — прислужник режима. А генерал не прислужник?

Генерал может перейти на сторону революции. И тогда он становится, например, красным генералом. В этом случае красный генерал может расстрелять белого генерала. И логично предположить, что жандарм тоже может перейти на сторону революции. И красный жандарм будет расстреливать белого.

То есть в «нормальных» революциях высшие сословия страдают достаточно равномерно. И столь же равномерно осуществляется переход представителей различных групп внутри высшего сословия на сторону революционного народа.

Именно так протекает любой «нормальный» революционный процесс. Строго говоря, он никогда не бывает «нормальным». Но чаще всего хотя бы видимость равномерности соблюдается.

А вот если армия (или ее элитная часть, например, тот же спецназ ГРУ) начнет «мочить» комитетчиков просто потому, что те комитетчики, то это не вполне революция. Это элитная «разборка», которая может сопровождаться элитной «зачисткой». А может и не сопровождаться. Спецназ может пострелять, поддержать какого-нибудь нужного им политика и уйти в казармы. А комитетчики разбегутся. Кто-то попадет под пули, а кто-то нет. Это один сценарий.

В другом сценарии спецназ и его кураторы в военной элите начнут целенаправленно добивать комитетчиков по факту их профессиональной принадлежности. Как все мы понимаем, и спецназ, и кураторы в силу профессиональной специфики не до конца приспособлены для таких зачисток.

Конечно, внутри рассматриваемых военных структур есть специалисты по ликвидации (например, по ликвидации представителей элиты враждебной страны). Но это достаточно штучный товар. Да и операции — точечные. А тут нужно, как минимум, составить списки на значительный контингент своих сограждан, проживающих по разным адресам и обладающих определенными навыками по части скрытности. А потом еще надо обнаружить этих сограждан. Свезти их в какие-то места и ликвидировать в достаточно большом количестве. А также скрыть следы ликвидации. Потому что такое пятно никого не красит.

Комитетчики хотя бы в принципе могут быть профессионально подготовлены к проведению массовых репрессий против определенных групп своего населения. Для того, чтобы так подготовить специалистов другого профиля, нужно время, желание и возможности. Это нужно делать тщательно и скрытно. Обнаружат такую подготовку — мало не покажется.

Это называется — осуществить спецпроект. Первичные навыки подобных избирательно-карательных спецпроектов военный контингент может приобрести в ходе специфических боевых действий. Но тогда речь должна идти об армии, которая имеет этот опыт… Да и то это не совсем тот опыт… Короче — есть специфика. Не ахти какая, но есть. Специфичность требует особого метода. Не ахти какого, но все же особого.

Назовем его «спецаналитикой» (рис. 48).

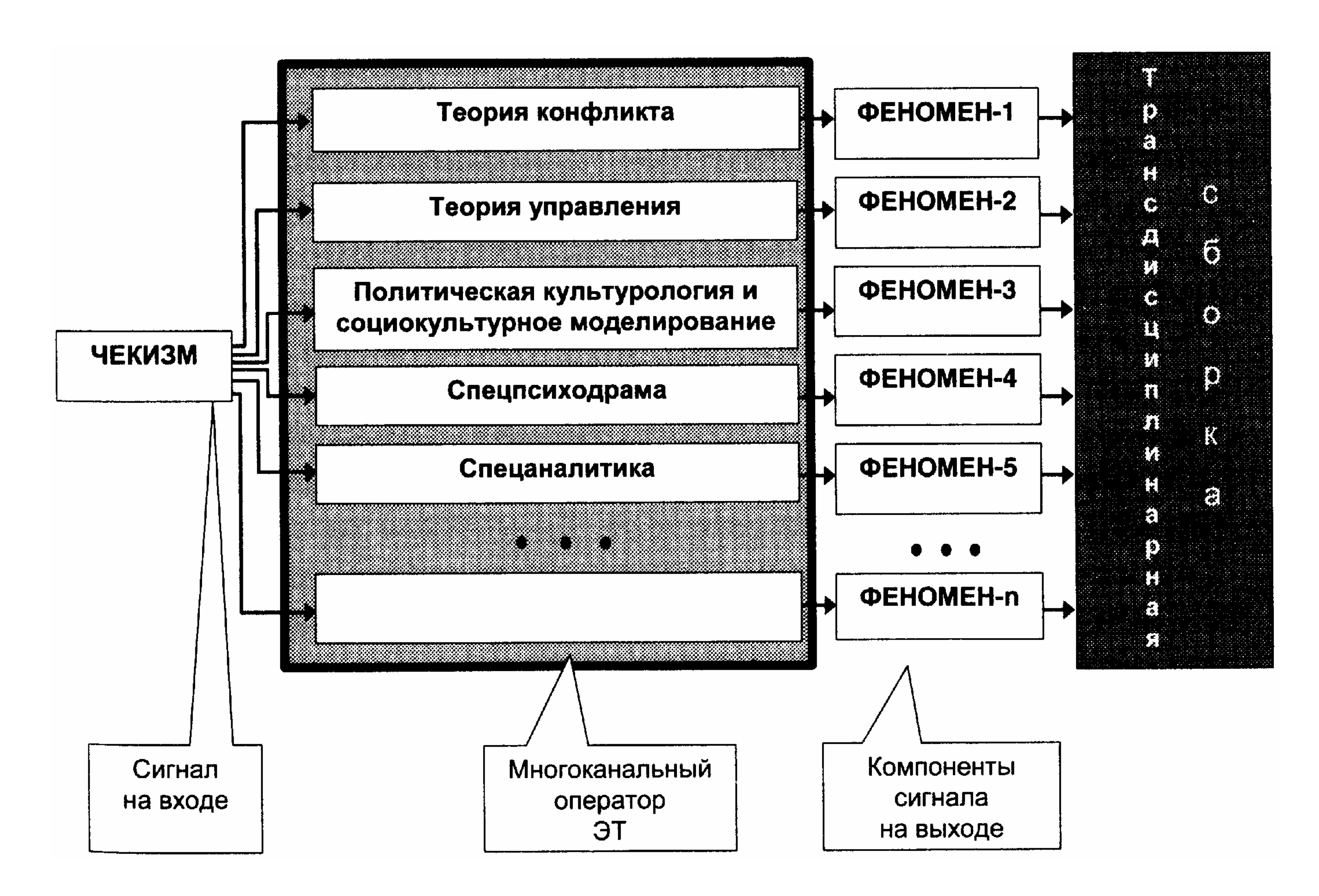

Рис. 48

Нам скажут, что не надо изобретать отдельный метод для описания перехода войск на сторону революционного народа ради свержения реакционного режима Чаушеску. Как оппонировать такому утверждению? Только показав, что все на самом деле было не совсем так. То есть применив этот самый спецаналитический метод.

1-3 декабря 1989 года на Мальте прошла встреча Горбачева и Буша-старшего. В ходе нее, как считают многие, и было принято решение о демонтаже режима Чаушеску.

4-6 декабря Чаушеску был в Москве с плановым визитом. Сразу по возвращении из Москвы, 6 декабря, румынский диктатор заявил членам своего Политбюро: «Все должны знать, что мы находимся в состоянии войны. Все, что сейчас происходит в Германии, Чехословакии и Болгарии или уже произошло в Польше и Венгрии, организовано Советским Союзом при поддержке американцев и Запада».

Чаушеску тут же заявил о контрреволюционном заговоре, ставящем целью свергнуть его режим. Центрами этого заговора были названы Москва и Будапешт.

15 декабря в трансильванском городе Тимишоара (венгерское название — Темешвара) вспыхнули волнения этнических венгров. Причиной стало решение властей о депортации в Венгрию авторитетного в венгерской общине священника Ласло Текеши.

16-17 декабря в Тимишоаре происходят столкновения между силами безопасности и демонстрантами. 72 человека убиты.

Теперь о тех, кто стрелял и в кого стреляли. Согласно общепринятой сразу же после революции версии, исполнителями стрельбы были солдаты армейских частей, которые были переданы в момент кризиса в оперативное управление политической полиции, секуритате.

Однако после окончания первого президентского срока Иона Илиеску и перехода власти к Эмилю Константинеску стали говорить о том, что приказы на стрельбу отдавали именно те генералы румынской армии, которые впоследствии были в первых рядах противников Чаушеску.

Конкретно речь идет о трех генералах:

— генерал-лейтенанте Викторе Атанасиу Стэнкулеску (на момент румынской революции — первый заместитель министра обороны Румынии);

— генерал-полковнике Штефане Гузе (на момент событий — также один из заместителей министра обороны);

— генерал-лейтенанте Михае Кицаке (тогда — командующий химическими войсками).

Более того, в 1999 году — при правлении Константинеску — Кицак и Стэнкулеску были приговорены к длительным срокам тюремного заключения за применение силы в Тимишоаре в начале румынской революции. Причем Стэнкулеску фактически избежал наказания, так как в момент приговора находился в эмиграции в Лондоне. А генерал-полковник Гузе, которого также обвиняли в применении силы в Тимишоаре, не был привлечен к судебной ответственности, так как скончался в 1994 году от онкологии.

Отметим, что в 2001 году, после «второго пришествия» Илиеску к власти, Стэнкулеску и Кицак были полностью оправданы. И теперь оба генерала ведут жизнь привилегированных румынских пенсионеров.

Что же касается самих демонстрантов, то в адрес главной «жертвы» и фактического организатора тимишоарских событий Ласло Текеши в постреволюционной Румынии звучали обвинения в сотрудничестве с секуритате. Более того, эксперты считают, что само венгерское национальное движение в Румынии достаточно плотно контролировалось как собственно румынской госбезопасностью — секуритате, так и венгерской разведкой, которая давно рассматривала своих братьев-венгров в Трансильвании как ключевой фактор дестабилизации Румынии. Причем такая венгерская (явно «не братская») позиция в отношении союзницы по Варшавскому договору и СЭВ, видимо, была санкционирована Москвой, с которой у Бухареста не складывались отношения.

Для секуритате поддержка (точнее, инфильтрация агентуры и захват ключевых позиций) в среде венгерских диссидентов имела свои резоны.

Во-первых, венгерские диссиденты — это инструмент давления как на самого диктатора, так и на ненавистную для ГБ армию.

Во-вторых, в Трансильвании значительная часть старшего и среднего офицерского состава секуритате состояла из местных венгров. И они уже вели свою игру, которая рано или поздно просто не могла не разойтись с целями режима Чаушеску.

В свете всего вышесказанного не исключено, что беспорядки в Тимишоаре были спровоцированы самой секуритате, которая хотела добиться своих целей. Например, «подставить» армию участием в подавлении беспорядков. Или… Возможно, игра была еще тоньше.

В 2003 году бывший высокопоставленный сотрудник охраны Николае Чаушеску, Думитар Бурлан, издал книгу «После 14 лет молчания двойник Чаушеску исповедуется». В ней он рассказывает о своей службе в охране Чаушеску, быте этой семьи, а также о своей специальной роли: в течение многих лет Бурлан исполнял роль двойника Чаушеску в операциях по организации передвижения диктатора по Бухаресту.

Так вот, Бурлан, который был очень близок к семье диктатора, вспоминает, что накануне революции 1989 года сын диктатора — Нику Чаушеску — вынашивал планы ограничения президентских полномочий отца и передачи всей полноты власти себе самому.

Забегая вперед, подчеркну, что итогом всей рассматриваемой румынской коллизии стали массовые расстрелы секуритатчиков, и что одним из центров этих расстрелов стала «вотчина» «красного кронпринца» Нику Чаушеску — Сибиу. Понятно, что в Сибиу верхушка местной секуритате — это доверенные люди сына диктатора, а весь более-менее толковый офицерский состав — это доверенные лица доверенных лиц. Таким образом, массовые расстрелы секуритатчиков в Сибиу — это удар по кадрам сына диктатора.

Более того, из всех детей Николае Чаушеску (кроме Нику, в семье был сын Валентин и дочь Зоя) Нику провел в тюрьме после расстрела родителей больше всех — шесть лет. А вот после освобождения из тюрьмы в 1995 году и до самой смерти (через год, в 1996 году) Нику Чаушеску оказался единственным из детей покойного диктатора, который сумел «прилично пристроиться» в серьезную внешнеторговую компанию.

В довершение всего заметим, что Нику Чаушеску — это не просто экстравагантный «коммунистический плейбой» и политически активный сын диктатора. Он близкий друг и бизнес-партнер такого видного международного бизнесмена, как известный по «делу "Бэнк оф Нью-Йорк"» Брюс Раппопорт. Эта дружба вряд ли сводилась только к «распилу бабок». Дружба с Раппопортом — это огромный транснациональный политический ресурс в руках Нику и той части секуритате, которая поставила на сына диктатора. И этот ресурс просто не мог не быть картой в той политической игре, которая велась накануне свержения Чаушеску.

Еще одна любопытная деталь.

12 сентября 1989 года парижская Figaro опубликовала статью о Румынии, в которой упоминается Фронт национального спасения — как «организация, до сих пор неизвестная, объединяющая реформаторов горбачевского толка». В момент свержения диктатуры именно эта организация во главе с Ионом Илиеску, о которой население прежде ничего не знало, взяла власть в свои руки!

Налицо очевидная «утечка». Причем «утечка» явно неслучайная и явно из неслучайного места. Франция эпохи Миттерана — очень близкий партнер режима Чаушеску. Более того, уже после падения румынского диктатора имели место несколько скандалов по поводу «спецфинансовых отношений» между Парижем и Бухарестом.

Знала ли секуритате о румынском ФНС? Конечно, знала. Возможно, какая-то часть (уже тогда крайне расколотой) секуритате этот ФНС и создала. И «вела», например, «на паях» с оппозиционными Чаушеску группами в армии. А тогда не исключено, что «утечка» в Figaro — это попытка французских спецслужб предупредить дружественного Чаушеску о том, что именно данную структуру готовят на роль его политического могильщика.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что к середине декабря ситуация в румынских верхах была накалена до предела. Свои интриги друг против друга (а заодно и против диктатора) плели обе стороны — и армия, и секуритате.

Причем секуритате (точнее, влиятельные круги внутри нее), видимо, не хотела окончательного падения Чаушеску, а желала передать полноту власти кому-то из семьи диктатора. Скорее всего, Нику Чаушеску.

А вот армия, видимо, была настроена более радикально. Ей нужно было не только убрать диктатора, но и не допустить прихода к власти угодного секуритате «наследника вождя». В первую очередь, Нику Чаушеску. Вот такова была диспозиция.

Однако вернемся к ходу «румынской революции».

18-20 декабря Чаушеску был с визитом в Иране. Этот визит был запланирован заранее. Однако в связи с тимишоарскими событиями он улетел в Тегеран без значительной части свиты и жены Елены, которая осталась в Бухаресте «на хозяйстве».

Почему Чаушеску вообще не отменил этот визит? Хотел показать, что у него все хорошо? Или летал туда с конкретной целью — попросить у иранских лидеров боевиков для подавления беспорядков? Ответа на этот вопрос нет до сих пор. Однако нельзя не зафиксировать странное поведение диктатора и не сказать, что зарубежный визит в такой обстановке не может не преследовать «чисто конкретные» цели.

При этом сам Бухарест с 19 декабря находился на военном положении. В городе хозяйничали полиция, госбезопасность и частично армия.

20 декабря в середине дня Чаушеску прибыл в Бухарест. В тот же день было принято решение провести на следующий день — 21 декабря — «митинг в поддержку социализма».

21 декабря в ходе проправительственного митинга среди толпы неожиданно появляются плакаты и выкрики против Чаушеску и его режима. Сотрудники секуритате пытаются схватить оппозиционных агитаторов, но нарываются на вооруженный (!!!) отпор. По официальной постреволюционной версии, вооруженный отпор оказали оппозиционно настроенные студенты. По неофициальной, в схватку с секуритате вступили одетые в штатское сотрудники румынской военной разведки. То есть армия публично и наглядно определилась в своей античаушесковской позиции.

И не только армия. Телевидение тут же, словно по мановению волшебной палочки, начинает антиправительственную пропаганду!

Взбешенный Чаушеску покидает митинг. В здании ЦК РКП он проводит совещание с членами Политбюро и силовиками и требует применения силы против демонстрантов. Все силовики, в том числе шеф секуритате и глава МВД, отказываются выполнять такой приказ, мотивируя тем, что применение силы лишь усугубит и без того сложную ситуацию.

Чаушеску покидает заседание, заявив, что присутствующие должны выбрать себе нового лидера государства, чьи приказы они хотели бы исполнять. Находившаяся здесь же Елена Чаушеску уговаривает мужа вернуться. Шефы госбезопасности и полиции, пусть и с оговорками, заявляют о своей готовности подчиниться президентскому указу о применении силы.

Лишь один человек — министр обороны Румынии генерал армии Василе Миля — категорически отказывается применять силу.

А дальше начинается нечто, что повернуло события.

В ночь с 21 на 22 декабря бухарестское радио сообщило о самоубийстве министра обороны. Причем самоубийство (убийство?) генерала Миля произошло в здании ЦК румынской компартии. В среде генералитета гибель Миля однозначно была расценена как расправа диктатора с неугодным министром и как вызов всему армейскому сообществу.

Отметим, что гибель министра обороны до сих пор вызывает множество споров, окончательного ответа на вопрос о ее причинах по-прежнему нет. В частности, в декабре 1999 года главный военный прокурор Румынии генерал Дан Войня заявлял, что органам военной юстиции известно имя человека, непосредственно убившего генерала Миля. Однако называть имя этого человека главный военный прокурор отказался. С тех пор никаких подвижек в деле о гибели министра обороны нет.

Повторимся, в любом случае гибель министра Миля однозначно и окончательно повернула сознание генералитета против режима Чаушеску.

В ночь на 22 декабря в Бухарест входят войска. Однако их цель уже не защита режима. Они берут под охрану здания бухарестского телецентра и Министерства обороны.

Утром того же дня фактический лидер античаушесковского генералитета, первый заместитель министра обороны генерал Стэнкулеску в телефонном разговоре с Чаушеску заявил, что президенту следует покинуть Бухарест, а по возможности и страну.

В первой половине дня 22 декабря Чаушеску и его жена на правительственном вертолете покидают Бухарест. На улицах столицы оппозиционеры братаются с армией. Город забит людьми; демонстранты, военные, просто зеваки, полно детей, которых отпустили из школ, а они на радостях пошли посмотреть на происходящее.

Вечером 22 декабря происходит то, что переворачивает сознание уже не только генералитета, но и среднего и младшего офицерского состава и солдат.

Сотрудники секуритате и некие лица, которых официальная пропаганда времен Илиеску будет именовать террористами, заняли высотные позиции в центре Бухареста (Королевская библиотека, правительственные здания и т. д.) и открыли огонь по толпе и армии.

Все тот же генерал Стэнкулеску приказывает армейским частям любыми средствами подавить сопротивление сотрудников госбезопасности. Армия открыла ответный огонь. В результате на улицах Бухареста появилось множество случайных жертв. Огнем армии была уничтожена Королевская библиотека, в которой были сосредоточены значительные силы секуритате. По официальным данным, только лишь в ходе бухарестской «уличной войны» было убито 1104 человека.

Вечером 23 декабря по румынскому телевидению выступил директор Технического издательства и лидер оппозиционных к Чаушеску партийцев Ион Илиеску, который объявил о создании Фронта национального спасения (того самого ФНС), прекращении президентских полномочий Чаушеску и переходе всей полноты власти в руки ФНС. Примечательно, что руководство ФНС заседало в здании Министерства обороны и плотнейшим образом взаимодействовало с генералами Стэнкулеску и Гузе.

Ожесточенные бои в Бухаресте продолжались до 25 декабря. Они прекратились лишь после того, как было объявлено о казни Николае и Елены Чаушеску, а их тела были продемонстрированы по телевидению.

После своего бегства из Бухареста 22 декабря Чаушеску пробыл несколько часов в одной из своих резиденций в румынской провинции. Затем они с женой покинули эту резиденцию и, по официальной версии, слонялись по проселочным дорогам, пытаясь на попутных автомобилях добраться до неустановленного пункта назначения. Чета Чаушеску была опознана 24 декабря водителем одной из таких машин. Этот водитель и передал их военным властям в городе Тырговиште.

В Тырговиште супругов Чаушеску поместили на территории воинской части. 25 декабря над ними был проведен короткий судебный процесс. Точнее, имитация процесса. Организатором всего этого был генерал Стэнкулеску. Приговор был заранее известен — расстрел.

В декабре 1999 года — к десятилетней годовщине румынской революции — в германской газете «Зюддойче цайтунг» появилось интервью полковника румынской армии Ионела Боеру, который в 1989 году непосредственно руководил «расстрельной командой», уничтожившей Чаушеску. Вот как он вспоминал о тех событиях. По словам Боеру, за час до казни к нему подошел

генерал Стэнкулеску, который заявил буквально следующее: «Ты — единственный, кому я доверяю. Подбери себе двух добровольцев. Вы будете стрелять от бедра очередями».

Как пишет Боеру, он и его группа «испытывали большой страх, что могут отказать наши автоматы Калашникова или же в конечном итоге мы сами будем расстреляны». Впоследствии Боеру узнал, что стоявшая за его спиной группа солдат должна была уничтожить их, если «расстрельная команда» откажется выполнять свою работу.

По воспоминаниям Боеру, когда Чаушеску вели на расстрел, он напевал «Интернационал». Последними словами диктатора было: «Да здравствует свободная социалистическая Румыния! Долой предателей!» А Елена Чаушеску перед казнью плакала.

Боеру: «Когда их подвели к стене, я реагировал совершенно автоматически. Мы встали на расстоянии шести метров. Произошло то, чего я опасался. Мои коллеги начали стрелять слишком поздно. Только я расстрелял два магазина».

После начала стрельбы Чаушеску упал на колени, так как первые пули попали ему в ноги, а затем перевалился на спину. Елене первая пуля попала в шею, разорвав сонную артерию. После этого стоявшие за спиной Боеру солдаты открыли беспорядочный огонь по приговоренным.

Боеру утверждает, что в течение нескольких месяцев после казни диктатора он получал письма с угрозами от сторонников Чаушеску. Более того, его собственная жена отказывалась с ним разговаривать, считая его убийцей.

Сам же Боеру заявил германским журналистами, что не считает себя убийцей, хотя и осознает неоднозначность всего происшедшего. В качестве главной мотивации, которая подвигла его участвовать в казни супругов Чаушеску, он называет то, что «благодаря смерти Чаушеску его сторонники прекратили уличные бои».

Организатор суда над Чаушеску и его казни генерал Стэнкулеску столь же неоднозначно относится к происшедшему. Свое отношение он выразил следующими словами: «Казнь супругов Чаушеску — это страшный грех. И этот грех на мне». Однако Стэнкулеску тут же оговаривается, что этот грех заставила его принять на душу ситуация в Бухаресте, где сотрудники секуритате и некие террористы устроили настоящую бойню.

Более того, именно организованная в Бухаресте «уличная война» была оправданием массовых казней сотрудников секуритате в Бухаресте, Клуже, Тимишоаре и Сибиу.

Сотрудников секуритате привозили на автомобилях на территорию воинских частей, ставили к стене, расстреливали. Дальше тела расстрелянных увозили в неизвестном направлении, а на расстрел привозили новые партии секуритатчиков.

По данным экспертов, только в Клуже в течение суток — 25–26 декабря — таким способом были уничтожены 140 кадровых сотрудников госбезопасности и представителей их агентурного аппарата.

Понятно, что непосредственно этими расстрелами вряд ли занимались лишь бойцы особых подразделений румынской военной разведки. Хотя, конечно, в них участвовали и они. Но для всех расстрелов спецназовцев хватить не могло. Значит, к расстрелам не могли не привлекать и рядовых солдат румынской армии из числа обычных призывников, а также средний и младший офицерский состав.

Как их могли подвигнуть на участие в этом?

Тут уместно вспомнить слова полковника Боеру о том, что казнь Чаушеску помогла остановить бессмысленное и кровавое сопротивление сторонников диктатора. Понятно, что в ситуации бухарестской бойни ненависть к сотрудникам секуритате была такова, что она вызвала некие более глубокие чувства, чем простая корпоративная нелюбовь армии к ГБ.

И вот тут надо вновь вернуться к личностям тех, кто организовал бои в Бухаресте 22–25 декабря.

Сразу же после революции говорилось, что за боями в Бухаресте стояли сотрудники секуритате и некие «террористы». Под террористами понимались мобильные вооруженные группы, которые появлялись в самых неожиданных местах и устраивали стрельбу. В постреволюционные времена предполагали, что террористами могли быть арабские или иранские боевики, которых секуритате накануне событий завезла в страну. Напомним, что последний зарубежный визит Чаушеску был именно в Иран.

Однако в 1998 году была выдвинута новая версия тех событий. Главный военный прокурор генерал Дан Войня заявил, что никаких террористов не было, а была спланированная диверсия

руководителей армии, которые пытались таким образом «отмыться» от возможных обвинений в причастности к событиям в Тимишоаре, а также оправдать поспешное уничтожение Чаушеску.

Более того, Войня заявлял, что и Илиеску может быть привлечен к суду в качестве обвиняемого за участие в организации диверсии. Якобы Илиеску был непосредственно причастен к гибели 80 человек в районе бухарестского телецентра. Отметим, что тогда же прокурор Войня инициировал уголовное преследование за причастность к чаушесковским репрессиям в Тимишоаре генерала Стэнкулеску и ряда его соратников.

Войня не сумел доказать причастность армейского руководства к деятельности так называемых «террористов». Равно как и противоположная сторона не смогла найти окончательных аргументов для обвинений в адрес секуритате. Таким образом, либо обе стороны — армия и секуритате — были в равной мере причастны к провокациям, либо их в Бухаресте стравливала какая-то «третья сила» — скорее всего, иностранного происхождения.

Выделим и еще одну особенность обсуждаемых «послереволюционных» событий. Все обвинения в адрес Илиеску и отличившихся в революцию генералов звучали в период правления Эмиля Константинеску. Различия между Илиеску и Константинеску состояли в том, что Илиеску был социал-демократом, воспитанным в среде партийных аппаратчиков реформистского толка, а Константинеску — либералом из числа бывших диссидентов.

Однако был и еще один нюанс. В 1998 году в адрес Константинеску выдвигалось обвинение в сотрудничестве с секуритате во времена правления Чаушеску. Это обвинение не было доказано, но и опровергнуто оно тоже не было. И не исключено, что репрессии против генералов, которые прекратились после повторного прихода Илиеску к власти в 2000 году, были местью каких-то сегментов секуритате, делавших ставку на Константинеску.

В любом случае, нельзя не понимать, что операция такого масштаба требует согласованного осуществления нескольких типов действий.

Прежде всего, нужны действия собственно идеологического характера.

Нужно оформить естественное недовольство одних силовых групп другими силовыми группами, придав этому недовольству проартикулированный характер и доведя его чуть ли не до уровня войны субкультур. Причем достаточно накаленной войны. Той, которая имеет место в случае межэтнических конфликтов. Это непростое занятие. Разжечь гражданскую войну трудно. Такой конфликт — еще труднее. Да, предпосылки для него всегда есть! Но попробуйте сделать эти предпосылки достаточно внятными и накаленными.

Нужны и организационные действия. Что значит внести подобную идеологию и даже субкультуру в соответствующий контингент? Это значит проводить весьма специфическую политработу. А как ее проводить? Рядом — контрразведчик. Значит, людей надо собирать тайно. А что значит собирать тайно? Их надо отбирать, следить за тем, чтобы не доносили. Все это охранять от посторонних глаз. Причем глаз достаточно профессиональных. Такого рода мероприятия должны быть осуществлены по отношению к большому количеству людей. Они должны носить массированный характер.

ЭТО ПО СИЛАМ ТОЛЬКО ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.

Организационные и идеологические действия, соединенные в одно целое, — это что такое? Политическая война! Прошу еще раз вдуматься: рассмотренные нами задачи не под силу обычному военному контингенту, пусть даже и «специального назначения». Не его это профиль, совсем не его!

Как натравить красных на белых, понятно. И то это делается не мгновенно и не с помощью людей, привыкших стрелять или даже руководить военными операциями. Но как натравить военных на комитетчиков, распалив их до соответствующей степени? Конфликта интересов мало. Надо выработать и планомерно насадить… принцип разделения «свой — чужой», в котором «свой» — в одних погонах, а «чужой» — в других.

Короче, вы можете представить себе, что армия или ее специальные части в августе 1991 года будут атаковать Лубянку, сравнивать ее с землей, затем охотиться за разбежавшимися комитетчиками по всей стране, свозить их и расстреливать?

Для того, чтобы армию или какие-то ее части на это подвигнуть, нужна полноценная политическая организация, которую надо в этой армии разместить. И это должна быть мощная и эффективная организация. И не просто организация, а тайная организация. Причем такая, которая не только раскачает контингент (то есть соединит идеологию и организационную деятельность), но и

направит его нужным образом (то есть добавит к рассмотренным компонентам деятельности деятельность собственно оперативную).

Однако и это не все. Нельзя добиться успеха в подобного рода затеях, не осуществляя параллельно с идеологической, организационной и оперативной деятельностью еще и деятельность собственно игрового характера. Хотя бы простейшую — то есть ту, которая называется «раскол элиты, которую надо уничтожить». Еще это называют «разводка» или…

ИЛИ КАЧЕЛИ.

Анализ румынских событий показывает, что существенной предпосылкой к успеху разгрома румынских чекистов стал именно раскол самих чекистских элит, сложная игра этих элит против своего руководства, противоречивость позиций самого руководства. И весь тот климат, который не позволял состояться мобилизации, одновременно претендуя на жесткость. Но что такое элитный раскол внутри некоего спецслужбистского комьюнити с политическими претензиями? Как он устроен? Какова его тонкая структура? Как он функционирует?

Все эти вопросы в сущности и побудили меня к написанию этой книги. Все, что я делал до сих пор, — общая часть исследования. Оставаясь в рамках общих рассуждений, я не раскрою тему. И потому пора переходить от методологии к применению метода.

Часть 3
МЕБЕЛЬ ИЛИ ПАРАПОЛИТИКА?

Глава 1. «О, эта мебель!»

Вот уже много лет я начинаю день с прочтения информационных сводок и развернутых комментариев к оным. Каждое утро на мой стол ложится пухлая папка разнокачественных материалов. Если вы делаете нечто день за днем на протяжении многих лет… Если вы это делаете с незатухающим интересом и достаточно дисциплинированно… Короче, у меня уже сложились особые отношения с этой папкой. Я чувствую, где именно — в конце ее, в начале или в середине — расположен важный для меня документ. Я чувствую, когда в папке есть что-то важное, а когда она, что называется, пустая. И я в каком-то смысле верю этим своим неформализованным ощущениям. Конечно, «доверяй, но проверяй». Ну, так я и проверяю. Но и доверяю тоже.

Не верьте никому из тех, кто долго и упорно работает с информацией, что отношения их с этой странной субстанцией являются сугубо формальными. В этих отношениях всегда присутствует особый привкус. Те, кто его не чувствует, просто не могут работать. А те, кто придает ему избыточное значение, быстро превращаются в психопатов и конспирологов. Задача как раз и состоит в том, чтобы пройти по лезвию бритвы. То есть сухо и рационально обрабатывать материал и при этом понимать, что материал-то тоже тебя, так сказать, немножечко «обрабатывает».

Короче говоря, в одно прекрасное утро мне на стол положили очередную папку и я вытянул из нее какую-то бумажку, в которой описывалась банальная история в духе нашего не вполне банального времени. Того самого, для описания которого я уже использовал цитату из «Иосифа и его братьев» («…Будем честны до конца и в ладу с современностью и продадим Иосифа»).

Когда я говорю, что выловленная мною бумага описывала историю в духе нашего времени, то я имею в виду именно наше — крайне скверное — время. То есть время, которое любую историю превращает в занудный сказ о том, «кто, сколько, у кого» и так далее. Подчеркну еще раз, что меня в принципе не интересует, «кто, у кого, как, когда и сколько». Потому что если этим начнешь интересоваться, то опаскудишься или свихнешься. Ибо окажется, что «все, у всех, постоянно». И, что главное, на любом поприще.

Бумажка, которую я выудил, повествовала о том, что именно происходит на мебельном поприще. А происходило на нем то же, что и на любом другом поприще. И потому я должен был отбросить бумажку и начать читать следующую. Но я ее не отбросил. У меня не было никаких рациональных оснований для этого. А иррациональные были. Они состояли в том, что я выудил из папки именно эту бумажку.

Ну, выудил и выудил. Я же не стал созывать совещание, требовать, чтобы меня посвятили в нюансы мебельных операций. Я только сделал где-то пометку и положил бумажку в ящик письменного стола. А на следующий день я прочитал ее снова. Потом опять. Потому что какое-то шестое чувство подсказывало мне, что речь идет не о мебели. То есть в буквальном смысле слова речь шла именно о ней. Но к буквальному смыслу слова все не сводилось.

Шел 2000 год. Несколько месяцев назад прошла инаугурация В.Путина. Страну лихорадило в предчувствии крупных и крупнейших скандалов. В воздухе пахло перераспределением реальной власти и собственности. На кону стоял вопрос о нефти, газе и много о чем еще. Мебелью больше… Мебелью меньше… Какой у меня был резон обратить на это внимание? Но я обратил внимание. Я стал почему-то наблюдать за этим самым мебельным салоном «Три кита» и даже зашел в салон, благо по дороге. Салон как салон… Хорошая мебель… Соответствующая публика… Все в духе нашего времени.

Нет, я не стал перестраивать свою жизнь и деятельность под мебельный салон «Три кита». Но «китовая» тема застряла в моем сознании. Может, еще и потому, что меня киты волновали с раннего детства. Не мебельные, а настоящие. Земля вот стояла на китах, согласно какому-то мифу. Опять же — Моби Дик. Опять же — киты бизнеса. «Чудо-юдо, рыба-кит»… В позднесоветском фильме по рассказам О'Генри пелась не лишенная иронии песенка, которую я почему-то запомнил:

Летит земля в пространстве утлой лодочкой.
Но молим мы, ловцы и рыбаки:
«Сглотни наживку, попадись на удочку,
О чудо-юдо, чудо-рыба-кит!»
Те три кита — основа мирозданья.
Запомните навеки их названья.
Один — азарт, политика — другой,
А третий кит — конечно же, любовь.
Есть три кита,
Есть три кита,
Есть три кита —
И больше ни черта.

Почему-то мне показалось, что устроители мебельного начинания имели в виду и эту песенку. Но, в конце концов, — что особенного? Где торговля, там и маркетинг. Выбрали люди хорошее название. Оно застряло у меня в голове, и ладно. Так я подумал и постарался выкинуть из головы влезшую в нее мелкую мебельную историю.

А потом… Потом — началось.

Что именно началось, об этом чуть позже. Вначале — о том, чем закончилось. И закончилось ли? В многократно приводимых мною многоканальных схемах есть узел под названием «трансдисциплинарная сборка».

Проблема подобной сборки (иначе — «сводки», то есть сведения воедино) — одна из наиболее сложных и жгучих для науки в XXI столетии. Количество научных дисциплин стремительно увеличивается. Возникают новые и новые стыки между дисциплинами. Эти стыки надо чем-то заполнять. Иначе исчезнет какая-либо целостность. А без нее наука может превратиться в бесконечный лабиринт, по которому будет тоскливо блуждать сошедшее с ума человечество.

В современной науке проблема мульти- или трансдисциплинарных сборок («сводок») уже поставлена. Но и только. Нет никакого единства в вопросе о том, как нужно осуществлять такие сборки. Кто-то апеллирует к метасборке (термин, адресующий к метаматематике или метаязыку). Кто-то настаивает на необходимости более плотных сборок, нежели те, которые позволяет осуществить методология «мета-». Например, марксисты считали, что плотная сборка может быть осуществлена с использованием марксистского метода. Были и другие попытки осуществить плотную сборку, апеллируя к философии или теории систем.

Между прочим, руководитель одного из наиболее известных в мире учебных заведений, занятых трансдисциплинарным обучением, настаивал в частной и доверительной беседе со мной, что

трансдисциплинаристики как алгоритмизированного подхода нет и не может быть. А то, что я делаю, — это искусство, а вовсе не трансдисциплинаристика. И если трансдисциплинаристика и появится, то именно как искусство. Я-то этого не считаю, но игнорировать полностью правоту его оценок тоже не могу. Сводка все еще остается отчасти, увы, и этим самым искусством. А иногда и чем-то другим: «И тут кончается искусство, и дышат почва и судьба».

Такова ситуация в современной науке.

Аналитика — не вполне наука. Но ведь и наука тоже. Сборка (или сведение воедино разнородных информационных потоков) — это актуальнейшая проблема. Человек все равно осуществляет какой-то информационный синтез. Весь вопрос, какой именно. У человека есть первичная, донаучная, способность к синтезу. Ее олицетворяет миф как донаучный синтетический метод. Как только нет других методов, то человек начинает апеллировать к мифу. И чем сложнее и разнороднее информация, с которой он сталкивается, тем в большей степени он будет апеллировать к мифу, если не будет другого метода. В политической аналитике результатом такой апелляции к мифу является теория заговора (конспирология). Именно она претендует на пальму первенства в том, что касается трансдисциплинарной сводки разноречивой и противоречивой информации.

Последствия замены трансдисциплинарного знания мифом понятны. Но мало констатировать понятность и прискорбность таких последствий. Надо попытаться «просканировать» окрестность этого бредового конспирологического метода. И внимательно посмотреть, нет ли где-то рядом совершенно другого, но в чем-то сходного — а главное, рационально трансдисциплинарного метода.

Такой метод есть. И он называется — параполитика.

Конспиролог апеллирует к мифическим заговорам. И его апелляция беззубо-комфортным и лживо-порочным образом замещает сложную реальность с ее уже обсужденной нами нетранспарентностью.

Но есть же и другие заговоры! Не мифические, а абсолютно реальные.

Вся Америка спорила, убили ли Джона Кеннеди в результате заговора. Спорили, спорили, потом оказался убит Роберт Кеннеди. И все перестали спорить. Потому что оказалось, что спорить не о чем. А те, кто считал, что есть о чем («мало ли, какие узоры может нарисовать чудовищное стечение обстоятельств»), столкнулись с еще одним убийством — убийством итальянского премьера Альдо Моро. И тут уж заговор был настолько очевиден, что дальше некуда. Но куда тянулись нити этого очевидного заговора? Люди стали искать, куда, а ищущих начали убивать. Начали убивать крупных чинов полиции, журналистов, политиков. И в таком количестве, что итальянская общественность обозлилась. Как-то она, между прочим, конструктивно обозлилась. Гораздо более конструктивно, чем американская общественность.

Американская — та сразу стала шизеть по поводу Кеннеди. И ей помогли шизеть. А итальянская не стала шизеть. Она, между прочим, не просто не стала. Она агрессивно воспротивилась предлагаемой ей шизоконспирологической перспективе. Отстранилась от нее. И стала разбираться совсем иначе. Неожиданное мужество проявила академическая наука. Процесс разбирательства возглавили, в том числе, и университетские профессора. И для того, чтобы не быть скомпрометированными на корню (мол, занялись ребята конспирологией), ученые изобрели специальный термин: параполитика. И противопоставили его конспирологии (рис. 49).

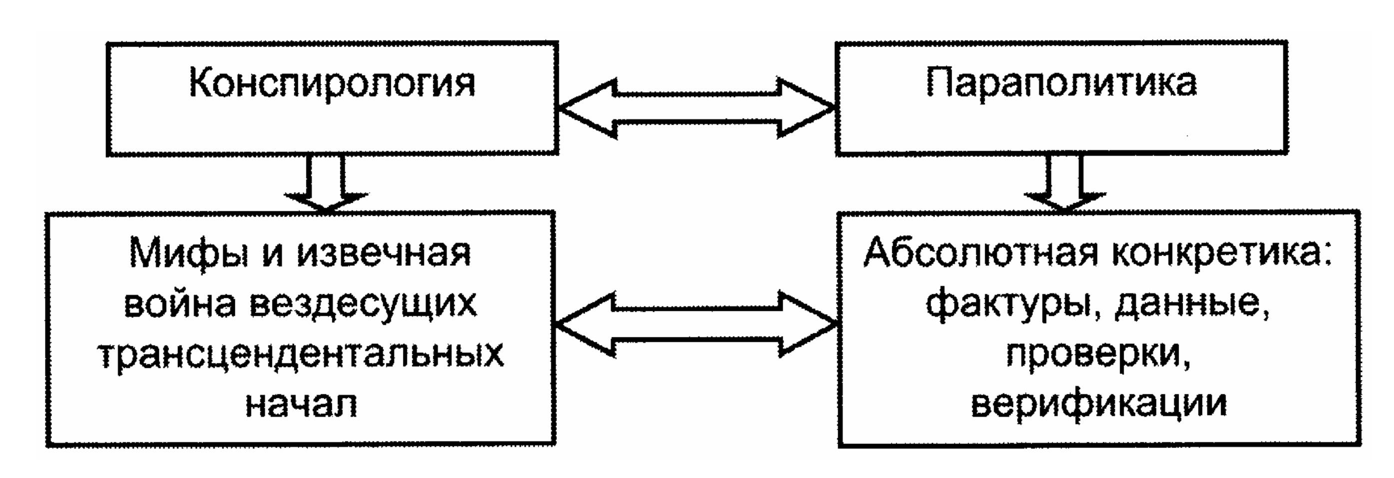

Рис. 49

Параполитика отстраивала себя как антитеза конспирологии. Она чуралась всего, что было связано с конспирологией. Отстранялась от конспирологических сальто-мортале с их мифами, извечной войной вездесущих трансцендентальных начал. Этому противопоставлялась абсолютная конкретика. Такие-то люди встречались тогда-то, говорили о том-то, совершали то-то. Параполитика хотела быть наукой. Наукой о чем? О том, что не входит в классическую политику. В классическую же политику на том этапе (речь шла о 70–80-х годах XX века) входила только полностью прозрачная часть политического процесса. Политические дискуссии, программы, выборы, дебаты в парламентах… Ну, какие-то общественные, профсоюзные движения — и точка.

Параполитики говорили: «Пусть так. Пусть вы это называете политикой. Тогда мы начинаем исследовать ситуацию, переходя ту грань, на которой вы останавливаетесь. Убийство Альдо Моро имело место? Имело. Это был заговор? Заговор. Ситуация непрозрачна? Непрозрачна. Мы хотим ее исследовать. Почему вы протестуете против того, чтобы мы исследовали реальность? Мы не говорим о войне злых и добрых духов. Мы говорим о реальности, о несомненном. В конце концов, спецслужбы свергают правительства! Да или нет? Вот Моссадыка свергли в Иране! И мало ли где еще кого свергают. Так мы хотим это изучать».

Им отвечали: «А спецслужбы не хотят, чтобы вы это изучали! На то и тайные операции».

А те говорили: «Тайные операции на своей территории против своего народа? Против своих законно избранных лидеров?»

А им снова отвечали: «Такие тайные операции, которые запланированы. Вас не спросили, что планировать».

А те возмущались: «Что значит «не спросили»? Мы граждане! Мы народ! Мы имеем право знать! Есть Конституция! Есть избранная власть!»

А им опять-таки отвечали: «Мало ли что еще есть! Да не про вашу честь!»

А те цеплялись за это: «Так есть, есть! Сами говорите, что есть! А если оно есть, то оно может быть изучено. Ибо оно реально. И не говорите нам про конспирологию».

В ответ им резонно говорили: «Оно-то есть, но как вы его будете изучать? Откуда возьмете данные?»

Утыкаясь в этот вопрос, параполитики поначалу ухмылялись: «Откуда, откуда, от верблюда…» А потом приуныли. Потому что оказалось, что данных действительно нет. А получать их надо, создавая свои разведструктуры. На что у академических профессоров, готовых над этими самыми данными работать по ночам и даже получать пулю в лоб, явно пороху не хватало. А потом данные появились. И это были спецданные.

Фактически академические профессора оказались на чужой оперативной подпитке. Их спрашивали: «А вы это понимаете?» Они отвечали: «А нам плевать! Нам плевать, кто на кого и почему «сливает», какая идет конкуренция! Нам важно, что есть данные. И что они конкретны».

На это следовало естественное возражение: «А верификация (проверка данных то есть)?»

Профессора уходили в сторону от ответа. Им надо было что-то понять. И они готовы были смириться с некорректностью процедуры. Не готовы они были к другому — к развитию теоретического метода. И в целом было понятно, почему. Потому что в основном это были левые профессора. Они были марксистами и не могли идти дальше классовой борьбы. Ну, в крайнем случае, групп по интересам. Теория элит находилась справа. Умеренно правая территория элитоведения была занята Питиримом Сорокиным. А крайняя правая — любопытными, но совсем уж одиозными исследованиями Моски, Парето и других.

Была еще чисто функциональная теория элит, завершившаяся созданием теории принятия решений. Ну, техноструктуры. Ну, Гэлбрейт. Левых профессоров это не могло интересовать. И они фактически углубились в историю. Причем в историю, основанную на этих самых «сливах». То есть, нашпигованную разнокалиберными данными оперативных сводок, которые конкуренты дарили тем, кто готов был все это обработать и реализовать. Постепенно обработки стало все меньше, а реализации все больше.

Чего не было в принципе — так это калибровки, критического осмысления, разбраковки данных, оглядки на возможную встречную игру. Профессора работали в одиночку или малыми группами. Свою работу они рассматривали как войну против нетранспарентного зла. В итоге само это нетранспарентное начало стало играть с ними. А они поддались на эту игру.

В сущности, я и мои коллеги вошли на территорию данной профессии именно тогда, когда игра, дав огромные практические результаты, теоретически захлебнулась. Странным образом это

захлебывание совпало с глубоким кризисом явления, не имеющим никакого видимого отношения к рассматриваемой сейчас мною параполитике. Я имею в виду культурный авангард, претендовавший на обновление проекта «Модерн».

Занимаясь причинами этого культурного срыва и причинами параллельного срыва метода, мы достаточно быстро обнаружили, что при огромной дистанции между двумя явлениями есть некий мост, объединяющий две разнокалиберные и разнокачественные сферы. Разум стал глубоко пасовать перед действительностью. И вскоре стало ясно, что этот разум не может не спасовать. Что для того, чтобы не спасовать, нужен принципиально другой разум. А также качественно другие основы, на которых можно подобный разум выстраивать.

Кризис параполитики и авангарда вывел на арену конспирологию и культурную сусальную неоклассику. Следом за проектом «Модерн» стал свертываться проект «Человек». Гносеологии стали навязывать несовместимые с нею основания. Родилась эклектика. Эклектика подорвала подлинность вообще.

В сущности, все наши альтернативные (вначале полуподпольные, а потом вполне официальные) экзерсисы были связаны с тем, чтобы что-то этому противопоставить. Но подробный разговор на эту тему уведет нас еще дальше от конкретики, ради приближения к которой он начат. Я всего лишь хотел обсудить с читателем проблему параполитики. И подчеркнуть, что к определенному моменту (условно — к началу 80-х годов) параполитика уже достаточно «стухла». Стухла — не значит потеряла какую-то фактурную ценность. Стухла — значит потеряла власть над фактурами. А поняв, что она теряет над ними власть, стала терять и достоинство, превращаясь в особую отрасль крайне сомнительной журналистики. Но пренебрегать этой отраслью было бы весьма неразумно.

Пусть даже параполитика стала помесью «сливов» и конспирологических маний, ворвавшихся туда, откуда ушло гносеологическое достоинство. Мании можно отсечь. Что же касается «сливов», то все зависит от их качества. А также от нашей способности выделять внутри «сливов» ценное содержание, подвергая эти «сливы» ряду интеллектуальных очистительных трансформаций. Простейшая из которых — технологическая критика.

Что такое технологическая критика? Если вам говорят, что преступник, убегая от преследования, перепрыгнул с крыши дома № 6 на крышу дома № 8, то вы должны измерить расстояние между краем крыши № 6 и краем крыши № 8. Если это расстояние, например, окажется равно двадцати метрам, то вы заранее скажете, что прыжок резко превышает человеческие возможности. При меньшем расстоянии вам придется заглянуть в справочники. Если это меньшее расстояние все равно превышает мировой рекорд, то вы откроете книгу по теории стрессов и постараетесь уточнить, насколько источник стресса может перекрыть рекорд, что об этом говорит мировая практика. В любом случае у вас возникнут сомнения. Если же это расстояние будет укладываться в определенные нормативы, то вы сделаете вывод, что преступник, например, является мастером спорта по прыжкам в длину. И это резко сузит круг поиска, который вы должны осуществить, чтобы найти преступника.

Я сознательно описываю резко упрощенный вариант. В целом речь идет о том, чтобы спросить творца параполитических конструкций: «А как это могли сделать твои герои?»

Многократно осуществляя подобные «а как», я настолько измучился, что в горькие моменты подкрепляю свою рушащуюся готовность к технологической критике знаменитой фразой из фильма «Развод по-итальянски»: «А как, как ты меня любишь, Джузеппе?»

Очищение параполитических мутных построений XXI века отнюдь не сводится к технологической критике. Но я не готов здесь описывать все процедуры подобного очищения. Я искренне стремлюсь как можно быстрее перейти к конкретике. К предельной конкретике, включая эти самых «Трех китов», от которых я когда-то почему-то вдруг вздрогнул. Но я не могу начать заниматься этой конкретикой, не завершив разговор с читателем по поводу параполитики.

В постсоветскую Россию непрозрачное вошло сначала вместе с конспирологией. Публичный конспирологический разговор начал, конечно же, Александр Дугин. Этот разговор по многим причинам носил весьма опасный характер. Потому что Дугин не просто разговаривал о «вечной войне континентов и океанов» (что было бы безвредно и интересно). И не просто «отмывал» параллельно с этим разговором всю фашистскую сволочь 30-40-х годов вплоть до элиты СС. Он еще и встраивал в это сомнительное занятие войну между «континентальным (добрым) ГРУ» и «океаническим (злым) КГБ».

Рядом с мифами культурного и иного свойства («менестрели Мурсии», «менестрели Морваны» и так далее) возникали конкретные фигуры. Владимир Крючков, бывший председатель КГБ СССР, с изумлением обнаруживал, что он входил в число «менестрелей Морвана» и являлся чуть ли не магистром Ордена Сета (иначе — «Красного Осла»). А Анатолий Лукьянов, бывший председатель Верховного Совета СССР, сидевший с Крючковым в соседних камерах, куда их поместил Ельцин после августа 1991 года, — напротив, «протектор» Ордена Полярных, Ордена Гора. И так далее.

А поскольку конфликт между ГРУ и КГБ был отнюдь не выдуманным, то Дугин фактически разжигал этот конфликт в ситуации, когда у всей страны, что называется, «поехала крыша». В итоге книги Дугина по конспирологии и геополитике стали настольными книгами в Академии Генерального штаба, готовившей высшие армейские кадры страны, имеющей ядерное оружие. А призывы Дугина начать партизанскую ядерную войну и продолжить ее на Сатурне рассматривались на официальных совещаниях.

Ком фантазмов распухал и захватывал все новые территории. «Маразм крепчал». Но тут пришел Путин. Путин явно был из КГБ. А Дугин полюбил Путина. В итоге он обнаружил «евразийский КГБ» (недопустимый монстр для конспирологии). Дальше он должен был бы обнаружить «атлантическое ГРУ». Затем Дугин вообще начал заниматься конкретной политикой, не переставая баловаться конспирологией. Поскольку он ездил по разным странам и везде были те, кто протягивал ему руку, и те, кто не протягивал, то везде должны были найтись «хорошие» евразийцы и «плохие» атлантисты. Наконец, к нему пристали специфические израильтяне — Эскин и Шмулевич. Надо было найти место и им. Обнаружились евразийские хасиды. Конспирология рухнула окончательно.

Дугин, кстати, к этому моменту вполне респектабилизировался, забыл об основных своих фантазиях и превратился в нормального патриотического интеллектуала. Время от времени он вспоминает свои лучшие времена и снова берется за конспирологию. Но это уже никого не может впечатлить с той силой, с какой впечатляло ранее. Может быть, кроме Академии Генерального штаба. Но и она когда-нибудь должна будет увязывать концы с концами в этом печальном вопросе, все более приобретающем чисто историческое звучание.

Но если в очумевшей стране «дугиниана», начавшаяся в 1992 году, закончилась разве что в 2002-м, то в последующее пятилетие место бурно развивающейся (и к Дугину уже никак не сводимой) конспирологии начала занимать параполитика а ля рус.

Она оказалась востребованной обществом, которое уже вкусило конспирологической шизы, но хотело получить после этого нечто менее постное. То есть наполненное фактурами, подробностями, «сливами» и всем прочим. На параполитической арене сначала появились журналисты, готовые публиковать статьи, в которых десять строк в начале и десять строк в конце обрамляли стопроцентный оперативный «слив». Иногда даже просто запись, сделанную с помощью специальной техники. Ни в одной стране мира журналистика на это бы не пошла. А здесь это приобрело массовый характер. «Сливы» стали бестселлерами. Естественно, что этим воспользовались те, кто мог решать, что надо «сливать», а что не надо. В каких дозах и в каких комбинациях.

Обществу, стремительно превращающемуся в «зооциум», было глубоко наплевать на подобные обстоятельства. Оно хотело «клубнички» и имело возможность ее отведать. Отведав, оно заорало: «Еще! Еще!» Родились сайты, гордо называющие себя компрометационными. Место Дугина, становящегося олицетворением умеренности, стали занимать интеллектуалы, гордящиеся тем, что они провокаторы. Началось параполитическое безумие. Худшие черты конспирологии стали соединяться с худшими чертами параполитики.

Речь шла об еще одном интеллектуальном срыве — следующем за дугинским. Было ясно, что противодействие такому срыву обречено на сугубую локальность. И может осуществляться только в нишах, где разум почему-то еще сохранен. Было ясно также, что это противодействие абсолютно необходимо.

И, наконец, было ясно, что противодействие окажется предметом пристального внимания новой шизокультуры, ненавидящей тех, кто мешает ее агрессивному распространению в обществе.

Кроме того, никакая шизокультура не распространяется сама по себе. У нее всегда есть не только рупоры, но и бэкграунд. Изучение, например, одной из подобных групп — группы господина Беленкина (он же Баумгартен) — показало, что данный левый интеллектуал, изобличающий в своих

публикациях определенные кремлевские кланы и конкретные транснациональные структуры, якобы связанные с этими кланами, преподает русский язык курсантам спецслужб в США.

Перепроверки подтвердили, что это точные данные. А дальше начинается та самая технологическая критика, о которой я уже говорил.

Спецслужбы США бдительно следят за своими кадрами. Предложить этим кадрам (в том числе тем, кто преподает язык американским курсантам спецслужб) контрпропагандистское начинание, санкционировать его, дать на него соответствующие гранты, связать преподавателей спецвузов с какими-то там левыми движениями… Согласитесь, это довольно громоздкая затея, на которую никто просто так не пойдет.

А пойдет только в том случае, если видит конкретный смысл.

Подобный смысл никак не может сводиться к дискредитации каких-то частей российской элиты. В том числе элиты наших спецслужб. Поскольку в используемых «сливах» фигурируют также высокопоставленные отставные и действующие работники спецслужб самих США. Эти работники вполне умеют себя защищать, что показала история спецслужб XX века. Как говорят в России, «у них не залежится». А если что-то залеживается, то становится еще интереснее. Потому что оказывается, что «сливы» неких левых интеллектуалов, санкционированные одними элитными спецслужбистскими группами США, касаются других элитных спецслужбистских групп тех же США. Затягивание в этот процесс российских спецслужб обнажает ту самую транснациональную специфику происходящего, которая прежде всего требует адекватного рассмотрения.

Но можно ли осуществлять подобное рассмотрение на основе «сливов», причем заведомо тенденциозных?

Да, отвечаем мы, поскольку (а) это «сливы», а не пустая болтовня. И (б) можно очищать «сливы» и выделять в них значимый материал. В любом случае, это надо делать постольку, поскольку речь идет об интеллектуальном здоровье общества. Мало конспирологии с примесью псевдопараполитики — на тебе! Теперь псевдопараполитика с примесью конспирологии! Мало больному обществу Дугина! Ему теперь навязывают еще и Беленкина!

Продраться сквозь «сливы» к содержанию, соединить то, что удалось добыть при продираниях сквозь «сливы», с другими данными и как-то защитить здоровье общества — вот триединая задача.

Хочу в завершение обратить внимание на одно общее свойство Дугина и Беленкина. Они, как конспирологи, рассматривают любую критику холистически, то есть наделяя критикующего всем континуумом отрицательных качеств. Когда я и моя организация стали проблематизировать концепцию Дугина, ответом было смачное описание моих физических недостатков. При чем тут физические недостатки, было вообще неясно, ибо никто не собирался конкурировать с конспирологами на конкурсе красоты или в других аналогичных местах.

Я мог не обладать никакими физическими недостатками, а также недостатками морального плана. Но мог при этом неверно проинтегрировать уравнение в частных производных — и это стало бы для меня смертельным приговором как для ученого. Если на семинаре по теоретической физике мне вдруг начнут указывать не на то, что я неправильно расшифровываю ту или иную сингулярность в уравнении определенного класса, а на мои нестриженые ногти, то я, конечно же, сочту, что мой оппонент сильно переработал или не оправился от ЛСД. А при обсуждении политических наук подобное допустимо?

Кроме того, это демонстрирует способ обращения с фактурами. Лицо, оперирующее спецфактурами, должно обладать тремя добродетелями — точностью, точностью и еще раз точностью. Одна неточность вызывает тотальный вопрос ко всей конструкции. Кстати, указания на такие неточности в научной среде всегда воспринимаются с глубокой благодарностью.

И, наконец, есть правила общественного восприятия тех или иных сообщений. Нельзя, чтобы в сообщениях, имеющих определенного адресата, содержался материал, который будет слишком легко опровергнут за счет общения адресата с описанным в этих сообщениях предметом. Если предметом описания являюсь я, то описывающий должен понимать, что я являюсь его современником и активно общаюсь с различными слоями своего общества. Поэтому нельзя наделять меня в описаниях качествами, которые общество, увидев меня, во мне не обнаружит. Нельзя говорить, что я карлик, потому что я не карлик. Нельзя обсуждать мою тщедушность, потому что я являюсь лицом с достаточно брутальной фактурой.

Я мог бы быть карликом и при этом… ну, не знаю, сэром Исааком Ньютоном. В любом случае, мои габариты никак не связаны с качеством производимого мною материала и моего мышления. И непонятно, при чем тут габариты вообще. Но если уже стали играть в игру под названием габариты, то она должна быть общественно достоверной.

В противном случае общество, не обнаружив заданных в описании габаритов, констатирует, что данные о габаритах неверные, и спросит, каковы остальные данные, например, данные о связи кремлевских группировок с кем бы то ни было.

Два указанных мною субкультурных свойства — истерическая холистическая магичность и произвольность описаний — суть свойства конспирологии и псевдопараполитики, а также их симбиоза. Это не свойства отдельных людей. Это свойства определенной культуры, являющейся вирусом, атакующим общественное сознание.

Я хочу успокоить читателя, заверив его, что «сливы», которые я буду обсуждать ниже, более ценны, нежели описания оппонентами моих фактурных и иных качеств. В противном случае я не стал бы их рассматривать. Вообще же если конспирология просто вредна и абсолютно бесполезна, то псевдопараполитика крайне вредна, но не бесполезна. С ее рассмотрения я и начну описание одного реального конфликта, который в этих псевдопараполитических «эманациях» искажается, мистифицируется, но…

Но при этом еще и высвечивается. Постараемся очистить все от искажений и мистификаций. И в любом случае попытаемся уйти от мизерности «мебельной» темы. При том, что эта мизерность будет мучить нас вплоть до конца нашего конкретного рассмотрения.

Глава 2. Так все же — мебель или параполитика?

Читателю уже известно, что первый раз нечто шевельнулось во мне в связи с так называемой «мебельной» темой аж осенью 2000 года. Сообщив это читателю, я сейчас перенесу его в совсем другое время. В осень 2007 года, когда вопрос о мебели окончательно соединился с вопросом о власти. Тут-то и подоспела псевдопараполитика.

На скучную мебельную арену (если еще точнее, то на арену, где коловращались мебель, трусы, майки и прочие товары народного потребления) вдруг ворвалась «параполитическая фурия» в лице этого самого Беленкина и его компании. Фурия называлась left.ru. Читателю книги «Слабость силы» она уже знакома. И он не удивится, что данная «благородная фурия» стала терзать «чудовищную фурию» под названием Форум. Мск. ру.

Тому же, кто не читал книги «Слабость силы» (и не знаком с сегодняшней кулуарной субкультурой), я вынужден объяснить, что авторов Форум. Мск. ру обвиняют (а) в чудовищных злодеяниях на базе международного терроризма, (б) в наркобизнесе, осуществляемом в особо крупных размерах, (в) в связях с различного рода международными спецслужбистскими элитариями, в том числе с бывшими руководителями ведущих западных спецслужб, (г) в глубокой причастности к советскому и постсоветскому ГРУ… Мои скромные вопрошания по поводу того, как небольшая группа авторов этого сайта с явно ограниченными возможностями может сама по себе развить столь масштабную и разноплановую деятельность, вызвали у Беленкина и его компании автоматические обвинения в мой адрес — мне приписали причастность к этой «чудовищной группе». Форму же причастности Беленкин знает одну. Причастен — значит наймит. Так в отношении меня был трагикомически воспроизведен известный политический прецедент: «Маленков, Каганович, Молотов и примкнувший к ним Шепилов».

Робкие указания на то, что я не знаком с большей частью членов зловещей группы, мучающей сознание и подсознание господина Беленкина, а имеющиеся знакомства ну уж никак не являются тем, что господин Беленкин называет «ангажемент»… Что, напротив, если уж доводить бредовую логику господина Беленкина до абсолютности, то участие в МОИХ клубах и МОИХ семинарах — это обратный ангажемент (что тоже полная чушь)… Все эти несоответствия никак не могли поколебать сосредоточенную ярость господина Беленкина по отношению ко мне как «инкарнации» Шепилова. Шквал угроз и подворотного хамства является нормальной аранжировкой для субкультуры этого типа.

Что же до реальности — а интересна именно она, — то я никак не хочу сказать, что Форум. Мск. ру или его бэкграунд (FarWest и все остальное) являются чистым плодом вымысла господина Беленкина. Напротив, эти организации весьма серьезны и индикативны. Но индикативны, и не более

того. Интерес к этой индикативности и является предметом тех или иных диалогов. Если бы господин Беленкин при всех его вышеописанных особенностях приехал в мой Центр, то я бы и с ним вел диалог, как я веду его, например, с Дугиным. Все мы, увы, уже далеки от традиционной (всегда в основном сельской) культуры южных народов, в рамках которой юноша, прошедшийся за руку с барышней, немедленно должен на ней жениться. Политические коммуникации — вещь гораздо более сложная. И не понимать этого может либо клинический идиот, либо тысячепроцентный провокатор.

Я утверждал и утверждаю, что индикатор под названием FarWest маркирует собою крайне интересный международный процесс. Другое дело, что приписывание FarWest'у автономных и сугубо криминальных (причем локальных, вот что важно) особенностей выдает интенцию того, кто приписывает микроявлению макровозможности. Этот приписывающий не хочет реконструкции макроявления (рис. 50).

Что, в сущности, обрушило шквал «антропофизиологических мантр» на вашего покорного слугу, которого предлагалось погрузить в нечистоты? И которому вменялись то избыточная полнота, то столь же избыточная тщедушность, одинаково несовместимые с гордым званием аналитика… Вот эта схемка, изображенная на рисунке 50, и обрушила.

«Коллеги! — говорили мы. — Вы описываете микроявление — FarWest. И наделяете его макровозможностями. Как одно может сочетаться с другим? Давайте найдем макроявление, отвечающее макровозможностям. Мы же не отрицаем наличие оного!»

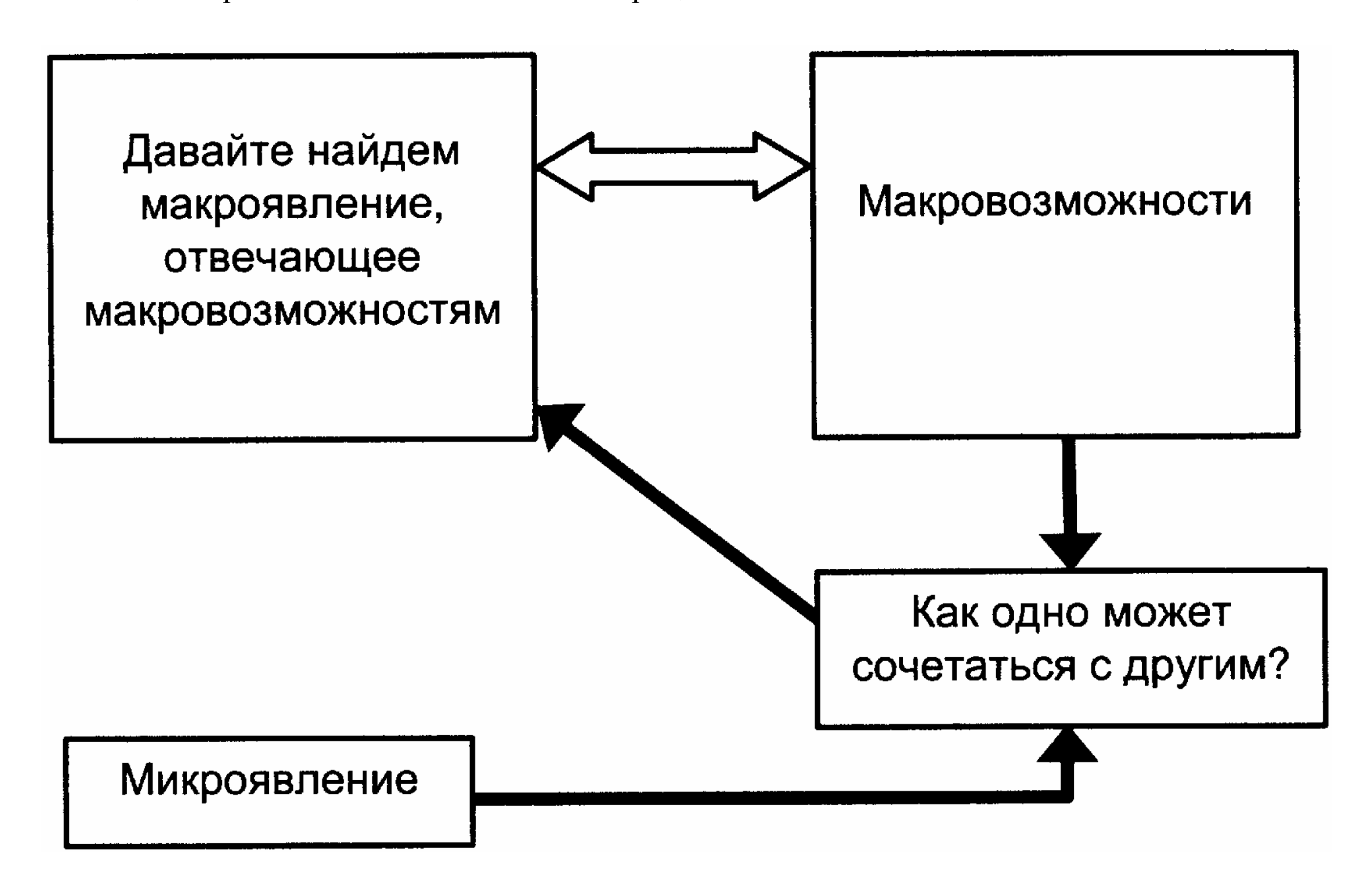

Рис. 50

В ответ «коллеги» взвыли по-подворотному. А почему они взвыли? Это же важно! Потому что они прекрасно понимают, что стоит только оконтурить макровозможности, в пределах этого контура окажутся прорисованными их же заказчики. Которые, между прочим, не контур им заказывают, чтобы их — заказчиков — там потом разместили, а конкретную компру на конкретных лиц. В основном — с американским гражданством. А уж попутно и на русских, чтоб с теми не якшались. А якшались с кем надо.

Но какое мне дело, честно говоря, до того, что нужно «коллегам»? Я-то точно знаю, что нужно мне. И моим единомышленникам тоже. Нам нужно выявить макроявление! Высветить его! Осмыслить. И уже после этого что-то с чем-то соотносить. Иначе говоря, нам надо избавить псевдопараполитику от этого самого «псевдо», вернуть ей то достоинство, которое было в 70-80-е годы прошлого века. А также продвинуться дальше в философском осмыслении происходящего. И, только осуществив такое продвижение, начать взаимодействие с конкретными фактурами, которые

без предварительного смыслового восхождения к макроявлению — не более чем идиотские и грязные «сливы».

Так что же это за макроявление? И что превращает его в источник сокрушительной и масштабной — в том числе и глобальной — социокультурной деструкции?

Макроявление, о котором боятся говорить, связано с ненормативной деятельностью транснациональных элитных спецслужбистских сгустков, ведущих игру через голову государств и народов. Содержание этой игры во многом определяется тем самым кризисом нео- и парабрахманизма, который я пытался описать выше. Этот мировой кризис определяется понятием «секьюритизация». Причем, повторю, не в хорошо известном бизнесменам финансовом смысле. Речь идет о росте значения спецслужбистских групп, претендующих не на роль силового инструмента политики, а на роль автономного и самодостаточного политического фактора.

Лично я никоим образом не возражал бы против подобной их новой роли, коль скоро она не породит глубоко регрессивной (а то и просто деструктивной) реальности. Однако эта роль не сопрягается с изменением интеллектуально-духовного качества претендующей на нее элиты. Именно поэтому мне совершенно очевидна деструктивность реальности, возникающей в случае реализации подобных претензий.

Я много раз говорил об этом на различных семинарах и конференциях как в России, так и за рубежом. Постоянная тема, которую я при этом обсуждал, — «идеология и спецслужбы». На том метафорическом уровне, который я предложил в данной книге, та же тема может быть названа — «брахманы и кшатрии».

Но почему я постоянно возвращаюсь к этой теме? Потому что поступающие сведения и профессиональная интуиция говорят, что российская и мировая реальность накапливают противоречия указанного типа. Что эти противоречия сродни политическому динамиту. И когда накопленный миром и страной политдинамит взорвется — мало никому не покажется.

Одно дело — пока я обращаюсь с призывами, а политдинамит не взрывается. Можно обращаться до бесконечности. Вежливо послушают, сочувственно покачают головой, восхитятся (или сокрушенно изумятся) изощренности аргументации и метода.

Другое дело — когда происходит предсказанный взрыв этого самого политдинамита. Пусть даже и микровзрыв (политдинамит накапливается в разных щелях и кавернах нашей реальности и не обязательно должен взорваться весь сразу одномоментно).

Подобным микровзрывом в России стал арест генерала А.Бульбова — высокого должностного лица Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков. И последовавшая за этим арестом статья главы данной службы В.Черкесова.

Только такой — одновременно политический и идеологический — микровзрыв придал аналитическим прогнозам недостающую весомость.

И лишь постольку, поскольку один из участников этого конфликта, В.Черкесов, стал осмысливать конфликт, а не просто принимать участие в заведомо деструктивной конфликтной схеме. Той, которую я вынес в заглавие своей книги.

Конфликтуют ли в современном мире «кшатрии» и «вайшьи»? Конфликтуют ли они не в скромной и специфической отечественной модификации, а на глобальной сцене? Да, конфликтуют. Короли нефти и газа, тяжелой индустрии и хайтека, а главное — финансов… Чем это не неовайшьи XXI века? Рыцари плаща и кинжала, получившие в свои руки во второй половине XX века тайные неподконтрольные фонды (они же — средства от «специального», в основном наркооружейного, бизнеса)… Чем это не неокшатрии?

А само наличие триллионных (я отвечаю за свои слова) долларовых «спецобщаков», полученных в результате создания тайных неподконтрольных фондов, — чем не соблазн трансформации неокшатриев в неовайшьев? Ведь подобные «общаки» не могут существовать автономно и замкнуто! Они втягивают в себя самые разные сферы проблематичной человеческой деятельности. Создаются банки, финансовые компании. Осуществляется комплексная «отмывка». Формируются сопряженные сферы деятельности — тот же шоу-бизнес, например, и не только он. Происходит глубокое переплетение спецэлит с криминалитетом. Наверное, спецэлиты все равно находятся «наверху» при подобном переплетении. Но где там верх и где низ, оценить становится все труднее.

В мире возникают новые глобальные акторы. А значит, и новые глобальные претензии. Но эти претензии в лучшем случае не получают никакого идеологического оформления. А в худшем — получают оформление весьма и весьма зловещее.

В данном мировом процессе прослеживается некая «смыслотенденция». Когда-нибудь я постараюсь обсудить ее подробнее. А сейчас сделаю на этот счет лишь «пометку на полях». И выскажу смелую гипотезу, согласно которой новые глобальные акторы вообще чураются смысла, пытаясь заменить его силой. Есть один язык, на котором слово «сила» и слово «власть» совпадают. Это английский язык. Увы, такое лингвистическое совпадение не может носить случайного характера.

Между тем власть и сила никогда не могут совпадать. Ибо у них различная — не побоюсь этого слова — метафизическая природа. Если же от метафизики переходить к обычной социальной теории, то речь идет о простых и понятных вещах. Они изложены, например, известным неогегельянцем Кожевым в его работах по философии власти.

Вкратце речь о том, что власть существенно несводима к силе. Если вы являетесь держателем власти (например, директором какой-нибудь фирмы) и к вам в кабинет зашел скандалящий подчиненный, то вы являетесь властью лишь постольку, поскольку можете тихо сказать ему «выйди из кабинета» — и он выйдет. Если же вы должны вызвать охрану или, тем более, начать драться, чтобы вышвырнуть из кабинета взбунтовавшегося нахала, то вы уже не власть. Легитимация силой — это квазилегитимация. А в каком-то смысле даже делегитимация. Власть, применившая силу против своего народа, существенно делегитимируется. И те, кто это понимает, иногда специально провоцируют власть на нечто подобное.

Кожев предлагает гегелевский вариант классификации типов власти. Власть Отца (то есть Бога), власть Судьи, власть Вождя как носителя сверхценного проекта и власть господина над рабом. Если власть Отца носит сакрально-легитимационный характер (апелляция к святости), власть Судьи — этически-легитимационный характер (апелляция к справедливости), а власть Вождя — концептуально-легитимационный характер (апелляция к проекту, мечте, утопии), то власть господина над рабом носит примитивно-экзистенциальный характер (апелляция к мужеству). Но и в последнем из рассмотренных вариантов власть апеллирует не к силе, а к мужеству. Господин во имя признания и подтверждения статуса может умереть, а раб не может. Господин не будет жить в несвободе и предпочтет ей смерть, а раб будет жить в несвободе. Апелляция к силе как источнику власти просто исключена.

В «Прикованном Прометее» Эсхила Прометея ведут к скале две сущности. Одна из них называется Сила, другая — Власть.

Я уже говорил об этом и подчеркивал, что общемировой процесс кризиса западной цивилизации основан на подмене власти силой. Здесь я могу еще развить данную идею, подчеркнув, что сам феномен шахидизма («не боимся смерти») возник из стремления противников западной цивилизации лишить Запад последнего источника властной легитимации — права на господство, исходящего из апелляции к мужеству, к отсутствию страха перед смертью, к готовности принять смерть, дабы быть признанным. Если у Запада не окажется других источников легитимации, а этот также будет отнят, возникнет ситуация глобальной делегитимации.

Власть Судьи была убита бомбардировками Сербии. И окончательно высмеяна некими трагифарсовыми деталями войны в Ираке. Одна из таких деталей — то, что не кто-нибудь, а именно радикальные исламисты вешали Саддама Хусейна на глазах всего мира.

Власть Отца по определению отсутствует в мире светскости, то есть Модерна.

Деградация и дискредитация проекта «Модерн» лишает Запад власти Вождя, поскольку Вождь должен выступать от лица проекта. В послевоенной Германии и Японии планы Маршалла и Макартура еще могли заполнить вакуум власти. Какой модернизационный проект реализован в Ираке?

Формальная демократия абсолютно бессильна, поскольку она является формой, средством, а не содержанием. Попытка превратить форму в содержание — это мутация, извращение. А главное — это путь к краху проекта «Модерн», который прочно связан с понятием «авторитарная модернизация».

Наконец, еще раз повторю, шахиды своими акциями проблематизируют и власть господина над рабом (вообще крайне проблематичную в XXI столетии).

И вот тогда происходит убийственная делигитимационная силовая судорога, которая и называется «секьюритизацией» или «восстанием кшатриев».

Повторю еще раз: кто-то возмущается, услышав, что спецслужбы — чекисты (КГБ) — это кшатрии. Мол, кшатрии — это только военные, которые умирают с честью. Но это негодование игнорирует два обстоятельства.

Во-первых, правомочность использования метафоры. Ведь не собираемся же мы буквально применять индийские архаические понятия к реальности XXI века.

Во-вторых, специфику войны. Если сводить кшатриев к лобовому представлению о рыцарской чести, то даже военная хитрость — это уже карма, несовместимая с кшатризмом. Разведка в тылу противника — тем более, поскольку надо мимикрировать, переодеваться. Но тогда давайте признаем, что негодующие военные разведчики (ГРУ) — тоже разведчики, как и их коллеги. Что они тоже притворяются, внедряются. И потому не являются людьми чести. А значит, не являются кшатриями. Для меня кшатрий как метафора, применимая к современности (не хочется усложненных слов, но если хотите, то нео- и пара-кшатрий) — это, скажем так, человек службы. Помните простую и очень культурно-репрезентативную песню советской эпохи?

Наша служба и опасна, и трудна.
И на первый взгляд как будто не видна.
Если кто-то кое-где у нас порой
Честно жить не хочет,
Значит, с ними нам вести незримый бой.
Так назначено судьбой для нас с тобой —
Служба дни и ночи.

Это была милицейская песенка. Конечно, смешная, агитационно-наивная. Но за ней — серьезное содержание. Оно определяется словом «СЛУЖБА».

Служба — вот что объединяет всех, кто действует на любом, зримом или незримом, фронте. Дробить это сообщество людей службы — аморально, глупо, контрпродуктивно. Видите ли, офицер Вооруженных Сил — это воин, а работник КГБ — шпион. А кто такой работник ГРУ? Тоже шпион? А офицер спецназа ГРУ? А десантник из разведбата? Нет уж, надели люди форму, дали присягу — и стали воинами. Служба становится судьбой.

Так должно быть на любом зримом или незримом фронте.

Рихард Зорге работал в глубоком тылу. И занимался не боевыми действиями, а много чем. В том числе вещами очень двусмысленными. Но это была его служба. Он не был развратником и пьяницей — он служил Родине. Он же не как Ставрогин предавался греху. Это не было ядром его бытийственности. Это было глубокой периферией. А в ядре находились долг и служение. Иначе говоря, служба.

Нельзя приравнивать человека, выполняющего служебное задание, к наркобарону Пабло Эскобару. Я никакого человека службы не могу приравнять к бандиту, даже если его служебный долг состоит в том, чтобы находиться в банде и участвовать в бандитских разборках.

Отмените это различие — и не будет службы. Существует «неволя и величие солдата», как писал Альфред де Виньи.

Служба требует ясности. Вот враг — носитель зла, источник беды. Это может быть интервент. Или преступник. Но, в любом случае, это враг. С ним ведут войну теми способами, которые позволяют добиться цели.

Но если (как это бывало в начале 90-х годов) на праздновании Дня милиции бок о бок сидят преступники и милицейское руководство — у каждого человека службы начинает что-то надламываться внутри.

Кто-то с этим надломом справляется, а кто-то нет. Но Дух службы покидает в большей или меньшей степени Дом службы, независимо от того, является ли этот Дом ведомством или отдельной личностью. Как только Дух уходит из Дома, в него приходит кто-то другой. Все понимают, что свято место пусто не бывает. Но разве пусто место бывает свято?

Сколько стоит любовь? Как только у любви появляется цена (хоть в сто баксов, хоть в миллион) — это уже не любовь, а оказание сексуальных услуг.

Сколько стоит долг?

Сколько стоит Родина?

Сколько стоит честь?

Пока есть долг, честь, Родина — у них нет цены. И только вокруг такого отсутствия цены может формироваться служба. Как только возникает цена, Дух службы покидает Дом службы. А в Дом приходит кто-то другой.

Казалось бы, все просто, не так ли? Так ведь не вполне!

Разведчик ведь является еще и представителем класса, элиты. У класса и тем более элиты есть особые функции. Хорошо ли, что они есть — это другой вопрос. Но они есть. И эти функции сопряжены с Духом игры. Как одно лицо будет сочетать в себе два Духа — Дух службы и Дух игры?

Предположим даже, что на время службы класс и элита освобождают своего представителя от элитно-классовых функций, пропитанных игровым духом. Может ли он освободиться окончательно? Да и освобождают ли его окончательно? А если не освобождают, то что происходит? Ален Даллес служил или играл? Точнее, он больше служил или больше играл? И за счет чего могли сочетаться в одной личности оба начала?

Это очень сложный вопрос. Развитое элитное самосознание (закрепленное с младых ногтей определенными институциональными формами) чревато подрывом Духа службы. Но если речь идет об адекватных формах элитного самосознания, то есть и компенсаторные механизмы.

Для представителя народа его страна, которой он служит в качестве воина, — это средство, с помощью которого народ длит и развивает свое историческое предназначение. Легче всего сказать, что для представителя элиты все происходит аналогичным образом, поскольку представитель элиты в каком-то смысле представитель народа. Но это не всегда так.

Элита может обладать своим представлением о смысле происходящего. Этот смысл может сильно расходиться с народным. Но сильно расходиться — не значит вступать в антагонизм. А главное, этот смысл все равно является Смыслом. Он не менее накален, не менее жертвенен. И игра подчиняется высшему элитному смыслу.

А вот если такого смысла нет, и элита, оторвавшись от народного смысла, оказывается лишенной другого смысла (как-то сопрягаемого с народным, при всей его инаковости), тогда она может стать жертвой игры. Сначала элите кажется, что своей игры.

Потом оказывается, что чужой игры.

Видимо, это и произошло с советской элитой. Выходцы из низов не успевали обрести подлинный элитный смысл. Но они уже отрывались от своего органического народного смысла. И удивительно быстро обучались игре. Конечно же, в самых примитивных формах. Но эта примитивность лишь усугубляла ядовитость осваиваемого.

Для человека службы все просто. Есть, например, тайные фонды для проведения тайных же операций. Если он использует эти средства, то это не превращает службу в бизнес. Потому что он использует средства для ведения войны, а не для личного обогащения.

А если в ходе сложных перипетий (например, перестройка, распад СССР, шоковые реформы) грань между тайными фондами и полуприватизированными «общаками» стирается? Вообще стирается или хотя бы отчасти? И может ли она не стереться?

Ведь идет это самое неорганичное взрывное первоначальное накопление! Стремительно меняется характер элитогенеза. Можно сколько угодно негодовать по этому поводу. И быть сколь угодно правым в этих негодованиях. НО ЭТО ВЕДЬ ПРОИСХОДИТ! Что дальше?

Дальше либо абсолютное падение — вульгарное, циничное, граничащее с болезненной одержимостью… Либо переход с территории службы на иную территорию, не являющуюся царством вульгарно-материалистического безумия. Но это надо еще суметь туда перейти! То есть как-то соотнестись с идеей власти в ее элитно-классовом понимании.

Соотнесение с таким идеально-властным началом может трансформировать дух службы в иной, но высокий дух. Но если номинальный дух службы исчезает за счет наличия несовместимой с ним ситуации, а этот иной высокий дух не приходит на его место, то начинается игровая оргия. Безумие «игры ради игры». Причем игры, не подчиненной никакому высшему началу. Даже изощренно-элитному.

Предположим, что сильная личность очень мощно срослась с духом службы. А ее волочет на «другую территорию». Эта личность видит, что «другая территория» населена монстрами «игры ради игры» или еще более вульгарными (но не менее страшными) «сущностями». Что будет делать такая личность? Тут возможны варианты.

Вариант № 1. Личность просто СЛОМАЕТСЯ. И тогда мы через какое-то время вместо сильной личности увидим еще одного монстра «игры ради игры». Причем тем более жуткого, чем сильнее была личность.

Вариант № 2. Личность будет УПИРАТЬСЯ. И тогда ее в лучшем случае просто выкинут из того пространства, где она может как-то влиять на происходящее. А в худшем случае уничтожат.

Вариант № 3. Личность НАЙДЕТ ВЫСОКИЙ ЭЛИТНЫЙ СМЫСЛ.

В любом случае, человек службы оказывается в трансформационной ситуации. То есть в той самой ситуации, которую и называют «инициатической». Только попадает он в нее не из жажды получить искомую инициацию, а в силу исторической трагедии. Его сама трагедия впихивает в новую реальность. Он проваливается в нее, как в Зазеркалье.

Оглядывается вокруг себя — где, мол, хоть какое-то трансцендентное начало? Ну, Кролик хотя бы… Фавн какой-нибудь… Инициатический Бафомет… А в Зазеркалье — стерильная игровая поляна. А посреди нее качели… Не идолы, не языческие синкретические божества… Просто качели. Безжалостные и бессмысленные… Так сказать, стерильная «фигура баланса». Поди еще разбери, какая трансцендентальность стоит за подобной фигурой. Да и стоит ли?

Человек службы может просто не выдержать и не пройти. А может выдержать и пройти в «игровую зону». Но как пройти в эту зону и остаться человеком? Потому что пройти в нее и перестать быть человеком — это в каком-то смысле значит не пройти. Ведь добравшаяся до игровой зоны «раздавленность» будет порабощена (или просто «съедена») настоящими игроками.

Возражая Льву Толстому с его непротивлением злу силой, очень крупный философ начала XX века Иван Ильин (в целом, чтобы было понятно, отнюдь не «герой моего романа») совершенно справедливо говорил о действиях в благодати и в миру. Мол, в благодати нет места силе и злу, а в миру как несовершенстве клин можно выбивать клином.

Это правильно. Но тогда где-то должна быть благодать. Игрок должен быть игроком в миру. Но не в благодати. Говоря современным языком, на периферии системы, а не в ее ядре. Как только исчезает грань между ядром и периферией (а она исчезает сразу же, как только исчезает благодать, то есть брахманизм, то есть смысл), новый играющий человек становится вирусом, который привносит игру в ядро (простейший вариант — в свое общество).

Свой и чужой… Это противопоставление исчезает. И тогда можно многое. Я не буду перечислять, что именно. Этим «можно» пронизан XX век. Особенно его вторая половина. Это «можно» грозит стать всеобщим в XXI веке. Могу ли я назвать такую игру «беспределом»? Это мягкий и размытый термин, не позволяющий, увы, определить специфику рассматриваемого феномена.

Ну, назову я игру в Буденновске или в Беслане (а я убежден, что это именно игры) — беспределом. И что? Разве я что-нибудь раскрою в сути явления? Суть же эта в потере грани между миром и благодатью. И экспансии игрового начала в зону благодати, в «ядро системы» — что означает разрушение этого ядра, а значит, смерть или мутацию системы. (Тут все зависит от того, каким именно образом ядро будет разрушено. Но оно будет разрушено обязательно!)

Назвать губительное вторжение игры в ядро системы российским уникальным ноу-хау я не могу. В том-то и дело, что этот дух Игры, вышедший за рамки Истории (новый дух, по Гегелю), грозит стать безальтернативным духом XXI века. И тогда человечество исчезнет, причем достаточно быстро. Не будут реализованы даже идеи его сокращения до «золотого миллиарда» (или «золотого миллиона», неважно).

Время от времени ко мне приходят бледные, как смерть, элитарии, ощутившие прикосновение игрового абсолюта к своей душе и своему телу. Это нетрусливые, решительные люди. Тот страх, которым веет от них, — не имеет ничего общего с обыденным страхом. Но он еще сильнее. Обожженный этим холодным прикосновением человек говорит: «Неважно, что будет! Главное, чтобы наши дети выжили и были наверху!»

Что на это ответишь? Скажешь: «А если наверху будут только публичные девки?» Тебе: «И пусть». Спросишь: «А если наверху будут только птички и тараканы? Как вы в них превратите своих

детей?» Решат, что ты отвратительно шутишь и не понимаешь серьезности темы. А я, поверьте, не шучу и все понимаю.

Когда Рональд Рейган сказал: «Пусть лучше мои девочки умрут сейчас, веря в Бога, чем будут воспитаны при коммунизме и умрут потом, не веря в него», — это, конечно, был пиар. Но в этом пиаре была какая-то (качество обсуждать не буду) огненность. Когда Магда Ришель (супруга Геббельса) написала перед самоубийством: «Мне не дорог мир, который придет после фюрера и национал-социализма, в нем не стоит жить, еще и потому я забрала с собой сюда детей. Их слишком жалко оставлять для грядущей после нас жизни…» — в этом тоже была огненность, пусть и черная.

Что такое мир вообще без огня и его хранителей? Почему этот мир сохранит человечность и человека? И почему в нем у Запада (нашей общей цивилизации) будет хоть какое-то место? Ведь рядом есть цивилизации, которые отнюдь не лишены своего огня. Мы хотим отдать им мир? А понимаем ли мы, что этот мир не будет миром, в котором останется Восхождение? Для кого-то речь идет о восхождении на Голгофу, для кого-то о восхождении как «усложнении форм»… Скачке из царства необходимости в царство свободы… Выходе разума из «инферно естественного отбора».

Но что такое мир без восхождения? Мир же не застынет в определенной точке. Начнется нисхождение. Возникнет мир регресса как тотальной нормы. Кто-то с облегчением скажет, что это будет мир фундаменталистского контрмодернистского ислама. Этот «кто-то» сильно заблуждается.

Когда я описываю русский мир эпохи карнавала как «русский ад», я не шучу. Я уже сказал в начале главы, что в скромное мебельное начинание, известное под названием «дело «Трех китов»«врываются «параполитические фурии» — left.ru и Форум. Мск. ру. Ну, врываются, и ладно… Что дальше? Что они несут с собой? Некоторое странное игровое начало? Но чем это начало обуздано? И обуздано ли оно хоть чем-то?

Я понимаю, что людей службы некая историческая трагедия вытолкнула в это самое Зазеркалье. Что перед ними — качели. И они как-то себя с качелями соотносят.

Но ведь качели — о-го-го какие! И что тут значит соотнестись? Значит ли это — всего лишь срочно обзавестись каким-то локальным компенсатором отсутствующего элитного Идеального? Но ведь локальный компенсатор тоже должен быть во что-то встроен. И, честно говоря, толку ли в компенсаторах? Нужна либо идеальная достройка личности до масштаба глобальных вызовов. Либо… Либо даже не знаю что.

Предположим, какой-то «человек службы» решил, что после распада СССР будет верно служить, так сказать, малому его осколку. Украине, например, или Чечне. Это его локальный компенсатор разрушенного (и поруганного — ведь прежние присяга и знамя оказались в грязи) прошлого Идеального. На что он надеется? На то, что его «кусок мира» сохранит и отстоит человечность?

Но при идущем глобальном процессе это исключено! Украина не спасется, потому что не спасется Запад. Да и вообще, что значит спасение? Спасение — это восхождение или что? Возможно ли спасение вне восхождения? И — крайний вопрос — нужно ли оно тогда?

Вот что такое метафизика — светская, духовная, какая хотите. Даже если конкретный человек ее не осознает, это не означает, что метафизики может не быть вообще.

А вот когда от метафизики решительно отказываются, да еще «люди службы», то возникают эти самые наглотавшиеся «вайшьистского варева» спецслужбистские «кшатрии» (неважно, в каких погонах), конкурирующие друг с другом «без берегов».

Таков масштаб вопросов, которые было предложено обсудить всем, кто заинтересован в поиске истины. В том числе и left.ru с его американским гражданином Беленкиным-Баумгартеном и всеми прочими «слагаемыми» — как коллективными, так и индивидуальными.

В ответ раздался весьма индикативный «визг» самого непристойного (буквально площадно-матерного) и одновременно весьма любопытного свойства.

В России широко известен анекдот про барина и кота, в котором барин, мучая кота, флегматично констатирует: «Очень они этого не любят». То, что именно не любит господин Беленкин, понятно. Он не любит опасной для него «форматизации». А также прочих научных изысков, которые случайно могут засветить то, что он хочет оставить в тени. И понять его можно. Начни кто засвечивать, глядишь, не только финансирование потеряешь, но и обретешь совсем иные, гораздо более масштабные неприятности. Поэтому он визжит.

А я всего лишь обращаю внимание на этот визг, потому что он, опять же, представляет собой хоть и мелочь, но индикативную. А индикативная мелочь — это уже не мелочь. Примесь изотопа —

мелочь. Но мало ли что можно обнаружить по подобной мелочи! Фиксация визга господина Беленкина — это тоже часть метода. Равно как и технологическая критика, в ответ на которую была проявлена вышеназванная реакция.

Констатируя все это, я вовсе не хочу отвратить читателя от текстов господина Беленкина. Я, напротив, призываю прочитать их более внимательно. А если читатель после этого еще раз заглянет в книгу «Слабость силы», то он сумеет кое-что сопоставить и без меня. Я же перехожу теперь к интересующей меня фактуре, представляемой господином Беленкиным, которого я уже отрекомендовал читателю.

По отношению к хронологии конфликта, начатого мебельным эпизодом осенью 2000 года, я, конечно же, забегаю вперед. Ибо очередная фактура, которую представил господин Беленкин, является его развернутым откликом на арест сотрудников Госнаркоконтроля (прежде всего — генерал-лейтенанта Бульбова).

Бульбов был арестован 1 октября 2007 года. А 9 октября глава Госнаркоконтроля В.Черкесов выступил с той самой статьей «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев». По поводу воинов, торговцев, а также других сословий мы уже рассуждали в предыдущей части книги, проводя социокультурный анализ феномена чекизма и используя эту черкесовскую метафору. В четвертой части — строго следуя хронологии элитного конфликта, который я называю «качели», — черкесовская статья снова будет обсуждаться как переломный момент в развитии данного конфликта.

Здесь же она становится для меня маркером другой очень непростой темы — войны спецслужбистских элит. Это по определению параполитическая тема. Не была бы она параполитической — не было бы и этой книги. Тему надо обсуждать спокойно и последовательно. И я это сделаю чуть ниже. Но сначала надо доказать, что она заслуживает обсуждения. Что некий феномен обладает параполитическим потенциалом.

Перед вами некий предмет. И вы хотите его анализировать. Почему вы этого хотите? Вы хотите анализировать этот предмет потому, что в нем есть интересующее вас содержание? А кто вам сказал, что оно есть? Вы можете сказать, есть оно или нет, только после того, как вы его проанализируете. Возникает замкнутый круг. Чтобы анализировать, надо знать о наличии определенного качества. А чтобы узнать о качестве, надо проанализировать.

Вырваться за пределы этого круга можно, имея «зацепку». Вы должны получить какие-то сведения о неявном содержании предмета раньше того, как начнете анализировать. Предмет должен что-то выплеснуть из себя. И уже уловив этот выплеск, вы начинаете его планомерно исследовать. Подобным выплеском была реакция на войну спецслужбистских элит, ярко заявившую о себе самим арестом генерала Бульбова (это тоже будет подробно обсуждено ниже) и ставшую для общественного сознания фактом (или легитимным феноменом) после выхода в свет вышеупомянутой статьи В.Черкесова.

В ответ на этот событийный эксцесс «коллеги» из left.ru и их антагонисты из Форум. Мск. ру выдали несколько текстов. Эти тексты надо и предъявить, и откомментировать, опережая аналитическую хроникальность, поскольку они доказывают параполитический потенциал той темы, которую именно в силу этого и стоит хроникально анализировать.

Сначала — тексты left.ru во всем их своеобразии. Текст № 1 принадлежит интернет-субъекту под именем Антон Баумгартен (он же — обсужденный выше господин Беленкин). Текст озаглавлен «Гостайна генерала Бульбова». Знакомим с текстом читателя (здесь и далее сохранена стилистика и орфография сайта):

> «Жаль Бульбова. Раз столько говна на него ополчилось, значит, хороший мужик. Когда инфа о задержании по инету и СМИ прошла, Мураш-отпускник в ДВОТе нарисовался. Сиял как начищенный самовар. Собрал окружение. Квитко вышел еще больше распухший от счастья. Своим сказал, что в центре ихние власть захватили, скоро Лысак вернется и дела закрутятся; бабла и работы всем хватит.

С форума работников Дальневосточного таможенного управления:

> 2 октября в аэропорту Домодедово сотрудниками Следственного комитета и ФСБ были задержаны глава департамента оперативного обеспечения Госнаркоконтроля генерал-лейтенант Александр Бульбов и несколько его подчиненных. (В действительности Бульбов и его подчиненные были задержаны 1 октября. — С.К.) Арестованные прилетели из Южной Африки (через Дубай), где находились по служебным делам. 9 октября Басманный суд вынес решение об

аресте Бульбова, экс-заместителя начальника службы собственной безопасности ФСНК полковника в отставке Юрия Гевала и старшего сотрудника ФСНК Донченко.

Генералу Бульбову предъявили обвинение в получении взяток, превышении должностных полномочий и злоупотреблении полномочиями, а также в нарушении тайной переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений УК РФ. Первоначально к этому списку добавляли и разглашение государственной тайны. Но очень скоро это обвинение исчезло. Но именно оно незримо остается единственной причиной ареста Бульбова и его подчиненных. Сейчас ясно следующее.

Причин для действий против ФСКН, Чайки и Золотова у группы Сечина—Бортникова—Бастрыкина было несколько. Департамент Бульбова вел оперативное сопровождение «Трех китов», китайской контрабанды, банка Дисконт и ряда других дел, связанных с коррупцией в ФСБ и Таможне. Бульбов вел также оперативную разработку мафиозно-политического сообщества Фарвест и его связей в РФ. То есть, фактически, офицеры Бульбова собирали информацию о неформальных связях между антироссийским альянсом разведок США, Британии, Саудовской Аравии и др. стран с высшим силовым руководством РФ. Кроме этого, Генпрокурор Чайка до 7 сентября контролировал дело по убийству Политковской, где следствие вышло на его исполнителей — Стамбульское бюро внешней разведки Саидова-Нухаева, младших партнеров ЦРУ, МИ-6, саудовской разведки и турецкого Генштаба, под крылом которого они существуют (см. мою книгу «Третья Барбаросса»). Руководители Бюро — Руслан Саидов и Хож Нухаев — входят в число пайщиков Фар Вест ЛЛЦ. А за раскрытием дела Политковской последовали бы и дела Хлебникова и Андрея Козлова, также убитых агентурой Саидова и украинского Спецотдела «Р» Филина и Лихвинцева. Все эти дела теперь разваливают следователи Бастрыкина. Теперь главное.

Разработка всех этих направлений, включая Фарвест, Оперативным департаментом Бульбова велась даже не с санкции, а по прямому поручению Путина главе ФСНК Виктору Черкесову. И фарвестовцы знали об этом с самого начала.

Бульбов с его офицерами не ели свой хлеб даром. Вот свидетельство профессора-криминолога Марата Мусина, главы экспертной группы по проблемам борьбы с коррупцией в России. В недавнем выступлении по радио «Эхо Москвы» Мусин рассказал, что, используя новую научную методологию, разработанную российскими специалистами по теневому сектору экономики, непосредственно перед арестом группа Александра Бульбова и Юрия Гевала «решила важнейшую стратегическую задачу» и вышла «на каналы формирования накопления наркокапитала». Послушаем, как Мусин объясняет масштабы преступности, которые предстали перед оперативниками и аналитиками ФСНК.

И. МЕРКУЛОВА: Вы непосредственно с Бульбовым контактировали?

М. МУСИН: Да, конечно, конечно, все эти задачи, и с Гевалом, т. е. мы разработали такое решение и вышли на очень серьезные результаты. Причем эти результаты были опубликованы, впервые прозвучало, что ФСКН решила эту задачу и взяла под контроль практически 12,4 % ВВП. Это те средства, которые легализуются от преступных видов деятельности. А по оценкам экспертов, четверть этого объема легализации — это до 3 % ВВП, это как раз наркокапитал, потому что Черкесов поставил правильную задачу. И Бульбов, принципиальная позиция Бульбова и Гевала заключалась в том, что надо перейти, перед нами, как учеными, была поставлена задача очень простая, надо перейти от заведомо проигрышной стратегии борьбы с одноразовой этой уличной наркопехотой, потому что сейчас уже на один раз используют курьеров и т. д., к созданию методологии, которая выйдет на точку, на организаторов этого бизнеса, на распорядителей этого колоссального капитала, объем которого, вы сами понимаете, до триллиона рублей в год, сейчас составляет почти 3 % ВВП.

Задача была сложная, но тем не менее… Да и позиция генерал-лейтенанта Бульбова и полковника Гевала заключалась в том, что нам нужно выйти на распорядителей этого капитала, т. е. разгромить эти штабы, источники финансирования, перекрыть эти каналы. Например, РФ сегодня, может быть, я имел некоторую неосторожность. Я понимаю, что это, скорей всего, случайное совпадение, но дело в том, что выходит статья, где говорится, что мы даем четкую раскладку, что 18,3 % ВВП — это хищения, мы взяли их под контроль.

Виктора Васильевича Зубкова, когда он еще был главой финразведки, мы, соответственно, информировали. Но здесь же мы неосторожно сказали, что 519 банков попали в группу риска ФСКН. А что это значит, что через эти структуры легализовывали больше средств,

чем выводили в теневой оборот. Те цифры, на которые мы вышли, чем они опасны? Мы практически 500 тыс. компаний живых выявили, выявили распределение этого криминального дохода. Мы понимаем, что это статьи очень тяжелые, это, как правило, если мы касаемся хищений, это 159-я, часть 4-я, это срок действия — 10 лет, санкции нормы — от 5 до 10 лет. Мы сейчас перед политическим руководством, почему мы стали публиковать, мы сказали — мы против того, чтобы сажали всех людей. Да, источники формирования террористических активов должны нести ответственность, наркокапитал здесь, безусловно, это святая задача, мы должны взять под контроль и ликвидировать.

Я не буду цитировать дальше. Вдумчивый читатель уже понял, почему профессор Мусин так волнуется и почему генерал Бульбов и его сотрудники должны опасаться за свою жизнь. Они доказали, что русский капитализм существует на основе перманентного хищения валового продукта. И что если сажать, то посадить придется практически весь наш капиталистический класс. И это открытие стало первой «гостайной» генерала Бульбова — защитника последнего Верховного Совета. Но у него была и вторая, о которой по-прежнему говорит только один публичный голос — газета «Левая Россия».

Изучая строение и связи Фарвеста, Бульбов сделал два главных открытия. Первое заключалось в том, что «консалтинговая компания «Фар Вест ЛЛЦ принадлежала и управлялась не частными лицами, бывшими сотрудниками одной советской спецслужбы, регулярно совершавшими в процессе своей экономической деятельности особо тяжкие преступления, но также выполнявшими особо деликатные просьбы российского руководства, а представляла собой витрину антироссийского альянса спецслужб, включавших, помимо наших традиционных заклятых друзей, украинскую военную разведку, спецслужбу кадирийского подполья режима Кадырова, литовскую военную разведку и антироссийские элементы белорусского КГБ. Бульбов также знал, что за этим альянсом скрывались наиболее оголтелые элиты «нового мирового порядка», стремящиеся к окончательному решению «русского вопроса».

Другое главное открытие Бульбова заключалось в том, что силовое окружение Путина, возглавляемое Игорем Сечиным, находилось «на крючке» этих антироссийских сил и манипулировалось ими в целях взорвать Россию изнутри, как это было сделано в 1991. Используя опыт и связи офицеров-ренегатов советского ГРУ — Филина, Лихвинцева, Сурикова, Лунева и Саидова — западные кукловоды, обер-мастера международной провокации и подрывной работы вроде Эрмарта, Гейтса, Турки и Брейтвейта вели многоплановую и многоходовую игру с группой Сечина, используя фарвестовцев как канал связи. При всей ее сложности эта игра складывалась из двух фундаментальных направлений. Первое — это втягивание группы Сечина в международную преступность, например, с помощью предоставления ей кокаиновой линии из Колумбии и Бразилии через петербургский порт или помощи в создании банковских каналов для переправки и отмывания ее доходов внутри РФ. Второе — это публичный и скрытый шантаж этой группы с целью сплотить ее перед лицом реальных или воображаемых угроз ее банковским счетам и физической безопасности и тем самым подготовить ее к государственному перевороту или другим действиям, способным вернуть Россию под власть атлантических элит.

Бульбов и его аналитики знали, что вероятность Третьей Барбароссы увеличивалась по мере приближения президентских выборов. Больше всего они опасались отморозков, 10–20 процентов генералов и бизнесменов-беспредельщиков из свит Сечина, Патрушева и Устинова, которые нажили себе немало врагов, отнимая бизнесы и другую собственность, пользуясь защитой и силовыми ресурсами своих могущественных патронов. Смена власти грозила этим людям не только потерей кормушек, но и местью со стороны ограбленных ими. Аналитики Бульбова думали, что существует от силы 25 % вероятности того, что эти отморозки «дернутся». И они надеялись закрыть им эту возможность.

Думаю, что они ошибались. И психологически их можно понять. Допустить мысль, что сами патроны, что 90 процентов силовой верхушки может «дернуться», такая мысль могла бы заставить опустить руки даже человека с характером Бульбова. Слишком неравны были бы силы. Но моя цифра вернее. Конечно, далеко не все в этих 90 процентах коррупционеры. Но люди, которые терпят коррупцию, видят ее каждый день со стороны своих сослуживцев и не находят силы противостоять ей, такие люди не могут избежать деморализации. Поэтому они пойдут за коррупционерами или останутся пассивными наблюдателями их антигосударственных действий. Итак, второй «гостайной» генерала Бульбова было знание того, что значительная

часть верхушки российской силовой бюрократии была не просто коррумпирована, а находилась на крючке западных спецслужб и подталкивалась ими к госперевороту и сдаче страны.

На что же рассчитывал Бульбов, обладая двумя такими гостайнами? Не думаю, что на Лефт. ру. Уверен, что надеялся он на своего главнокомандующего Владимира Путина, от которого и получил задание добывать все эти тайны. И Бульбов ошибся. Не знаю, понял ли он это еще до своего ареста, и даже понял ли он это после него.

Где-то в середине сентября, недели через три после публикации «Третьей Барбароссы» и еще до назначения Зубкова премьером, Путин поручает руководителям российских спецслужб (ФСО, ФСНК и ГРУ) встретиться с верхушкой Фарвеста на Рублевке. На встрече обещали быть генералы ГУРа и директора Фар Вест ЛЛЦ Владимир Филин и Алексей Лихвинцев, агент французской внешней разведки и крупный теневой делец Яков Косман, генерал КГБ Беларуси Валерий Лунев, бригадный генерал внешней разведки «Ичкерии» Руслан Саидов и политический представитель Эрмарта, Гейтса и Брейтвейта Антон Суриков. На встречу напросился и Рамзан Кадыров. Было ясно, что Путин хотел о чем-то договариваться с Фарвестом и джентльменами, стоящими за ним.

Но фарвестовцы отказались встречаться в Москве и пригласили генералов Путина в Женеву. От такого приглашения президенту РФ показалось невозможным отказаться. В Женеву прибыло 7 генералов из пяти наших основных спецслужб и человек из администрации президента от Сечина. Их встретили Филин, Саидов, Косман, Лунев, Суриков и Роева. Причем, как люди с чувством юмора и личного достоинства, фарвестовцы приняли наших генералов в оборудованном ГУРом помещении украинского представительства при международных организациях в Женеве. Еще интересная деталь. Бывшие в то время в городе принц Рашид, соратник покойного Хаттаба и президент Фар Вест ЛЛЦ, и финансовый директор Руслан Беренис, потомок гитлеровских горцев, побрезговали прийти на встречу и прислали Роеву вместо себя.

От имени Путина генералы робко попросили мадам Роеву, владелицу строительной компании в Удмуртии, не вмешиваться в процесс передачи власти в РФ. Роева обещала подумать, а ее друзья выдвинули встречные требования по Кавказу и политике России в СНГ. Суриков предложил признать геноцид черкесов, чтобы Олимпиада прошла спокойно. Филин пожурил генералов за «подрывную деятельности ФСБ» на Украине. Саидов представил ультиматумы по Ингушетии, Гуцериеву и расследованию убийства Политковской. Фарвестовцы потребовали немедленно прекратить поставки российского оружия в Сирию. Все это было согласовано заранее с их старшими партнерами из США, Англии и Саудовской Аравии, а также с Кадыровым.

Договорились вновь встретиться в Москве через 2–3 недели с участием более высокого начальства, включая Сергея Иванова. Но Путина, видимо, не удовлетворило неопределенное обещание бывшей телеведущей Ижевска Роевой подумать над его просьбой не мешать плавной передаче власти новому народному избраннику. А тут еще Суриков, скромный эксперт московского Института проблем глобализации, на встрече в Женеве дал генералам понять, что Путин его на мякине не проведет и что назначение Зубкова премьером — это операция прикрытия под Сергея Иванова, а сам Зубков — это не человек Сечина, а человек самого Путина. Словом, Суриков не одобрил выбор Путина.

Что же оставалось делать президенту России в такой безвыходной ситуации, когда и Роева темнит, и Суриков не доверяет? Только одно — сдать Бульбова со всеми его гостайнами и потрохами недоверчивому Сурикову и сомневающейся Роевой.

И вот Путин распоряжается остановить все разработки, которые он поручил ФСНК, и дает сечинцам санкцию на арест Бульбова и его людей. Вслед за арестом он отправляет оперативную группу ФСНК, работавшую по Фарвесту, в Дубай на ковер к фарвестовцам, которые, добавлю в скобках, в это время по приказу американцев ждут в этом Дубае результатов планируемого людьми Гейтса в РУМО теракта против Путина в Тегеране. А вы говорите, что жизнь скучна!

И это еще не все. Это только начало интересного.

В Дубае все проходит очень мило. Оперативников Бульбова приняли по законам восточного гостеприимства в охраняемой полицией штаб-квартире Фар Вест ЛЛЦ. Принц Рашид и Беренис, манкировавшие встретиться с генералами Путина, любезно представились нашим офицерам. Мистер Эрмарт тоже. Только что министр обороны Гейтс не прилетел по

занятости. Все наперебой уверяли их, что сами не ожидали, что события примут такой жесткий оборот, причем так скоро. Лихвинцев, зная, что аппаратуры записи при них не было, так и сказал, что они переборщили с запугиванием Сечина и Бортникова. И даже признался, что фарвестовцы выступили провокаторами в какой-то степени, но сейчас они ситуацию не контролируют, что Сечин борется за свое физическое выживание и его, Лихвинцева, не слушает и даже не ставит в известность, что он собирается делать дальше.

По возвращении в Москву офицерам Бульбова передают приказ Путина отдать все наработанные ими сверхсекретные материалы агенту влияния атлантических спецслужб Антону Сурикову для ознакомления. К этому времени, узнав о провале теракта против Путина, американцы отпустили Сурикова в Москву.

Что же сделал Суриков? А вот что.

Получив от главнокомандующего Российской Федерации грифованные материалы о Фарвесте, собранные офицерами Бульбова по поручению главнокомандующегоу представитель Фарвеста Суриков собрал этих офицеров в количестве трех человек — четвертый, Александр Гусев, был уже арестован патрушевцами — и от лица руководства Фарвеста предложил им «забыть прошлое», уволиться из ФСКН, заключить индивидуальные контракты с Фарвестом, на полгода переехать в Дубай и там написать все, что они знают. Знают о чем и ком? О Сечине, Бортникове и других отморозках, о Дисконте, обо всем на свете, что департамент Бульбова накопал за эти месяцы по заданию Путина. За это Суриков обещал каждому из этих офицеров по миллиону долларов, из них 50 % авансом. Как интеллигентный человек, он попросил их не торопясь все как следует обдумать.

Можно быть уверенным, что Суриков согласовал это выгодное предложение с финансовым директором Фар Вест ЛЛЦ, старшим офицером британской военной разведки Русланом Беренисом. Можно также предположить, что в свою очередь Беренис согласовал эту расходную статью с членами наблюдательных советов основных пайщиков этой компании: бывшим директором ЦРУ и ФБР Вебстером, фельдмаршалом Инге, послом Бертом, лордом Поулом и др. джентльменами. Не может быть ни малейшего сомнения, что, как в высшей степени зависимый человек, Суриков действовал по поручению или с согласия своего политического руководства: сотрудника ЦРУ Фрица Эрмарта, министра обороны США Роберта Гейтса, бывшего главы Общей разведки Саудовской Аравии принца Турки аль-Фейсала и британского обер-разведчика из МИ-6 сэра Родрика Брейтвейта.

И можно с уверенностью сказать, что, если эти офицеры ФСНК примут щедрое предложение антироссийского альянса, которому этих офицеров выдал их главнокомандующий, никто и не подумает воспрепятствовать этой сделке. И меньше всего — сечинско-патрушевские охранители нашего удивительного отечества. И господин Бастрыкин с его неподкупным Следственным комитетом будут смотреть в другую сторону. Мы же живем при капитализме, товарищи! — как любит напоминать нам «вечная комсомолка» Матвиенко, ставленница нашего «конкурентоспособного» Президента.

Почему же эти офицеры, честно выполнявшие приказ своего главнокомандующего, не могут позаботиться теперь о себе и своих семьях, когда этот главнокомандующий предал их? А как же «гостайна»? Какая «гостайна»? Ведь сам Путин приказал передать всю эту «гостайну» людям Гейтса и Брейтвейта.

Я уверен, что эти офицеры не примут щедрого предложения врагов России. Хотя если бы они это сделали, то во всей стране не нашлось бы ни одного человека, который имел бы моральное право упрекнуть их за это. А вот ответа от Путина наше общество потребовать обязано!

На публике Путин любит выражать офицерам российской армии и спецслужб свое уважение и признательность за их нелегкий труд. На деле он предает их!

По какому праву главнокомандующий России выдает российских офицеров на расправу или милость врагу? По какому праву он передает грифованные материалы о коррупционной деятельности своего силового окружения частной разведывательной фирме, принадлежащей спецслужбам США, Британии, Саудовской Аравии, Украины, «Ичкерии» и Литвы? В течение последних двух лет генералы украинской военной разведки, кадирийского подполья и российская агентура влияния, входящие в состав этой компании-ширмы, публично шантажируют это силовое окружение, провоцируя его на госпереворот с последующей сдачей

России Западу для ее расчленения. Быть может, Путину мерещатся лавры Горбачева? Быть может, он мечтает о своем Форосе? Как иначе объяснить его действия?!

Путин гордится усилением российской армии, новыми ракетами и прочими видами современного оружия, поступающего в войска. Он занимает все более независимую позицию по основным вопросам международной политики. Но никакие ракеты и стратегические бомбардировщики не защитят страну от измены. А насквозь коррумпированные спецслужбы готовы к ней, как готово упасть гнилое, проеденное червями яблоко. Сейчас судьба страны решается внутри ее. И она не должна зависеть от судьбы одного человека, будь он хоть полубогом. Не сорвись покушение на Путина в Тегеране, мы все были бы сейчас на краю бездны. Такая ситуация не должна повториться. Если силовая группа Сечина, проевшая коррупцией все правоохранительные органы страны, не будет удалена, как раковая опухоль, Россию ждет катастрофа».

Антон Баумгартен 21 октября 2007.

Информационная война ведется по полной программе. Силовая группа Сечина — это «раковая опухоль, проевшая страну»…

Опухоль надо удалять… Путин — ужасен… Но если он удалит раковую опухоль, то Баумгартен его простит.

Что тут заслуживает внимания по существу за вычетом истерик, дурно пахнущих пропагандистских дешевок? То, что Баумгартену нужно добраться до горла… Из текста явствует, что до горла силовой группы Сечина. Но не кажется ли читателю, что внутри этой баумгартеновской общей взвинченности есть что-то другое? Что охота идет на какую-то иноземную, транснациональную «дичь»? Окажется рядом с этой «дичью» Сечин — будут атаковать Сечина. Окажется рядом с этой «дичью» кто-то другой — он попадет под удар. Не Сечин и Путин важны Баумгартену (или, точнее, его бэкграунду). Гончую возбуждает некий игровой запах, касающийся вовсе не России, а США и мира. Что за запах?

Ответить на этот вопрос мы можем только продолжив рассмотрение странных, специфических по качеству, но далеко не бессмысленных текстов.

Второй текст принадлежит интернет-фигурам, выступающим под именами Вадим Штольц и Наташа Барч. Текст называется «В первой половине октября страна стояла на пороге Барбароссы». Предлагая читателю еще раз воспользоваться моим методологическим «костылем», я привожу этот текст опять же без сокращений.

«На днях группа бурцев. ру получила информацию из одной среднеазиатской республики о некоторых деталях готовившегося покушения на Владимира Путина. По словам нашего источника, эта информация получена от «иранских коллег из ВАВАК» (служба контрразведки Министерства информации и безопасности Ирана). Покушение, которое должно было произойти во время саммита прикаспийских стран в Тегеране, удалось предотвратить на заключительном этапе его подготовки.

Организатором покушения был узбек Наджмиддин Камилидинович Жанов по кличке «Яхье» (Яхья) или «Командир Ахмат» — лидер Группы Исламского джихада (ГИД), несколько лет назад отколовшейся от Исламского движения Узбекистана (ИДУ). В прессе указывается, что Яхье замешан в теракте в Пакистане и подготовке теракта в Германии. По словам нашего источника, Яхье находится «на коротком поводке у ЦРУ», по его просьбе американцы недавно убили в Афганистане его конкурента — лидера ИДУ Тахира Юлдашева.

Для организации покушения в Тегеране Яхье привлек белуджей из радикальной группировки исламистов, созданной ЦРУ для борьбы с Ираном, с территории пакистанского Белуджистана. Белуджи подготовили все очень профессионально, от трагического исхода отчасти спасла случайность, отчасти — профессионализм иранских контрразведчиков.

Предполагается, что в конце года, перед выборами в Узбекистане, американцы могут перекинуть боевиков Яхье на юг Киргизии для вторжения в узбекистанскую часть Ферганской долины.

Координатор Московской группы бурцев. ру Наташа Барч попросила председателя Международной редакции Вадима Штольца прокомментировать это сообщение.

НБ: Вадим, сообщение о подготовке покушения на Путина в Иране новостное агентство «Интерфакс «распространило в воскресенье вечером 14 октября. Путин должен был лететь в Иран на следующий день. Если верить агентству, эту информацию они получили от

«заслуживающего доверия источника в российских спецслужбах». Тебе не кажется странным, что наша «независимая» пресса и «московская политология», как известно, самая проницательная в мире, как-то вяло отозвались на это событие и не порадовали нас сенсационными теориями. Это тем более странно, что известие о возможности покушения на Путина совпало с резким обострением ситуации в Москве после того, как группировка Сечина—Патрушева—Бастрыкина нанесла удар по группе Черкесова—Золотова—Чайки, арестовав генерала ФСНК Александра Бульбова и нескольких его подчиненных. Я знаю, что у Международной редакции есть своя точка зрения, даже теория того, что готовилось в Москве.

ВШ: Да, такая теория, даже уверенность у нас есть. Если коротко, то в первой половине октября, рискну даже сказать точнее, вплоть до 11 октября Россия стояла на грани Барбароссы № 3. Причем по сценарию очень близкому к тому, о котором писал Антон Баумгартен в своей книге «Третья Барбаросса».

НБ: Почему до 11 октября? И вообще, поподробнее, пожалуйста.

ВШ: Мы полагаем, что диверсионная группа белуджей была выявлена и обезврежена персами не позже 10–11 числа, после чего фарвестовцы получили от американцев сигнал отбоя и покинули Дубай, где они сидели, как минимум, месяц. Когда Гейтс и Райе прилетели на следующий день в Москву, это было 12 октября, Гейтс уже знал, что теракта не будет. Кстати, мы склоняемся к тому, что за Жановым («Яхъе») стоит конкретно не ЦРУ, а какое-то подразделение РУМО. Это военная разведка США, засекреченная не хуже советского ГРУ, практически неподконтрольная Конгрессу. Сейчас она в полном распоряжении Гейтса. Группа Жанова — подставная и, по сведениям наших источников, находится полностью под контролем американцев. Взрыв в Исламабаде и якобы «предупрежденный с помощью ЦРУ» теракт в Германии — это отчасти и способы создать организации Жанова репутацию настоящей р-р-радикально-исламистской. А теракт жановцев в Исламабаде должен был, по мысли американцев, привести к разрыву соглашений между Мушаррафом и племенами Северного Вазистана. Интересно, что в западной прессе были попытки представить группу Жанова детищем узбекских спецслужб. Это такое двойное легендирование.

Теперь так. После провала переговоров с Путиным Гейтс и Райе решают использовать уже «мертвую собаку» в интересах дела и передают Патрушеву предупреждение о готовящемся «иранцами «покушении на Путина в Тегеране. Расчет понятен. Во-первых, попытаться предотвратить поездку Путина, от которой они ничего хорошего не ждали, и развести русских и иранцев. Во-вторых, подстраховаться на случай, если иранцы пробьют белуджей на предмет заказавшей им Путина группы Жанова (что ВАВАК и сделал), принцип «отрицаловка превыше всего» американцы унаследовали от англичан. Возможно, здесь был и третий момент. Нам неизвестно, как происходила передача Патрушеву этой информации. Но интуиция подсказывает, что, так или иначе, Эрмарт позаботился, чтобы выставить при этом фарвестовцев в самом выгодном свете и дать возможность Сечину еще раз указать Путину на их незаменимость.

НБ: Хорошо, а почему они оставались в Дубае до 11 и как это все должно было разыгрываться в Москве?

ВШ: Задача фарвестовцев, в первую очередь Лихвинцева, заключалась в том, чтобы спровоцировать Сечина пойти на обострение в Москве ДО планируемого американцами теракта в Тегеране. Им это удалось. Они убедили Сечина и генералов-отморозков в ФСБ, что теперь речь идет об их выживании. Наверняка использовали для этого и наши публикации. Смотри. Бульбова и его людей арестовывают 2 октября. Через неделю Басманный суд дает ордер на их арест, и в тот же день «Коммерсант» публикует статью Виктора Черкесова о «воинах» и «торговцах» среди силовиков. Генералы ФСНК публично встают на защиту Бульбова и ходатайствуют о его освобождении на поруки. Все готово для Большой разборки в Москве. Путин пока молчит. Через шесть дней в Тегеране его кортеж должна взорвать машина смертников-белуджей, переодетых в форму стражей исламской революции. После этого в Москве сразу же начинается силовая разборка, война спецслужб, втянутой оказалась бы и армия. Одновременно в Ингушетии началось бы восстание, как в Нальчике два года назад, только намного шире. К этому все было готово, об этом позаботилась агентура Саидова-Нухаева-Демильханова на деньги Гуцериева. В дело вошли бы переодетые подразделения спецназа ГУР, состав и агентура Спецотдела «Р» Филина и Лихвинцева. На их применение в России есть директива Ющенко. Плюс агентура Саидова в московском джамаате. Плюс всякая дрянь из московских ЧОПов. Плюс диверсии боевиков Хизб ут-Тахрир против стратегических

трубопроводов и объектов ВПК в Поволжье и Предуралье. Мало бы не показалось. В стране возникла бы страшная неразбериха, дестабилизация, появился бы повод для непосредственного вмешательства Запада. И даже, как писал Антон, для обезоруживающего удара по нашим РЯС. Заодно покушение в Тегеране — лишний повод американцам ударить по Ирану. Но это ничто по сравнению с возможностью развалить Россию раз и навсегда.

НБ: Значит, фарвестовцы все знали заранее.

ВШ: Ну, далеко не все, конечно. Все знал только Гейтс. Фарвесту американцы, видимо, заранее что-то сообщили, но без деталей, чтобы объяснить стоящую перед ними задачу поджечь задницу Сечину и Бортникову. Поэтому верхушка фарвестовцев вплоть до 11 октября сидела в Дубае и ждала вестей из Ирана. Они за это время ни слова не написали про ФСКН, как в рот воды набрали. Только когда в Тегеране у белуджей сорвалось, Фарвест стал давать задний ход в Москве и притормозил в Ингушетии. Они прямо дали понять Сечину, что тот тоже должен пока временно остановиться (http:// www.forum.msk.ru/ material/lenty/394389.html).

НБ: Вадим, а на чем основывается влияние Лихвинцева на Сечина, как Сечин попал под контроль Фарвеста? Мы знаем только, что они служили вместе в Анголе. Что это, просто приятельские отношения?

ВШ: Об этом мы можем только строить предположения, конкретной информации у нас нет.

НБ: Ну, а все-таки, какие у тебя предположения на этот счет, если они, конечно, не с потолка?

ВШ: Хорошо. Начать надо с нескольких фактов, чтобы читатели совсем не потерялись. Во второй половине 80-х годов Алексей Лихвинцев — это имя по документам прикрытия, в прессе встречается его кличка Леша Прибалт — был офицером военной разведки при Генштабе МО СССР и выполнял свой «интернациональный долг» в Анголе в качестве «военного советника». Это были 1986–87годы. А Игорь Сечин после окончания ЛГУ служил военным переводчиком сначала в Мозамбике, потом в Анголе. По данным в Сети, это было в 1984–1986 гг. В Анголе Сечин служил вместе с Лихвинцевым или даже под его командой. С Сечиным они одногодки, 60-го года рождения. Но к моменту их знакомства Лихвинцев уже был спецслужбистом с немалым и разносторонним опытом, полученным в Афганистане. Там, по некоторым данным, он был заместителем Косякова, командира спецгруппы «Н», ныне тоже генерала ГУРа. Можно также предположить, что его готовили не для агентурной работы на Востоке, как Лунева и Саидова, а для спецопераций в Западной Европе, в тылу НАТО. Информационно-психологическая война, идеологическая мутотень, которой занимаются Суриков, Баранов и отчасти Филин, — это не его дело. Чем он занимался в Анголе помимо своей официальной работы, можно только догадываться по его карьере в Афганистане. Об этом уже мы и Антон писали. Но коротко для читателей.

Спецгруппа «Н» официально должна была вести борьбу с наркотрафиком душманов. На самом деле она работала на героиновую линию генерала ГРУ Гусева из Ферганы в США через Кубу и другие страны Латинской Америки. При этом ядро группы, состоявшее из личной агентуры Гусева (Филин, Лихвинцев, Лунев, Суриков, Саидов), видимо, занималось самыми деликатными делами: защитой от военной контрразведки, вербовкой агентуры, подкупом, устранением нежелательных свидетелей, а главное, связью с резидентурой американцев в Пакистане, саудовцами и пакистанской ИСИ. При этом люди вязались кровью. Например, вербовка могла включать записанную на камеру казнь одного душмана другим и т. п. При таком роде деятельности люди матереют быстро, поэтому нетрудно догадаться, что, когда они встретились в Африке, Лихвинцев был намного сильнее Сечина в психологическом и волевом плане, не говоря уже о своем специфическом опыте и познаниях. Но у Лихвинцева было одно слабое место: он не знал португальского. Ему нужен был военный толмач. А это деликатная профессия, особенно учитывая, что официальный пост Лихвинцева был только прикрытием для его настоящей роли личного агента Гусева в каких-то нелегальных делах в Африке, где уже с 70-х годов ГРУ вело операции с алмазами и другими предметами первой необходимости в рамках анти-КОКОМ и вне любых рамок. Там же в те годы командовал генерал Очоа — старый кореш Гусева, в недалеком будущем ставленник Горбачева и американцев на роль лидера антикастровского переворота.

Так вот. Есть в Питере такой писатель и сыщик, зовут его Андрей Константинов. Кажется, это псевдоним. Известен как автор документальной книги «Бандитский Петербург». В

прошлом — военный переводчик. Лет десять назад он написал повесть под названием «Журналист». Если помнишь, мы как-то обсуждали в редакции роль литературы в борьбе российских группировок бюрократов и капиталистов. Это своего рода национальная специфика. Великая русская литература кончается фарсом. Например, книги Проханова — это не только идеологические обманки нашего ВПК, но и прямые активки, созданные при посредстве и в интересах определенных военных групп в Генштабе и при самом непосредственном участии группы Эрмарта—Сурикова в Фарвесте. Это в чем-то коллективное творчество.

Так вот, повесть Константинова интересна по ряду обстоятельств. Во-первых, в ней описывается время, место и среда, близкие или даже идентичные со службой Лихвинцева и Сечина в Африке. Только в повести это Йемен, куда Фарвест тоже переправлял оружие еще при Паше Грачеве. Во-вторых, Константинов был близок к Роману Цепову, большому петербургскому авторитету. Вместе с Цеповым написал повесть «Рота» по мотивам подвига Шестой роты псковских десантников. Потом Цепов помог финансировать фильм. Так вот. В «Журналисте» Константинов использовал не только свой опыт работы военным переводчиком в Йемене, но и кое-какие сведения, полученные от Цепова. В свою очередь, Цепов скорее всего получил эти сведения от Сергея Петрова, своего приятеля и партнера. Петров был сотрудником военной разведки Украины. Он перешел туда из ГРУ вместе с Филиным, Лихвинцевым и Косяковым. Как и они, был то в резерве, то работал под крышей ГУРа в коммерческих организациях, в том числе в Фар Вест ЛТД. Видимо, и французский паспорт получил не за красивые глаза, работал на французов вместе с Яшей Косманом. Как верные сыны трудового народа. Поэтому Петров знал что-то об ангольском периоде Лихвинцева и что у них там завязалось с Сечиным. Поделился с Цеповым. А Цепов, кстати, тяготел к группе Золотова, начальника охраны Путина. Они знали друг друга еще с Питера. Цепова потом отравили какой-то радиоактивной гадостью, как Литвиненко и Юрия Щекочихина, расследовавшего дело «Трех китов».

В общем, как я слышал, в главном герое повести, переводчике Андрее Обнорском, есть черты ангольского периода жизни Сечина. А вот его антагонист, капитан Виктор Кукаринцев, якобы имеет своим прототипом Алексея Лихвинцева, тоже капитана в ту пору. В повести Кукаринцев работает на таинственную группировку в ГРУ, которая связана с натовцами и помогает их союзникам в Йемене. Это, в принципе, верное описание того, чем занимались тогда и продолжают заниматься сейчас питомцы генерала Гусева. Обнорский становится невольным свидетелем предательской деятельности Кукаринцева и его начальства, а также объектом психологической манипуляции и шантажа с их стороны. Кто знает, может что-то в этом роде произошло и с лейтенантом Сечиным. Его могли замешать в какое-то преступление, или подвергнуть психологической обработке, сделавшей его зависимым от Лихвинцева. Но скорее всего они просто доверяли друг другу с Анголы, а когда Сечин пошел в гору, стали вместе делать дела. Здесь можно только гадать.

НБ: Вадим, статья, на которую ты только что ссылался, «Спецподразделения с Украины, из Белоруссии и Чечни не примут участия в междоусобной войне российских спецслужб», заканчивается таким предостережением Филина ко всем честным сотрудникам российских спецслужб. Я цитирую:

«Наконец, последнее. Я надеюсь, что Александр Бульбов вскоре вновь обретет свободу. Мне хотелось бы обратиться к нему и его подчиненным: Вы вели оперативные разработки, осуществляли оперативное сопровождение уголовных дел не по собственной инициативе, а по приказу с самого верха. Тот, кто отдал вам этот приказ, предал вас, сдал вас тем, кого вы разрабатывали. Разве вас не предупреждали, что все кончится именно этим? Разве у вас не было перед глазами аналогичных примеров? Делайте выводы на будущее».

В конце Филин явно ссылается на ликвидацию офицера военной контрразведки Армена Саркисяна и разгром его оперативной группы. Но как понимать фразу Филина «по приказу с самого верха»?

ВШ: В буквальном смысле — Черкесов получил приказ на оперативную разработку Фарвеста лично от Путина. В устной форме, конечно…

НБ: Тогда я уже ничего не понимаю. Путин поручил им следить за Фарвестом, и Путин сдал их Фарвесту?!

ВШ: Конечно! Чего же здесь непонятного? А еще москвичка… (смеется).

НБ: Ну, если ты такой умный, то объясни, зачем тогда вообще было взрывать Путина?

ВШ: Ну, не Фарвест же его взрывать собирался…

НБ: Пусть так, но тогда получается, что Путин тоже на крючке.

ВШ: Не будем торопиться с выводами, особенно со слов такого блефуна, как Филин. Да и крючки разные бывают. Все, что мы знаем твердо, наверняка, это что Путин поручил Черкесову вести оперативную разработку Фарвеста и линии Дисконта по выводу миллиардов долларов отморозками вроде Бортникова и другими фигурами сечинско-патрушевской группы, которых Фарвест шантажировал еще летом, до наших последних публикаций. Это было логично. Бульбов и его люди хорошо поработали по «Трем китам» и китайскому ширпотребу. Путин знал, что Сечин с Патрушевым крышевали и Фарвест. У него были докладные Сергея Иванова и Черкесова для сравнения. Поэтому с точки зрения Путина логично было отдать Фарвест под наблюдение ФСКН. То же самое с Дисконтом, где сильно засветился (с помощью Фарвеста) Бортников. Но это решение Путин принял еще тогда, когда рассматривал Сергея Иванова как своего преемника. Если он изменил свои планы и решил идти на третий срок с Зубковым в виде одногодичной прокладки, то должен был сдать людей ФСКН Сечину и Фарвесту, потому что теперь они становились его опорой, и поэтому все то, что наработал Бульбов с коллегами и по Фарвесту, и по Дисконту, становилось опасным для самого Путина. А Дисконт — это ведь только верхушка айсберга. Судя по некоторым сообщениям в СМИ, специалисты Бульбова вышли на финансовую инфраструктуру мировой наркоторговли, где Россия бежит впереди планеты всей.

НБ: А почему Путин изменил свои планы?

ВШ: Замечу, что он мог сделать вид, что изменил их. Кто знает? Путин не из стали сделан. Его психологически разрабатывали в течение ряда лет, особенно интенсивно после Братиславы. Потом Путину дали понять, что кандидатура Иванова будет означать большие проблемы для России. Например, Суриков недавно заявил по телевидению буквально следующее:

«Очень важно, кто будет преемником. Если это будет фигура, которая не будет вызывать антагонизма и отторжения со стороны сколько-нибудь влиятельных элитных групп, то все будет в порядке. Это должна быть компромиссная фигура. Зубков — это пример компромиссной фигуры. Если же это будет фигура, которая будет вызывать аллергию, как, например, Иванов у определенных властных групп… Хороший он или плохой — это другой вопрос, но это факт, что многие его не приемлют. И это, в свою очередь, будет вызывать различные действия, которые были бы направлены на то, чтобы как-то повернуть ситуацию. Поэтому весь вопрос в том, будет преемник компромиссной фигурой или конфликтной. Если будет конфликтная фигура — можно ожидать всего. Если будет компромиссная фигура — все пройдет спокойно».

То есть прямым текстом говорится, что будут теракты и прочие прелести. Потому что Иванов не коррумпирован, значит опасен. Уволит Сечина, Патрушева, а за ними полетят десятки генералов-отморозков из ФСБ, Таможни, ГРУ. Полетят их свиты из бизнесменов, отбиравших с помощью этих генералов бизнесы у других. Откуда у нас рейдерство? От Сечина с Патрушевым. Начнется Большая Разбираловка. Потом у Иванова нет своей бюрократической базы, а у Сечина она огромная и вся повязанная криминалом и круговой порукой. Кстати, последняя новость. К сечинско-фарвестовскому блоку уже формально присоединился Слава Сурков, славный идеолог нашей «суверенной демократии». По сообщению надежных источников, он стал пайщиком Фар Вест ЛЛЦ вместе с Турки, Беренисом и прочей шоблой. Через подставную фирму, конечно. Кстати, и Черкесова они теперь попробуют закадрить. Это стиль Фарвеста. Они сейчас сделают вид, что отпрыгнули от Сечина, и протянут руку Черкесову, как это сделали с Невзлиным после разгрома ЮКОСа и сейчас с Гуцериевым. Здесь сказывается их школа подготовки к глубокому элитному проникновению. Первая заповедь в этом деле — дружить со всеми, никогда не связывая себя ни с одной стороной за счет других.

НБ: Но все-таки есть у них что-то на Путина или нет?

ВШ: Есть или нет, нам они об этом не скажут. Думаю, что нет. Иначе они его давно бы в бараний рог скрутили. Главные сюрпризы у Путина еще в рукаве. А Филин блефует. И летом 2003 блефовал, когда Саркисян с Сихарулидзе «предъявили» ему в Лозанне. Просто Филину пока везет, что неудивительно с такой крышей, как Сечин, Эрмарт и Брейтвейт. Но еще совсем недавно настроение у них было не такое бодрое. Филин знает, что везение может кончиться в любую минуту. Поэтому ему важно запугать российских спецслужбистов, представить себя этаким неуязвимым Рэмбо, у которого в кармане сам Путин. Психология решает очень многое.

НБ: Последний вопрос. Что дальше?

ВШ: После провала с подрывом Путина в Тегеране и путчем в Москве американцы и Фарвест должны вынуть из кармана какой-то запасной вариант. Это может быть Узбекистан, Грузия, Украина. Должны у них быть и запасные заготовки для теракта.

НБ: Кстати, об Украине. Филин окончательно помирился с Тимошенко и теперь у них дружба навеки. По этому случаю, как сообщает оперативная группа «Ярослав Галан», на прошлой неделе они с Юлей напились до невменяемого состояния. Свою цель — испортить отношения Украины и России и скорее втянуть Украину в НАТО — Филин теперь даже не скрывает.

ВШ: Насчет вечной дружбы я не очень верю. Турчинова она им не простит. Да и вообще… социопаты вроде них не способны ужиться. А вот то, что Путин поставил Сечина курировать отношения с Украиной, это очень опасно. Он будет подыгрывать бандеровцам. Чем больше напряжения, тем лучше для Сечина. И Фарвест с Эрмартом его все время подталкивают к такому выводу. Уже вчера устроили провокацию на горе Говерла, задействовав старого гэбэшного провокатора Дугина, дружка Сурикова, Нухаева и Проханова.

НБ: Так же как и руководитель Евразийского совета молодежи Павел Зарифуллин.

ВШ: Да, Зарифуллин — хороший знакомый Сурикова, из их обоймы. Антон Викторович его привлек к недавнему активному мероприятию сечинской «партии третьего срока» на канале КМ.

НБ: И все же, Вадим, что дальше по большому счету?

ВШ. Если по большому счету, то главное дело сделано. Фарвест, его связь с силовой группой Сечина и ее отморозками, альянс разведок, стоящий за ним, его элитная база, его преступления и планы стали фактом общественного сознания. И Путин не может не считаться с этим. Теперь каждый шаг Путина будет, так или иначе, сравниваться с посылками наших публикаций, в первую очередь, «Третьей Барбароссы» Антона. Путин еще может сдавать Фарвесту честных офицеров-патриотов по соображениям, которые известны только ему. Но он уже должен делать это в тайне. Реакция на арест генерала Бульбова и его товарищей показывает, что мера терпения общества переполнена.

Я имею в виду беспредел силовой группы Сечина, его генералов-отморозков, Фарвеста и стоящих за ним иностранных спецслужб. Сначала полностью развратили Прокуратуру, потом подмяли под себя и превратили в публичный дом сечинцев Следственный комитет Бастрыкина. Нагло, среди бела дня убивают Хлебникова, Политковскую, Козлова, чтобы дать русофобам на Западе материал для информационно-психологической войны и шантажа Путина и того же Сечина. И каждый раз холуи Сечина останавливают следствие, как только оно выходит на Фарвест, на саидовско-нухаевскую банду, и направляют его в сторону. Отпускают убийц Хлебникова, переводят стрелки на ничтожного Френкеля. Как только Чайка намекает на Стамбульское бюро Саидова—Нухаева и стоящих за ними англичан, как убийц Политковской, сечинцы блокируют расследование, а после выделения следствия в Следственный комитет Саидов добивается фабрикации показаний против Шамиля Бураева, и его арестовывают. Бураев — заслуженный человек, награжден российскими орденами, он — представитель той части чеченского общества, которое не мыслит себя вне России. И одновременно с этим беспределом Саидов публикует статьи, где открыто пишет о планах кадыровцев провозгласить независимость через 15 лет. Все это на глазах у Патрушева и органов Прокуратуры, которые в течение последних двух с половиной лет потворствуют публичному шантажу высшего руководства России на страницах медийных органов Фарвеста — Форум. мск. ру и «Завтра».

Но, как я сказал, теперь в дело вступает фактор общественного мнения. Наше общество изменилось, люди не хотят, чтобы на месте ельцинского беспредела закрепился беспредел отморозков-силовиков, чтобы агентура западных спецслужб вроде Антона Сурикова и украинские генералы в законе вроде Филина и Лихвинцева решали наше будущее. Почитай интервью Кирилла Кабанова из Национального антикоррупционного комитета или профессора Мусина, главы экспертной группы по проблемам борьбы с коррупцией. Мусин прямо говорит, что арестом Бульбова силовая мафия бросила прямой вызов обществу, вызов национальной безопасности России. Понимаешь, уже в прямом эфире люди заявляют, что силовая группа Сечина — это сейчас самая страшная опасность для страны. Поэтому я верю, что эту мафию мы всем миром все-таки сбросим со своей шеи.

НБ: Спасибо, Вадим.»

Дав столь обширные цитаты из left.ru, я просто вынужден предложить адекватный этому объему комментарий. И при этом апеллировать к уже… ну если не созданному, но эскизно очерченному мною аппарату социальной теории.

Прежде всего, о том, почему яркие фантазии, подобные тем, которые представил left.ru, так поражают умы элиты. А то, что они поражают, мне известно не понаслышке. Чтобы понять природу данного явления, нужно еще раз обсудить, чем конспирология отличается… нет, не от параполитики (это мы уже обсудили), а от нормальной социальной теории (теории элит, теории закрытых социальных систем, теории игр и так далее).

Конспирология сильна тем, что создает мифы. Миф — это не теория. Это яркая лубочная картинка, призванная заполнить вакуум непонимания, существующий в тех или других слоях общества. В том числе в тех слоях общества, которые именуют себя элитой. До поры до времени эти слои создавали схемы, позволяющие как-то объяснять, что именно происходит. Ну, например, лжеконцепт о борьбе чекистов и либералов.

Лжеконцепт — это не миф. Это ложная, упрощенная и извращенная теоретическая конструкция. Когда эта конструкция рушится, то ее место должна занять другая конструкция. Тоже теоретическая. Но поскольку такая конструкция слишком сложна, то сознание соответствующих слоев общества (элитных в том числе) не может с нею адекватным образом соединиться.

Мир и вправду непрозрачен. Конспирологи, настаивая на этом, не врут. Их вранье начинается чуть позже. Когда они начинают утверждать, что мир и непрозрачен, и примитивен. Мир на самом деле непрозрачен и страшно сложен. Конспирологи ненавидят сложность. Они не могут ею овладеть сразу по многим причинам. Прежде всего потому, что, как только возникает сложность, их объяснительные схемы (они же мифы) рассыпаются. Далее — потому, что эта сложность очень опасна. Кроме того, путь к этой сложности лежит через соответствующий инструментарий. Что такое данные? Что такое метод? Все проблематично. И недоступно.

И, наконец, конспирология — это не вещь в себе. Конспирология — это служанка определенных господ. Для того, чтобы реальный подковерный процесс был скрыт, нужны мифы. Эти мифы должны канализировать общественное внимание в нужные зоны. А также отсечь эти зоны от всего, что находится за ними (рис. 51).

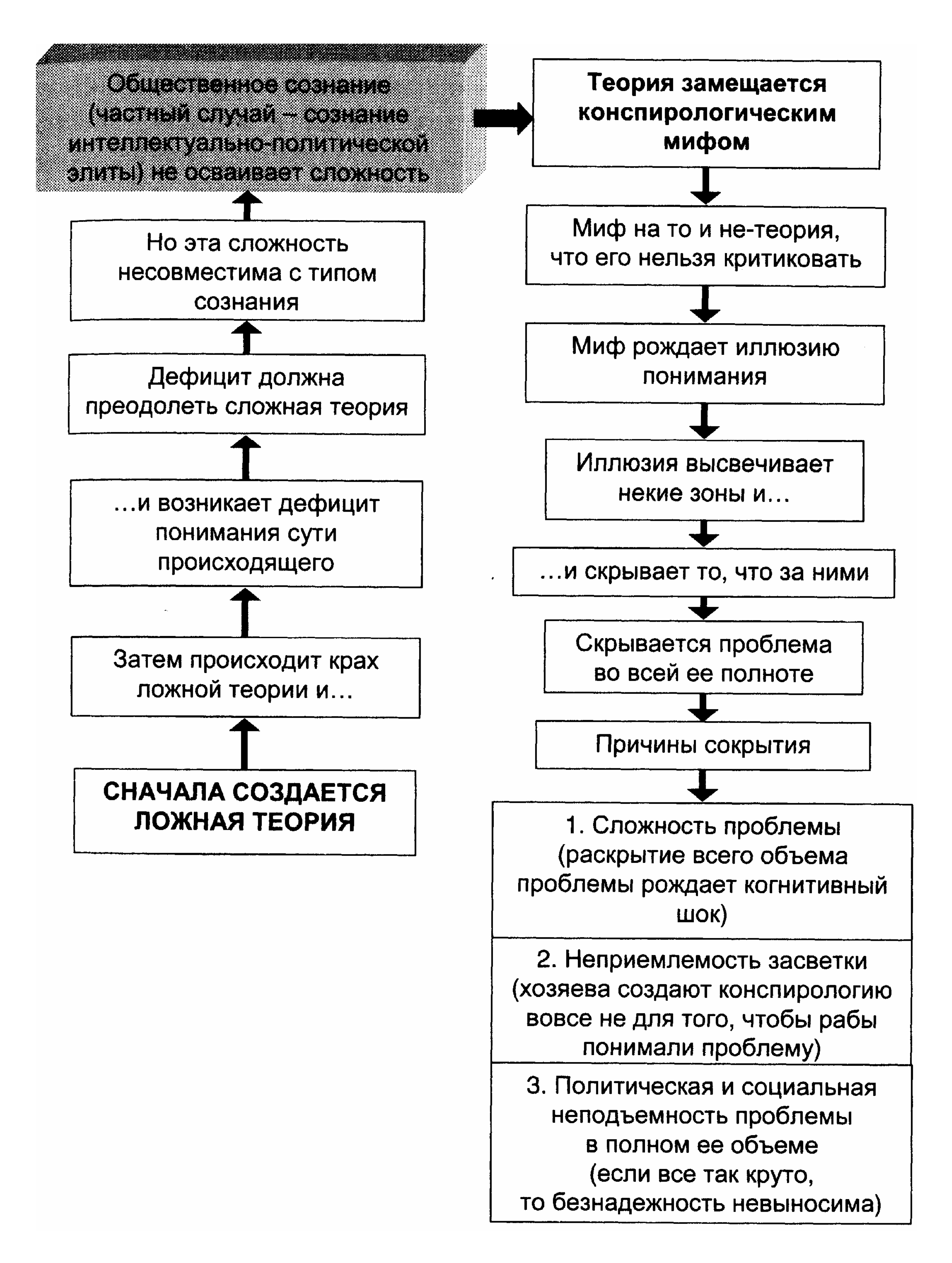

Рис. 51

Итак, сначала возникает ложная теоретическая схема. Потом схема рушится и на ее месте возникает вакуум. Этот вакуум должна заполнить теория, дающая правильное объяснение. Такая теория сложна. А значит, недоступна сознанию тех, кто осваивает реальность. Тогда вместо теории предлагается миф. Этот миф на то и миф, чтобы находиться вне критики. Вы сказку о бабе Яге можете критиковать? Не можете? Миф концентрирует общественное внимание на некоей зоне. То есть отвлекает это внимание от других зон.

Кроме того, миф (именно потому, что он миф) отсекает от этих зон нечто, адресующее к реальному масштабу проблемы. Зачем «пиплу, хавающему миф» (прошу прощения,

интеллектуальной элите), реальная проблема в ее подлинном объеме и многомерности? Сознание лопнет! Это называется «когнитивный шок».

Кроме того, хозяева не хотят обнажить масштаб проблемы.

И, наконец, соединение с проблемой рождает серьезные социальные последствия. Соединится сознание с проблемой — что оно будет делать дальше?

Поэтому миф полезен, желанен и удобен. Это его три достоинства. Недостаток у него один: он тотально лжив. Он еще глубже затягивает в регресс, чем ложная псевдотеоретическая схема. Миф останавливает поиск, переводит сознание в псевдорациональный (а на самом деле иррациональный) формат. В итоге — шизофренизация и власть другой, закрытой и непрозрачной, рационализации.

Приведу простейший пример. Миф о еврейском заговоре. Иначе, например, о еврейском всесилии в США. Что осуществляет миф? Он уводит из сферы рассмотрения все другие, нееврейские, элитные группы в США. Он не позволяет вычленить внутри еврейской элитной группы, которая существует, несколько субгрупп, чей конфликт определяет многое в реальном глобальном процессе. И, наконец, возлагая все зло на евреев и уводя из рассмотрения другие группы, миф по сути заявляет следующее: «Американцы в принципе-то ребята нормальные. И с ними надо дружить. Освободите их от евреев! Они сами хотят освободиться! Говорят про свою еврейскую клику — «сионистское оккупационное правительство». Так давайте дружить с американцами, но не с этими гадами!»

Чем плоха схема? Тем, что она марает евреев? Отнюдь! Это не мое дело. Пусть соответствующие еврейские организации отмываются. Кстати, как они отмываются? Они говорят, что это все шизофреническая клевета. Но мифу подобного рода отмывки — как слону дробина. Они требуют доказательств, а миф отвечает: «Какие доказательства? Если есть доказательства, значит, злые силы не способны к сокрытию. Поэтому все доказательства — это происки злых сил. А наша сила в том, что доказательств нет». И так далее.

Что было бы нужно? Нужно было бы нарисовать хотя бы примерную карту американской элиты. Указать, например, что главная элитная группа — группа № 1 — это WASP, белые англо-саксонские протестанты. Что группа № 2 — это американские католики. А группа № 3 (причем очень влиятельная) — это американские евреи. Дальше нужно было бы уточнять картину. Показывать, куда она смещается в ситуации роста латиноамериканского влияния в США. То есть роста влияния тех же католиков. Рассматривать субгруппы внутри католического кластера. Анализировать фигуры. Например, того же Даллеса. Рассуждения о том, что его деятельность порождена этим самым сионизмом, частью которого он якобы является, полная чушь. Даллесы — католическая семья. Если еще точнее, то иезуитская. Но… это уже не входит в миф.

Дальше нужны еще более сложные сюжеты. Например, с Бжезинским. Нужны исторические сведения. Его семья… Историософские корни… Детальные разграничения, отделяющие один генезис от другого. Вытекающие из этого конкретные последствия. Всем специалистам по элите известно, что Бжезинский… ну, никак не равнодушно относится к еврейской политической теме.

Но нашим конспирологам это неизвестно. У них нет сведений. У них есть миф. Из мифа следует, что Бжезинский — сионист (или сиониствующий поляк-русофоб, что уже шизофренический оксюморон). Дальше на основе всего этого надо проводить какую-то реальную политику, а проводить ее невозможно. Ну, так и нужно, чтобы это было невозможно.

Политическая аналитика убивается. А что значит убить такую аналитику? То же самое, что ослепить. Кому нужно, чтобы некий субъект ослеп? Его врагам. Так конспирология превращается из обычной сказки в фактор дезинформации, безумия, а то и неадекватного политического действия. Но, может быть, нам тогда надо просто игнорировать конспирологию? Просто сказать, что это все шиза, фантазии? Мы ведь не считаем, наверное, что картина, описанная left.ru, близка к реальности? Что Лихвинцев управляет Сечиным, а Сечин — Путиным… Мы понимаем, что это миф, в котором Суриков — это Кащей Бессмертный, а весь мир крутится вокруг компании FarWest. Есть, как мы понимаем, компании другого масштаба, занимающиеся сходной деятельностью.

Так-то оно так… Однако лубки, которые создает left.ru, обладают еще двумя свойствами, которые нельзя не обсудить.

Первое из этих свойств имеет отношение к методологии. Left.ru — прежде всего дешевая агитка, призванная кого-то (в данном случае Сечина) тотально демонизировать и одновременно дискредитировать ключевой методологический вопрос, который волнует всех. И который я начал обсуждать в самом начале своей работы. Возвращаю читателей к этому обсуждению (рис. 52).

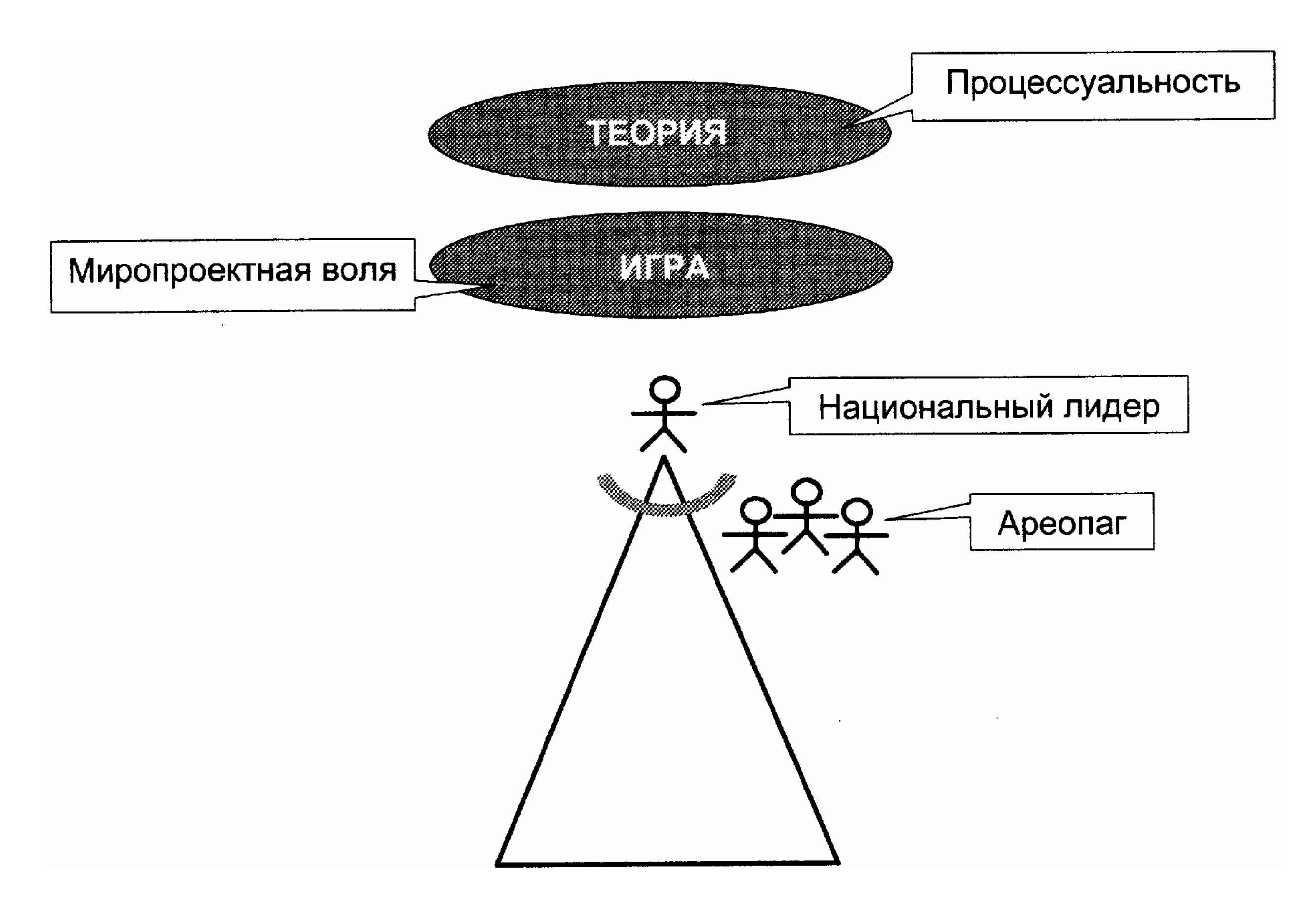

Рис. 52

Понятно, что над любым лидером — Путиным, Бушем, Ху Цзиньтао — находится объективная процессуальность. Социальный, экономический процесс. Процессы культурно-ценностного характера. Научно-технический прогресс. Что лидеры могут управлять, только если правильно рулят в потоке этой процессуальности. А чтобы правильно рулить, им нужна теория, прикладные модели. Это объективность, которую в принципе никто не отрицает.

А вот есть ли другое? Есть ли какая-то миропроектная воля, реализующая себя через крупные элитные субъекты и навязывающая себя лидерам (как напрямую, так и косвенно)? Повторю: все лидеры крайне болезненно реагируют на идею о наличии подобной воли. В их сознании они сами и есть предельная политическая воля мира. А все остальное находится внизу. Но как быть с абсолютно корректной теорией элит, которая говорит, что есть короли (политические лидеры), а есть кинг-мейкеры (делатели королей)?

Как быть с великой фразой Шиллера:

… Тень Самуила
Зачем призвали вы? Я двух монархов
Возвел на трон испанский. Я считал
Незыблемым воздвигнутое мною.

Шиллер грезит наяву? Это относится к другой эпохе? Скажем так, к эпохе, когда был огонь в этом самом западном обществе? Или же миропроектная воля все-таки существует?

Я-то, например, — еще раз повторю — считаю, что она существует. И трудным путем иду к какому-то ее пониманию. С каждым шагом осознавая невероятную сложность этой странной волевой элитной субстанции. А тут появляется Баумгартен и говорит, что воля эта сконцентрирована в тех-то и тех-то… Чисто конкретно… Реализуется так-то и так-то… Скрывается от мира, но не от него, Баумгартена. Воля эта невероятно зловеща, беспощадна и таинственна. Но простые филологи левой ориентации «делают ее одной левой».

После этого проблема отменяется. Все, кто пытался обсуждать волю, должны быть посрамлены. Баумгартен — это Нина Андреева и Дмитрий Васильев в одном лице. В том смысле, что

Нина Андреева — средство компрометации коммунистической темы, а Дмитрий Васильев — средство компрометации русской темы. Баумгартен же — средство компрометации темы наличия воли.

«Вы верите в коммунизм? Батенька, так Вы как Нина Андреева!»

«Вы хотите подымать русскую тему? Наверное, Вы погромщик, как этот самый Дмитрий Васильев?»

«Вы верите в миропроектную волю? Так Вы «ку-ку», как этот самый Баумгартен?»

В сущности, вся конспирология — это компрометация определенной, страшно сложной и трудоемкой, интеллектуально-политической культуры. До поры до времени это компрометация. А потом… А потом общество так дичает, что Нина Андреева вполне проходит на роль коммунистического бесстрашного идеолога, Дмитрий Васильев — на роль Добрыни Никитича, а Баумгартен становится «властителем дум» нашей интеллектуально-политической элиты, которая деградировала настолько, что ей нужен миф. И которую с помощью мифов можно дурить как угодно. Со всеми вытекающими последствиями.

Но это не все. Если бы это было все, то можно было бы закрыть тему Баумгартена, лишив себя ряда скромных удовольствий. Например, удовольствия наблюдать, как он воет по моему поводу на русском языке и как тщательно изымает этот вой в английском варианте строго аналогичных текстов.

Но Баумгартен — это не только фигура сокрытия. Это еще и фактор информационной войны. Войну ведут между собой две транснациональные элитные группы, одна из которых использует Форум. Мск. ру, а другая — left.ru. При этом Форум. Мск. ру и не скрывает того, что он является транснациональной группой. А Баумгартен, он же господин Беленкин, тщательно скрывает свою привязку к соседней группе со столь же транснациональной и столь же спецслужбистской спецификой.

Обмениваясь ударами, группы действуют по законам информационной войны. То есть частично дают частично же ценную информацию, а в остальном занимаются дезинформацией, как и подобает людям соответствующей профессии. Опять же, справедливости ради, скажем, что Форум. Мск. ру конспирологией увлекается меньше. А фактически вообще не увлекается. Если мне кто-то приведет примеры подобного увлечения, я буду благодарен. Left.ru занимается… все уже видели, чем он занимается. В Форум. Мск. ру тема под названием «благородные герои, борющиеся со злом», сведена к минимуму. На left.ru она царит в предельном фольклорно-сказочном варианте. Но это же не значит, что в принципе нельзя прорваться через туфту left.ru и что-то реконструировать по высказываниям.

Хозяева left.ru… Прошу прощения, у left.ru, конечно, нет хозяев, а есть только благородные помыслы… Короче, эти интеллектуальные спонсоры, которые воюют со своими противниками, гонят туфту вперемешку с информацией. Называется такое занятие — реализовывать информацию. Поскольку ничем другим, кроме сказок и реализации информации, указанная структура не занимается, то для реконструкции действительного субъекта надо отсеять сказки и реконструировать субъект по оставшейся информационной мозаике.

Это очень сложная процедура. Столь же сложная, как дешифровка каких-нибудь хорошо составленных шифров. Демонстрировать читателю правила, по которым ведется расшифровка, описывать подробно все процедуры… Тут потребовалась бы еще одна книга… Тем более, что добыча кодов для расшифровки — это отдельное занятие. А мы категорически настаиваем на герменевтике открытых высказываний как методе. И действительно используем этот метод.

С учетом оговоренных обстоятельств считаю за лучшее в данной книге еще раз рассказать читателю свой очередной (и ни к чему не обязывающий) сон. В этом сне я почему-то оказался в Соединенных Штатах Америки. И почему-то попал в здание очень уважаемого американского финансового учреждения. Почему-то мне удалось не просто попасть в здание, но и ознакомиться с документацией этого учреждения. И почему-то я обнаружил в документации факты, неопровержимо свидетельствующие о том, что в этом учреждении знают и ценят Баумгартена-Беленкина. Более того, вступают с ним в далеко идущие отношения! И что эти отношения объединяют эксцентричного маргинала Беленкина с весьма элитными персонажами, никак не сочетаемыми с подобной эксцентрикой.

Особо любознательному читателю (скептически относящемуся к подобного рода снам) рекомендую соотнести мой сон с теми разделами данной книги, в которых обсуждается Бэнк оф

Нью-Йорк и его причастность к делу «Трех китов». А также к другим сюжетам современной политики (делу «Мабетэкс» и пр.).

Напомню еще раз о том, что конфликты транснациональных групп с определенной (существенно спецслужбистской) спецификой я начал рассматривать в предыдущей книге, где уже фигурировали Антон Суриков, и Форум. Мск. ру, и другие персонажи, гораздо более вписанные в глубокие слои российского и мирового «спецкомьюнити».

Книга вышла в июне 2006 года, в самый разгар скандала вокруг «Трех китов». Уже в той книге я объяснил, почему считаю периферийные информационные войны индикатором чего-то существенного. По ряду косвенных (да и не только косвенных) признаков мне уже тогда удалось доказать ценность рассматриваемых мною полемических гетерогенных (информационно-дезинформационных) высказываний. Я показал тогда, что ведущиеся информационные войны между рассматриваемыми субъектами могут раскрывать что-то помимо той информации, которая в этих войнах задействуется. Что информация может быть сознательной дезинформацией, гиперболой, выражением частной маниакальности. Но сами субъекты информационной войны нетождественны по своему качеству и масштабу той информации, которую они «выдают на гора» в ходе такой войны.

Этой информацией — настаивал я тогда — не стоит пренебрегать. Да, она крайне гетерогенна. Да, в ней могут сочетаться преувеличения, ложные сведения и ценные проговорки. Но главное, что она — информация эта — порождена чем-то, явно несоразмерным верхушечному засвеченному сообществу, торчащему над параполитической поверхностью.

Почему это сообщество оказалось засвеченным? По многим причинам. Мы живем в XXI веке. Скрыть все на свете невозможно. Легче утопить истинную информацию в ворохе дезинформации. Да так, чтобы почти никто не мог отличить одно от другого.

Кроме того, война имеет свои законы. Острый конфликт воюющих параполитических субъектов не может не сопровождаться информационными выбросами. Один субъект предупреждает другого: «Еще шаг твоих военных действий — и я сделаю то-то и то-то… Расскажу про тебя, гада, людям!»

Но почему на это соглашаются представители субъектов? Почему они начинают себя засвечивать, выступая «от имени и по поручению»? Тому, опять-таки, может быть много причин. Отчасти это делается по заданию. Отчасти — инициативно. И эта инициатива имеет понятный генезис.

Например, если людей, исполняющих какие-то системные функции, система начинает сдавать, то эти люди могут поступать по-разному. Они могут покорно сдаться, а могут считать, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Что, начав взбивать информационную сметану, они, как лягушки, могут превратить сметану в масло и выпрыгнуть из крынки.

Насколько это может получиться… Обладают ли люди теми навыками и качествами, которые позволяют им превратить средство открытого общения с обществом в инструмент решения столь сложных задач… Это покажет будущее. Но отказаться от внимательного прочтения специфической полемики данных специфических сайтов было бы принципиально неверно.

Еще хуже — придать подобной информации статус истины.

Единственно верный метод — читать информацию сквозь несколько герменевтических окуляров, отделяя зерна от плевел. И для начала признать, что если большинство СМИ не хотят обсуждать содержание потому, что это для них избыточно, то данные сайты не хотят обсуждать содержание потому, что оно для них недостаточно. Их интересует игровая природа случившегося. Глубокая подоплека. Но ведь глубокая! Что лучше? Left.ru, который наворачивает «тридцать бочек арестантов», впаривает явную дезу и при этом проговаривается? Или высокостатусное издание, в котором долго и нудно обсуждают, заходил ли Черкесов в некий высокий кабинет перед тем, как напечатать статью?

Даже если бы тексты left.ru сочинялись целиком в Кащенко или другом месте того же профиля, мне в чем-то было бы интересней читать это. Как когда-то говорил Михаил Сергеевич Горбачев, «будит мысль».

Но в том-то и дело, что я твердо убежден: возбужденная эклектика left.ru сочиняется не в Кащенко. И не на среднем спецслужбистском уровне. Она является сложным продуктом чьих-то «глюков» и чьей-то информации (рис. 53).

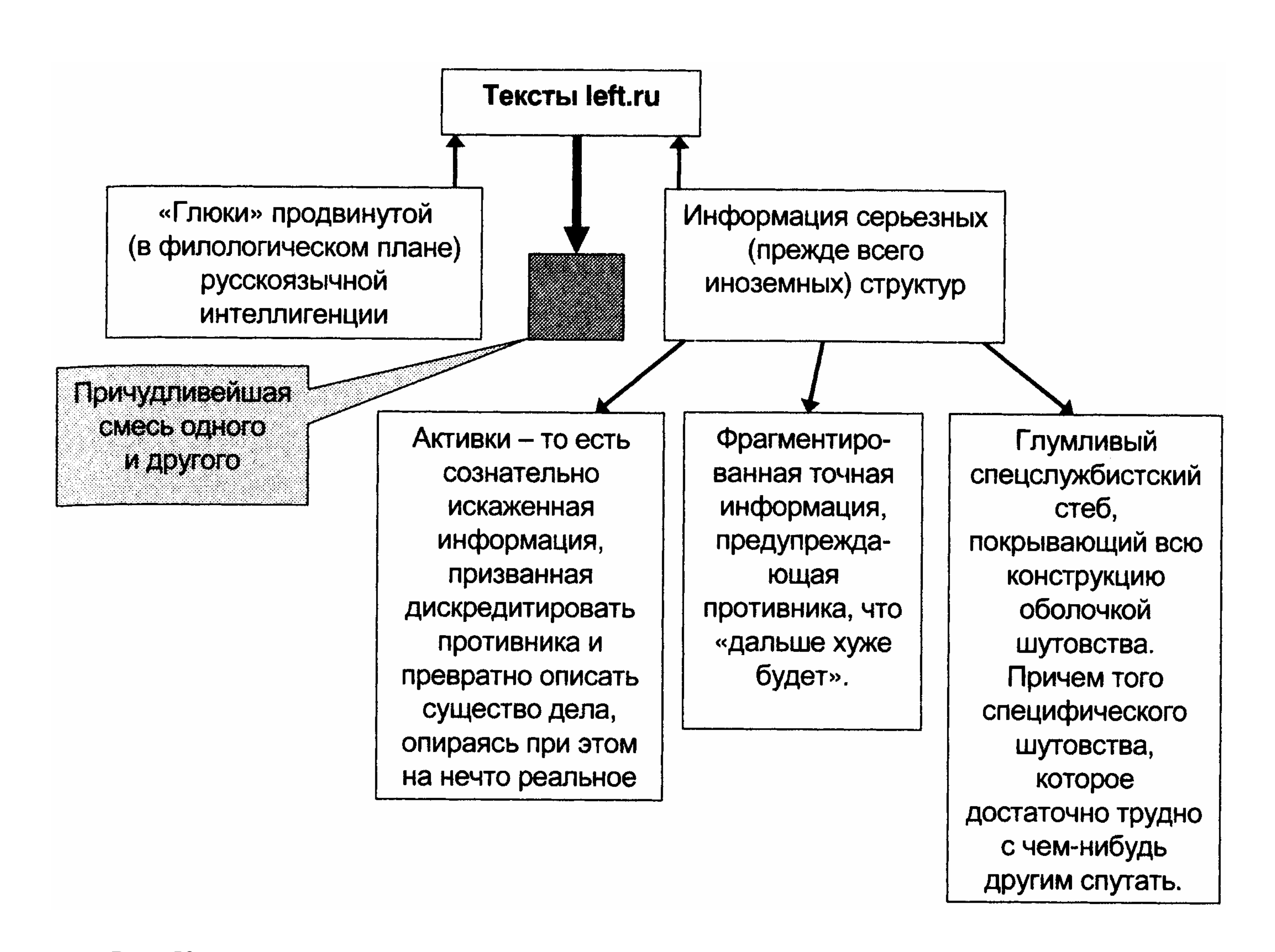

Рис. 53

Итак, в текстах есть четыре компонента, находящихся в сложной причудливой смеси.

Это, прежде всего, «глюки» авторов-филологов, считающих, что они познали истину, прикоснулись к основным тайнам спецслужбистского мира и этим миром чуть ли не управляют. Эти глюки создают своеобразную идеологию, в которой некие российские реально существующие элитные группы получают диагноз «раковой опухоли, которую надо удалить». Поскольку группы эти находятся в состоянии борьбы за выживание, то подобные диагнозы рассматриваются соответственно и могут внести лепту в раскачивание «качелей». Но, если бы все сводилось к таким глюкам, подробный анализ был бы не нужен.

Однако, кроме глюков, есть еще и так называемые активки. Они сделаны профессиональной рукой. Профессиональной — не в смысле филологии, а в смысле иных профессий. Активка — это, по определению, сильно деформированная специнформация, которая может дезориентировать противника, а также общество или определенным образом «заточенные» элитные группы. Активка не может быть высосана из пальца. Она должна основываться на реальной информации, желательно не вполне бросового характера, и одновременно эту информацию извращать, что называется, и вдоль и поперек.

Такое извращение иначе называется «эллипсоидом деформации». Многомерный эллипсоид может почти не деформировать информацию по одним направлениям (осям) и дико искажать ее по другим. Обратная задача — восстановление аутентичной информации — является, как говорят математики, некорректно поставленной, но решаемой. В том смысле, что в каком-то приближении истина может быть восстановлена.

Далее, внутри подобных «гетеротекстуальностей» всегда есть просто крупицы забойной информации, с помощью которой реальный субъект, осуществляющий информационную игру, предупреждает противника: «Парень, мы следим и все знаем!»

И, наконец, всегда есть спецслужбистский стеб — откровенный, грубый и шутовской. В рамках этого стеба противника иногда описывают в качестве титана, гиганта, всеобъемлющей силы. Ему подмигивают, показывают фигу, строят рожи etc. В общем, «отрываются», как могут. Потому как тоже люди, хотя и при исполнении.

Что касается филологов, то они могут догадываться об источнике своих знаний и природе игры. А могут и не догадываться. Или почти не догадываться. Когда они начинают догадываться, то дело плохо. Как для них, так и для заказчиков. Потому как, опять-таки, живые люди, и вдобавок с амбициями. Кроме того, отчасти может быть потеряна убедительность стиля. Он, например, может стать слишком изящным или чрезмерно уж эмоциональным.

Есть и еще одна опасность. Если человек амбициозен, то ему как-то хочется показать, что он знает, что он в курсе, что он не лох. И тогда он тоже начинает выдавать лишние коленца.

Я же, так подробно обсудив left.ru и указав на данные важные обстоятельства, просто обязан как-то промониторить и обсудить ответные высказывания Форум. Мск. ру. Что я и делаю.

С 1 по 11 октября 2007 года, когда все СМИ буквально «кипели» на тему ареста генерала Бульбова, Форум. Мск. ру на это фактически никак не реагировал. При том, что Форум. Мск. ру мгновенно реагирует на любые политические события. Согласитесь, когда вокруг бушуют такие страсти, то отстраненность Форум. Мск. ру гораздо репрезентативнее, чем любая накаленная страсть.

Но была ли полная отстраненность? Основная группа аналитиков Форум. Мск. ру молчала. И это факт, который я обязан зафиксировать. Единственное исключение в этот период — высказывание М.Делягина (к основной — обсуждаемой Баумгартеном — группе явно не относящегося, но являющегося председателем редакционного совета Форум. Мск. ру). Высказался М.Делягин 4 октября. Высказывание носило не содержательный (что свойственно для основных аналитиков Форум. Мск. ру) а избыточно ернический характер. Поскольку это единственное раннее высказывание, то я его подробно цитирую:

> «Я полагаю у что необязательно искать сложные объяснения аресту генералов Госнаркоконтроля. Зачем вспоминать дело «Трех китов» и возможных «кошек», которые могли пробежать между уважаемыми ведомствами. Может быть, генералов Госнаркоконтроля арестовали за пособничество скрытой рекламе наркотиков? Вот по всей Москве висят плакаты «План Путина — победа России», избирком заверил другой слоган, на этот раз конкурирующей фирмы: «План Путина — победа справедливости». Никто не знает, что за «план Путина» такой, где этот план можно узнать, но все знают теперь, что у Путина — какой-то очень крутой, забористый план. В смысле — трава. Потому что слово «план «у молодого поколения ассоциируется вовсе не с пятилетними планами КПСС, а с анашой, с «дурью», той самой, с которой призван бороться Госнаркоконтроль. Так, может, генералов арестовали за пособничество массовой пропаганде наркотиков? Но, пожалуй, начать надо было с тех, кто догадался поставить фамилию Президента России (я очень много критикую конкретного президента Путина, но Президент — это все-таки символ нашей страны, а мы ее патриоты) рядом со словом "план"».

Как вы видите, Делягин не только ерничает. Он еще и всячески показывает, что по определенным причинам он КАТЕГОРИЧЕСКИ И ИМЕННО КАТЕГОРИЧЕСКИ не хочет обсуждать ситуацию вокруг Бульбова по существу.

Только 12 октября молчание Форум. Мск. ру наконец прервано. На данном сайте появляется первая серьезная публикация на тему Бульбова — статья Натальи Роевой «Итогом «эры стабильности» стали "чекистские войны"».

В первых же строках статьи названа причина, которая заставляла авторов сайта обходить события вокруг ФСКН в течение полутора недель:

> «Не стану скрывать, что накануне ареста генерала Бульбова нас настоятельно попросили воздержаться от комментариев «хотя бы дней десять». К настоящему моменту эти десять дней уже прошли».

Роева сама говорит о том, что их сайт настоятельно попросили воздержаться от комментариев «хотя бы дней десять». Понятно, почему она об этом говорит. Ведь ей надо как-то объяснить непривычное для данного сайта молчание в острейшей политической ситуации. Но тип объяснения порождает массу вопросов у читателя сайта. Кто попросил? Почему попросили? Почему удовлетворили просьбу? Почему нужно было молчать именно десять дней?

Ничуть не менее важно вчитаться в то, как начинает освещать Форум. Мск. ру политический сюжет, о котором он столь долго молчал.

Тон начального освещения определяется репликой постоянного автора Форум. Мск. ру (и одного из основных, в отличие от Делягина, аналитиков данного информационного органа) В.Филина:

> «1 октября война приняла необратимый оборот…Кремлевские чекисты и дальше будут друг друга «мочить», будут сажать, травить и стрелять. Это люди с криминальным мышлением, бандиты в погонах. Сами они не успокоятся, пока друг друга не перебьют. Путин их тоже не остановит, так как в реальности он спецслужбы не контролирует. Россия уверенно возвращается в первую половину 90-х годов, когда противоречия на улицах Москвы разрешались вооруженным путем, как при штурме Белого дома в октябре 1993 года и в ходе операции «Мордой в снег» в декабре 1994 года».

Тон абсолютно понятен: «Чума на оба ваших дома». Зафиксируем это и проследим изменения этого начального тона. А они есть.

Через два дня — 14 октября — на Форум. Мск. ру появляется статья все той же Н. Роевой «Даже если Бульбов — их враг, врага надо уважать». В статье приводится три мнения: главного редактора газеты «Завтра» А.Проханова и постоянных авторов сайта В.Филина и Р.Саидова.

> А.Проханов: «Бульбов — близкий мне человек, я его знаю хорошо, испытываю к нему дружеские, товарищеские чувства. Я имел возможность наблюдать его в критические для Родины ситуации. (…) Я его не так давно видел до ареста. Я хочу сказать, что та деформация, которой он подвергается в прессе определенной, она направлена на то, чтобы создать из него образ грабителя, стяжателя, бесчестного человека. Например, говорят, что на Куршской косе под Калининградом у него какие-то огромные виллы, он чуть ли не купил всю косу. Там маленький, небольшой домик, принадлежащий его родителям, в деревеньке, где и свет не всегда появляется, газа там нет. Вот что такое вилла Бульбова на Куршской косе. Говорят, что у него, когда был обыск дома, у жены какие-то горы, россыпи бриллиантов нашли. Это все вздор. Там даже не было оперативной съемки, которая зафиксировала бы эти бриллианты. Говорили, что он поехал в Эмираты отдыхать. Он был в Эмиратах по командировке, он устанавливал там контакты со спецслужбами Эмиратов. Одним словом, это сильный, благородный человек, которого не удастся сломить».

> В.Филин: «Яне знаком с материалами уголовного дела и о степени вины Бульбова судить не могу. Но я удивлен, что его арестовали. Обвинения, о которых писала пресса, на мой взгляд, не заслуживают столь жесткой меры на этапе предварительного следствия. Я считаю: в отношении Бульбова и других сотрудников Наркоконтроля вполне можно было бы ограничиться подпиской о невыезде».

> Р.Саидов: «Бульбов получил высокие государственные награды не сейчас, а тогда, когда их просто так не раздавали, когда еще существовала наша Родина — Союз Советских Социалистических Республик, которому мы все присягали. Бульбов исполнял интернациональный долг в Афганистане, он с оружием в руках защищал Советскую власть в октябре 1993 года. Хотя бы этим он заслужил к себе уважительное отношение. Неприятно наблюдать, что, невзирая на его заслуги, в «желтой прессе» и интернете ведется организованная кампания по дискредитации Бульбова как личности, муссируются все эти «горы бриллиантов», Куршская коса, Майское месторождение золота… Эта кампания не делает чести ни ФСБ, ни Игорю Сечину. Даже если Бульбов — их враг, врага тоже надо уважать. Тем более, что в руках у Сечина и ФСБ имеется «басманное правосудие», которое сделает все, что они ему прикажут. Так зачем же еще информационная грязь?»

Таким образом, первоначальное уравнивание сторон сменяется аккуратным сдвигом в сторону поддержки Бульбова: возможно, Бульбов и виноват, но принятые в отношении него меры — арест, шельмование в СМИ — избыточны и дискредитируют тех, кто их применяет.

На следующий день — 15 октября — на Форум. Мск. ру выходит статья все той же Н.Роевой «Социально-экономический строй, созданный в России, получил название — неофеодализм». Вся публикация Роевой посвящена статье Черкесова.

Вначале длинная цитата:

> «В статье утверждается, что Россией управляет «чекистская корпорация», внутри которой в последнее время разгорелась междоусобица, «война всех против всех», которая грозит гибелью всей «корпорации «, а вместе с ней — стране, которую к тому же стремятся уничтожить

внешние и внутренние «враги». Социально-экономический уклад, складывающийся при Владимире Путине, Виктор Черкесов назвал «неофеодализмом». Директор Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков сравнил его с военными режимами, существовавшими некогда в странах Латинской Америки. Правда, здесь явная подмена понятий — чекистский режим ни в коем случае нельзя называть военным. Это все равно, что спутать гитлеровское Гестапо с Вермахтом или Абвером. Или, более мягкое сравнение, — спутать царскую «охранку» с Генеральным штабом армии Российской Империи.

Заведомо несистемный поступок Виктора Черкесова привлек к себе самое пристальное внимание российских и иностранных политических аналитиков. Он стал одной из главных тем научной конференции под эгидой Центра исследования конфликтов Института проблем глобализации, начавшей свою работу в Дубае (ОАЭ) за день до ареста генерала Бульбова и продолжавшейся до 11 октября.

На конференции присутствовали эксперты не только из Российской Федерации, но также из Саудовской Аравии, США, Великобритании, с Украины, из Белоруссии, Литвы, Чеченской Республики и даже из далекой Колумбии. Их мнения о проблемах, поднятых Виктором Черкесовым, в первую очередь, о путинском «неофеодализме» и отношении к нему «врагов», мы планируем опубликовать в ближайшее время».

Роева фиксирует беспрецедентное внимание некого круга экспертов к «несистемному поступку Виктора Черкесова». Она очень подробно отчитывается о составе этого круга, приводя весьма нетривиальный список экспертов. Тем самым компетентному читателю становится наконец понятно, кто именно попросил молчать десять дней и почему. А далее Роева говорит: «Ждите, будут и оценки». А их отсутствие в данном своем материале компенсирует — чем? Мнением Ю.Латыниной о статье Черкесова, озвученным ею в программе «Код доступа» 13 октября 2007 года на радио «Эхо Москвы».

Достаточно ли внятно я описал явление под названием «недосформированная позиция»? Мне кажется, что недосформированность очевидна.

16 октября та же Роева публикует статью «Международное экспертное сообщество обеспокоено чекистскими войнами в России».

Вся статья, опять-таки, посвящена выступлению Черкесова. Приводятся мнения Кондаурова (на «Эхо Москвы» от 14 октября), Филина, Саидова, анонимных экспертов из США и Саудовской Аравии. Мнения Филина, Саидова, а также неназванных американского и саудовского экспертов озвучены на том самом форуме в Дубае.

А.Кондауров: «Что касается идеологии, которая изложена в его (Черкесова) письме, я… с ней не согласен и готов спорить по каждому пункту. Я с Черкесовым знаком и хочу констатировать, что это человек порядочный и очень приличный… Он уголовно-процессуальный кодекс нарушал? — не нарушал. Он фабриковал дела? — не фабриковал. Он был хорошим профессионалом, хорошим следователем…Он многоопытный государственный муж, и, когда он готовил статью, конечно, он понимал все последствия, в том числе и для себя лично.

Я считаю, что человек совершил гражданский поступок — я к этому так отношусь — по отношению к своим подчиненным, по отношению к нам. Потому что он первый сказал, что сегодня не все равны перед законом… сегодня тот, кто имеет административный ресурс и влияние на правоохранительные органы и судебную систему, может творить беззаконие. Одно дело, когда об этом заявляют адвокаты ЮКОСа… и другое дело, когда это говорит ближайший соратник Путина — это совершенно разное. Это его заявление для меня свидетельство глубочайшего кризиса, это предвестник системного кризиса в стране».

В.Филин: «Мало кто сомневается, что наиболее благоприятный сценарий по Черкесову — это утопия. Создания гражданского общества, интеграции с Западом не хочет русский народ, в чем, кстати, он принципиально отличается от наших украинцев — все ведущие политические силы Украины, несмотря на разногласия, выступают за строительство гражданского общества и вхождение в Европу. В этой связи, остались два сценария — неофеодализм или распад Российской Федерации.

Впрочем, одно другого не исключает. Русским удалось почти невозможное — они повернули вспять ход истории. В 1980-е годы существовали СССР и социализм. В 1990-е годы

Советского Союза уже не существовало. Приняв 12 июня 1990 года Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, русские этим Советский Союз уничтожили.

Уничтожили они и социализм, начав либеральные «реформы» Гайдара. Вместо этого в уже новой, невиданной доселе стране — Российской Федерации — утвердился ельцинский олигархический капитализм. Но не надолго. Приход в Кремль чекистской корпорации во главе с Владимиром Путиным ознаменовал переход от капитализма к неофеодализму.

Исходя из регрессивной тенденции, можно ожидать, что следующей стадией деградации станет период феодальной раздробленности. А затем — исторически предшествовавший раннему феодализму период Великого переселения народов, когда молодые динамичные племена, в том числе пришедшие из Азии, занимали все новые пространства, заменяя на них разложившиеся и выродившиеся старые нации.

Таким образом, руководимый чекистской корпорацией русский народ, повернувший вспять колесо собственной истории и не желающий входить в Европу 21-го века, неминуемо рано или поздно окажется в Европе 5-го века, после чего сойдет с исторической сцены.

Вопрос в том, как скоро это произойдет и какие это будет иметь последствия для окружающего мира? Проще говоря, как долго просуществует «путинская стабильность»? И что лучше для Украины и всего остального мира: распад Российской Федерации или продолжение ее существования в неофеодальном формате «суверенной демократии» максимально длительное время?

По моему убеждению, из сугубо прагматических соображений для Украины режим Владимира Путина — это благо, а распад России — катастрофа. Именно поэтому я оказался в числе тех, кто стоял у истоков публичной дискуссии в поддержку третьего срока Путина, за что был нещадно критикуем в Украине».

Р.Саидов: «Чеченский фактор за последние 20 лет не раз использовался в кремлевских междоусобных разборках. Мы больше не должны этого позволить. Совершенно неважно, какой у русских будет строй — неофеодализм или что-то еще. Важно чтобы еще хотя бы лет 10–15 в России сохранялась стабильность, чтобы эта страна пока не распадалась. А дальше жизнь сама подскажет, объявлять нам независимость или еще повременить».

Анонимный эксперт из США: «Соединенные Штаты сейчас имеют много проблем на Среднем Востоке. Это хорошо известные конфликты в Ираке, Афганистане, возможно, в скором времени — в Иране. Сохраняется напряженность в секторе Газа, в отношениях Израиля с Сирией и Ливаном. Взрывоопасная ситуация в Пакистане. Турция готовится воевать на севере Ирака — в Курдистане.

С другой стороны, предстоит президентская гонка, и сейчас неясно, кто возьмет Белый дом — Рудольфо Джулиани, Хиллари Клинтон или, может быть, Альберт Гор?

В такой ситуации Соединенным Штатам не нужны дополнительные проблемы еще и в России, если столь информированный человек, как Виктор Черкесов, считает, что война внутри бывшего КГБ может дестабилизировать Россию, эту войну нужно немедленно прекратить».

Анонимный эксперт из Саудовской Аравии: «Возможная дестабилизация России неизбежно переключит на нее внимание американцев. Соответственно, их участие в делах нашего региона потеряет для них приоритет. Это при том, что явной стала экспансия Ирана, стремящегося к региональной гегемонии.

Иран уже контролирует юг Ирака и часть Багдада. В дальнейшем можно ждать развертывания иранской подрывной работы на Бахрейне и в Восточной провинции Саудовской Аравии. США — единственные, кто в регионе имеет потенциал для военного сдерживания Ирана. Поэтому мы совсем не заинтересованы, чтобы Соединенные Штаты ослабляли свое внимание к проблемам Арабского (Персидского) залива, отвлекаясь, например, на Россию».

Резюме Роевой по этим высказываниям: «Суммируя мнения экспертов и политологов, можно сказать, что было выражено общее несогласие с Виктором Черкесовым в том, что «враги» якобы хотят распада Российской Федерации, и, одновременно, общее согласие с директором ФСКН в том, что ведущиеся в России междоусобные чекистские войны необходимо прекратить в целях недопущения дестабилизации ситуации в стране».

Оценка постепенно формируется. Но она остается специфически осторожной. С одной стороны, несогласие… с другой стороны, согласие… При необходимости (и это известно еще с эпохи

КПСС) такое «с одной стороны, с другой стороны…» может развернуться в любую сторону. И никакого противоречия. Что же касается других особенностей данной совокупности высказываний, то на первое место надо поставить анонимность экспертов из США и Саудовской Аравии (особенно учитывая, что уже рассказал об этих экспертах left.ru). Далее следует указать на резкую смещенность оценок в сторону «мы — и это». Мол, бог с ним с «этим», важно, что это такое для «нас». И, наконец, нельзя не обратить внимание на интонационное богатство приведенных высказываний. Общим знаменателем тут является глубокое изумление самим фактом «несистемного поведения» В.Черкесова («так хорошо за всем следим, а тут…»).

На языке политической аналитики это называется растерянностью кризисного менеджмента в условиях появления нового и совершенно неожиданного фактора. Это очень известное явление.

Два дня спустя — 18 октября — на Форум. Мск. ру появляется редакционная статья *«Спецподразделения из Украины, Белоруссии и из Чечни не будут принимать участие в междоусобной войне российских спецслужб»*. В статье приводится передовица А.Проханова из газеты «Завтра» от 17 октября под «говорящим» названием *«Чекисты, не стреляйте друг в друга!»*

В передовице Проханова интересен один пассаж: *«Призрак 93-го года вернулся в Москву, и, если бойцы батальона «Днестр» явились тогда из Тирасполя поддержать патриотов России, почему сегодня не явятся сюда, в случае вооруженного столкновения, «волонтеры» из Киева и Минска, а также парни из Грозного, имеющие боевой опыт?»*

В той же редакционной статье Филин и Саидов высказываются по поводу затронутой Прохановым темы.

> В.Филин: «Яркого мастера слова Александра Проханова связывают с узником Лефортово Александром Бульбовым события 1993 года, в силу чего призыв писателя может кому-то показаться пристрастным. У меня другое мнение. Статья Проханова, как и обращение Виктора Черкесова к чекистской корпорации, как никогда актуальны.
>
> Правда, меня, как человека, отдавшего немало лет службе в Советской Армии и Вооруженных Силах Украины, покоробило то, что Черкесов обращается к чекистам «воины». Чекисты — не воины, а воины — не чекисты, никогда ими не были и не будут. Но это частность.
>
> В целом же, Черкесов, после того как президент отказался занять в конфликте спецслужб внятную позицию, был просто обязан выступить в защиту подчиненных. Ион это сделал, что заслуживает уважения.
>
> Многие упрекают Черкесова, что он, дескать, совершил антисистемный поступок, вынеся сор из избы. Пусть упрекают. Меня тоже упрекали в антисистемности, когда я только начал выступать в СМИ, но затем привыкли и ничего не случилось.
>
> Публикация Черкесова под собственным именем, поставленные им принципиальные политические вопросы при всей их спорности резко диссонируют в положительную сторону в сравнении с грязной «чернухой», которую распространяют через «Известия», «Компромат. ру» и прочие «сливные» СМИ анонимные сторонники Игоря Сечина и ФСБ, выглядящие в информационном пространстве жалко и недостойно.
>
> Я не исключаю, что в конечном счете в кремлевской аппаратной борьбе Черкесов может и проиграть. Но моральную победу он уже одержал.
>
> Еще одно важное обстоятельство. Александр Проханов опасается, что в критический момент схватки спецслужб в Москве могут появиться спецподразделения из Украины, Беларуси, Чечни, которые склонят чашу весов в ту или иную сторону. Некоторые горячие головы действительно не прочь были бы пойти на такой вариант. Хотелось бы их охладить: спецназа ГУР, переодетого в российскую униформу, в Москве не будет, так как это противоречит национальным интересам Украины.
>
> Наш новый премьер Юлия Тимошенко призвала к сдерживанию Кремля, вступлению страны в НАТО, союзу Украины с США. Это наше суверенное право, от которого мы не откажемся. Вместе с тем вооруженное противостояние в соседней России, несущее угрозу всеобщего хаоса, против чего предостерег Виктор Черкесов, нанесет неприемлемый ущерб и нам, создаст для Украины неразрешимые проблемы. Они Украине не нужны, как, кстати, и Беларуси, о чем однозначно заявляют товарищи в Минске».
>
> Р.Саидов: «Александр Проханов правильно ставит проблему: чеченцам совершенно незачем участвовать в разборках спецслужб в Москве. Если мы дадим себя в это втянуть, то вновь окажемся крайними. Достаточно вспомнить ту истерику в России, когда Рамзан Кадыров

только предложил использовать силы МВД Чечни для наведения конституционного порядка в Кондопоге. А ведь Москва — не Кондопога, и с оружием нам там нечего делать».

Оценивая это в целом, можно сказать, что такое высказывание говорит о медленном развороте всей траектории политического поведения. «Кризисный менеджмент» уже дозрел до понимания того, что новый фактор очень серьезен. И начал «перезагрузку матриц».

Что же касается оценки деталей, то не может не вызывать одобрения отрицательное отношение Филина к возможности «силового» участия спецназа ГУР Минобороны Украины, белорусских спецподразделений и силовых структур Чеченской Республики в конфликте российских спецслужб.

Однако в позиции Филина есть нечто весьма и весьма проблемное. Буквально в следующем абзаце после тезиса о недопустимости применения в Москве спецподразделений из других регионов России и даже стран СНГ Филин пишет (напомню, что этот пассаж уже с удовольствием цитировал left.ru):

«Я надеюсь, что Александр Бульбов вскоре вновь обретет свободу. Мне хотелось бы обратиться к нему и его подчиненным: Вы вели оперативные разработки, осуществляли оперативное сопровождение уголовных дел не по собственной инициативе, а по приказу с самого верха. Тот, кто отдал вам этот приказ, предал вас, сдал вас тем, кого вы разрабатывали.

Разве вас не предупреждали, что все кончится именно этим? Разве у вас не было перед глазами аналогичных примеров? Делайте выводы на будущее».

Что означает такой тон и характер высказывания? Что оценка нового фактора уже произведена (принято решение, что фактор обладает определенной ценностью). Но что ясности в вопросе о характере своих отношений с новым ценным фактором нет. А отношения строить надо. И тогда выбирается простейший тип построения отношений: «А попробуем поговорить с ребятами по-свойски!» Что значит «попробуем»?

В науке есть так называемый «метод проб и ошибок» (он же эвристика). Но игра не вполне наука: попробовать и ошибиться — значит потерять игровые позиции.

Почему?

Потому что участие в игре российских элитных кланов предполагает соблюдение известного правила комплиментарности. Правило в том, что чем сильнее удар, наносимый клановому конкуренту, тем выше степень демонстрации лояльности верховному арбитру, наблюдающему за конкуренцией кланов. Если Филин и его коллеги (а это вытекает не только из данных left.ru, но и из высказываний Форум. Мск. ру) играют на стороне Сечина, то они не имеют права говорить: «тот, кто отдал вам приказ, вас предал». Это значит «потопить» Сечина. Но, может быть, Филин и его коллеги хотят «открепиться» от Сечина и начать играть на другой стороне? Но и тогда не говорят ничего подобного! Есть нормы игрового поведения. Сегодня одна игра, завтра другая. Но как-то нормы все-таки всегда соблюдаются.

И эти нормы не позволяют кое-чего. Не только того, что я уже оговорил выше. Но и ряда других ходов.

Нельзя, например, так «разводить» Бульбова (или кого бы то ни было еще). «Разводить» можно, но не так грубо («Рус, сдавайся, комиссары тебя предали! В нашем лагере тебя ждет теплый гуляш!»). Это — по ту сторону даже нынешних рыхлых игровых норм.

Возвращаясь же от этих частностей к анализу линии форум. Мск. ру в деле Бульбова, можно утверждать, что сначала (с 1 по 12 октября 2007 года) имело место подчеркнутое молчание. И что причины молчания позже были очень содержательно прокомментированы Роевой.

Затем (с 12 по 14 октября 2007 года) началось очень осторожное комментирование. Позиции, по сути, еще не было.

Далее (с 14 по 18 октября) Форум. Мск. ру перешел к активному комментированию. Позиция уже была. В стратегическом плане она была двойственной. А значит, и легко трансформируемой. В оперативно-тактическом плане она складывалась из следующих моментов.

1. Критика принятых в отношении Бульбова мер (содержание под стражей, шельмование в СМИ и т. д.).

2. Неприятие идеологического тезиса Черкесова о «чекистской корпорации». Но вместе с тем поддержка тех тезисов его статьи, в которых говорится о необходимости прекращения межкланового конфликта.

3. Тезис о неучастии подразделений ГУР Минобороны Украины, белорусских спецназовцев и подразделений Кадырова в московском конфликте, к чему якобы призывают определенные (по контексту понятно, что античеркесовские) участники «московской свары».

После 18 октября 2007 года все как бы затихает. Возникает впечатление, что нечто в высказываниях Форум. Мск. ру кого-то сильно задело. Причем этот «кто-то» обладает возможностями, несопоставимыми с возможностями самого этого Форум. Мск. ру, а также породивших его структур.

Внутри проанализированного нами содержания задеть серьезные субъекты может совсем немногое. Конечно, не негативное отношение к Черкесову и его рефлексиям. И не двусмысленное («ребята, власть вас предала!») сочувствие Бульбову. Задеть серьезные субъекты может только третий тезис, легко прочитываемый внутри рассматриваемого потока высказываний.

Предположим, что какой-то клан (по текстам Форум. Мск. ру ясно, что не «черкесовский») оказался задет этим заявлением о неучастии. То есть ему нужно было участие. Как он может воздействовать на подобный круг экспертов, в котором есть вполне влиятельные представители международной элиты? На них надо надавить сверху. Но это не может быть московский «верх», поскольку круг — международный (американский, саудовский и т. д.). А значит, надавить можно только из США. И только с самого высокого «верха». Но для этого надо иметь «горячую линию», по которой можно обратиться с соответствующим пожеланием и получить стремительный отклик.

Что ж, это очень много говорит о характере протекающих — сугубо транснациональных — элитных процессов.

Именно такой специфический — игровой, элитный, транснациональный и пр. — характер процессов и превращает мебель (ведь основной выдвинутый прессой мотив ареста Бульбова — в том, что он влез в дело «Трех китов») в параполитику. Если бы этого превращения не было, я бы не проявил никакого внимания ни к мебели как таковой, ни к более высокорентабельным слагаемым мебельного бизнеса, даже если они имеют место.

Но, увы, нет мебели «в собственном соку»! Есть эта самая параполитика. По крайней мере, такова моя гипотеза. И, как все понимают, она обладает слишком масштабной и жгучей актуальностью, чтобы не начать ее аналитически проверять. А для этого надо рассматривать все в совокупности. Начиная с первых «мебельных» дел — и далее «со всеми остановками». Причем рассматривать не походя, а с предельной (и абсолютно нетенденциозной) подробностью.

Глава 3. Мебельный курьез как карта в большой игре

2 июня 2006 года Президент России Владимир Владимирович Путин отправил в отставку Генерального прокурора РФ Владимира Васильевича Устинова. Это, безусловно, чрезвычайно крупная кадровая трансформация. Может быть, самая крупная и знаменательная их всех осуществленных В.Путиным.

У этой трансформации, открывшей, как я считаю, новый этап в российской политике, не может не быть определенного содержания.

Даже если бы Президент сделал это абсолютно немотивированным образом (а мы знаем, что это не так), даже если бы он, например, совершил сие под воздействием горячительных напитков (а мы опять же знаем, что это не так) — все равно бессодержательной данная трансформация являться бы не могла. Тем более она не является таковой, поскольку Президент осуществил ее, руководствуясь какими-то вполне рациональными мотивациями. Какими именно? Какие конкретные механизмы привели в действие такое решение?

Мне могут ответить: «Сие известно лишь президенту. И является его абсолютной прерогативой. Мотивы являются его мотивами. Механизмы являются его механизмами. Соответственно, он обладает полнотой знаний по данному поводу. А любое посягательство на эту полноту некорректно».

Казалось бы, такой ответ носит характер констатации очевидного. «Волга впадает в Каспийское море, а президент знает, почему он кого-то снял». Однако столь ли очевидно то, что констатируется ревнителями прерогативного подхода?

Президент — не бог и не демиург. Он политик. Он принимает решения на основе чего? Обнаруженного им проступка его подчиненного? Его несоответствия занимаемой должности? Полно вам!

Мне представляется, что подобная трактовка является недопустимо упрощенной и мешает что-либо понять в сути происходящего. Суть же в том, что властитель (царь, диктатор, президент) влияет на элиту, а элита — на властителя. Без учета этого обратного влияния мы ничего не поймем. Властитель, кем бы он ни был, в принципе не может не считаться с расстановкой элитных сил. То есть он может не считаться, но тогда он очень быстро перестает быть властителем. Если же властитель удерживается длительное время (то есть сохраняет политическую вменяемость), то это значит, что он занят своими элитами больше, чем всем остальным. Его долгожительство определяется способностью непрерывно и неутомимо наблюдать за элитами, улавливая все существенные изменения в расстановке элитных сил. Хрущев не уловил каких-то изменений и потерял власть достаточно быстро. Брежнев был к этим изменениям предельно чуток и очень долго сохранял власть.

Политический строй может измениться. Но принцип учета властителем соотношения элитных сил не меняется. Ельцин следил за этим соотношением ничуть не меньше, чем советские генсеки. Я убежден, что и Путин тоже.

Меня спросят: «А Сталин?» Согласен, Сталин — это чуть-чуть другой формат власти. Тут верховный властитель значил больше, а элита меньше. Но это не более чем нюанс. Сталин тоже должен был каждый день следить за поведением каждого из кланов и соблюдением межкланового баланса. Когда он что-то не уловил — его не стало.

К чему сводятся отношения между властителем и элитой?

Прежде всего, властитель должен оценивать политический потенциал и лояльность каждого из кланов (корпораций, элитных групп).

Далее, он должен оценивать прочность и состоятельность тех или иных элитных конфигураций (союзов между элитными группами).

Кроме того, он должен оценивать остроту конфликтов между складывающимися союзами.

И, наконец, он должен правильно позиционироваться внутри этих — им тщательно осмысливаемых — конфликтов.

Таково влияние элиты на властителя.

Но есть и обратное влияние — властителя на элиту.

Властитель может управлять конфликтами в большей или меньшей степени. Пресловутое «разделяй и властвуй» справедливо отнюдь не только для так называемой византийской политики.

Властитель может также быть источником стратегических целей и стратегической консолидации элиты. А может и не быть. Тогда его деятельность начинает сводиться к учету элитных игр и управлению этими играми. Такая политическая деятельность и является подлинным содержанием невнятного, но популярного у нас словечка «застой».

Все, что я оговорил выше в плане отношений властителя и элиты, носит, как мне представляется, достаточно очевидный (чтобы не сказать «хрестоматийный») характер. Я с трудом представляю себе политологическую школу, в которой нет места подобным констатациям. И я уже совсем не представляю себе сколь-нибудь адекватного политологического описания российской действительности вне оных.

Между тем все, что мы сейчас обсуждаем: клановые игры, «чекизм» — чаще всего рассматривается в абсолютном отрыве от темы «властитель и власть». И любая моя попытка обратить внимание на абсурдность такого рассмотрения наталкивается на глубочайшее отторжение. Я долго пытался понять природу этого отторжения. И, наконец, пришел к выводу, что в его основе лежит неявная (то есть не формулируемая отторгающим даже для самого себя), но очень прочная модель какого-то сверхъестественного самовластия «ныне царствующей особы». Причем такого самовластия, которого в природе не бывает вообще, а в реалиях путинской эпохи не может быть тем более. Но образ этого самовластия тяготеет над сознанием самых разных интеллектуалов. В том числе и гордящихся своей оппозиционностью.

Нельзя сказать, что элитная тематика вообще не обсуждается в современной России. Но специфика обсуждения такова, что, в конечном счете, оценка веса элитной группы и ее представителей полностью сводится к тому, кто и как часто «заходит в кабинет».

Никаким другим компонентам в оценке места нет. Нет также места ответу на вопрос, ПОЧЕМУ, собственно, такой-то заходит, а такой-то нет. Здесь ложная концепция абсолютного самовластия дополняется ложной концепцией абсолютного же лакейства (заходит потому, что правильно «облизывает»). Все это абсолютная чушь.

До Путина сходная околесица владела умами во всем, что касалось Ельцина. И после Путина… Впрочем, в этой книге я и так занимаюсь слишком многими темами. И обсуждение постпутинских перспектив оставлю для следующих своих работ. А вот по поводу Ельцина… Ельцин был очень самовластным политиком — и что?

В марте 1996 года Ельцин, например, принял решение о введении чрезвычайного положения. Как именно он принял это решение, мне известно вплоть до деталей. И, опять же вплоть до деталей, известно, как он его отменил. Он отменил его потому, что ощутил изменение в раскладе элитных сил. И чутко отреагировал, извлекая из этой реакции огромные выгоды для себя. Но он не самовластвовал! Он реагировал на игровой расклад.

Президент — игрок номер один. Он еще и создатель игровых ситуаций. И даже арбитр игровых правил. Но он не сам с собой играет, наподобие обезумевшего «демиурга» из разного рода антиутопий. Он играет с другими. Он участвует в игре. Он не находится над игрой. Он в игре. А значит, она над ним.

Я утверждаю, что президент отправил в отставку Устинова не потому, что тот совершил какой-то проступок. И не потому, что тот проявил какое-то несоответствие. Президент все знал про Устинова как профессионала. Устинов глубоко входил в его команду. Стиль президента никак не предполагает таких кадровых метаморфоз без особых на то обстоятельств. А имя этих обстоятельств всегда одно и то же — Игра.

Отставка Устинова — это игровой ход.

Его назначение впоследствии — это тоже игровой ход.

Ходы делаются под воздействием игровой ситуации.

Игровая ситуация формируется многими факторами. В том числе и президентом. Но не только им. Рузвельт отказался от нужного ему вице-президента и согласился на убийственного для него Трумэна. Он почему это сделал? Потому что так сложилась игра.

Зная игровые закономерности, можно что-то выявить и даже предсказать. Конечно, не все. Но что-то. Однако что такое эти закономерности? Являются ли они социальным аналогом какого-нибудь закона Ньютона?

Безусловно, это не так.

Политики — не физические объекты. И потому закономерности, отражающие их поведение, носят принципиально иной характер. А описание этих закономерностей не является теорией в том смысле, в каком теорией является, например, классическая или неклассическая механика.

Политики, в отличие от тех физических тел, с которыми имеет дело механика, обладают способностью осмысливать происходящее и осуществлять действия, влияющие на происходящее. Соответственно, они не объекты, а субъекты. Описать же действия рефлексирующих субъектов можно, лишь построив схему, носящую принципиально не теоретический, а иной характер. Такая схема называется игровой. В ней нет объектов, в ней есть играющие субъекты. Они же — игроки. Есть также ресурсы, которыми располагают игроки. И правила, которые регламентируют игру. Есть логика игры. И это не логика субъект-объектного мира. Это иная, бесконечно более сложная, но в чем-то столь же беспощадная логика. Логика подсказала ход, предопределила его. И президент сделал ход. То есть отправил в отставку В.Устинова.

Конечно же, я имею в виду президента как элитный феномен. Президент как политический индивидуум вправе иначе описывать мотивацию. Когда-то Коржаков описал бытовую мотивацию Ельцина, отправившего в отставку Бурбулиса, поскольку тот перепил и испортил ковер. Я тогда же задался вопросом: «Что здесь игровой мотив, а что бытовой повод?» Тот же Ельцин говорил, что Бурбулиса стало «слишком много». Так он обратил внимание на бытовой повод потому, что Бурбулиса стало слишком много? Тогда он сделал игровой ход. Так он его и сделал. И то, что он как индивидуум рассматривает иную комбинацию мотивов, весьма существенно, но это тоже только компонент в игре.

Игра… Ее-то я и намерен анализировать, опираясь на отставку Устинова и ряд других событий как на исходный «полевой» материал. Как на данные хоть и своеобразного (это своеобразие я только что оговорил), но все же эксперимента. Я называю отставку Устинова экспериментом постольку, поскольку до нее можно еще было ставить под сомнение те утверждения, которые я и мои коллеги давно предъявляли аналитическому сообществу и обществу в целом.

Утверждения же эти сводились к следующему.

1. Любая отставка или назначение, арест или освобождение, если они касаются крупного лица, на деле являются не происком злых сил и не восстановлением добра (справедливости, правопорядка), а ХОДОМ В БОЛЬШОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИГРЕ.

2. Как бы ни воспринимали данное событие те или другие интересанты — как те, по отношению к кому события осуществляются, так и те, кто событие наблюдает, сопровождает и даже организует, — ВСЕ РАВНО НА ДЕЛЕ ЭТИ СОБЫТИЯ ЯВЛЯЮТСЯ ИМЕННО ХОДОМ В БОЛЬШОЙ ИГРЕ.

Даже если лицо, принимающее решение, воспринимает их иначе — это ничего не меняет. Ибо мотивы лица — это одно, а политическая логика — это другое. Ельцин мог абсолютно искренне считать, что отправил кого-то в отставку в связи с омерзительным бытовым поведением. Но на самом деле он сделал это потому, что этого потребовала игра.

3. Логика игры определяется расколом постсоветской элиты.

4. Каждый новый игровой ход, будучи в большей или меньшей степени продиктован этим расколом, еще усиливает этот раскол.

5. Раскол элиты никоим образом не может быть описан в банальных идеологических терминах, которые все применяют. Мол, этот раскол есть раскол между «чекистами» и «либералами».

6. На самом деле «либералов» («демократов», борцов за разумное демократическое устройство) давно уже нет. А может быть, и не было изначально в качестве политической силы. А было нечто другое — ведомое какими-то частями того же чекистского сообщества или других властных политических группировок.

7. Раскол на сегодняшний день проходит через это самое чекистское сообщество. Иначе — через совокупную корпорацию так называемых силовиков.

8. Раскол углубляется.

9. Это углубление грозит кризисом самой политической системы, а значит, и государства.

10. Раскол подпитывается транснациональными обстоятельствами. Враждующие международные группировки (отнюдь не обязательно относящиеся к разным странам, а иногда представляющие собой крупные элитные группы внутри стран, объединившиеся в межстрановую конфигурацию) непримиримо воюют в современном мире. И подталкивают к войне относительно аморфные российские группировки, становящиеся после 1991 года все более транснациональными.

11. Попытка трактовать процесс иным, более упрощенным и обыденным способом будет порождать ошибки, угрожающие стабильности общества и элиты.

12. Ошибки эти будут проявляться не сразу. И потому не будут осознаваться обществом и элитой. Но они будут накапливаться. И когда-нибудь (увы, достаточно быстро) сработают по принципу перехода количества в качество.

13. Противоречия внутри рассматриваемого процесса резко обостряются в связи с проблемой-2008.

14. Решение проблемы-2008 по модели политической рокировки (новый лидер Медведев входит в игру, прежний лидер Путин не выходит из игры, но меняет игровые позиции) ПРЕВРАТИТ ЛОКАЛЬНЫЕ ИГРОВЫЕ КАЧЕЛИ В МЕГАКАЧЕЛИ ПРИ ЛЮБЫХ НАМЕРЕНИЯХ ИГРАЮЩИХ.

15. Отсутствие стратегического консенсуса в элите, отсутствие классовой (хоть бы и чекистской) солидарности может перенапрячь эти противоречия с последствиями, близкими к тем, которые имели место в 1991 году.

16. Даже если это не произойдет в ближайший, 2008 год, это может случиться несколько позже, но в исторически весьма короткий период (до 2012 года).

17. Осознание остроты ситуации должно побудить элиту к перестройке формата игры и правил сопряжения отдельных элитных групп. Любых российских элитных групп вообще и особенно групп, претендующих на статус ответственно-патриотических.

18. Такое осознание крайне затруднено рядом обстоятельств. Состоянием класса и его способностью сознавать, регрессом в обществе и так далее.

19. В числе причин, затрудняющих осознание масштаба и осознание ситуации, весьма серьезное место занимает попытка выдать игровые позиции и ходы за нечто вполне обыденное и адресующее к иным критериям и основаниям. Например, к пресловутому «вор должен сидеть в тюрьме».

20. Популярность подобной банальной трактовки в широких слоях общества, жаждущих восстановления определенных социальных норм, не должна затемнять существа дела. Ибо в противном случае все будет пущено на самотек с весьма печальными для общества и элиты последствиями.

Легко было бы упрекнуть нас в том, что мы, воюя с банальными трактовками, на деле пытаемся прятать концы в воду и уводить от ответственности тех, кто уведен быть не должен.

Мол, при чем тут игра? Если какие-то нечистоплотные люди занимались чем-то нехорошим, торгуя мебелью, а другие нечистоплотные люди покрывали эти нехорошие занятия, то вмешательство правоохранительных органов более чем объяснимо и абсолютно необходимо.

Полностью разделяя этот пафос как принцип подхода к нормальным и нормально патологизированным социальным системам, мы не можем экстраполировать его на ту систему, которая, увы, сложилась на настоящий момент в нашем Отечестве.

Я уже говорил, что нынешняя Россия объективно затянута в воронку так называемого «взрывного неорганичного первоначального накопления капитала». А это очень грязная воронка. Кроме того, масштабы меняют характер явлений, о чем я уже говорил выше в связи с понятием «коррупции». Кража ста долларов или ста тысяч долларов — это кража. Кража ста миллиардов долларов — это уже не кража, а что-то другое. Если такая кража обнаруживается, то речь идет о провале какой-то элитной игровой схемы. И тогда очень важно понять, какой именно. В противном случае кража не обнаруживается.

Мятеж не может кончиться удачей —
В противном случае его зовут иначе.

Не ставя под сомнение необходимость антикриминальных и антикоррупционных мер, выражая свое уважение и даже восхищение теми, кто подобные меры осуществляет, я всего лишь хочу еще раз подчеркнуть разграничения, необходимые для понимания сути происходящего.

Есть коррупция как часть обычной социальной патологии. Нет общества, в котором нет социальной патологии. И в этом смысле коррупция представляет собой всего лишь совершение антизаконных действий неким чиновником, который оказался достаточно безнравствен и бесстрашен для того, чтобы начать торговать своим должностным положением. Такого чиновника хватают за руку. На его место приходит другой. Можно надеяться, что более нравственный и менее дерзкий. Ничего особенного. ОБЫЧНАЯ социальная патология.

Но есть и совсем иная коррупция! Являющаяся частью этой самой «другой реальности». «Другая реальность» — не обычная социальная патология. Я уже подробно оговаривал различие и здесь хочу напомнить о нем еще раз. Коррупция как слагаемое этой самой «другой реальности» представляет собой неизымаемый компонент элитной игры. Той игры, в которой ставками являются, в том числе, и потоки товаров, денег, административных ресурсов, иных форм воздействия на характер событий.

Что если наш анализ, адресованный, конечно же, не отдельным лицам только, а всему обществу, сможет вывести оное из наивности, про которую советский поэт Наум Коржавин произнес когда-то достаточно актуальные и, по прошествии многих десятков лет, в чем-то даже пророческие слова?

Наивность! Хватит умиленья!
Она отнюдь не благодать.
Наивность может быть от лени,
От нежеланья понимать.
От равнодушия к потерям.
К любви… А это тоже лень.
Куда спокойней раз поверить,
Чем жить и мыслить каждый день.

Поэт атаковал советское общество. Но реальность нынешнего общества созвучна такой филиппике намного больше. Что если мы можем внести лепту в преодоление этой убийственной наивности, уже погубившей советское общество?

Итак, 2 июня 2006 года Президент России Владимир Владимирович Путин отправил в отставку Генерального прокурора РФ Владимира Васильевича Устинова.

Такая отставка является в предложенной нами методологической классификации именно фактом. Президент действительно направил в Совет Федерации представление об отставке Устинова, которое тут же было удовлетворено. Представление Президента и решение Совета Федерации по нему действительно вышло 2 июня. Весь вопрос в том, что эти процессуальные действия и конституированная им отставка означали? Как от факта перейти к смыслу?

Если внимательно прочитать все, что было немедленно сказано по этому поводу, то сказанное может быть сведено к четырем версиям, раскрывающим смысл произошедшего.

Версия № 1. Отставка Устинова — это **бюрократическая рутина**. Чиновники приходят и уходят. Это как дождь — покапал и прошел. На этой версии настаивали как официальные лица, так и те, кто не хотел драматизации отставки Устинова, видя в этой драматизации ущемление каких-то своих интересов.

Однако эта версия очевидно не выдерживала критики. Устинов — не рядовая фигура. Он явно входит в те узкие элитные группы, по отношению к которым В.Путин хранит потрясающую политическую терпимость. Кстати, в дальнейшем Путин показал, что эта терпимость в какой-то степени распространяется на Устинова. В любом случае, президент очень бережен к подобным кадрам. И никогда не будет кого-то из таких особо приближенных лиц увольнять без самых существенных обстоятельств. Нарушая политкорректность, могу высказать гипотезу, коренящуюся в моем подходе к реальности: какие-либо неполитические грехи Устинова не могли быть достаточным резоном для его отставки.

Пусть мое мнение идет вразрез с политкорректным мейнстримом! Ситуация, которую мы рассматриваем, слишком серьезна для того, чтобы я в своем анализе играл в поддавки. И я в них играть не буду.

Версия № 2 — наказание за те или иные грехи — мною, соответственно, отвергается. Устинов слишком умен и осторожен для того, чтобы совершать грехи наказуемого, то есть политического, характера. И он слишком приближен для того, чтобы иные грехи привели к подобным последствиям.

Версия № 3 — козни врагов — может быть рассмотрена. Но с одной оговоркой. Президент Путин — весьма серьезный политик. Считать, что он будет реагировать на какие-то наветы, не считаясь с законами игры, весьма и весьма наивно. Он может принять во внимание наветы или объективную информацию, наносящую ущерб Устинову. Но только в одном случае — если этого потребует от него неумолимая необходимость большой игры.

Версия № 4 — единственная, которая остается при предъявленной выше разбраковке возможных смыслов произошедшего. Согласно этой версии, речь идет о том, что был сделан **ход в большой политической игре**. Разумеется, это только моя гипотеза. Но для того, чтобы превратить эту гипотезу в нечто большее, хотя бы в аналитическую схему, заслуживающую внимания, нужно применить к произошедшему иной методологический инструментарий, а не гадать на кофейной гуще.

Что же это за инструментарий?

Я уже рассматривал ранее альтернативу между персонажем и феноменом, между «who» и «what». До тех пор, пока мы будем иметь дело с Устиновым как политическим индивидуумом или персонажем («Who is Mr. Ustinov?»), мы не продвинемся в понимании смысла произошедшего. И не превратим свою версию в нечто большее.

Переход же от Устинова как персонажа к Устинову как феномену («What is Mr. Ustinov»?) требует, прежде всего, самого элементарного, но редко осуществляемого шага. Анализа обычной, респектабельной официальной биографии В.Устинова. Вам не кажется странным, что этот шаг не был сделан никем из тех, кто лихорадочно анализировал произошедшее? Что никто не постарался проанализировать биографию и выявить через это возможные уровни бэкграунда, трансформирующие персонаж в феномен?

Пусть при подобном анализе могут быть допущены самые разные ошибки. Но как отказаться от него в условиях, когда все понимают, что произошло нечто достаточно существенное, и не могут

сказать, что именно? Так что давайте все-таки непредвзято и тактично вчитаемся в биографию интересующего нас крупного политического игрока, занимающего высочайший пост и сильно влияющего на происходящее. А как иначе?

Глава 4. Биография Владимира Васильевича Устинова

Общий аспект рассматриваемой биографии

Владимир Васильевич Устинов родился 25 февраля 1953 года в городе Николаевске-на-Амуре Хабаровского края.

Устинов — потомственный юрист: его отец был прокурорским работником. Прокурорским работником был и старший брат экс-Генпрокурора.

Отметим, что далеко не все фигуры ранга Устинова имеют такой устойчивый профессиональный бэкграунд. В данном бэкграунде нет ничего плохого. И даже наоборот. Но для нас вопрос не в том, чтобы классифицировать все на хорошее и плохое. А в том, чтобы фиксировать обстоятельства. Ну, так мы и фиксируем.

С шести лет В.Устинов жил в Краснодарском крае, куда получил назначение его отец.

В 1968–1972 гг. работал токарем-инструментальщиком Кореновского сахарного завода в Краснодарском крае, затем проходил срочную воинскую службу.

В 1978 году окончил Харьковский юридический институт.

В 1978–1992 гг. работал в районных прокуратурах Краснодарского края на различных должностях от стажера до прокурора.

В 1992 году был назначен прокурором города Сочи.

С 1994 по 1997 год — первый заместитель прокурора Краснодарского края — прокурор Сочи.

С 1997 года — заместитель Генерального прокурора РФ. Назначен 15 октября 1997 года по результатам голосования в СФ ФС РФ.

В 1998 году был назначен начальником Главного управления Генеральной прокуратуры на Северном Кавказе. Его заместителем был Ю.Бирюков (впоследствии — первый заместитель В.Устинова как Генерального прокурора).

11 января 1998 года Устинову указом Президента был присвоен классный чин Государственного советника юстиции 2 класса.

6 апреля 1999 года он освобожден от должности начальника Главного управления Генеральной прокуратуры на Северном Кавказе — заместителя Генерального прокурора, сохранив пост заместителя Генерального прокурора.

9 августа 1999 года Устинов стал исполняющим обязанности Генерального прокурора РФ.

Отметим, что Устинов стал и.о. Генерального прокурора вместо Ю.Чайки, который был сначала, 9 августа, формально отправлен на пенсию, а затем 17 августа 1999 года неожиданно назначен министром юстиции РФ.

Тогдашнее назначение Устинова у многих вызвало вопросы. Он был назначен и.о. Генерального прокурора, не будучи первым замом (именно на первого зама возлагается исполнение обязанностей в отсутствие главы ведомства). Согласно обычной процедуре, чтобы Устинов мог исполнять обязанности Генпрокурора, СФ должен был отправить Чайку в отставку с поста первого зама, а на этот пост официально утвердить Устинова.

Однако Чайка сначала был отправлен 29 июля в двухнедельный отпуск, а затем 9 августа на пенсию. Именно таким образом Устинов стал и.о. Генпрокурора.

Причем стал Устинов и.о. Генпрокурора фактически в два такта: сначала — после 29 июля — он был и.о. на время отпуска Чайки, а затем — с 9 августа — «полноценным», так сказать, и.о.

И снова — мы никоим образом не пытаемся что-то драматизировать или искать избыточные подковерные смыслы. Мы просто фиксируем, что это так. Что в таком осуществлении бюрократической процедуры есть определенная нюансировка. Мы фиксируем также, что сначала Устинов заменяет Чайку, а потом Чайка заменит Устинова. И опять-таки, мы не хотим превращать подобный «тяни-толкай» в шифр, позволяющий растолковать суть произошедшего. Мы просто говорим, что это так. Что это… ну, как бы сказать… в целом не лишено некоей исторической и политической занимательности. В любом случае, не зафиксировать это обстоятельство было бы просто непрофессионально.

В должности и.о. Устинов находился почти год, до 17 мая 2000 года, когда он был утвержден Советом Федерации в должности Генерального прокурора.

В апреле 2005 года Совет Федерации утвердил Устинова в должности Генпрокурора на новый пятилетний срок.

Будучи на посту Генерального прокурора, Устинов участвовал в расследовании ряда «резонансных» дел. В частности, он вел расследования в отношении В.Гусинского и Б.Березовского, а также лично стал государственным обвинителем на процессе С.Радуева.

Однако особую известность в послужном списке Устинова приобрело так называемое «дело ЮКОСа». В ходе его расследования Генпрокурор и его зам В.Колесников проявили особую активность. В глазах большинства публики именно Устинов и Колесников стали главными «посадчиками» Ходорковского и его сподвижников.

Это, так сказать, общая канва биографии Устинова. Но, кроме общего аспекта, в ней есть аспекты специфические. Далее — о них.

Специфически-профессиональный аспект той же биографии

Людей посылают возглавлять ведомства с двумя целями. Либо — чтобы эти ведомства ослаблять. Либо — чтобы их усиливать. В случае Устинова надо зафиксировать, что он (пусть в самом приземленном, бюрократическом смысле слова) работал на усиление ведомства.

Это не говорит о нем ни плохо, ни хорошо. Вообще, как я уже неоднократно подчеркивал, в аналитике элит нет места «плохизму» и «хорошизму».

Наша констатация — всего лишь мелкий индикатор бэкграунда Устинова и логики его назначения. Но для нас и мелкие индикаторы важны. Поэтому зафиксируем в полном объеме все то, что говорит об устиновской работе на усиление (а не ослабление) своей корпорации. Еще раз подчеркну — не закона, а корпорации. Ну, так вот…

В период своего пребывания на посту Генерального прокурора В.Устинов неоднократно и вполне последовательно выступал против любых законодательных нововведений, сокращающих полномочия прокуратуры.

В 2001 году Устинов выступал против внесения в Уголовно-процессуальный кодекс положений, закрепленных в Конституции РФ. Эти положения ограничивали полномочия прокуратуры по проведению арестов и других процессуальных действий, передавая их в компетенцию судов.

Весной 2001 года он направил письмо на имя тогдашнего Председателя Совета Федерации Е.Строева. В письме Устинов выступил против внесения изменений в Арбитражный процессуальный кодекс, которые должны были ограничить полномочия прокуратуры.

25 апреля 2001 года, выступая в Государственной Думе, Устинов высказался против концепции судебной реформы, подготовленной под руководством тогдашнего заместителя главы Администрации Президента Д.Козака и заметно ослабляющей полномочия Прокуратуры.

А теперь перейдем к более существенному.

Специфически-семейное в биографии Устинова

В ноябре 2003 года в СМИ появились сообщения о бракосочетании Дмитрия Устинова (сына Владимира Устинова) с Ингой Сечиной (дочерью заместителя главы АП Игоря Сечина). Таким образом, Устинов и Сечин стали родственниками.

Отметим, что такая степень родства (брак детей) — вещь небезусловная, и, в определенных случаях, непостоянная. При этом зачастую такая «непостоянность родства» (попросту говоря — развод детей) влияет и на отношения высокопоставленных отцов. Вспомним хотя бы резкое осложнение отношений между президентом Киргизии А.Акаевым и президентом Казахстана Н.Назарбаевым из-за развода их детей.

В данном случае, впрочем, постоянство семейных связей было дополнительно закреплено. Летом 2005 года СМИ сообщили о рождении общего внука И.Сечина и В.Устинова.

Само по себе это ничего не значит. Точнее, это может что-то значить, а может и ничего не значить. В зависимости от психологии людей, их элитной роли, степени их элитной коммуникабельности это может приводить как к созданию какого-то элитного «мы», так и к продолжению взаимолояльных существований двух элитных «я», коими являются Устинов и Сечин.

Могу лишь указать, что в публичной экспертизе слишком часто указывалось на то, что в данном случае родственный индекс является одновременно и индексом, превращающим два «я» в одно «мы». То есть сближающим персонажи не только семейно, но и административно-политически. Я предлагаю рассмотреть это лишь как гипотезу.

В дальнейшем она будет либо подтверждена, либо опровергнута. Вообще следует оговорить, что российское общество, в отличие, например, от чеченского или узбекского, сильно модернизировано. И все социальные связи носят в нем достаточно зыбкий характер. Поэтому используемое экспертным сообществом понятие «клан» здесь не вполне уместно. Но о какой-то метастабильной группе, способной как проявлять внутреннюю солидарность, так и распадаться на склеиваемые этой временной солидарностью слагаемые, говорить все-таки нужно. Хотя, опять-таки, в гипотетическом ключе.

Так и будем говорить подобным образом. Вообще все, кроме факта отставки Устинова и каких-то фактов его биографии, это гипотезы, интерпретации. Тут что-то может с чем-то сомкнуться только при многократных совпадениях, подтверждающих точность зыбких гипотез. Но именно подтверждающих, и не более. Я напоминаю, что этика метода (она же отчасти и его гносеология) требует сугубой осторожности в выдвижении такого рода гипотез. Ну, так я и буду проявлять осторожность на каждом шагу. Но это не значит, что я буду оставаться на месте. Напротив, я сейчас сделаю еще более проблематичный в плане верификации шаг. И выдвину еще одну, совсем уж зыбкую, но социологически приемлемую гипотезу.

Краснодарский фактор как релевантная часть устиновской биографии

«Релевантная» — значит работающая. Что-то объясняющая в поведении Устинова как феномена, «элитного игрока». Когда я выдвигаю гипотезу, согласно которой краснодарский фактор может быть релевантным, я вовсе не утверждаю тем самым, что где-то в недрах краснодарской элиты сидит всевластный хозяин краснодарского клана, а все представители элиты, имевшие счастье или несчастье родиться в Краснодарском крае, действуют по его директивам.

Я не только не утверждаю ничего такого. Я, напротив, крайне негативно отношусь к подобным утверждениям касательно любого персонажа. Мир сложнее. Современный социум гибче. Но гибкость социума, его сложность и метастабильность, высокая степень индивидуализации и вытекающей из нее вариативности мотивов поведения еще не означают, что люди — это социальные атомы. А их жизнь — это броуновское движение, в котором они сталкиваются с другими людьми произвольным образом под воздействием ситуативного интереса. Россия не Чечня и не Афганистан. И даже не Арабские Эмираты. Но она и не США. А реальные США тоже далеки от абстракции, согласно которой люди — это частицы, а их жизни — это взаимонезависимые броуновские движения.

Прочитав биографию Устинова, я имею право констатировать, что Устинов — это коренной краснодарский кадр. Он не только с шести лет живет в Краснодарском крае. Он в этом крае работает большую часть жизни. Это может сказать о многом, а может ни о чем. Для того, чтобы принять решение, нужно всмотреться внимательнее.

Я уже указывал на то, что Устинов имеет семейный профессиональный бэкграунд. Однако пристальный анализ его биографии показывает, что Устинов не был задан полностью этим бэкграундом. Если бы он был им задан полностью (как какой-нибудь московский представитель «золотой молодежи» советской эпохи), то он не пошел бы в армию, а сразу оказался в вузе. Причем профессионально наиболее престижном.

Между тем Устинов ушел в армию, служил. И только потом отправился учиться, причем далеко не в самый престижный Харьковский юридический вуз. Зафиксировав это, мы должны одновременно зафиксировать и другое. Что, отучившись, он возвращается к себе на «малую» краснодарскую родину.

И с 1978 года начинает тянуть прокурорскую лямку именно там.

Он тянет эту лямку 14 наиболее биографически важных лет. А годы эти важны не только биографически (Устинов социализуется именно в этот период), но и исторически. Ибо эти годы приходятся как на важную часть «зрелозастойного» периода, так и на весь период так называемой «перестройки». Как же распределяется социализация Устинова по годам?

Такой вопрос не только корректен. В анализах нашего типа он обязателен. Из биографии видно, что в советский период Устинов никакой блестящей карьеры не делает. Причем он не делает

ее ни тогда, когда нужно по-застойному блюсти социалистическую законность, ни тогда, когда надо выделяться своими реформаторскими (в том числе и антисоциалистическими) порывами.

Имеем мы право на такое утверждение? Безусловно. Должны мы его сделать, проводя «феноменизацию» Устинова? А как иначе?

А сделав это утверждение, мы не можем не констатировать далее, что сразу же после распада СССР Устинов получает блестящее по тем временам назначение. Причем и блестящее, и вполне индикативное.

В 1992 году Устинов становится прокурором Сочи. На такую должность не попадают случайно. На нее кто-то должен выдвинуть. Кто?

Генеральным прокурором РФ в это время является В.Степанков.

Но Сочи — это город, куда никакой Степанков в одиночку не мог никого продвинуть.

Случайности бывают, и мы не должны их игнорировать. Но если говорить не о случайностях, а о вертикальной мобильности в ту эпоху, то можно говорить о двух лицах, способных обеспечивать такую социальную мобильность в Краснодарском крае в рассматриваемый период.

Первое из таких лиц — это ранний (и потому не столь существенный) краснодарский проконсул Ельцина В.Дьяконов (фактически креатура Ю.Скокова, тогдашнего секретаря Совета Безопасности).

Второе из таких лиц — относительно поздний (и гораздо более существенный) краснодарский проконсул того же Ельцина Н.Егоров.

Мне скажут, что вариантов намного больше. И я соглашусь. Я соглашусь также с тем, что Устинов в значительной степени мог бы в этот период оказаться случайным выдвиженцем, поскольку хаос был велик и люди приходили на должности весьма причудливым образом.

Но все же мне не слишком верится в то, что Сочи был даже в тот период географической и политической точкой, в которой действовал на сто процентов закон случайности. Я скорее поверю, что этот закон действовал в Москве, чем в Сочи. Я не посвятил свою жизнь изучению российской провинции. Но что-то все же понимаю. И потому пойду далее по следу, который наметил, отдавая себе отчет в том, что он может быть сугубо случайным.

А как иначе идти, проводя такие анализы? Такой способ движения называется «эвристикой». В сказках — «пойди туда — не знаю куда». Иду я, «сам не знаю куда», и прихожу к Егорову. Может быть, мне потом придется идти обратно. Но пока я туда прихожу. А куда еще?

Итак, Н.Егоров. Он стал главой администрации Краснодарского края в конце 1992 года. С ним были связаны надежды Коржакова, его группы. Но и не только их.

В книге-биографии «Разговоры от первого лица» В.Путин говорит, что после поражения Собчака на выборах петербургского губернатора, ему, Путину, было предложено место заместителя Н.Егорова, который стал к этому времени аж главой кремлевской администрации.

Взлет Егорова однозначно связан с Коржаковым. Этот взлет начался в 1994 году, когда Егоров пошел на повышение в Москву.

Ситуация с Устиновым для меня зыбка и неопределенна. И тут я должен быть осторожен. А вот ситуация с Егоровым и Коржаковым мне знакома иначе. Я не хочу и тут категоричности, но мне кажется, что мои оценки в этом вопросе отнюдь не являются игрой абстрактного аналитического ума.

Итак, коржаковско-егоровский недолгий период.

Посмотрим, что именно в этот период происходит с Устиновым.

Если ничего не происходит, то, может быть, Устинов никак и не был связан с Егоровым… Повторяю, это не очень правдоподобно. Какие-то связи должны быть. Краснодарские методы управления не предполагают свободного карьерного продвижения совсем чужих и нелояльных людей. Мера близости к субъектам, осуществляющим продвижение, может быть разной. Но какая-то близость должна быть. Между тем Устинов по его биографии мог быть для Егорова либо совсем своим, либо совсем чужим. Ведь Устинов очень долго работал в крае. И имел в крае, что называется, свои глубокие корни. А значит — или-или. Или совсем чужой, или совсем свой.

Итак, в 1994 году Егоров идет на повышение в Москву, а Устинов? Устинов становится первым заместителем прокурора Краснодарского края — прокурором Сочи. Он тоже очевидным образом идет на повышение. Не только приобретает более высокий формальный статус (место первого заместителя прокурора края), но и сохраняет очень важный неформальный компонент (место прокурора города Сочи).

Очень пунктирно отметим, что город Сочи — это действительно индикативное место сразу со многих точек зрения. Это рекреационный узел с давней историей. Это спецзона, поскольку рекреация высоких лиц неразрывно связана с этим самым неизбывным спецфактором. Это удобная социальная зона. Потому что рекреация — это оптимальное время для завязывания нужных контактов. Если не с самими отдыхающими властными лицами, то с их охраной. Которой ведь тоже хочется отдохнуть.

Никакой иронии в этом нет. Вы что, сменяясь на работе, не захотите банально купнуться в море? Или хоть чуточку расслабиться — при том, что есть где?

А раз есть где и есть хотение — то есть и все то, что вокруг этого хотения вращается. В Сочи инвентаризуется каждый миллиграмм такой возможности завязать какие-то московские связи. Вы заказали за свои кровные шашлык и стакан вина. Кто-то к вам обязательно подойдет — местный спецслужбист, которому положено, или еще кто-то. У вас возникнут знакомства. Вам просто не дадут их не завязать. Тем более, если они уже налицо: аж глава кремлевской администрации с краснодарской привязкой! Считайте, что вы побратались с Краснодаром. А значит, с Сочи.

Подчеркну: я не выдумываю и не утверждаю. Я рассуждаю. И никакую тень на плетень не навожу. Я осуществляю аналитику возможного и правдоподобного. А вовсе не фиксирую черты реального и безусловного. Но в реконструкции элитных феноменов подобная проблематичная аналитика вполне допустима, если речь идет о первых итерациях — каких-то шагах, нащупывающих существо дела. Причем при таких шагах можно ошибиться в деталях, а суть дела нащупать верно. Ну, так я и пытаюсь ее нащупать.

В 1996 году Н.Егоров возвращается в Краснодарский край: его назначили главой администрации. Вскоре он проигрывает выборы Н.Кондратенко. А через несколько месяцев умирает от онкологии.

Казалось бы, Устинов должен был идти по нисходящей. Но он идет наверх. Возможно, он идет наверх каким-то случайным образом. Этого нельзя исключить. Возможно, его ведут наверх не опознанные нами обстоятельства. Но если мы хотим развивать свою логику, то такое движение наверх предполагает, что отдельные лица (тот же Н.Егоров) могут уходить в небытие, а некие социальные сущности действуют вне зависимости от подобных метаморфоз. Люди, интегрируясь в эти сущности, начинают двигаться по закону социальных ролей: король умер, да здравствует король! Н.Егоров ушел в небытие — возникает новый источник мобильности, но в рамках той же социальной сущности, к которой принадлежал Н.Егоров. Такая гипотеза опять-таки умозрительна. Но я хочу довести до конца определенную цепь гипотез, а уже потом избавляться от избыточной умозрительности. И либо что-то подкреплять дополнительным соображением, либо выкидывать всю цепочку.

В 1997 году Устинов становится заместителем Генерального прокурора. Генеральный прокурор в это время — Ю.Скуратов.

В 1998 году (Кириенко, как мы помним, заменяет Черномырдина, потом дефолт и премьерство Примакова) Устинов назначен начальником Главного управления Генеральной прокуратуры на Северном Кавказе. Его первым замом становится Ю.Бирюков. С этого времени Устинов и Бирюков, что называется, работают в прочной связке.

Северный Кавказ — это очень проблемная зона. Она и сейчас проблемная. Но в 1998 году была несравненно более проблемной. Чечня фактически находилась в полунезависимом статусе… Да и вообще… Мне кажется, что тут не нужно ничего развернуто комментировать. Укажем только, что наблюдать за законностью в такой зоне можно, только плотно взаимодействуя с так называемыми силовыми структурами. Ничего плохого в таком взаимодействии не вижу. Но указать на это обстоятельство просто обязан.

6 апреля 1999 года Устинов освобожден от должности начальника Главного управления Генеральной прокуратуры на Северном Кавказе — заместителя Генерального прокурора, сохранив сам пост заместителя Генерального прокурора.

За четыре дня до этого, 2 апреля 1999 года, Скуратов отстранен указом Ельцина от должности на время ведения следствия. История всем знакома. Одновременно с Устиновым М.Катышев освобожден от должности начальника Следственного управления, он оставлен простым замом Генерального прокурора. И.о. Генпрокурора стал Ю.Чайка.

Катышева отстранили по понятным причинам — чрезмерная лояльность к Скуратову. Устинова… может быть, причина была в том же самом. А может быть, и нет — он был все же далек

от эпицентра происходящего. В любом случае, он сначала «подвис», но потом возвысился. Мы уже поняли, когда он «подвис». А вот возвысился…

В начале августа 1999 года началось восхождение В.Устинова. Он назначен исполняющим обязанности Генпрокурора РФ. А Ю.Чайку (бывшего со 2 февраля 1999 года и.о. Генпрокурора) сначала отправили на пенсию.

Отправить-то Чайку на пенсию отправили, да только вот ненадолго.

17 августа 1999 года Ю.Чайка становится министром юстиции в правительстве В.Путина.

Проходит много лет. И В.Устинова, заменившего Ю.Чайку на посту Генерального прокурора, отправляют в отставку. Это происходит 2 июня 2006 года. Вместо В.Устинова на пост Генерального прокурора назначают все того же Ю.Чайку. Уже небезынтересно! Но главное в другом. После короткой паузы, вполне сопоставимой с той, которая разделяла существование Ю.Чайки на прокурорском и «юстиционном» поприще, В.Устинов полностью воспроизводит тот же кадровый сюжет и переходит с поста Генерального прокурора на пост министра юстиции. Это происходит 23 июня 2006 года.

Я НЕ ЗНАЮ, КАЖЕТСЯ ЛИ ВАМ ЗНАЧИМОЙ СЮЖЕТНОСТЬ, В РАМКАХ КОТОРОЙ ЧАЙКА УХОДИТ ИЗ ГЕНПРОКУРАТУРЫ В МИНЮСТ, А ПОТОМ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ОБРАТНО В ГЕНПРОКУРАТУРУ, А УСТИНОВ, УХОДЯ ИЗ ГЕНПРОКУРАТУРЫ, МЕНЯЕТ ЧАЙКУ В ТОМ ЖЕ МИНЮСТЕ.

Но я, как аналитик элиты, утверждаю, что такие передвижения на кадровой шахматной доске, конечно, могут быть случайными, но со слишком низкой вероятностью. Намного выше вероятность того, что существует две элитные группы, которые обладают примерно равными пакетами акций в предприятии под названием «власть» и при этом, мягко говоря, сложным образом сосуществуют друг с другом. Одна группа делает ставку на Чайку, другая на Устинова. При этом потенциалы двух групп настолько уравновешены, что уход ставленника первой группы с некоего поста компенсируется, согласно элитным игровым правилам, приходом ставленника второй группы на тот пост, который покинул ставленник первой группы. А ставленник первой группы получает пост, который освободил ставленник второй группы.

При этом одна группа упорно делает ставку именно на Устинова. Другая столь же упорно делает ставку именно на Чайку. А правило состоит в том, что проигравший получает утешительный приз в виде места, которое освобождает выигравший. В противном случае надо признать, что в прокурорско-минюстовском сообществе есть только два человека — Чайка и Устинов, которые могут что-либо возглавлять.

Ровно в той мере, в какой я не берусь ничего утверждать по поводу степени устойчивости региональных или иных обусловленностей, превращающих индивидуум в члена сообщества, я могу настаивать на крайнем правдоподобии гипотезы, согласно которой подобные взаимные рокировки могут говорить только о групповой обусловленности. Той или иной — но именно групповой и именно элитной.

Я не могу тут ничего доказать. Я просто верю своему чутью. И настаиваю на том, что ситуация (а) имеет доказательный характер и (б) является странной.

Под доказательным характером я имею в виду то, что назначения и снятия двух взаимно сопряженных фигур — это факты, подтвержденные документами. Это даже не официальные биографические сведения. И уж тем более не чьи-то наветы.

Под странностью я имею в виду то, с какой силой юридическо-прокурорский свет сошелся клином на двух фигурах, сменяющих друг друга.

Так что не могу я обнулить все свои предыдущие рассуждения! В той же степени не могу сказать, что они все полностью получили некое подтверждение постфактум. Я просто должен признать, что тщательное отслеживание подобных неочевидных вещей — занятие, конечно, неблагодарное, но не бессмысленное. И что, может быть, оно что-нибудь в итоге даст. И потому я продолжаю это занятие.

Итак, 17 августа 1999 года Ю.Чайку, снятого ранее с поста и.о. Генпрокурора РФ, назначили министром юстиции РФ. А Устинов?

7 августа 1999 года начинается ваххабитское вторжение в Дагестан.

9 августа В.Путин назначен и.о. премьера РФ. А Устинов — и.о. Генпрокурора.

Проходит меньше года.

7 мая 2000 года — инаугурация В.Путина, ставшего Президентом Российской Федерации.

17 мая 2000 года — утверждение В.Устинова в качестве Генерального прокурора РФ.

Подобная детальная хронология хороша тем, что она опирается на факты. То есть на некую несомненность. А плоха она тем, что подобного рода факты обладают всеми положительными и отрицательными качествами несомненного. Положительные качества понятны. Здесь нет места мистификациям. Отрицательные тоже понятны. Оставаясь только в пределах несомненного, вряд ли можно в чем-нибудь разобраться до конца. Поэтому эти пределы придется покинуть. Но предварительно оговорив, что дальше нам с читателем придется вместе вступить на территорию весьма зыбкую. И не надо увлекаться подобной зыбкостью сверх меры. Заниматься ею надо, но сдержанно и в сугубо вопросительной интонации.

О еще более проблематичных слагаемых так называемой «гипотетической краснодарской» специфики

Прежде чем заняться этой (еще более проблематичной) спецификой, способной, в случае подтверждения ее наличия, пролить какой-то свет на групповые индексы в рассматриваемых нами историях, оговорим, что все группы в постсоветской России являются крайне зыбкими. А вдобавок еще и опосредованными.

Что значит зыбкими?

Это значит, что люди, связывающие себя в какой-то момент какими-то отношениями, при любом серьезном толчке конъюнктуры начинают подвергать эти отношения глубокой ревизии. Что они вовсе не самураи, готовые сделать харакири ради феодального сюзерена, главы какого-то клана. Проиграет тот, кого на время выбрали главой клана, гибкие самураи пожмут плечами, скажут «козел!» (или что-нибудь погрубее) и будут искать новых хозяев. Иногда связи рушатся и восстанавливаются два раза в неделю — в зависимости от настроения. Иногда являются более устойчивыми. Но в любом случае это не что-то раз и навсегда заданное.

Но это не значит, что связей нет. Внутри частиц облака есть связи, как и внутри элементов, образующих какой-нибудь кристалл. Но это разные связи. То, что сообщество не является кристаллом, не значит, что оно состоит из отдельных атомов. Подвижность структуры не означает отсутствия оной.

Это все по поводу зыбкости. Теперь по поводу опосредованности.

Господин Журден, герой пьесы Мольера «Мещанин во дворянстве», не знал, что он говорит прозой. Но он говорил ею. Некто, интегрированный в зыбкую структуру, необязательно должен знать, что он в структуре, и понимать себя соответственно. Но он может оказаться в ней опосредованно. Его способы принятия решений и действий могут делать его «зыбко когерентным» другим социальным атомам. Так и образуется структура.

Тот, кто понимает структуру как жесткую иерархическую систему, своего рода организацию или даже учреждение (совещание, решение, контроль и т. п.) слишком сильно упрощает жизнь общества и элиты. Да, такие структуры есть. Но есть и совершенно иная структуризация. Очень зыбкая, вариативная и — реальная. Социальные сгустки (конгломераты) образуются, распадаются, образуются вновь. Они регулируются не решениями и даже не договоренностями, а реакциями разного рода. Реакциями на тенденции, вызовы, интересы. Вариативно-реактивные связи доминируют в современной России. Но это тоже связи. А где связи, там и структуризация.

Казалось бы, азы теории управления говорят о том, что Устинов, находящийся на очень броской должности, — не привилегированное звено в данной связке. А Сечин — звено, безусловно, привилегированное. Потому что привилегированность при подобной структуризации определяется не официальной должностью, а неофициальным влиянием. Последнее же полностью связано с доступом к держателю абсолютной власти. Кто здесь обладает преимуществом? Вряд ли по этому поводу может быть сомнение.

Но рассматриваемый нами сюжет не исчерпывается соотношением должностей и неформальных влияний. Есть еще фактор менее броский и очевидный, но ничуть не менее значимый. Речь идет об обеспечении социальной связности зыбкой группы. Элитный фокус такого обеспечения всегда находится в руках у того, кто не обременен ни высоким официальным чином, ни особыми позициями при абсолютном властителе. Такой «социальный контролер» обычно бывает связан с базовым регионом. Обратим внимание, что экспертами обсуждается не только связка «Сечин—Устинов», но и некая (еще раз подчеркну — всегда зыбкая) вписанность в данный дуэт краснодарского губернатора А.Ткачева.

С учетом уже обсужденной нами краснодарской специфики В.Устинова, рассмотрение фактора Ткачева не является таким уж бессмысленным. Если эта вписанность есть (а она есть), то ее источником может являться только Устинов, который хотя бы теоретически в силу биографии располагает необходимыми для этого корнями.

Отметим, что Ткачев в 1995 году стал депутатом Госдумы, победив на выборах не кого-нибудь, а аж самого Н.Кондратенко. А в 1996 году он баллотировался на пост губернатора Краснодарского края, но снял свою кандидатуру… как вы думаете, в пользу кого? В пользу Н.Егорова!

Мы уже высказывали какие-то гипотезы по поводу егоровского следа в интересующих нас сюжетах. Теперь мы получаем еще одно — конечно, слабое и неочевидное — подкрепление. Получив его, идем дальше.

На выборах 1999 года в Госдуму Ткачев был поддержан губернатором Краснодарского края Н.Кондратенко.

А в 2000 году Кондратенко, отказавшийся баллотироваться на пост краснодарского губернатора, официально поддержал Ткачева на выборах. Ткачев же, победив, предложил Кондратенко стать представителем главы края в Совете Федерации.

В нашем рассмотрении по определению не может быть никаких демонизаций. Яркая до легендарности принадлежность Кондратенко («батьки») к идеологической группе, самоопределяющейся через отрицание «неких иноэтнических элементов», вряд ли требует доказательства. Другое дело, что реальная жизнь намного сложнее. И есть сотни примеров того, как действия Кондратенко на административном и политическом поприще подчас достаточно сильно расходились с его же декларациями. Но это не отменяет декларативность как групповой идеологический индекс.

Все это — еще в большей степени — присуще и гораздо более прагматическому Ткачеву. Мы не можем не констатировать (совершенно холодно и без всякой оценочности) наличия у Ткачева как высказывающегося лица идеологического индекса, близкого к Кондратенко.

Наиболее яркое из приписываемых Ткачеву высказываний звучит так: «Определять, законный мигрант или незаконный, можно по фамилии, точнее, по ее окончанию. Фамилии, оканчивающиеся на «ян», «дзе», «швили», «оглы» — незаконные, так же как их носители». Степень достоверности высказывания оставим на совести источника («Новая газета», 11–14 июля 2002 года). Ткачев это не опровергал. Да и вряд ли кто-то может устойчиво управлять южнорусской территорией в нынешнее время, не прибегая к подобной риторике.

Мы же всего лишь следим за линией «Ткачев—Кондратенко». И анализируем социально-политическую траекторию, по которой двигался более молодой и прагматичный Ткачев.

Из КПРФ Ткачев вышел в апреле 2003 года. Поддержав кандидатуру Путина на близящихся выборах, он заявил, что приостанавливает в связи с этим членство в КПРФ. Этим трансформация молодого регионального политика в члена политической элиты в общем-то завершилась. Так что же можно сказать о типе данной элитарности? И чего мы этим рассмотрением добились? Куда продвинулись?

Для того чтобы ответить самим себе на данный вопрос, нужно вновь вглядеться в совокупность добытых и осмысленных нами сведений. Чем мы располагаем?

Прежде всего, биографией Устинова.

Внутри этой биографии (абсолютно корректной, лишенной выискивания ненужного, неинтересного для нас компромата) размещен проблематичный краснодарский сюжет. Почему проблематичный? Я уже несколько раз говорил об этом. И еще раз скажу, что в принципе не люблю оперировать этими самыми землячествами вообще. А в условиях нынешней российской разболтанности считаю это особо рискованным занятием.

Свердловский замкнутый микросоциум Ельцина… Днепропетровский микросоциум Брежнева… Санкт-петербургский микросоциум Путина… Есть такое, никто не спорит. Но не надо преувеличивать значение этого фактора. Нельзя отождествлять делающего политику индивидуума с «трайбом» в условиях, когда все «трайбы», как мы знаем, начинены весьма глубокими внутренними противоречиями.

Итак, осторожность и еще раз осторожность. Но быть осторожным и отказываться от возможности социологического анализа феномена — вещи разные. Устинов дает определенные

основания для взвешенной и осторожной «региональной привязки» (в которой — самой по себе — нет ничего плохого).

Потому что действительно — человек и жил с детства в определенном месте, и там же очень долго работал, и оттуда же пошел наверх… Потому что место это, где он так долго жил и работал, достаточно специфическое. Южная Россия чужих не любит, а своих крепко к себе привязывает. В этом есть плюсы и минусы. Главное — это так.

Короче, рассмотрение краснодарской привязки Устинова вполне допустимо. Ну, так мы и рассмотрели. Что дальше?

А дальше то, что эта очевидная краснодарская привязка (если она окончательно будет доказана) способна слегка сдвинуть ролевые функции в пределах альянса «Сечин—Устинов». (Проблематичность этого альянса мы тоже рассмотрели, равно как и причины, позволяющие его обсуждать.)

Если нет элитного фактора в виде краснодарской специфики, то Сечин в рассматриваемом нами альянсе абсолютно преобладает над Устиновым. Потому что он ближе к Путину и операционально приоритетен в силу этой близости. Даже если мы добавим к рассмотрению фактор краснодарской специфики, ничто решительным образом не изменится. Сечин в альянсе все равно будет преобладать по многим объективным и субъективным причинам. Но лишь с одной оговоркой. Роль Сечина в этом альянсе полностью детерминирована суперфактором Путина. Пока наличие Путина в виде суперфактора — это аксиома, ничто решающим образом не изменится. Разве что Сечин потеряет близость к Путину, что вряд ли произойдет.

А если что-то произойдет с Путиным? Например, он уйдет… Или разыграет сложную игровую схему с проблематизацией абсолютности собственной роли… Тогда начнут работать другие закономерности. Поскольку речь о закономерностях, в которых решающее значение имеет фактор человеческой воли, то доказательство их наличия всегда затруднено. Это в физике возможен эксперимент. А в политологии… в ней роль эксперимента занимает исторический прецедент при всей его условности. Сравнение Сечина при Путине с Коржаковым при Ельцине — очень условно. Сечин и Коржаков — люди с разными биографиями и разными возможностями. А также с разной должностной функцией. И тем не менее сходство есть.

Сходство — в абсолютной, как это казалось многим, эксклюзивности взаимных отношений (ну, куда один без другого?). А также в идеологической окраске этой эксклюзивной связи (антилиберальность, патриотизм и так далее). Пока власть Путина — это константа, все задано до деталей. А потом начинается эпоха каких-то изменений.

Предположим (и для этого есть определенные основания), что Сечин не хочет этих изменений, как когда-то не хотел их Коржаков. Но в перспективе изменения — неизбежны. От этой перспективы можно какое-то время отмахиваться. Но потом она начинает слишком зримо маячить на слишком близком политическом горизонте. И что прикажете делать? (рис. 54)

Рис. 54

Борьба за власть — это не оперирование близостью к власти. Это совсем другое. Легитимация близостью остается, но ее значение меняется. Она перестает быть абсолютно значимой. И становится относительно значимой. Потому что нужно бороться за власть. Чью? И — с помощью чего бороться? С опорой на что?

Санкт-петербургский бэкграунд — штука вообще специфическая. Его можно использовать, придя к власти, но на него очень трудно опереться. У противников Сечина — тоже санкт-петербургский бэкграунд. Данный бэкграунд слишком противоречив. Есть «либеральный» Санкт-Петербург, несколько разных «патриотических» Санкт-Петербургов. Как на это обопрешься?

А вот на гораздо более монолитный краснодарский бэкграунд опереться можно. А в момент, когда встала задача борьбы за власть, опереться на него еще и нужно. Но у кого в органике, в специфике биографии, больше потенциал, коль скоро речь идет о таком бэкграунде? В этом узком и долгое время далеко не столь решающем вопросе потенциал Устинова выше, чем потенциал Сечина. Если данный узкий вопрос приобретает новую весомость, то и вес Устинова меняется. Не так ли? Мы пока не утверждаем, что вес меняется. Мы лишь подчеркиваем, что если фактор становится весомее, то все будет именно так. Да и вообще… Сегодня Сечин — это «титан», потому что Путин — абсолютная власть. А завтра Путина нет… Что остается? Какие-то зыбкие унаследованные возможности экономического и социального характера? Плюс огромные издержки. Вот она, судьба московского «титана». А в Краснодаре все скромнее, но устойчивее. Ну, уйдет Путин… Ткачев что, немедленно испарится? А почему?

ЧЕМ НЕУСТОЙЧИВЕЕ СИТУАЦИЯ, ТЕМ МЕНЬШЕ ЧЛЕН ЭЛИТЫ ТЯНЕТСЯ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ КРОНЕ, КОТОРАЯ МОЖЕТ ОСЫПАТЬСЯ. И ТЕМ БОЛЬШЕ ОН ТЯНЕТСЯ К СВОИМ КОРНЯМ, НА КОТОРЫЕ ВЕТЕР СИТУАЦИИ НЕ ОКАЖЕТ ТАКОГО РЕШАЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.

Психологически это очень понятно, да и социологически тоже. Называть подобную тенденцию железным законом было бы глупо. Мало ли кто на что ориентируется в критических ситуациях? Мало ли кто как понимает надежность? Но то, что критическая ситуация актуализирует надежность и проблематизирует все, что было ей ранее противопоставлено, это несомненно. Бывают, конечно, странные фигуранты, которые даже в сверхкритических ситуациях продолжают действовать так, будто бы кризиса нет и крона имеет решающее значение. Но это уже бюрократический (точнее, аппаратный) синдром. Крупные игроки преодолевают его в себе при первых же толчках серьезного кризиса. Политическая закономерность — не закон всемирного

тяготения. Она может и нарушаться. На то и свободная воля. Политическая закономерность оперирует возможным. Иногда высоко возможным. Но не неизбежным.

Есть основания считать, что для В.Устинова все большее обращение к своим региональным корням по мере усиления политической неопределенности возможно. И даже высоко возможно. Но это не значит, что оно неизбежно. Тем более, что глубину своих коммуникаций с региональным бэкграундом может оценить только сам Устинов, но уж никак не мы. Но предположим, что апелляция к региональному бэкграунду в кризисной ситуации возымеет место. Как тогда будет развиваться процесс?

Примерно как снежный ком.

Лицо с высоким федеральным статусом и позициями во властной системе решило опереться на свой региональный бэкграунд. Бэкграунд прильнул к лицу. Лицо предоставило бэкграунду свои элитные групповые коммуникации. Бэкграунд начал в ответ оказывать поддержку уже не только лицу, но и элитной группе, получая от нее взамен нечто, позволяющее бэкграунду усилить свои возможности (в противном случае это вообще не работает). Дело вполне деликатное… По-настоящему бэкграунд доверяет только своему. То есть тому лицу, с которого началась эта история взаимоподдержки. Соответственно, позиции лица в элитной группе растут. Если, конечно, все это не рассыпается по дороге. Обычно оно и рассыпается, и собирается вновь.

Все, что я описываю, не пропись и не закон Ньютона. Эта некая возможная схема.

Но не толчем ли мы воду в ступе каких-то абстрактных схематизации? Имеются ли для них какие-то реальные основания? Увы, такими основаниями уже не могут быть ни факты, ни официальные сведения. Речь может идти лишь о каких-то высказываниях. А где высказывания, там мистификации, демонизации и все прочее.

Сказать, что дыма без огня не бывает, значит придавать слишком много значения высказываниям. Знаю, что бывает дым, в котором нет ни одной искры огня. Тем не менее, мы никуда без высказываний не денемся. Мы можем и должны их интерпретировать, проблематизировать — и использовать. Иначе какая герменевтика? И какая без нее аналитика элиты?

Привожу короткую (и вовсе не утверждаю, что достоверную) сводку высказываний, касающихся связи Ткачева с тандемом «Сечин—Устинов».

О том, что краснодарский губернатор вошел в связку Сечин— Устинов в виде третьего элемента, писалось достаточно много.

14 сентября 2005 года в «Новых известиях» появляется статья Н.Красиловой «Подарок всемогущему монарху». Данная статья — репортаж о мероприятии Института национальной стратегии С. Белковского, посвященном презентации разработанного данным учреждением «проекта новой конституции».

В статье для нас интересен только один отрывок. Вот он:

> «Для кого конкретно готовится столь заманчивый проект Конституции, то есть кого г-н Белковский видит в роли этого самого «некоронованного монарха», он говорить не стал. Зато огласил список потенциальных преемников Владимира Путина, конкурирующих сейчас за его благословение. По его мнению, реальных кандидатов семь. Это спикер Совета Федерации Сергей Миронов, к нему тяготеет Владимир Путин, но от его фамилии в ужасе замглавы администрации Владислав Сурков. Председатель Государственной думы Борис Грызлов. Два губернатора — Красноярского края Александр Хлопонин и Краснодарского — Александр Ткачев (последнего, по словам политолога, поддерживают замглавы администрации президента Игорь Сечин и алюминиевый олигарх Олег Дерипаска). Еще один любимец Путина — «доверенный президентский чиновник по особым поручениям» Дмитрий Козак. И один из прокурорских работников на выбор: либо генеральный прокурор Владимир Устинов, либо его заместитель Владимир Колесников».

Здесь Белковский с абсолютной категоричностью говорит о том, что А.Ткачев и И.Сечин связаны между собой. И что их связь настолько серьезна, что И.Сечин готов лоббировать А.Ткачева в качестве преемника нынешнего президента РФ В.Путина.

Еще раз оговорим, что никакое публичное высказывание вообще (и уж тем более высказывание экспертов, которые стремятся поддержать любой ценой свой специфический имидж) не может быть спутано с фактом. Мы не говорим, что у И.Сечина с А.Ткачевым есть какие-то особые отношения. Отношения, конечно же, есть! Их просто не может не быть, поскольку все представители политической элиты связаны между собой какими-то отношениями. Но в сегодняшнем политическом

мире отношения — штука крайне неустойчивая. А определять тип отношений по высказываниям сторонних наблюдателей — дело вообще крайне неблагодарное.

Итак, мы не говорим, что отношения ЕСТЬ. Мы говорим лишь, что они ОБСУЖДАЮТСЯ. И достаточно важно, кем они обсуждаются. Потому что эксперты, подобные тому, чье высказывание мы только что процитировали, никогда не будут высказываться без определенной элитной необходимости.

Эта необходимость необязательно должна состоять в том, чтобы сказать правду по поводу тех или иных коммуникаций. Может быть, наоборот, нужно дезинформировать зачем-то кого-то, скомпрометировать и так далее. Но дело не в том, что именно нужно и почему. Дело в том, что что-то нужно. Белковский не Ключевский и не Карамзин. И не Пимен из пушкинского «Бориса Годунова». Он оператор информационной войны. И мы фиксируем не факт отношений между Сечиным и Ткачевым, а акцию в пределах информационной войны, навязывающую этим двум политикам определенные конфиденциальные отношения.

Мы также обращаем внимание на то, что информационная война ведется с расчетом на определенную аудиторию. Аудитория, в которой будут рассматриваться рефлексии Белковского, просто не может не достроить предлагаемый ей виртуальный дуэт «Сечин-Ткачев» до виртуального трио «Сечин-Устинов-Ткачев». А также не начать рассматривать краснодарский генезис Устинова и семейные связи Устинова с Сечиным как особое обстоятельство, обеспечивающее коммуникационный мост между Сечиным и Ткачевым.

Мы уже обсуждали, что родственные отношения и землячеcкие связи — вещи проблематичные. Они могут что-то отражать, а могут не отражать ничего. И, конечно, важно знать, что происходит на самом деле. Но не менее важно знать, кто, зачем и с какой силой навязывает проблематичному статус несомненного. Белковский крайне настойчив в своем желании придать статус несомненного всем проблематичным факторам, связующим Сечина, Устинова и Ткачева. Он обращается к данной теме многократно.

27 сентября 2005 года Белковский дает интервью «Комсомольской правде». Тема та же — возможные преемники Путина. Воспроизведем небольшой фрагмент диалога Белковского с корреспондентом «Комсомолки»:

> «Кстати, есть еще один губернатор-преемник. Краснодарец Александр Ткачев.
>
> — Тот самый, что косу Тузла хотел у Украины отобрать?
>
> — Вот видите, у него уже есть репутация. Ив глазах народа очень даже выигрышная. — Белковский обвел «галку» Ткачева кружком. Получилось вроде мишени. — Ткачев — самый избираемый на сегодня из колоды Путина.
>
> — Кто же его двигает?
>
> — Силовики и влиятельный бизнесмен Олег Дерипаска.
>
> — А либералы?
>
> — Они от Ткачева в ужасе!
>
> — Кого мы еще забыли?
>
> — Ну, следующего забыть никак невозможно. Мимо такой фигуры не протиснешься. Это Генпрокурор Владимир Устинов. Идеальный кандидат с точки зрения кремлевских силовиков. Даже более удобный, чем Ткачев. Он связан с ними многим, в том числе с некоторыми — родственными узами.
>
> — Когда Путин успел переговорить с Устиновым?
>
> — Месяца полтора назад».

Итак, Белковский вновь называет Ткачева и Устинова «кандидатами в преемники» от «силовиков». То есть, как минимум, он говорит о принадлежности Ткачева и Устинова к одной и той же «кремлевской башне».

Употребляемый Белковским термин «силовики» может обозначать, по большому счету, что угодно и кого угодно. Однако он уточняет, что Устинов «связан с ними многим, в том числе с некоторыми — родственными узами». Родственными узами Устинов, как известно, связан с заместителем главы АП Игорем Сечиным. Таким образом, Белковский вновь строит в сознании своего читателя связку «Устинов-Ткачев-Сечин».

Мне возразят: «Ну, что Белковский! Вы же сами говорите — информационная война! Можно сказать и резче. Как на основе подобных оценок можно делать какие-то выводы?»

Во-первых, далеко не все оценки Белковского сугубо виртуальны и абсолютно провокативны. Это может быть по-разному. Когда-то может заявляться нечто, очевидно противоречащее реальности (как говорят математики, «с точностью до наоборот»), а когда-то даваться ценная информация. Все в конечном итоге зависит от того, кто и с какой целью реализует нечто через Белковского. И какой игровой замысел у самого Белковского. В данном случае есть основания считать, что Белковский не деформирует до неузнаваемости реальное положение дел.

И все же если бы дело исчерпывалось Белковским, то достоверность трио, о котором мы говорим, была бы слишком низкой. А герменевтика информационной войны — слишком неоднозначной.

Но когда другие источники, с другой степенью достоверности, с другой степенью ответственности за свою информацию и другим отношением к собственной репутации, воспроизводят ту же концепцию трио, то дело в корне меняется.

Вот что писал на тему трио 9 октября 2006 года (то есть уже после отставки Устинова с поста Генпрокурора) авторитетный, близкий Кремлю и беспокоящийся о своей репутации журнал «Эксперт»:

> «Ткачев поддерживает краснодарские традиции еще и в плане ориентации на консервативные группировки в федеральной политике. Он близок к бывшему Генпрокурору Владимиру Устинову, выходцу с Кубани. Несколько лет назад на Дне города Кореновска в Краснодарском крае (в этом городе начиналась прокурорская карьера Устинова) Генпрокурор и губернатор даже вместе окрестили нескольких новорожденных. Здесь трудно удержаться от ассоциации с Коржаковым и Егоровым и не подивиться устойчивости фундаментальных свойств региональной политической модели».

Данное высказывание никоим образом не превращает нашу концепцию трио в факт политической жизни. Но оно придает данной концепции совершенно другую, гораздо большую значимость.

Потому что в указанном отрывке не просто фиксируется связь Устинова с Ткачевым. Причем связь, подкрепленная таким весьма символическим и неформальным сюжетом, как совместное крещение новорожденных на городском празднике в Кореновске (где начиналась карьера Устинова). Нет, эта связь дополняется еще и некоторыми историческими аналогиями.

«Эксперт» проводит аналогии между устиновско-ткачевским сюжетом и существованием пары Коржаков-Егоров. Если рассматривать эту аналогию сквозь призму структурно-ролевых функций, то понятно, что Ткачев — это своего рода аналог Н.Егорова. А вот Устинов…

Устинов на Коржакова, что называется, «не тянет». Точнее, не «дотягивает». Степень близости к первому лицу не та, уровень влияния также не тот. Максимум, на что мог бы претендовать Устинов, — это некий аналог О.Сосковца, влиятельного администратора, являющегося союзником еще более влиятельного А.Коржакова.

В такой схеме аналогом Коржакова может быть только И.Сечин. Конечно, это не прямая аналогия. Под началом Коржакова находилась какая-никакая, но спецслужба (Служба безопасности Президента). Под началом Сечина по сути находится канцелярия. Тем более эта аналогия не распространяется на склад мышления, тип жизненного пути. Но элитная матрица — штука посильней, чем реальность личности или судьбы. Она ищет кандидата на определенную роль. И, наделив его этой ролью, начинает «ворожить». Осуществляются похожие действия. Возникают самые странные сходства и параллели.

Вдруг оказывается, что война с группой Сечина ведется по тем же законам, что и война с группой Коржакова. Причем почти из тех же (совершенно необязательно либеральных) редутов. Что международные весьма противоречивые интересы начинают находить «героев своего романа». Повторяется (разумеется, с поправкой на специфику властителя и ситуации) масса тонких деталей. Из них причудливым образом сплетается система политических и социальных повторов, контрапунктов, крещендо, диминуэндо. Это не мистика, а не до конца алгоритмизированные аспекты элитного ролевого поведения. Не более, но и не менее. Потому что в прямом смысле слова сегодняшний «Коржаков» — это Золотов. А в элитно-ролевом смысле — именно Сечин…

Одно дело мои ролевые выкладки. Другое дело — журнал «Эксперт».

Тут нужно учесть многое. Требования к жанру, вытекающие из профиля журнала. Журнал такого профиля не должен заниматься ролевыми выкладками. Он должен выдавать сведения «на гора».

Кроме того, достаточно очевиден тип вписанности журнала в политический процесс. Этот тип вписанности задает всевозможные ограничения. Их нельзя свести к политкорректности. Они намного сложнее. И вот «Эксперт» проводит аналогию между А.Ткачевым и Н.Егоровым и говорит о связи между Ткачевым и Устиновым.

Тут слишком очевиден как намек на существование трио «Устинов-Ткачев—Сечин», так и намек на сопоставимость этого трио с неким политическим прецедентом предыдущей эпохи («Сосковец-Егоров-Коржаков»).

Даже если информация «Эксперта» недостоверна (а почему ей быть таковой?), то она все равно отражает не склонность издания к сплетням и не его чувствительность к современным экономическим стимулам, а стратегическую элитную конъюнктуру.

В этом случае кому-то нужно, чтобы тройственные отношения были. И этот «кто-то» не может быть не включен в ведущуюся элитную игру. А поскольку бэкграунд Белковского и бэкграунд «Эксперта» трудносовместимы, то скорее всего определенная мера достоверности в вопросе о связях в рамках рассматриваемого треугольника «Сечин-Устинов-Ткачев» все же есть.

Впрочем, даже если достоверность и не равна ста процентам, то уровень игры, ведущейся вокруг данного коммуникационного треугольника, таков, что этот треугольник может быть введен нами в рассмотрение в качестве как минимум устойчивого информационного элитного мифа. Но, как я уже говорил со ссылкой на классиков, идеи, овладевающие массами, становятся материальной силой. Мы, развивая классиков (и учась у них), можем сказать, что определенные мифы, овладевая элитами, тоже становятся материальной силой. И в качестве таковой подлежат аналитическому рассмотрению.

Только что мы с вами осуществили герменевтическую реконструкцию. И сейчас самое время рассмотреть ее в качестве частного примера, иллюстрирующего общий принцип.

Предположим, у вас есть несколько источников — И1, И2, И3, И4…Иn.

И что каждый из этих источников может либо сообщать правду (П1, П2, П3, П4…Пn), либо заниматься дезинформацией (Д1, Д2, Д3, Д4…Дn).

Можно отдельно заниматься совместимостью правд (в математике это называется «пересечением» — П1∩П2∩П3∩П4… ∩Пn). Дополняя друг друга, правды дают картину событий.

Можно заниматься таким же пересечением дезинформации.

А можно заниматься еще и пересечением элитных бэкграундов.

Если все эти три типа пересечений вам известны, то вы можете что-то сказать по поводу достоверности системы сообщений. Или, что иногда еще важнее, по поводу характера тенденциозной конструкции, которая выстраивается.

Подобное трудоемкое занятие не имеет ничего общего с собиранием сплетен или построением дайджеста высказываний. Но не имеет оно ничего общего и с предъявлением всегда недоказуемой и неполиткорректной инсайдерской информации. Речь идет о научном методе. Или об аналитическом методе. В любом случае — о чем-то, дающем хотя и относительный, но не нулевой результат. Мы считаем, что любой другой тип работы с данными просто недопустим, если имеет место открытое обсуждение элитных вопросов. Потому что инсайдерская информация никогда не может быть доказана («откуда знаете?», «предъявите источник», «докажите достоверность источника» и так далее).

В конце этой цепи, если вы доказали, говорится: «Откуда такая болтливость? Почему вы засвечиваете источник? В каких отношениях вы находитесь с источником? Почему источник вам это все сообщает? Не реализует ли он через вас так называемый «слив»? Не являетесь ли вы в любом случае участником какой-то игры?»

Если же вы просто «на голубом глазу», ничего не доказывая, обсуждаете чьи-то высказывания, присваивая им статус фактов, то вы не можете заниматься ни аналитикой, ни тем более аналитикой элитных игр. То есть аналитикой высшей категории сложности.

Система высказываний плюс метод интерпретации — вот единственный путь к каким-то соображениям, не лишенным определенной достоверности и политической ценности. Другого пути при открытых обсуждениях просто не существует. И не может существовать по определению. А каждый, кто говорит, что он нашел иной путь, вызывает у нас очень много вопросов.

Высказывание — сложнейшая штука. Иногда высказывание может быть инсинуацией высшей пробы и при этом обладать огромной ценностью. Если, конечно, соединять высказывания с методом.

Возвращаясь к нашей аналитической конструкции, мы вправе теперь утверждать, что проблематичная интеграция Ткачева в проблематичный же тандем «Сечин—Устинов» основана все-таки не на общих социологических закономерностях только, а на каком-то массиве высказываний. А также на каких-то принципах их аналитического прочтения.

Ведь в определенном смысле высказывания — это тоже факт. Да, они могут быть сомнительны по своему содержанию. Но они несомненны в качестве высказываний как таковых. Эти высказывания сделаны такого-то числа таким-то автором в таком-то журнале, газете, на таком-то канале телевидения и так далее. Их можно, так сказать, «пощупать». Они для специалиста по герменевтике почти то же самое, что для физика первичный экспериментальный материал.

Тогда-то и там-то нечто было напечатано.

Предположим, напечатана была клевета. Но она была напечатана! Почему она была напечатана? Кем подписана? Какой печатный орган решил ее «реализовывать» и зачем? Как высок статус лица, на которое клевещут?

У нас клевету зря не печатают никогда. А уж на высокое лицо — тем более.

Я никогда особо высоким лицом не был. Подумаешь, советник!.. Но я точно знал, что если Гусинский приказал Киселеву сделать в «Итогах» сериал по поводу моей ужасной фигуры, то у Гусинского для этого есть основание. И таковым может быть только мое участие в игре, мешающее Гусинскому. Гусинский будет осуществлять наветы, только если задеты его интересы. И нужно сильно задеть его интересы, чтобы он начал организовывать крупную кампанию на основе стопроцентной лжи.

Кроме того, нужно понимать, почему он задействует ложь, а не правду. Этого никто не любит делать. Значит, правду он задействовать не может. А почему не может? Только ли потому, что в правде нет ничего компрометирующего? Специалист по так называемым «активкам» всегда может, добавив к правде чуточку лжи, превратить ее в убедительный компромат. Значит, не потому используется стопроцетная ложь… А почему? Потому что правду говорить запрещено или опасно. Кем запрещено? Почему опасно?

Видите, сколько материала можно извлечь из факта абсолютной лжи! Приводя конкретный пример, я имею в виду кампанию, развернутую Гусинским и Киселевым против меня в связи с какими-то записками по поводу «Газпрома» в 1997 году. Гусинский и Киселев точно знали, кто писал записки. И точно знали, что это не я. Они зацепились за эти записки как за повод. Они развернули кампанию в определенной логике. И после моих открытых публичных действий свернули ее тоже в определенной логике. А я, как специалист по герменевтике, получил огромный массив первичных экспериментальных данных. Я не могу назвать эти данные фактами, но это данные.

Предположим, что все высказывания по фактору Ткачева в «Новых известиях» и прочих СМИ — это данные.

Итак, мы показали, что трио «Ткачев-Сечин-Устинов» изобретено не нами в «башне из слоновой кости» (она же социология элитных бэкграундов), а совсем другими людьми, ни к какой «слоновой кости» никак не тяготеющими. И не только изобретено, но и санкционировано прессой. То есть миф об этом трио создан. Реальность просто обязана быть богаче мифа, но миф — это тоже часть реальности.

И наконец, нам следует оговорить, что дело не в именах. «Что в имени тебе моем?» Ткачев — это конкретное имя. А творцы мифа шлют мессиджи об определенной региональной привязке. В рамках мифа Ткачев — это уже не личность, а индекс.

Ткачев как личность может потерять весомость в связи с теми или иными «обстоятельствами». Ткачев как индекс, как условный системный фактор может при этом сохранить и вес, и значение. Такова «внечеловеческая», социальная логика любой элитной игры.

А потому мы имеем право зафиксировать следующее (рис. 55).

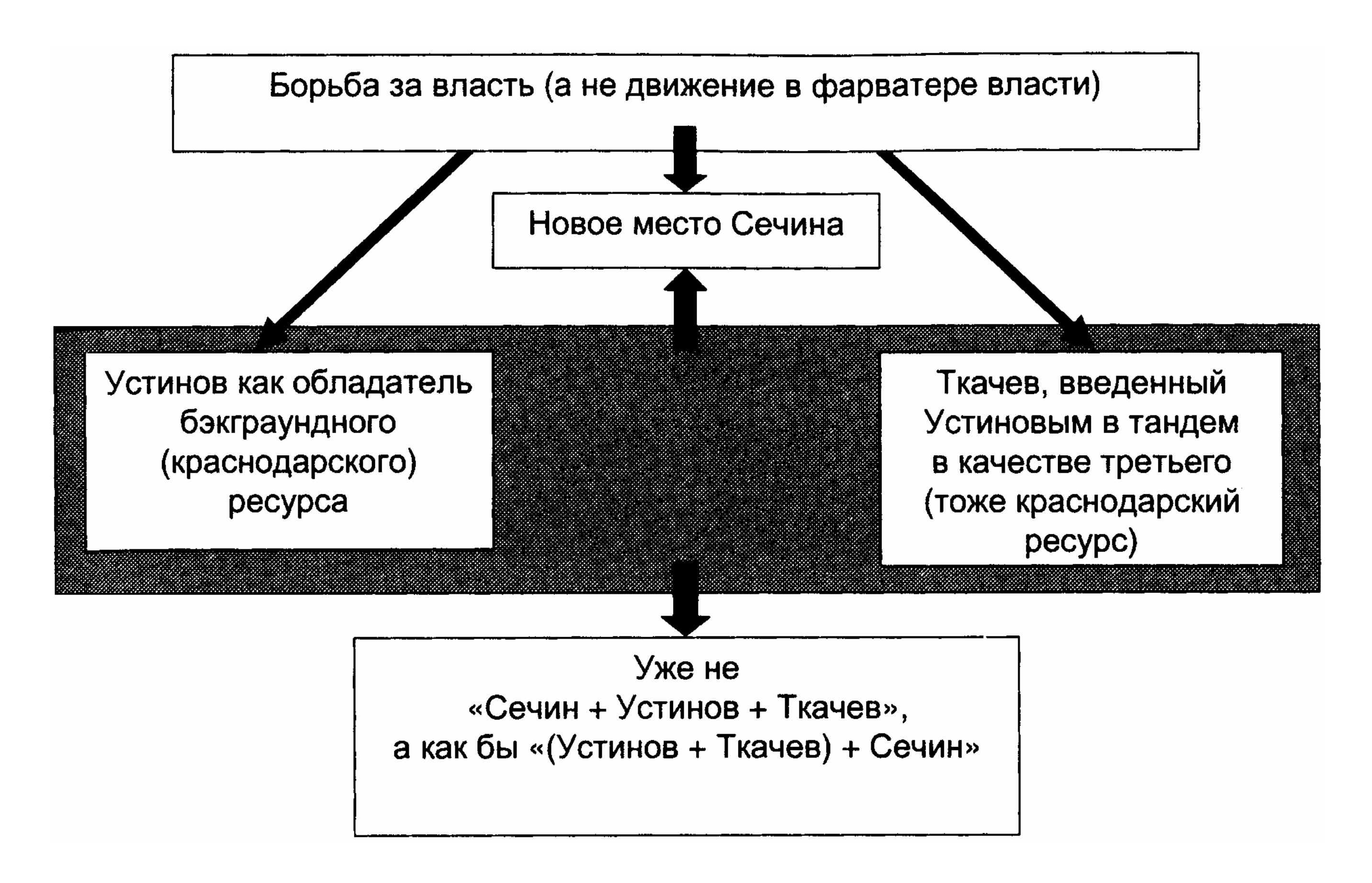

Рис. 55

А вот в этой ситуации все цитированные выше фразы по поводу «янов», «швили» и «оглы» приобретают новое значение. И дело совсем не в том, что я как-то особо чувствителен к тому, что Ткачев небезразличен к ряду окончаний, одно из которых является окончанием моей фамилии. Во-первых, есть самые серьезные основания считать, что Ткачев к этому небезразличен в основном риторически. Во-вторых, нельзя заниматься политикой и реагировать на подобные вещи. В-третьих, Ткачев может обладать и позитивным потенциалом, и определенными предрассудками — что из того? В-четвертых…

В-четвертых, как говорил Лев Толстой, «не в почке дело, а в жизни и смерти». До предрассудков ли, когда государственность на волоске? Пока краснодарский губернатор за государственность — все в порядке. А вот когда он начнет противопоставлять региональные интересы государственным — будет уже не до игры с окончаниями. Пока что у меня нет никаких оснований считать, что Ткачев противостоит идее российской государственности. А именно это приоритетно.

Поэтому я и впрямь глубочайшим образом индифферентен к перебору окончаний как малому политическому феномену, касающемуся чьих-то чувств и идентификационных признаков. Но, как только ситуация становится не микро-, а макро-, все меняется, поскольку речь идет не о вашем покорном слуге с его объективизмом, а об элите как целом.

То, что говорит Ткачев в отдельно взятом Краснодаре, волнует не слишком многих. Тем более, что местная осведомленная публика понимает: в реальном окружении Ткачева с «янами», «швили» и «оглы» (а также с теми, кто для Ткачева и Кондратенко «еще страшнее») все обстоит нормально. Ну, не обижаются же на Лужкова за фразу о «лицах кавказской национальности»! Это же не про элиту, не про Церетели! Это так, дань популизму, фигура речи, движение в потоке событий…

Кроме того, никто не сомневается, что Сечин — не Ткачев, то есть не региональный политик, связанный со своим региональным сообществом и отдающий риторическую дань его установкам. Сечин работал за границей, ценит международные связи, понимает, как устроен мир. Он, может быть, и не публичен, но гораздо более «цивилизован». И если он реально играет ведущую роль в определенном процессе, то для элит, чувствительных к теме окончаний, все «тип-топ». Нет ничего страшного в том, что ведомые «распускают языки» в отдельном (очень специфическом) регионе. Ну, распускают и распускают, на то они и ведомые.

А вот когда ведомые становятся, по сути, ведущими, то страшилки с «янами», «швили» и «оглы» эхом разносятся на всю страну.

Кроме того, это ведь не только страшилки. Ведь пытался Ткачев Адыгею ввести в состав края. Но Адыгея — важная часть черкесского этно-политического поля. Это поле мультиплицирует с северокавказским — и далее. Черкесы — вообще достаточно влиятельная группа не только в России, но и в мире. Между тем черкесы — лишь частный пример. В игру начинают включаться диаспоры, миллиарды долларов, международные влияния. Это не мистификация и не теоретизация. Весьма поучительно наблюдать, как все это включается, подпитывает друг друга.

И вот уже сплетается некий абсолютно новый фантом. Я ведь не говорю — «формируется новая реальность». Я говорю — «фантом сплетается из очень разных импульсов и намерений». Но то, что он сплетается, это факт.

Что конкретно я имею в виду?

Глава 5. Сопряженные игры

Для многих покажется странным, что мы сопрягаем отставку Устинова с какими-то далекими от данного события сюжетами. Но все дело в том, что для нас отставка Устинова — это ход в элитной игре. А элитная игра никогда не бывает локальной и самодостаточной. Она всегда ведется в сопряжении с другими играми. И стремится выйти за рамки какого-то одного игрового хода, пусть и такого серьезного, как отставка Генерального прокурора.

Поэтому, ни на чем пока не настаивая, мы в качестве гипотезы предлагаем читателям рассмотреть отставку Устинова в контексте других событий. Степень связанности этих событий с отставкой Устинова еще придется устанавливать. И может оказаться, что мы навязываем происходящему некую расширительную логику. Но может выясниться и прямо противоположное! Что мы-то как раз выводим происходящее за навязанные ему чрезмерно узкие рамки.

Мы понимаем, что сам наш подход, в котором различные юридические и административные события рассматриваются как элитные игры или игровые ходы, уязвим. Что одни возразят: «Это не элитные игры, а обоснованные правомерные действия». А другие скажут: «Никакие это не элитные игры. Это наезды».

Но в любом методе есть свои аксиомы. Мы придерживаемся той аксиоматики, согласно которой все, что происходит в сфере назначений и отставок, крупных деловых конфликтов и прочего, представляет собой совокупность игр того или другого качества. Мы не хотим обсуждать качество. Но мы верим в свою правоту и готовы убеждать в ней читателя.

Итак, сопряженные игры и игровые ходы.

Игра № 1 — административно-кадровая.

Устинов освобожден от должности Генерального прокурора 2 июня 2006 года.

А тремя неделями ранее — 12 мая 2006 года (через день после Послания Президента Федеральному Собранию, в котором он назвал коррупцию одним из самых серьезных препятствий на пути развития страны) — в отставку были отправлены многие высокие чины силовых структур. Включая главу Федеральной таможенной службы (ФТС) А.Жерихова и двух его заместителей, а также нескольких достаточно «знаковых» генералов ФСБ и офицеров МВД.

Кроме того, глава СФ С.Миронов внес представление о досрочном прекращении полномочий ряда членов Совета Федерации — Б.Гутина (от Ямало-Ненецкого автономного округа), И.Иванова (от Приморского края), А.Саркисяна (от Хакасии), А.Сабадаша (от администрации Ненецкого автономного округа).

Элитная молва сразу «повесила» все это на Сечина и Устинова. Мне-то кажется, что это не совсем верно. Но миф — это уже разновидность реальности. А мое мнение по его поводу — это частная исследовательская позиция. Здесь я занимаюсь мифами. И потому обращаю внимание на то, что за несколько дней до «генеральского фиаско» случилось нечто существенное в, так сказать, негенеральской среде. Точнее — в среде других «генералов» и даже «маршалов». И это было сопряжено с кадровыми пертурбациями в респектабельной элитной среде.

Игра № 2 — криминальная.

9 мая 2006 года в эмирате Дубай (ОАЭ) был арестован по запросу Испании криминальный авторитет в ранге «вора в законе» З.Калашов («Шакро-молодой»), которого считают одним из лидеров так называемой «кавказской преступности» в России и на постсоветском пространстве. Как

сообщают СМИ, Калашов был арестован в ходе криминальной «сходки» в ОАЭ с участием ряда «авторитетов» из стран СНГ.

В ночь с 10 на 11 июня 2006 года задержанный в ОАЭ Калашов был экстрадирован в Испанию на самолете испанских ВВС.

Арест Калашова был произведен по международному ордеру, выписанному испанским судьей Фернандо Андрео. Основания для ордера — результаты операции испанских правоохранительных органов «Оса», проведенной в 2005 году.

В ходе этой операции испанские правоохранители задержали 28 человек, в том числе 22 выходца из бывших республик СССР — Грузии, России, Украины, Молдовы. Среди них якобы были и «воры в законе».

Согласно коммюнике, распространенному МВД Испании, все 28 задержанных подозреваются в руководстве различными преступными организациями. Якобы они скупали рестораны, банки, другие коммерческие и финансовые структуры, а также виллы и дома. Кроме того, задержанным инкриминировались создание организованной группы для отмывания преступных доходов, контрабанда нефти, вымогательства, похищения людей и убийства.

В результате операции «Оса» были арестованы 800 счетов в 42 банках, изъяты 232 982 евро наличными, долговые расписки на 100 000 евро, 20 000 евро в дорожных чеках, ювелирные изделия и антиквариат. Были проведены обыски по более чем 40 адресам, наложен арест на 38 вилл, несколько замков и шале. В операции против «русской мафии» участвовали 400 испанских полицейских.

Среди задержанных были также две несовершеннолетние дочери Т.Ониани, владеющего в Испании крупным строительным бизнесом. Его считают «близкой связью» Калашова и одним из лидеров «кутаисской» оргпреступной группировки.

Ониани — это даже не Калашов. Это нечто большее. Его связи, как всегда в таких случаях, ведут в высокие элитные респектабельные сферы. Какие именно? Тут кто знает — тот знает, а кто не знает — тому ничего не докажешь. В любом случае — наибольший резонанс полицейская операция вызвала в Грузии. Депутаты даже потребовали от главы парламентского комитета по международным вопросам К.Габашвили выяснить судьбу дочерей Ониани.

Если кто-то думает, что грузинская элита отделена от московской элиты бетонной непроницаемой стеной новых суверенитетов, то этот «кто-то» глубоко заблуждается. Но мы его заблуждения развеивать не будем. А вместо этого посмотрим на поведение знаковых грузинских фигур.

Народный защитник Грузии (куратор прав человека в республике) С.Субари обратился с письмом к послу Грузии во Франции и ЮНЕСКО Н.Джапаридзе. В этом письме Субари выразил просьбу извещать его обо всех случаях нарушения прав и свобод граждан Грузии в Испании с тем, чтобы он смог прореагировать на эти факты через свои международные каналы. Субари также направил обращение омбудсмену Каталонии Гаумасу Фуньесу с просьбой осуществлять мониторинг состояния здоровья задержанных в Испании несовершеннолетних граждан Грузии.

После проведения операции «Оса» в 2005 году Калашов и Ониани были объявлены Испанией в международный розыск. При этом Ониани весной 2005 года принял российское гражданство. Таким образом, его выдача оказалась затруднена, поскольку Россия не выдает своих граждан другим государствам.

Калашов, в отличие от Ониани, из-за «Осы» (или из-за чего-то другого?) угодил в испанскую тюрьму. Но влияния не потерял. И опять же — если кто-то думает, что это влияние распространяется лишь на преступный мир, то этот «кто-то» фундаментальным образом заблуждается.

Мы, опять же, не будем никого ни в чем убеждать, а вместо этого внимательнее всмотримся в злоключения Калашова.

30 января 2006 года «Московский комсомолец» сообщил о том, что в Москве задержан «вор в законе» Г.Диавкнишвили («Гия»). При обыске у него нашли пакет с 30 граммами героина. По сообщению газеты, Диавкнишвили занимался координацией групп, специализирующихся на квартирных кражах, разбоях и хищениях автомобилей.

Среди прочего, «Московский комсомолец» указал, что Диавкнишвили близок к Калашову. Вряд ли такое упоминание было случайным. Действительно, слишком несоизмеримы масштабы этих двух личностей: Калашов, которому пресса приписывает операции с нефтью, владение недвижимостью на Западе и много чего еще, и Диавкнишвили, который, если верить той же прессе, всего лишь заправлял квартирными ворами.

8 апреля 2006 года газета «Свободная Грузия» сообщает о раскрытии совершенного еще в 2000 году похищения гражданина США А.Крейна. Главный обвиняемый по этому делу — грузинский бизнесмен М.Пайлодзе — назвал на допросах в качестве соучастников имена экс-главы МВД Грузии К.Таргамадзе и «вора в законе» Калашова.

Потерпевший Крейн — американский бизнесмен, интересы которого распространялись на игорный бизнес. В деле фигурировало московское казино «Кристалл», пайщиком которого якобы являлся Калашов (ставший владельцем этой доли после того, как отнял ее у Крейна).

И, наконец, самая пикантная деталь: обвиняемый Пайлодзе — друг Б.Патаркацишвили. Более того, Пайлодзе посредничал между Патаркацишвили и экс-главой МВД Грузии Таргамадзе.

Пока «швили» — это дядечка, приехавший в Краснодар торговать шашлыками или фруктами, распинайтесь по его поводу сколько угодно. Но когда это другие «швили»… Или даже не «швили», а что-то соседнее, то… внимательно оглядитесь перед тем, как действовать. Не действуйте безоглядно. Таков закон жизни сегодняшней элиты.

Если предположить, что неприятности Калашова и других как-то сопряжены с действиями рассматриваемой нами группы «2+1» ((Устинов+Ткачев) + Сечин)… Если предположить, далее, что эта связь между неприятностями Калашова и данной группой «2+1» — всего лишь миф… То что изменится от того, что это миф? Если действия разворачиваются так, как будто бы миф — это реальность, то разницы нет никакой. Ибо миф начинает управлять реальностью. А реальность откликается на его воздействие и порождает новые импульсы.

Если кто-то думает, что импульсы эти будут рождаться только в Тбилиси, то он существенно ошибается. И пока не поздно — должен осознать ошибку. И поискать источники импульсов в каких-нибудь других местах. В том числе и в особо элитных зонах близкого Подмосковья.

На этом фоне привлекает к себе внимание еще один «грузинский» нюанс — реанимация в газете «Московский комсомолец» 13 июня 2006 года темы о «грузинской родне президента» В.Путина (в статье с одноименным названием). При этом необходимо отметить, что вся история с якобы найденной в грузинском селе Метехи подлинной матерью В.Путина была раздута накануне 2000 года — то есть в предвыборный период. Начала ее тогда грузинская пресса, подхватили греческие и немецкие телекомпании, а в село Метехи приехали два представителя Чеченской Республики Ичкерия в Грузии. После того, как эти представители задали интересовавшие их вопросы, вышла книга В.Ибрагимова «Тайная биография президента России».

Тогда решался вопрос о будущей власти в России. И если шесть лет спустя — в 2006 году — инструменты из этого арсенала вновь были задействованы, то, вероятно, это означало, что объем «властной проблемы» воспринимался заинтересованными сторонами в тот момент столь же накаленно, что и в 2000 году.

Но и это еще не все.

Да, задели не только условного краснодарского шашлычника, но и других людей с окончаниями, которые так не нравятся Ткачеву. Однако и эти люди — не последняя инстанция. Тянутся ли нити «разборок» в «последнюю инстанцию», главнейшим предбанником в которой является крупная собственность? Вернемся к нашим схемам (рис. 56).

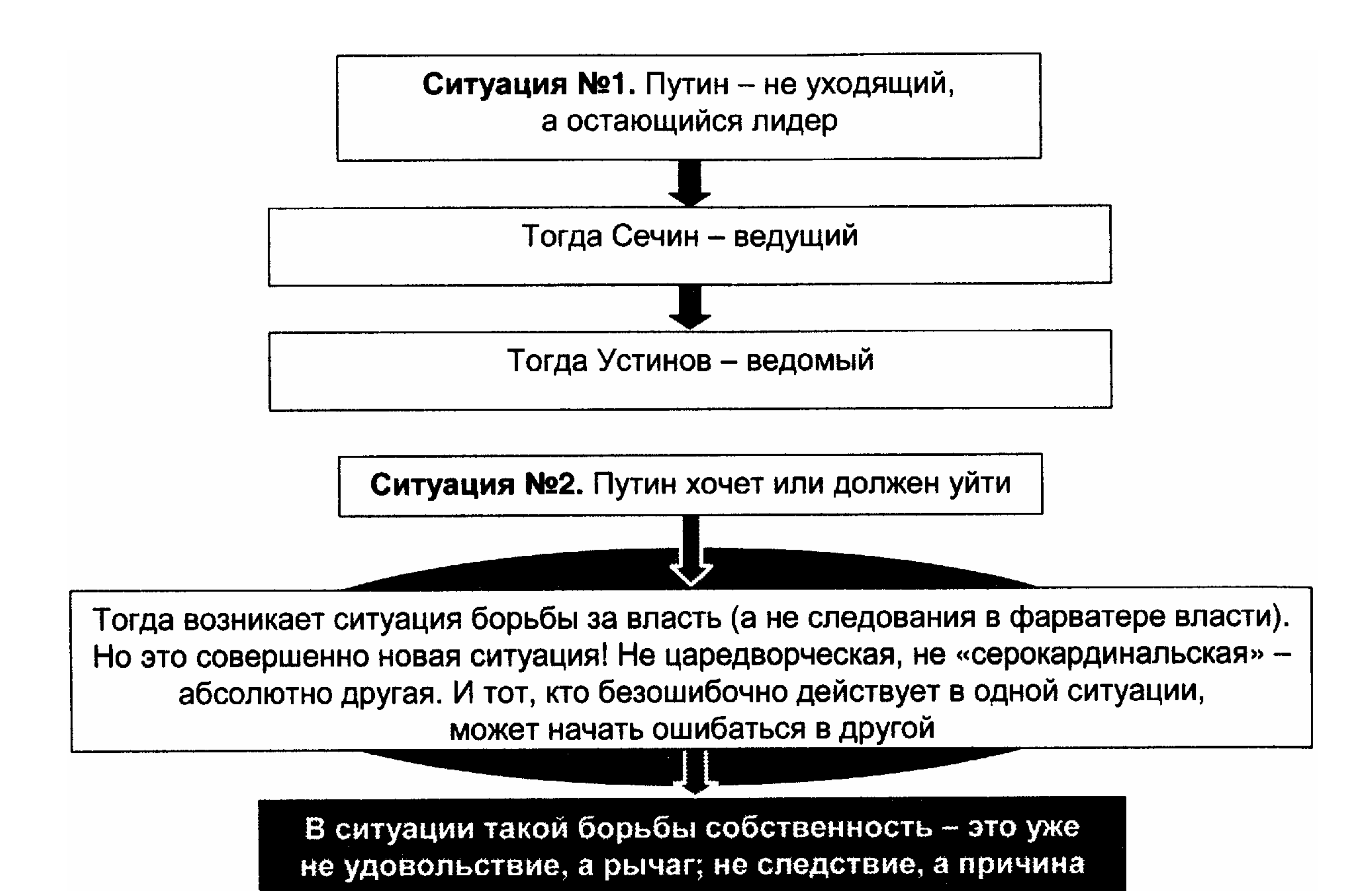

Рис. 56

Если власть устойчива и устойчивым образом находится в определенных руках, то собственность — это только подтверждение и следствие статуса. А также гарантия реализации жизненных, в том числе бытовых, возможностей, — для властного человека не всегда столь уж лакомых. Такова ситуация в России.

Мне скажут, что где-нибудь в США она совсем другая. Так Березовский и считал, что он уже находится в США. И что российский капитал должен нанимать власть. Ему и показали, кто кого должен нанимать.

Короче, когда власть в руках, то количество собственности вторично. Первична власть. Конечно, нужно иметь собственность. И ее должно быть много. Но ее необязательно должно быть очень много.

А когда нужно брать власть… а точно не знаешь как (при том, что хорошо знаешь, как ею распоряжаться)… то начинаешь пытаться превращать собственность из вторичности (следствие власти) в первичность (способ получения власти). И тогда собственности должно быть очень много. В пределе — если она вся станет твоя, то тебе легче будет завоевать власть.

Такова теория. А если переходить от нее к элитной игровой практике, то придется зафиксировать еще ряд игр, сопряженных, как представляется нам, с отставкой Генерального прокурора. Которая, по нашему мнению, тоже есть игра или, как минимум, ход в игре.

Игра № 3. Атака на «Альфа-групп».

Атаки на «Альфа-групп» — вполне привычное занятие для определенных российских и международных кланов. Впрочем, кланы на то и кланы, чтобы воевать друг с другом. Рассмотреть все межклановые столкновения невозможно. Почему же мы выделяем одни столкновения и отказываемся от рассмотрения других?

Может быть, что-то прояснится после того, как я ознакомлю читателя с отрывком из интервью, которое дал известному журналисту О.Лурье анонимный офицер западных спецслужб, отрекомендованный как специалист по РФ и бывшему СССР. Цитата приводится по газете «Версия» от 20 мая 2002 года:

«— Давно занимаетесь Россией?

— Я занимался Советским Союзом в течение многих лет и до недавнего времени Россией.

— И какое впечатление о нынешних российских делах?

— Россия сегодня представляет собой уникальное явление. Здесь по-прежнему огромна роль олигархов. К тому же Россия превратилась в экономическую колонию. Ее экономика и финансы контролируются и управляются зарубежными компаниями, в основном оффшорными, которыми владеют так называемые русские, но и иностранцы частично тоже. И ваше правительство ничего не хочет с этим делать. Почему? Потому что оно зависит от этих людей.

— А кто из олигархов привлекает ваше наибольшее внимание?

— Нам наиболее интересна «Альфа-Групп», потому что это системообразующая группа. И именно на примере этой компании мы можем рассмотреть принципы коммерции большинства российских финансово-промышленных групп.

— Что вы имеете в виду?

— Помните, что я уже сказал о России сегодня? Добавьте к этому то, что законы и судебные решения можно не исполнять, судей — покупать, чиновникам на любом уровне давать взятки, вопрос лишь в их размере, использовать в своих интересах правоохранительные органы или судебных приставов — тоже за деньги. При этом заявлять о своих дружеских отношениях на самом высшем уровне, вплоть до президента, даже если это неправда. И все сойдет с рук.

Та же «Альфа «участвовала в создании системы в течение многих лет, особенно активно в период приватизации ТНК. Посмотрите: в совете директоров этой нефтяной компании губернаторы — Собянин, Катанандов, Филиппенко, Любимов. Вы что думаете, это ничего не дает? Может, по вашим законам это допускается, но с точки зрения мировой практики это возмутительно и невозможно в принципе. Или, например, член правления ТНК Кондрашов, возглавляющий так называемый блок безопасности, — бывший заместитель председателя Комитета по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью в Верховном Совете РСФСР, бывший главный судебный пристав, заместитель министра юстиции РФ. А бывшие высокопоставленные сотрудники МВД, Генпрокуратуры, которые сегодня работают в ТНК, — это что, просто так? У них у всех есть друзья, к которым можно обратиться и дать им денег. Путин и Устинов уже два года говорят о коррупции, но изменений нет. Они и сами это признают.

— А как насчет международной деятельности российских бизнесменов?

— Все то же самое. Возьмем опять-таки в качестве примера ту же «Альфа-Групп». Знаете, ведь в принципе это не российская группа. Ее основная часть состоит из многочисленных компаний в разных странах мира. Через такие сложные структуры уходят деньги из России. Те самые деньги, которые могли быть выплачены своим российским родственным компаниям. Они же отмывают незаконно заработанные деньги, которые оседают в оффшорах или реинвестируются в экономику Запада, как это было с приобретением «Альфой» телекоммуникационной компании «Голден Телеком».

Посмотрите документы Комиссии по ценным бумагам и биржам США по этой сделке, они общедоступны, — очень интересно. Ни одной российской компании со стороны «Альфы». В списке руководителей этих структур сплошной интернационал, в том числе лица, которые возглавляют или являются акционерами весьма подозрительных оффшорных фирм. Приобретение совершено на деньги, полученные в результате мошенничества. И результат соответствующий: скандал на Украине, где возбуждено уголовное дело против «Голден Телеком «по обвинению в мошенничестве.

— И как на это смотрят на Западе?

— Деятельность таких структур, как «Альфа-Групп», да и некоторых других российских структур, представляет угрозу национальной безопасности ряда стран. Возьмем Россию: нарушения валютного, банковского, таможенного законодательства, отмывание денег, мошенничество, взяточничество, уклонение от уплаты налогов в особо крупных размерах и так далее. Великобритания: финансовое мошенничество в целях уклонения от уплаты налогов в особо крупных размерах. США: уклонение от уплаты налогов физическими лицами в особо крупных размерах. Везде речь идет и о компаниях, и о частных лицах — русских, американцах, англичанах. Гибралтар — взяточничество. Новая Зеландия — нарушение регулирования банковской деятельности, финансовые махинации. Украина — тот же набор, что и в России.

В структурах «Альфы», например в компаниях группы «Краун» и подконтрольных оффшорных компаниях, работают местные граждане, часто бывшие высокопоставленные правительственные чиновники. Такие, как англичанин Джозеф Мосс, — найдите его биографию, занятная история. Или Эллиот Спитц — гражданин США. С ним много фирм связано, в прошлом и настоящем, кстати, в том числе на Украине. И везде сплошные махинации».

Интервью датировано 20 мая 2002 года. Оно само по себе интересно. И не тем, как именно данный иностранный офицер спецслужб живописует похождения одной российской (или, как он справедливо указывает, по сути транснациональной) корпорации. Может быть, он живописует эти похождения адекватно сути. А может быть, возводит напраслину. Мы, по определению, должны рассматривать его описание таким образом, чтобы не возникло ни демонизации данной корпорации, ни ее, так сказать, отмывания. Мы не защищаем «Альфу» и не обвиняем ее. Мы анализируем определенный миф, который выдан «на гора» каким-то лицом.

Мы рассматриваем именно комплекс обстоятельств — автора, текст, специфические особенности текста, место публикации материала. И мы пытаемся интерпретировать это все в совокупности. А не глотать наживку сообщенных нам сведений. Но и отбрасывать эти сведения как иностранную спецслужбистскую клевету тоже, согласитесь, несерьезно. Зачем иностранному спецслужбисту, называющему себя специалистом по России и СССР, давать интервью по поводу «Альфы» российскому журналисту Лурье?

Можно теоретически предположить все что угодно. Например, что этот иностранный спецслужбист хочет воспрепятствовать российской коррупции. Но тогда он очень наивен и вряд ли является (а) опытным офицером спецслужб и (б) специалистом по России и СССР. Намного правдоподобнее версия, согласно которой у данного специалиста есть конкретный зуб на «Альфу». Но что это за зуб? «Альфа» помешала какому-то международному конкуренту, с которым делила рынок… Рынок чего? Или все-таки у рассматриваемого нами лица есть более серьезные политические обстоятельства? И что мы можем установить по поводу лица? Может быть, вообще речь идет о мистификации и интервью давал вовсе не иностранный спецслужбист? Или же речь идет о какой-то «мелкой сошке», которая даст любое интервью в порядке сервисного обслуживания кого бы то ни было?

Подобное бывает. Но чаще в случае, если лицо ангажировано международными структурами. Однако наш анализ текста — нюансов, интонации, стиля, чередования тем — показывает, что лицо, которое давало интервью, никак не является мелким и мотивировано не ангажементом любого рода (международным или внутрироссийским), а серьезными обстоятельствами того толка, который нас и интересует. То есть мы можем утверждать, что данный миф, предъявленный от данного лица данным образом, — часть интересующих нас элитных игр. Скажем так, один из ходов в элитной игре.

Наше утверждение базируется на достаточно тонкой аналитике текстов. Подробное описание этой аналитики и доказательность корректности использованных нами приемов превратили бы книгу в «энциклопедию прикладной герменевтики». А это никоим образом не входит в нашу задачу.

Впрочем, помимо косвенных признаков, получаемых с помощью герменевтики текста, есть и признаки иного рода. В России нельзя дать интервью журналисту таким образом, чтобы вскоре узкий круг экспертов не обсуждал мотивы и авторство. Кто-то это наблюдал, кто-то с кем-то когда-то почему-то чем-то делился. В итоге возникают волны, аналогичные тем, которые порождает камень, брошенный в озерную гладь. Находясь в сообществе, ты просто не можешь не испытывать воздействия таких волн. Они, конечно, не сокрушают тебя. Но слегка покачивают твою утлую аналитическую лодочку, находящуюся достаточно далеко от эпицентра событий.

Большинство принимающих эти волны российских экспертов сразу же берет быка за рога и начинает бойко говорить о том, кто, как, что и почему «разыгрывает». Мы же никогда этого не делаем. Почему не делаем? Прочитайте еще раз ту часть работы, в которой я излагаю моральный кодекс аналитика элиты, являющийся одновременно и частью метода.

Нам важно, что по сумме прямых и косвенных признаков мы можем высказать гипотезу относительно того, кто дает интервью в данном конкретном случае. Высказав же гипотезу на узком мозговом штурме и доказав ее, мы никогда не будем предъявлять читателю предельной конкретики. Потому что это противоречит этике. И ничего не добавляет к анализируемому нами явлению. Мы только скажем, что это лицо с очень серьезными возможностями, чурающееся дешевых ангажементов, играющее только в серьезные политические игры. И что можно более или менее установить спектр интересующих лицо игр. Игра вокруг «Альфы» — одна из них.

Сказанное никоим образом не означает, что лицо выдает исключительно ложную информацию по поводу «Альфы». Оно выдает только ту информацию, которая нужна лицу для его большой элитной игры. Если бы «Альфа» не входила в поле игровых интересов, она могла бы исполнять любые «па» на сколь угодно криминальном поприще. А лицо при этом не только не давало бы интервью (не вполне комфортная ситуация для любого закрытого элитного игрока), но и вообще не интересовалось бы «Альфой».

Вообще же дача интервью, пусть и на условиях анонимности, — не вполне тривиальная затея для спецслужбиста с высоким профессиональным статусом. И такая констатация для нас тоже часть метода. Если дается интервью, а не заказывается кому-то — значит, очень нужно добиться какого-то результата. Если же лицо чуждо мелких ангажементов, значит, ему очень нужен какой-то крупный игровой результат. Может быть, при подробном разборе темы мы узнаем что-нибудь дополнительно. А пока просто разовьем предложенный читателю аналитический иероглиф (рис. 57).

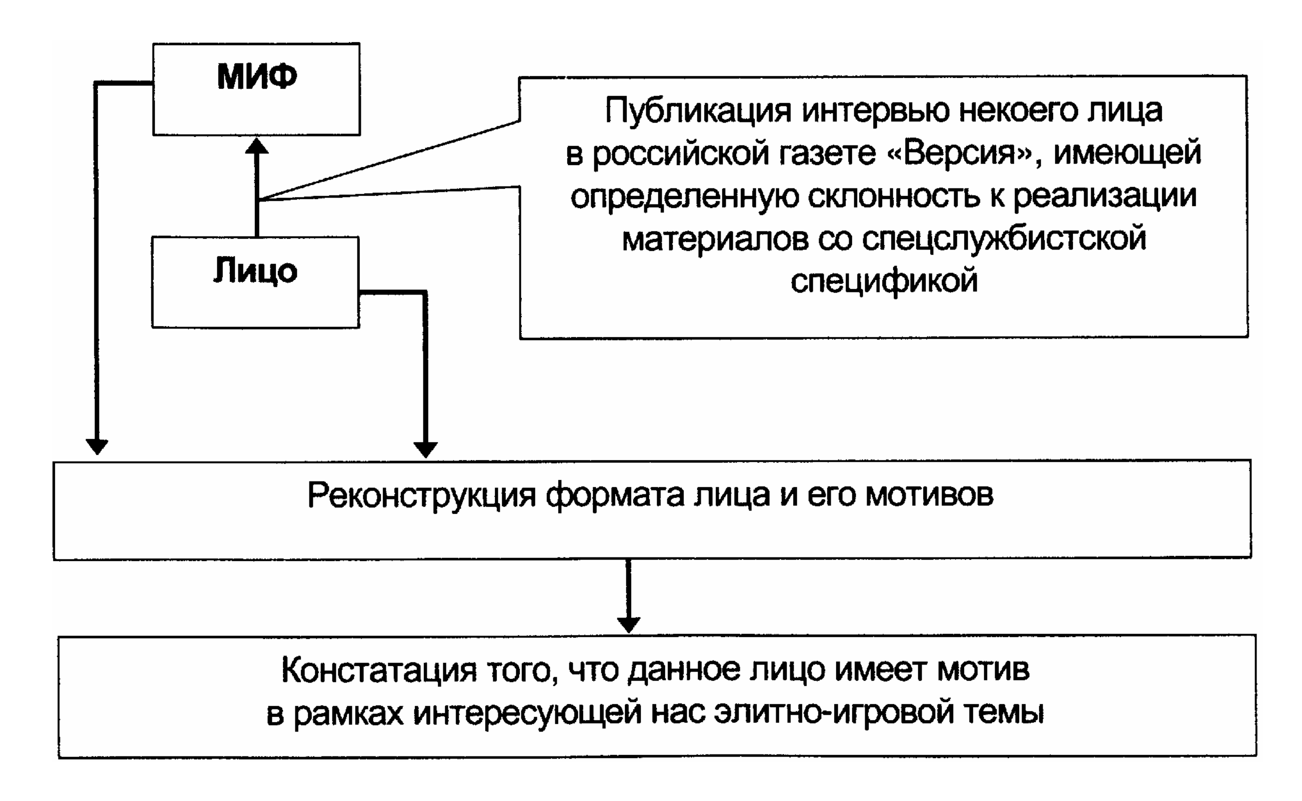

Рис. 57

Прошло четыре года, и «Альфа» была атакована по-другому. Какое право мы имеем увязывать те атаки и новые неприятности данной корпорации? В сущности, никакого. И в любом случае нет и не может быть места для непосредственных коннотаций. Если что-то с чем-то как-то и связано, то лишь опосредованно. Кто-то заинтересован «Альфой» на уровне международной элитной игры (смотри описанное выше). Кто-то негодует по поводу злоупотреблений (к какому из российских олигархов нельзя справедливо предъявить подобных претензий?). Кто-то играет в какие-то частные российские игры и ведать не ведает, что есть игры международные. Только в этом смысле вообще и можно рассматривать те суперпозиции, без которых аналитика элитной игры невозможна.

Но в каких-то — может быть, очень узких и даже исчезающее малых — зонах несколько уровней мотивов может кем-то и как-то быть сопряжено. Тот, кто ведет крупную элитную игру, всегда учитывает реальную расстановку сил. Реальные интересы, позиции, характер союзов и противостояний. И лишь на основе такого учета может быть построена реальная кумулятивная схема. В рамках которой все начнет питать друг друга и частные недовольства превратятся в снежный ком нарастающих претензий, выдвигаемых зачастую слабо связанными друг с другом акторами.

Однако вернемся в 2006 год, и конкретно — к событиям, разворачивающимся в окрестности отставки Устинова. Попытаемся объективно оценить, есть ли в этих событиях интересующая нас элитная нюансировка.

25 апреля 2006 года газета «Деловой Вторник» сообщает, что член Комитета Госдумы по безопасности Н.Леонов обратился к Н. Патрушеву и С.Лебедеву с просьбой предоставить информацию о возможном сотрудничестве «Альфа-групп» с пиар-агентством Kreab, возглавляемым

экс-премьером Швеции К.Бильдом (Бильд поддерживает тесные отношения с Советом по внешним сношениям США) и британским детективным агентством Dilligens, основанным бывшим агентом MI-6 Н.Деем. (В 2004 году два сотрудника Dilligens были задержаны в Эстонии по подозрению в слежке за Фрадковым.)

11 мая «Комсомольская правда» пишет о прошедшем в Москве митинге представителей Международного союза общественных объединений ветеранов Вооруженных Сил и правоохранительных органов против избрания М.Фридмана в состав Общественной Палаты (Фридман был избран в эту структуру от Союза семей военнослужащих). И добавляет, что подобные акции в апреле прошли в Пскове, Великом Новгороде, Волгограде, Барнауле, Саратове и что их участники собрали подписи под призывом не допустить использования ветеранских организаций в качестве «прикрытия» олигархов.

На следующий день — 12 мая 2006 года — происходят скандальные отставки в ФСБ, ФТС, МВД, московской прокуратуре и представления на увольнение сенаторов. Как мы помним, эти отставки предшествовали отставке Устинова. И по ряду выявленных обстоятельств могут быть сопрягаемы с отставкой Генерального прокурора.

23 мая «Ведомости» сообщают, что Арбитражный суд в Цюрихе отказал фонду IPOC в притязаниях на 19,4 % акций «Мегафона», которые летом 2003 года приобрела «Альфа-групп».

Фонд IPOC всеми квалифицированными экспертами однозначно оценивается как структура, близкая к министру связи РФ Л.Рейману. Утверждение, согласно которому структура является близкой, никоим образом не означает никаких демонизаций высокого государственного чиновника, каковым является Л.Рейман. В этом смысле гипотеза о близости Реймана к фонду IPOC никак не менее респектабельна, чем близость вице-президента Р.Чейни к компании «Хэллибертон». Любой министр в стране с экономикой рыночного типа будет опираться на какие-то частные предприятия. Опираться не значит лоббировать. Да и лоббирование лоббированию рознь. Помимо всего, что только что оговорено, мы много раз предупреждали, что нас просто не интересует коммерческая подоплека, если она не идентифицирует определенной элитной игры. Если бы игры не было, то мы, получив любые данные о коммерческой подоплеке, пожали бы просто плечами и сказали бы: «Ну, и что?»

Итак, есть какая-то связь между IPOC и Рейманом. И есть этот самый Цюрихский арбитраж. По материалам используемого нами открытого источника согласно данным арбитража «свидетель № 7», в котором узнается Л.Рейман, организовал незаконные сделки, деньгами от которых фонд IPOC пытался оплатить акции «Мегафона». А также был конечным бенефициаром этого фонда и еще ряда оффшоров. А также руководил сделками, ведущими к размыванию акционерных пакетов, что привело к незаконному присвоению им собственности.

На этих основаниях IPOC проигрывает арбитраж, а «Альфа» его выигрывает.

Сразу же укажем, что 24 мая те же «Ведомости» цитируют заявление главы Минсвязи Л.Реймана о том, что он «никогда не являлся бенефициаром фонда IPOC и аффилированных с ним компаний». Но нас и не интересует, являлся ли он бенефициаром и т. п. Нас интересует, что ведется элитная игра. И что эта игра ведется между IPOC и «Альфой». Установив наличие такой игры, мы идем дальше. По понятным причинам, арбитражем в Цюрихе все никак не исчерпывается. И даже наоборот. Если «Альфа» выиграла суд, накал атак на нее должен только нарастать. Он и нарастает.

26 мая в «Известиях» Л.Радзиховский размышляет о судьбах «Альфы»: «За последний год у «Альфа-Групп» нарастают проблемы внутри страны, но в то же время удачно проходят сделки за рубежом. Не является ли это на самом деле постепенным «выводом активов»? Если да, то это не только личная проблема Фридмана. Есть общая проблема — активная маргинализация прозападно настроенных людей внутри страны. И если «Альфа» свернет свой бизнес в РФ (или ее свернут) — это сигнал, что опасный процесс пошел по нарастающей».

То есть Радзиховский уже почти в открытую пишет о возможности «комплексного наезда» не на «Альфу» только. А на некое прозападное (либеральное или иное) сообщество. Зная Радзиховского, можно с большой вероятностью утверждать, что его беспокоит некая атака по широкому фронту. И он трактует эту атаку, так сказать, в духе чего-то, отдаленно напоминающего действия «Союза русского народа». Но такая атака никак не может быть прерогативой одного Реймана, у которого есть непосредственные основания для недовольства «Альфой». Причем отнюдь не те основания, которые могут беспокоить Л.Радзиховского. Могут ли у кого-то, кроме Реймана, быть другие основания? Давайте порассуждаем.

Можно полагать, что другим (ничуть не менее важным, хотя гораздо более общим) мотивом «наезда» могла стать фундаментальная смена политической позиции «Альфы» в отношении «преемства» президентского поста.

Еще летом 2005 года главный аналитик «Альфа-банка» К.Уифер в своем отчете писал, что третий срок Путина будет благом и для России, и для мира. Отметим, что именно рассматриваемая группа с индексом «Сечин—Устинов» считалась в тот момент наиболее активным проводником идеи путинского «третьего срока».

Однако с весны 2006 года Уифер от этой идеи решительно открестился, заявив о необходимости соблюдения Конституции и демократических процедур.

А в конце мая 2006 года, после упомянутого выше Послания Президента Федеральному Собранию, Уифер заявил, что кампания борьбы с коррупцией может стать *«трамплином для **преемника** Владимира Путина».*

Изменение позиции в вопросе о типе властной эстафеты — мотив ничуть не менее серьезный, чем какие-то конкретные деловые обстоятельства.

О политическом характере мотивов говорят и типы дальнейших ударов по «Альфе».

Далеко не первый из них, но очень важный — пресс-конференция, которую 6 июня 2006 года в редакции газеты «Известия» дала группа аналитиков, в состав которой входили В.Милитарев, В.Хомяков и С.Марков.

Участники пресс-конференции предъявили собравшимся некий доклад «Совета по национальным стратегиям» (СНС), где фактически назвали «Альфа-групп» и лично М.Фридмана «мотором» готовящегося нового «олигархического переворота». Здесь уместно напомнить, что именно похожий по интонации доклад того же самого СНС тремя годами ранее фактически открыл «охоту» на Ходорковского и ЮКОС.

Устинов, как мы помним, был отправлен в отставку 2 июня. И если бы речь шла только о локальном факте (то есть выступлении данной группы аналитиков), можно было бы и не шить «лыко в строку». В любом случае, надо признать: люди, которые уже после отставки Устинова дают такие пресс-конференции, обладают и решительностью, и энергией.

Кроме того, они во многом правы.

Действительно, «как бы российской» компанией ТНК-ВР (входящей в «Альфа-групп») — одним из лидеров отечественной нефтяной отрасли — в тот момент в реальности управляли англичане Д.Браун и Р.Дадли.

Действительно, бывший управляющий директор «Альфа-банка» А. Кнастер создал в Великобритании несколько инвестфондов с общей капитализацией более 2 млрд. долларов, и основным их пайщиком являлась именно «Альфа-групп». В частности, на описываемый момент один из этих фондов — крупный акционер принадлежащей «Альфе» российской сети супермаркетов «Перекресток».

Действительно, Фридман, будучи единственным российским членом американского «Совета по международным отношениям», наладил прочные связи с рядом элитных фигур Демпартии США.

И он действительно достаточно открыто поддерживал как «либеральный блок» российского правительства, так и российскую оппозицию «оранжевого» оттенка — от Касьянова и Хакамады до соответствующих депутатов Госдумы (имеются в виду депутаты четвертого созыва — 2003–2007 годов).

Но сформированная к 2006 году реальность полностью исключает возможность «отвязанного» поведения олигархических структур. Если «Альфа-групп» ведет такую политику, то лишь обзаведясь необходимыми санкциями. Как косвенными, так и прямыми. Ибо чем больше группа и чем острее ее игра, тем в большей степени она будет обзаводиться санкциями на свою деятельность. И тем выше и надежнее будут те санкции, опираясь на которые она начнет какую-то там игру.

Кроме того, если бы мы примерили перечисленные факты «сомнительной» деятельности «Альфы» к другим субъектам российского крупного бизнеса, итог такой примерки оказался бы столь же прискорбным.

Далее, приведенные на упомянутой пресс-конференции факты никак не тянули на «антипутинский переворот», якобы замысленный нашей олигархией, возглавляемой Фридманом. А ведь вывод был именно таков.

И… ведь никто из представителей российского «околополитического сообщества» не ограничивается только чтением газетных статей и изучением материалов пресс-конференций! Все

они знают, что шквал обвинений в адрес «Альфы» начался не 6 июня 2006, когда выступили эти аналитики (некоторые из которых уже были известны по предыдущей атаке на Ходорковского). Шквал начался, как минимум, за месяц до того. И я фиксирую внимание на этих фактах лишь с одной целью — констатировать, что по «Альфе» велась слаженная атака. Хорошая «Альфа», плохая — это из другой оперы. Важен факт: удары были нанесены. Хотя они, в большинстве случаев, не были совсем открытыми.

Явных признаков атаки Генпрокуратуры на «Альфу» в рассматриваемый период времени почти нет.

Единственное прямое исключение — январское (2006 года) решение Арбитражного суда. Тогда (прежде всего, в ходе и контексте расследований уголовных обвинений против М.Касьянова и его «подельников») Арбитраж признал незаконным приобретение компанией Фридмана госдачи «Сосновка-3».

Но есть не столь явные (однако, очень значимые) признаки таких атак со стороны какого-то элитного субъекта, имеющего прочные позиции в высоком спецслужбистском мире и во всей политической системе в целом. И таких признаков достаточно много.

Во-первых, на фоне множества тогдашних сообщений о претензиях «Газпрома» на принадлежащее ТНК-ВР крупнейшее Ковыктинское газоконденсатное месторождение как-то затерялась информация о том, что на это месторождение, причем давно и настойчиво, претендовала госкомпания «Роснефть». Эта госкомпания связана с интересующими нас элитными фигурами не согласно чьим-то наветам, а абсолютно конкретным образом. Данная связь — не миф, а факт. И.Сечин является официальным председателем совета директоров «Роснефти». То есть представителем государства в госкомпании.

Итак, «Роснефть» и ее игра.

Игра эта включает в себя не только активные действия «Роснефти» в зоне интересов ВР и ее британских и американских акционеров. Столь же активна и игра «Роснефти» в зоне интересов «Газпрома». А также в зоне интересов таких зарубежных партнеров «Газпрома», как «Рургаз», «Басф», «Дойче-Банк».

Во-вторых, в начале марта 2006 года «Роснефть» переманила к себе, на должность вице-президента по правовым вопросам, бывшего заместителя главного юриста ТНК-ВР Ларису Каланда. То есть носителя чрезвычайно детальной инсайдерской информации о закрытой специфике деятельности конкурента.

В-третьих, нельзя не обратить внимания на то, что в середине мая 2006 года в суд было передано уголовное дело «по факту незаконной добычи ОАО «Варьеганнефтегаз» («дочка» ТНК-ВР) 41,5 тыс. тонн нефти», а чуть позже Ханты-Мансийская природоохранная прокуратура открыла еще одно аналогичное дело против другой «дочки» ТНК-ВР, «ТНК-Нижневартовск», где фигурирует уже цифра «незаконной добычи» в 146 тыс. тонн.

Кстати, в тот же период времени появились и признаки того, что у Фридмана и «Альфы» есть проблемы как за рубежом, так и внутри России.

В мае 2006 года Фридман проиграл процесс в Лондонском королевском суде по иску Березовского о «защите чести и достоинства». Можно интерпретировать это как объективность британского правосудия. А можно искать и более элитно-игровые мотивы, повлекшие за собой подобный исход.

К числу таких мотивов можно относить как мотивы макроэкономические, так и мотивы политические.

Макроэкономические включают в себя недовольство (а возможно даже, и недоверие) по отношению к главе «Альфа-групп» со стороны британских акционеров и властных интересантов компании ТНК-ВР. К числу последних относился тогдашний премьер-министр Великобритании Т.Блэр. В достаточно широких кругах ВР называют «Блэр Петролеум». В чем конкретно состояло недовольство? Во многом. Например, в том, что ТНК-ВР никак не могла решить с Кремлем вопрос о начале эксплуатации Ковыкты. А почему она не могла решить вопрос? Потому что шла элитная борьба.

Что же касается политических мотивов, то они могли быть связаны с тем, на кого именно опирается и выходит «Альфа-групп» за границей. Ведь международная борьба не только не стихает, а обостряется. И это не только борьба между разными странами, но и борьба между элитами внутри

одной страны. Не с этой ли борьбой связаны откровения западного спецслужбиста о ситуации с «Альфой», рассмотренные ранее (см. рис. 57)?

Если это так, то речь идет о том, что «Альфа» подозревается в избыточных симпатиях к Демократической партии США. А это тяжелый грех как в глазах ревнителей интересов Республиканской партии США, так и в глазах «сопряженных» с ними ревнителями британских элит.

Неминуемо встает также вопрос об элитном генезисе многочисленных и хорошо организованных по всей России акций протеста против избрания М.Фридмана членом Общественной Палаты от Союза семей военнослужащих. Можно, конечно, интерпретировать эти акции как низовую инициативу общественности, возмущенной тем, что в Палату попал олигарх, никакого отношения к вдовам и детям военнослужащих не имеющий. Но такая интерпретация, мягко говоря, способна удовлетворить только малокомпетентных людей.

Доказали ли мы хоть что-то? Конечно, нет. И вряд ли тут могут быть окончательные доказательства. Но гипотеза о связи отставки Устинова с атакой на «Альфу» стала более основательной. И мы продолжаем ее рассматривать. Тем более, что атаками на «Альфу» все никоим образом не исчерпывается.

Игра № 4. Атака на ЛУКОЙЛ.

Мы, кстати, пока что и не стремимся получить окончательное подтверждение своих гипотез. Мы только рассматриваем события в окрестности отставки Устинова, способные быть увязанными с этой отставкой в случае, если генезисом отставки является крупная элитная игра. Что еще из событий, претендующих на статус элитно-игровых, предшествовало отставке Устинова?

Во-первых, отставке Устинова предшествовали отставки и «посадки» в Ненецком автономном округе (НАО), произведенные по инициативе Генпрокуратуры. Речь не только о представлении на отзыв из СФ сенатора А.Сабадаша, но и об уголовном обвинении в отношении главы НАО А.Баринова, который поддержал Сабадаша.

Эти «отставки и посадки» были прямым ударом по дочке ЛУКОЙЛа, «Архангельскгеолдобыче» — важнейшему инструменту экспансии ЛУКОЙЛа в Тимано-Печорской нефтяной провинции. А одновременно это была «расчистка поляны» для дочки «Роснефти», «Северной нефти», — основного конкурента ЛУКОЙЛовских структур в регионе.

Когда «Роснефть» пересекается на поле интересов с двумя атакованными в узкий промежуток времени структурами крупного российского и транснационального бизнеса — то это уже весьма правдоподобный индекс, свидетельствующий об игровом генезисе ситуации. Правдоподобный, и не более! Но, согласитесь, правдоподобность наращивается. Тем паче, что в данном сюжете есть уже и интерес «Роснефти», и прямая атака Генеральной прокуратуры. То есть индексы элитной сопряженности налицо.

А ведь планы ЛУКОЙЛа на российском Севере — огромные. Это, прежде всего, разработка серии месторождений, содержащих высококачественную легкую нефть. Это, далее, создание собственного нефтяного терминала в Варандее, откуда эту нефть можно гнать танкерами и в Европу, и, главное, непосредственно в США. В частности, в планах ЛУКОЙЛа — начать крупнотоннажные поставки нефти Тимано-Печоры в США уже в 2010 году.

Почему здесь так важны США? Прежде всего, потому, что уже к описываемому моменту (2006 год) американская «Коноко-Филипс» контролировала почти 20 % акций ЛУКОЙЛа. И это, как говорят осведомленные аналитики, не предел. А главным нюансом в данном альянсе является то, что за «Коноко-Филипс» стоят прямые и непосредственные интересы семьи президента США Д.Буша.

Именно этот давний альянс обеспечил ЛУКОЙЛу возможность приобретения в США сети из более чем двух тысяч бензоколонок.

Именно этот альянс помогал ЛУКОЙЛу приобретать крупные нефтеперерабатывающие активы и сбытовые сети в Восточной Европе (Болгария, Румыния, Словения, Сербия и т. д.).

Именно этот альянс позволил ЛУКОЙЛу купить 9 месторождений нефти в Ханты-Мансийском автономном округе, ранее принадлежавших американской компании «Маратон Ойл».

Именно этот альянс позволяет ЛУКОЙЛу чрезвычайно активно входить в нефтедобычу Казахстана, где компания намерена к 2010 году добывать до 10 млн. тонн нефти в год.

Наконец, нельзя не отметить, что приобретенные в том же 2006 году ЛУКОЙЛом активы «Маратон» сразу же оказались под ударом. Тут же стало известно, что Федеральное агентство по недропользованию намерено инициировать в «Комиссии по рассмотрению вопросов о досрочном

прекращении права пользования участками недр» ряд дел против нефтяных компаний «в связи с нарушением лицензионных соглашений». Причем первыми в очереди оказались дела против теперь уже «ЛУКОЙЛовских» дочек «Маратон Ойл».

Игра № 5. Атака на «Транснефть».

Прежде всего, атакующая «сечинско-устиновская группа» очень «обидела» «Транснефть» мощным прокурорским «наездом» по поводу «дел давно минувших». Речь шла о приватизационных сделках середины 90-х годов.

19 мая 2006 года газета «Ведомости» пишет:

> «Генпрокуратура потребовала от брокерских домов раскрыть имена и данные на всех клиентов, которые владеют привилегированными акциями «Транснефти». Как стало известно «Ведомостям», брокерские дома вчера получили письмо старшего следователя Генпрокуратуры по особо важным делам Романа Соколова с просьбой предоставить «полные списки депонентов <…> на счетах депо которых учитываются привилегированные акции "Транснефти"». Как следует из письма, копия которого есть в распоряжении «Ведомостей», Соколов хочет знать полное наименование депонента, его адрес, номера телефонов и факсов, паспортные данные физических лиц. Прокурора интересует, сколько акций принадлежит клиенту брокерского дома, является ли он собственником бумаг, номинальным держателем или управляющим. Также ему требуются договоры клиента и брокера, договоры купли-продажи бумаг и документы, удостоверяющие право собственности владельца на них. Соколов вчера от комментариев отказался, но источник в правоохранительных органах подтвердил наличие такого письма».

Очевидно, что «просто так» подобные требования не возникают и такие письма не пишутся.

Далее, «Транснефть» не могла не быть задетой упомянутой выше атакой в НАО. Причем достаточно болезненным образом. В планах «Транснефти» — своя экспортная труба «Харьяга—Индига» к терминалу на мысе «Святой нос» для экспорта тимано-печорской нефти в США. И политический «бенц», устроенный Прокуратурой в НАО, очевидным образом был направлен не только против ЛУКОЙЛа, но и против «Транснефти».

Следующее. Незадолго до описываемых событий «Транснефть» получила такой политически важный инструмент, как контроль над нефтепроводом Каспийского трубопроводного консорциума (КТК). Но «Роснефть» тут же начала требовать расширения трубопровода КТК. То есть? То есть создания для «Транснефти» стратегического конкурента в экспорте казахстанской нефти на мировые рынки.

Наконец, у «Транснефти» была давняя идея объединить под своей эгидой всех российских магистральных транзитеров углеводородного сырья, включая «Транснефтепродукт» и поставщика сжиженного газа ОАО «СГ-транс». Но эту идею в 2006 году при активном участии того элитного сгустка, который СМИ назвали «группой Сечина-Устинова», благополучно «зарубили».

Что еще были за сюжеты?

Игра № 6. Атака на Грефа.

В это же время, весной 2006 года, премьер М.Фрадков предложил изъять у Министерства экономического развития и торговли (МЭРТ) функции управления торговлей, переведя их в отдельное Министерство торговли. Это полностью отвечало интересам самого Фрадкова. Но по ряду косвенных признаков можно полагать, что Фрадков был достаточно осмотрителен для того, чтобы начинать такую атаку, не заручившись какой-то опорой в Кремле. Опорой же Фрадкова в Кремле, имеющей общий с Фрадковым интерес, могла быть только группа, ведущая вышеописанные войны с энергетическими и иными конкурентами.

Тот, кто в этом сомневается, должен соотнести рассматриваемый эпизод с гораздо более крупным эпизодом, в рамках которого у того же МЭРТ отобрали таможню. То есть сверхвлиятельное сверхприбыльное ведомство, распоряжающееся огромными ресурсами. В мае 2006 года из подчинения Грефа и его МЭРТа Федеральная таможенная служба была переведена в подчинение самого Фрадкова. Для Фрадкова это было огромным приобретением. Но шаг в элитной игре был столь рискованным, что никогда Фрадков не мог бы решиться на него без высоких кремлевских групп, на которые он был бы способен опереться.

Совокупность данных двух атак позволяет точнее прорисовать возможный контур подобной опорной группы.

Игра № 7. Атака на Дерипаску.

Как уже было сказано, 12 мая 2006 года в числе сенаторов, чьи полномочия потребовал прекратить спикер Совета Федерации С. Миронов, был и сенатор от Хакасии А.Саркисян.

Саркисян — это давний соратник главы холдинга «БазЭл» О. Дерипаски. А Хакасия — ключевой регион для Дерипаски.

Хакасские парламентарии сначала отказались прекратить полномочия Саркисяна. Но затем сам сенатор попросил об отставке. Синхронно с этим развивались следующие события.

24 мая 2006 года «Коммерсант» сообщает, что в Хакасию по инициативе Генпрокуратуры РФ (ее в тот момент возглавлял еще Устинов!) прибыла межведомственная комиссия, которой поручено проверить деятельность А.Саркисяна. По информации местных информагентств, ревизоры проводят проверку в правительстве Хакасии и администрации Саяногорска (Саркисян с 1995 года работал замгендиректора по безопасности АО «Саянал»). Глава Хакасии Алексей Лебедь вылетел в Москву.

Два дня спустя — 26 мая — «Известия» информируют читателей о том, что бригада Генпрокуратуры (вновь Генпрокуратура!) и МВД РФ будут расследовать в Хакасии ранее «спущенные на тормозах» уголовные дела. В частности, дело об уклонении от уплаты налогов Саяно-Шушенской ГЭС, возбужденное в отношении ее руководителей и бизнесменов С.Яшечкина и С.Светлицкого. Яшечкин — друг главы Хакасии А.Лебедя.

Ряд СМИ в эти же дни отмечает, что по необъяснимым причинам не было — пока! — возбуждено дело в отношении некоего Антия, мужа сестры жены Лебедя. Он якобы руководил спиртзаводом «Тепсей» и подозревался в незаконном возврате НДС в размере 2 млн. долларов. В поле зрения правоохранительных органов попадают и отношения А.Лебедя с главой фирмы «Мавр» В.Ромашовым. Сообщается, что бизнес Ромашова строится на партнерстве с сибирским управлением госрезерва, которым заведует однокашник А.Лебедя О.Шейко.

29 мая «Коммерсант» пишет, что глава Хакасии Лебедь провел специальную пресс-конференцию, чтобы опровергнуть информацию о его связях с криминалом. Публикацию «Известий» Лебедь расценил как начало кампании по его смещению.

В день отставки Устинова — 2 июня 2006 года — правительственная «Российская газета» сообщает о возбуждении уголовного дела в отношении бывшего чиновника в хакасской администрации В.Цыганка, члена правления Центрально-Азиатского банка (Цыганок руководил предвыборным штабом Лебедя).

В тот же день Совет Федерации проголосовал за прекращение полномочий сенатора Саркисяна.

То есть над А.Лебедем — главой ключевого для Дерипаски региона, Хакасии, — тучи сгущались не менее тревожно, чем над Бариновым в НАО. И «сгущались» они при активном участии Генпрокуратуры. Результат, правда, на том этапе оказался другим.

Возможно, «наезд» на Лебедя был всего лишь местью за несговорчивость хакасских властей в ситуации с отставкой Саркисяна (к чему мы еще вернемся). А возможно, дело обстояло значительно серьезнее.

Но в данном сюжете есть и еще один интересный поворот темы. Страсти по Саркисяну и Лебедю разгорались в тот момент, когда высокоинформированная и респектабельная газета «Ведомости» начала обсуждать тему передела собственности Дерипаски на других — нехакасских — «полянах».

30 мая 2006 года «Ведомости» сообщают, что совладелец РосУкрЭнерго Д.Фирташ оказался крупнейшим акционером компании «Зангас», правопреемницы «Зарубежнефтегазстроя».

В 2002 году Д.Фирташ и И.Фишерман купили 75 % акций «Зангаса» у прежних владельцев, среди которых В.Беляев (экс-топменеджер Дерипаски), Г.Лучанский, М.Черной и др. М.Черной подтвердил, что владел крупным пакетом акций «Зангаса», но покупатели не рассчитались в срок, задолжав 5 млн. долларов.

Что тут важно? Что обсуждение данной истории серьезная газета начинает проводить через четыре года после того, как история произошла. Фирташ купил «Зангас» в 2002 году! А обсуждать это начали в 2006-м! Крайне неправдоподобно, что такое обсуждение произошло стихийно, а не являлось частью какой-то крупной кампании. Но о какой кампании может идти речь? И какая группа может стоять за такого рода кампанией? В чем игра этой группы, буде она действительно существует?

Тут возможно несколько вариантов.

В их числе союз рассматриваемой группы с другими элитными игроками на основе общего интереса. Фирташ по своим причинам атакует Дерипаску. Интересующая нас группа делает это по своим причинам. Объединяет группу, олицетворяемую Фирташем, и группу, инициирующую прокурорские действия, ситуационный интерес, и не более того. Сегодня этот интерес есть, а завтра его место может занять все что угодно. В том числе и глубокий антагонизм. Но даже констатация ситуационного интереса может сказать о многом.

Между тем возможны и другие варианты. В том числе крупные игры, в пределах которых кто-то хочет представить происходящее как чужую игру.

Возможны также игры, которые порождены так называемым «отскоком». Какая-то группа атакует Дерипаску. А этой атакой пользуется кто-то другой для того, чтобы вести свою атаку под чужим прикрытием или встроиться в чужую игру, меняя ее качество и ее результат.

Все это — существующие в мировой практике прецеденты. Что имеет место в данном случае, мы можем установить, только продолжая анализ.

Игра № 8 — вокруг самого «Газпрома».

19 мая 2006 года «Московские новости», комментируя перестановки в ФТС и ФСБ, обращают внимание читателей на то, что отправленный в отставку замначальника Оперативно-розыскного управления службы по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом ФСБ генерал-майор Е.Колесников был правой рукой отправленного в отставку более года назад начальника управления И.Миронова. А Миронов, по информации газеты, известен тем, что в 1990-х годах встретился с В.Черномырдиным и далее занимался «решением некоторых вопросов» в интересах «Газпрома». Такова констатация, осуществляемая автором статьи.

Подчеркну, что статья в «Московских новостях» с этой информацией называется «След газовый или таможенный». И напомню, что в числе инициаторов отставок в ФСБ называлась именно «сечинско-устиновская группа».

Миф ли это или доказательные сведения? Для нас миф подобного рода, растиражированный нужным органом в нужный момент, ничуть не менее интересен, нежели реальные сведения.

Но «газовый сюжет» будет неполным без еще одной маленькой детали.

2 июня (в день отставки Устинова!) «Ведомости» сообщают, что венгерский газовый трейдер Emfesz при посредничестве совладельца РосУкрЭнерго Фирташа договаривается о покупке «Газинвеста», принадлежащего экс-министру топлива и энергетики, соратнику Р. Вяхирева П.Родионову. «Газинвест» контролирует 50 % акций в Печорнефтегазпроме, имеющем лицензии на 5 месторождений в НАО.

Здесь все интересно.

Во-первых, речь идет о переделе сфер влияния в «Газпроме».

Во-вторых, опять в центре внимания Д.Фирташ — фигура, скажем так, не публичная.

В-третьих, передел газовых активов влечет за собой, в том числе, и передел сфер влияния в НАО. В том самом НАО, где только что сняли сенатора Сабадаша и арестовали губернатора Баринова, и где «пересекаются» еще и интересы ЛУКОЙЛа и «Роснефти».

Следует обратить внимание на высказывание С.Белковского («Профиль», 22 мая 2006 года) о том, что отставленные сенаторы Сабадаш и Саркисян выстроили свои бизнес-империи на паях с отставленными генералами ФСБ Колесниковым, Плотниковым и Фоменко. Если Белковский прав, то «наезд» на генералов ФСБ, Сабадаша и губернатора НАО Баринова — это звенья одной цепи. И целью этих «наездов» не может не быть передел собственности в НАО, причем уже и с «заездом» в «Газпром».

Представим себе, что это действительно так. Тогда у «Газпрома» возникает сумма претензий к дерзким силам, осуществляющим подобный «заезд», он же наезд.

Но и у «Роснефти» есть свои претензии к «Газпрому», причем вполне стратегические. Где, как не в «Газпроме» и связанных с ним элитных группах, родилась идея включить «Роснефть» в нефтегазовый «суперхолдинг», то есть поглотить «Роснефть», драгоценную для очень серьезной элитной группы? Той самой, которую мы все время рассматриваем, и которую небездоказательно многие называют «группа Сечина-Устинова». Но даже если группы нет — уже есть слишком многое, говорящее о квазигрупповых синхронизациях. И.Сечин официально возглавляет совет директоров «Роснефти». Атаки на конкурентов «Роснефти» ведет Генеральная прокуратура, то есть В.Устинов.

Вспомним также, что именно «группа Роснефти», инициировав развал ЮКОСа (при прямом и обязательном участии Устинова), заодно перехватила у «Газпрома» наиболее «вкусный» ЮКОСовский актив — «Юганскнефтегаз»!

Не слишком ли много совпадений для того, чтобы считать систему наших сопоставлений абсолютно бездоказательной? Конечно, это не доказательства в строгом смысле слова. Но игра идет, и мы видим, что в игре различные силы сопрягаются разными способами. Ситуационные союзы по интересам, глубокие стратегические союзы. А в чем совокупный результат? В том, что к лету 2006 года анализируемая нами группа стала атаковать слишком многих на слишком широком фронте. В результате она вызвала крайнее недовольство большинства других элитных кланов.

Стоит всмотреться в ту карту элитных войн, которая прямо вытекает из вышеописанного (рис. 58).

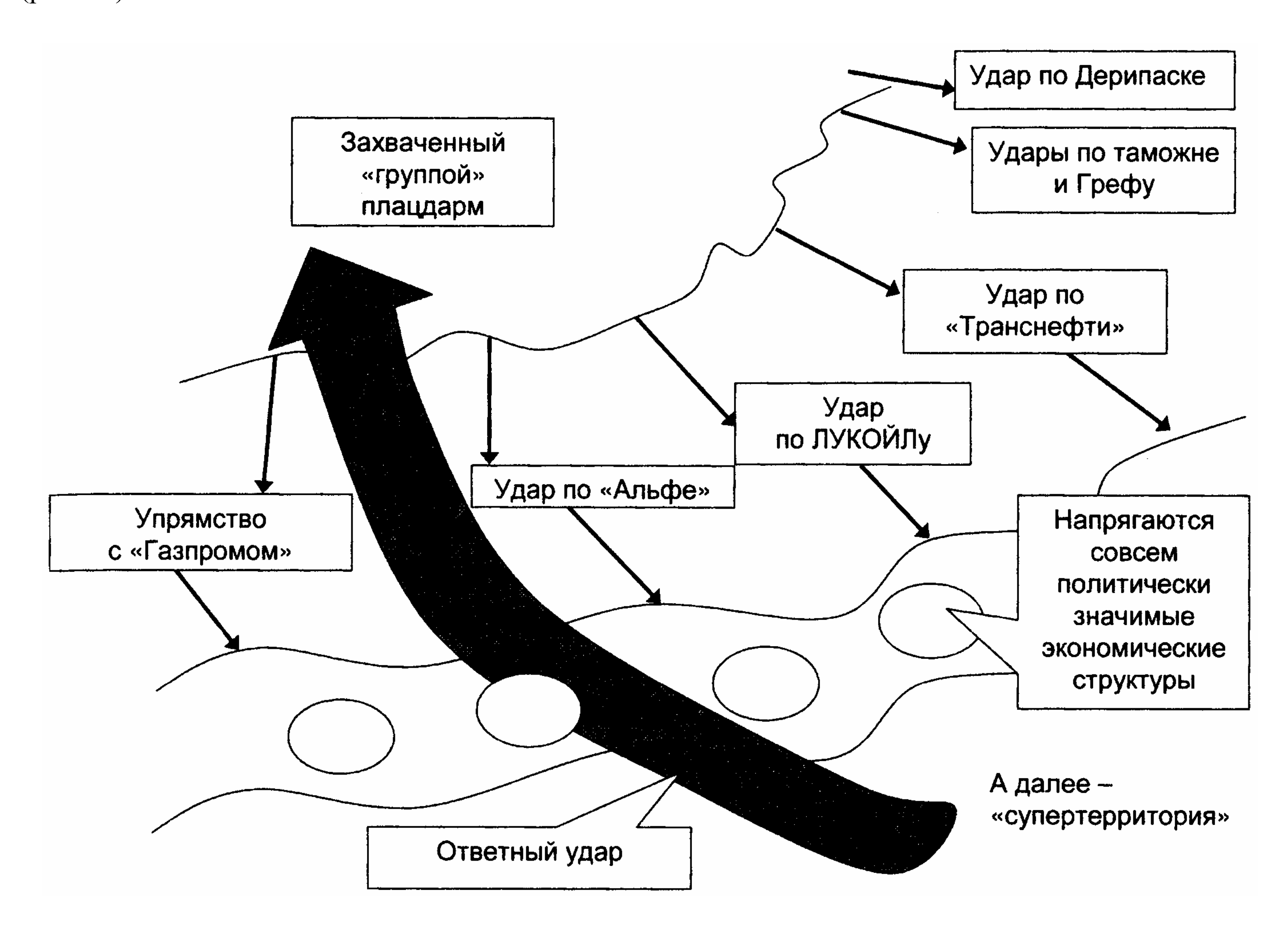

Рис. 58

Я не буду здесь детально расшифровывать, что такое «совсем политически значимые экономические структуры», а также что такое «супертерритория». Те, кто знает, поймут. А тем, кто не знает, объяснять долго и сложно, а доказать — совсем уж трудно. Кто хочет, может выкинуть эти невнятные отсылки или назвать их просто заметками на полях. Для аналитики элит гораздо важнее установить, напоминает ли данный сюжет что-нибудь из прошлого. И что именно. Я предлагаю к рассмотрению следующую ситуацию из более далекого прошлого.

Глава 6. Политико-экономические игры — и Коржаков

Все вышеописанное и сведенное в единую карту боевых действий (рис. 58) я буду называть «это». Или — «эта история».

А сопоставлять я ее буду с историей, которую назову «коржаковской».

Что же здесь сопоставимо?

Между этой историей и коржаковской историей, представьте себе, есть несколько вполне содержательных параллелей.

В чем обвиняли Коржакова, кроме общеизвестных эпизодов со швырянием людей «лицом в снег», узурпации доступа к первому лицу государства и создания собственного мини-КГБ? Его обвиняли в попытке подмять под себя наиболее «лакомые» куски собственности и экономические полномочия.

В этом смысле весьма показательным является то, что более или менее открытое обсуждение фигуры А.Коржакова и его роли в российской политике началось с публикации в газете «Известия» в конце декабря 1994 года письма главы Службы безопасности Президента тогдашнему премьер-министру В.Черномырдину. В этом письме Коржаков резко выступал против требуемого Международным банком реконструкции и развития (МБРР) введения «недискриминационного доступа к трубопроводам» нефтяных экспортеров (то есть фактической либерализации нефтяного экспорта). По сути это привело бы к краху системы спецэкспортеров (помните, был такой институт в российской экономике?), а значит, и возможности для значительного сегмента российской бюрократии паразитировать на нефтеэкспортных доходах.

В своем письме Коржаков почти ультимативно требовал от премьера передать выработку политики в российском нефтяном секторе тогдашнему первому вице-премьеру О.Сосковцу, то есть своему ближайшему соратнику. При этом шеф СБП не мог не знать, что между Черномырдиным и Сосковцом имеет место не просто карьерная конкуренция, а глубочайшая взаимная неприязнь (если не сказать, ненависть). А вину за неправильную, по мнению шефа СБП, политику России в нефтяной сфере Коржаков возлагал на не чуждого Черномырдину А.Шохина.

Письмо Коржакова было предано огласке. Началось всеобщее обсуждение фигуры главы СБП и его экономических «аппетитов». В какой-то мере это было «началом конца» почти всевластной до того момента «кремлевской силовой группировки». Что же касается судьбы того письма, то оно было передано Черномырдиным «на исполнение», — но не «верному коржаковцу» Сосковцу, а вполне благожелательному к Черномырдину вице-премьеру и министру внешнеэкономических связей О.Давыдову.

И вот 12 лет спустя те же «Известия» начинают делать нечто, удивительно похожее на историю с Коржаковым.

В номерах за 17, 18 мая и 7, 8, 9 июня 2006 года «Известия» публикуют «газетный сериал» журналиста В.Перекреста «За что сидит Михаил Ходорковский?».

Наиболее интересен и примечателен для нас материал от 9 июня. Заметим, что 9 июня — это ровно неделя со дня отставки Устинова.

И тут необходима цитата:

> «Свою версию трагической развязки «дела Ходорковского «мне рассказал руководитель PR-агентства, в 2003 году тесно сотрудничавшего с МБХ [М.Б.Ходорковским]. Сейчас этот человек, он просил не называть его имени, живет за границей.
>
> По его мнению, Ходорковского подставил Роман Абрамович, который хотел получить контроль над объединенной компанией «ЮКОС-Сибнефть». Напомним, ранее Ходорковский причину своего ареста также объяснял желанием неких сил отобрать у него компанию.
>
> — Абрамович рассчитывал, что руками «силовиков» посадит Ходора, но не всерьез, а дня на три, чтобы попугать, — рассказал бывший пиарщик. — Чтобы тот на нарах подписал отступное в пользу Абрамовича — тогда его бы вытащили.
>
> «Силовики» — это, если верить экспертам, связка Игоря Сечина и Генпрокурора (теперь уже бывшего) Владимира Устинова. Их поддерживали, опять же по устойчивому мнению, глава «Роснефти» Сергей Богданчиков и глава Межпромбанка Сергей Пугачев. Именно «силовики», по некоторым сведениям, инициировали доклад СПС об опасности олигархического переворота.
>
> По данным Глеба Павловского, в течение первой половины 2003 года группа действовала наиболее агрессивно. «Силовики» стоят на позициях усиления роли государства в бизнесе, а демократическим ценностям предпочитают православные. Многие тяготеющие к группе предприниматели в 90-х годах не принимали участия в формировании российского бизнеса, ничего не получили и стремились наверстать упущенное.
>
> — Когда защитники Ходорковского, оправдывая его методы ведения бизнеса, говорят, что все так делали, а им отвечают, что не все, то имеют в виду именно предпринимателей из группы «силовиков», которые в 90-х еще не имели серьезных рычагов влияния в политике и бизнесе, — пояснил Павловский. — «Силовики» глубоко презирали тех, кто был во власти и около власти в 90-х, а Ходорковский, безусловно, ассоциировался у них с той элитой.

Нелюбовь кастовая усиливалась коммерческой. Глава «Роснефти «Сергей Богданчиков вряд ли принадлежал к фан-клубу Ходорковского: Дума постоянно принимала выгодные «ЮКОСу» законы, и «Роснефть» не могла с ним конкурировать.

— Рома (Абрамович. — «Известия») постоянно контачил с «силовиками» и добавлял на эти дрожжи, что у Ходора, мол, немереные политические амбиции, что он хочет захватить власть, допустить к недрам американцев, — рассказывал пиарщик. — Понимал, что все это будет передано президенту, они между собой его Вождем называли.

Не оценив всю опасность ситуации, на предложение Абрамовича отдать компанию Ходорковский ответил отказом.

— Войны не будет, развод, — такие слова передал он через адвокатов.

Сейчас трудно сказать, что это было: проявление мужества или уверенность в том, что его обязательно спасут те в администрации, кто представлял либеральное крыло: считается, что возглавлял его Александр Волошин. Сделка «ЮКОСа» с «Сибнефтью», как известно, расстроилась, американцам ничего не досталось. Государство выиграло, отстояв свои интересы. Выгадал и Роман Абрамович: он умудрился продать государству свою компанию, получил абсолютно легальные деньги, и вопрос о сомнительном бизнесе 90-х для него теперь навсегда закрыт.

Что же касается Ходорковского, то его не спасли: может, не смогли, а может, не захотели. Вряд ли кто-то предполагал, что Ходорковскому дадут «на всю катушку». Однако такой финал был предопределен всеми перечисленными факторами — далеко не только теми, что прозвучали в суде. Не спасали Ходорковского и выступления адвокатов и дружественных «ЮКОСу» СМИ — они были сколь шумными, столь и неэффективными и только раззадорили тех, кто решил «дожать» олигарха.

Богатейший человек страны стал знаковой фигурой — символом смены эпох, знаком поражения лидера «разбойничьего капитализма» в схватке с не менее амбициозными «силовиками»».

Данная версия важна для меня тем, что она, как я уже говорил, опубликована сразу после отставки Устинова, когда у кого-то возникает иллюзия, что пора сводить счеты. В такие моменты выплескивается достаточно серьезная информация. И все же никаких оснований считать высказанную версию совокупностью истинных сведений у меня нет. Это еще один (в данном случае антиустиновский и антисечинский) залп в пределах информационной войны. Любой такой залп, кто бы его ни осуществлял, я называю мифом. А дальше анализирую структуру мифа, его направленность и, так сказать, «информационную энергийность».

В данном же случае меня больше всего интересует «квазикоржаковскость» данного мифа. Описанные здесь «злокозненные» фигуранты действуют (за вычетом этой их ужасной «злокозненности») точь-в-точь как Коржаков. И понятно, почему. И в самом деле, есть глубокие ценностные и иные расхождения. Эти расхождения нельзя сводить к этническим. Они намного сложнее. Конечно, у них есть этническая подоплека. Был бы я любителем мифов о русско-еврейской распре, все бы расписал как по нотам. Да вот беда — в одной из «русских групп» (фигурирующей в коржаковской истории) почему-то размещается Березовский… В последующей сходной группе (фигурирующей в пределах «этой истории») сходным образом размещается Абрамович… Что же это за группы-то?

Есть любители описывать распрю между двумя крыльями еврейского комьюнити, олицетворяемыми теми персонажами, которые примыкают к «русской группе», и их антагонистами. Но это и смутно, и очень уж эксцентрично.

Еще один способ классификации состоит в том, чтобы противопоставить группу Демократической партии США и группу Республиканской партии США. Мол, Гусинский примыкал к Черномырдину. Черномырдин к Гору. Коржаков боролся с Черномырдиным (а значит, и с Гором). Значит, где-то рядом с Коржаковым вращались американские республиканцы. Может быть, Коржаков этого и не замечал. Связи подобного рода всегда опосредованы. Ну а рядом с Гусинским были международные элитарии с ориентацией на Демпартию США. А дальше Березовский «развелся» с Коржаковым и «завязался» с Гусинским. А потом снова поссорился с Гусинским. Он стал ненадежен, и его заменили на более надежного и менее амбициозного Абрамовича…

Может быть принята к рассмотрению такая гипотеза? Конечно, может. Но она слишком абстрактна. И интересна лишь постольку, поскольку мы должны перейти от «мебельных» дел,

которые выше затронули, и связанных с ними распрей к чему-то крупному. Сейчас мы лишь прорисовали это крупное очень и очень эскизно. Просто для того, чтобы показать, как оно может выглядеть.

Нам помогла условная (а честно говоря — по-видимому, и не только условная) аналогия с Коржаковым. Если наша реконструкция элитных боевых действий, изображенная на все том же рисунке 58, справедлива, то справедлива и аналогия между «этой историей» и коржаковским прецедентом. Справедливость подобных аналогий — в их типологической, а не буквальной сопоставимости.

С типологической точки зрения, «эта история» напоминает действия группы Коржакова образца 1995–1996 годов, когда главе СБП «до всего было дело» в вопросах экономики. Коржаков тогда фактически решал многие вопросы в медиа-бизнесе, металлургии, нефтяном секторе, импорте продовольствия и т. д. И многие тогда считали, что «коржаковцы» стремятся монополизировать контроль над ключевыми экспортными сегментами экономики России.

Есть еще одна маленькая деталь, которая сближает тогдашнюю ситуацию с ситуацией 2006 года. Понятия «олигархия», «семибанкирщина» и т. д. появились именно после отставки Коржакова, когда российские «экономические магнаты» получили реальный доступ к рычагам политического управления страной.

Это не значит, что до этого они такого доступа не имели. Конечно, имели, но в ином качестве. До отставки Коржакова не было понятия «олигарх». Березовский (равно как и его друг-враг Гусинский) не был конфидентом главы государства и его приближенных. Он был одним из «людей Коржакова», всецело от него зависящим. Но разве таким клиентелльным статусом обладал только Березовский? Весь класс крупных собственников в России представлял собой в тот момент, скажем так, «почти клиентеллу» почти бюрократических (на самом деле существенно спецслужбистских) кланов. Чекизм начался отнюдь не в 2000 году — и в этом суть рассматриваемого вопроса.

Раскол между спецслужбистскими кланами тянется из далекого прошлого. На какой-то момент роль одного из акторов в этом расколе взяла на себя группа Коржакова. Позже роль сходного актора стала играть та группа, которую мы рассматриваем в данной истории. Сходство ролей не предполагает никаких формальных механизмов преемственности. Роли могут быть неосознаваемыми. Вновь и вновь обращаю читателя к метафоре (она же цитата), в которой герой Мольера не знает, что говорит прозой. Такая ролевая заданность не есть свойство постсоветского периода. Это часто бывало так в мировой истории.

Итак, в какой-то момент группа Коржакова решила, что она может получить монопольные позиции в российской экономике и власти. И это стало ее фатальной ошибкой.

Во-первых, это сразу же настроило против Коржакова все остальные бюрократические кланы и (что самое важное!) самого Ельцина. Действительно, если Коржаков и Сосковец смогут «рулить» всем сами, — зачем им Ельцин? Видимо, эта мысль, возникшая однажды в голове первого президента РФ, и стала роковой для «коржаковцев». В какой-то мере это выразил сам Ельцин, комментируя отставку Коржакова, Барсукова и Сосковца словами: «Много стали на себя брать и мало отдавать».

Во-вторых, это напугало некоторых «клиентов» самой группы Коржакова (того же Березовского, например). Они поняли, что резкое усиление «патронов» делает их окончательными заложниками ситуации. Сегодня ты своему «патрону» угоден, а что будет завтра?..

В-третьих, был и международный фактор. Резкое усиление «коржаковцев» в России означало и резкое усиление позиций их зарубежных партнеров. Это кто такое потерпит?

Тогда вызов усилению «коржаковцев» бросил крупный капитал знаменитым «письмом 13-ти». В этом письме будущие «олигархи» заявили о своих претензиях на то, чтобы быть не просто чьей-то «клиентеллой», а классом крупного капитала. То есть всерьез взять на себя ответственность за развитие страны, за ее историческую судьбу.

Ситуация в России после отставки Коржакова — это фактически ситуация доминирования собственности над властью. В частности, Березовский из скромного посетителя коржаковской приемной на время превратился в одного из хозяев ключевых отставок и назначений.

Однако усиление так называемой «олигархии» не привело к созданию консолидированного капиталистического класса. Члены «семибанкирской клики» оказались слишком индивидуалистичны и слишком антагонистичны друг другу, чтобы обеспечить не то что развитие страны, а хотя бы

элементарную стабильность власти. Результат — «олигархические войны» 1997–2000 годов и приход Путина.

Период Путина — это снижение роли собственности по отношению к власти. Те из «олигархов» образца 1990-х годов, кто сумел «сохраниться на плаву», в какой-то степени вновь превратились в «клиентеллу» госбюрократии и ее силового компонента.

И в той мере, в какой это произошло, ситуация 2006 года — достаточно близкий и многозначительный аналог ситуации 1995–1996 годов.

Глава 7. Отставка Устинова — фактор странностей

Однако только историческими параллелями сыт не будешь. Далее я просто обязан говорить о неких очевидных странностях, сопровождавших отставку Генпрокурора.

Каковы же эти очевидные странности?

Странность № 1. Неожиданность. Отставку Устинова не прогнозировал никто. Никаких «утечек» о возможности такой кадровой рокировки также не было.

Странность № 2. Нарушение процедуры отставки. Сенаторам не было представлено собственное заявление Устинова, на основании которого В.Путин, возможно, и подписал представление об отставке. Кроме того, Генпрокурор не явился в Совет Федерации на голосование по вопросу собственной отставки, хотя по существующим законам был обязан отчитаться перед сенаторами о проделанной работе.

Странность № 3. Неадекватность реакции некоторых официальных лиц. По информации «Московского комсомольца» от 3 июня 2006 года, руководитель Управления информации Генпрокуратуры Н. Вишнякова в ответ на просьбу прокомментировать отставку Устинова заявила корреспондентке РИА «Новости»: «Пошла ты на фиг» (цитата — из «Московского комсомольца»). Впрочем, через 20 минут руководство агентства извинилось перед читателями за «некорректный материал, ошибочно выпущенный на ленту».

Такая эмоциональная реакция Вишняковой говорит о том, что аппарат Генпрокуратуры не только не был готов к отставке своего руководителя, но и, видимо, до последней минуты даже просто не знал об этом событии.

Странность № 4. «Непрозрачность» мотивов отставки. И отсутствие хоть какой-нибудь (!) официальной мотивировки. Тут даже комментировать ничего не надо. То ли сам Генпрокурор запросился в отставку, то ли его принудили. То ли он заболел, то ли…

Странность № 5. Подчеркнутое нежелание сенаторов обсуждать причины отставки Генпрокурора.

Так, во время постановки вопроса об отставке Устинова на голосование лишь один (!) сенатор В.Судариков поинтересовался возможными причинами. На это глава комитета СФ по судебным и правовым вопросам А.Вавилов заявил, что «президент не обязан объяснять мотивы своего решения». А еще откровеннее выразился в интервью «Московским новостям» от 9 июня 2006 года глава сенатского комитета по конституционному законодательству Ю.Шарандин:

> «Когда мне заявляют: «Общество желает знать», — я отвечаю: «Общество знает про Генпрокуратуру ровно столько, сколько знает и СФ». Мы не считали нужным разбираться в причинах отставки, потому что у нас было личное заявление Устинова. С формальной точки зрения вместе с представлением президента этого достаточно для принятия решения. Так нет же, кому-то нужно еще и в анализы залезть… Для журналиста, политического деятеля такая позиция допустима, но для представителей власти причины отставки значения не имеют. Я голосовал за президента, я дал ему мандат доверия. Президент исполнил то, что положено по Конституции. Все.
>
> Не нравится? Так боритесь, создавайте общественно-партийные структуры, вносите изменения в закон, чтобы данные о Генпрокуроре публиковались в открытой прессе. Если общество это поддержит — так тому и быть. Но пока в законе этого нет.
>
> Мы же с коллегами поборолись, когда Генпрокурор перестал приходить в Совет Федерации. В законе было записано: Генпрокурор ежегодно представляет в СФ доклад о состоянии законности. Раньше никаких проблем не возникало: прокуроры приходили и выступали с докладом. А последние пару лет доклад нам просто присылали или его зачитывал

замГенпрокурора. СФ с этим не согласился, и с нашей подачи были внесены поправки в закон, которые обязали Генпрокурора лично представлять доклад».

Странность № 6. Разноголосица в комментариях официальных лиц. Спикер СФ С.Миронов 2 июня 2006 года назвал отставку Устинова «технической». В тот же день анонимный представитель АП в интервью «Интерфаксу» связал отставку Генпрокурора с желанием Путина провести кадровые перестановки. То есть недвусмысленно дал понять, что отставки продолжатся. Но тогда в чем «технический» характер ухода Устинова?

Таким образом, можно говорить, что отставка В.Устинова действительно стала результатом какой-то «непрозрачной» клановой коллизии. И необходимость герменевтики данного события порождена не нашими «эссенциальными» страстями (проще — попытками искать неочевидное в очевидном), а реальностью. Так и продолжу ее описывать. А также анализировать.

Глава 8. Отставка Владимира Устинова в так называемом «неовизантийском контексте»

Миф ли это или достоверная констатация, но большинство экспертов оценивали отставку В.Устинова как тяжелое поражение «группы И.Сечина». Мы не имеем никаких особых оснований для того, чтобы подтверждать или опровергать данные утверждения. Но, поскольку они наличествуют, нам важно придать подобной оценке более структурный характер. То есть «размять» сценарии, доартикулировать обстоятельства. Впоследствии это может пригодиться. А пока — является просто абсолютно необходимой рутиной, без которой невозможно двигаться дальше.

Рутина так рутина. Аналитическая деятельность, которой мы занялись, без рутины в принципе невозможна.

Последствия отставки Генерального прокурора В.Устинова можно — в предложенном не нами, но нами рассматриваемом кланово-групповом ракурсе — разделить на собственно политические и политико-психологические.

Собственно политические последствия — это потеря группой Сечина (буде она не миф) важнейшей позиции в государственном аппарате. Основная функция Генпрокуратуры — надзор за соблюдением законности в различных сферах российской жизни — позволяет собирать и контролировать эксклюзивную информацию о тех или иных правонарушениях, сомнительных деяниях и т. д. Кроме того, возможности Генпрокурора просто уникальны с точки зрения преследования клановых оппонентов. Так что потеря контроля над этим ведомством — безусловно, очень серьезный удар по Сечину и рассматриваемой группе.

Политико-психологические последствия тоже достаточно тяжелы. Знал ли Сечин о предстоящей отставке Устинова?

Если знал — то не смог противодействовать. Что говорит о том, что Сечин слаб и не может защитить своего ставленника.

А если не знал… Тогда ситуация еще хуже, так как «читают» такой сюжет определенным образом: «Раз Сечин не знал об отставке своего родственника Устинова, значит, он не только ослаб, но и уже не входит в круг особо доверенных лиц президента».

Таким образом, оба варианта — и информированности Сечина об отставке Устинова, и неинформированности Сечина — это удар по имиджу «сечинской группы» в глазах окружения Путина и бюрократического аппарата в целом. Но и это еще не все.

Отставка Устинова — событие почти беспрецедентное в том смысле, что Путин отправил в отставку человека, известного исключительной лояльностью к главе государства.

Отметим, что отставки Устинова неоднократно требовали и раньше. Его обвиняли то в получении «слишком шикарной» квартиры, то в некомпетентности, то в игнорировании расследования «резонансных» дел, то, напротив, в специфической заинтересованности в возбуждении этих дел и особой строгости к подследственным. Но Путин фактически ни разу даже не прореагировал всерьез на критику в адрес Генпрокурора.

Это особенно показательно, поскольку важнейшими личными чертами Путина как главы государства в его отношениях с подчиненными называют, с одной стороны, высокую требовательность по части личной лояльности Президенту и, с другой стороны, нежелание «сдавать своих» вне зависимости от того, какое они вызывают раздражение в России или за рубежом. И,

значит, для того, чтобы Устинов настолько «перестал быть своим», должны быть очень веские причины.

Каковы же эти причины? Каковы возможные ошибки Генпрокурора, которые сам Путин или его приближенные могли трактовать как нелояльность Устинова (его ли только, или «сечинской группы» в целом — отдельный вопрос) Президенту?

В порядке предположения можно назвать несколько ошибок такого рода.

Гипотетическая ошибка № 1. Нарушение кланового баланса. В течение нескольких недель, предшествующих отставке, очень много говорилось о резком росте влияния «группы Сечина-Устинова» в результате перестановок в таможне, ФСБ, среди сенаторов, а также в результате антикоррупционных расследований. Но резкое усиление одной группы в окружении главы государства — это всегда предмет недовольства не только остальных групп, но и самого президента. Который явно не заинтересован в том, чтобы оказаться заложником амбиций единственного клана, одолевающего всех конкурентов.

Гипотетическая ошибка № 2. В СМИ широко обсуждался якобы наметившийся к весне 2006 года альянс Сечина и Устинова с мэром Москвы Ю.Лужковым. Чтобы не быть голословным, приведу хотя бы такую цитату: *«Возможно, свою роль сыграли слухи об альянсе Устинов—Сечин—Лужков: в этой безобидной политической комбинации* (ничего себе, безобидная! — С.К)*, имевшей, скорее всего, цель использовать Лужкова против неугодных клану кандидатов в президенты типа Медведева или Иванова, президент мог увидеть более зловещий смысл»* (Ю.Латынина, «Новая газета» № 42, 5 июня 2006 года).

А вот вам, пожалуйста, еще: *«В последнее время сложилась довольно сильная группировка силовиков, состоящая из замглавы Администрации президента Игоря Сечина, Генпрокурора Устинова, а также московского мэра Юрия Лужкова. Сечин и Устинов вполне подконтрольные фигуры. Но в союзе с Лужковым становятся очень мощной силой — в финансовом плане, а также будут подкреплены территориальной структурой. Возможно, что президент счел, что эта группировка будет слишком влиятельной, и решил уменьшить ее силу».* (Д.Орешкин, «Газета. Ру», «Полномочные преемники Путина», 2 июня 2006 года).

В какой мере союз Сечина-Устинова с Лужковым правда — вопрос сложный и отдельный. Но мы обязаны зафиксировать все гипотезы. В том числе эту. Ведь дело не в самих связях! Пусть они носят мифический характер — и что? Версия-то была озвучена в достаточной степени, чтобы оказаться фактором политической игры. Между тем одна лишь версия о наличии такого сближения не могла не вызвать закономерной обеспокоенности Путина. Хотя бы потому, что московский мэр на тот момент все еще воспринимался в Кремле как возможный претендент на президентское кресло. Если противник сумел навязать ложную версию — то это значит: он умеет добиваться игрового преимущества с помощью правильных действий в пределах информационной войны.

Гипотетическая ошибка № 3. Процессуальная (она же политическая). «Коммерсант» от 3 июня 2006 года пишет, что Генпрокуратура решилась на арест и предъявление обвинений губернатору НАО Баринову без визы главы государства. Если это так, то подобное «самоуправство» Устинова не могло не насторожить Путина — и как нарушение субординации, и как прецедент. Сегодня без визы президента арестовывают губернатора, а завтра кого?

В связи с этим в СМИ (в частности, весьма влиятельном и «властно-приближенном» журнале «Эксперт») стали обсуждать гипотезу о том, что Устинов решил продемонстрировать свои возможности и показать, что прокуратура — это весьма эффективный инструмент установления контроля практически над всеми ветвями власти (Советом Федерации, губернаторами и т. д.).

Гипотетическая ошибка № 4. Обратимся к общесистемной исторической аналогии. Многие аналитики считают, что роковой ошибкой Е.Примакова в ходе противостояния с Б.Березовским в 1999 году стала атака на «Сибнефть». Именно эта атака сделала потенциальных союзников Примакова в «Семье» его врагами. Примаков считал, что действиями против «Сибнефти» он атакует только Березовского, а реально задел интересы значительно более широкого круга властных лиц, включая своих возможных союзников.

Применяя метод аналогии, рискнем предположить, что в истории с Устиновым произошло нечто подобное. Ведь желание сотрудников Генпрокуратуры знать реальных владельцев акций «Транснефти» (при том, что многие знания всегда умножают скорбь) было, как минимум, бестактным. А как максимум — вызывающим. В любом случае, ряд потенциальных союзников Устинова и Сечина (или фигур, относящихся к ним в целом нейтрально) сразу становились их злейшими и опаснейшими врагами.

Гипотетическая ошибка № 5. Атака на ЛУКОЙЛ. Здесь опять же можно сослаться на СМИ, например, на ту же статью Ю.Латыниной: *«В течение трех недель одна из самых могущественных кремлевских группировок преобразовала удар по таможне, нанесенный с использованием президента в качестве стратегического оружия, в удар, нанесенный по опорным точкам ЛУКОЙЛа. И, как выяснилось, перебрала».*

ЛУКОЙЛ — это не просто одна из крупных нефтяных компаний. Это сверхважный элитный фактор. Перечислять группы, ставящие на ЛУКОЙЛ (и их конкретных властных делегатов), можно достаточно долго. Но для обозначения весомости ЛУКОЙЛа достаточно напомнить, что через «Коноко-Филипс» тянется очевидная связь между ЛУКОЙЛом и семьей Бушей. Не американцами вообще, не республиканцами, а именно этой сверхпривилегированной и сверхважной семьей.

В связи с уже обсужденными атаками власти на «Альфа-групп» подчеркнем разницу. «Альфа» — это «поле законной охоты», поскольку имеет общеизвестную привязку к Демпартии США и британским элитам (уже приводилась весьма популярная расшифровка BP: «Блэр Петролеум»).

А вот ЛУКОЙЛ, как мы уже зафиксировали, прописан на другой «элитной политической территории». И охота на него со стороны тех, кто хочет дружить с республиканцами, нарушает элитные правила. Причины этой охоты в целом понятны. Мы знаем, что в США внутриреспубликанская борьба между Бушем-старшим и Чейни вошла к 2006 году в крайне острую фазу.

Но Чейни не может себе позволить напрямую атаковать отца президента США. А по сути, и самого президента. А может ли тогда условный российский партнер Чейни атаковать партнера Буша (ЛУКОЙЛ)? Это называется «поперек батьки в пекло». Весьма рискованная затея!

Главное же, атаковав сразу всех («Транснефть», ЛУКОЙЛ, «Альфу», «Газпром», Дерипаску и т. д.), клан, который мы рассматриваем, действительно, недопустимо растянул фронт. И допустил непростительную ошибку, заставив объединиться тех, кто никогда бы не объединился, не будь подобной атаки.

И еще раз повторим: были в новейшей российской истории подобные «неосторожные» прецеденты. Так действовал Коржаков, но также действовал и гораздо более опытный Примаков. Так действовал Чубайс, но так же действовал и его «заклятый друг» Березовский.

Почему не предположить нечто подобное в данном случае? Самим таким предположением мы вновь вывели себя на поле зыбких исторических параллелей. Так «доиграем» их до конца.

Глава 9. Отставки и назначения Генерального прокурора РФ в новейшей истории России

Процедурный аспект

Процедура отставки и назначения Генерального прокурора РФ в новейшей истории России менялась несколько раз.

15 декабря 1990 года в Конституцию РСФСР были внесены поправки. Согласно им, вместо подотчетной Генеральной прокуратуре СССР Прокуратуры РСФСР была создана Генеральная прокуратура РСФСР. Соответственно, тогда же была введена и должность Генерального прокурора РСФСР, назначаемого Верховным Советом РСФСР при одобрении Съезда народных депутатов РСФСР.

17 января 1992 года Верховный совет РФ принял закон «О Прокуратуре». Согласно этому закону, Генеральный прокурор РФ назначался Верховным советом РФ по представлению Председателя Верховного Совета РФ с последующим утверждением Съездом народных депутатов РФ. Срок полномочий Генпрокурора — 5 лет.

Таким образом, Генеральный прокурор оказывался фигурой, зависимой от Верховного Совета. А фактически его судьба оказывалась в руках спикера тогдашнего парламента Р.Хасбулатова. В условиях политического противостояния «главный законник страны» был волей-неволей вынужден поддерживать Верховный Совет.

21 сентября 1993 года Б.Ельцин издал указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», предполагавший роспуск Верховного Совета, приостановление действия части статей тогдашней Конституции РФ, а также проведение 12 декабря 1993 года референдума по проекту новой Конституции.

Согласно одному из пунктов этого указа, Генеральный прокурор РФ и его заместители на время конституционной реформы назначаются Указами Президента и ему же подчиняются.

12 декабря 1993 года была принята новая Конституция РФ. С этого момента Генпрокурор назначается сроком на пять лет Советом Федерации по представлению Президента России.

Инвентаризация исторических прецедентов

28 февраля 1991 года Верховный Совет РСФСР утвердил первым Генеральным прокурором РСФСР В.Степанкова.

22 сентября 1993 года — на следующий день после указа Ельцина о роспуске Верховного Совета РФ — полномочия Степанкова как Генерального прокурора были подтверждены президентским указом о его переназначении.

Однако 5 октября 1993 года Степанков был, опять-таки президентским указом, снят с должности. Причина — весьма двусмысленное поведение Генпрокурора в период сентябрьско-октябрьского противостояния Ельцина и Верховного Совета.

В тот же день — 5 октября 1993 года — Генеральным прокурором РФ был назначен член Президентского совета А.Казанник. Этот юрист наиболее известен тем, что в 1989 году уступил свое место в Верховном Совете СССР Б.Ельцину.

26 февраля 1994 года Казанник подал в отставку. Причина — несогласие как с решением Государственной Думы об амнистии участникам событий 3–4 октября 1993 года, так и с точкой зрения окружения Ельцина о необходимости возложения политической и юридической ответственности за октябрьские события только на арестованных руководителей ВС и экс-вице-президента Руцкого.

В тот же день — 26 февраля 1994 года — Ельцин своим указом назначил и.о. Генерального прокурора А.Ильюшенко. На момент этого назначения Ильюшенко был главой Контрольного управления АП РФ.

Комитет Совета Федерации по законодательству расценил назначение Ильюшенко и.о. Генпрокурора как незаконное, так как назначение на этот пост должно производиться только по решению Совета Федерации. В результате кандидатура Ильюшенко на пост Генпрокурора отклонялась Советом Федерации дважды — 12 марта 1994 года и 24 октября того же года.

Летом 1995 года СМИ стали озвучивать обвинения в коррупции в адрес Ильюшенко. Большая часть этих обвинений была связана с деятельностью компании «Балкар-Трейдинг», которую возглавлял бизнесмен П.Янчев. Заметим, что тесть П.Янчева — В.Узбеков — занимал пост первого заместителя Генерального прокурора РФ (т. е. был правой рукой Ильюшенко).

8 октября 1995 года Ильюшенко был освобожден от должности и.о. Генерального прокурора. На эту должность был назначен и утвержден Ю.Скуратов.

А 15 февраля 1996 года Ильюшенко был арестован по обвинению в получении взяток от главы «Балкар-Трейдинга» П.Янчева. Причем его арест был санкционирован новым Генеральным прокурором Ю.Скуратовым.

Уголовное преследование Ильюшенко сопровождалось компрометационными атаками некоторых СМИ на бывшего и.о. Генпрокурора. Для примера приведем материал из журнала «Профиль» от 8 января 1997 года, где была опубликована расшифровка телефонного разговора А.Ильюшенко, его жены Т.Ильюшенко и П.Янчева от 24 декабря 1994 года (приводится с сокращениями):

ЯНЧЕВ: Алексей Николаича!

Т.ИЛЬЮШЕНКО: Петр, ты чего так ведешь себя?.. Он моется сейчас в ванной. (Пауза.) В конце концов, надо это дело добить до конца.

ЯНЧЕВ: Ну, милая моя… если сегодня склады закрыты…

Т.ИЛЬЮШЕНКО: Тебе никто не предлагает сегодня ехать и рыться на складах. Надо было сказать, что в понедельник посмотрим. Чего друг другу нервы мотаете? Из-за ерунды.

ЯНЧЕВ: Тань, ну, елки, если склады закрыты, во-первых…

Т.ИЛЬЮШЕНКО: Он что, тебе предлагал сегодня ехать и самому… это самое… искать там? (Пауза.) Ты пойми, он и так психует из-за этой Чечни. Что вы… что… это самое… друг другу… я не могу понять. Дело не стоит выеденного яйца. Вы… я не знаю… (Пауза.) Скажи, что в понедельник… все пусть посмотрят там… Она должна быть, эта-то фурнитура…

ЯНЧЕВ: Она, фурнитура, может быть в этих… в ящиках…

Т.ИЛЬЮШЕНКО: В каких ящиках?

ЯНЧЕВ: Вы распаковали? Нет?

Т.ИЛЬЮШЕНКО: Все распаковали. Все, понимаешь. Все они распаковали с утра здесь. Все просмотрели — нету. Пусть тогда Валентина (неразборчиво) Григорьевна свяжется с Дэном с этим и задаст ему вопрос, где фурнитура? Либо она на складе, либо ее вообще не прислали. Если вообще не прислали, пусть они ищут ее…

ЯНЧЕВ: Да не прислать они ее не могли. Значит, они ее здесь где-то оставили.

Т.ИЛЬЮШЕНКО: Значит, пусть найдут где-то. Знаешь, не стоит из-за этого нервы мотать…

ЯНЧЕВ: Тань, милая моя… ну… так ведь тоже нельзя. Значит, давай… он щас пошел, посмотрел… давай, я щас взломаю эти склады, а толку-то от этого… где я их возьму?..

Т.ИЛЬЮШЕНКО: Тебе предлагал кто-нибудь сегодня ломать эти склады?

ЯНЧЕВ: Ну, где же… он сказал: давай сегодня фурнитуру! Йу, где?.. Если бы я… привозил сам, я бы тебе сказал: вот, значит, она у меня здесь осталась.

Т.ИЛЬЮШЕНКО: Вот я тебе говорю: давай в понедельник все будем искать. Ну, закрыто — закрыто. Нужно объяснить, что закрыто сегодня — давай в понедельник будем искать. Что вы… я не знаю, прям! Слов у меня просто нет. Все на мне это отражается, что интересно. (Пауза.) Я уже должна всех успокаивать ходить. Потому что я вообще крайняя… (Пауза.)[…] Так. Давать тебе трубку?

ЯНЧЕВ: Конечно.

Т.ИЛЬЮШЕНКО: Щас дам. (Очень долгая пауза.)

ИЛЬЮШЕНКО: Слушаю.

ЯНЧЕВ: Алексей Николаич!

ИЛЬЮШЕНКО: Да!

ЯНЧЕВ: Ну, успокойся только, а?

ИЛЬЮШЕНКО: Слушай, я… ты вот ответь на один вопрос. Я тебе что-нибудь плохое сделал?

ЯНЧЕВ: Милый мой, а я тебе сделал что-нибудь плохое? Ну че ты… че ты меня…

ИЛЬЮШЕНКО: Ты мне полгода треплешь нервы. Полгода! Я не знаю кто… Ты мне посоветовал этих людей. Ты!

ЯНЧЕВ: Леш, ну давай я вместо фурнитуры буду, б…! Ну, я вот стану щас вместо фурнитуры… Ну, мне, что, б…, мне что, удовольствие… выяснять эту х…, когда…

ИЛЬЮШЕНКО (резко): А мне что, удовольствие?

ЯНЧЕВ: Нет, неудовольствие. Я тебя что, не понимаю, что ли?…

ИЛЬЮШЕНКО: Я, извините меня, четыре года… полгода… на стульях сижу… Ну что мне… я… я… просто не понимаю! В чем вопрос-то?

ЯНЧЕВ (спокойно): Леш, я щас приеду к тебе. (Пауза.)

ИЛЬЮШЕНКО: У меня уже просто… я не знаю! Ни в стране не можете ни хрена делать, ни в делах, ни в чем!

Думаю, данное длинное цитирование, если запись не является фальшивкой, — извинительно. Поскольку предельно ярко характеризует все стороны диалога. Но подделать такое трудно. Скорее всего, это аутентичный материал, отражающий и тип фигурантов, и дух эпохи. А тогда — делайте выводы.

Во-первых, в разгар ввода войск в Чечню без пяти минут Генпрокурор России выясняет вопрос о фурнитуре как «вопрос жизни и смерти».

Во-вторых, здесь очень наглядно подтверждено, что в тот момент класс крупных собственников в России был «клиентеллой» бюрократических кланов. И от такой бытовой мелочи, как фурнитура, вовремя не поставленная сановному «патрону», могла зависеть судьба бизнеса (да и просто человеческая судьба).

Возвращаясь к хронологии событий, укажем, что Ильюшенко в феврале 1998 года, когда истек предусмотренный тогдашним УПК максимальный срок содержания подследственного под стражей, был выпущен под подписку о невыезде. А 11 мая 2001 года уголовное дело в отношении Ильюшенко было закрыто.

В своих публичных заявлениях после освобождения из-под стражи Ильюшенко утверждал, что в ходе следствия ему неоднократно предлагали дать показания против А.Чубайса, Ю.Лужкова и В. Черномырдина. Кроме того, во время одного из допросов некие чины спецслужб якобы оставили Ильюшенко ампулу с ядом, предлагая таким образом покончить с собой.

В своих «злоключениях» Ильюшенко винил группу бывших руководителей спецслужб во главе с экс-начальником СБП А. Коржаковым. Ильюшенко утверждал, что первые разногласия с Коржаковым начались у него после того, как в 1994 году и.о. Генпрокурора отказал руководителю СБП в просьбе о повторном возбуждении уголовного дела в отношении экс-вице-президента А.Руцкого и его последующем аресте. Якобы также Генпрокуратура и лично Ильюшенко намеревались проверить обстоятельства штурма Грозного в новогоднюю ночь 1995 года, результатами которого были как крупные потери личного состава российской армии, так и жертвы среди гражданского населения.

Это — версия самого Ильюшенко. Мы не собираемся ни ее подтверждать, ни опровергать. Укажем лишь, что существует и другая версия, согласно которой Ильюшенко и близкий в тот период к нему бизнесмен Янчев мешали группе Коржакова и опекаемым ею бизнес-структурам реализовать определенные экономические проекты.

Отметим и еще одну любопытную деталь: уголовное дело в отношении Ильюшенко было закрыто одновременно с уголовным делом в отношении его преемника Ю.Скуратова.

А отметив это, продолжим двигаться по вехам современных прокурорских историй.

С 8 по 24 октября 1995 года вр.и.о. Генпрокурора был О.Гайданов.

24 октября 1995 года Совет Федерации утвердил на посту Генерального прокурора Ю.Скуратова.

Формально полномочия Скуратова истекали в октябре 2000 года. Однако реально Скуратов был отстранен от должности в феврале 1999 года. При этом Совет Федерации трижды — в марте, апреле и октябре 1999 года — отказывался отправить Скуратова в отставку. Юридически полномочия Скуратова как Генпрокурора были прекращены Советом Федерации лишь в апреле 2000 года.

Подробности скандала с отставкой Скуратова, наверное, в памяти у многих. Мы их еще коснемся, разбирая отставку В.Устинова. Пока же продолжим «прокурорскую хронологию».

С 2 февраля по 25 июля 1999 года и.о. Генпрокурора был Ю.Чайка.

В конце июля 1999 года он был отправлен в отпуск, а 9 августа 1999 года на пенсию (фактически — переведен на должность министра юстиции). Причина — якобы имевшая место несговорчивость Чайки в вопросе о закрытии уголовных дел в отношении Б.Березовского.

Возможно, что несговорчивость действительно имела место. Однако заметим, что эта несговорчивость не стала для Чайки, в отличие от случая со Скуратовым, причиной экстремальных неприятностей.

С 25 июля 1999 года по 17 мая 2000 года и.о. Генпрокурора был В.Устинов.

17 мая 2000 года Совет Федерации утвердил его Генеральным прокурором. Этому утверждению предшествовала интрига с возможным назначением на пост Генпрокурора не Устинова, а Д.Козака (в тот момент — заместителя главы АП). Якобы до последнего момента даже самому ближайшему окружению президента Путина было неясно, кого именно предпочтет глава государства.

Напомним, что в апреле 2005 года Устинов был утвержден Советом Федерации в должности Генпрокурора на новый срок, до 2010 года. Однако всего через год — 2 июня 2006 года — Совет Федерации по представлению Президента отправил его в отставку.

Суммируя все вышесказанное, можно констатировать, что ни один Генеральный прокурор постсоветской России не досидел (прошу прощения за неоднозначное слово) до конца отведенного ему законом срока. Даже если, как в случае с Устиновым, первый срок полномочий был исполнен до конца, то прерванным оказался второй срок.

В чем же причина такого явления? Некоторые острословы от аналитики уже назвали пост Генпрокурора «проклятым местом». И причина этой «проклятости» достаточно понятна.

Генпрокурор руководит структурой, в которой сосредоточено расследование большинства особо важных уголовных дел в стране. В трм числе и тех, которые затрагивают интересы наиболее влиятельных элитных групп.

Задача Генпрокурора в этой ситуации — беречь клановый баланс. Но это — практически невозможно!

Во-первых, невозможно быть «хорошим» сразу для всех.

Во-вторых, в моменты обострения клановой борьбы Генпрокурор волей-неволей оказывается перед необходимостью сделать выбор в ту или иную сторону.

В-третьих, сам Генпрокурор — не безгласный инструмент, а живой человек с биографией, карьерным путем, клановыми связями. Его кто-то по карьерной лестнице вел, помогал получить назначение на Генпрокурорский пост. А значит, он кому-то обязан. Кроме того, у него есть элитные знакомые, друзья и даже родственники, которые могут влиять на его позицию.

Каждый Генпрокурор — это фигура в какой-то элитной игре. Причем фигура с очень большими возможностями. И его назначение или снятие означают не только изменение в судьбе того или иного человека, но и важнейшее перераспределение сил в клановой конфигурации. Конкретно — возвышение или, напротив, поражение того клана, чьей ставкой является Генпрокурор.

И, разумеется, вовсе не конкретные «компроматные крючки» (купленная за чей-то счет мебель без фурнитуры или 14 костюмов), а именно подковерные перипетии межклановых войн становились реальными причинами неприятностей российских Генпрокуроров. Хотя и костюмы, и фурнитура иногда значимы (в первую очередь, психологически) для анализа конкретных обстоятельств событий.

Раз так — продолжим поиск подходов к этой деликатной тематике. Вначале — все на том же историческом материале.

Глава 10. Отставки Устинова и Скуратова: содержательные параллели

Ряд признаков («непрозрачность» мотивов, надуманность повода и т. д.) говорят о сходстве отставок В.Устинова и Ю.Скуратова. О таком сходстве заставляет говорить и хронология событий вокруг этих двух отставок.

Вот хронология событий вокруг отставки Скуратова.

> В конце декабря 1998 года Генпрокуратура РФ возбудила уголовное дело по факту злоупотреблений в ходе реконструкции Кремля, связанных с отношениями руководства Управления делами Президента РФ и компании «Мабетекс» (Швейцария) во главе с косовским албанцем Б.Паколли.
>
> 1 февраля 1999 года Генпрокурор РФ Ю.Скуратов подал прошение об отставке «по состоянию здоровья».
>
> 2 февраля Президент РФ Б.Ельцин направил в Совет Федерации представление об отставке Скуратова.
>
> В тот же день — 2 февраля — Генпрокуратура РФ провела масштабные обыски в офисах компании «Сибнефть» и частного охранного предприятия «Атолл», входящих в «орбиту влияния» Б.Березовского. Многие наблюдатели высказали предположение, что эти обыски — своего рода «прощальный привет» от Скуратова.
>
> 12 февраля Генпрокуратура возбудила уголовное дело в отношении «эмиссаров Березовского» в «Аэрофлоте» — Н.Глушкова и А. Красненкера.
>
> 22 февраля «Новая газета» сообщила, что причиной прошения Скуратова об отставке стала видеопленка, на которой он запечатлен в обществе неких «девушек». Появление же видеопленки стало результатом «отдыха», организованного для Скуратова тогдашним управделами Генпрокуратуры Н.Хапсироковым и банкиром А.Егиазаряном, которые и причастны к этой скандальной видеозаписи.
>
> 17 марта Совет Федерации отклонил отставку Скуратова. Ободренный этим решением Генпрокурор возвращается на свое рабочее место. В тот же день дело фирмы «Мабетекс» становится предметом обсуждения СМИ.
>
> В ночь с 17 на 18 марта госканал РТР продемонстрировал фрагмент видеозаписи развлечений «человека, похожего на Генерального прокурора» (это выражение стало крылатым!), и девиц легкого поведения.

23 марта Генпрокуратура РФ приступила к массовому изъятию документов в Управлении делами Президента в рамках расследования дела «Мабетекс».

23 марта в Россию прибывает тогдашний Генпрокурор Швейцарии Карла дель Понте, которая передает в Россию материалы о злоупотреблениях в ходе реконструкции Кремля. В аэропорту ее встречает лично Скуратов.

26 марта Генпрокуратура возобновила обыски в «Аэрофлоте».

27 марта арестован близкий к Березовскому сотрудник ФСБ А. Литвиненко, ранее обвинявший руководство ФСБ в намерении физически устранить Березовского.

1 апреля Скуратов направил Ельцину меморандум, в котором предоставил информацию о наличии у ряда известных российских фигур зарубежных банковских счетов, имеющих незаконное происхождение. Утверждается, что информация об этих счетах получена от Карлы дель Понте.

В ночь с 1 на 2 апреля в отношении Скуратова возбуждается уголовное дело. Основание — заявления девиц легкого поведения, в которых указывалось на признаки коррупции (в частности, платил за услуги девиц якобы не сам Скуратов, а банкир Егиазарян).

2 апреля 1999 года Ельцин отстранил Скуратова от должности Генпрокурора «на время проведения следствия» и направил в Совет Федерации повторное представление об его освобождении от должности.

Данную хронику можно продолжить, но это уведет нас в подробности давно вошедшего в историю дела Скуратова, то есть несколько в сторону.

Поэтому обратимся к хронике событий вокруг отставки Устинова (при этом нам придется повторить некоторые из уже приведенных выше фактов).

2 мая 2006 года во Владивостоке арестованы начальник Дальневосточного таможенного управления Э.Бахшецян и его зам А.Воробьев. По версии следствия, они разрешили трем коммерческим фирмам ввозить в Россию товары по фиксированным таможенным ставкам и без досмотра.

4 мая Генпрокуратура РФ возбудила в отношении ряда чиновников МЭРТ уголовное дело по факту «превышения должностных полномочий при выдаче лицензий и квот на импорт мяса в Россию». Материальный ущерб оценивается более чем в 25 млн. долларов.

5 мая в главном офисе Федеральной таможенной службы в Москве прошли обыски. Официальный представитель Генпрокуратуры Н. Вишнякова сообщила, что раскрыт крупный канал нелегальных поставок в Россию дорогой бытовой техники и электроники при непосредственном участии сотрудников центрального управления таможенной службы.

6 мая Прокуратура Москвы заявила, что задержаны двое начальников отделов таможенной службы и Главный государственный таможенный инспектор.

В этот же день, 6 мая 2006 года, «Коммерсант» сообщил об аресте 25 % привилегированных акций компании «Транснефть». Арест произведен в рамках расследуемого Генпрокуратурой уголовного дела в отношении экс-президента компании В. Черняева и его заместителя С.Землянского. Официальная мотивировка следствия — арест бумаг нужен для проведения экономической экспертизы и сбора доказательств вины Черняева и Землянского.

Следствие инкриминирует Черняеву и Землянскому злоупотребления при акционировании «Транснефти», которое производилось еще в середине 1990-х годов.

10 мая Президент В.Путин огласил свое Послание Федеральному Собранию, в котором коррупция была названа одним из самых серьезных препятствий на пути развития страны.

11 мая Путин своим указом передал руководство Федеральной таможенной службой от МЭРТ непосредственно правительству РФ. В Кремле подчеркнули, что это решение не означает недоверия к руководству МЭРТ.

12 мая глава Федеральной таможенной службы А.Жерихов и его замы Ю.Азаров и Л.Лозбенко освобождены от занимаемых должностей. Преемником Жерихова стал А.Бельянинов.

В тот же день от своих должностей освобождены замы начальника Оперативно-розыскного управления Службы по борьбе с терроризмом Е.Колесников и А.Плотников, начальник Управления по борьбе с контрабандой и незаконным оборотом наркотиков Службы экономической безопасности С.Фоменко, первый замначальника Главного управления по

надзору Генпрокуратуры Д.Полищук, зампрокурора Москвы М.Никонов и 6 высокопоставленных сотрудников МВД.

Тогда же — 12мая — спикер СФ С.Миронов направил представления о досрочном прекращении полномочий четырех сенаторов: И. Иванова от Приморья, Б.Гутина от Ямало-Ненецкого АО (ЯНАО), А. Саркисяна от Хакасии и А.Сабадаша от Ненецкого АО (НАО).

17 мая парламент Хакасии отказался отозвать сенатора Саркисяна.

19 мая собрание депутатов НАО отказалось прекратить сенаторские полномочия Сабадаша.

В тот же день — 19 мая — сотрудники Генпрокуратуры провели обыски в администрации НАО. Генпрокуратура РФ возбудила в отношении губернатора НАО А.Баринова уголовное дело, инкриминировав ему растрату и мошенничество в бытность гендиректором АО «Архангельскгеологодобыча».

20 мая на пресс-конференции Баринов публично заступился за Сабадаша. Через час сотрудники Генпрокуратуры провели обыск в «Архангельскгеологодобыче».

22 мая Сабадаш написал заявление о добровольном сложении с себя полномочий.

23 мая был задержан губернатор НАО Баринов.

24 мая Устинов заявил в Минске: «Не удивляйтесь, если в ближайшее время вы будете свидетелями новых громких уголовных дел, связанных с борьбой с коррупцией».

2 июня Устинов освобожден от должности Генпрокурора.

В тот же день — 2 июня 2006 года — Путин приостановил на время следствия губернаторские полномочия Баринова. И.о. губернатора НАО назначен главный федеральный инспектор округа В.Потапенко. Ряд экспертов считает, что Потапенко связан с экс-сенатором от НАО Сабадашем.

Сопоставляя две хронологии, можно сразу зафиксировать, что общим в отставках Скуратова и Устинова стало инициирование ими, незадолго до отставки, уголовных дел, которые:

а) задевают крайне влиятельных фигурантов;

б) ведут к перераспределению власти и собственности в ряде важнейших направлений (транспорт, таможня и т. д.).

Общим также является и то, что и Устинов, и Скуратов стали инициировать эти уголовные дела в период начала элитной схватки за возможность «протолкнуть» своего президентского преемника.

Однако есть и значительные отличия устиновской истории от скуратовской. И они не только в том, что отставке Скуратова сопутствовал безобразный скандал с «вытаскиванием грязного белья», а уход Устинова выглядит внешне очень чинно и благообразно.

Главное в другом: если для Скуратова отставка превратилась из карьерной катастрофы в личную драму, то Устинов просто оказался «переведен на запасные пути». (Что и было зафиксировано фактом назначения В.Устинова министром юстиции РФ 23 июня 2006 года.)

В чем же причина такого разного личного результата?

Причина в том, что Скуратов совершил чудовищную ошибку. Это не значит, что ошибок не делал Устинов: мы эти ошибки выше перечислили. Не делай он их — оставался бы сейчас в кресле Генпрокурора. Однако Устинов и Скуратов совершили ошибки разных типов. Скуратовская ошибка была фатальной.

Инициируя свои расследования, Скуратов «замахнулся» на политический субъект, который тогда аналитики называли «Семья». Он мог весьма успешно атаковать эту самую «Семью» и оставаться Генпрокурором. Более того, в своих нападках на «Семью» Скуратов (вот парадокс!) мог иметь мощную поддержку в самой этой «Семье».

Субъект под общим названием «Семья» не был един. Внутри существовала глубочайшая трещина, которая провоцировала конфликты внутри этого кланового конгломерата. Эта трещина проходила не только между бизнесменами и околовластными игроками, окружавшими членов семьи (без кавычек) тогдашнего президента, но и между самими родственниками. В первую очередь, между двумя дочерьми Ельцина — Е.Окуловой и Т.Дьяченко. И одним из катализаторов этого конфликта было отношение к Б.Березовскому, который являлся желанным конфидентом для Дьяченко и абсолютно неприемлемой фигурой для Окуловой.

Повторим, Скуратов мог получить поддержку внутри «Семьи», если бы правильно выбрал объект атаки. Иными словами, он должен был либо атаковать одного Березовского, опираясь на «окуловскую ветвь», либо «охотиться» на Бородина, ища поддержки у Дьяченко и Юмашева. Но Скуратов атаковал и Березовского, и Бородина. А значит, настроил против себя обе ветви «Семьи».

Скуратов мог бы опереться на тогдашнего премьер-министра Е.Примакова. Более того, Примаков хотел иметь в лице «союзного» Скуратова инструмент для борьбы с Березовским, с которым он вступил в непримиримый конфликт. Но Примаков искал поддержки (и не без успеха) у «окуловской ветви» «Семьи». И в момент, когда Скуратов атаковал Бородина, Примаков был вынужден дистанцироваться от Генпрокурора.

Скуратов, вступив в конфронтацию одновременно с двумя основными противостоящими друг другу элитными группами, сам себя, в элитно-клановом смысле, маргинализовал.

Устинов же… Он очевидным образом тоже замахнулся на нечто чрезмерное. Но избыточность его замаха все же резко ниже скуратовской. А вот какова она — еще предстоит уточнить.

Однако пока что предлагаю исчерпать до конца систему исторических параллелей.

Глава 11. Отставка Устинова и отставка Коржакова: сходство и отличия

После отставки Устинова некоторые эксперты стали проводить аналогии между этой отставкой и разгромом группы Коржакова-Барсукова-Сосковца в 1996 году.

Насколько уместны данные аналогии?

Сразу отметим, что прямых, «лобовых» аналогий вроде бы нет. В частности, отставка Устинова не вызвала более широкого круга отставок, например, отставку самого И.Сечина.

А вот для аналогий содержательных, апеллирующих не к внешней канве событий, а к внутренней сути тех или иных политических сюжетов, определенные основания все же имеются.

В чем была основная причина разгрома группы Коржакова-Барсукова-Сосковца? В том, что данная группа вела себя самым разрушительным образом в критической для Ельцина ситуации выборов 1996 года. Коржаков и его соратники пытались навязать Ельцину стратегию срыва выборов и продления полномочий через ЧП в момент, когда глава государства уже твердо решил избираться. При этом группа Коржакова-Барсукова-Сосковца еще задолго до выборов 1996 года сделала ставку на реализацию «невыборного варианта» продления ельцинских полномочий.

Было ли что-то похожее в «устиновском сюжете»? Вновь обратимся к хронике событий.

Еще 2 августа 2005 года Путин в ходе рабочей поездки в Финляндию, отвечая на вопрос о возможности своего третьего президентского срока, заявил: «Может быть, я и хотел бы, но Конституция страны не позволяет этого сделать. Я считаю, что для нас сегодня в России важнейшей является стабильность, которая может быть достигнута только на основе действующего законодательства и на основе соблюдения конституционных положений».

Подчеркнем: ряд экспертов считает, что именно третий президентский срок Путина стал важнейшей политической целью «группы Сечина». Своим высказыванием о необходимости двигаться только в рамках Конституции Путин, видимо, отвечал и Сечину, желающему «третьего срока».

13 сентября 2005 года С.Белковский назвал нескольких возможных преемников Путина. В их числе — Устинова и его зама Колесникова как «кандидатов от Сечина».

14 ноября 2005 года Путин назначил первым вице-премьером Д.Медведева, а главу МО С.Иванова наделил статусом вице-премьера. Многие аналитики расценили эти назначения как «смотрины преемников». А в числе проигравших от этих кадровых перестановок называли Сечина.

В конце января — начале февраля 2006 года в СМИ начинается беспрецедентная кампания против вице-премьера и главы МО С. Иванова (дедовщина, развал армии и пр.). Начало этой кампании именно в данный момент (перечисленные поводы существовали всегда) нельзя не связывать со стремлением других кланов (и прежде всего «группы Сечина») «зарубить» возникшие у С.Иванова «президентские амбиции».

13 апреля 2006 года глава североосетинского движения «Согласие и стабильность» В.Гизоев в интервью «Эхо Москвы» заявил, что в начале следующей недели в Госдуму, возможно, будет направлено предложение провести референдум о третьем сроке президентства Путина.

15 апреля Рен-ТВ сообщает, что глава Северной Осетии Т. Мамсуров одобрил инициативу Гизоева.

На Северном Кавказе ничего «просто так» не делается. Трудно сомневаться в том, что Гизоев и Мамсуров получили какую-то (весь вопрос — какую именно?) «отмашку» на свою инициативу по «третьему сроку» в Москве. А ведь список кремлевских сторонников третьего срока — согласитесь, так узок, что дальше некуда.

19 апреля «Новые Известия» цитируют спикера Госдумы Б. Грызлова, который говорит, что Дума не пойдет на изменение Конституции для создания правовых основ избрания Президента на третий срок.

18 мая «Коммерсант» приводит высказывание главы АП С. Собянина в ходе визита в Лондон о том, что в 2008 году Путин намерен покинуть свой пост.

Иными словами, «партию третьего срока» одергивают и спикер нижней палаты, и глава АП. Можно ли предположить, что они это делают без самой высокой санкции? Думается, что нельзя.

И в таком случае отставка Устинова, как важнейшего «инструмента» указанной «партии третьего срока», становится вполне объяснимой.

Наконец, подчеркнем, что международный контекст отставки Устинова вовсе не сводится к экономическим интересам зарубежных элитно-клановых групп в собственности и проектах крупнейших российских корпораций. В связи с этим международным контекстом представляется уместной еще одна аналогия между российскими отставками 1996 и 2006 годов.

В 1996 году, в эпоху Клинтона, в США «правила бал» Демпартия, а республиканцы (в том числе республиканцы предыдущей «команды Буша-старшего») теряли рычаги политического и экономического влияния. А в интересы администрации Клинтона был, через тогдашнего зама главы Минфина США Л.Саммерса, достаточно прочно интегрирован А. Чубайс — главный враг «кремлевских силовиков», представленных группой Сосковца-Коржакова-Барсукова.

В ходе неудавшейся операции под названием «коробка из-под ксерокса», которую «кремлевские силовики» предполагали использовать как повод для «наезда» на команду Чубайса, вся перечисленная российская «силовая» властная группа была отправлена в отставку. Ликующий Чубайс объявил об этом событии в рифмованном экспромте: «Президент послал в отставку Барсукова, Коржакова и их духовного отца господина Сосковца».

Правда, Б.Ельцин, как специалист высшего класса в сфере «клановой балансировки», вскоре после этого решил «упорядочивать» политический расклад сил. И в начале следующего года отправил в отставку и самого Чубайса. Точнее, убрал его с должности главы Администрации Президента — очень перспективный пост в условиях всевластия Кремля! — на пост одного из двух первых вице-премьеров.

Согласитесь, есть пища для небезусловных, но не бессмысленных аналогий.

А что сопутствовало истории с Устиновым? В США, на фоне многократно обсужденных провалов администрации Буша-младшего и приближавшихся промежуточных выборов в Конгресс, набирали силу демократы. Давление на наиболее одиозных «силовиков» — команду Чейни— Рамсфелда — стало нарастать.

А 30 мая 2006 года — за три дня до отставки Устинова — президент Буш назначил на ключевой пост главы Минфина США видного представителя Демпартии, «человека Голдман Сакс»«Г.Полсона. Это — несмотря на то, что Буш незадолго до данного события неоднократно утверждал, что полностью доволен работой отставляемого главы Минфина Д.Сноу.

В этих условиях Путину — особенно в преддверии петербургского «саммита восьмерки» — было необходимо искать «площадки диалога» с «демпартийной» американской командой. Которая, с одной стороны, наиболее резко критиковала «кремлевских силовиков» и, с другой стороны, оказывалась весьма вероятным будущим субъектом высшей власти в США. Итог: 2 июня 2006 года Устинов отправлен в отставку. «Сечинскому» клану был нанесен очень мощный удар, на тот момент фундаментальным образом изменивший расстановку сил на российской политической сцене.

Глава 12. От отставки Устинова до ареста Зуева

Непрозрачная отставка Устинова плавно перетекла в бурный скандал с арестом бывшего владельца мебельных салонов «Три кита» и «Гранд» С.Зуева. Это перетекание требует от нас продолжения аналитического рассмотрения… Чего? Новых сюжетов, связанных с отставкой

Устинова? Но кто сказал, что арест Зуева был связан с отставкой Устинова? Да, этот арест произошел вскоре после отставки. Однако аналитическая добросовестность не позволяет использовать ложный силлогизм: если X произошло после Y, то это значит, что X — это следствие Y. Теоретически можно предположить и другой сценарий.

Зацепки, позволяющие перекинуть мост от Зуева к Устинову, не могут и не должны абсолютизироваться. Да, налицо все признаки участия первого заместителя Генерального прокурора Бирюкова в деле «Трех китов». Но какие признаки?

Об этом много говорилось в прессе? А кто сказал, что разговоры в прессе не являются домыслами? Может быть, Бирюков и не имел никакого отношения к «Трем китам». А даже если имел, то почему не предположить, что Бирюков имел к этому отношение, а Устинов нет? Так каков же статус всех этих утверждений по поводу наличия каких-то связей между крупными и очень уважаемыми элитными игроками и какой-то там мебелью? Что лично я считаю по этому поводу?

Тут вроде бы есть два варианта.

Вариант № 1 — я становлюсь в ряды тех, кто считает это правдой. И настаивает на некоей замаранности определенных высоких лиц.

Вариант № 2 — я считаю это ложью, а лиц, якобы в этом участвующих, — жертвами инсинуаций.

Если выбирать между первым и вторым вариантом, то я всегда выберу второй. И не в силу симпатий и антипатий. А в силу профессии. Я слишком хорошо знаю, как именно сочиняются подобные сопряжения. У меня на руках богатый материал по данному поводу. И я выберу второй вариант, даже если суд признает В.Устинова и Ю. Бирюкова виновными в мебельных нечистоплотных каверзах.

Потому что я достаточно хорошо понимаю, что такое суд. Наш суд, да и суд вообще. Что он такое в принципе, и особенно применительно к элитным сюжетам. Я не подрываю право как таковое и прерогативы судебных — то есть буквально ПРАВО-охранительных — органов. Я не об институте как таковом. Это не моя профессия. Я даже и не о коррумпированности институтов и их подверженности административной конъюнктуре. Опять же — не этому я посвятил свою жизнь. Я посвятил ее исследованию элитных игр. Соотношение этих игр с юридическим фактором есть часть теории элит. И под этим углом зрения я готов рассмотреть проблему.

Юриспруденция нигде в мире не является чем-то абсолютно свободным от так называемой «политической целесообразности». Совсем высокое должностное лицо ВСЕГДА И ВЕЗДЕ превращается в преступника только тогда, когда элитная группа, связанная с этим элитным лицом, понимает: «Издержки сохранения данного лица намного выше издержек его сдачи». Сначала политическая борьба, потом ее юридическое оформление. В противном случае такое элитное лицо могут скорее убить, чем выдать на «юридическую потеху» обычной публике.

Итак, в сопряжении с элитными играми юриспруденция существенно преображается. Тут — в лучшем случае — юристы участвуют в борьбе, а не просто оформляют ее результаты. Я имею в виду возможные, хотя и маловероятные, ситуации, при которых юрист (полицейский, следователь) на свой страх и риск что-то такое раскрывает. Это «что-то» оказывается связанным с одной из борющихся политических (шире — элитных) сил. Другая сила берет это «что-то» на вооружение и так или иначе засвечивает. А дальше… Та сила, с которой связан засвеченный, начинает взвешивать издержки сохранения и издержки сдачи. И оказывается, что в условиях засветки издержки сохранения выше издержек сдачи. Итог — тюрьма.

В этой схеме есть слабые места. В частности, схема предполагает влиятельность прессы. Мол, засветка через прессу меняет баланс издержек и приобретений. Это предполагает, что общественное мнение: (а) управляемо прессой и (б) кого-то реально интересует. Что, в свою очередь, предполагает (в) реально конкурентные выборы. И (г) чувствительность избирателя к правовой тематике.

Видите, сколько неявных предположений. А ведь я не все перечислил. Юриста, участвующего в такой борьбе, должны не убить, не посадить, не перевести своевременно на другое место работы, не запугать (если не его возможными неприятностями, то неприятностями с близкими)… Вычтем из подобных предположений романтическую (маловероятную, но теоретически допускаемую) версию супермена (который убивает убийц, прячет близких или их не имеет, запугивает начальников, которые начинают ему противодействовать). Что остается? Вы ведь не хотите верить всерьез в эту теоретически допускаемую версию? Тогда как выглядит реальный механизм?

Есть две силы и борьба между ними. Тут что важно? Что имеет место примерное равновесие сил. И что у борьбы есть правила. Согласно этим правилам, некий результат **R** (например, компрометирующий материал) может быть оформлен по правилам **P** (например, через прессу или через вписывание в дворцовую интригу) и после этого оформления (в любом случае после него, вот что важно) результат **R** становится гирей на чаше весов данной борьбы (рис. 59).

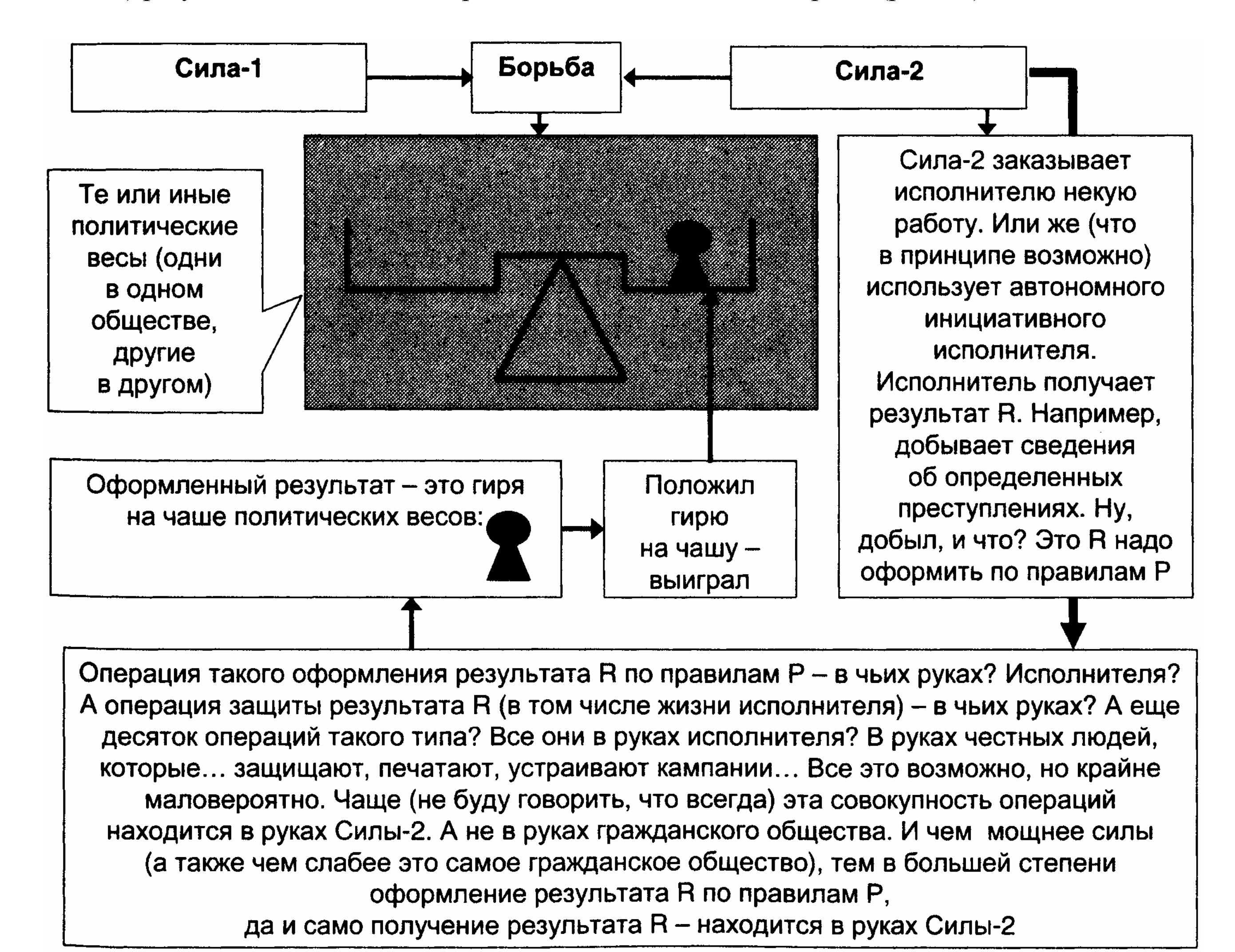

Рис. 59

Что здесь важно? Что результат ничего не значит без оформления. Для открытой политической борьбы его надо оформить одним способом. А для дворцовой интриги — другим. Для дворцовой интриги, например, совершенно неважно, воруют ли такие-то. Важно, что они себя неправильно ведут. То ли просто неправильно воруют (знаменитое гоголевское «не по чину берешь»), то ли неправильно состыковывают воровство с политическими претензиями (не туда направляют ворованные деньги, не там воруют и так далее), то ли… То ли просто совершают совсем другие ошибки. А эти ошибки, совершенные представителями Силы-1 (и никакого отношения к воровству не имеющие), Сила-2 правильно доводит до «демиургов политического баланса» (рис. 60).

«Демиурги» отнюдь не всегда могут объяснить мотивы своего решения обществу. Иначе говоря, эти мотивы зачастую находятся в нетранспарентной зоне. «Демиурги», далее, могут вообще не давать объяснений обществу. А могут иметь перед ним обязательства. Даже не имея обязательств перед обществом, «демиурги» могут иметь другие обязательства. Какие?

Во-первых, элитно-игровые. Нужен сюжет, который может других напугать.

Во-вторых, внешние.

В-третьих, «размыто-респектабельные» (что-то все же сказать почему-то надо).

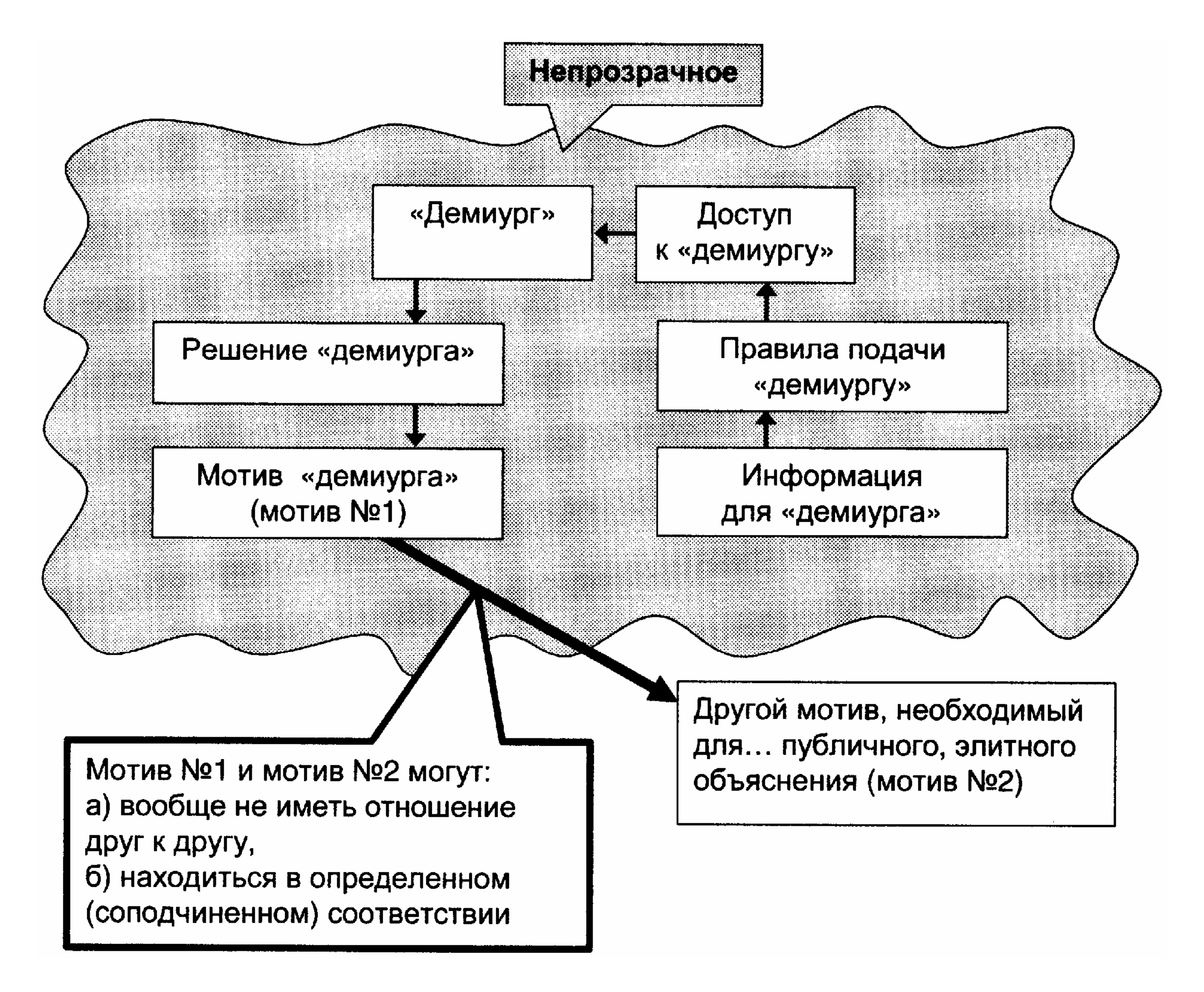

Рис. 60

В-четвертых, комплексные, соединяющие в тех или иных пропорциях все вышеописанные.

Согласно этой логике (а она мне представляется адекватной всем сюжетам так называемого «мира закрытых систем», иначе — «мира ЗС»), информация дерзкого следователя может либо входить в мотив № 1 (в случае соответствующей подачи), либо использоваться в рамках мотива № 2 и вообще не иметь отношения к мотиву № 1.

Если мотив № 2 и имеет отношение к мотиву № 1, то это отношение совершенно необязательно должно быть линейным. Оно может быть линейным, но это, скорее, экзотика: «демиург» нечто увидел и возмутился. Чаще «демиург» возмущается тогда, когда к этому есть дополнительные основания. Собственно властные.

Это мое описание не носит морализирующего характера. В данной сфере, как я уже говорил, морализация совсем неуместна. Это описание носит аналитический характер. На чем я категорически настаиваю.

Если вы с этим не согласны, можете не следить за дальнейшими выкладками. А удовлетвориться телевизионной аналитикой. Слушать благородных следователей и возмущенных нарушениями закона журналистов. Окунаться по второму разу в стихию гдляновских сокрушительных морализации. По второму разу оказываться постфактум в откровенно фарсовой роли.

Если вы можете этим удовлетвориться, то вы счастливые люди. А я не могу, и не я один. Меня тошнит от этого благородного антикоррупционного крика. Меня тошнит от наглости крикунов, которые железобетонно уверены: никто не вспомнит, что они же говорили ранее.

Если действительно никто не вспомнит… Если действительно все будут в очередной раз наступать на те же грабли… То все, что я могу сделать, — это увести какое-то меньшинство из этого наглого «лохотрона». Осуществить моральный, интеллектуальный, экзистенциальный исход.

И если бы не эта необходимость — не стал бы я разбираться в сомнительных хитросплетениях, адресующих к абсолютно нетранспарентным зонам. Но эта необходимость сегодня острее, чем когда бы то ни было. А потому давайте разбираться. Но только «без дураков».

А что значит «без дураков»?

Попытаюсь представить думающему меньшинству возможные принципы подобного разбирательства.

Принцип № 1. Подробный анализ (и разбраковка) имеющихся фактур. В таких случаях всегда говорят больше, чем нужно. В сообщаемом есть чистая ложь, есть правда и есть тенденция. Если все это разбраковать, то возникнет стартовый минимум необходимого материала.

Принцип № 2. Историзм. Нет такого анализа без истории. Если прошлое забыто, то пути к анализу нет. В сиюминутном, изъятом из исторического контекста, вы не найдете правды. Говоря об историческом контексте, я имею в виду просто апелляцию к другим сюжетам, надежно связанным с рассматриваемым и имеющим более раннюю временную привязку.

Принцип № 3. Системность. Вы не должны замыкаться на отдельных сюжетах. Вы можете что-то понять только рассмотрев некий их комплекс. При этом вам, опять же, нужна надежная связь между вашим сюжетом — и сюжетами сопряженными. Вы не можете отдаваться потоку свободных ассоциаций. Вы (вновь, как и при применении исторической ретроспективы) должны очень надежно обосновывать, почему вы этот сюжет связываете с другим.

Принцип № 4. Уход от «бытовухи», даже если она все объясняет примитивно-привлекательным образом. Что я имею в виду?

Например, знаменитую «коробку из-под ксерокса», в которой размещались якобы «неслыханные бабки», арестованные Коржаковым и принадлежавшие команде Чубайса.

Во-первых, «бабки» были не такие уж неслыханные. То есть, честно говоря, совсем не неслыханные. В тогдашнем ресурсном обеспечении крупнейшей политической игры (выборы 1996 года) вращались миллиарды, а не сотни тысяч долларов.

Во-вторых, следует различать юридическое и фактическое. В тогдашней России они очень сильно различались. Крупный рок-концерт уже вовлекал в свое обеспечение миллионы зеленой наличности. Что говорить о большем! Никакого эксцесса в появлении этой коробки не было. Коробки были до, были после. Не осуждаю и не оправдываю. Фиксирую то, что есть.

В-третьих… В-третьих, предположим даже, что искрой для политического взрыва была эта коробка. Если вы не в состоянии отличить искру от пороха — не надо заниматься системным анализом. Искра найдется всегда. А порох был совсем другой.

Противоречия между Коржаковым и Чубайсом (точнее, между Коржаковым и определенной частью так называемой «Семьи») стали накапливаться задолго до 1996 года. Они стремительно обострялись в ходе выборной кампании. Они носили объективный и субъективный характер. Коржакова «разводили» с «Семьей», но и он с нею разводился сам. Эта игра подпитывалась крупнейшими элитными непрозрачными противоречиями. В нее были введены разные уровни мотивации. Для кого-то она носила частно-амбициозный характер, а кто-то понимал, что речь идет о большой игре и даже участвовал в ней. Но даже те, кто не понимал, были в эту игру вовлечены.

Сознавая все различие между тогдашней и рассматриваемой здесь ситуациями, я одновременно обращаю внимание на общее. Как возникла искра, после которой произошел политический взрыв, именуемый отставкой Устинова, — это одна история. А что такое порох, в который попала эта искра, — это другая история.

Скажут, что без искры не было бы взрыва. Конечно, не было бы. Но, когда пороха очень много и он сухой, а вокруг постоянно искрит, взрыв обязательно будет. Уверяю вас, что увлечение «искроискательством» — от лукавого. Кому-то покажется, что «знание искры» и есть окончательное знание. Но этот «кто-то» сильно обманет и себя, и окружающих. В любом случае, я хочу заниматься порохом, а не искрой. А ищущих знания об искре хочу заранее разочаровать. Так будет честнее (рис. 61).

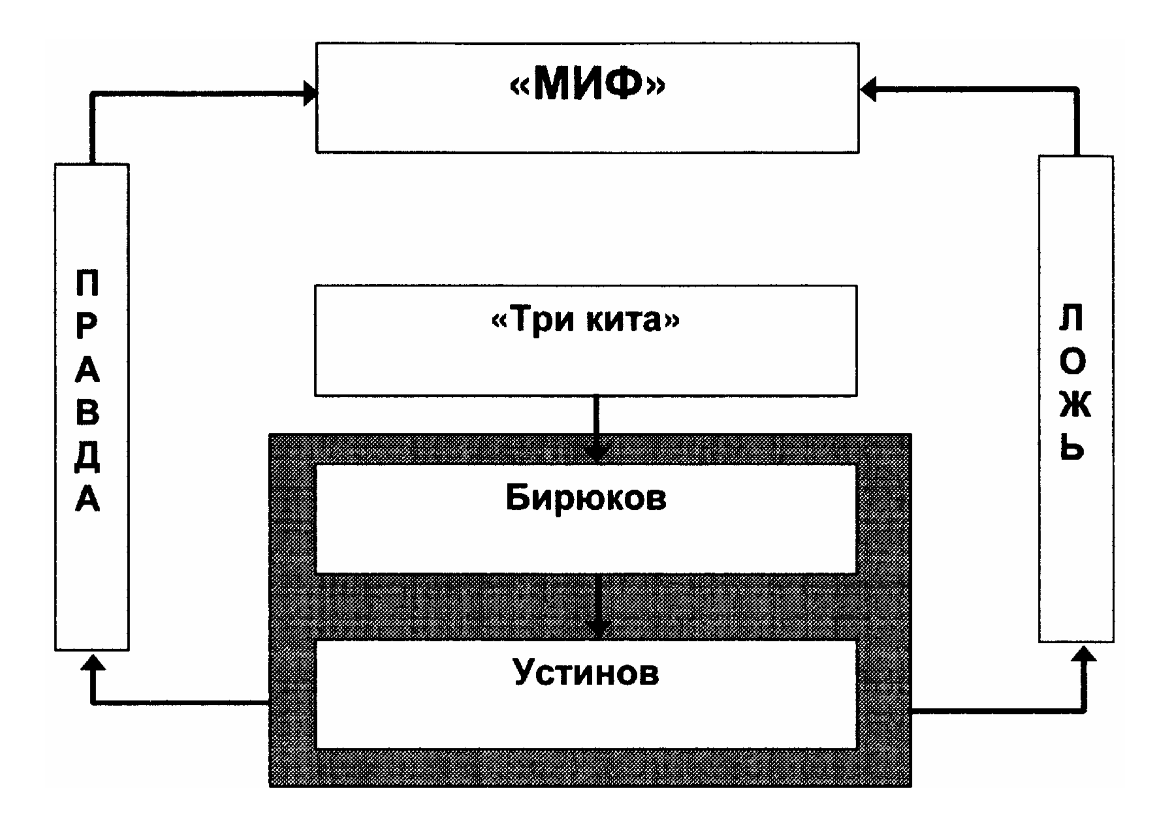

Рис. 61

В рамках осуществляемого мною сейчас профессионального разбирательства причастность любого элитного X к какому-нибудь криминальному делу — это не ложь и не правда. Это миф. То есть это идеологическая конструкция, обладающая определенными параметрами. Она может основываться на правде или на вымысле. В сущности это не имеет никакого значения. Главное, что такая конструкция может быть выстроена. Что ее предъявят средства массовой информации и эти средства почему-то никто не сдержит в их праведном раже. Если речь об элитных играх, то даже в США, Франции и Италии предъявление обществу некоей истории, связанной с элитами, означает, что мы имеем дело с феноменом СДАЧИ.

В результате борьбы элитных групп та группа, которую атакуют, не смогла сдержать противника и позволила выплеснуться наружу такой-то информации. Совершенно неважно, правдивой или ложной. А что значит «не смогла сдержать»? Значит, что какой-то арбитр счел, что сдерживание слишком издержечно по каким-то причинам. А по каким причинам? По причинам игрового фатума, и не более того. Не более, но и не менее.

Вот моя позиция — гносеологическая и этическая одновременно. Она вытекает из моего понимания ситуации. И именно все это вместе — гносеология, этика и контекст (то бишь эта самая ситуация) — требует от меня, чтобы я разбирался с игровым мифом так, как это и полагается аналитику элиты.

То есть, во-первых, непредвзято (пока никто не доказал, что есть связь, — это миф).

Во-вторых, холодно (даже если докажут — это все равно может оказаться мифом).

И в-третьих… В-третьих, сверххолодно (вспомним кодекс аналитика элит, который я описал выше, с его принципом «ну, и что?»).

Именно таким образом я собираюсь разбираться с произошедшим.

Отставка Генерального прокурора РФ В.Устинова, как мы помним, состоялась 2 июня 2006 года.

А через 12 дней, 14 июня 2006 года, была арестована группа фигурантов, проходящих по делу о мебельных салонах «Гранд» и «Три кита». В группу входят С.Зуев, которого представляют как владельца указанных мебельных салонов, а также руководитель фирмы ООО «СЭФ Транс» А.Саенко, генеральный директор ООО «Альянс-96» А. Латушкин, главный бухгалтер московского представительства латвийской компании ООО «ФМ Групп» И. Подсотская и ее супруг П. Подсотский, работник этой же фирмы. Группа арестована по обвинению в организации контрабандного канала поставки мебели в торговые центры «Гранд» и «Три кита».

Вот тут-то я вспомнил, что за много лет до такого крутого разворота событий (а этот разворот был весьма крут) я уже вздрогнул, когда мне принесли материалы по поводу «мебельного» скандала. И отнюдь не оттого, что кто-то может быть к чему-то причастен. Плевал я на эту их причастность!

Тогда запахло большой и сокрушительной для государства политикой. А вовсе не мелкой проблематикой сопряжения власти и бизнеса.

Для того, чтобы разобраться в подлинном значении коллизий 2006 года, надо рассмотреть предысторию, которая почему-то впечалила меня за много лет до отставки Устинова и последовавших за этим событий. Предысторию эту я вначале изложу очень сжато. Потом мы еще будем заниматься этим подробнее. А пока — по самому минимуму.

Уголовные дела на «мебельщиков» возникли в 2000 году и велись одновременно МВД и таможней. Основным делом было дело о контрабанде. Дело было поручено следователю по особо важным делам капитану милиции П.Зайцеву. В группе Зайцева работало 10 человек. Эти 10 человек сумели менее чем за полтора месяца (с 9 октября по 22 ноября 2000 года) собрать большой объем информации.

А дальше начались «странности».

22 ноября 2000 года в Следственном комитете при МВД, где работала группа Зайцева, появился сотрудник Генпрокуратуры, который начал изымать у Зайцева материалы дела, нарушая все необходимые формальности. Конкретно — просто сгреб часть материалов и увез. Не предъявив документов, позволяющих осуществить такое изъятие, и не составив описи изъятого…

Стоп. Вот тут, как аналитик элит, я должен осуществлять технологическую критику. Если я ее не буду осуществлять, я все время буду болтаться между общими социальными схемами и информационными мифами. Но я не хочу болтаться между этими крайностями. И потому предъявляю тут критику, которую почему-то не осуществляют другие. И которая в каком-то смысле лежит чуть ли не в основе моего метода. Так что же такое эта технологическая критика? А вот что.

Если я с улицы зайду в Следственный комитет и начну так изымать документы, мне ведь их не отдадут, правда? Конечно, к Зайцеву зашли не с улицы, а из Генеральной прокуратуры. Но для того, чтобы изъять документы без соблюдения необходимых формальностей, мало предъявить «корочки» Генеральной прокуратуры. Следователь по особо важным делам, ведущий официальное дело и имеющий свои амбиции (а возможно, и интересы), как минимум, потребует правильного оформления изъятия материалов. А как максимум — просто ничего не отдаст.

Вы что, его положите «лицом в снег»? А он? Он ведь тоже «при исполнении». «Лицом в снег» можно было положить частную охрану Гусинского. Да и то только потому, что документы, которые показывали те, кто клал «лицом в снег» (а именно, группа контрадмирала Захарова, «правой руки» Коржакова), были сверхубедительными. Их предъявлял не абы кто, а Служба безопасности Президента РФ.

И все же — почему клали «лицом в снег»? Потому что надо было именно «наехать». Если бы нужно было сделать что-то другое, то тихо пришли бы, тихо арестовали и тихо увезли. Все при этом безупречно оформили бы. Нет, тогда был нужен «бенц». Мессидж для Лужкова, так сказать.

А в 2000 году? Работник Генеральной прокуратуры не понимает, как правильно изъять материалы у Зайцева? Что-что, а это он понимает. Тогда почему он «наезжает», а не отрабатывает правильным образом? И почему дерзкий Зайцев ведет себя столь пластично?

Ведь в любом случае Зайцев должен требовать санкции своего начальника. Он ее, несомненно, потребовал. А начальник должен спросить у более высокого начальника. И так — до самого верха. А наверху скажут: «Да пошлите вы этих прокурорских куда подальше! Мы и сами с усами! И сами о-го-го куда выходим!»

Это случай-максимум. Случай-минимум? Скажут: действуйте по инструкции.

В рассматриваемой коллизии не было ни норм случая-максимум, ни норм случая-минимум. Это о чем-нибудь вам говорит? Если нет — читайте детективы и слушайте мыльные разоблачения «а ля господин Гдлян».

Короче — никак не работник Генеральной прокуратуры должен зайти и взять, что хочет, почти незаконным образом. Так зайти и взять может только лицо с особыми полномочиями. И эти полномочия всем должны быть ясны: и Зайцеву, и его начальникам. И они должны быть такими, чтобы начальники Зайцева, а не только он сам, отпрыгнули как ошпаренные и завопили: «Отдавай все, что угодно, быстро! Не понимаешь, с кем связался! Все, кончай!»

Как надо пугануть и какие «ксивы» надо предъявить? Вот вопрос.

Во всем происходящем было буквально не продохнуть от «запаха высоковластной неформальщины». Ни изымающие, ни отдающие не понимали, сколько и чего изъято. Выяснилось, что первоначально было изъято очень немногое, конкретно — 4 тома из 200.

Пришедший «изыматель» почему-то пришел один. Забрал 4 тома и ушел. Потом выяснилось, что томов 200. Если бы нужно было все сразу изъять, то пришел бы не один человек. И они бы сразу изъяли все. Что, сотрудников мало? Подогнали бы грузовик.

Но они сразу не изъяли. Они потом потребовали, чтобы им привезли все остальное. Что означает подобное «потом» — понятно любому профессионалу. «Потом будет суп с котом». За время между первым изъятием и этим «потом», надо думать, все было скопировано, перекопировано и сохранено. Потому что ценность материала всегда находится в прямой пропорции с эксцессностью «наезда» по его изъятию. Здесь эксцессность была (а) беспрецедентно высока и (б) беспрецедентно же антипрофессиональна.

Короче, «потом» потребовали все 200 томов. Те, у кого потребовали, уже сварили «суп с котом». А 200 томов погрузили в грузовик и повезли в прокуратуру.

А прокуратура отправила грузовик назад. Потому что… дело было прекращено. А материалы? Их зачем отдавать? Сегодня дело прекращено, завтра будет возобновлено… Вы вспомните: идет не 1993, а 2000 год.

Ну, ладно. Прекратили дело — и «отвалили». Так нет, против следователя милиции Зайцева и двух сотрудников таможни Файзулина и Волкова (как и Зайцев, работавших по контрабандному делу) были (опять «странность»!) возбуждены встречные уголовные дела — за нарушение прав коммерсантов.

Зуев, что ли, так развлекается? Он, отбившись, чего хочет? Чтобы все обо всем забыли! И он сам все это хочет забыть! Ему зачем лишние враги? Лишняя головная боль? Ему зачем лишние «бабки» платить, чтобы с этими врагами счеты сводить? Он что, не понимает, наконец, как жизнь устроена? И что не Волков, Файзулин и Зайцев — реальная причина его, Зуева, начавшихся злоключений? Так нет, встречные дела! И не одно, а несколько!

Встречные дела заводят только воюющие группы, которым надо показать, что вторжение на их территорию — сугубо наказуемо. И это мало показать, это надо доказать!

На доказательство ушло время. И в течение всего этого времени нужно было сопровождать сразу несколько сомнительных встречных дел. Для этого нужны штаб, планерки, продуманные инвестиции самого разного рода. Согласованные оргмероприятия, наконец.

Суд, на котором решалась судьба следователя Зайцева, состоялся аж 9 ноября 2003 года. А «дело мебельщиков» возникло и рассосалось осенью 2000 года. Значит, три года велись показательные акции в связи с как бы «рассосавшимся» делом.

На суде прокуратура потребовала увольнения следователя Зайцева. Судьба остальных оказалась тоже плачевна.

Так бывает? Конечно, бывает. Если дело некрупное — то «бабки» в суд, «бабки» начальству, и уволят не только капитана милиции. Если надо, уволят и генерала. Конечно, если генерал не слишком прочно «вписан».

Ну, уволили бы следователя Зайцева, и все тут. Суд ведь, как-никак! Да и прокуратура! Так нет, за Зайцева (следующая «странность»!) вступился тогдашний министр внутренних дел Б.Грызлов. У нас каждый день за каждого капитана министр вступается?

Я прошу внимательно вчитаться и вслушаться в текст самого Грызлова (да-да, тогдашнего министра внутренних дел, затем спикера Государственной Думы, одного из наиболее крупных по формальному статусу элитных игроков Российской Федерации). Что он пишет по мелкому частному делу в адрес Генпрокуратуры, чье элитное значение он не может не понимать? Вот что он пишет прямо В.Устинову: *«Для нейтрализации работы следователей и оперативных сотрудников члены преступного формирования использовали сотрудников центрального аппарата Генеральной прокуратуры. Для прекращения расследования дела, опорочения полученных доказательств с последующим увольнением сотрудников из органов внутренних дел».*

Данное письмо, датированное июнем 2001 года, процитировано сразу в двух газетах — «Российской газете» и «Известиях». И процитировано через два дня после ареста основных фигурантов дела «Трех китов» — 16 июня 2006 года.

Тут прямо говорится Генеральному прокурору, что его сотрудники «крышуют» преступное формирование. И, осуществляя данную преступную функцию, стремятся выбросить из органов работников ведомства, которое возглавляет Грызлов.

Это кто пишет? Это журналист пишет? Это я пишу? Это пишет высочайшее официальное лицо! Член элиты, входящий в ядро элиты! Он пишет — и Устинов не может не отреагировать на такое письмо. Казалось бы, накажи мелочевку, исправь ситуацию, наплюй на какое-то там мелкое «мебельное» дело! Не ввязывайся в крупную элитную распрю!

Однако Устинов поступает иначе! Вы понимаете? Иначе! Устинов твердо заявляет о том, что он остается на своих исходных позициях! Тогда наступает очередь Грызлова! Крупный элитный игрок настаивает по мелкому поводу. Зачем ввязываться? Цыкни на своих и забудь. Но и Грызлов проявляет беспрецедентную настойчивость и остается на своих позициях.

Так что это все такое? Мелкая «мебельная» распря или крупная элитная стычка?

Если это «мебельная» распря, то глупо и смешно ею заниматься. А если это крупная элитная игра, то какая? Давайте для начала хотя бы зафиксируем расклад элитных игровых сил (рис. 62).

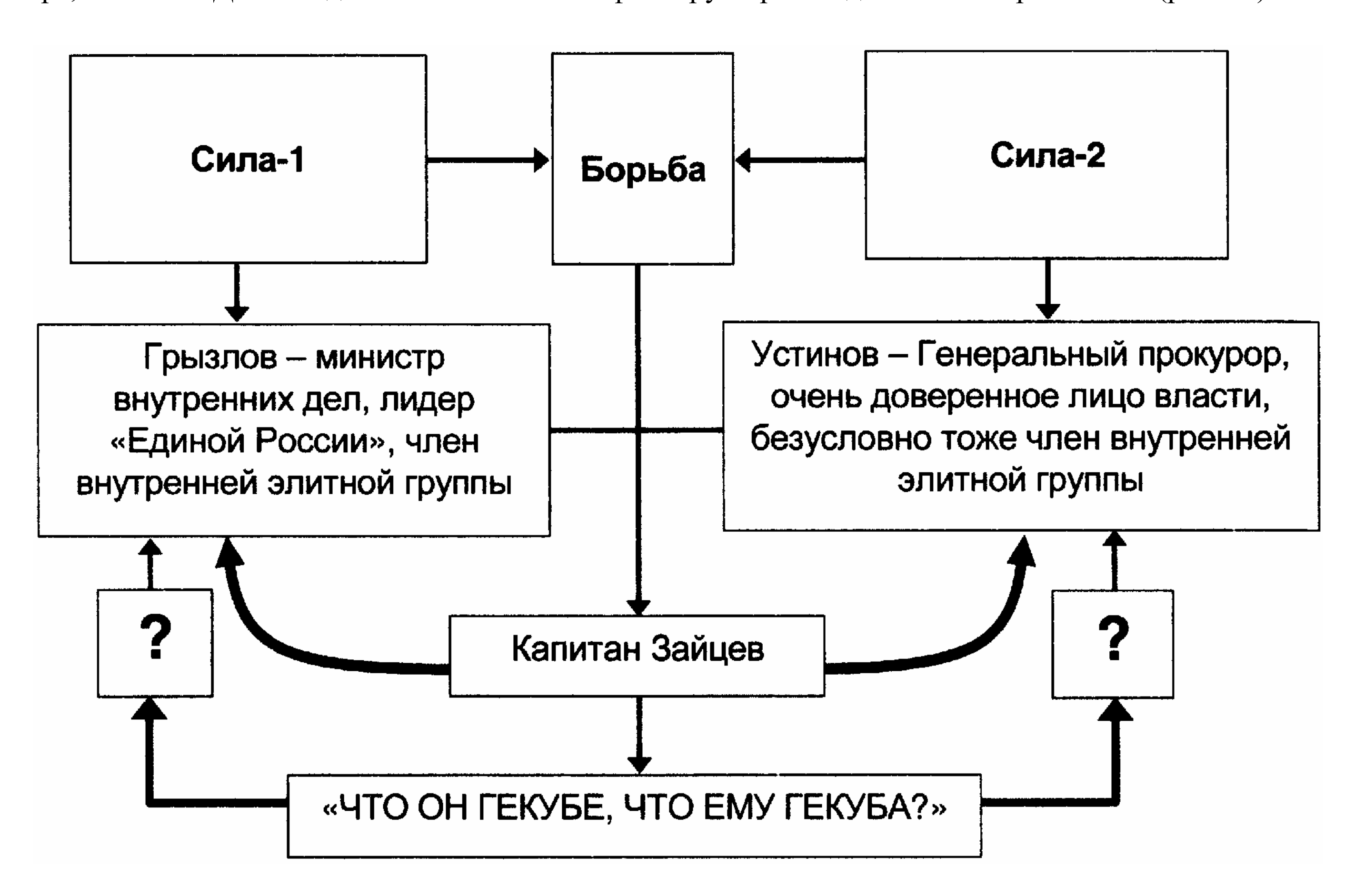

Рис. 62

Я что-нибудь здесь выдумываю? Я закрытыми данными оперирую? Я сплетни перебираю? Нет, я фиксирую фактическую информацию и превращаю ее в достаточно простую аналитическую схему. Я никого не демонизирую и не воспеваю. Я пытаюсь разобраться в ситуации, которая мне кажется весьма и весьма существенной.

При этом я хочу еще и разрушить — причем на основании простых и очевидных систематизации фактов — лживый аналитический аппарат, согласно которому, если и существует властный конфликт, то это конфликт разных корпораций и разных идеологий («бизнесмены» и «чекисты», «либералы» и «консерваторы»). Нет ничего этого! Вы приглядитесь к схеме! Кто тут либерал? Где здесь бизнесмены (о Зуеве говорить не будем, мы все же как-то уважаем себя и других)?

Кто либеральнее — Грызлов или Устинов? А «чекисты»? Где они? Везде, нигде?

Забегу немного вперед. В «зубодробительной» передаче В. Соловьева от 18 июня 2006 года А.Хинштейн обсуждает участие ФСБ в раннем деле Зуева (2000 год). Как смело он это обсуждает! Якобы некий Жуков, помощник Ю.Заостровцева, заместителя директора ФСБ, что-то там крутил вокруг «Трех китов»! К этому моменту в СМИ уже много раз было сказано и о том, кто такой Жуков,

и о том, что «крутил» сам Заостровцев, а также его отец (тоже работник КГБ, ставший начальником охранных структур этих самых «Трех китов»). Но Хинштейн дерзко атакует Жукова!

Депутат Госдумы, генерал милиции А.Гуров в той же программе, заявляя, что во всем этом есть война сил добра и сил зла, проговаривается по поводу того, что «Три кита» — не последняя инстанция, что это все не мебельные дела, а дела по какой-то непрозрачной отмывке, в которую непрозрачно включена мебель, что Зуев — подставное лицо, что на Зуева вышли в результате операции «Вихрь-антитеррор», что в ходе дела «сдавали» адреса конспиративных квартир и устраняли свидетелей, имевших высокопрофессиональную охрану.

Хинштейн на все это отвечает: «Деньги делают всё!»

Какие деньги? Деньги Зуева? Что они делают? Организуют вражду на вышеописанном уровне? Никаких денег Зуева не хватит на такую вражду! Впереди — миллиардные нефтяные войны, а не какие-то «мебельные дела»!

Не деньги это! И не всё деньги делают! Не надо повторять ошибок Березовского! Не деньги делают власть, а власть делает деньги! Мы имеем дело с борьбой властных внутренних партий! Эти партии невозможно идентифицировать даже по корпоративному индексу! Заостровцев — это ФСБ. А Министерство внутренних дел? Оно обособилось от ФСБ? И при Грызлове обособилось, и при Нургалиеве, который повторяет «антигенпрокуратурные» ходы Грызлова (Нургалиев ведь не уволил судимого следователя Зайцева)? Да знаем же мы, что это не так!

Значит, и ФСБ расколота!

Грызлов и Нургалиев плюс ФСБ… Устинов плюс ФСБ (Заостровцев)… Такая внутренняя борьба в ФСБ возможна, только если часть ФСБ (Заостровцев) ориентируется на кого-то через голову своего (между прочим, очень влиятельного) прямого начальника. Этот «кто-то» — не Устинов. Тут другая война, другие элитные индексы. Они явным образом высвечиваются уже в самом начале нашего рассмотрения. И полностью опровергают все эти замшелые «чекистско-либеральные» мифы. Не силовики воюют с либералами. Силовики воюют друг с другом на высшем уровне. И не за мебель! А за гораздо большее.

Высказав эту гипотезу, будем разбираться дальше. Потому что, согласитесь, «тема есть». И, прямо скажем, неслабая.

Итак, за Грызловым есть некая весьма высокая санкция. И за Устиновым есть столь же высокая санкция. Борьба длится годами. Что это значит? Что указанные весьма высокие «санкции» уравновешивают друг друга. Это, во-первых.

И, во-вторых… Конфликтность в данном случае нешуточная. Она не утихла. Она тлеет и дает новую вспышку аж через 6 лет. Она длится все эти 6 лет. Она сохраняется при кадровых перестановках. Ибо, повторю, преемник Грызлова Нургалиев все эти годы стоит на грызловской (и «надгрызловской») позиции.

Да, «надгрызловской»! Потому что не только Грызлов, но и руководители «соседних» ведомств считали действия владельцев «Трех китов» незаконными. Вот что писал летом 2002 года в официальном письме № 3016-П тогдашнему премьер-министру М.Касьянову директор ФСБ РФ Н.Патрушев:

> «При участии, руководстве и финансировании со стороны представителей мебельных центров «Гранд» и «Три кита» была разработана схема контрабандных поставок мебели (…). В целях сокрытия контрабанды в Балтийскую таможню предоставлялись документы, в которые были внесены недостоверные данные о весовых и стоимостных характеристиках груза (…)
>
> Была получена информация, что к предоставлению недостоверных данных имеет отношение компания «Фрейт Мастер Групп «(«ФМ Групп») (…). Руководителем фирмы «ФМ Групп» является гражданин России Поляков П.И. (напомним, что сотрудники московского представительства этой самой упомянутой Патрушевым «ФМ Групп» супруги Павел и Ирина Подсотские арестованы 14 июня 2006 года. — С.К.)
>
> Установлено, что ввозимая с нарушением таможенных правил мебель, следовавшая в адрес ООО «Лига Марс» и якобы впоследствии передаваемая по договору ООО «Бастион», фактически сразу доставлялась под охраной (…) в МЦ «Гранд» и «Три кита»(…). Собраны материалы, подтверждающие причастность к организации контрабандного канала ввоза мебели на территорию Российской Федерации сотрудников фирм «ФМ Групп» и «Сателлит» Латушкина А.В. (еще одно имя из числа арестованных 14 июня 2006 года — С.К), Зуева С.В., Гуляева О.В., Троицкого Д.В.».

Письмо цитируется по «Новой газете» от 19 июня 2006 года.

Но событие произошло в 2002 году.

И не оно одно!

Газета «Известия» от 12 февраля 2002 года сообщила, что на расширенной коллегии Генеральной прокуратуры РФ в феврале 2002 года высказался по интересующему нас вопросу сам президент России В.Путин. На той же коллегии высказался и Устинов, заявив, что *«конфликта (между ГТК и «Тремя китами» — С.К.) нет, он искусственно раздут СМИ. Есть заурядное расследование злоупотреблений сотрудников ГТК».* То есть Устинов как бы встал на сторону «Трех китов». И одновременно девальвировал масштаб данной истории («заурядное расследование»).

Что же сказал тогда президент Путин? Он сказал следующее: *«У меня нет объективной информации по делу. Поэтому я распорядился вызвать из прокуратуры Ленинградской области стороннего следователя, который должен во всем разобраться».*

То есть он предупредил, что расследование совсем не заурядное. И он берет это расследование под свой личный контроль.

Но вернемся к письму Патрушева. Согласитесь, вряд ли «Новая газета» будет выдумывать номер письма и его содержание! В любом случае, никаких опровержений не было. А любая российская газета рассматриваемой эпохи, приводя такое письмо, во-первых, обзаведется достоверным доказательством если не в виде оригинала, то в виде качественной копии. А во-вторых… На кого-то обопрется. Что возможно, только если есть борьба равных и равноэлитных сил.

После этого письма мы можем детализировать схему (рис. 63).

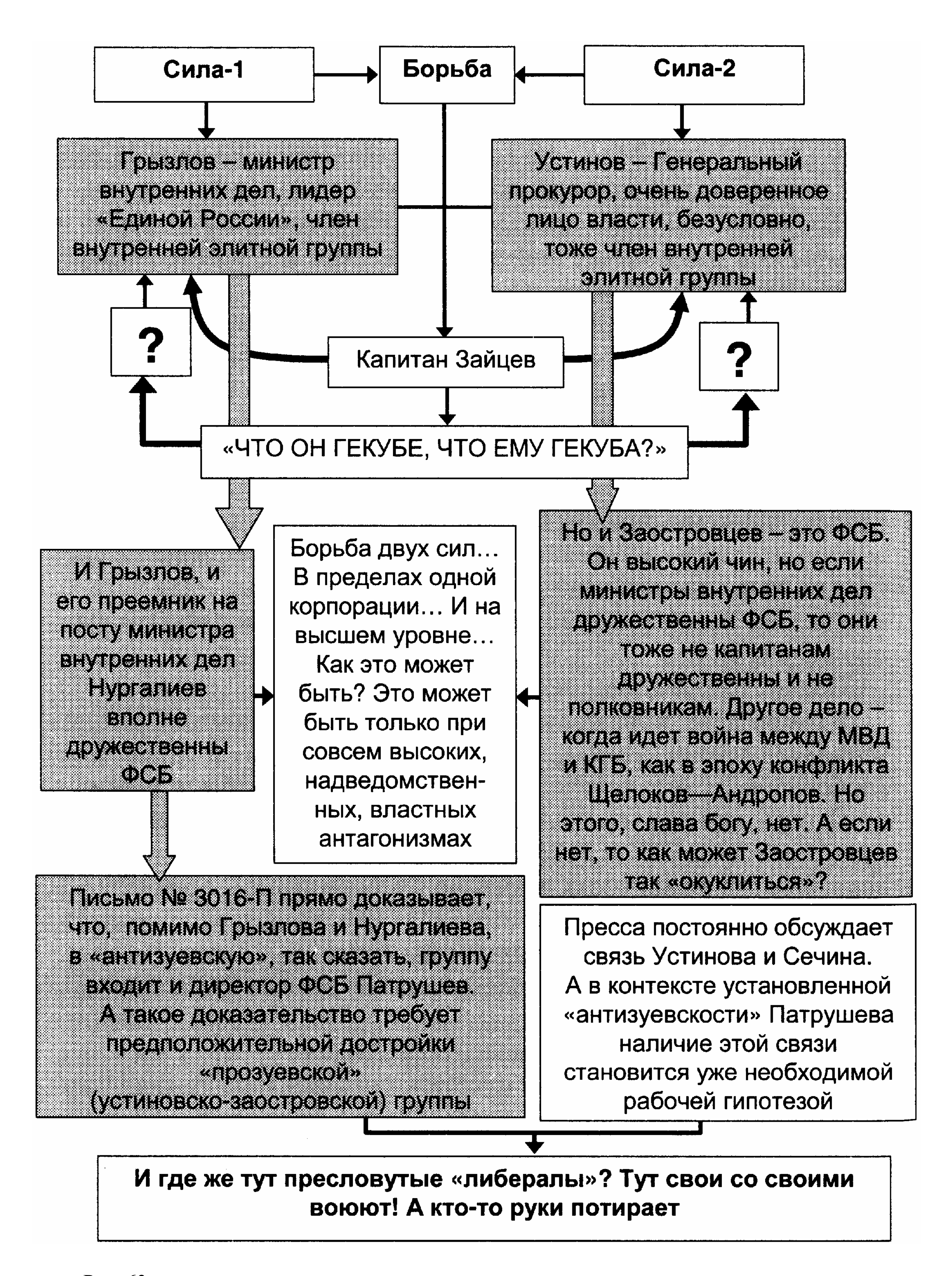

Рис. 63

В самом деле, в связи с «Тремя китами» и «Грандом» в СМИ повторялись версии о том, что это конфликт «Семьи» и «чекистов», «либералов» и «чекистов». «Высшим пилотажем» была версия о конфликте между «чекистами» (сторонниками «Трех китов») с одной стороны, и ГТК и МВД (противниками «мебельщиков»), — с другой. А тут, пожалуйста, директор ФСБ в письме к премьеру

обвиняет «группу граждан» в контрабанде мебели. А ведь эту контрабанду, как нас уверяют, «крышует» его ведомство. Более того, в деле упоминается фамилия тогдашнего зама Патрушева Ю.Заостровцева. Патрушев должен, по логике вещей, грудью встать на защиту своего ведомства и своего заместителя. Ан нет!

Но ведь и Заостровцев не пугается позиции Патрушева! А почему? Он что, камикадзе? Во-первых, нет. А во-вторых… Того, кто так не пугается, сразу отправляют в отставку. А если не могут отправить, значит, есть высокий защитник. И Устинов на эту роль все же не тянет.

Но и это не все.

В феврале того же 2002 года депутаты Госдумы провели специальное заседание Комитета по безопасности, на котором вынесли решение о том, что дело по «Трем китам» прекращено неправильно. То есть фактически выступили против Генеральной прокуратуры. Мы как, должны считать, что в Комитете по безопасности Госдумы правили бал некие «либералы»?

А теперь, возвращаясь к фигуре следователя Зайцева, подчеркнем, что оный судимый следователь (получивший в ноябре 2003 года два года условно) — продолжает работать в Следственном комитете при МВД!

Такая «фиксация обстоятельств» по поводу каких-то там «мебельных салонов» вам ни о чем не говорит? Может быть, наши качели начинают двигаться в противоположную сторону? Так ведь нет! Все «подвисает».

В марте 2002 года Генпрокуратура отменяет постановление о прекращении уголовного дела.

А в апреле 2002 года «мебельное» дело принял к производству В.Лоскутов из прокуратуры Ленинградской области. Как мы уже говорили, его назначает руководителем следственной группы не кто-нибудь, а сам президент РФ В.Путин своим личным решением. Лоскутов продолжает расследование. Понимаете?! Для работы по «мебельным салонам» нужно специальное решение президента! При этом данное решение не приводит к одномоментному мебельно-салонному «бенцу», а превращается в многолетнее расследование.

15 июня 2006 года Путин уделяет этому вопросу отдельное внимание на пресс-конференции в Шанхае, где лично подтверждает, что вынужден был пригласить следователя из Ленинградской области, чтобы он не был связан с федеральными правоохранительными органами и таможней, которые ранее занимались этим делом.

Давайте внимательно оценим масштаб расследования. Для этого надо вчитаться в интервью М.Файзулина, бывшего первого заместителя начальника Управления таможенных расследований и дознания Государственного таможенного комитета РФ. Это интервью было напечатано в «Российской газете» (официальной газете правительства) 16 июня 2006 года. Все, что сообщает Файзулин, «проскакивало» ранее в других высказываниях СМИ по данному делу. Но тут все собрано воедино.

Файзулин ссылается на некие промежуточные события. То есть не на конфликт с Зайцевым (2000 год) и не на арест группы Зуева (2006 год). Он ссылается на события 2003 года. И говорит следующее: *«Еще в 2003 году сотрудники Следственного комитета при МВД и ГТК совместно с коллегами из спецслужб США, Италии, Германии и Франции вскрыли банковскую схему контрабандного ввоза мебели. Были получены неопровержимые доказательства отмывания денег. В Германии и в Италии еще в 2003–2004 годах лица, причастные к этим аферам, были арестованы и осуждены. А в США (внимание! — С.К.) подобные операции стали эпизодом одного большого дела «Бэнк оф Нью-Йорк». У нас же все спускалось на тормозах. Я могу предполагать, что причина этого в высоких покровителях подозреваемых, которые находились и в Генпрокуратуре».*

Итак, Файзулин обозначает ту связь, которая только и объясняет наш интерес к историям, в которых есть эта самая мебель и… пусть даже и более крупные, но сугубо экономические сюжеты. Нас же интересует именно большая элитная игра в ее сопряжении с этой историей (рис. 64).

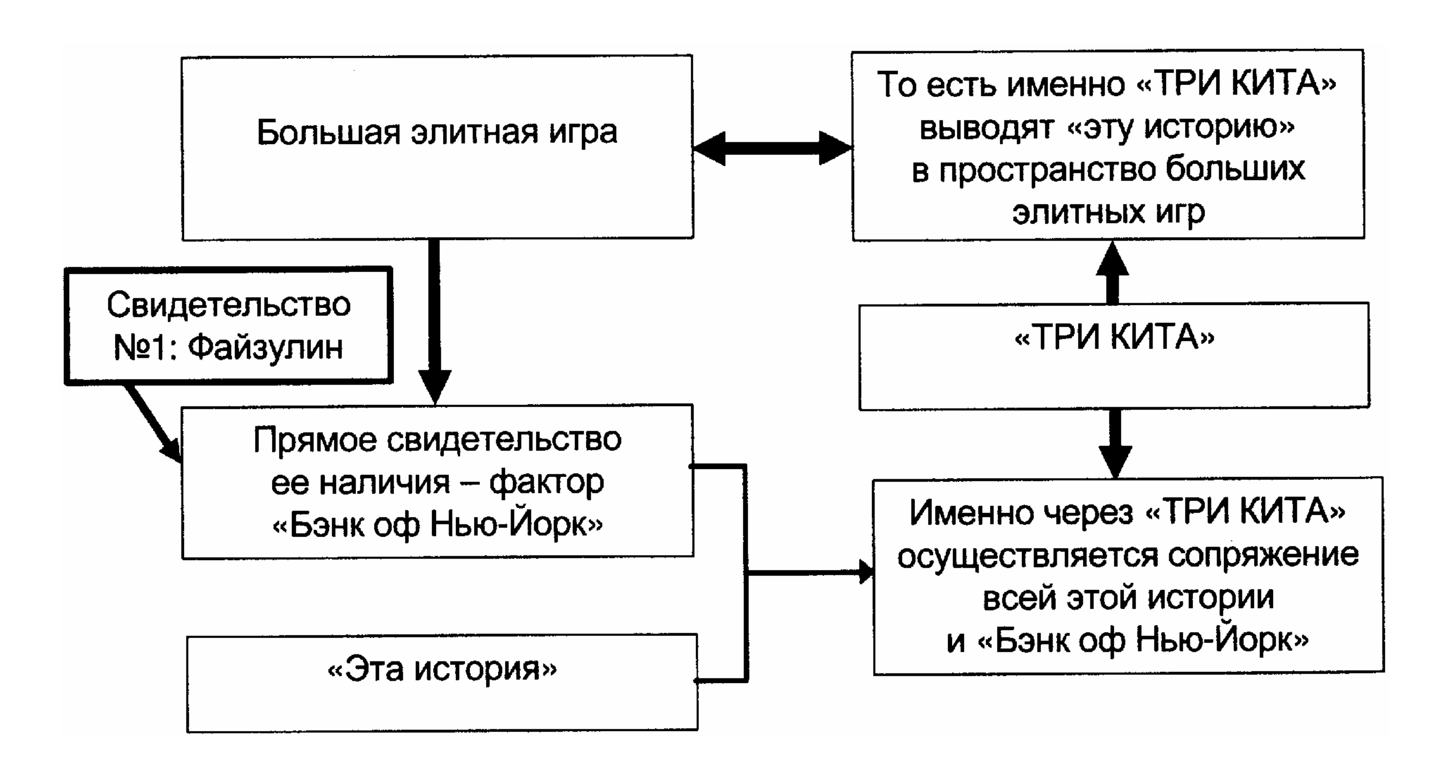

Рис. 64

Проявив наконец природу нашего интереса к теме, вернемся к тщательному рассмотрению в целом скучных и сугубо частных фактур.

Файзулин говорит, что некие враги (в его, сугубо служебном, а не элитно-игровом, понимании) были «и в Генпрокуратуре». Он не говорит «только в Генпрокуратуре». Почему? Потому что он понимает, что такие покровители не могли находиться только в Генпрокуратуре, поскольку этого «властного индекса» для данного покровительства недостаточно. И, понимая это, шлет однозначный мессидж. Но о смысле этого мессиджа — чуть позже. Пока же — о масштабе происходившего. Причем со слов того же Файзулина.

> Файзулин: «На календаре, увы, июнь 2006 года. За эти три с половиной года убит один из ключевых свидетелей по делу «Трех китов» Сергей Переверзев. Его расстреляли прямо на больничной койке в госпитале Бурденко. Было покушение еще на одного фигуранта дела — брокера Андрея Саенко. Его «Мерседес-600» изрешетили пулями, две из которых попали в него, и он выжил чудом. Журналист и депутат Юрий Щекочихин, который вел собственное расследование мебельного дела, умер очень странной смертью. Я слышал, врачи, вскрывавшие его тело, были в прорезиненных халатах — у него слезала кожа (явственное указание на жестокое отравление. — С.К.). Нам с начальником Управления таможенной инспекции тогдашнего ГТК Александром Волковым грозил срок, и лишь чудом мы добились оправдания в суде».

«Чудом» оправдания в суде не добиваются. Его добиваются, когда есть равновесие двух борющихся элитных партий. Но если уж мы заговорили о суде, то интересно вспомнить, как именно судили следователя Зайцева.

Генпрокуратура тогда взялась за него всерьез. Поначалу (5 сентября 2002 года) Мосгорсуд оправдал Зайцева. Ну, оправдал и оправдал… Ан нет! Представитель Генпрокуратуры РФ С.Грибинюченко, поддерживавший в суде обвинение, сразу же заявил, что «Мосгорсуд сделал неправильные выводы» и приговор будет обжалован.

Потом Верховный Суд (во масштаб-то! во мебельщики!) отменил это решение. Дело снова попало в Мосгорсуд к судье О.Кудешкиной. Вот что говорит Кудешкина в интервью газете «Известия», опубликованном 15 июня 2006 года: «За 20 лет работы в судебной системе я впервые столкнулась с таким явным давлением на судью. Зайцева обвиняли в том, что в ноябре 2000 года он якобы, не имея достаточных оснований, самостоятельно вынес постановление о проведении обысков у фигурантов дела без санкции прокурора. В ходе заседания обвинитель Дмитрий Шохин всячески противодействовал полному и всестороннему, как этого требует закон, исследованию дела. Дошло до того, что он заявил отводы мне и народным заседателям, а потом и вовсе отказался предоставлять

какие-то доказательства». Далее Кудешкина сообщает, что ей стало известно о жалобе Шохина на нее. И не куда-нибудь, а в Генеральную прокуратуру.

Снова дадим слово Кудешкиной: «После этого (жалобы Шохина. — С.К.) меня вызвала председатель Мосгорсуда Ольга Егорова. У нее, кстати, муж — генерал ФСБ. Она спросила: «Что там у вас происходит?» Я рассказала. Она при мне позвонила заместителю Генерального прокурора Юрию Бирюкову и сказала ему буквально следующее: «Вот я сейчас вызвала судью и буду разбираться». Спрашивала, почему мы с народными заседателями задаем такие вопросы. Еще раз вызвала меня прямо из совещательной комнаты, когда заседатели, не выдержав грубости обвинителя, взяли самоотвод. Попросила изъять их объяснения из дела».

Отдадим должное мужеству Кудешкиной: она все это предала огласке и пострадала. Была лишена статуса судьи с формулировкой «по порочащим основаниям». Дело Зайцева передали другому судье. И Зайцев получил два года условно. Приговор был вынесен 9 ноября 2003 года.

Так сражаться за «два года условно» и так нарушать все процессуальные нормы — нельзя, если за твоей спиной стоит только Бирюков. Или даже только Устинов. Тут должны быть другие рычаги. В противном случае все отдает бредом.

Но в этом приговоре Зайцеву имело значение и еще одно существенное обстоятельство.

Дело в том, что с 1 июля 2002 года (то есть в разгар мебельных расследований и судопроизводств) санкции на обыски у физических лиц выдавала не прокуратура, а суд (это отмечает газета «Коммерсант» от 11 ноября 2003 года).

Можно ли что-то сделать в обход суда? И кто может это сделать? Это может сделать Следственный комитет при МВД. Основание? Оно известно: нельзя, чтобы фигуранты дел скрыли улики! Если есть опасность такого сокрытия, то можно и должно обыскивать, даже не имея решения суда. Именно этим Следственный комитет при МВД оправдывал многочисленные несанкционированные обыски. То есть Следственный комитет при МВД, МВД и вся соответствующая партия хотят иметь возможность проводить обыски без судебной и прокурорской санкции. Это вам уже не деньги! Это власть! А прокуратура, прессуя Зайцева, как бы говорит: «Без нас вы обыски проводить не будете!»

Такой элитный конфликт говорит о гораздо большем, чем деньги, на всемогущий характер которых ссылается А.Хинштейн. Тут я могу только еще раз напомнить о пушкинском злате и булате и их борьбе. Булат иногда может гораздо больше, чем злато (деньги). Но в нашем-то случае дело не во всемогуществе злата, о котором говорит Хинштейн, и не в споре между златом и булатом, где неизвестно, кто победит. А в том, как скрещиваются булат с булатом. И не вокруг каких-то вторичных денег, а вокруг возможности «все взять». И деньги в том числе, но это не главное. Позже, в эпоху, когда в игру включился Госнаркоконтроль, А.Хинштейн признал, что это именно так.

Однако вернемся к рассматриваемой фазе конфликта и предоставим слово В.Лоскутову. Тому самому первому заместителю начальника отдела прокуратуры Ленинградской области, которому аж Президент (ощущаете масштаб?) поручил вести «мебельное» дело после того, как оно сначала было закрыто, а потом возобновлено. Лоскутов прямо говорит, что дело тормозили в правоохранительных органах: «Сложность расследования заключалась в том, что у подозреваемых были большие связи в правоохранительных органах, что препятствовало ведению следствия». («Известия», 15 июня 2006 года.)

Каков же масштаб связей? Лоскутов сообщает, что его дело выводит на факты коррупции среди должностных лиц в правоохранительных органах. Каких лиц? И тут Лоскутов делает главное заявление: «Если бы не поддержка президента РФ, который держал наличном контроле ход следствия, оно бы не достигло таких результатов».

Тем, кому нужно что-то еще более конкретное, нежели данная фраза, — просто сочувствую. Потому что конкретнее уже некуда.

В связи с этим — об одной (несопоставимой с вышесказанным, но важной для нас) статусной переигровке.

15 июня 2006 года, когда была обнародована эта фраза Лоскутова, проходила встреча министров внутренних дел, министров юстиции и генеральных прокуроров стран «большой восьмерки». Вместо отставленного Генпрокурора от России на этой встрече представительствовал не первый заместитель Генпрокурора (и официальный и.о.) Бирюков, а заместитель Генпрокурора Звягинцев. Тоже ведь конкретнее некуда.

А теперь мы переходим к тому, что позволяет ощутить масштаб элитной коллизии.

Капитан Зайцев, отвечая на вопрос корреспондента «Российской газеты» (от 16 июня 2006 года), сообщает, что следующим задержанным может оказаться П.Стрепков — один из двух руководителей подставной фирмы «Лига-Марс», через которую шла контрабанда мебели. На тот момент Стрепков являлся заместителем руководителя фирмы «Ростэк», созданной для облегчения труда таможни и коммерсантов при перевозке грузов через границу РФ…

Оставим Стрепкова, так сказать, на совести Зайцева, хотя… Зайцев в этом деле разбирался сначала по долгу службы, а потом — по другим понятным причинам. То есть с большой профессиональной страстью и в течение долгого времени. В результате он стал особым специалистом по данному делу. Поэтому если он называет фамилию «Стрепков», то что-то имеет в виду. Это ни в коем случае не значит, что Стрепкова обязательно арестуют, как говорит Зайцев. НО ЭТО ЧТО-ТО ЗНАЧИТ. Это не пустой звук. Скажем так — не вполне пустой. Что мы и фиксируем.

Кроме того, мы фиксируем, что Зайцев, как и Файзулин, затрагивает тему связи между делом «Трех китов» и «Гранда» и отмыванием денег через «Бэнк оф Нью-Йорк». О том, что следственная группа под руководством Зайцева вышла на эту связь, СМИ писали не один год. Сам Зайцев говорит об этом, например, в «Комсомольской правде» от 29 января 2007 года.

Значит, к свидетельству Файзулина о связи данного дела с «Бэнк оф Нью-Йорк» добавлено свидетельство Зайцева.

Но в чем связь Зуева и «Бэнк оф Нью-Йорк»? И что такое дело «Бэнк оф Нью-Йорк»?

Наши респонденты настаивают на том, что удар, нанесенный в 1999 году по «Бэнк оф Нью-Йорк» (иначе — «Раша-гейт»), был фактически ударом республиканцев США по финансовой базе Демпартии США.

При этом под удар попадали не только структуры Демпартии США, но и наши «высшие элитарии». Такие, как управляющий делами президента Ельцина П.Бородин. А далее, как говорят, со всеми остановками…

Вы, наверное, все это помните. Война на Балканах… Скандал с фирмой «Мабетэкс»… Выходы через скандал на Бородина и «Семью». И, кстати, тесно связанное с этим всем другое генпрокурорское дело — дело Скуратова, о котором мы уже говорили.

А что было дальше?

В 2003–2004 годах как российские, так и зарубежные газеты много раз писали, что немецкие правоохранительные органы в 2003 году (аккурат перед новыми выборами в США) сообщили в Следственный комитет при МВД РФ (где все еще работает капитан Зайцев, так круто занявшийся «мебельным» делом в 2000 году) нижеследующее.

Первое. Существует один из главных фигурантов дела «Бэнк оф Нью-Йорк» господин П.Берлин.

Второе. У этого господина есть (или была) фирма «Бенекс». Кто не помнит ни фамилии Берлин, ни фирмы «Бенекс», тот должен освежить память самостоятельно. Вспомнить, что такое дело «Бэнк оф Нью-Йорк». Мы этого делать здесь не можем по понятным обстоятельствам (объем, логика изложения и так далее).

Третье. В 1998 и 1999 годах со счетов фирмы «Бенекс», хозяином которой является Берлин, на счета некоей фирмы «Максекс» поступило 4,6 млн. долларов, которые германские правоохранительные органы однозначно квалифицируют как «грязные деньги».

Четвертое. Руководителями фирмы «Максекс» являются некие немецкие граждане Уве и Вольф Пфайффле (отец и сын). А совладельцем «Максекс» является хозяин «Гранда» и «Трех китов» С.Зуев.

Пятое. Зуев не просто совладелец. Он, купив контрольный пакет «Максекс» и другой фирмы, «Интердойс», договорился о том, что Уве и Вольф Пфайффле назовут себя хозяевами данных структур, но будут действовать только в интересах Зуева, не объявляя об этом публично. Зуев не просто об этом договорился. Он составил договор с двумя Пфайффле. А договор попал в руки немецких правоохранительных органов.

Шестое. «Интердойс» оплачивал поставки мебели в Россию.

Седьмое. «Максекс» оплачивал строительство мебельных торговых домов в московском регионе.

Восьмое. После начала действий германских правоохранительных органов Зуев перепродал долю в «Интердойсе» уругвайской фирме «Лассманн Трейдинг».

Девятое. Помимо Зуева, в фирмах «Максекс» и «Интердойс» в качестве незасвеченных владельцев фигурирует некая О.Анурова, сотрудница фирмы «Беринг консалтинг».

Забегая вперед, укажем, что позже, в разгар скандала вокруг увольнения Устинова в 2006 году, «Новая газета» (номер от 19 июня 2006 года), «подвязывая» тот же «Беринг консалтинг», объявляет войну уже не какой-то из конфликтующих элитных групп, а лично президенту России В.Путину. Война — она и есть война. В ней важно не содержание, а способ осуществления информационных военных действий. Указывается, что клиентом «Беринг консалтинг» являлся также «кандидат в президенты России Владимир Путин». И что 2 февраля 2004 года с его личного счета в Сбербанке в эту фирму ушла определенная сумма.

Назовем это утверждение — супермиф № 1.

Почему супер? Супер — потому что речь идет о президенте России.

Почему миф?

Во-первых, потому что мало ли, кто был чьим клиентом. И почему по каким-то линиям идут деньги. Например, все, кто вели определенный тип международной деятельности, действовали через «Бэнк оф Нью-Йорк». И что?

Во-вторых, как в этом, так и в других случаях мы не можем ни отбрасывать, ни принимать информацию. Любая информация такого рода — это миф. Она всегда тем более миф, чем крупнее политические интересы, которые маркирует миф. Не может быть более крупных интересов, чем интересы, связанные с рассматриваемым лицом. А значит, и уровень мифологичности информации в данном случае выше, чем в любом другом.

Но нас интересует как раз то, что некий миф разыгрывается в рамках большой элитной игры. От того, что это миф, становится только еще интереснее. Как выстроен миф? Зачем он введен в оборот именно в этот момент? На что он ориентирован? Как вписан в игру? Вот наши основные вопросы. Вот зачем мы вообще приводим журналистские версии. За крупными версиями всегда стоят крупные интересы. Какие интересы маячат здесь? Как внутренние интересы пересекаются с внешними?

И где здесь этот самый «Бэнк оф Нью-Йорк» — не как буквальность (ну, «Бэнк» и «Бэнк»), а как индикатор большой элитной игры?

Нельзя брать на веру ничего — ни единой информационной крупицы, коль скоро речь идет о такой большой элитной игре.

Тут важно — что, где, когда.

«Новая газета» публикует это «откровение» сначала 25 октября 2004 года и 1 ноября 2004 года. Вторично и очень помпезно (сразу на шести полосах, полностью посвященных делу «Трех китов») она воспроизводит данный стратегический информационный миф именно 19 июня 2006 года.

Показательно, что это произошло через четыре дня после того, как 15 июня на пресс-конференции в Шанхае после юбилейного саммита ШОС В.Путин на вопрос журналиста о результатах следствия по «трехкитовому делу» ответил следующее: *«Они написали целые тома. Поработали. Какие писатели они, теперь известно, но какие они юристы — определит суд».* («Московский комсомолец» от 17 июня 2006 года.)

Иначе говоря, Путин кому-то прямо заявляет, что он обладает полной информацией по данному далеко идущему делу. А в ответ на мессидж Путина этот «кто-то» яростно огрызается. Он огрызается через газету, статус которой понятен. Газета выступает с непримиримо оппозиционных позиций. Она сама говорит о том, что власть затыкает рот непримиримо оппозиционным органам. Но ей никто рот не затыкает. В чем дело (если даже исходить из ее логики)?

Советский (да и мировой) опыт раскрывает суть дела. В любом случае, для существования такого рода газеты необходимо очень мощное элитное прикрытие. Оно не может быть сугубо международным. Оно должно иметь местные корни. Местные и спецслужбистские. Потому что иных просто нет.

Ну, так о них и идет речь. И обладатели подобных корней в ответ на очень веские угрозы со стороны высшей власти осуществляют игровой ход через газету, которая и нужна для того, чтобы было дополнительное элитное игровое пространство. При этом статус информации вторичен по отношению к статусу мифа и его игровой роли.

Пусть все ложь — и что? Мы фиксируем не правду и ложь, а обмен ударами с использованием информоружия. И лишь для того, чтобы был ясен масштаб конфликта.

Но вернемся к информационной игре вокруг «Беринг консалтинг» как «аппендиксу» интересующей нас крупной темы «Бэнк оф Нью-Йорк».

Десятое. «Беринг консалтинг» учрежден Ириной и Александром Романовыми.

Все та же «Новая газета» пишет 1 ноября 2004 года, что Романов, как утверждают «информированные люди, имевшие с ним деловые отношения», якобы учился вместе с Путиным.

Налицо супермиф № 2.

Скажут: «Мало ли кто что говорит!» А я что, предлагаю принимать все эти информудары за чистую монету? Но отмахнуться-то от них тоже нельзя. И не потому, что нет дыма без огня, а по совершенно другой причине. Дым без огня как раз бывает. Но тогда источник дыма — некие действия противника, кидающего дымовые шашки. Противник их зря кидать не будет, поэтому ни стратегия отмахивания («мало ли кто что говорит»), ни стратегия принятия за чистую монету неэффективны. Надо воспринимать удары информационной войны, анализировать источники, реконструировать по ним игру и оценивать ее качество. А потому продолжим.

Одиннадцатое. Помимо «Беринг консалтинг», А.Романов числился учредителем (в некоторых случаях — одним из руководителей) ряда фондов, связанных со спецслужбами. Примеры таковы: Международный благотворительный фонд (МБФ), Некоммерческий межведомственный фонд социальной адаптации сотрудников правоохранительных систем.

Двенадцатое. «Беринг консалтинг» занимается поставками почтового оборудования. А в списке тех, кому оно поставляется, Администрация Президента, ФСБ, Генпрокуратура, Высший арбитражный суд, Центральный банк, Сбербанк и так далее.

Тринадцатое. След от «Беринг консалтинг» тянется к «Беринг ГМБХ Москва», а оттуда — к германскому обществу «Беринг ГМБХ».

Четырнадцатое. В этот след впаяны те самые Саенко и Стрепков, о которых мы говорили. Один — уже арестован по делу Зуева. Другой — обещан следователем Зайцевым в качестве следующего арестанта.

Пятнадцатое. И Стрепков, и Саенко пропускали через границу не только мебель, но и нечто совсем другое. Причем в абсолютно неофициальном режиме. Проще — они являются еще и держателями неких фирм по продаже оружия.

Шестнадцатое. С учетом всех вышеуказанных обстоятельств, след от Зуева можно тянуть куда угодно. Президент об этом говорит во вполне угрожающем тоне. А Путин (надо отдать ему должное) никогда не угрожает зря. В ответ — «угрозой на угрозу».

Это мебельные мелочи? Окститесь! Это такой элитный конфликт, которого еще никогда не было!

Что в нем происходит? Засветится ли в нем Устинов?

Чтобы как-то с этим разобраться — не нужно погружаться в недоказуемые тайны. Многое можно понять, разобравшись в том, как раскручивалось на первом этапе дело «Гранда» и «Трех китов».

Ведь не с помощью самодостаточного геройства капитана Зайцева оно раскручивалось. По крайней мере, самодостаточности тут быть не могло. «Зайцева в собственном соку» его противники тем или иным способом — за «бабки» или как-то иначе — наверняка заткнули бы. Такова, увы, сегодняшняя практика. А вместо этого имел место громкий, длинный скандал.

Этот скандал впервые задел неприкасаемые, как тогда кому-то казалось, спецслужбы. Он высветил конфликт внутри казавшегося (опять-таки, кому-то) консолидированным чекистского сообщества. Он… впрочем, не будем торопиться. Всмотримся в ту историю. Благо она относительно недавняя. И фактура по ней — вполне открытая, вполне богатая и вполне актуальная.

Глава 13. Начало мебельного скандала

Атака на «Три кита» началась в августе 2000 года — и сразу почти со штурма.

24 августа 2000 года, в четверг, в подмосковный мебельный центр «Три кита» прибыли с проверкой таможенники — причем в сопровождении СОБРа. Как оказалось, не зря, поскольку в мебельном центре они, как пишут «Ведомости» от 28 августа 2000 года, «неожиданно» встретили решительное сопротивление. Чье именно? Сотрудников «Трех китов» и арендатора центра, компании «Бастион». Увидев СОБР, эти дерзкие люди отказались выполнить требования о предоставлении необходимых документов. А не менее дерзкий СОБР, увидев этих дерзких людей, дерзко улетучился.

25 августа таможенники арестовали поставленную «Бастионом» мебель на сумму 3,8 млн. долларов.

26 августа центр «Три кита» был закрыт, и при содействии отряда МЧС (еще и МЧС! СОБРа мало!) были вскрыты склады «Бастиона». Вся мебель была арестована, начался ее вывоз на таможенные склады временного хранения имущества. Чтобы осознать масштаб этого факта, нужно пояснить, что в первые же дни из «Трех китов» было вывезено 50 автофургонов мебели, а предстояло вывезти — еще 300. При этом осталось неизвестным, на какую именно сумму было вывезено имущество на таможенные склады. Известно лишь, что в целом сумма контракта «Бастиона» с ввозившей мебель компанией «Лига-Марс» составляла 80 млн. долларов. Если вывозилась только мебель, то, честно говоря, это «стрельба из пушек по воробьям».

27 августа, в воскресенье, было принято решение о возбуждении уголовного дела о контрабанде. Воскресенье — хороший день для принятия такого решения!

Атакованные компании сначала отправили в Генпрокуратуру жалобу на неправомочность действий таможенников. И тут же сделали нечто прямо обратное.

В тот же день, 27 августа, председателю ГТК М.Ванину было отправлено письмо, в котором проверяемые компании признали действия таможенников правомерными и выразили готовность содействовать проверке.

Еще через два дня выяснилось, что дорогостоящая мебель импортировалась под видом пиломатериалов.

При этом стало известно, что, хотя торговыми центрами «Три кита» и «Гранд», а также компанией «Бастион» фактически управляет одна команда, юридически их владельцы между собой не связаны. Так, зданием «Гранда» владеет ЗАО «Альянс-95» с германским капиталом, «Трех китов» — российско-немецкое СП «Ла Макс». Мебель же в салоны поставляла компания «Бастион», закупая ее у фирмы «Лига-Марс».

Вся эта мебель проходила через Одинцовскую таможню, которую М.Ванин и приказал закрыть. Запишем на полях — Одинцово. И продолжим воспоминания.

Мебель, предназначенная нашим фигурантам, поступала из Германии, Италии, Испании на склады временного хранения. И только оттуда в «Три кита». При этом проведенная совместная операция подмосковного ГУВД и ГТК показала, что значительной частью складов временного хранения в Одинцовском районе (предназначенных отнюдь не только для мебели) владеют представители осевшей в районе чеченской диаспоры, лидеры которой имели связи в Центральной и Одинцовской таможне.

30 августа замначальника Одинцовской таможни В.Локоть заявил журналистам, что таможня работает в нормальном режиме, хотя у половины из 235 ее сотрудников уже были изъяты личные печати.

В тот же день, 30 августа, начальник Главного управления по борьбе с контрабандой ГТК А.Клепов сообщил о начале служебного расследования в отношении Балтийской таможни (Санкт-Петербург). Именно оттуда начиналось движение по России мебели, в итоге попадавшей в «Гранд» и «Три кита». Зафиксируем нить от Одинцово (подумаешь, величина!) к Балтийской таможне (вот это уже серьезно). И продолжим описывать «катавасию».

При этом нарушим хроникальность описания. И позволим себе одно развернутое и крайне важное отступление.

Глава 14. Схема контрабанды мебели: куда ведут «концы»?

По утверждению СМИ, контрабанда мебели была выстроена по следующей схеме.

В основе — серия фирм, расположенных как в РФ, так и на Западе.

Три германские фирмы — уже названные нами «Максекс» и «Интердойс», а также «Интертрейд» — закупали мебель на Западе и продавали ее в РФ. Здесь эта мебель продавалась и как бы перепродавалась по кругу различными посредническими фирмами и лишь в итоге оказывалась в торговых центрах «Гранд» и «Три кита».

При этом мебель на Западе закупалась у известных производителей из Германии, Испании и Италии. В частности, у германской мебельной группы «Велле», итальянских фирм «Каппелети», «Бета мобили», «Глория Саллати», «Джанни Тони», «Берлони», испанских компаний «M.A.R.N.»,

«Индастриас Мартин», «Винсент Сарагоса», французской фирмы «Модуллайнджийн», английского производителя мебели «Аутлайн».

Проследим некоторые из «засвеченных» в СМИ «мебельных цепочек» и посмотрим, куда и на какие фигуры они нас выводят. Еще раз специально оговорим, что речь идет исключительно об информации, фигурировавшей в СМИ.

Итак, германская фирма «Интертрейд» (подконтрольная германским партнерам Зуева — отцу и сыну Пфайффле) поставляла мебель компании «Лига-Марс». Эта компания была учреждена по двум потерянным паспортам. Гендиректоры этой фирмы несколько раз менялись. Причем каждый раз ими были лица с потерянными паспортами. Однако такая «виртуальность» не мешала компании «Лига-Марс» быть фактически центральной в деле закупок мебели за границей. При этом путь транспортировки мебели выглядел следующим образом.

Железнодорожным или морским путем в контейнерах компании «Маэрск Прайвит Лимитед» закупленная мебель доставлялась в морской порт Роттердама (Голландия). Дальше мебель транспортировали морским путем в порт Санкт-Петербурга, где она проходила оформление на Балтийской таможне. Пройдя Балтийскую таможню, мебельные контейнеры на автотранспорте компаний «Трансбизнес-Э» и «Сити-Экспресс» отправлялись на таможенный пост «Наро-Фоминский» в Московской области.

На этом этапе операции получателем мебели значилась компания «Лига-Марс». Следствие считает, что на Балтийской таможне происходило резкое занижение веса мебельного груза. С точки зрения закона — это действительно стопроцентная контрабанда.

Далее мебель оказывалась на складах временного хранения в двух деревнях Наро-Фоминского района — Алабино и Кузнецово. Очень знаменитые, надо сказать, деревни! Особенно Алабино. Да и весь район… Когда хотят уйти из поля внимания разного рода органов, то не оседают в районе, где размещены элитные военные части и многое другое. А размещают в таком районе нечто сомнительное только тогда, когда в этом есть прямой однозначный смысл. Когда издержки от «засветки» ниже приобретений от «прикрытия». Так ведь?

Но продолжим слежение за «засветками», лихорадочно вываленными во всевозможные СМИ в связи с беспрецедентной остротой конфликта.

Быстрому прохождению таможенных процедур и беспроблемному движению способствовала компания «СЭФ Транс». Учредителем «СЭФ Транса» был А.Саенко — тот самый, которого впоследствии арестовали. А руководителем был П.Стрепков — тот самый, которому в 2006 году Зайцев предскажет проблемы с правоохранительными органами.

Складированную мебель «Лига-Марс» перепродавала фирме ООО «Бастион», после чего шла серия перепродаж мебели фирмами-посредниками друг другу. В числе этих фирм называют ООО «Бистах», ООО «Лорпа МХ», ООО «Магистраль» и т. д. После серии перепродаж мебель оказывалась в торговых центрах «Гранд» и «Три кита».

С помощью серии таких перепродаж решалась задача легализации контрабандно ввезенной мебели и купировалась возможность конфискации товара со стороны таможенных органов.

Если бы «Гранд» и «Три кита» ввозили мебель сами, то мебель, в случае раскрытия схемы, подлежала бы конфискации как контрабанда.

Если бы «Гранд» и «Три кита» скупали мебель непосредственно у «Лиги-Марс», то эти торговые дома были бы, формально, «добросовестными приобретателями». Но и в этом случае, при наличии прямой связки ««Лига-Марс» — торговые дома «Гранд» и «Три кита»«, все равно могли возникнуть «нежелательные вопросы».

А перепродажа мебели через третьи-четвертые-пятые руки не только снимала эти лишние вопросы, но и запутывала возможное следствие.

То есть отказать операторам в специфическом профессионализме — нельзя.

При этом существовавшая чуть ли не исключительно на бумаге «Лига-Марс» не только осуществляла масштабную внешне- и внутриэкономическую деятельность, но и имела связи с зарубежными банками.

«Лига-Марс» имела контракт на поставку мебели с американской компанией «Согра Интернешнл» (Sogra International). Согласно этому контракту, «Лига-Марс» должна была перечислить 5 млн. 125 тыс. долларов на счет «Согра Интернешнл» в Нью-Йорке (№ 987-038-192-065, филиал The Chase Manhattan Bank на Пятой авеню) или в Риге (счет № 60200189015, Lateko Bank).

В контракте указан адрес «Согра Интернешнл»: 9229 Queen Boulevard, Rego Park, New York 11394. Однако, как утверждают СМИ, по данному адресу никакой фирмы «Согра» не существует. А вот счета и переводы денег, в отличие от адресов, были вполне реальны. Более того, к счету имели непосредственное отношение некие А.Констин и А.Гарен, фигурировавшие в деле «Бэнк оф Нью-Йорк»… Опять этот самый «Бэнк оф Нью-Йорк»! (рис. 65)

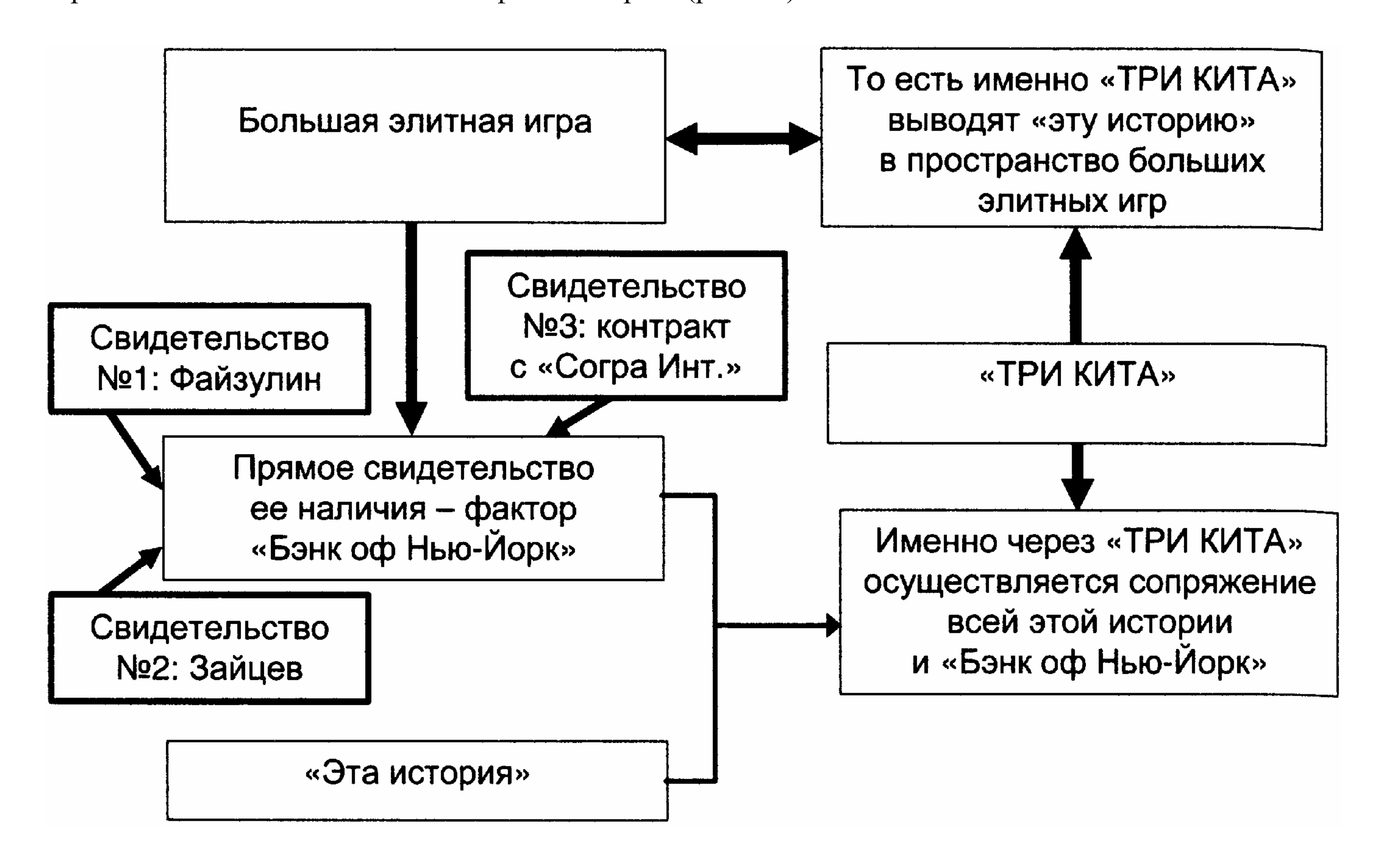

Рис. 65

Есть и иные весьма интересные подробности деятельности «Лиги-Марс» и связанных с ней персонажей. Поставки мебели Для «Лиги-Марс» на внутрироссийском рынке осуществляла фирма «Союзстройтехсервис». Секретарем склада временного хранения этой фирмы была некая Пирогова. Эта Пирогова одновременно работала в фирме «СЭФ Транс».

При этом Пирогова в свое время выдавала доверенность на пользование собственным автомобилем ВАЗ-2109 некоему Лисицыну. А этот Лисицын был не кем-нибудь, а сотрудником таможенного поста «Наро-Фоминский». Якобы этот Лисицын участвовал в истории по возвращению арестованной мебели компании «Лига-Марс». История мелкая. И важная лишь потому, что снова возвращает в далеко не мелкий Наро-Фоминск. И таких возвратов более чем достаточно.

Однако, кроме мелких историй, есть и гораздо более крупные.

Все та же «Новая газета» — рекордсмен по фактологии в этом вопросе — публикует 6 декабря 2004 года материал Р.Шлейнова. По роду профессии я не могу абсолютизировать ничьи данные. Данные Шлейнова в том числе. Но я должен сказать, что объем данных впечатляет. И даже если все данные — это не более чем грамотная активка объемом в несколько томов, — активка качественная. А журналист прекрасно работает.

Я, между прочим, не утверждаю, что это активка. Я просто обязан ко всему, что не является фактом, относиться как к мифу. А также проводить какие-то сопоставительные рефлексии.

Рассмотрим два утверждения.

Утверждение № 1 — Ю.Щекочихин решился «засветить» опасную информацию по поводу «Трех китов». Его за это безжалостно и изуверски убили. Я, кстати, не солидаризируюсь с этим утверждением. Юридически тут пока ничего не доказано. Впрочем, если принять данное утверждение как отвечающее реальности, то понятно, почему не доказано. В любом случае, утверждение № 1 именно таково.

Утверждение № 2 — Р.Шлейнов снова «засвечивает» опасную информацию по поводу «Трех китов».

В чем несоответствие двух утверждений? В том, что Р.Шлейнов не повторяет судьбу Ю.Щекочихина. Значит «либо — либо». Либо Р. Шлейнов «засвечивает» информацию, не представляющую опасности. Либо Ю.Щекочихин пострадал не по «трехкитовой» причине.

В чем дефект моей логики?

Истерики и провокаторы начнут орать: «Ах, ему надо, чтобы пострадал Шлейнов!»

Это полная и мерзкая чушь!

Мне нравится, как простроены работы Шлейнова. Я никогда не выступал как враг журналистских независимых исследований. Вне зависимости от статуса информации Шлейнова я ею широко пользуюсь и не могу не испытывать благодарности к автору. Но я занимаюсь аналитикой элиты. А такое занятие, не отменяя человеческих чувств, не позволяет подменять этими чувствами логику.

Если принять версию с «трехкитовым» ударом по Щекочихину (а ее можно и не принимать), то по закону элитной игры отсутствие удара по Шлейнову означает, что его материалы у игроков экстремального раздражения не вызывают.

Ну, не вызывают и все! Мало ли почему не вызывают? Это же необязательно значит, что Шлейнов ангажирован. «Так легла карта». Но легла-то она так. А нас только это и интересует.

Ведь надо признать, что материалы Шлейнова — это не аналитические рефлексии, подобные тем, которые я сейчас осуществляю. Шлейнов предъявляет жгучий первичный материал. Причем именно такой, на который сейчас игроки реагируют наиболее болезненно… Номера счетов и прочие фактурные прелести… Которые меня, например, абсолютно не интересуют… Но участников игры именно это по определению задевает больше всего. Почему они не наносят удар?

Слава богу, что не наносят, и дай бог здоровья Шлейнову. Но с точки зрения науки (а теория элит — это наука) любопытствующих индивидуумов, страстно служащих делу «разгребания грязи» и затрагивающих при этом чьи-то крупные интересы, — карают.

Я Юрия Щекочихина знал с детства. И глубоко скорблю по поводу его смерти. Хотя мы и разошлись по политическим соображениям — какая к черту политика в подобного рода трагических коллизиях? Просто скорблю, и все. Но пример Щекочихина как научный пример просто доказывает, что Щекочихин играл неправильно, а Шлейнов правильно. Это не упрек и не похвала Шлейнову. Это научная констатация.

Отсюда и мое отношение к его информации. Двойственное отношение. И очень осторожное в силу вышеуказанного. И особо внимательное в силу этих же причин.

Специализация Шлейнова явно адресует нас к обмену информударами, осуществляемому в режиме элитной нетранспарентной схватки. Статья Шлейнова (одного из информоператоров этой схватки) называется ««Семейные» и «питерские» сидят на одном стуле».

«Гвоздь» материала — большие отрывки из протокола допроса свидетеля по уголовному делу о контрабанде мебели В.Буркова, проведенного Следственным комитетом при МВД России 22 ноября 2000 года.

Тут все интересно. И то, как лихо независимые журналисты оперируют следственными документами (откуда они их получили?), и то, каким именно протоколом пользовался Шлейнов.

Это — протокол допроса от 22 ноября 2000 года. Допрос начат в 13 часов 02 минуты, окончен в 14 часов 30 минут.

Но уже около 16 часов того самого дня 22 ноября в Следственный комитет при МВД прибежали прокурорские чины, которые и изъяли все документы по «Трем китам» и «Гранду». То есть, видимо, это был последний допрос по этому делу. И тем он нам очень интересен!

Фамилия милицейского следователя, проведшего допрос, в материале Шлейнова умышленно пропущена. И это очень показательно! И столь же странно. Любой желающий восстановит фамилию. А ее сокрытие — не оправдание, а обвинение для следователя. Доказательство того, что материал дал, а фамилию попросил не указывать. Но опять же — Шлейнову-то что? Ему главное — получить ценный материал и выполнить условия тех, кто дает. Итак, фамилия следователя не указана. А вот фамилия допрашиваемого — названа. Более того, Шлейнов дал ему краткую и весьма яркую характеристику:

> «Бурков Владимир Игоревич — в 90-х работал в одной из фирм «Внешэкономсервиса» Торгово-промышленной палаты СССР, затем в различных коммерческих структурах, с 1999 года был председателем совета директоров ГУП «Госресурс» ГУИН Минюста РФ (поставляет продукты и прочее для системы исполнения наказаний, отмечен ряд скандалов с этими

поставками). С 2003 г. — первый замглавы Госкомрыболовства. Некоторое время по распоряжению тогдашнего премьера Касьянова временно исполнял обязанности председателя рыбного ведомства.

О Владимире Буркове не раз писали как об учредителе терминала «Стройтерминалсервис», на который посыпались блага по воле известного генерала Орлова — помощника главы МВД Рушайло. Этот терминал упоминался в связи с несколькими уголовными делами о контрабанде, которые ничем не закончились. Кроме того, шесть депутатов Госдумы (Геннадий Гудков, Виктор Илюхин, Александр Хинштейн и др.) официально сообщали Генпрокурору Устинову и директору ФСБ Патрушеву о том, что Владимир Бурков, будучи руководителем Госкомрыболовства, как будто ежемесячно перечислял «в фонд» Михаила Касьянова около 5 млн. долларов».

А вот расширенная цитата из показаний самого Буркова (все купюры и примечания в тексте принадлежат «Новой газете»):

«По существу заданных вопросов свидетель показал: 12 августа 2000 г. мне позвонил в офис <… > Жуков Евгений Николаевич. Он является моим знакомым. По моим сведениям, он является офицером ФСБ. Жуков Е.Н. попросил меня выйти на улицу. Я вышел, и Жуков представил мне молодого человека как сотрудника госпредприятия «Промэкспорт» (впоследствии «Рособоронэкспорт», структура, осуществляющая торговлю российским оружием и военной техникой. — Р. Ш.) и попросил выслушать его и если я смогу, то оказать тому посильную помощь <…>. Молодой человек представился мне как Андрей, спросил, есть ли у меня связи в УБЭПе ГУВД МО среди руководящего состава. Я сказал, что, к сожалению, в этом вопросе я ничем не могу ему помочь. После этого мы расстались. Андрей говорил, что у него проблемы, связанные с проверкой УБЭПом его организации, расположенной в Наро-Фоминске <…> (в УБЭП ГУВД Московской области начинали «трехкитовое» разбирательство, там находилось множество интересных материалов, включая прослушки телефонных переговоров героев «трехкитового» дела, которые мы уже публиковали, подробнее см. сайт «Новой». — Р. Ш.).

Второй раз мы встретились в офисе на ул. Ильинка после звонка Андрея <…>. Эта встреча состоялась 29 августа 2000 г. и продолжалась 10–15 минут. В ходе встречи Андрей сказал, что его проблемы не кончились, и предложил мне сотрудничество в бизнесе: в сфере таможенного оформления грузов <…>. Больше я Андрея не видел. Позже я узнал, что у Андрея фамилия — Саенко. На вторую встречу Андрей приходил не один, а с Мирошниковым, с которым и познакомил меня на данной встрече. Мирошников дал мне визитку, где была указана его должность: генеральный директор ДГУП «Промэкспорт-ТБ» (впоследствии ДГУП «Рособоронэкспорт-ТБ». — Р. Ш.). Разговор с Мирошниковым не касался дел Андрея <…>.

С Жуковым Е.Н. меня познакомили года три назад. У него в записной книжке может быть мой телефон. Близко я его не знал. Когда я с ним познакомился, мне его представили как действующего сотрудника ФСБ РФ».

Что следует из этих шлейновских данных?

Что есть некий стопроцентно касьяновский человек по фамилии Бурков. Что этот человек, занимавшийся разными вещами, наиболее засвечен на «рыбной» тематике. И не просто на «рыбной», а на «касьяновско-рыбной» («касьяновско-рыбная» тематика очень оживленно обсуждается самыми разными СМИ). При этом Бурков не просто рыбный предприниматель (посредник, оператор или как хотите еще). Он еще и политический спонсор Касьянова (передавал ему для занятий политикой очень крупные «рыбные» суммы).

Бурков, оказывается, связан не только с Касьяновым, но и с Орловым. Милицейским генералом, обвиненным в разного рода «шалостях» и очень близким к тогдашнему главе МВД В.Рушайло.

То есть «плохой» Бурков связан сразу с двумя «плохими» людьми — Касьяновым и Орловым (читай — Рушайло). Но связан он еще и с третьим «плохим» человеком — Саенко. Как именно он связан, отдельный вопрос. Не то чтобы уж как-то особенно прочно связан, но связан.

А еще в истории обнаруживаются некие люди, занимающиеся не рыбой, а оружием. И обнаруживаются они, представьте себе, в окрестностях «трехкитового дела»! И где-то поблизости от «плохих» людей по фамилиям Касьянов и Орлов. То есть Касьянов и его «система» играют и в рыбную, и в мебельную, и в оружейную ИГРУ.

При этом совершенно понятно, что в оружейную игру такая «система» не может играть по отмашке Орлова, Рушайло или даже Касьянова. Шлейнов и называет разного рода знаковые структуры, которые должны заниматься оружейной тематикой — и занимаются ею. Только вот оказывается, что все это как-то вместе. И оружие, и рыба, и мебель. В этом, в сущности, и состоит мессидж Шлейнова. Что есть не только «плохие» Орлов, Рушайло и Касьянов и не только «плохой» Саенко, но еще и «плохие» оружейники. Мол, сами и догадывайтесь, какие.

Впрочем, почему «сами догадывайтесь»? Для мало-мальски осведомленных экспертов не составляет особого труда понять, через кого премьер Касьянов (а также другие упомянутые фигуры) может оперировать на очень специфическом оружейном рынке.

Но Шлейнов идет еще дальше. И тянет нитки от данной «плохой компании» в часть окружения президента Путина. Мол, эта часть окружения замарана в «касьяновщине». То есть в политической крамоле.

Одновременно по факту существует другая часть окружения, которая в этом не замарана. Так я понял материал Шлейнова.

Если я прав (а жизнь сложнее аналитической логики, и я могу быть не прав), то ОБЪЕКТИВНО (не хочу ни в чем обвинять Шлейнова) данный материал является информационным обеспечением элитной игры. Поскольку он насыщен фактурой и деталями, то такой тип обеспечения элитной игры называется «сливом». Тем-то материал и интересен. Одна элитная группа «сливает» материал на другую. Обе группы должны быть очень элитными и иметь примерно равный вес. В противном случае «слива» не будет. А будет то, что случилось с Щекочихиным, который выпал из элитного игрового контекста.

Я никоим образом ни в чем не обвиняю Шлейнова. Обвинять или восхвалять кого-то — это не моя профессия. Моя профессия — дешифрировать элитные ходы по неким следам. В том числе, и по следам под названием «высказывания».

Для меня, например, участие Шлейнова в некоей элитной игре — огромный плюс. Потому что тогда, отслеживая его высказывание, можно что-то реконструировать в игровой логике.

Например, Шлейнов в «Новой газете» от 9 сентября 2002 года подробно рассказывает об анонимном письме в адрес главы МВД Грызлова, датированном мартом 2002 года. (Это письмо Шлейнов упоминает и в статье от 6 декабря 2004 года, фрагменты которой мы только что рассмотрели.) Хотя письмо анонимное, Шлейнов почему-то уверенно сообщает, что его писали с подачи «правой руки» Рушайло — генерала Орлова, который к тому моменту уже находился в розыске.

В письме говорилось следующее:

1. Фирму «Лига-Марс» контролируют П.Стрепков и А.Саенко.

2. Стрепков и Саенко контактируют с одним из замов полпреда в ЦФО (фамилия не называется), высокопоставленными сотрудниками ФСБ, а также с руководством «Рособоронэкспорта».

3. Саенко (на момент написания письма) был заместителем директора ГУП «Рособоронэкспорт-ТД» (дочерняя структура «Рособоронэкспорта», отвечающая за таможенное оформление и прохождение экспортируемой из РФ военно-технической продукции).

4. О директоре «Рособоронэкспорт-ТД» С.Мирошникове авторы письма сообщали, что он в начале 1990-х годов скрывался в Германии от уголовного преследования в РФ. Причина преследования — дело о незаконной торговле оружием. Правда, сам Шлейнов оговаривается, что это утверждение не нашло своего фактического подтверждения.

5. В 2001 году «Рособоронэкспорт-ТД» выступил в качестве соучредителя склада временного хранения ООО «Транспортно-экспедиционный терминал». Однако большей частью акций (51 %) владели некие английские компании — «Монтапо Индастрис, ЛТД» и «Продент».

6. К ООО «Транспортно-экспедиционный терминал» имеют отношение некие лица, участвующие и в сюжете с «Тремя китами».

7. С помощью ООО «Транспортно-экспедиционный терминал»… Ну, тут нужна прямая цитата из Шлейнова! Вот она: *«Неизвестные авторы письма к Грызлову уверяют, что таким образом обеспечивается участие иностранных компаний в поставке оружия и техники по линии «Рособоронэкспорта», а терминал под крышей государственного унитарного предприятия в обстановке некоторой секретности вместе с оформлением федеральных грузов пропускает и кое-что коммерческое».* Иными словами, сказано, что контрабанда мебели — это просто «крышевая

шалость», осуществляемая параллельно с вполне санкционированными (пусть и тайными!) операциями по оружейному экспорту. Но продолжим следить за логикой Шлейнова и авторов анонимных писем.

8. Саенко наладил хорошие отношения с сотрудником ФСБ Евгением Жуковым (о нем — ниже). При этом брат Жукова — Николай Жуков — ранее являлся сотрудником ПГУ КГБ СССР и имел прямое отношение к поставкам оружия (опять оружие!) в Ливию, Тунис и ряд других стран.

9. В своих разговорах Саенко любил упоминать руководство ФСБ и тогдашнего первого зампреда ГТК РФ Мещерякова.

На основании всего вышеизложенного Шлейнов задал такой вопрос: *«Имеет ли «Рособоронэкспорт» через свои дочерние структуры отношение к этой контрабандной истории и не использовались ли возможности этой международной сети для нелегальных или тайных, санкционированных государством поставок оружия в некоторые страны?»*

Вопрос, согласитесь, не то чтобы корректный и морально полностью допустимый.

Что обсуждается-то? Санкционированные государством тайные операции с оружием (пусть и вкупе со всеми сопряженными не вполне корректными обстоятельствами) или воровство? Другая реальность или патология? Поскольку речь идет о поставках оружия, причем о поставках «тайных, санкционированных государством» (цитата из Шлейнова!), то речь идет об этой самой другой реальности. Но ее нельзя обсуждать так, как обсуждается воровство. Ибо в этом деле участвуют люди, которые не самодеятельностью занимаются, а выполняют приказ. И это уже не только (и, видимо, не столько) коррупция. Это главное, что обнаруживается на стыке фактур и выводов.

Вслед за этим обнаруживается феномен яростного «прорывания в широко открытую дверь». В самом тексте вопроса Шлейнова фактически содержится ответ. И зачем тогда спрашивать?

И, наконец, обнаруживается неизбежная при рассмотрении подобных вопросов двусмысленность. Она в принципе неустранима. И, осложняя аналитическую работу, не препятствует ей. Тут действует следующий принцип: вы допустили утечку, исходя из каких-то соображений. Утечка на то и утечка, чтобы ее осмысливали. Допустив ее, вы санкционировали осмысление. И даже попросили об оном. Ну, так мы им и занимаемся. Строго в пределах вашего предложения. А уж как мы осмысливаем — это отдельный вопрос. В любом случае — с предельной корректностью и абсолютным приоритетом государственных интересов. А также по возможности строго. И без всяких там компрометационных затей.

Ну, это мы. А автор как источник фактур? При всем уважении мы не можем не констатировать того, что сами фактуры рождают встречные вопросы об источниках особой информированности автора в столь специфических делах.

Ведь автор-то оперирует донельзя конкретной первичной фактурой. Причем для нас избыточной. Нам бы побольше о «Бэнк оф Нью-Йорк». Но автор сыплет номерами счетов и названиями фирм. Он купается в фактуре и одновременно оговаривает (спасибо за честность), что фактура сильно искажена. Чтобы не сказать — кастрирована.

А где тогда доказательства, что фактура вообще аутентична и достоверна? Я-то лично верю, что она, как минимум, дозированно достоверна. Но поди вычисли дозу. И поди перейди от веры к верификации.

Теперь — о близком знакомом Саенко Е.Жукове.

Суммируя открытые «засветки», о нем можно сказать следующее:

1. Жуков — подполковник ФСБ, ранее работал в Управлении «Н» Департамента экономической безопасности (ДЭБ) ФСБ РФ.

2. В Управлении «Н» Жуков курировал Одинцовскую таможню, через которую шла часть потока мебели в «Гранд» и «Три кита». Впоследствии эта таможня была расформирована.

3. В ДЭБ Жуков дослужился до должности замдиректора департамента.

4. Впоследствии Жуков стал помощником замдиректора ФСБ Ю. Заостровцева.

5. По информации Р.Шлейнова, которую он сам тут же называет «неподтвержденной», Жуков якобы успел побывать помощником и другой влиятельной фигуры — В.Иванова (в бытность последнего начальником Управления собственной безопасности ФСБ РФ).

С 2001 года Жуков ушел в газпромовские структуры, заняв пост вице-президента ОАО «Востокгазпром».

Судьба же его подопечного Саенко сложилась более трагично. 6 августа 2003 года на него было совершено покушение. Водитель Саенко был убит, а сам он получил тяжелые ранения, однако выжил.

Все та же «Новая газета» от 11 августа 2003 года устами того же Шлейнова связала покушение на Саенко с серией покушений на различных действующих лиц «трехкитового дела». Вот этот список:

> 27.02.2002: В госпитале оказался начальник Центральной оперативной таможни Воробьев, который возбуждал уголовное дело по недостоверному декларированию мебели. На него напали и избили.
>
> 15.03.2002: В Риге напали на П.Полякова — организатора перевозок итальянской мебели для «Гранда» и «Трех китов». Он оказался в реанимации.
>
> 16.03.2002: Черепно-мозговую травму получил сотрудник оперативно-поискового управления Государственного таможенного комитета капитан Юхименко. Он наблюдал за объектом, имеющим отношение к контрабанде.
>
> В ночь с 16-го на 17.03.2002: Взорвали милицейский автомобиль, который привез домой следователя ГУВД Московской области Ненахову. Она участвовала в следствии на начальном его этапе.
>
> 27.05.2003: В госпитале Бурденко убит свидетель — Сергей Переверзев, президент ассоциации «Мебельный бизнес», который открыто заявлял, что опасается расправы со стороны основного героя «трехкитового дела» — предпринимателя Сергея Зуева.

Кроме того, Шлейнов сообщил, что скончавшийся тем же летом 2003 года журналист «Новой» Ю.Щекочихин перед смертью собирался в США, чтобы запросить у ФБР материалы той части дела «Бэнк оф Нью-Йорк», в которой фигурирует «трехкитовый след».

Юрий не понимал, как связаны ФБР и «Бэнк оф Нью-Йорк». Он не историк и не аналитик, а журналист. Но понимает ли Шлейнов, что именно говорит, предоставляя такую информацию? Это называется: спросил и получил ответ. По крайней мере, такая версия ничуть не менее экзотична, чем все остальные.

А вот как заканчивает Шлейнов свой тогдашний специфический материал:

> «Специально для Генпрокуратуры публикуем список героев дела «Трех китов», кому, по здравому размышлению, угрожает серьезная опасность:
>
> Павел Стрепков — знакомый Андрея Саенко, тоже учредитель фирмы «СЭФ Транс» (был ее главбухом и руководителем) — звена в мебельной контрабанде, тоже свидетель, потенциальный обвиняемый…
>
> Андрей Латушкин — был руководителем фирмы «Альянс-96». Через ее счет в германском банке проходили деньги Питера Берлина на строительство «Гранда». Один из потенциальных обвиняемых…
>
> Двое российских граждан (назовем их Е. и В.), указанных в немецких документах (полученных Генпрокуратурой в этом году). Германские правоохранительные органы хотят получить информацию и допросить их.
>
> Евгений Жуков — подполковник ФСБ РФ, знакомый Андрея Саенко, недавний помощник замдиректора ФСБ.
>
> А.В.Канунникова — подставной декларант контрабандной мебели, следствие не смогло ее найти».

Смысл концовки — очевиден. В борьбе двух сил («протрехкитовых» и «антитрехкитовых») одна из сил («протрехкитовая сила зла») убивает людей без счета. А другая, видимо, постоянно сажает цветы на их могилах и молится за спасение их душ. Так бывает?

Но вернемся к упоминаемому Шлейновым (и ныне арестованному) А.Саенко. На момент покушения он уже стал советником генерального директора ГУП «Ростэк».

ГУП «Ростэк» — это структура Федеральной таможенной службы, крупнейший таможенный брокер в России, обладающий монопольными правами на реализацию конфиската и страхование ввозимых иномарок. Кроме того, «Ростэк» обслуживает все таможенные посты.

Напомним также, что в 1998 году одно очень важное лицо, занимавшееся той же реализацией конфиската в Санкт-Петербурге, было убито. Я имею в виду крупного администратора с советским

прошлым Д.Филиппова, который скончался 13 октября 1998 года — через три дня после того, как против него был совершен теракт в подъезде его дома.

В любом случае аналитики не могут не понимать, что приведенный «список Шлейнова», конечно, ценен. Но усечен донельзя. А аналитики элиты не могут не понимать и других вещей. Что Шлейнов описывает не банальные криминальные ужасы, а элитные разборки. И что в таких разборках нет места схеме «людоеды против вегетарианцев». Людоеды просто съели бы вегетарианцев и на этом бы все кончилось. Потому что вегетарианцы не могут есть людоедов. Они не питаются мясом (человеческим в том числе). А если две силы находятся в состоянии относительного равновесия в течение долгих лет, то либо они обе представлены людоедами, либо они обе представлены вегетарианцами. А как иначе-то?

Завершая анализ этих фактур, обратим внимание на то, что в ноябре 2004 года заместителем генерального директора ГУП «Ростэк» по логистике стал давний соратник Саенко П.Стрепков.

Как это называется? «Все следы ведут в «Ростэк»». А «Ростэк» не только мебелью занимается. Не только и не столько.

В связи с этим хочу отметить, что многочисленные (и далеко не всегда качественные) «засветки» по делу «Трех китов» и «Гранда» в СМИ позволяют сделать два важных наблюдения.

Во-первых, дело явно носит транснациональный характер (количество упоминаний о «Бэнк оф Нью-Йорк» нарастает по ходу нашего рассмотрения).

Во-вторых, это не мебельное дело. В любом случае не мебельное.

«Новая газета» так прямо и говорит, что в деле были некие оружейные сделки, «санкционированные государством». Может быть, да… Может быть, нет… Если расшифровывать этот пассаж «Новой газеты» до конца, то ясно, что речь идет не об абстрактном «государстве», а о представителях высшей российской власти. Каких именно? Тут наша компетенция кончается. В конце концов, о тайных и санкционированных оружейных сделках заговорили не мы, а «Новая газета».

Мы же отметим, что если это утверждение «Новой газеты» верно, то «мебельное» дело — это еще и «ящик Пандоры», из которого может посыпаться нечто очень и очень громкое и неприятное…

И тогда становится понятен весь ажиотаж, который сопутствовал «мебельному» делу, хронику которого мы продолжаем.

Глава 15. Продолжение мебельного скандала

После рассмотренных выше первых скандалов лета 2000 года о «мебельном» деле на некоторое время замолчали, хотя сам сюжет продолжал развиваться.

7 сентября 2000 года было возбуждено дело по факту контрабанды двух партий мебели. 20 октября 2000 года оно поступило в Следственный комитет при МВД РФ и попало к следователю П.Зайцеву, детали мытарств которого нами уже приведены выше. Здесь добавим, что при расследовании, как сообщает «Новая газета» от 19 июня 2006 года, была выдвинута версия об отмывании денег, полученных от нелегальной торговли оружием, нефтью, нефтепродуктами, а также от афер с «чеченскими авизо». То есть такой список, из которого видно, что и теперь далеко не все фигуранты контрабандных схем известны широкой публике.

22 ноября произошла уже упоминавшаяся нами отправка дела (№ 9285) от следователя Зайцева в Генпрокуратуру. Позже выяснилось, что это произошло через несколько часов после того, как в деле появились документальные данные о причастности к нему ближайших подчиненных Ю.Заостровцева, тогда — начальника департамента экономической безопасности и замдиректора ФСБ.

Что касается мебельного центра, то он после изъятия мебели на сумму 6 млн. долларов был закрыт на полтора месяца. С.Зуев заплатил 2,5 млн. долларов таможенных пошлин (в бюджет), 450 тыс. долларов штрафов (идущих ГТК) и остался должен еще 2,5 млн. долларов. Таможенники закрыли дело. Мебель вернулась в «Три кита», но не вся. По утверждению представителей «Трех китов», пропало мебели на сумму 3,9 млн. долларов, и потому Зуев отказался доплачивать 2,5 млн. долларов.

После этого, в январе 2001 года, Управление таможенных расследований с поразительным упорством (Заостровцев еще никуда не ушел и уже проявил себя в этом деле) вновь возбудило дело

против «Бастиона» и начало проверки в фирмах С.Зуева, владеющих центрами «Гранд» и «Три кита», — ООО «Альянс-95» и «Альянс-96».

Со своей стороны, компания «Три кита» обратилась в суд с требованием вернуть 2,5 млн. долларов и 450 тыс. долларов (то есть пошлины и штрафы).

А летом 2001 года началось обсуждение статусных интересантов. Напомним, что, как сообщила «Новая газета» от 23 июня 2001 года, мебель известных производителей из Италии, Испании, Франции, Англии и Германии доставлялась в Роттердам в контейнерах фирмы «Маэрск Прайвит Лимитед». Оттуда «Маэрск» вез контейнеры в Санкт-Петербург, где на таможне их вес сильно занижался. Далее мебель двигалась на таможенный пост «Наро-Фоминский» и размещалась на подмосковных складах временного хранения Наро-Фоминского района. Эти операции проводились при помощи ООО «СЭФ Транс», которое возглавлял А.Саенко.

Кроме того, «Новая газета» отдельно обозначала роль в этом процессе Ю.Заостровцева (в тот момент — заместителя директора ФСБ), которая «в том и состоит, чтобы таможня неизменно давала добро». Там же говорилось, что на Лубянке за Ю.Заостровцевым закрепилось прозвище «Три кита».

Все это увязывалось с тем, что Заостровцев до 1993 года курировал в экономической контрразведке ФСБ Государственный таможенный комитет. В 1993 году он уволился, а в ноябре 1998 года вернулся в экономическое управление ФСБ. А в 2000 году стал еще и замдиректора ФСБ.

С конца 2000 года и на длительное время Ю.Заостровцев становится одним из главных негативных героев «Новой газеты». 8 августа 2001 года «Новая газета» пишет:

«В ФСБ циркулирует слух о том, что Юрий Заостровцев, который курировал таможню по линии ФСБ и сохранил массу нужных связей, обеспечивает благополучное растаможивание элитной мебели иностранного производства, поступающей в престижные магазины «Гранд» и «Три кита». Как утверждается, на балтийской и наро-фоминской таможнях мебель становится значительно легче, образуя тем самым немалый денежный ресурс. Утверждается также, что Юрия Заостровцева стали разрабатывать в МВД после того, как у него возник конфликт с Владимиром Рушайло по поводу одного из весьма близких министру банков…».

Напоминаем, что В.Рушайло был освобожден от должности главы МВД 28 марта 2001 года и сразу же назначен главой Совета Безопасности РФ. И уже после этой отставки состоялся информационный залп по Заостровцеву. Интернет-агентство АПН (ссылки на публикацию датированы осенью 2001 года) в связи с этим утверждало, что настоящие стороны «мебельного» конфликта — это Ю.Заостровцев и первый зам Устинова Ю.Бирюков, с одной стороны, и В.Рушайло и М.Ванин, — с другой.

Мы же, проведя аналитическую ревизию фактур, их сепарацию, технологическую критику и сравнительно-типологический анализ, решаемся утверждать следующее. РЕДУЦИРОВАТЬ КОНФЛИКТ ДО УРОВНЯ, УКАЗАННОГО В ЖУРНАЛИСТСКИХ РАССЛЕДОВАНИЯХ, ПРОВОДИМЫХ «НОВОЙ ГАЗЕТОЙ» И ДРУГИМИ ИЗДАНИЯМИ, — ЗНАЧИТ ПОЛНОСТЬЮ ИЗВРАТИТЬ СУТЬ ВОПРОСА.

А извращение — часть игры. Любая редукция — часть игры. Одна элитная группа хочет выделить один фокус дела. Другая — другой. Никак нельзя сказать, что версия с Рушайло и прочими все описывает в полном объеме. Ведь бурное развитие «трехкитового дела» продолжалось в течение длительного периода после ухода Рушайло из МВД.

Однако эта версия — не случайна. Очень важно, кто эту версию продвигал. Опять же — не злокозненно уводил от настоящего следа, а честно и добросовестно продвигал. Редукция рождалась, я убежден, вопреки воле расследующего. Это свойство самодостаточных фактур. Фактуры гипнотизируют. Ведут за собой. Если нет методологической базы и аппарата, ничего другого просто не может быть. Сколько раз я видел, как фактуры уводили неизвестно куда людей с гениальной памятью, абсолютно доброкачественной моралью, живым и жадным умом. Я уже описал это в общем виде, говоря о трагедии параполитики. И противопоставляя эту трагедию конспирологическому синдрому.

Итак, фактуры и результаты. Версия, которую мы сейчас анализируем, не принадлежит одному лишь Шлейнову. Одной из главных фигур, продвигавших ее в СМИ, был известный журналист А.Хинштейн.

В сентябре 2001 года А.Хинштейн опубликовал в «Московском комсомольце» ряд статей с обвинениями чиновников ГТК в коррупционных связях с бывшим помощником В.Рушайло А.Орловым. В одной из статей серии «Наследство черного регента» (от 19 сентября 2001 года)

Хинштейн приводит фрагмент из некоего диалога между зампредом ГТК Б.Гутиным и С.Зуевым, переданного этим последним А.Хинштейну. В диалоге Гутин говорит (судя по тексту, Зуеву):

«Единственное, что могу вам сказать: мы действовали не по своей воле. Нам приказали вас мочить.

— Кто?

— (Гутин): Вы прекрасно знаете, кто. Отношения с Орловым у вас ведь не сложились…

— Он так прямо и сказал: Орлов? — переспрашиваю я у бизнесмена Зуева, руководителя двух крупнейших в области мебельных центров — «Гранда «и «Трех китов».

Зуев кивает:

— Именно так. Таможня, мол, здесь ни при чем. Все это — дело рук Орлова.

— Но разве таможенники подчиняются МВД?

— Орлову подчинялись все…».

Далее Хинштейн утверждает: *«Именно Орлов был непосредственным мотором всей этой акции. Таможенников попросту использовали в качестве грубой рабочей силы»*.

И дело, над которым работал следователь Зайцев, находилось именно под личным присмотром Орлова — вплоть до вызовов им к себе свидетелей по делу.

То есть Хинштейн в сентябре 2001 года фактически выступает адвокатом Зуева как «жертвы» Орлова.

Но очень скоро Хинштейн фактически превратится чуть ли не в главного обвинителя Зуева. И это — парадокс, который невозможно объяснить «общеведомственными» пристрастиями Хинштейна.

Хинштейн этих пристрастий не просто не скрывает. Он их всячески манифестирует. Он стал известным журналистом именно потому, что занялся спецслужбистской тематикой. И уж никак не с позиции «журналист против спецслужб». Но если начинается война внутри ведомства, то общеведомственных пристрастий уже недостаточно. Нужно позиционироваться более тонко. Например, за группу Заостровцева или против нее. Именно это тонкое (в итоге «антизаостровцевское») позиционирование и превратило А.Хинштейна, как мне кажется, в одного из главных разоблачителей по делу «Трех китов». Но тогда вопрос о позиционировании А.Хинштейна носит характер частной (важной, но не безусловной) подсказки. Намного важнее, как структурированы воюющие спецслужбистские группы. Или, если еще точнее, как на тот момент раскололась сама Лубянка. И Лубянка ли?

Есть версия, согласно которой весной 2001 года глава ФСБ Патрушев передал президенту Путину концепцию экономической безопасности России, написанную Ю.Заостровцевым. Согласно документу, ГТК и вновь создаваемую финансовую разведку предлагалось подчинить Минфину, а их руководителям придать ранг первых замов министра. На пост председателя ГТК предлагался сам Ю.Заостровцев. Однако, по этой версии, план Заостровцева удалось похоронить А.Кудрину, убедившему Президента в несостоятельности концепции. Если это так, то Ю.Заостровцева атаковал А.Кудрин, а не какая-то внутрилубянская группа.

Но есть основания считать, что отсылка к Кудрину — маневр для отвода глаз. Ровно такой же маневр — версия, согласно которой «мебельное дело» — это удар по Патрушеву и Заостровцеву, которые вознамерились «подмять» под себя таможню. Почему мы имеем право говорить о лукавстве? ПОТОМУ ЧТО В РЕШАЮЩИЙ МОМЕНТ ПИСЬМО ТОГДАШНЕМУ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ РФ М.КАСЬЯНОВУ, В КОТОРОМ СОДЕРЖАТСЯ ПРЯМЫЕ ОБВИНЕНИЯ В КОНТРАБАНДЕ В АДРЕС ВЛАДЕЛЬЦЕВ «ГРАНДА» И «ТРЕХ КИТОВ» (А ЗНАЧИТ, КОСВЕННО И Ю.ЗАОСТРОВЦЕВА), ПОДПИСАЛ ЛИЧНО ДИРЕКТОР ФСБ Н.ПАТРУШЕВ, А НИКАКОЙ НЕ КУДРИН!

И это не версия, не сплетня, а факт. Данный факт говорит о том, что нет никакой единой «партии чекистов». Ну, нет и все тут!

О том, что этого нет, говорят и факты, и аналитические выкладки, и герменевтика высказываний.

Но нет и другого! Нет бесконечно дробящейся субстанции. Элитной россыпи, состоящей из огромного числа групп и группочек, занятых лакомыми для них мелочами. Нет монолита, но нет и хаоса. Что же есть?

Есть большие группы, сплоченные отнюдь не ведомственной пропиской, а какой-то системой собственно элитных скреп. Какой же именно системой? Унаследованной от СССР? Новой? Сугубо автохтонной? С транснациональным присутствием? Это нам еще предстоит выяснить. Пока же признаем, что ничего нельзя понять в данной истории (как и во многих других) без перехода на подобный тип описания.

Признав же, вернемся к хронологии конфликта.

24 сентября 2001 года Генпрокуратурой было возбуждено уголовное дело о превышении таможенниками служебных полномочий. Им бы затихнуть!

Однако уже 28 сентября сотрудники управления таможенных расследований ГТК опечатали склады двух поставщиков «Трех китов» — ООО «Экспомебель» и ООО «Торкомм». При этом сотрудники ГТК попытались вывезти опечатанной мебели на сумму 1 млн. долларов, но сделать это не удалось, так как юристы «обиженных» компаний добились запрета на вывоз мебели в Мосарбитраже.

10 октября 2001 года на страницах все того же «МК» появилось открытое обращение С.Зуева к Генеральному прокурору России В. Устинову.

Зуев писал: *«Обращаюсь к Вам от лица пятитысячного коллектива и поставщиков крупнейших магазинов по продаже мебели ТК «Три кита» (Одинцовский район Московской области) и МЦ «Гранд» (г. Химки) с просьбой остановить беспредел, творимый отдельными должностными лицами ГТК».* Далее следовал подробный список притеснений и описание ущерба, нанесенного мебельной группе.

11 октября Московский арбитражный суд удовлетворил иск компании «Три кита» с требованием вернуть «излишне уплаченную сумму» в 2,5 млн. долларов. Однако денег компания не получила. По отзыву из ГТК, они уже ушли в бюджет.

Согласитесь, налицо качели. То есть затяжная война двух спецслужбистских элитных «внутренних партий», фактически равных по своей силе. Причем война, в которой никто не хочет не только капитулировать, но даже идти на какой-либо компромисс.

15 октября 2001 года в агентстве «Интерфакс» состоялась пресс-конференция руководителей правоохранительного блока ГТК о раскрытии контрабандистской сети, ключевое место в которой занимал С.Зуев. В числе выступавших были начальник управления таможенных расследований А.Константинов и его первый заместитель М.Файзулин. Вместо начальника главного управления по борьбе с контрабандой Б.Гутина, находившегося на больничном, присутствовал его заместитель Г.Федечкин.

На следующий день в газете «Коммерсант» появился комментарий на тему о том, что за борьбой вокруг мебельного дела скрывается конфликт между Б.Гутиным и Ю.Заостровцевым. Подчеркивалось, что фирмы-соучредители «Трех китов» и «Гранда» принадлежат отцу Ю.Заостровцева, работнику КГБ в отставке Е.Заостровцеву, также бывшему в свое время куратором таможни.

Был ли Заостровцев-старший куратором таможни или нет… Пусть это останется на совести «Коммерсанта». Мы анализируем высказывание. И то, куда это высказывание метит. Ни больше, но и ни меньше.

«Коммерсант» далее указывает на то, что до своего возвращения в ФСБ Ю.Заостровцев работал в «Тверьуниверсалбанке», которым тогда руководил Н.Рыжков — бывший предсовмина СССР и тесть Б.Гутина.

Теперь понятнее, куда высказывание метит. Речь идет о такой раскрутке, в которой может разместиться все, что угодно. В том числе и Ее Величество Большая Игра.

История на глазах обрастала нюансировками, адресующими к советской эпохе. Но никто не обращал на это внимания.

Подробное рассмотрение истории вхождения таможни в Совет Министров СССР и подлинного элитного значения этой институциональной инновации увело бы нас совсем далеко. Здесь надо только отметить, что завершение деятельности Заостровцева в «Тверьуниверсалбанке» в 1996 году проходило далеко не спокойно. В череде тогдашних публичных скандалов всплыло имя компаньона Заостровцева по ЧОП «Титан-Б», некоего Прунцева, который якобы поставлял оружие чеченским боевикам. Кроме того, по утверждению спецкора «Новой газеты» О.Лурье, конкретные операции с оружием в интересах Заостровцева осуществлял не кто иной, как А.Саенко.

Никак нельзя считать, что эти обстоятельства не имели отношения к «мебельной» теме. Уже в ноябре 2001 года в прессе появились утверждения, что в тот период Саенко, про которого пресса постоянно (может быть, тенденциозно, а может быть, и нет) пишет «известный своими связями с солнцевской ОПГ», опекал ту самую (прикрытую ГТК) Одинцовскую таможню.

Здесь следует указать, что в информационном залпе по Заостровцеву интересно не только (и даже не столько) то, с каких постов он уходил, куда возвращался и кому кем приходится, но и то, с какой страстью все необъятное «мебельное дело» сводилось тогда в СМИ только и именно к данной фигуре. Так или иначе, но свой пост замдиректора ФСБ Заостровцев сохранял до марта 2004 года (когда он ушел во Внешэкономбанк).

Далее, одновременно с пресс-конференцией руководства ГТК в «Интерфаксе», 15 октября 2001 года, в Санкт-Петербург прибыла комиссия ГТК. В тот же день потеряли свои должности глава Северо-Западного таможенного управления (СЗТУ) В.Шамахов, начальник службы собственной безопасности СЗТУ М.Прокофьев и начальник Балтийской таможни А.Пучков.

Нельзя не отметить одну — просто «зеркальную» — параллель между развитием «трехкитового дела» в 2001 и 2006 годах. В 2001 году В.Шамахов был лишен должности главы Северо-Западного таможенного управления. А в 2006 году…

17 июня 2006 года «Коммерсант» сообщил о том, что первый замглавы ФТС В.Шамахов отправлен в отпуск, а значительная часть его полномочий передана новому замглавы ФТС А.Малинину.

Газета напоминает, что Шамахов уже увольнялся из таможни в 2001 году, но в 2004 году вернулся туда же. И не как-нибудь, а по указанию Путина. Причем тогда его рассматривали в качестве возможного преемника экс-глав ГТК-ФТС Ванина и Жерихова. Более того, по данным «Коммерсанта», Шамахова категорически не устраивает отставка (в которую может плавно перетечь его отпуск), и он в ближайшее время может выйти из отпуска.

И еще одна аналогия между 2001 и 2006 годами. Одним из «гонителей» (сознательных или мотивированных приказом сверху — вопрос отдельный) «Трех китов» и «Гранда» в 2001 году был тогдашний зампред ГТК Б.Гутин.

А теперь — вновь в 2006 год.

Как мы уже говорили, 12 мая 2006 года, в один день с перестановками в таможне и ФСБ, спикер СФ С.Миронов подписал представление на досрочное прекращение полномочий четырех сенаторов. Одного из этих сенаторов звали… Правильно, Б.Гутин!

Просто бросается в глаза, что Гутина атакует группа, в которую входит Устинов. А как иначе можно интерпретировать происходящее? А потом наступает время контратаки.

2 июня 2006 года Совет Федерации отправляет в отставку Устинова. И почти тут же — 14 июня — происходят аресты фигурантов по делу «Трех китов». Тех самых фигурантов, «гонителем» которых в 2001 году был Гутин. Согласитесь, это нельзя расценивать как случайное совпадение.

Но продолжим хронику «трехкитового» долгоиграющего конфликта.

В конце октября 2001 года было открыто новое уголовное дело. Его возбудила — по 39 эпизодам уклонения от уплаты таможенных платежей в особо крупных размерах при реализации мебели в ТЦ «Три кита» и «Гранд» — Центральная оперативная таможня. Однако в начале ноября начальник управления по надзору за исполнением налогового и таможенного законодательства Генпрокуратуры А.Беляков письменно потребовал от зампредседателя ГТК Б.Гутина передать это дело ему. Был назван и срок передачи — до 14 ноября. Однако 15 ноября дело все еще не было передано.

20 ноября 2001 года газета «Версия» написала: *«Мебельное дело начиналось с чеченского следа. Судя по всему, на этом оно и заканчивается»*. Имелись в виду известные лидеры чеченской диаспоры в Подмосковье братья Халидовы, один из которых, Арби, *«находится в неплохих отношениях с замначальника Управления Генпрокуратуры по расследованию особо важных дел Русланом Тамаевым»*. Оказывается, накануне проверки «Трех китов» велось дело «Абрек», и оно показало, что часть денег от контрабанды мебели использовалась на лечение жителей Чечни от контузий и огнестрельных ранений — как за рубежом, так и в России.

А 22 ноября 2001 года «Новая газета» нанесла новый удар. Для нее уже и фигура Заостровцева оказалась недостаточно крупной. А потому тут необходима точная цитата.

«В СМИ Игоря Сечина все чаще называют руководителем некоего теневого кадрового кабинета. Именно оттуда, как считают многие журналисты, Генпрокуратура и Счетная палата

получают указания, на кого еще «наехать» с проверками. Целями выбраны МПС, МЧС и ГТК. Ни у кого при этом не возникает сомнений, что Сечин и К° действуют по приказу Владимира Путина».

Дальше особо оговаривалось: *«Похоже, сам Путин претензий к жертвам развернутой Сечиным травли не имеет».*

Подчеркнем, что этот наезд «Новой газеты» датирован 2001 годом, когда в принципе фигура Сечина мало обсуждалась. И продолжим хроникальное рассмотрение сюжета.

26-27 ноября 2001 года Генпрокуратура предъявила официальное обвинение начальнику Таможенной инспекции А.Волкову и первому заместителю управления таможенных расследований и дознания ГТК М.Файзулину «в превышении должностных полномочий с причинением тяжких последствий» (ст. 286-3 УК РФ).

30 ноября было прекращено дело ГТК против «мебельщиков», переправленное ведомством Устинова в Мосгорпрокуратуру с письменным указанием «рассмотреть и прекратить».

А 7 декабря уже было закончено предварительное расследование дела против сотрудников таможни.

В ответ офицерское собрание таможенников направило Генпрокурору Устинову заявление в защиту Файзулина и Волкова с… предложением о возбуждении уголовных дел против множества сотрудников ГТК: «Мы считаем, что их (Файзулина и Волкова) действия полностью соответствуют целям и задачам, поставленным перед ГТК… В связи с этим просим предъявить нам аналогичное обвинение». В списке из 51 «подписанта» — зампреды ГТК Гутин и Межаков, а также начальники ключевых управлений ГТК.

10 декабря «Московский комсомолец» задался вопросом: почему уголовное дело № 88013 (дело таможни против мебельных фирм) курирует первый заместитель Генпрокурора Бирюков, «который не скрывает своих связей с чеченцами»? Этот вопрос отсылал к материалам, опубликованным «МК» в ноябре того же 2001 года. Там излагалась история о том, как после взрыва в Москве на «Пушкинской», в рамках разработки подозреваемых в причастности к взрыву и с санкции зампрокурора Москвы Ю.Семина, была проведена серия обысков. В том числе — у полномочного представителя главы Чеченской Республики при Президенте РФ А.Магомадова. На следующий день после обыска Магомадов уже был у первого зама Генпрокурора Бирюкова. После визита все изъятое у Магомадова ему немедленно возвратили, а Семина вызвали «на ковер».

Что такое элитные чеченцы с подобными «выходами наверх»? Это игровые инструменты, не более. Кто использует эти инструменты? Все те же внутренние элитные партии.

14 февраля 2002 года «мебельный сюжет» оказался, как мы упоминали ранее, темой слушаний Комитета Госдумы по безопасности. А в последующие месяцы началась уже рассмотренная нами эпопея вокруг следователя П.Зайцева.

В марте 2002 года дело о контрабанде мебели возобновляется на основании депутатского запроса. Но при этом дело переходит в другие руки: его расследование поручается прокурору из Ленинградской области В.Лоскутову, которого для этого привлек лично В.Путин.

А вот теперь — основной и неопровержимый факт, который замыкает наши аналитические пунктиры.

15 мая 2002 года Генпрокурор В.Устинов, выступая в Совете Федерации, говорит, что сотрудники ГТК Волков и Файзулин «уличены в злоупотреблении», и называет СМИ и депутатов, которые защищают Волкова и Файзулина, «ангажированными» и «стремящимися увести от уголовной ответственности преступников».

Об этом выступлении рассказали почти все мало-мальски значимые отечественные СМИ. А, например, «Газета» от 16 мая 2002 года разместила на своих страницах наиболее существенные фрагменты этого выступления. В том числе — фрагмент, касающийся дела «Трех китов».

В связи с этим майским выступлением Устинова «Коммерсант» значительно позже (1 октября 2003 года) напишет, что *«именно глава Генпрокуратуры настоял на том, чтобы уголовное дело по фактам контрабанды мебели, реализуемой в «Трех китах», возбужденное на основе материалов ГТК, было изъято из следственного комитета, и поручил прекратить его».*

Однако бог с ним, с «Коммерсантом». Его высказывания — это одно из слагаемых рассматриваемых нами газетных мифов. Но если мы калибруем информацию, то никак не можем уравнять такое высказывание с публичным выступлением самого Генерального прокурора в высочайшем государственном собрании, каковым является Совет Федерации. Значит, у В.Устинова были те или иные основания для того, чтобы самому включиться в процесс. Такие основания не

могли быть мелкими. Они должны были быть интегрированы в рассматриваемую элитную игру. В элитной игре не бывает плохих и хороших. В ней есть игроки с разными элитными индексами. Если в игру введены «Три кита» (а они введены туда и Устиновым, обдуманно принимавшим такое решение), то дело аналитика признать, что «Три кита» — это индекс.

Есть «протрехкитовый» индекс и «антитрехкитовый» индекс. На данный момент по тем или иным причинам (совершенно необязательно таким, которые навязывают газеты) Устинову понадобился «протрехкитовый» индекс. Он ему понадобился, а не нам. Мы лишь это фиксируем.

А, зафиксировав, говорим, что в интересующем нас смысле — в смысле не криминальном, а элитно-игровом — Устинов поставил индекс некоей связи между собою и этим делом. А значит, разговоры о сомнительности связи Устинова с этим делом надо прекратить.

Нет никакой необходимости что-то при этом криминализовать. И в любом случае это категорически не наш профиль. Мы лишь укажем, что гипотеза отсутствия связей между Устиновым и «мебельными титанами» рассыпалась с каждым новым витком наших аналитических описаний. Но одно дело наши умствования, а другое — прямой факт, с настойчивым прямым публичным предъявлением «протрехкитового» индекса.

Этот факт позволяет утверждать, как минимум, следующее.

В деле «Трех китов» (деле, как мы теперь понимаем, совсем не мебельном) на уровне прямых открытых фактов (а не досужих сплетен), причем фактов, лишь дополняемых (а не подменяемых) аналитическими рефлексиями, обнаруживается противостояние между Устиновым (который, по всем экспертным оценкам, никогда не был самодостаточен) и Патрушевым. В дальнейшем ситуация изменится под давлением новых обстоятельств, вызвавших перегруппировку сил. Но на рассматриваемый момент ситуация именно такова.

Делать из такого противостояния далеко идущие выводы нельзя. Возможно, это противостояние носит частный характер. Но оно зафиксировано на уровне прямых публичных высказываний данных фигур. И с аналитической точки зрения обладает слишком большой ценностью, ибо полностью разрушает миф о «чекистско-либеральном противостоянии».

Заостровцев очевидно примыкает к группе Устинова. И противостоит Патрушеву.

Грызлов, а впоследствии и Нургалиев противостоят группе Устинова. То есть, как минимум, в этом деле находятся по одну сторону барьера с Патрушевым. Бирюков лишь сопровождает Устинова, а не занимает автономную от Генпрокурора «протрехкитовую» позицию.

А за всем этим стоят уже другие, в том числе и международные, «расклады». Попытаемся уточнить их, исходя из заявлений Зайцева и установленных фактов. То есть перейдем к рассмотрению истории о «Бэнк оф Нью-Йорк», к которой постоянно апеллирует Зайцев, анализируя внешние «трехкитовые» выходы.

Глава 16. О деле «Бэнк оф Нью-Йорк»

Напомним, что скандал с «Бэнк оф Нью-Йорк» возник в августе 1999 года и больше года привлекал особое внимание политиков и СМИ как в США, так и в России. Тогда правоохранительные органы США обвинили сотрудников «Бэнк оф Нью-Йорк» (БОНИ) Л.Эдвардс и Н.Гурфинкель в содействии проводкам через этот банк крупных сумм денег подозрительного происхождения.

Формально дело началось еще в августе 1998 года. В тот момент сотрудники ФБР США по просьбе МВД РФ начали отслеживание прохождения суммы в 300 тысяч долларов США. Эти деньги были выплачены в качестве выкупа за похищенного гражданина РФ Э. Олевинского.

ФБР установило, что указанная сумма была переведена в БОНИ на счет компании «Бэкс», которой управлял бизнесмен российского происхождения П.Берлин.

Со счетов «Бэкс» эти деньги через оффшорный банк были переведены в московский Собинбанк.

Чуть позже сотрудник одного из подразделений «Рипаблик Нэшнл Бэнк оф Нью-Йорк» сообщил ФБР о необычных переводах со счета и на счет компании «Бенекс», которой также руководил Берлин.

ФБР начало расследование подозрительных транзакций. Первое, на что наткнулись американские следователи, было то, что женой П.Берлина была вице-президент лондонского отделения БОНИ Л. Эдвардс.

Далее открытия следствия шли по нарастающей. Выяснилось, что только с октября 1998 года по март 1999 года (то есть в самое тяжелое «постдефолтное» время) через счет компании «Бенекс» в БОНИ было «перекачано» 4,2 млрд. долларов.

Кроме того, была установлена причастность Берлина к деятельности фирмы «Торфинекс» московского бизнесмена А.Волкова. В этой компании Берлин имел право подписывать финансовые документы. Аналогичными правами обладал Волков в компании «Бенекс».

По данным следствия, «Бенекс», «Бэкс» и «Торфинекс» служили базой для перевода денег без надлежащей лицензии в течение трех лет — с 1996 года по август 1999 года. И это при том, что Комиссия по финансовым рынкам и банковской деятельности США (SEC) запретил компании «Торфинекс» операции по переводу денег еще в 1997 году.

В причастности к «афере БОНИ» подозревались, как минимум, три российских банка — Собинбанк, «Депозитарно-клиринговый банк» (ДКБ) и «Фламинго-банк».

Подчеркивалось, что крупные пакеты акций Собинбанка и «Фламинго» приобрел пострадавший от августовского кризиса 1998 года банк СБС-Агро. А членом совета директоров Собинбанка являлся А.Мамут, которого считали фигурой, близкой к окружению президента Ельцина.

При этом 18 февраля 2000 года замначальника ГУБЭП МВД РФ Ю.Демидов заявил, что участие Собинбанка и «Фламинго» в проводке денег через БОНИ — «доказанный факт».

В связи с этим отметим, что в сентябре 1999 года в США побывала делегация российских спецслужб, целью которой было налаживание сотрудничества с американскими правоохранителями по делу БОНИ. Главой делегации был заместитель директора ФСБ РФ В.Иванов. Тот самый В.Иванов, который в «эпоху Путина» станет сначала зам. главы АП, а затем помощником Президента РФ по кадровым вопросам. В связи с этим укажем, что В.Иванова торопливые журналисты с ходу причисляют к этой самой «группе Сечина-Устинова». На самом деле элитная структуризация, конечно же, намного сложнее.

По итогам визита В.Иванов дал интервью ИТАР-ТАСС, в котором заявил, что ни ФБР, ни другие американские спецведомства не представили российской стороне никаких доказательств того, что российские компании «отмывали» деньги через БОНИ. Более того, Иванов решительно заявил, что ему не привели ни одного факта (!!!), подтверждающего участие российских фирм в нелегальных транзакциях.

В ответ на это «американские товарищи» в лице Минюста, Минфина, Госдепа США и ФБР тут же заявили, что они умышленно воздержались от предъявления россиянам специнформации, так как «расследование находится в активной фазе». Что, фактически, означало публичное выражение сомнения в непредвзятости российской делегации во главе с В.Ивановым.

Конечно же, позиция В.Иванова была «административно задана». Очень крупный российский администратор вел себя определенным образом в соответствии с определенной линией и в силу этого дезавуировал обвинения американской стороны в «отмывании» денег через БОНИ. Этот мотив был, безусловно, доминирующим.

Вопрос лишь в том, был ли он единственным. Или же, помимо административной линии, в качестве дополнительной имела место еще и линия «элитно-игровая». Вновь напомним демарши Шлейнова, который, «впихивая» в историю «Трех китов» след БОНИ, одновременно интегрирует в совокупный сюжет Е.Жукова, который был не только помощником Ю.Заостровцева, но и якобы сходным образом соотносился с В.Ивановым. Такой демарш может быть необъективным. Он даже и должен быть необъективным. Но он не может быть случайным.

Однако вернемся к истории с БОНИ.

Еще в феврале 2000 года главные герои этой истории — П.Берлин и его супруга Л.Эдвардс — сдались американскому правосудию. В результате они отделались штрафами. По ряду сообщений, они также вошли в так называемую «программу защиты свидетелей».

Сам БОНИ в октябре 2005 года был вынужден заплатить за допущенные «нарушения законодательства» штраф в 14 млн. долларов.

Что же касается происхождения проходивших через БОНИ средств, то вначале возникали подозрения, что это нелегальные доходы от торговли оружием и наркотиками. Однако официальное следствие пришло к выводу, что средства, проходившие через БОНИ, — всего лишь спрятанные доходы экспортеров.

В 2002 году итальянские и французские спецслужбы провели операцию «Паутина», направленную на раскрытие системы «отмывания» денег. В числе лиц, причастных к незаконным операциям, были названы известные бизнесмены Г.Лучанский и М.Рич. Как заявлял СМИ вице-комиссар Специальной оперативной службы итальянской полиции Л.Ринелла, операция «Паутина» — прямое продолжение «дела БОНИ».

Теперь — о тех, кто непосредственно фигурировал в «деле БОНИ». Как уже сказано выше, считается, что во главе системы фирм, созданных для проводки денег, стоял П.Берлин. Транзакции контролировала его жена Л. Эдвардс, вице-президент лондонского отделения БОНИ.

Кроме того, американские правоохранители утверждали, что к деятельности Эдвардс была причастна и тогдашний главный вице-президент БОНИ и глава восточноевропейского отделения банка Н.Гурфинкель. Покровителем Гурфинкель был вице-президент БОНИ князь В.Голицын — потомок русских эмигрантов «первой волны».

Отметим, что биографии всех участников этой истории — небезлюбопытны.

Согласно официальной биографии, Н.Гурфинкель родилась в 1954 году в Ленинграде.

По окончании школы поступила на факультет восточных языков Ленинградского госуниверситета.

Но востоковедение в СССР всегда было близко к разведке, и востоковедческие ВУЗы и факультеты достаточно плотно «опекались» соответствующими ведомствами. Ни для кого не секрет, что эти ведомства нарушали свою предвзятость в «еврейском вопросе» только в определенных случаях. То есть поступление Гурфинкель на факультет восточных языков должно было быть задано какими-то обстоятельствами, помимо способностей абитуриентки. Такими обстоятельствами в случае данной абитуриентки могло быть либо наличие очень высокого покровительства, либо нечто сходного типа.

Для того, чтобы обосновать такое утверждение, сошлюсь на вполне достоверную семейную историю. Мой отец, заведовавший кафедрой в московском вузе, не отягченном избыточной элитарностью, зашел к своему другу, ректору другого вуза, отягченного элитарностью. Причем вуза, сходного по профилю с тем, в который поступила Гурфинкель. Ректор метался по кабинету в ярости. Он получил 25-й обязательный звонок по принятию 25-го абитуриента. А мест было 24. Находясь в ярости и проклиная высоких покровителей, с которыми обязательно надо считаться, ректор ткнул в окно и сказал моему отцу: «А там, на улице, еще две тысячи абитуриентов, которые считают, что они сдают экзамены».

Конечно, Ленинград — не Москва. Но и не Урюпинск. А специфика абитуриентки Гурфинкель в начале 70-х годов, когда она поступала, требовала — признаем очевидное — каких-то покровительств при любых способностях поступающей. Итак, какая-то (ни о чем скверном не говорящая!) специфичность, безусловно, имеется уже в факте поступления Гурфинкель в вуз определенного профиля.

А дальше специфичность наращивается.

В 1979 году Гурфинкель вместе с первым мужем эмигрирует в США и оказывается в Принстонском университете — опять-таки, на востоковедческом факультете. Что такое эмиграция в 1979 году и что такое быстрая прописка в Принстоне, причем на востоковедческом факультете, в целом тоже понятно. Никто не хочет навязывать данной ситуации избыточную специфичность. Но нулевой эта специфичность быть не может.

Потом специфичность продолжает наращиваться.

В 1986 году Гурфинкель круто меняет свою судьбу. Научной карьере она предпочитает бизнес (еще вопрос — о способе переквалификации востоковеда в профессионального экономиста…) и поступает на работу в «Ирвинг бэнк корпорейшн».

В 1988 году «Ирвинг бэнк корпорейшн» оказывается поглощена БОНИ, где Гурфинкель тут же попадает под опеку В.Голицына. И под его руководством делает неслыханную, почти фантастическую для молодой русской эмигрантки-востоковеда карьеру: становится вице-президентом БОНИ.

В 1997 году Гурфинкель выходит замуж за известного российского постсоветского финансового менеджера К.Кагаловского.

Кагаловский был представителем РФ при МВФ, занимал высокие посты в структурах Ходорковского и так далее.

Что же касается опекуна Гурфинкель князя Голицына, то он далеко не лишен интереса к родине своих предков.

Так, в частности, летом 1999 года Голицын принимал участие во встрече группы русских эмигрантов — потомков «первой волны» — с тогдашним российским премьер-министром С.Степашиным.

Подчиненная и «подельница» Гурфинкель Л.Эдвардс (по советскому паспорту — Людмила Прицкер) родилась в 1958 году, опять-таки, в Ленинграде. Можно считать совпадением ленинградский бэкграунд сразу двух активисток дела БОНИ. А можно считать иначе. Мы-то считаем иначе, но в конце концов это не более чем «пометка на полях».

В любом случае Л.Прицкер в 1977 году — в возрасте 19 лет — вышла замуж за моряка американского торгового судна и уехала в США. Сочетал их браком лично консул США в Ленинграде. Согласитесь, для советского времени, опять-таки, не абсолютно банальная история! Не хочу сказать, что абсолютно экзотическая, но в целом не лишенная специфичности. Такие истории с вывозом конкретных персонажей через заключение функционально обусловленного брака имели место в рассматриваемый период. Но эти истории всегда предполагали наличие соответствующих заинтересованных покровителей, а также согласие советской стороны мягко отнестись к подобной истории. Мягкое отношение же всегда было чем-нибудь обусловлено. Никогда нельзя утверждать в точности, чем именно. Но чем-нибудь — обязательно.

Вскоре Л.Эдвардс и ее муж, как и полагается, разошлись. При разводе Люси сохранила гражданство США.

Через некоторое время новым мужем Л.Эдвардс стал российский эмигрант П.Берлин, который в результате этого брака также получил американское гражданство. Цепочка подобных вывозов (Прицкер за Эдвардса, Берлин за Прицкер) тоже практиковалась в рассматриваемый период. Но была еще более «обусловлена». Чем больше было звеньев в цепочке, тем выше был уровень «обусловленности».

Что же касается Берлина, то его фигуру стоит обсудить особо. Как утверждают американские правоохранительные органы, одной из весьма специфических связей Берлина был международный бизнесмен С.Могилевич, которого американская юстиция считает одним из лидеров международной оргпреступности в самых разных сферах — от нелегальной торговли оружием и нефтью до «торговли людьми».

Насчет преступности — вопрос отдельный, а вот насчет связей Берлина с Могилевичем — это, как минимум, не вполне голословное утверждение. Действительно, фирма Берлина «Бенекс» активно взаимодействовала с компанией «ЮБМ Магнекс», подконтрольной Могилевичу.

При этом «ЮБМ Магнекс» — это не просто какая-то рядовая фирма, а производитель и продавец магнитов (в том числе сверхмощных, из сплавов редкоземельных металлов). А это — продукция очень специфическая.

Тут необходимо минимальное техническое разъяснение.

Для обычного магнита есть прямая связь между его мощностью и массой. Для того чтобы получить очень мощный магнит с малой массой и малыми размерами (последнее взаимосвязано), причем работоспособный в разных, в том числе экстремальных, условиях, нужно использовать эти самые редкоземельные металлы (церий, иттрий, скандий, лантан и т. д.).

Именно такие магниты незаменимы в определенных отраслях техники — миркоэлектронике, космической, военной и так далее. Считать, что производство подобных магнитов неподконтрольно — по меньшей мере, наивно. Контроль же неизбежно выявлял наличие Могилевича в компании «ЮБМ Магнекс», занимающейся этим эксклюзивным магнитным бизнесом, причем не только на уровне продажи, но и на уровне производства. Следовательно, какие-то санкции по участию Могилевича в этом бизнесе имелись. Чем они определялись — это открытый вопрос. Фантазировать тут не имеет смысла. Мы просто уже устали загибать пальцы, устанавливая одну специфичность за другой. А дешифровка рассматриваемых специфичностей — и слишком трудозатратна, и не вполне корректна, и не столь уж в нашем случае обязательна.

Но то, что Могилевич (находившийся на втором или третьем плане в коллизии с БОНИ или коллизии с «Тремя китами» и БОНИ) широко обсуждался в другом контексте, следует зафиксировать. Поскольку он обсуждался действительно широко.

Обсуждался же он в 2006 году в связи со знаменитой компанией РосУкрЭнерго. Напомним, о чем тогда кричала и российская, и зарубежная пресса.

Компания РосУкрЭнерго, ставшая фактически монополистом в отношениях между «Газпромом» и Украиной, имеет одним из своих совладельцев зарегистрированную в Австрии компанию «Центрогаз». Интересы «Центрогаз» в РосУкрЭнерго представляет «Райффазен Инвестмент АГ» — дочерняя компания австрийского «Райффазенбанка».

Владельцем «Центрогаз» является уже упоминавшийся нами украинский бизнесмен Д.Фирташ. Фирташ, купивший в июне 2006 года у бывшего зампреда «Газпрома» П.Родионова компанию «Газинвест», в результате этой покупки стал совладельцем «Печорнефтегазпрома». А «Печорнефтегазпром» — это крупнейший игрок на газовых полях НАО. Того самого НАО, в который, как мы уже говорили, запустила свои «щупальца» «группа Сечина-Устинова».

Именно Фирташа журналисты назвали одним из партнеров С.Могилевича. Фирташ, правда, отрицал это. Хотя и признавал, что несколько раз встречался с Могилевичем.

Но Фирташ является непосредственным акционером другой газовой компании — «Зангас», причем вместе с неким И.Фишерманом. Который, в свою очередь, фигурирует в списках ФБР как один из партнеров Могилевича. Так что какая-то «спецаура» Могилевича в газовых делах, безусловно, присутствует. А нам только это и надо зафиксировать. Качество этой ауры — отдельный вопрос. Объективная оценка тут слишком затруднена и вряд ли целесообразна. Тем более, что мы сознательно решили опираться только на уже имеющуюся («засвеченную», так сказать) информацию.

Так вот, к вопросу о «засвеченной информации». Приведем фрагменты из двух разговоров экс-президента Украины Л.Кучмы в своем кабинете, ставших достоянием гласности благодаря так называемым «пленкам Мельниченко». Напомним, что эти пленки были опубликованы сайтом «Компромат. ру» 13 января 2006 года — в разгар скандала с РосУкрЭнерго.

Итак, 8 февраля 2000 года тогдашний глава Службы Безпеки Украины Л.Деркач беседует с Кучмой:

«Кучма: Ну, давай! Ну, а Могилевича ты нашел?

Деркач (тихим, кротким голосом): Нашел.

Кучма: Ну? И работаете там?

Деркач: Работаем. И завтра еще раз встречаемся. Он приезжает инкогнито.

Кучма: Ну, так! Он хочет, чтобы я там дело сделал?

Деркач: Не!

Кучма: Он обещал, бля, тех привезти и ни ху… не привез.

Деркач: Он сейчас говорит, что «даю слово, бля, что привезу этого… Дитятковского. Решать все эти приеду». Я ему отдал телефоны и все.

Кучма: Посмотрим, как он, в состоянии же? Дело трудное.

Деркач: А это он сказал, что по [два слова неразборчиво] ни слова.

Кучма: Да? Ну, так у них же там действительно демократическая…

Деркач: Смысл какой? Вот мы как говорили? Вот сидят там эти… преступники, которые уже там у него пожизненное заключение. То есть уже никогда не выйдет. Для него там можно, если бабки его родственникам какие-то тоже попали. А за это надо сделать вот это. Там суммы большие. И что? Ну, еще один суд будет! Завтра он приезжает, окончательно обговариваем там, если надо какие вопросы, где-то подстраховка. Но мысль… Я сказал ему: «Мы светиться не будем».

Кучма: Сам он должен.

Деркач: Мы ж тогда говорили, а он: «Как?» А сейчас вопрос простой: мы не светимся, он сам по всем своим линиям проходит. Если где-то там что-то какая информативность со стороны, я ему отдам. А так я влазить в них…

(Пауза).

Деркач: Вот это ж мы его пустили сюда. Он поехал на могилы родителей. Потом приехал сюда [несколько слово неразборчиво]. И начал рассказывать. «Вот этот, — говорит, — жид». «Иванов, — говорит, — министр иностранных дел России — еврей».

Кучма: Да?

Деркач: Да. Чубайс э-э-э… фамилия тоже это вот, значит, второго отца — ну, не отца, а отчима — тоже, говорит, еврей. Хе-хе-хе. «Мне, — говорит, — так хорошо живется там». Выкупил он дачу Георгадзе.

Кучма: Он что, живет в Москве?

Деркач: Живет в Москве. Выкупил дачу. Ну, он там, в Венгрии там, но сейчас живет в Москве. Выкупил дачу Георгадзе. Это рядом с Зюгановым, значит, дача. «Я даже, — говорит, — каждое утро с ним здороваюсь, когда выхожу». В этом же ж, в этой зоне, вот как у нас в Конче, он в такой зоне выкупил себе дачу.

Кучма: Под Москвой дачи там…

Деркач: Ну, они в хороших отношениях с Путиным. Они с Путиным общались, еще когда Путин был в Ленинграде.

Кучма: Не влипнуть бы.

Деркач: Не, ну то их вопросы.»

Согласно тем же «прослушкам», два дня спустя — 10 февраля 2000 года — Кучма беседует с тогдашним шефом военной разведки Украины И.Смешко. Отметим, что Смешко — это карьерный конкурент Деркача. И вновь в разговоре всплывает Могилевич:

«Смешко: Вот это вот, кстати, возьмите и просто пролистайте. Это Министерство внутренних дел и СБУ в официальных документах называет этих людей «бандитами», ведет расследование по ним на уровне низовом.

Кучма: Та понятно. Он [Могилевич] купил дачу в Москве, приезжает…

Смешко: Он уже получил паспорт. Причем паспорт на другое имя в Москве. А в Москве его уровень… Когда выборы были президента — не эти, а предыдущие, Коржаков [начальник личной охраны Ельцина] послал двух полковников к Могилевичу в Будапешт, чтобы получить компрометирующие данные на человека, потому что в тот момент при тех выборах еще надо было придержать до команды Коржакова. Я знаю, кто давал это задание. Он [Могилевич] сам не встретился. «Лейтенант» его организации, Король, встретился с этими двумя полковниками и дал им по «Нордексу» документы. У него сильнейшая служба аналитической разведки, у Могилевича. Но сам Могилевич, сам Могилевич — это особо ценный агент КГБ, ПГУ (Первое главное управление КГБ, внешняя разведка) причем. Когда Могилевича хотели… Когда распался Союз, еще не было управления «К» у КГБ. Когда по Могилевичу один полковник хотел — он отставник, у нас здесь живет — когда он попытался его арестовать, ему так дали по мозгам, сказали: «Не лезь! Это номенклатура ПГУ». У нас ПГУ не было. У него связи с Чубайсом. У него, в общем…»

Цитируемый мною текст содержит в себе высказывания весьма высоких фигур. У таких фигур есть кому следить за публичными наветами и давать опровержения. Опровержений не было. Известно, что пленки с высказываниями Л.Кучмы бывали аутентичными. Или признавались таковыми. Может быть, эта пленка аутентична. А может быть, нет. Многое в ней свидетельствует в пользу аутентичности. Но иногда бывают весьма близкие к аутентичности подделки. Установить аутентичность я не могу. Я только могу рассмотреть гипотезы. Либо пленка аутентичная, либо это подделка.

Если подделка, то чья? Кто может подделать голоса президента Украины и главы военной разведки Украины? Учесть семантику, лингвистику, тонкую специфику речи? Выстроить соответствующим образом информацию? Вбросить эту информацию? А главное, повторю, не быть разоблаченным (что фактически исключено в случае, если это фальшивка). Так фальшивка ли это?

Но даже если это аутентичный текст, то опять-таки… Собеседники могут превратно толковать сюжеты и ситуации… Хотя согласитесь, это достаточно компетентные собеседники.

Короче, я не придаю этому высказыванию статуса достоверности. Я только говорю, что это очень интересное высказывание… Не более того… Но и не менее.

Переходя от откровений Кучмы к большой игре, ведущейся вокруг «Бэнк оф Нью-Йорк», можно зафиксировать следующее.

Первое. «Бэнк оф Нью-Йорк» — это старый крупный американский банк из разряда тех, которые называют «паблик». Там нет одного хозяина в обычном смысле слова. Акции сильно распылены. Кстати, в условиях такой распыленности и небольшие «сгущения» акционерных возможностей уже могут оказывать нужное управленческое воздействие. Но говорить о хозяине не приходится.

Второе. В этом банке есть очевидное русское эмигрантское присутствие. Насколько оно весомо, оценить трудно. Речь идет, конечно же, о русских эмигрантах «первой волны». Как мы уже

указывали, князь Голицын являлся на момент конфликта вице-президентом банка. В условиях распыленности капитала — высший менеджмент значит достаточно много.

Третье. Вокруг банка была простроена некая инфраструктура, элементами которой стали русские эмигранты другой волны и другого «розлива». Это уже не князья Голицыны, а недавние советские граждане Берлин, Гурфинкель, Эдвардс. То есть белоэмигрантский дворянский круг оказался в очень прочной смычке с новой волной, обладающей иными свойствами и связями.

Четвертое. В это загадочно-гетерогенное поле встроились фигуры с некоей третьей, но почему-то вполне «не чуждой» данному полю спецификой. Имеется в виду господин Могилевич, так ярко описанный в лирических откровениях соратников бывшего президента Украины.

Пятое. Между данным полем и интересующими нас «Тремя китами» возникла крепкая связь.

Шестое. Анализ самих «Трех китов» показывает, что и вокруг них простроено нечто достаточно специфическое. Ну, никак не имеющее отношения лишь к элементарным мебельным аферам.

Седьмое. «Бэнк оф Нью-Йорк» атакуется дважды. Сначала в 1999 году, а потом в 2002 в ходе операции «Паутина», когда под ударом оказались такие знаковые фигуры, как Г.Лучанский и М.Рич. При этом было заявлено, что «Паутина» — это прямое продолжение дела БОНИ.

В 2003 году немцы передают в Россию какие-то зацепки, говорящие о связях «Трех китов» и этого самого БОНИ.

Итак, удары наносятся в 1999 и 2002 годах. С переходом первого удара на 2000 год, а второго на 2003.

Когда избирается Джордж Буш-младший на первый срок? В ноябре 2000 года. То есть по временному критерию вполне проходит гипотеза, согласно которой атака 1999 года была элитной игрой, в которой некая связь между русскими персонажами и американскими финансовыми институтами могла быть атакована в интересах избрания Д.Буша-младшего. В любом случае, атака задевала и так называемую «Семью». Кроме того, по-видимому, оказывались задеты все связи между клинтоновской элитой и ельцинской элитой («Семьей»). Пока это только гипотеза. Но если все наше рассмотрение и имеет какой-то смысл, то лишь постольку, поскольку такая гипотеза может превратиться в нечто большее. В противном случае мы никогда не выйдем на интересующий нас — международный элитно-игровой — уровень происходящего.

На второй срок Джордж Буш-младший избирался в ноябре 2004 года.

Опять же, по временному критерию все более чем сходится. Если представить себе, что «Бэнк оф Нью-Йорк» в каком-то смысле связан с антибушевским истеблишментом и антагонистичными Бушу выборными ставками этого истеблишмента, то ударить по такой структуре в преддверии выборов более чем логично. Опять же, это только гипотеза, и ее предстоит доказывать. Но именно обоснование такой гипотезы имеет смысл осуществлять, если мы хотим аналитики элитной игры, а не бесконечного набора сомнительных криминально-политических ситуаций. Даже если этот бесконечный набор и наделен размытой транснациональной спецслужбистской спецификой. Что толку в этой специфике, если она хоть как-то не выводит на большую игру?

Рассмотрим, далее, некие начальные обоснования выдвинутой нами гипотезы.

Аргумент № 1. Эта гипотеза подтверждается судьбой «Бэнк оф Нью-Йорк». Ничего страшного с ним не произошло. Никто не громил его, как это было, например, в скандальных публичных процессах против американских корпораций «ЭНРОН» и «Артур Андерсен». «Бэнк оф Нью-Йорк», обвиненный в отмывке огромных сумм, отделался мизерными по отношению к этим суммам штрафами. То есть повел себя правильно сразу же после того, как ему указали на возможные альтернативы. Что значит «правильно»? Видимо, нужным образом политически и экономически «переориентировался»!

Аргумент № 2. Налицо связи «Бэнк оф Нью-Йорк» с очень элитарными, тонко и точно вписанными в высший элитный круг российскими бизнесменами. Такими, как А.Мамут.

Аргумент № 3. При всех трудностях в оценке степени влияния данного сюжета на решение Б.Ельцина уйти с президентского поста в 2000 году, можно говорить о том, что степень влияния данного события была, как минимум, не нулевой. Поскольку в эту же размытую финансово-политическую коллизию был вписан, например, глава Управления делами Президента РФ П.Бородин (вспомним дело «Мабетекс» и многое другое), то нельзя считать гипотезу о подобной (большей или меньшей) детерминированности сугубо конспирологической. А нити от дела БОНИ вели если не к самому Бородину, то к «околобородинским» структурам.

Этот тезис требует детального подтверждения.

В период, когда Бородин руководил Управлением делами Президента (УДП), фактически главным кредитором этого ведомства был Международный промышленный банк (Межпромбанк). Его руководители С.Пугачев и С.Веремеенко «засветились» (хотя и мельком) в деле «Мабетекс». Их имена были обнаружены в числе гостей «Мабетекс» в Швейцарии.

В постъельцинский период (2001–2003 годы) Межпромбанк фигурировал в серии публикаций в качестве одной из опорных финансовых конструкций «группы Сечина—Устинова». Впоследствии роль Межпромбанка в этой группе стала снижаться.

К 2005 году в этом качестве Межпромбанк уже не упоминается. Но «нити БОНИ» — это вообще сюжет, актуальный не для 2005–2006 годов, а для более раннего периода. Того самого, в рамках которого Межпромбанк публично обсуждается в вышеуказанном качестве.

Именно в период с 1998 года по 2000 год в СМИ постоянно фигурирует тогдашний вице-президент Межпромбанка г-жа Э.Раздорская. Причем рассматриваются не качества госпожи Раздорской как финансового менеджера, а ее причастность к делу БОНИ. Еще конкретнее — ее связь со все тем же П.Берлиным.

Используя новояз, мы можем сказать, что эта связь в данном случае обсуждается не «ващще», а «чисто конкретно». И не в кулуарах, а в открытой печати.

И это рассмотрение фигуры госпожи Раздорской производят не какие-нибудь «желтые листки», а весьма солидные издания. Например, газета «Ведомости», которая осенью 1999 года — то есть в самый разгар скандала с БОНИ! — несколько раз возвращается к фигуре Раздорской.

Заинтересованный читатель может посмотреть подшивку «Ведомостей» и обнаружить в ней следующие публикации В.Иванидзе от 7 сентября («Куратор русских банков»), 15 сентября («Вторая жизнь Mercata»), 7 октября («В деле BoNY появились новые обвиняемые»; последний материал написан Иванидзе совместно с М.Трудолюбовым и М.Уайтхау).

В.Иванидзе — известный международный журналист-расследователь. Его информация может быть достоверной, а может вызывать сомнения. Но, во-первых, мы, как всегда, исходим из того, что дело не в информации, а в высказывании, сделанном в ходе крупнейшего транснационального скандала, которым и являлось дело «Бэнк оф Нью-Йорк». И, во-вторых, информация господина Иванидзе ни в коем случае не может быть отнесена к разряду дешевых сплетен. Тем более, что опубликована она в газете «Ведомости». Но и в целом Иванидзе дорожит репутацией. Впрочем, если бы речь шла о стопроцентных сплетнях, мы бы все равно их рассматривали, но иначе. А тут наше рассмотрение адекватно оценке рассматриваемого материала.

Суть высказываний господина Иванидзе сводится к следующему (см. например, его статью от 6 сентября 1999 года «Куратор русских банков»).

6 июля 1998 года на острове Мэн была образована компания IIFC. Одним из директоров этой компании значился П.Берлин. А другим — госпожа Раздорская. Другими директорами числились также В. Раздорский (о наличии родственных отношений с Э.Раздорской и их степени не сообщается) и житель Петербурга В.Мальков.

Сама госпожа Раздорская осенью 1999 года заявляла корреспондентам «Ведомостей» через пресс-секретаря Межпромбанка Д. Смирнова, что компания IIFC была создана по указанию руководства СБС-Агро, где она ранее работала. И создание этой компании (участия в которой Раздорская не отрицала) пришлось на момент ее ухода из банка.

Однако тут же Раздорская изменила свое мнение (цитируя Иванидзе: «буквально через полчаса»), передав через все того же Смирнова, что «руководство СБС-Агро не имеет отношения к созданию IIFC. Фирма была создана Раздорской, когда она уже уходила из СБС-Агро, в качестве «запасного аэродрома», как выразился Смирнов».

И Иванидзе фиксирует следующий порядок действий госпожи Раздорской.

Она ушла из СБС-Агро в декабре 1997 года.

На работу в Межпромбанк в качестве вице-президента она вышла после новогодних праздников в январе 1998 года.

А компания IIFC была создана 6 июля 1998 года. То есть через полгода после прихода Раздорской в Межпромбанк.

Так называемая «технологическая критика», то есть сопоставление неких условий деятельности (временные рамки, профессиональные обязательства, здравый смысл и т. д.) и предъявляемой обществу схемы деятельности — обязанность аналитика. В противном случае он

станет просто «Гомером» некоей «Илиады» и «Одиссеи», состоящих из бесконечного сомнительного эпоса, который формируют разнокачественные «сливы» в средства массовой информации.

Через полгода после прихода на работу в другой банк, в условиях всегда не вполне бесконфликтной смены места работы (иначе зачем менять место работы?), никто не будет создавать компании по поручению руководства структуры, которую ты давно покинул. Не так ли?

Как минимум, после прихода в новую организацию госпожа Раздорская не начнет очертя голову действовать в интересах своих бывших работодателей, не спросясь у новых работодателей. Конечно, в принципе все бывает. Но только в принципе. И все же мы для соблюдения корректности скажем, что СКОРЕЕ ВСЕГО (и только скорее всего) действия госпожи Раздорской соотносятся (возможно, кстати, достаточно сложным образом) с предощущением российского дефолта (который, напомним, состоялся в августе того же 1998 года).

В любом случае факт создания П.Берлиным и вице-президентом Межпромбанка некоей общей компании (с засвеченным общим руководством) за месяц до дефолта заслуживает особого внимания.

Аргумент № 4. Если все рассмотренное хоть частично соответствует некоей элитной реальности, то речь идет о международных диалогах не по принципу «нефть за продовольствие», а по принципу «правильные властные решения — за сохранение финансово-политических инфраструктур». При этом алгоритм складывается из: (а) обозначения угроз этим инфраструктурам, (б) выбора хозяевами инфраструктур линии поведения, учитывающей эти угрозы, и (в) ответного действия, обеспечивающего сохранение инфраструктур. И речь идет не о банальных «бабках», пусть и в особо крупных размерах. Речь идет об инфраструктурах, то есть о чем-то намного более серьезном.

О чем же именно?

Для того, чтобы как-то в этом разобраться, придется адресовать читателя… нет, не к страшным секретным тайнам, а к трем статьям М.Стуруа, известнейшего советского журналиста-международника. Что такое известнейший советский журналист-международник? Не надо демонизаций! Но не надо и профанации, при которых имярек может стать «известнейшим советским журналистом-международником» только потому, что пишет хорошие статьи на международные темы. М.Стуруа был прекрасно вписан в советскую элиту. Эта вписанность — предмет отдельного (вовсе не компрометационного, а солидно-исторического) обсуждения. Мы только зафиксируем эту вписанность и обратимся к поздним, уже не советским, статьям данного автора.

В 1999 году в трех подряд номерах газеты «Московский комсомолец» М.Стуруа, давно проживающий в США, выпускает три статьи (а точнее, сериал из трех статей на одну тему). Статьи выходят: 23 августа 1999 года («Банкиры, бандиты и… князь»), 24 августа 1999 года («Банкиры, бандиты и послы»), 25 августа 1999 года («Финансистки из Ленинграда»).

Это скандальные публикации. И по теме, и по интонации. Советский же конек М.Стуруа ничего общего не имеет с такой скандалистикой. Можно, конечно, сказать: «Времена меняются. Канонические таланты Стуруа-журналиста никому не нужны. Люди корректируют темы и интонации в соответствии с запросом времени».

Все верно. И все не до конца верно. Доказывать, что не до конца верно, я не буду. Начнешь доказывать — утонешь в деталях. Каждый, кто прочитает статьи, сам в этом убедится. Другое дело, что наша аналитика не хочет читать статьи девятилетней давности. Не считает это необходимым. Во многом это для нее технически затруднено (нужны базы, систематизация, какое-то подобие картотеки, чтобы быстро разобраться, специалисты, которые это все делают). Но то, что наша аналитика так не работает, это ее проблема. Как я считаю, ее беда. А она, разумеется, считает иначе. Она считает, что то, что я работаю по-другому, — это, в лучшем случае, моя причуда. Так и живем. Что называется, каждый при своих.

Ну, так вот, о неслучайных статьях Стуруа. В первой статье («Банкиры, бандиты и… князь») М.Стуруа обсуждает действия агентов английской Национальной бригады по борьбе против преступности.

Эти агенты произвели обыск в доме и офисе уже известной нам Л.Эдвардс и ее мужа, господина П.Берлина. Эдвардс обвиняется в управлении из Лондона потоками подозрительных денег, которые отмывались в «Бэнк оф Нью-Йорк», где Эдвардс занимала высокую должность. Берлин обвиняется в управлении деньгами С.Могилевича, которые как раз и отмывает, согласно вышеуказанной гипотезе, госпожа Эдвардс.

Уже в этой статье М.Стуруа фиксирует, что представитель «Бэнк оф Нью-Йорк», подтвердив обыск в Лондоне у госпожи Эдвардс и господина Берлина, отказался подтвердить обыск в нью-йоркском офисе «Бэнк оф Нью-Йорк». А также на квартире другой подозреваемой, тоже уже известной нам госпожи Гурфинкель-Кагаловской.

В следующих статьях Стуруа фиксирует: обыски в Нью-Йорке имели место наряду с обысками в Лондоне. Далее Стуруа (обсуждая обыски, которые проходили не только в офисах, но и на квартирах) говорит о манхеттенской квартире Кагаловского и Гурфинкель — кондоминиуме на 47-й стрит за 796 тысяч долларов. Стуруа выпукло обсуждает детали, согласно которым любой, самый богатый, американец купил бы такую квартиру в рассрочку, а русские сразу выплатили всю сумму.

Далее Стуруа в неявном виде сетует на то, что «Бэнк оф Нью-Йорк» вытеснил другие американские банки из игры на поле русского, очень лакомого, бизнеса. И подчеркивает, что это вытеснение было проведено благодаря особым связям и особым возможностям двух сотрудников «Бэнк оф Нью-Йорк». Стуруа прямо называет этих сотрудников «сотрудниками с абсолютно разными судьбой и родословной» (напомним, что мы выше говорили о том же самом).

Первый из этих сотрудников — Наташа Гурфинкель.

Второй (вновь цитата из Стуруа) — «русский аристократ чистых кровей князь Владимир Голицын».

Стуруа адресует читателя к упомянутой мною выше встрече представителей российской диаспоры США с теперь уже бывшим (а во время встречи — действующим) премьер-министром РФ С. Степашиным в Вашингтоне. Участники — эта самая диаспора, в том числе господин Голицын, который (вновь цитата из Стуруа), *«во-первых, как-никак, князь, а во-вторых, представляет не теневых российских олигархов, а столп американского финансового истеблишмента «Бэнк оф Нью-Йорк»»*. И вновь (теперь просто для задания, так сказать, интонационной специфики) — прямая цитата из Стуруа: *««Бэнк оф Нью-Йорк» фраером никак не назовешь. Но тем не менее жадность его сгубила. Он начал отбивать у своих американских конкурентов российскую клиентуру не вполне джентльменскими методами»*.

Дальше — конкретный пример, в котором эти неджентльменские методы (переманивание Инкомбанка с обещанием покрывать его «шалости») Гурфинкель и Голицын («люди абсолютно разной судьбы») применили в интересах «Бэнк оф Нью-Йорк», обидев банк «Рипаблик Нью-Йорк корпорейшн».

Еще одна интересная деталь данной статьи. Стуруа пишет: *««Бэнк оф Нью-Йорк» упорно отказывается назвать имя человека или людей, которые (внимание! — С.К.) РУКОВОДИЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НАТАШИ И КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА»*. То есть Стуруа подчеркивает, что такие люди (или человек) были. И намекает, что он знает, о ком идет речь.

И наконец, Стуруа обсуждает «горластую и активную Наташу», которая так болела не только за Инкомбанк, но и за свой родной Менатеп. И в результате «заболела».

А в конце он (с понятным и разделяемым мною наслаждением) цитирует Максима Горького, говорившего, что «банкир родит бандита». Правда, из статьи Стуруа получается наоборот.

Если из сказанного это следует недостаточно явно, то предлагаю вчитаться в последующие статьи Стуруа.

Вторая статья («Банкиры, бандиты и послы») посвящена как раз тому человеку, который, по мнению осведомленного Стуруа, руководил Наташей Гурфинкель и князем Владимиром Голицыным. Этот человек — Брюс Раппопорт, родившийся в Хайфе еще до создания государства Израиль.

Далее Стуруа описывает все, кроме главного. Главное же состоит в том, что «деньги Брюса Раппопорта» имеют достаточно очевидный генезис. Они связаны с тем, что указанному военному (сказал бы — «военному разведчику», но нет в этом абсолютной уверенности) удалось завязать в Румынии очень близкие связи с семьей румынского лидера Чаушеску. Видимо, вначале с сыном Чаушеску — Нику.

Румыния — нефтяное государство. Такая связь дорогого стоит.

Никаких инсинуаций по отношению к господину Раппопорту за этой моей фиксацией не стоит. Во всех странах мира нематериальный актив под названием «особое доверие главы государства» имеет высокую материальную ликвидность. То, что Б.Раппопорт сумел завязать такие связи, делает ему честь. Как минимум, говорит о его таланте коммуникатора.

Помимо этой очевидной (и очевидным образом изымаемой из описания М.Стуруа) связи, есть и другие связи (менее очевидные и тоже изымаемые господином Стуруа из его описания).

Например, связь между господином Раппопортом и ныне покойным бывшим директором ЦРУ У.Кейси. Согласитесь, небезынтересная связь. Роль Кейси настолько сложна, что углубляться здесь в ее рассмотрение невозможно. Но и игнорировать такой след нельзя. И я убежден: столь информированный человек, как М.Стуруа, про этот след знает. Но не говорит. Почему? Иногда ведь установить, что именно не сказано, не менее важно, чем проанализировать сказанное.

От не сказанного Стуруа перейдем к сказанному.

Раппопорт давно перебрался из Израиля в Швейцарию, разместился в Женеве, распространил свою деятельность на Оман, Либерию, Нигерию, Гаити, Таиланд, Индонезию, Бельгию, США… А в последние годы — на РФ. Распространял ли Раппопорт эту деятельность на СССР, Стуруа не говорит.

Раппопорт в 1966 году основал в Женеве свой банк «Интер-Маритайм».

Раппопорт (внимание!) в 80-х годах стал одним из крупнейших частных акционеров американского «Бэнк оф Нью-Йорк». Ему принадлежало 8 % акций в этой финансовой структуре, относящейся к разряду «паблик». Для разряда «паблик», где акционерные доли иногда определяются сотыми долями процента, 8 % — это действительно колоссальный пакет.

Раппопорт, пользуясь этим пакетом, убедил председателя Совета директоров «Бэнк оф Нью-Йорк» К.Беккета купить значительный пакет акций его банка. «Бэнк оф Нью-Йорк» купил 28 % акций банка «Интер-Маритайм», принадлежавшего Раппопорту. Банк Раппопрота в результате приобрел название «Бэнк оф Нью-Йорк — Интер-Маритайм».

В 1997 году Минюст США возбудил уголовное дело против Раппопорта, обвинив филиал «Бэнк оф Нью-Йорк — Интер-Маритайм» на острове Антигуа в Карибском море в «помощи в отмывании денег боссов наркобизнеса». Федеральный суд дело прекратил со ссылкой на «отсутствие юрисдикции». Однако правительство США подало на это решение апелляцию в более высокие судебные инстанции.

Раппопорт, как сообщает затем Стуруа, став монополистом на нефтяном рынке Антигуа, легко добился звания посла Антигуа в России.

Далее Стуруа рассуждает об особой роли Антигуа, этой Карибской Швейцарии, ставшей генеральным штабом «черных денег» русской мафии. Лукавство этих рассуждений состоит в том, что остров Антигуа много лет являлся не российской, а именно мировой «прачечной» для денег сомнительного происхождения из всех регионов планеты, включая респектабельные Европу и США.

Но оставим это на совести Стуруа. И попутно восхитимся его компетентностью в вопросе об антигуанских похождениях господина Ходорковского, создавшего в 1994 году интернет-онлайн-банк со штаб-квартирой в Антигуа и осуществлявшего в этом банке функцию директора в течение одной недели.

Что для нас здесь важнее всего, господин Стуруа прямо называет человека, сведшего воедино и впрямь непростой квартет из Голицына, Гурфинкель, Эдвардс, Берлина… Имя этого человека — Брюс Раппопорт. Запомним это имя. А также то, как Стуруа «пишет зуб» на «Бэнк оф Нью-Йорк» от лица других американских банков. А также на С.Могилевича от лица… не буду строить догадки, чьего именно. Кого-то может шокировать лингвема «пишет зуб», но если можно говорить «жадность фраера губит», то и все остальное вполне в рамках жанра.

В последней статье своего «сериала» («Финансистки из Ленинграда») Стуруа подробно и очень смачно расписывает именно петербургский (ленинградский) след в деле «Бэнк оф Нью-Йорк». Это очень интересно, но для обсуждаемой темы немного избыточно. Тем более, что мы уже чуть коснулись этого вопроса.

А теперь давайте что-то подытожим. Для этого вернемся к нашим рисункам.

Мы уже говорили о борьбе сил вокруг истории с «Тремя китами». И мы более или менее (где — по официальной информации, а где — по прямым заявлениям участников) зафиксировали расклад в пределах этой борьбы. Теперь надо его внятно отрисовать (рис. 66).

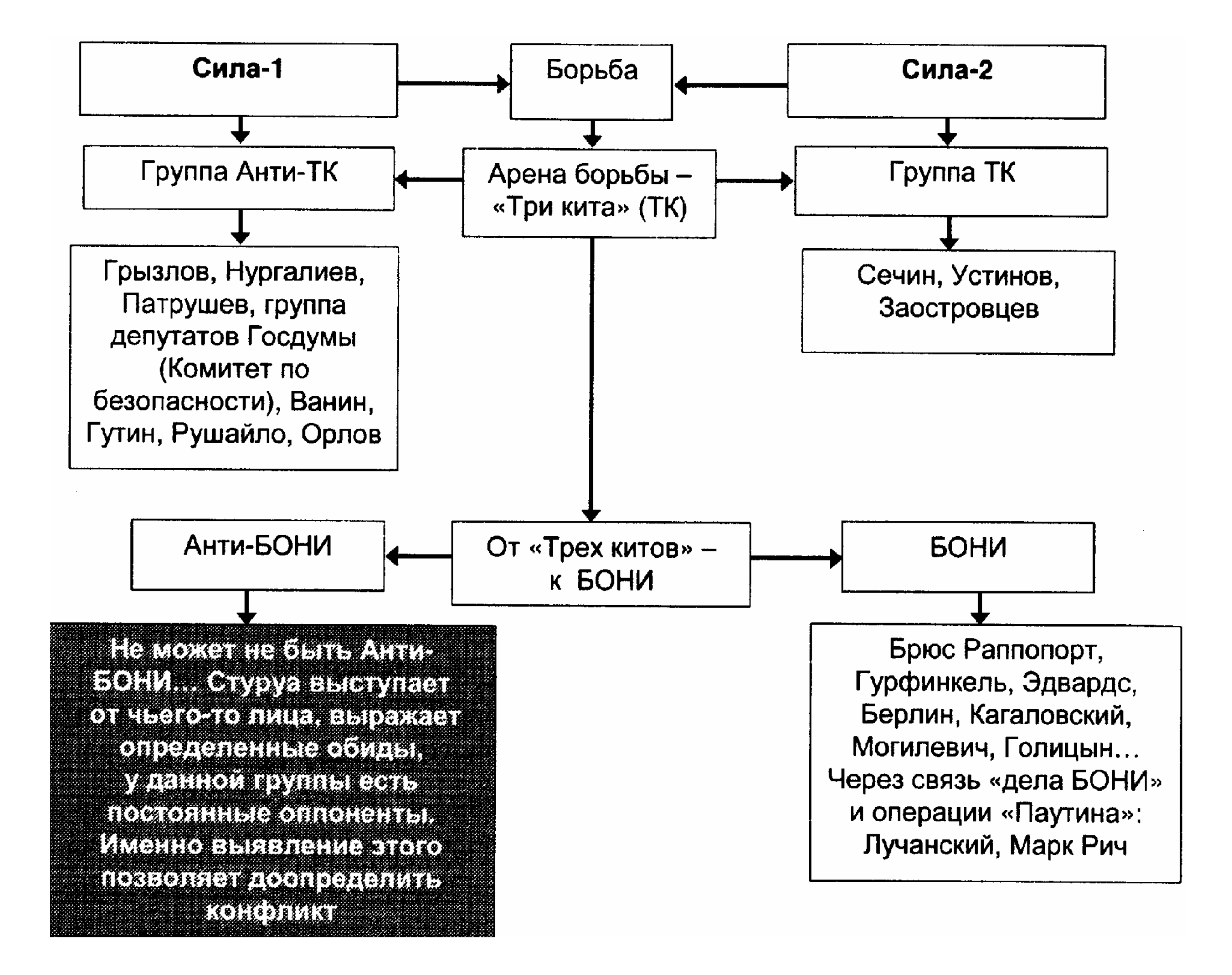

Рис. 66

Мне бы не хотелось строить окончательные модели на недостаточной доказательной базе. Но отказываться от построения моделей тоже нельзя. Поэтому я предлагаю читателю свою модель в качестве эскизной зарисовки.

В числе элитно значимых фигур, атакуемых по делам, сопряженным с БОНИ, — такой крупнейший и исторически важный персонаж, как Марк Рич.

М.Рич — фигура из советской эпохи. Он один из наиболее засвеченных международных операторов, взаимодействовавших с СССР. Примерно таким же оператором был знаменитый А.Хаммер. Конечно, М.Рич вступил в игру гораздо позднее и является исторически менее знаменитой фигурой. Но зато он все еще в игре. И уж точно был в ней на рассматриваемый нами момент. На чьей же стороне он играл?

Кто только ни просил о помиловании М. Рича, наказанного еще Р. Рейганом за финансовые (а на самом деле, конечно, политические) прегрешения! Но факт остается фактом: рискованное дело помилования М. Рича взял на себя именно президент США Б.Клинтон, осуществивший это весьма серьезное (и еще раз подчеркну — небезыздержечное) деяние буквально в последний день второго срока своего президентства.

Из сказанного в принципе нельзя делать вывод, согласно которому М.Рич — это одно из слагаемых в системе, связывающей российскую элиту с элитой Клинтона. Но и пренебрегать подобным фактом было бы по меньшей мере странно. Скорее, надо признать такой факт одной из тонких нитей, из которых должна сплестись ткань нашей элитной истории.

Другая, столь же тонкая нить — это, говоря языком метафор, некая «прописка» М.Рича уже не в американской, а в советской элите. М.Рича прочно связывали с так называемой группой Н.Патоличева. В данном случае речь идет о факте, который не слишком широко обсуждался, но вряд ли может подвергаться сомнению.

В свою очередь, Н.Патоличев — очень известный представитель советской элиты с отчетливо выраженной позицией. Он всегда бескомпромиссно воевал с группой Л.Берии и с любыми, сколь угодно расширительными проявлениями того, что он и его сподвижники называли «бериевщиной». Они использовали и более жесткие выражения, но я не хочу окрашивать элитную игру в неподобающие ей народно-фольклорные цвета. В любом случае, у того, что олицетворяет собой М.Стуруа (а он в значительно степени представляет собой, условно говоря, пробериевский сегмент советской элиты), были основания для претензий к так называемому «патоличевскому клану», который некоторые историки, занятые советской элитой, называют еще кланом (или «внутренней партией») С.Буденного.

В данной книге я не могу позволить себе подробное обсуждение трагических перипетий этого «долгоиграющего» межкланового конфликта, порожденного, конечно, авторитарными интересами самого И.Сталина, но ставшего одной из мин, подложенных под здание СССР.

Было бы большим упрощением называть этот конфликт конфликтом «внутренней русской партии» и «внутренней кавказской партии», как это делают некоторые аналитики. Достойное изучение конфигурации этого конфликта, да и истории советской элиты вообще, — невыполненный долг исторической науки. И я надеюсь когда-нибудь внести свою скромную лепту в выполнение подобного долга, избегая любой предвзятости и никоим образом не становясь здесь на чью-то сторону. Еще раз подчеркиваю, что маркировка данного конфликта этническими определителями является большим упрощением. И все-таки мне придется пользоваться этим упрощением для того, чтобы внести ясность в свою эскизную зарисовку, которую я не хочу называть моделью, но которую я обязан предъявить.

Построение этой зарисовки я осуществляю на основе теории ролевых матриц. Согласно этой теории, некоторые роли передаются от одного конкретного персонажа к другому, иногда помимо воли данных персонажей. Роль (или, как ее называют, ролевая маска) оказывается важнее персонажа с его — иногда вполне конкретными и далеко не элитными — заботами и пристрастиями.

Условная «русская партия» при Ельцине (в который раз подчеркиваю, условная) всегда отождествлялась с Коржаковым, Егоровым и другими персонажами, существенно опирающимися на так называемый «южно-русский» элитный фокус. Замыкать «партию» в пределах южной России абсолютно недопустимо. Но столь же недопустимо игнорировать ее существенную обусловленность данным фактором.

По наследству этот ролевой фактор оказался передан анализируемой нами группе с разной степенью привязанности к южной России. В принципе здесь важна не южнорусская привязка сама по себе, а эта чуть ли не мистическая эстафета, при которой ролевые маски начинают прилипать к лицам помимо воли их носителей.

Ролевая маска А.Коржакова прилипла к лицу И.Сечина совершенно помимо воли последнего. И при огромном расхождении между личными характеристиками двух рассматриваемых нами ярких представителей постсоветской элиты. Сечин — гуманитарий с определенной профессиональной спецификой и богатым административным опытом. Коржаков — человек с другим опытом и другой профессиональной (в том числе и узкопрофессиональной) спецификой. Но маскам наплевать на индивидуумы. Они прилипают к индивидуумам помимо их воли. Огромная энергия элитных конфликтов притягивается к определенным персонажам. Мечущиеся элиты ищут выразителей своих, иногда плохо оформленных, сырых и размытых пристрастий и интересов.

Раз за разом возникает эта самая «внутренняя русская элитная партия» постсоветского розлива, наследующая определенные черты советских внутренних партий. Люди уходят со сцены. Иногда (яркий пример — уже рассмотренный нами Н.Егоров) умирают в самый острый момент. Роли остаются.

Если сплетение ролевых нитей способно создать очень зыбкий и неоднозначный сюжет, то речь идет о чем-то сходном, но гораздо более сложном и тонком, нежели описанная мною эскизная зарисовка.

НО ЧТО-ТО В ЭТОМ ЕСТЬ. И ИМЕННО ЭТО «ЧТО-ТО» ДИКТУЕТ МНЕ БЛУЖДАНИЕ В НЕОДНОЗНАЧНЫХ СЮЖЕТАХ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ЭЛИТНОЙ БОРЬБЫ. ИБО В ЭТИХ БЛУЖДАНИЯХ МОЖНО КАК-ТО СОПРИКОСНУТЬСЯ С ТАЙНОЙ ТРАГИЧЕСКОГО РАСПАДА НАШЕГО ВЕЛИКОГО ГОСУДАРСТВА. А ТАКЖЕ КАК-ТО ПОВЛИЯТЬ НА ТО, ЧТОБЫ В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ НЕ ПРОИЗОШЕЛ ПОДОБНЫЙ ЖЕ И УЖЕ НЕОБРАТИМЫЙ РАСПАД ТОГО, ЧТО ИМЕНУЕТСЯ — РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ.

Ради чего еще обсуждать сюжеты с мебелью и даже неизмеримо более серьезными вещами?

Жизнь исключает прямые повторы. Но вместо того, чтобы надрывно кричать о чьей-то там криминальности, давайте вдумаемся во все это. И постараемся, набрав необходимый (абсолютно некомпрометационный) потенциал знания, прежде всего понять этот мир. Мир закрытых структур и непрозрачных конфликтов. Понять — это программа-минимум. А может быть, поняв, можно как-то хоть на что-то воздействовать?

В любом случае, наберемся терпения и постараемся проследить интересующий нас «долгоживущий» конфликт. Ведь он никак не исчерпывается самой отставкой Устинова. Не так ли?

Глава 17. «Ах, отставка!.. Ох, назначение!»

В момент отставки В.Устинова вся наша «верхушечная субстанция», управляемая страхом и лизоблюдством, готова была растоптать нового неудачника. И сладострастно ожидала развития процесса по схеме под названием «эскалация».

В рамках этой схемы должен был пострадать не только Устинов, должны были быть сняты и другие фигуранты. Причем по известной (уже сказал, что «эскалационной») схеме, при которой не только расширяется круг «пострадавших», но соответствующие репрессии затрагивают лиц все более высокого «властного статуса». То есть эскалационная схема должна была вовлечь в процесс всех тех, кого мы уже обсудили выше. Включая, разумеется, родственника Владимира Васильевича — Игоря Ивановича Сечина.

Поскольку этого не произошло, то сознание, способное осваивать происходящее если не с помощью понятийного аппарата, то с помощью того, что называется «идеализациями», должно выдвинуть объяснение.

Эскалация — одна из таких идеализации, то есть обобщающих схем. Поскольку эта схема не реализовалась, а какая-то схема должна быть реализована, то нужно искать другую схему, не так ли? Однако мое утверждение носит аксиоматический характер только для такого сознания, в котором она — определенная аксиоматика — имеется.

Согласно такой аксиоматике, частное есть проявление общего. И любое частное требует попытки выйти на что-то общее и с помощью этого выхода объяснить другие частности.

Итак, есть некая частная ситуация, которую мы хотим осмыслить (например, отставка Устинова).

Что значит осмыслить? Это значит найти путь между частным и общим (осуществить схематизацию, классификацию или даже построить модель).

Выйдя на общее, можно с помощью этого выхода осмыслить ряд других частных ситуаций.

Осмыслив же эти новые частные ситуации, можно иначе понять основную частную ситуацию, с которой мы начали. И, в свою очередь, распространить это понимание на какой-то класс сходных частных ситуаций.

Это только кажется, что подобный тип работы с ситуациями является общепринятым, обязательным. Он обязателен только для определенного мышления, в котором есть понятие «общее». А также связь между общим и частным. Этот тип мышления должен быть способен к какой-то абстракции. И он должен считать такую абстракцию не только допустимой, но и желательной.

Мы можем назвать такой тип мышления научным. И считать, что в последние столетия (а кто-то скажет — тысячелетия), как минимум, Запад (а кто-то скажет, что и весь мир) шел в сторону победы такого типа мышления. Называя этот тип мышления по-разному. Рациональным… Теоретическим… Абстрактным… Понятийным…

Наряду с этим типом мышления, всегда существовали другие. Например, магический, мифический. Есть специалисты, которые выделяют и более ранние типы мышления.

Отказ от абстрактного мышления может осуществляться двумя способами. Восходящим — когда мышление становится синтетическим, преодолевая таким образом противоречия между частным и общим. Или нисходящим — когда мышление пытается уйти от обязательности обобщения.

Но куда уйти-то? Это только кажется, что можно уйти в так называемое «бытовое мышление», которое просто ничего не обобщает. На первый взгляд может показаться, что наше думающее сообщество просто «обытовляется». Однако это иллюзия. Человек не может отказаться от объясняющих схем. Просто он вместо моделей и рациональных схематизации схватится за мифы, за магические формы обобщения. А то и за что-нибудь еще более иррациональное.

Потому что регресс — он и есть регресс. Нисхождение в плане форм объяснения происходящего, отказ от рационального понимания происходящего обязательно будет возрождать к жизни другие, более ранние и примитивные, формы объяснения. Например, ту же «теорию заговора». И пока ваш покорный слуга будет следить за фактами и деталями, кто-то скажет: «Да что следить-то! Какой-нибудь вашингтонский обком… Позвонили — сняли… Позвонили — назначили…» Или скажут: «Занесли кейс с «бабками»… Сначала одни, потом другие…» Это уже магическая форма объяснения происходящего.

Но если мы не будем бороться с этими формами (а бороться можно, только объясняя, не так ли?), то мы капитулируем перед регрессом. В частности, перед тем, который охватывает мыслящие слои нашего общества. И тут нельзя говорить «мы». Тут надо говорить «я». Ты капитулируешь или нет?

И неважно, почему ты капитулируешь — боишься, пасуешь, кривишься от отвращения, не можешь тратить столько времени на слежение за деталями. Капитулировав, ты попадаешь в другой разряд. А потому все, что мы делаем, это не изыск, а отказ от капитуляции. То есть от регресса. И даже слежение за разворачивающимися формами регресса — это тоже отказ от капитуляции. Потому что, пока мы следим, мы освобождаемся. Повторюсь: свобода — это познанная необходимость.

Возникает, конечно, еще один вопрос. Не наделяем ли мы смыслом бессмысленное? Не присваиваем ли окружающему ту разумность, которой в нем нет? Пусть каждый, кто наберется мужества для того, чтобы продолжить чтение, решит по результату этого самого чтения. В конце концов, я не абсолютизирую свою схематизацию. Я предлагаю ее в качестве возможной. Я выдвигаю ее в качестве гипотетической. А дальше я буду подтверждать свою гипотезу.

Итак, предположим, что мы признаем необходимость (императивность) какой-то схематизации. Предположим также, что мы отказываемся от схематизации № 1 («Эскалация»). Поскольку мы отказались от нее изначально (и каждый, кому это интересно, может это проверить по нашим докладам, сделанным по горячим следам событий), то нам не надо даже предпринимать усилия для того, чтобы перечеркнуть схему № 1.

Но предположим, что кто-то за нее «цеплялся». И что? Жизнь очень быстро опровергла эту схему. Казалось бы, нужна другая. А возможна ли она? В том-то и дело, что возможна. Ее-то я и предлагаю к рассмотрению (рис. 67).

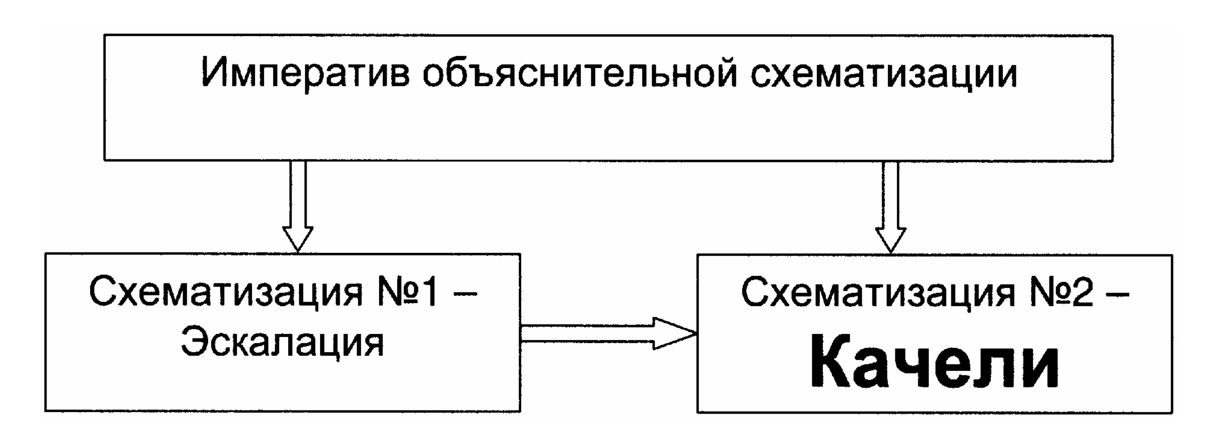

Рис. 67

Именно такая схематизация вынесена в название книги.

Согласно этой схематизации, маятник, дойдя до какой-то точки, начнет движение в противоположную сторону. В политике это, кстати, бывает нечасто. Посадив в «Матросскую тишину» членов ГКЧП, Ельцин не стал на следующий день (или месяц) восстанавливать кого-то из них в правах. Качели — это принцип, который действует только при определенном устройстве политических и социальных систем.

Кто-то назовет этот принцип византийским или неовизантийским. И начнет рассуждать о царях, которые отправляли бояр в опалу, а потом возвращали из опалы. Но обращение к историческим прецедентам всегда условно. В одну и ту же воду нельзя войти дважды. Есть какие-то общие закономерности, которые в определенных ситуациях (речь идет об очень узком классе ситуаций — ниже мы обсудим, каком именно) воспроизводят одни и те же алгоритмы в весьма непохожих исторических обстоятельствах.

Президент В.Путин — не царь и не базилевс. Он живет в XXI веке, руководит непростой и достаточно открытой страной в условиях глобализации. У него свои мотивы для того, чтобы использовать схему «качели». Эти мотивы, в любом случае, носят политический характер и обусловлены характером политического процесса, а не причудами высокой фигуры. Руководствовался бы властитель причудами в XXI веке, он провластвовал бы две-три недели, не более.

Ну, так и давайте всматриваться в ткань реальных событий, а не проводить аналогии между Владимиром Путиным и Алексеем Комнином или Иваном IV. Тем более, что желающих проводить такие аналогии слишком много. И это, опять же, знаменательно. Объяснять нужно. Аутентичной схемы нет. Берется прецедент, «натягивается» на ситуацию… А дальше опять оказывается, что все не так. И мышление начинает цепляться за очередную неаутентичную и иррациональную схему.

Ну, так что же произошло в действительности?

Произошедшее можно представить в виде следующих друг за другом (и часто противоречащих друг другу) фаз.

Итак, с поста Генерального прокурора В.Устинов был снят 2 июня 2006 года.

Менее чем через две недели — 14 июня — был арестован ряд фигурантов по делу мебельной фирмы «Три кита». Практически сразу после этих арестов в СМИ развернулась беспрецедентная по масштабам информационная кампания, главной целью которой являлась демонстрация коррупционной составляющей «трехкитового бизнеса». В рамках этой кампании порой намеками, а то и совершенно открыто обсуждались связи арестованных фигурантов дела «Трех китов» с бывшим Генпрокурором В.Устиновым и его группой. Неназываемой, но явной инстанцией, к которой адресовались организаторы кампании, был, конечно, президент В.Путин.

Накал информационной кампании и «убийственность» коррупционных аргументов были таковы, что, казалось, должны были повлечь за собой самые тяжелые последствия как для Устинова, так и для его первого заместителя Бирюкова, имя которого непрерывно упоминают в связи с «трехкитовой эпопеей».

Однако, повторю, такой (эскалационный) прогноз не оправдался. А оправдался другой. В рамках которого политическая регуляция основана не на принципе «эскалации», а на принципе этих самых «КАЧЕЛЕЙ».

19 июня 2006 года Путин предложил Совету Федерации кандидатуру министра юстиции Ю.Чайки на пост Генерального прокурора.

23 июня Чайка был утвержден в должности Генпрокурора.

А на освободившееся место министра юстиции был назначен… Владимир Васильевич Устинов!

Произведя подобную «рокировку», Путин продемонстрировал, что лично Устинов по-прежнему является «неподударной» фигурой. Точнее, его «подударность» имеет свои границы. Хотя Устинов и потерял ключевую должность Генерального прокурора, но не лишился до конца путинского доверия. В более практическом смысле это назначение означало, что (по крайней мере пока) никаких правовых последствий для Устинова дело «Трех китов» иметь не будет. И этот президентский «мессидж» судебные органы, курирующие дело «Трех китов», прочитали правильно.

19 июля Басманный суд Москвы отказался удовлетворить жалобы двух основных фигурантов, арестованных по этому делу, — С.Зуева и А.Саенко — на незаконность содержания под стражей. Суд оставил меру пресечения для Зуева и Саенко в силе. Значит, неприкосновенность Устинова в тот момент никоим образом не сопрягалась с судьбой тех второстепенных персонажей, которые находились за радиусом действия «качельного механизма».

Что дальше происходит с этим радиусом и самим механизмом? Это мы можем понять, приглядевшись к следующим фазам процесса.

Глава 18. От «Трех китов» к «китайскому ширпотребу»

В сентябре 2006 года начался следующий этап развития дела «Трех китов». И с этого момента оно приобрело новое качество.

13 сентября газеты и электронные СМИ сообщили о крупной серии отставок среди сотрудников ФСБ, Центральной акцизной и Одинцовской таможен, службы советников административного департамента аппарата Правительства РФ и Управления Администрации

Президента по кадрам и т. д. В общей сложности было уволено 19 госчиновников — все за причастность к различным уголовным делам по контрабанде. В первую очередь, к делу «Трех китов», но и не только.

В списке этих отставленных чиновников, появившемся в «Коммерсанте» и «Новой газете» уже на следующий день, 14 сентября, три имени сразу же оказались в центре внимания. Это три генерала контрразведки, в разные годы возглавлявшие УСБ ФСБ:

— начальник Управления собственной безопасности (УСБ) генерал-лейтенант А.Купряжкин;

— начальник Управления обеспечения деятельности ФСБ генерал-полковник С.Шишин;

— замдиректора Федеральной службы по техническому и экспортному контролю генерал-полковник В.Анисимов.

Управление собственной безопасности — один из крайне значимых департаментов ФСБ, подотчетных только Н.Патрушеву. Степень приближенности к нему этих людей «Новая газета» от 14 сентября оценивает следующим образом: Анисимов, Шишин и Купряжкин, по ее мнению, являлись «ножками стула» директора Службы Безопасности.

Так кто же смог «подпилить стул» под всесильным директором ФСБ? По сообщениям СМИ (например, статья Е.Киселевой, Н. Сергеева и М.Фишмана «Кит и меч» в газете «Коммерсант» от 14 сентября 2006 года), основанием для отставок генералов стала служебная записка руководителя Федеральной Службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) В.Черкесова на имя Путина, в которой было вскрыто участие ряда руководителей спецслужб в различных контрабандных махинациях.

Увольнения генералов, близких к Патрушеву, тут же инициировали обсуждение темы скорой отставки и самого директора ФСБ.

Опять же, сработал объяснительный стереотип эскалации. Сработал — и дал сбой. Жизнь его опровергла. А почему? Потому что не эскалация правит бал, а качели.

В списке 19 уволенных госчиновников была и еще одна значимая фигура — теперь уже не из ФСБ, а из Генпрокуратуры. А именно, начальник Управления по расследованию особо важных дел В.Лысейко, чье имя в устиновский период СМИ увязывали с умышленным «развалом» дела «Трех китов».

Впрочем, не всех уволенных можно связать с «Тремя китами». Так, те же Анисимов, Купряжкин и Шишин были уволены за причастность к совсем другому делу — о так называемой «китайской контрабанде».

Кто бы ни вел «антикоррупционное» наступление на противника, этот «кто-то» (СМИ сразу стали говорить о Черкесове, мы же будем разбираться по ходу событий), включив в список направлений атаки китайскую контрабанду, «недозволительно растянул» фронт войны со своими противниками. Потому что по факту на этом фронте к «группе Сечина-Устинова» добавилась условная «группа Патрушева».

До этого момента, как мы видели, «группа Патрушева» и лично глава ФСБ не предпринимали никаких мер для защиты патронов «Трех китов». Напротив, защищали тех, кто нападал на «трехкитовую группу» и получал за это «в лоб». Того же Зайцева, например.

Обязательно найдутся любители, которые обвинят меня в неоправданном усложнении («левой рукой правое ухо» — так, кажется?). Но я придерживаюсь фактов, и только. И уже указывал на эти факты в своем рассмотрении. Например, на письмо Директора ФСБ Н. Патрушева премьеру М.Касьянову летом 2002 года, в котором он весьма нелицеприятно отзывался о «трехкитовой силе». Я что, выдумал это письмо и его реквизиты (№ 3016-П)? Если оно и выдумано, то, во всяком случае, не мной. Но ведь ясно, что реквизиты невыдуманные, не так ли?

Так что же такое «китайское дело», добавившееся к делу «Трех китов»?

Согласно официальному юридическому определению, уголовное дело № 290724 было возбуждено в апреле 2005 года Следственным комитетом при МВД РФ по факту «широкомасштабной контрабанды товаров народного потребления из КНР».

Нас спросят: как же так? В 2005 году Нургалиев возбуждает дело по факту широкомасштабной контрабанды товаров народного потребления. То есть в рамках предложенной логики никоим образом не поддерживает Патрушева. А ранее говорилось, что он с ним вместе против «Трех китов».

Вопрос этот абсолютно закономерен и очень полезен. Потому что назрел момент, когда нам надо создать концентрат, выжимку из всего, что мы ранее описали. Это называется самопроверкой

или фокусировкой. Без таких аналитических процедур нельзя определить степень репрезентативности наших построений. Где факты?.. Где гипотезы?.. Где вариативная интерпретация неких открытых данных, которые заведомо могут иметь компрометационный или просто недостоверный характер?..

Создание выжимки — это мост, перекидываемый от описательности и рефлексивности к моделированию. Мы обязаны проверять самих себя. Мы обязаны расставлять «весовые коэффициенты» в уже весьма объемном (и не всегда обозримом для читателя) массиве собственных аналитических зарисовок.

Что мы знаем и что предполагаем? Где грань между знанием и вымыслом? Выжимка как интермедия в драме. Нужно как бы представить себе все сразу — и одновременно себя же, через это «все сразу», проверить.

Итак, внимание:

ВЫЖИМКА

Что мы знаем наверняка о том, что касается игровых конфигураций и их динамики? Вот что мы знаем.

Первым зафиксировал свою позицию (условно назовем ее «антитрехкитовой») тогдашний министр внутренних дел Б. Грызлов.

Он сделал это летом 2001 года.

Причем в самой резкой форме. Вот что Б.Грызлов написал в письме на имя Устинова: «Для нейтрализации работы следователей и оперативных сотрудников члены преступного формирования использовали сотрудников центрального аппарата Генеральной прокуратуры. Для прекращения расследования дела, опорочения полученных доказательств с последующим увольнением сотрудников из органов внутренних дел».

Это очень жесткая формулировка.

Вторым зафиксировал свою «антитрехкитовую» позицию Комитет по безопасности Госдумы, который провел слушания по поводу «Трех китов» и «проблематизировал» правомочность прекращения дела по «Трем китам».

Комитет по безопасности Госдумы сделал это в феврале 2002 года.

Третьим зафиксировал свою столь же «антитрехкитовую» позицию директор ФСБ Н.Патрушев.

Он сделал это летом 2002 года.

Подчеркнем, что позиция директора ФСБ Н.Патрушева по делу «Трех китов» зафиксирована лично Н.Патрушевым. Причем Николай Платонович сделал это в форме, фактически исключающей разночтения. Он не спрятался за спину подчиненных, а ЛИЧНО подписал официальное письмо № 3016-П. Письмо было написано летом 2002 года и адресовано тогдашнему премьер-министру М.Касьянову. Текст письма абсолютно внятно выражает позицию Патрушева.

Позиция Нургалиева может быть косвенно оценена по тому, что следователь Зайцев продолжал работать в Следственном комитете при МВД, несмотря на то, что к моменту фактического прихода Нургалиева к руководству МВД (на рубеже 2003–2004 годов) вышеупомянутый следователь имел неприятности по делу «Трех китов».

Если бы Нургалиев не хотел, чтобы Зайцев, к тому моменту уже имевший судимость за превышение полномочий, продолжал работать в его ведомстве, то Зайцев бы и не работал. То, что он оставил в штате своего ведомства столь знаково «антитрехкитовую» фигуру, может свидетельствовать о том, что глава МВД занимал именно «антитрехкитовую» позицию.

Более четких и однозначных свидетельств о позиции Нургалиева у нас не существует.

Такова «антитрехкитовая» конфигурация, которую мы назовем «антитрехкитовой конфигурацией-2002».

А теперь о «протрехкитовой конфигурации-2002».

Позицию «протрехкитовой стороны» несколько раз публично озвучил Генеральный прокурор РФ В.Устинов.

В феврале 2002 года на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ, комментируя конфликт между ГТК и «Тремя китами», Устинов заявил: «Никакого конфликта нет, он искусственно раздут СМИ. Есть заурядное расследование злоупотреблений сотрудников ГТК».

Дальше Устинов повторил свою позицию весной 2002 года на заседании Совета Федерации. Тогда Устинов сказал, что участвовавшие в расследовании дела «Трех китов» сотрудники ГТК Волков и Файзулин «уличены в злоупотреблении», и назвал СМИ и депутатов, которые их защищают, «ангажированными» и «стремящимися увести от уголовной ответственности преступников».

Для того, чтобы выявить другие элементы «протрехкитовой конфигурации-2002», нам придется напомнить о свидетельствах участников событий, ставших достоянием гласности после ареста Зуева летом 2006 года. Мы уже рассматривали эти свидетельства. И потому в напоминании о них нет никакого разрыва связности нашего повествования.

В принципе, к «протрехкитовой конфигурации-2002» все специалисты по данному делу сразу же отнесли и первого заместителя В.Устинова по Генеральной прокуратуре Ю.Бирюкова. Это было как бы общим местом («понятно, что Бирюков»). Но весомыми публичными основаниями стали лишь упоминавшиеся нами свидетельства, сделанные в 2006 году. Напомним, что говорила та же бывшая судья О.Кудешкина летом 2006 года о позиции Бирюкова в интервью «Известиям»:

> «Зайцева обвиняли в том, что в ноябре 2000 года он якобы, не имея достаточных оснований, самостоятельно вынес постановление о проведении обысков у фигурантов дела без санкции прокурора. В ходе заседания обвинитель Дмитрий Шохин всячески противодействовал полному и всестороннему, как этого требует закон, исследованию дела. Дошло до того, что он заявил отводы мне и народным заседателям, а потом и вовсе отказался предоставлять какие-то доказательства».

Причем, по утверждениям Кудешкиной, Шохин написал на нее жалобу в Генпрокуратуру.

Дальнейшие события, по словам все той же Кудешкиной, выглядели так:

> «После этого (жалобы Шохина. — С.К.) меня вызвала председатель Мосгорсуда Ольга Егорова. У нее, кстати, муж — генерал ФСБ. Она спросила: «Что там у вас происходит?» Я рассказала. Она при мне позвонила заместителю Генерального прокурора Юрию Бирюкову и сказала ему буквально следующее: «Вот я сейчас вызвала судью и буду разбираться». Спрашивала, почему мы с народными заседателями задаем такие вопросы. Еще раз вызвала меня прямо из совещательной комнаты, когда заседатели, не выдержав грубости обвинителя, взяли самоотвод. Попросила изъять их объяснения из дела».

Итак, мы можем построить две конфигурации:

— «Протрехкитовую конфигурацию-2002», в которую входят Устинов (просто по факту публично озвученной позиции) и Бирюков (по утверждениям участников событий). Сюда же многочисленные СМИ интегрируют (степень достоверности подобных интеграции — вопрос отдельный) Заостровцева (которому приписывают роль покровителя «трехкитового бизнеса») и Сечина (по факту родства с Устиновым).

— «Антитрехкитовую конфигурацию-2002», в которую очевидным образом входят Грызлов и Патрушев (просто на основании их публично озвученной позиции). Сюда же, пусть и с оговорками, можно отнести Нургалиева, который не «вычистил» из Следственного комитета при МВД «антитрехкитового» следователя Зайцева.

Для заурядного «мебельного» дела это совсем не мало.

Что значит «это совсем не мало»? Что я имею в виду под «этим»? И почему «совсем не мало»? Под «этим» я имею в виду прежде всего достоверные озвученные позиции высоких должностных лиц. В событиях вокруг дела могут участвовать очень высокие должностные лица, которые при этом не только не выскажутся, но будут пожимать плечами и спрашивать: «А почему, собственно говоря, вы считаете, что мы как-то с этим соотносимся?» И надо будет по косвенным признакам реконструировать участие этих лиц в событиях. ТУТ НИЧЕГО НЕ НАДО РЕКОНСТРУИРОВАТЬ. Устинов высказался. Патрушев и Грызлов тоже высказались. И ЭТО СОСТАВЛЯЕТ ЯДРО, вокруг которого можно осуществлять аналитическую реконструкцию. Как минимум, мы видим тут «про-» и «антитрехкитовую» группы. И обе высказались.

В мировой истории элитных конфликтов это бывает не часто. Элитологи, описывающие элитные конфликты, могут не иметь ни одного прямого высказывания и при этом описывать конфликт. У нас высказывания есть. Грызлова, Патрушева, Устинова. Кого еще?

Четвертым зафиксировал свою позицию сам президент Путин.

Как мы помним, первый раз он высказался на расширенной коллегии Генеральной прокуратуры РФ в феврале 2002 года. Напомним, что на той же коллегии высказался и Устинов, чье высказывание мы привели выше. Что же сказал президент Путин? Он сказал следующее: *«У меня нет объективной информации по делу. Поэтому я распорядился вызвать из прокуратуры Ленинградской области стороннего следователя, который должен во всем разобраться».*

Задним числом понятно, что имелся в виду знаменитый не менее, чем П.Зайцев, следователь Ленинградской прокуратуры В. Лоскутов. Тем самым Путин уже в 2002 году сказал очень много.

Но еще больше он сказал в июне 2006 года на пресс-конференции после саммита ШОС. Там он сказал журналистам, что привлеченные им из Ленинградской области следователи (то есть группа Лоскутова) «написали целые тома… Поработали…».

То есть Путин — высшее должностное лицо страны — не пожал плечами по поводу какого-то «мебельного» дела, которое должно расследовать в лучшем случае среднее звено Генпрокуратуры и МВД. Он сказал, что лично этим делом занялся, привлек людей, не вовлеченных в некий «московский элитный процесс». И что люди поработали. Не вообще поработали, а по его поручению.

Если бы президент Путин и другие высокие должностные лица хотели, чтобы я, как рядовой гражданин страны, не знал о рассматриваемых сюжетах, они не стали бы высказываться. Причем так, чтобы это стало достоянием широкой общественности. Но они стали так высказываться. А значит, они санкционировали обсуждение темы. Они заявили, что это обсуждение необходимо. Но тогда — надо обсуждать!

Я ЕЩЕ РАЗ ХОЧУ ПОДЧЕРКНУТЬ, ЧТО ПОДОБНЫЙ ОБЪЕМ ПРЯМЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О ЧЕМ-ТО, ЧТО КАСАЕТСЯ РАССМАТРИВАЕМОГО ЭЛИТНОГО КОНФЛИКТА, БЕСПРЕЦЕДЕНТНО ВЫСОК. ЧТО ЭТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ — НЕ АНАЛИТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ, А ФАКТЫ (ФАКТЫ ВЫСКАЗЫВАНИЙ). ЧТО ЭЛИТОЛОГИЯ ИНОГДА НА 100 % БАЗИРУЕТСЯ НА РЕКОНСТРУКЦИЯХ. НО ТУТ МОЖНО БАЗИРОВАТЬСЯ НЕ НА РЕКОНСТРУКЦИЯХ И ДОБАВЛЯТЬ РЕКОНСТРУКЦИИ К ФАКТАМ ВЫСКАЗЫВАНИЙ.

А реконструкции, конечно, надо добавлять. Никакая открытая элитология не может существовать без этих добавлений.

Давайте рассмотрим их одно за другим, отделив высказавшихся от тех, по чьему поводу высказывались другие.

Пятым высказался директор ФСКН В.Черкесов.

Он сделал это в октябре 2007 года в статье «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев». В этой статье он не только социальной теорией занимается («воины», «торговцы»). Он высказывается по существу конкретных дел. Цитирую статью Черкесова: *«Чем еще, если не попыткой скомпрометировать доказательства, собранные по делу о «Трех китах», объяснить факт производства обыска в квартире следователя, единственным служебным занятием которого в последние несколько лет было участие в работе бригады Генеральной прокуратуры России под руководством В.Лоскутова?… Почему арестованные сотрудники наркоконтроля сгруппированы из числа тех, кто на законном основании, по поручениям Генеральной прокуратуры участвовал в расследовании резонансных уголовных дел о так называемых «Трех китах» и «китайской» контрабанде?»*

А теперь о тех, кто не высказался. Почему о них вообще можно говорить? Разве заместитель главы кремлевской администрации И.Сечин высказывался о своем участии в событиях? Нет, он не высказывался! Но по этому поводу высказалось слишком много журналистов. Не я, а масса людей. Не в вопросительной, как я, а в утвердительной интонации.

Можно сказать: и все они дезинформируют. Я не могу исключить этого. Не имею права этого исключить. Но, даже если они все дезинформируют, уже сложился миф о Сечине. И этот миф, как крупный астероид, попадает в гравитационное тело основных высказываний. Миф не реальность, но он и не сплетня. Это образ, смысловой комплекс, который все равно надо рассматривать, даже если он не отвечает реальности. Отвечает или не отвечает — информационной войне все равно. А значит, и игре тоже.

То же самое относится и к заместителю директора ФСО, главе охраны президента РФ В.Золотову. Он нигде не высказывался и не мог высказываться по этому поводу публично. Но сказано по его поводу уже невероятно много. Это и называется миф. Не сплетня, а информационно-смысловой комплекс. Не рассматривать этот комплекс, ссылаясь на возможную недостоверность

массы высказываний, нельзя. Высказывания могут оказаться недостоверными, и мы должны предположить такую возможность. Но есть миф. И есть обязанность элитологии исследовать миф в рамках герменевтики информационной войны и теории игры.

Министр внутренних дел Р.Нургалиев тоже никогда публично не высказывался по поводу данных событий. Но «за него» высказались многие. И логика событий состояла в том, что он не мог в них не участвовать. При таком основном «гравитационном комплексе», состоящем из непосредственных высказываний высоких лиц, при таком количестве сплетен, суждений, утверждений, восклицаний и прочего Нургалиев, у которого работал Зайцев и под началом которого находится Следственный комитет при МВД, не мог не находиться в каких-то соотношениях с событиями. В тех или иных.

Любая элитология оперирует подобной разнокачественной совокупностью — прямыми высказываниями и косвенными мифами, логикой социального и административного поведения, элитным генезисом и много еще чем.

А вот теперь о том, как она оперирует, и в чем ее отличие от самой высококачественной журналистики — статей Б.Вудворда или С.Херша, например. И Вудворд, и Херш будут добиваться того, чтобы написанное ими воспринималась как абсолютная и несомненная достоверность. «Такого-то числа произошло то-то» и так далее. Действительно, произошло.

Элитология занимает совершенно другую позицию. Она лишь говорит, что в зеркале элитной игры отражение выглядит так. Что это размытое, диффузное отражение, осложненное деформациями и частными неточностями. Но что это ВСЕ-ТАКИ ОТРАЖЕНИЕ. Причем отражение чего-то важного, выходящего за рамки отдельных конкретных событий.

Самой высококачественной журналистике, и уж тем более ее «желтому двойнику», нужно кого-то пригвоздить к позорному столбу, а кого-то воспеть. Нельзя за это осудить журналиста: это его профессия. НО ЭЛИТОЛОГ НИКОГДА ЭТОГО ДЕЛАТЬ НЕ БУДЕТ.

Он никогда не будет оперировать понятиями «крышует», «рэкетирует», «пользуется». Ему, во-первых, безразличен моральный облик всех без исключения акторов, которые он рассматривает. Ему, во-вторых, понятно, что В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ РЕЧЬ ИДЕТ НЕ О БАНАЛЬНОСТЯХ ПОДОБНОГО ТИПА, А ОБ ИГРЕ, ПРИЧЕМ ИГРЕ СОВЕРШЕННО ДРУГИХ МАСШТАБОВ. Ему, в-третьих, понятно, что большая игра может придавать простейшим и очевиднейшим действиям совершенно иные смыслы, никак не зависящие от воли участников.

Следователь может выявлять какие-то конкретные частные аномалии и быть при этом честнее и бескорыстнее Франциска Ассизского. А задетая им аномалия может оказаться одной из фишек домино, на другом конце которого «Триада», или Медельинский картель, или что-нибудь покрупнее. И что? Следователь становится от этого менее честен? Или можно сказать, что его «разыграли втемную»? Да он конкретным своим делом занят! Он ради этого учился, шел по служебной лестнице. У него какие-то идеалы есть. А также профессиональные обязанности. Что ему эта самая элитная игра? Пусть в нее играет семейство Морганов или князь Боргезе.

Позиционирование по отношению к событиям — буде оно является фактом или мифом — никак не связано с участием кого-то в чем-то нехорошем. Пусть этим «участием в нехорошем» и занимается следователь или суд, а не элитолог. Пусть Вудворд старается из последних сил ради «Уотергейта», а Херш ради снятия американских высоких должностных лиц. Это их профессия.

Элитолог видит фигуры на шахматной доске, оценивает ходы, а не раздает оценки направо и налево. Для элитологии все названные имена, во-первых, вообще по ту сторону добра и зла. А во-вторых (как по причине названной потусторонненсти, так и из этических соображений), ЗАВЕДОМО НЕ ИМЕЮТ НИЧЕГО ОБЩЕГО С РАЗНОГО РОДА МУТЬЮ, ИМЕНУЕМОЙ В ПРОСТОРЕЧИИ «ПРОТИВОПРАВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ».

Фигуры в игре не могут не быть стерильными для элитолога. Иначе он не элитолог. Если элитолог рассматривает какую-то статью, в которой надрывно говорится о высокопоставленных прегрешениях, то он только констатирует, что кому-то надо сделать ход под названием «высокопоставленные прегрешения». Он не отождествляет ход с прегрешениями как таковыми. А чтобы не отождествлять, он должен просто вычесть из рассмотрения саму возможность этих прегрешений. И сказать: «Это для нас неинтересно. НЕИНТЕРЕСНО! А значит, этого нет».

В противном случае мы создадим гибрид из «желтой» журналистики, вудвордовских или хершевских прозрений, сайтов «Компромат. ру» и много чего еще. Выметать надо этот мусор «желтизны» («крышуют», «пилят», «рыльце в пушку»). Метла элитологии аккуратно убирает мусор,

и возникает это самое гладкое и беспощадное игровое зеркало. Но метла не игнорирует мусор — она сметает его в тигль. А там он переплавляется, превращаясь в игровые рефлексии.

На гладком игровом зеркале отражены фигуры и композиции. Одна из них — конфигурация в составе «Патрушев-Грызлов-Нургалиев(?)» ПРОТИВ конфигурации «Устинов-Бирюков-Сечин(?)».

Эта диспозиция основана на фактах и мифах 2001–2002 годов.

У нас нет никаких оснований считать, что эта диспозиция была изменена в 2002, 2003, 2004 годах.

А в 2005 году Следственный комитет при МВД (не Госнаркоконтроль, а СК при МВД) атаковал «китайскую контрабанду». Совершенно очевидно, что СК при МВД не может атаковать контрабандные потоки без санкции (устной или письменной) министра Нургалиева. Тем более, что, как будет показано ниже, рассмотрение этих контрабандных потоков затрагивает определенных лиц в ФСБ.

Повторяю, в этот период никто не говорил о том, что за спиной этой атаки стоит Госнаркоконтроль. Разговор на эту тему начался в сентябре 2006 года в связи с отставкой ряда генералов ФСБ.

Тут придется забежать вперед… Вполне допустимый прием, если нужна выжимка… Да и забегание-то наше не столь велико. И сводится оно к тому, что удар по «китайской контрабанде» — это удар по ФСБ. По конкретным ответственным работникам этого ведомства. Позже мы разберем это подробнее. А сейчас надо только установить, что удар по таким работникам не мог не быть в каком-то смысле и ударом по главе ФСБ Н.Патрушеву.

А раз это такой удар по ФСБ, наносимый МВД, то конфигурация, в которой Патрушев и Нургалиев — по одну сторону (смотри выше), меняется на другую конфигурацию, где Патрушев и Нургалиев по новому эпизоду расходятся. А почему бы им не разойтись? Игровые конфигурации не есть нечто, заданное раз и навсегда. Была конфигурация-2002, возникла конфигурация-2005. Конфигурации не бывают статичными. В противном случае все было бы слишком просто.

Можно спорить о том, что именно «реконфигурировано». Как произошла перегруппировка, при которой конфигурация-2002 сменилась на конфигурацию-2005. Открытых данных по этому поводу нет. И странно было бы, если бы они были. Но аналитическая реконструкция возможна — в виде гипотетических сценариев.

Сценарий № 1. Прямой переход Нургалиева в другую группу. Этот сценарий предполагает, что Нургалиев осознанно вышел из прежней конфигурации и нанес по ней удар. Дав санкцию Следственному комитету на действия против «китайской контрабанды», очевидным образом задевшие ФСБ.

Но есть и **сценарий № 2**. В нем Нургалиев просто не смог противостоять административному давлению вышестоящих инстанций и вынужден был дать санкцию на атаку контрабанды.

Возможен и более радикальный вариант того же сценария. Нургалиев мог вообще не знать о том, что его собственный СК атакует какую-то контрабанду. Сам же этот СК мог получить санкцию от некоей «более вышестоящей», чем Нургалиев, силы. А сам глава МВД узнал обо всем постфактум.

Уже в 2006 году постфактум оказалось, что с определенного момента (с какого — не очень понятно) реальная главная структура, атакующая и группу сторонников «Трех китов», и группу с условным названием «китайская контрабанда», — это ФСКН и ее глава В.Черкесов. Что ему это поручено курировать, и он курирует. Да, это выяснилось постфактум. Но это же состоялось не в момент, когда выяснилось, а раньше. Так что основания для такого гипотетического сценария есть. А все элитологические сценарии заведомо гипотетичны.

Есть и **сценарий № 3**. В рамках этого сценария не Нургалиев вышел из конфигурации, а конфигурация изменилась без участия Нургалиева. И в этом смысле произошло обратное: Нургалиев обнаружил новую конфигурацию и себя в роли лишнего элемента. Тогда он стал действовать, исходя из очень понятной логики: оказаться пассивным лишним — это значит быть съеденным. Одним ты уже не нужен… У них, видите ли, новая конфигурация. А другие числят тебя как участника старой конфигурации. Нет уж, лучше проявить активность. Это какой-то шанс.

Еще раз — все наши сценарии гипотетичны и держатся на аналитической реконструкции. Есть ли элитологические основания для такой реконструкции? Да, есть.

Удар по «китайской контрабанде» произошел в конце марта — начале апреля 2005 года. Уже с момента этого удара у конфигурации-2002 возникли все основания для того, чтобы начать перестройку. Затем эти основания усилились.

2 июня 2006 года президент отправил в отставку Генерального прокурора Устинова. Вскоре начались разговоры о том, что эта отставка обусловлена делом «Трех китов» и позицией Устинова в этом деле.

А затем возникли очевидные симптомы реконфигурирования. Подчеркиваю — очевидные. Реконфигурирование могло начаться раньше. И инициировал его в каком-то смысле тот, кто добавил к удару по «Трем китам» удар по «китайской контрабанде». Но о каком очевидном симптоме я говорю?

В сентябре 2006 года было официально объявлено о том, что сын Н.Патрушева А.Патрушев стал советником председателя совета директоров «Роснефти» И.Сечина.

День в день с этим сообщением (что вполне может быть случайным, но может и не быть случайным) появились объявления об отставках в ФСБ, связанных сразу с делом «Трех китов» и делом о «китайской контрабанде».

Любой элитолог, любой аналитик игры интерпретирует эту совокупность фактов как реконфигурацию, как новый элитный договор Патрушева и Сечина, порожденный атаками СК при МВД (а затем и ФСКН) сразу против «Трех китов» и «китайской контрабанды». Возникли две атаки — ряды атакуемых перестроились.

В любом случае, мы вправе констатировать, что к 2005 году Нургалиев выходит из состояния прочной элитной связности с Патрушевым. Это маркируется атакой СК при МВД на «китайскую контрабанду» и на как бы стоящие за этой контрабандой (или увязанные с ней) элитные силы (олицетворяемые теми генералами ФСБ, которых позднее отправляют в отставку). И при любом сценарии факт такой маркировки отменить нельзя.

Изменилась ли структура отношений между центром сил, который сообщество отождествляет с именем Патрушев, и центром сил, который сообщество отождествляет с именем Сечин, в точности в 2006 году или ранее — установить невозможно. Поскольку открытых фактов (а надо оперировать именно ими) с более ранней датировкой, нежели июнь 2006 года, нет. Но отсутствие фактов, подтверждающих событие, еще не означает отсутствие события. Если смысл события в создании новой конфигурации (а любой аналитик элиты, итальянский, английский, американский или китайский, будет интерпретировать то, что я здесь описал, именно так), то новые конфигурации не создаются за один день.

Повторяю, мы не можем сказать, когда начался отход Патрушева от ранней конфигурации, которую мы назвали «антитрехкитовой» конфигурацией-2002 (Патрушев-Грызлов-Нургалиев(?)), в пользу того, что мы назвали «протрехкитовой» конфигурацией-2002 (Устинов-Бирюков-Сечин (?)). До того, как СК при МВД наносит удар по «китайской контрабанде» и ФСБ, или позже. Если до того — то Патрушев меняет игровой вектор, а Нургалиев на это реагирует. Если позже, то игровой вектор меняет Нургалиев.

В любом случае, игровая рефлексия на происходящее находится в описанных нами рамках. Вновь подчеркнем, что эта рефлексия абсолютно необязательно должна быть строго адекватна реальному ходу событий. Но одновременно подчеркнем, что игровая рефлексия функционирует автономно от реальности. И ее предъявление необходимо для того, чтобы ориентироваться в тех реконструкциях, которые неизбежно будут проводить самые разные, отнюдь не только отечественные, элитные группы. Оказывающие самое разное влияние на многие факторы, которые косвенно могут воздействовать и на первичную реальность.

МЫ ЗАВЕРШИЛИ ВЫЖИМКУ.

А завершив (и убедившись в наличии непротиворечивой конструкции), можем вернуться к пресловутой «китайской контрабанде».

Масштабы этой контрабанды, казалось бы, огромны: по делу были арестованы 400 вагонов с 68 тысячами пар «семейных» трусов и почти миллионом пар обуви.

Ну, предположим, что трусы стоили по пять долларов штука. А пара обуви — пятьдесят долларов (сознательно завышаю цены). Тогда масштаб сделки… ну, предположим, 60 миллионов долларов… С точки зрения большой политики (да и большого бизнеса тоже) — это мизер. Тогда в чем же дело?

По опубликованным в СМИ официальным материалам следствия, из Китая контрабандный маршрут по территории России пролегал сначала морем через Находку (порт «Восточный»), а затем

железной дорогой китайский ширпотреб отправлялся в Наро-Фоминский район Московской области (станция Бекасово-Сортировочная).

Следствие идет дальше — и немедленно наталкивается на противодействие. На прямое противодействие? Видимо, оно невозможно. Но это не значит, что невозможны другие, косвенные, формы противодействия. Пока Следственный комитет при МВД «наезжает» на китайские трусы и обувь, Центральная оперативная таможня возбуждает другое дело по тому же самому факту.

Может быть, она хочет помочь СК при МВД? Как же, как же! Таможня возбуждает свое уголовное дело и хочет, возбудив его, сразу изъять улики. То есть эти самые трусы и кроссовки. А СК при МВД не может этого допустить. Потому что если нет улик, то нет дела. Кроме того, на языке бизнеса изъятие улик в данной ситуации означает просто то, что товар, на который наложил лапу СК при МВД, хочет отобрать другой интересант.

Один изящный игровой ход в виде параллельного дела — и весь нелегальный товар за счет простейшей «юридической закавыки» оказывается подотчетен уже не милицейским следователям, а таможне. То есть ведомству, которое может оказаться союзником милицейских следователей, а может оказаться их конкурентом или даже противником.

И всегда в таких случаях встает вопрос — «с чего это вдруг»? Союзникам такие параллельные мероприятия по определению не нужны. Они могут быть нужны либо «чиновным отморозкам» (которые, воспользовавшись ситуацией, хотят… ну, попросту украсть трусы и кроссовки. Однако это «странные» отморозки, учитывая масштаб дела и уровень включенных фигур), либо…

Либо, если гипотеза об отморозках отбрасывается, такие «параллельные мероприятия» могут быть нужны не союзникам, не отморозкам, а противникам. И тогда таможня — это инструмент. А суть событий — в активизации того клана, против которого действуют игроки, использующие СК при МВД.

В любом случае, игра через параллельное дело, открытое таможней, не лишена своеобразного блеска. Ведь за ее счет игроки пытались, как минимум, не допустить передачи коммерчески выгодного товара государству или конкурентам. А как максимум… Впрочем, не будем забегать вперед. И признаем, что ситуация была крайне мутная. Группа силовой поддержки Центральной оперативной таможни приехала ставить свое оцепление под изъятый товар, а товарищи из МВД, вроде бы, этого не допустили. Почему «вроде бы»? Потому что описание очень сбивчивое. И уже слегка напоминает телеграммы с театра военных действий.

Вот как описывает борьбу СК при МВД и таможни вокруг контрабандного груза все тот же Шлейнов в «Новой газете» от 29 мая 2005 года:

> «И сотрудники таможни наперегонки со следователями МВД принялись срочно изымать компрометирующие документы.
>
> Вскоре дошло до физического противостояния. На станции Бекасово-Сортировочная Московской области (туда прибывали вагоны) лицом к лицу встретились две вооруженные силы. Первая — СОБР, относящийся к МВД, который караулил задержанную контрабанду. Вторая — СОБР таможни, который тоже подступил к контрабандному грузу, но несколько позже. Количество автоматных стволов с каждой из сторон достигло нескольких десятков».

Итак, мы уже видим две силовые группы, наставляющие друг на друга автоматы… Пока только автоматы. И только в количестве нескольких десятков стволов с каждой стороны. Что будет дальше? Когда друг на друга будет наставлено другое оружие и в другом количестве? И что нужно сделать, чтобы этого не допустить?

В любом случае, надо хотя бы следить за происходящим. Не фыркать, не демонизировать кого-то, а просто следить. Тогда можно что-то понять. И только поняв что-то, как-то на что-то воздействовать. Ради чего иначе следить-то?

Итак, автоматы… трусы… и то, что стоит за этим. Пока мы рассмотрели лишь первый невнятный ход в новой фазе определенной игры. Ну, что же, двинемся дальше.

7 апреля 2005 года (ровно через неделю после возбуждения дела Следственным комитетом при МВД) первый заместитель Генерального прокурора РФ Ю.Бирюков (напомним, также связанный с делом «Трех китов») вообще изымает дело о «китайской контрабанде» у СК при МВД и передает в ФСБ. Если наша схематизация верна, то Бирюков («группа Сечина-Устинова») передает дело в ФСБ (условно — «группа Патрушева»).

Что это за ход? А ведь он, как мы увидим, будет иметь самые существенные последствия! Для того, чтобы оценить последствия, зафиксируем, что на тот момент, который мы сейчас

рассматриваем, две группы (условно — «группа Сечина-Устинова» и «группа Патрушева») никоим образом не действуют как единое целое. Наоборот — они (и это доказано фактами) противостоят друг другу в деле «Трех китов».

Но кто знает, может быть, жест Бирюкова был первым ходом в рамках глубокой перегруппировки сил? Может быть, две группы почувствовали, что «выяснять друг с другом отношения» вряд ли стоит? И группа «Трех китов» послала мессидж следующего содержания: «Вот вы тут себя неправильно вели с нами по делу, в котором был наш интерес. А мы-то, смотрите, как правильно себя ведем по вашему делу. Мы вам, смотрите, как помогаем!»

Что при этом было получено взамен? Какая-то доля участия в каком-то проекте или просто переигровка отношений? Это мы можем понять, только отслеживая динамику происходящего.

В любом случае, данные действия привели к тому, что именно лубянские генералы, позднее уволенные Путиным, получают возможность сделать так, чтобы дело о «китайской контрабанде», открытое против них, застопорилось. А их роль в этом деле оказалась максимально «размытой».

Так и произошло. Единственным «наказанным» из руководства ФСБ стал отправленный в конце мая 2005 года в действующий резерв заместитель Патрушева В.Анисимов. При этом он фактически не выпал из процесса. Его просто перевели на должность заместителя директора Федеральной службы по техническому и экспортному контролю, с которой он был уволен лишь через год, в сентябре 2006 года.

Итак, в 2005 году возникает дело о «китайской контрабанде» как таковое. А также какие-то первые действия по перегруппировке сил.

В сентябре 2006 года, если верить СМИ, к этому добавляется вышеупомянутая записка главы ФСКН В.Черкесова о причастности высоких чинов спецслужб к контрабандным махинациям. На игровом поле появляется В.Черкесов как еще один элитный игрок.

Проследим, как именно фактор под названием «Черкесов» начинал, что называется, «засвечиваться». То есть обсуждаться сначала в кулуарах, а потом и в прессе в качестве одного из игровых факторов в ведущейся большой элитной игре.

Сентябрь 2006 года… Новый виток скандала вокруг «китайской контрабанды»… Виток-то виток, но в течение более чем года это дело находилось в стадии купирования. Оно никак не развивалось (иначе мы бы узнали по результатам).

Оно вдобавок почти перестало привлекать внимание публики и СМИ. Последние статьи на эту тему выходили в начале лета 2005 года. Обе статьи опубликовал в «Новой газете» (23 мая и 30 июня 2005 года) Р.Шлейнов. Он и отметил важную особенность, которая выводила историю с «китайской контрабандой» за рамки обычного коррупционного сюжета.

Особенность была в том, что уже в апреле 2005 года, сразу же после ареста вагонов с ширпотребом, китайское посольство в Москве потребовало вернуть конфискат его владельцам. Китайские дипломаты в специальной ноте не только отрицали контрабандный характер груза, но и заявляли, что он был поставлен в Россию в рамках межправительственных соглашений Москвы и Пекина. Сказав об этом в статье от 23 мая 2005 года, Р.Шлейнов надолго замолкает. И никто тему не подхватывает. К ней возвращается тот же Шлейнов лишь 2 октября 2006 года.

Но что означает затронутая Шлейновым тема?

То, что межправительственные соглашения России и Китая исполнялись через «особые» схемы растаможки товаров. По крайней мере, никто прямо и отчетливо не опроверг того, что схема была отнюдь не «белой». А значит, то ли «серой», то ли «черной»… Повторю, никто за все время этого не опроверг. А спрос на такое опровержение был, как мы понимаем, огромен. И было кому этим заняться. Значит, не было возможности опровергнуть.

Знало ли китайское дипломатическое ведомство о том, что, вмешиваясь, оно оказывается инстанцией, поддерживающей нечто «серое» (или, скажем так, не вполне «белое»)?

На наш взгляд, произошедшее можно объяснить тремя способами.

Способ № 1. Китайское дипломатическое ведомство ничего не знало и действовало, исходя из представлений о стандартных процедурах, принятых в торговых отношениях между странами.

Способ № 2. Отдельные китайские чиновники и представители дипкорпуса сами являлись участниками контрабандной операции и действовали, защищая своих российских подельников. Возможно ли это? Думается, что вполне: российская коррупция способна разложить даже самых честных иностранных чиновников.

Однако и тот, и другой способ объяснения не вполне убедительны. Китайские чиновники весьма и весьма осведомлены. А также компетентны. То есть не могут не понимать, что открытое давление на ход следствия ссылкой на авторитет межгосударственных соглашений — крайне редко применяемая «технология» урегулирования торговых конфликтов. Применение такой «технологии» возможно лишь в экстренной ситуации и лишь с санкции высшего руководства страны.

ТОЛЬКО ЭТО В ДАННОМ СЛУЧАЕ И ЯВЛЯЕТСЯ ДЛЯ НАС ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ИНТЕРЕСНЫМ. Мы ведь не следователи и не таможенники, не так ли?

Так подчеркнем же, что «технология» урегулирования конфликта с помощью адресации к межгосударственным соглашениям требует от применяющих эту «технологию» абсолютной уверенности в том, что китайские власти не заподозрят их самих в причастности к контрабанде. То есть, как минимум, в коррупции. Ведь в Китае, как известно, борьба с коррупцией ведется методами, весьма далекими от либеральных российских. Публичные казни взяточников в Китае — регулярно воспроизводимая норма.

Итак, приходится признать наиболее адекватным только «патерналистский» способ объяснения произошедшего.

Этот способ (он же способ № 3) интерпретирует случившееся как выражение крайнего недовольства серьезных китайских элитных групп тем, что через «контрабандное дело» оказались «засвечены» некие конфиденциальные операции с российскими контрагентами в лице верхушки ФСБ.

Не будем ничего утверждать. Выскажем гипотезы, оценим их правдоподобность и продолжим рассмотрение динамики интересующего нас процесса.

В «выжимке» мы уже рассмотрели одно важное событие, к которому сейчас опять возвращаемся, развивая тот же подход.

14 сентября 2006 года в прессе было объявлено, что А.Патрушев (сын директора ФСБ Н.Патрушева) был назначен советником главы Совета директоров НК «Роснефть» И.Сечина.

Вот так! В терминах элитной игры это называется переконфигурация. Началась ли она вышеупомянутым «перекидыванием элитного мяча», которое осуществил Ю.Бирюков в связи с делом о «китайской контрабанде» — это открытый вопрос. Но закончилась она данным — в элитном плане крайне знаковым — назначением. Участники этого события могут оценивать данный факт совсем по-другому. Но элитная игра ведется по законам, не всегда совпадающим с представлением конкретных его участников о роли и смысле тех или иных (в том числе — и их собственных) действий. Впрочем, в описанном случае все осуществлялось очень умно и решительно.

А.Патрушев получил новую должность отнюдь не без серьезных профессионально-кадровых оснований. Он служил до этого заместителем начальника 9-го отдела управления «П» (промышленность), который в ФСБ обычно называют «нефтяным».

Но не в этом дело.

Патрушев-младший, как сообщалось в прессе, сначала намечался на пост советника главы правления «Роснефти» С.Богданчикова. И это не было бы элитным ходом, который специалисты по элите называют «манифестацией» (скромнее — демаршем).

Однако, в конце концов, он стал советником главы Совета директоров, то есть И.Сечина. А вот это была манифестация. Символический жест. Элитный ритуальный обряд.

Через сына Патрушева кланы Сечина и Патрушева, находившиеся в сложных отношениях (индикатор — судьба Зайцева), перестроили отношения глубоко демонстративным образом. Как говорится, демонстративнее некуда. Те, кто хотел снизить демонстративность, получили от ворот поворот. Было сказано: «Нет, не советником Богданчикова (хотя и так было бы все ясно)! Именно советником Сечина!»

Из этого факта, а также других, изложенных выше, соображений напрашивается вывод, что клановый конфликт между группами Патрушева и Сечина не просто закончился миром, но и привел к созданию нового кланового союза (насколько долговременного и устойчивого, пока сказать трудно). И как раз к моменту формального заключения союза между кланами (т. е. назначения А.Патрушева) были произведены отставки в ФСБ и Генпрокуратуре. Что означало чью-то атаку на теперь уже объединившиеся кланы.

Важность объединения этих кланов трудно преувеличить. Если даже принять версию СМИ и считать, что Устинова и Сечина по делу «Трех китов» атаковал Черкесов, то, атакуя одновременно еще и группу Патрушева по «китайскому делу», Черкесов инициировал сокрушительный для себя

самого процесс. Он объединил Сечина с Патрушевым, который перед этим был, может быть, и не врагом Сечина, но, как мы видели, отнюдь не партнером и не союзником. Теперь же все изменилось.

Следя за развитием событий, многие эксперты задавались вопросом: «Что же это за персонаж (клан, «третья сила»), так уверенно атакующий сразу два клана по двум сходным делам и почему-то считающий, что все кончится успехом?»

Мы постоянно следуем логике интерпретации прямых, открытых, однозначных высказываний. И считаем, что по ним (при их адекватном чтении и ранжировании) можно что-то восстановить. Другого пути просто нет. Точнее, любой другой путь будет абсолютно бездоказательным («откуда у вас данные, какова мера их достоверности?»).

Так давайте придерживаться респектабельных открытых источников. Повторяю в который раз, не абсолютизировать содержание тех или иных публикаций, а рассматривать эти публикации как ВЫСКАЗЫВАНИЯ — или, если хотите, акции информационной войны. Факт высказывания — это несомненный (как говорят в науке, верифицируемый) факт. Нечто вроде данных физического эксперимента.

При этом само высказывание, конечно, необязательно содержит факты. Оно может быть умышленной или нечаянной дезинформацией, частичным искажением реальности и так далее. Но это уже дело нашей интерпретации.

В любом случае, мы можем (и должны) зафиксировать, что 14 сентября 2006 года в газете «Коммерсант» лидеры клана, атакующего сразу «трехкитовых» и «ширпотребщиков», названы по именам: *«Примечательно, что отставки произошли в момент отсутствия на Лубянке директора ФСБ Николая Патрушева, который, по данным «Ъ», в настоящее время находится в отпуске. Кремлевские источники «Ъ» утверждают, что возможной целью зачисток в ФСБ является смещение самого господина Патрушева. Тем более что автор записки Виктор Черкесов не раз назывался в качестве одного из главных претендентов на кресло директора ФСБ. По данным «Ъ», в этом его поддерживает начальник личной охраны президента Виктор Золотов».*

На элитной сцене появляется еще один «засвеченный» игрок — В. Золотов.

Дальше информация о тандеме В.Золотов—В.Черкесов начинает воспроизводиться очень и очень многими.

Таким образом, выстраивается (как минимум, нашими СМИ, что никогда не бывает случайным, но необязательно должно быть правдивым) конфликтная линия между двумя клановыми группами. С одной стороны — «группа Сечина-Устинова», уже имевшая сильные позиции в ФСБ, а в последнее время просто объединившаяся с Патрушевым. С другой стороны — тандем В.Золотов-В.Черкесов.

Имеет ли место этот тандем? Насколько он прочен? И что его породило? Все эти вопросы пока что остаются открытыми. Мы фиксируем лишь то, что на исследуемый момент стало предметом обсуждения. И пытаемся как-то связать фиксируемое с крупными политическими обстоятельствами, которые только и могут быть для нас предметом настоящего интереса.

Обстоятельства же эти таковы.

«Роснефть» фактически стала правопреемником обязательств поглощенного ЮКОСа по поставкам нефти в Китай. В ходе длительного диалога вокруг объемов, цен, маршрутов этих поставок «Роснефть» оказалась своего рода лоббистом взаимовыгодных (для нее самой и для китайских контрагентов) нефтяных отношений. Такого рода отношения слишком стратегичны для того, чтобы оставаться узкоспециализированными. Это мировая практика подобных отношений, и вряд ли случай с «Роснефтью» ее нарушил.

Весной 2006 года состоялся беспрецедентный по масштабам визит В.Путина в КНР. После этого резко активизировался диалог с Пекином по нефтегазовым вопросам, включая нефтепровод «Ангарск-Дацин» и предполагаемый газопровод с Ковыктинского месторождения. По понятным причинам, одним из наиболее активных участников переговоров с российской стороны было руководство «Роснефти».

Тем самым, в силу объективных обстоятельств, с лета-осени 2006 года «Роснефть» становится ключевым оператором экономического (а значит, и экономико-политического) диалога с Китаем. Поскольку официальная информация о «Роснефти» сообщает, что председателем Совета директоров компании является крупнейший кремлевский администратор И.Сечин, то называть такую трансформацию только трансформацией «Роснефти» было бы некорректно. По решению высшего политического руководства страны и в связи с определенной геополитической динамикой Сечин, а

значит, и его группа, оказываются все более прочно интегрированы в описанный нами формат геополитических и геоэкономических отношений.

Но ведь и для «группы Патрушева» (в том виде, в каком она рассмотрена) Китай является очень серьезным партнером. Откуда иначе и эта злосчастная «китайская контрабанда», и особая заинтересованность китайского посольства в судьбе не слишком крупной и негативно засвеченной операции с ширпотребом? Еще и еще раз подчеркиваю: меня в принципе не интересуют Черкесов, Устинов, Золотов или кто-то еще. Меня интересует только элитная игра. Как та, которую игроки ведут осознанно, так и та, которая ведется вне их внятной артикуляции — и на транснациональном уровне (смотри сюжет с БОНИ), и на уровне рассмотренных мною ролевых масок.

То есть мы можем установить, что и для «группы Сечина», и для «группы Патрушева» китайское направление оказывается весьма значимым. Так почему бы не предположить, что одной из причин союза этих групп стала общая «география деятельности»?

В этом нет ничего нового, ибо вообще нет ничего нового под луной. На практике подобное всегда означало координацию международных (в нашем случае китайских) межклановых связей, взаимный обмен контактами с «договороспособными» (в наше случае китайскими) элитными группами, выстраивание единых схем легального или не вполне легального бизнеса, взаимообмен опытом обхода таможенных и иных заграждений обоих государств и т. д.

Все это не криминал! Это элитные игры, которые ведутся везде и всегда! Описание таких игр (а точнее, аналитическая герменевтика существующих описаний) стерильно в плане какой бы то ни было компрометации. И не потому, что хочется кого-то выводить из-под удара. А ПОТОМУ, ЧТО ЭТО ВСЕ ВООБЩЕ О ДРУГОМ. Об определенной практике международной элитной жизни.

Это в России ее лишь начинают осваивать (а также искажать и утрировать). А мир (прежде всего, мир Запада) давно знает, что тут почем.

Что же касается интересующих нас кланов (если это кланы, а такова наша гипотеза), то не исключено, что их к альянсу подвигали и другие, в том числе психологические, причины. То, что называется «человеческим фактором». Это тоже международная норма межклановой жизни.

Например, один из трех уволенных генералов ФСБ С.Шишин в прошлом был главой УФСБ г. Сочи. А для нынешнего министра юстиции В.Устинова, родственника и главного союзника И.Сечина, «сочинские привязки», напомним, обладают, как было показано выше, какой-то значимостью. Какой именно — оценить трудно. Но вряд ли нулевой.

Глава 19. «Китайская контрабанда» и Черкизовский рынок

Рассмотрим один дополнительный сюжет, который, возможно, приблизит нас к ответу на вопрос о масштабах той клановой войны, которые уже ясно вырисовывались летом—осенью 2006 года.

В этот период впервые началось обсуждение не только конфигурации-2002 и реконфигурации, создающей конфигурацию-2005. Параллельно с этим обсуждением вбрасывались все новые сведения по поводу неочевидных аспектов злосчастного «трехкитового» дела. Так, летом 2006 года достоянием общества стал неброский, но на самом деле весьма существенный аспект этого дела. Выяснилось, что, как минимум, два из скандально известных мебельных торговых центров — те, что называются «Гранд», — начиная с 2004 года, не принадлежат бизнесмену Зуеву.

А кому они принадлежат?

Позволим себе небольшую цитату. Вот что пишут «Ведомости» от 16 июня 2006 года:

> «Сейчас оба «Гранда» и «Три кита» сдают помещения в аренду. В 2004 г. Зуев рассказывал «Ведомостям», что совладельцы «Грандов» и «Трех китов» поделили бизнес, и он будет заниматься «Тремя китами». Контроль над «Грандами» получил Зарах Илиев (совладелец торгового центра «Москва», гостиницы «Украина» и др.), претензий к нему у Генпрокуратуры нет».

Анализируя высказывания основных действующих лиц, опубликованные в открытой печати, можно действительно заметить следы неких трансформаций, связанных с собственностью «Грандов» и «Трех китов».

16 июня 2004 года «Ведомости» публикуют статью ««Три кита» расширяются». Речь в ней шла о решении руководства «Трех китов» открыть сеть торговых центров под вывеской «Три кита» на Можайском шоссе.

Вот как газета описывала структуру собственности «Грандов» и «Трех китов»:

> «По данным руководителя «Трех китов» Сергея Зуева, торговыми центрами (и «Грандами», и «Тремя китами» — С.К.) «занимаются две не аффилированные друг с другом немецкие компании» Inter Daus и Maxex. Inter Daus принадлежит компания «Альянс-95», управляющая «Гранд-1» и «Гранд-2». Maxex же является соучредителем компании «Ла Макс», развивающей проект «Три кита». По словам Зуева, он является владельцем примерно 40 %-ой доли в «Ла Макс». При этом опрошенные «Ведомостями» эксперты рынка коммерческой недвижимости уверены, что проекты «Гранд» и «Три кита» являются родственными».

А вот спустя несколько абзацев начинается главное:

> «Превращение «Трех китов» под управлением Зуева в сеть совпало с его уходом из торгового центра «Гранд». По его словам, Inter Daus, которой принадлежат «Гранд-1» и «Гранд-2», «имеет другие взгляды на развитие торгового бизнеса», поэтому они вынуждены были расстаться. Новый управляющий «Гранда» Сумайд Халидов не стал комментировать причины отставки предшественника».

А осенью 2004 года было публично зафиксировано, что компания Inter Daus не является конечным собственником «Гранда». Журнал «Компания» от 25 октября 2004 года сообщил:

> «Уроженец Азербайджана Зарах Илиев стал на днях владельцем расположенного в подмосковных Химках мебельного центра "Гранд"».

Отметим, что по данным открытой печати З.Илиев — это весьма влиятельный и респектабельный московский бизнесмен.

Русская версия известного делового журнала Forbes в феврале 2006 года посвятила большую статью деятельности Илиева. Не будем пересказывать ее содержание. Просто отметим, что не мы, а Forbes (весьма солидное издание) отрекомендовывает Илиева как представителя так называемой «татской общины» (общины горских евреев). При этом говорится, что Илиев связан не вообще с «татской общиной», а с той ее конкретной частью, которая проживает в Азербайджане в селении Красная слобода.

При этом Forbes отмечает, что помимо «Гранда» Илиев является также владельцем торгового центра «Москва» в Люблино, части Черкизовского рынка и ряда других проектов.

Что же касается прав собственности на «Три кита», то тут дело сложнее.

Можно лишь зафиксировать, что летом 2006 года — после ареста Зуева — были попытки поставить под сомнение факт владения Зуевым «Тремя китами».

Возьмем, например, статью некоего И.Тимофеева «Сезон охоты на бывшего «кита» Зуева СВ.», размещенную на сайте «Компромат. ру» 16 июня 2006 года. То есть сразу после ареста Зуева и его группы.

Тимофеев пишет в этой статье:

> «По официальным данным, Сергей Зуев не имеет никакого официального отношения к внешнеэкономической деятельности (в прокуратуре как раз считают, что Зуев непосредственно принимал участие во внешнеэкономической деятельности, финансируя поставки контрабандной мебели, и эта позиция отражена в ходатайстве, представленном судье). Во всяком случае, настоящие собственники ТК «Три кита» заявили о том, что ровно с момента вступления ими в права комплекса (так в тексте; очевидно, что в права владения комплексом. — С.К.) весной 2004 года, внешнеэкономическая деятельность вообще не ведется и управляющий торговым процессом Зуев был ориентирован именно на это».

В данном высказывании содержатся два существенных утверждения.

Во-первых, что Зуев не является владельцем «Трех китов».

Во-вторых, что он не является таковым с весны 2004 года, то есть с момента разделения «Трех китов» и «Гранда».

Конечно, «Компромат. ру» слишком субъективен и специфичен. Более того, момент появления публикации — арест Зуева — говорит о том, что партнеры Зуева по бизнесу могли через

«отречение от Зуева» пытаться спасти свой бизнес. Однако даже если все это не более, чем инсинуации, то сам факт их появления уже интересен.

О собственнике «Трех китов» есть одно любопытное свидетельство. Возможно, это свидетельство недостоверное, но сам факт его появления опять-таки не может не привлечь нашего внимания.

«Новая газета» от 16 апреля 2007 года в заметке «Между деньгами и погонами», посвященной «Региональной организации сотрудников правоохранительных органов» (РОСПО), утверждала, что РОСПО *«засветилась даже в деле «Трех китов» — сначала 30 %, а потом и 100 % акций ТЦ «Три кита» оказались во владении этой организации».*

Данное утверждение было сделано, что называется, мимоходом. Да и сама заметка «Между деньгами и политикой» была фактически комментарием к опубликованной в том же номере статье А.Полицеймако «ЯБЛОКО все время снимают», в которой речь шла о конфликте между петербургским отделением партии ЯБЛОКО и «Российской (именно так!) общественной организацией сотрудников правоохранительных органов» (в статье Полицеймако приводилось и другое название этой же организации — «Международная общественная организация содействия правоохранительным органам»).

Отметим, что в номере «Новой газеты» от 26 апреля 2007 года руководитель пресс-службы «Международной общественной организации содействия правоохранительным органам РОСПО» Б.Абдуллаев заявил, что организация, которую он представляет, получила статус международной, будучи РЕГИОНАЛЬНОЙ. Но к «РОССИЙСКОЙ общественной организации сотрудников правоохранительных органов» (РООСПО) его организация отношения не имеет.

То есть статья Полицеймако и газетный комментарий к ней были посвящены разным организациям. У кого из них конфликт с петербургским отделением ЯБЛОКО — вопрос отдельный. Однако налицо другой интересный факт: «Новая газета», которая всегда была крайне заинтересована в деле «Трех китов», почему-то просто фиксирует факт нахождения акций «Трех китов» в руках некоей организации РОСПО. Просто фиксирует — и все тут. А ведь могла бы смачно развернуть тему. Не хочет! А застолбить тему — хочет. Причем именно в жанре недоговоренности.

Эта жанровая особенность заставляет нас внимательнее присмотреться к той информационной игре, которая разворачивается вокруг процесса изменения вопросов собственности «Трех китов» и «Гранда».

Итак, начнем с процедуры раздела бизнеса «Гранда» и «Трех китов» весной 2004 года.

Этот процесс якобы происходил при помощи методов, весьма далеких от принятых в цивилизованных капиталистических странах. О них в своем заявлении в Федеральную службу по контролю за оборотом наркотиков (следует особо отметить адресата!), датированном 2004 годом, пишет бывший владелец «Гранда» и «Трех китов» Зуев.

О существовании этого заявления сообщил 13 октября 2004 года сайт «Компромат. ру» устами некоего В.Копытова, разместившего статью ««Три кита» и их потомство. Дурная наследственность как товар».

Этот же сайт привел и текст заявления:

> «Я, Зуев Сергей Васильевич, генеральный директор торговых комплексов «Три Кита», «Гранд' и «Гранд-2»заявляю о фактах применения в отношении меня психотропных средств организованной группой лиц, с целью склонить и принудить меня к осуществлению сделок по передаче в собственность имущества и активов торговых комплексов…
>
> Считаю, что организаторами данного преступления являются Коптев Николай Валентинович и Халидов Магомед Айдынович, которые имели намерения подчинить меня и мои действия для реализации своих корыстных планов по захвату моего бизнеса…
>
> Коптев, бывший сотрудник РУБОПа, заместитель директора по связям с общественностью вышеуказанных торговых комплексов, используя свои связи в правоохранительных организациях и действуя в корыстных целях, войдя в доверие ко мне и введя в заблуждение руководителей структур безопасности торговых комплексов, организовал применение в отношении меня психотропных средств. Совместно с Халидовым фактически изолировал меня, в том числе от медицинской и правоохранительной помощи…
>
> Халидов во время встречи 09.04.2004 года заявил мне, что Коптев действительно применял в отношении меня психотропные средства. В период моего нахождения под их воздействием Халидов организовывал и вывозил меня в Германию для осуществления

нотариальных действий по безвозмездной передаче ему лично части собственности торговых комплексов…».

Спрашивается, зачем Зуеву писать в Госнаркоконтроль? Он, Зуев, тогда еще не в тюрьме. Вроде бы, ищи защиты у своих — в той клановой группе, которую мы уже назвали «трехкитовой»!

Факт написания письма противоположной группе называется на языке межклановых конфликтов «переходом в лагерь противника». Зуев не дурак. И это правило прекрасно знает. Значит, он понял, что его «сдал» тот клан, у которого он должен был искать защиты. И тогда он обращается к клану-конкуренту. Иного объяснения быть не может.

Я уже сделал неоднократные и категорические оговорки, согласно которым факт — это факт, а высказывание — это высказывание.

Заявление Зуева — это высказывание. Но это не бред больного в палате сумасшедшего дома! Это высказывание очень опытного бизнесмена, понимающего правила игры и зачем-то сначала обращающегося с какими-то заявлениями, так сказать, «как бы чуть-чуть не по адресу», а затем допускающего появление данного заявления в СМИ (пусть и таком, как «Компромат. ру»). Опровержения данному заявлению Зуев не давал. А правило, согласно которому, если ненужное ему заявление опубликовано, он должен бить немедленно во все колокола и кричать, что это ложь, — Зуеву хорошо известно. Соответственно, данное высказывание обладает очень серьезной ценностью.

Из этого моего утверждения вовсе не следует, что названные Зуевым господа — демоны, терзающие благородного Зуева. Мы можем предположить все, что угодно, по этому поводу. Кроме одного, что Зуев взял эти имена с потолка и написал заявление в Госнаркоконтроль в состоянии невменяемости.

Так что же все-таки пишет Зуев (и публикуют СМИ)?

В письме Зуев утверждает, что его партнеры по бизнесу — бывший сотрудник МВД Н.Коптев и М.Халидов — воздействовали на него с помощью психотропных веществ. И якобы под воздействием препаратов Зуев продал свой бизнес Халидову, который перепродал его Илиеву.

Психотропные средства… Спецвоздействие… Это все, может быть, и приплетено к делу (а может быть, и не приплетено). А имена-то откуда взялись?

Кто такой, например, М.Халидов (не демон, представляемый Зуевым, а реальный игрок — или фигура в игре)? СМИ настойчиво указывают (и мы уже приводили это выше), что именно Халидов и его братья являлись той самой «чеченской крышей» Зуева, которая многократно упоминалась в ходе разбирательств дела «Трех китов» летом 2006 года. Являлись ли они на самом деле, мы не знаем. Но, набрав на дисплее «Магомед Халидов» и отправив мессидж в любую поисковую интернетовскую систему, мы получим массу упоминаний (отнюдь не обязательно достоверных) и массу констатации вышеуказанного обстоятельства. То есть этого самого «крышевания» «Трех китов».

Версий тут две. Либо М.Халидов действительно вел игру на поле «Трех китов» (любую игру — отнюдь не обязательно криминальную). Либо кому-то надо намертво привязать его к этой игре. Но это ничуть не менее интересно, чем если бы он в этой игре участвовал на самом деле. В любом случае, он игре не чужой. И вот это мы, как аналитики, можем констатировать с абсолютной доказательностью. Чужих игре так не «светят»! Зачем?

Однако о процессе раздела бизнеса «Гранда» и «Трех китов» и трансформации собственности внутри «китового бизнеса» мы можем судить не только по «засвеченным» фрагментам заявления Зуева в Госнаркоконтроль образца 2004 года, но и по другим источникам.

Сразу оговоримся, что эти источники весьма специфичны и, мягко говоря, зависимы от ведомственной и иной конъюнктуры. Однако они, при такой своей специфичности, что-то отражают. Другое дело, что именно и под каким углом. Так на то и герменевтика информационной войны.

Даже если в высказывании смещаются акценты (вплоть до выворачивания фактов, что называется, наизнанку) — это еще не повод для игнорирования высказывания. Кто выворачивает, когда, зачем, в каком жанровом и стилевом ключе? Только ответив на этот вопрос, мы можем рассмотреть высказывание как ход в элитной игре. И что-то дополнительно понять в самом игровом процессе.

Итак, 4 октября 2007 года (заметим, на четвертый день после ареста генерала ФСКН Бульбова!) на сайте «Компромат. ру» публикуется анонимный материал «Межведомственная борьба». Судя по выходным данным этого материала, он был перепечатан с некоего сайта «Пресс-атташе. ру». Авторы материала сообщают, что на днях к ним попало постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлениям Зуева. Далее авторы ставят под сомнение содержание

заявлений Зуева и перечисляют якобы имеющие место психиатрические проблемы главного фигуранта «трехкитового скандала».

А дальше начинается самое главное. Тут нужна точная цитата:

> «А теперь представьте, что в новой системе (в Следственном Комитете при Генпрокуратуре, созданном в 2007 году. — С.К.)«кристально чистые» следователи принимают заявления от психически больного человека, и, руководствуясь только им ведомыми помыслами, начинают проверку и возбуждают уголовное дело. При этом они лишены надзирающего органа и вольны делать все, что им заблагорассудится. Кстати, в своих «разоблачениях» Зуев неоднократно упоминает неких сотрудников и Госнаркоконтроля (ФСКН), которые якобы присвоили принадлежащие ему ТК «Гранд» и «Три кита». Достаточно серьезное обвинение, которое, разумеется, не нашло своего подтверждения в ходе проверки. Только мало кто знает, что эта проверка идет до сих пор и этот предлог некоторые следователи используют совсем в других целях, а господин Зуев — всего лишь пешка в большой игре. Игре, которую затеяли сотрудники ФСБ, а в качестве своих противников избрали ФСКН».

То есть нам четко говорится, что «плохая» ФСБ использует Зуева против «хорошей» ФСКН, которую незаслуженно обвиняют в том, что она якобы участвовала в незаконных действиях с имуществом господина Зуева. Убрав из этого оценочные категории, можно сделать вывод, что какие-то манипуляции и трансформации с имуществом господина Зуева все-таки имели место. И что кто-то хочет сделать сотрудников ФСКН причастными к этим трансформациям, а кто-то хочет представить эту причастность как инсинуацию.

Симпатии авторов материала «Межведомственная борьба» к «наркоконтролевской стороне», как говорится, налицо. И этот факт может заставить «горячие головы» сказать: «Ну, так в ФСКН этот материал и писали». Однако не будем делать столь поспешных и незрелых выводов. Может быть, действительно это писали в ФСКН. А может быть, это провокативный и тонкий ход противоположной стороны. В любом случае, мы видим этот ход в игре. И только по системе высказываний можем выдвинуть серьезную гипотезу по поводу того, какой именно это ход. Однако и тогда это будет только гипотеза.

Но если мы хотим ее получить, то должны обратить внимание на то что 8 октября 2007 года на том же «Компромате. ру» вышел материал «Межведомственная борьба-2», который в отличие от первого материала с таким же названием имел подпись: Олег Шишканов.

Суть рефлексий Шишканова можно свести к следующему:

> «Новый Следственный Комитет при Прокуратуре РФ, благодаря начавшимся кадровым перестановкам на разных уровнях, может спровоцировать открытое противостояние силовиков, как никто и ничто другое четко расставляет все точки в деле «Трех китов», а если точнее, то разъясняет, зачем это дело нужно вообще. В начале 2000-х под «китами» утонул Ванин, в 2005 году (на самом деле — в 2006. — С.К)утонул Устинов, а в 2007 году пытаются утопить Черкесова».

В очередной раз возникает вопрос: что это за «киты» такие, под которыми можно стольких утопить? Вопрос этот мы делаем заметкой на полях. И возвращаемся к рассматриваемому высказыванию. Авторская часть высказывания занимает его меньшую часть. Все остальное место занимает текст постановления следователя Генеральной прокуратуры РФ старшего советника юстиции В.Войнова об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлениям Зуева и судьи О.Кудешкиной (той самой, которая «схлестнулась» с «трехкитовой группой» в деле следователя Зайцева). Постановление датировано 27 февраля 2007 года. Сразу отметим два обстоятельства.

Обстоятельство № 1. Текст постановления следователя Воинова приведен в виде фотокопии данного документа, а не просто перепечатки его содержания. И эта деталь значительно уменьшает возможность того, что данный документ — фальшивка.

Подчеркнем — не снимает проблему изготовления фальшивки, а снижает вероятность такого варианта. Ведь процесс сочинения фальшивого следственного документа, перепечатывания его на компьютере, распечатки на принтере, изготовления фотокопии — это очень трудоемкий процесс. Да и просто изготовление фальшивого следственного документа требует от его автора большой усидчивости и особого умения. Ведь нужно соблюсти форму, стиль, употребить в нужных местах определенную терминологию.

Вся эта сумма обстоятельств свидетельствует, что, скорее всего, речь идет о подлинном следственном документе.

Обстоятельство № 2. Постановление следователя Воинова интересно тем, что фактически пытается установить баланс между «протрехкитовой» и «антитрехкитовой» группами. Ведь Воинов отказывает не только Зуеву, но и явно принадлежащей к другой стороне Кудешкиной.

Как следует из текста постановления, в декабре 2006 года Кудешкина обращалась в различные инстанции (СЭБ ФСБ, к Путину) с заявлениями о противоправных действиях, которые якобы совершила в отношении нее председатель Московского городского суда О.Егорова, ряд других судей, а также должностные лица Генеральной прокуратуры РФ. Мы не будем пересказывать содержание заявлений Кудешкиной. Отметим лишь, что все указываемые ею факты, которые она трактует как чинимые по отношению к ней противоправные деяния, относятся к рассмотрению ею дела следователя П.Зайцева.

Нам лишь важно, что автор документа, подчиняясь то ли служебной дисциплине, то ли воле вышестоящих лиц, оказывается в роли «разруливателя» некоего межкланового баланса.

В рассматриваемом документе следователя Воинова излагается содержание многочисленных обращений Зуева в различные инстанции. Согласно Воинову, Зуев утверждает, что (цитата из Воинова) *«в 2003–2004 гг. для совершения хищений, деньги от которых направлялись и на взятки, коррупционеры привлекали к хищениям имущества ТЦ «Гранд» и ТК «Три кита» его (Зуева) партнера Вольфа Пфайффле, Халидова и других лиц, которые применяли к нему в Италии психотропные средства, физическое воздействие, фальсифицированные документы».*

Сразу отметим, что Зуев обвиняет Халидова и Пфайффле в хищении имущества не только «Гранда», но и «Трех китов».

По мнению Воинова, данные утверждения из заявлений Зуева «не нашли своего объективного подтверждения». Это версия следствия. Однако в данном случае интересен, скорее, не результат проверки, а то, что всплывало в ее ходе. И тут нам придется цитировать следственные документы Воинова.

Итак,

> «опрошенный по обстоятельствам проверки, Халидов М.А. пояснил, что в Москве проживает со своей семьей с 1980 г., где проживают и два его брата: Халидов Самхад и Халидов Сумайд. Зуева С.В. он знает с 1994 г. и долгое время находился с ним в очень хороших, дружеских отношениях. Зуев управлял МЦ «Гранд» и ТК «Три кита». Он сам (Халидов) в мебельном бизнесе никогда не работал. Зуев часто с ним советовался по различному кругу вопросов, но никакого непосредственного участия в его бизнесе он не принимал. К ТК «Три кита» и МЦ «Гранд», которыми руководил Зуев, он никакого отношения до 2004 г. не имел и в поставках мебели для этих торговых центров участия не принимал. С Вольфом Пфайффле и его сыном Уве Пфайффле его познакомил Зуев примерно в 1997–1998 гг. В.Пфайффле являлся единственным учредителем немецкой компании «Интер-Дойс», являющейся учредителем российской компании ООО «Альянс-95»у которой принадлежал МЦ «Гранд». Уве Пфайффле был учредителем немецкой компании, являющейся учредителем компании «Ла Макс», которой, в свою очередь, принадлежал ТК «Три кита». Зуев являлся гендиректором ООО «Альянс-95» и «Ла Макс», но не был ни учредителем, ни владельцем ООО «Альянс-95» и МЦ «Гранд». Зуев занимался строительством МЦ «Гранд» и «Три кита», которое осуществлялось за счет иностранных инвестиций, то есть за счет компании «Интер-Дойс» и В.Пфайффле».

Согласно этим показаниям М.Халидова, получается, что Зуев был привилегированным наемным менеджером, а фактическими хозяевами бизнеса являлись немецкие фирмы, за которыми стояли германские же граждане — отец и сын Пфайффле.

Напомним то, о чем мы уже писали выше (например, в главе 12). В многочисленных журналистских расследованиях по делу «Трех китов» указывалось, что в 1998 и 1999 годах со счетов фирмы «Бенекс», хозяином которой являлся фигурант дела «Бэнк оф Нью-Йорк» П.Берлин, на счета некоей фирмы «Максекс» поступило 4,6 млн. долларов, которые германские правоохранительные органы однозначно квалифицируют как «грязные деньги». А вот руководителями этой фирмы были как раз отец и сын Пфайффле. Те же публикации многочисленных журналистских расследований указывали, что совладельцем «Максекс» был Зуев.

Каковы бы ни были реальные соотношения долей и ролей между партнерами, семья Пфайффле была связана как раз с той самой линией БОНИ, которая многое определяла в деле «Трех

китов». В любом случае роль семьи Пфайффле во всем, что касается строительства «Трех китов» и «Гранда», была существенной. Были ли отец и сын Пфайффле настоящими хозяевами «трехкитового бизнеса» или же подставными «зиц-представителями» настоящих хозяев… След от них просто не мог не тянуться к тем, кто стоял за всем «китовым предприятием».

Теперь о том, как М.Халидов объяснял передел собственности между Зуевым и его партнерами. Вновь длинная цитата:

> «Зуев вел строительство второй очереди «Гранд-2» и имел очень большие долги перед кредиторами и подрядчиками — около 50 миллионов долларов США, которые требовали их возврата. Вероятно, это было одной из причин того, почему Зуев ушел от руководства ООО «Альянс-95» и МЦ «Гранд». Только одному, самому крупному кредитору — московскому банку «Зенит» — ООО «Альянс-95» должно было более 17 миллионов долларов США. Урегулирование проблемы выплаты долгов кредиторам и поставщикам потребовало от него (Халидова) и братьев больших усилий. Были погашены все долги, которые накопились за весь период. В связи с тем, что по вине Зуева указанный бизнес оказался очень убыточным, он (Халидов) сообщил об этом учредителю Пфайффле В. и после консультаций с последним пришел к выводу — продать бизнес. Пфайффле дал ему указание продать МЦ «Гранд», вопрос о продаже ООО «Альянс-95» не стоял, поскольку репутация этого ООО среди делового сообщества была сильно подорвана. Для этой цели летом 2004 г. им (Халидовым М.) было учреждено ООО «Гранд Титул», в котором он был единственным участником и одновременно гендиректором. После этого ООО «Гранд-Титул» купил у ООО «Альянс-95» МЦ «Гранд» за 35 млн. долларов США. Был заключен соответствующий договор. Примерно через 3 месяца он продал ООО «Гранд-Титул» и принадлежащую ему недвижимость — МЦ «Гранд» — пяти физическим лицам на общую сумму 50 млн. долларов США. Эти лица стали учредителями данного Общества. Зуев никогда не предъявлял ему никаких претензий по поводу совершения указанных сделок.
>
> Об организации «РОСПО» он слышал, с ней поддерживал отношения Зуев, когда вернулся в ТК «Три кита»».

Последнее утверждение особенно интересно, так как получается, что Зуев покидал (пусть и на время) «Три кита» и был возвращен туда загадочным РОСПО, о котором мы поговорим ниже.

Естественно, что М.Халидов яростно отрицал все обвинения, которые ему предъявлял Зуев. Также отрицал все обвинения как в свой адрес, так и в адрес М.Халидова, и другой допрошенный фигурант — бывший сотрудник МВД Н.Коптев, который фактически осуществлял охрану «Гранда» и «Трех китов».

Вот что говорил Коптев по вопросу о «трехкитовой собственности» и ее переделе:

> «Кому конкретно принадлежали здания МЦ «Гранд» и ТК «Три кита», кто был их собственником, он (Коптев — С.К.) не знает, поскольку в юридические вопросы, связанные с отношениями собственности, не вникал. Зуев говорил, что является представителем какой-то немецкой фирмы. В этой связи он слышал о немецких руководителях Вольфе и Уве Пфайффле. Это были отец и сын. Несколько раз он видел их в Москве в МЦ «Гранд», это были партнеры Зуева по бизнесу, к которым тот относился всегда почтительно.
>
> Примерно до конца 2003 г. у него с Зуевым были нормальные служебные отношения, хотя характер у последнего был достаточно сложным, взрывным. Затем поведение Зуева резко изменилось, он практически отстранился от дел, стал пользоваться услугами проституток, употреблять наркотики и психотропные средства. Вероятно, это началось у Зуева после знакомства с Кривенцовой Людмилой, которую он «подобрал» где-то на Ленинградском шоссе. О том, что Зуев принимал наркотики, в частности марихуану, он слышал от подчиненных ему охранников. (…) После того, как Зуев связался с Кривенцовой Л. и практически отошел от дел, Зуев, по договоренности с Халидовым М., назначил его братьев генеральными директорами ООО «Альянс-95»и «Ла Макс». Этим Обществам принадлежали соответственно МЦ «Гранд» и ТК «Три кита». Зуев сделал эти назначения добровольно, без всякого принуждения и сознательно».

Далее Коптев, так же как и М.Халидов, отрицал утверждения Зуева о том, что он (Коптев) и братья Халидовы отняли у Зуева «Гранд» и «Три кита».

Однако в документе, который мы только что цитировали, показания Коптева и М.Халидова изложены таким образом, что нельзя не обратить внимания на несколько несоответствий.

Несоответствие № 1. М.Халидов говорит о том, что Зуев лишился контроля только над «Грандом», а Коптев говорит, что тот потерял оба предмета собственности — и «Гранд», и «Три кита». Хотя Халидов и упоминает вскользь о некоем периоде, когда Зуев не имел отношения к «Трем китам».

Несоответствие № 2. Халидов говорит, что причиной расхождения с Зуевым и продажи «Гранда» стала экономическая политика Зуева. А по версии Коптева, причиной расхождения Зуева с Халидовым стала личная неадекватность Зуева, вызванная его связью с некоей Кривенцовой и употреблением психотропных средств.

В чем Зуев обвинял Коптева и Халидова? В том, что они применили к нему психотропные средства, чтобы заставить его отдать бизнес. А Коптев, отрицая возможность применения психотропных средств к Зуеву в корыстных целях, говорит о том, что Зуев такие вещества применял сам.

Конечно, нельзя делать однозначных выводов. Мы не прокуроры, не судьи, не следственные органы. В их обязанности входит установление истины. В наши — только выявление странностей.

Начнем с того, что ситуация в целом странная.

Может быть, Зуев просто наделал долгов? Но что значит «просто»? Просто так такой долг на себя не вешают.

Может быть, Зуев специфическим образом «загулял»? Но почему он так «загулял»? Он был вменяем — и потерял вменяемость? Почему он ее потерял? Он изначально был невменяем? Тогда как его поставили на такое важное и ответственное место?

И, наконец, не исключено, что к Зуеву действительно применили спецвоздействие. Почему такая возможность не должна рассматриваться наряду с другими? При том, что другие отнюдь не являются внятными и очевидными?

А вот мотив для того, чтобы расстаться с Зуевым, — внятен и очевиден. К моменту всех этих манипуляций с собственностью мебельных салонов Зуев был чрезвычайно скандальной фигурой. Его имя «полоскали» с 2000 года. Сохранить собственность в ситуации, когда ее официальный держатель обсуждается в качестве криминального бизнесмена, очень трудно. И возникает альтернатива — или Зуев, или собственность. Выбор ясен. Мы ничего не утверждаем. Но должны зафиксировать, что к началу 2004 года Зуев стал помехой мебельному бизнесу и его клановым хозяевам. И в этой ситуации «развод» с Зуевым в той или иной форме, наверное, уже просто не мог не состояться.

А главное, все участники этой истории — Зуев, братья Халидовы, Коптев — сходятся в одном: данный «развод» состоялся. Зуев действительно передал Халидовым права на управление собственностью «Гранда» и «Трех китов». Только Халидовы и Коптев считают это нормальными отношениями между партнерами, а Зуев — результатом давления. Но нам-то важнее всего, что состоялась смена собственника. Какая именно — конечно, тоже важно. Но хорошо хотя бы то, что можно установить факт этой смены.

Однако «разводом» между партнерами дело не закончилось.

Напомним, что в июне 2004 года было объявлено о разделе бизнеса «Гранда» и «Трех китов». При этом Сумайд Халидов был назван управляющим «Гранда».

А в октябре того же года выяснилось, что «Гранд» уже принадлежит господину Илиеву.

Что происходило в этот момент с «Тремя китами» — не очень понятно. Но из имеющихся у нас сведений известно, что через какое-то время «Три кита» оказались под некоей организацией РОСПО, которая вроде бы вернула в каком-то качестве Зуева в «Три кита».

То есть трансформация с собственностью «Гранда» и «Трех китов» происходила как бы в два такта.

На первом такте Зуев разошелся с Халидовыми, которые получили от Зуева права на управление «Грандом» и «Тремя китами».

А на втором такте часть данной собственности («Гранд») оказалась в руках Илиева, а часть собственности («Три кита») — в руках организации РОСПО.

Учтем такой немаловажный фактор, как заявление Зуева в Госнаркоконтроль. О факте этого обращения известно не только из интернетных статей, но и из уже цитировавшегося нами постановления старшего советника юстиции Воинова.

Обосновывая несостоятельность утверждений Зуева о похищении Халидовыми и Коптевым его бизнеса, Воинов, в числе прочих, приводит следующий аргумент:

> «Так, в ходе настоящей проверки из Управления ФСКН России по г. Москве получен ответ с материалами проверки, проведенной органами ФСКН по заявлению Зуева С.В. от 16 апреля 2004 г., из которых следует, что в этом заявлении Зуев сообщил о группе в составе Коптева Н.В. и Халидова М.А., которые, с целью незаконного завладения его собственностью (ТК «Гранд», «Три кита»), применяли в отношении него психотропные вещества, похитили его, вывозили за пределы России для совершения нотариальных действий по передаче собственности. В ходе проведенной Управлением ФСКН России по г. Москве проверки, доводы Зуева не нашли своего объективного подтверждения. В связи с тем, что Зуев указал в своем заявлении недостоверные адрес местожительства и номер контактного телефона, в течение всего срока проверки (30 суток) сотруднику Управления ФСКН по г. Москве, осуществлявшему проверку, не удалось вызвать Зуева для получения от него объяснений. Вместе с тем, в ходе этой же проверки, из объяснений жены Зуева — Зуевой Т.В., а также Кургузова Д.Ю. (сотрудник фирмы «Ярмук»), стало известно, что с 2003 г. Зуев с сожительницей систематически употреблял наркотические вещества путем курения и алкогольные напитки, что Зуев вел себя неадекватно, избивал подчиненных, крушил имущество ТК «Три кита». В связи с указанными обстоятельствами, по результатам проверки, 12 мая 2004 года принято решение (заключение) о прекращении проверки по этому заявлению Зуева».

Пока что мы можем зафиксировать следующее:

а) Зуев писал в Госнаркоконтроль;

б) Госнаркоконтроль проверял заявление Зуева;

в) проверка Госнаркоконтроля не подтвердила заявление Зуева, и Госнаркоконтроль снял с проверки его заявление;

г) манипуляции с собственностью «Гранда» и «Трех китов» были закончены к середине апреля 2004 года. Видимо, реально они происходили ранней весной 2004 года, а то и раньше.

Пока что в зафиксированных обстоятельствах нет ничего чрезвычайного. Но любое участие любого ведомства в чем бы то ни было может интерпретироваться по-разному, если в этом есть чья-то заинтересованность. Так что поставим галочку на полях и будем следить за развитием событий.

При этом все-таки оговорим два момента внутри вышеописанной ситуации.

Первый момент состоит в том, что заявление Зуева образца 2004 года в ФСКН не лишено некоторой экзотичности. Действительно, при чем тут Госнаркоконтроль, когда речь идет о конфликте экономического характера? Почему адресатом стал не ОБЭП, не ФСБ, не прокуратура, наконец? В заявлении Зуева фигурируют психотропные вещества? Формально это может быть резоном, но очень слабым. Так в чем реальное объяснение?

Вариант № 1 — у Госнаркоконтроля к этому моменту были определенные полномочия, в какой-то степени выходящие за узкие профессиональные рамки.

Вариант № 2 — существовали и другие обстоятельства, которые нам не до конца понятны.

В целом вариант № 1 более правдоподобен, с учетом масштаба этого самого «трехкитового» дела.

Второй момент состоит в том, что, вне зависимости от намерений сотрудников ФСКН, их проверка по заявлениям Зуева просто не могла не стать фактором давления на Халидовых, что, видимо, и побудило их перепродать бизнес «Гранда» и «Трех китов» третьим лицам.

Действительно, проверка ФСКН вроде бы завершилась без последствий для Халидовых, но ведь Зуев может написать куда-нибудь еще раз. И даже его единичный и вроде бы бесполезный «сигнал» в ФСКН уже ставил под сомнение возможность разрядки скандальной атмосферы, сложившейся вокруг «Гранда» и «Трех китов» и связанной во многом непосредственно с именем Зуева. Иными словами, Халидовы и Коптев, пытаясь «дескандализировать» «трехкитовый брэнд», случайно спровоцировали Зуева на еще большую «скандализацию» брэнда.

Зуев уже был скандальной фигурой.

Его хотели убрать без скандала.

Он не хотел уйти тихо и, что называется, подогрел скандал своим заявлением. То есть стал фигурой еще более скандальной. И потребность в его отстранении лишь возросла. Но одновременно возникла и проблема с Халидовыми.

В рамках клановой логики у патронов «трехкитовой группы» вполне могли возникнуть претензии к Халидовым, не справившимся с задачей нескандального отстранения Зуева. И тогда Халидовы могли оказаться под ударами с двух сторон — со стороны «китобоев» (как давние враги) и со стороны своих же «трехкитовых патронов» (как несправившиеся партнеры). И эти обстоятельства вполне могли являться причиной для дальнейших трансформаций собственности «Гранда» и «Трех китов».

И тут возникает главный вопрос: были ли эти трансформации просто перепасовкой собственности между ставленниками «трехкитового клана» или речь идет о передаче «Гранда» и «Трех китов» другому клану?

В связи с этим интересно понять, кто такой Зарах Илиев, которому Магомед Халидов перепродал «Гранд» и (в каком-то смысле) связанные с ним неприятности?

Это уважаемый московский бизнесмен, реализующий свои проекты, в основном, в торговле и недвижимости. Но бизнесмен такого уровня просто не может не быть еще и фигурой, в той или иной мере вписанной в клановую игру. Говорим это без всякой попытки скомпрометировать фигуру Илиева. Просто таковы правила существования бизнеса в сегодняшней России. Да и не только в ней.

Сведений по этому вопросу мало. Но и имеющиеся в нашем распоряжении материалы — уже интересны.

Так, 25 октября 2004 года деловой еженедельник «Компания» (между прочим, отнюдь не «Компромат. ру», а абсолютно респектабельное издание), указывая, что Илиев в 2004 году купил «Гранд», пишет следующее:

> «Стоит упомянуть, что в числе покровителей Илиева нередко упоминают шефа президентской Службы Безопасности Виктора Золотова. Видимо, у него сейчас больше возможностей отстаивать интересы своих протеже, нежели у прежних путинских фаворитов».

«Компания» осторожно, но весьма определенно называет Илиева протеже В.Золотова. При этом (вновь приходится оговаривать!) Илиев может и не являться протеже Золотова! Но «Компания» об этом пишет. Мы еще раз повторим, что это респектабельное издание. И дело не в том, что респектабельные издания не врут. Они врут, но врут респектабельно. То есть они не будут упоминать всуе такие малоупоминаемые на тот период имена, как имя начальника Службы Безопасности Президента РФ! Дураков — всуе упоминать такие имена — в 2004 году не было! Если они и были, то перевелись уже в 2000 году. А делать это, имея статус респектабельного издания, никто тем более не будет. Но это сделано, и мы должны это зафиксировать. Должны не выдавать высказывание за факт, а оценивать весомость высказывания. А значит, и его смысл.

Далее, мы должны соотносить одни высказывания с другими. То есть помнить, что через два года — в анализируемый нами сейчас летне-осенний период 2006 года — в прессе («Коммерсант» и не только) появятся новые высказывания, в которых имя Золотова запускается в масс-медийный оборот. По указанным выше обстоятельствам это никогда не бывает случайным.

В засветках 2006 года именно В.Золотов фигурирует в качестве одного из лидеров сообщества, противоборствующего Сечину-Устинову. Притом, что последние постепенно «прирастают», превращаясь в клан «Сечин-Устинов-Патрушев».

Но первопроходцем в деле масс-медийного обсуждения Золотова как одного из членов «антитрехкитового» сообщества является все же «Компания». И она же сопрягает с фамилией «Золотов» фамилию «Илиев». Мы не говорим, что она правильно сопрягает. Но она сопрягает, и это факт.

«Компания» утверждает (мы можем верить или не верить ей, но мы должны это анализировать), что удары по «Трем китам», начавшиеся в 2000–2001 годах и продолжившиеся в 2003 году, в итоге привели к тому, что к 2004 году бизнес «Трех китов», переходя от Зуева к Илиеву, ушел от клана с условным индексом «Сечин-Устинов» к клану с условным индексом «Золотов».

Между тем «Компания», сделав сенсационные и рискованные заявления в 2004 году, не останавливается в 2005-м. И ее никто не останавливает. Заметим, правила игры предполагают, что остановить респектабельное издание на пути излишне сенсационного любопытства ничего не стоит.

Итак, в статье от 28 ноября 2005 года та же «Компания» осторожно дополняет сведения об Илиеве: *«По слухам, Илиев лично знаком с Путиным — они вместе занимались боевыми единоборствами».*

Согласитесь, сразу же возникает вопрос: «Ну, и что?» Когда-то люди вместе спортом занимались — и что? Зачем «Компании» нужно оперировать столь сомнительными сюжетами?

При этом надо признать, что обычно информация «Компании» заслуживает доверия. А Путин и Золотов — это не те персоны, связи которых принято, по укоренившейся журналистской привычке, «высасывать из пальца». К тому же — обращаем еще раз на это внимание — в описываемый период главу президентской охраны еще не принято было не то что обличать, но даже обсуждать. Но ведь обсуждают! И уже вместе с Путиным!

Более того, перед началом конфликта вокруг генерала Бульбова обсуждалась сходная клановая принадлежность «Трех китов». Сразу оговоримся, что эти обсуждения носят весьма специфический характер.

Итак, 5 июля 2007 года в 11.23 некто, подписавшийся «Zyzja», разместил на форуме интернет-сайта агентства «Росбалт» развернутую реплику, посвященную делу «Трех китов». В ней наиболее примечателен следующий отрывок:

> «Возникшие у Зуева в начале двухтысячных годов финансовые и административные трудности побудили вмешаться в дележ принадлежащей ему собственности братьев Халидовых, которые силой «выбили» из бывшего партнера часть учредительных документов.
>
> А затем в деле появляются ФСКН и РОСПО, то есть Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков и совершенно загадочное неформальное объединение бывших и действующих работников силовых структур, чье название звучит как Региональная организация сотрудников правоохранительных органов. Так вот, сотрудник РОСПО Петрухин, встретившись с Зуевым, разыграл классическую милицейскую схему, заставив того выбирать между «хорошим» милиционером и «плохим». Будучи «хорошим» милиционером по сравнению с «плохими» Орловым и Тутиным, Петрухин обещал Зуеву поддержку от лица главы ФСКН Черкесова и руководства РОСПО. Под давлением последних Халидовы вернули первоначальному владельцу права на управление торговым центром «Три кита». Впрочем, если связи Халидова с Чайкой не миф, никакого «давления» на них со стороны правоохранительных органов не могло быть, а была заранее спланированная имитация оказанного Зуеву «благодеяния». Какое-то время все шло хорошо. Однако в 2005 году Зуев начал переговоры с «Татнефтью» относительно продажи бизнеса, узнав о чем, члены РОСПО Петрухин, Романов и Мухаметдинов при помощи заместителя Черкесова Бульбова, его помощника Гевала (ныне негласного сотрудника Черкесова) и начальника Управления ФСКН по Москве Хворостяна похитили Зуева и поместили его в психиатрическую больницу имени Ганнушкина в Москве, где бизнесмена заставили передать руководству РОСПО право распоряжения значительной частью его бизнеса.
>
> Теперь не имеющего уже никакого отношения к «Трем китам» Зуева хотят сделать главным виновным в деле о контрабанде мебели. Подлинные же владельцы мебельного бизнеса — руководство ФСКН и РОСПО — остаются в тени. Да и чего иного можно было ожидать, если следствие по делу ведет человек Юрия Чайки следователь Генеральной прокуратуры Лоскутов, являющийся близким другом заместителя директора ФСКН Владимирова и регулярно общающийся с самим руководителем Госнаркоконтроля Черкесовым. Последний, как говорят, лично контролирует ход расследования. В результате подобного контроля из дела, по словам адвокатов Зуева, были изъяты документы и протоколы, свидетельствующие о причастности к мебельному бизнесу сотрудников ФСКН и РОСПО. И, напротив, всячески раздувается тот факт, что в дело замешаны высокопоставленные работники Государственного Таможенного Комитета».

Таково высказывание. Оценим его статус.

Высший статус присваивается высказываниям, которые принадлежат высоким официальным лицам.

Следующий по рангу статус — у высказываний, сделанных в солидных СМИ с хорошей репутацией людьми, обладающими столь же высокой репутацией, как и сами издания.

Дальше по рангу следуют высказывания, в которых статус органа и статус автора не совпадают.

Еще ниже находятся высказывания, в которых статус органа и автора совпадают, но в негативном плане.

Предельно низкий статус у высказываний без авторства (или с анонимным авторством), повешенных на чужой форум. В этом смысле, высказывание некоего Zyzja (надо понимать, что Зюзи

или Зизи), повешенное на чужой форум, обладает самым низким из всех возможных статусов, не так ли? Про такие высказывания говорят: «На заборе тоже нечто написано!»

Настораживают две вещи.

Первая — что высказывание внятное. Внятное не значит верное. Но оно развернутое, хорошо оформленное литературно, нашпигованное информацией (достоверной или нет — неважно). Оно хорошо отстроено. Такого рода высказывания в современной России обычно не являются плодом индивидуальной фантазии неуравновешенного маргинала.

С другой стороны, зачем в условиях войны кланов структуре, организующей такое высказывание, подписываться «Зюзя» и паразитировать на чужом форуме? СМИ, участвующие в войне на стороне античеркесовского клана, с удовольствием напечатают такое высказывание. Что касается анонимности, то взятие псевдонима, организация высказывания через подставных лиц — это норма сегодняшней жизни.

Но если напечатать высказывание в любом античеркесовском СМИ, то оно будет отслежено. Источник будет выявлен. И, видимо, это считается опасным. Но тогда это считается опасным не по причине «бросовости» высказывания, а по другим обстоятельствам.

С другой стороны, если напечатать подобное высказывание на любом форуме и подписаться «Зюзей», то эффект будет нулевой.

И поэтому высказывание посылают не на любой форум, а на форум агентства «Росбалт», руководимого Н.Черкесовой, женой В. Черкесова (что общеизвестно). Подобная затея на языке закрытых структур называется «черной меткой».

А вот то, что «черная метка» висит на форуме «Росбалта» и широко обсуждается в узких экспертных кругах, — это отдельный вопрос. Придадим ему статус некоей загадки — и пойдем дальше.

Для этого вернемся к содержанию сообщения некоего «Zyzja». Его внимательный анализ показывает, что это — не совсем «подметный лист» и «заборная надпись». Я вовсе не хочу сказать, что все изложенные там сведения являются достоверными и отражают действительность. Я хочу сказать, что это послание — удар в ходе информационной войны, а его автор — не «городской сумасшедший», а оператор (пусть и низовой) одной из сторон. И ряд признаков указывает на то, что он — оператор именно «трехкитовой» стороны.

Во-первых, автор рассматриваемого интернет-материала упоминает в качестве «отрицательных героев» всей этой истории генерала А.Бульбова и бывшего сотрудника ФСКН Ю.Гевала, арестованных в октябре 2007 года. Понятно, что в июле 2007 года имена Бульбова и Гевала и их роль в деле «Трех китов» знали только заинтересованные стороны конфликта. То есть посадка готовилась, и на языке «черной метки» объяснялась причина.

Во-вторых, в рассматриваемом материале почему-то ни Устинов, ни Патрушев, ни Заостровцев НЕ называются сторонами дела «Трех китов». Все дело «Трех китов» представляется как «разборка» между Зуевым и бывшим помощником В.Рушайло А.Орловым, который якобы и одолжил Зуеву часть средств на строительство мебельных торговых комплексов. Потом якобы Орлов потребовал от Зуева передать ему половину «трехкитового бизнеса». То есть «трехкитовое дело» — это конфликт Зуева с Орловым, в который вмешался Черкесов.

В-третьих, автор (в полном тексте вышецитированного материала) начинает интегрировать братьев Халидовых с депутатом ГД Б. Кодзоевым, якобы близким к Ю.Чайке.

В-четвертых, он утверждает, что Зуев якобы был похищен сотрудниками ФСКН и помещен в психиатрическую больницу имени Ганнушкина, где вынужден был передать РОСПО право распоряжаться значительной частью его собственности.

Ровно в той же степени, как и по отношению к другим рассматриваемым акторам, мы должны постулировать, что это утверждение — миф. Все, что не факт, то миф. Анонимка — тем более миф. Миф же важен постольку, поскольку он указывает нам на вектор информационной атаки. Мы уже много раз говорили о том, что любое высказывание даже более серьезного ранга, нежели «интернетовский анонимный наезд», может быть обсуждено лишь как акция в рамках информационной войны. Акция, способная нам нечто поведать о характере игры, — ни больше ни меньше.

Мы говорили, что принимать такую акцию за действительный факт («за чистую монету») так же наивно, как и игнорировать. Дополнительно можно указать, что данная акция осуществляется

профессионалом определенного типа — автор анонимного интернетовского «наезда» обыгрывает некий подлинный факт из жизни Зуева.

Дело в том, что в феврале 2005 года, и это отражено в уже цитировавшемся выше следственном документе Воинова, Зуев действительно был госпитализирован в больницу имени Ганнушкина. В том же постановлении можно найти и краткое описание медицинских проблем Зуева, чего мы приводить не будем по соображениям этики.

При этом описание на «росбалтовском» форуме ситуации, в которой сотрудники ФСКН оказывали давление на Зуева, находящегося в больнице, вполне могло быть недостоверным. Однако откуда автору было известно о факте пребывания Зуева в психиатрической больнице? Эта информация могла быть известна лишь семье Зуевых и какому-то кругу их знакомых, а также интересантам дела «Трех китов» различной клановой ориентации.

Таким образом, налицо ряд информационных вбросов различного качества, в которых обсуждается ситуация с «Тремя китами» и «Грандом». Обсуждение сводится к тому, что все трансформации с собственностью этих торговых домов были проведены в интересах «группы Золотова-Черкесова».

О том, что такие обсуждения — это мифы, обнаруживающие угол информационной атаки (и что таков наш подход к любому высказыванию в адрес любого из акторов), мы уже говорили.

А теперь вернемся к фигуре Илиева, которая, помимо «трехкитово-грандовских» упоминаний, оказывается, может быть вовлечена в обсуждение (пусть даже и косвенное) и в связи с делом о «китайской контрабанде».

Пресса начинает «бережно интегрировать» в рассматриваемый нами сюжет еще одного известного московского бизнесмена — Т.Исмаилова. Еще раз обращаем внимание на то, что вполне респектабельные издания (типа той же русской версии Forbes в феврале 2006 года) филигранно очерчивают этническую общность Илиева и Исмаилова («таты» — то есть горские евреи). Указывается, что Илиев и Исмаилов имеют в своей собственности торговые точки, соседствующие друг с другом на Черкизовском рынке.

Стоит оговориться, что Илиев и Исмаилов на Черкизовском рынке выступают не в качестве юридически оформленных бизнес-партнеров, а именно как своего рода «бизнес-соседи» — владельцы соседствующих друг с другом торговых площадей. Сам Исмаилов в интервью «Ведомостям» от 28 августа 2007 года говорил, что Илиев не является его партнером, а «владеет своей частью территории рынка».

Однако даже такой факт, как соседство торговых площадей, принадлежащих представителям одной диаспоры, может быть случайностью. Вообще-то диаспоры (и их части, занятые рыночным бизнесом, в особенности) — это достаточно тесный мир, живущий по очень определенным правилам. Которые резко снижают возможность случайности такого факта, как бизнес-соседство. Мы вовсе не хотим придавать этой возможной (подчеркнем, именно возможной) неслучайности какой-либо негативный оттенок. В бизнесе люди, знающие друг друга и доверяющие друг другу, стремятся к кооперации. Особенно если это рыночный бизнес. Но если речь идет о таком бизнесе, который мы рассматриваем, то кооперация по определению не может не стать фактором в крупной элитной игре. Таким же фактором в этой игре не могут не являться и сами эти диаспоры.

Отметим, что именно через сюжет с Черкизовским рынком простраивается связь его владельцев и с «трехкитовым» сюжетом, и с «китайской контрабандой».

Мы не можем определить, является ли эта простройка чистой инсинуацией, фактом или дозированной дезинформацией. НО МЫ МОЖЕМ УТВЕРЖДАТЬ, ЧТО ЭТО ПРОСТРОЙКА. А раз так, то, с точки зрения аналитики элитных игр, мы получаем дополнительные «стеклышки» для своей причудливейшей мозаики.

В 2006 году сопряжение «китайского дела» и «Трех китов» становится магистральным занятием определенных средств массовой информации.

2 октября 2006 года «Новая газета» публикует статью все того же Р.Шлейнова «Генералы широкого профиля», в которой он прямо проводит связь между делом «Трех китов» и «китайским делом».

Шлейнов сообщает одну, казалось бы, незначительную деталь, которая дает основания для такого вывода. У арестованного по делу «Трех китов» таможенного брокера Латушкина следствие изъяло поддельные печати различных китайских фирм. По мнению автора статьи, этот мелкий

эпизод может свидетельствовать о том, что Латушкин мог быть причастен к контрабанде китайских товаров в Россию.

Но Шлейнов идет дальше и заявляет: *«По некоторым данным, конечным пунктом для конфиската мог бы стать Черкизовский рынок в Москве, владельцем которого нередко называли бизнесмена Тельмана Исмаилова. Напомним: рынок грозятся теперь закрыть — после недавнего теракта».*

Таким образом, становится понятно, что любое мало-мальски серьезное расследование дела «Трех китов» и, в первую очередь, обстоятельств продажи Зуевым этого бизнеса неизбежно вывело бы на фигуры Исмаилова и Илиева. А от фигуры Илиева (вне зависимости от его клановой ориентации) прямая привела бы к теме Черкизовского рынка и неких потоков, идущих на этот рынок из Китая.

Вопрос тут не в качестве потоков. Не в том, идут ли из Китая только дешевые товары народного потребления, или же эти товары — лишь важная капля в каком-то море нетранспарентных финансовых коммуникаций. Намного важнее то, что это коммуникации с Китаем. И что это спецкоммуникации! Еще раз повторю, что такого рода финансовые нетранспарентные спецкоммуникации — норма в сегодняшнем мире спецслужбистских транснациональных игр. И анализируется данная конкретная нетранспарентная спецкоммуникация только как фактор игры. А не как ужасное нарушение каких-то правовых норм.

Меня спросят: «А если нарушение правовых норм станет и впрямь ужасным? Насколько ужасным должно оно стать для того, чтобы вы перестали анализировать человеческую трагедию, как шахматную партию? Может быть, вы бы иначе стали рассуждать, если бы эта трагедия задела вас лично?»

Отвечаю: человеческая трагедия всегда остается трагедией. Однако рапорт о потерях при штурме Берлина не должен превращаться в фильм «Отец солдата». Тот, кто шлет рапорты, оперирует цифрами. А художник видит за цифрами великое человеческое горе. Есть не только две подобные крайности, определяемые, кстати, жанром, а не человеческим содержанием повествователя (тот, кто шлет рапорты, ПРОСТО НЕ МОЖЕТ внести в них ни пережитый им лично ужас, ни переживания частного характера. Даже если у него этого всего в избытке).

Есть множество принципиально отличных форм описания одного и того же. Журналист описывает одним способом… Поэт другим… Следователь третьим… Если я как аналитик элиты определенным образом описываю… нет, даже не реальность, а некую гипотезу по поводу оной… то это не значит, что у меня нет сердца. Или что я лишен разного рода человеческих регуляторов — моральных, экзистенциальных, гражданских. Есть у меня эти регуляторы. А вот в выбранном мною жанре места им нет. В Африке чуть ли не каждую неделю происходят жуткие бойни. Я могу попытаться реконструировать их игровой смысл. Почему это должно значить, что мне не жалко гибнущих детей? Конечно, жалко.

Все, что я могу как аналитик игры, — это нащупать связь между происходящим и его игровым смыслом. Это не значит оправдать происходящее. Кстати, поскольку речь идет о сугубо гипотетических связях, то заведомо нельзя говорить ни об оправданиях, ни об обвинениях. А только о гипотетических (еще и еще раз буду подчеркивать — ГИПОТЕТИЧЕСКИХ!) игровых факторах.

Выявить, что это за факторы… Предположить, кто что использовал (если использовал) и для чего… Нет места ничему другому в выбранном жанре.

Итак, 21 августа 2006 года — за три недели до скандала вокруг китайской контрабанды! — произошел взрыв в кафе на Черкизовском рынке. Тогда, напомним, было убито 10 человек и ранено 55, а мощность взрывного устройства составила 1,2 кг в тротиловом эквиваленте.

Это вам не высказывание… Это факт… Но кто сказал, что этот факт связан с рассматриваемым нами сюжетом?.. Совпадение по времени — вещь интересная, но ничего не доказывающая. Математики говорят: «Необходимо, но недостаточно». Присмотримся внимательнее к деталям.

По факту взрыва на Черкизовском рынке милиция задержала террористов. Ими оказались московские студенты И.Тихомиров, О. Костылев и В.Жуковцев. Следствие инкриминировало им теракт по мотивам национальной нетерпимости. Мол, на рынке много азиатов… Торгуют азиатскими товарами (в основном ширпотребом из КНР и других стран АТР). Вот вам и мотив.

Отметим, что «Ведомости» от 22 августа 2006 года пишут буквально следующее:

> «Кто является владельцем «Евразии» (части Черкизовского рынка, на которой произошел теракт), «Ведомостям» установить так и не удалось. В «АСТ-Черкизово» заявили, что эта территория им не принадлежит. Источник в мэрии говорит, что фирма «Илиев» к этой территории также отношения не имеет. Участок, на котором расположена «Евразия», по его словам, арендуется мелкими компаниями, за которыми стоят граждане КНР».

Те же «Ведомости» пишут, что рынки «Новый АСТ», «Старый АСТ» и «Малый АСТ» принадлежат группе компаний АСТ ТИсмаилова.

Таким образом, взрыв произошел на территории, вроде бы не контролируемой ни Исмаиловым, ни Илиевым. Но выше Шлейнов прямо увязывает все «черкизовское хозяйство» именно с фигурой Исмаилова. Кто бы ни был владельцем той части рынка, на которой произошел взрыв, информационная игра началась именно вокруг имени Исмаилова, на рынке которого якобы реализовывался конфискат.

В целом Черкизовский рынок действительно является азиатским (конкретно — в первую очередь, китайским) местом. Дело не только в товарах. «Азиатчина» Черкизовского рынка даже получает отражение в художественных произведениях. Например, в известном романе С.Доренко «2008».

Но вернемся от романов к следственной и аналитической рутине. А также к рутине политической. И… и много еще какой.

Взрыв стал поводом для обсуждения темы о необходимости закрытия Черкизовского рынка — якобы вследствие того, что администрация рынка не в состоянии обеспечить безопасность и порядок.

И действительно взрыв на Черкизовском рынке породил не только разговоры, но и конкретные административные действия по его закрытию. 14 февраля 2007 года стало известно о подписанном мэром Москвы Ю.Лужковым постановлении о закрытии Черкизовского рынка не позднее 31 декабря 2007 года. При этом информационные агентства указывали, что закрытию подлежат 18 торговых точек. В том числе — ООО КБФ АСТ, ООО «Фирма Илиев», ООО «Фирма ИЛ ИОН Трейд». При этом РИА «Новости», комментируя данное решение мэра, указывали, что поэтапное закрытие рынка должно начаться уже с 1 июля 2007 года.

Однако 27 августа 2007 года стало ясно, что полное закрытие Черкизовского рынка произойдет только к 2009 году. И сообщила об этом пресс-служба Центрального административного округа Москвы. Было сообщено, что в Черкизово уже идет закрытие объектов, но само закрытие перенесено фактически на два года. В этих условиях, даже если закрытие Черкизовского рынка все-таки состоится, оно произойдет в гораздо более «комфортном» режиме для владельцев торговых точек.

Но что значит закрыть рынок по причине теракта?

Если закрывать все объекты по указанному принципу, то можно закрыть многое. Железные дороги, например (взрыв под Мадридом), международную торговлю… Так что вывод о необходимости закрыть Черкизовский рынок по причине взрыва на оном, согласитесь, небезусловен. И интересен именно в силу своей небезусловности.

Когда налицо подобная небезусловность, всегда есть основания считать, что предъявляемый мотив — лишь повод. А на самом деле имеется другой мотив. Например, борьба неких групп за контроль над рынком. В любом случае мы должны констатировать, что рынок не закрыт. И это — факт. Значит, его хотели закрыть и не закрыли. Точнее, что-то там изобразили, но в итоге рынок работает. Когда осуществляется подобный демарш, а результата нет, то нужно объяснить, почему его нет.

Простейший ответ очевиден. Попугали закрытием, конвертировали эту угрозу в какие-то приобретения и не стали закрывать. Но это простейший ответ.

Может быть и другой, чуть более сложный. Боролись две группы. Одна хотела закрыть и заявила об этом. Другая не хотела закрывать. Победила (пока) та, которая не хотела закрывать.

А есть и еще более сложный ответ на тот же вопрос. Возникла проблемная ситуация (быть или не быть, закрывать или не закрывать). Внутри этой проблемной ситуации, обострив ее до предела, стали что-то разруливать. Не просто пугать закрытием и брать «отступное», а именно разруливать. О чем-то заново договариваться, строить новые союзы, переформатировать отношения, осуществлять новые проекты, отвечающие новым договоренностям.

Все три ответа в принципе правомочны. Но какой из них правильный?

Утверждать что-либо в этом вопросе — и самонадеянно, и бестактно. Самонадеянно — потому что ситуация слишком запутана. И не только для посторонних, но и для самих участников. Бестактно — потому что, даже зная точно, как было, я бы все равно не стал ни на чем настаивать. А также потому, что вообще непонятно, что тут есть «точное знание». Может быть точное знание одновременно о координате и импульсе элементарной частицы? Гейзенберг доказал, что такого знания в принципе быть не может. И назвал это «соотношением неопределенностей». Ему можно говорить о соотношении неопределенностей, а нам нет? Мы же имеем дело с гораздо более сложной материей, нежели какие-то там элементарные частицы.

Итак, мы тоже можем сказать о соотношении неопределенностей. А сказав о нем, разместить внутри «квадрата неопределенности» не самонадеянно бестактные утверждения, а некую аналитическую притчу.

Причем в нескольких вариантах.

Вариант № 1 — мой. Он называется «Элитная игра». Выглядит он так.

Жили-были два клана. Клан № 1 и клан № 2.

Стоп… № 1… № 2… Дальше еще появится № 3…

Такая нумерологичность требует определенных оговорок в вопросе о «нумерологизируемой» сущности… Одно дело говорить об элитных кланах как таковых. Другое дело — нумерологизация и все, что из нее вытекает. Позиционирование, конфигурирование, реконфигурирование и так далее.

А ЕСТЬ ЛИ ТО ЭЛИТНОЕ ВЕЩЕСТВО, КОТОРОЕ МОЖЕТ СЛАГАТЬ УСТОЙЧИВЫЕ «ТЕЛА»? Есть ли предпосылки для образования общностей, которые можно называть кланами? Соответственно, есть ли кланы? И что это такое?

Ведь речь идет о России, а не о Китае, Индии, Средней Азии. О России, а не о Сицилии или Корсике. О России, а не о Кавказе даже. Хватает ли ее элите связности для того, чтобы создавать полноценные кланы?

КОНЕЧНО ЖЕ, НЕ ХВАТАЕТ. Все элитные социальные структуры в современной России — невероятно подвижны, аморфны, диффузны. Вчерашние ближайшие друзья могут завтра стать врагами. Некая элитная общность может так участвовать в той или иной игре, что часть участников, будучи ознакомлена с игровой динамикой, просто разведет руками и скажет: «Да мы-то тут при чем?»

Но это только означает, что кланы в современной России — это не кланы традиционного типа, которые формируются в обществах, сохранивших традиционные формы социальной связности. А также не кланы в устойчивых западных обществах. То есть это не сицилийские или японские, а также не британские или французские кланы. Это новая форма социальной общности. Крайне плазмоидная и неустойчивая.

Но это же не значит, что формы вообще нет. Что элита никак не структурирована. Элита структурирована всегда! И она всегда структурирована с разной степенью «внутриструктурной» и «межструктурной» подвижности. Одно дело — кристалл. Другое дело — сгусток плазмы. Но и то, и другое — структура. Я не обсуждаю здесь плотность элитных сгустков, их социальную связность. Я даже не обсуждаю внутригрупповую транспарентность, то есть степень гомогенности группы в вопросе о принимаемых решениях, целях, качестве совокупного интереса.

Я обсуждаю (а) некие размытые структуры с неопределенной степенью связности, (б) структуры, являющиеся в существенной степени виртуальными, при том что степень этой виртуальности оценить очень трудно. И обсуждаю я все это как аналитик элиты.

Я уже говорил о том, что аналитика элиты имеет свои прерогативы и свои допуски. Здесь я вынужден ввести еще более четкое разграничение, указав на то, что сфера элитологии и сфера процессуально-ответственной констатации никоим образом не совпадают. Мало, увы, лишь указать на подобное обстоятельство. Нужно еще и разъяснить, в чем его методологическое значение. С этой целью я приведу конкретные общеизвестные примеры, показывающие, чем аналитика элиты отличается от «процессуально-ответственной констатации».

Убили Джона Кеннеди… Ведь его убили, правда? И что? Ни один аналитик элиты не будет отрицать «игрового» характера данного события. Обсуждаться будет только то, в чем игра, кто сделал этот ход и зачем. Но с точки зрения процессуально-ответственной констатации — нет никакой игры.

Есть не вполне адекватный одиночка Ли Харви Освальд. И он совершил данное чудовищное злодеяние на свой страх и риск. А потом другой одиночка сделал то же самое с Робертом Кеннеди.

Как говорится в известном анекдоте, «поскользнулся, наступив на апельсиновую корку, упал, наткнулся на нож… И так тридцать раз».

С точки зрения процессуально-ответственной констатации, Альдо Моро убили «красные бригады», а Индиру Ганди — сикхи. Кто взрывал итальянские поезда и банки? Террористы!

Уже введен в науку термин «стратегия напряженности», уже структура и логистика этой самой «стратегии» обсуждена на основе рассекреченных документов. И что? С процессуально-ответственной точки зрения, это все равно террористы.

Любой аналитик элиты, занятый Пакистаном, знает, в чем игра, результатом которой стала смерть Беназир Бхутто. И кто сделал этот игровой ход. Но с процессуально-ответственной точки зрения, это сделали какие-то негодяи.

И как же быть? Как сопрягать сферу «процессуально-ответственной констатации» и сферу «игровой аналитики»? Игнорировать игровую аналитику? А как ее игнорировать? Как вы проигнорируете СМИ? Общественное сознание? А главное — информационную войну! Ее-то уж никак не отменишь. Молчали бы игроки, не обсуждали бы открыто что-то и с какими-то целями… Но ведь обсуждают! Выдают «на гора» нечто!

И все — понимаете, все! — обязательно будут обсуждать, что к чему.

Кланы… Что это такое? С процессуально-ответственной точки зрения, это почти ничто… Да, теперь уже имеется литература исторического характера, повествующая сквозь зубы о кланах в советский период. Но ОЧЕВИДНОСТЬ в этом вопросе по понятным причинам отсутствует. А если нет очевидности, то нет и базы для формирования процессуально-ответственной точки зрения. А значит, в этом (процессуально-ответственном) смысле кланов как бы и нет.

Ну, говорил мне очень серьезный советский руководитель о том, что его направили на определенное спецслужбистское направление для борьбы с кланами… По факту это означает, что советские спецслужбистские кланы были. И что всё (!) официальное советское руководство признавало их наличие… Но…

Во-первых, данный руководитель говорил об этом мне в личных беседах… И все, кто говорил кому-то что-то на эту тему, говорили об этом в личных беседах. Это особый элитный фольклор… Семейные предания, устно передаваемый опыт. Как его подтвердить? Грубо говоря, не оказаться заподозренным в элементарной спекулятивности?

Во-вторых, кто сказал, что… Что говоривший руководитель был искренен… Что он знал, о чем он говорит…

В-третьих, предположим, что в СССР это было… И что? Или в Российской империи это было…. И что? На один XX век пришлось две элитогенетические катастрофы. Кто сказал, что сохранилась хоть какая-то преемственность?

В-четвертых, ну, сохранилась — и что? Если и сохранилась, то не на уровне разного рода «мебельных дел», организаций бывших сотрудников правоохранительных органов и т. д.

Ах, нити из малых дел тянутся в большие дела! Так докажи, что тянутся… И объясни, что значит «тянутся»… А если участники малых дел про большие дела не знают вообще? Если они и не участники в полном смысле слова? Нет ни долевых паев, ни даже осознания своего участия… Скажешь об участии — они абсолютно искренне руками разведут… А про твои версии скажут: «Правой рукой за левое ухо»… Именно так, кстати, было написано в огромном материале по «Трем китам», напечатанном в «Комсомольской правде» (материал выходил ежедневно с 29 января по 2 февраля 2007 года). А почему это автор того материала неправ? Потому что его точка зрения девальвирует мои рефлексии? А может правильно делает, что девальвирует?

Материал, о котором я говорю, был «многополосным сериалом». Я могу заблуждаться по очень многим вопросам. Но что такое многополосные сериалы в газетах первой лиги («Комсомольской правде», «Известиях» и т. п.), я знаю точно. И любой, кто в состоянии осилить данную книгу, — тоже знает. Знает, что для появления такого сериала необходима конкретная элитная директива. Не говорю ведь — властная! Но, безусловно, элитная!

Если газета, например «Известия», печатает сериал (согласитесь, вообще не газетное, в строгом смысле слова, дело), разоблачая связь ведомства (ФСКН) с организацией бывших сотрудников правоохранительных органов РОСПО… Если ведомство (ФСКН) требует опровержения и получает его… А позже газета «Известия» снова пишет о том же… а ведомство снова опровергает… а газета отвечает: «Да уже ВСЕ об этом пишут, вы что?»… то как я в качестве аналитика элиты должен к этому отнестись? Проигнорировать? Но тогда я не аналитик элиты!

Я должен констатировать факт игры. А также то, что в некую игровую схему втянуты все эти № 1, № 2, № 3 и так далее. Втянуты помимо воли участников? И что?

Но что значит «втянуты»?

Существуют ли все эти № 1, № 2, № 3?

Существуют ли кланы вообще?

Говорить в подобной ситуации, что «не существуют» — глупо. Можно только уточнять — В КАКОМ СМЫСЛЕ существуют.

Налицо, как минимум, факт ВИРТУАЛЬНОГО существования подобных сущностей. Давайте для абсолютной корректности (чтобы исключить любую предвзятость) скажем, что № 1, № 2, № 3 и любые другие «кланы» существуют ТОЛЬКО в виртуальном смысле. Ведь и это уже немало. Давайте договоримся также, что это не вполне так. Но мера, в которой это не так, не верифицируема с помощью предложенного содержания как самодостаточного («вещи в себе»). Только так и могут быть построены корректные игровые рефлексии, и этот принцип построения не может применяться избирательно.

Все, что я рассматриваю, — это информационно-плазмоидные сгустки, которые формирует обсуждение событий. Причем не только обсуждение, ведущееся сторонними наблюдателями, но и обсуждение, носящее характер информационных войн. Долгие занятия предметом сформировали у меня аналитическую интуицию в вопросе о том, где следует говорить об информационных баталиях собственно элитного характера, где об информационных шумах, а где об общественных предрассудках, стереотипах понимания, деформациях восприятия.

Если бы следов информационных войн вообще не было, то может быть я бы и не стал заниматься такого рода рефлексиями. Но эти следы есть. Начни я это доказывать — исследование выйдет из берегов. Поэтому мне проще сказать, что я анализирую только информационные протуберанцы, а не сами структуры, которые их вызывают. Однако это не вполне так. Связь между протуберанцами и структурами есть, хотя она и не носит жесткого линейного характера.

Но предположим, что кланы — это только протуберанцы. И что? Разве не важно, как формируются протуберанцы — причем мощнейшие — в нынешней информационной среде? Разве не живут эти протуберанцы отдельной жизнью? Разве в каком-то смысле их жизнь не становится отдельным социальным феноменом? Причем феноменом, оказывающем ответное воздействие на сложно связанные с этой причудливой жизнью элементы первичной социальной реальности?

Первичное… Вторичное… Информационная цивилизация проблематизирует абсолютность подобных разграничений.

ИТАК, ДЛЯ ЧИСТОТЫ ОПИСАНИЯ ПРЕДПОЛОЖИМ, ЧТО РЕЧЬ ИДЕТ О ПРОТУБЕРАНЦАХ. ХОТЯ, КОНЕЧНО, ЭТО НЕ ВПОЛНЕ ТАК. НАЗОВЕМ ДАЛЕЕ ЭТИ ПРОТУБЕРАНЦЫ «НУМЕРОЛОГИЗИРОВАННЫМИ СУЩНОСТЯМИ». И НАЧНЕМ ИХ РАССМАТРИВАТЬ.

Итак, № 1… № 2.

Эти № 1 и № 2 — в конфликте. Враждуют, как Монтекки и Капулетти… Причем враждуют по разным поводам. В том числе и по мебельному. Конкретно — по поводу мебельных салонов «Гранд» и «Три кита».

В 2004 году их мебельными делами заинтересовался клан № 3. Этот клан, вмешавшись в дело, забрал у клана № 1 весь мебельный бизнес или часть этого бизнеса (салоны под маркой «Гранд»).

В дальнейшем этот же клан атаковал китайский бизнес клана № 2. Тогда клан № 1 и клан № 2 объединились и перешли в наступление на клан № 3.

Вариант № 2 — «О честных и нечестных». В рамках этого варианта есть две модификации. На разных этапах СМИ сообщали нам то одну, то другую.

Модицикация 2–1. Популярная на момент отставки Генерального прокурора Устинова.

Жили-были нечестные спецслужбисты (воины, кшатрии), решившие встать на путь, ведущий к их превращению в торговцев (вайшьев). Они сформировали два клана — клан № 1 и клан № 2. Эти кланы устроили между собой разборку по торговым мотивам. Это заметили другие спецслужбисты (те, кого предыдущий вариант притчи относит к клану № 3). Они начали прессинговать нечестных людей. А потом обнаружили, что эти нечестные люди занимаются еще и другими видами бизнеса. Стали прессинговать и там. Нечестные люди объединились и дали отпор.

Модификация 2–2. Популярна на момент ареста Бульбова.

Жили-были нечестные спецслужбисты из клана № 3. Они решили оклеветать честных спецслужбистов из кланов № 1 и № 2. Честные спецслужбисты объединились. И тогда нечестных арестовали. А они стали сказки про какие-то расколы элит рассказывать.

Я не хочу обсуждать, какой из вариантов абсолютно достоверен. Моя профессия предполагает следование варианту «элитной игры». Даже и в рамках этого варианта я ничего не берусь утверждать. Это опять-таки не моя профессия. Но я могу «размять» гипотезы. А главное — показать вообще, что такое игра. Если я даже в чем-то ошибусь конкретно, возвращение игровой логики в аналитику все равно поможет и понять происходящее правильно, и воздействовать на него. Бэкон сказал: «Knowledge itself is power» («Знание само по себе есть власть»). Вполне брахманский, согласитесь, тезис. Только ведь не любое знание. Тот, кто поверит Бэкону и перейдет от «чиковских» судорог к «цыку», обязан будет искать нужное «knowledge». Не какое попало, а элитно-игровое. Потому что именно оно «itself is power».

Согласно нашей элитно-игровой схеме, клан № 3, прежде всего, имел позиции на Черкизовском рынке.

Ну, имел и имел. Наше утверждение — это не демонизации и инсинуации. Постольку, поскольку мы рассматриваем элитных игроков, они все должны иметь в чем-то позиции. И борются они за позиции. И по всему миру это так происходит… Я сказал уже о жанре все, что мог! И не могу повторять несколько раз в пределах одного сюжета, сколь бы прискорбен он ни был.

Итак, клан № 3 имел позиции на Черкизовском рынке. А клан № 1 — в мебели.

В результате атаки клана № 3 мебель (или ее часть) стала позициями клана № 3, а клан № 1 потерял эти позиции (рис. 68).

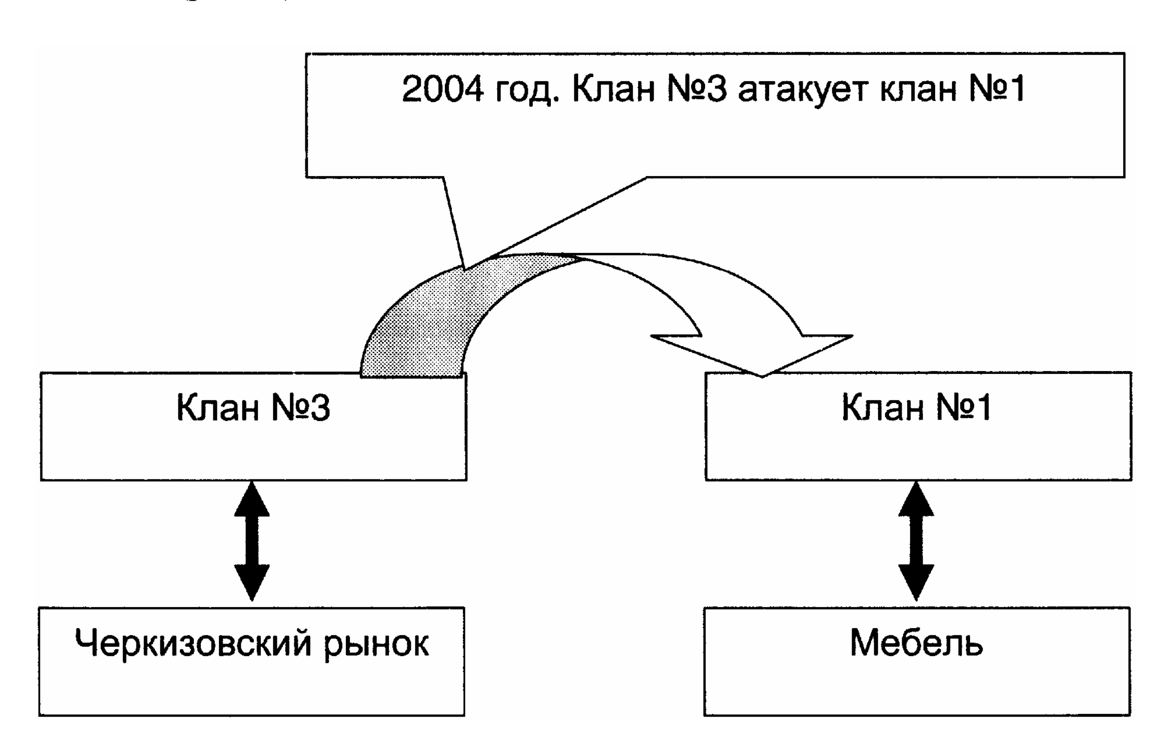

Рис. 68

И вновь я настаиваю на том, что выдвигаю гипотетическую модель. И описываю нечто на адекватном этой модели языке элитной игровой аналитики. Точно так же могут быть изложены гипотетические модели, описывающие определенные события, происходящие в США или Великобритании, Франции или Германии. Не говоря уже о Японии или Индии. Элитные игры идут всюду. Картинки наподобие тех, которые я рисую, — это не инсинуации, а реконструкции, решения неких «обратных задач».

Причем я не придаю своим реконструкциям окончательного характера. Я понимаю, что все реконструкции, по определению, неоднозначны. Я понимаю также, что жанр — это жанр. Есть такое понятие — игры в ящике с песком. Игры в ящике с песком — это не детские игры в песочнице. Это серьезные тактические и стратегические игры, которые регулярно проводят офицеры в академиях и штабах. Но это игры, а не боевые действия. Да, «взяли Воронеж, сдали Курск». Но ведь в порядке игры, в ящике с песком, а не на полях сражений. Правда, сейчас уже играют на компьютерах… Но понятие осталось.

Итак, гипотетическая модель…

Согласно оной, у клана № 3 оказались мебель и рынок. Этому сочетанию абсолютно необходим китайский ширпотреб. Я не буду объяснять, почему он необходим. Я вообще считаю, что за мебельной и рыночной войной стоят более крупные войны. А за крупными — совсем крупные. Я просто развиваю свою гипотетическую схему. Клану № 3 нужен китайский ширпотреб в добавление к полученному. Ширпотреб находится у клана № 2. В 2005 году у клана № 2 начинаются неприятности по линии китайского ширпотреба (рис. 69).

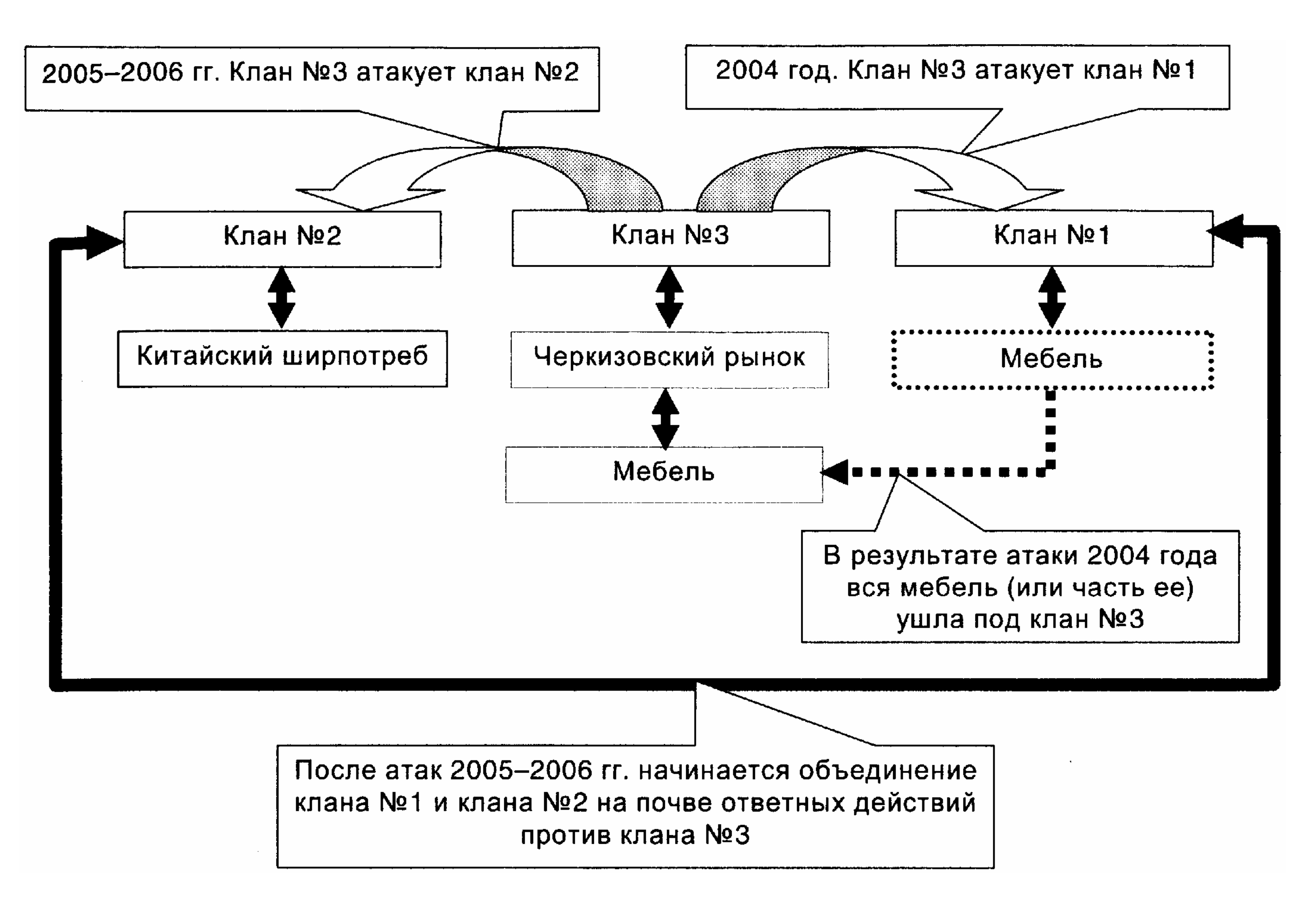

Рис. 69

Объединившись, кланы № 1 и № 2 наносят удар по позициям клана № 3. А что они должны делать? Жизнь — форма существования белковых тел. Борьба за позиции — форма существования элитных групп.

21 августа 2006 года объединенные кланы наносят удар по Черкизовскому рынку. Сюжет описан нами выше. Здесь мы уже проводим аналитическую гипотетическую реконструкцию в парадигме элитных игр. А заодно и развиваем сюжет.

Нам скажут, что удар по Черкизовскому рынку состоялся 21 августа 2006 года, а дело о «китайском ширпотребе» достигло кульминации в середине сентября 2006 года. И что? Дело о «китайском ширпотребе» — это длинное дело. Его апогей — это не гром среди ясного неба. Какие-нибудь двадцать дней отделяют удар по Черкизовскому рынку и апогей дела о ширпотребе. Столь малый срок не только не опровергает, а скорее подтверждает нашу гипотезу.

Но есть ли у нас в ее подтверждение что-то, кроме общих аналитических рефлексий? Что-то есть. Именно «что-то». Не бог весь что, но что-то. И к этому «что-то» мы сейчас перейдем.

Итак, дело о «китайском ширпотребе» достигло апогея в середине сентября 2006 года. А в октябре 2006 года по делу о взрыве на Черкизовском рынке задержан прапорщик ФСБ С.Климук. Выясняется, что С.Климук был «старшим товарищем» националистов, взорвавших кафе на Черкизовском рынке. Этот прапорщик якобы и распропагандировал «взрывников» в националистическом духе, а также непосредственно участвовал в подготовке теракта.

Можно развести руками и спросить: «Ну, и что?» Прапорщик ФСБ — это не ФСБ. Мало ли какой прапорщик что учудит. Особенно в наше неспокойное время. И все же присмотримся внимательнее к этому самому Климуку.

Вот что пишет о нем «Московский комсомолец» 12 ноября 2007 года:

«Сергей Климук (Шаман), 37 лет. Уроженец Казахстана. Прапорщик ФСБ, служил в одной из частей в Подмосковье. Агитатор и пропагандист. Считается, что он — идейный вдохновитель теракта на рынке. После взрыва даже планировал пустить по рынку группу мародеров, чтобы забрать дорогие шубы, куртки и прочий товар. На допросах все отрицает. «Спасовцы» (так именуют себя члены группы «черкизовских бомбистов» — С.К.)пытаются вывести его из-под удара. Именно из-за него дело будет слушаться в военном суде. Климук рассказывал о том, что воевал в Чечне и видел, какие зверства над русскими творили чеченцы. На самом деле в боевых действиях на Северном Кавказе он участия не принимал».

Само по себе не густо. Но ничто в подобного рода разборах не существует само по себе. Что же касается данного текста, то, как нам кажется, нельзя ни преувеличивать, ни преуменьшать зарегулированность сегодняшней жизни. Это, конечно, не советские времена, когда все находилось под абсолютным контролем. Но это и не край непуганых идиотов. Радикальные националистические движения с тяготением к террористической деятельности, особенно же движения русские, — это штука, которая находится под призором. Конечно, под относительным призором, но под призором. И иначе просто не может быть.

Даже если бы сегодняшний российский хаос был в десять раз выше, это все равно было бы так. Только призор носил бы другие формы, внешне более хаотические. Но так, чтобы его вообще не было… Извините, но это такой же вымысел, как и утверждение о том, что каждый прапорщик ФСБ с опытом взрывной работы и тяготением к использованию данного опыта в рамках террористической деятельности — это на сто процентов «кустарь-одиночка без мотора».

Следствие говорит о наличии организации? Организация не может оканчиваться Климуком. Следствие потому и говорит об организации и вводит в действие Климука, что нужны какие-то нити. Они нужны кому-то и для чего-то. Возможно, они действительно есть. А возможно, их нет, но они нужны.

В любом случае, мы должны двигаться дальше. И поставить на полях рядом с Климуком и «спасовцами» жирный вопросительный знак. Мы ведь не говорим — восклицательный, правда? Но вопросительный поставить можно и даже должно. А дальше разбираться с тем, кто, как и когда еще высказался. Конкретно ли по данному поводу, или по какому-нибудь сопряженному поводу, развивающему наше понимание существа дела.

Разбираясь, мы не можем не заметить, что Черкизовский рынок к 2007 году начинает все более активно фигурировать в СМИ в качестве важного «предмета борьбы» между руководством ФСБ и уже обозначенной выше условной «группой Золотова». Пусть даже об этом говорят и весьма сомнительные источники! Став на путь исследования открытых источников, мы не можем не зафиксировать, что именно они говорят.

3 июля 2007 года некто под псевдонимом Gar разместил на форуме сайта «Компромат. ру» статью с «громким» заголовком «Скандал ФСО и ФСБ — новости». Она представляет собой заявление некоего Рашида Корченкова в адрес правозащитников и журналистов.

В заявлении Корченкова (или того, кто подписался этим именем) повествуется о судьбе арестованного в ноябре 2006 года по делу о контрабанде сотрудника ливанского посольства, гражданина Ливана и РФ Хайссама Абдо Амхаза. Корченков инкриминирует сотрудникам Управления собственной безопасности (УСБ) ФСБ и Генпрокуратуры применение пыток к Амхазу с целью выколачивания из него «нужных» показаний.

Сразу же отметим, что именно УСБ ФСБ и его начальника Купряжкина СМИ активно «склоняли» по части вовлеченности в дело о «китайской контрабанде». Более того, шеф УСБ Купряжкин назывался осенью 2006 года одним из уволенных по «докладной Черкесова». О реальном соотношении между этим называнием и действительным положением вещей мы поговорим ниже.

Корченков перечисляет и показания, которые якобы были силой выбиты из Амхаза следователями прокуратуры и чекистами. Упоминается, что Амхаза якобы заставили показать на допросе, что *«начальник СБП ФСО РФ генерал Золотов В.В. лично является «крышей» Черкизовского рынка г. Москвы».*

Более того, якобы также *«в г. Москву при личном участии Золотова В.В. ввозились товары контрабандного происхождения на суммы до 5 миллионов долларов США, при этом привлекались сотрудники ФТС РФ, работающие на таможенных терминалах».*

Понятно, что контрабандные товары нужно где-то реализовать. А выше уже было сказано, что Золотов — «крыша» Черкизовского рынка. У читателя «Компромата. ру» просто не может не возникнуть мысли, что контрабанда ввозилась для продажи на «Черкизовке».

Однако дальше — больше. Из Амхаза якобы также выбили то, что *«при личном участии Золотова В.В. и офицеров ФСО РФ за отказ платить дань и личные разногласия из России в Германию был выдворен некто Азат, один из совладельцев Черкизовского рынка, по национальности тат, который впоследствии пообещал 5 миллионов долларов США за физическое устранение последнего».*

Если читать текст по литературным и логическим правилам, то «последний» — это Азат, который не может разрабатывать устранение самого себя. Если же относиться к тексту не как к литературному или юридическому шедевру, а как к ценному источнику информации, то единственный, кто может фигурировать в качестве «последнего» в рамках данного текста, — это Золотов. Но тогда речь идет о том, что некто Азат, один из совладельцев Черкизовского рынка, выдворенный из России злодеями из ФСО, включая В.Золотова, впоследствии предложил кому-то 5 миллионов долларов за физическое устранение Золотова (рис. 70).

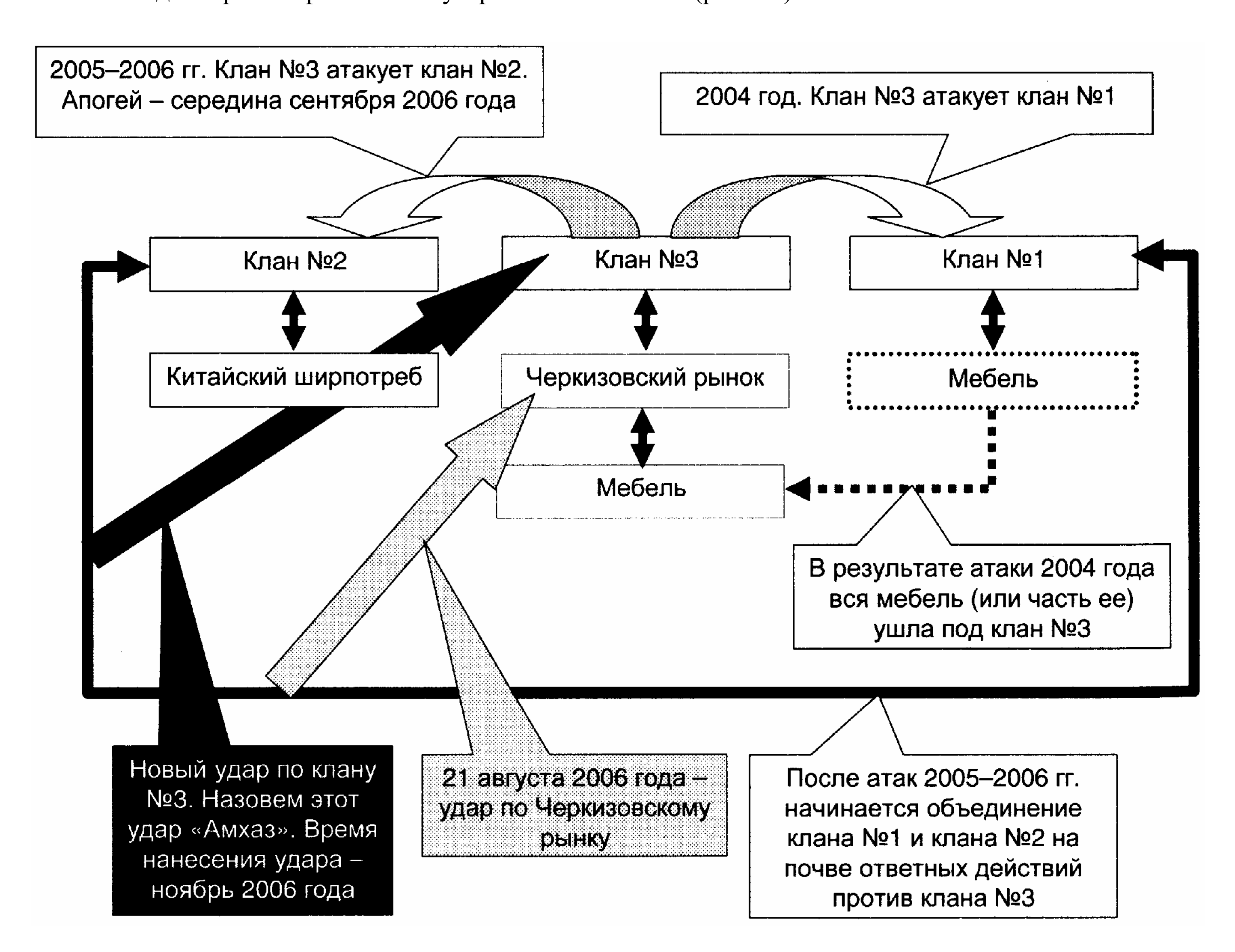

Рис. 70

Посмотрите, какая плотность событий!

21 августа 2006 года — рынок.

Середина сентября 2006 года — апогей дела о «китайском ширпотребе».

Ноябрь 2006 года — Амхаз.

Это уже лихорадочная война. И вряд ли она исчерпывается теми событиями, которые получают освещение в печати. Но мы строго придерживаемся того, что получило хотя бы такое освещение.

Нас могут спросить, почему мы придаем такое значение этому тексту с кодовым названием «Амхаз» и сопряженному с ним событию? Тексту очень запутанному (поди разбери, кто кого кому заказал?), опубликованному в сомнительном источнике с сомнительной же подачи.

При ответе на данный, во многом решающий вопрос приходится ссылаться на аналитическую интуицию. И не потому, что этой ссылкой хочется прикрыть какие-то другие типы понимания происходящего. А потому, что это именно так. Именно аналитическая интуиция говорит о том, что данный плохенький текст, написанный коряво и неоднозначно, является аутентичным свидетельством какой-то борьбы, а не пьяным сочинением дурного сотрудника сомнительного сайта.

Был бы текст глаже, логичнее, и уж тем более образнее или глубже, — никогда бы он не вызвал нашего доверия. А тут он вызывает его — опять же не как «истина в последней инстанции», а как какое-то мало-мальски аутентичное сообщение. Передать читателю это наше интуитивное ощущение доверия к тексту мы не можем. Однако и изъять его из описания тоже не можем. Потому что все в подобного рода рефлексиях строится на достаточно зыбких основаниях. Но мало ли что построено на зыбких основаниях! Как минимум, есть города, которые построены на таких основаниях. И что? Надо оговаривать, что основания зыбкие, но отказываться от построений по этой причине нельзя.

Итак, путаный текст…

Из него, как минимум, явствует, что из некоего Амхаза, лица, имеющего двойное гражданство (РФ и Ливана), выбивались показания против Золотова. И что в этих показаниях Амхаз должен был признать, что именно Золотов «крышевал» Черкизовский рынок.

«Крышевал» он его или не «крышевал»? Утверждать в этом вопросе что-либо на основе подобных вещей просто глупо. Но можно утверждать другое. Что к лету 2007 года В.Золотова настойчиво хотят связать с Черкизовским рынком. Степень этой настойчивости определяется аутентичностью текста. Но в любом случае настойчивость не может быть нулевой. Даже если текст абсолютно вымышлен. Между тем с такими вещами, как пытки в сочетании с именами высокопоставленных действующих работников спецслужб, не шутят даже самые «отвязанные» интернет-сайты. И тем более, достаточно легко вычисляемые посетители их форумов.

Кроме того, что, на форумах уже совсем нет модераторов?

Ну, может быть, их и нет. И, может быть, в России уже все «отвязались», что называется, по полной программе. Все равно факт высказывания говорит о намерении увязать Золотова с Черкизовским рынком. Просто качество этого намерения меняется. А намерение остается. И нам-то кажется, что девальвировать качество намерения было бы глубоко неверным.

Отметим также, что такой «подвиг», как разработка плана убийства главы СБП, вряд ли по силам одному, пусть и крупному, коммерсанту. Таким образом, либо Азат имел более влиятельных и высокопоставленных покровителей и вместе с ними хотел убить Золотова, либо… Либо выбивание таких показаний — это тоже ход в какой-то игре. Прессинг с далеко идущими последствиями. При этом явным образом под прессингом оказываются, как минимум, владельцы Черкизовского рынка. А на самом деле, конечно, Золотов, как очень важный компонент большой элитной игры…

Вновь повторю: миф и есть миф. Сам Золотов, может быть, тут, что называется, «ни сном ни духом». Но мифу нужно, чтобы он был — и именно в определенной роли: «Если мифы сооружают, значит, это кому-то нужно».

Мифы — и нет им числа. Но во что сплетаются эти мифы?

Поначалу кажется, что сплетни себе и сплетни (сколько их ни называй мифами). А потом оказывается, что не сплетни, а очень тонкие операции, осуществленные достаточно изощренными элитными операторами.

Текст, сплетаемый из мифов, призван показать, что борьба за Черкизовский рынок может носить не только корыстно-личностный характер. Ведь извлекаемая от реализации контрабандных потоков прибыль может идти уже не только в карман тех или иных персон, но и быть… ну, как сказать… игровым элитным ресурсом.

Плетется ткань мифов… Плетется, плетется — и получается сеть.

После нашумевшего ареста генерала Бульбова (событие, к которому мы обстоятельно вернемся позже) некий анонимный (!) сотрудник Госнаркоконтроля в интервью газете «Версия» (от 8 октября 2007 года) заявляет: *«Благодаря этим схемам* (по организации контрабанды из Китая. — С.К.)*определенные силы аккумулировали колоссальные средства, которые могут влиять на политическую обстановку в стране. Мы расцениваем это как угрозу национальной безопасности».*

Ну, вот и накинута сеть. Пока только потенциально, но сразу на многих. А дальше — на кого надо, на того и будет накинута. Да еще и с решением параллельных задач самого разного рода. Война всех против всех… Порождение множественных недоверий. Нет, это не примитивные мифы, а нечто большее.

Возразят: «А что еще могут говорить работники Госнаркоконтроля после того, как арестовали высокопоставленного сотрудника их ведомства?» Конечно, в подобном возражении есть свой резон. Но ведь можно занять и другую позицию. И сказать, что обострение конфликта вынуждает его участников высказываться более жестко. И переходить с языка таких мелочей, как «крышевание» и «оборотничество», на язык большой элитной игры.

В любом случае, факт задействования этого нового языка (а не факт зловредной деятельности) мы обязаны зафиксировать. Равно как и то, что «новый язык» задействуется в политически острый момент. В момент, когда надвигаются весьма серьезные испытания. Выборы? Да, и выборы тоже. Но не они главное. Главное — это порождаемая ими возможность настоящих «элитных пересменок». А значит, неизбежных сдач.

Скажут: «При предыдущей пересменке не было сдач».

Как это не было? Гусинского не сдали? Березовского? Ходорковского, наконец (пусть и чуть позже)?

Скажут: «А Абрамович остался. И не он один».

Согласен! Так пересменка — это и есть ситуация, в которой каждый член элиты хочет знать свою судьбу. Каждый хочет быть Абрамовичем, и каждый не хочет быть Ходорковским. Отсюда и обострение.

Кроме того, существует еще и международный фактор. Китай и прочие… Там-то на карту поставлено еще большее. Никто не может безразлично относиться к контролю над Северной Евразией. Все наши элитные группы существенно транснационализировались. И даже в отсутствие внутренних мотивов для обострения имеются внешние «приводные ремни». Причем очень разнообразные. Мы уже разбирали ситуацию с «Бэнк оф Нью-Йорк». Обострение может быть необязательно китайско-американским. Оно может быть и иным, но при этом ничуть не менее острым.

В любом случае, мы можем установить, что в середине сентября 2006 года произошло четыре важных события.

Во-первых, на «трехкитовом поле» публично высветился новый (то ли виртуальный, то ли реальный) игрок. В этом качестве пресса стала все более активно называть «группу Золотова-Черкесова».

Во-вторых, произошло объединение групп Патрушева и Сечина против группы Золотова-Черкесова.

В-третьих, по альянсу Патрушева и Сечина был нанесен мощный удар в виде так называемой «докладной записки Черкесова». Причем этот удар был нанесен сразу по двум «подударным точкам» — делу «Трех китов» и делу о «китайской контрабанде».

В-четвертых, был нанесен удар по Черкизовскому рынку. Это произошло чуть раньше, чем обществу стало известно о «докладной записке Черкесова». Но между моментом, когда возникает документ, и моментом, когда о нем становится известно обществу, всегда проходит определенное время. Не так ли?

Стороны обменивались серьезными ударами. Такими серьезными, как никогда раньше. Очередной раунд в этом беспрецедентном «элитном боксе» был за теми, кто добился отставки ряда высокопоставленных работников ФСБ. Но это был отнюдь не последний раунд.

Глава 20. Откат «антитрехкитовых» сил

12 октября 2006 года «Коммерсант» сообщает, что в деле «Трех китов» появилось трое новых обвиняемых — руководитель латвийской фирмы «ФМ Групп», гражданин РФ П.Поляков, бывший начальник отдела развития региональной сети банка «Центрокредит» А. Мельничук, а также руководитель автотранспортной компании В.Беляков.

При этом Мельничук и Беляков взяты под стражу, а Полякову обвинение предъявлено заочно, так как он проживает в Латвии.

«Коммерсант» специально подчеркивает, что ни одного нового обвиняемого из числа силовиков или госчиновников в деле «Трех китов» не появилось.

То есть — переводя это на наш язык элитной игры — наступление клана № 3 захлебнулось. И, как мы считаем, в том числе и потому, что клан № 1 и клан № 2 объединились (см. рис. 70). Никакого другого содержания, кроме элитно-игрового, мы в понятие «захлебнулось» не вкладываем.

Мы не хотим сказать, что «преступники и негодяи остались на свободе». Мы не хотим также сказать, что «доброе имя оклеветанных людей начинает восстанавливаться». Взявшись описывать элитную игру (а точнее, излагать наш взгляд на определенные события именно в этом — элитно-игровом — жанре), мы уже просто не имеем права ни на какие описания происходящего в расхожем жанре, где добро борется со злом, право — с преступлением и так далее. Все, что мы можем себе позволить, — это выявление степени деформации определенной игровой логики. Да и то не потому, что желаем, чтобы логика соблюдалась, а потому, что степень ее деформации определяет напряженность конфликта.

Итак, вопреки многочисленным посулам, два дела — «мебельное» и «китайское» — не порождают трансформаций в той элите, которую игроки хотели бы трансформировать. Вот что констатирует «Коммерсант». По данным делам «берут» персонажей, не входящих в элиту.

Но, может быть, это происходит не по причинам игрового характера, и мы лишь приписываем случившемуся игровые причины? Может быть, речь вообще идет не об игре, и мы навязываем читателю (да и участникам происходящего) ложную концепцию? Вопрос, согласитесь, серьезный. И ответ должен быть соответствующим.

Предположим, что зафиксированное «Коммерсантом» отсутствие обещанных «элитных экстраполяции» не происходит по так называемым «нормальным причинам». То есть в силу того, что те, кому положено, разобрались в том, что экстраполяция каких-то там торговых неурядиц на элиту недопустима в силу неучастия элиты в этих самых неурядицах. Мол, злые силы навязали кому-то концепцию соучастия! А потом их миф развеялся, «как сон, как утренний туман», справедливость восторжествовала и черта между виновными и невиновными была проведена там, где и положено — на территории коммерции, а не на территории элиты. Сначала взяли несколько коммерсантов, потом еще пару-тройку. А больше брать никого не надо, потому что никто не виноват.

Возможна такая интерпретация случившегося? Сама по себе возможна. И мы были бы полностью удовлетворены ею, поскольку никакого желания разжигать конфликты в элите, экстраполировать что-то за естественные пределы «бизнес-разборок» у нас нет. Все, чего мы хотим, — это сохранение стабильности в элите, а значит, и в обществе. Но еще мы хотим правды о сути происходящего. Потому что без этой правды никакой стабильности не будет.

Ну, так вот.

Само по себе отсутствие экстраполяции коммерческого эксцесса в пространство нынешней (то есть спецслужбистской) элиты может говорить и о том, что никакой игры не было и автор ошибочно навязывает происходящему свою игровую концепцию.

Но как можно вне этой игровой концепции объяснить ряд других сопряженных обстоятельств?

Пусть констатация «Коммерсанта» от 12 октября 2006 года по поводу локализации рассматриваемых нами дел размещается в пределах нормального неигрового жанра. В пределах какого жанра следует нам рассматривать сообщение, которое делает журнал «Русский Newsweek» месяцем позже?

13 ноября 2006 года «Русский Newsweek» сообщает, что уволенные по делу о «китайской контрабанде» генералы ФСБ продолжают занимать прежние посты. Так ли это? Может быть, «Русский Newsweek» морочит читателю голову?

Давайте рассмотрим обе возможности. Предположим, что он морочит голову. Ну, тогда все в порядке. Мы можем поставить крест на игровой концепции происходящего и, покаявшись перед наукой, вернуться в лоно нормальных описаний происходящего.

А если «Русский Newsweek» говорит правду? Что тогда? Тогда мы должны признать, что Президент России В.Путин выпустил некий указ, в котором задел спецслужбистскую элиту. И именно элиту, а не каких-то там мелких «оборотней». А этот указ не выполняется. Президент России известен тем, что он «семь раз отмеряет» перед тем, как «отрезать». Он очень тщательно готовит свои решения вообще. А уж решения, касающиеся нечужой ему спецслужбистской элиты, — в

особенности. Значит, он готовил подобный указ, оценивая все «pro» и «contra» и принимая ответственное решение.

Но тогда почему оно не выполнено? Указ о ротациях спецслужбистской элиты в связи с рассматриваемыми нами обстоятельствами предъявлен обществу. И в этом смысле является фактом. А отмена указа происходит, так сказать, по умолчанию… Издержки подобного стиля понятны всем. Взять на себя такие издержки президент может только в связи с чрезвычайными обстоятельствами. А что это за обстоятельства? В том-то и дело, что подобные обстоятельства, по определению, выводят ситуацию из так называемого нормального жанра в жанр элитной игры.

Если сказать еще определеннее, то элитная игра отличается от нормального жанра как раз тем, что могут быть осуществлены такие ходы, при которых сначала решение принимается, потом не выполняется, но и не отменяется… Это и есть Ее Величество Игра. Именно в этом случае мы оказываемся на ее территории. Так оказались ли мы на ней? Морочит нам голову «Русский Newsweek» или нет?

Все экспертное сообщество знало, что «Русский Newsweek» говорит правду. Но мы-то хотим иных доказательств — публичных и потому неопровержимых. Ну, так и они есть.

25 августа 2007 года начальник УСБ ФСБ генерал Купряжкин выступил по телевидению с комментариями по делу об убийстве журналистки А.Политковской. Это был очень внятный и респектабельный комментарий. Сам Купряжкин был убедителен. И, тем не менее, его обычное выступление произвело эффект взорвавшейся бомбы. Потому что выступавший высокий представитель спецслужбистской элиты был годом ранее освобожден от своей должности указом главы государства. Это освобождение широко комментировалось в СМИ.

А через год не экспертное сообщество и не профессиональное спецслужбистское комьюнити, а общество в целом получило неопровержимое доказательство того, что указ президента не выполнен, но и не отменен. По крайней мере, нет свидетельств этой отмены, аналогичных тем, которые есть у факта выпуска указа. Указ был, повторяю, выпущен (о нем сообщали СМИ), обсужден. Отмена произошла по умолчанию, но теперь уже все знают, что она произошла.

Подобное как раз и называется «элитная игра». Мы не потираем руки и не кричим: «Ура! Ура! Купряжкин сохранен». Мы не скрипим зубами и не визжим: «Как же так! Негодяй на свободе!» Качества господина Купряжкина инвариантны по отношению к предмету нашего анализа. Ибо предметом анализа является факт элитной игры. Хорош Купряжкин или нет, прав он или виноват — пусть обсуждают другие.

Мы же констатируем, что ВОКРУГ КУПРЯЖКИНА И ДРУГИХ ИДЕТ ЭЛИТНАЯ ИГРА, ПРИЧЕМ КРАЙНЕ НАПРЯЖЕННАЯ.

Предположим, что вы исследуете тот или иной гидродинамический поток — бурную реку или газ, вырывающийся из сопла двигателя. И вы обнаружили в этом потоке завихрение — турбулентность. Кого-то может интересовать, что именно породило турбулентность. Лежит ли на пути потока камень или какое-то другое препятствие с другими качествами… Например, в поток упал какой-нибудь автомобиль, в котором находятся определенные грузы…

Если вы экспедитор, отвечающий за эти грузы, то вам совершенно не важно, образовалась ли в потоке какая-то турбулентность. Вам нужно вытащить автомобиль из потока. А если вы специалист по гидродинамике, то для вас что камень, что автомобиль с ценными грузами. И то, и другое — источник турбулентности, и не более.

В рамках нашего анализа не-отставка Купряжкина — это признак игровой турбулентности. Мы констатируем турбулентность и идем дальше. Точнее, забежав вперед с выступлением Купряжкина, мы возвращаемся назад к исторической хронологии.

14 декабря 2006 года бывший первый заместитель Генерального прокурора РФ, персонаж обоих скандальных дел — «Трех китов» и дела о «китайской контрабанде» — Ю.Бирюков был назначен сенатором от Ненецкого автономного округа (НАО). То есть был продемонстрирован значимый успех «трехкитовой группы».

В середине января 2007 года Генеральная прокуратура РФ объявила о завершении расследования дела «Трех китов». Ни один чиновник или высокопоставленный сотрудник силовых структур к ответственности по делу привлечен не был.

Затем выступил Купряжкин (смотри выше)… Стало ясно, что элитно-игровой процесс поменял вектор. Такая смена в теории систем называется инверсией. Если мы действительно имеем

дело с игровым процессом, то он не может просто поменять вектор. Он должен, поменяв его, начать развиваться в логике осуществленной инверсии. Проверим, так ли это.

Глава 21. Активизация расследования дел о «китайской контрабанде» и «Трех китах»

14 марта 2007 года…

Р.Зиновьев, адвокат одного из задержанных по делу о «китайской контрабанде», С.Черкасова, обратился в Генеральную прокуратуру РФ с требованием провести проверку в отношении следователя ФСБ В.Одноволика, который якобы умышленно покрывает лидеров преступного сообщества, стоявших за созданием контрабандной китайской схемы. К лидерам преступного сообщества адвокат относит ряд крупных чинов ФСБ и таможни. А также депутатов Законодательного собрания Приморского края.

Из публикаций СМИ, посвященных обращению Зиновьева, выясняется, что по делу о «китайской контрабанде» были арестованы несколько московских предпринимателей из фирмы ООО «РДВ Сервис» (вышеупомянутый С.Черкасов, а также М.Горбенко и Е.Куприков).

Этим предпринимателям инкриминировалось участие в организации преступного сообщества, имеющего целью осуществление контрабанды в особо крупных размерах. Как именно указанные фигуры могли осуществлять контрабанду такого масштаба — не объяснялось. И, опять-таки, ни один из сотрудников ФСБ или других силовых структур, а также чиновников любого ранга к ответственности привлечен не был.

Что же касается вышеупомянутого адвоката Зиновьева, то, как вскоре обнаружилось, он не просто отстаивает интересы своего подзащитного Черкасова. Он провоцирует скандал с далеко идущими последствиями. А как еще назвать его требование провести проверку в отношении следователя, якобы скрывающего главарей преступного сообщества? Согласитесь, это достаточно эксцентричный по нынешним временам шаг, на который еще надо зачем-то решиться. Зачем?

Зиновьев понимает, что, делая этот шаг, он навлекает на своего подзащитного множественные неприятности. А на себя — тем более. Так что это? Всплеск адвокатского «романтизма»? Жизнь, конечно, сложнее любых теорий. Но если, например, выпрыгнувший из окна человек не начнет падать вниз, а зависнет в воздухе, то вы не ограничитесь рассуждениями о том, что окружающая нас жизнь богаче теории Ньютона. Вы начнете искать причину.

Адвокаты редко бывают романтиками. Реже всего они оказываются романтиками в нынешней России. Если они все-таки ими оказываются, то быстро теряют клиентуру. Исключение составляют те немногие, кто специализируется на делах, в которых потенциал романтизма плавно перетекает в эффективность защиты, но это особые, в основном политические, дела. Представить себе, что обеспеченные люди, обвиненные в тяжких преступлениях, возьмут себе в адвокаты романтика и позволят этому романтику вести игру, угрожающую крупными жизненными неприятностями им самим, а не ведущему игру романтику, я не могу. Равно как не могу себе представить, что жители Москвы начнут летать над зданиями моего любимого города, а не ходить по его улицам.

Кто-то может сказать, что у меня отсутствует воображение. И что я навязываю происходящему извращенную игровую логику. Но я ничего не навязываю. Я обращаю внимание на определенные обстоятельства. На моем языке, повторю, это называется «осуществить технологическую критику». В этом моя обязанность аналитика элитной игры.

И тем не менее я ни на чем не настаиваю. Я всего лишь высказываю гипотезу. Гипотеза же моя заключается в том, что адвокат был вполне профессионален и глубоко интегрирован в нынешнюю российскую специфику, как и подобает профессиональному адвокату. Поэтому он не искал приключений для себя и своего клиента, а играл в соответствии с собственным представлением об эффективности, а также в соответствии с пожеланиями клиента.

Игра же могла состоять только в одном. В давлении на ту клановую группу, которая осуществляла китайскую контрабанду, и в завоевывании за счет этого неких возможностей получения поддержки со стороны группы, воюющей с ней.

Играют уже и адвокаты… То есть в схему под названием «качели» включается все большее количество вспомогательных фигур. Иначе и быть не может. Кланам нужны инструменты для выяснения отношений. А там, где спрос на инструменты, там и предложения со стороны

вспомогательных фигур. «Качели» — это тот же рынок. Чем острее конфликт, тем выше спрос на вспомоществования разного рода. Чем выше спрос, тем больше предложение.

22 июня 2007 года «Коммерсант» сообщил, что в мае 2007 года один из обвиняемых по делу «Трех китов», латвийский предприниматель и российский гражданин П.Поляков, договорился через своего адвоката о явке с повинной и явился с повинной в Генпрокуратуру. В связи с этим глава следственной группы по делу «Трех китов» В.Лоскутов вынес постановление о возобновлении следственных действий.

Поляков дал показания в отношении бывшего владельца «Трех китов» С.Зуева. Эти показания носили обвинительный характер. Следствие высоко оценило такой шаг Полякова. Его оставили на свободе, избрав в качестве меры пресечения подписку о невыезде.

В июне 2007 года следствие по делу «Трех китов» было вновь завершено. При этом в конце июня Генеральный прокурор РФ Ю.Чайка выразил уверенность, что в августе все обвиняемые закончат ознакомление с материалами дела. А в сентябре оно может быть передано в суд.

И вот тут-то начинается самое интересное. Как утверждают СМИ, дело «Трех китов» состоит из 530 томов, в каждом из которых примерно 250 листов. Перед тем, как дело будет отправлено на судебное рассмотрение, каждый из обвиняемых должен ознакомиться с его материалами.

Если предположить, что каждый обвиняемый будет знакомиться с делом со скоростью один том в день, то это уже полтора года. Причем полтора года без учета праздников и выходных, когда ознакомление с делом приостанавливается по причине того, что на работе физически отсутствуют те, кто должен выдавать обвиняемым материалы дела. Таким образом, срок ознакомления обвиняемых с делом увеличивается примерно лет до двух.

Однако вряд ли обвиняемые могут знакомиться с делом со скоростью один том в день. К этому есть как объективные, так и субъективные причины.

К объективным причинам относится то, что обвиняемый должен не просто прочитать все тома дела, а проработать его материалы, выработать с адвокатом свою линию защиты в соответствии со следственными материалами. То есть ознакомление с материалами дела просто не может происходить равномерно. Какие-то тома действительно могут прочитываться со скоростью один том в день. А какие-то — изучаться месяцами. К тому же у подследственных по делу «Трех китов» разное состояние здоровья. И от такой вещи, как болезнь, не застрахован никто. А заболевание может стать препятствием к каждодневному ознакомлению с делом.

Есть и субъективные причины. К ним относится умышленное затягивание процесса ознакомления под различными предлогами. Например, под предлогом той же болезни.

Это означает, что, с учетом названного количества томов, два года — это фактически минимальный срок для ознакомления обвиняемых с делом «Трех китов». Реально же «ознакомление» может тянуться и три, и четыре года. Кроме того, само судебное разбирательство может длиться несколько лет.

Соответственно, существует множество лазеек для смягчения наказания и даже развала дела. По каким-то эпизодам может кончиться срок давности… Срок, проведенный обвиняемыми за решеткой в СИЗО, будет зачтен как срок заключения… Кроме того, затяжка времени всегда рассчитана и на предполагаемую «смену политической конъюнктуры». Ведь не могут качели все время взлетать и взлетать или, взлетев, зависнуть в крайней точке! Когда-то они должны двинуться в противоположную сторону. И именно на это делается самая серьезная ставка.

Генеральная прокуратура и Лоскутов, конечно, не могли не понимать подобных нюансов. Поэтому в начале июля 2007 года Лоскутов направил в Басманный суд ходатайство об ограничении времени ознакомления с делом для трех обвиняемых — самого С.Зуева, его партнера по бизнесу А.Латушкина и бывшего начальника отдела продаж мебельного салона «Гранд» Е.Леладзе — до 24 августа 2007 года (знакомство подсудимых с материалами своего дела началось в январе 2007 года).

Однако 13 июля Басманный суд Москвы отклонил ходатайство Лоскутова, признав его требования нарушением прав подследственных. А значит, суд фактически санкционировал дальнейшее затягивание ознакомления подследственных с делом и судебного разбирательства.

Опять же мы можем принять две модели интерпретации случившегося.

Согласно одной из них, Басманный суд никогда не выполняет ничего, противоречащего правовым нормам, и строго стоит на позициях их соблюдения. Даже если такая версия вызовет улыбку читателя, я все равно должен ее выдвинуть, потому что в противном случае окажусь в разряде ангажированных злопыхателей («как же, как же, Басманный суд… знаем!»).

Но я не могу не выдвинуть и другой версии. Согласно которой Басманный суд не может, при любых профессиональных и моральных качествах своих судей, находиться вне нашей реальности, вне элитной игры и всего, что ее сопровождает. Поскольку я уже не раз производил зондаж основной альтернативы (игра или не игра) и приходил к выводу, что игра, то я и здесь имею право рассмотреть в числе прочих и подобный сценарий. И искать доказательства его справедливости (или ложности).

Если же я принимаю этот сценарий, то я должен констатировать очередной ход кланов № 1 и № 2, переигрывающих клан № 3, от лица которого Лоскутов обратился в Басманный суд.

Но если союз кланов № 1 и № 2 начинает выигрывать, то это не может не сказаться на ключевом вопросе, с рассмотрения которого мы начали прикладную часть своего анализа. То есть на вопросе о потере кланом № 1 Генеральной прокуратуры.

Если Устинова просто переместили и всё, то связанный с ним клан, потеряв Генеральную прокуратуру, потерпел умеренное, но долговременное поражение. Потому что Министерство юстиции само по себе не может быть компенсатором потери Генеральной прокуратуры с ее почти неограниченными возможностями атак на клановых конкурентов.

Но мы уже затрагивали по касательной тему Следственного Комитета при Генпрокуратуре. И теперь настало время обсудить ее более обстоятельно.

Зимой-весной 2007 года российские законодатели стали создавать нормативную базу, согласно которой внутри Генеральной прокуратуры («завоеванной» кланом № 3) можно выстроить «государство в государстве» в виде Следственного Комитета. Который как бы входит в состав Генеральной прокуратуры, но одновременно обладает по отношению к ней существенным суверенитетом.

Клан № 3 не мог допустить подобного подрыва завоеванной ключевой территории. Поэтому вопрос о Следственном Комитете и его правах сразу же приобрел элитно-игровой характер. В итоге союзу кланов № 1 и № 2 удалось отстоять сам факт создания Следственного Комитета как «государства» внутри «государства» под названием «Генеральная прокуратура».

Весной 2007 года законодательная база была создана. Клан № 3 проиграл очередную игру. И был просто вынужден начать новую — вокруг поста руководителя созданного Следственного Комитета.

22 июня 2007 года Совет Федерации утверждает в должности председателя Следственного Комитета А.Бастрыкина. Тем самым становится абсолютно ясно, что клан № 3 терпит крайне серьезный ущерб, проигрывает с очень большим счетом. Ведь теперь у союза кланов № 1 и № 2 имеется не только Следственный Комитет с совершенно новыми и во многом беспрецедентными полномочиями, но и Министерство юстиции.

В народе это называют: «За что боролись, на то и напоролись». Изгоняли Устинова из Генеральной прокуратуры… Для этого отдавали «свой» Минюст и перемещали в Генпрокуратуру «своего» Чайку. Теперь Минюст под Устиновым, а Генпрокуратура отдает чужому клану ключевую свою функцию — функцию следствия. И при этом катастрофическим образом ослабевает. Да, она остается. Да, Чайка сохраняет свой пост. Но ущерб огромен. И это не может не сказаться на ходе рассматриваемой нами элитной игры.

Утверждением Бастрыкина дело не исчерпывалось. Надо вводить в игру функционально-эффективный Следственный Комитет. А это нельзя сделать, не утвердив штатное расписание. Начинается борьба за каждый пост. Надо сказать, что клан № 3 ни одну позицию не сдавал без боя. Но в итоге клан № 1 и клан № 2 выиграли и на этом этапе.

6 сентября 2007 года — первый день работы нового Следственного Комитета при Генеральной прокуратуре. А через 24 дня начинается решающий этап рассматриваемой нами стратегической элитной игры.

Глава 22. Дело генерала Бульбова

1 октября 2007 года в московском аэропорту Домодедово был задержан начальник департамента оперативного обеспечения ФСКН генерал-лейтенант полиции А.Бульбов. Принцип качелей реализовался, наконец, в полной мере. Да еще как! Ведь задержание Бульбова произошло в тот самый момент, когда в Москве проходил съезд «Единой России» и все ждали выступления Путина!

В тот же день — 1 октября — было задержано еще несколько бывших и действующих офицеров наркополиции: бывший замначальника Управления собственной безопасности (УСБ) наркополиции Ю.Гевал (вышел на пенсию в сентябре 2007 года), оперативник С.Донченко и сотрудник ФСКН Г.Черевко.

При этом о Черевко СМИ сообщили, что он не просто сотрудник ФСКН, а офицер охраны главы ФСКН В.Черкесова.

Два дня спустя — 3 октября — в Басманном суде Москвы состоялись первые слушания по избранию меры пресечения Бульбову, Гевалу, Донченко и Черевко. При этом первые сообщения об арестах в ФСКН появились на лентах интернет-агентств лишь в ночь со 2 на 3 октября. До этого момента ни одной «утечки» в прессу не было!

Только утром 3 октября 2007 года вышла первая сенсационная статья, в которой А.Хинштейн очень взвешенно обсудил ситуацию с Бульбовым, заявив, что все происходящее — это раскол спецслужбистского сообщества и даже война спецслужб. Статья Хинштейна в «Московском комсомольце» называлась «ФСБ занимается дурью». Поскольку А.Хинштейн прочно связал свою журналистскую судьбу со спецслужбистской темой, то взвешенность его позиции была весьма показательной. Фактически Хинштейн стал защищать тот клан, по которому нанесли удар, арестовав Бульбова. Подобное поведение Хинштейна однозначно свидетельствовало, что конфликт действительно прошел через ядро спецслужбистского сообщества. И что протекает он при относительном равенстве сил, имеющихся в распоряжении каждого из кланов.

В самом деле, 3 октября суд санкционировал арест только одного фигуранта — Ю.Гевала. В отношении Бульбова и Донченко представители Следственного Комитета при Генпрокуратуре попросили отложить избрание им меры пресечения на 72 часа. А четвертый задержанный — охранник Черкесова Черевко — был и вовсе отпущен на свободу. В том же судебном заседании была оглашена положительная характеристика на Бульбова, собственноручно подписанная главой ФСКН В.Черкесовым.

Только 5 октября суд санкционировал арест Бульбова и Донченко. При этом ходатайствовать за коллег в судебном заседании пришли сразу три (!!!) заместителя директора ФСКН — А.Федоров, В.Зубрин и О.Харичкин. Таким образом, руководство ФСКН показало, что оно абсолютно не собирается выходить из игры или занимать в этой игре бесперспективную позицию глухой обороны.

А теперь — о связи дела Бульбова с делом «Трех китов» и делом о «китайской контрабанде».

По сообщениям СМИ, Бульбов вел по обоим этим делам оперативное сопровождение следственных действий.

Однако, может быть, это просто случайное совпадение, а Бульбова «взяли» за тривиальную коррупцию? Тут важно всмотреться в предъявленные Бульбову обвинения и в комментирование этих обвинений.

Следствие инкриминирует Бульбову:

— злоупотребление должностными полномочиями;

— превышение должностных полномочий;

— незаконное участие в предпринимательской деятельности;

— получение взятки группой лиц в крупном размере;

— нарушение тайны телефонных переговоров с использованием своего служебного положения и спецсредств;

— нарушение гостайны.

Самое интересное тут именно обвинение в незаконной «прослушке». Поскольку в острой фазе межклановового конфликта в СМИ могут выплескиваться очень важные факты, присмотримся внимательнее к тому, что по этому поводу было сказано и написано «по горячим следам».

3 октября 2007 года на радио «Эхо Москвы» выступил глава Национального антикоррупционного комитета К.Кабанов. Отметим, что Кабанов рассматривается как вполне серьезный и осведомленный эксперт.

Что же говорит Кабанов? Определяя свою позицию в клановом конфликте, он утверждает, что *«надо смотреть, кто из групп приносит в данный момент больше пользы, какая из групп, и кто приносит больше вреда. (...) То, что Госнаркоконтроль настаивал, может быть, непублично, это его ошибка, на возбуждении уголовного дела по убийству Юрия Щекочихина, это хорошо. Это хорошо. То, что благодаря их работе, взаимодействию с кем угодно, с Черкесовым, Золотовым, были отставки коррумпированных высших должностных лиц в ФСБ, это хорошо».*

Таким образом, в предельно накаленной ситуации Кабанов заявляет о своей однозначной поддержке условной «группы Черкесова» (которую он сразу же называет «группой Золотова-Черкесова»).

А дальше между Кабановым и интервьюирующим его журналистом В.Варфоломеевым происходит весьма нетривиальный диалог:

> Кабанов: Дело в том, что если он (Бульбов) слушал, предположим, руководство, бывшее руководство Генеральной Прокуратуры, он мог слушать их родственников. А кто является родственником, например, бывшего Генерального Прокурора, ныне министра юстиции?
>
> Варфоломеев: Игорь Иванович Сечин?
>
> Кабанов: Да.

Иными словами, Кабанов и стоящая за его спиной группа посылает в общество «сигнал»: Бульбова арестовали за то, что он вскрыл путем «прослушки» коррупционные связи Сечина и Устинова. Но главное в том, что в этот острый момент задается, так сказать, «система клановых координат». С одной стороны — «клан Золотова—Черкесова». С другой стороны — «клан Сечина-Устинова».

Предположим даже, что задающие такую систему координат собеседники дезориентируют общество (хотя точно так же задают эту систему координат не они одни и не только в этот момент). В любом случае, это показательно. А если принять данное высказывание за адекватное отражение реальности, то и трагично. Потому что оказывается, что расколот Кремль — «святая святых». Служба личной безопасности и, так сказать, «тайная канцелярия».

Но может быть, дело идет об ошибке двух частных лиц? Если это и ошибка — то вовсе не единичная.

6 октября на том же «Эхе Москвы» в авторской программе «Код доступа» выступила Ю.Латынина. Та самая Латынина, которая в ходе всего конфликта вокруг Бульбова займет предельно античеркесовскую позицию.

И что же сказала Латынина? А сказала она, что группа Бульбова *«прослушала разговоры Генерального Прокурора Владимира Устинова со своим родственником Сечиным, и когда распечатки этих разговоров якобы легли на стол Президента, то Президенту это очень не понравилось, потому что там были разговоры, типа, что вот, Устинов должен стать президентом, он будет еще круче, еще сильнее, а Путин, типа, у нас слабоват»*.

Латынина подтверждает слова Кабанова о том, что Бульбов прослушивал Устинова и Сечина. Но она иначе расставляет акценты. В версии Кабанова, «прослушка» Устинова и Сечина — это антикоррупционная борьба. Для Латыниной же это прослушивание не коррупционных, а политических разговоров с усиленным вниманием к поискам в этих разговорах не «коррупционных намеков», а доказательств личной нелояльности Путину.

Понятно, что в разговорах высокопоставленных чиновников никогда нельзя до конца разделить возможную «коррупционную» и политическую составляющие. Так что если Бульбов действительно слушал высокопоставленных фигурантов, то он слушал, что называется, «все подряд» — и политику, и возможную коррупцию. И дальнейший «обмен репликами» между враждующими сторонами может далеко завести. В том числе, глубоко скомпрометировать обе стороны конфликта.

Теперь обратим внимание на одну неочевидную, но существенную подробность. А именно, то, что увязывание Бульбова с «Тремя китами» началось задолго до ареста этого «антитрехкитового» генерала.

21 октября 2006 года — за одиннадцать месяцев до начала скандального ареста Бульбова — на форумах ряда маргинальных интернет-изданий был размещен материал «Коррупция во власти», подписанный «Группа сотрудников Департамента оперативного обеспечения ФСКН России». То есть материал был подан как «закладная» недовольных начальником подчиненных. По содержанию же этот материал — либо откровенная ложь, либо «активка». Вот когда на самом деле качели начали свое обратное, «возвратно-поступательное» (так и хочется сказать «возвратно-наступательное») движение!

В рассматриваемом документе Бульбову инкриминируется целый «букет» противоправных деяний («крышевание» чужого бизнеса, участие в контрабанде и т. д.). Мы не будем подробно пересказывать содержание этого «посыла» межклановой информационной войны. Остановимся лишь на двух моментах, характеризующих политическую природу данного документа.

Первое. Бульбова пытаются компрометировать фактом его участия в октябрьских событиях 1993 года на стороне Верховного Совета РФ. Понятно, что в связи с этим Бульбов в 1993–1994 годах привлекался к уголовной ответственности, но был амнистирован, как и все участники тех событий.

Данное обвинение носит, скорее, политико-идеологический, чем юридически-правовой или компрометационный характер. И его даже не стоило бы приводить в перечне обвинений Бульбову, если бы не один нюанс. Описывая роль Бульбова в октябрьских событиях 1993 года, авторы анализируемого антибульбовского документа называют Бульбова *«человеком, уволенным из органов безопасности по дискредитирующим основаниям».* Тем самым для авторов участие в октябрьских событиях 1993 года является «дискредитирующим основанием». Это — именно политическая позиция.

Необходимо также (почему — станет ясно очень скоро) подчеркнуть, так сказать, красной чертой формулировку «лицо, уволенное по дискредитирующим основаниям». Потому что эта формулировка будет гулять по определенным документам сходного типа, раскрывая единство если не авторства, то подхода.

Второе. Бульбову инкриминируется, что с 2003 по 2005 год в аппарате негласных сотрудников ФСКН находился один из героев скандала с «Тремя китами» А.Саенко. При этом подчеркивается, что инициатива принятия Саенко в 2003 году в негласный аппарат ФСКН принадлежала именно Бульбову. Тот же Бульбов якобы уничтожил все следы агентурного сотрудничества Саенко с наркополицией.

Авторы, вводящие в оборот подобное деликатное обстоятельство (требующее абсолютно определенной осведомленности и обычно не разглашаемое из соображений разного рода, в том числе и профессионально-этических), сводят отношения Бульбова и Саенко исключительно к бизнесу. Причем этому бизнес-сотрудничеству (уже сомнительному с точки зрения закона) пытаются придать дополнительный компрометационный характер, утверждая, что Бульбов и Саенко наладили «совместный бизнес по контрабанде, в том числе цветов из Голландии». Ключевая фраза тут — «в том числе цветов». Чего еще-то?

«Продвинутый» читатель, для которого все это и написано, просто не может тут же не строить догадки, что бизнес был связан не только с цветами, но и с какими-то другими товарами. Не исключено, что с тем самым «товаром», с которым и призван бороться Госнаркоконтроль.

При этом самый важный — агентурный — аспект сотрудничества Бульбова и Саенко авторы «активки» не обсуждают вообще.

Между тем они (да и все профессиональное сообщество, на чьей бы стороне ни находились его симпатии) не могут не понимать, что Бульбов, обеспечивавший оперативное сопровождение дела «Трех китов», просто не мог не использовать Саенко как важнейший источник информации.

Причем в августе 2003 года (в этом году якобы и были установлены агентурные отношения) Саенко пережил тяжелое покушение, которое многие оценили как попытку фигурантов дела «Трех китов» избавиться от важного свидетеля и бывшего партнера. Почему бы Саенко после этого не искать спасения столь очевидным способом, как «заагентуривание» в «антитрехкитовую партию»?

В 2006 году Саенко был арестован по делу «Трех китов». Если он действительно был агентом Бульбова и наркополиции, то это означает, что его то ли «сдали», то ли, наоборот, «прикрыли» арестом, с перспективой смягчения наказания. В любом случае, речь идет об оперативной комбинации, которую обсуждать в открытых источниках бессмысленно, глупо и аморально.

Можно стоять на стороне того или другого — одинаково, как мы видим, спецслужбистского — клана. Но нельзя подрывать те основы, на которых держится вся спецслужбистская система. Подрыв этих основ ради победы своего клана — это выход за рамки очевидного (хотя бы корпоративного) консенсуса. Если можно выходить за рамки корпоративного консенсуса — почему не выйти за рамки национального? Я уже обсуждал все это в своей книге «Слабость силы». И теперь вынужден возвращаться к тому же вопросу, обсуждая другую историю…

КСТАТИ, ДРУГУЮ ЛИ?!!

Но вернемся к Саенко и отметим, что для него такие «выходы за рамки» могут обернуться реальной трагедией. В сущности, рамки для того и существуют, чтобы этого не допускать. И чтобы люди типа Саенко могли во что-то верить… Ну, в гарантии какие-то. В какую-то порядочность по отношению к ним. Исчезнет эта вера — что будут делать кланы, если они спецслужбистские? Вопрос на засыпку: «Что такое спецслужбы без агентуры? И что такое агентура, если практика ее сдачи укоренится?»

Между тем в более поздней ситуации Бульбова мы видим опять тот же выход за рамки, но в соседнем вопросе. Идет спор о судьбе Бульбова (оставлять в тюрьме или нет). В качестве одного из аргументов выдвигаются его заслуги в Афганистане. В ответ официальное лицо говорит: «Знаем, знаем, как вы там по штабам отсиживались!» Бульбов кричит: «У меня два ранения и контузия!»

Официальному лицу хочется «уесть» Бульбова. Если это лицо играет на стороне одного из кланов, такое желание закономерно. Но нельзя использовать для этого средства, подрывающие военные заслуги, коль скоро эти заслуги налицо. Нельзя фактически глумиться над военными заслугами, потому что завтра никто не будет идти на риск и все захотят действительно отсиживаться по штабам.

Я уже задал вопрос о том, что такое спецслужбы без агентуры. Теперь я должен присовокупить к нему вопрос, что такое военная элита без армии. В здоровом обществе можно не задавать таких вопросов. Но в здоровом обществе есть социальные регуляторы, которые остановят тех, кто начнет выходить за рамки. В том-то и дело, что наше общество глубоко нездорово. Незадолго до смерти мой отец (профессор, ушедший по возрасту с заведования кафедрой) говорил: «Кафедра работает прекрасно. Одна беда: она так работает, что, как мне кажется, студенты в этой работе лишние. Не было бы студентов, кафедра работала бы еще лучше. А студенты ей мешают». Шел 1995 год.

Конечно, может возникнуть ситуация, при которой спецслужбам мешает агентура, а военной элите — армия. Но тогда чиновникам мешает государство. Лидеру — народ. И так далее.

Но я хочу от общих вопросов вернуться к Саенко.

В момент появления на свет вышеуказанной анонимки он сидел в тюрьме. И если бы его сокамерники увидели текст о сотрудничестве с наркополицией, то личную безопасность Саенко трудно было бы гарантировать — не так ли?

Теперь попытаемся проанализировать, какова степень корректности следующего пассажа из рассматриваемого мною спецдокумента.

> «Свои собственные амбиции Бульбов А.А. связывает с участием Черкесова В.В. в президентских выборах, открыто заявляя, что в случае избрания Черкесова В. В. Президентом России займет пост главы его администрации. Считаем, что такие, как Бульбов А.А., могут быть причастны к трагическим преступлениям, происходящим в России в настоящее время».

К каким трагическим преступлениям? Да к каким угодно! Совершенно ясно, что именно данный фрагмент является сутью документа. А все остальное не более чем «гарнир». Но, будучи единожды примененным, этот пассаж может быть применен еще многократно. «Совершенно очевидно, что такой-то связывает с участием такого-то свои амбиции по избранию такого-то президентом»… Дальше ставятся имена любого из соратников Путина. И начинается война всех против всех.

Я говорил уже о национальном консенсусе, цеховом (корпоративном) консенсусе. Но как быть с консенсусом формально логическим и одновременно общекультурным («не пожелай ближнему, чего не желаешь себе»)? Если и этого консенсуса нет, то каково состояние подобной «внеконсенсусной» элиты? И может ли элита быть «внеконсенсусной», оставаясь элитой?

В рассматриваемом пассаже есть сразу два «важных мессиджа».

№ 1 — «сигнал» о якобы властных амбициях Черкесова, о которых якобы много говорит Бульбов.

№ 2 — намек на возможную причастность Бульбова (а значит, и Черкесова) к «громким» убийствам осени 2006 года — А.Козлова и А.Политковской. Предположим, что другой клан захочет ответить симметрично. И что? Что дальше будет-то? Будет сказано: «Чума на оба ваших дома». И много что еще будет сказано. Постороннему наблюдателю это очевидно. А клановым игрокам?

Дополнительно отметим, что у этой предыстории есть пред-предыстория и так далее. Качели раскачиваются давно.

Почти за год до ареста Бульбова по Интернету «гуляли» различные «закладные записки». Материалами этих «записок» пользовались при написании других «записок», которые стали распространяться в период, уже непосредственно предшествовавший аресту Бульбова.

Так, 24 августа 2007 года сразу три «компроматных» сайта — «Ленинградская правда», «Вокруг новостей» и «Компромат. ру» — опубликовали анонимную статью «Виктор Черкесов может стать секретарем Совета безопасности. Новое назначение может стать для Виктора Черкесова вовсе не повышением, а, скорее, понижением».

Пересказывать ее также нет особого смысла. Эта статья — вполне стандартный набор риторики, направленной против главы ФСКН — от инспирирования «дел ветеринаров» до рассуждений по поводу «карьерных амбиций главного наркополицейского».

Существенны в данном опусе две фразы, построенные с использованием одного и того же речевого оборота.

Фраза № 1. Характеризуя кадровый состав центрального аппарата наркополиции, авторы анонимной статьи пишут, что там есть *«бывшие сотрудники ФСБ, уволенные по т. н. компрометирующим обстоятельствам, которые, по замыслу организаторов, в процессе расследования* (дел «Трех китов» и о «китайской контрабанде» — С.К.) *должны были выступить в качестве носителей «важных сведений» об уровне коррупции в рядах руководства спецслужб».*

Фраза № 2. Она звучит так: *«По слухам, в самой Генпрокуратуре возникло «острое ощущение», что в действительности «крышей» для российских мебельных бизнесменов являлись не уволенные в результате скандала генералы, а некоторые из ныне приближенных к руководству Госнаркоконтроля бывших сотрудников силовых служб, уволенных, как указано выше, по компрометирующим статьям».*

Выражение *«бывшие сотрудники спецслужб, уволенные по компрометирующим обстоятельствам»,* — это почти прямая цитата из «антибульбовской записки» образца 2006 года. Пассаж о том, что именно эти «скомпрометированные сотрудники» были «крышей» «Трех китов», — явный намек на отношения между Бульбовым и Саенко, о которых повествовалось во все той же «записке».

Однако такими безымянными «записками» дело не ограничивается. После ареста Бульбова СМИ (в том числе «Коммерсант») сообщили, что в сентябре 2007 года (точная дата не указывается) в ходе судебных слушаний по вопросу о продлении срока предварительного заключения Зуеву последний заявил, что в свое время через следователя Коротоякского передал в качестве взятки руководству ФСКН один миллион долларов.

Игра, как мы видим, начинает затягивать в себя не только адвокатов, но и подследственных. Играя, Зуев понимает, что рискует. И тем не менее идет на риск. Почему? В любом случае, эта игра (а для нас все происходящее в сфере данного описания есть игра) создает ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРЕДЛОГ для работы спецслужб против наркополиции. И, в первую очередь, против Бульбова, который непосредственно занимался оперативным обеспечением следственных действий по делу «Трех китов». Затем Зуев отказался от своего заявления. Ну, так на то и игра, чтобы периферийный игрок колебался с каждым невнятным для него витком некоей игровой конъюнктуры.

В любом случае, заявление Зуева в сентябре 2007 года дало первые результаты. Его «главный герой» — следователь ФСКН С. Коротоякский — был отстранен от дела «Трех китов». Таким образом, «юридическая машина» завертелась в противоположную сторону. А предпосылки для возможной проблематизации обвинения по делу «Трех китов» (и смены в нем акцентов и главных обвиняемых) стали «саморазмножаться».

Можно сказать, что Зуев — «припертый к стенке» человек, который выдумывает все новые способы затянуть следствие. И это безусловно так. Но безусловно и другое. Реальный Зуев сидит в реальной тюрьме, где полно реальных способов на него «надавить». Он об этих способах знает и думает об одном — кто может надавить больнее.

То есть опять «системообразующим принципом» становятся все те же качели. Процесс под названием «качели» становится самостоятельным действующим лицом. Он взыскует новых и новых инструментов. Например, инструментов давления на Зуева. А ПОЧЕМУ НЕ НА КОГО-ТО ЕЩЕ? ПОНИМАЮТ ЛИ КЛАНЫ, КУДА ВЛЕЧЕТ ИХ ПРОЦЕСС? ЕСЛИ ЗАВТРА ИМ ДЛЯ ПОБЕДЫ ПРИДЕТСЯ ДАВИТЬ НА КОГО-НИБУДЬ ПОСЕРЬЕЗНЕЕ ЗУЕВА — ОСТАНОВЯТСЯ ЛИ ОНИ? А ЕСЛИ НЕ ОСТАНОВЯТСЯ, ТО КАК БУДУТ РАЗВИВАТЬСЯ СОБЫТИЯ?

Глава 23. Политический смысл успеха «трехкитовой» клановой группы

Я не берусь утверждать, что далеко идущий политический смысл действительно существует. Но я прошу читателя всмотреться в хронику событий, на первый взгляд имеющих мало отношения к борьбе за мебель или китайский ширпотреб.

Событие № 1 — это смена элитной конфигурации, маркируемая назначением А.Патрушева (сына директора ФСБ Н.Патрушева) советником И.Сечина по «Роснефти». Как уже сказано выше, об этом событии было объявлено 14 сентября 2006 года.

Событие № 2 — инициатива по созданию Следственного Комитета, подрывающего возможности Генеральной прокуратуры. По ряду признаков можно считать, что зарождение этой инициативы датируется концом ноября 2006 года. А законодательно она реализована в марте 2007 года.

Событие № 3 — назначение А.Бастрыкина председателем Следственного Комитета в ранге первого заместителя Генерального прокурора. Это произошло 22 июня 2007 года.

Событие № 4 — 22 августа 2007 года очень размашисто (сопоставимо с крупной военной операцией) совершается арест ранее неприкасаемого и крайне влиятельного санкт-петербургского предпринимателя В.Барсукова (Кумарина), который общеизвестен как глава так называемого «тамбовского» бизнес-сообщества.

Все эксперты в один голос утверждали, что этот арест в политическом смысле является одним из слагаемых общей контратаки фигурантов дела «Трех китов» на их клановых противников.

Событие № 5 — отставка С.Вайнштока с поста главы «Транснефти». Это произошло 11 сентября 2007 года. Реальная компроматная кампания против Вайнштока в Интернете была начата в первой декаде августа 2007 года. Характер кампании отчетливо говорит о том, что Вайшнтока хотели «дорастоптать». Превратить, так сказать, в Бульбова. Но это не вышло. А почему? Потому что — качели.

Событие № 6 — назначение С.Вайнштока главой Олимпийской госкорпорации. Это происходит в тот же день, что и отставка Вайнштока. Качели стремительно отклонились от равновесия — и им тут же был дан обратный ход.

Событие № 7 — 12 сентября 2007 года (буквально на следующий день после перипетий с С.Вайнштоком) происходит нечто принципиально большего масштаба. Объявлено об отставке премьер-министра М.Фрадкова.

Сам Михаил Ефимович никак не может быть представлен как союзник сил, атакующих фигурантов «трехкитового» дела. Но масштаб произошедшего в другом. Отставка М.Фрадкова рассматривалась как пролог к назначению на пост премьера (а значит, «преемника» на приближающихся президентских выборах) С.Иванова. Это и должно было стать решающим сюжетом всей главной политической драмы.

Однако этого не произошло. Премьером стал В.Зубков. И потому можно говорить не об отставке М.Фрадкова как таковой, а о поражении всего клана, делавшего ставку на С.Иванова. А эту ставку, по определению, делал именно «антитрехкитовый» клан. По крайней мере, для «трехкитового клана» назначение Иванова премьером и перевод его в статус преемника были бы абсолютной политической катастрофой.

Поэтому реальное содержание события — назначение на пост премьера В.Зубкова, то есть неназначение на этот пост С.Иванова.

Событие № 8 — заявление Президента РФ В.Путина о том, что он возглавит список «Единой России». Это заявление было сделано на съезде «Единой России» точно в день ареста Бульбова.

Мы не хотим осуществлять никаких «аналитических склеек», утверждающих, что весь этот ряд событий представляет собой единое целое. Тем более, что, создавая такое целое, пришлось бы рассматривать еще достаточно много событий. Но то, что и борьба за Следственный Комитет при Генпрокуратуре, и «антитамбовская» эпопея, и эпопея с Вайнштоком, и дело Бульбова — это звенья одной цепи, достаточно очевидно. Очевидно и то, что неназначение С.Иванова является, как минимум, крупнейшим успехом «трехкитового» клана. И мы хотели бы предложить читателю данную схему в качестве способа понимания происходящего. Раскачиваются не только малые, но и большие качели. Это раскачивание может серьезно сказаться на судьбе власти и судьбе страны. А потому надо продолжить следить за тем, как осуществляется данная — весьма масштабная и трагическая — раскачка.

В чем смысл ее? И есть ли вообще этот смысл?

Для ответа на этот вопрос надо рассмотреть следующую — качественно новую — фазу игрового процесса.

Часть 4
ИГРОВОЙ ХОД В.ЧЕРКЕСОВА И СМЕНА КАЧЕСТВА В ВЕДУЩЕЙСЯ ЭЛИТНОЙ ИГРЕ

Глава 1. «Брахманизация» или «девайшьизация»?

Бульбов арестован 1 октября 2007 года.

9 октября 2007 года глава ФСКН В.Черкесов выступил в газете «Коммерсант» со статьей под названием «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев».

В статье Черкесова есть общие и частные утверждения. Общие касаются «чекизма» как такового… Того, что «чекизм» волею истории стал контррегрессивным аттрактором… Это на моем языке. Сам Черкесов пишет о «крюке», за который уцепилась падающая в бездну страна… И о том, что дальше либо еще более глубокое падение страны, либо та или иная контррегрессивная (это, опять-таки, на моем языке) трансформация с опорой на имеющиеся возможности… Еще говорится, что определенный тип элитного поведения («воинский», по Черкесову) позволяет рассчитывать на контррегресс. А другой тип поведения («торговый») не позволяет это сделать. Что у «чекизма» как явления есть свое историческое перепутье. Что у «чекизма» есть еще и мощные оппоненты, которые постараются направить его по неверному пути… Что надо бороться за верный путь…

Подобным общим утверждениям посвящена большая часть статьи.

Меньшая часть посвящена конкретике — недоумению в связи с определенными обстоятельствами произошедших арестов. При этом автор не выносит окончательного вердикта по поводу того, кто прав и виноват. Он говорит, что виновные должны быть наказаны, если они виновны. Но и своих сомнений в виновности арестованных работников ФСКН он не скрывает.

Статья Черкесова подводит черту под периодом недоговоренностей. Под всеми рассуждениями о том, что с «чекизмом» конфронтируют только либеральные силы, недовольные появлением новой «элиты государственников». Черкесов отчетливо фиксирует, что конфликт — внутри этой «элиты государственников». А поскольку это голос представителя класса (страты, корпорации), то весомость данного утверждения трудно переоценить.

Фактически Черкесов переводит клановый конфликт в режим открытой полемики по ключевым идеологическим и стратегическим вопросам.

Вышел ли Черкесов за рамки субординации — пусть судит тот, кто устанавливает эти рамки. По мне, так если бы он вышел за них как лишенный игрового мышления романтический Дон Кихот, то все давно бы кончилось весьма и весьма плачевно. Черкесов или потерял бы свой пост, или даже повторил бы судьбу Бульбова. Но он не потерял пост, а в чем-то даже административно прибавил. К моменту, когда я дописываю эту книгу, все обстоит именно так. То есть Черкесов удерживает позиции в течение очень долгого времени. А значит, его игровой ход был продуман. Последствия были просчитаны.

Мне же важно то, каково содержание, предъявленное Черкесовым. И почему это содержание заслуживает нашего внимания.

Прежде всего, это связано с тем, что анализируемая нами игра после статьи Черкесова перешла в другую фазу. Этот фазовый переход может много рассказать о сути игры. И пренебрегать его анализом недопустимо.

Ведь статья Черкесова стала стержнем острой, масштабной и беспрецедентно длинной информационной войны. Войны, на какое-то время затмившей своим накалом (в этом согласны все) проходившую в тот же период кампанию выборов в Госдуму.

Анализ информационных войн — альфа и омега нашего метода. Мы не можем не проанализировать и данную информационную (очень масштабную!) войну, если хотим что-то понять.

Кроме того, Черкесов (а) сам выступил как носитель некоего классового самосознания, то есть как актор, попытавшийся сделать шаг от «чика» к «цыку», и (б) поднял проблемы, имеющие отношение к фундаментальной для России ситуации этого самого «чика» и «цыка». Сделал он это, предъявив содержание, не только не сходное с тем, которое я излагаю, но и ДИАМЕТРАЛЬНО ПРОТИВОПОЛОЖНОЕ. Я вынужден это подчеркнуть потому, что два-три неслучайных идиота

неслучайным образом стали проводить параллели между моими интеллектуальными построениями и утверждениями Черкесова.

Кстати, даже аутентичность моих построений и построений Черкесова не показала бы ничего, кроме того, что мы думаем одинаково и читаем сходную литературу. Идиотизм же состоит в том, что мои построения именно диаметрально противоположны черкесовским! Не заметить это можно, только обладая абсолютной аллергией на идеи, концепции, модели и прочие интеллектуальные «гадости».

Именно принципиальное отличие черкесовского подхода от того, что мне представляется спасительным и необходимым, побудило меня вступить в полемику. Оговорив при этом, что мне симпатично все: и стиль черкесовской игры, и выход игрока в пространство интеллектуалистики, и нравственная позиция… Все, кроме этого подхода.

Черкесов требует «девайшьизации» касты чекистских «кшатриев». Он хочет изгнать торговцев и менял из кшатрийского чекистского храма. Это очень благородное побуждение. Но, во-первых, оно мне представляется запоздалым. Воронка неорганичного взрывного первоначального накопления… Регресс… Социокультурный слом… Все это, с моей точки зрения, делает очищение невозможным.

Как можно было очистить Среднюю Азию в начале 80-х годов? Откуда надо было взять некоррумпированный актив? За счет чего можно было разорвать связи населения и элиты с коррумпированным активом? Ну, начали Гдлян и Иванов очищать Среднюю Азию. И очень быстро стало ясно, что это попытка с негодными средствами. Кончилось же все развалом Советского Союза и скачкообразным возрастанием этой самой коррупции. А ведь тогда ситуация была лучше нынешней!

Можно ли в условиях первоначального накопления (и с учетом специфики этого накопления) переломить процесс, который по сути является не коррупцией, а полномасштабной олигархизацией, гораздо более серьезной, чем комичная пародия конца 90-х годов?

Повторю еще более ужасный вопрос, который уже задавал в начале книги: а нужно ли в столь нетривиальных условиях воевать против олигархизации как таковой? Может быть, политически уже целесообразнее (а то и спасительнее) воевать за тип олигархизации, за способность этих самых «олигархов» подняться на уровень требований, например, государственного капитализма, на уровень реальных вызовов, стоящих перед накапливающей противоречия страной?

Согласен — происходящее уже выходит за рамки госкапитализма. Не исключено, что вот-вот появятся некие (все аналогии условны) квазифеодальные бароны, стремящиеся к симбиозу власти и собственности при абсолютном приоритете власти. Что они дозреют до понимания власти как контроля за некими «частными армиями». Что этим частным армиям будут обеспечены возможности активного функционирования в рамках очень специфической государственности. И что тогда эти армии, да и все остальное, будут очень смахивать на нечто добуржуазное.

Меня спросят — что может быть хуже этого? И как можно не броситься на борьбу с вышеописанным?

Хуже этого может быть многое. Представьте себе, например, что подобная макрореальность превратится в сотню-другую микрореальностей. Что те же самые феодальные бароны возникнут на уровне города, области. О национальных республиках не говорю.

Макробароны еще могут проделать путь от зрелого неофеодализма к неоабсолютизму. Микробароны — это неофеодальная раздробленность. Она, в свою очередь, метастабильна. О государстве забудьте вообще. И навсегда. Но если кто-то думает, что в такой каше неофеодальной раздробленности установится в итоге нечто типа внешней администрации (ну, «голубые каски» и прочее), то это глубокое заблуждение. Как только заварится соответствующая каша, крупные державы начнут думать об одном — как не дать геополитическому конкуренту укрепиться за счет наших ресурсов. Начнется «война за русское наследство» (ввожу термин по аналогии со знаменитой войной за испанское наследство). Кто сказал, что эта война не будет ядерной? Или, точнее, как она может не превратиться в ядерную?

Кроме того, есть разные подходы к судьбам населения, допустившего подобное на своей территории. Гуманистический подход отнюдь не единственный. Словом, может быть хуже. Может.

Но рассмотрим возможности борьбы в рамках описанного сценария. Речь ведь тогда должна идти о настоящей борьбе! А настоящая борьба предполагает наличие (или создание) адекватных классовых сил. Или контрэлит. Что это за контрэлиты (классовые силы, корпорации и т. д.)?

Преображенский и Семеновский полки сами по себе ничего не решают. И Петр Первый тоже сам по себе ничего не решает. Все решает проект. У Петра был проект. Этот проект сделал его историческим героем. И этот же проект превратил сомнительных «пацанов» той эпохи (что, Меньшиков не воровал?) в субъект, сумевший страшной ценой спасти Россию и сделать ее подлинно великой империей.

Проект — это не очищение «чика». Это превращение «чика» в «цык». Вот тут-то и размещено принципиальное расхождение между моим представлением о проектном выходе из нынешней ситуации и представлением главы Госнаркоконтроля (рис. 71).

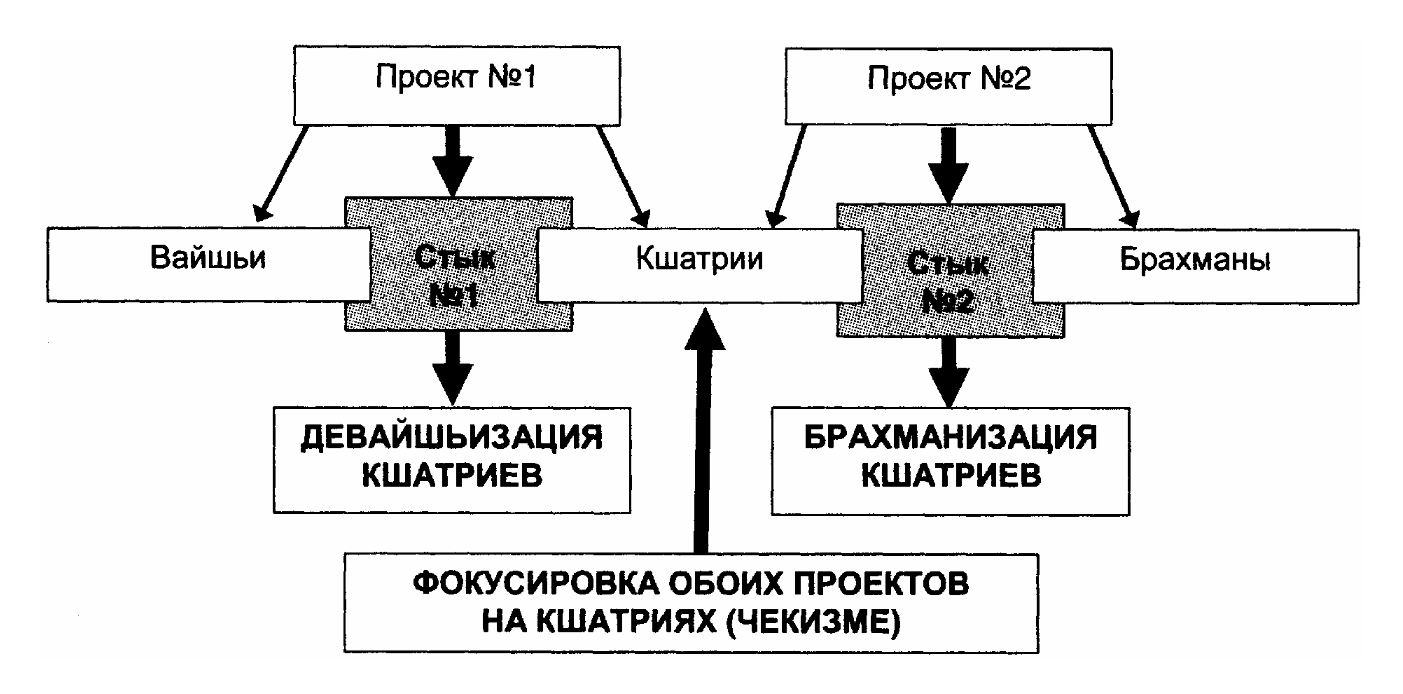

Рис. 71

Давайте рассмотрим эти два проекта чуть детальнее.

Проект № 1 предполагает очищение чекизма от «торгового зуда». То есть «девайшьизацию» кшатриев. Этот проект сосредоточен на стыке № 1 между вайшьями и кшатриями. У него соответствующие приоритеты, критерии.

Проект № 2 предполагает достройку чекизма до полноценного субъекта (политического класса). То есть «брахманизацию» кшатриев. Иначе — переход от «чика» к «цыку». Здесь есть свои приоритеты, свои критерии, свои технологии. То, что желательно в одном случае, может оказаться нежелательно в другом. Конечно, хорошо, если кшатрии, осуществляющие самобрахманизацию, будут свободны от всепоглощающей алчности. В любом случае, эта алчность не должна быть всепоглощающей. Иначе какая брахманизация? Но необходимое не есть достаточное. Кроме того, конечно, лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным. А если выбор будет более сложным — что мы выберем?

И, наконец, даже «сверхдевайшьизированный» кшатрий, не став брахманом, не сможет осуществлять полноценную власть и отвечать на те вызовы, которые я обсудил во второй части этой книги. По критериям обыденных ситуаций (добродетель и прочее) такой кшатрий, конечно, спасет душу. Но спасет ли он Россию? И кому он будет служить? Вайшьям? А они-то — что могут в этой ситуации? И почему кшатрий в этой ситуации (а рассматривается мало-мальски умный кшатрий) окажется столь «стерилен»? Потому что вайшья «перестанет шалить»? А почему это он вдруг в этой ситуации перестанет шалить, если он вайшья?

Статья Черкесова хороша еще и тем, что позволяет проартикулировать различие подходов. И этим открывает путь к какой-то дискуссии по сугубо интеллектуальным вопросам. Но существует некая мера, вытекающая из структуры текста и места в тексте данного его сегмента. Мы уже обсудили интеллектуальные проблемы в первых двух частях книги. Причем достаточно подробно. В третьей части мы взялись за аналитику конкретной элитной игры и готовы довести эту аналитику до конца.

Четвертая часть должна сводить воедино интеллектуальные и собственно игровые аспекты рассматриваемой нами темы. Для того, чтобы это сделать и не нарушить баланс между игровым и интеллектуальным, нужен соответствующий жанр — аналитика интеллектуально-информационной

игры. В случае статьи Черкесова этот жанр напрашивается сам собой, поскольку данная статья — это переформатирование игры. То есть и игра как таковая, и интеллектуалистика, без которой переформатировать игру невозможно, и информационная война вокруг игры и интеллектуалистики. Анализируя все это в совокупности, мы можем и лучше понять конкретную игру, и уточнить уже затронутые нами ранее общетеоретические вопросы. Так давайте это и сделаем.

Глава 2. Мониторинг интеллектуально-информационной войны, завязавшейся в связи со статьей В.Черкесова

Противникам было очень важно доказать, что именно В.Черкесов, опубликовав свою статью, сделал достоянием общества тему раскола внутри так называемого «чекистского сообщества». Это очень индикативный подход. В его основе лежит полное и, я бы сказал, воинственное пренебрежение к реальности. Ко всей реальности вообще. Арестовали Бульбова. Пресса надрывается по поводу раскола чекистского сообщества. Никто ничего, кроме этого раскола, не обсуждает. Наконец, Черкесов говорит: «Меня беспокоит тема раскола». Противники восклицают: «Он вынес сор из избы!». Когда очевидное признают и начинают интерпретировать — это вынесение сора из избы?

Давайте всмотримся в то, как развивались события.

С 1 по 9 октября 2007 года СМИ только и делают, что обсуждают тему этого самого раскола. Факт раскола, понятный уже давно любому нормальному эксперту, стал очевиден для общества в момент ареста Бульбова. СМИ описывали, что «черкесовские» (как их еще назвать? — «бульбовские»?), не допуская определенных действий своих противников (хотите, чтобы я сказал «оппонентов»?), держали тех на мушке пять часов.

Так это или не так, неважно. Кто сообщает эти детали, тоже неважно. Важно то, что ситуация с арестом Бульбова КАЧЕСТВЕННО отличалась от ситуации с арестом какого-нибудь олигарха. Или деятеля Счетной палаты. Или высокопоставленного администратора. Все поняли, что в этот момент, как говорят в народе, «нашла коса на камень». И поняли это не по чьим-то исповедям в средствах массовой информации, а по взведенным куркам. По интонации конфликта, так сказать.

Интонация была настолько пронзительной, что ее не мог не услышать даже глухой. Даже аналитик, лишенный интонационного конфликтного слуха, даже особо чурающийся этого аналитик, которому, что называется, «медведь на ухо наступил», не мог этого не услышать. Да и нормальный член нашего весьма неблагополучного общества тоже не мог не услышать этой рычащей конфликтной ноты, лишенной всякого объяснения и потому особо опасной.

Разве А.Хинштейну, который профессионально и ценностно связал себя со спецслужбистским сообществом, было так уж приятно говорить о войне спецслужб и о том, что «ФСБ занимается дурью»?

Но ведь он сказал это, как мы уже зафиксировали, 3 октября 2007 года, через два дня после задержания Бульбова и за неделю до выхода статьи Черкесова. И ведь не он один это сказал. Пресса начала «воем выть» по этому поводу. И единственное внятное, что слышалось сквозь этот вой: «Да вы хоть объясните, за что воюете!»

Черкесов, обращаясь к обществу и своему «спецсообществу», захотел придать хоть какую-то осмысленность уже произошедшему и (что самое главное) ЧУДОВИЩНО РАСКРУЧЕННОМУ конфликту. Он сделал это в ситуации, когда основная политологическая конструкция, согласно которой воюют «чекисты» и «либералы», рухнула позорно и сокрушительно. После этого обрушения слой интеллектуалов, который должен был осмысливать ситуацию, замолчал. Отчасти потому, что именно он, слой этот, конструировал неадекватную схему с конфликтом «чекистов» и «либералов». Отчасти же потому, что этот (признаем правду, не вполне компетентный) слой не смог выдавить из себя ни единого слова. А почему не смог-то?

Есть несколько вариантов объяснения данного не вполне тривиального обстоятельства. Ведь герменевтика информационной войны должна объяснять не только сами высказывания, но и отсутствие оных. Поскольку одно отсутствие иногда может рассказать о вещах даже более важных, чем целая совокупность присутствий. Учитывая это, разберем возможные варианты выявляемого отсутствия.

Вариант № 1 — те, кто должны осмысливать произошедшее, просто некомпетентны. Да еще и полностью заданы предыдущей рухнувшей концепцией («борьба чекистов и либералов»).

Вариант № 2 — речь идет не о некомпетентности, а о разумной осторожности. Выскажешься — будут неприятности. Либо одна сила обидится, либо другая, либо обе сразу. Зачем на это нарываться?

Вариант № 3 — речь идет о выполнении тех или иных «сервисных» функций, связанных с обслуживанием одной из борющихся сил.

Вариант № 4 — речь идет о занятии моральной и политической позиции, согласно которой одна из сил является носителем блага, а другая — носителем зла. В жертву этой позиции приносится все сразу: глубина анализа, понимание подлинной природы конфликта. Ведь скажешь «элитная игра» — и уже невозможно занять моральную и политическую позицию. А ты хочешь ее занять. Считаешь это необходимым и должным.

Вариант № 5 — нежелание помогать участникам конфликта преодолевать этот самый «чик» и выводить самих себя на уровень какой-то идеологии, какой-то стратегии. То есть того, что мы уже назвали субъектностью или «цыком».

В сущности, интересен только вариант № 5. Но коль скоро мы взялись детально отслеживать высказывания на всех этапах игры, то мы просто обязаны отследить все высказывания на этом — условно «черкесовском» — этапе. Кроме того, в жизни нет и не может быть ни одного из обсужденных вариантов «в чистом виде». Почти всегда присутствует более или менее причудливая смесь нескольких вариантов. Не станешь разбираться подробно — не сумеешь отсепарировать нужное. Ну, так и давайте разбираться подробно.

Еще раз: статья В.Черкесова «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев» была опубликована в газете «Коммерсант» 9 октября 2007 года.

Реакция на статью последовала незамедлительно. Отзывы можно условно разделить на 10 групп-кластеров — по типу оценки, месту в процессе и прочим признакам. Что я и делаю.

Группа № 1. Начальные нейтральные безоценочные реакции

9 октября, в день выхода статьи В.Черкесова, многие информационные источники (РИА Новости, Стрингер. ру, Anticompromat.ru, redtram.ru, сайт газеты «Аргументы и факты» и др.) либо перепечатали статью полностью, либо изложили ее содержание, дали цитаты, не сопроводив их ни анализом, ни оценочными комментариями.

Можно сказать, что данные источники просто выполнили свою миссию. Информировали — и все тут. Но можно сказать и по-другому. Что кто-то («группа № 0») просто не отреагировал, считая, что это накладно. А кто-то («группа № 1») привел материал и как бы сказал: «С оценками подождем». В нашей стране, где так любят давать оценки, такое осторожничанье, конечно, очень сильно отдает пресловутым «годить», знакомым нам всем еще по текстам Салтыкова-Щедрина. Я не хочу огульно всех, кто выдал безоценочные реакции, отнести к этой группе, но и не задаться по этому поводу неким общим вопросом тоже не могу.

Группа № 2. Начальные реакции, входящие в кластер «беспрецедентно»

Ряд источников, пытаясь в целом сохранить более или менее нейтральный тон и не выражая ни позитивного, ни негативного отношения к личности и тезисам В.Черкесова, подчеркивает, что статья беспрецедентна.

9 октября, Избранное. ру: *«Событие почти беспрецедентное. Представитель спецслужбы высокого ранга выступает с программной статьей в частной газете».*

9 октября, Лента. ру: *«Его (Черкесова — С.К.) реакция совершенно нетипична для силовика. Вместо того, чтобы, засев с верными соратниками в кабинете, в обстановке строгой конспирации приступить к подготовке ответного удара, он разражается пламенным манифестом о чекистском братстве, которое спасло Россию… Хотя Черкесов ни разу прямо не признает, что междоусобица внутри чекистского клана имеет место и никого ни в чем не обвиняет, его тон, да и сам факт появления этой статьи, красноречиво свидетельствуют: конфликты внутри самой могущественной группировки российской элиты есть, и конфликты совсем нешуточные… Но любопытно, просто любопытно: а зачем Черкесов выносит сор из избы? Не в первый раз, между прочим. Неужели просто «не могу молчать»? И полагается ли что-нибудь по нынешним правилам чекистской корпорации тем, кто молчать не может?»*

9 октября в интервью сайту Избранное. ру директор программы Россия/Евразия в Немецком институте внешней политики А.Рар заявил, что, по его мнению, в Германии статья Черкесова будет расценена как *«из ряда вон выходящая попытка защитить себя и свое ведомство»*.

10 октября, GlobalRus.ru: *«Ситуация… беспрецедентная: уже настолько откровенные разборки между силовиками — вещь редкостная, но тем более уникален выход всей этой истории в медийное пространство… Черкесов нарушил, по сути, главный завет своей корпорации — закрытость. «Чекистское сообщество» и «властная элита» (сейчас это синонимы как минимум на 70 %) заведомо эзотеричны… но теперь все вылезло наружу. В принципе, есть логичные версии, почему именно так вышло: Черкесова предположительно оттеснили от Путина, и он пытается до него достучаться через открытые каналы. Однако конкретный расклад здесь не так важен — главное, что борьба вышла на такой уровень, при котором уже стала заметна публике»*.

С чего начинается высказывание? С того, что ситуация беспрецедентная. Это констатация. Дальше — интерпретация. «Оттеснили»… «Хочет достучаться»…

10 октября «Новые Известия» публикуют комментарий члена федерального политсовета СПС Б.Надеждина: *«Сам факт появления такой статьи можно считать делом абсолютно фундаментальной, принципиальной важности. Случай сам по себе беспрецедентный: впервые за путинскую эпоху мы наблюдаем публикацию руководителя спецслужбы в частной газете, где он полемизирует с другими спецслужбами и говорит об угрозах безопасности страны… Принципиальное значение статьи в том, что это очевидный крах режима власти, который сложился в последние годы»*.

10 октября, Скандалы. ру: *«В своей статье… ближайший соратник Владимира Путина признает, что среди российских силовиков идет война за влияние и деньги. Раньше никто из близкого окружения президента таких признаний не делал. Эксперты оценивают откровения Черкесова как крик отчаяния человека, которого конкуренты оттерли от президента…»*.

10 октября, Страна. ру: *«Степень сенсационности этого события (статьи Черкесова. — С.К.) переоценить сложно. Чекист написал статью в газете «Коммерсант», в которой он открыто признал: внутри чекистского сообщества наметилось очень серьезное противостояние… Фактически Черкесов выступил с обвинением в адрес своих коллег по клану в коррупции — факт невиданный в истории путинской России»*.

10 октября «Новые Известия» приводят комментарий политолога С.Белковского: *«Видимо, Виктор Черкесов отчаялся решить свои проблемы непубличным путем, то есть, например, встретиться с Владимиром Путиным… А во-вторых, номенклатурный раскол в российском обществе принимает новые формы, в котором чисто аппаратные, силовые методы становятся недостаточными. Субъектам этого номенклатурного раскола приходится прибегать к формам публичной политики, что дает надежду на возвращение такой политики в нашей стране… Сам факт того, что впервые за многие годы чиновник такого уровня написал статью, а не просто пытался решить проблему теневыми методами, — это очень хорошо. И это единственное, что дает надежду на возрождение российской демократии»*.

На этом можно подвести черту под оценками сравнительно нейтральными и маркируемыми различными модификациями признания беспрецедентности. Дальше надо переходить к другому типу оценок. Но сначала дадим обобщающую схему (рис. 72).

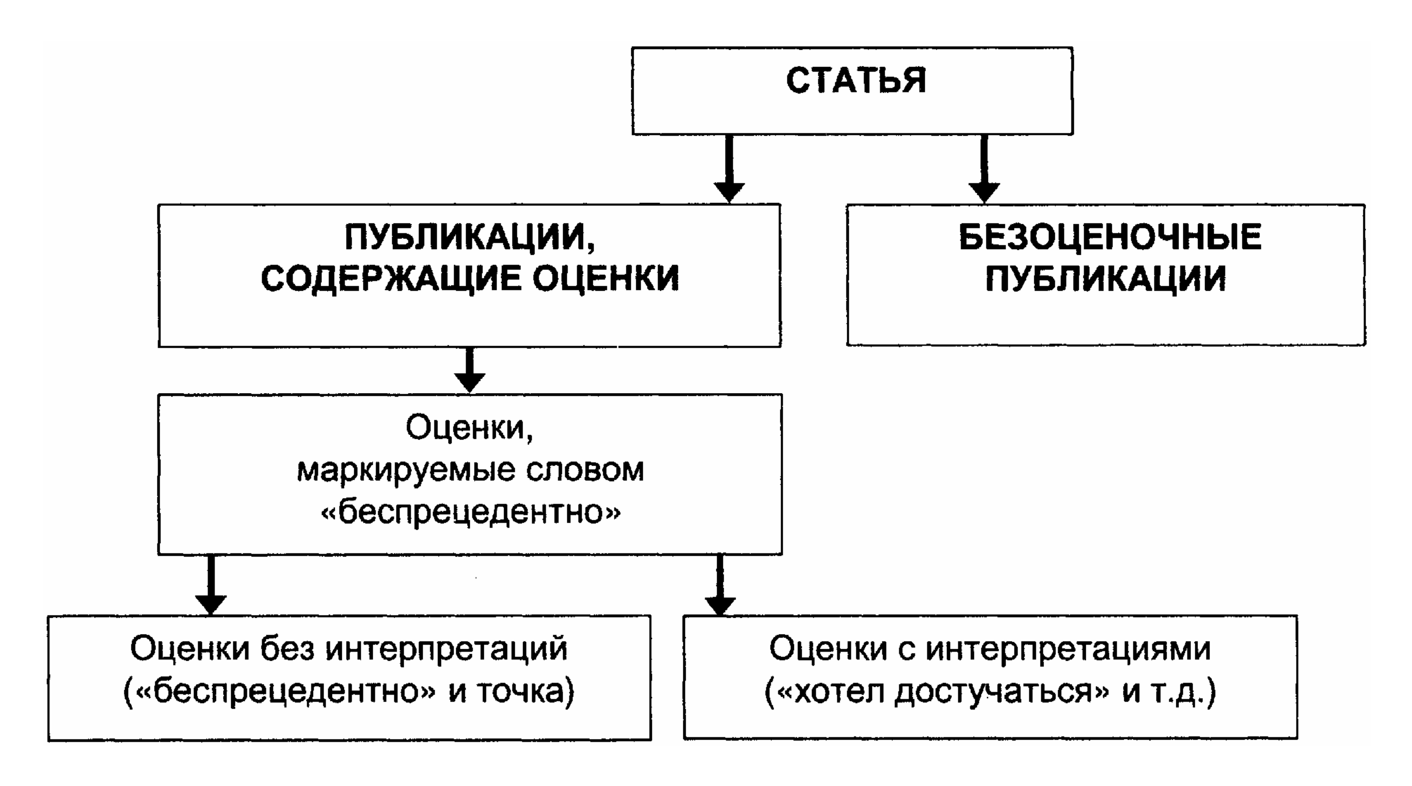

Рис. 72

Что же в принципе отражает и выражает подобная схема? Что есть те, кто вообще не хочет реагировать. И это наиболее осторожные люди. Есть те, кто реагирует, приводя текст в режиме «без комментариев». И это чуть менее осторожные люди. Есть те, кто весь комментарий сводит к тем или иным вариантам констатации «беспрецедентности» статьи. Завтра спросят: «Что хотел сказать?» — и авторы констатации ответят в соответствии с конъюнктурой. Выиграет Черкесов — скажут: «беспрецедентно хорошо». Не выиграет — скажут: «беспрецедентно плохо». Или, если совсем проиграет: «беспрецедентно нагло», «беспрецедентно возмутительно» и так далее.

Наконец, есть наименее осторожные, которые аж интерпретируют текст. Но как они его интерпретируют? Они задаются вопросом: какова степень вхожести данного лица в кабинет В.Путина?

И это единственный вопрос, который их интересует. А что, нет других вопросов к тексту Черкесова, да и к ситуации в целом? Вышеприведенный сакраментальный вопрос, казалось бы, должен был интересовать среднее звено бюрократии, а не свободные СМИ. Но произошло-то другое. Зафиксировав это «другое», пойдем дальше.

Группа № 3. Начальные негативные реакции

В числе тех, кто резко негативно отреагировал на статью Черкесова, прежде всего, С.Ковалев, который открывает тему «критики крюка» (имеется в виду пассаж статьи, где Черкесов утверждает, что «падая в бездну, постсоветское общество уцепилось за <… > «чекистский» крюк»).

9 октября на сайте Избранное. ру Ковалев соглашается с положением статьи Черкесова о том, что благодаря «чекистскому крюку» достигнута некоторая стабильность. Однако тут же заявляет, что сталинская эпоха и многие другие периоды такого рода во всемирной истории отмечались именно стабильностью. И дальше пишет на тему о том, что цена советской стабильности — миллионы убитых граждан, и так далее.

С.Ковалев не рассматривает сразу два вопроса.

Первый вопрос — возможна ли нестабильность, при которой не будут убиты миллионы людей? Что, из-за нестабильности эпохи Ельцина никто не пострадал? Что, распад СССР не повлек за собой гибель и жизненные трагедии миллионов людей, и многое другое?

Второй вопрос — как нестабильность в качестве первой фазы влияет на качество стабилизации в виде второй фазы? Ведь формат стабилизации вызревает в недрах нестабильности. От качества этой нестабильности полностью зависит тип последующей стабилизации. Кто отвечает за «жертвы стабилизации»? Тот, кто ее осуществлял? Или тот, кто допустил нестабильность? За гитлеризм, например, должны отвечать гестапо и СС… А «добропорядочные политики», которые

запустили «веймарское безумие», породившее гитлеризм? Они не преступники, они ни за что не должны отвечать?

Уклонение от подобных тем свойственно нашей диссидентской интеллигенции. Но, к чести господина Ковалева, надо сказать, что он пытается обсуждать содержание. Да, он делает это классическим диссидентским образом, переосмысливая понятие «стабильности». Стабильность со знаком плюс превращается в стабильность со знаком минус. Да, это один из способов, с помощью которых «демократоидная» публика пытается аннигилировать неприятное для нее содержание. Но это все же определенный способ обсуждать содержание.

Однако есть и другие способы.

9 октября, «Эхо Москвы». Е.Альбац находит статью Черкесова «забавной»:

> «Забавно в ней все: и содержание, и форма, и, кстати, место публикации… Когда сталкиваются силовые органы — это один из худших вариантов распада государства. Собственно, мы еще раз можем зафиксировать, что никакой государственности Путин и его окружение не сумели построить… Они (представители чекистского сообщества — С.К.)начинают биться друг с другом, как бандиты в открытом поле…
>
> …Черкесов совершенно откровенно пишет о том, что у власти находятся корпорации… Я позволю напомнить, что корпоративистские государства — обычно фашистские государства. Корпоративистское государство было в Италии времен Муссолини. Именно Муссолини принадлежит лозунг, который стал слоганом корпоративистского государства: все внутри государства, ничего вовне государства, никто против государства. Ккорпоративистским государствам относился и Третий Рейх Адольфа Гитлера, и целый ряд военно-бюрократических режимов Латинской Америки… Пропонентом такого типа режима и выступает господин Черкесов…
>
> …Наконец, почему высокий государственный чиновник (Черкесов — С.К.)… вынужден апеллировать к ушам президента не напрямую, а через СМИ? Может быть, хотя бы это заставит замечательное чекистское сообщество сказать себе, что СМИ нужны хотя бы для того, чтобы, когда вы, ребята, не можете до уха добраться, вам надо хоть как-то иметь возможность обращаться… На центральные каналы понятно, что господина Черкесова тоже не пускают…»

Тут собрано все сразу. «Забавно» — это оценочный способ, которым хочется подменить обсуждение. Интерпретация берется из известной аналитической парадигмы, в которой каждый, кто что-то обсуждает, это «секонд хэнд». А серьезные люди… Они… они заходят и договариваются. Забавно (использую термин госпожи Альбац), что журналистика, претендующая на «супер-флю» и интеллигентность, использует парадигму, мягко говоря, принципиально иного типа. Я не буду сейчас конкретизировать свою оценку этой парадигмы. Но, согласитесь, и впрямь забавно.

А помимо этого, госпожа Альбац хочет еще быть и философом, мыслителем, новым Уолтером Ростоу, Дэниэлом Беллом… или Ханной Арендт. И начинает «гнать пургу» про корпоративность. Но она все-таки вводит какой-то понятийный ряд. А введя его, что-то с чем-то как-то соотносит.

Вообще же Альбац — достаточно специфическая фигура. Не лишенная, кстати, внутренней целостности. Ей хочется и актуальности («входит или не входит» к руководителю в кабинет), и философичности… («корпоративистское — значит фашистское»…)

Почему корпоративистское государство — это только фашизм? Рузвельтовскую модель тоже называли корпоративистской. И мало ли еще какие модели так называли… Но ведь хочется философичности… Хорошо, что хочется… А о плохом… Давайте не будем обижать женщин…

А еще Альбац очень хочется — причем больше, чем всего остального — быть светской дамой. И говорить «забавно». Это свойство определенной тусовки. Чаще всего той, которая в семейном плане размещалась где-то внутри советской номенклатуры. Не обязательно партийной. ГРУшной, например. Я не о сомнительных формах связи говорю. Я о семейной интегрированности в элиту, сочетаемой с ненавистью к тем идеям и ценностям, которые эту элиту сделали элитой.

Внутри всего этого всегда есть место лорнету. Навели лорнет… Решили, что «забавно». А почему решили? Потому, что это освобождает от освоения. И потому, что это ужасно аристократично. «Милочка, как тебе Верлен?» — «Забавно!» — «А Гегель?» — «Тоже забавно!» И лорнет, лорнет… Элита ведь! Для нас все на свете — это выставка достижений.

Итак, реакция «ускользающе-уничижительная» («забавно»). Какие еще реакции?

9 октября, Newtimes.ru: «На первый взгляд, произошла катастрофа: из Конторы вынесли сор, устроили публичный разбор полетов, да еще вдобавок поставили под сомнение великий миф эпохи Путина о том, что привести Россию в светлое будущее могут только выходцы из Системы… Выходит, пресловутые «щит и меч» прогнили? Если верить г-ну Черкесову <… > то да». Далее приводятся мнения экспертов, в частности, С.Белковского. Моральная позиция Черкесова, заявленная в статье, Белковскому кажется «смехотворной». «Попытки объяснить обществу, что корпорация бывших чекистов спасла Россию и что только конфликты внутри этой корпорации могут ее победить, выглядят смехотворно… Ни Черкесов, ни его нынешние оппоненты не имеют образа честных бескомпромиссных борцов за народное счастье. Известно, что это крупные бизнесмены, которые используют свое положение в силовых структурах для своего обогащения».

Примечательно, что здесь мы имеем дело с реакцией по принципу «как известно». Это распространенный пропагандистский прием. Еще он называется «мазнуть походя».

«Как известно, такой-то был зоофилом…» Стоп. Откуда тебе это известно? А что там про тебя известно? А главное: сказал, что известно, — доказывай. Доказывать — не с руки. Начнешь доказывать — может оказаться, что ты клеветник. А если мазнуть походя, то все проходит. Стоп! ГДЕ ПРОХОДИТ? В Америке это категорически не проходит. «Как известно, Гейтс является вором»… Так может сказать Бжезинский? Или Киссинджер? Не может. А «здесь» так можно. Что это за «здесь»? И почему «здесь» так можно? Что это за общество, в котором так можно?

Задавшись этим вопросом, мы уже перестаем классифицировать и начинаем апеллировать к существу дела. А рано! Нам еще надо просмотреть весь массив высказываний. Поэтому вопросы-то мы поставим сразу (потом уже поздно будет), а отвечать будем по совокупности.

Итак, «забавно»… «смехотворно»… «как известно»… Что еще?

А еще — резко негативные эмоциональные отклики. В основном они сконцентрированы на сайте Грани. ру. Вчитаемся!

10 октября сайт Грани. ру опубликовал, во-первых, материал А.Пионтковского «Певец в стае чекистских воинов»:

«Умри, чекистский Шариков, четырехзвездный генерал полиции, гоняющийся за кошками и ветеринарами, — лучше не скажешь: РОССИЯ, ПОДВЕШЕННАЯ НА ЧЕКИСТСКИЙ КРЮК. Такой великолепный мясницкий образ вывалился из воспаленного подсознания позорно знаменитого следователя, лепившего в 1988 (!) году последнее в советской истории дело об антисоветской агитации. Как же, оказывается, любят Россию эти профессиональные патриоты, эти новые дворяне эпохи Путина, чтобы им в голову могла прийти такая жизнеутверждающая и наполняющая их профессиональной гордостью чудовищная метафора. Это покруче, чем Россия, кровью умытая».

Профессиональному палачу с претензиями на интеллектуализм так понравился удачно найденный им образ крюка, что, уже совершенно не понимая, что же он несет, этот нравственный идиот возвращается к нему на протяжении своего опуса вновь и вновь…

…Вы не дворяне, господа Черкесов и Патрушев. Вы две дворняжки, вцепившиеся друг другу в глотки за сладкие косточки с нефтью, газом, таможней, китайскими трусиками, наркотиками. Вы грязь в шелковых чулках.

Подлинная аристократия России, ее герои, ее совесть — это убитые вашей «корпорацией» Юрий Щекочихин и Анна Политковская.

Великая страна Пушкина и Сахарова не может и не будет вечно висеть на вашем воровском крюке. Это вам только кажется, что у вас теперь пожизненный президент».

Итак, Пионтковский пишет эту свою статью 10 октября 2007 года. На следующий день после выхода статьи Черкесова.

Если бы я писал роман в конспирологическом стиле, то мог бы сочинить кошмарную сцену, в которой после опубликования статьи Черкесова некий зловещий международный штаб проводит срочное совещание и вырабатывает комплекс мер по обезвреживанию опасного сочинения, предъявленного директором ФСКН неустойчивому российскому обществу. На этом совещании выступает главный специалист по «черному пиару» и предлагает выбрать в качестве объекта для атаки образ «крюка», используемый высокопоставленным автором. Штаб разрабатывает комплекс

мер, сочиняет инструкцию, передает эту инструкцию бойким перьям (в том числе, господину Пионтковскому). И перья бойко выполняют заказной номер.

Но я не пишу романов в этом столь востребованном стиле. Я достаточно подробно знаком с публицистикой А.Пионтковского и поверхностно с ним самим. И понимаю, что Пионтковскому совершенно не обязательно получать директиву некоего штаба для того, чтобы едко отреагировать на статью, в которой крупный спецслужбистский чин обсуждает соотношение между корпоративным и общенациональным. Пионтковский — талантливый публицист и блестящий полемист. Он умеет точно нанести удар в слабое место противника. Он владеет богатым ассортиментом средств, позволяющих вести полемику. И тонкой иронией, и жестким сарказмом.

Если бы я не имел четкого представления о норме, присущей творчеству Пионтковского, то не было бы никакой возможности оценить степень аномальности данного текста. Представление же о норме позволяет мне утверждать, что уровень аномальности беспрецедентно высок. Но даже тот, у кого таких представлений о норме творчества Пионтковского нет, не может не признать, что аномальность наличествует. Пионтковский хочет от имени жертв проклясть чекистского палача.

Проклятия — это определенный жанр. Со своей лингвистикой, семантикой, интонацией.

Пионтковский с первых слов выпрыгивает за пределы этого жанра. Нельзя в одном тексте адресовать столько эпитетов одному лицу, занимавшему скромные посты в позднесоветскую эпоху. Ведь не Берия же, в конце концов, не Ежов! Но даже если Берия и Ежов, то нельзя сразу валить в одну семантическую корзину и «шарикова» с «дворняжкой», и «профессионального палача с претензией», и «грязь в шелковых чулках», и «нравственного идиота», и подробный ассортимент товаров народного потребления (трусики et cetera). Это не проклятия. Это в лучшем случае китч.

Пионтковский в здравом уме и твердой памяти этого не может не понимать. Прошу прощения у взрослого и умного человека, которому ПОЧЕМУ-ТО (мне-то только и нужно понять, ПОЧЕМУ ИМЕННО) отказывают и взрослость, и ум. Но все, что мне приходит в голову в виде ассоциаций при чтении текста Пионтковского, — это строки известной песни Галича:

Ветер мокрый хлестал мочалкою,
То накатывал, то откатывал.
И стоял вертухай с овчаркою
И такую им речь закатывал…

Пионтковский ведет себя именно как этот вертухай с овчаркой. Сравнивать данный опус Пионтковского с речами товарища Вышинского как-то даже неудобно. Настолько сравнение получается в пользу Вышинского.

В чем тайна такого превращения умного и тонкого человека? Возможно, тайна этого превращения находится в чьем-то индивидуальном или коллективном подсознании, переполненном ненавистью к тому, что олицетворяет собой Черкесов?

Назовем такое объяснение странного поведения — гипотезой № 1 (или гипотезой органической исторической травмы). Я в принципе понимаю, что это за травма. И не готов просто снисходительно хмыкнуть (ведь травма же, что поделаешь!). Есть у меня самые разные основания для того, чтобы понять травмированных и в какой-то степени даже солидаризироваться с ними.

Но прежде всего я хочу проверить эту самую гипотезу № 1. Проверка же, как ни странно, удивительно проста. Если у лица или даже группы есть такой накал органической исторической ненависти, то не может быть избирательности. Тогда уж ненавидят всех сразу. И какого-то там следователя позднесоветской поры, и тогдашних начальников этого следователя… А как иначе-то?

Эпоха застоя и перестройки, с которой связана советская спецслужбистская деятельность В.Черкесова, никак не позволяет осуществлять демонические сопоставления (например, с нацизмом). И в принципе мне эти сопоставления глубоко чужды. Но есть любители таких сопоставлений. И пусть они мне объяснят, как сжигаемый справедливой ненавистью узник Освенцима может ненавидеть рядового эсэсовца, но не ненавидеть Гиммлера? А также все окружение Гиммлера? Согласитесь, это абсолютно исключено.

Я не шел в зэковской колонне, описанной Галичем. В ней шел мой родной дед. Но я знаю, что такое визгливо-непристойный лай перестроечных журналистских «овчарок», готовых вцепиться в твое горло. Что такое публицистическая пена на клыках и плотоядный блеск в глазах. Что такое

подлая ложь, мстительность по отношению к твоим близким, адресующая только к пресловутому ЧСИР («член семьи изменника Родины»).

Я не был ни следователем КГБ, ни каким-либо другим его работником.

Я не был советским номенклатурщиком.

Но в выдаваемых «овчарками» руладах я почему-то должен был персонально отвечать за все — от Ленина до Брежнева, от Дзержинского до Андропова. Почему, спрашивал я себя в тот непростой для меня и близких моих период, я должен быть объектом этого лая, а маститые представители якобы ненавидимых инстанций получать вместо причитающегося им лая странное радостное повизгивание?

Со временем я убедился, что лаявшие конкретно на меня «овчарки» получали команду «фас» и лаяли по команде. А команду отдавали те, на кого «овчарки» — будь они не высокодрессированными животными, а травмированными античекистскими «волчарами» — должны бы были прыгнуть в первую очередь.

В данном случае избирательная ярость реакции позволяет высказать другую гипотезу по поводу общего явления, которое здесь проявилось через текст Пионтковского. Назовем эту гипотезу — гипотезой № 2.

Избирательность реакции опровергает ее органический характер. Но если это не органика, то что? Есть команда? Не исключено. И тогда вторая гипотеза может быть названа «гипотезой фаса».

Согласно данной гипотезе, ТАК реагировать начинают, когда получена команда «фас». Или твердо понимается, что эта команда будет отдана в ближайший момент.

Жизненный опыт диктует мне осторожность выводов. Но тот же опыт показывает, что в огромном количестве случаев действительно имеет место команда «фас». И только после нее умный и вменяемый человек позволяет себе столь неуместную избирательно-яростную реакцию.

Пусть читатель сопоставит мое утверждение о том, что господин Пионтковский — умный, вменяемый и абсолютно профессиональный журналист, с вышеприведенным текстом Пионтковского, перенасыщенным недопустимо грубыми перлами.

Но дело не только в перлах. А в том, что Пионтковскому, похоже, позарез нужно увести какие-то слои общества от обсуждения реального содержания статьи Черкесова. И свести все к бесконечному смакованию метафоры «крюка». Любая метафора в принципе многозначна. Всегда можно приписать ей не то значение, которое имел в виду автор. Можно-то можно… Но внутри подобной дозволительности есть определенные нормы и допуски.

Если речь идет о конвенциональной полемике, то метафоры вообще трактуют в пользу автора. Хотя бы на уровне полемического реверанса: «Наверное, вы это хотели сказать…».

Если же речь идет об информационной или политической войне (а Пионтковский не слишком скрывает, что он занят именно этим), то можно и должно использовать ненужные автору трактовки метафоры по принципу «подставился — получай». Но и в этом использовании есть свои нормы. Война вообще предполагает нормы, пусть и достаточно эластичные. Женевская конвенция, например, — это нормы. Согласно нормам информационной или политической войны, нельзя приписывать метафоре побочное значение в случае, если фразы, в которых она использована, это значение полностью исключают.

Подобное приписывание называется «выдергиванием». Это «выдергивание» является основополагающей чертой бандитствующей журналистики. Теперь посмотрим, «выдергивает» Пионтковский или нет…

Если бы Черкесов сказал, что «наша корпорация подобна крюку», то ему можно было бы вменить все значения метафоры «крюк», адресующие к пыточной. Но Черкесов пишет: *«Падая в бездну, постсоветское общество уцепилось за этот самый «чекистский» крюк. И повисло на нем»…*

В пыточной не цепляются, падая, за крюк. Там на крюк подвешивают.

Пионтковскому могут быть чужды альпинистские смыслы метафоры «крюк», близкие тем слоям советского общества, которые страстно откликнулись на песни Высоцкого:

Надеемся только на крепость рук,
На руки друга и вбитый крюк.
И молимся, чтобы страховка не подвела.

Но он не может не понимать, что за пределами узкого рафинированного интеллигентского круга у данного образа существует именно такой контекст. Навязать образу противоположное значение, конечно, можно. Но не без издержек для реноме. В том числе, для реноме в очень узкой группе почитателей, которая и так готова ненавидеть все, что в чем-то не соответствует ее собственной субкультуре.

Но Пионтковский не для этого узкого круга пишет. Он почему-то вдруг решает заняться не своим делом. Дело это несимпатичное. По зову сердца им не занимаются. Бандитская журналистика (она же «черный пиар») — удел хорошо оплачиваемых профи. Тех, кому правила, нормы (не дай бог — принципы!) — чужды и отвратительны. Пионтковский — не из этой когорты. Что (или кто?) побуждает уподобляться известным черным пиарщикам? Сами эти пиарщики? Их хозяева? Кто-то третий?

И что же все-таки так задевает в статье Черкесова? Что и кого? Если мы поймем — что, то можно точнее ответить и на главный вопрос — кого. А это и значит, что мы продвинемся в понимании устройства некоего интересующего нас конфликта, названного нами «качели».

Что же по сути делает Черкесов?

Он ведь не публицист — он высокое должностное лицо.

И вот это должностное лицо заявляет, что оно является носителем некоего «классового» (корпоративного, квазикастового — в любом случае, макрогруппового) начала. При этом данное лицо подвергает критике сложившуюся практику классового поведения, показывая, что эта порочная практика несовместима с претензией класса на властную роль.

Сложившуюся практику лицо вежливо именует «невоинской». Ее также можно назвать «хватательно-кусательными рефлексами». Лицо критикует рефлексы. Обладатели рефлексов должны по этому поводу начать рычать. Но почему рычит Пионтковский?

Кроме того, лицо выходит за бюрократические рамки, предполагающие, что начальник вообще и принадлежащий к данной группе в особенности должен мычать, блеять, а также перечислять достижения своего ведомства. Желательно в такой суконной форме, чтобы никто не мог ни на что реагировать.

Согласитесь, не в интеллигентских — сколь угодно диссидентских — правилах беситься по поводу нетипичного поведения представителя правящего класса. Особенно, если это поведение носит некомплиментарный по отношению к классу характер.

Но ведь бесятся! И как! Одних кошек, потерявших желанный для них кетамин, для такого бешенства явным образом недостаточно.

Разбираясь с этой странностью, надо что-то взять за отправную точку. Что же?

Беспрецедентность статьи В.Черкесова фиксируется, вне зависимости от отношения к автору и статье, во множестве высказываний. Внутри этого разнородного массива высказываний (от Хинштейна и Соловьева до Пионтковского и Латыниной) есть только одно консенсусное утверждение. Суть его в том, что по отношению к «сословной норме» появление такой статьи нетипично.

То, что мы попытаемся далее проследить, касается не ПРИЗНАНИЯ различия между «сословной нормой» и поведением Черкесова, а ОЦЕНОК поведения, нетипичного в сравнении с некоей «сословной нормой».

Класс или сословие (в любом случае — макросоциальная группа) пребывает в состоянии непроартикулированности. И либо беспомощно бормочет (отчитывается), либо молча активничает («хватательно-кусательным» образом). Наконец, кто-то из его представителей по каким-то причинам нарушает это правило и начинает осмысливать роль своего сообщества в процессе, причины, обусловившие такую роль, возможные пути преодоления сложившейся ситуации и прочее. Называется это — «просыпающееся классовое самосознание».

Путин как общенациональный лидер не может быть лидером классовым. Да и не хочет. О наличии класса трубят непрерывно. Сами чекисты вроде бы понимают себя именно как класс. Но ведут себя ГРУБО-сословным («хватательно-кусательным») образом. По всем показателям это поразительно начинает напоминать номенклатуру позднебрежневской эпохи. С той лишь разницей, что положение намного сложнее: объемы «хватания» несопоставимы с той эпохой, «кусание» куда как жестче, нет даже остатков системообразующей идеологии, их в лучшем случае заменяет патриотический пиар, который вот-вот прикажет долго жить. Общество разорвано на взаимонепонимающие социальные среды, мировая обстановка усложняется и так далее.

И все же сходства между перестройкой и нынешней суетой вокруг статьи Черкесова нельзя не заметить. Эта суета по сути является «микроперестройкой-2». Или — «микроперестройкой а ля чекизм».

Микро-то она микро, но где микро, там и макро. В сущности именно в этом смысл моего столь дотошного анализа.

В чем же сходство? В том, что и в 1989 году можно было поступать по-разному. Можно было попытаться активизировать классовое самосознание. И через это спасти класс, а вместе с ним и страну. А можно было уничтожать и класс, и страну.

Спросят: «А почему нельзя было уничтожить так надоевший и в целом бесперспективный класс и сохранить страну?» Прежде всего, давайте зафиксируем, что произошло другое. Зафиксируем, далее, что в стране не было альтернативных политически дееспособных классов. Зато были конкурирующие элиты. В том числе и те, которые осуществляли стратегию карнавала.

Итак, класс сбросили, страну пустили под откос. СССР нет. Осталась Российская Федерация. Внутри нее стал формироваться (и одновременно стремительно разлагаться) новый как бы цементирующий политический класс — так сказать, чекистский.

Если класс сгниет, то и Российская Федерация полетит под откос. Потому что опять все обстоит тем же самым образом. Конкурирующих дееспособных классов нет. Но есть странные элитные акторы, выявлением которых мы и пытаемся заниматься.

Этим акторам нужен новый карнавал? И они по этой причине атакуют любые признаки появления у «чекистов» классового самосознания ровно теми же репрессивными способами, которыми атаковали ростки номенклатурного классового самосознания в период перестройки?

Если подобная логика имеет место, то, согласитесь, дело серьезное. А если нет… Да, предъявленный мною к рассмотрению текст Пионтковского — это шедевр. Но если у шедевра есть только автор по фамилии Пионтковский и нет бэкграунда, то я ломлюсь в открытую дверь. Или, как минимум, подменяю предмет исследования. Начинаю заниматься не герменевтикой информационной войны, не обнаружением неявного субъекта информационных атак, а идеологической полемикой. Либо — либо…

Либо у информационной войны, которую я анализирую, есть некий трудно обнаруживаемый элитный фокус, либо этого фокуса нет. А есть всего лишь интеллигенция в ее мучительном всегдашнем неприятии власти. И это, конечно, серьезная тема, но другая.

«Интеллигенция и власть»… Стоп. А почему бы не построить такой типологический ряд? (рис. 73).

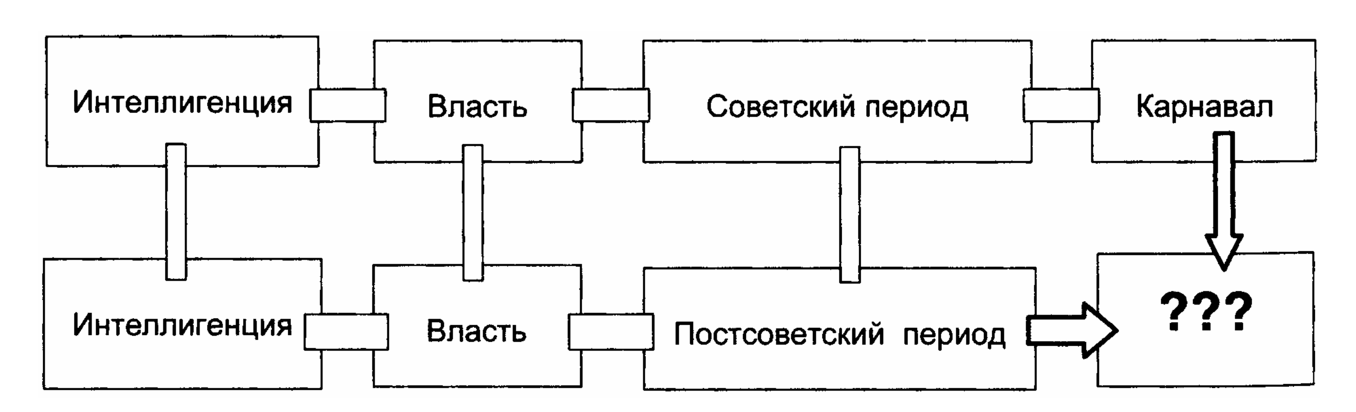

Рис. 73

А построив, не спросить себя и других: «Опять карнавал?»

Для ответа на вопрос рассмотрим интересующую нас двухфазную систему: «интеллигенция и власть»…

Отношения интеллигенции и власти в советский период складывались из двух компонентов.

Первый и преобладающий — это справедливая и органическая ненависть интеллигенции к советской загнивающей власти. Такой первый и преобладающий компонент системщики называют «свободными колебаниями системы». А специалисты по культуре — уже упоминавшейся мною выше «органической реакцией». Органическая реакция — это реакция, которую никто специально не вызывает. Она вытекает из природы явления. Мне никто не дает рвотное, меня просто тошнит. Если мне будут давать рвотное, то в мою систему (организм) запускаются вынуждающие колебания. И моя

реакция тогда — вынужденная (искусственная, смоделированная). При этом никто не будет моделировать реакцию вне учета моей органики. Никто не будет взрывать мост, не просчитав и не учтя собственные слабые точки моста как системы.

Повторяю вновь и вновь на протяжении многих лет: для того, чтобы интеллигенция ненавидела советскую власть, не надо было ее на эту власть науськивать. Интеллигенция и без науськивания ее ненавидела. И было за что.

У интеллигенции как системы были «собственные частоты» этой самой ненависти и «свободные колебания» данного чувства. И они, безусловно, преобладали. Вопрос был только в одном: БЫЛО ЛИ ЧТО-ТО ДРУГОЕ? Теория управления доказывает, что в некоторых случаях управляющие колебания с амплитудой, например, в одну тысячную от амплитуды собственного колебания могут качественно менять все, что касается собственных колебаний и бытия системы как таковой. На простом языке это называют «каплей, переполнившей чашу».

Вторая составляющая в системе интеллигентских реакций советской эпохи, — составляющая, так сказать, не собственная, а вызванная, не органическая, а искусственная — была. Я назвал ее «карнавальной» (спецоперация «Карнавал»). И что-то по этому поводу разобрал. Более детально разбирать в данной книге не буду.

Но если мы уже сформулировали гипотезу о карнавале в позднесоветскую эпоху, то почему мы не можем просто предположить, что подобный же карнавальный компонент имеется и сейчас? Что мы имеем дело с ситуацией «карнавала нон-стоп»? Или перманентного карнавала (по аналогии с известной теорией перманентной революции)?

И опять-таки, основа всего — справедливая ненависть интеллигенции к новому правящему классу. Дополнительный компонент — несправедливая, но культурно неизбежная, постоянная и в чем-то объяснимая ненависть интеллигенции к любому правящему классу в России. Даже если этот класс сформирован на ее основе, как это было в начальное советское время. И то, и другое является органикой, «собственными колебаниями». И у того, и у другого есть традиция.

Я уже показал выше, что отношение неких «интеллигентских акторов» (например, Пионтковского) к статье Черкесова нарушает данную традицию. И это нарушение тоже, как и другие, опровергает гипотезу № 1 (собственный, или органический, процесс) и подтверждает гипотезу № 2 (смоделированный, или вынужденный, процесс).

Классический интеллигент органически не может зарычать на представителя чуждого ему класса лишь за предъявление каких-то признаков классового самосознания! Ну, не может классический интеллигент упрекать такого чекиста (или номенклатурщика) в том, что тот «выпендривается». Не может требовать от него, чтобы он был ближе к стайной — непросветленной, «мычащей» — классовой норме.

Данный тип обвинений является типичным для самого молчащего сообщества, которое совершенно не хочет аплодировать своему представителю, прервавшему устраивающее это сообщество молчание. Так что же мы имеем в таком случае (если нам удастся это доказать)?

А вот что (рис. 74).

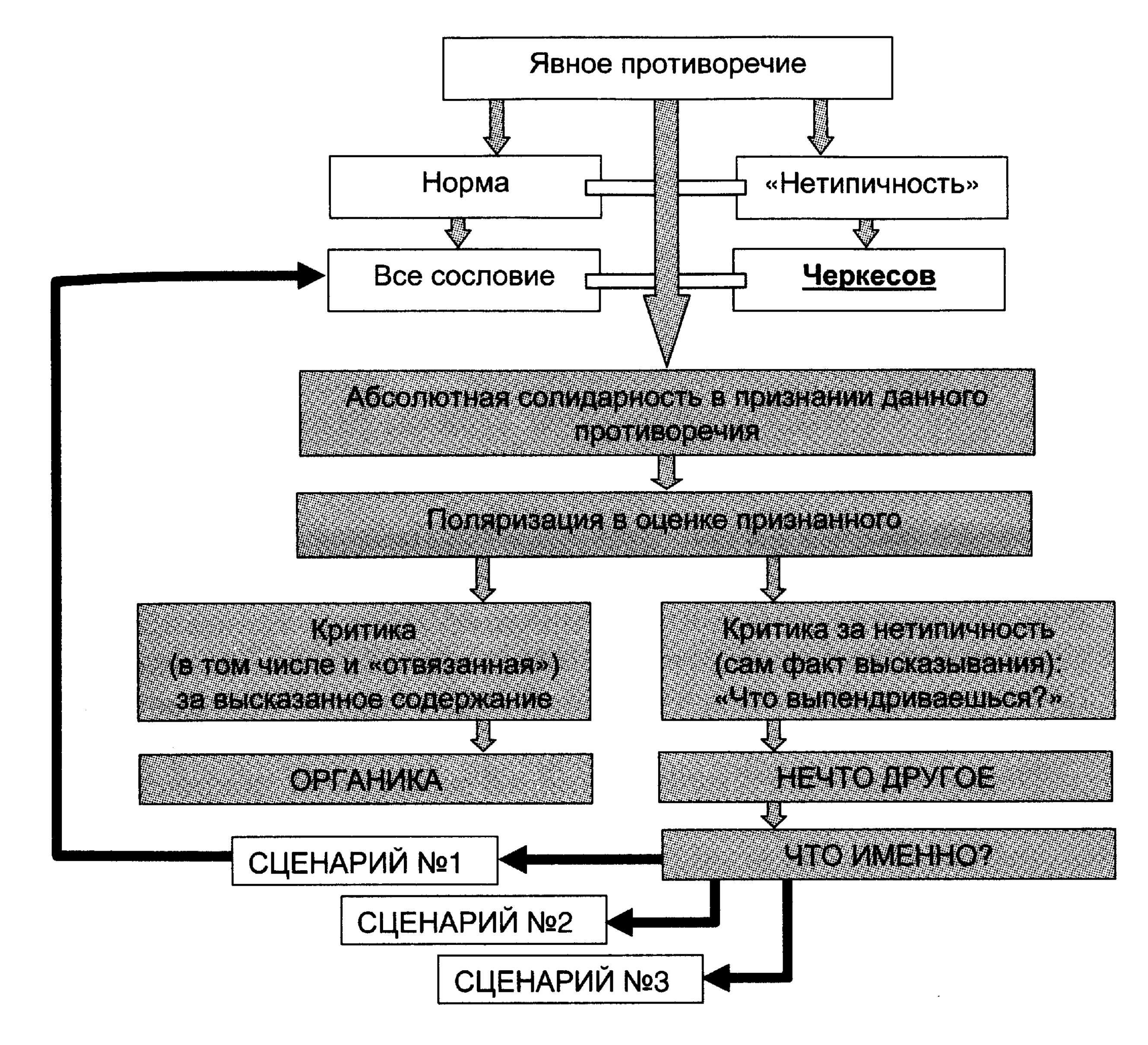

Рис. 74

В этом случае речь может идти о нескольких сценариях. Они делятся по источнику карнавального поведения.

В сценарии № 1 источником является само спецслужбистское сословие. Или внутрисословные конкуренты высказавшегося Черкесова. В этом случае интеллигенция становится рупором молчащей части сословия, самым грубым образом озвучивая его, сословия, интенцию: «Чё умничаешь?»

Интеллигенция, повторяю, никогда так себя не вела. Это нечто новое? Опрощение, не стесняющееся возможных обнаружений порочащих связей, когда не стесняется никто: ни стая, не желающая стать классом, ни обслуживающие эту стаю квазиинтеллигентские рупоры?

В сценарии № 2 источником особого типа критики являются конкурирующие сословия. Которым совершенно не нужно, чтобы стая (группа, каста, корпорация) приобрела то самое «сознание», которое превращает ее в класс. Ибо стаю в класс превращает именно развитое классовое сознание.

Где классовое сознание, там и реальная власть. Где власть, там и стабильность. Воля к обретению классового самосознания, проявляемая даже отдельными представителями класса, попахивает какой-то реальной стабильностью. И потому пугает конкурентов, которые ничего подобного не хотят. Такими конкурентами могут быть и альтернативные силовые корпорации, и криминал.

Как они могут реагировать? Поскольку это тоже не классы, у которых есть самосознание, а мощные стаи, то их реакция оформляется соответственно менталитету реагирующих. Реагирующие могут проявлять смутное недовольство. Мол, «все себе забирают», «обносят», «дербанят»… Для того, чтобы это смутное недовольство превратилось в идеологию, нужны идеологи. Но только пусть эти идеологи не говорят, что они подымают на бой спящее гражданское общество. Они обслуживают альтернативные стаи. А зачем они это делают?

Объяснение может дать только сценарий № 3.

Согласно этому сценарию, целью тех, кто так нервно реагирует на возникновение любого зародыша классового сознания у сегодняшней элиты, является ПРОДОЛЖЕНИЕ ПАДЕНИЯ. Того самого, которое на время удержал ненавидимый «чекистский крюк», за который, видите ли, уцепились. А зачем цепляешься? Надо падать дальше. Тогда карнавал продлится.

В связи с метафорой «чекистского крюка» в статье Черкесова можно, развивая предыдущие рассуждения, спросить ужасающихся эстетов: «А что, было бы лучше, если бы Черкесов все залил сиропом пафоса по принципу: «Чист, как чекист, кристален, как Сталин»? Пионтковскому это понравилось бы? У него такой личный вкус? Да полно!»

Говоря о «крюке», Черкесов явным образом избегает патетики. Ведь то, что он говорит, можно сформулировать намного грубее: «Страна летела вниз и должна была разбиться о базальтовое дно гигантской пропасти. Вместо этого она шлепнулась в дерьмо и осталась цела».

Нельзя не спросить оппонентов: «А вы что, в подобной ситуации не захотите упасть в дерьмо? Вам что не нравится? Что дерьмо плохо пахнет? Или что, упав в него, Россия все-таки уцелела? Что для вас важнее, если реальной-то альтернативы не было? И по какому поводу, собственно, вы так негодуете? Почему так придирчивы, обсуждая качество того, что спасло?»

В рамках нашего огрубления придирчивость Пионтковского сводится к следующему: «Ах ты, чекистская гадина! Признался! Сказал, что мы в дерьмо шлепнулись! А ведь как красиво могли разбиться о благородный (международный) базальт! Долетели бы до дна! Какая бы была красивая инсталляция! Белые кости! Алая кровь! Черный базальт! Красиво! А тут — какое-то дерьмо! То бишь «крюк»!»

Может быть, мы не падали в бездну? Может быть, Россия при Ельцине реально возрождалась? Но тогда пусть Пионтковский так и скажет. И пусть его в этой оценке поддержит один процент населения и два процента мирового сообщества. Однако он же не это говорит. Он не смеет сказать, что при Ельцине было хорошо. Этого никто не смеет сказать. Даже Новодворская. Потому что при Ельцине тоже были чекисты. И они клали друг друга «лицом в снег». Вот бы тогда Пионтковскому выступить и сказать: «Некрасиво-то как!» И призвать чуму на оба дома. Да-да, именно на оба дома!

Но, может быть, Пионтковскому нравится все ельцинское, кроме его чекистов? Могу представить. Однако давайте вычтем чекистов из ельцинизма. И что получим? Мы получим отсутствие ельцинизма. Потому что если бы не было Коржакова и иже с ним, то не было бы и Ельцина. Уже в 1992 году его не было бы. А уж в октябре 1993-го — тем более. Кто расстреливал Дом Советов? Интеллигенты? Они науськивали. А расстреливал этот самый чекизм. И он тогда очень нравился… тем, кто науськивал.

Так что такое ельцинизм без чекизма? Ничто! И что тогда нравится Пионтковскому? Ему все не нравится?

Ах, нет… Ему нравится «Россия Пушкина и Сахарова»! Ну, сказал бы «Герцена и Сахарова»! Ан нет, Пушкина! Что такое Россия Пушкина? «Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия»… «О мощный властелин судьбы! Не так ли ты над самой бездной на высоте, уздой железной…» «Уздой железной» можно, а «крюком» нельзя? «Железная узда» — это, между прочим, — о ужас! — тоже крюк. Точнее, два крюка. Пионтковский видел когда-нибудь железную узду?

Но что я заладил — «Пионтковский да Пионтковский»? Если бы все сводилось к одному страстному публицисту, то и говорить бы не о чем. Но вот — И.Мильштейн… Все тот же сайт Грани. ру…

Мильштейн снова обращается к теме «крюка». Метафора, с его точки зрения, подкачала.

«Этот пресловутый чекизм, эта машина, со всеми его крючьями, дыбами и топорами, которую никто, нигде и никогда не допускал к верховной власти, сегодня… сорвалась с резьбы, она одичала и в ярости накинулась сама на себя… Жизнь по методу спецоперации — этим почти исчерпывается у нас политическая, дипломатическая и, как видим, внутричекистская деятельность. Громадная заслуга Черкесова в том, что он обнажает механизмы этого неповторимого стиля. Но тут загадка: он вдруг проснулся романтиком и борцом за справедливость, которому за «контору» обидно, или это такой финт… Кризис — это наши будни, как и чекистская шизофрения, постепенно переходящая из вялотекущей стадии в острую. Вырвать этот крюк — спасти страну. И чем скорее, тем лучше».

Мильштейн договаривает то, чего Пионтковский не сказал. Он признает, что страна зацепилась за «крюк». И признает эту ситуацию скверной. Он предлагает этот крюк вырвать. А я предлагаю читателю соединить две метафоры — черкесовскую и ту, которую к ней добавляет Мильштейн.

Черкесов: «Падая в бездну, постсоветское общество уцепилось за крюк».

Мильштейн — добавляет: «И этот крюк надо вырвать».

Читатель прямо видит, как общество летит вниз.

Куда летит? В анархию? Или его ждет иностранная оккупация?

Мильштейн хотел атаковать чужой образ. А раскрыл собственное политическое содержание. И вопрос не в том, кто как оперирует метафорами. Дело это тяжелое. И я понимаю, что Мильштейн запутался. У него и «дыба», и «вырвать крюк»… Я не хочу вникать в эти «кошмары на улице Вязов».

И Мильштейн, и Пионтковский, и ваш покорный слуга — политические аналитики. И в качестве таковых не могут не понимать, что если стабилизация оказалась чекистской, то это значит только одно. Что она, к сожалению, не могла быть другой. Я согласен, что у этой стабилизации скверные качества. И что? Ее надо отменить — во имя чего? Во имя махновщины? Во имя стабилизации, опертой на какие-то другие системные силы? Ведь стабилизация не может не опираться на системные силы. На какие?

Никак не разделяя пафос статьи Черкесова, я должен признать, что он на два порядка основательнее своих демократических оппонентов. И мне за них обидно. Честно говорю, без иронии.

Ведь по сути Пионтковский и Мильштейн говорят: «Лучше гибель, чем стабилизация». И от этой сути никуда не уйдешь. А Пионтковский с Мильштейном будут гибнуть? Они повторят великую фразу Ахматовой: «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был»?

Я почему-то в этом сомневаюсь. Прошу меня извинить, если я напрасно сомневаюсь. Но я сомневаюсь. Предположим, что Пионтковский, Мильштейн и другие хотят жить в России, превращенной в настоящее, полноценное «гуляй-поле», обладающее ядерным оружием, химическим оружием и всем остальным. Предположить такое мне трудно, но ради чистоты рассуждения я готов предположить даже это. Внутри такого «гуляй-поля» неизбежно возникнет та или иная социальная динамика. В лучшем случае, она приведет к грубым формам неофеодализма, описанным, например, у М.Юрьева или В.Сорокина.

Я не знаю, читали ли Пионтковский и Мильштейн М.Юрьева, но «День опричника» Сорокина они наверняка читали. Если они не читали М.Юрьева, то могу, восполняя пробел, сказать, что никакой сущностной разницы между моделями Сорокина и Юрьева нет. Вся разница в жанре. Сорокин издевается, а Юрьев восторгается. В этом хотят жить Пионтковский и Мильштейн? Только не говорите мне, что они хотят жить в развитой демократии американского или французского образца. Я тоже хочу. Мечтать не запретишь.

В случае негативной динамики не будет даже «Дня опричника». Будет «Град обреченный» Стругацких. Но и его не будет. Как не будет и раздела России на оккупационные зоны. Почему-то мне кажется, что именно в этом мечта наших ревнителей (чуть не сказал — любителей) «России Пушкина и Сахарова».

Никаких оккупационных зон не будет. Нельзя поделить Россию и сохранить глобальное равновесие. Можно было бы — давно бы поделили. Отдать всю Россию США Китай никогда не согласится. Отдать даже одну Сибирь Китаю не согласятся США.

Значит, на данной территории будет война. Возможно, и ядерная. Называется это, повторю, «война за русское наследство».

Мильштейн и Пионтковский собираются жить на территории, где идет война за русское наследство? И, видимо, к ним присоединится Ю.Латынина? Именно она все на том же сайте Грани. ру высказывается аналогичным образом на ту же тему:

«Вместо того, чтобы поговорить о том, виновен или нет его генерал и за что все-таки велась война, господин Черкесов что-то рассказывает нам про спасительный чекистский крюк… Складывается впечатление, что его позиции крайне слабы, раз он обращается к прессе… Нечего сказать по существу ни Черкесову, ни товарищу Сечину. Когда эта борьба происходила под ковром, было ощущение, что там дерутся бульдоги, а когда они из-под ковра вылезли, выяснилось, что там дрались два мопса. И вот вылезший из-под ковра товарищ мопс рассказывает нам что-то о чекистском крюке, который якобы спас Россию».

«Как известно»… «Забавно»… «Крюк»… «Мопс»…

Та же «пионтковщина», но с интересными добавками. Первая из них состоит в том, что Черкесов должен был стукнуть кулаком, сказать, что его генерал не виноват и… и покинуть политическую сцену. Оставив ее — кому? Госпоже Латыниной?

Вторая добавка еще интереснее: «Складывается впечатление, что позиции Черкесова крайне слабы, если он обращается к прессе». В какой стране мира журналистка может сказать что-нибудь подобное? В Америке? Во Франции? В Африке? Где? Остался последний оазис, край непуганых идиотов, где это можно говорить, не стыдясь, и называться демократической журналисткой.

Де-мо-кра-ти-че-ской.

Норма демократической культуры состоит в том, что политическую победу одерживает тот, кто лучше ведет открытую идеологическую полемику. Где эта норма? Откуда Латынина напиталась другой нормой? У вас вопросов нет? А у меня есть.

Свои нападки на Черкесова Латынина продолжает в «Новой газете» (№ 78, 11 октября) в статье «Большой брат слышит тебя».

Как подчеркивает Латынина, *«началось с того, что два могущественных кремлевских клана, один из которых обычно ассоциируется с именем замглавы АП Игоря Сечина (и главы ФСБ Николая Патрушева), а другой — с именами главы ФСКН Виктора Черкесова и начальника службы безопасности президента Виктора Золотова, сцепились из-за предполагавшегося назначения близкого Черкесову Шамахова главой таможни».*

А дальше, по ее мнению, Черкесов нарушил главный *«принцип кремлевских кланов: никогда не обращайся к публике. Обращайся к президенту. Обращение к публике есть свидетельство нелояльности и признак того, что тебя к президенту не пустили».*

Что же касается неслучайной, как я показал выше, темы «крюка», то 12 октября ее отголосок появляется на сайте vladimir.vladimirovich.ru в жанре стеба:

> «На серой ковровой дорожке Владимир Владимирович увидел директора Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков Виктора Васильевича Черкесова и директора Федеральной службы безопасности Николая Платоновича Патрушева. В правой руке Николай Платонович держал огромный железный крюк…
>
> …Николай Платонович, размахнувшись, всадил в спину Виктора Васильевича свой крюк. Виктор Васильевич взвыл.
>
> — Охрана! — немедленно вскричал Владимир Владимирович. — Позовите службу безопасности!
>
> — Мы здесь! — хором крикнули Виктор Васильевич и Николай Платонович.
>
> Владимир Владимирович побледнел».

Здесь отчетливо заметны признаки тиражирования темы. А также превращения ее в комическое площадное действо — балаган. Сбиры лупят друг друга дубинками, публика хохочет. «Куклы» Шендеровича, другие образцы карнавальной игры… Известные аналитические эссе с их специфическим интересом к образам и пиару… Еще один шаг — и можно начать реконструировать имена пиарщиков, хлопочущих о «крюке». А также то, к каким именно элитным группам эти пиарщики примыкают. Но это уже аналитика. А нам пока надо завершить информационный этап работы. И потому остановимся в своих размышлениях. И перейдем к другого типа откликам на статью Черкесова.

Группа № 4. Начальные позитивные реакции

В числе тех, чей отзыв на статью В.Черкесова можно отнести к положительным, следует, прежде всего, назвать В.Соловьева. Выступая 9 октября в авторской программе «Соловьиные трели» (радиостанция «Серебряный дождь»), Соловьев дает такую оценку:

> «Все уже в курсе того, что в нашей стране открыто идет война спецслужб между собою. Об этом в курсе и за границей. Позор? Позор! При этом <… > впервые в истории спецслужб выступает Виктор Черкесов, который жестко говорит: «А я это терпеть не буду»».

Затем Соловьев сообщает, что на него оказывается давление: ему приходят СМС-ки, подписанные уважаемыми людьми, которые в действительности, однако, эти СМС-ки не отправляли.

Наконец, Соловьев открыто встает на защиту Бульбова:

> «…Если они пытаются придумать про Бульбова, то в ответ на анонимки, которые печатаются в разных изданиях, я буду давать действительную информацию по финансовому состоянию разнообразных руководителей чекистских структур. То есть если вы хотите получить по полной программе — получайте по полной программе. При этом ситуация явно вышла из-под контроля и требует, на мой взгляд, незамедлительного вмешательства руководства страны».

И заканчивает Соловьев свое выступление восторженным отзывом о статье Черкесова:

> «Фантастическая статья руководителя Госнаркоконтроля Черкесова в сегодняшнем «Коммерсанте»! (Далее следует пространная цитата из статьи. — С.К.) Впервые в истории Российского государства глава ведомства вступился за своих сотрудников, при этом жестко отделяя и расставляя все акценты. Такого не было никогда. Когда у Патрушева в ФСБ большое количество людей по делу «Трех китов» отправили в отставку, он не давал никаких комментариев. А то, что сделал Черкесов, вызывает глубочайшее уважение к нему, как к человеку и профессионалу. Это мужественный, серьезный шаг! Все происходящее обозначает только одно: кризис внутри структур ФСБ достиг апогея».

На следующий день, 10 октября, в «Стрингере» появилось официальное заявление В.Соловьева о том, что ему была передана неким анонимным доброжелателем следующая информация. В отношении Соловьева в недалеком будущем планируются, как минимум, два события: «Первое — серьезный интерес со стороны администрации президента. Будет провокация — инсценировка преступления, проходящего по УК РФ в направлении «мошенничество»». И второе — вывод скомпрометированного В.Соловьева из телевизионного информационного пространства в течение 2–4 месяцев. По информации анонима, решение об оказании давления на Соловьева принято И.Сечиным.

Анонимки — штука в принципе отвратительная. Кроме того, нам ясно, что какие-то интересанты обязательно будут подливать масло в огонь конфликта. И, разумеется, так, чтобы все выглядело нужным им образом.

Но, с другой стороны, Соловьев отнюдь не ребенок. Зачем ему ссориться по-пустому с такой крупной фигурой, как Сечин? Значит, он уверен, что основания для ссоры есть… Не поднимешь скандал — хуже будет. На чем основана такая уверенность? Точного ответа на этот вопрос, по определению, быть не может. Но нам достаточно зафиксировать, что на чем-то она должна быть основана. А зафиксировав, идти дальше.

9 октября на сайте Избранное. ру появилось интервью О. Крыштановской. По ее мнению, статья Черкесова — *«довольно искренняя и продиктована болью за то, что происходит в российских спецслужбах».* Крыштановская, как и другие, допускает, что Черкесов хотел таким способом привлечь внимание президента, доступ к которому у Черкесова, возможно, затруднен (в отличие от И.Сечина). Далее она говорит о том, что Черкесова можно назвать главным идеологом чекизма:

> «Никто из представителей этой корпорации так четко и так прямо не высказывался по сути того, что происходит в спецслужбах. Это ведь уже вторая его статья после опубликованной «Комсомолкой «в 2004-м, которую можно назвать манифестом спецслужб.
>
> Он не боится давать прямые оценки, и меня, например, это подкупает… Я бы обратила внимание на слова Черкесова о том, что воины не должны становиться торговцами. Тут, мне кажется, главный нерв, если говорить о расколе силовых ведомств…»

Нужно подчеркнуть, что прямота оказывается тем качеством, которое одинаково отмечают в статье Черкесова авторы и негативных, и позитивных оценок. Хотя присваивают этому разные знаки. В данном случае знак положительный. Но… как бы вам это сказать… Черкесов говорит о стране, а Крыштановская — о Черкесове. И Латынина — о Черкесове. И все — о Черкесове. Получается, что чекист (со знаком плюс или знаком минус) ведет себя как гражданин. А все остальные — как подданные. Или знакомые. Оценивающие частное лицо, а не проблему и ситуацию, которую это частное лицо на свой манер излагает.

В этот же день, 9 октября, на сайте Страна. ру приведены пространные цитаты из статьи Черкесова. Общий тон — нейтрально-доброжелательный. Приводится мнение депутата Госдумы В.Илюхина, который заявляет, что давно знает Черкесова «как очень порядочного, очень спокойного и уравновешенного человека, который никогда не стремился к личному пиару». Далее Илюхин отмечает, что «подобное публичное поведение всегда резко наказывалось во всех спецслужбах и

никогда не поощрялось». И высказывает предположение, что такой шаг Черкесова — это «крик души человека, позиция которого не находит поддержки ни в правительстве, ни в окружении президента».

Илюхин напрямую не говорит, что, мол, «нечего статьи печатать, если поддержки не имеешь». Но осью его высказывания является все тот же вопрос об отсутствии или наличии ПОДДЕРЖКИ некоей позиции со стороны начальства. Сама позиция менее важна, чем то, кем и как она будет поддержана. Меняются и оценки статьи Черкесова, и лица, дающие оценку. Но фокусировка при этом не сбивается. Интерес к ПОДДЕРЖКЕ позиции доминирует над интересом к позиции как таковой.

Впрочем, в тот же день, 9 октября, уже упомянутый выше Илюхин в интервью сайту city-fm.ru повторяет позитивную оценку человеческим и профессиональным качествам Черкесова и призывает прислушиваться к его словам. А затем называет ситуацию с арестом сотрудников ФСКН «местью» и «интригой за спиной руководителя комитета по наркоконтролю».

10 октября на сайте «Московских новостей» в разделе «Полит-дневник Виталия Третьякова» появляется сдержанно-позитивный отзыв на статью В.Черкесова. Третьяков «в принципе согласен с оценкой Черкесовым роли «чекизма «в новейшей истории России», хотя «очень много нюансов». Однако, считает Третьяков, *«Черкесов по существу единственный среди столь высокопоставленных и находящихся не в отставке чекистов, который публично ставит данную проблему во всей ее остроте и очень откровенно».*

Сказать «в принципе согласен с оценкой Черкесовым роли «чекизма» в новейшей истории России» — значит занять позицию. И отнестись серьезно к чужой позиции. Сказать, что Черкесов — единственный крупный действующий спецслужбист, подымающий проблему «во всей ее остроте», — это тоже отнюдь не мало. И меньше всего хочется заниматься придирками. Но в каком-то смысле (хочу быть верно понятым) Третьяков выступает как решительный и надежный член политической команды. Условно — как член Политбюро, голосующий по важнейшему вопросу согласно командной договоренности.

А он — интеллектуал. Причем обеспокоенный интеллектуал. Если проблема, о которой говорит Черкесов, так остра, то Третьяков, по определению, переживает ее не меньше, чем Черкесов. Ибо это не сословная проблема, а проблема страны. Интеллектуал не может только переживать. Он должен осмысливать. Осмысление приводит его к каким-то выводам. Для любого интеллектуала статья Черкесова — это повод поделиться с обществом своими выводами. Соотнеся эти выводы с выводами Черкесова. Не так ли? Ведь речь идет о судьбе страны.

Что именно думают Пионтковский и Мильштейн о судьбе страны — понятно. Третьяков — их оппонент не по вопросу о Черкесове, а по всему спектру стратегических вопросов. И общество, поскольку оно как-то реагирует на статью Черкесова, хочет от оппонентов Пионтковского таких же развернутых оценок, как от Пионтковского. Оценка же односложна.

Односложны и другие позитивные оценки. Дело не в том, что они позитивны. А в том, что дающие их лица, в первом приближении, принадлежат к одному (условно антипионтковскому) политическому лагерю. Лапидарность высказываний представителей этого лагеря по достаточно серьезному вопросу не может не вызывать беспокойства. Поскольку «еще не вечер». И говорить о чекизме и стране придется всерьез. То есть не говорить — вести идеологическую войну. Не при такой же лапидарности!

«Новая газета» (№ 78, 11 октября) публикует не только негативные реакции на статью Черкесова (процитированная выше Ю. Латынина, Р.Шлейнов), но и мнение бывшего Генерального прокурора Ю.Скуратова: *«Я думаю, что Черкесов в чем-то прав. Публичное объяснение — это мужественный поступок и непростой шаг. По моим данным, его подчиненные действовали в рамках поручения президента по делу о «Трех китах», и обеспокоенность главы наркоконтроля мне понятна».*

В чем прав Черкесов? Он «в чем-то» прав. В чем именно? И что вытекает из того, что он прав? Ничто не обязывает бывшего Генерального прокурора к развернутому высказыванию. Ничто — кроме исторического, прошу прощения, вызова, адресованного ему не только как гражданину, но и как члену корпорации. Если Черкесов прав, то при реализации одного из возможных сценариев у бывшего Генерального прокурора возникает что-то типа политических перспектив. А при реализации другого сценария он висит вниз головой на телеграфном столбе. Что происходит с воображением у представителей нашего высшего чиновно-спецслужбистского класса?

Группа № 5. Заявление Следственного Комитета

Отдельным типом реакции можно счесть заявление Следственного Комитета при Генеральной прокуратуре РФ от 10 октября 2007 года, которое ряд СМИ называет ответом на статью В.Черкесова в «Коммерсанте». В заявлении Следственного Комитета названо количество уголовных дел, возбужденных за последний год в отношении представителей правоохранительных органов, судебной и законодательной власти. В списке примеров названо и дело против А.Бульбова. В заявлении Следственного Комитета сказано: *«Приведенные цифры и примеры свидетельствуют о том, что никакая должность или принадлежность к тому или иному ведомству не могут являться гарантией ухода от ответственности за совершенные преступления»*.

Но ведь и Черкесов говорит об этом! Если можно говорить о «сторонах конфликта», то обе стороны соглашаются с тем, что за преступление надо отвечать. И это приятно. Печально другое. Что никто после такого шквала публикаций уже никогда не поверит в объективность вердикта, согласно которому такой-то чиновник воистину совершил преступление. Кто победил, тот называет преступниками других. Таково общественное мнение. И это мнение указывает на очень серьезную эрозию правового сознания. А ведь Следственный Комитет, как и вся правоохранительная система, может функционировать только в ситуации, когда императив права как-то признается существенной частью общества.

Кроме того, есть законы политической филологии, политической лингвистики, образности. Черкесов уже высказался на определенном языке. Можно попытаться противопоставить интригу (аппаратную подковерную борьбу) идеологии (стратегическому сутевому высказыванию). В принципе, выигрыш в рамках такого противопоставления не исключен. Если есть большой перевес в том, что касается возможностей вести аппаратную подковерную борьбу.

Тут могут быть разные точки зрения. Кто-то (и ваш покорный слуга в том числе) считает, что если одна из сторон положила на чашу весов (или коромысло качелей) груз под названием «идеология», то вторая сторона может выиграть, только сделав то же самое с большей убедительностью. А кто-то считает, что слово — серебро, молчание — золото. Но то, что после полноценного слова нельзя класть на политический прилавок медь так называемого «канцелярита», очевидно для всех.

Но дело даже не в канцелярите. Дело в судьбе страны. Судьба же зависит от ментальности представителей того класса, которому случай или история передали в руки страну. От их самосознания, классовой зрелости. От желания и умения говорить со страной не на канцелярите — иначе. На канцелярите уже говорили в конце 80-х годов совсем не худшие представители тогдашней номенклатуры. Договорились…

Завтра кто-нибудь снова выведет на улицу толпы, и с ними надо будет говорить. Кто будет говорить и как? Кто выйдет за рамки чиновной безгласности? За рамки того, что когда-то уже беспощадно описал тот же Александр Галич:

И теперь, когда стали мы первыми,
Нас заела речей маета.
Но под всеми словесными перлами
Проступает — пятном — немота!

Чем обернется для страны это пятно чиновной немоты? Это вялое пережевывание цифр? Это непонимание законов чувств, образности, эмоций, энергии? Не вечно будет длиться застой, не вечно! Что дальше? Стрелять будут? Так и в Румынии «пальнули» — и по народу, и по себе.

Группа № 6. Серия обобщающих авторских передач на радио «Эхо Москвы»

Читатель и сам уже, наверное, понял, что мне не нужны лавры пушкинского Пимена, «записывающего, не мудрствуя лукаво», все, что наговорили по поводу статьи В.Черкесова его многочисленные симпатизанты и антисимпатизанты. Я твердо вознамерился создать не летопись, а аналитическую модель. Причем достаточно развернутую. С трендами, кластерами — всем, чем положено. Создать же я хочу ее не для того, чтобы покрасоваться («вот ведь как можно все разрисовать»), а для того, чтобы выявить определенные нетранспарентные аспекты ведущейся идеологической и информационной войны.

Но и это выявление мне нужно не само по себе. То есть, конечно, оно для меня и самоценно, поскольку я занимаюсь теорией элит. Однако не от хорошей жизни ведь занимаюсь! А потому, что чувствую в неадекватном (или неоднозначном) поведении определенных элит стратегическую угрозу. Хочу эту угрозу выявить. А, выявив, что-то ей противопоставить.

Только подобные далеко идущие соображения заставляют меня скрупулезнейшим образом отслеживать высказывания по поводу статьи Черкесова. Начни я это делать более небрежно — мне справедливо укажут на неполноту данных, исходя из которых я строю модель. Соответственно, на недостоверность выводов. А потому будем терпеливо собирать (а где надо и обсуждать) первичный фактологический материал.

Второй этап развития кампании в СМИ по поводу статьи В. Черкесова в газете «Коммерсант» начинается в районе 12–13 октября. В эти дни постепенно прекращается разделение реакций на историю задержания генерала А.Бульбова и на публикацию статьи В.Черкесова. Возникают обзорные реакции, включающие весь процесс в целом. Здесь подразумевается и процесс, касающийся Госнаркоконтроля, и весь конфликтный процесс в российских спецслужбах.

Лидером этого нового направления становится радиостанция «Эхо Москвы», где примерно в одном ключе выходит ряд передач.

Передача № 1. «Власть» (ведущий Е.Киселев), 12 октября (15 октября печатная версия программы публикуется в «Новой газете»).

Е.Киселев коротко воспроизводит мониторинг всей ситуации с момента ареста Бульбова и ставит вопрос: понесет ли В.Черкесов ответственность за то, что выносит на обсуждение общественности проблемы и подробности внутричекистского противостояния? Говорится о том, что не исключено даже снятие В.Черкесова с должности за вынесенный из избы сор (вообще эта тема «вынесенного сора» возникает в публикациях периодически). Оценка Е.Киселева: «Выступать с откровениями по поводу того, что происходит в недрах спецслужб, — тяжелейшее нарушение всех писаных и неписаных правил, которыми живет корпорация». Но дальше Киселев как бы возражает сам себе: «Могли Черкесов, в свою очередь, тоже получить санкцию президента на такой шаг? Вполне. Причем Путин — это в его стиле — мог дать понять сторонам конфликта, что одна может начинать боевые действия, а другая — публично отвечать».

Заключение Киселева таково: «Зачем это Путину? Он выстраивает систему сдержек и противовесов, чтобы после 2008 года оставаться главной фигурой в стране».

Страны в обсуждении как не было, так и нет. Проблем как не было, так и нет. Санкции, балансы, заходы…

Передача № 2. «Код доступа» (ведущая — Ю.Латынина), 13 октября.

Ю.Латынина сохраняет агрессивную интонацию в отношении Госнаркоконтроля, взятую ею с самого начала (сайт Грани. ру). Однако на сей раз «площадные поношения» отсутствуют. Новый посыл выглядит так:

> «…Хочется сказать: конечно, Госнаркоконтроль — очень полезное учреждение, когда оно слушает Устинова. Может быть, мы это как-то запишем законодательно? Ну, допустим, запишем, что в обязанности Госнаркоконтроля входит прослушка Сечина, Устинова, Патрушева и еще кого-нибудь там, а все остальное, пожалуйста, пусть не трогают, пусть не проводят поправки по неуничтожению наркотиков».

Общий пафос — «чума на оба ваших дома».

Латынина временно снижает градус атаки. И это надо зафиксировать. А еще надо зафиксировать то, что фиксировать уже не хочется. Что для обсуждения нужен язык. А его нет. И что «пятно немоты» проступает не только через цифры Следственного Комитета, но и через журналистскую бойкую болтовню. Шукшин по сходному поводу спрашивал: «Что с нами происходит?» Так что же?

А происходит то, что можно назвать «вторичным опрощением». То есть регрессом. Регресс враждебен тексту вообще. Высказыванию как таковому. И нигде это не обнажается так явно, как в выступлениях Латыниной.

> «После чего появилось письмо Черкесова? После ареста генерала Бульбова. Какой самый важный вопросу этой истории? Сдаст Черкесов Бульбова или нет? Товарищ Черкесов мог четыре слова написать в своем письме: «Я Бульбова не сдам». Даже вместо письма мог бы написать, всем было бы гораздо интереснее. А что товарищ Черкесов написал? Он написал, что

от предателей в наших рядах мы будем избавляться беспощадно, но разрушать ряды никому не позволим. Это как перевести на русский язык? Это перевести так, видимо, что если попросит Путин, то сдам, а нет — так будет честный офицер. В общем, короче, когда в Мордоре два отряда орков сражаются за кольчужку Фродо, ни на чьей стороне сочувствия быть не может».

То есть Черкесов говорить не должен вообще. Он должен молчать, отделываться односложными фразами. Тогда Латыниной будет интересно. А вам не интересно, почему ей будет только тогда интересно? Вы не видите за этим фундаментальной коллизии, по отношению к которой статья Черкесова — это всего лишь важная частность?

Отдельного внимания заслуживает то, что Латынина использует отсылку к Мордору. Эта отсылка (в применении к российской территории) имеет старые зарубежные корни и симптоматична. Каждый, кто, говоря о России, адресует к Мордору, знает, что положил начало этому Р.Рейган. И что его оценка, согласно которой СССР — это «империя зла», есть сознательный парафраз из Толкиена, продиктованный Рейгану конкретными политтехнологами.

Но не будем превращать данную адресацию в теорию заговора. Латынина, как журналист определенной ориентации, имеет абсолютное право ненавидеть всех силовиков скопом и звать чуму на все дома, кроме демократического. Делает ли она это или что-то другое? Давайте сначала завершим наш контент-анализ. А потом уже станем что-то методологически обобщать.

Передача № 3, посвященная черкесовской теме, появляется на том же «Эхе Москвы» 14 октября. Передача называется «Полный Альбац» (ведущая, как мы понимаем, Е.Альбац).

Здесь тональность общелиберального неприятия («чума на оба ваших дома»), которой придерживается сама Е.Альбац, по необходимости размывается отличием позиций ее гостей.

Альбац ставит уже известные вопросы:

— является ли выход В.Черкесова на публику нарушением субординации;

— в какой степени В.Черкесов сохраняет «доступ к телу президента».

Гость передачи А.Кондауров стоит на позициях последовательной защиты фигурантов из Госнаркоконтроля. О.Крыштановская — сторонник взвешенных оценок.

В этой же передаче Д.Бутрин (заведующий отделом газеты «Коммерсант») сообщает, что статья публиковалась газетой без изменений.

У Бутрина, в отличие от Латыниной, опорное слово противоположное — «интересно»:

«Мы периодически публикуем статьи внешних авторов. Насколько я помню, в этом году у нас публиковались 8 авторов, такие разные люди, как Д.Медведев, А.Илларионов. Еще некоторое количество людей — больше 10 — пытались у нас опубликоваться, среди них был Б.Грызлов, мы эти публикации сочли неинтересными. В. Черкесов позвонил главному редактору, который только что вернулся из Лондона, и предложил публикацию. Через два часа публикация была в письменном виде на столе главного редактора, после чего было принято решение о ее напечатании. Это обычная практика для «Коммерсанта»…Эта публикация была интересна, в том числе и нам, и поэтому деньги за нее не платились».

Далее он сказал: «Мы получаем периодически тексты — я более чем уверен, что текст Д.Медведева, который мы опубликовали, несомненно, не принадлежит перу Д.Медведева, мало того, я уверен, что текст А.Френкеля, который мы публиковали, принадлежит перу А. Френкеля — это не имеет значения. Имеет значение, что человек готов под этим подписаться».

Таким образом, здесь публикация статьи также характеризуется как поступок. Ну, хорошо, поступок. И что? Если бы Черкесов своему обидчику дал в глаз — это тоже был бы поступок. Я же не говорю, что не поступок. Я говорю, что в данном случае поступокэто высказывание. А высказывание обсуждают как высказывание. Для этого есть язык, аппарат, драйв, смысл. Ну, и где это все?

С 15 октября реакции на общую ситуацию перешли на страницы периодических печатных изданий.

Группа № 7. Новая серия обобщающих публикаций на страницах журналов

С 15 октября интересующая нас тема становится еще и предметом журнального обсуждения.

В.Ухов в «The New Times» (статья называется «Черкеска сбилась набок») говорит о расколе силовой олигархии. И о том, что Путин при этом расколе терпит урон (является «заложником раскола»).

Факт наличия не абы какой, а именно силовой олигархии в очередной раз признан. Факт раскола этой (и именно этой!) олигархии тоже признан. Но не более того. То, что Путину этот раскол вреден, автору кажется очевидным. В каком смысле вреден? В какой мере? При каком формате политики?

В тот же день, 15 октября, журнал «Newsweek» дает обзорную статью. Но там нет и таких констатации. Все посвящено административной конкуренции — за ведомства, внутри ведомств.

В тот же день журнал «Эксперт» публикует статью «О крюке, на котором висит Россия». Журнал развернуто излагает мысли Черкесова. И от себя добавляет, что «чекизм» идеологией быть не может. Но анализ состояния класса и не должен являться идеологией. Иначе Ленин выбрал бы в качестве идеологии «пролетароционизм», а не коммунизм.

И в тот же день несколько статей публикует «Профиль».

Одна из них приводит мнение журнала «Шпигель» о властной ситуации в России в свете ожесточившейся войны спецслужб. Статья в «Шпигеле» называется «У народа есть просьба к начальникам» (К. Нееф, М.Шепп, У.Клуссманн). В ней характеризуется противостояние группировок в спецслужбах:

> «…Такие интриги — угроза для стабильности путинской системы. Это видно уже по тому, что против клана Сечина мобилизовано трио весьма влиятельных генералов из спецслужб: Виктор Черкесов, некогда заместитель Путина в ФСБ, а ныне руководитель службы по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, Юрий Чайка, генеральный прокурор, и начальник охраны Путина Виктор Золотов».

То есть не «Профиль» даже, а «Шпигель», весьма влиятельное зарубежное издание, позиционирует внутри конфликта В.Золотова. Даже если В.Золотов и не позиционирован по факту, он при таких высказываниях виртуально «нанизан» на ось конфликта. И это весьма серьезно.

Далее «Шпигель» говорит об остроте конфликта… И все. О смысле конфликта — ни слова.

«Профиль» также публикует статью главного редактора журнала М.Леонтьева. Тон статьи характеризует следующий фрагмент:

> ««Профиль» предлагает свои скромные услуги для развертывания дискуссии…Было бы логично оппонентам — Виктору Черкесову и Николаю Патрушеву (а еще лучше — самому Игорю Ивановичу Сечину) — встретиться на ринге популярной программы Владимира Соловьева «К барьеру», где широкие народные массы могли бы вынести свой вердикт».

Что тут интересно? То, что М.Леонтьев — и умен, и осведомлен. Если он решил отшутиться, то это продуманное решение. М.Леонтьев почему-то не хочет быть заложником какой-либо определенности в оценке случившегося. Почему?

А еще в «Профиле» опубликована статья под названием «Осеннее обострение», которая очевидным образом продолжает линию М.Леонтьева. Автор (О.Костина) стремится проследить, когда, как и к кому «переходит мяч» в противостоянии спецслужб, но приходит к выводу, что само это противостояние — абсурд, безумие.

Люди, учившие меня теоретической физике, говорили, что абсурд — это непознанная закономерность.

Одно дело, когда закономерность просто не удается познать. Другое дело, когда ее отказываются познавать. В этом отказе есть какое-то неслучайное содержание. Может быть, оно поможет нам разобраться в происходящем?

16 октября 2007 года «Политический журнал» в ряде коротких статей адресуется к тезисам статьи Черкесова как к авторитетным оценкам происходящей чекистской междоусобицы…

А дальше… Дальше никаких принципиально новых информационных «вбросов» нет. Тишина. Точнее — затишье. Тишина — это всего лишь тишина. А затишье — это предвестник бури. Все понимают, что она вот-вот грянет. И ждут. Как оказывается — не попусту.

Группа № 8. Отклик первого лица и отклики на этот отклик

18 октября 2007 года президент РФ В.Путин провел «Прямую линию».

А на следующее утро — 19 октября — грянула долгожданная буря. «Коммерсант» опубликовал реакцию президента на выступление В. Черкесова в прессе. Как утверждает корреспондент газеты А.Колесников, реакцию эту он сумел получить непосредственно после «Прямой линии» уже на пороге лифта.

На вопрос Колесникова о статье В.Черкесова президент ответил, что статьи он не читал. После этого ответа корреспондент, по его словам, кратко изложил президенту содержание статьи (по дороге к лифту). И тогда получил развернутую реакцию. Поскольку реакция эта всеми без исключения признается сенсационной, ее нужно привести полностью:

«Проблема, о которой говорится, имеет отношение к деятельности правоохранительных органов. И их сотрудники должны понимать, что они должны находиться в состоянии контроля за их деятельностью. У нас нет никого, кто находится вне рамок законодательства».

И далее:

«Было бы гораздо хуже, если бы мы создали у сотрудников правоохранительных органов иллюзию, что их работу некому контролировать. При этом я понимаю, что когда деятельность по наведению порядка затрагивает сами контролирующие ведомства, им это не нравится.

Единственный оценщик в этой ситуации — суд. Пока суд не вынесет решения, эти люди являются невиновными».

Тут корреспондент спросил, есть ли на самом деле война спецслужб?

«Я бы на месте людей, которые защищают честь мундира, не стал обвинять в ответ всех подряд, особенно через средства массовой информации. У нас есть, где защищать свои права и интересы. Я имею в виду суд.

Когда речь шла о нарушениях в таможенной сфере, когда вылезли подозрения, что часть правоохранительной системы крышует деятельность контролеров, я привлек людей, не связанных с московскими элитами. И в целом их работа была эффективной. Я надеюсь, что и эта работа закончится в суде».

(Корреспондент: Он все никак не заходил в открытые двери лифта. Он опять хотел что-то добавить — и сделал это:)

«А выносить такого рода проблемы в СМИ считаю некорректным. И если кто-то действует таким образом, предъявляет такого рода претензии о войне спецслужб, сам сначала должен быть безупречным».

(Корреспондент: Владимир Путин зашел наконец в лифт.)

Тут нужно подчеркнуть существенную деталь. Корреспондент «Коммерсанта» А.Колесников с самого начала оговаривает, что этот ответ слышал только он и потому публикует теперь эксклюзив.

В любом случае, 19 октября масс-медиа оказались к этому совершенно не готовы, По крайней мере, видимых утечек не обнаружилось. И в течение многих часов после этого десятки сайтов (включая Грани. ру) публиковали этот ответ без малейшей попытки его комментировать.

Вечером настало время целой серии авторских программ на радио «Эхо Москвы». (Напомним, что «Эхо Москвы» в течение всей информационной кампании после выхода статьи В.Черкесова было одним из «направляющих» СМИ.) Опыт и репутация авторов этих программ (Е.Киселев, А.Венедиктов, М.Ганапольский, С.Пархоменко, А.Воробьев, Н.Сванидзе) исключают пренебрежение к такого рода сенсациям. И, в условиях предельно сжатых сроков на формирование реакции, появляются первые отклики.

Первый отклик. Программа «Власть». Е.Киселев, пригласивший в радиостудию редактора журнала «Россия в глобальной геополитике» Ф.Лукьянова, сделал акцент на заявлении «не читал этой статьи».

Е.Киселев: Вы верите в то, что Путин действительно не читал статью Черкесова?

Ф.Лукьянов: Не верю.

Е.Киселев: А зачем тогда он говорит, что не читал?

Ф.Лукьянов: Не знаю.

Е.Киселев: Кокетничает.

Ф.Лукьянов: Не знаю. Ну, наверно, дает понять, что всякая там писанина в газетах его, в общем, мало интересует. Не знаю. Непонятно. Ну, он не мог не читать. Это скандал, я бы даже сказал, не на всю страну, а на весь мир. Как так можно? Конечно, читал.

Далее Киселев проводит интерактивный опрос радиослушателей и получает результат: 10 % верит, что президент не читал статьи, а 90 % — нет.

Однако опытный Киселев делает не только это. Его многолетний конек — информированность. И он ее проявляет:

Киселев: Больше того, инсайдеры утверждают, что он не просто читал… Что Черкесов, что называется, «проложился», что он пошел к Путину и сказал, что после всего, что творят с ним его противники, он не может больше молчать и выступит публично. И президент, ну, как он обычно говорит иногда, уклончиво — ну, раз считаешь, что так надо, то действуй. Что-то такое сказал.

Таким образом, Киселев дал некоторую «ориентировку». Но шок был, по-видимому, слишком велик, сроки сжаты, и на следующий день, 20 октября (в субботу), центральные газеты обо всем этом молчали.

Второй отклик. Вечером того же дня, 19 октября, на радиостанции «Эхо Москвы» выходит передача «Особое мнение», которую ведет М. Ганапольский. Его собеседник — А.Венедиктов. Они, как и Е. Киселев, обсуждают опубликованную в «Коммерсанте» реакцию В.Путина и также выражают прямое недоверие.

А.Венедиктов:…То, что президент говорит, что он не читал, это он лукавит. Это он играет.

М.Ганапольский: Ну, бог с ним, читал, не читал… Реакция есть.

Далее собеседники дают этой реакции оценку.

А.Венедиктов:…Она (реакция — С.К.) очень мягкая. Да, она публичная, но очень мягкая…Он просто сказал: это некорректно. Мог снять. Ельцин бы снял уже давно…И мне кажется, что это интересная формула: воины против торговцев, с точки зрения человека, который себя позиционирует как воина, то есть защитника отечества, нуждается в более серьезном рассмотрении президентом, чем фразы, брошенные в коридоре журналисту «Коммерсанта»…Мы видим, что никаких административных выводов не делается.

М.Ганапольский: А ты помнишь фразу, которую ты сам говорил сто раз в эфире? Он под давлением ничего не делает…Это давление.

А.Венедиктов: Это давление Черкесова на Путина. Но теперь на Путина давят, чтобы он снял Черкесова. Он ни под каким давлением…

Таким образом, Ганапольский и Венедиктов, как и Киселев, выражают сомнение по поводу перспективы негативных воздействий первого лица государства на главу Госнаркоконтроля. Доводы их различны, но подход и позиция сходны.

Третий отклик. В тот же вечер С.Пархоменко в программе «Суть событий» («Эхо Москвы») обсуждает не реакцию президента, а саму статью В.Черкесова. Но не содержание, а авторство.

С.Пархоменко: Что вам сказать по статье Черкесова? Ну, статью эту за подписью Черкесова я прочел.

Примерно понятно, кем она на самом деле написана. Статья эта мне показалась достаточно серьезным событием. Статья показалась мне угрюмой, мрачной и, я бы сказал, во многом человеконенавистнической. Я должен сказать, что я… хотел сказать удивляюсь — да собственно, я ничему такому не удивляюсь. Я огорчаюсь, скажем так, видя, что люди такого рода — я, опять же, понимаю, что не Черкесов писал эту статью, но он, несомненно, ее одобрил, и он несет полную ответственность за каждое слово, которое в ней содержится, — что вот такие люди играют сегодня в российской политике весомую роль. Это человек, который прикрывает своими достаточно высокопарными рассуждениями идеи очень примитивные, идеи такой вот ложно понятой корпоративной солидарности… такого цехового, что ли, братства, абсолютно не отдавая себе отчета в том, что, собственно, этот цех отстаивает.

Ниже Пархоменко возобновляет тему «крюка», развернутую десятью днями раньше Пионтковским и Мильштейном и не получившую далее серьезного развития:

«…Это центральный образ в статье Черкесова — об этом самом «крюке», на котором повисла теперь вся Россия. Вот такую замечательную художественную метафору придумал автор, работающий на Черкесова, — что вот, значит, Россия висит на крюке, и крюк этот — это братство советских кэгэбэшников. Жаль. Жаль, что Россия потеряла на них так много времени… Жаль, что они отняли у своей родины столько лет и продолжают претендовать на то, чтобы

владеть Россией еще сколько-то времени. Ну, ничего страшного — наша великая страна переживет и это».

Четвертый отклик. А.Воробьев и Н.Сванидзе в передаче «Особое мнение» («Эхо Москвы») 19 октября высказываются наиболее однозначно. Они (без оговорок Киселева и сомнений Ганапольского и Бенедиктова) трактуют высказывание В.Путина как удар по В.Черкесову.

А.Воробьев:…Путин публично утвердил свою позицию в отношении конфликта спецслужб… Не знаю, как вам, но мне показалось, что железные все-таки, стальные нотки в интонациях прослеживались…

Н.Сванидзе:…То, что он говорил, он говорил для публики… И то, что он говорил, это не неожиданно, здесь сенсации я не вижу. Он явно выразил отчетливое неудовольствие, даже такое сдержанное раздражение тем, что вообще эта статья появилась, подписанная Черкесовым… Потому что президент сказал… что есть другие варианты действий в подобных случаях. Есть у нас суд…

…Ясно было, что реакция будет именно такой. Ясно было, что генерал Черкесов проиграл, по всей видимости, аппаратную подковерную, надковерную — любую борьбу. И в общем, эта статья уже была актом отчаяния, на мой взгляд.

Здесь выносится недвусмысленный приговор: *«Ясно было, что генерал Черкесов проиграл».*

Далее в передаче возникает новая вариация уже задававшейся ранее Е.Киселевым темы «снимут или нет». Приводится мнение С.Белковского:

«То, что Владимир Путин не делает никаких радикальных оргвыводов в отношении одного из своих близких друзей (речь идет о В.Черкесове — С.К.)… свидетельствует о том, что Путин скорее хочет устраниться от принятия болезненных решений в остром, затяжном конфликте между Черкесовым и Сечиным… Война разгорается, война продолжается и усугубляется, и важно то, что Путин не хочет и не может ее остановить».

Сванидзе выражает несогласие с этим мнением: *«…Во-первых, что он может, это несомненно. Во-вторых, что не хочет, не знаю, неуверен. Почему реакция должна следовать немедленно? Вовсе нет».*

Основа мнения Сванидзе — в том, что теперь все уже определилось: *«Судя по реакции президента, ясно… какую сторону он считает в данном случае правой, а какую менее правой. Вот, на мой взгляд, это достаточно отчетливо видно».*

Такова серия реакций на высказывание Путина, которые успели появиться до 20 октября. Все это — «Эхо Москвы».

Суммируем:

— Киселев, а также Ганапольский и Венедиктов (по-разному обосновывая свое впечатление) существенно сомневаются в однозначности реакции президента;

— Сванидзе считает реакцию однозначной («это отчетливо видно», «Черкесов проиграл»);

— Пархоменко этот вопрос вообще обходит, он обсуждает авторство статьи и несостоятельность чекистов как правящего класса в России, задевая тему «крюка».

Для чиновничества «начальственная буря» является поводом спрятаться, пережидать, гадать о том, куда ударит молния, и каковы будут последствия. Для чиновничества это нормальная реакция. Но именно для чиновничества, а не для независимых интеллектуалов из СМИ. У Гранина была повесть «Иду на грозу». Независимые интеллектуалы — это метеорологи, которые исследуют грозу. Исследуют и дают предсказания.

Предсказания интеллектуалов должны основываться не на линейной экстраполяции и «очевидных» умозаключениях. Так могут умозаключать чиновники («начальник рассердился — предмету гнева не сдобровать»). Но интеллектуалы-то должны понимать, что Путин — не начальник, а политик. И что это разные вещи. Что закономерности не очевидны и не могут быть предсказаны методом линейной экстраполяции. Если порывы ветра сейчас нарастают, то через секунду они могут стихнуть, а не усилиться.

Так в чем закономерность? Или хотя бы каков ее характер? Процессы бывают возвратно-поступательными, цикличными (к этому и адресует моя метафора качелей). А могут они быть и иными, основанными на том, что нарастание некоей тенденции (например, негативных политических эмоций) обязательно должно породить окончательный результат (например, наказания того, на кого направлен политический негатив).

Если интеллектуалы (тем более нонконформистские) не заболели чиновной болезнью, они должны предположить нелинейную возвратно-поступательную возможность, то есть эти самые качели. Ан, нет! Они обсуждают только «переход количества в качество». Иначе говоря, снятие Черкесова.

А жизнь опровергает эти ожидания. Да еще как!

Группа № 9. Создание Государственного антинаркотического комитета (ГАК) и реакции на это событие

20 октября 2007 года качели сдвинулись, как им подобает, в противоположную сторону. Уже утром стало известно об указе о создании Государственного антинаркотического комитета, подписанном президентом РФ В.Путиным. Главой комитета назначен В.Черкесов. Беспрецедентный эмоциональный негатив закономерным политическим образом породил не снятие Черкесова, а его (пусть и достаточно малое) усиление.

Это создает совершенно новый контекст для обсуждения.

Первая фаза, как и раньше, — безоценочное предъявление факта на десятках сайтов, а также центральными телеканалами.

Следующая фаза — начало комментирования.

Высказывание № 1. Уже в середине дня 20 октября электронная версия «Газеты» («Газета. ру») публикует текст под названием *«Черкесов дорос до Патрушева», основная мысль которого: «Владимир Путин уравнял политический статус главы Госнаркоконтроля Виктора Черкесова и главы ФСБ Николая Патрушева».*

На ближайшие сутки (то есть до понедельника 22 октября) этот тезис задал основную линию обсуждения в СМИ факта создания ГАК.

«Газета. ру» подчеркивает, что новый комитет станет противовесом Национальному антитеррористическому комитету Патрушева. Что это «самостоятельная надправительственная структура с собственным аппаратом, в которую войдут представители почти всех возможных ведомств». Особо отмечено, что Н.Патрушев входит в новый Комитет в качестве рядового члена.

«Газета. ру» складывает следующую событийную цепочку:

(1) статья В.Черкесова в «Коммерсанте» — (2) отзыв В.Путина через «Коммерсант» — (3) *«не отставка Черкесова, а, напротив, его усиление».*

Основной вывод «Газета. ру» по поводу положения В.Черкесова: «усиление».

Высказывание № 2. Ю.Латынина на «Эхо Москвы» вечером 20 октября в передаче «Код доступа» делит свою реплику на две части.

Первая — это реакция на высказывание президента от 19 октября.

Вторая — реакция на указ президента, обнародованный 20 октября.

Реакция на высказывание президента категорически положительная, поскольку Латынина расценивает высказывание как безусловно осуждающее:

> «…Что касается того, что сказал Путин, я могу только поддержать нашего уважаемого президента. Он совершенно прав. Есть такая история, как этикет внутренний спецслужб, который не позволит выносить ни сор из избы, ни скелеты из шкафов…Я думаю, конечно, что президент Путин наблюдал с немым изумлением за письмом Черкесова, ну, примерно с таким же, как если бы «каппо ди тутти капи», глава всех кланов мафии, наблюдал за тем, как два подведомственных клана вдруг начинают выяснять свои отношения на страницах газет. Мафия должна выяснять отношения другим способом».

Этот пассаж проясняет еще больше, что же именно не нравится Латыниной в статье В.Черкесова. Не нравится, судя по всему, его выдвижение за рамки «мафиозной немоты», уход от ведомственной заданности и ограничительности. Фактически — как это ни парадоксально, Латынина все больше начинает выступать с позиций проклинаемой ею «системы». И именно этот феномен заслуживает серьезного рассмотрения.

Но это — еще шлейф вчерашнего. Дальше необходимо обсудить и сегодняшнюю сенсацию. Новое назначение В.Черкесова журналистка характеризует как уравновешивание сил в спецслужбах: «Война спецслужб — это элемент, на котором держится режим».

«Когда Путин сделал выговор Черкесову, могло показаться, что акции Черкесова ослабли, что его снимут. И, согласитесь, нету никакой возможности встать и сказать, что «нет, я Черкесова не сниму», потому что ведь не поверят».

Отсюда, по Латыниной, и возникает Антинаркотический комитет.

«Он (Путин — С.К.) создает аналогичное по профилю Федеральной службе по борьбе с наркотиками ведомство, назначает его главой Виктора Черкесова и тем самым дает всем понять, что никуда Черкесова не снимут, что он по-прежнему является такой же необходимой частью режима, как, скажем, суд и парламент в нормальном демократическом государстве, он выполняет свою функцию».

То есть внятной связи между событиями 19 октября и событиями 20 октября Латынина не прочерчивает. В ее высказывании есть отчетливо негативное отношение к фигуре Черкесова, но нет достаточного объяснения того, что же случилось. В ее изложении получается, что все значение создания Антинаркотического комитета — лишь в намерении В.Путина показать нежелание терять В.Черкесова.

22 октября, в понедельник, большая часть центральных газет выходит с публикациями, обсуждающими, что именно создано и какие изменения производит создание нового комитета во внутричекистском (и в целом властном) раскладе. В том числе в фокусе внимания два вопроса:

— это ослабление Черкесова или его усиление?

— какова связь между реакцией президента на статью и назначением?

Все та же газета «Коммерсант» (статья В.Хамраева «Вертикаль с ГАКом») публикует оценку С.Белковского, который не считает назначение усилением. «Коммерсант» пишет:

«…Станислав Белковский назвал новый госкомитет «утешительным призом» Виктору Черкесову, «чтобы избавить его от лишних амбиций»… По сведениям господина Белковского, глава ФСКН «два года назад, когда публиковал свою первую статью о «чекизме», претендовал на пост директора ФСБ, а в последнее время стремился «стать секретарем Совета безопасности с расширенными полномочиями, в частности, в кадровых вопросах спецслужб». Поэтому, как считает эксперт, «с точки зрения пиара назначение Виктора Черкесова главой ГАКа — это повышение, но на самом деле его аппаратное поражение», которое он потерпел в противостоянии «с директором ФСБ Николаем Патрушевым и Игорем Сечиным»».

В тот же день, 22 октября, слово «приз» еще раз появляется в передаче «Особое мнение» М.Ганапольского на радиостанции «Эхо Москвы». Гость передачи — С.Доренко.

Доренко оценивает создание ГАКа так:

«Это дымовая завеса…Во-первых…Черкесова предполагается назначить, он еще не назначен в Государственный антинаркотический комитет. Он возглавит…Указа нет. Указа, насколько мне известно, на эту минуту нет. Планируется, что он… (то есть Черкесов — С.К.) возглавит. Почему так планируется? Потому что ГАК подготовил сам Черкесов, и он готовил его чуть ли не с конца весны…Либо это дымовая завеса, либо это способ занять чем-то антинаркотическую службу, службу эту по Госнаркоконтролю.

Второе. Может быть, это награда Черкесову… — и чтобы убрать брожение, и чтобы нейтрализовать Черкесова, чтобы он не пекся больше о своем соратнике бывшем. Может быть, ему дают такой поощрительный приз маленький…»

Оценку создания Антинаркотического комитета, сходную с приведенными выше, можно увидеть 22 октября на сайте Грани. ру в статье Б.Соколова «Служба на службу»:

«Формально это повышение, а фактически, может быть, и понижение. В отличие от Госнаркоконтроля, Антинаркотический комитет — ведомство не силовое, а координирующее, призванное взаимодействовать с властями на местах. Таким образом, забот у Черкесова прибавится, а времени прослушивать кого не следует останется значительно меньше.

Словом, это очень похоже на историю с назначением Ежова в Наркомвод. (Эту историю автор рассказывает как историю мягкой замены в НКВД кадрами Берии кадров Ежова, ушедших вместе с ним. — С.К.) Тот и оставался на этом посту вплоть до ареста. Может быть, новое назначение Черкесова — это начало его плавного вытеснения из Госнаркоконтроля? Через какое-то время поборника чекистской солидарности могут оставить во главе

Антинаркотического комитета, а в Госнаркоконтроль назначат кого-нибудь понадежней и попокладистей».

Здесь выдача желаемого за действительное просто выходит за все возможные берега. Черкесова пока никто не снимает с поста главы ФСКН. Комитет, который создан, не водой занимается, а теми же наркотиками. То есть он имеет профильный характер. Что произойдет с Черкесовым — вопрос отдельный. Проиграл он или нет — об этом можно судить по другим признакам. Но говорить, что указ не вышел, когда он вышел… Или говорить о том, что этот самый ГАК не добавляется к ФСКН (что очевидно), а является заменой ФСКН…

Все это показательно в плане оценки структуры и механизмов функционирования нашего «паблик опинион». Насколько оно «паблик» и насколько «опинион»? Ведь, по большому счету, только это и важно!

Отдельную позицию публикует 22 октября «Газета» со ссылкой на источники в президентской администрации: *«…Оба они (т. е. Черкесов и Патрушев. — С.К.) вскоре сменят свои должности, и плодами субботнего указа будут пользоваться уже другие».*

Что ж, и это возможно. Но зачем сразу после назначения снимать? А если не сразу, то никакой прогноз на основе ссылки на источники в администрации не может быть до конца корректен. Источник в администрации — он на то и источник, чтобы давать точную ситуационную информацию. Он не волхв, этот источник, и не Кассандра. И не Нострадамус. Это все понимают. По крайней мере, все, кто серьезно занимается оценками с использованием любого рода источников.

Группа № 10. Вторая волна критики статьи «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев»

Казалось бы, информационная кампания на этом должна завершиться. Так это происходит во всех системах, действующих на основе принципа воздействия, предполагающего, что есть событие и есть отклик. Но в том-то и дело, что происходит нечто другое. Что с отсрочкой, никак не объяснимой, если исходить из норм обычного информационного реагирования, возникает новая серия откликов. Причем такая, что ее можно назвать второй волной.

Мне возразят, что возникают новые события, и публицисты откликаются на них естественным образом, возвращаясь при этом к основной теме. Мол, возникло событие под названием «ГАК» — началось обсуждение этого события. И так далее.

Но это не вполне так. А точнее, совсем не так. Если я начну подробно анализировать все высказывания в рамках второй волны… А также третьей, четвертой и пятой… то книга превратится в энциклопедию. Что-то я проанализирую, но лишь выборочно. И постольку, поскольку в анализируемом есть какая-то новизна.

По преимуществу же, новые волны формируются способом прямого повтора основных мессиджей, сформулированных в рамках первой волны и мной детально разобранных. Подобные повторы сами по себе аналитической ценности не представляют. Но их количество — это аналитический индикатор. Такой же аналитический индикатор — многократный возврат одних и тех же публицистов к теме. Причем без какого-либо ее содержательного развития. Позже я рассмотрю и это. А сейчас о тех элементах второй волны, которые содержат хоть какую-то новизну.

22 октября в журнале «Компания» выходит резко негативистская статья Д.Быкова «Контора пишет». Автор обсуждает именно то, что с 9 октября обсуждали мало. То есть содержание статьи В.Черкесова «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев». Но — как?

Центральный обсуждаемый тезис — то, что «именно спецслужбы в конце 80-х удержали Россию от падения в пропасть».

«Один социолог в своем блоге уже написал, что после очередного русского системного кризиса (возникающего всегда из-за того, что власть стремится контролировать ВСЕ и на этом пути неизбежно лажается) система реконструируется вокруг того блока, который был надежнее других. И получается вроде бы, что в 70–80-е года такой силой была Контора Глубинного Бурения.

Больший бред трудно себе представить. Надо же, наверное, как-то отличать свои страхи от объективной реальности (в случае социолога) и слегка умерять личный восторг от принадлежности к ордену меченосцев (в случае Черкесова)».

Это восхитительный стиль полемики, в котором у одной стороны есть патент на знание объективной реальности. А у другой стороны нет ничего, кроме галлюцинаций и фобий. Осталось, увы, последнее место, где можно так спорить по любому вопросу.

И это место — наше Отечество. Но, связав себя с этим местом (сразу вспоминается «черт меня догадал…»), надо соблюдать, как сказали бы театральные классики, «единство места, времени и обстоятельств».

Насчет места все понятно. «Держава датская». А что, кому-то иначе кажется?

Время?.. Раз место — датская держава, то время — гниль. Нынешнее время — это время тотального упрощения или, как я говорю, регресса.

Обстоятельства? Они задаются временем и местом. Вывихи времени нельзя не исправлять. Иначе оно тебя так поправит, что потеряешь человеческий облик. Бороться за этот облик сегодня — значит сопротивляться опрощению, деградации, всем этим «гнойникам довольства и покоя». Такая борьба — обязанность каждого, кто хочет сохранить и свое достоинство, и свое Отечество. Ведя эту борьбу (Сартр сказал бы «без надежды на успех»), я спрашиваю читателя: как относиться к субъекту, который сам себя отрекомендовывает в качестве носителя полноты знания о реальности? Причем не только нынешней, но и позднесоветской.

«Почему, собственно, Быков ее знает? — наверное, спросит читатель. — Откуда следует, что он ее знает? Он потратил жизнь на изучение той реальности? Он владеет материалом? Методом, наконец? Он кто? Ученый? Спецслужбист, который может дать оценку ведомства изнутри?.. Он, как и все, жил тогда и, как и все, имеет право на свое мнение, свое описание. Но тогда он должен говорить, что, по его мнению… Ну, пусть и обосновывает свое мнение!»

Защищая автора, могу сказать, что он обосновывает свое мнение. И просто обязан привести эти обоснования.

> «Контора образца позднего застоя была самой неэффективной, бездарной, импотентной организацией в стране…Для того, чтобы укрепить государственную безопасность, надо было не диссидентов ловить, а считать на три хода вперед, налаживать конвергенцию с Западом, реформировать СССР, преодолевать геронтократию во власти».

Читатель уже ознакомился с моей позицией по вопросу о роли КГБ в так называемой перестройке. Потому могу только развести руками… Почему «Контора образца позднего застоя была самой неэффективной, бездарной, импотентной организацией в стране»? Потому что СССР развалился? А если Контора его и разваливала?..

Чем занимался Д.Быков в конце 80-х годов? Насколько помню, он был очень молодым и ярким ультралиберальным журналистом. Но не экспертом по спецслужбам. Так почему он берется оценивать, чем была Контора? Я в это время ездил по «горячим точкам», писал аналитические отчеты, разбирался в генезисе стратегии напряженности. Потом отчеты моей группы обнаружили в «особых папках ЦК КПСС». И, скажем так, «разоблачили». Ну, что ж… Кто понимает — раз «особые папки ЦК», значит, уже не КГБ. Особые папки или не особые — не в этом дело. А в том, что полномочия у моей организации были особые. Что тоже потом широко обсуждалось в печати.

Соответственно, я располагаю особыми доказательствами того, что все национальные фронты во всех республиках СССР создавались КГБ. И что Контора в этом была вовсе не импотентна. Думал, что это сейчас все уже понимают. Оказывается, вот Быков не понимает. И учит, учит…

Учит, что надо было конвергенцию с Западом налаживать. Налаживали… Налаживали они ее, начиная с 60-х годов. Как минимум, с момента встречи Косыгина и Джонсона в Гласборо. Возможно, он сочтет это моим бредом. Но тогда пусть прочтет книгу покойного академика Д.Гвишиани «Мосты в будущее». И, напрягая имеющиеся у него информационные возможности, уточнит место данного академика и его Института системных исследований в этой самой — ничтожной и не делом занятой — Конторе.

А знает ли Быков, что такое конвергенция? Это конвергенция. То есть сближение. А еще есть дивергенция… Прочитал бы лучше Киссинджера, а также уже опубликованные оценки Совета национальной безопасности США и других столь же авторитетных инстанций, согласно которым никакие изменения в СССР не делали Советский Союз конвергентным государством (в смысле — совместимым с выживанием Соединенных Штатов Америки).

То, что не надо было ловить диссидентов, это мудрая мысль. Но наивная. Андропов не ловил диссидентов. Он их делал.

Не менее наивна нижеследующая оценка:

«Контора не справилась с Кавказом, не остановила разгул террора, десять лет не могла уничтожить Басаева, терпела олигархов, проморгала разграбление страны, а сегодня рулит так, что в начале октября чуть не вдвое дорожает продовольствие… И на фоне всего этого Контора, занявшая сегодня все ключевые посты и активно внедряющая в умы свой любимый миф о злобных врагах, только и выжидающих, как бы нас обезнефтить, смеет рассказывать о том, что она одна тут была жизнеспособна двадцать лет назад!»

Вывод: «…Вся российская государственность как раз и построена на том, чтобы в ней выживали худшие. Гарантом и главным орудием этой отрицательной селекции как раз и является Контора…»

И вновь я спрашиваю: так кем был автор этой статьи в конце 80-х годов? По его нынешним высказываниям может показаться, что он был заместителем Ампилова. Однако по ориентации, помнится, он скорее смахивал на заместителя Новодворской. Он что, покаялся? Мол, «грехи молодости»… Может, и покаялся, а я не заметил. У нас все сейчас каются так неявно, что и заметить нельзя.

Но дело не в грехах молодости. И даже не в сочетании этих грехов с нынешней амбициозностью. Дело в том, что запущен-то был регресс. А у него свои законы. Согласно этим законам (законам распада и деградации), чекисты — это первый аттрактор нашей распадающейся (регрессирующей) общественно-государственной системы. Пусть Быков укажет на другой аттрактор. Он знает, что такое аттрактор? Там, где уже дело дошло до аттракторов, там не может быть ничего хорошего. И если кто-то хочет сказать, что Контора «белая и пушистая»… Что государство служит интересам народа… Кто хочет — пусть и говорит. Но при чем тут статья Черкесова? И уж тем более аттракторы? А также социологи, это фиксирующие?

Сегодня Быков — как и любой гражданин России — может либо хотеть, чтобы все дальше полетело в поисках следующего аттрактора (который, по определению, должен быть хуже предыдущего), либо добиваться улучшения имеющегося аттрактора. Или, может быть, у Быкова есть какие-то другие предложения? Например, он верит в спасительную силу гражданского общества? В объективную тенденцию очищения среднего класса по мере его становления? Если в Колумбии у кого-то есть среднего размера кокаиновая плантация и он принадлежит к среднему классу — значит ли это, что он самоочистился?

Ну, плохая у нас государственность, плохая, но что дальше делать-то? Ну, плохой «крюк», ржавый, грязный — и что, есть другие? Или нет бездны? Никто никуда не падает? Запад нас любить хочет?

По нескольким признакам вышеприведенная статья Д.Быкова близка к передаче С.Пархоменко «Суть событий» от 19 октября. Там тоже одна из центральных тем — ужас «чекистского» правления в России и несостоятельность «чекистов» как государственников.

При этом, поскольку тематика повторяется, становится заметно, что оба эти автора (впрочем, как и остальные) дружно обходят молчанием факт, который ставит под вопрос проводимую ими линию. Никто как будто не помнит, что В.Путин последовательно заявлялся как преемник реформатора Б.Ельцина, бережно им взращенный и введенный на президентский пост. Картина, обозначенная обоими авторами, — бесконечное «чекистское» засилье, в котором эпохи Ельцина как будто нет вообще. И тогда либо либеральные реформаторы — часть этой картины, либо они являются выпадением из нее, но откуда тогда преемственность?

Помимо указанных авторов, в рассматриваемую вторую волну критики статьи В.Черкесова вливается и мнение С.Доренко в уже упомянутой передаче «Особое мнение» («Эхо Москвы») от 22 октября. Доренко оценивает статью Черкесова категорически негативно: *«Попытки Черкесова… сделать нас соучастниками и сочувствующими касте кшатриев, которыми де-факто стали гэбухи и спецухи, мне кажутся глубоко противными…Первая инстинктивная фраза, которую я говорю, это — "чума на оба ваших дома"».*

Человек имеет полное право сказать: «Чума на оба ваших дома». Очень понятная позиция. Но это не политическая позиция.

Человек имеет право на неполитическую позицию. Но тогда он не занимается политической журналистикой. Он уходит в монастырь, в крайнем случае, на кухню. Уезжает из страны в поисках «третьего дома».

Если же он всего этого не делает, то, объявив «чума на оба ваших дома», он должен тут же указать здешний политически дееспособный третий дом. Если он этого не указывает, то мы вновь

имеем дело с очередным изданием классической перестроечной журналистики. Впрочем, даже тогда, говоря о зачумленности одного дома (КПСС), сразу же воспевали другой (Ельцина). Кто говорил «чума на оба ваших дома»? Жириновский? У Доренко есть новый Жириновский, к которому он хочет уйти от имеющейся скверны?

Куда уйти-то? Я тоже хочу!

В анекдоте времен застоя представителю советского юга, продававшему фрукты на Черемушкинском рынке, показывали портрет футболиста Пеле и просили сосредоточиться и назвать этого человека, которого знает весь мир. Продавец фруктов напрягался и, наконец, изрекал: «Ва! Неужели Ленин?» И вот я спрашиваю С.Доренко: «Ва! Неужели это Зюганов?».

А если без шуток, то все мы — взрослые люди. Со стажем журналистской работы. С опытом участия в политических кампаниях. А раз так, то просто не можем не понимать, что если высказался кто-то один, а ему говорят, что он такой же негодяй, как и все, то атакуются не «все», а тот, кто высказался. А значит, игра ОБЪЕКТИВНО разворачивается в пользу антагонистов высказавшегося. Это не высшая математика, это арифметика.

Впрочем, это все частности… С точки зрения интересующей меня задачи, важно установить наличие определенного массива высказываний. А также определенной логики внутри этого массива. А также нетривиальности подобной логики (ради чего и нужны хоть какие-то комментарии).

Что еще важно зафиксировать? Само наличие новых волн обсуждения и определенных преемственных модуляций. Например, уже обсужденной темы «крюка». Она присутствует в беседе Доренко с Ганапольским (во все той же передаче «Особое мнение» от 22 октября).

> Ганапольский:… Черкесов как бы сказал, что страна падала в пропасть и зацепилась вот за этот крюк спецслужб, который держит, сдержал и так далее… Но отвлечемся от этого образа крюка, потому что надо им было что-то другое придумать, потому что это, такой крюк, ужасно. Скажи, пожалуйста, вообще в современной России за эти 8 лет какую роль сыграли спецслужбы, позитивную или негативную?
>
> Доренко: Я полагаю, что негативную…Они способствовали латиноамериканизации России, они сегодня, фактически как в Парагвае, ведут войны, и мы уже фактически Латинской Америкой стали.

Через день Ю.Латынина перенимает эстафету у С.Доренко и изрекает нечто не вполне заурядное.

24 октября на сайте «Еженедельный журнал» в статье «Генерал Крюк» Ю.Латынина вновь начинает с письма Черкесова: *«Президенту Путину письмо не понравилось, и президента Путина можно понять…Вряд ли можно представить себе пресс-конференцию главы ЦРУ, в которой тот поносит главу ФБР».*

«И что? — спрошу я Латынину. — Вывод-то в чем?» Могу ли я продолжить сравнения? Понравится ли президенту США, если ФБР без его ведома арестует головку ЦРУ? А если это делается с ведома президента, то тут же возникнет расследование, ЦРУ получит нового руководителя. Мало ли что еще произойдет? Латынина же не может не понимать, что все завертится иначе. Что нельзя мерить этой меркой. Что происходящее В ЦЕЛОМ атипично. Касается ли это одних ведомств или других, качаются ли качели в одну или другую сторону.

Латынина этого не понимает? Неужели? Но зато полностью понимает президента.

Хочется спросить, возможна ли для Латыниной ситуация, в которой Путину статья не понравилась, но она является правильной? Или наоборот — она понравилась, но является неправильной?

Итак, сначала Латынина делает вид, что не знает о том, как именно (если использовать ее сравнения) сначала «ЦРУ» наезжало на «ФБР», а потом «ФБР» на «ЦРУ», проявляет лицемерное непонимание отечественной регрессивной специфики, природы войны элит, ее законов и прочего. Все это с жеманным конформизмом. И бог бы с ним. Но уже в следующей фразе у конформистской ангелицы вырастают нонконформистские клыки, и она переходит на разносно-диссидентский сленг, плавно перетекающий в «феню»:

> «Есть, конечно, среди старшего поколения такие, для кого имя Виктора Черкесова, имевшего среди сослуживцев кличку «Крюк» (а вы думаете, откуда метафора о «крюке, на котором подвесили Россию», взялась? Фрейдизм чистой воды), — так вот, есть те, кто постарше и для кого генерал Крюк — это ночные допросы, «ты — шпион Запада» и последние в СССР

дела против диссидентов. Уже вовсю шла перестройка, а генерал Крюк боролся. Для меня же, из свеженьких, генерал Крюк — это дело ветеринаров и химиков…

Бедный маленький генерал Крюк. Автор последних процессов против диссидентов и первых и единственных в мире процессов против ветеринаров, колющих кошкам кетамин.

…Если бы не поддерживал президент Путин слабейшую сторону, нуждаясь в ней как в инструменте контроля над стороной сильнейшей, — съели бы давно генерала Крюка. Ибо лишен он даже того, что иной раз если не извиняет злодеев, то придает им известный шарм, — масштаба».

Я не всплескиваю руками. По мне, так и этот тон хорош (хотя, конечно же, зело специфичен). Но меня, как аналитика, занимает смена интонационного регистра. Чуется мне за этим что-то… Ну, чуется, и все тут. А поскольку доверие к интуиции может лишь побудить к исследованию, а не подменить оное, то я продолжу исследование. И перейду от описания кластеров к общей модели.

Но перед этим я должен оговорить информационное событие, находящееся как бы за рамкой рассматриваемых мною 10 групп высказываний. Событие это и по времени следует за рассмотренными 10 группами, и по существу от них качественно отличается. Прежде всего, субъект высказывания совершенно другой. Высказываются не журналисты и политики, а представители того класса, к которому как бы и обратился Черкесов.

Высказывание настолько компактно (да и существенно), что его можно привести без купюр.

31 октября 2007 года в газете «Завтра» (№ 044) выходит письмо «Не довести до беды». Подзаголовок гласит: «Ко всем, кому небезразлична судьба России». Текст письма таков:

«Недавно в газете «Коммерсантъ» была опубликована статья главы Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) Виктора Васильевича Черкесова «Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев».

В.В.Черкесов в своей статье затронул важные вопросы. Они не могут оставить нас равнодушными. Обращаясь к сторонам конфликта, мы говорим: «Сделайте шаги навстречу друг другу!» В противном случае — поверьте нашему опыту — может случиться большая беда, а этого допустить нельзя.

Народная мудрость гласит: «Путь осилит идущий». Оценивая статью нашего коллеги по профессии В.В. Черкесова как первый шаг на пути к устранению возникших конфликтов, мы призываем к дальнейшим шагам на этом пути. Ветераны, действующие сотрудники спецслужб в этой ситуации не могут оставаться безучастными. Мы знаем по опыту, что конфликты между уважаемыми и достойными людьми могут использоваться в недобрых целях. И важно сделать всё возможное, чтобы не допустить этого.

Мы видим, что стороны объединены верой в Путина как национального лидера, как фактор стабильности в стране. Многие люди разделяют эту веру и готовы поддержать любые шаги, приводящие к взаимопониманию сторон.

Противоречия между отдельными спецслужбами не должны быть использованы с грязными целями как внешними, так и внутренними деструктивными силами.

Российское общество нуждается не в раздорах, а во внутреннем спокойствии. Именно нашему сообществу важно стать источником этого желанного стране внутреннего спокойствия».

Под этим письмом — пять подписей:

Крючков Владимир Александрович, бывший Председатель КГБ СССР, генерал армии; Леонов Николай Сергеевич, депутат Госдумы РФ, бывший начальник Управления КГБ СССР, генерал-лейтенант; Гусейнов Вагиф Алиовсатович, директор Института стратегических оценок и анализа, бывший Председатель КГБ Азербайджанской ССР, генерал-майор; Генералов Вячеслав Владимирович, бывший начальник Управления КГБ СССР, генерал-майор; Калгин Евгений Иванович, бывший начальник Управления КГБ СССР, генерал-майор.

Инициатор этого письма — В.А.Крючков. Тяжело больной человек (Крючков умер через 23 дня после выхода письма) собирает последние силы и осуществляет весьма серьезную и трудозатратную акцию… Зачем? Крючков действовал не как представитель той или иной группы. Встань он на подобную позицию — не было бы такого письма. И это все оценили. Разным образом оценили, но оценили. Даже в некрологах потом это признавалось.

Итак, речь шла не о частных мотивах. Но и немотивированность исключена для фигуры такого масштаба, находящейся в такой ситуации. Тем самым, придется констатировать, что Крючков отреагировал, исходя из общих мотивов. Сочтя при этом данные мотивы достаточно весомыми.

Что же это за общие мотивы? Речь может идти только об абсолютно реальной угрозе, которая, задевая сообщество, задевает и все общество. Крючков — не внешний наблюдатель. Он плоть от плоти того сообщества, против раскола которого выступает в данном письме. Смешно считать подобное выступление подключением к информационной войне. Оно знаменует собой совсем другое — фундаментальное элитное беспокойство. Это беспокойство, безусловно, повлияло на ход процесса. Как минимум, в процесс включилась уже не только власть, но и элита как таковая.

Впрочем, именно потому, что речь тут должна идти о новом (собственно элитном) типе реагирования, а не о перестрелке с применением разнокалиберного информационного оружия, я не включаю письмо Крючкова в свою информационно-аналитическую типологию, состоящую из 10 кластеров. Но и не обратить внимания на письмо не имею права.

А теперь об этих самых 10 кластерах… Завершив их анализ, я обязан осуществить переход от анализа к моделированию. И что же получается? А вот что (рис. 75).

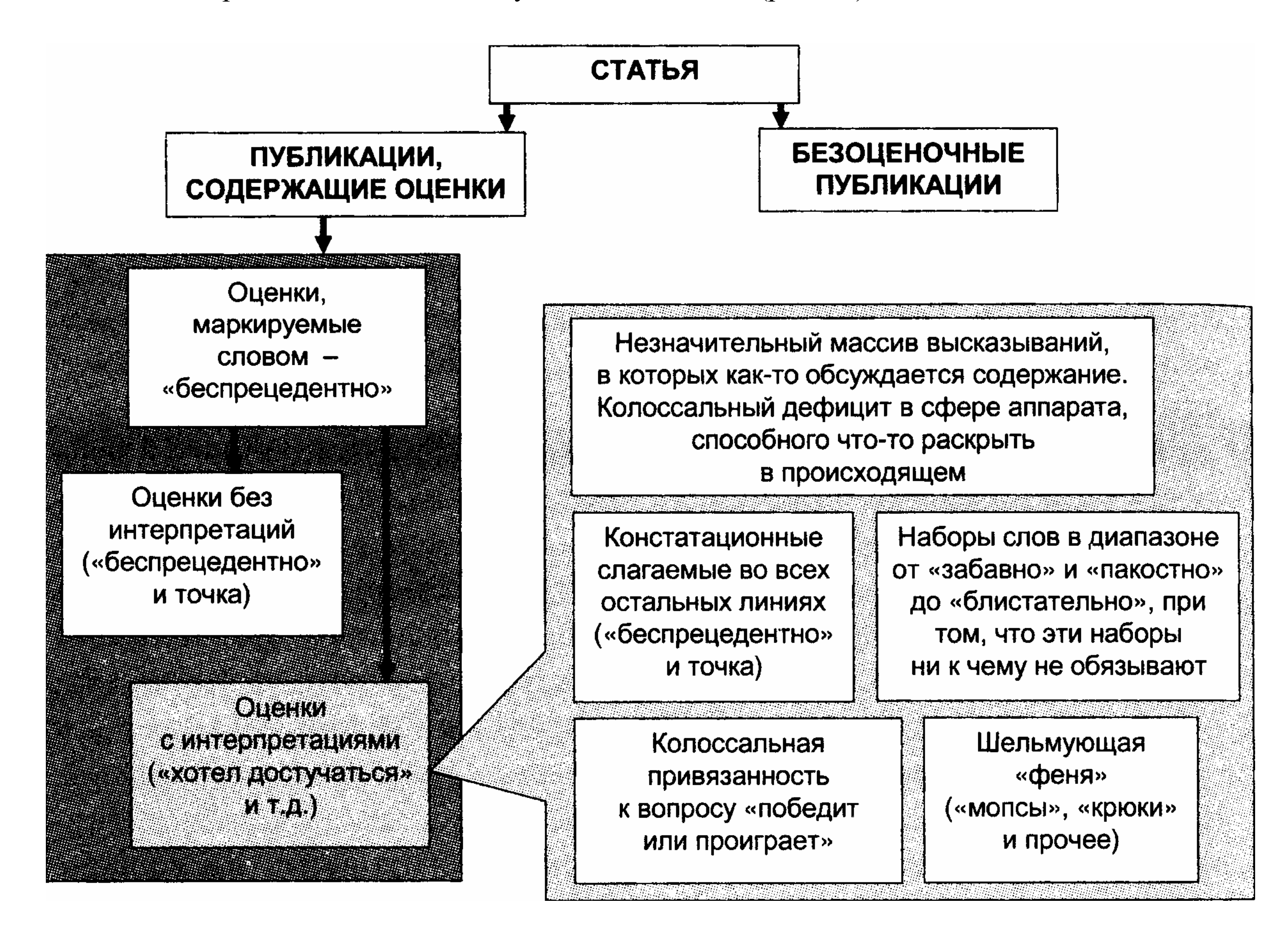

Рис. 75

Такая «карта высказываний» — в чем-то страшнее самых острых элитных конфликтов. Победит Черкесов или проиграет? Зачем он учудил? Что за этим стоит? Потерял влияние или нет? Возникает странное ощущение, что все аналитическое сообщество, которое должно быть квинтэссенцией независимости, состоит из клонированных мелких работников ЦК ВЛКСМ образца 1978 года, которые, в отличие от 1978 года, полностью освободились от обязанности что-то анализировать.

В этом и состоит мой главный вывод. В 1978 году в несовершенном Советском Союзе было много граждан, готовых нечто граждански обсуждать. А были подданные — внутри той же номенклатуры они преобладали, но они были везде. Но граждан в стране было больше. И это — с учетом отсутствия свободы публичных высказываний.

Теперь непонятно, где граждане. Где они? Ау! Нет ответа.

Вы хотите спросить меня, в чем общий знаменатель? Он — в колоссальном упрощении дискуссии. А ведь «положение обязывает». Обязывает обсуждать, показывать глубину собственного понимания, громить автора статьи с позиций этой набранной глубины (или высоты полета). Но все, что происходит, по сути происходит с позиции «снизу».

Интересно, конечно, и то, кто участвует и кто не участвует в обсуждении. Молчание ничуть не менее репрезентативно, нежели высказывание. И, наконец, репрезентативна динамика. А также лингвистика и семантика. К ним и перехожу.

В аналитике информационной войны очень важно осуществить то, что структуралисты называют соединением синхрона и диахрона. Мы уже разобрались с синхроном. То есть с классификацией всех высказываний по их типу и способу осваивания той или иной событийности. Но эти высказывания развивались не просто органическим образом вместе с событийностью. Конечно же, такое развитие преобладало. И вновь мы можем назвать его собственным или органическим. Но нас-то интересует не это развитие как таковое, а какие-то слабые отклонения от такой нормы. Есть ли они?

Глава 3. От мониторинга к моделированию

В чем для меня, как системщика, парадокс анализируемой информационной кампании?

Нормальное реагирование на любое воздействие состоит в том, что в окрестности воздействия (в нашем случае — статьи В.Черкесова) находится максимум реакций. Может быть, этот максимум чуть-чуть сдвинут от самого события. Статьи надо написать, ситуацию надо осмыслить. Но в любом случае сначала событие, затем максимум реакции. А потом затухание. Нельзя десять лет обсуждать статью Черкесова, правда ведь? Появятся другие события, на них тоже надо реагировать.

Есть так называемые естественные осцилляции. Ну, например, журналы выходят не сразу. А для того, чтобы написать большую журнальную статью, нужно больше времени. Возникают побочные экстремумы (пики активности). И кривая откликов тогда выглядит так (рис. 76).

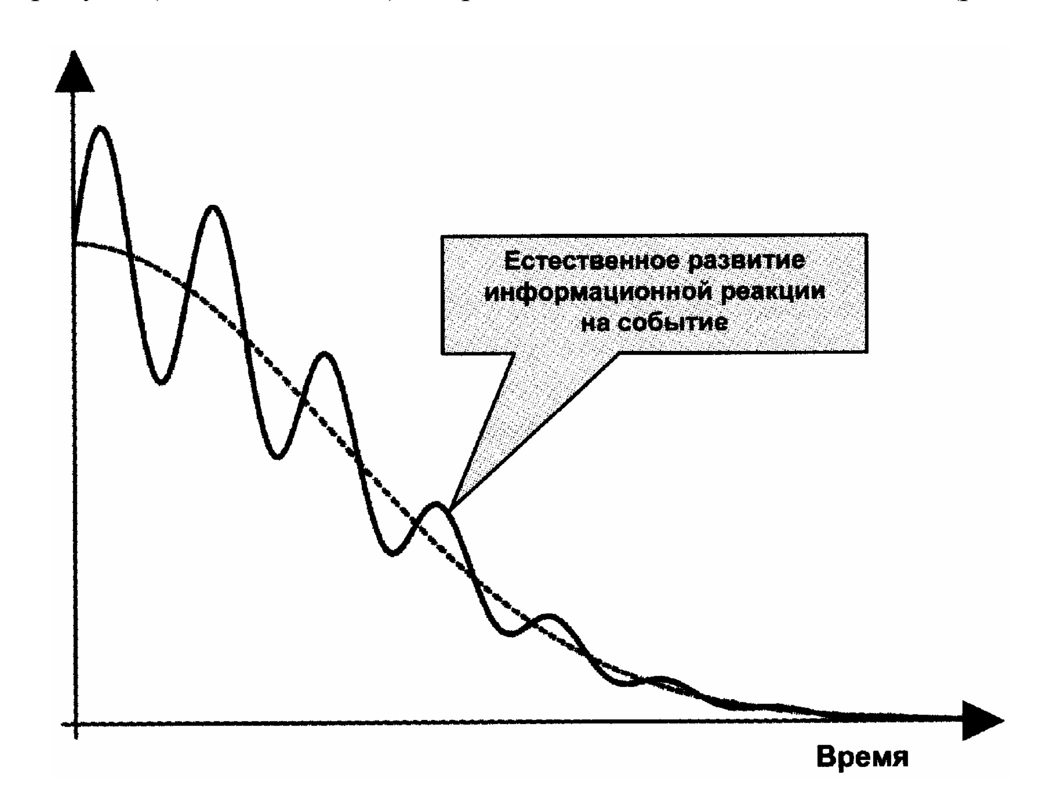

Рис. 76

Еще одно осложняющее обстоятельство связано с новыми событиями.

Например, сначала арестовали Бульбова (событие № 1).

Потом Черкесов написал статью (событие № 2).

Потом Путин откликнулся (событие № 3).

Потом был создан ГАК (событие № 4).

То есть некий актор-протагонист оказался понижен, а потом повышен.

Игровая драма и закон симметрии требуют, чтобы и актор-антагонист оказался и понижен, и повышен. По этому поводу никакой открытой информации нет. Но с теоретической точки зрения, это не только высоко вероятно, но, по сути, необходимо.

Столь же необходимо, чтобы событию № 1 в драме предшествовало антисобытие, а антисобытию — анти-антисобытие. Это и есть «игровые качели». Не было бы их — вся игровая рефлексия на крупные, но очень прозаические сюжеты, оказалась бы в каком-то смысле избыточной. Но аналитическая интуиция подсказывает, что есть и фигуры баланса, и бесконечные анти-анти-… антисобытия. То есть, что есть Игра.

Чья? Какая? Для ответа на такой вопрос аналитических реконструкций мало. Тут нужно уже именно моделирование. Им и займемся.

Для начала установим, что общая кривая информационных реакций — это сумма нескольких кривых. Для каждой из которых ее главный экстремум находится рядом с очередным событием. В зависимости от остроты события каждый новый экстремум может быть большим или меньшим.

Но чего же не может быть? Того, чтобы одни и те же люди обсуждали одну и ту же тему в одних и тех же словах с возрастающей накаленностью без особых на то причин. Одна и та же тема — это статья Черкесова. Можно и даже должно с новым накалом обсуждать новое событие — отклик Путина или создание ГАКа. Но нельзя жевать одну и ту же статью одними и теми же зубами пять раз подряд с растущей яростностью — без особых на то причин.

То есть вот такое развитие откликов является естественным (рис. 76).

А вот такое является неестественным (рис. 77).

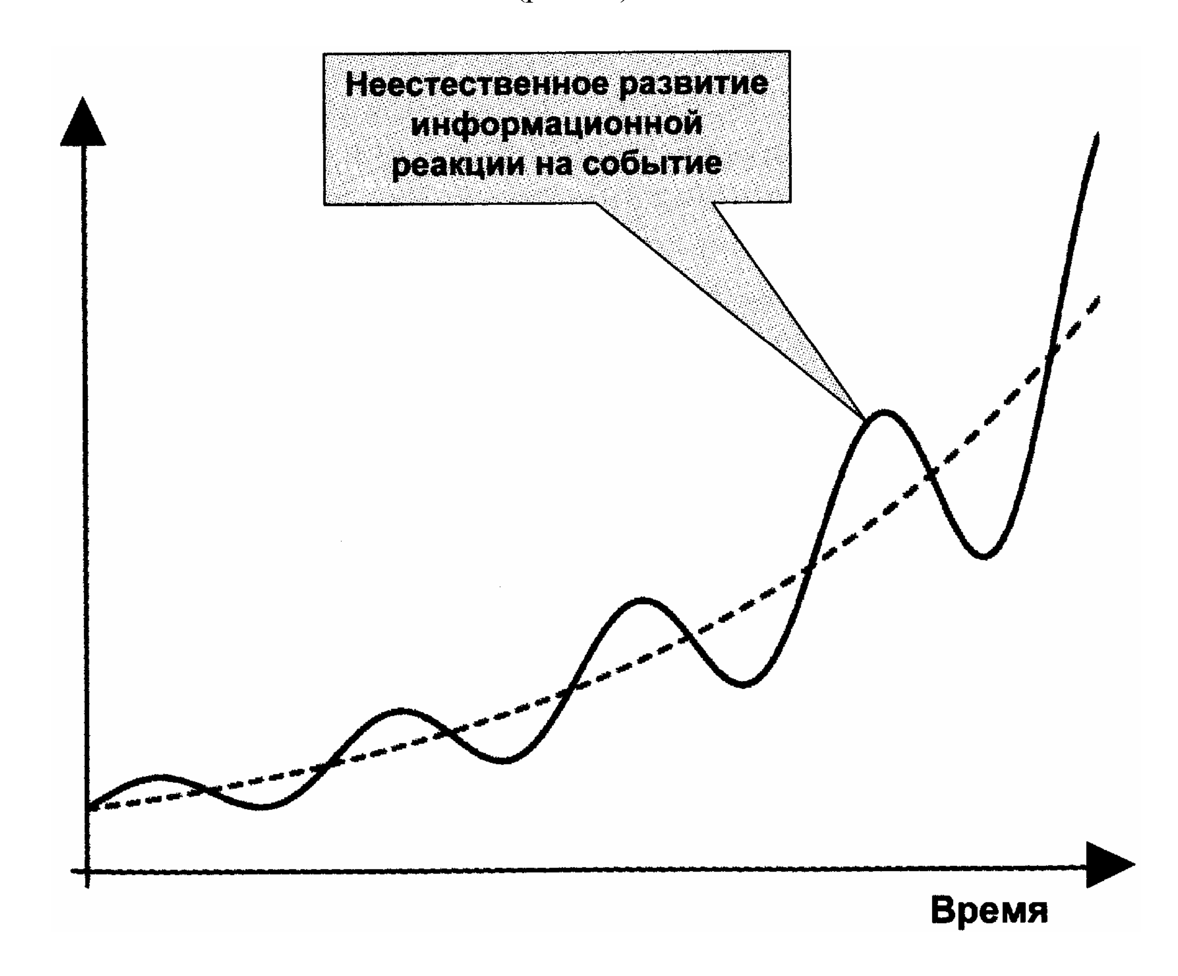

Рис. 77

Когда исследуешь шлейф крупного события, ты должен выделить естественную периодичность (газеты, журналы, книги), потом выделить периодичность, связанную с мультипликацией событий (статья В.Черкесова, реакция В.Путина и т. д.). А потом следить за поведением каждой отдельной «спектральной линии». Например, ситуационных откликов на одно и то же событие — статью Черкесова, образ «крюка». Если отклики нарастают без видимой причины, то это — «плохая информационная кампания». Иначе не бывает. Не может Латынина пережевывать бесконечно одну и ту же тему с нарастающей интенсивностью в одних и тех же словах с апелляцией к одному и тому же образу. Ей это скучно и не нужно. Публике это скучно и не нужно.

Это бывает нужно, если какой-то пиарщик решает, что Черкесов «собрал информационные дивиденды», и это надо гасить. Но это же надо еще уметь гасить и хотеть гасить. А те, кому сказано «гасить», и не умеют, и не хотят. Точнее, с ними никто не работает. Их не «заряжают». Кампанию не разрабатывают. И тогда каждый очередной раскрут кампании сам собой начинает работать на Черкесова. То есть на его информационный капитал.

Я не говорю о капитале политическом или коммуникационном. Я пока анализирую только информационную логику. И ничего не утверждаю. Перечисляю и графики прилагаю. А приложив, начинаю рассуждать.

Начну с элементарного (рис. 78).

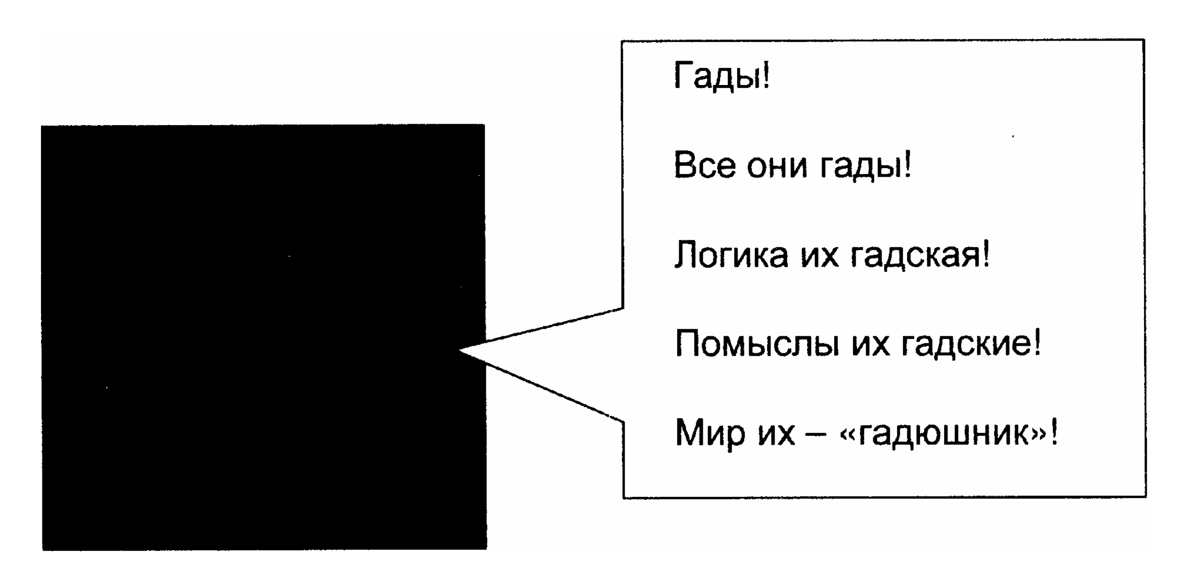

Рис. 78

Когда говорится следующее: «Все гады, логика их гадская, помыслы их гадские, мир их — гадюшник!» — то спорить не о чем. Это позиция.

Но дальше-то начинается другое. Возникает желание узнать, как устроен их «гадский» мир. Снимут или не снимут Черкесова… Ходил он или не ходил показывать статью к Путину… И так далее.

На черный квадрат накладывается сетка журналистской «гадологии» (рис. 79).

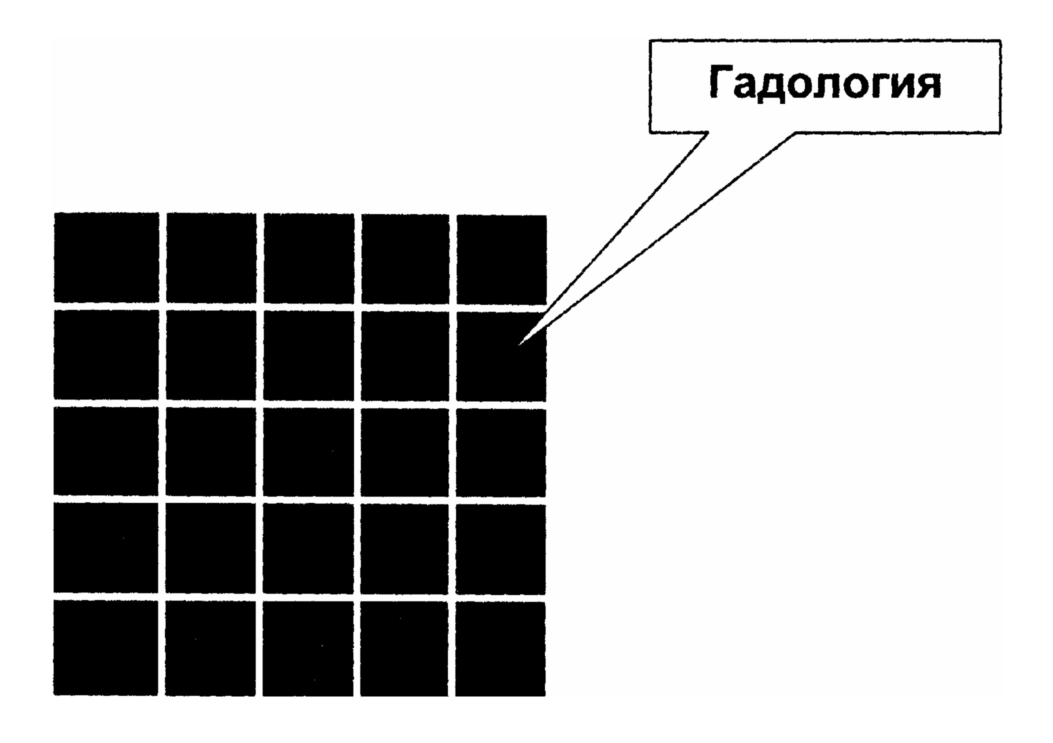

Рис. 79

В рамках «гадологии» нужно описывать происходящее. Кто из гадов кого укусил, как укусил, когда укусил…

Первый дефект такого описания заключается в том, что если ты так ненавидишь гадов, то ты в них ничего не поймешь. Зоолог, занятый змеями, начинает безумно любить змей и тогда их понимать. А если просто ненавидишь, то возникает карикатура. И нулевая компетентность. То, что говорится по вопросам, требующим компетентности, просто смешно.

А второй дефект еще страшнее, чем первый. Выдумал себе гадов или увидел их, стал на их «фене» (или на том, что ты представляешь себе, как их «феню») их описывать… Зашипел. Зашипел — стал извиваться. И понеслось.

Короче, рождается «гадоконфликтология», которая описывает завихрения в рамках сетки (рис. 80).

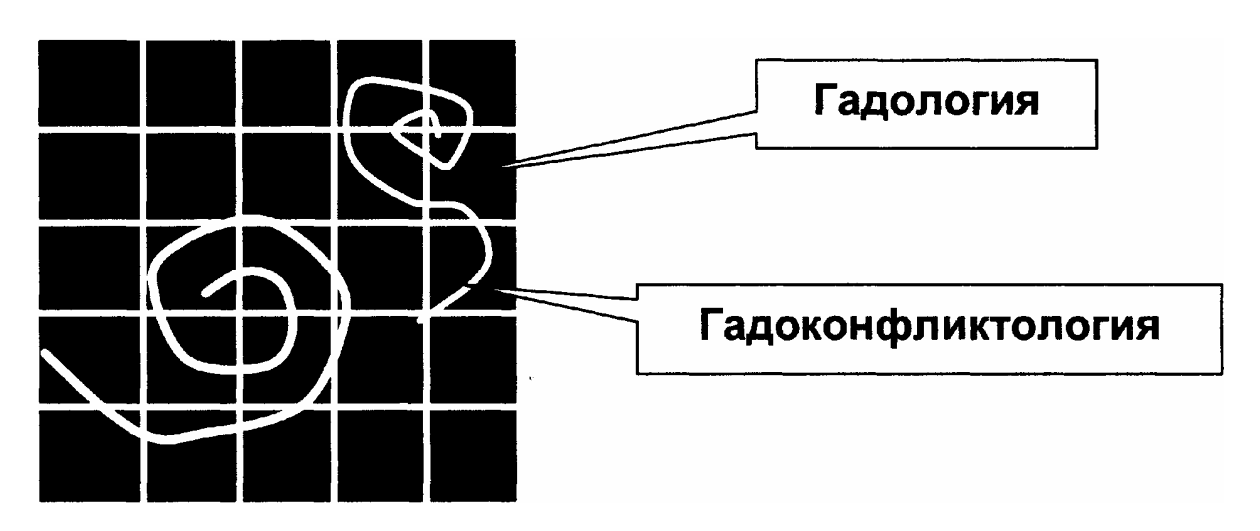

Рис. 80

Затем нужно все выводить на какие-то резюме. Кто с каким счетом победил, кто кого загрыз… Назовем это «гадорезюмелогия». Возникают конфигурации (рис. 81).

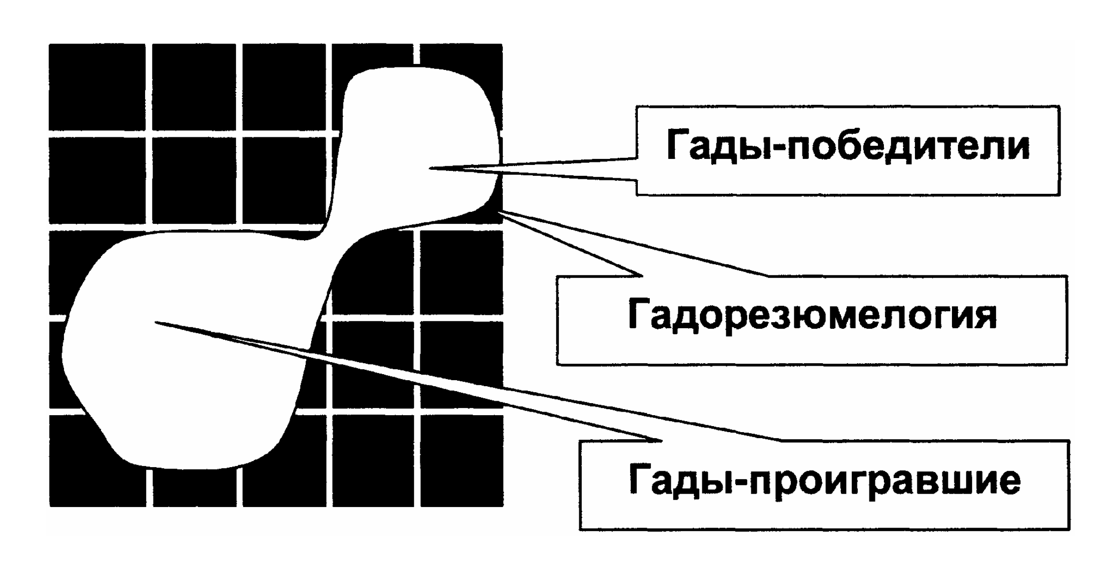

Рис. 81

Что сотворяется с помощью таких построений? Образ гадов. Кто эти гады? Властный политический класс. На чьи деньги и при чьем поощрении создается такая картинка? Это легко вычисляемо по опережающей констатации, кто же из «гадов» победил (при том, что в недоигранной игре победитель отнюдь не очевиден). Людям, которые играют в эту игру, плевать, что их называют гадами. Им нужно, чтобы их после «огаживания» («чума на оба ваших дома» и прочее) поместили в нужный квадрат.

А понимают ли эти люди, что они дают отмашку на тот самый «румынский вариант»? И что те, кто получает отмашку, с удовольствием его «гоношат»? Понимают ли они, что, просто по факту именно такой информационной кампании, процесс все в большей мере оседлывают их коллеги по профессии из других, враждебных нам государств?

Я вспоминаю описание, которые Латынина некогда давала особистам и их антагонистам. Это описание меня тогда сильно впечатлило. Настолько сильно, что я отреагировал. Я-то отреагировал…

Но кто сейчас вспомнит, что когда-то предъявляла Ю.Латынина в виде претензии на идеологию? А даже тот, кто вспомнит — он ведь необязательно додумает. Он не спросит себя: «К чему это ведет?»

Ну, так я и напомню, и додумаю. Надеюсь, что без всякой тенденциозности. Начну с цитирования текста Ю.Латыниной, напечатанного 17 января 2005 года в «Новой газете».

Статья называлась «Особисты». И я ее просто приведу «от и до», поскольку она недлинная.

> «Нами правят вирусы.
>
> Так уж был устроен Советский Союз, что наверх всплывало преимущественно дерьмо. Дерьмо трусливое и глупое к тому же.
>
> Я что имею в виду?
>
> Вот представим себе Афган. Душманские караваны через пустыню Регистан. И российский батальончик, к примеру, спецназа ГРУ, который эти караваны лущит.
>
> Сбрасывают ребят с вертолетов, и лежат они себе по руслам сухих речек, зарывшись в песок, пока караван не пройдет или вода не кончится. Сутки лежат, двое, четверо. А потом глотки душманам режут.
>
> Опасная работа. Нервная. Караваны с оружием, наркоту офицеры брать брезгуют, сжигают, вещи с трупа западло брать, одно бывает: видик в караване случится или афгани-рупии. Как раз хватит, чтобы по возвращении купить контрабандной водки и напиться, чтобы расслабиться до новой операции. На которой будут другие деньги, которые пойдут на другую водку, которая даст передышку перед следующей операцией.
>
> Вы, наверное, думаете, что главный в этой ситуации — это ротный. Или комбат. Или кто там дает приказ в песок зарываться.
>
> Неправильно думаете. Главный — особист.
>
> Он, особист, на войну не ходит. Он сидит в Кандагаре за минными полями, носу не кажет. Если особиста куда перевозят — золотой запас так не перевозят, как особиста.
>
> Он, особист, вместе со всеми водку жрет. Во время расслабухи. Или именин. А на следующий день именинника вызывает: «А водочка-то контрабандная. Показывай, у кого купил».
>
> Попробовал, к примеру, солдат анаши, а взводный по неопытности не по ушам ему дал, а начальству доложил. Ведут солдата к особисту: «Ну что, сидеть будешь? Или стучать будешь?».
>
> Стучит солдат. Исправно. Как видик возьмут, сразу настучит. Видик идет на стол особисту, особист его жене начальника подарит. Как водку пьют — настучит. Особист себе водку заберет. Сам выпьет.
>
> Не возьмешь такого солдатика на операцию, подходит к тебе особист: «Чего не берешь?». — «Да слабый солдат». — «Не выпендривайся, бери, а то…». А то всем ясно, что. Не то что новую звездочку не получишь, старую потеряешь.
>
> Поэтому никак нельзя особисту за ворота без безопасного эскорта. Пристрелят.
>
> А солдат-стукачей не стреляют. Они же не по своей вине. У них же мать, отец. Это только у особиста — карьера.
>
> Это я к чему?
>
> Это я к тому, что в нормальных странах карьеру делал тот, кто всех умнее. Или всех круче. Или всех хитрее. Или всех храбрее.
>
> Но только в СССР бесспорное карьерное преимущество представлялось тому, кто всех мерзее. Тому, кто боевых офицеров носом в песок тычет, как щенят, а если самому гранату в руки сунуть, так ой! И штаны мокрые.
>
> Это я к чему говорю?
>
> Было, было еще недавно в России время, когда это правило вдруг перестало действовать. Разные люди становились главными. Те, кто умнее. Те, кто жестче. Те, кто отмороженнее и отчаяннее.
>
> Но ни одного особиста среди них не было. Потому что особист не способен рисковать и не способен зарабатывать. Он способен только отбирать во имя высших государственных соображений. «Вот ведь суки, предатели социалистической законности! Трое суток в песке лежали, караван вылежали, а видик себе забрали. Надо видик государству вернуть, я его жене генерала подарю».

А теперь, куда ни глянь, одни особисты. Один ветеринаров ловит в рамках борьбы с наркомафией. Другой «балалаечников» в армию гонит. Может, слышал знаменитое изречение Пол Пота: «Ноги балерины лучше всего годны, чтобы месить глину». Третий «Байкалфинансгруп» учреждает. Чтобы, значит, ворованный видик государству возвратить. Совершенно законным способом, как сказал Главный Особист.

В Советском Союзе власть особистам не принадлежала. Потому что ЦК понимал: особист — он паразит. Но надо же ему на чем-то и паразитировать. Он — инструмент руководить, но надо же, чтобы было чем-то руководить.

Вот ведь парадокс: войска могут идти в бой без особистов. Это особисты не могут без войск. И ученые могут делать открытия без особистов, а вот особисту что делать без ученого?

Чью антинаучность разоблачать? Особисты — они как вирус чумы. Во-первых, более примитивная форма жизни. Во-вторых, совершенно смертельная для более продвинутых форм. В-третьих, с истреблением носителя погибает и вирус.

Вот тут-то и разница между Россией и Советским Союзом. Потому что даже в СССР власть особистам не принадлежала. А в России — принадлежит.

Нами правят вирусы. Жертв все больше и больше, и всякий умный человек бежит из страны, пока не объявлен карантин. Разумеется, это долго не продлится. Эпидемия скоро кончится. Вирусы погибнут — но после гибели носителя».

Тут возникает несколько вопросов.

Вопрос № 1. Кто сказал Латыниной, что «наркоту офицеры брать брезгуют»? Что значит «брезгуют»? Уже вся страна говорит про управление «Н». Одна Латынина все еще считает, что сжигают. То есть какое-то количество, конечно, сжигали. Но суть-то от этого не меняется.

Суть же в том, что существует фактически однотипная для всех стран мира закрытая нормативная база, согласно которой тайные операции должны финансироваться за счет «черной кассы», в которую поступают средства от продажи наркотиков и оружия. Эта закрытая нормативная база регламентируется закрытыми же документами. Сейчас эти документы уже в значительной степени рассекречены.

Я затрудняюсь с ходу назвать время, когда эта практика стала совсем уж узаконенной. Специалисты говорят о Т.Шекли, гениальном спецфинансисте из ЦРУ, который начал применять эту практику еще до войны во Вьетнаме. Во время войны во Вьетнаме создание и использование таких черных касс превратилось в стремительно растущий спецбизнес. Некоторые эксперты даже считают, что подлинная цель Вьетнамской войны и заключалась в том, чтобы организовать (а по сути — почти легализовать) наркооружейный спецбизнес.

В Афганистане спецбизнес окончательно транснационализировался и…

И — не знаю, как кому, а мне нестерпимо стыдно. Стыдно читать малоубедительные притчи о хороших солдатиках и плохих особистах. Стыдно за качество так называемой оппозиционной публицистики, нашпигованной этими притчами. Стыдно за тех, кто безответственно и безграмотно напевает барышням подобные песни. Стыдно за барышень, претендующих на компетентность. То есть, вообще-то, когда барышень кадрят, а они кадрятся, то это не стыдно, а по-человечески даже очень понятно. А также воспето в соответствующих балладах:

Усы, часы, пилотка…
На-ну, на-ну, на-ну…
И бравая походка,
На-ну, на-ну, на-ну…
Постой, постой, красотка!
Бумс цвалерай!
Хорошая погодка…
Йа — ха — ха — ха — ха!

Правда, баллада кончается довольно грустно и обидно для барышень:

Усы, часы, пилотка…
На-ну, на-ну, на-ну…
Опомнилась красотка,
На-ну, на-ну, на-ну,
Когда мерзавец Шванке,
Бумс цвалерай!
Уже сказал ей: «Данке!»
Йа — ха — ха — ха — ха!

Но это, в конце концов, личное дело барышни и «рыжего Шванке». Что касается меня, то я о них хлопотать не буду. Я продолжу вопросы.

Вопрос № 2. Где Латынина видела армию без особистов? Это вопрос и к ней, и ко всем остальным. Можно не любить особистов. Но если их нет, то всегда высоковероятный военный переворот становится нормой жизни.

Вопрос № 3. Читала ли Латынина интересную и общеизвестную книгу В.Богомолова «В августе сорок четвертого»? В этой книге описана абсолютно документальная история, в которой действовали эти самые особисты. В книге автор не пытается создать черно-белую схему, в которой особист, напротив, идеальный герой, а все остальные — ничтожества. Эта книга стала своего рода каноническим описанием отношений между так называемым особизмом и его военным альтер эго. Поскольку Богомолова никак нельзя было считать ни ангажированным сторонником одной из сторон, ни человеком со стороны, поскольку он, написав документальную по сути повесть, одновременно почти случайно создал новый жанр, то его произведение стало своего рода каноном для эпохи. Да, это была несовершенная советская эпоха с ее фигурами умолчания. И благородные интеллигенты критиковали эту эпоху как рабскую, упрощенческую.

Они призывали народ освободиться от «совкового ужаса» ради того, чтобы восторжествовала правда, исчезли черно-белые идеологические клише и нормы описания, задаваемые особыми рубриками журнала «Крокодил».

Освобождение произошло. Вместо высокой нормы, предложенной Богомоловым, канон теперь, по-видимому, предполагает китч в исполнении Латыниной и в духе того же «Крокодила».

Такая метаморфоза носит далеко не частный характер. Она говорит о содержании того, что было названо «освобождением от совка».

Продукт этого освобождения на антропологическом уровне — сама госпожа Латынина как вполне собирательный образ. А на филологическом уровне — текст госпожи Латыниной. Ну, так как, это освобождение? Освобождение от чего? От фильма «Летят журавли» ради обретения сериала «Бригада»? От Богомолова во имя обретения Латыниной? Эксперимент проведен. Кто-то будет смаковать результат эксперимента. Кто-то, но не я. Однако игнорировать этот результат, согласитесь, тоже невозможно. Его нужно осмыслить. Что я и делаю, выдвигая определенную социальную теорию («архаизация», «регресс», «вторичное упрощение») и определенный же тип феноменологического описания («клоака», «зооциум»).

Буду рад, если кто-то предложит другой, более оптимистический тип объяснений данного экспериментального материала.

Вопрос № 4. Латынина утверждает, что на очень недолгий период правила негативного социального отбора были нарушены и наверх пошли другие персонажи. Что это за персонажи? Можно конкретно? Кто эти неизвестные герои? А что если окажется, что все они выползли из-под особистов и представляют собой разновидность той же «спецухи»? Иногда даже просто из того же самого управления, которое Латынина называет «особистским» и которое на нормативном языке, если мне не изменяет память, называлось Военной контрразведкой, или Третьим Главным управлением КГБ СССР.

Если же окажется, что есть несколько управлений, выдвигавших разных героев рассматриваемого Латыниной периода, то изменит ли это картину? И позволит ли нам считать модель Латыниной (как я понимаю, это «край непуганых идиотов») хоть сколько-нибудь серьезной?

И наконец, если Латынина права и на какой-то период победил позитивный социальный отбор… Если наверх прорвались подлинные герои (цитирую: «Те, кто умнее. Те, кто жестче. Те, кто отмороженнее и отчаяннее»)… Если они прорвались, то куда они потом делись?

Заповедь отморозков, которых воспевает Латынина (подчеркиваю, отморозков, а не нормальных людей), звучит вполне однозначно: *«Если он на фиг такой умный, то почему он на фиг такой мертвый?» Если это отморозок, то почему его оседлал особист, боящийся собственной тени и умеющий только перемещаться под эскортом, как «золотой запас»?*

Я не хочу даже в целом опровергать модель Латыниной в том, что касается негативного социального отбора. Не было бы негативного социального отбора, страна бы не рухнула. Я только считаю, что этот негативный социальный отбор осуществляется всегда по определенной схеме. Он накапливает деградационную энергию («застой»), потом он эту энергию выплескивает («сброс»), потом он ее снова накапливает (новый «застой»), потом он ее снова выплескивает («сброс»)… И так далее.

Чтобы прервать эту цепь (каскад) вторичных упрощений, нужно включить позитивную социальную энергию. Такая энергия должна собираться и направляться на определенную цель интеллигенцией определенного же типа. Не желая обсуждать здесь подробно, что это за тип, могу лишь напомнить существующие латиноамериканские прецеденты. Там это называлось «национально-демократической интеллигенцией», она оформляла и возглавляла народно-освободительное движение. Достаточно всмотреться в те лица и вчитаться в те тексты, постоянно адресующие к накаленному идеальному и высоким моральным нормам, чтобы понять, в чем разница между типажом, который предъявила наша эпоха, и этим каноном.

Национально-демократическая интеллигенция боролась за освобождение народа и называла поработителей народа «гринго». Она требовала, чтобы власть этих «гринго», порождающая обнищание простых людей, их пребывание в социальном гетто, была заменена властью тех, кто откроет народу новые социальные перспективы.

Наша интеллигенция назвала народ «шариковыми» и «совком». И, в лучшем случае, воззвала к собственному люмпену, мобилизовав его дикарское влечение к так называемому «карго» (колониальным товарам — джинсам, видикам и так далее).

Та интеллигенция называла своих противников пособниками американских грабителей. Она не делила их на крутых и некрутых, отмороженных и не очень. Она воевала с «эскадронами смерти» и тем особым порядком, который эти эскадроны обеспечивали в интересах американских хозяев.

Но главное — она боролась с хозяевами. А также (это было уже вторично) с местной обслугой, действовавшей в интересах хозяев. И боролась она во имя народа. Во имя модернизации. Против архаизации, деиндустриализации и всего остального, что принесла с собой, например, хваленая диктатура Пиночета. Американцы опирались на латифундистов, нуждавшихся в средневековых культурных и социальных нормах для своего выживания. Национально-демократическая интеллигенция апеллировала к другим слоям. К зачаткам национальной буржуазии и так далее.

Сам термин «гринго», как всем известно, означает «грин — гоу!», то есть «зеленые — уходите!». Это был термин, определяющий вектор всего процесса. А главное — качество этой самой национально-демократической интеллигенции.

То, о чем вопит наша интеллигенция, это не «грин — гоу!», это «грин — кам!» («зеленые — приходите!»), «грин — стэй!» («зеленые — оставайтесь!»), «грин — инкриз!» («зеленые — укрепляйтесь!»).

Идеология Латыниной — это идеология «зеленых» и их приспешников. Те, кого Латынина называет «особистами», криво-косо задели «зеленых». Они задели их чуть-чуть. И не очень понятно вообще, вправду задели или это пиар. Но «зеленые» решили «на всякий случай» натравить на них свою обслугу. И обслуга исполняет. В достаточно анекдотическом и постыдном ключе.

Это генетическое качество обслуги. В этом ее беспомощность по отношению к власти, как бы она ее ни обзывала («особисты», «чекисты»). Есть эта власть. И есть некие сложности в отношениях этой власти с Западом. Что за сложности?

Запад рассчитывал на власть как на надсмотрщиков. И согласился, чтобы эти надсмотрщики вели себя, ну, скажем, как в Гаити. То есть без особой оглядки на права человека и прочее. Обидно, что Запад согласился. Но он же согласился! Если он хозяин, то как особенно будешь «наезжать» на надсмотрщиков, не «наезжая» на хозяина?

Потом начались какие-то невнятные расхождения между Западом и теми, кого он считал своими надсмотрщиками, надзирающими над русской колониальной провинцией. Определенная «интеллигенция» уловила это расхождение. Но она пока не разобралась в нюансах. То ли

надсмотрщики «отвязались», и их будут «зачищать». Тогда их пора называть «особистами» и как угодно еще. Однако совсем уж внятного идеологического заказа на это нет. Так может, их не будут зачищать?

В любом случае, «интеллигенция», о которой я говорю, ждет команды. Она готова рвать в клочки надсмотрщиков, но не готова «наезжать» на хозяев.

И она очень обижается на то, что хозяева до сих пор якшаются с «особистами» (они же — надсмотрщики, они же — власть). Это родовая травма всех «демократических» движений в новой России. Явлинский мог «наехать» на «зеленых»? Не мог. Каспаров или Касьянов могут? Кто может-то? И в рамках какой политической платформы? Если освобождение несут «зеленые», то зачем же на них наезжать? Ну, так они его несут? Уже принесли? Если принесли, то что плохого-то? А если есть что-то плохое, то почему?

А главное — как справиться с фундаментальной коллизией? «Зеленые» — свет в окошке и воплощение идеала. Всяческого идеала. Морального, интеллектуального. Но «зеленые» обнимаются с представителями власти, которая не нравится демократам (с этими самыми «особистами»). То есть они не то чтобы совсем уж обнимаются, но и не входят в лобовое столкновение. Внешне они поддерживают определенный стандарт отношений.

Они его не поддерживали в советскую эпоху. Что и называлось «холодной войной». Сейчас, конечно, постепенно все сдвигается в прежнюю сторону. Но, к скорби наших демократов, «зеленые» не торопятся. Они хотят нефтяных дивидендов и всего остального, а не превращения «Новой газеты» в газету «Правда».

Чем заняты отечественные «демократы»? Они заняты тем, чтобы перевоспитать «зеленых» и натравить их на особистскую власть. Предположим, что им удастся, и «зеленые» начнут активные действия. Чем тогда станут наши демократы? Это их «пятая колонна». Предположим, что «зеленые» победят. Чем станут наши демократы в таком случае? Частью их оккупационной администрации.

Ну, так это и есть оккупационная демократия, «зеленая» демократия. Как она может сильно расходиться с «зеленой» же латифундистской группой? А она с ней и не расходится. Она ее прославляет. А вовсе не формирует партизанские армии для того, чтобы от нее освобождаться.

В этом фатальное отличие российской ситуации от латиноамериканской или другой, с ней сходной. Это трагическое, колоссальное отличие. Абсолютно непреодолимое. Это отличие задало регрессивный характер перестройке и так называемой постперестройке.

А внутри такого регресса не может быть борьбы между элитой, захотевшей зеленых купюр вместе с «зелеными» же хозяевами, и интеллигенцией, тянущейся к тому же. «Зеленый» консенсус — это консенсус регрессоров. Если здешняя элита (особисты или кто-то еще) выполняет «зеленые» директивы и интеллигенция выполняет те же директивы, то элита всегда наверху, а интеллигенция под нею. Если директивы «зеленые», то они по сути своей регрессорские. Потому что на сегодняшний день нет внешнего субъекта, которому нужно было бы что-нибудь, кроме регресса в России.

Американцам до сих пор нужно именно это. Европейцам тем более. Китаю это так выгодно, что дальше некуда. Исламу тоже. Кто остается? Инопланетяне? Кубинцы?

Контррегрессивный субъект может быть только внутренним. Но для того, чтобы он сформировался, нужна другая интеллигенция. А также внутриклассовые трансформации, которые, породив у части господствующего класса беспокойство о будущем и вытекающие из него контррегрессивные настроения, создадут предпосылки для преодоления регресса.

Никакой интеллигентской суверенности в разбираемом мною тексте нет и в помине. Как нет ее, соответственно, и в личности, пишущей текст. Ну, никак этот текст нельзя назвать суверенным. Ангажемент рвется наружу из каждой строчки.

Положительный герой — это парень с автоматом в афганских песках, поджидающий караван! Вы обратите на это внимание! Не вообще парень с автоматом, исполняющий свой интернациональный долг (говорю без всякой иронии и с глубоким уважением ко всем воевавшим). А именно парень, поджидающий караван.

Парень, поджидающий караван, адресует только к одному. К «Управлению Н» Главного разведуправления Генерального штаба Советской армии. А применительно к нашей фактуре — к уже обсуждавшемуся (и отдельно, и в связи с наездами на него оппонентов) субъекту, маркируемому интернет-изданием Форум. Мск. ру.

Я вовсе не хочу сказать, что «Управление Н» для меня чем-то хуже других управлений. Или ГРУ хуже ВДВ. Я просто обращаю внимание на специфику высказывания. И на то, что без этой специфики все мои слежения за Латыниной глубоко избыточны. А эта специфика как раз многое объясняет. И хоть отчасти оправдывает потраченные на Латынину время и место.

Итак, с одной стороны — афганский караван с опиумом (иначе — «спецтоваром»), поджидающие его нечекистские герои с автоматами… А с другой стороны — майор-особист. В каком смысле он «с другой стороны»? И при чем тут «видик»? Ох, как не просты реальные отношения!

В том, что я буду дальше «отрисовывать», нет никаких морализации. Я дал клятву не морализировать еще в начале этой книги. Я хочу просто показать, что такое морализации Латыниной.

Все хорошо, пока герои с автоматами сжигают (или сдают) весь взятый опий или героин.

До какого-то момента они его, конечно, сдавали. И не в их мозгу зародилась идея неполной сдачи спецтовара. Она зародилась в мозгу их начальников (точнее, некоторых из этих начальников, которых мы, увы, и должны называть элитой).

Неполная сдача не может идти без соучастия особиста. Это как «дважды два — четыре». Негибкий особист либо выводится из игры (и направляется в камчатский гарнизон), либо просто пристреливается (и никакой эскорт ему не поможет). Слишком гибкий особист, удовлетворяющийся «видиком», схлопочет уже не от ГРУшников, а от своих. Значит, особист должен получить долю, и не на себя, а на всю компанию. И тогда он не индивидуал (как и парни с автоматами), а член высокоорганизованного сообщества. Но это еще не все.

В те далекие годы порошок еще надо было суметь реализовать. Реализовать его на советском внутреннем рынке невозможно. Потому что рынка нет. А если бы он и был, надо суметь и до этого рынка довезти. Но везут на другие рынки. Территориально и социально эти рынки весьма далеки от песков Афганистана.

Потому что в песках Афганистана опий очень дешев. А на рынках Западной Европы — невероятно дорог. Поэтому опий надо переправить из Афганистана в Москву (или другой, более удобный, советский город), а оттуда в Западную группу войск. Можно и прямо в Западную группу войск, но трудно.

Кроме того, опий и везти накладно, и продавать унизительно. Не в моральном, а в ином смысле. И везти, и продавать надо чистый героин. Это в десять раз удобнее и в двадцать раз эффективнее. Соответственно, надо иметь лаборатории. Американцы держали их в Пакистане. Где именно мы их держали — отдельный вопрос. Стоит ли так вдаваться в детали?

А теперь о караванах. Просто так напасть на караван, конечно, можно. Но высокоиздержечно. Потому что в ответ нападут на тебя, и безжалостно. Гораздо удобнее договариваться. У тех ребят проблема с доставкой. У тебя проблема с сырьем. Еще есть проблема с переработкой. Надо создать нечто наподобие акционерного предприятия, определить доли. А потом, если надо, и нападать на отдельные караваны. Но это уже, скорее, дизайн. И обязательно воспринимаемый на позитиве всеми его участниками. Кроме особо тупых и неудачливых.

Постепенно занятие, которое я живописую, диверсифицируется сразу по двум направлениям.

Прежде всего, каждая из функционирующих в Афганистане советских элитных групп, не доверяя другим группам, хочет иметь свою долю в спецтоваре. И вывозить его своим способом. Кто в кофрах и в музыкальной аппаратуре ВИА, кто, извиняюсь, в цинковых ящиках.

И перерабатывать каждый хочет все автономно. И продавать. Но Афганистан-то общий. Значит, его надо поделить по достаточно внятному принципу. Латынинские герои предпочитали иметь дело с Ахмад-Шахом Масудом (таджикские моджахеды). А негодные особисты — с генералом Дустумом (узбекские моджахеды). Чисто пуштунскую часть производителей спецтовара наши не очень любили. Хотя, конечно, деньги не пахнут.

Далее начинается самый сложный сюжет. Этим же промыслом занимается главный общий враг негодяя-особиста и героя с автоматом. Враг этот, как все мы понимаем, американцы. Если бы афганцы, ставшие нашими товарищами по оружию (Бабрак Кармаль, Наджибулла) отдавали нам спецтовар, а враждебные нам афганские моджахеды отдавали бы товар американцам — проблем бы не было. Но когда мы хотим пастись на моджахедских опиумных полях (пусть даже таджикских и узбекских, но моджахедских), то возникает много проблем с американцами. И эти проблемы надо неформально разруливать. А проще брать в долю еще и американцев. Либо через моджахедов, либо

напрямую. Так закладывались основы будущих элитных транснациональных спаек, суперструктур… Мало ли, чего еще.

Эта картина мало имеет общего с лубком Латыниной. Но, увы, не высосана из пальца. Она же (а также цепная реакция ее разных дериватов — оружейных и прочих) в значительной степени породила ту самую другую (вполне глобальную, между прочим) реальность, которую я и исследую.

Место Латыниной в этих моих исследованиях — почетно, но микроскопично. В отличие от субъектов иного рода. Все, что меня интересует в Латыниной, — атипичность некоторых ее построений. Например, приведенного мною шедеврального текста с особистом и прочими. Атипичность в целом состоит в том, что Латынина очень уж «заточена» в одну сторону. Если бы Латыниной-интеллигентке, Латыниной-диссидентке было «бара-бир» (все равно), если бы она сказала, что ей «что тот майор, что этот», это было бы понятно. В этом была бы хоть какая-то логика. Но как только появляются «хороший» и «плохой» майоры, возникает гипотеза об ангажементе. И бог бы с ней, с этой гипотезой! Дело-то намного хуже.

По сути, рисуется обычная идеологическая картинка в манихейском духе, где есть свет и тьма. Свет — это, конечно, «мы». То есть святые Сахаров и Политковская. Тьма — это «они», «гады» Черкесов, Сечин и так далее.

Так и вспоминается старое стихотворение С.Михалкова.

Они готовят новую войну,
И бомбой атомной они грозят народам,
А мы растем свободно в вышину
Под нашим светлым мирным небосводом.
Они пускают доллар в оборот.
На то, чтоб дать оружие убийцам,
А мы свой рубль даем, наоборот,
На то, чтоб строить школы и больницы.

Диссиденты осуждали такую дихотомию как «совковую дичь». Но разве, начав бороться с подобными лубочными картинками, они заменили их чем-то, кроме своего лубка? В их новом лубке советские номенклатурщики оказались в клеточке «они», а американский империализм — в клеточке «мы». Но лубок-то остался, и произошло это сразу по трем причинам.

Во-первых, идеологический лубок — это достаточно эффективная штука. А кто откажется от эффективности ради правды?

Во-вторых, значительная часть тех, кто возглавил борьбу с доперестроечным лубком, перед этим сама создавала тот лубок. Она могла изменить в лубке плюсы и минусы, но психологически уже не могла выйти за рамки лубка как такового.

В-третьих, выход за рамки лубка предполагал задействование тех групп советского населения, которые могли стать носителями постиндустриальных (то есть в полном смысле этого слова прогрессивных) изменений в советском обществе. Но кому нужны были такие изменения? Не номенклатуре. Номенклатура при подобных изменениях теряла власть. Советский Союз сохранялся и усиливался? Но зачем он был ей нужен, если она не могла быть в нем абсолютной властью?

Американцам (шире — Западу) такие изменения были категорически не нужны. Задача была в том, чтобы ослабить противника, а не превратить противника в союзника. А то и в лидирующее слагаемое какой-то непонятной (видите ли, прогрессистской!) миросистемы.

Всем, кто по обязанности или за совесть шел в фарватере американцев, никак не могло быть нужно то, что не было нужно самим американцам.

А все, что отстаивало внутренние интересы, оказалось в категорическом меньшинстве. Если бы научно-техническая и гуманитарная интеллигенция могла осознать хотя бы классовый интерес и, отстаивая его, придать всему происходящему иное, некомпрадорское, качество, то перестройка имела бы другой результат. И не было бы триумфа лубократии и лубка. «Если бы у моей тети были колеса, то была бы не тетя, а дилижанс»…

Итак, двадцать лет спустя мы имеем все то же самое. Опять лубок. И опять регресс.

Но общество-то другое. С одной стороны, оно существенно опростилось, деградировало… Честно говоря, просто обыдлилось. Однако к этому происходящее никак сводиться не может. Нельзя превратить человека в циника, а «впаривать» ему все так, как будто бы он остался идеалистом. Человек если превратился в циника, то уж по полной программе. Он тогда еще и скептик.

И, вообще-то говоря, трудно представить себе ситуацию, когда одни и те же люди будут читать смешно морализирующую Латынину с ее отповедью «особистам» и, например, сайты, щеголяющие «спецфактурами» — Форум. Мск. ру или left.ru. Так кто латынинский адресат? Особенно с учетом того, что демократическая пресса, такая как «Новая газета», в принципе декларирует свою опору на просвещенных адресатов. Но если эти адресаты — минимально «в теме», то латынинский лубок не может не действовать на них как стопроцентное рвотное.

А на кого он будет действовать иначе? На наивных тетенек, сохранивших моду образца 1989 года? Но такие тетеньки хотят пристойности. И любая такая тетенька худо-бедно понимает разницу между голой декларацией (она же «предъява») и образом.

Есть «черный пиар». Но даже «черный пиар» — это не лубок, а нечто другое. Даже по законам пиара нельзя просто назвать себя хорошим, а врага плохим. Не ты это должен говорить, а слушатель должен сделать такой вывод. То есть Латынина должна сказать что-нибудь умное и благородное, а не «тащиться» от «отморозков». Потому что, когда она произнесет умное и благородное, ей скажут: «О, дщерь Сахарова! О, воплощение интеллигентности!» А если она будет говорить «на фене», то и оценят ее соответственно.

Значит, адресат и не тетенька, и не скептичный просвещенный циник. А кто? Либо прямой заказчик, который не очень разборчив. Либо тот слой, который, меняя ватник на красный пиджак, а красный пиджак на более современный прикид, одновременно меняет «Мурку» на Латынину и ей подобных. Интеллигентность? Да пошли вы!

В том-то и дело, что Латынина давно и до боли знает, что интеллигентности этой цена копейка в базарный день. Она это усвоила твердо еще с подростковых времен, когда цена была все же чуть-чуть повыше. Если на «фене» пишет зэк, для которого и эта «феня» является духовным усилием, — это одно дело. Когда на такой же «фене» с использованием лубочных схем, густопсовой лжи, сусально-блатной романтики пишет дитя рафинированной интеллигенции — это другое дело. Это и есть сознательное упрощенчество.

Упрощенчество — не примитив. Новая «интеллигенция» ищет новое быдло для нового карнавального упражнения, для нового, еще более глубокого сброса народа и страны. Интеллигенция — это тот слой, который профессионально и морально обязан обеспечивать прогресс, то есть восхождение от простого к сложному. Когда же слой, не желая отказываться от ролевых позиций, начинает сознательно заниматься прямо обратным — это диагноз.

Это не свойство отдельно взятой Латыниной. Латынина — героиня нашего времени, а не отдельный экземпляр. Даже не частный пример на некую общую тему. Не было бы это так, зачем я стал бы заниматься Латыниной?

Интеллигенция должна тянуть наверх. А она делает обратное.

Стругацкие говорили о прогрессорах. То есть о тех, кто, спустившись, как ангелы, с небес иной культуры (вопрос, какой именно!?), ведут путем восхождения неспособных на оное самостоятельно обитателей низших миров. Все это было достаточно отвратно даже в таком декларативно-возвеличивающем стиле. Но когда вдруг оказалось, что прогрессоры — это буквально регрессоры, когда камлания о восхождении сменились короткими циничными заявлениями, демонстрирующими, что «знаем, что ведем вниз, и ведем», тогда…

Тогда возникло то, что возникло. Некая «зона», в которой барахтаются лишенные смысла люди. И некая «каста», которая кичится тем, что она каста, но не хочет делать ничего из того, что составляет обязанность данной касты. Она, каста эта, не смысл производит, а «феню» тиражирует. Не правду говорит, а на подхвате работает.

Неодиссидентство образца 2007 года по своей социальной функции в целом тождественно диссидентству образца 1987 года. Это снова тот же карнавальный регрессор. Но если социальная роль не изменилась, то социальное качество изменилось весьма существенно. Неодиссидентство еще говорит о Пушкине и Сахарове. Но говорит о них уже на языке «блатняка».

Почему? Потому что этот язык должен обеспечить связь регрессивной идеологии с регрессивными массами. То есть вести по сути к «румынскому сценарию». Нельзя так смачно

живописать особистов и не лелеять внутри желанную румынскую перспективу. Желанную для кого? Кто следующий, прошу прощения, аттрактор? Может, сама эта «интеллигенция»? Ой-ли!

Впрочем, каков бы ни был следующий аттрактор, интеллигенция уже работает на него. И в этом суть! В этом! Иначе что обсуждать-то?

Этот следующий аттрактор не станет «новым крюком», если зацепившаяся страна не сорвется с имеющегося. Поэтому интеллигенция подпиливает нынешний крюк. Какая-то часть может пилить по идеалистической безмозглости или органической безответственности. Но пример Латыниной для меня говорит о другом. Я потому и разбираю все так подробно, что это уже другое. Это сознательное подпиливание чекистского крюка ради падения зацепившегося существа на еще более низкий уровень. А на этом уровне — новый, конкурентный, крюк.

Что же касается метаморфоз самой этой интеллигенции, то они таковы.

В начале интеллигенция наблюдает за «чекистским гадюшником» и подвергает его моральной критике, столь же бессмысленной, сколь и беспощадной. На этой фазе интеллигенция выступает в функции Савонаролы по отношению к поносимому «чекистскому гадюшнику».

Затем постепенно просыпается какое-то влечение к поносимому. Это очень видно на примере Латыниной. Влечение обнаруживает себя в словах, стилевых заимствованиях, интонациях. Савонарола вдруг начинает «косить» под Гомера.

Но Гомер описывал не гадюшник, а сообщество великих героев. Соответственно появляется майор-герой с автоматом, подстерегающий караван. Результат? Образ тотального гадюшника и… преследование одного особо зловредного гада, осмелившегося обособиться от гадюшника.

А дальше… Дальше понятно. Просто шипение. И уже разобраться, где гад, где антигад…

Но, может быть, кто-то хочет не слиться с гадюшником, а вывести страну из инферно, населенного гадами? То есть стать не просто амортизирующим аттрактором, а аттрактором восстановительным, противопоставляющим регрессу контррегресс? Рассмотрим эту возможность. Хотеть-то ведь мало! Для того, чтобы стать таким аттрактором, мало разоблачить других. Даже самым убедительным образом. Надо еще предъявить себя как благо. Причем так же убедительно. Для этого нужно обзавестись своей культурной, идеологической и иной смысловой территорией. Своим языком. Своим аппаратом понимания реальности. Это не значит, что нельзя при необходимости говорить на чужом языке и живописать все, исходя из чужой логики. Но этот язык не должен становиться твоим. Эта логика не должна стать ядром твоего собственного мышления.

Теперь посмотрим, что происходит. А происходит обнуление собственного содержания. И полная зависимость от содержания, которое комментируют. Наша интеллигенция ныне комментирует, и не более того. Нет ее как отдельно действующего начала, выдвигающего свой план, предъявляющего свое идеальное. Есть противник — и упражнения, посвященные описанию противника. Его отвратительных нравов. Грубо говоря — нет собственной позиции, контрастной по отношению к позиции противника.

У любого сатирика она есть. Даже у карикатуриста. Когда сатирик издевается, он показывает дистанцию между имеющимся и должным. Когда карикатурист издевается, он искажает пропорции. Но, чтобы искажать пропорции или показывать дистанцию между наличествующим и должным, надо иметь «палату мер и весов». Ту инстанцию, в которой должное — это должное. А идеальная пропорция… ну, например, отвечает пресловутому «золотому сечению».

Если все это заменяет абсолютный релятивизм, а внутри релятивизма есть только описание чужого поведения, то это поведение автоматически становится нормативным. И это следующая по счету метаморфоза нашей интеллигенции. Право, пора становиться новым Овидием! Потому что метаморфоз слишком много.

В предыдущую эпоху этого не было. Даже когда Окуджава полуиронически пел: «Это для моих друзей строят кабинеты», — он прямо не говорил: «Хочу кабинетик для себя, как у дружбана!» Он не занимался воспеванием кабинетика. Он не превращал свою поэзию в инструкцию для начинающих карьеристов.

Теперь же происходит нечто подобное. Дистанция между критикующим и критикуемым аннулирована. Норма истреблена. Критика превращена в странную форму фактически уже имитационно-восхищенного описания. По Фрейду это называется «скрытым, но непреодолимым влечением». Иначе — «либидо».

Суть описаний Латыниной — это «либидо доминанди». То есть похоть власти. Латынина и сама не считает себя Савонаролой в юбке. Она с очень кислым видом «косит» под морализаторшу. И

очень возбуждается, когда начинает критиковать тот или иной объект (Черкесова, абстрактного особиста) с позиций «Гомера зоны». Настоящей криминальной зоны. Это ей нравится.

А не нравится тот, кто недостаточно блатной, недостаточно крутой, недостаточно отмороженный. Она сама — носитель этого идеала? Она себя под главным паханом «чистит, чтобы плыть в революцию дальше»? А кто этот главный крутой пахан? А ну как окажется, что он вовсе не Стенька Разин, а тот же особист, по большому счету?

В идеологии должны быть рай и ад. Должно быть райское и адское содержание. Райского содержания в этой идеологии нет. Сахаров и Политковская? Это Сахарову нужен был «самый крутой мужик» в виде позитивного идеала?

Сахаров стал Сахаровым, опираясь на другие идеальные основания нашей культуры. Он выступил против могучего государства в качестве некоего носителя правды. Одинокого, слабого — и бросающего вызов могучей лжи. Таков был миф Сахарова в советском сознании. Наверное, был еще и настоящий Сахаров, находящийся по ту сторону мифа. Вряд ли беспощадно правдивый и сильный только своей слабостью одиночка стал бы одним из корифеев атомного проекта.

Впрочем, политика никогда не тождественна мифу. Слишком сильно она укоренена в далекой от мифа реальности. Как и миф о Робеспьере — якобинском диктаторе, беспощадно и бескомпромиссно отвергающем любую корысть («Неподкупный»), миф о Сахарове важен своим содержанием, влияющим на связь общества с идеалами. Идеалами своей эпохи, «трансэпохальными» идеалами человечества. Идеалы нуждаются в связанных с ним лидерах. А лидеры нуждаются в идеалах.

Миф о Сахарове стал трещать тогда, когда политика потребовала опоры на несовместимые с идеальным слои — на «теневиков», криминалитет. На специфические массы, рвущиеся к будущей оргии потребительства и лишенные идеального содержания.

Назвать такие массы мещанскими — не поворачивается язык. А называть их быдлом — не хочется по понятным причинам. Поэтому будем говорить о невротически-потребительском активе, созданном нашей интеллигенцией, выступающей как бы от имени Идеального, во имя борьбы с чудовищной КПСС. Невротически-потребительский актив вполне можно назвать раблезианским (к вопросу об интеллектуальной роли именно Бахтина в социально-политических метаморфозах, называемых перестройкой и постперестройкой). Я уже разбирал этот вопрос, обсуждая соотношение чекизма и карнавала.

Ну, так вот. Если Сахаров — это идеалист-интеллигент, противопоставляющий свою бескомпромиссную трепетность грубой лжи советской номенклатуры, то это одна ценностная система, связанная с таким типом героя и актуализирующая очень многие ценности, включая христианские. Но при чем тут тогда «крутой мужик» как герой, предъявляемый госпожой Латыниной?

А если герой — это «крутой мужик» (имморалист-ницшеанец, бандит-отморозок, освобожденный от идеи служения силовик с раздутым «либидо доминанди»), то при чем тут Сахаров? Но наша интеллигентно-разоблачительная журналистика свободно оперирует героями из несовместимых ценностных систем. Просто через запятую. Так сказать, ничтоже сумняшеся создает и раскручивает некий «постмодернистский микс».

Я уже говорил, что широко обсуждавшийся перед 60-летием Победы проект одновременного прохождения праздничными колоннами эсэсовцев и борцов с фашизмом создан в рамках этого самого постмодернистского микса, в котором ценностные системы выпотрошены, превращены в чучела, муляжи. По отношению к такому миксу знаменитый сон Брежнева («на Красной площади сидят чехи и кушают мацу палочками») — это высокая классика. Потому что у Брежнева из анекдота идет склейка по принципу угроз (фрондирующие чехи, евреи-отказники, китайцы с их атакой на Даманском, диссиденты, вышедшие на Красную площадь). Человек даже во сне объединяет нечто по какому-то принципу.

Почему нужно апеллировать сразу и к Сахарову, и к «крутому мужику», понять намного труднее. Если не принять гипотезу, согласно которой новая интеллигенция, считая себя наследником перестроечной (Сахаров), выкидывает из наследства совсем уж все идеальное содержание. И на самом деле с помощью фомки, которую она именует «Сахаров», хочет открыть дверь вполне определенному зверю, способному превратить новый карнавал в весьма кровавое действо. Может быть, у этой самой интеллигенции и нет такого осмысленного проекта, но по сути все происходит именно так.

Ничуть не более понятна апелляция той же самой интеллигенции к Политковской. Политковская пыталась защищать чеченцев как слабых бедняжек, которых давит государственная машина. Латынина же не раз восхищалась «крутизной» чеченцев. Одна журналистка тоже восхищалась. И довосхищалась по принципу «за что боролись — на то и напоролись»… Кажется, ее звали Елена Масюк…

Никоим образом не злорадствую по поводу случившихся с нею несчастий. Просто обнажаю диалектику. Масюк была еще ближе к воспеванию чеченцев как крутых мужиков. А потом выяснилось, что такое «крутые мужики без прикрас». Дай бог, чтобы Латынина этого не выяснила. Но при чем тут Политковская? Политковская если и влеклась к «крутизне» чеченцев, то очень скрыто. И нет никаких оснований считать, что влеклась. Говорила она (а тут важно именно это) об их раздавленности «чудовищной госмашиной». То есть как-то пыталась одновременно по содержанию и по форме отвечать сахаровскому мифу.

Латынина содержание сахаровского мифа отбрасывает с легко заметным отвращением. Ей действительно нужен крутой мужик, а не Сахаров. Но еще ей нужно что-то взять от Сахарова. И все это обрушить на голову «проклятого чекизма», вроде бы, пытающегося из «чика» превратиться в «цык» и потому особенно отвратительного.

Но предположим даже, что Латыниной не чужд сутевой правозащитный пафос. Хотя я так не считаю. Соотношением личности и текста занимаюсь не первый год. И утверждаю, что не в правозащитность играет Латынина, а совсем в другое. Но пусть я ошибаюсь, и идет на самом деле правозащитная игра (хотя то, что я не ошибаюсь, для меня очевидно). В каком году мы живем? Что такое правозащитная игра после сгона с мест постоянного проживания нескольких сот тысяч русских? Сколько можно играть-то в одни ворота и называть себя правозащитниками?

И, согласитесь, СЕГОДНЯ правозащитность и интеллектуализм находятся в очень сложных отношениях. Они всегда не просто строили отношения. Но сегодня их отношения осложнились до крайности. Потому что правозащитность — это критика, это не содержание. Апелляция к Политковской не может избавить от необходимости анализа того, что происходит в Чечне, а также того, что там должно происходить. И этот анализ (как и проект) не может быть апофатическим. То есть основанным на описании того, что НЕ НАДО делать. Понятно, что в Чечне НЕ НАДО чинить преступлений. Но что там НАДО делать?

Порядок там НАДО наводить или НЕ НАДО? Если его не наводить, то беспорядок приволочется в Москву. Если Чечню просто отделить, отделится Северный Кавказ и загорится Волга. Да и вообще… Может ли уцелеть государство, если оно не будет наводить порядок, а его противники будут наводить беспорядок? Можно ли наводить порядок в белых перчатках?

Насилие отвратительно. Но если не будет государственного насилия, что надо противопоставлять насилию боевиков? Насилие казаков? Стычки «банда на банду»? Но махновщина не может быть идеалом. И, даже если она им и является для кого-то, это неустойчивый идеал. Что по ту сторону такого идеала? Когда он исчерпается, то что будет? Свирепая диктатура? Чья?

Понятно, когда на эту роль претендуют Робеспьер и Сен-Жюст. Но ведь не Явлинский! Не Каспаров! Не Касьянов! Или Явлинский готов стать Робеспьером, а Каспаров Сен-Жюстом? Но тогда Чечня — это Вандея. Нужно продолжать? Как говорят, «почувствуйте разницу».

Однако вернемся к теме героя. А также мифа и ценностной системы.

В самом деле, кто герой-то? Кто этот гибрид «крутого мужика» и Сахарова? Как говорилось в поэме Есенина, «я хочу видеть этого человека». Может быть, это Касьянов? Чем не склонен заниматься, так это демонизацией, но… Но дело совсем в другом. Идиотизацией-то тоже заниматься не надо. И опять же, чай, не 1987-й, когда и Ельцина можно принять за демократа. Двадцать лет прошло… И каких двадцать лет! Касьянов — это в меру позитивный и достаточно респектабельный клон той самой системы, которую так проклинает Латынина. Это ее… так сказать, «алхимическое дитя»… (рис. 82).

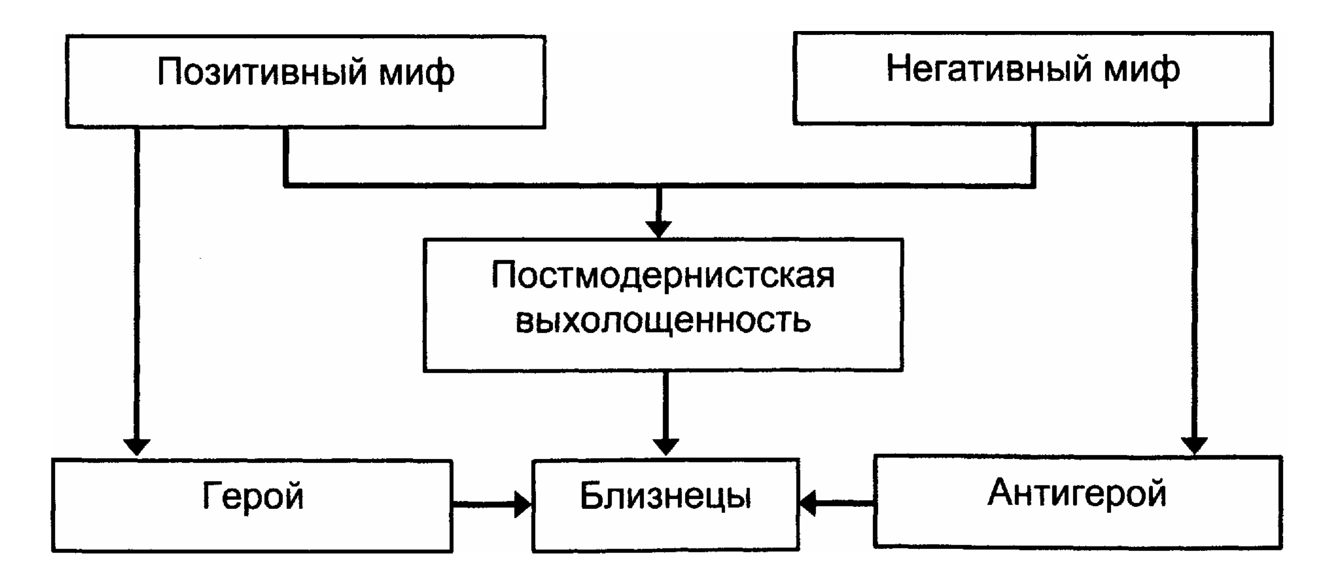

Рис. 82

Постмодернистская выхолощенность, конечно, дает возможность склеивать друг с другом все что угодно. Но это не бесплатное удовольствие. За это приходится платить высокую цену. Герой позитивного мифа выхолащивается постмодернистскими склейками так же, как антигерой. В результате герой оказывается неотличим от антигероя. Герой и антигерой становятся близнецами. У них одинаковые походки, близкая физиономистика, почти неотличимые биографии, тождественные лексика и семантика. Ну, говорит один о державности, а другой о правах человека. А у слушающего все время ощущение, что завтра они могут поменяться местами. Да и говорят они так, что интонация перевешивает содержание. Интонация же — по сути канцеляритная, что полностью отражает и общий генезис смертельных противников, и их мировоззренческую, психологическую, ментальную неотличимость, вытекающую, в том числе, из этого общего генезиса.

Хотите знать, что такое персонифицированный гибрид «крутизны» и «сахаровскости»? Это Ельцин. Ясно, что реально в гибриде перевешивает… И что там остается от «сахаровскости»… А почему тогда герой не Путин? Почему Касьянов?

Разбираемая мною неотличимость гуляет не только по московским улицам. Отнюдь не только! Возьмите коллизию Ющенко и Януковича. Как их отличить? Чуть-чуть варьируемые модификации одной и той же украинской номенклатуры среднего звена…

Список подобных двойников можно продолжить и распространить, например, на Чечню. Чем, по большому счету, А.Масхадов отличался от А.Кадырова? Или тот же Дудаев от А.Кадырова? Конечно, отличия были. Но они не носили классового, системного… я бы сказал, антагонистического и рокового характера.

Оппозиционная интеллигенция не может не только выдвинуть своего героя, но даже создать портрет оного. Ведь и для создания портрета нужны ценности. Не будет без них никакого позитивного образа вообще. А уж тем более образа, контрастного по отношению к отрицательным персонажам.

Оппозиционная интеллигенция потеряла любовь. Осталась ненависть. А ненависть ужасно легко превращается во влечение. Что мы и наблюдаем. По сути, это наш доморощенный вариант «Носорогов» Ионеско. Латынина, Пионтковский, Мильштейн — они не борются с теми, кого они назвали гадами. Потому что нет у них своего Георгия Победоносца. А значит, и ценностей своих по существу нет (скажи мне, кто твой герой, и я скажу, каковы твои настоящие ценности). Честно говоря, героями уже и не пахнет. Есть только гады. А тогда и настоящего отстранения от гадов нет. Есть их очень смачное, чувственное описание.

Которое элементарно превращается во влечение а ля «Носороги»! То есть в тяготение к аду и злу. Что и есть фундаментальное свойство карнавальной политической культуры, изобретенной «кшатриями» КГБ для восстания против «красных брахманов» и ставшей основой бытия в новой России, превращенной за счет этого в клоаку, свалку, зооциум.

Те, кто должен из этого выводить, заняты усугублением содеянного. Они не раскаиваются. Они вновь — в следующем своем поколении — организуют очередной виток нисхождения, инволюции, регресса. Организуют новую фазу того же бесстыдного карнавала.

Если бы они как-то очеловечивали предметы своего обсуждения, своей беспощадной критики — это было бы уже хоть что-то. Если бы они хотя бы косвенно — через предельную критику, соединяемую со своим (!) языком, — предъявляли иные высокие альтернативы, то критика (даже ложная или избыточная) могла бы стать носителем какого-то выхода. Но тут ни о каком выходе говорить не приходится. Критики чужого зоологизма на зоологическом же уровне клеймят тех, кого наделили зоологическими свойствами. И, делая это, утверждают всеобщую зоологию.

Это не теория заговора. Это практика рынка. Создано быдло. Теперь нужно иметь успех… У кого? У быдла, которое создано. Успех в зооциуме — это зоологический успех. Все эти диссидентско-зоологические заходы — это определенный уголок в нашем всеобщем «уголке Дурова». Это часть зооциума, не более.

А раз не более, то менее. И вот почему.

Самая грешная русская душа намертво усвоила: «Не в силе Бог, а в правде». Последний ворюга будет так говорить. Оскотинившись до последней степени, он все равно будет знать, что не мышцы, а дух решит в конечном счете все на свете. Даже грызню за место в воровском мире.

А диссиденты этой второй (не антиноменклатурной, а античекистской) волны обсуждают только одно: кто сильнее? Кто победит? Они не обсуждают, кто прав и в чем правда. Заведомо лишив объекты своей критики человеческого содержания, признавая предметом обсуждения только силу, они утверждают джунгли, зооциум. То есть ломают даже «братковые» нормы.

Но они же не братки. Латынина — не Сонька Золотая ручка. Она не рискует. Она в тюрьму не сядет. Она кишки не выпустит. Она правеж не будет осуществлять. Она терпеть в зоне не будет и цингу там не заработает. Но она берет всю братковую лексику, ментальность, делает из этого варево. И впихивает его, вбивает в глотки. Чем она отличается от тех, кто «сажает на иглу»?

Растление — оно и есть растление. Самое отвратительное, когда оно молотит под процедуру нонконформистского воспитания. Но кто субъект растления (оно же «карнавал нон-стоп»)? Занимается ли какая-то (и какая именно?) наша интеллигенция этим ТОЛЬКО по зову сердца, ТОЛЬКО в соответствии со своей органикой? Разумеется, по преимуществу это происходит именно так. Но то, что я выявил в аналитике информационной войны, позволяет высказать и другую гипотезу. Я никоим образом не считаю эту гипотезу окончательной. Но я ее выскажу. И назову «Каскад».

В основе гипотезы — представление о крахе СССР как об управляемом сбросе. Такого рода сброс возможен лишь при загнивании правящего класса. Загнивание в значительной степени является органическим процессом. Но за спиной органики чаще всего стоит субкласс-конкурент. Живописатели тоталитарного общества могли бы в своих описаниях дойти до конца и признать, что в тоталитарных обществах не народ и не исторически прогрессивные классы восстают против власти. Против власти обычно восстает ее же тайная полиция. А также возненавидевшие властную идеологию, но цепко удерживающие свои позиции во власти альтернативные элитные группы.

Но дело не в том, чтобы констатировать эту очевидность (хотя и ее оспаривают). А в том, чтобы понять, что есть два разных сценария. Восставшие могут взять на вооружение альтернативную позитивную идеологию — и тогда это гражданская война, в чем-то даже и революция. А могут действовать с позиций чисто негативной идеологии (она же карнавал). Тогда правящий класс, подвергающийся глумлению вместе с принятыми официальными ценностями, подрывается именно за счет рукотворного ценностного вакуума. После чего страна не трансформируется, а деградирует. В теории систем это называется СБРОСОМ.

Деградация происходит в том числе и в силу того, что ценностной вакуум агрессивно разрушает все социальные общности. И некому остановить эту самую деградацию. Но ценностной вакуум не может воздействовать равномерно на все группы внутри общества. Какие-то группы вакуум немедленно переводит в пылеобразное состояние. А какие-то под его воздействием трансформируются и приобретают новую социальную связность. Эта связность далеко не обязательно будет иметь благой характер. В условиях деградации она просто не может его иметь. В чем-то данная связность всегда будет сродни мафиизации.

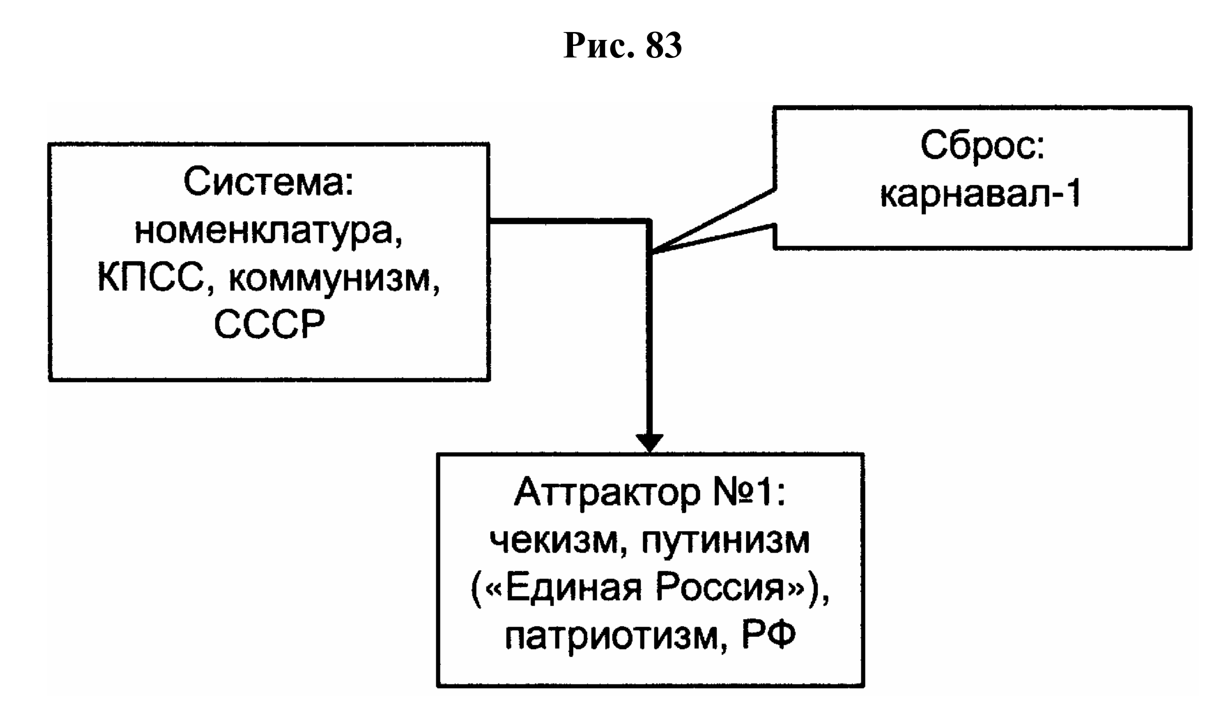
Но, каково бы ни было качество этой связности, само ее наличие сдерживает падение системы. Социальная общность, основанная на чем угодно (внутренней идеологии, стайных привычках, служебных историях, тяготении к градации по принципу «свой-чужой», профессиональных силовых навыках и так далее), образуясь, начинает подчинять себе хаос и даже создавать квазиидеологию.

В теории систем такая остановка деградации называется падением коллапсирующей системы на ее ближайший аттрактор. То есть подсистему, сохраняющую системные свойства. В нашем случае системой были КПСС и СССР. Атакуемым смыслом — коммунизм. Сбросом — перестройка и постперестройка.

Падение на аттрактор № 1 началось в момент прихода к власти Ельцина и завершилось в момент прихода к власти В.Путина. И было окончательно закреплено победой во второй чеченской войне и освобождением от некоторых наиболее одиозных элитариев предыдущей эпохи. Все это создало условную стабилизацию, которую сразу же сама партия власти назвала «застоем со знаком плюс». Где застой — там и номенклатура. Новая номенклатура — это «чекисты».

Но чекистам как номенклатуре нужна идеология. Чекизм — это не идеология. Чекизм — это внутриклассовая идентификационная квазиидеологическая конструкция. А идеология? Выдвинуть полноценную идеологию не удалось. Даже для самих себя. И тогда было сказано: «Мы прагматики». Но народу-то нужна идеология. Или хотя бы пиар на тему идеологии. Стали пиарить патриотизм. Аттракторный контур замкнулся. Это и зафиксируем (рис. 83).

Рис. 83

То, что намечается сейчас, — это новый карнавал (карнавал-2), который должен атаковать аттрактор № 1, подсистему, превращающуюся в систему. При этом атакующим желательно помешать «осистемливанию» аттрактора. То есть любым проявлениям в его естественной бессвязности каких-то идеологических артикуляций. Предположим, что атакующие преуспеют. Тогда начнется новый сброс, который остановится на новом аттракторе.

Я не буду делать однозначных выводов по поводу качеств этого нового аттрактора и его социального генезиса. Румынский прецедент говорит о том, что следующий аттрактор может быть «элитно-военным». Ясно также, что при падении на новый аттрактор изменится страна. Возникнет, так сказать, страна-2. Например, без Северного Кавказа. А также элита-2. Например, военная. Идеология-2 (или квазииделогия-2) и так далее.

Если агрессия смыслового вакуума будет продолжена, то и это будет лишь этапом перманентного сброса. Страна упадет на новый аттрактор (аттрактор-3). Поскольку этим аттрактором обязательно должны быть какие-то социальные связности (стаи), то следующий аттрактор может быть чисто криминальным. Возникнет страна-3, элита-3, идеология-3.

Такие метаморфозы в условиях разрастания социального регресса я и называю каскадом (рис. 84).

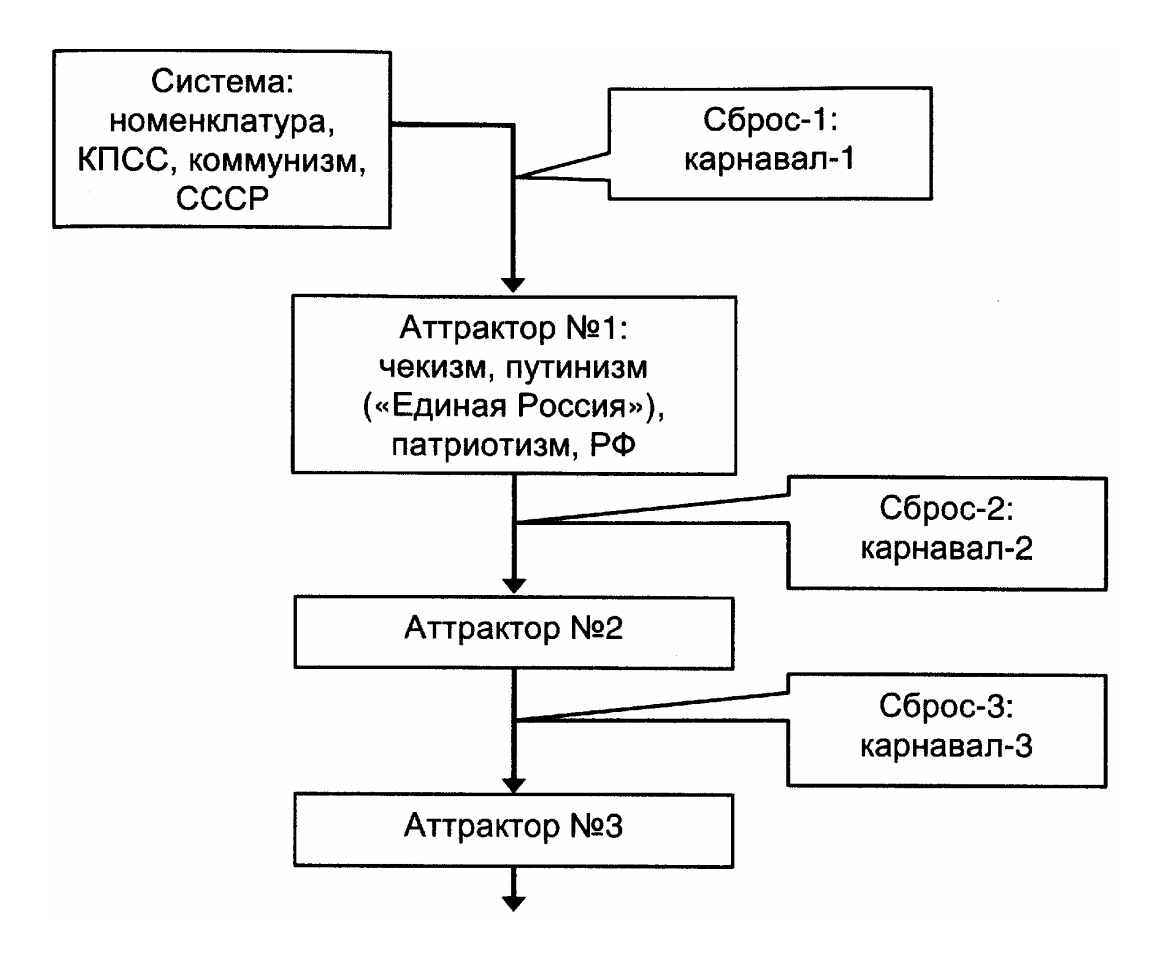

Рис. 84

Или же — социальной бездной. Меня очень забавляет причитание о том, что Россия, конечно же, в плохом состоянии, но когда она ударится о дно, то начнется возрождение.

Во-первых, никто из причитающих никогда не бился о дно. И не знает, что после этого, скажем так, необязательно начинается возрождение. Почему-то из недр моей памяти (наверное, все дело в этом самом черкесовском «крюке») возникают строки Визбора:

— А как на работе? — Нормально пока.

— А правда, как горы, стоят облака?

— Действительно, горы, как сказочный сон…

— А сколько он падал? — Там метров шестьсот…

После того, как альпинист, не уцепившийся за крюк, падает на шестьсот метров, он не воскресает, ударяясь о дно. Альпинист — не сказочная птица, не царевна, чтобы, упав и ударившись, воскреснуть в виде нового чудного существа. Альпинист — антропобиологическая система. И тем, кто использует образ спасения через удар о дно, лучше не смотреть на эти системы, когда они реально так ударяются, пролетев шестьсот метров. Потому что это очень неприятное зрелище, оно не для слабонервных.

Поэтому я и считаю, что лучше уцепиться за все, что угодно. Не только за крюк, но и за острый камень или колючий кустарник. Если гадюка тебя укусит, но удержит — и за нее цепляйся. Иначе — конец.

Во-вторых, кто сказал, что у социальной бездны есть дно? Русский язык богат. И он все внятно выражает: бездна — это то, что без дна. То есть дна нет. В антиутопии нет предельного «анти». Всегда можно создать еще более гадостную антиутопию.

У того, что я описал, есть название — контринициация. Такое название совершенно необязательно адресует к обрядам, посвящениям, конспирологии. На сегодня это уже фактически культурологический термин. Его использование позволяет как-то продвинуться в ответе на основной вопрос — кто это делает?

Из изложенного мною уже понятно, ЧТО предполагается сделать. Но есть ли у этого «ЧТО» субъект?

«А зачем он нужен? — спросят меня. — Разве недостаточно органики? Неосознанного действия конкурирующих стай, безумствующих в своей непросветленной алчности…»

Конечно, в основе лежит именно это. Но, как я уже говорил, органика и управляемость не противоречат друг другу. Нельзя по-настоящему воздействовать на процесс, если твои вынуждающие колебания не совпадают по частотам с собственными колебаниями той системы, на которую ты хочешь воздействовать.

«Но какими же свойствами должен быть наделен субъект, осуществляющий такую контринициацию? — снова спросят меня. — Чего он может хотеть в итоге? Если это мощный субъект, то у него должен быть итоговый план. Мир не выдержит многоступенчатого падения России».

У меня нет окончательного ответа. У меня фактически нет даже подходов к этому ответу. Легко тем, кто не исследует тонкую структуру реальных субъектов современной большой политики и готов наделить какую-нибудь страну (например, США) окончательной самодостаточной инфернальностью. Но начинаешь смотреть на реальность любого крупного государства, даже откровенно враждебного по отношению к России, и все эти инфернальные мифы рассыпаются. Что же остается?

Это самое слово «контринициация». Не в конспирологическом, а в культурологическом смысле. Мне помог нащупать этот смысл один публичный диспут. Хотя он и был публичный, я не буду называть его участников. Укажу только, что они имели высокий статус и немалую осведомленность. Беседуя, я задел самого компетентного и высокостатусного партнера по диалогу. Тогда партнер этот стал возражать мне и, приоткрыв карты, сообщил, что ему в одной европейской стране в ходе важнейшего разговора было сказано: «Европа мертва и будет мертва до тех пор, пока не закипит русский котел».

Фраза о русском котле, в аутентичности которой у меня нет сомнений, абсолютно равнозначна в культурологическом плане понятию «контринициация». Представьте себе некую мегамашину. У нее есть поршень под названием «Россия». Если этот поршень опускать вниз, то другой поршень с другим названием будет подыматься вверх. То есть речь шла не о банальном ограблении России (ходовая версия патриотических кругов). Но и не о тяготении к злу ради зла. Речь шла о том, чтобы энергетикой российской катастрофы подогреть остывающий Запад.

В принципе, в цель данной работы не входят предельные объяснения происходящего даже на уровне расшифровки образа котла и контринициации (или «тяги»). Для того, чтобы это расшифровать (а уж тем более наполнить доказательным содержанием), нужны отдельные исследования. Очень хотел бы более простых объяснений случившегося. Но даже если никаких других объяснений нет и надо принять это объяснение… Согласитесь, дело не в том, чтобы объяснить… Дело в том, чтобы не позволить раскочегаривать котел все больше и больше. Куда больше-то! Это единственная общенациональная и общечеловеческая задача, ради решения которой стоит работать.

Однако, кроме подобных предельных объяснений многоступенчатого сброса, необходимы реконструкции и другого рода, которые я могу назвать промежуточными. Они не дают никаких окончательных объяснений. В них нет героев и демонов. В них нет даже полной выстроенности. Но их я должен осуществить в полном объеме ради того, чтобы выполнить главную задачу данного аналитического исследования. И хоть что-то прояснить в существе и масштабе так называемых элитных конфликтов, которые я рассматриваю.

Глава 4. И все же — параполитика

Третью, предыдущую, часть своей книги я озаглавил «Мебель или параполитика?». Теперь я хочу завершить параполитическое рассмотрение элитного конфликта, которому я посвятил эту книгу. И одновременно осуществить эту самую промежуточную реконструкцию. Не заносясь в высь поднебесную окончательных объяснений, но и не заземляя все до наших, все-таки в чем-то неполноценных, элитных групп.

Определяя параполитический потенциал темы, я использовал полемику Форум. Мск. ру и left.ru. Может быть, я этим слегка изумил читателя, не знакомого с моей предыдущей книгой «Слабость силы», которая, по сути, является прологом к нынешнему исследованию.

Читатель не просто может, но даже обязан спросить меня: «А в чем дело? Почему Ваше внимание привлекли два интернет-издания, враждующие друг с другом? Мало ли еще таких интернет-изданий? Что в этих особенного?»

Правомочность этого вопроса резко возрастает в, скажем так, постбульбовской ситуации. Арест Бульбова сам по себе, жанр, в который перешел конфликт в ходе этого ареста, и статья Черкесова не просто похоронили версию о конфликте между чекистами и либералами, а, можно сказать, забили в эту версию осиновый кол. Конфликт внутри наших «кшатриев» стал непреложным фактом российской жизни. Общество оказалось абсолютно неготовым к адекватному осмыслению этого конфликта. Он слишком сложен и нетранспарентен. Но он также настолько ярок, что и не осмысливать его общество не может.

Добавьте к этому инструментальную неподготовленность общества к подобной ситуации. Это как если бы все готовились к танковой войне, а началась война в космосе. Привычные инструменты описания конфликтности были связаны с мифом о борьбе либералов и чекистов. Вместе с этим мифом исчезли и инструменты. Новые фактически отсутствовали. А если что-то и было отчасти изготовлено (в том числе и в работах моего Центра), то это «что-то» было слишком сложным для быстрого взятия на вооружение. Вообще же мы имеем некую иерархию коллизий (рис. 85).

Рис. 85

Мегаколлизия:
глобальная дебрахманизация
(глубокое истощение проекта
«Модерн»)

↓

Макроколлизия:
секьюритизация
как общезападный
(а на самом деле глобальный)
новый процесс

↓

Мидиколлизия: чекизм.

↓

Миниколлизия:
конфликт в так называемой
«чекистской среде»

Общество — даже если не хочет — не может не увидеть внутричекистской распри. То есть раскола в ядре существующей политической системы. В сущности, та детальность, с которой мы анализировали источники и сценарии, и нужна-то была для того, чтобы показать: раскол имеет далеко не периферийный характер.

Раскол в ядре политической системы может кончиться крахом политической системы, то есть очередным сбросом. В каких бы формах общество это ни осмысливало, оно не может не напрягаться, поскольку страх перед очередным сбросом очень велик. Даже если осмысление носит очень примитивные формы, порожденное им общественное напряжение не становится меньше. Даже если осмысления нет вообще, напряжение, опять же, никоим образом не снимается. Есть общественный инстинкт, и он отнюдь не убит.

Общество начинает как-то примериваться к подобной ситуации. И искать порождающие ее причины. Порождающие причины находятся внутри такого непростого явления, как «распухание» чекизма, обреченного на особую политическую роль в силу специфичности российской регрессивной ситуации. Таким образом, общество должно осмыслить еще и чекизм.

Но чекизм — лишь яркая часть всемирной «революции кшатриев». «Бушизм» — вполне сродни чекизму. А для обозначения общего перетекания власти в руки спецслужбистов или силовиков существует даже специальный новый термин — «секьюритизация».

Значит надо осмысливать еще и «секьюритизацию»?

Но она не чертик, выпрыгнувший из конспирологической табакерки. Она объективно обусловлена кризисом брахманизма. То есть всех оснований проекта «Модерн». А в общем-то и исчерпанием основных модификаций власти, возможных в современном мире.

Если нет власти, то сила начинает заменять власть. На место брахманов приходят кшатрии. Рвались ли кшатрии к этому сами или это упало им в руки в силу предельного изнашивания самих брахманов? Это, конечно, важно. Но это лишь дополнительно осложняет понимание процесса.

Предположим, что общество поймет все это сразу. Что дальше? Дальше оно должно рассматривать сложнейшие невнятные фактуры, осмысливать их. Оно к этому не готово. Если за мегаколлизией стоит гиперколлизия, то она в том, что процессы усложняются, а возможностей для их понимания — нет. И рано или поздно процессы приобретут совсем непостижимый — недоступный для разума в его нынешнем состоянии — характер.

Общество может постараться перевести разум из нынешнего состояния в какое-то другое, более адекватное ситуации. В сущности, в этом роль интеллигенции, как ее ни назови — эксперты, интеллектуалы etc. Выше, на примере со статьей Черкесова, я показал, как работают у нас эти граждане.

Но, может быть, они так работают только в России? Увы, российская ситуация, конечно же, гораздо более тягостна, чем любая другая. Однако она не отличается принципиальным образом от какой-либо другой. Например, американской. Или европейской. Она лишь утрирует некие черты более масштабной ситуации. Наблюдать эту утрировку стыдно и страшно. Но нельзя не понимать, что она сродни юродству или шутовству, в которых кривляние гротескно отражает и выражает наличествующее.

А наличествующим является неадекватное сложности процесса состояние разума во всем мире. Коллективного разума, если хотите. Это еще называется общественным сознанием. И никто не собирается его возвышать. Его хотят комплиментарно обслуживать и по возможности сводить к нулю.

Но что значит свести к нулю способность к осмыслению действительности? Привести людей в XXI веке в абсолютно животное состояние невозможно. Их можно поделить на активное меньшинство, которое все равно будет что-то как-то осмысливать, и пассивное большинство, которое откажется от осмысления и примет любые официальные или модные масс-медийные лубки за истину в последней инстанции.

Что же будет делать активное меньшинство? При том, что его планетарный объем можно ориентировочно оценить в сотни миллионов людей, а то и более. Но пусть их хотя бы пятьдесят миллионов. Это же ведь тоже огромная сила.

Начав что-то осмысливать адекватно, она не может не начать строить отношения с пассивным большинством и пытаться перетянуть его на свою сторону. Что нужно сделать для того, чтобы этого не произошло? Любыми способами не допустить изменения состояния этого самого разума (сознания и т. п.), при котором осмысление ситуации станет адекватным оной.

Активное меньшинство не может не осмысливать? Пусть оно осмысливает в неадекватных формах. А как рождаются эти формы? Процесс их рождения, укрепления и экспансии описан достаточно подробно. Прежде всего, необходимо, чтобы разум полностью пасовал перед сложностью предъявляемой ему реальности. И тем самым отказался от ее рационального описания.

Однако при подобном отказе сами попытки осмысления реальности не прекращаются (рис. 86).

Рис. 86

Раскручивается спираль усложнения реальности и разрыва между этим усложнением и состоянием разума. При этом в активных слоях необходимость осваивания этой реальности сохраняется. Смысл нужен. Но недостижим. Это порождает невроз. Не индивидуальный, а макросоциальный. Оказавшись в невротическом состоянии, социальный актив пытается освоить (то есть осмыслить) эту неподъемную для него реальность какими-то иными средствами. Не с помощью разума, раз он для этого непригоден.

Такая ситуация существовала всегда. Особенно на дорациональном — архаическом — этапе жизни общества. Люди действительно компенсировали невозможность их незрелого разума проникнуть в тайны бытия некими иррациональными (магическими, потом мифическими) компенсаторными «технологиями». То же самое происходит и сейчас. С точки зрения природы явления, нет никакой разницы между тогдашним архаическим мифотворчеством и нынешним интеллектуальным мифотворчеством, компенсирующим непостижимость новой социальной (в том числе и чекистской, шире «секьюритистской») реальности — заклятиями оной.

Первая разновидность мифов, как я уже говорил, — конспирологическая. Российское общество уже вкусило от сих даров, объелось и не хочет новых модификаций того же самого.

Возникла вторая разновидность — суррогатно-параполитическая.

Сами конспирологи, тонко улыбаясь, говорят: «Теперь уже не атлантизм и евразийство являются пряным кушаньем, а какой-нибудь Баумгартен. «Третья Барбаросса» — вот это пряность так пряность!»

Кто-то понимает, что общество находится в специфическом невротическом состоянии, и использует конъюнктуру. А кто-то хочет с помощью этой конъюнктуры усилить невроз. И поощряет конъюнктурщиков. Но я-то что делаю?

Когда я ввожу в книгу тексты left.ru или полемику этого left.ru с Форум. Мск. ру, то я не только почему-то выделяю из множества интернет-изданий два конфликтующих микроэлемента, но и как бы адресую читателя к постконспирологической шизе. То есть делаю нечто прямо обратное тому, ради чего написана книга. Книга вроде бы должна дать рациональные средства осмысления очень сложной реальности. Но зачем тогда апеллировать к альтернативным средствам?

Постараюсь объяснить, почему я это делаю и даже выношу это в отдельный раздел.

Объяснение построю сначала известным апофатическим способом. То есть вместо того, чтобы сказать: «Я делаю это потому, что…» — буду говорить: «Я делаю это НЕ потому, что…».

Я делаю это не потому, что принимаю все, что говорится в полемике, за чистую монету.

Я делаю это не потому, что считаю субъектов этих высказываний силами мирового зла или силами мирового добра. Или хотя бы крупными акторами мирового (или нашего отечественного) процесса.

Я делаю это не потому, что знаком с кем-то из находящихся по одну сторону барьера.

Я делаю это не потому, что находящиеся по другую сторону барьера несут по моему поводу чудовищную околесицу, сопровождают ее хамской ложью, угрозами, грубейшей дезинформацией по вопросам, подлинное содержание которых слишком хорошо известно очень и очень многим. Я этих «хулителей» из left.ru очень хорошо понимаю. И признаю, что сам, своими высказываниями, побудил данную нервную публику к выявлению ее неадекватности. Как просто в силу того, что высказался крайне обидным для них образом. Так и потому, что, высказываясь, проводил своего рода социопсихологический эксперимент, который сродни физическому.

Как я уже говорил, цель таких экспериментов всегда в том, чтобы, подавая правильные импульсы на вход реагирующей системы и замеряя ее реакции, восстановить характеристики исследуемой системы. Этот широко используемый в науке способ исследования систем называется «метод черного ящика». Своими импульсами, доводящими реагирующих до исступления (кто не верит, пусть проверит и убедится), я если не восстановил до конца структуру реагирующего «черного ящика», то, по крайней мере, проверил ряд своих гипотез. И получил необходимое подтверждение.

Но не это главное.

Главное — то, что я обращаю внимание читателя на определенные враждующие интернет-издания не потому, что одно из них исступленно живописует мой «порочно-дефектный» образ.

А также не потому, что оно мне угрожает.

А также не потому, что я эти интернет-издания исследую по роду профессии. Я могу их исследовать и не знакомить с результатом публику, и тем более не придавать этому ознакомлению развернутого характера.

Оговорив, что я делаю «это не потому, что — а, б, в и так далее», я очертил определенную «апофатическую» рамку. И теперь внутри нее должен размещать «неапофатические» ответы. То есть все-таки говорить, почему же я на что-то тут обращаю внимание.

Ну, не считаю я эти издания акторами мирового процесса. Так чем же я их считаю? Здесь я вновь должен использовать принцип «мини», «макси» и так далее.

Возьмем Форум. Мск. ру, который в истериках не бьется и не специализируется на совсем уж помоечных упражнениях. То, что эта моя констатация объективна, а не вызвана симпатией к одной из сторон, тоже легко проверить. Прочитать десяток статей Форум. Мск. ру, сравнить с десятком статей left.ru, количественно оценить семантику, логику и интонацию высказываний (современная структурная лингвистика и ее дочерние отрасли позволяют это сделать) и прийти к сходному с моим выводу.

Так что такое этот самый Форум. Мск. ру?

Это идеологический инструмент некоего «мини». Враги «мини» столько раз его обсуждали, что можно называть какие-то имена, а можно и не называть. Начнешь называть, надо раскрывать каждое отдельное имя. «Что в имени тебе моем?» Ну, Владимир Филин… Дальше что? Лицо с определенной биографией… И что? Ну, интересная биография, и что? То же самое можно сказать о других столь же абсолютно незнакомых мне людях, а также о единственном знакомом — Антоне Сурикове. (Из факта этого знакомства делаются фантастические выводы. Но если сделать такие выводы из всех фактов знакомства между всеми людьми на планете, получится очень сюрреалистический — и абсолютно несъедобный — компот.)

Итак, главное не в именах и не в характеристиках обладателей этих имен. А в факте, который я назвал «мини». Все эти люди занимают какие-то позиции в элите, но позиции, занимаемые ими,

отнюдь не являются ключевыми. Они не руководят спецслужбами, не ворочают колоссальными суммами. Кто-то из них умеренно по сегодняшним меркам богат, кто-то просто обеспечен. И что? Бред по поводу того, что кого-то из этих людей вот-вот назначат на какие-то сверхвысокие должности, вызывает гомерический смех во всей российской элите. Так почему их надо обсуждать? Потому что они «мини». А над «мини» есть «миди». И оно действительно есть.

Это «миди» тоже широко обсуждено в печати. И не только в пристрастно-хулительной (left.ru), но и в другой. В том числе и абсолютно респектабельной. Лица, упомянутые в печати, не таятся в глубоких подземельях. Они сами выступают под своими именами. Тот же крупный и очень толковый американский спецслужбист Фриц Эрмарт выступает в российских и зарубежных печатных органах. Он уже подробно описан в ряде исторических сочинений. Объективно описан или нет — но описан. Это одна из фигур в системе «миди». Арабский принц Турки Аль-Фейсал описан еще более подробно. В массе абсолютно объективных работ, посвященных в том числе и истории арабских спецслужб, ему дана очень высокая оценка. Родерик Брейтвейт издал две книги на русском языке. Одна из них — это его мемуары о работе в должности английского посла в Москве («За Москвой-рекой»). Другая — вполне комплиментарная по отношению к России книга о битве под Москвой зимой 1941 года. Сэр Родерик Брейтвейт выступает по каналам российского телевидения, совершенно не чурается публичности. И по своему положению, конечно, имеет все основания считаться представителем английской элиты.

В той же мере Эрмарт — представитель американской элиты.

А Турки Аль-Фейсал — представитель арабской элиты.

Над этими «мини» и «миди» не могут не находиться определенные «макси». Представители элиты — не вещь в себе. Они — части системы. «Макси» — это системы. Или части систем (элитные сгустки).

Я могу высказать произвольное предположение, что над «макси» есть еще и «мега». Но я не буду это предположение ни обсуждать, ни доказывать. Это предмет совсем других обсуждений. И если я когда-то их и поведу, то абсолютно доказательно и при столь же тщательной апелляции к открытым источникам.

Пока только предположим, что это есть. Тогда окончательная картина такова (рис. 87).

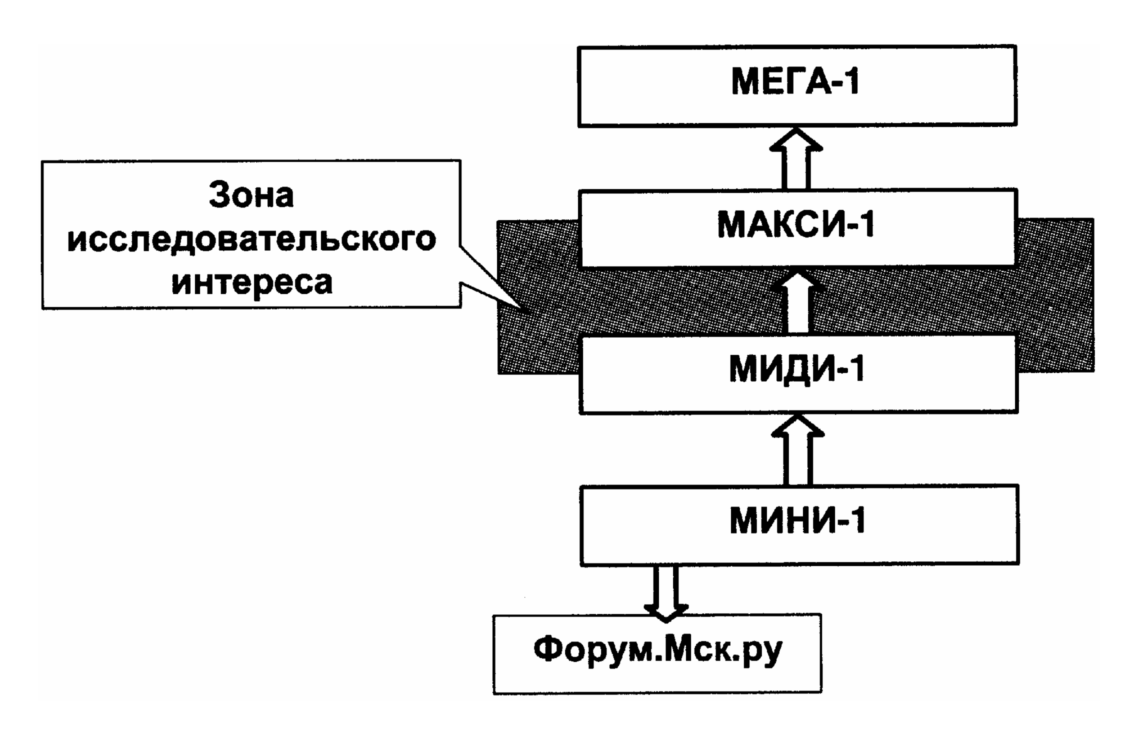

Рис. 87

Для того, чтобы не растечься мыслью по древу, я должен нечто дополнительно констатировать.

А именно, что зона моего реального исследовательского интереса, удовлетворяемого как конкретно в данной работе, так и в целом в этом жанре исследований (каковому я совершенно не собираюсь посвящать себя целиком), находится в верхней части «миди» и нижней части «макси». А также на стыке между «миди» и «макси».

Более верхние этажи надо изучать другими методами. И такие возможности есть. Разумеется, я говорю об абсолютно респектабельных возможностях, а не о подглядывании в замочную скважину.

А теперь о том, что такое left.ru.

Left.ru — это инструмент другого «мини». Назовем его «мини-2». Над этим «мини» находятся свое «миди», «макси», а возможно, и «мега» (рис. 88).

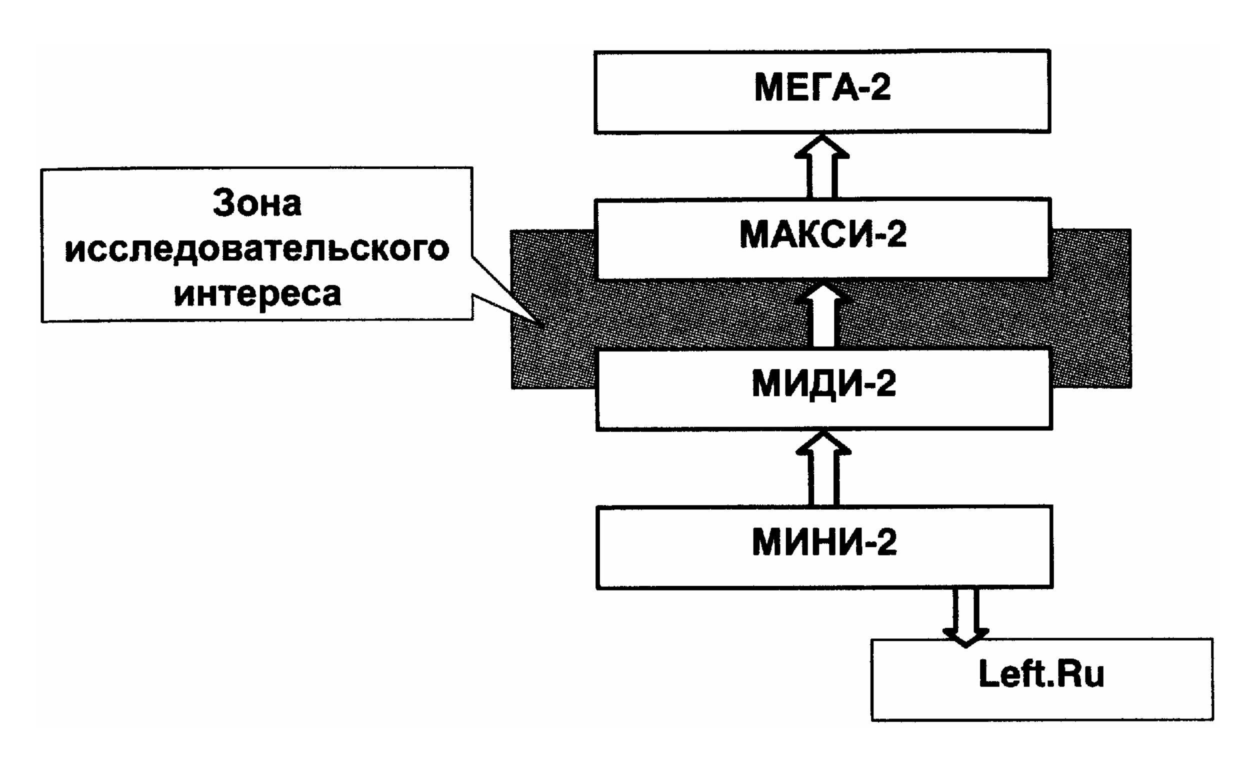

Рис. 88

И опять же, зона моего исследовательского интереса, удовлетворяемого в данной работе, находится между «макси-2» и «миди-2».

Таким образом, мы имеем дело с конфликтом двух иерархических систем (рис. 89).

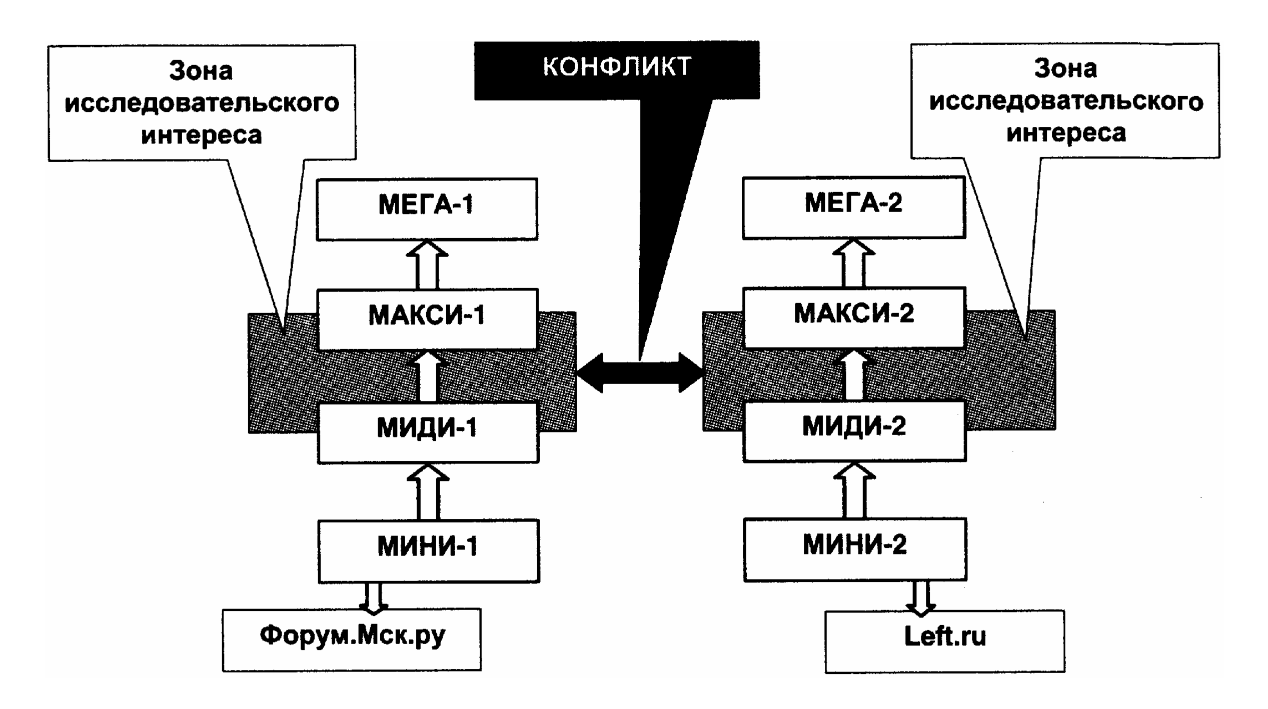

Рис. 89

Для аналитика, что-то восстанавливающего по невнятным и затертым следам, нет и не может быть мелочей. И я вынужден заниматься в том числе и стилем left.ru. Стиль этот специфичен.

С одной стороны, left.ru предъявляет вполне содержательные (и специфические в этой содержательности) материалы.

С другой стороны, left.ru надстраивает над этими материалами весьма аляповатые мифы.

С третьей стороны, left.ru очень легко срывается на тон и лексику, которую можно охарактеризовать только термином «подворотня».

Читатель сам может убедиться, что это именно так. Я же никогда не стал бы обращать внимания на подобную синкретику, тем более что left.ru третий из упомянутых мною стилей, входящих в синкретическую мозаику, адресует и конкретно в мой адрес. Уж чему-чему, а вычитанию брани по моему поводу из контента своего анализа я за двадцать лет научился.

Но я не могу пройти мимо указанной синкретичности стиля. Потому что, как мне кажется, это что-то может прояснить во внутренней структуре столь синкретически высказывающегося субъекта. Моя задача не констатировать эту синкретичность, а объяснить ее. И в ходе короткого объяснения доказать читателю, что в данном случае низкопробное слагаемое стиля left.ru указует на структурные особенности рассматриваемого коллективного персонажа.

Для того, чтобы это осуществить, мне, в сущности, надо задать один простой вопрос себе и читателю: почему Форум. Мск. ру менее синкретичен? И, при всей небезусловности его текстов, самые низкопробные обертоны и образы в них отсутствуют?

Может, я предвзят? Однако читателю легко сопоставить тексты антагонистов. Но в конце концов, мы не выдвигаем эти тексты на премию Гонкуров. Мы должны объяснить зафиксированную нами и абсолютно несомненную асимметрию.

Объяснение на самом деле очевидно. На Форум. Мск. ру выступают конкретные лица, занимающие конкретные позиции в конкретной «мини-структуре». И эти лица, в силу своего положения и элитного статуса (а это вещи разные), в силу своих связей и многого другого, не могут позволить интернет-изданию превратиться в истерическую помойку.

Эти лица и сами организованы иначе. Кто-то просто сделал или делает публичную аналитику своей основной профессией. Кто-то примеривается к чему-то такому. Отдай они интернет-издание на откуп отвязанной публике, не выступай они сами и не держи как-то руку на пульсе — очень скоро Форум. Мск. ру стал бы похож на left.ru. Это судьба любого интернет-издания данного профиля, лишенного собственной элитной персонифицированной интеллектуальной подпитки.

Но почему left.ru не имеет такой подпитки?

Почему Форум. Мск. ру открыто называет хотя бы свое «мини» и время от времени публикует даже какие-то отчеты об официальных мероприятиях этого «мини», а left.ru этого не делает?

Может быть, кто-то скажет, что left.ru — это сообщество свободных и благородных интеллектуалов, атакующих «системное зло». Да, таков миф left.ru. Но он не слишком убедителен.

Мы же договорились о другом языке. Left.ru — периферийный аппендикс какого-то контрсубъекта, атакующего субъект с аппендиксом Форум. Мск. ру. Но этот иерархический субъект, ведя атаки, боится обозначить даже «мини»-уровень своей структурности. Где «Суриковы» и «Филины» left.ru? Это ведь не Баумгартен и Штольц! Все названные персонажи — это в самом комплиментарном по отношению к ним варианте — аналогичны, например, Баранову из Форум. Мск. ру. Который не системный автор, а фактический главный менеджер и работник, имеющий литературное образование, журналистский стаж и прочее.

Ну, так и у верхушки сайта left.ru есть такие же работники. Тоже с литературным образованием и прочими профессиональными качествами. Но где авторы? Авторы, я спрашиваю, где?

Факт состоит в том, что все авторы анонимны.

Расставляя точки над «i», можно сказать, что у Баранова как журналистского шефа Форум. Мск. ру есть элитные авторы. А у Баумгартена — конфиденты, чтобы не говорить жестче. Были бы у Баранова тоже одни конфиденты, и у него на сайте клубился бы такой же истерический маразм, прерываемый отдельными интересными «сливами».

Мне могут сказать, что у left.ru нет никаких конфидентов, а есть свободный ищущий разум, который делает феноменальные открытия. Я на это отвечу, что я в аналитике в целом работаю более тридцати лет. Из них двадцать лет — профессионально. У меня не только два высших образования и прочие скромные, но безусловные научные регалии (например, степень кандидата физико-математических наук, а значит, и способность поставить элитную аналитику на математическую основу). У меня еще и семейный опыт работы с текстами, впитанный, так сказать, с молоком матери. И что такое жанр, стиль, семантика, фактурная специфика и прочее, я знаю от А до Я.

И нечего тут валять дурака! Ядром интеллектуального ресурса под названием left.ru являются профессиональные спецслужбистские «сливы». Не было бы этих «сливов» — и предмета для разговора бы не было. Но есть именно «сливы». То есть анонимки.

У анонимок есть автор — субъект, но этот субъект не хочет себя «светить». Однако, встав на путь публичной деятельности, пусть и опосредованной, субъект не может пребывать в абсолютной тени. Те, через кого он транслирует необходимую информацию (или ведет информационную войну), не роботы, а люди. Причем, как любые люди умственного труда, занявшиеся такой деятельностью, люди с амбициями и с определенной нервной спецификой. Они вообще будут проговариваться. А если их побуждать к этому, то они будут активно проговариваться. Если эти проговорки заносить в компьютер и обрабатывать по соответствующим алгоритмам, то можно понять очень многое.

В частности, то, что истерический интерес left.ru, например, к тому же А.Сурикову или В.Филину — глубоко вторичен. И еще более вторичен интерес left.ru к российской политике вообще.

Основным объектом интереса left.ru является конкретно Ф. Эрмарт. Издание создано для «сопровождения» конфликта внутри американских (а по сути — транснациональных) элит. Интерес к Ф. Эрмарту носит комплексный характер. Но стержнем интереса является деятельность Ф.Эрмарта по организации «Раша-гейта» и атакам на «Бэнк оф Нью-Йорк» (БОНИ). Достаточно такого обнаружения (а оно, я повторяю, носит математический характер), чтобы сломать абсолютную анонимность субъекта, являющегося иерархическим бэкграундом left.ru, и установить, что на уровне «миди-2» этого самого left.ru находится все тот же «Бэнк оф Нью-Йорк». А если еще точнее, то его служба безопасности, имеющая, естественно, свои корни в спецслужбистской системе США.

Соответственно, «макси-2» (равно как и «мини-2») — это некие элитные сгустки внутри американских спецслужб (по почерку — ЦРУ), которые воюют с цэрэушником же Эрмартом как элементом «миди-1» и его «макси-1» (рис. 90).

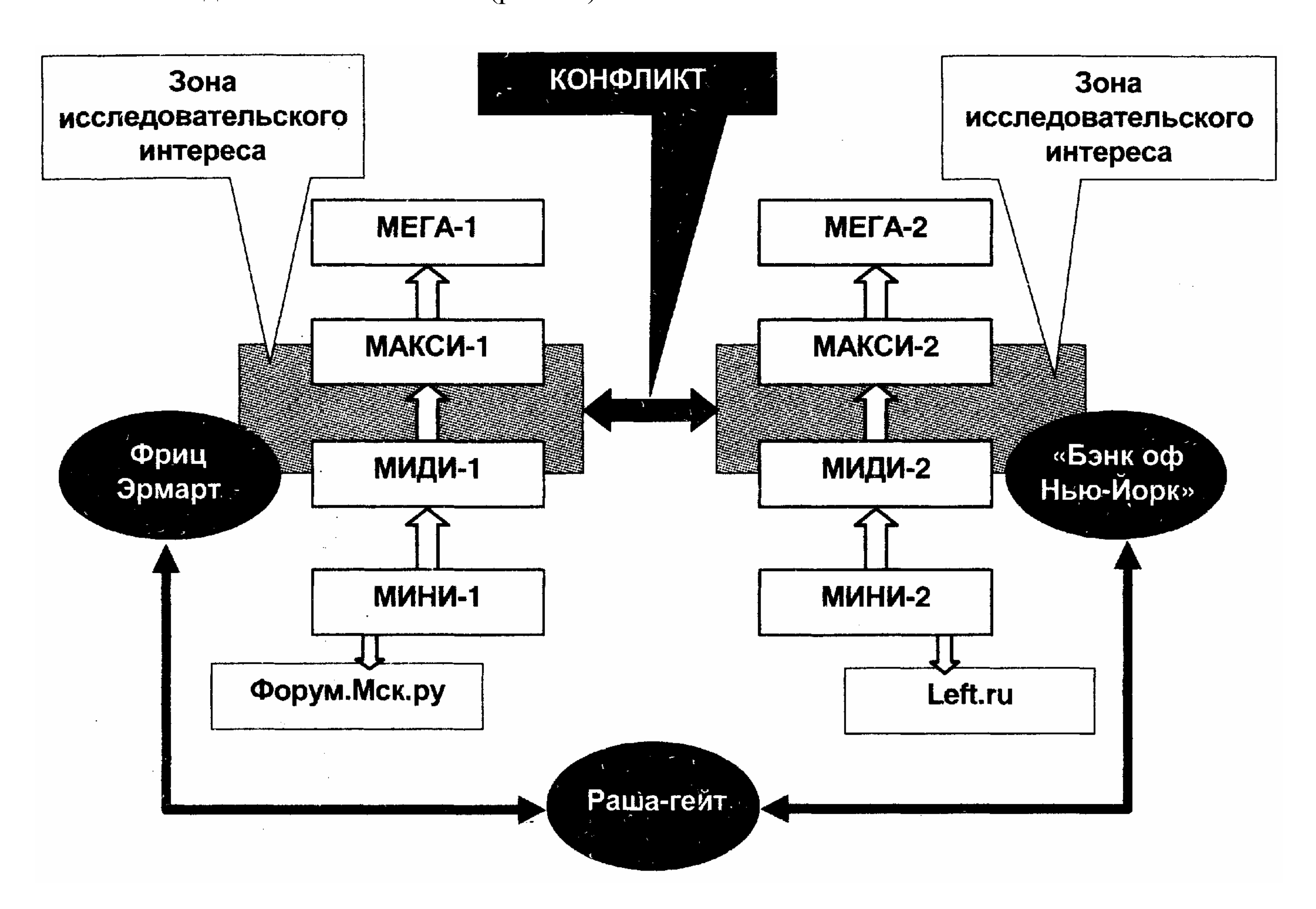

Рис. 90

А вот к этому сюжету уже прямо примыкает наша история! Вспомним, что «Три кита» прямо увязывали с «Бэнк оф Нью-Йорк» и «Раша-гейт».

Не кажется ли читателю, что такое сопряжение оправдывает мое внимание к определенным интернет-сайтам? Я так прямо убежден, что оправдывает.

Внимательный анализ этих интернет-сайтов показывает, что дружественная Ф.Эрмарту сторона данного «сайт-конфликта» заявляет о предельной близости Ф.Эрмарта и Р.Гейтса. О том же говорят другие экспертные источники.

Ф.Эрмарт — крайне компетентный и уважаемый в своем сообществе спецслужбист из разряда «бывших». Это при том, что в сообществе очень распространена шутка: «У нас бывших не бывает». И все же Эрмарт с точки зрения формально-бюрократической относится к прошлому. Со всеми шутливыми и нешутливыми оговорками. Кроме того, занимая в определенный период очень важные должности в американской спецслужбистской системе, Эрмарт никогда не был на самом верху.

Р.Гейтс — это не прошлое, а настоящее. И это именно высший уровень формально-бюрократической иерархии. Гейтс возглавлял ЦРУ с 1991 по 1993 год. А с ноября 2006 года он является министром обороны США. Люди, которые занимали сразу две такие должности, в американском спецслужбистском комьюнити — наперечет. То есть Гейтс уже является индикатором скорее «макси», чем «миди»-уровня.

Тандем Эрмарта и Гейтса (вновь подчеркну, что это не инсинуация, а констатация дружественных Эрмарту интернет-СМИ) адресует уже к чему-то большему.

К сожалению, в отношении большего приходится говорить скорее о «свете погасших звезд», а также о сателлитных структурах. Но и они не лишние. Где-то в районе интересующего нас элитно-спецслужбистского сгустка, олицетворяемого рассматриваемым тандемом, вращался, например, прославленный банк BCCI (Bank of Credit and Commerce). В этой же окрестности, как нам представляется, сложным образом размещается начинание такого крупного финансового оператора, как А.Хашоги (фонд «Медина» и другие структуры).

Конечно, речь здесь идет о сложном вращении финансовых «тел» вокруг каких-то «элитно-гравитационных масс». Причем о таком вращении, в котором нет места жестким определениям. Являются ли эти финансовые тела сугубыми инструментами? BCCI — тот вроде являлся. Являлся, потому что приказал долго жить. Исполнил свою функцию в ходе войны в Афганистане 1979–1989 годов. А потом испарился. Но ведь небесконфликтно испарился. За некоторыми из ЦРУшников, связанных с BCCI, шла охота по всему миру. А кое-кого на излете карьеры Гейтса в ЦРУ даже отстреливали. Причем недалеко от Лэнгли (рис. 91).

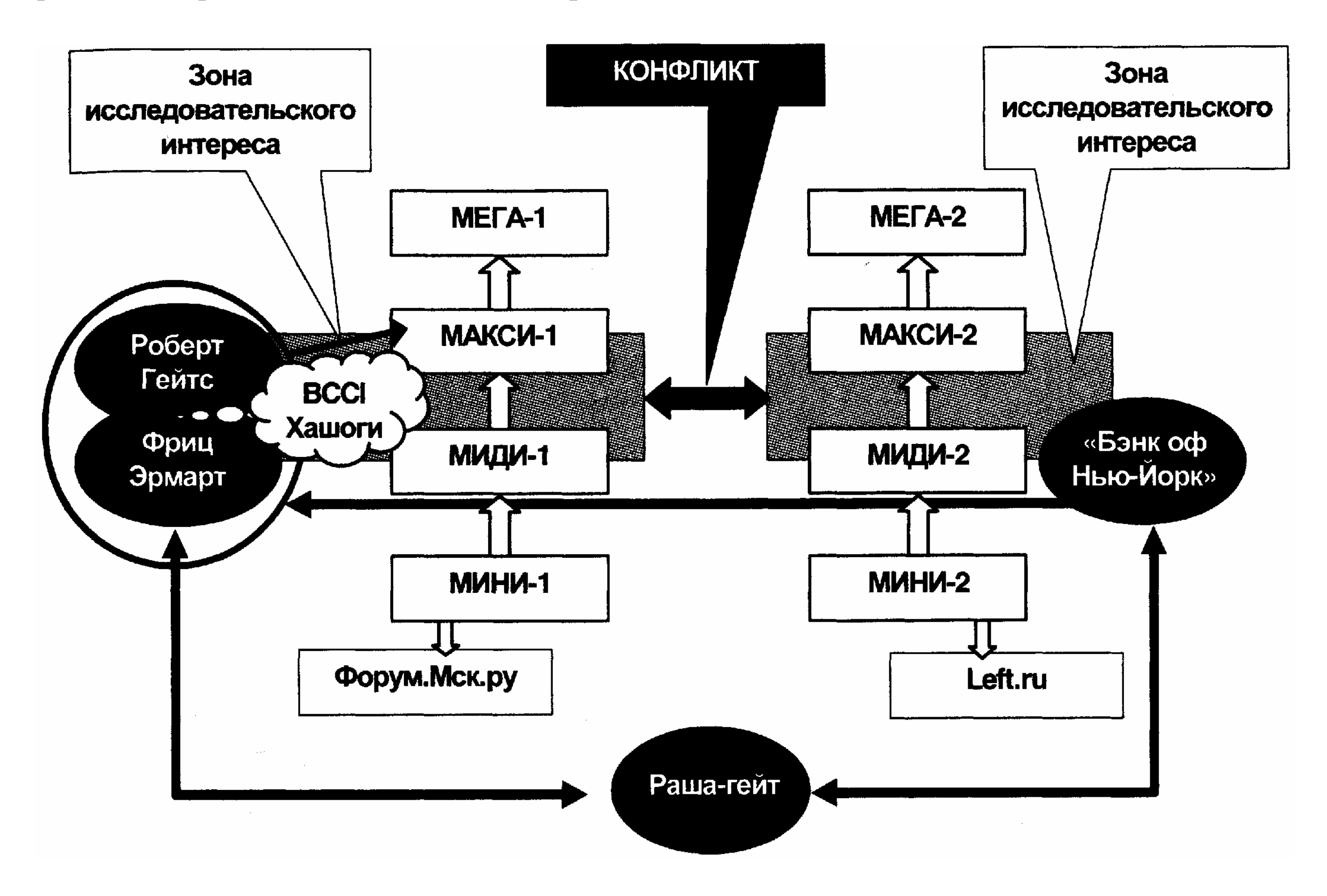

Рис. 91

Поди разбери, за что отстреливали. То ли за то, что поддерживали BCCI, то ли за то, что сдали на него компрометирующую информацию… Задача окончательного определения таких нюансов в

принципе не может решаться однозначно так называемым «внешним наблюдателем». Это доказано в теоретической физике и кибернетике. Понимание того, что нюансы нам неподвластны, делает нас осторожными в окончательных идентификациях. Но то, что вокруг «фокуса 1» вращается нечто этого типа, нам кажется очевидным. Как и то, что «фокус 1», ну, никак не обусловлен подобными вращениями. Это вращение обусловлено «фокусом 1», но не наоборот.

Зарубежный и, как мне представляется, достаточно компетентный собеседник рассказывал мне о неприятностях Р.Гейтса после прихода Клинтона к власти. Об оскорбительных для него советах вернуться «в свой фатерлянд», даваемых эмоционально возбудимыми представителями американской элиты. У меня нет оснований не верить своему собеседнику. Но и слишком активно оперировать его — по определению недоказуемой — информацией я тоже не хочу. Я вообще не люблю недоказуемую информацию.

Что же касается «немецкости» рассматриваемого мною тандема «Гейтс-Эрмарт», то, признавая ее наличие, я бы не хотел зацикливаться на подобном вопросе. Огромное достоинство американского общества в том, что этническая принадлежность действительно быстро приобретает в американском «плавильном котле» то вторичное значение, которое ей и положено иметь. Я абсолютно убежден, что и Гейтс, и Эрмарт, и действительно элитные представители «Бэнк оф Нью-Йорк», как бы находящиеся по другую сторону баррикад, — это стопроцентные американцы и настоящие патриоты США.

Князь В.Голицын (уже упоминавшийся мною ранее при рассмотрении сюжета с БОНИ) — русский в этническом смысле слова. Но он не просто гражданин США, он еще и абсолютно достойный, респектабельный член американского общества. Поэтому, как я считаю, не поиск очевидных индексов — этнических (русские, немцы и так далее) или даже политических (демократы, республиканцы) — должен оказаться во главе угла нашего рассмотрения. Нужны другие индексы, гораздо более сложные. Но их дешифровка неминуемо уведет нас в пространство «макси» и «мега». А для того, чтобы работать в этом пространстве, нужны другие аналитические аппараты, другая фокусировка темы, другой жанр, наконец.

Я только хочу обратить внимание всех участников конфликта, что над их страстями и интересами, ценностями и привязанностями парит Ее Величество Игра (рис. 92).

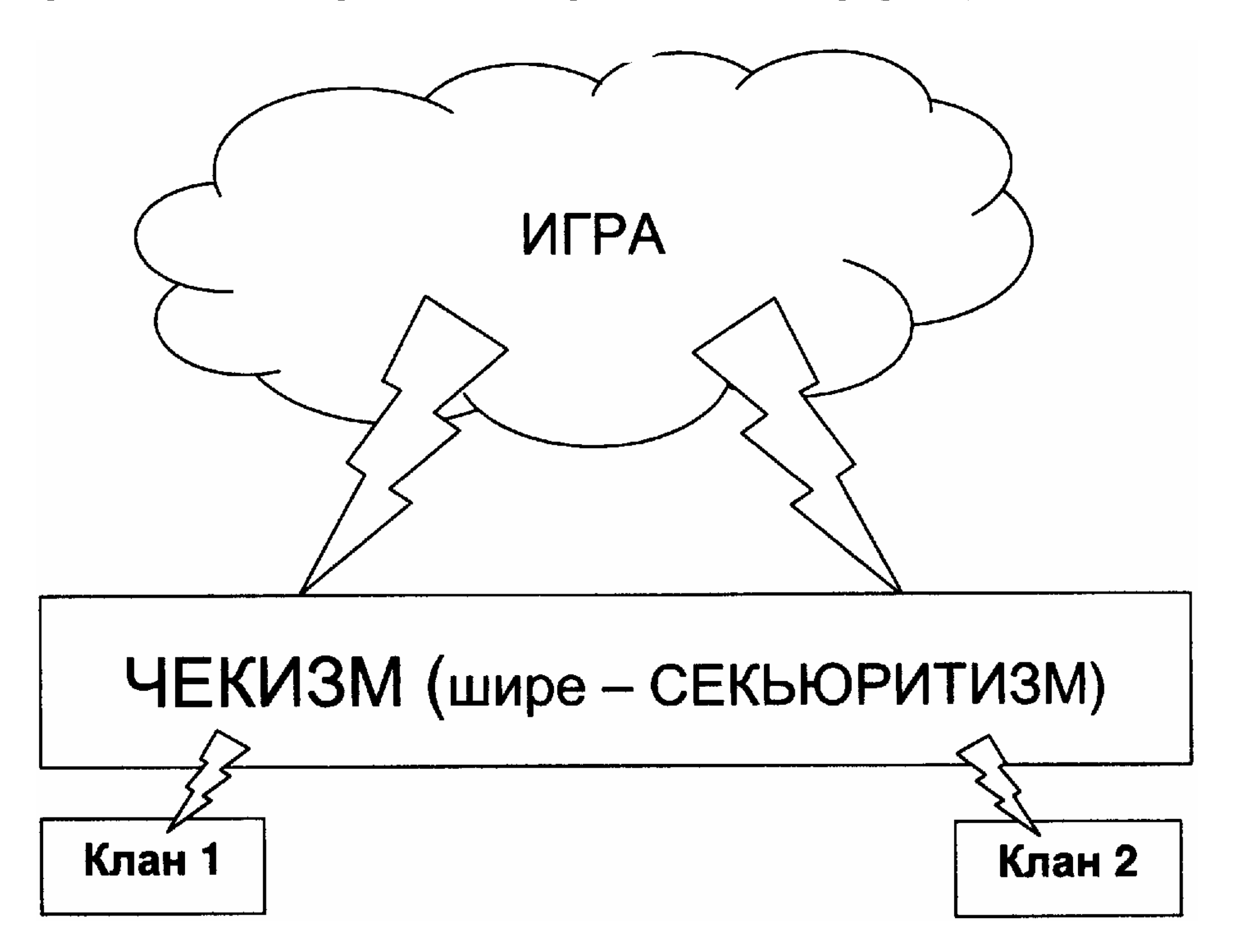

Рис. 92

Игра не управляет ситуацией. Она оказывает на нее неявное давление. Представители российских кланов, которые я исследую, такие же патриоты своей страны, как участвующие в игре американцы — своей. А также арабы и граждане других стран. Игра же по определению транснациональная. Она просто не может быть другой. Ее участники могут вообще не ощущать ее флюидов, но это не значит, что ее нет. Хотя в любом случае речь идет не об оперативном или даже рамочном управлении поведением участников. Своим поведением управляют только сами участники. Их мотивация принадлежит только им самим. Считаются они только со своими интересами, позициями, представлениями о важном и второстепенном. В этом смысле они абсолютно самодостаточны. Но это не значит, что Игры нет.

Игра влияет на происходящее гораздо более тонким образом. Это своего рода «двадцать пятый кадр». Вы его не видите, но он есть. С чем бы это еще сравнить? Сравнения здесь очень важны.

Есть такой испанский драматург Альфонсо Састре. А у него есть пьеса «Ночное нападение». Она описывает конфликт кланов. Описывает его совсем иначе, чем классическая драматургия Шекспира. Кланы и понимают, почему враждуют, и не понимают одновременно. И когда кто-то начинает докапываться до сути конфликтогенной мотивации, она уходит в иные исторические глубины. И тогда герои, пытаясь понять самих себя, говорят, что в конфликтогенности виновата Жара. Да, именно Жара с большой буквы. Тот, кто был летом на Сицилии или на юге Испании, понимает, что это такое. «Здесь очень жарко», — говорит один из усталых героев. «Да, очень», — подтверждает другой.

Так вот, Игра — как Жара у Састре. Она и ни на что не влияет, и многое определяет. Впрочем, мой жанр имеет жесткие лимиты на образность. А описывать игру можно, только доверяя игровому слуху, игровой интуиции читателя. Потому что, если этой интуиции нет, можно объяснять как угодно. Нагромождать образы… Вычерчивать рациональные схемы… Все без толку.

Исчерпав скромные образные лимиты, диктуемые жанром, я хочу опуститься с игровых небес на землю и предложить к рассмотрению читателя некий документ. Я-то считаю, что это потрясающий документ. Очень важный для понимания описываемого мною конфликта и абсолютно конкретный.

Документ этот представляет собой размышление аналитика В. Филина, опубликованное на все том же Форум. Мск. ру. Оно датировано 24 июня 2006 года. К этому моменту конфликт вокруг «Трех китов» разгорелся не на шутку. Устинов был уже снят и перемещен в Минюст. А я разбирал на своих семинарах ситуацию в серии докладов, которые и легли в основу данной книги. В.Филин профессионально отреагировал на все вместе: и на разного рода рефлексии, и на саму ситуацию. Отреагировал он настолько емко, что мне почему-то хочется без всякой иронии назвать его реакцию «меморандум Филина». Я прошу читателя, который хочет что-то понять, вчитаться в каждое слово этого документа. Учтя при этом, что данный документ есть открытое высказывание серьезного и компетентного человека, а не моя необязательная пунктирная пометка, основанная на частной информации. «Меморандум Филина» состоит из нескольких частей. Первая из них содержит в себе краткое и не лишенное внутренней иронии изложение официальных версий того, чему я посвятил данную книгу. Соответственно, эта первая часть не должна содержать и не содержит ключевой информации, но я все равно знакомлю с нею читателя.

««Сильная рокировочка» Владимира Путина, поменявшего местами Владимира Устинова и Юрия Чайку, происходит на фоне реанимации тянущегося вот уже шесть лет дела «Трех китов», которое вызывает немалый интерес у общественности. При этом, что неудивительно, никто не верит в официальную на сегодняшний день версию.

Согласно этой версии, честные работники МВД и таможни Зайцев и Файзулин пытались вывести на чистую воду «контрабандиста «Зуева, но это им долго не удавалось, так как Зуев якобы за 2 миллиона долларов приобрел себе «крышу» в лице неких высокопоставленных работников ФСБ и Генпрокуратуры.

Фамилии членов «крыши» официально не называются, но досужие журналисты прозрачно намекают на бывшего первого (так в тексте — С.К.) замдиректора ФСБ Юрия Заостровцева, первого заместителя Генпрокурора Юрия Бирюкова и даже Владимира Устинова.

Так или иначе, но решительное вмешательство в ход расследования самого президента несколько лет назад, согласно версии, помогло, наконец, правда только сейчас, восстановить справедливость».

Завершив с официальной версией, В.Филин дает короткую связку, в которой он, как представляется, неявно адресуется ко мне и моему аналитическому центру. Почему к нам? Потому что в рассматриваемый период никто, кроме нас, не давал никаких развернутых описаний происходящего, альтернативных распространенной версии, которую В.Филин иронически излагает.

Нашу версию В.Филин называет экзотической. И предлагает рассматривать ее как некий «кошмарный сон». Или произведение искусства. Я абсолютно согласен с такой оценкой Филина и сам хочу рассматривать свою версию именно так, как он ее рассматривает. Я просто не знаю, как мне проснуться. И все. Впрочем, совершенно неважно, к нам ли адресуется Филин. Важно то, что он противопоставляет распространенной версии (изложена мною дословно) другую (экзотическую и т. п.). Поскольку распространенной версии Филин явно не верит, то экзотическая не может его не заинтересовать.

Итак, связка, которая следует непосредственно за тем, что я назвал первой частью «меморандума Филина».

«Помимо официальной, существуют и другие версии происходящего. В том числе и самые экзотические, которые, конечно же, будем так считать, ничего общего с реальностью не имеют. Согласно одной из них, мнимая (или действительно имевшая место, что в данном случае не так уж и важно) контрабанда мебели через подмосковные и питерские таможенные терминалы во второй половине 90-х годов якобы была прикрытием для торговли оружием, в том числе в Чечне, с сопутствующим шлейфом из наркотиков и «отмывания» денег, включая использование «Бэнк оф Нью-Йорк». Дескать, выведя средства, полученные преступным путем, некие злоумышленники (не Зуев, конечно), прокрутили их на Западе и в оффшорах, а затем, когда не смогли надежно разместить там, принялись разными путями возвращать и вкладывать их в России. В том числе (но не только и не столько) через ввоз мебели и строительство гигантских торговых объектов вокруг МКАД».

А теперь начинается главная — вторая — часть «меморандума Филина». В своей связке между первой и второй частью он организует что-то вроде виртуальной ситуационной комнаты, в которой могут встретиться те, кто не верит в общепринятую версию и что-то знает о происходящем. Один из зашедших в эту ситуационную комнату, как мне представляется, является по совместительству автором этой книги. Может быть, я ошибаюсь. Это, в сущности, никоим образом не сказывается на ценности второй, и решающей, части «меморандума Филина». Но мне кажется, что я не ошибаюсь.

Другой посетитель той же виртуально-ситуационной комнаты — это сам В.Филин. Или некое сообщество, которое я выше назвал «мини-1».

В.Филин, встретившись в виртуальной комнате с виртуальным же собеседником, как бы говорит ему: «Слушай, ты что-то тут такое небезынтересное сочиняешь. В любом случае, это ближе к делу, чем официальная туфта. И я не могу быть к этому безразличным, поскольку, в отличие от тебя, как-то с этим соприкасаюсь. Соприкасаясь, я что-то чувствую. И могу тебе сказать одно: черт тебя знает, может быть, ты прав, а может, нет. Но только ты знай, что я, да и все мы тоже не лыком шиты. Не заносись, не думай, что ты обязательно прав. А если хочешь разбираться, то прими подарок «от нашего стола — вашему столу»».

Но, может быть, я зря выдумываю этот виртуальный разговор? Может быть, я зря читаю текст Филина структуралистским и постструктуралистским методом в духе полифонии, описанной М. Бахтиным в его превосходной книге «Поэтика Достоевского»?

Пусть решает читатель! Я же просто привожу ценнейшую вторую часть «меморандума Филина», следующую прямо за связкой, которую я подробно (и возможно произвольно) расшифровал. В конце концов, не моя расшифровка — главное. Главное — фактура. Цитирую:

«Следует отметить, что среди сторонников этой версии, несмотря на то что все они дружно считают узника СИЗО Зуева подставным лицом, существуют разные точки зрения относительно ряда других немаловажных вопросов. Перечислю некоторые их них:

1. К кому все-таки на самом деле был ближе бывший первый (так в тексте — С.К.) замдиректора ФСБ Юрий Заостровцев — к Игорю Сечину или, может быть, к Николаю Патрушеву?

2. Кто инициировал якобы имевший место обыск в гараже уже отставленного чекиста, в ходе которого там, дескать, было обнаружено более четырех центнеров купюр зеленого цвета?

3. Первый заместитель и давний соратник Владимира Устинова Юрий Бирюков, когда он якобы требовал закрыть дело «Трех китов» и наказать следователя Зайцева (осудить на два года условно и без зримых последствий для дальнейшего прохождения службы этого человека с судимостью в рядах МВД!), был ли в своих действиях достаточно искренним? Или, может быть, допуская массу «досадных» профессиональных «ошибок», прокуратура как бы специально в течение длительного времени держала следствие в состоянии «stand by».

4. Какие цели преследовали близкие к Патрушеву руководители МВД Борис Грызлов и Рашид Нургалиев, когда они публично настаивали на продолжении открытого при их не питерском предшественнике Владимире Рушайло дела «Трех китов»: добраться до глубинных истоков или побыстрее посадить Зуева и других «фунтов», обрубив тем самым концы? Аналогичный вопрос есть и в связи с мотивами в деле Бориса Гутина.

5. С кем были сопряжены таможенные брокеры в Нарофоминске и некоторых других местах: с «Промэкспортом» и армейскими спецслужбами или же, при формальной сопряженности с ними, фактически с какими-то группами из ФСБ, в том числе через агентурные отношения по линии военной контрразведки? И, если имело место последнее, не означает ли оно, что кто-то попытался залезть в чужой огород и из-за этого-то и разгорелся весь сыр-бор?

6. Не стало ли данное «залезание в чужой огород», включая «отмывание» через «Бэнк оф Нью-Йорк», если все это, конечно, имело место, одним из мотивов, по которым определенные люди в России активно помогли раскрутке международного скандала «Раша-гейт», инициированного американскими республиканцами против Альберта Гора в преддверии президентских выборов в США?

Я ответов почти на все эти вопросы не имею. Однако в принципе, в рамках изложенной выше версии, понятно, в интересах какой из двух основных конкурирующих силовых групп президент уволил генералов ФСБ Фоменко, Колесникова и Плотникова, дал санкцию на отзыв сенаторов Гутина, Сабадаша и Саркисяна, переподчинил таможню соратнику Устинова и Сечина Михаилу Фрадкову, отправив в отставку ее прежнее руководство. Объяснимо и то, почему глава государства все эти годы держал дело «Трех китов» под личным контролем.

Однако что означает «сильная рокировочка» Чайка-Устинов? Путин решил несколько уравновесить враждующие кланы в своем окружении? Вполне возможно. Предоставить Владимиру Устинову, как одному из потенциальных кандидатов в преемники (хоть и не основному), более спокойное и безобидное поле для занятия публичной деятельностью? Тоже не исключено, хотя и вряд ли.

Но что уж абсолютно точно, так это то, что никакие должностные прегрешения Генпрокурора не могли стать истинной причиной отставки, какие бы полученные от Фридмана листочки с якобы собственноручно нарисованными прокурором цифрами, стрелками и названиями финансовых учреждений ни демонстрировались бы первому лицу.

Так или иначе, версий вокруг последних подковерных событий, включая дело «Трех китов», ходит масса, как к ним относиться — дело вкуса. Настораживает то, что вокруг этого поистине марафонского дела и смежных подобного рода скандалов в России и Украине по оружию успел образоваться кровавый след от многочисленных трупов свидетелей и фигурантов. Между тем основные участники процесса клановой склоки в преддверии 2008 года продолжают мутузить друг друга все сильнее и сильнее, что явно добром не кончится.

Мне кажется, что при абсолютно нулевом идейном смысле такого конфликта среди силовиков, число внезапно скончавшихся от сердечных приступов и утопленников сегодня и так уже превысило пределы здравого смысла. Так не пора ли, наконец, остановиться?»

«Пора!» — поддерживаю я всей душой Филина. Еще как пора! Потому что если не остановиться, то элитный конфликт запустит крупные политические процессы, в которые окажутся втянуты отнюдь не только элитные игроки. Они-то могут играть до второго пришествия. Игра — это их судьба! Но это ИХ судьба! Игра не должна выйти за свои пределы и оказаться источником страданий и гибели целых народов.

Это не пафос. Я понимаю, что игрокам наплевать на народы. А если даже им не наплевать, то Игре наплевать. Она так устроена. Но, помимо Игры, есть История. Как только игроки задевают исторические нервы (а они готовы задеть их и вот-вот заденут), джинн выходит из бутылки. Первыми он, конечно, сожрет игроков. Но он на этом не остановится.

Филин может не любить Россию. Это его право. Но, судя по его статьям, он любит Украину. Если джинн выйдет из бутылки и просто заглянет на незалежную… Украинский народ весьма сдержан. Но эта сдержанность не помешала событиям, описанным Гоголем в «Тарасе Бульбе». Память обо всем хранится в украинской душе. О взаимных обидах, политических, идеологических, классовых, конфессиональных, цивилизационных конфликтах. Любая память может проснуться. Конечно, это труднее сделать, чем при разжигании армяно-азербайджанского конфликта. Но, глядя на мирный Баку 1978 года, тоже трудно было представить себе тот Баку, каким он стал десятилетием позже.

Впрочем, это уже отступление от темы. Важное, но отступление.

«Отступление от темы!» — останавливаю я себя. И вместе с читателем снова всматриваюсь в список вопросов Филина. А также в его реакцию на собственные вопросы. Предъявив их, Филин констатирует: «Я ответов почти на все эти вопросы не имею».

Имеет или нет ответы на эти вопросы Филин — знает только Филин. Что тут значит «почти», знает тоже только Филин. Если у него нет ответов «почти» на все вопросы, то у него есть ответы на какие-то вопросы. На какие именно? Филин сознательно загадочен и не может быть другим. Но и я, разгадывая загадки (а они этого стоят), не могу не обратить внимание на то, что задаваемые Филиным вопросы построены определенным образом. Что в них уже фактически содержатся некие неявные ответы. И если эти ответы суммировать, то получается следующая параполитическая картина все того же «мебельного» дела, будь оно трижды неладно.

«Наезды» на «Три кита» и Зуева образца 2000–2003 годов — это попытка «ущучить» «зиц-председателя», от которого тянется ниточка к подлинным хозяевам ситуации. То есть к тем группам, которые организовали систему проводок денег через «Бэнк оф Нью-Йорк». А эти группы, безусловно, уже в существенной степени транснациональные.

При этом данные группы (условно — клан БОНИ) были сопряжены с определенными кругами в ФСБ (видимо, в военной контрразведке и не только), которые использовали таможенные терминалы Подмосковья для совершения сделок с оружием. Причем Филин интерпретирует данные операции, как «залезание в чужой огород». В самом первом приближении речь о том, что «чекистские группы» посягнули на «кровное» своих «соседей» из ГРУ. Однако, видимо, речь идет о гораздо более сложном явлении.

Группы, использовавшие БОНИ как своего оператора, были (в плане упоминавшихся мною флюидов игры) неявным и совершенно ими не ощущаемым образом инкорпорированы в то, что я называю «мини-2», «миди-2», «макси-2» и так далее. Соответственно, «обиженные» ими кланы и фигуры просто не могли волей-неволей не оказаться по этому же принципу флюидов игры (и не более того!) инкорпорированы в то, что я называю «мини-1», «миди-1», «макси-1» и так далее. Скандал с БОНИ — это ход в игре. Уровней и смыслов у игры много. Наверное, один из них условно может сопрягаться с борьбой американских партий: Демократической («миди-2» и так далее) и Республиканской («миди-1» и так далее). Но это не более чем условная маркировка. Повторяю, у игры очень много уровней и смыслов.

В.Филин утверждает, что «определенные люди в России активно помогли раскрутке международного скандала «Раша-гейт»«. Это интересное утверждение. В моей терминологии — сугубо игровое.

Далее условный транснациональный «клан-2» (опять же «миди-2» и так далее), если верить Филину, начал «заметать следы», инициировав посадку Зуева и других фигурантов дела «Трех китов». В свою очередь, противоположный «клан-1» («миди-1» и так далее) в лице Устинова, Бирюкова и других начал активно спасать Зуева.

Если данное утверждение соответствует истине, то Зуев просто не мог не переметнуться от условного «клана-2» (международный индекс БОНИ) к условному «клану-1». А что значит «он переметнулся»? Кто-то скажет, что русская действительность очень груба и переметнуться — значит просто «заносить» в нужное место. Но русская действительность хотя и груба, но иначе. Если дело крупное, то никакими «заносами» его не исчерпаешь. Необходимо в каком-то смысле перевести под нового покровителя всю сложную (вновь подчеркну — если дело серьезное) и комплексную (смотри пункты в «меморандуме Филина») инфраструктуру совокупного бизнеса.

Однако предположим, что Зуев, ошалев (а его можно понять), стал, понимая или не понимая, что он творит, переводить инфраструктуру бизнеса под контроль своих новых клановых патронов. Но ведь эта инфраструктура во многом уже носила транснациональный характер!

Значит, Зуев должен был так договориться со своими новыми клановыми патронами, чтобы они помогли ему сохранить зарубежную часть инфраструктуры (каналы поставки мебели, системы финансирования и многое другое).

Здесь возникает существенный вопрос. Почему условный «клан-2» («миди-2» и так далее) начал «обрубать концы» именно с Зуева? Причин может быть много. Однако одна из наиболее высоко вероятных заключается в том, что Зуев мог просто «сдать» тем силам, которые помогали раскручивать «Раша-гейт», все имеющиеся у него «завязки» и фактуру в обмен на покровительство и какое-то место в процессе.

Такая версия не кажется нам особенно экзотичной, если учесть, что два других фигуранта дела БОНИ — Л.Эдвардс и П.Берлин — начали активно сотрудничать со следствием, отделавшись минимальным наказанием. Ни Н.Гурфинкель, ни князь В.Голицын хоть и не понесли серьезных наказаний, но со следствием сотрудничать в формате Эдвардс и Берлина не стали.

Косвенным подтверждением вышеизложенной версии является просто сопоставление дат.

Скандал с БОНИ в США начался в августе 1999 года.

Скандал вокруг «Трех китов» в России начался ровно спустя год — в августе 2000 года.

За этот год — с августа 1999 года по август 2000 года — в России сменился глава государства. А выборы американского президента должны были состояться через три месяца — в ноябре 2000 года. Такое совпадение скандалов с выборами президентов РФ и США вряд ли было случайным. И не исключено, что условный «клан-2» (маркируемый БОНИ), который к августу 2000 года оправился от первоначального шока, связанного с первыми этапами дела БОНИ, нанес контрудар в виде попытки «посадки» Зуева и К°.

Перипетии этой истории мы изложили выше.

Неописанным остался один параполитический «хвостик» истории. Поразительным образом тоже связанный со всеми вышеозначенными «мини», «миди» и «макси».

Этот хвостик можно называть «антифарвестовской мифологией» в варианте Баумгартена (то есть в варианте наших «мини-2» и так далее). На чем же основаны эти мифологизации в исполнении «мини-2» (и, как мы можем предполагать, в интересах стоящего за ним «миди-2», маркируемого БОНИ)?

Эти мифологизации основаны на обвинениях, выдвинутых в адрес FarWest С.Петровым.

В январе 2004 года бизнесмен С.Петров разместил на сайте «Компромат. ру» свое интервью под названием «Откровения беглого кремлевского финансиста», в котором он обвинил В.Филина и ряд его деловых партнеров, среди которых был и постоянный автор сайта Форум. Мск. ру А.Суриков, в краже у так называемых «кремлевских чекистов» 39 миллионов евро. Вскоре после этого появилось сообщение о гибели С.Петрова в Южной Африке в результате покушения.

Филин и его партнеры в своих публичных высказываниях отрицали причастность к инкриминируемым им Петровым деяниям, а также свою возможную причастность к его гибели. Однако они не отрицали того, что имели общие дела с Петровым, которые привели к конфликту между партнерами и расставанию.

Вот, например, что говорил В.Филин осенью 2005 года:

> «Сергей Тарасович Петров одно время был моим заместителем. Затем у нас произошел внутренний конфликт, и наши отношения испортились. Сергей Тарасович стал инициатором появления в Интернете «компромата», направленного против меня и моих партнеров. Одновременно, уйдя из агентства (имеется в виду закрытое в начале 2006 года консалтинговое агентство FarWest LTD, зарегистрированное в Швейцарии. — С.К.), он нашел себе так называемую «крышу» и занялся рискованными финансовыми делами на грани шантажа, мошенничества и вымогательства. На этом он нажил себе много влиятельных врагов. Кто-то из них с ним и расправился».

Высказывание В.Филина цитируется по статье Н.Роевой «Организованное преступное сообщество и «принципиальный правозащитник»», опубликованной на сайте «Правда-инфо» 14 сентября 2005 года. Сайт «Правда-инфо» до конца осени 2005 года активно предоставлял свои страницы авторам Форум. Мск. ру.

В той же статье приводится и другое высказывание Филина, посвященное бизнесу его партнеров в российских портах. Вот эта цитата:

> «У нас практически нет уже интереса в российских портах. Украина для нас сейчас более привлекательна, чем Новороссийск. А в Санкт-Петербурге мы никогда не работали. Там работают наши партнеры — участники внешнеэкономической деятельности, которых в 2000 году привели ныне покойные Сергей Тарасович Петров и Роман Игоревич Цепов».

Филин мягко и очень тактично интегрирует С.Петрова с бывшим главой охранной фирмы «Балтик-Эскорт» Р.Цеповым.

Фигура Цепова, как нам кажется, в особых представлениях не нуждается. Тем не менее мы для строгости изложения вынуждены вкратце изложить общеизвестное. В открытой печати много раз обсуждалась тема близости Р. Цепова (представителя охранного бизнеса Петербурга) с крупными представителями российской элиты.

Отметим лишь один аспект «цеповской темы» — его странную смерть от отравления в сентябре 2004 года и некоторые обстоятельства его похорон. Публично зафиксирован и растиражирован множеством СМИ факт присутствия на похоронах Цепова влиятельных фигур из числа руководителей правоохранительных органов. Среди них особенно выделялся глава личной охраны Путина В.Золотов.

Именно факт присутствия Золотова на похоронах столь сложной и неоднозначной фигуры, как Цепов, привлек внимание некоторых представителей СМИ. Например, статья корреспондента «Известий» Е.Роткевич, опубликованная 28 сентября 2004 года, называлась не иначе, как ««Серого кардинала Кремля» похоронил начальник охраны Владимира Путина».

Вот как описывает Роткевич пребывание Золотова на похоронах Цепова:

> «Виктор Золотов прибыл одним из последних и сразу прошел к гробу. Как только началась служба, он молча зажег свечу и истово крестился вместе со всеми».

Мы не делаем окончательных выводов, но не можем не зафиксировать того момента, что присутствие на похоронах Цепова такого не просто влиятельного, но и крайне занятого и явно непубличного человека, как В.Золотов, может свидетельствовать в пользу версии о наличии между Цеповым и Золотовым неформальных личных и деловых отношений.

Мы никого не хотим этим скомпрометировать. Просто указываем на еще одну внутриэлитную связку, зафиксированную в прессе через детальное описание характера отношений между Золотовым и Цеповым. Даже если СМИ искажают характер отношений, они не могут это делать случайно. А значит, и искажение должно стать предметом нашего внимания. А если СМИ не до конца искажают эти отношения или не искажают их вовсе? Что плохого в наличии отношений между двумя людьми? Чем отношения с Цеповым могут криминализовать Золотова?

Итак, представим себе версию, в которой обсуждаемая в СМИ связь между В.Золотовым и Р.Цеповым не выдумка. И С.Петров действительно перебегает на сторону В.Золотова по тем или иным причинам. Что это означает в плане игры (а никакие другие смыслы происходящего нас просто не интересуют)?

Это означает, что вся транснациональная совокупность, которую мы назвали «1» («мини-1», «миди-1» и так далее), автоматически оказывается антагонистом вошедшего в такую игру В.Золотова. Она просто не может не стать антагонистом, вне зависимости от того, вошел ли В.Золотов в эту игру на самом деле, приписали ли ему это вхождение. Еще меньшее значение имеет, понимает ли В.Золотов какие-нибудь нюансы чего-то из того, что здесь излагается. Он может быть абсолютно чужд этому. И, как многие его коллеги, считать, что жизнь проще. Он может (и даже должен) гораздо лучше нас понимать реальную структуру собственных действий. Но одно дело — собственные действия и мотивы, а другое дело — контекст. То самое игровое облако, из которого бьют молнии.

Молния, ударившая в Цепова, совсем не обязательно должна быть единственной. Игра не окончена и не может быть окончена. В этом выводе, возможно, какая-то польза от нашего повествования. Да, Оскар Уайльд говорил, что всякое искусство совершенно бесполезно. Но Достоевский верил, что искусство через красоту спасет мир. Нам ближе — и в отношении обычного искусства, и в отношении искусства аналитики — вторая, не британская, а русская версия.

Но вернемся от Достоевского к Петрову и Цепову (мир их праху). Вспомним фразу Филина о том, что многовато трупов в этой непрозрачной истории. И полностью согласимся с его утверждением.

И признаем, что игра как-то соотнесла (мы сознательно используем эти термины и настаиваем на них) В.Золотова с конфликтом вокруг «Трех китов» и «Гранда». А значит, и вокруг БОНИ! И так далее! Повторяю еще раз: В.Золотов мог это сто раз не понимать. Но у игры-то есть свои правила и своя логика. Рассмотрим эту логику.

Она на самом деле вполне прозрачна.

Если некий клан вступает в противоборство с российскими партнерами Эрмарта и других авторов «Раша-гейта», то уже сам этот факт ставит его по одну сторону баррикад с теми группами, которые использовали БОНИ как политико-экономический ресурс своей игры.

И уж тем более тот групповой элитный актор, который СМИ называют «кланом Золотова—Черкесова», просто не мог не оказаться на одной стороне с БОНИ после того, как соприкоснулся с «Тремя китами» (которые, как мы убедились, были в этом самом БОНИ просто «по уши»).

«Так кто с кем воюет?» — спрашиваем еще раз мы себя и читателя. Сколько смыслов у игры?

Перечислим хотя бы самые основные.

Первый и простейший — воюют Демпартия США и Республиканская партия США. Новый имперский Рим своим внутренним конфликтом побуждает конфликтовать провинции, а те оказывают обратное давление на Рим. Есть этот смысл? Да, он есть. Но к нему все не сводится.

Второй, чуть более сложный, но не окончательный смысл в том, что воюют между собой не просто демпартийные и республиканские ставленники в спецслужбах. В рассматриваемую войну вовлечена очень определенная группа внутри прореспубликанской спецслужбистской элиты.

Мы уже обратили внимание на то, как яростно атакует «мини-2» и ее рупор left.ru Ф.Эрмарта и Р.Гейтса.

Мы обратили внимание также на то, что над этим «мини-2» есть БОНИ, а в БОНИ — такой уважаемый человек, как староста Синодального Собора Знамения Божьей Матери в Нью-Йорке, подчиненного РПЦЗ, князь В.Голицын.

Мы также подчеркнули, что В.Голицын — достойный представитель «русской группы» внутри американской элиты. То есть и аристократ, сохранивший в себе «русское чувство», и патриот США.

При этом В.Голицын просто не может не быть интегрирован в весьма влиятельную белоэмигрантско-монархическую диаспору в США. Как ему не быть интегрированным? Но если он в нее интегрирован, то он интегрирован в нее как в целое. А она как целое включает в себя и родственные круги в Европе. Это очень сложный вопрос. Как построены эти круги, как живут и трансформируются внутри них межгрупповые конфликты, несущие на себе отпечаток еще досоветской русской истории?

Просто для того, чтобы поверхностно ввести читателя в подобные смыслы и одновременно не изменить хроникальной природе изложения, я приведу некие высказывания, появившиеся неслучайным образом именно в интересующий нас период.

Я имею в виду статью К.Бенедиктова «Проект «Виндзор» в № 16 журнала «Смысл» за 2007 год. Сразу отметим, что этот номер был своего рода «знаковым». Ведь значительная часть статей этого номера посвящена конфликту вокруг ареста генерала Бульбова и статьи Черкесова. Причем симпатии «Смысла» и его главного редактора М.Шевченко явно на стороне Черкесова.

Статья «Проект «Виндзор» идет под одной рубрикой со статьями о конфликте вокруг Бульбова. Но посвящена она СОВСЕМ ДРУГОМУ… ИЛИ ТОМУ ЖЕ САМОМУ? Это и есть ключевой вопрос.

В любом случае статья Бенедиктова посвящена возможности учреждения в России конституционной монархии. Скажут: «Подумаешь! Кто только об этом не говорит?» Извините, тут важно, кто именно и что говорит. А также когда и в каком контексте.

Привожу высказывание К.Бенедиктова:

«Создается впечатление, что по крайней мере для некоторых групп элит такой вариант (учреждение конституционной монархии. — С.К.) был бы предпочтительнее неустойчивой полупрезидентской системы. (…) Если проект установления в России конституционной монархии существует, то кандидатура принца Майкла Кентского, несомненно, рассматривается в качестве одной из приоритетных».

Принц Майкл Кентский — внучатый племянник Николая II, патрон Российско-Британской торговой палаты и вообще своего рода главный эмиссар Виндзорской династии на российском направлении. В списке кандидатов на российский престол он возникает не в первый раз.

Отметим, что еще в 1996 году британский писатель Фредерик Форсайт написал роман «Икона». В нем сотрудник ЦРУ по фамилии Монк (то есть монах; интересно, какого ордена?) с ведома правительств США и Великобритании предотвращает приход к власти в России фашистских сил. И для стабилизации положения в России учреждается конституционная монархия во главе с неназванным принцем из дома Виндзоров. Биографические и генеалогические сведения о данном принце в изложении Форсайта как-то поразительно совпали с аналогичными данными о Майкле Кентском.

Мало ли сколько написано детективных романов! Я вот тоже являюсь неявным героем каких-то полудетективных описаний. А потому — с возражением «мало ли сколько» согласен! Согласен, что само по себе это ничего не значит. Чуть больший смысл в этом возникает, когда знакомишься с биографией Форсайта и узнаешь, что это не просто автор детективных романов с фактурой, относящейся к разряду «неподударного историзма». То есть такого историзма, который нельзя обвинить в клевете. Начнешь обвинять — автор скажет: «Да это художественный вымысел, помилуйте!»

Но откуда фактура? Это выясняется, когда обнаруживаешь, что Форсайт выступает в роли ответственного апологета (у нас это называется — пиар) по отношению к «частным военным компаниям». Его роман «Псы войны», вышедший еще в 1970-х годах, фактически можно назвать рекламным литературным роликом, пропагандирующим наемничество как вид деятельности. Одновременно Форсайт является близким другом (а в каком-то смысле и партнером) Тима Спайсера. Того самого легендарного владельца компании Aegis, одной из крупнейших частных военных компаний мира, которого мы уже обсуждали выше.

А поняв это, стоит присмотреться к неслучайному роману «Икона».

Роман написан в стиле своеобразного «политического фэнтези». Однако по деталям можно утверждать, что он является не просто результатом неуемной фантазии и реализацией творческого потенциала автора. То есть он является и отражением творческого потенциала, кто спорит! Но в какой-то дозе данный фэнтезийный коктейль содержит и «элитную конъюнктуру».

Да и вообще, Великобритания — достаточно закрытая и традиционная страна, в которой не позволят просто так «поминать всуе» имя одного из членов королевского дома.

Значит, идея «Майкл Кентский как конституционный монарх России» — это не просто какая-то фантазия автора детективных романов, а некий проект, который обсуждается в весьма влиятельных кругах Европы. Роман Форсайта — часть таких обсуждений, некий «пробный шар», вброшенный в общественное мнение с целью определенного зондажа.

Журнал «Смысл» публикует серию статей в духе критики «мини-1» («миди-1» и так далее). Хочет он или нет, он сразу же оказывается в формате «мини-2» (индекс БОНИ). И он же, вроде бы разбирая совершенно внутреннюю тему, встраивает в эту тему идею конституционной монархии во главе с принцем Кентским, поддержанную теми, кого мы обсудили выше. Причем очень важно, как встраивает.

Бенедиктов весьма специфически увязывает тему монархии во главе с принцем Кентским — и российских «силовиков». Свою статью он заключает следующими словами:

> «Фигура принца Майкла Кентского действительно может быть вновь востребована в том случае, если проект создания конституционной монархии все-таки получит одобрение правящих элит. Однако, будет ли дана отмашка на реализацию монархического проекта, пока неясно. В любом случае, без достижения консенсуса между несколькими влиятельными группами силовиков подобный проект неосуществим. А у силовиков к Майклу Кентскому могут быть свои претензии — ведь принц в свое время отдал немало сил и времени работе в военной разведке Великобритании.
>
> Впрочем, как говорилось в старом анекдоте, «остался пустячок — уговорить королеву». Майкл Кентский же не высказывал желания занять российский престол. Однако и не отказывался категорически от этой мысли, как некоторые претенденты из дома Романовых».

Если Майкл Кентский то ли не хочет занимать российский престол, то ли хочет, но глубоко прячет свои желания, зачем писать эту большую статью? А главное — что имелось в виду под

«некоторыми группами элит», для которых вариант с учреждением конституционной монархии был бы приемлемым? Бенедиктов ведь намекает на нечто очень конкретное.

Отметим, что сам Майкл Кентский действительно всячески отказывался комментировать монархическую тему применительно к России. Вот, например, что он говорил в интервью журналу «Итоги» от 6 августа 2007 года:

> «Когда же меня спрашивают о монархии, я, конечно, поддерживаю ее в Великобритании, но вот что касается России, то думаю, что не вправе выступать с комментариями на эту тему, а предоставляю это право исключительно российскому народу».

Если лицо ранга Майкла Кентского само говорит, что не будет комментировать монархическую тему применительно к России, то зачем его почти насильно на престол сажать? Тем более, что такая «посадка на престол» происходит в момент обострения российской клановой коллизии?

А еще отметим, что осенью 2007 года принц Майкл Кентский побывал в России. Одним из мероприятий, в котором он принял участие, было празднование 860-летнего юбилея Москвы 1–2 сентября 2007 года.

4 сентября принц Майкл посетил презентацию конкурса-фестиваля «Императорские сады России» в Санкт-Петербурге.

А вот 5 сентября…

5 сентября принц Майкл посетил морской торговый порт в городе Приморск Ленинградской области. Данный порт известен своим нефтеналивным терминалом, контролируемым компанией «Транснефть». В ходе своего визита Майкл Кентский выразил благодарность губернатору Ленинградской области В.Сердюкову и тогдашнему президенту «Транснефти» С.Вайнштоку за возможность посетить данный терминал.

Здесь стоит указать, что через шесть дней — 11 сентября — глава «Траснефти» С.Вайншток будет снят со своего поста и переведен на должность президента Олимпийской госкорпорации.

Процесс этого перемещения с одного поста на другой был для Вайнштока, мягко скажем, не безболезненным. О накале борьбы вокруг Вайнштока и его поста говорит факт появления в Интернете в течение августа 2007 года различного рода специфических статей — вроде статьи некоего Алексея Девятова на сайте «Новый коготь» и анонимной статьи «Криминальная империя Вайнштока», распространенной по форумам сразу нескольких интернет-сайтов.

Главным содержанием этих материалов компрометационного характера были якобы имеющие место коррупционные отношения между С.Вайнштоком и главой ФСКН В.Черкесовым. Что буквально следует из заголовка статьи Девятова — «Каким бизнесом занят Виктор Черкесов».

Я вовсе не хочу сказать, что отношения Вайнштока и Черкесова реально имели место, а просто фиксирую наличие в интернет-пространстве специфических высказываний на тему об их существовании. А также очень неслучайную временную приуроченность этих анонимных и полуанонимных высказываний. Взявшись за анализ всего этого спутанного клубка сплетен, фактов, компрометации, я раз и навсегда оговорил для себя определенные нормы профессиональной этики. Я их очень подробно описал в начале книги.

Эти нормы должны постоянно применяться ко всем рассматриваемым мною конкретным лицам. Что там сплетни Девятова! Если бы мне показали материалы из разряда несопоставимо более доказательных, я все равно бы сказал, что любой такой материал можно подделать. Я сказал бы это вне зависимости от того, кого бы касались подобные материалы.

Но сплетню-то, в отличие от таких материалов, подделать нельзя! Сплетня тем и интересна для исследователя, что она, по своему внутреннему смыслу и факту появления, абсолютно доказательна. Тогда-то там-то такой-то сочинитель сооружает такую-то сплетню и распространяет ее таким-то образом. Вот вам явление, которое можно пощупать руками. А дальше разбирайтесь — зачем. Называйте это не «сплетня», а «элемент информационной войны». Девятовский материал — это тщательно простроенная профессиональная конструкция, приуроченная к значимому событию… И т. д., и т. п. Это элемент игры! Игры, понимаете? Игре абсолютно наплевать на моральный облик и другие качества тех политических фигур, в чей дом она пришла.

Сидит человек дома, пьет чай, ведет душевный разговор. Игра приходит, садится рядом и говорит: «Ты мне нужен!» Можно, конечно, ответить: «А ты мне нет». Она пожмет плечами — и не уйдет. Дунет, плюнет, свистнет. И вдруг окажется, что это не дом, а Качели. Участники Игры, повторяю, могут быть совершенно не в курсе того, что рядом с их вполне земной и конкретной

деятельностью скручивается и раскручивается клубок. Его нити тянутся в информационную войну, в которой Вайнштока назойливо причисляют к некоему «золотовско-черкесовскому клану». И не просто причисляют, а трактуют его такую клановую принадлежность исключительно как результат некоей криминально-коррупционной взаимной заинтересованности его и Черкесова.

ЛЮДИ, ЛИШЕННЫЕ ИНТУИЦИИ ИГРЫ, ПРОСТО ПОЖМУТ ПЛЕЧАМИ. А ЗРЯ!

Нам скажут: «Жизнь причудлива!» Ну, посещает Майкл Кентский терминалы «Траснефти» в Приморске. И что? Он — патрон Российско-Британской торговой палаты. Он по положению не может не интересоваться деятельностью такой компании, как «Транснефть».

Однако Майкл Кентский появился на терминале в Приморске в очень острый и серьезный момент, когда решалась судьба Вайнштока.

Вайншток — зрелый и квалифицированный элитный игрок. Если бы он считал, что визит Майкла Кентского может усугубить его неприятности, он бы нашел способ перенести или отменить этот визит. Майкл Кентский — тоже очень масштабный и квалифицированный игрок. Его визит не может не быть гирей на чаше весов. Гиря не может быть «антивайнштоковской» (этого сам Вайншток не допустил бы). Значит, она очевидно «провайнштоковская».

Уровень фигуры принца Майкла, вся его биография и вытекающие из нее последствия говорят о том, что экономический ангажемент тут просто исключен. Тут правит бал не примитивная вульгарная денежная мотивация, воспеваемая нашей недозрелой элитой. Тут правит бал Ее Величество Большая Игра…

ИГРА… ИГРА… ИГРА…

Выбранный жанр и тип аналитической оптики не позволяют это все описать. Но и этот смысл игры — существует.

А над ним существуют еще более сложные смыслы.

Такова параполитика без дураков. Без истерик всяких там скандалистов, зацикливающихся на отдельных представителях очень сложного и противоречивого целого. Хочешь понять параполитику — понимай это целое.

Я здесь еще обращу внимание на то, что именно С.Петров (а в понимании его антагонистов и все, на кого он выходит) впервые «засветил» ракетный конфликт, подробно описанный в моей предыдущей книге «Слабость силы».

Так переплелись нити судьбы и интриги. И все, чего я хочу, — чтобы это переплетение не превратилось в удавку, которая задушит и отдельных людей, включенных в рассматриваемую игру и не видящих ее каверз, и страны, народы, регионы… Если хотите, мир. А почему нет? Тот ракетный конфликт уже вполне приобретал характер запала к общемировой «мине». Не такие мелочи запускали всемирные гекатомбы (Первую мировую войну, например).

НЕ ДОПУСТИТЬ, ЧТОБЫ ОПИСАННОЕ ПЕРЕПЛЕТЕНИЕ ПРЕВРАТИЛОСЬ В УДАВКУ — ВОТ И ВСЕ, ЧЕГО Я ХОЧУ. ТОЛЬКО ЭТОГО — НЕ БОЛЬШЕ, НО И НЕ МЕНЬШЕ.

Заключение

Я произвольным образом завершил повествование на определенном этапе Игры. Том этапе, когда чаша весов склонилась на сторону клана, арестовавшего Бульбова.

Я рассмотрел информационную войну, завязавшуюся в окрестности этого ареста. Эта война, маркируемая известной статьей В.Черкесова, кое-кому представлялась лишь частностью, агонией тех игроков, которые начали высказываться по причине отсутствия у них других игровых средств.

Дальнейший ход событий показал, что подобная трактовка вряд ли справедлива. Сохранение В.Черкесовым своих базовых позиций (поста главы Госнаркоконтроля), добавление к этим базовым позициям новых позиций (поста главы Государственного антинаркотического комитета) показало, что словесная полемика отнюдь не являлась выражением агонизирующего бессилия.

Качели, зависнув в этой полемической точке, пошли в противоположную сторону.

Сначала продолжало казаться, что это не вполне так. И что арест первого заместителя министра финансов РФ С.Сторчака, ближайшего соратника вице-премьера и министра финансов РФ А.Кудрина, знаменует собой развитие успеха, созданного ситуацией с Бульбовым. Однако это было не так. Чрезмерное расширение «линии фронта» всегда чревато игровым поражением.

Оно наступило 10 декабря 2007 года, в тот день, когда президент России В.Путин поддержал предложение четырех партий (включая самую крупную — «Единую Россию») о выдвижении Д.Медведева кандидатом в президенты РФ на выборах 2 марта 2008 года.

Если у кого-то и оставались сомнения в смысле этого события, то они были развеяны 17 декабря 2007 года — после того, как В.Путин согласился возглавить правительство в случае победы Д.Медведева на президентских выборах.

Стало ясно: качели действительно качнулись в противоположную сторону… Или, может быть, они уже перестали качаться? Не думаю. Будущее покажет. Но если логика данного исследования отражает реальность, то мы никоим образом не находимся в финале очень большой игры.

Пострадать могут отдельные ее участники. Игра же — нет. Она не может быть преодолена или даже введена в берега без качественного изменения элитной социальной среды.

В существующей элитной социальной среде игра может только усугубляться. Она и будет усугубляться. Рассматриваемый мною игровой сюжет — важен сам по себе. Но в той степени, в какой он существует сам по себе, его нельзя считать абсолютным выражением абсолютной же ситуации.

НУ, ТАК ОН И НЕ БУДЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ «САМ ПО СЕБЕ»!

В силу описанной мною общей игровой логики этот сюжет обязательно выйдет за свои рамки. Он захватит новые и новые сферы. И в конечном счете превратится в суперкачели, организованные по тому же принципу, что и качели.

Для того, чтобы все произошло иначе (а книга, конечно, написана для того, чтобы все произошло иначе), нужно изменение элитной социальной среды. Сила не должна подменять собою власть. Лишь смысл может восстановить власть в ее прерогативах. И лишь власть может восстановить смысл.

Пока дефицит смысла не исчезнет (а этот дефицит лишь нарастает), качели будут все больше определять логику и динамику большого процесса.

В этом специфика российской ситуации. Но в этом же специфика тех процессов, которые давно вырвались за узкие российские пределы.

Это исследование не претендует на истину. Оно не претендует на обнажение каких-то тайных фактур. Оно сознательно отстраняется от всего этого во имя слабой надежды.

В чем надежда? В том, что процессы удастся ввести в нужные берега. Есть только одна возможность это сделать — чем-то восполнить тот дефицит смыслов, который порождает сокрушительную коллизию.

Как ни слаба эта надежда — другой просто не существует. Давайте сделаем все, чтобы эта надежда не оказалась изгнанной из реальности. И пусть каждый делает то, что может.

Известный политолог Сергей Кургинян в своей новой книге рассматривает феномен так называемой «подковерной политики». Одновременно он разрабатывает аппарат, с помощью которого можно анализировать нетранспарентные («подковерные») политические процессы, и применяет этот аппарат к анализу текущих событий. Автор анализирует самые актуальные события новейшей российской политики. Отставки и назначения, аресты и высказывания, коммерческие проекты и политические эксцессы. При этом актуальность (кто-то скажет «сенсационность») анализируемых событий не заслоняет для него подлинный смысл происходящего. Сергей Кургинян не становится на чью-то сторону, не пытается кого-то демонизировать. Он выступает не как следователь или журналист, а как исследователь элиты. Аппарат теории элит, социология закрытых групп, миропроектная конкуренция, политическая культурология позволяют автору разобраться в происходящем, не опускаясь до «теории заговора» или «войны компроматов».